UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00324493 6

LR
Mordovtsev, Daniil Lukich

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ ИСТОРИЧЕСКИХЪ РОМАНОВЪ, ПОВѢСТЕЙ
И РАЗСКАЗОВЪ Кн. 28-32.

ДАНИЛЫ ЛУКИЧА МОРДОВЦЕВА

Polnoe sobranie istoricheskikh romanov
... pt. 28-32.

Кн. 28.

КАВКАЗСКІЕ КУРОРТЫ

РАЗСКАЗЫ ИЗЪ ЖИЗНИ
ПОДЪ ЭЛЬБРУСОМЪ И ДР.

4943
7 7

Издательство П. П. Сойкина
Типографія
Петроградъ, Стремянная, 12, собств. д.

PG
3467
M8
1914
kn. 28-32

Mordovtsev, Daniil Lukich
... Полное собраніе историчес
романовъ... Кн. 28-32.

КАВКАЗСКІЕ КУРОРТЫ.

Разсказы изъ жизни подъ Эльбрусомъ и др.

Polnoe Sobranie istorich eskikh
Romanov... pr. 28-32.
494373
7.7.49

КИСЛОВОДСКЪ - ЭТО РАЙ!

Условная быль.

I.

Едва изъ-за покатаго гребня Елисаветинской горы выглянуло солнце и позолотило верхніе сады слободки Кисловодска съ ея пестрыми, живописно раскинутыми по склону горы домиками, какъ Очеретянинъ быстро поднялся съ постели, вспомнивъ, что на сегодня назначена прогулка къ замку Коварства и Любви, и, торопливо одѣвшись, прошелъ паркомъ до галлереи Нарзана. Тамъ, принявъ освѣжающую ванну этого, чудотворнаго для умственно переутомленныхъ, источника и выпивъ послѣ того стаканъ кофе за однимъ изъ столиковъ Колодяжнаго, онъ снова, черезъ галлерею, спустился въ тополевую аллею, чтобы мимо мельницы и сада подняться къ Хлудовской больницѣ, гдѣ назначенъ былъ сборный пунктъ участниковъ задуманной прогулки.

Тамъ уже собралась небольшая группа «всемірныхъ путешественниковъ», какъ назвали себя участники прогулокъ по окрестнымъ горамъ и балкамъ. «Всемірные путешественники» были разнаго пола и возраста.

— А! Вотъ идетъ и нашъ «Андрэ», обѣщающій провести насъ къ сѣверному полюсу,—замѣтилъ Шарковъ, молодой брюнетъ «на бѣлой подкладкѣ», указывая на приближавшагося Очеретянина.

Шарковъ «на бѣлой подкладкѣ» названъ былъ такъ за бѣлую подкладку своего студенческаго сюртука. А Очеретяшина потому назвали именемъ «Андрэ» воздухоплавателя, что онъ былъ просто Андрей Николаевичъ.

Послѣдній поздоровался со всѣми.

— Такъ вы доведете насъ до Замка сухимъ путемъ, и намъ ни разу не придется переходить въ бродъ черезъ Ликоновку?— спросила его молоденькая бѣлокурая курсистка, Шетнева.

— Ни разу, будьте покойны,—отвѣчалъ пришедшій.

— То-то. А то, когда мы ѣздили къ Замку верхами, то раза три или четыре переѣзжали черезъ Ликоновку.

— Не бойтесь, Вѣра Петровна: если Ликоновка и претградитъ намъ путь, то мы на рукахъ перенесемъ васъ черезъ бурный потокъ,—любезно поклонилась «бѣлая подкладка».

— На рукахъ возьмутъ тя, да не преткнеши,—сострилъ Вихровъ, немножко декадентъ.

— И не упадешь, какъ падаютъ наши «упадочники»,— подзадоривала «бѣлая подкладка».

— Ну, ужъ если падетъ курсъ, то это на бѣлыя подкладки,—отпарировалъ Вихровъ.

Болтая такимъ образомъ, «всемірные путешественники» оставили за собою послѣднія строенія Кисловодска и пологимъ углубленіемъ стали подниматься въ гору.

Разговоръ зашелъ о современныхъ теченіяхъ въ литературѣ, о поэзіи, объ искусствѣ. На сцену выступили и «марксизмъ», и «народничество», и «декадентство»...

— Декадентство!—горячо заговорилъ Вихровъ.—Надъ нимъ принято издѣваться. Но, господа, всякое новое явленіе встрѣчается недовѣріемъ, насмѣшками. Развѣ Гоголя сразу оцѣнили? Сколько критической пыли наглотался онъ отъ издыхавшаго романтизма и рутины, противъ которой мы всѣ безсильны. Всякое новое явленіе въ литературѣ и искусствѣ—это попытки отыскать новые пути для творчества.

— Не говорите, господинъ Вихровъ, что всякое новое явленіе встрѣчается недовѣріемъ и насмѣшками,—заговорилъ молчавшій до сихъ поръ Хозяичъ, красивый брюнетъ съ серебромъ въ бородѣ.—Вотъ хотя бы марксизмъ этотъ... Явленіе самоновѣйшее, а какъ къ нему потянулись симпатіи тѣхъ, кто

еще такъ недавно преклонялся предъ кумирами народничества: ихъ вѣдь сбили съ пьедесталовъ...

— А инымъ и носы поотбивали,—засмѣялся Шарковъ.

— А декадентство,—возразилъ было Вихровъ.

— Ну, декадентству прикрыли ужъ «блѣдныя ноги»,—какъ бы про себя процѣдилъ Очеретянинъ.

Компанія поднималась уже на возвышеніе, откуда открывалась очаровательная панорама сѣроватыхъ изломовъ горъ за Подкумкомъ, гребни Елисаветинской и сосѣднихъ горъ, предгорій великаго хребта, и въ дымкѣ дали—туманный, синеватый силуэтъ Бештау. По долинѣ Подкумка еще колебался и таялъ въ воздухѣ утренній паръ.

— Ахъ, Вѣра, какая прелесть! Посмотри на всю эту картину! Я отсюда еще не видала Кисловодска и всего этого... Вонъ Крестовая гора: она точно поникла подъ наступающими на нее съ юга великанами... А эта кайма тополей, какъ бы бѣгущая за теченіемъ Ольховки и прикрывающая ее своею зеленью... Эта нитка желѣзной дороги съ бѣгущими по ней вагонами, такими крошками точно игрушки... А тамъ, лѣвѣе, зелень, въ которой тонетъ станица Кислая... А тамъ вонъ я вижу даже выступы Кольца-горы... Это что-то волшебное... Какъ я я понимаю горцевъ, которые когда-то отстаивали отъ русскихъ этотъ рай, ихъ родину!.. Сколько тутъ крови пролито!..

Такъ говорила Галя Беркутъ, выпускная гимназистка, высокенькая брюнетка южнаго типа съ роскошною косой, въ которую вплетена была красная малороссійская «стричка».

— Я сама тоже думала, когда въ первый разъ побывала на Кавказѣ, да не здѣсь только, а тамъ, въ глубинѣ горъ, въ Чечнѣ, въ Дагестанѣ, въ Абхазіи, и когда не разъ проѣзжала по военно-грузинской дорогѣ,—замѣтила съ своей стороны Шетнева,—да, нелегко было горцамъ терять этотъ рай. Если намъ милы и дороги какія-нибудь тамбовскія степи или рязанскія равнины потому только, что то наша родина, то какъ же дорога должна быть горцу его родина, этотъ перлъ природы, этотъ эдемъ!

— А они не разбойничай,—вставила «бѣлая подкладка».

— Легко сказать, не разбойничай, когда ихъ со всѣхъ сторонъ тѣснили и отнимали у нихъ пастбища, луга,—замѣтилъ Хозаричъ.—Впрочемъ, это обыкновенный ходъ исторіи, такъ

когда-то стояло дѣло и въ Крыму... Кто остановитъ переносные, надвигающіеся пески? Они занесли собою половину Средней Азіи, Монголію, Тибетъ, гдѣ когда-то кипѣла жизнь и буйно расцвѣтала растительность... Такъ и тутъ: съ сѣвера постепенно надвигались переносные живые пески, нѣчто стихійное въ движеніи человѣческихъ массъ.

— Но вѣдь страдали и погибали эти, здѣшніе, а не тѣ, которые надвигались,—горячо возражала Шетнева.

— Правда, правда, Вѣрочка,—согласилась Галя, вся раскраснѣвшаяся отъ волненія,—эти страдали, а не тѣ.

— Страдать можно и безъ надвиганія живыхъ песковъ!—лукаво замѣтилъ Шарковъ, вынимая изъ кармана папиросницу.—Вонъ вчера я видѣлъ на Крестовой горѣ, какъ какая-то Галя начертила на крестѣ о своихъ страданіяхъ стихами Шевченка:

По тимъ боци моя доля,
По симъ боци—горе!

При этихъ словахъ Галя Беркутъ покраснѣла до корня волосъ.

— Какое же горе можетъ быть у этой, безъ сомнѣнія, очень юной особы и, по всей вѣроятности, у гимназистки?—продолжалъ Шарковъ.—У нея и горе должно быть только гимназическое, дурной баллъ на экзаменѣ. Но въ такомъ случаѣ стихи слѣдовало бы измѣнить такимъ образомъ:

По тимъ боци мое горе,
По симъ боци—воля.

— «По тимъ боци»: въ гимназіи, значитъ, гдѣ въ журналѣ торчитъ двойка,—не унимался бѣлоподкладочникъ.

— Я никогда двоекъ не получала!—чуть не со слезами проговорила Галя.

— А! Такъ это вы?—съехидничалъ Шарковъ.

Всѣ засмѣялись, кромѣ Очеретянина и Хозарича.

Но тутъ выступила маленькая Женя, двѣнадцатилѣтняя сестренка Гали, которая все время занята была собираніемъ цвѣтовъ и не участвовала въ общемъ разговорѣ.

— Это вы мстите Галѣ за то, что въ воскресенье она не пошла съ вами танцовать!—задорно отрѣзала дѣвочка.

— Браво, браво, маленькая барышня!—въ одинъ голосъ проговорили Очеретянинъ и Хозаричъ.

— Что, срѣзались?—засмѣялся Вихровъ.—Маленькая гимназія дала отпоръ большому университету. Подѣломъ.

— Ахъ, закройте ваши «блѣдныя ноги»!—огрызнулся Шарковъ.

— Чѣмъ прикажете? Развѣ вашей бѣлой подкладкой?—платилъ тѣмъ же декадентъ.

— Полно вамъ пикироваться, господа,—сказалъ Очеретянинъ.—Мы приближаемся къ Орѣховой балкѣ, гдѣ я вамъ покажу гротъ Печорина.

— Какъ? гротъ Печорина?—спросила Вѣрочка Шетнева.

— Да, гротъ Печорина, гдѣ онъ оплакивалъ смерть Бэлы и Грушницкаго, погибшихъ по его винѣ,—улыбнулся Очеретянинъ.

Пройдя ровную площадь, поросшую высокой травой, пестрѣвшей цвѣтами, на которые жадно набросилась Женя, путники наши очутились у крутого обрыва, спускавшагося въ глубокую балку.

— Надо взять лѣвѣе: тамъ спускъ,—сказалъ Очеретянинъ.

Повернувъ влѣво, они очутились у начала протоптанной тропы и стали спускаться.

Очеретянинъ повернулъ вправо, идя точно по каменному карнизу.

— Куда же вы?—спросилъ Хозаричъ.

— Къ гроту Печорина... Осторожнѣе, барышни, не оступитесь; держитесь за траву и кусты.

Скоро открылся и гротъ, натуральная глубокая пещера подъ скалою, ночное убѣжище птицъ.

— Ахъ, какая прелесть!—воскликнула Женя.—Я тутъ разберу свои цвѣты.

— Да, не мѣшаетъ, милая барышня, а то вы набрали цѣлый возъ травы,—ласково проговорилъ Хозаричъ, помогая дѣвочкѣ подняться въ гротъ.

Тѣнистая, прохладная пещера привела всѣхъ въ восторгъ. Послѣ нѣсколькихъ верстъ перехода подъ солнцемъ, которое уже съ половины пути стало палить нестерпимо, казалось блаженствомъ отдохнуть въ тѣни прохладнаго грота. Мужчины,

расположившись, кто какъ могъ, закурили папиросы, а барышни занялись цвѣтами.

— Такъ здѣсь бывалъ Печоринъ?—спросила Галя, обращаясь къ Очеретянину.

— Да, здѣсь бывалъ, если только онъ былъ на свѣтѣ, — улыбнулся послѣдній.

— Ахъ, да, понимаю,—улыбнулась и Галя.

— А я иначе понимаю,—серьезно сказала Шетнева.—для меня—что создано художественно, то я понимаю какъ дѣйствительно бывшее. Отчего же я плакала надъ ужасной смертью Гектора, который, можетъ быть, жилъ только въ воображеніи поэта, а горе Андромахи было моимъ личнымъ горемъ?

— Я съ вами согласенъ,—проговорилъ Вихровъ,—я не могу видѣть колоннъ дома Реброва, чтобы не вспомнить Печорина, спускающагося между этихъ колоннъ и заглядывающаго въ окно подло оскорбленной имъ бѣдной княжны Мери, а подъ Кольцомъ-горою, на берегу Подкумка, я вижу, мнѣ сдается, какъ этотъ хлыщъ Печоринъ дерзко цѣлуетъ ту же беззащитную дѣвушку.

— У васъ очень пылкое воображеніе, видящее даже непокрытыя «блѣдныя ноги»,—задорно замѣтилъ Шарковъ.

— А ваше, кромѣ «бѣлой подкладки», не видитъ, кажется, ничего,—отпарировалъ Вихровъ.

— Вы опять за свое, господа ерши?—засмѣялся Очеретянинъ.—Бурлятъ, точно Нарзанъ.

— Который: прежній, или нынѣшній? До каптажа Ругевича, или послѣ каптажа?—улыбнулся Хозаричъ.

На эту остроту никто не отвѣчалъ, тѣмъ болѣе, что Очеретянинъ предложилъ продолжать путь къ Замку.

— И отлично, а то я ужъ проголодалась,—замѣтила курсистка, поднимаясь и оправляя платье.

— И я хочу шашлыка,—согласилась старшая Беркутъ.—Идемъ.

Спустившись на дно балки и перешагнувъ по камнямъ ручей, бѣжавшій по руслу балки и впадавшій въ Ликоповку, путники наши продолжали итти вверхъ правымъ берегомъ этой быстрой, хотя неглубокой рѣчки. Она шумно бѣжала, какъ бы втиснутая въ скалистыя, изломанныя рамки, причудливыми и грозными великанами вставшія по обоимъ ея берегамъ.

— Воображаю, сколько тысячелѣтій нужно было поработать этой рѣчонкѣ, чтобы прорыться среди этихъ каменистыхъ великановъ до настоящаго своего русла,—задумчиво проговорилъ Хозаричъ, осматривая зубцы скалъ.

— Какъ знать? А можетъ быть, когда еще формировалась поверхность земли и образовывался весь Кавказскій хребетъ чрезъ сморщиванье, какъ говорятъ, постепенно остывавшей земной коры, образовались и эти морщины, гранитныя морщины на старомъ лицѣ нашей планеты, по которымъ и бѣжитъ тысячелѣтія эта Ликоповка, видѣвшая, можетъ быть, и Помпея съ римскими легіонами, гонявшагося за Митридатомъ, и великое переселеніе народовъ,—замѣтилъ Очерстянинъ.

— Можетъ быть, и такъ: тогда Ликоновкѣ не пришлось много трудиться въ готовыхъ старческихъ морщинахъ,—согласился Хозаричъ.

— Морщины!—какъ бы про себя проговорила Шетнева.— Весь Кавказъ, какія страшныя морщины на лицѣ земли!

— А Гималаи еще страшнѣе,—замѣтилъ Вихровъ.

— Да, страшнѣе даже «блѣдныхъ ногъ»,—вставилъ Шарковъ.

— Но не страшнѣе «бѣлой подкладки»,—былъ отвѣтъ.

— А вонъ и Замокъ,—сказалъ Очеретянинъ.—Да здравствуетъ «Любовь» безъ «Коварства».

II.

Кто не былъ въ Кисловодскѣ и лично не посѣщалъ такъ называемаго Замка Коварства и Любви, того едва ли удовлетворитъ самое тщательное описаніе этого не единственнаго каприза природы, которая такъ разнообразна въ своемъ художественномъ творчествѣ. Своимъ капризомъ, понятнымъ, быть можетъ, однимъ геологамъ, а то, пожалуй, и имъ непонятнымъ, она придала причудливую красоту правому берегу Ликоновки при соединеніи съ ея русломъ русла одной глубокой балки, какъ бы воздвигнувъ на углу этого соединенія величественный и грозный замокъ изъ природныхъ скалъ, нагроможденныхъ одна на другую. Впрочемъ, я напрасно назвалъ капризомъ природы созданіе этого нерукотворнаго замка, потому что природа сама повинуется таинственнымъ, управляющимъ ею и всею

вселенною законамъ. Это-то таинственное и создало Замокъ Коварства и Любви. Надъ гигантскимъ массивомъ этой нерукотворной крѣпости высятся къ небу двѣ прямыя скалы, необыкновенное подобіе прямыхъ, высокихъ башенъ, изъ которыхъ особенно одна, возносящаяся надъ самой стремниной, вызываетъ въ зрителѣ полную иллюзію, видѣніе настоящаго замка.

Почему съ этой скалой соединены представленія о «любви» и «коварствѣ», это уже много разъ объяснялось въ печати. Легенда, такая же, быть можетъ, безосновательная, какъ и многія легенды, гласитъ, будто бы нѣкія любящія существа, нѣкто мужественный о н ъ и прекрасная о н а, будучи, по волѣ злого рока или злыхъ, а скорѣе глупыхъ людей, лишены возможности соединиться матеріально, какъ они соединились уже духовно, сердцами, и даже, что весьма вѣроятно, поцѣлуями, рѣшились умереть вмѣстѣ, рипувшись въ пропасть со скалы Замка, чтобы навѣки соединиться т а м ъ, гдѣ и т. д. Это т а м ъ вѣдь такъ извѣстно людямъ, какъ свои пальцы... Итакъ, стоя на краю бездны, «онъ» и «она», поцѣловавшись всласть въ послѣдній разъ, ринулись... «Онъ»-то ринулся и разбился вдребезги, какъ подобаетъ глупому мужественному мужчинѣ, одержимому любовью, а «она», будто бы изъ «коварства», отскочила отъ бездны и осталась цѣла, хотя я не вѣрю ея «коварству». Нѣтъ, «она» была слишкомъ невинна и чиста, чтобы прибѣгнуть къ «коварству», а просто она, какъ слабая женщина, струсила, и потому инкриминируемую скалу слѣдовало бы назвать замкомъ «Любви и Трусости», хотя злые языки увѣряютъ, что «ей» наканунѣ рокового рѣшенія понравился красавецъ-драгунъ, а по другимъ сказаніямъ—очаровательный черкесъ, тотъ, о которомъ еще графиня Ростопчина писала:

Въ горахъ я встрѣтила черкеса,—
И...

Теперь на Замкѣ развѣвается флагъ, а у подножія его раскинуты палатки для гостей, и привѣтливо разставлены столики.

Наши «всемірные путешественники», достигнувъ этихъ палатокъ, тотчасъ заказали для себя яичницу и шашлыкъ, а пока то и другое готовилось, солидные мужчины, Хозяричъ и Очеретянинъ, усѣлись въ тѣни отдохнуть, а несолидные мужчины, Шарковъ и Вихровъ, и рѣзвыя барышни, Вѣра Шетнева и Галя

и Женя Беркуты, полѣзли вверхъ, чтобы вскарабкаться къ самой башнѣ съ болтавшимся на ея вершинѣ трехцвѣтнымъ флагомъ.

Первою искательницею новыхъ ощущеній оказалась, конечно, маленькая Беркутъ, для которой были новы почти всѣ ощущенья бытія, все еще неизвѣданное.

— Только крѣпче держись за веревку, Женя,—предостерегала дѣвочку старшая сестра,—это тебѣ не гигантскіе шаги.

— Смотрите, чтобъ у васъ не закружилась голова,—предостерегалъ ее и Вихровъ.

— О! У меня никогда не кружится голова,—храбро отвѣчала Женя.

— Понятно, рано еще: закружится не раньше шестого или седьмого класса, — сказалъ Шарковъ, вызывающе взглянувъ на старшую Беркутъ.

Та, конечно, поняла намекъ и не осталась въ накладѣ.

— У иныхъ она и никогда не кружится, если кружиться печему,—отплатила она, взглянувъ, въ свою очередь, на голову Шаркова.

Женя, какъ кошка, вскарабкалась уже наверхъ.

— Ахъ, какъ хорошо!—воскликнула она.—Мнѣ кажется, что я уже на небѣ! Такъ и хочется полетѣть по воздуху.

— Нѣтъ ужъ, лучше не летайте, дождитесь меня,—сказалъ Вихровъ, карабкаясь на скалу.

— Теперь ваша очередь,—замѣтила курсистка Шаркову.

— Отчего же не ваша?—спросилъ тотъ.

— На мнѣ длинное платье: мнѣ неудобно лазить.

— А я полѣзу,—сказала Галя.

— За своею «долею», что «по тимъ боци»,—не унимался Шарковъ.

— Нѣтъ, за «бѣлою подкладкой», что «по симъ боци»,—не спустила восьмиклассница.

— О, какой каламбуръ!—засмѣялась курсистка.

По тимъ боци моя доля,
По симъ боци—горе.

«Бѣлая подкладка», значитъ, «горе», и оно «по симъ боци»,—добавила она, показывая глазами на Шаркова.

Послѣдній не выдержалъ насмѣшки и сталъ молча караб-

каться на скалу. Когда онъ былъ уже на вершинѣ, старшая Беркутъ тоже взялась за веревку.

— Это я на высшіе женскіе подпимаюсь,—засмѣялась она.

— Желаю успѣха,—улыбнулась курсистка.

Между тѣмъ, внизу Очеретянинъ и Хозаричъ, прихлебывая изъ стакановъ холодное кахетинское вино, мирно бесѣдовали о прошломъ Кавказа.

— Меня удивляетъ разнорѣчіе показаній римскихъ и греческихъ писателей древности,—говорилъ Хозаричъ.—У Плинія, я помню, въ «Historia naturalis», Варронъ свидѣтельствуетъ, что «иберы», по-гречески «иверы», поселились въ Испаніи, и оттого Испанія въ древности называлась Иберіею. А Діонисій Періэгетъ, который жилъ послѣ Варрона и Плинія, увѣряетъ, что между Каспійскимъ и Чернымъ морями живетъ народъ—«восточные иберы», именно «восточные», которые нѣкогда съ Пиренеевъ пришли на востокъ и воевали съ гирканами, жившими у Гирканскаго, т. е. Каспійскаго моря. Но мнѣ кажется, что Аппіанъ, писатель 11-го вѣка, правильнѣе смотритъ на дѣло. Онъ въ своей «Римской исторіи», именно въ «Proœmium», говоритъ, что Митридатъ, гонимый Помпеемъ, вторгся въ Арменію и, разбивъ армянъ и иберовъ, которые сопротивлялись ему, сражаясь дротиками и пращами, дошелъ до какой-то тутъ рѣки, помнится Ансара, и поясняетъ, «что азіатскихъ иберовъ» (значитъ, были и не азіатскіе) многіе считаютъ происходящими отъ европейскихъ иберовъ или же выселившимися изъ Европы. И тутъ же добавляетъ, что, по мнѣнію другихъ, оба эти народа, кромѣ имени, ничего общаго между собою не имѣютъ, и что по нравамъ и языку совсѣмъ не похожи другъ на друга.

— Послѣднее всего вѣроятнѣе,—замѣтилъ Очеретянинъ.—Исторія говоритъ намъ о переселеніи народовъ только съ востока на западъ, но никогда — въ обратномъ направленіи. Странно было бы иберовъ-грузинъ считать родопачальниками иберовъ-испанцевъ, а Иверію-Грузію матерью Иверіи-Испаніи. Довольно того, что Иверія дала Россіи икону Иверской Божіей Матери, икону, наиболѣе почитаемую русскимъ народомъ.

— Конечно,—согласился Хозаричъ.

Въ это время слуга-осетинъ сталъ накрывать передъ ними столъ на семь персонъ.

— Что, ягнята готова?—спросилъ Очеретянинъ.

— Сейчасъ будетъ готова,—отвѣчалъ слуга, перекидывая салфетку съ одного плеча на другое.

Очеретянинъ всталъ и, обращаясь къ группѣ молодежи, стоявшей на вершинѣ Замка, закричалъ:

— Милостивыя государыни и милостивые государи, яичница готова! Торопитесь, а то передѣлается.

Проголодавшаяся молодежь мигомъ спустилась внизъ.

— Что, у нихъ дѣло еще не дошло до дуэли?—спросилъ Очеретянинъ, обращаясь къ курсисткѣ.

— Нѣтъ... Но вѣдь они не похожи ни на Печорина, ни на Грушницкаго,—улыбнулась та.

— Да и среди нашихъ дамъ нѣтъ прелестной княжны Мери,—задорно сказалъ Шарковъ,—не за кого драться.

Яичница была скоро съѣдена и запита кахетинскимъ.

— За здоровье мужественной дѣвицы, Евгеніи Игнатьевны, которая первая достигла сѣвернаго полюса! — провозгласилъ Вихровъ, поднимая свой стаканъ.—Ура!

— Ура!—подхватили другіе и стали чокаться.

Женя вся раскраснѣлась отъ восторга.

Скоро явился и дымящійся ароматный шашлыкъ.

— Изъ карачаевскаго барашка?—спросилъ Очеретянинъ.

— Изъ карачаевскаго,—отвѣчалъ слуга.

— А знаете, барышни, отчего карачаевскіе барашки вкуснѣе всѣхъ барановъ на Кавказѣ?—спросилъ Хозяричъ.

— Отчего?—спросили тѣ съ любопытствомъ.

— Вотъ отчего. Нѣсколько вѣковъ тому назадъ, родоначальникъ нынѣшнихъ карачаевцевъ, крымскій князь Карача, вышелъ со своимъ племенемъ изъ Крыма и, долго скитаясь по горамъ, поселился у верховьевъ рѣки Баксана, что вытекаетъ изъ ледниковъ Эльбруса. Осѣвшись тутъ, карачаевцы стали строить мостъ черезъ Баксанъ. А ниже ихъ по Баксану жили кабардинцы. Увидавъ плывущія по ихъ рѣкѣ щепки, они очень удивились и догадались, что выше ихъ живутъ какіе-то пришельцы. Кабардинскій князь Кази-Магома, узнавъ объ этомъ, вскипѣлъ гнѣвомъ, что какіе-то невѣдомые люди самовольно поселились на его земляхъ, и, собравъ сильный отрядъ, пошелъ наказать ихъ. Но, увидѣвъ, что карачаевцы скромно живутъ въ мѣстности, ему совсѣмъ непригодной, позволилъ имъ остаться тамъ и только наложилъ на нихъ дань скотомъ.

— Ну, Женя совсѣмъ не кушаетъ, заслушалась сказки,— улыбнулась курсистка.

— Это вовсе не сказка, а исторія,—возразила Женя.

— Правда, милая барышня, это настоящая исторія,—подтвердилъ Хозаричъ.—Ну-съ, прошло нѣсколько лѣтъ, и Карача, не считая себя подданнымъ кабардинцевъ, пересталъ платить имъ дань, и когда Кази-Магома отправилъ къ Карачѣ посланцевъ за данью, то послѣдній послалъ ему паршивую собаку. Понятно, Кази-Магома воспылалъ гнѣвомъ и пошелъ на карачаевцевъ войной. Тѣ, конечно, струсили, ихъ было мало, а кабарды много, и, побросавъ все, удалились въ горы, къ сванетамъ, племеннымъ врагамъ кабардинцевъ, прося ихъ помощи. Сванеты охотно отрядили отъ себя удальцовъ для Карачи, и послѣдній, явившись вновь въ Кабарду съ вспомогательнымъ отрядомъ, засѣлъ въ лѣсу около того мѣста, гдѣ паслись стада самого Кази-Магомы, откуда все было видно и слышно, что происходило въ кабардинскомъ кошѣ. Вотъ и видятъ карачаевцы и сванеты, что главный чабанъ стадъ Кази-Магомы поймалъ самаго лучшаго барана и сталъ дѣлать надъ нимъ обычное омовеніе, говоря вслухъ: «Если Аллахъ избавитъ насъ въ эту ночь отъ нападенія проклятаго Карачи, то мы принесемъ этого барана завтра утромъ въ курманлыкъ».

— А что такое курманлыкъ?—вся поглощенная вниманіемъ, спросила Женя.

— Это жертвоприношеніе, милая дѣвочка,—отвѣчалъ Хозаричъ.—Ну-съ, когда пастухи улеглись спать и крѣпко заснули, Карача захватилъ ихъ стада, а самихъ пастуховъ перевязалъ и, показывая на приготовленнаго въ курманлыкъ барана, сказалъ имъ: «Отведите этого барана къ своему господину и скажите ему, чтобъ онъ явился ко мнѣ для мирныхъ переговоровъ, а иначе пусть прощается со всѣми своими стадами, со всѣмъ своимъ богатствомъ». Нечего дѣлать, Кази-Магома явился для переговоровъ и увидѣлъ своего противника сидящимъ на огромномъ камнѣ. Такъ какъ Кази упрямился, не соглашаясь на условія, предложенныя Карачею, то послѣдній пришелъ въ такую ярость, что вскочилъ съ камня и такъ сильно на него опустился, что камень съ оглушительнымъ громомъ раскололся на четыре части. «Такъ попробуй же взять у меня свои богатства силою!» закричалъ Карача и привелъ въ такой ужасъ ка-

бардинцевъ, что они подчинились всѣмъ условіямъ страшнаго Карачи. Карачаевцы и теперь показываютъ камень, шійся начетверо подъ сидѣньемъ ихъ родоначальника-богатыря. А отъ того барана, котораго обмыли кабардинцы, чтобы принести въ курманлыкъ, произошли всѣ карачаевскіе бараны и вотъ этотъ самый, котораго мы ѣдимъ. Оттого онъ и вкусный такой... Я сказалъ!..—закончилъ Хозаричъ свое сказанье.

— Браво!—воскликнули его слушатели.

Въ это мгновеніе, внизу, по каменистому грунту дороги простучали конскія копыта.

— А! Это драгунъ съ «ночною бабочкой»,—сказалъ Шарковъ и пытливо посмотрѣлъ на старшую Беркутъ.

Галя вся зардѣлась, а потомъ, черезъ мгновеніе, сильно поблѣднѣла. Эту игру чувствъ на лицѣ молодой дѣвушки замѣтилъ одинъ Шарковъ и злобно посмотрѣлъ внизъ на подъѣзжавшаго драгуна.

Но пріѣхавшіе, драгунъ и его дама въ амазонкѣ и бѣлой папахѣ, переѣхавъ вбродъ Ликоновку, остановились внизу у коновязей, и драгунъ, ловкимъ движеніемъ ссадивъ свою дамочку съ сѣдла, бросилъ поводья подбѣжавшему казаку и повелъ амазонку черезъ мостикъ къ нижнимъ палаткамъ, не поднимаясь къ группѣ нашихъ путниковъ, которыхъ отдѣляла отъ новопріѣзжихъ бурная Ликоновка.

Шарковъ, исподлобья взглянувъ на старшую Беркутъ, со вздохомъ, искусственно продекламировалъ, глядя на ту сторону рѣчки:—Охъ!

По тимъ боци моя доля,
По симъ боци—горе!

— А все-таки Галя не танцовала съ вами и не будетъ танцовать!—выпалила младшая Беркутъ, сверкая черными хорошенькими глазками.

Всѣ о чемъ-то стали догадываться... Любовь, видимо, чуялась въ атмосферѣ. Но вѣдь любовью насыщена вся атмосфера Кисловодска... Должно же разрядиться электричество...

III.

Кисловодскъ недаромъ называютъ «прибѣжищемъ любви» и «разрѣшителемъ любовныхъ романовъ» какъ до сихъ поръ Гранаду называютъ «городомъ фонтановъ».

Дѣйствительно, завязавшіяся на первыхъ группахъ, въ Пятигорскѣ, Желѣзноводскѣ и Ессентукахъ, знакомства и сближенія неизбѣжно, почти всегда, разрѣшаются трогательными, иногда трагическими романами въ Кисловодскѣ. Такова атмосфера этого живописнаго уголка Кавказа. Разрѣженная-ли на высотѣ 2,700 футовъ и чуждая міазмовъ атмосфера, или бодрящій и возбуждающій Нарзанъ причиною этого явленія, трудно рѣшить, но только замѣчено, что даже старенькіе, подтопгавшіеся генералы какъ бы молодѣютъ въ Кисловодскѣ и начинаютъ пошаливать въ честь бога Эроса, всѣмъ своимъ видомъ и поведеніемъ заявляя: «А я еще могу»...

А о молодежи ужъ и говорить нечего: передъ молодостью безсильна не только философія г. Меньшикова, но и аскетическая проповѣдь Вл. С. Соловьева и даже гр. Л. Н. Толстого... Природа такой деспотъ, котораго не представляетъ исторія всего человѣчества.

И наши «всемірные путешественники» не составляли исключенія. Изъ глазъ каждаго и каждой изъ нихъ въ толкахъ о «марксизмѣ», «народничествѣ», «декадентствѣ», «символизмѣ» и о «высшихъ курсахъ» нѣтъ-нѣтъ да и выглянетъ маленькій плутишка Эросъ. Даже о маленькой Женѣ можно сказать словами безсмертнаго Василія Кирилловича Тредьяковскаго, при взглядѣ на ея розовенькія щечки съ ямочками:

> А на щечкахъ ямки двѣ, да и тѣ отверсты:
> Плутъ Кудилдо въ нихъ сидитъ, томно сложа персты...

Въ этихъ «ямкахъ» сидѣлъ стройненькій кадетикъ, Ганя Прыщиковъ, который на зеленыхъ скамьяхъ кисловодскаго парка и на деревьяхъ Царской площадки писалъ слово «кадетъ» съ буквою я т ь, и съ которымъ Женя постоянно упражнялась на гигантскихъ «шагахъ», громко хохоча при каждомъ столкновеніи, тогда какъ будущій воинъ немилосердно краснѣлъ, что заставляло Женю хохотать еще звонче, а вечеромъ вспоминать, сколько разъ они на день сталкивались.

На возвратномъ пути отъ замка Коварства и Любви Галя Беркутъ была очень задумчива. Но спутники ея не обращали на это вниманія, полагая, что это просто отъ усталости, тѣмъ болѣе, что было очень жарко.

— Нѣтъ, Василій Борисовичъ, это нѣчто или нездоровое;

патологическое, или неискреннее, вымученное,—говорилъ Очеретянинъ, обращаясь къ Вихрову.—Еще Поль Верлэнъ, родоначальникъ вашихъ декадентовъ, въ своемъ пьяномъ бредѣ и проявляетъ проблески поэзіи, иногда выражаетъ очень тонкія ощущенія, на что вообще способенъ больной мозгъ, даже въ порывахъ безумія.

— Но въ томъ-то и загадка, Андрей Николаевичъ, что современная наука нашла тѣсное соприкосновеніе между безуміемъ и геніальностью, даже между эпилепсіею и творчествомъ высшаго порядка,—возразилъ Вихровъ.

— Да, вы разумѣете эпилептика Магомета, безумца Наполеона, гепія и преступника въ одномъ лицѣ...

— Да хоть бы и эпилептика Достоевскаго съ его творчествомъ высшаго порядка.

— Допустимъ. Но что вы скажете о Малармэ, о Метерлинкѣ, о Шарлѣ Гюисманѣ съ его «запахами звуковъ», съ его «музыкою цвѣтовъ» и съ его «голубыми звуками»? Что вы скажете о томъ же Метерлинкѣ, одинъ герой котораго говоритъ своей героинѣ: «Не закрывай же глаза, когда я цѣлую тебя! Я хочу видѣть поцѣлуи, видѣть, какъ они вибрируютъ въ твоемъ сердцѣ; я хочу видѣть росу, поднимающуюся изъ твоей души?» Развѣ это не кривлянье? Развѣ это естественно? Человѣкъ просто ломается.

— А почему не допустить, что его анализъ ощущеній такъ тонокъ, что нашъ черствый, грубый мозгъ не улавливаетъ этой тонкости?

— Черствый мозгъ... А у него, надо полагать, размягченный... Вы видѣли портреты этихъ декадентовъ, хотя бы Поля Верлэна и Метерлинка?—спросилъ Очеретянинъ.

— Нѣтъ, не приходилось.

— Ну, такъ я вамъ скажу, что въ нихъ есть что-то вульгарно-пошлое или идіотское... Верлэнъ, сидящій въ кабачкѣ, гдѣ онъ «творитъ», батюшки, что это

— Да и какъ цѣловать открытые глаза?—отозвалась курсистка, которая въ это время разговаривала съ Хозаричемъ.— Вѣдь это больно.

— А «роса, поднимающаяся изъ души», это почище блѣдныхъ ногъ, — засмѣялся Шарковъ. — Роса, а тамъ дождь, пожалуй, или снѣгъ.

— Впрочемъ, господа,—вмѣшался въ споръ Хозаричъ,—я читалъ недавно «Исторію фараоновъ» Бругша-бея и въ переводѣ одного папируса нашелъ такую фразу: «Онъ сдѣлалъ имя ее вонючимъ передъ всѣми людьми»... Каково! «Имя вонючее», т. е. опозоренное.

— Но это писалъ, вѣроятно, египетскій декадентъ или символистъ,—улыбнулся Очеретяпинъ.—А вѣрнѣе,«вонючій» тутъ имѣетъ смыслъ опозореннаго, ославленнаго.

Поднявшись наверхъ изъ Орѣховой балки, путники наши стали чувствовать такую усталость, что еле-еле двигались, но, тѣмъ не менѣе, Очеретяпинъ предложилъ на слѣдующій день отправиться, пѣшкомъ же, къ Кольцу-горѣ. Предложеніе его было охотно принято всѣми, тѣмъ болѣе, что имъ казалось, что такія путешествія сближаютъ ихъ между собою. Очеретяпинъ, который былъ неравнодушенъ къ Шетневой, подмѣчалъ особое выраженіе въ ясныхъ сѣрыхъ глазахъ хорошенькой курсистки, и думалъ, что это выраженіе относилось къ нему, и сердце его билось усиленнѣе. Но онъ былъ очень далекъ отъ истины. Вѣрочку все больше и больше влекло къ нѣсколько угрюмому Хозаричу: ей казалось, что у него на душѣ какое-то горе, и ей, какъ женщинѣ, хотѣлось облегчить это горе, заставить его подѣлиться съ ней своею ношей... А состраданіе это самое роковое влеченіе въ сердцѣ женщины, хотя бы самой молоденькой. Даже Женя, чѣмъ больше краснѣлъ Ганя Прыщиковъ, чѣмъ больше казался смущеннымъ передъ нею, тѣмъ больше хотѣла она сталкиваться съ нимъ на гигантскихъ шагахъ, и, наконецъ, столкнуться съ нимъ такъ, чтобъ онъ... обхватилъ и поцѣловалъ ее...

— А можно будетъ завтра пригласить Ганю съ нами на Кольцо-гору?—лукаво спросила она Очеретяпина, мечтая тамъ какъ-нибудь особенно «столкнуться» съ нимъ.

— Какого Ганю, милая дѣвочка?—спросилъ Очеретяпинъ.

— Кадетика тамъ одного,—сказала Шетнева.

— Отчего же? Возьмемъ и кадета: какъ разъ подходящій кавалеръ для такой большой дѣвицы.

А Галя въ это время тревожно думала: «Давно ли о н ъ знакомъ съ этой противною «ночною бабочкой»? И что они тамъ дѣлаютъ вдвоемъ?.. Зачѣмъ же о н ъ шепталъ мнѣ э т о за танцами?»

Шарковъ же въ душѣ проклиналъ драгуна не за «ночную бабочку», а за то, что при видѣ этого хлыща краснѣла и блѣднѣла Галя... Значитъ, къ хлыщу относилась ея надпись на Крестовой горѣ: онъ ея «доля»...

Ясно, кисловодская атмосфера, насыщенная любовью, дѣлала свое дѣло.

И декадентъ заглядывался на Галю: ему мечталось вызвать росу ея сердца и цѣловать ея прелестные «открытые глаза»... И даже не «блѣдныя», но розовенькія «ножки»...

Переваливъ черезъ возвышенность, наши усталые путники почувствовали значительное облегченіе, потому что съ возвышенія начинался пологій спускъ къ Кисловодску. Съ долины Подкумка тянулась въ воздухѣ огромная стая кавказскихъ галокъ съ клювами и ножками цвѣта коралла и звонко перекликалась.

— Это стая съ молодымъ поколѣніемъ,—указалъ на галокъ Очеретянинъ, подходя къ курсисткѣ.—Это галочья молодежь перекликается съ своими мамашами, чтобы не потеряться въ толпѣ.

— Точно мы когда-то,—улыбнулась курсистка.

— Когда были еще въ коротенькихъ платьицахъ?—спросилъ Очеретянинъ, любовно созерцая стройную фигуру дѣвушки.—А теперь ужъ не перекликаетесь?

— Еще бы курсисткамъ да перекликаться съ мамашами!

— А жизнь на курсахъ свободна у васъ?—спросилъ Хозаричъ.

— Совершенно свободна,—отвѣчала Вѣра,—мы живемъ въ общежитіи и можемъ выходить когда угодно и куда угодно.

— И знакомыхъ принимаете?

— Да, у насъ монастырь свободный.

— Однако, меня горничныя не пустили къ вамъ, когда я заходилъ, а попросили въ общую пріемную,—замѣтилъ Шарковъ.

— Ахъ, Галя, смотри: теперь Кисловодскъ и горы еще красивѣе при этомъ освѣщеніи, и Елисаветинская гора смотритъ эффектнѣе,—сказала курсистка, чтобы перемѣнить разговоръ.

Но Галѣ Кисловодскъ и окрестныя горы не казались уже красивыми, какими были этимъ утромъ: на все легла какая-то

тѣнь, и эта тѣнь была въ ея юной душѣ, которую омрачило первое молодое горе.

«Онъ все еще тамъ, съ нею... Зачѣмъ же мнѣ говорилъ тѣ слова?»...

Чѣмъ ближе наши путники подходили къ Кисловодску, тѣмъ чаще попадались имъ навстрѣчу то кавалькады офицеровъ и статскихъ съ амазонками, то фаэтоны съ курсовыми, или къ замку Коварства и Любви, или къ Кольцу-Горѣ либо на Бермамутъ, любоваться оттуда восходомъ солнца на другой день и созерцать волшебное отраженіе его лучей на снѣгахъ Эльборуса и всю чудную панораму долины Баксана.

— А вотъ и Галя съ Лизой и своей мамой ѣдутъ къ замку Коварства и Любви,—заявила огорченная Женя.

«Значитъ, сегодня ужъ онъ не будетъ бѣгать со мной на гигантскихъ шагахъ, и мы не будемъ сталкиваться»,—съ досадой подумала она.

Но она скоро утѣшилась, вспомнивъ про Кольцо-гору.

«Тамъ я непремѣнно съ нимъ столкнусь, да такъ!»...

— Какъ же я теперь напьюсь Нарзану!—вслухъ сказала она.

— А кто вамъ позволитъ, милая дѣвочка?—озадачилъ ее Хозяричъ.—Вы разгорѣлись, такъ холодный Нарзанъ опасенъ: мы за васъ отвѣчаемъ передъ вашей мамой.

— Вотъ еще! Я не маленькая.

— Конечно, въ десять-то лѣтъ.

— Нѣтъ, мнѣ скоро тринадцатый пойдетъ.

— Черезъ годъ, не раньше,—засмѣялась курсистка.

Женя презрительно пожала плечами: не стоитъ и разговаривать.

Зато Галя нѣсколько оживилась: при подъемѣ черезъ рѣчку, у мельницы, нашихъ путниковъ обогналъ драгунъ съ «почтою бабочкой», а драгунъ очень любезно, по-кавалерійски, отдалъ честь Галѣ.

— Хлыщъ!—проворчалъ сквозь зубы Шарковъ, замѣтивъ какъ радостно зардѣлась Галя.

Декадентъ съ досадой подумалъ: »И что въ этихъ военныхъ нравится барышнямъ? Штаны въ обтяжку? Кантики? Погремушки?.. Все это пережитки варварства»...

Въ тополевой аллеѣ дѣвицы перемигивались съ горнич-

ными, а тѣ дарили благосклонными улыбками проходившихъ въ паркъ музыкантовъ въ длинныхъ бешметахъ и въ барашковыхъ шапкахъ... И тутъ царилъ маленькій Эросъ въ этой зараженной любовью атмосферѣ... Въ проходѣ въ галлерею Нарзана черноглазая армяночка съ толстою косой, еще недостигшая званія подростка, видимо, прельщала пучеглазаго гимназиста изъ Тифлиса... У Нарзана еще большій любовный экстазъ: мундирные и кителевые юнцы положительно отливаются водой источника-богатыря, чтобы только лишній разъ улыбнуться дѣвочкамъ, подающимъ воду, или прикоснуться къ ихъ рукамъ... А на музыкѣ эти разряженныя и раздушенныя толпы, наполняющія и отравляющія воздухъ удушливымъ испареніемъ навозныхъ духовъ, начиная отъ гнусной пачули и кончая перегноемъ опопонакса съ резедой, эта толчея живыхъ тѣлъ, эти перекрещивающіеся взгляды, улыбки, возгласы, это какой-то любовный бэдламъ, что-то повальное, патологически-заразительное, какой-то болѣзненный психозъ, отнимающій у дѣтства дѣтство и все захватывающій любовною горячкой... Тутъ тоже одно желаніе, «сталкиваться», какъ выражается Женя, мечтающая о Ганѣ... Но кто рѣшится обвинить это могучее, какъ бы стихійное проявленіе требованій жизни, этотъ властный, міровой законъ любви? Кто обвинитъ соловья, который не властенъ не пѣть весной, а струи Нарзана, повинующія вѣчнымъ законамъ тяготѣнія? Кто обвинитъ молодость, этотъ Нарзанъ міровой жизни?..

Но самый пышный расцвѣтъ «торжествующей любви» въ Кисловодскѣ—это темные вечера и ночи. Сумракъ полуосвѣщеннаго парка съ его тѣнями, отдаленныя аллеи, уединенныя скамейки подъ покровомъ деревьевъ, подъемы на окружающія паркъ горы, сколько сладостныхъ тревогъ и счастья переживается въ такіе вечера и ночи!.. Пусть вспомнятъ это тѣ, которые все это переживали, и благословятъ въ душѣ прошлыя счастливыя минуты...

IV.

Вечеромъ наши «всемірные путешественники» не видѣлись, потому что усталость послѣ прогулки къ замку Коварства и Любви заставила ихъ раньше оставить паркъ и разойтись по домамъ; но на другой день, утромъ, они, хотя не всѣ, случайно

встрѣтились на Царской площадкѣ. У Вихрова въ рукахъ была книга.

— Что это у васъ, Василій Борисовичъ?—спросилъ Очеретянинъ.

— Лермонтовъ... Въ Кисловодскѣ особенно чувствуешь потребность иногда бесѣдовать съ нимъ,—отвѣчалъ декадентъ.— Здѣсь, кажется, воздухъ напоенъ его поэзіей и «Героемъ нашего времени». И что ни говорите вы мнѣ, господа, а у Лермонтова въ душѣ была та поэтическая струя, которую въ наше время окрестили именемъ декадентства и недостойно глумятся надъ нею.

— Это надъ «голубыми-то звуками» да надъ «росою души»?—пожалъ плечами Шарковъ.

— Повторять выхваченыя безъ связи и смысла фразы совсѣмъ не остроумно,—горячо возразилъ Вихровъ.—Ну, вотъ, что вы скажете, напримѣръ, о всемъ содержаніи стихотворенія «Выхожу одинъ я на дорогу»?—обратился онъ къ Очеретянину и Хозяричу.—Въ первыхъ строфахъ еще, пожалуй, и нельзя видѣть декадентства, хотя «пустыня внемлетъ Богу» да «и звѣзда съ звѣздою говоритъ»—очень и очень подозрительны въ смыслѣ декадентства, но зато и высоко поэтичны. А вторая половина этого стихотворенія:

Ужъ не жду отъ жизни ничего я,
И не жаль мнѣ прошлаго ничуть;
Я ищу свободы и покоя;
Я-бъ хотѣлъ забыться и заснуть...
Но не тѣмъ холоднымъ сномъ могилы—
Я-бъ желалъ навѣки такъ заснуть,
Чтобъ въ груди дремали жизни силы,
Чтобъ, дыша, вздымалась тихо грудь;
Чтобъ всю ночь, весь день, мой слухъ лелѣя,
Про любовь мнѣ сладкій голосъ пѣлъ;
Надо мной чтобъ, вѣчно зеленѣя,
Темный дубъ склонялся и шумѣлъ.

— Что-жъ это если не глубоко-поэтическое декадентство!— горячо воскликнулъ Вихровъ.—Какъ же это такъ—«навѣки заснуть», и «чтобъ въ груди дремали жизни силы», и этотъ невѣдомый «голосъ» который «всю ночь и весь день пѣлъ бы про любовь», и этотъ дубъ... Согласитесь, это дивный бредъ декадента!

— Да, тутъ вы правы,—согласился Хозаровичъ,—но est modus in rebus...

— А вонъ и наши барышни идутъ, — встрепенулся Очеретяпинъ.

— И съ мамашами, чтобъ имъ!—проворчалъ Шарковъ

«Всемірные путешественники» встали и пошли навстрѣчу поднимавшимся на площадку дамамъ. Женя, видимо, торжествующая, вела своего кавалера, Галю, съ которымъ ужъ успѣла нѣсколько разъ «совсѣмъ, совсѣмъ-таки столкнуться» на гигантскихъ шагахъ.

Всѣ три дамы, Шетнева, Беркутъ и Прыщикова, были довольно тучны и потому порядочно запыхались, поднимаясь отъ гимнастики на Царскую площадку.

Поздоровались.

— И какъ это вы не устаете!—шевеля вѣеромъ, сказала m-me Беркутъ.—Дѣвочки говорятъ, что сегодня уже вы собираетесь пѣшкомъ на Кольцо-гору.

— На то мы и «всемірные путешественники»,—поклонился Очеретяпинъ.

— Женя говоритъ, что она вчера ни капельки не устала.

— Ахъ, мамочка, да какъ же тутъ устать?—повела плечами Женя.

— А мой воинъ собирается съ вами въ походъ,—кивнула m-me Прыщикова на кадетика.

Тотъ продолжалъ быть краснымъ: ясно, что они усердно съ Женей «сталкивались».

— Моя Вѣра явится на курсы совсѣмъ запеченой, такъ загорѣла тутъ!—сказала m-me Шетнева, поправляя воротнички курсистки.

— За зиму опять въ бѣлаго таракана превращусь,—улыбнулась курсистка.

— А мнѣ и загорать больше некуда, я и такъ цыганка,—сказала Галя.

— Когда же вы собираетесь?—спросила мать

— Послѣ обѣда, когда жаръ спадетъ нѣсколько,—отвѣчалъ Хозаричъ,—а то вчера зной очень истомилъ нашихъ путешественницъ.

— Нисколько! Вотъ еще!—задорно возразила Женя.

— Мама! Пусти и меня съ ними!—вдругъ плаксиво заго-

ворила маленькая сестренка кадетика, розовенькая Лиза съ роскошными волосами, ниспадавшими широкою волной до пояса.

— Нѣтъ, крошка, тебѣ нельзя: ты слишкомъ мала еще,— успокаивала ее мать.—Не на рукахъ же тебя нести всю дорогу.

— Ну, я не стану пить молока!—надулась дѣвочка.

Всѣ разсмѣялись. Женя переглянулась лукаво съ кадетикомъ и глаза ея ясно говорили: «ну мы-то ужъ вышли изъ молока, мы вонъ какъ сталкиваемся...

Воинъ отъ одного воспоминанія о «столкновеніяхъ» покраснѣлъ какъ піонъ, думая про себя: «какая же она смѣлая, точно тотъ юнкеръ»...

Послѣ обѣда, когда солнце стояло уже надъ Пикетной горой, наши путешественники, перебравшись за мельницей черезъ мостикъ, весело миновали красивую дачу Великанова и вышли на дорогу, ведущую по горѣ къ станицѣ Кислой и ея садамъ.

Всѣ были отлично настроены, особенно же старшая Беркутъ. Когда онѣ съ Женей торопились на мѣсто сбора въ галлереѣ Нарзана, при входѣ въ паркъ, ихъ встрѣтилъ драгунъ и, очаровавъ любезностью Женю. сказалъ Галѣ, что онъ увезетъ изъ Кисловодска самое свѣтлое воспоминаніе о знакомствѣ съ ними и о послѣднемъ вечерѣ, когда онъ имѣлъ счастье почти весь вечеръ танцовать съ «Мадонной Мурильо»...

— Скорѣй кончайте гимназію,—шепнулъ онъ Галѣ, многозначительно пожимая ей руку,—тогда... А Женѣ, чтобы задобрить ее, сказалъ: а на слѣдующій годъ я буду танцовать съ вами; вы будете уже совсѣмъ большая.

Счастливая этой встрѣчей, Галя была необыкновенно ласкова съ обоими своими поклонниками, и съ Шарковымъ, и съ Вихровымъ, такъ что они оба стали думать, каждый, конечно, порознь, что она любитъ: «меня»,—думалъ первый; «меня»,— былъ увѣренъ второй. Но это былъ только неискренній флиртъ со стороны гимназистки, уже наметавшейся въ женскомъ лукавствѣ. Даже маленькая Женя лукавила съ присущимъ каждой женщинѣ искусствомъ, хотя искренно жаждала «столкновеній». Зато флиртъ курсистки былъ тоньше, художественнѣе, замаскированнѣе: Вѣра оказывала нѣжное вниманіе не тому, къ кому рвалось ея сердце, и Очеретянинъ съ свойственной всѣмъ мужчинамъ недальновидностью въ подобныхъ дѣлахъ, таялъ подъ взглядами хорошенькой ехидны, которая этой двуличностью

хамелеона только раздувала искру въ сердцѣ «хмураго хозара», плѣнившаго ее этой именно хмуростью.

Дорога шла ровной возвышенностью съ пологими спусками и такими же подъемами вплоть до долины Подкумка, окаймленаго роскошной зеленью станичныхъ садовъ и огородовъ. Итти было весело и легко, тѣмъ болѣе, что дневной зной давно спалъ, и маленькій вѣтерокъ дулъ навстрѣчу путникамъ. Женя и кадетъ шли впереди, постоянно забѣгая въ сторону отъ дороги, чтобы сорвать тотъ или другой цвѣтокъ и на этомъ цвѣткѣ «нечаянно столкнуться», и эти «нечаянности» повторялись все чаще и чаще.

Пройдя благополучно станичные сады и огороды, путники наши очутились передъ почти непроходимой топью при слiяніи водъ Ликоновки съ Подкумкомъ.

Всѣ остановились въ нерѣшительности. Какъ тутъ быть?.. Дальше нѣтъ ходу. Но Подкумокъ такъ заманчиво шумѣлъ, Кольцо-гора виднѣлась такъ близко, вечеръ былъ такой чудный, что мужчины рѣшились на героическій поступокъ тѣмъ скорѣе, что въ душѣ каждый изъ нихъ жаждалъ этого заманчиваго геройства.

— Да мы васъ на рукахъ перенесемъ черезъ топь,—заявилъ Очеретянинъ.

— Отлично! Перенесемъ!—воскликнулъ декадентъ.

— Превосходно! — подхватилъ Шарковъ.—Я васъ какъ перышко переправлю хоть черезъ Стиксъ и Флегетонъ,—расшаркался онъ передъ Галей.

— О! Я не хочу еще перейти въ область Аида,—засмѣялась послѣдняя.—Вѣдь Флегетонъ и Стиксъ, адскія рѣки.

— Позвольте мнѣ васъ перенести, Вѣра Петровна,—обратился Очеретянинъ къ курсисткѣ.

— Нѣтъ, господа,—серьезно заявилъ Хозаричъ,—эту честь перенесенія черезъ топь нашихъ дамъ мы должны раздѣлить между собою по жребію. Видите: топь дѣлится на двѣ равныя части. Между ними сухое мѣсто, раздѣляющее ихъ. Мы съ Андреемъ Николаевичемъ бросимъ жребій, кому первому перенести Вѣру Петровну до сухого мѣста, и кому второму—черезъ ту, вторую топь. Вы же,—онъ обратился къ Шаркову и декаденту,—бросите такой же жребій относительно m-lle Беркутъ-

старшей, а младшая уже имѣетъ своего единственнаго кавалера: воинъ и перенесетъ ее.

— Отлично!—запрыгала Женя, а кадетъ гордо выпрямился, чтобы показать, что онъ настоящій мужчина.

— Прекрасно!—согласились всѣ на предложеніе Хозарича.

Очеретянинъ вынулъ изъ жилетнаго кармана золотой и подбросилъ на воздухъ.

— Изображеніе государя—выигрышъ!—сказалъ онъ.

Монета упала именно изображеніемъ кверху.

— Мнѣ первому выпала честь,—поклонился Очеретянинъ смущенной курсисткѣ.—Вы чего желаете: изображенія или рѣшетки?—спросилъ онъ Вихрова.

— Изображенія,—отвѣчалъ послѣдній.

Выпала рѣшетка.

— Мнѣ нести васъ, mademoiselle!—поклонился Шарковъ Галѣ.

А кадетъ, весь красный, не дожидаясь другихъ, уже тащилъ черезъ топь Женю, которая, хитрая дѣвчонка! показывая видъ, что боится упасть, змѣйкой обвилась руками вокругъ шеи кадета, такъ что бросила даже въ грязь букетъ сорванныхъ ею цвѣтовъ и такъ прижималась грудью къ своему кавалеру, что тотъ едва дышалъ.

Началось перенесеніе и другихъ дѣвицъ. Очеретянинъ, осторожно обхвативъ, побрелъ по водѣ и, чтобы не уронить ее, все плотнѣе и плотнѣе прижималъ дѣвушку къ себѣ, такъ что та силилась отстраниться и, стыдясь протестовать громко, шептала: «Да не душите же меня, а то я закричу или вырвусь прямо въ грязь!»

Тѣ же маневры пустилъ было въ ходъ и Шарковъ относительно своей дамы, маневры даже болѣе рѣшительные, но дѣло его не выгорѣло.

— Не давите меня такъ, мнѣ больно!—громко протестовала Галя.

Наконецъ, половина топи пройдена до сухого мѣста. Очередь нести была теперь за Хозаричемъ и декадентомъ.

Послѣдній, боясь осрамиться подобно Шаркову, несъ Галю осторожно, бережно, не тиская ее подобно своему сопернику, и Галя любезно поблагодарила его.

Бережно перенесъ свою даму и Хозаричъ, боясь прижи-

мать ее; но, таково женское сердце!.. курсистка сама такъ энергично жалась къ хмурому носильщику, обхватывая руками его шею, точно Женя шею кадета, конечно, курсистка боялась упасть и такъ жалась щекой къ его бородѣ, что скорѣе могъ упасть онъ, потому что у него закружилась голова и потемнѣлс въ глазахъ...

Но вотъ переправа черезъ топь кончилась. Сейчасъ будетъ и бурный Подкумокъ. Однако, теперь черезъ него перекинутъ мостъ, хотя самаго жалкаго устройства, все же мостъ, не то, что при Лермонтовѣ, когда Печорину и княжнѣ Мэри приходилось переѣзжать Подкумокъ вбродъ.

— Не удивительно, что у Мэри закружилась здѣсь голова,— сказала курсистка, стоя на мосту и глядя на бѣшеный бѣгъ клокочущей воды Подкумка.—Я бы тутъ, кажется, въ обморокъ упала.

«Ну,—думалъ про себя Хозяичъ,—у меня и безъ Подкумка кружилась голова, когда ты ко мнѣ прижималась тамъ»...

— Но какъ гадко поступилъ Печоринъ: цѣловать беззащитную дѣвушку, это нечестно!—говорила Галя, не глядя на Шаркова, хотя ея слова къ нему относились.

— Да, особенно, когда онъ не любилъ ее,—согласился Очеретянинъ.

Женя и кадетъ, убѣжавшіе впередъ, уже взбирались на Кольцо-гору и скоро скрылись за ея уступомъ. Когда же всѣ поднялись къ пещерѣ у самаго Кольца, то увидѣли, что Женя и кадетъ сидятъ въ пещерѣ далеко другъ отъ друга и оба красные, какъ печеные раки... Ибо тутъ—свершилось: они «совсѣмъ, совсѣмъ столкнулись», какъ говорила про себя Женя. Она первая вскарабкалась до пещеры и, показывая видъ, что падаетъ, она—лукавая дѣвчонка!—испуганно вскрикнула: «падаю!»—и упала въ разставленныя объятія кадетика, да такъ неловко, что губы встрѣтились и долго-долго не отрывались...

Между тѣмъ, сумерки быстро надвигались и нашимъ путешественникамъ нужно было торопиться домой.

И они поторопились тѣмъ болѣе, что предстояла новая переправа черезъ топь. И переправа кончилась благополучно.

Шарковъ и Вихровъ перенесли, по очереди, опять Галю вполнѣ благоразумно.

Но еще благоразумнѣе совершили переправу Ганя и Хоза-

ричъ: въ темнотѣ, случайно, губы кадетика встрѣтились съ губами Жени, а губы курсистки, совсѣмъ противъ воли, съ губами и усами Хозарича, и во все время переправы не отрывались и не отрывались, а если, отъ недостатка воздуха, и отстранялись, то снова нечаянно встрѣчались, и не было конца этимъ встрѣчамъ...

Зато губки Гали неожиданно встрѣтились съ губами и шелковистыми усиками драгуна, когда Галя, усталая послѣ Кольцагоры, подходила къ своей дачѣ, а Женя убѣжала впередъ, чтобы предупредить маму, что ихъ въ темнотѣ никто не испугалъ, и черкесы ихъ не похитили.

— Кисловодскъ—это рай!—мечтали и Галя, и Женя, и курсистка, засыпая въ эту ночь. Мечтали такъ и многія другія и многіе другіе...

АМАЗОНКИ У НАРЗАНА.

Quasi una demi-historika novella.

I.

— Да хранятъ безсмертные боги величайшаго изъ смертныхъ!—говорила, глубоко взволнованная прекрасная Фалестрія, царица амазонокъ, прощаясь съ Александромъ Македонскимъ, у котораго она прогостила около двухъ недѣль на возвратномъ пути его изъ Индіи, куда онъ предпринималъ походъ послѣ завоеванія Персіи, Палестины, Египта и всей Западной или Малой Азіи.

Фалестрія, какъ извѣстно, страстно желала имѣть сына отъ всесвѣтнаго завоевателя и потому встрѣтила его въ Гирканіи съ частью своего войска, тремя стами дѣвъ-воительницъ.

Александръ любезно принялъ у себя знаменитую амазонскую царицу, устроивъ въ честь ея невиданную дотолѣ травлю медвѣдей, дикихъ кабановъ, льва массагетскихъ пустынь и, наконецъ, индійскаго слона, которые и были побѣждены страшными двумя псами, присланными великому завоевателю въ подарокъ царемъ Иверіи, нынѣшней Грузіи.

Верховный жрецъ любимѣйшей дочери Зевса, Паллады-Аѳины, Апаксагоръ, провожая царицу амазонокъ, сказалъ ей:

— Мужественная по духу дщерь великой богини, у которой я состою служителемъ, послѣдуй моему смиренному совѣту. Далеко на сѣверѣ, у самаго рубежа страны воинственныхъ савроматовъ, есть цѣлебный чудодѣйственный источникъ, на савроматскомъ языкѣ именуемый Нарзанъ и, по волѣ боговъ, способствующій счастливому дѣторожденію. Ты, царица дѣвъ-воительницъ, сколько мнѣ вѣдомо, желаешь имѣть мужское потомство отъ сына Зевса-Аммона, великаго Александра.

— Да, благородный служитель любимѣ[illegible]ей дочери Зевса, Паллады-Аеипы, я для того и желала встрѣчи съ владыкою міра, царемъ Александромъ,—гордо отвѣчала воинственная барышня, нисколько не краснѣя дѣвственнымъ румянцемъ.

— Да способствуютъ вѣчные боги исполненію твоего желанія,—продолжалъ жрецъ.—Ради сего направь свой путь къ чудодѣйственному источнику Нарзану, котораго ты достигнешь, проѣхавъ чрезъ Великую Арменію до предѣловъ Иверіи и оттуда чрезъ снѣжный хребетъ Кавказа мало не до подножія высочайшей въ свѣтѣ горы, именуемой Эльбурсомъ. Тамъ и найдешь чудодѣйственный Нарзанъ; купайся въ водахъ этого источника съ того дня, какъ покажется на небѣ серпъ кроткой богини Селены, дщери Гиперіона и Тейи и сестры Геліоса, и до того утра, когда послѣдуетъ ущербъ кроткой богини, серпъ которой будетъ обращенъ вогнутой стороной не къ востоку, а къ западу.

II.

Какъ извѣстно, существованіе амазонокъ долгое время было подвержено не только сомнѣнію, но даже и безусловному отрицанію.

Амазонки (не тѣ, конечно, прекрасныя барышни, которыя въ настоящее время, въ сопровожденіи какихъ-нибудь менѣе прекрасныхъ абрековъ или драгунъ, или же студентовъ, или даже гимназистовъ, предпринимаютъ увеселительныя поѣздки то къ «Замку Коварства и Любви»,то къ «Кольцу-Горѣ», то, наконецъ, къ «Лермонтовской скалѣ», а настоящія амазонки, историческія, о которыхъ свидѣтельствуютъ древніе эллинскіе и римскіе писатели),—амазонки, говорилось и многократно писалось, это—миѳъ, сказки, такія же созданія ума человѣчества въ младенческомъ состояніи, какъ сказанія о прикованномъ, будто бы, здѣсь, на Кавказѣ, Прометеѣ, о любовныхъ похожденіяхъ Зевса-Юпитера то въ образѣ лебедя (посѣщавшаго красавицу Леду, жену спартанскаго царя Тиндорса, которая и родила отъ него яйцо, изъ коего вылупились Кастеръ и Поллуксъ), то въ образѣ бычка, похитившаго прекрасную Европу и т. п.

Но когда обстоятельно были изучены историки и другіе писатели древности, то и убѣдились, что амазонки не миѳъ, не сказка, а реальныя дѣвы-воительницы.

О нихъ говоритъ, и говоритъ съ несомнѣнными прагматическими данными, отецъ исторіи, Геродотъ.

Діонисій Періэгетъ, въ «Orbis descriptio», говоря о савроматахъ, доказываетъ несомнѣнное происхожденіе этихъ скиѳовъ отъ амазонокъ, которыя, послѣ битвы съ греками и поголовнаго ихъ истребленія у Ѳермодонта, на берегу Понта Евксинскаго, овладѣли ихъ кораблями, но, не умѣя управлять ни рулемъ, ни парусами, были прибиты бурею къ берегамъ Таврo-Скиѳіи, гдѣ и сошлись съ кочевавшими тамъ скиѳами *).

Объ амазонкахъ же съ достаточною доказательностію свидѣтельствуетъ и Псевдо-Плутархъ, который, приводя географическія данныя о рѣкахъ и горахъ, поясняетъ, что рѣка Танаисъ (Τάναϊς), нынѣ Донъ, называлась прежде Амазоніею, отъ имени амазонокъ, которыя въ этой рѣкѣ купались **).

Римскій писатель Аппіанъ, говоря о тріумфальномъ шествіи Помпея послѣ побѣды его надъ Митридатомъ, добавляетъ, что въ шествіи этомъ находились и плѣнныя раненыя амазонки ***).

Римскій же писатель Флавій Вопискъ, въ сочиненіи своемъ «Жизнь божественнаго Авреліана», прямо говоритъ что «въ тріумфальномъ шествіи Авреліана вели плѣнныхъ иверовъ (нынѣ грузины), персовъ, готовъ, аланъ, сарматовъ», и «вели также десять женщинъ, взятыхъ въ рядахъ готовъ, и надпись на тріумфальной аркѣ гласила, что онѣ изъ племени амазонокъ ****).

Объ амазонкахъ же свидѣтельствуетъ и Филостратъ въ своемъ сочиненіи «Heroicus» и Ammianus Marcellinus въ знаменитомъ жизнеописаніи Юліана Отступника, и Claudius Claudianus въ своемъ «De raptu Proserpinae», и Vibius Sequester въ сочиненіи «De Hominibus, fontibus, lacubus, nemuribus, paludibus, gentibus etc, и Paradoxographi graeci, и Arrianus Nicomedensis и др.

III.

Теперь продолжаемъ свой разсказъ.

Фалестрія, противившись съ молодымъ царемъ Македоніи и напутствуемая совѣтами верховнаго жреца Паллады-Аѳины, съ

*) Orbis descriptio.
**) «De fluviorum et montium nominibus».
***) Appiani «Provemium».
****) «Scriptores historiae Augustae».

тремястами амазонокъ изъ своего войска отправилась въ далекій и опасный путь, къ нашему цѣлительному Нарзану.

Впрочемъ, македонскій герой облегчилъ и обезопасилъ воинственнымъ барышнямъ трудное путешествіе къ чудодѣйственному источнику. Онъ выслалъ впередъ гонцовъ съ грамотами къ царямъ армянскому Тиграну и иверскому Артоку объ оказаніи содѣйствія амазонкамъ въ переѣздѣ ихъ чрезъ Арменію и Иверію. А грамоты македонскаго героя, передъ которымъ трепеталъ тогда весь міръ, равносильны были приказаніямъ.

И, дѣйствительно, на границѣ Арменіи Фалестрію и ея свиту встрѣтилъ значительный отрядъ армянской конницы съ царевичемъ Тиграномъ во главѣ, который и провожалъ амазонокъ чрезъ всю Арменію.

— Въ какую страну могущественная повелительница дѣвъ-воиновъ держитъ свой путь?—спросилъ царевичъ.

— Къ предѣламъ савроматовъ, къ чудодѣйственному источнику, именуемому Нарзаномъ,—отвѣчала Фалестрія.

— О! И намъ извѣстенъ этотъ чудодѣйственный источникъ,—сказалъ молодой Тиграпъ.—Моя мать, царица Арменіи, страдая какою-то невѣдомою болѣзнью, была посылаема къ этому источнику служителями нашихъ боговъ, и получила исцѣленіе.

— И меня туда же направляетъ верховный жрецъ Паллады-Аѳины, находящійся въ свитѣ великаго царя Македоніи, Александра,—сказала Фалестрія.

— Но повелительница амазонокъ смотритъ такой цвѣтущей,—замѣтилъ молодой Тиграпъ.

— Да, безсмертные боги надѣлили меня рѣдкимъ здоровьемъ,—согласилась Фалестрія.

Потомъ, нѣсколько помолчавъ, она спросила:

— И царевичъ родился послѣ того, какъ мать его, царица, получила исцѣленіе отъ чудодѣйственнаго Нарзана?

— Да, послѣ того,—былъ отвѣтъ.

— И мнѣ боги пошлютъ сына при содѣйствіи чудеснаго источника,—подумала Фалестрія, глядя куда-то вдаль.

При видѣ Арарата съ его снѣжной вершиной, Фалестрія, спросила царевича, что это за горы?

— Это, благородная царица, гора Масисъ, которая въ еврейскихъ книгахъ называется Араратомъ, — отвѣчалъ царе-

вичъ.—Въ этихъ книгахъ повѣствуется, что когда на землѣ люди стали творить страшныя беззаконія, то Богъ ихъ осудилъ всѣхъ на смерть, все человѣчество, пощадивъ только одного благочестиваго мужа съ его семействомъ. Для этого онъ повелѣлъ тому мужу построить вмѣстительный корабль и взять въ оный по парѣ и болѣе всѣхъ животныхъ и птицъ, а на землю наслалъ такой сильный дождь, который продолжался безпрерывно сорокъ дней и погубилъ все живущее на землѣ

— Достойный царевичъ говоритъ о всемірномъ потопѣ?— замѣтила Фалестрія.

— Да, благородная царица—отвѣчалъ Тигранъ.

— Но въ греческихъ книгахъ говорится иначе,—сказала царица амазонокъ.—Того мужа, котораго за его благочестіе пощадилъ громовержецъ Зевсъ, звали Девкаліономъ. Онъ былъ сыномъ прикованнаго къ скалѣ Прометея. А жену Девкаліона звали Пиррой. И вотъ когда всемірный потомъ истребилъ всѣхъ людей, то Девкаліонъ и Пирра, проходя отъ одного мѣста къ другому, поднимали съ земли камни и бросали ихъ черезъ плечо, и камни эти превращались въ людей.

— Однако, еврейское сказаніе о потопѣ полнѣе греческаго,—замѣтилъ молодой Тигранъ.—И какъ это камни превращались въ людей? А звѣри-же и птицы откуда народились, когда они всѣ погибли во время потопа?

— Да, это вѣрно,—согласилась Фалестрія.

IV.

Въ дорогѣ и амазонки, и армянскій конвой усердно охотились на дикихъ кабановъ, на сернъ и на фазановъ, которые у греческихъ писателей назывались Tetava (не отсюда ли наши тетери?), а на привалахъ и на ночлегахъ разводили костры и готовили себѣ на вертелахъ роскошныя яства изъ мяса кабановъ, сернъ и фазановъ, нынѣшніе шашлыки, только не изъ барашковъ.

На границѣ Иверіи Фалестрію и ея свиту ожидала почетная стража, высланная имъ навстрѣчу царемъ Артокомъ. Тутъ же были двое молодыхъ царевичей, сыновей Артока.

— Привѣтъ славной повелительницѣ воинственныхъ дѣвъ отъ царя Артока и отъ всего иверскаго народа!..—провозгла-

силъ старшій царевичъ, въ то время какъ младшій припялъ подъ уздцы боевого коня, съ котораго съ величайшей легкостью соскочила Фалестрія.

Здѣсь она простилась съ царевичемъ Тиграномъ и его всадниками, которые, будучи богато одарены царицею амазонокъ, отправились обратно въ Тигранокерту, столицу Арменіи.

На берегу рѣки Куры, которая и тогда называлась Potamos Kyros (какъ значится въ греческихъ древнихъ источникахъ) амазонокъ ожидали триста наполненныхъ воздухомъ бурдюковъ для переправы черезъ бурную рѣку, а для самой Фалестріи былъ сооруженъ на бурдюкахъ же, великолѣпный павильонъ, украшенный дорогими финикійскими тканями и золотомъ.

Когда бурдюки, всѣ связанные одинъ съ другимъ сыромятными ремнями, оставалось уже спустить на воду, амазонки, каждая изъ нихъ, впереди своихъ бурдюковъ поставили коней, и, привязавъ концы ихъ поводьевъ къ горлышкамъ бурдюковъ, погнали ихъ въ рѣку, а сами, ухватившись за поводья, вмѣстѣ съ конями и бурдюками пустились вплавь, какъ это, впослѣдствіи, дѣлали крымскіе татары и запорожцы, переправляясь черезъ Днѣпръ, только не на бурдюкахъ, а посредствомъ сплетенныхъ изъ сухихъ камышей для каждаго воина маленькихъ плотовъ, или вѣрнѣе, паромовъ безъ каната.

Впереди этой длинной гирлянды бурдюковъ, лошадиныхъ головъ и головокъ (въ блестящихъ шлемикахъ) амазонокъ плыла въ своемъ павильонѣ, при помощи дюжины гребцовъ, сама Фалестрія вмѣстѣ съ царевичами, провожаемая, отъ праваго берега Куры, громкими ударами мечей о щиты воиновъ почетной стражи царя Артока и привѣтствуемая другимъ иверскимъ отрядомъ съ лѣваго берега.

Привычные кони амазонокъ, подбодряемые звонкими голосами своимъ молоденькихъ всадницъ, весело фыркая, дружно влекли къ другому берегу Куры оригинальную флотилію, которая и пристала къ тому мѣсту у впаденія въ Куру Аргвы, гдѣ въ настоящее время находится Мцхетъ, древняя столица Иверіи.

Л

Отъ мѣста переправы черезъ Куру амазонки вмѣстѣ съ охраннымъ отрядомъ иверійцевъ и царевичами двинулись въ горы тою тропой, о которой упоминаютъ уже древніе греческіе

писатели и по которой въ наше время пролегаетъ военно-грузинская дорога.

— Этой тропой пробирался нѣкогда сынъ Зевса и Алкмены-Геркулесъ, когда, совершивъ всѣ двѣнадцать подвиговъ, заказанныхъ ему царемъ Микенъ, Эврисѳеемъ, шелъ на освобожденіе сына титана Япета и Климены, Прометея, прикованнаго къ высочайшей горѣ Кавказа,—говорилъ старшій сынъ царя Артока, слѣдуя вверхъ по горной тропѣ впереди Фалестріи.

— А какая это гора?—спросила послѣдняя.

— Шатъ-Эльбрусъ,—отвѣчалъ царевичъ.

— Это тотъ Эльбрусъ, недалеко отъ котораго находится чудодѣйственный источникъ Нарзанъ?—снова спросила царица амазонокъ.

— Онъ самый, благородная царица... Геркулесъ только тогда могъ убить Зевсова орла, терзавшаго печень и сердце Прометея, когда напился, и не одинъ разъ, воды изъ Нарзана и купался въ немъ.

— Развѣ такою страшною силой обладалъ Зевсовъ орелъ, что его не могъ осилить даже Гераклъ, не прибѣгая къ чудодѣйственной помощи Нарзана?

— Да, благородная царица... Аполлоній Родій въ своихъ «Argonautica» говоритъ, что когда аргонавты плыли къ рѣкѣ Фазису добывать золотое руно съ помощью дочери Этея, царя Колхиды, волшебницы Медеи, то на морѣ поднялся такой ураганъ, и такія вздымались волны, что едва не потопили корабль «Арго»... И что жъ оказалось! Этотъ ураганъ возбудилъ въ морѣ своими гигантскими крыльями Зевсовъ орелъ, когда съ Олимпа летѣлъ на Эльбрусъ, чтобъ терзать сердце Прометея.

— О, боги! Какая же это была птица!—воскликнула Фалестрія.—Нарзанъ и мнѣ придастъ силы Геркулеса,—сказала про себя царица амазонокъ.—О, безсмертные боги! Помогите мнѣ, смертной...

— Говорятъ,—продолжалъ словоохотливый царевичъ,—что воды Нарзана берутъ свое начало изъ нѣдръ самого Олимпа.

— Какъ же такъ?—удивилась Фалестрія.—Развѣ царевичу неизвѣстно, что между Олимпомъ и Эльбрусомъ лежатъ глубокія водныя бездны Понта Евксинскаго?

— Да, благородная царица,—отвѣчалъ царевичъ. — Но

отецъ боговъ, создавая землю и всю вселенную, повелѣлъ водамъ Нарзана, вытекая изъ нѣдръ Олимпа, пройти ниже водныхъ глубей Понта, тамъ, гдѣ близко огненное царство Вулкана, и оттого другія струи воды, протекая гораздо ближе къ огненному царству, вытекаютъ изъ-подъ горы Машуки уже горячими.

— А въ Нарзанѣ вода холодная?

— Холодная какъ ледъ, благородная царица.

Скоро отряды амазонокъ и иверовъ поднялись на самый высокій пунктъ хребта и остановились тамъ на ночлегъ. Тотчасъ же запылали костры, и скоро въ горномъ воздухѣ разлился аппетитный запахъ жареной дичи.

Иверы въ пути успѣли перезнакомиться съ амазонками, и то у одного, то у другого костра завязывался романъ... Люди вездѣ люди...

Старшій царевичъ, Аталъ, постоянно находясь около Фалестріи, скоро почувствовалъ къ ней нѣжное влеченіе. Но Фалестрія, находясь все ещё подъ вліяніемъ чаръ молодого македонскаго героя, не замѣчала нѣжныхъ взглядовъ Атала.

— Ты самъ, благородный царевичъ, пользовался чудодѣйственной силой Нарзана?—спросила она.

— Нѣтъ, великая царица, я не былъ тамъ, — отвѣчалъ Аталъ.

— Какъ же ты знаешь путь къ этому Нарзану?

— Мой дядька, Гатагазъ, ведетъ насъ туда,—отвѣчалъ царевичъ.—Онъ былъ тамъ въ молодости и пользовался чудодѣйственной силой источника. Оттого онъ такъ могучъ, что голыми руками можетъ задавить и страшнаго горнаго тура. и чернаго, самаго злого и свирѣпаго медвѣдя.

VI.

На слѣдующій день отряды достигли того мѣста, гдѣ нынѣ находится Дарьяльское ущелье.

Скоро амазонки увидѣли, что ущелье это заперто было массивными желѣзными воротами.

— Что это?—спросила Фалестрія.

— Это ключъ къ Кавказу и ко всему Востоку,—отвѣчалъ Аталъ.—Этими воротами мы ограждаемъ себя и весь Кавказъ

отъ пашествія сѣверныхъ варваровъ—скиѳовъ, мсотовъ, савроматовъ и другихъ.

Аталъ затрубилъ въ рогъ, и изъ-за скалы, за которой скрывалась обширная пещера, показались вооруженные иверы.

— Это стража воротъ Кавказа,—сказалъ царевичъ.

— Привѣтъ милостивымъ сынамъ могущественнаго царя непобѣдимой Иверіи!—сказалъ старшій стражникъ и хранитель ключа отъ воротъ, съ удивленіемъ глядя на амазонокъ.

— Привѣтъ и вамъ, вѣрные стражи Кавказа,—отвѣчали оба царевича. — Все-ли здѣсь было благополучно? — прибавилъ Аталъ.

— Все благополучно, царевичъ, — отвѣчалъ хранитель ключа.—Недавно только за воротами былъ слышенъ шумъ и говоръ великаго множества людей, а потомъ начали стучать въ ворота. Я спрашиваю: кто?—Отвѣчаютъ: «мы друзья иверовъ, мирные савроматы... Пропустите, говорятъ, насъ къ нашимъ сродственницамъ, къ амазонкамъ.

— А!—сказала Фалестрія.—Это тѣ савроматы, которые, послѣ битвы нашихъ сестеръ съ греками у Ѳермодонта, были занесены на греческихъ корабляхъ бурею къ берегамъ Таврo-Скиѳіи, гдѣ и сошлись съ кочевыми скиѳами.

— И вы ихъ, конечно, не пустили въ ворота? — спросилъ Аталъ.

— Не пустили, царевичъ,—отвѣчалъ хранитель ключа.— За пропускъ они обѣщали доставить въ Иверію сто тысячъ воловьихъ бурдюковъ Нарзана...

— Нарзанъ... Нарзанъ,—говорила про себя Фалестрія.— У всѣхъ на языкѣ этотъ Нарзанъ!

Здѣсь у воротъ Кавказа, амазонки и иверы остановились на роздыхъ, а на слѣдующій день, оставивъ за собою горы, вступили въ безбрежное море степей, и только влѣво отъ нихъ, далеко-далеко на горизонтѣ виднѣлась и искрилась на солнцѣ безконечная цѣпь горъ съ снѣжными вершинами.

Къ вечеру имъ представилось странное зрѣлище. Вправо отъ пути, по которому ихъ велъ старый Гатагазъ, они увидѣли какой-то высокій курганъ, на которомъ стояла массивная, повидимому, каменная фигура, а вокругъ кургана, въ равномъ одинъ отъ другого разстояніи, неподвижно стояли какіе-то вооруженные всадники, числомъ до пятидесяти.

Амазонки и иверы подъѣхали ближе, къ самому кургану, къ страннымъ всадникамъ.

— О, боги—съ изумленіемъ воскликнулъ Фалестрія.—Да они всѣ мертвые? И всадники, и ихъ копи... Что такое?

— О, царица,—выступилъ впередъ Гатагазъ,—подъ этимъ курганомъ погребенъ скиѳскій царь, а мертвые всадники—это его почетная стража... Таковъ обычай у скиѳовъ, благородная царица: когда у скиѳовъ умираетъ царь, то скиѳы копаютъ для того глубокую и обширную могилу, въ которую вмѣстѣ съ нимъ кладутъ, предварительно зарѣзавъ его женъ, всѣхъ домашнихъ и слугъ, чтобъ и на томъ свѣтѣ было ему не скучно, и чтобы все у него было подъ рукою. При этомъ убиваютъ пятьдесятъ юношей изъ лучшихъ скиѳскихъ фамилій и сажаютъ этихъ мертвецовъ на убитыхъ же коней, подперевъ и мертвыхъ юношей, и убитыхъ коней такъ, чтобъ казалось, будто они живые... Это—почетная стража царя.

— Боги!—Какой ужасный обычай! — воскликнула Фалестрія.

— А другіе скиѳы сожигаютъ на кострахъ умершихъ, и ихъ женъ, и рабовъ, и коней,—вставилъ и свое слово младшій царевичъ.

— Смотрите,—сказала одна изъ амазонокъ,—у нихъ уже и глаза выклеваны хищными птицами.

— Не даромъ,—сказала другая,—когда мы подъѣзжали къ кургану, то надъ ними кружили и каркали стаи птицъ.

— А что это за фигура на курганѣ?—спросила Фалестрія.

— Это—каменное изображеніе умершаго царя,—отвѣчалъ Гатагазъ *).

— Значитъ, есть у нихъ свои Фидіи!—засмѣялась Фалестрія.

VII.

Продолжая свой путь, амазонки и иверы, послѣ почлега въ открытой степи, къ полудню замѣтили на горизонтѣ небольшія, но рѣзко выдѣлявшіяся на ровной степи горы, это были пыпѣшнія горы, Машука, Змѣиная, Желѣзная, Бештау и др.

*) Это такъ называемыя «каменныя бабы», грубые истуканы, которые еще недавно находимы были на степныхъ курганахъ южной и средней полосы Россіи. Такой истуканъ, хотя попорченный, имѣется въ Ростовѣ, въ саду у моего брата.

— Уже недалеко до Нарзана,—сказалъ Гатагазъ.—Онъ вонъ тамъ за тѣми горами.

— А что это за снѣжная шапка?—указалъ Аталъ.

— Это Эльбрусъ, господинъ,—отвѣчалъ Гатагазъ.

— Такъ на этой горѣ былъ прикованъ Прометей?—спросила Фалестрія.

— На этой, благородная царица,—отвѣчалъ Аталъ.

Наконецъ, оба отряда достигли возвышенной котловины, окруженной съ трехъ сторонъ горами. Двѣ небольшія, но быстрыя и бурныя рѣчки, выходя изъ далекихъ ущелій, въ концѣ котловины соединялись и вливались въ третью, большую рѣчку.

— Въ этой котловинѣ и есть Нарзанъ, — сказалъ Гатагазъ.

— Слава богамъ, сподобившимъ насъ достигнуть чудодѣйственнаго источника!—восторженно проговорила Фалестрія.

— Эвое, эвое Нарзанъ!—воскликнули остальныя амазонки.

Иверы испустили привѣтственный кличъ и трижды громко ударили въ щиты.

Приблизившись къ источнику, они увидѣли, какъ въ небольшомъ, грубомъ каменномъ бассейнѣ бурлилъ дивный источникъ, кружась съ пѣною водоворотомъ и по каменному жолобу изливаясь въ большой бассейнъ.

Въ значительномъ отъ него разстояніи, въ обрывистыхъ скалахъ виднѣлись огромныя естественныя пещеры, въ которыхъ посѣщающимъ источникъ можно было бы укрываться отъ непогоды.

Амазонки и иверы тотчасъ же разсѣдлали и стреножили коней, которые и разбрелись по ближайшимъ склонамъ, щипля сочную траву, пестрѣвшую всевозможными цвѣтами.

Царевичъ Аталъ, доставъ изъ саквы (переметныя сумы) турій рогъ, окованный золотомъ, которымъ изобиловалъ Фазисъ, подошелъ къ кипучему источнику и зачерпнулъ изъ него полный рогъ кипящей влаги.

— Выпей первою, прекрасная царица, этого напитка боговъ,—сказалъ онъ, подавая рогъ Фалестріи.

Она взяла рогъ и нѣсколько отлила изъ него на землю.

— Это—возліяніе владыкѣ океановъ, морей, рѣкъ озеръ и ручьевъ, великому подводному богу Посейдону!—торжественно возгласила она.

И приложилась коралловыми губами къ рогу.

— Какой дивный напитокъ!—сказала она.—Поистинѣ, это напитокъ боговъ.

Она снова выплеснула нѣсколько капель.

— Возліяніе безсмертнымъ дщерямъ великаго океана-Океанидамъ, утолявшимъ страданія великаго мученика Прометея!—снова возгласила она.

И снова выплеснула нѣсколько капель. Затѣмъ опять приложилась губами къ рогу.

— Возліяніе всѣмъ пятидесяти Нереидамъ, дщерямъ великаго Нерея, сына Понта и Геи, мужа Дориды, дщери Океана!—возгласила она въ третій разъ и, выпивъ изъ рога еще нѣсколько глотковъ, подала его Аталу.

Тогда оба царевича, а за ними всѣ амазонки и иверы стали пить чудодѣйственную воду, кто изъ своего рога, а кто ртомъ прямо изъ бассейна.

— Какая вода! Какая вода!—слышалось со всѣхъ сторонъ.

— Пейте и набирайтесь, подобно мнѣ, богатырской силы!—прогремѣлъ какъ изъ бочки Гатагазъ.

Скоро начались и купанья въ Нарзанѣ этихъ піонеровъ нынѣшнихъ кисловодскихъ «курсовыхъ»: сначала купались барышни, амазонки потомъ и иверы, а вскорѣ затѣмъ стали устраиваться партіи изъ иверовъ и амазонокъ частью для охоты въ горахъ за дичью, чаще же просто для удовольствія флирта, какъ это дѣлается и теперь. И хотя тогда еще неизвѣстны были ни «Замокъ коварства и любви», ни «Лермонтова скала», ни «Кольцо гора», подъ которою, переѣзжая Подкумокъ, Печоринъ поцѣловалъ княжну Мэри, но всѣ эти дивныя мѣста охотно посѣщались и амазонками, и иверами.

И когда амазонки и иверы возвратились во свояси: иверы въ свою Иверію, а амазонки къ Θермодонту, то въ положенный природою срокъ въ Θермодонтѣ появилось триста амазонокъ, поразительно похожихъ на иверовъ.

Исполнилось ли страстное желаніе Фалестіи, пофлиртировавъ съ Александромъ Македонскимъ, имѣть отъ него сына, неизвѣстно. Исторія объ этомъ умалчиваетъ.

ВЪ ГОСТЯХЪ У АБРЕКОВЪ.

I.

Сегодня, 1-го іюня, въ Кисловодскѣ послѣдовало открытіе лечебнаго сезона.

Съ ранняго утра у бассейна Нарзана уже стоялъ столикъ съ положеннымъ на немъ огромнымъ хлѣбомъ и солью. Шесть колоннокъ шестигранной рѣшетчатой ограды, окружающей каменный бассейнъ цѣлебнаго источника, украшены были небольшими вазонами съ скромными цвѣтами.

Въ 12 часовъ мѣстнымъ духовенствомъ совершено было надъ источникомъ молебствіе съ водосвятіемъ, закончившееся, послѣ многократнаго возглашенія «Спаси Господи люди Твоя», исполненіемъ народнаго гимна.

Сегодня же, кстати, утренняя почта доставила намъ нѣкоторыя петербургскія газеты, изъ которыхъ «Новости» (№ 142), въ рубрикѣ «О чемъ говорятъ», коснулись, именно, вопроса о нашихъ «лѣтнихъ лечебныхъ станціяхъ» (если въ Европѣ существуетъ, такъ называемыя, «stations d'hiver», то почему же не быть и въ Европѣ, и у насъ, въ Россіи, «лѣтнимъ станціямъ», къ которымъ съ наибольшимъ правомъ должны быть причислены Кисловодскъ, Пятигорскъ, Желѣзноводскъ и Эссентуки). Говоря о томъ, что каждый годъ, съ наступленіемъ весны, не только столичныя, но и провинціальныя газеты начинаютъ наполняться публикаціями о разныхъ отечественныхъ и заграничныхъ курортахъ; что Дуббельны-Маріенбады, Ялты, Друскеники, Старыя-Русы и т. п. не сходятъ съ газетныхъ столбцовъ по цѣлымъ недѣлямъ; что, вслѣдствіе такой дружной аттаки курортовъ на одержимыхъ разнообразными недугами россіянъ, эти послѣдніе, соблазнившись широковѣщательными объявленіями, нерѣдко пускаются въ путь на послѣдніе гроши. «Новости» поясняютъ,

что этихъ довѣрчивыхъ людей часто ожидаютъ жестокія разочарованія, и что, поэтому, опытные люди, даже изъ небогатыхъ, зачастую предпочитали и предпочитаютъ поѣздки заграницу.

Въ виду этого, «Новости» справедливо замѣчаютъ, что «у насъ даетъ себя сильно чувствовать отсутствіе обстоятельнаго, объективнаго путеводителя по отечественнымъ курортамъ»; что «то, что есть въ нашей литературѣ по этой части, отзываетъ рекламнымъ характеромъ»; что «одинъ путеводитель восхваляетъ южный берегъ Крыма, другой—Дуббельны, Маіоренгофы» и т. д., что «одинъ рекомендуетъ, какъ единственное въ своемъ родѣ лечебное мѣсто, Друскеники, другой—Старую Русу» и что «въ итогѣ получается такой фактъ, что мы остаемся въ полномъ невѣдѣніи нѣкоторыхъ, дѣйствительно, чрезвычайно важныхъ, въ лечебномъ отношеніи мѣстъ».

Я не первый разъ посѣщаю кавказскія лечебныя мѣста, въ томъ числѣ и Кисловодскъ. Мое личное мнѣніе о послѣднемъ я позволяю себѣ оставить пока при себѣ. Но не могу на первый разъ не привести слѣдующихъ двухъ постороннихъ, совершенно противоположныхъ мнѣній о мѣстѣ, въ которомъ я въ настоящее время нахожусь.

Въ первый разъ я былъ въ Кисловодскѣ въ 1879 г. Когда я уѣзжалъ отсюда обратно въ Пятигорскъ, въ почтовую карету въ которой находился я съ однимъ моимъ спутникомъ, сѣла одна дама, очень извѣстной въ Россіи фамиліи, г-жа К—ва. Ее сопровождалъ г. Х. Г., личность, очень популярная на Кавказѣ и въ Закавказьѣ и знающая этотъ край, что называется, какъ свою ладонь. Когда г-жа К—ва выразила, что она осталась очень довольна Кисловодскомъ и его живительнымъ воздухомъ, г. Х. Г. весело возразилъ на это: «Да помилуйте! Въ Кисловодскѣ такой воздухъ, что здѣсь у насъ никто не умираетъ своею смертью, а бабы родятъ два раза въ годъ».

Конечно, эта шутка, но ею прикрывалось глубокое убѣжденіе, вынесенное изъ долголѣтняго знакомства съ климатомъ Кавказа и въ особенности Кисловодска, а равно съ знаменитыми «климатическими станціями» Европы.

Другое мнѣніе высказано было мнѣ, именно, сегодня, и притомъ въ необыкновенно оригинальной, чтобы не сказать болѣе, формѣ. Въ то время, когда я, получивъ съ почты газеты, забрался въ довольно уединенный уголокъ парка и сталъ читать

то, именно, мѣсто въ «Новостяхъ», гдѣ говорится о нашихъ отечественныхъ курортахъ, по главной аллеѣ парка прохаживался какой-то господинъ, уже не молодой, съ сильной сѣдиною въ головѣ и въ бородѣ, и отъ времени до времени посматривалъ на меня. Я часто встрѣчалъ этого незнакомца въ паркѣ и принималъ его за одну изъ мѣстныхъ административныхъ единицъ. Вдругъ этотъ господинъ подходитъ ко мнѣ и серьезно, съ самой оффиціальной миной выпаливаетъ:

— Прошлымъ лѣтомъ жила здѣсь супруга К. П. П.—ва (имя одного изъ очень вліятельныхъ сановниковъ) и нашла, что Кисловодскъ—помойная яма. Я того же мнѣнія.

Признаюсь, это невызванное ничѣмъ съ моей стороны обращеніе ко мнѣ человѣка, совершенно мнѣ незнакомаго, и неизвѣстно чѣмъ мотивированная откровенность такъ озадачили меня, что я не скоро собрался съ отвѣтомъ, да отвѣтъ мой, повидимому, совсѣмъ устранялся слишкомъ категорически заявленнымъ мнѣ и въ окончательной формѣ высказаннымъ вердиктомъ. Я нашелся только вполнѣ нейтральною фразою показать незнакомцу, что съ достаточной вѣжливостью выслушалъ его пикантное мнѣніе:

— Сегодня, кажется, будутъ освящать Нарзанъ,—пробормоталъ я.

— Да, будутъ освящать...—былъ неохотный и, повидимому, таинственный отвѣтъ.

И незнакомецъ удалился.

Что побудило страннаго незнакомца избрать меня объектомъ своей откровенности, не знаю; но крайнее мнѣніе его объ одномъ изъ замѣчательныхъ нашихъ курортовъ, я полагаю, сложилось въ немъ не безъ чисто субъективныхъ причинъ.

Мое личное мнѣніе о достоинствахъ Кисловодска, какъ лечебной лѣтней станціи, пока оставляю при себѣ, отчасти потому, что я всегда пользовался здѣсь, можно сказать, только воздушнымъ леченьемъ, какъ нѣкогда (въ 1882—83 г.) въ Ментонѣ, и нахожу, что воздухъ здѣсь, при излишней, быть можетъ, атмосферной влажности, въ особенности же весной, необыкновенно благодатный: весна здѣсь, при большей или меньшей влажности или сухости атмосферы, длится, можно положительно сказать, отъ марта до ноября или начала декабря, хотя цвѣтеніе садовъ и травъ оканчивается здѣсь гораздо позже, чѣмъ въ значительно

болѣе сѣверныхъ мѣстностяхъ, какъ, напримѣръ, на Дону и въ низовьяхъ Волги и Днѣпра.

Для воздушнаго леченья Кисловодскъ, этого нельзя отрицать, представляетъ мало разнообразія сравнительно съ другими русскими и европейскими курортами. Кромѣ прекраснаго парка, всегда, впрочемъ, излишне влажнаго, горныя окрестности, сами по себѣ очень красивыя, страдаютъ отсутствіемъ лѣса. Едва только успѣетъ надоѣсть вамъ паркъ съ его курсовою, стереотипною сутолокою, какъ вы уже невольно жаждете удалиться въ окрестности, и я понимаю Лермонтова, который, наскучивъ безцѣльнымъ шатаньемъ по парку, всегда убѣгалъ въ горы и цѣлые часы проводилъ на одной скалѣ, слывущей теперь подъ именемъ «скалы Лермонтова» и часто посѣщаемой теперь курсовиками и въ особенности амазонками «курсистками» (не тѣми, конечно, которыя такъ сердятъ князя Мещерскаго). Но объ этой скалѣ—до другого раза.

Но больше всего скучающіе и легконогіе курсовики спѣшатъ на Крестовую гору, возвышающуюся надъ самымъ Нарзаномъ и господствующую надъ Кисловодскомъ и его ближайшими окрестностями. Восхожденіе на гору, не смотря на ея отвѣсный подъемъ со стороны Нарзана, очень удобно: туда ведетъ дорожка зигзагами. Видъ съ вершины ея—прелестный; у ногъ—весь Кисловодскъ съ его паркомъ, казеннымъ садомъ, Нарзанами, бѣленькими съ зелеными крышами дачами и всею слободкою; кое-гдѣ, за пирамидальными тополями главной внѣпарковой аллеи, въ низинѣ, блестятъ сталью шумныя и быстрыя струи Ольховки и Березовки, впадающихъ въ прославленный нашими безсмертными поэтами Подкумокъ; болѣе далекія окрестности вѣнчаются подковою горныхъ кряжей, заслоняющихъ, съ одной стороны, снѣжный массивъ величаваго Эльборуса, съ другой—пики Желѣзной и Змѣиной горъ съ шапкообразною Машукою и пятиглавіе Бештау.

Почти у самаго отвѣса горы водруженъ огромный, выше сажени, каменный крестъ, на которомъ, по синему полю длинныхъ листовъ желѣза, массивными золотыми (сильно потемнѣвшими) буквами изображено: «Кресту твоему поклоняемся. Аминь». Нѣсколько въ сторонѣ отъ этого креста водруженъ, въ 1848 году, другой, меньшій крестъ. На тыльной сторонѣ его, вверху, вырѣзано: 1848, іюня 15; ниже прибита сильно поврежденная

мраморная доска, на которой съ трудомъ можно разобрать оставшіяся въ цѣлости слова (точно мраморъ этотъ тысячи лѣтъ находился подъ грудью какихъ-нибудь классическихъ, греко-римскихъ, египетскихъ или ассирійскихъ развалинъ: такъ онъ обгрызенъ кѣмъ-то по бокамъ и испещренъ варварскими іероглифами отечественныхъ инскрипторовъ заборной литературы!): въ память 50-ти-лѣтія отъ перваго посѣщенія Кисловодска начальникомъ Кавказа въ 1798 г... гене... Дальше—отбито; но отбитое до нѣкоторой степени реставрировано на воздвигнутой тутъ же вертикально каменной плитѣ, на тыльной сторонѣ которой написано: «Поставленъ въ 1886 году распоряженіемъ начальника Терской области генералъ-маіора Евгенія Корниловича Юрковскаго»; на тыльной же сторонѣ плиты начертано: «Недостающая надпись на крестѣ 1845 г. (вовсе не 1845, а 1848, какъ сказано выше—непростительная чисто-россійская халатность по отношенію къ исторіи и археологіи) означала посѣщеніе (здѣсь, въ этомъ словѣ, къ стыду нашего просвѣщеннаго патріотизма, не предотвращено грубое оскорбленіе русской грамматики, ибо слово «посѣщеніе» начертано не съ ятемъ, а съ естемъ)! графа Моркова».

Въ настоящее время Крестовую гору можно было бы назвать «горою незабудокъ»: такъ много на ней этихъ милыхъ голубыхъ цвѣточковъ.

На первый разъ, однако, довольно.

II.

Гдѣ же эти абреки, въ гостяхъ у которыхъ я нахожусь теперь?

Ихъ почти не видать. Проскрипитъ арба на двухъ высокихъ колесахъ съ немазаной осью; роздастся иногда цѣлый адскій концертъ этихъ неистово-скрипящихъ горныхъ колесницъ милыхъ дикарей; медленно, лѣниво тащутъ волы-меланхолики эти скрипучія арбы, скрипомъ своимъ предупреждающія, что ѣдутъ «честные абреки», а не втихомолку крадущіеся разбойники, а сами они, безстрашные сыны горъ, усѣвшись верхомъ на ярма между головами и рогами воловъ, представляютъ собою какія-то задумчивыя статуи. То бѣшено промчится молодой джигитъ, весь драпированный длинною черною буркою, или робко пробира-

ются къ себѣ въ горы темныя фигуры оборванныхъ потомковъ тѣхъ абрековъ, которымъ когда-то принадлежали и эти горы, гигантскимъ гребнемъ раскинувшіяся отъ моря до моря, и эти звенящіе серебристыми струями горные ручьи и рѣки, и эти шумные, пѣнистые, водопады, и стройные чинары, и это голубое небо, все принадлежало имъ. Даже это голубое небо—не ихъ оно, не небо абрековъ исключительно: вонъ сколько чужихъ, пышно разряженныхъ, гордыхъ, богатыхъ понаѣхало подъ ихъ небо съ холоднаго сѣвера, чтобы, слушая музыку, дышать ихъ чистымъ горнымъ воздухомъ, пить ихъ цѣлебныя воды, любоваться дивными картинами ихъ родныхъ горъ.

Пройдутъ годы, и потомки нынѣшнихъ абрековъ ничего не будутъ знать о прошломъ своей родины, если эта самая жизнь не ведетъ ихъ въ область общечеловѣческихъ знаній, гдѣ они со школьной скамьи будутъ знакомиться съ прошлымъ потерянпаго ихъ предками рая, равно какъ и тѣ, которые заняли ихъ родныя пепелища, давно забыли о прошломъ своей родины.

Я разумѣю терскихъ казаковъ, нынѣшнихъ хозяевъ этой области. Едва ли кто-нибудь изъ нихъ знаетъ, что они потомки сыновъ Волги-матушки, потомки тѣхъ волжскихъ казаковъ, которые когда-то передались на сторону Пугачева... Они кровью своей загладили ошибки предковъ, и теперь родина абрековъ—ихъ родина, небо абрековъ—ихъ небо, и они нисколько не жалѣютъ о далекой родинѣ своихъ предковъ.

Въ предыдущей бесѣдѣ я мимоходомъ упомянулъ о «скалѣ Лермонтова». Вообще, надо сказать, что кавказскія лѣтнія станціи — Пятигорскъ, Желѣзноводскъ, Эссентуки, Кисловодскъ и весь Кавказъ освящены, такъ сказать, творческимъ геніемъ великаго, рано погибшаго поэта и его славнымъ именемъ. Кавказъ былъ колыбелью его лучшихъ, безсмертныхъ произведеній, и Кавказъ же сталъ его безвременною могилою. Надъ Кавказомъ носилась его тоскующая творческая мысль, когда создалъ онъ «Демона», и оживотворялъ поэтическій образъ Тамары. Къ этимъ же мѣстамъ припикала его безпокойная мысль, когда онъ влагалъ въ «Героя нашего времени» частицы своей великой души, для которой окружающая его пошлая среда была слишкомъ тѣсной клѣткою, клѣткою чижа для узника съ орлинымъ полетомъ мощнаго духа. Въ «Спорѣ» Казбека съ Эльбрусомъ пророческій ге-

ній поэта смѣлою рукою и чудною кистью чертилъ картину будущихъ судебъ Кавказа и всего Востока, гдѣ—

Родъ людской тамъ спитъ глубоко
Ужъ девятый вѣкъ...

И пророчество поэта сбывается во-очію, а въ вѣроятномъ, быть можетъ, не далекомъ будущемъ, сбудется оно въ поразительныхъ своею грандіозностью событіяхъ.

Неудивительно, что здѣшнія мѣста, такъ сказать, напитаны безсмертнымъ именемъ поэта. Здѣсь, въ Кисловодскѣ, еще цѣлъ домикъ, въ которомъ жилъ Лермонтовъ, и до нѣкоторой степени сохранилась та скромная обстановка, которою окружена была обыденная жизнь поэта, болѣе другихъ имѣвшаго право сказать своимъ современникамъ:

Печально я гляжу на наше поколѣнье,—

и бросить ему въ лицо свой дивный стихъ, «облитый горечью и злостью».

Недалеко отъ Кисловодска, въ глухой низинѣ горныхъ ущелій, стоитъ одиноко и «скала Лермонтова», на которой онъ уединялся въ часы горькаго раздумья,—

«Въ минуты душевной невзгоды»...

Я посѣщалъ это мѣсто въ небольшомъ обществѣ знакомыхъ. Мы взяли извозчичью коляску и, миновавъ слободку, по изрытой водомоинами дорогѣ направились къ интересной исторической или, если хотите, «литературной скалѣ». Всѣ кисловодскіе извозчики отлично знаютъ путь къ этому каменному литературному памятнику, фотографическіе виды котораго извѣстны всѣмъ посѣтителямъ Кисловодска. Не болѣе, какъ черезъ часъ, коляска остановилась надъ однимъ изъ обрывовъ, въ глубинѣ которыхъ причудливыми изгибами, словно гигантская сѣрая змѣя, сверкаетъ серебромъ и шумитъ горная рѣчка, въ нижнемъ теченіи своемъ пересѣкающая кисловодскій паркъ и около Кисловодской станицы вливающаяся въ прославленный Лермонтовымъ же Подкумокъ. Съ высоты обрыва литературная скала представляла подобіе громаднаго саркофага причудливой формы, въ видѣ длиннаго острова, образовавшагося въ теченіе, вѣроятно, столѣтій и тысячелѣтій отъ прорытія горныхъ ущелій тысячелѣтнею рабо-

гою быстро текущаго съ далекихъ высей горнаго ручья, въ наши времена окрещеннаго русскимъ самымъ прозаическимъ именемъ рѣчки Ольховки. Жалкое названіе! Жалкая рѣчка! Но она, безъ сомнѣнія, журчала уже и тогда, когда въ поэтической головѣ классическаго грека, за тысячи лѣтъ до нашей эры, создавался поразительный глубиною идеи и своею титаническою грандіозностью миѳъ о Прометеѣ, о величайшемъ и симпатичнѣйшемъ ворѣ изъ боговъ, о легендарномъ абрекѣ, похитившемъ съ неба для жалкой земли искру божественнаго огня, и когда орлы безсердечнаго сластолюбца и ловеласа Зевса терзали великое сердце перваго, величайшаго на землѣ поэта и бога. Потомки этихъ орловъ, ежедневно кружащіеся надъ Кисловодскомъ въ недосягаемыхъ высяхъ небеснаго пространства, такъ же, какъ и современные абреки, не зная прошлаго своей родины, но знаютъ, конечно, что предки ихъ, орлы, терзавшіе сердце Прометея, пили воду изъ этой же жалкой Ольховки.

Но какъ подойти къ «скалѣ Лермонтова» и какъ взобраться на нее? Нигдѣ не видно было тропы, по которой можно было бы спуститься съ крутого, почти отвѣснаго обрыва, чтобы приблизиться къ основанію скалы. Съ трудомъ мы отыскали нѣчто въ родѣ тропы. Но трава внизу ущелья, сверху казавшаяся шелковою муравою, оказалась въ ростъ человѣка, и я, въ качествѣ передового путника, пробираясь и продираясь въ гущинѣ этой травы черезъ громадные камни и водомоины, долженъ былъ отъ времени до времени громко выкрикивалъ—«гопъ! гопъ!», чтобы мои спутники не потерялись среди ущелій. Но зато какъ же внушительно откликались на мои возгласы эти мрачныя ущелья своимъ каменнымъ эхомъ, явственно повторявшимъ за мною—«гопъ! гопъ!».

Наконецъ, перебравшись въ одномъ мѣстѣ по камнямъ черезъ шумливую рѣчку и, конечно, промочивъ ноги, мы очутились у подножія поэтической скалы, а потомъ вскарабкались и на первый ея выступъ; но на самую вершину взобраться не рѣшились, тѣмъ болѣе, что наступалъ уже вечеръ, и въ сгустившейся въ ущельяхъ темнотѣ мы боялись не найти выхода наверхъ.

«Скала Лермонтова» необыкновенно мрачна и одинока. Я понимаю, какъ эта уединенная мѣстность гармонировала тогда съ горькимъ душевнымъ настроеніемъ поэта: подальше отъ людей!

Дальше отъ той жалкой жизни, которую поэтъ заклеймилъ «пустою и глупою шуткой!».

Возвращаясь къ экипажу новымъ путемъ, мы разъ пять должны были, буквально, перебродить жалкую Ольховку, повидимому, мстившую намъ за то, что люди оскорбили ее, заставивъ ея чистыя струи, поившія когда-то орловъ олимпійскаго громовержца, исполнять обязанности судомоекъ въ ресторанахъ и поварняхъ Кисловодска и полоскать грязное бѣлье курсовыхъ гостей милыхъ абрековъ.

Понятно, что послѣ пятикратной переправы черезъ мстительную рѣчку, бывшія съ нами дамы должны были совсѣмъ бросить свои изящныя ботинки, превратившіяся въ смятку.

Въ слѣдующій разъ я поведу читателя, если ему не будетъ скучно, въ тотъ домикъ, гдѣ жилъ Лермонтовъ въ Кисловодскѣ и гдѣ, по выраженію одного мечтателя, «доселѣ витаетъ его тѣнь».

Нѣтъ, не витаетъ!

III.

По свидѣтельству нашего знаменитаго путешественника и антрополога, Н. Н. Миклухо-Маклая, австралійскіе дикари, папуасы, имѣютъ нѣкое подобіе своей отечественной исторіи, конечно, неписанной (потому что они писать не умѣютъ), и свято сохраняютъ память о событіяхъ и лицахъ, почему-либо дорогихъ ихъ патріотическому чувству: о томъ, напримѣръ, какъ послѣ битвы съ сосѣдями, дикарями-же, они торжественно съѣли трупы побѣжденныхъ враговъ и т. п. Обглоданные черепа и кости этихъ воинныхъ трофеевъ они развѣшиваютъ около своихъ хижинъ въ назиданіе потомству и очень гордятся этими драгоцѣнными историческими документами. Такова ихъ исторія.

Намъ, просвѣщеннымъ россіянамъ, не мѣшало бы нѣсколько подражать этимъ голенькимъ историкамъ и археологамъ Океаніи. Правда, мы имѣемъ уже свою писанную исторію, даже много исторій, и Карамзина, и Полевого, и Соловьева, и Костомарова, и Иловайскаго, и иныхъ; однако, не все, достойное памяти, сохраняемъ. Я не говорю о черепахъ нашихъ враговъ, Богъ съ ними! Я говорю о нашихъ друзьяхъ. А такимъ другомъ былъ для насъ и останется надолго Лермонтовъ.

Я вспомнилъ папуасовъ по поводу посѣщенія мною вчера

дома, въ которомъ когда-то жилъ Лермонтовъ, не въ качествѣ гостя милыхъ абрековъ, подобно мнѣ, а въ качествѣ ихъ врага.

Домъ, въ которомъ нѣкогда проживалъ нашъ славный поэтъ, принадлежалъ тогда г. Реброву, а также считается достояніемъ его дальнѣйшихъ наслѣдниковъ. Находится этотъ историческій домъ позади галлереи Нарзана. Онъ какъ бы приткнулся къ подножію Крестовой горы (не даромъ она вся покрыта незабудками, голубенькіе глазки которыхъ такъ, кажется, и говорятъ, «не забывайте его!»). Это ветхій, старинный деревянный домъ съ толстыми на тѣневой его сторонѣ колоннами, весь какъ бы расползшійся въ низенькихъ пристройкахъ, съ небольшими крылечками, сѣнцами и лѣсенками, ведущими въ верхній этажъ, подъ самую крышу. Деревянная винтовая лѣсенка ведетъ въ то, болѣе чѣмъ скромное, въ бѣдненькое святилище, въ которомъ, какъ я сказалъ раньше, по выраженію одного мечтателя, «доселѣ витаетъ тѣнь поэта». Съ чувствомъ грустнаго умиленія вошелъ я въ маленькую, совершенно пустую комнатку: ни признака жизни! Ничего, что напоминало бы его и обстановку, его окружавшую! Въ Помпеѣ, въ развалинахъ города, около двухъ тысячъ лѣтъ остававшагося подъ пепломъ Везувія, я видѣлъ эти признаки былой жизни, видѣлъ ея обстановку; а здѣсь—ничего! Только жалкія голыя стѣны, да и то оклеенныя новыми дешевенькими обоями. Въ Испаніи, въ Гренадѣ, въ стѣнахъ Альгамбры, въ «галлереѣ львовъ» мои глаза съ грустнымъ умиленіемъ останавливались на одномъ мраморномъ, живомъ существѣ, которое, около четырехъ столѣтій назадъ, радовало взоры послѣднихъ Абенсерраговъ, послѣднихъ владыкъ мавританской Испаніи: это «фонтанъ львовъ». Да, это былъ живой свидѣтель поэтическаго прошлаго. А здѣсь ничего! Все мертво, все молчитъ, ничего не сохранено.

Нѣтъ, кое-что сохранено. Это хорошія, добрыя чувства нашихъ милыхъ папуасовъ, приходившихъ поклониться бывшему жилищу того, кто заставлялъ ихъ плакать хорошими слезами и умиляться его чувствами, его мыслями, его дивною поэзіею, думать и чувствовать вмѣстѣ съ нимъ. На балконѣ, куда ведетъ дверь изъ комнаты Лермонтова, на колоннахъ, на ихъ капителяхъ, на карнизахъ милые папуасы и папуаски развѣсили, не черепа съѣденныхъ враговъ, не обглоданныя ихъ кости, а частицу своей души, своей памяти о покойномъ поэтѣ, своего свя-

того умиленія. Это—вырѣзанныя на колоннахъ и капителяхъ имена паломниковъ этого святого мѣста: «Душа». «Катя». «Лиза», «Л. Молодшая», «Донцовъ» и т. д., и т. д. Конечно, это немножко по-папуасски; но все же это трогательно и по малой мѣрѣ не такъ нахально, какъ показалось мнѣ нахальнымъ глупое притязаніе тѣхъ неизвѣстныхъ путешественниковъ и бродягъ, преимущественно изъ англичанъ, имена которыхъ (тысячи именъ!) я видѣлъ вырѣзанными на каменныхъ плитахъ, на гершинѣ и на ребрахъ пирамиды Хеопса, въ Египтѣ, и въ томъ числѣ крупнѣйшее имя—N. Bonaparte. 1798!

Здѣсь, въ Кисловодскѣ, упорно держится преданіе, что когда Лермонтовъ жилъ въ той комнатѣ, о которой я говорю, въ то время, внизу подъ нимъ, въ первомъ этажѣ, жила та особа, та прелестная «Героиня нашего времени», которую авторъ этого романа назвалъ «княжною Мери». Преданіе утверждаетъ, что Лермонтовъ любилъ эту милую дѣвушку и для свиданія съ нею, по ночамъ, спускался къ ней съ своего балкона по одной изъ колоннъ, поддерживающихъ этотъ балконъ. Можетъ быть, это и правда, а быть можетъ, какъ говорятъ добрые украинцы, «може, сему ще й брехня». Какъ бы то ни было, но мнѣ кажется, что по гладкой колоннѣ, толщиною болѣе, кажется, обхвата, трудно спуститься съ такой значительной высоты. Впрочемъ, чего не дѣлаетъ любовь! Чувство это не простое человѣческое чувство, а, по евангелію, божественное, и оно въ состояніи творить чудеса. Пусть будетъ такъ: будемъ вѣрить, что авторъ «Демона» подобно этому послѣднему, съ облаковъ слетавшему къ своей Тамарѣ въ запертыя двери монастырской кельи, по колоннѣ дома г. Реброва спускался къ своей очаровательной Мери.

Въ томъ же домѣ, въ такъ называемомъ «большомъ залѣ», сохраняются нѣкоторые историческіе памятники совершенно иного разряда, памятники, потому, быть можетъ, и сохранившіеся, что они носятъ до нѣкоторой степени характеръ оффиціальности. Я разумѣю находящіяся въ этомъ залѣ картины. На одной, писанной масляными красками, представленъ императоръ Николай Павловичъ съ нѣкоторыми лицами его свиты, посѣщающій выставку, бывшую въ Ставрополѣ-Кавказскомъ въ 1837 году. Распорядитель выставки, тотъ же, кажется, Ребровъ, преподноситъ

Государю образцы шелка-сырца, добытаго на Кавказѣ. На правой сторонѣ картины (отъ зрителя) изображено шелковичное дерево съ коконами.

Надпись на картинѣ гласитъ: «18-го октября 1837 г. въ Ставрополѣ-Кавказскомъ, на выставкѣ Императоръ Николай, при поднесеніи шелку, изрекъ: это важная статья у насъ. Мы споримъ въ этомъ съ французами».

Другая картина изображаетъ болѣе близкій къ намъ историческій моментъ.

Въ 1850 г., Императоръ Александръ II, будучи въ то время наслѣдникомъ престола, посѣтилъ Кавказъ. Былъ и онъ въ гостяхъ у нашихъ абрековъ, въ Кисловодскѣ, и останавливался въ томъ же домѣ, гдѣ за 10 лѣтъ до него жилъ Лермонтовъ; по крайней мѣрѣ, извѣстно, что Александръ Николаевичъ обѣдалъ въ домѣ Реброва. Этотъ моментъ и изображаетъ картина, написанная тоже масляными красками. Подпись подъ картиною гласитъ: «Обѣденный столъ въ Кисловодскѣ Государя Наслѣдника, нынѣ благополучно царствующаго Императора Александра Николаевича, 21-го сентября 1850 г., въ домѣ статскаго совѣтника А. Ф. Реброва. При ономъ присутствовали: съ правой стороны Государя—князь М. С. Воронцовъ, начальникъ штаба П. А. Коцебу, князь А. И. Барятинскій, флигель-адъютантъ Круковской, лейбъ-медикъ Двора Его Императорскаго Величества Енохинъ, директоръ походной канцеляріи И. Ф. Золотаревъ, полковникъ И. Д. Орбельянъ, флигель-адъютанты: графъ Н. А. Ламбертъ, князь Голицынъ; противъ Государя — хозяинъ дома, А. Ф. Ребровъ; съ лѣвой же стороны Государя: генералъ-лейтенантъ Завидовскій, генералъ маіоръ Герасимовъ (? трудно разобрать), дѣйствительный статскій совѣтникъ Эрас. Андріевскій, генералъ-маіоръ Д. А. Всеволожскій, генералъ-маіоръ Н. И. Лешенко (?), архитекторъ С. И. Уптонъ и флигель-адъютантъ Его Императорскаго Величества, полковникъ графъ Адлербергъ.— 1859 г. Тифлисъ».

На картинѣ Ребровъ изображенъ стоящимъ съ бокаломъ въ рукѣ. Повидимому, онъ обращается къ Высокому Гостю съ рѣчью.

Посѣщеніе Высокимъ Гостемъ Кавказа было, какъ значится выше, въ 1850 году. Въ то время, какъ извѣстно, милые абреки были не такъ гостепріимны, какъ въ наши дни. Кто по-

мнитъ пятидесятые годы, тотъ, конечно, припомнитъ, что тогда Кавказъ еще не былъ покоренъ или, какъ тогда выражались, «замиренъ». Страшное имя Шамиля еще гремѣло не только по Кавказу, но и по всей Россіи. Пишущій это еще въ дѣтствѣ слышалъ фантастическіе разсказы о легендарныхъ подвигахъ этого абрека, именемъ котораго долго пугали дѣтей. Гунибъ, орлиное гнѣздо этого геніальнаго абрека, еще не былъ взятъ тогда; битвы съ отчаянными сынами горъ продолжались и въ Дагестанѣ, и въ Лабѣ. Имена Ермолова, Слѣпцова, Бакланова, Кухаренка и Евдокимова были менѣе извѣстны Европѣ, чѣмъ имя Шамиля. Хотя кованный стихъ Лермонтова и пророчилъ скорую гибель Кавказа въ его безсмертномъ «Спорѣ», гдѣ Эльборусъ съ своей снѣжной маковки видитъ двигающіяся съ сѣвера рати и говоритъ Казбеку:

Ихъ ведетъ, грозя очами,
Генералъ сѣдой...

Не одинъ «генералъ сѣдой» велъ ихъ на сѣдого абрека Шамиля; но «замиреніе» Кавказа послѣдовало еще не скоро.

Высокій Гость, о которомъ гласитъ подпись подъ вышеописанной картиной, въ это, именно, время былъ въ гостяхъ у абрековъ; нѣтъ, не въ гостяхъ: кто помнитъ пятидесятые годы, тотъ припомнитъ, что тогдашній наслѣдникъ престола «былъ въ дѣлѣ», какъ говорятъ въ военныхъ реляціяхъ, и за личную храбрость получилъ почетный знакъ отличія.

А теперь не тѣ уже абреки. Они мирно возятъ въ Кисловодскъ дрова, великолѣпныя сосны и чинары изъ-подъ Эльборуса, барановъ, кизякъ; а красивые, ловкіе джигиты ихъ сопровождаютъ прекрасныхъ нашихъ амазонокъ въ горы, къ «скалѣ Лермонтова», къ «Кольцо-горѣ», къ «дальнему водопаду», къ «замку коварства и любви», на Бермамутъ. Правда, они иногда и теперь «пошаливаютъ», угоняютъ у казаковъ скотъ, нападаютъ изрѣдка на одинокихъ путниковъ, но расправляться съ ними уже не призываются «сѣдые генералы» съ войсками; нѣтъ, Ермоловыхъ и Баклановыхъ замѣнили скромные становые и урядники.

Sic transit.

IV.

Кисловодскъ, какъ «лѣтняя станція», не отличается разнообразіемъ мѣстъ для увеселительныхъ и гигіеническихъ экскурсій.

Извѣстно, что леченію какъ минеральными водами, такъ и морскими купаньями въ значительной мѣрѣ помогаетъ извѣстный образъ жизни и, между прочимъ, возможно широкое пользованіе чистымъ воздухомъ, прогулками и ненадоѣдающими и неутомляющими развлеченіями.

У насъ, въ Россіи, есть, кажется, только «лѣтнія станціи». Одинъ южный берегъ Крыма, т. е. нѣкоторыя по берегу моря мѣста, какъ Ялта, могли бы быть причислены къ «зимнимъ станціямъ», если бы зима въ Крыму не сопровождалась иногда очень нежелательными сюрпризами. Въ Европѣ же, да и въ ближайшихъ къ намъ мѣстностяхъ Африки «зимнихъ станцій (stations d'hiver) очень достаточно: Ницца, Ментонъ, Санъ-Ремо, Каннъ, Гіеръ, Пиза, Генуя, Неаполь, Сорренто, Палермо, Ачи-Реале, Мадера, Канръ и т. д. Всѣ эти станціи имѣютъ болѣе или менѣе прекрасныя мѣста для прогулокъ и для болѣе или менѣе отдаленныхъ экскурсій.

Кисловодскъ, повторяю, какъ «лѣтняя станція», скуденъ такими мѣстами для прогулокъ и экскурсій; но я не скажу, чтобы онъ ихъ вовсе не имѣлъ.

Больные и, въ особенности, выздоравливающіе, большею частью люди взыскательные, капризные. Имъ скоро прискучаетъ однообразное топтанье по парку, хотя бы очень роскошному; имъ скоро надоѣдаетъ и музыка, особенно же если она не изъ блистательныхъ; наконецъ, есть такіе капризники изъ курсовиковъ, которымъ скоро пріѣдаются однѣ и тѣ же физіономіи, изо-дня въ день дефилирующія по аллеямъ парка и на музыкѣ.

— Скучно, одурь беретъ видѣть и слышать все одно и то же,—ворчатъ эти капризники и капризницы,—не знаешь, на какомъ деревѣ и повѣситься, на чинарѣ или на каштанѣ.

Вотъ для этихъ-то Печориныхъ да княженъ Мери и нужны мѣста для прогулокъ и экскурсій.

— Куда бы сегодня направиться?

— А къ Лермонтовой скалѣ?

— Надоѣло.

— Ну, такъ въ «березовую балку».

— А это что за балка?

— Пойдемъ и увидимъ.

И мы пошли. Около шести часовъ пополудни зной уже началъ спадать, итти будетъ не жарко. Выйдя изъ парка и миновавъ вновь строющуюся на базарной площади церковь, мы спустились къ мосту, перекинутому черезъ маленькую, но быструю и шумную горную рѣчку Березовку. Въ ней плескались слободскіе ребятишки, дѣти кисловодскихъ казаковъ, будущая гроза абрековъ, если только будетъ за что имъ грозить.

За мостомъ, поднявшись въ горку, мы узенькимъ переулкомъ спустились вновь къ извилистой, капризной, словно иные курсовики, Березовкѣ. Она бурлила и прыгала по камнямъ. Вправо и влѣво высились голыя ребра скалъ. Горные пласты окаймляли капризную рѣченку гигантскими плитами природной ограды, точно гранитною набережной. На лѣвой сторонѣ, выше обрыва, на зеленой покатости виднѣлись кресты.

— Вонъ и кладбище.

— А еще говорятъ, что здѣсь никто не умираетъ.

— Своею, естественною смертью, да.

— Естественною... А не естественною, искусственною?

— Бываетъ и это.

Вправо пласты и пирамиды кизяка, которымъ здѣсь, за недостаткомъ дровъ, топятъ. По ту сторону рѣчки виднѣется натуральный гротъ подъ гигантскимъ нависшимъ камнемъ. Такихъ гротовъ вдоль всей Березовки очень много: въ нихъ въ ненастное время укрываются пастухи; видны и остатки костровъ.

Чѣмъ дальше, тѣмъ обрывы и скалы по обѣ стороны рѣчки становятся величественнѣе и красивѣе. Въ цѣломъ есть много общаго съ видами, болѣе или менѣе мрачными, которыми обставленъ переѣздъ отъ Владикавказа до Казбека, только здѣсь все это въ миніатюрѣ. Вмѣсто тамошнихъ орловъ здѣсь попискиваютъ маленькіе кулички.

Панорама все мрачнѣе. Дикіе, обнаженные утесы такъ въ иныхъ мѣстахъ нависли надъ головами, что вотъ-вотъ, кажется, рухнутъ. Но зато какъ красивы эти дикія картины!

— Вонъ, смотрите, что-то похожее на замокъ, и окошко на недосягаемой высотѣ.

— Да, невольно примешь эти скалы за замо...

— Я въ прошломъ году и назвалъ эту причудливую скалу «замкомъ страшныхъ, не разсказанныхъ исторій».

— Почему же не разсказанныхъ?

— А потому, что онѣ, въ самомъ дѣлѣ, не были разсказаны.

— Такъ ихъ надо разсказать.

— Пожалуй, одну страшную исторію, которую мнѣ на-дняхъ разсказали, я готовъ пересказать. Но это не исторія, не легенда, а истинное происшествіе. Прошлымъ лѣтомъ молодые кисловодскіе парни замѣтили вотъ на такой же неприступной скалѣ орлиное гнѣздо, и имъ захотѣлось добраться до него, чтобъ забрать оттуда молодыхъ орлятъ. Но какъ это сдѣлать? Орлиное гнѣздо находилось на такомъ мѣстѣ скалы, въ небольшомъ углубленіи, словно подъ карнизомъ, что туда никоимъ образомъ нельзя было добраться ни снизу, ни сверху. Тогда молодые казаки рѣшили взобраться на вершину скалы съ доступнаго болѣе или менѣе края, съ материка, и оттуда уже на веревкѣ спуститься къ гнѣзду. Такъ и сдѣлали. Запаслись очень крѣпкою длинною веревкою, заплели на одномъ ея концѣ петлю въ видѣ корзины, чтобъ въ нее можно было сѣсть, и кинули жребій, кому изъ нихъ спускаться. Хотя всѣ молодцы были не изъ трусливаго десятка, но имѣть дѣло съ разъяренымъ орломъ или съ орлицею, вися притомъ надъ страшною стремниной, для этого надо имѣть много смѣлости и мужества: могучая птица, этотъ царь пернатыхъ, легко можетъ выклевать глаза дерзкому хищнику или своими страшными когтями сорвать ему черепъ.

Жребій достался нѣкоему Р. Помѣстившись въ веревочную петлю и обвязавшись тою же веревкою вокругъ пояса, Р. перекрестился, попробовалъ, хорошо ли вынимается изъ ноженъ кинжалъ, и велѣлъ себя спускать. Орелъ въ это время спокойно сидѣлъ на одной изъ ближайшихъ скалъ.

Стали спускать смѣльчака. Орелъ все не двигался. Но когда Р. спущенъ былъ до уровня орлинаго гнѣзда и крикнулъ, чтобъ веревку перестали опускать, орелъ слетѣлъ со скалы и, казалось, улетѣлъ вдаль. Р. немного укрѣпился ногою въ уступъ скалы, одною рукою дотянулся до гнѣзда, взялъ одного молодого, еще не совсѣмъ оперившагося орленка и быстро всунулъ

его въ повѣшенную черезъ плечо плетенку. Вдругъ что-то зашумѣло у него надъ головою, и страшная птица мгновенно сбила съ него папаху. Это былъ громадный орелъ, который молніею упалъ съ неба. Р. почувствовалъ острую боль въ вискахъ: вмѣстѣ съ волосами орелъ успѣлъ содрать съ головы его часть кожи. Держась одною рукою за веревку, другою Р. моментально выхватилъ изъ ноженъ кинжалъ. Расправивъ крылья и когти, орелъ снова ринулся на смѣльчака; но послѣдній ловкимъ взмахомъ кинжала угодилъ разъяренной птицѣ прямо въ грудь. Орелъ съ крикомъ взлетѣлъ вверхъ, чтобы вновь молніей упасть на хищника. Р. угрожающе махалъ надъ головою кинжаломъ и кричалъ, чтобъ его тянули вверхъ. Вдругъ онъ слышитъ крики товарищей сверху: «берегись, орлица летитъ!» Страшная птица, дѣйствительно, летѣла къ гнѣзду, держа въ когтяхъ добычу, маленькаго ягненка. Понявъ опасность, угрожающую ея дѣтямъ, орлица выпустила изъ когтей добычу и тоже ринулась на хищника. Р. отчаянно махалъ кинжаломъ, крича: «тяните, тяните скорѣй!». Началась жестокая борьба на жизнь и на смерть. Нападали разомъ и орелъ, и орлица. Р. чувствовалъ, какъ страшные когти терзали ему голову, шею, спину; но онъ продолжалъ защищаться, нанося своимъ врагамъ смертельныя раны. Онъ видѣлъ, какъ одна изъ ужасныхъ птицъ, получивъ кровавую рану подъ лѣвое крыло, завертѣлась въ воздухѣ какъ-то безпорядочно и безобразною массою свалилась въ пропасть. Но въ то же время онъ съ ужасомъ замѣтилъ, что, махая безпрестанно кинжаломъ, онъ самъ этимъ кинжаломъ до половины перерѣзалъ свою спасительную веревку. Онъ буквально висѣлъ на волоскѣ надъ ужасающею стремниной. Каждую секунду веревка могла оборваться. Тогда онъ, бросивъ кинжалъ, обѣими руками ухватился за веревку выше перерѣзаннаго мѣста, и, уже не защищаясь отъ ударовъ клюва и когтей разъяренной птицы, кричалъ только: «братцы, тяните! Бейте его, проклятаго, камнями!»

Исцарапаннаго, окровавленнаго, съ трудомъ втащили товарищи смѣльчака на вершину скалы. Опоздай они съ минуту, несчастный, которому силы отказывались уже служить, неизбѣжно полетѣлъ бы въ пропасть.

Послѣдніе лучи солнца давно уже перестали золотить высшія точки окружающихъ Кисловодскъ зеленыхъ горъ, когда мы вышли изъ «березовой балки».

Мы не жалѣли, что предприняли такую интересную экскурсію. На слѣдующій разъ рѣшено было итти пѣшкомъ къ Кольцу-горѣ.

V.

Когда вы проѣзжаете изъ Эссентуковъ въ Кисловодскъ и, миновавъ живописную долину Подкумка, поднимаетесь на правый, возвышенный берегъ этой поэтической рѣчки, то ямщикъ не преминетъ показать вамъ на Кольцо-гору.

Дѣйствительно, когда вы оглянетесь вправо, то глазамъ вашимъ представится изогнутый дугою горный хребетъ, уклонами, въ формѣ гигантскаго амфитеатра, спускающійся въ зеленыя низины, по которымъ шумно стремится Подкумокъ. Въ самой выдающейся части изогнутаго (но не вогнутаго) гигантскаго амфитеатра вы замѣтите выступающую впередъ сѣро-желтую скалу, въ которой, повидимому, продолблено исполинское окно, въ видѣ арки, такое окно, что въ немъ устанавливается лошадь съ всадникомъ, и издали, простите за сравненіе! и всадникъ, и лошадь являются въ видѣ мошки, сидящей верхомъ на комарѣ, если только мошка, вообще, можетъ садиться на кого-либо верхомъ. Эта скала съ исполинскимъ окномъ, «прорубленнымъ не въ Европу», и есть Кольцо-гора, которая у здѣшнихъ курсистовъ или въ особенности у прекрасныхъ «курсистокъ» играетъ роль туфли святѣйшаго отца папы въ Римѣ для вѣрующихъ католичекъ: быть въ Кисловодскѣ и не посѣтить Кольцо-гору, это тоже, что быть въ Римѣ и не приложиться къ туфлѣ «ватиканскаго узника».

Побывавъ нѣсколько разъ въ Кисловодскѣ (въ 1879 и 1886 г.г.) и не отдавъ до сихъ поръ долга мѣстному предразсудку относительно Кольца-горы, я на этотъ разъ долженъ былъ подчиниться общему влеченію приложиться къ кисловодской туфлѣ, «итти въ Каноссу»: вѣдь, и «честный маклеръ», геніальный для нѣмцевъ князь Бисмаркъ, подобно мнѣ, долго упрямился, долго и упорно повторялъ: «нѣтъ, мы не пойдемъ въ Каноссу!». А въ концѣ-концовъ, пошелъ-таки. Такъ и я: долго упрямился, долго не хотѣлъ итти въ кисловодскую Каноссу, на Кольцо-гору; а вотъ, въ концѣ-концовъ, сегодня пошелъ-таки.

Изъ Кисловодска къ Кольцу-горѣ курсисты и курсистки отправляются большею частью въ экипажахъ, въ объѣздъ, черезъ

Кисловодскую станицу. Этимъ путемъ до Кольца-горы считаютъ 12 верстъ (думаю, что меньше). Иные же отправляются верхомъ, въ сопровожденіи или мѣстныхъ гидовъ изъ казаковъ, или милыхъ абрековъ, къ которымъ прекрасныя курсистки питаютъ нѣкоторую слабость. Да и не удивительно эти стройные и легкіе сыны горъ такъ восхитительно ѣздятъ верхомъ, что и цивилизованнымъ людямъ становится желательнымъ подражать этимъ милымъ дикарямъ.

Есть и третій способъ хожденія въ кисловодскую Каноссу, это «способъ апостольскій», pedibus apostolorum, способъ пѣшаго, вполнѣ человѣческаго хожденія, сокращающій путь къ Кольцу-горѣ съ 12-ти верстъ на 6 или на 5: болѣе, чѣмъ на половину.

Этимъ апостольскимъ способомъ воспользовался и я, пишущій сіе.

Захвативъ съ собою бинокль и револьверъ самыхъ внушительныхъ качествъ (Col. Colt. London. Patent. № 7500), а равно пригласивъ съ собою пару дворовыхъ кавказскихъ псовъ, такихъ же, какъ и револьверъ Кольта, внушительныхъ качествъ, мы утромъ, часу въ 10-мъ, отправились въ путь.

Вмѣстѣ съ «Братьями-разбойниками» Пушкина я могъ бы такъ начать мое повѣствованіе о путешествіи къ Кольцу-горѣ:

Насъ было двое—братъ и я...

Дѣйствительно, я предпринялъ это путешествіе вмѣстѣ съ братомъ. Собакъ и револьверъ мы взяли съ собою такъ себѣ, «на всякій случай»: хотя мы очень уважаемъ восточное гостепріимство милыхъ абрековъ, однако, зная, что они питаютъ къ револьверамъ такую же сердечную слабость, какую къ нимъ, къ милымъ абрекамъ, питаютъ наши прекрасныя курсистки, мы и захватили съ собой револьверъ, что называется, для красоты слога.

Перейдя у конца сада на лѣвый берегъ Березовки, мы этимъ самымъ нагорнымъ берегомъ и двинулись въ путь по дорогѣ, проложенной по горѣ вдоль теченія соединенныхъ водъ Ольховки, Терновки и Березовки, впадающихъ, какъ я прежде говорилъ, въ шумный Подкумокъ.

Утро было превосходное. По голубому небу кое-гдѣ бродили облачка, по всему вѣроятію, образовавшіяся и срывавшіяся съ

снѣжныхъ вершинъ Эльбруса и главнаго Кавказскаго хребта и проносившіяся на сѣверо-востокъ. Вправо отъ насъ и вдали передъ нами зеленѣли плодородныя низины долинъ Ольховки и Подкумка, которые, въ недалекомъ будущемъ, когда мы хоть немножко пойдемъ въ цивилизующемъ хвостѣ Европы въ дѣлѣ внутренняго благоустройства, будутъ непремѣнно окаймлены рядами хорошенькихъ виллъ, дачъ, садовъ и парковъ, вплоть до самыхъ Эссентуковъ, какъ это уже и совершилъ «гнилой Западъ» вдоль всего Корниша, отъ Марселя, Тулона, Ниццы и Ментона, вплоть до Санъ-Ремо и самой Генуи, такъ благодатна здѣсь почва, такъ привѣтливо небо, и такъ богаты минеральными водами и другими сокровищами эти прелестныя палестины милыхъ абрековъ! Но, повторяю, это будетъ только тогда, когда мы научимся у «гнилого Запада», какъ устраивать и содержать наши климатическія станціи.

Скоро въ синей дымкѣ дали, къ востоку, показался пятиглавый Бештау, и за нимъ, кажется, и Желѣзная гора. За нами—зеленыя выси и ложбины горъ, преддверій Кавказскаго хребта. Но старикъ Эльборусъ не показывался: онъ весь закутался бѣлыми и сѣрыми облаками, словно восточная красавица воздушною чадрою. Впереди все выше и выше подымался выгнутый амфитеатръ съ едва замѣтнымъ выступомъ, въ которомъ зіяло гигантское окно Кольца-горы. Издали въ это окно видно голубое небо.

Послѣ нѣкотораго блужданія около огородовъ и садовъ, окаймляющихъ зеленую долину рѣчки Ликоновки, впадающей здѣсь въ Подкумокъ, мы отыскали неказистые мостики, перекинутые черезъ эти обѣ рѣчки, и скоро очутились по ту сторону Подкумка. Кольцо-гора была передъ нами; но въ окно этой причудливой горы видпѣлось уже не голубое небо, а желто-сѣрый фонъ дальнѣйшихъ выступовъ горнаго амфитеатра. Эти каменные выступы величественны въ ихъ нетронутой дикости. Тамъ-и-сямъ зіяли темныя пасти пещеръ, словно искусственныя арки. На вершинѣ этихъ арокъ кое-гдѣ бродилъ скотъ. И какъ онъ туда забрался!

Теперь нужно было подниматься на гору. Подъемъ совсѣмъ не крутой, хотя, конечно, нѣсколько утомительный послѣ пятишести верстъ безостановочной ходьбы подъ южнымъ солнцемъ.

Наконецъ, нѣсколько огибая влѣво скалу—цѣль нашего пу-

тешествія, мы достигли самаго ея подножія. Подъемъ къ гигантскому окну-кольцу совершается не со стороны Подкумка и Кисловодска, а съ противоположной стороны, съ сѣвера. У подножія, на желтыхъ ребрахъ скалы уже виднѣются вырѣзанныя ножомъ начертанія посѣтителей, писанныя, кажется, восточными буквами. Мы стали подниматься выше и скоро очутились въ громадной, но не глубокой пещерѣ. Я невольно вздрогнулъ, когда заговорилъ: пещера отвѣтила мнѣ эхомъ. Такъ и кажется, что она сейчасъ обвалится на насъ и задавитъ. Да и не мудрено: стѣны пещеры образовались въ очень рыхломъ, вывѣтрившемся песчаникѣ, скорѣе похожемъ на высохшую глину.

Время сильно попортило знаменитую Кольцо-гору, гордость кисловодцевъ. Сѣверная часть галлереи уже обрушилась, и остается, вѣроятно, не долго ждать, когда рушится и остальная часть, что къ Подкумку, и отъ Кольца-горы останется только грустное воспоминаніе.

Очень жаль, что Эльборусъ былъ задернутъ тучами: видъ на него изъ гигантскаго кольца долженъ быть восхитителенъ.

По стѣнамъ грота виднѣется множество надписей, имена, фамиліи посѣтителей и время посѣщенія. Кто выцарапалъ свои фамиліи или свое имя (больше прекрасный полъ упражняется въ этомъ) или свои инициалы ножомъ, кто напачкалъ углемъ. Все это такъ мило и наивно: вѣдь восхожденіе на Кольцо-гору, какъ восхожденіе на пирамиду Хеопса, считается подвигомъ. Надо же оставить тамъ свое имя!

Все больше новыя надписи послѣднихъ годовъ: прежніе почти всѣ вывѣтрились и исчезли. Есть, впрочемъ, подпись 1857 года: это—какой-то Аксаковъ. Не московскій ли славянофильскій ораторъ? Не думаю, впрочемъ.

При видѣ этихъ наивныхъ начертаній мнѣ вспомнилась очень пикантная надпись на вершинѣ пирамиды Хеопса. Когда, весною 1881 года, я взобрался на этотъ несокрушимый памятникъ владычества надъ міромъ фараоновъ и отдыхалъ тамъ, созерцая величавую картину теченія Нила и песчаные холмы Сахары и невольно, въ смущенной душѣ, повторяя стихъ поэта:

Тамъ, гдѣ вѣчно чуждый тѣни
Моетъ желтый Нилъ
Раскаленныя ступени
Царственныхъ могилъ...

или другого:

...сѣрой гигантской змѣею,
Безконечныя кольца влача чрезъ илъ
Въ тростникахъ густолиственныхъ тянется Нилъ...
...Пирамида, еще пирамида, еще и еще...

—въ это мгновеніе глаза мои упали на тысячи надписей, сдѣланныхъ на плитахъ пирамиды, и между ними—надпись: N. Bonaparte. А ниже имени великаго Бонапарта какой-то шутникъ, вѣроятно, современный сторонникъ Рошфора, нацарапалъ карандашемъ:

Les noms des fous
Se trouvent pertout!

Скоро мы оставили Кольцо-гору, а въ 2 часа были уже дома.

ЗАМОКЪ СТРАШНЫХЪ ВИДѢНІЙ.

I.

При выходѣ изъ галлереи Нарзана въ паркъ, въ Кисловодскѣ, часовъ въ пять пополудни, остановилась небольшая группа «курсовыхъ», барышень и кавалеровъ, какъ военныхъ, такъ и статскихъ.

Оркестръ изъ линейныхъ казаковъ въ бѣлыхъ папахахъ и такихъ же черкескахъ, повинуясь палочкѣ дирижера, энергично исполнялъ какой-то воинственный, подмывающій маршъ. Вся площадка около кондитерской и булочной Колодяжнаго была какъ бы засыпана букетами живыхъ цвѣтовъ—яркими платьями слабаго, но прекраснаго пола, а всѣ ближайшія къ музыкальной эстрадѣ и дальнѣйшія скамейки положительно ломились подъ тѣми же живыми букетами ярчайшихъ шляпокъ, кофточекъ, юбочекъ, вѣеровъ, въ перемежку съ бѣлыми, какъ снѣгъ, кителями и чечунчою сильной, не прекрасной половины рода человѣческаго.

— Неужели же, господа «марксисты», вамъ не надоѣстъ толкаться въ этой сутолкѣ, точно въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій вольно-экономическаго общества, когда Петръ Струве и Яроцкій купно съ Чупровымъ и такъ далѣе?—заговорилъ одинъ еще не старый «субъективный старичекъ»-народникъ. — Не лучше ли намъ теперь же совершить, цѣлой кавалькадой, экскурсію въ мѣста не столь отдаленныя, но никому невѣдомыя?

— Куда же? — вскинула на говорившаго «субъективнаго старичка» своими черными, какъ ночь Іудеи, глазами хорошенькая длиннокосая курсистка, по дѣвичьему невѣдѣнію тоже тронутая марксизмомъ, — къ замку Коварства и Любви или къ Кольцу-горѣ?

— О, барышня!—комически воскликнулъ «субъективный старичекъ». — Эти мѣста такъ же давно засижены «курсовиками», извините, не курсистками! какъ капитализмъ Маркса Петромъ Струве и его недомысленниками. Я хочу вамъ показать, дѣйствительно, новыя мѣста, никому, кромѣ Лермонтова, невѣдомыя.

— Это Лермонтова скала, что ли?—небрежно кинулъ марксистъ по довѣрію, вертлявый студентъ-косоворотка.—Эта скала такъ же засижена, какъ и ваше одряхлѣвшее народничество.

— Ну, батенька, «не въ тую вагону попали», какъ говоритъ мужичекъ у Глѣба Ивановича Успенскаго,—добродушно засмѣялся «субъективный старичекъ».—Вѣроятно, вы не вчитались хорошенько въ «Героя нашего времени», а то и совсѣмъ не читали?

— Почему же такъ думаетъ подмоченная народность?—задорно огрызнулась «косоворотка», флиртуя, или, по выраженію старинныхъ проповѣдниковъ, «очами намизая» хорошенькую курсистку.

— Потому, что подмоченная народность слышала, какъ непрожеванный марксизмъ недавно утверждалъ, будто дуэль Печорина и Грушницкаго состоялась въ Ольховой балкѣ, около Лермонтовой скалы,—спокойно отвѣчалъ «субъективный старичекъ».

— А гдѣ же, по вашему?—разомъ спросили хорошенькая курсистка и юный драгунъ въ обтяжку, словно въ трико.

— Вотъ я вамъ и хочу показать, гдѣ... Согласны?—спросилъ «субъективный старичекъ», обращаясь ко всѣмъ.

— Согласны, согласны!—былъ общій отвѣтъ.

— Такъ пойдемте сейчасъ къ Урусъ Тамбіеву добывать лошадей.

Веселое общество немедленно оставило паркъ съ его музыкой и черезъ полчаса съ небольшимъ кавалькада уже выстраивалась на площади слободки, между церковью и крѣпостью. Не доставало только курсистки. Но скоро и она показалась у воротъ дачи Ярошенки.

— Я заѣзжала домой, чтобы захватить съ собою «Героя нашего времени» для провѣрки вашихъ показаній,—сказала она, направляя своего коня къ «субъективному старичку».

— Хорошо сдѣлали, барышня,—сказалъ тотъ.

Второй томъ сочиненій Лермонтова болтался въ ремешкахъ съ правой стороны сѣдла курсистки.

— Теперь въ путь за мной,—сказалъ «субъективный старичекъ», трогая своего коня.

Кавалькада сначала двинулась по площади въ рядъ. Въ серединѣ ряда ѣхалъ «субъективный старичекъ», очень ловко сидя на сѣдлѣ. Рядомъ съ нимъ, справа, слѣдовала курсистка, за нею—«косоворотка» въ бѣлой фуражкѣ, «почти военной»; за «косовороткой» — выпускная гимназистка, мечтающая о высшихъ курсахъ, а рядомъ съ нею—ея сестренка, ненавидящая свое коротенькое платьице, изъ-подъ котораго выглядывали «противныя»! толстенькія икры, привлекавшія спеціальное вниманіе драгуна въ обтяжку. По лѣвую сторону «субъективнаго старичка» ловко держалась на сѣдлѣ бѣлокурая «меди чка» въ бѣлой папахѣ; за нею—выпускной студентъ «путеецъ», бросившій волжскіе «перекаты», когда до него дошелъ слухъ о нѣкоей путейской «взяткѣ»; за путейцемъ—два литератора: одинъ—«пятлатый декадентъ», другой—мрачный «символистъ» и «вегетаріанецъ» и, наконецъ, франтоватый кадетъ, ловкій танцоръ, только недавно убѣдившійся, что Терекъ впадаетъ не въ Черное море.

«Субъективный старичекъ» припустилъ своего коня и увлекъ всѣхъ за собою.

— Э!—оглянулся онъ на «косоворотку» съ улыбкой.—Да вы совсѣмъ напоминаете благороднаго Вернера.

— Какого Вернера?—спросилъ тотъ недовѣрчиво.

— Да доктора Вернера, секунданта Печорина.

— Чѣмъ-же это?

— Вашей посадкой... Лермонтовъ пишетъ, что когда Печоринъ и Вернеръ пустились утромъ въ путь, чтобы ѣхать на мѣсто поединка съ Грушницкимъ, то «Вернеръ уцѣпился за поводья обѣими руками»...

Студентъ вспыхнулъ. Онъ, въ самомъ дѣлѣ, не мастеръ былъ ѣздить верхомъ, и когда его лошадь, вмѣстѣ съ другими, прибавила рыси, бѣдняга, дѣйствительно, уцѣпился за поводья обѣими руками.

— Да моя лошадь горячится,—пробормоталъ онъ, не смѣя взглянуть на курсистку.

— Если только овца можетъ горячиться, — допекалъ «субъективный старичекъ» за «подмоченное народничество».

Гимназисточка съ пухленькими икрами фыркнула, хотя и сама держалась за поводья обѣими руками, изъ которыхъ пальцы правой были въ чернилахъ «отъ противной нѣмецкой диктовки».

Кавалькада, между тѣмъ, вступила на мостъ черезъ шумную Березовку. Подъ мостомъ слободскіе парни и извозчики купали лошадей, засучивъ штаны выше колѣнъ и обливая изъ ведеръ водой послушныхъ меренковъ.

Кавалькада, поднявшись на горку, повернула влѣво, въ узкій переулокъ, и скоро спустилась въ ущелье, по которому въ рамкѣ нависшихъ скалъ прыгала по камнямъ бурливая Березовка.

— Какъ здѣсь красиво, несмотря на эти кизяки,—сказала «медичка», глядя на скалистые обрывы, высившіеся по бокамъ извилистаго пути.

— Это не кизяки, сударыня, а «кутанъ», что, впрочемъ, почти одно и то же,—отозвался «субъективный старичекъ».

— Почему же вы думаете, — обратился къ нему «декадентъ»,—что Лермонтовъ въ этой балкѣ заставилъ Печорина драться съ Грушницкимъ, а не въ Ольховой.

— Извольте, я сейчасъ докажу это, — отвѣчалъ народникъ.—Милая барышня,—подъѣхалъ онъ къ курсисткѣ,—позвольте мнѣ взять у васъ Лермонтова.

И онъ, освободивъ книгу, сталъ ее перелистывать.

— Вотъ... «Мы сѣли верхомъ,—началъ читать онъ.—Вернеръ уцѣпился за поводья обѣими руками»...

Всѣ невольно взглянули на студента-«косоворотку», который хотя уже и не держалъ поводьевъ обѣими руками, но снова вспыхнулъ.

Народникъ продолжалъ: — «и мы пустились, мигомъ проскакали мимо крѣпости черезъ слободку и въѣхали въ ущелье, по которому вилась дорога, полузаросшая высокой травой и ежеминутно пересѣкаемая шумнымъ ручьемъ, черезъ который нужно было переправляться вбродъ, къ великому отчаянію доктора, потому что лошадь его каждый разъ въ водѣ останавливалась»...

Въ это время сзади послышался звонкій смѣхъ гимназ-

сточки съ пухленькими икрами. Всѣ оглянулись. Лошадь ея, вступивъ передними ногами въ Березовку, остановилась и не слушалась юной наѣздницы.

— Ахъ ты, противная!—хохотала дѣвочка.—Вѣдь, я не докторъ.—И лукаво глянула на «косоворотку».

Тогда драгунъ въ обтяжку приблизился къ ней и, взявъ ея коня за поводъ, перевелъ черезъ рѣчку.

— Слушайте дальше, — говорилъ «субъективный старичекъ»:—вотъ что говоритъ здѣсь Лермонтовъ устами Печорина:—«Я не помню утра болѣе голубого и свѣжаго! Солнце едва выкатилось изъ-за зеленыхъ вершинъ, и сліяніе первой теплоты его лучей съ умирающей прохладой ночи наводило на всѣ чувства какое-то сладкое томленіе; въ ущелье не проникалъ еще радостный лучъ молодого дня; онъ золотилъ только верхи утесовъ, висящихъ съ обѣихъ сторонъ надъ нами»...

Всѣ глядѣли по сторонамъ, свѣряя съ описаніемъ то, что они видѣли.

— Да, это не Ольховая балка,—сказалъ «символистъ»:—тамъ пѣтъ этихъ утесовъ.

— Да и солнце должно здѣсь показываться изъ-за зеленыхъ вершинъ такъ, какъ говоритъ Печоринъ,—согласилась «медичка».

— А вотъ еще яснѣе,—продолжалъ «субъективный старичекъ», перевертывая страницу и продолжая ѣхать впереди всѣхъ:—«Тамъ (показалъ онъ впередъ, поднявъ глаза отъ книги) путь все становился уже, утесы синѣе и страшнѣе, и, наконецъ, они, казалось, сходились непроницаемой стѣной»...

— Правда, правда!—послышались голоса.

— Кажется, тамъ дальше и ѣхать некуда.

— Да, въ Ольховой балкѣ нѣтъ ничего подобнаго; вы правы,—согласилась курсистка.—Я хорошо сдѣлала, что захватила книгу.

— Вы умница, — улыбнулся ей «субъективный старичекъ»,—поддержали меня оправдательными документами.

Во все время слѣдованія кавалькады по живописнымъ и подчасъ грознымъ дефилеямъ Березовой балки имя Лермонтова не сходило съ устъ маленькаго веселаго общества. Затѣмъ оживленная бесѣда перешла на литературу вообще и на отдѣль-

пыхъ литераторовъ въ частности; слышались имена Пушкина, Тургенева, Достоевскаго, Гоголя, Некрасова, Л. Толстого. Начались рискованныя сравненія умершихъ талантовъ съ живыми: кто талантливѣе, кто больше...

— Сравненіе талантовъ, господа, дѣло скользкое,—замѣтилъ «субъективный старичекъ», — можно поскользнуться и упасть... Ужъ если пошло на сравненія, то я лучше разскажу вамъ одну мѣстную легенду карачаевцевъ, тѣхъ горцевъ, которые воспитываютъ для шашлыковъ самыхъ вкуснѣхъ въ Россіи барашковъ. Вотъ, что повѣствуетъ карачаевская легенда. Когда-то, у подножія Эльборуса, бродилъ по роскошнымъ пастбищамъ неслыханной величины баранъ, родоначальникъ нынѣшнихъ вкусныхъ карачаевскихъ барашковъ. Онъ былъ такъ великъ, что когда спускался съ горы на водопой къ Баксану, впадающему въ Терекъ, то заднія ноги его оставались еще на горѣ, и когда начиналъ пить воду, то выпивалъ сразу весь Баксанъ, такъ что ниже того мѣста, гдѣ онъ пилъ, рѣка совершено прекращала теченіе.

— Ну, это сказка, — отозвалась разочарованная гимназисточка съ пухленькими икрами, дразнившими воображеніе драгуна.

— Но иная сказка скрываетъ въ себѣ иногда глубокій символъ,—замѣтилъ «символистъ».

— Вѣрно, — согласился «субъективный старичекъ». — Ну-съ, такъ я продолжаю о баранѣ. Въ то время, когда баранъ разгуливалъ себѣ у подножія Эльборуса, выше, на этой самой горѣ, жилъ одинокій орелъ, но такой необычайной величины и силы, что въ одно прекрасное утро онъ стрѣлою упалъ на великана-барана; схватилъ его своими чудовищными, словно стальными, когтями и унесъ на одну изъ боковыхъ скалъ Эльборуса. Тамъ онъ его преспокойно склевалъ, оставивъ на ужинъ одну только переднюю лопатку. Скоро къ тому мѣсту, гдѣ еще недавно разгуливалъ баранъ-великанъ, одинъ карачаевецъ пригналъ на почлегъ свое стадо. А въ этомъ стадѣ былъ такой громадный козелъ-передовикъ и съ такою неслыханной бородой, что во время дождя пастухъ прятался подъ эту бороду вмѣстѣ съ собаками. Какъ разъ къ вечеру съ Эльборуса понесло тучу, и пошелъ дождь. Пастухъ и спрятался подъ козлиную бороду. Въ это время орелъ слетѣлъ со скалы, чтобы напиться въ Бак-

санѣ, послѣ чего и сталъ доклевывать баранью лопатку, усѣвшись къ козлу-великану на рога, которыя онъ принялъ за скалы. Клюетъ себѣ и клюетъ. А пастуху, между тѣмъ, надоѣло ждать подъ козлиной бородой, онъ и высунулъ изъ-подъ бороды голову, чтобы посмотрѣть на небо, скоро ли перестанетъ дождь. Увидѣвъ пастуха, орелъ испугался и слетѣлъ съ козлиныхъ роговъ, но такъ заторопился, что уронилъ изъ когтей баранью лопатку, которая, по несчастью, и попала острымъ концомъ бѣдному пастуху въ глазъ и застряла тамъ.

— Вотъ чепуха!—засмѣялась курсистка.

— Я говорила, что это просто сказка,—подтвердила и гимназисточка съ пухленькими икрами.

— Подождите, барышни,—улыбнулся «субъективный старичекъ»,—потерпите до конца. А вы слушайте, что дальше было. Когда баранья лопатка воткнулась остріемъ въ глазъ пастуха, онъ такъ заоралъ отъ нестерпимой боли, что слышно было въ Кисловодскѣ, то бишь, въ сосѣднемъ аулѣ, и карачаевцы тотчасъ же сбѣжались на крикъ, и только съ помощью ломовъ и желѣзныхъ граблей съ большимъ трудомъ вывернули изъ глаза бѣдняги страшную занозу. Но слушайте, что было потомъ. Вывернувъ изъ глаза занозу-лопатку, карачаевцы бросили ее и возвратились въ аулъ. Прошло послѣ того много лѣтъ. Брошенная лопатка покрылась землею и всякими травами, такъ что ее совсѣмъ не было видно, и изъ земли торчалъ только небольшой кусокъ кости. И вотъ, на бывшей бараньей лопаткѣ впослѣдствіи поселился цѣлый аулъ, обитатели котораго и не подозрѣвали, что построили свои сакли на бараньей лопаткѣ. Но, однажды, голодный волкъ, бродя около аула, чтобы поживиться овцой или хоть гусемъ, набрелъ на торчавшій изъ земли кончикъ лопатки и, чуя своимъ хищнымъ обоняніемъ, что кость пахнетъ бараниной, принялся ее усердно грызть. И, о, ужасъ! вся лопатка, а съ нею и весь аулъ заходили ходенемъ. «Землетрясеніе! Землетрясеніе», заорали обитатели аула. и въ смятеніи бросились спасаться.

— Часъ отъ часу не легче!—не вытерпѣлъ даже декадентъ.—Какая нелѣпость!

— Ну, декаденты съ ихъ «голубыми звуками», «зелеными запахами» и «неприкрытыми блѣдными ногами» изрекаютъ и не такія нелѣпости,—улыбнулся «субъективный стари-

чекъ».—Кому не извѣстно, что пылкая фантазія восточныхъ человѣковъ способна на грандіозные абсурды и нелѣпѣйшія преувеличенія вслѣдствіе своего преклоненія передъ физической силой.

— Ну, на этотъ счетъ и нашъ народъ, передъ которымъ вы, господа пародники, чуть не ползаете на четверенькахъ, считая его сосудомъ мудрости и экономической, и философской, особенно въ вопросѣ объ общинѣ, нашъ народъ, повторяю, хотя бы въ сказкахъ, а наипаче въ «былинахъ», заткнетъ за поясъ всякаго, самаго пылкаго карачаевца съ его бараньей лопаткой,— возразилъ «символистъ».—Наши богатыри выпиваютъ залпомъ чары зелена вина въ полтретья ведра и носятъ палицы стопудовыя, а Соловей-разбойникъ однимъ посвистомъ цѣлыя рати побиваетъ.

— Правда, правда, — согласился «субъективный старичекъ»,—у всѣхъ народовъ фантазія очень грубая, топорная; но...

— А что же ваша лопатка, то есть баранья?—поправилась «медичка».—Меня, какъ «медичку», интересуетъ баранья остеологія.

— Да, да... Баранья лопатка произвела землетрясеніе, и весь аулъ, покинувъ сакли, бросился спасаться. Но къ удивленію и ужасу, перепуганные карачаевцы увидѣли, что землетрясеніе производилъ волкъ, продолжая грызть открытый конецъ лопатки. Тогда карачаевцы схватились за оружіе и, окруживъ хищника со всѣхъ сторонъ, начали колотить его, и колотили до тѣхъ поръ, пока волкъ не упалъ на землю и не испустилъ духъ. Послѣ того всѣмъ ауломъ порѣшили снять съ убитаго волка шкуру и раздѣлить между собою. И дѣйствительно, карачаевцы усердно принялись за работу, но могли снять съ своей добычи шкуру только съ лѣваго бока, а съ праваго не могли, такъ какъ убитый волкъ лежалъ на правомъ боку, и карачаевцы, какъ ни трудились цѣлымъ ауломъ, не могли перевернуть его на другой бокъ, такъ тяжелъ былъ волкъ! Въ это время мимо проходилъ самъ князь карачаевцевъ, великанъ и богатырь Карча. Узнавъ, въ чемъ дѣло, онъ сказалъ: «Хорошо, друзья, я переверну вамъ волка на другой бокъ, но только всю шкуру съ того бока я возьму себѣ на шапку». И дѣйствительно, мигомъ перевернулъ громадную тушу мертваго хищника. И чтожъ! Когда карачаевцы раздѣлили между собою свою доло-

вину шкуры, то каждому изъ нихъ хватило на шапку, и даже съ излишкомъ. А Карчѣ изъ цѣлой половины шкуры не вышло и полшапки. Какова головка! Вотъ легенда и спрашиваетъ: «кто больше?», т. е. баранъ ли, унесенный и съѣденный орломъ? орелъ ли? или козелъ, подъ бородой котораго могъ укрываться пастухъ съ собаками? волкъ ли, который, грызя баранью лопатку, потрясалъ цѣлымъ ауломъ? или, наконецъ, великанъ и богатырь Карча?

— Конечно, Карча всѣхъ больше и сильнѣй!—выпалила гимназисточка съ пухленькими икрами.

Всѣ засмѣялись наивному рѣшенію гимназисточки.

— Вотъ, господа, вы начали было сравнивать нашихъ писателей, кто больше, точно карачаевцы сравниваютъ барана, орла, козла, волка и Карчу, спрашивая кто больше?—закончилъ «субъективный старичекъ»:—Пушкинъ, Гоголь, Лермонтовъ, Тургеневъ или Толстой?

— Конечно, Толстой!—снова выпалила гимназисточка.

И всѣ почувствовали себя сконфуженными, кромѣ «субъективнаго старичка» и гимназисточки.

II.

Кавалькада продолжала двигаться по живописному ущелью среди нависшихъ грозныхъ скалъ.

— Скоро ли же, Иванъ Николаевичъ, мѣсто дуэли Печорина и Грушницкаго?—спросила «медичка».

Иванъ Николаевичъ и былъ «субъективный старичекъ», народникъ, но фамиліи Пояринъ.

— Очень скоро, барышня,—отвѣчалъ онъ.—Видите, вонъ тамъ, вправо, выступаетъ острая скала, торчащая горизонтально на самомъ верху. Тамъ, наверху, она образуетъ небольшой треугольникъ, на которомъ и произошла дуэль... въ воображеніи Лермонтова.

— Какъ въ воображеніи?—удивилась гимназисточка.

Курсистка засмѣялась.

— А ты думаешь, что Печоринъ въ самомъ дѣлѣ застрѣлилъ Грушницкаго.

Маня, такъ звали гимназисточку, сдѣлала большіе глаза.

— Ахъ, да!—спохватилась она.—Вѣдь, это только романъ

Впрочемъ, когда я въ первый разъ, маленькою, читала «Демона», то очень плакала надъ Тамарой.

Пояринъ остановилъ свою лошадь и сошелъ съ сѣдла.

— Пріѣхали?—спросила курсистка.

— Пріѣхали, сходите съ коней... Вотъ и кусты, за которые и привязывайте лошадей,—сказалъ Пояринъ и, привязавъ своего кабардинца, снова раскрылъ Лермонтова.

— Документы?—улыбнулась курсистка.

— Документы... Вотъ, Печоринъ-Лермонтовъ пишетъ: «У подошвы скалы, въ кустахъ, были привязаны три лошади»... Это были лошади Грушницкаго и его секундантовъ, драгунскаго капитана и Ивана Игнатьевича,—пояснилъ Пояринъ. Дальше:—«мы своихъ, т. е. лошадей, привязали тутъ же, а сами по узкой тропинкѣ взобрались на площадку, гдѣ ожидалъ насъ Грушницкій съ драгунскимъ капитаномъ и другимъ своимъ секундантомъ, котораго звали Иваномъ Игнатьевичемъ».

— Документально! — иронически замѣтилъ студентъ-косоворотка, который, послѣ того какъ «субъективный старичекъ» ехидно сравнилъ его съ Вернеромъ, угрюмо молчалъ.

— Совершенно документально,—подтвердилъ Пояринъ.— А теперь и мы должны взбираться туда, наверхъ. А вы, барышни, не побоитесь карабкаться къ мѣсту дуэли?—обратился онъ къ дѣвицамъ.

— Нисколько!—отвѣчали обѣ сестры гимназистки.

— Я вчера первою вскарабкалась на Лермонтову скалу.— пояснила младшая гимназисточка Маня.—И теперь полѣзу первою.

И она тотчасъ же стала ловко пробираться вверхъ, цѣпляясь то за камни, то за кусты.

— Я за вами, m-lle Маня!—крикнулъ драгунъ въ обтяжку.

— Мужчины впередъ!—скомандовала курсистка.—А мы за вами.

Съ большимъ трудомъ, однако, веселое общество вскарабкалось на верхъ обрыва, и всѣ повалились на сухую траву, чтобы передохнуть.

Маня была вся красная и украдкой взглядывала на драгуна въ обтяжку, который тоже походилъ на печенаго рака. Видно было, что между ними, когда они впереди всѣхъ карабкались на вершину обрыва, что-то произошло. Но у Мани губки

не были надуты, изъ чего можно было заключить, что произошло нѣчто не непріятное. Охъ, ужъ этотъ кисловодскій воздухъ! Онъ просто отравленъ озономъ любви.

— Видите, господа, и вы, прекрасныя барышни, вонъ ту узенькую площадку вправо?—заговорилъ немного передохнувшій Пояринъ.—Это и есть знаменитое мѣсто дуэли. Печоринъ вотъ что пишетъ,—началъ читать Пояринъ изъ «Героя нашего времени»:—«такъ какъ мы будемъ драться на смерть, то мы обязаны сдѣлась все возможное, чтобы это осталось тайною, и чтобы секунданты наши не были въ отвѣтственности... Вотъ что я придумалъ. Видите ли на вершинѣ этой отвѣсной скалы, направо, узенькую площадку? Оттуда до низу будетъ саженъ тридцать, если не больше; внизу острые камни. Каждый изъ насъ станетъ на самомъ краю площадки; такимъ образомъ, даже легкая рана будетъ смертельна: это должно быть согласно съ вашимъ желаніемъ, потому что вы сами назначили шесть шаговъ. Тотъ, кто будетъ раненъ, полетитъ непремѣнно внизъ и разобьется вдребезги; пулю докторъ вынетъ, и тогда можно будетъ очень легко объяснить эту скоропостижную смерть неудачнымъ прыжкомъ...»

— Видите?—сказалъ Пояринъ, закрывая книгу.

— Видимъ,—отвѣчала курсистка.

— Мѣстность соотвѣтствуетъ описанію?

— Вполнѣ соотвѣтствуетъ,—отвѣчали почти всѣ.

— Значитъ, Лермонтовъ былъ тутъ своею персоною. Это мѣсто свято для насъ.

— Свято, свято!—повторили всѣ.

— А я поцѣлую это святое мѣсто!—воскликнула Маня.

И шалунья дѣйствительно поцѣловала землю.

— Но я хочу видѣть и самое мѣсто, гдѣ убитъ былъ Грушницкій и откуда онъ свалился въ пропасть,—сказала она, вскакивая на ноги.

— Но, Манечка, тамъ слишкомъ круто, ты можешь сорваться,—остановила ее старшая сестра, выпускная.

— Ахъ, Ната! Я умѣю лазить, какъ коза, не бойся, не сорвусь,—упрямилась Маня.

— Нѣтъ, нѣтъ! Вонъ Грушницкій же сорвался было, и только его поддержали секунданты, а то бы онъ скатился внизъ,—стояла на своемъ старшая сестра.

— По въ такомъ случаѣ и я поддержу m-lle Манюо,—заговорилъ драгунъ въ обтяжку.—Я тоже хочу осмотрѣть площадку, гдѣ состоялся поединокъ.

Маня, между тѣмъ, уже карабкалась къ площадкѣ, цѣпляясь за кусты и камни. Драгунъ послѣдовалъ за ней.

— Сущія дѣти!—пожала плечами медичка.—Чисто дѣти.

— Ихъ-бо есть царстіе божіе,—вздохнулъ «субъективный старичекъ».

— Только не для драгуна,—лукаво покосился на него выпускной студентъ путеецъ, бѣжавшій съ волжскаго «переката».

— Но въ евангеліи о нищихъ духомъ сказано: «блажени нищіи духомъ, яко тѣхъ есть царствіе небесное»,—ехидно пробормоталъ декадентъ.

Маня и драгунъ что-то ужъ слишкомъ долго возились въ кустахъ, взбираясь къ мѣсту поединка.

— Ай! Чуть не скатилась,—послышался голосъ Мани, но совсѣмъ не испуганный, а даже очень веселый.

— Не бойтесь! Я съ вами,—долетѣлъ оттуда голосъ драгуна.

Потомъ все стихло. Но до необыкновенно чуткаго слуха «субъективнаго старичка» донесся оттуда неясный шепотъ драгуна и слова Мани:

— Ой, ой, пустите, пустите! Довольно!—явственно послышалось Поярину, и только ему одному.

— А вотъ она я!—весело закричала Маня.

Она стояла на площадкѣ и махала оттуда платкомъ. Тотчасъ же около нея показался и драгунъ.

— Ахъ, какъ отсюда хорошо видно Эльбрусъ! Здравствуй, Эльбрусинька!—весело болтала шалунья.—Милый дѣдушка, бѣленькій, сѣденькій! Какъ тебѣ должно быть скучно одному и холодно... Вѣчно подъ снѣгомъ, ни травочки, ни цвѣточка, бѣдный дѣдуся!

Пояринъ всталъ и посмотрѣлъ на часы.

— Однако, намъ здѣсь нельзя долго засиживаться,—сказалъ онъ,—мы еще не видѣли самыхъ красивыхъ мѣстъ этой балки. Пора спускаться къ нашимъ лошадямъ.

Всѣ поднялись.

— Маня! Спускайся назадъ,—крикнула ея старшая сест-

репка.—Мы тоже спускаемся. Да смотри, осторожнѣе, не полети.

— Ахъ, еслибъ крылья! Я бы полетѣла или на Эльбрусъ, или бросилась бы...

— Въ объятія драгуна,—подмигнулъ путеецъ символисту.

Маня и драгунъ стали спускаться съ площадки, которая, благодаря генію Лермонтова, сдѣлалась исторической, и снова скрылись въ кустахъ.

— Продувная дѣвченка,—тихо пробормоталъ путеецъ, спускаясь рядомъ съ символистомъ.

— Да, вскружила голову дурачку,—согласился послѣдній.

— Ну! Такая плутовка закружитъ и умнаго старика.

— А кадетъ нашъ совсѣмъ размякъ, точно въ воду опущенный.

— Еще бы! Продувная дѣвочка сначала его дурачила, а какъ подвернулся драгунъ кургузый, она сейчасъ промѣняла кадета на офицера.

Бѣдная дѣвочка! Надо же и ей испробовать чего-то такого повенькаго да волнующаго юное сердчишко, котораго не въ силахъ такъ взволновать и двойка изъ Закона Божія, такого повенькаго, какое она нашла только въ кустахъ...

— Милые, милые, милые кусты!—мысленно вторила она, догоняя старшую сестру, вся раскраснѣвшаяся и съ горящими, совсѣмъ дѣтскими глазами,—никогда, никогда, никогда я не забуду васъ, миленькіе кустики!

А драгунъ, между тѣмъ, показывалъ видъ, будто онъ весь погруженъ въ созерцаніе какого-то лопуха, сорваннаго тамъ... въ кустахъ.

— Не лопухъ ты, братъ, сорвалъ въ кустахъ, — говорилъ про себя хитрый путеецъ, лукаво поглядывая на драгуна.

Спустившись къ лошадямъ, кавалькада двинулась дальше вверхъ по живописной балкѣ. Копыта лошадей гулко звучали по каменистой дорогѣ, да рѣка шумно струилась по камнямъ, сердито перепрыгивая черезъ преграждавшіе ей путь обломки свалившихся въ нее обломковъ скалъ. Надъ рѣчкою рѣзко перекликались бѣлогрудые кулички, чуя приближеніе вечера, да стаи краснопосыхъ и краснопогихъ кавказскихъ галокъ сверлили воздухъ звонкими криками, поспѣшая въ горы на ночлегъ.

— Да, эта балка красивѣе всѣхъ окрестностей Кисловод-

ска,—замѣтила курсистка, любуясь причудливыми изломами покрытыхъ мѣстами кудрявою зеленью скалъ и словно бы пелазгической кладки гигантскими стѣнами,—какъ это грандіозно и даже «страшно», какъ сказано у Лермонтова.

— Да, Ирина Борисовна, это правда,—согласился Поярнинъ,—но эти мѣста почти никто не посѣщаетъ, исключая «субъективнаго старичка».

— Ахъ да, Иванъ Николаевичъ, — тихо спросила курсистка,—за что васъ называютъ «субъективнымъ старичкомъ»? Вѣдь, вы не стары.

— О! Эти словечки пустили въ ходъ наши еще не прожевавшіе манной каши марксисты, подразумѣвая подъ «субъективными старичками» Михайловскаго и его единомышленниковъ, называемыхъ народниками. Я иногда подсмѣиваюсь надъ мечтающими себя марксистами, надъ нашими пріятелями, декадентомъ и символистомъ, и они за это записали меня въ «субъективные старички», хотя я вовсе не писатель, а только читатель, свободный отъ всякой партійности и только гнушающійся всякой литературной травли и человѣконенавистничества, будь эта травля направлена на поляковъ или на евреевъ, на хохловъ, на армянъ... Для меня всѣ равны:

И гордый внукъ славянъ, и финнъ, и нынѣ дикій
Тунгусъ, и другъ степей—калмыкъ...

— Это изъ Пушкина?

— Да, изъ него. «Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный...»

— Помню, помню... Да...

Слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой,
И назоветъ меня всякъ сущій въ ней языкъ:
И гордый внукъ славянъ, и финнъ, и нынѣ дикій
Тунгусъ, и другъ степей—калмыкъ...

Вдругъ сзади нихъ раздался голосъ путейца:

— Смотрите! Смотрите! Вотъ настоящій замокъ!

Впереди, надъ лѣвымъ зеленымъ скатомъ, спускавшимся къ рѣкѣ, у раздѣленія Березовой балки на два ущелья, высилась оригинальная скала, такой удивительный капризъ природы, что, казалось, нельзя было рѣшить, кладка ли это чело-

вѣческихъ рукъ, или сама природа-архитекторъ соорудила грозный замокъ съ карнизами и, повидимому, съ бойницами.

— Дѣйствительно, замокъ,—сказалъ символистъ, останавливая своего коня.

— Да, Петръ Львовичъ (такъ звали символиста, по фамиліи Курагинъ) правъ,—заговорилъ оживленно «субъективный старичекъ»,—эту игру природы и называютъ замкомъ, да еще «замкомъ страшныхъ исторій».

— Почему «страшныхъ исторій»?—спросилъ Курагинъ.

— Здѣсь когда-то происходила ожесточенная рѣзня русскихъ съ горцами, и старожилы потомъ разсказывали о ней страшныя исторіи.

Всѣ сошли съ лошадей на берегу рѣчки, особенно бурлившей въ этомъ мѣстѣ по камнямъ. Башня высилась по ту сторону рѣчки.

— Георгій Дмитріевичъ, — прозвенѣлъ вдругъ голосокъ Мани,—полѣземте туда къ башнѣ.

Георгій Дмитріевичъ, по фамиліи Паншвили, и былъ драгунъ въ обтяжку.

— А! Понравилось плутовкѣ въ кустахъ лопухи срывать,—лукаво подмигнулъ путеецъ Курагину, указывая на Маню.

— Да, къ сожалѣнію, тамъ я не вижу кустовъ,—улыбнулся послѣдній.

— Найдутъ... А то за башней можно рвать лопухи.

Драгунъ, конечно, съ радостью согласился на предложеніе Мани.

— А какъ черезъ рѣчку?—смутилась и опечалилась гимназисточка.

— О! Я васъ перенесу,—любезно предложилъ драгунъ.

Плутовкѣ только этого и хотѣлось. Она и драгунъ подошли къ водѣ.

— Позвольте, вотъ такъ, ловко?

И драгунъ поднялъ свою юную даму. На немъ были изящные лакированные съ длинными голенищами сапоги, и онъ смѣло ступилъ въ воду.

— Ахъ! Уроните, уроните!—закричала, притворно пугаясь, хитрая дѣвчонка, и обвилась руками вокругъ шеи своего кавалера.

А кавалеръ, въ виду сего счастливаго инцидента, все крѣпче и крѣпче прижималъ къ себѣ плутовку.

Кадетъ не выдержалъ всѣхъ мукъ ревности, и хотя не зналъ до послѣдняго времени, въ какое море впадаетъ Терекъ, но тутъ быстро нашелся.

Ну, нѣтъ! Онъ не дуракъ... Онъ не дастъ имъ остаться наединѣ, чтобы цѣловаться... Да и кустовъ тутъ нѣтъ... А все же... Довольно кургузому и тѣхъ кустовъ...

И кадетъ отчаяннымъ прыжкомъ перелетѣлъ черезъ рѣчку

— Браво, господинъ кадетъ! — хлопнулъ въ ладоши путеецъ. — Берите замокъ штурмомъ.

Онъ оглянулся на старшую сестру Мани и, замѣтивъ въ глазахъ ея что-то такое, отчего его сердце забилось такъ, какъ тогда, когда онъ подсаживалъ ее на сѣдло, одну руку подставляя подъ ея крошечный ботинокъ, а другою, поддерживая дѣвушку за талію, не забинтованную противнымъ корсетомъ.

— Махнемте и мы, старички, за молодежью, — весело сказалъ онъ ей, — я васъ перенесу черезъ этотъ... «Бурный потокъ», который вы такъ чудно вчера спѣли.

Гимназистка засмѣялась и покраснѣла.

— Да я не хуже кадета перескочу черезъ этотъ «бурный потокъ», — сказала она и, нѣсколько приподнявъ юбки, легко перескочила на тотъ берегъ.

— О! Вы вонъ какая! Такъ и я же за вами.

И путеецъ, разбѣжавшись, махнулъ черезъ рѣчку, но такъ неудачно, что одной ногой попалъ въ воду и чуть не опрокинулся.

Всѣ засмѣялись, а больше всѣхъ его юная дама.

— Ну, воды не даются нашимъ путейцамъ, — смѣялся «субъективный старичекъ», — то на Волгѣ «перекаты» имъ ножку подставляютъ, то Березовка, какъ тотъ французъ, «гадитъ».

— Смѣйтесь, смѣйтесь, — говорилъ путеецъ, вытирая о траву замоченные сапоги. — А попробуйте сами.

— Довольно и вашей пробы,—пожалъ плечами символистъ.

— Аваріи, — поправилъ декадентъ.

— Ну, а намъ уже неприлично прыгать подобно козамъ,— улыбнулась медичка курсистка. — Это еще дѣти, а мы...

— Мы, «неофиты будущаго уклада жизни», какъ выра-

зился на лекціи у насъ одинъ профессоръ, — закончила курсистка.

— «А у этого неофита, премиленькая рожица», — думалъ про себя символистъ, — «не одинъ, вѣроятно, профессоръ на нее заглядывается... Да и бѣлая папаха, по своей медицинской спеціальности, не одну уже, я думаю, сердечную операцію совершила надъ молодежью».

Кадетъ, между тѣмъ, далеко опередилъ всѣхъ, но постоянно оглядывался, зорко наблюдая за драгуномъ и «коварной Манькой».

— «Да-съ, Манечка, тутъ нѣтъ кустовъ», — злорадствовалъ онъ въ душѣ.

Но Маня, легкой козочкой взбиравшаяся къ мѣсту поединка Печорина съ Грушницкимъ, теперь почему-то стала тяжела на ногу, часто останавливалась, и драгунъ долженъ былъ поминутно ее «поддерживать» за талію или... «освобождать» ея ножки отъ высокой «противной» травы, и при этомъ вспомнилъ, какъ онъ въ Петербургѣ, еще кадетомъ, на каткѣ въ Юсуповомъ саду, «подвязывалъ» одной барышнѣ коньки, которые, «противные», такъ часто развязывались и постоянно въ такихъ мѣстахъ, гдѣ всего менѣе было освѣщено.

Нашъ кадетъ хорошо понималъ маневры «подлой Маньки» и «кургузаго хлыща» и злобствовалъ.

Наконецъ, и путеецъ съ старшей гимназисткой опередили Маню и драгуна, которые постоянно «запутывались» въ высокой травѣ.

Начинало темнѣть, и пора было думать о возвратномъ пути.

— А вы, штурмующая замокъ колонна, поскорѣй возвращайтесь! — кричалъ «субъективный старичекъ». — А то насъ захватитъ тутъ ночь.

Скоро всѣ спустились отъ замка къ рѣчкѣ и уже испытаннымъ разъ способомъ переправились черезъ нее къ своимъ лошадямъ, чтобы возвратиться въ Кисловодскъ.

Но они не возвратились.

III.

Декадентъ-марксистъ все повернулъ по-своему.

— Прекрасный полъ и безобразный! — торжественно воскликнулъ онъ. — Зачѣмъ намъ возвращаться въ Кисловодскъ?

— Какъ зачѣмъ? — удивился Пояринъ.

— Во мнѣ родилась чудная идея! — продолжалъ декадентъ.

— Навѣрное, декадентская, — улыбнулся Пояринъ.

— Пожалуй, декадентская, но восхитительная! Что можетъ быть прекраснѣе южной ночи! А здѣсь, въ ущельѣ, она еще очаровательнѣе; но очарованіе превратится въ захватывающее душу волшебство, когда мы разведемъ здѣсь гигантскій костеръ. Отъ его пламени ночь станетъ еще темнѣе, еще таинственнѣе... Намъ будетъ слышаться невѣдомый, таинственный шепотъ ночи... Надъ нами будутъ витать незримыя, неосязаемыя тѣни... Намъ въ темнотѣ будутъ чудиться призраки, которые вотъ-вотъ начнутъ касаться нашихъ плечъ безтѣлесными руками...

— Я хочу, чтобы меня трогали въ темнотѣ безтѣлесныя руки! — восторженно воскликнула Маня... — Хочу костеръ! Хочу, чтобы меня трогали безтѣлесныя руки!

— По-моему, лучше тѣлесныя, — хихикнулъ путеецъ.

— Костеръ! Костеръ! Костеръ! — воскликнули разомъ и медичка, и курсистка, и гимназистка. — Что можетъ быть очаровательнѣе костра ночью въ этомъ волшебномъ мѣстѣ!

Общее увлеченіе охватило всѣхъ, и костеръ былъ рѣшенъ.

— Костеръ, такъ костеръ, — согласился и «субъективный старичокъ».—Якъ коржа, то й коржа! какъ говорятъ хохлы.

— Ну, такъ маршъ за хворостомъ, дѣти! — говорилъ оживленно декадентъ... — Разведемъ такой костеръ, чтобы небу было жарко.

— И чертямъ! — добавилъ и студентъ-«косоворотка», все время чувствовавшій себя не въ своей тарелкѣ послѣ того, какъ Пояринъ сравнилъ его съ Вернеромъ.

— Ахъ, какъ весело! — восторгалась Маня, прыгая отъ радости. — И безтѣлесныя руки будутъ трогать въ темнотѣ!

— Тѣлесныя лучше, — шепнулъ ей драгунъ.

И тотчасъ всѣ разбрелись по кустамъ собирать хворостъ.

— А я останусь тутъ весталкою, чтобы поддерживать огонь костра, — сказалъ «субъективный старичекъ».

Ночной мракъ уже спустился на ущелье. Въ темнотѣ слышался трескъ ломаемаго хвороста, веселый или сдержанный смѣхъ.

— Это моя хворостина!

— Нѣтъ, моя: я ее раньше схватилъ.

— Нѣтъ, я, я!

— Хорошо, я уступаю слабому полу

— Вы зачѣмъ ее щекочете? — послышался сердитый возгласъ кадета.

— «Вы не въ тую вагону попали», — донесся изъ темноты смѣхъ медички.

— Ай! Тамъ за кустомъ цѣлуются!

— Кто съ кѣмъ?

— Должно быть, господинъ драгунъ съ безтѣлесными губами...

— Нѣтъ, это декадентъ съ символистомъ.

— Нѣтъ! Я знаю, кто съ кѣмъ, — сердито говорилъ кадетъ.

Скоро костеръ былъ наложенъ и подожженъ. Огонекъ быстро цѣплялся за сухія хворостинки, перебѣгая, словно живой, съ хворостины на хворостину.

Выше, шире, выше, шире, и разомъ вспыхнулъ громадное зарево. Мракъ ночи мгновенно отбѣжалъ отъ костра, но зато выше и ниже по ущелью онъ сталъ еще непроглядѣе, а дальше выступали звѣзды, точно безумныя.

— Какая красота! — прошепталъ декадентъ. — Въ этой борьбѣ свѣта съ мракомъ есть что-то непостижимое, но чарующее...

— Какъ стихъ декадента, — улыбнулся «субъективный старичекъ».

— Да, именно! Какъ стихъ декадента! — горячо возразилъ Перковъ (это была фамилія декадента).

— Такого, напримѣръ, какъ Поль Верлэнъ или Шарль Гюисманъ съ его «запахами звуковъ» или «голубыми звуками»?— засмѣялся «субъективный старичекъ».

— Ну, да! Хоть такого...

— А мнѣ послышались въ томъ кусту не «голубые звуки», а звуки поцѣлуя, — засмѣялся путеецъ, показывая на ближайшій кустъ.

— А вотъ и звукъ пощечины! — расхохоталась медичка.

Изъ куста вышла негодующая Маня съ пучкомъ хвороста, а за нею кадетъ съ красною лѣвою щекой...

Всѣ догадались, въ чемъ дѣло.

Не догадались только «субъективный старичекъ» и его антагонистъ декадентъ: они продолжали спорить.

— Ну, — снисходительно улыбаясь, говорилъ первый. — Что вы скажете, господа и барышни, напримѣръ, объ этихъ словахъ, страстно произнесенныхъ влюбленнымъ героемъ героинѣ: «Не закрывай-же глаза, когда я цѣлую тебя! Я хочу видѣть поцѣлуи, видѣть, какъ они вибрируютъ въ твоемъ сердцѣ; я хочу видѣть росу, поднимающуюся изъ твоей души!»

— Роса въ душѣ! Да это тѣлесная душа! — засмѣялась медичка. — Такую душу мнѣ любопытно было бы препарировать въ анатомической лабораторіи.

— Да, это почище «голубыхъ звуковъ», — согласилась курсистка съ глазами ночей Іудеи.

— И звуковъ пощечины, — безжалостно добавилъ путеецъ, взглянувъ на кадета, усѣвшагося въ тѣнь.

Маня звонко расхохоталась.

— И кто-бы, вы думали, нашелъ въ «душѣ» «росу»? — продолжалъ «субъективный старичекъ».

— Какой-нибудь шутъ, — отвѣчала медичка.

— Или просто кривляка, — пояснила курсистка; — это ничто иное, какъ словесное кривлянье.

— Нѣтъ-съ, сударыни, это сказалъ великій Метерлинкъ! Самая новая литературная мода, великій человѣкъ!

— Позвольте, позвольте, Иванъ Николаевичъ, — иронически произнесъ декадентъ, — я вамъ напомню болѣе великаго, признаннаго геніальнымъ декадента.

— Кого же это? Ибсена, Малярмэ, Гауптмана?

— Нѣтъ, нашего общаго учителя, нашу гордость и славу...

— Не понимаю загадокъ, — пожалъ плечами «субъективный старичекъ».

— Того, у кого мы теперь въ гостяхъ,—улыбался декадентъ.

— Митридата, знаменитаго понтійскаго царя, который, говорятъ, разбитый римлянами, прятался въ этомъ самомъ ущельѣ? — засмѣялся «субъективный старичекъ».

— Нѣтъ, Лермонтова!—У котораго мы и теперь въ гостяхъ.

— Лермонтова! — воскликнули съ разныхъ сторонъ.

— Да, Лермонтова: онъ нашъ первый и геніальнѣйшій декадентъ.

— Смѣетесь, батенька.

— Нѣтъ, я говорю совершенно серьезно: — въ его поэзіи разсыпаны чистѣйшіе перлы декадентства.

— «Докажите!», какъ говоритъ одинъ герой у Горбунова.

— И докажу!

— «Почтенный! Вы за это отвѣтите!» какъ говоритъ другой герой, у того же Горбунова въ «Затменіи солнца».

— Да вотъ хоть бы въ одномъ изъ изящнѣйшихъ его стихотвореній—«Выхожу одинъ я на дорогу»... Помните?

Старшая сестра Мани, хорошенькая Ната, вдругъ продекламировала:

«Выхожу одинъ я на дорогу;
Сквозь туманъ кремнистый путь блеститъ;
Ночь тиха, пустыня внемлетъ Богу
И звѣзда съ звѣздою говоритъ».

— Видите? — перебилъ декадентъ. —Какъ это, по вашимъ реалистическимъ мозгамъ, «пустыня внемлетъ Богу»? Да вы вправѣ грубо спросить: на какомъ языкѣ «звѣзда съ звѣздою говоритъ»?

— А какъ «глаза говорятъ»? — спросила «косоворотка».

— Чьи глаза! Иные говорятъ вздоръ! — отмахнулся декадентъ

— Въ приведенныхъ словахъ я не вижу, однако, декадентства, — возразилъ «субъективный старичекъ», — мысль выражена только фигурально, какъ говорятъ, — «эти стѣны многое бы разсказали»; или Наполеонъ подъ пирамидами: «съ этихъ пирамидъ смотрятъ на васъ сорокъ вѣковъ».

— Хорошо, — согласился декадентъ. — А дальше, во второй половинѣ стихотворенія?

И онъ сталъ декламировать:

«Ужъ не жду отъ жизни ничего я
И не жаль мнѣ прошлаго ничуть;
Я ищу свободы и покоя;
Я-бъ хотѣлъ забыться и заснуть...
Но не тѣмъ холоднымъ сномъ могилы—
Я-бъ желалъ навѣки такъ заснуть,
Чтобъ въ груди дремали жизни силы,
Чтобъ, дыша, вздымалась тихо грудь;
Чтобъ всю ночь, весь день мой слухъ лелѣя
Про любовь мнѣ сладкій голосъ пѣлъ;
Надо мной чтобъ, вѣчно зеленѣя,
Темный дубъ склонялся и шумѣлъ».

Декадентъ посмотрѣлъ на всѣхъ торжествующими глазами.

— Дивно, божественно! — прошептала очарованная курсистка.

— Это чудная музыка! — тихо сказала медичка.

— Тутъ символы очаровываютъ душу, — согласился, только по своему, символистъ.

— Не символы, а то, что вы называете декадентствомъ, — торжествующе продолжалъ Перковъ.

«Субъективный старичекъ» молчалъ.

— Съ вашей «трезвой» точки зрѣнія, — говорилъ Перковъ, — такъ «заснуть навѣки», не забудьте, «навѣки», чтобъ и «силы жизни дремали въ груди», чтобъ «грудь дышала и вздымалась», и опять «вѣчно»! чтобъ и «день и ночь» какой-то «сладкій голосъ про любовь пѣлъ», и этотъ дубъ шумѣлъ бы, повторяю, съ вашей трезвой точки зрѣнія, это или бредъ больного мозга, или умышленная безсмыслица... Да?

— Логически, да, — сказалъ «субъективный старичекъ».

— Но это такъ поэтично, красиво! — горячо замѣтила курсистка.

— Ахъ, Ирина Борисовна, «красиво», это любимое слово декадентовъ, — пожалъ плечами Поярипъ,—хоть безсмысленно, но «красиво».

— А, между тѣмъ, этой безсмыслицей упиваются столько поколѣній. — твердилъ свое Перковъ. — Или, вотъ, хоть бы его же:

«Есть рѣчи — значенье
Темно иль ничтожно;
Но имъ безъ волненья
Внимать невозможно».

— Какія это «рѣчи», адвокатскія? Обѣденныя.

— Не знаю.

— И я тоже не знаю... А онъ, Лермонтовъ, знастъ, говоря:

«Какъ полны ихъ звуки
Безумствомъ желанья!
Въ нихъ слезы разлуки,
Въ нихъ трепетъ свиданья».

— Но мы не знаемъ этихъ рѣчей и только пламенѣемъ отъ музыки стиха, когда читаемъ дальше:

«Не встрѣтитъ отвѣта
Средь шума мірскова
Изъ пламя и свѣта
Рожденное слово».

— А! Каково! Слово, рожденное изъ «пламени и свѣта», которое не встрѣтитъ отвѣта «средь шума мірскова...»

«Но въ храмѣ, средь боя
И гдѣ я ни буду,
Услышавъ повсюду;

Не кончивъ молитвы,
На звукъ тотъ отвѣчу,
И брошусь изъ битвы
Ему я навстрѣчу».

— Какое это «слово»? А? — уже злорадствовалъ декадентъ. — Кто знаетъ это «слово»?

— Я знаю! — выпалила было Маня, но разомъ осѣклась и покраснѣла, украдкой взглянувъ на драгуна.

— Ну? — ехидно глянулъ на нее путеецъ.

— Ну... ласковое... доброе, — бормотала гимназисточка.

— Ахъ, посмотрите, какъ чудно, какъ фантастично освѣщаетъ костеръ «Замокъ страшныхъ исторій», — поспѣшилъ ей на выручку драгунъ.

— Въ кустахъ она слышала это «слово», — шепнулъ путеецъ курсисткѣ.

Поздно уже возвращалась наша кавалькада отъ «Замка страшныхъ исторій» въ Кисловодскъ. Было темно, совсѣмъ темно, и только привычныя горскія лошади могли различать дорогу.

Веселое общество ѣхало очень долго. И не удивительно. Постоянно то у той, то у другой барышни «ослабѣвали подпруги», то «шаталось сѣдло», и кавалеры постоянно и очень охотно снимали барышень съ сѣделъ, что-то очень подозрительно долго возились около подпругъ и очень долго потомъ «подсаживали» ихъ...

Зато у многихъ долго билось сердце при одномъ воспоминаніи о «Замкѣ страшныхъ исторій» и о «словѣ, рожденномъ изъ пламени и свѣта»...

ВИДѢНІЯ ИВАНОВОЙ НОЧИ ВЪ КИСЛОВОДСКѢ.

На этихъ дняхъ, подъ вечеръ, накапунѣ Ивана Купала, безжалостно изгнанный изъ парка великолѣпными, но безбожно пылившими шлейфами прекраснаго, не всегда, впрочемъ, пола, направился я въ горы, къ такъ называемымъ Краснымъ Камнямъ. Усѣвшись тамъ на самомъ возвышенномъ мѣстѣ и созерцая чарующую картину Кисловодска, я невольно перенесся непослушнымъ воображеніемъ въ далекое, очень далекое прошлое этихъ мѣстъ, если не къ тому времени, когда здѣсь гдѣ то, на Кавказѣ, быть можетъ, на вершинѣ «Замка коварства и любви» орелъ Юпитера терзалъ своимъ клювомъ внутренности прикованнаго къ скалѣ Прометея, то ко времени борьбы Митридата Великаго съ Римомъ.

Я назвалъ лежавшую передо-мною картину Кисловодска «чарующею» и не отрекаюсь отъ своихъ словъ. Я видѣлъ много чарующаго въ моей долгой, долгой жизни. Начиная отъ далекихъ и близкихъ панорамъ всей французско-итальянской Ривьеры вдоль всего итальянскаго берега до Сорренто, или отъ Сіерра-Морены, въ Испаніи, гдѣ, стремясь съ дивныхъ горъ въ Андалузію къ Кордовѣ и Севильѣ.

Бѣжитъ, шумитъ Гвадалквивиръ,—

или отъ Севильи (я вѣдь былъ въ гостяхъ и у «Севильскаго цирульника») до волшебной Альгамбры въ Гранадѣ, или отъ Гранады до Аррагоніи (гдѣ я воочію созерцалъ и слышалъ настоящую «Аррагонскую хоту» не Глинки) и Каталоніи, или отъ Чернаго и Средиземнаго моря съ Греческимъ архипелагомъ вплоть до чарующихъ перспективъ дельты Нила съ вершины

пирамиды Хеопса, и, наконецъ, отъ Іерусалима и Елеонской горы, черезъ всю мрачную пустыню, гдѣ сорокъ дней постился Христосъ, вплоть до долины Іерихона, Іордана и Мертваго моря, всюду я созерцалъ чарующія, а нерѣдко и мрачныя картины, и если, подобно упрямцу Галилею, не говорю, топая ногою, что «земля все таки вертится», то продолжаю утверждать съ старческою настойчивостью, что и въ перспективахъ Кисловодска есть что то чарующее.

Но далекое историческое прошлое этихъ мѣстъ невольно тѣснилось мнѣ въ душу и воображеніе, такъ что я совершенно забылъ, какъ опасны для воображенія чары вечера наканунѣ Ивана Купалы. Вспомните, читатель, «Вечера на хуторѣ близъ Диканьки» Гоголя.

Темнѣло, и темнѣло быстро, какъ обыкновенно на югѣ, а не на Охтѣ.

Вдругъ меня окружили таинственные призраки. Думая, что это «вольные сыны горъ», съ кинжалами ищущіе ночныхъ перспективъ, или же косцы изъ Россіи, не нашедшіе себѣ работы и превратившіеся тоже въ «вольныхъ сыновъ горъ», я вынулъ было изъ кармана всегда находящійся со мною револьверъ, когда я ухожу въ горы; но, присмотрѣвшись ближе въ бинокль, я съ ужасомъ сообразилъ, судя по одѣяніямъ, что это и въ горы явились представительницы прекраснаго пола, чтобы и на Красныхъ Камняхъ подниматъ пыль своими великолѣпными шлейфами.

Но нѣтъ! Вмѣсто шляпокъ-цвѣтниковъ на ихъ головахъ я увидѣлъ блестящіе шлемы и каски, а также сверкавшія даже въ темнотѣ латы и вооруженіе.

И вдругъ я почувствовалъ, что я не я и вмѣсто ночи глазамъ моимъ открылось прелестное утро, и вокругъ меня воины въ древне-римскихъ и греческихъ одѣяніяхъ.

— Ты кто? — спросилъ меня, повидимому, старшій изъ нихъ.

— Я—Слово,—отвѣчалъ я,—то Слово, о которомъ сказано: «Въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ Слово»... И это великое Слово, котораго мы постигнуть не можемъ, вложило въ меня силу вызывать отъ небытія къ временному бытію то, что отошло въ вѣчность... А ты кто? — въ свою очередь спросилъ я.

— Я—Кай Марій, который семь разъ былъ консуломъ въ Римѣ и семь разъ владѣлъ всѣмъ міромъ.

— А! Это ты сидѣлъ на развалинахъ Карѳагена? — замѣтилъ я.

— Да, сидѣлъ... А потомъ въ послѣдній разъ владѣлъ міромъ и, въ виду Арарата, разбилъ на-голову Митридата, царя Понта Евксинскаго и Босфора Киммерійскаго.

Стоявшій рядомъ съ нимъ великанъ гордо поднялъ голову въ золотомъ шлемѣ.

— Да, — съ пропіей уронилъ онъ, — но въ этой битвѣ, въ виду Арарата, я же доканалъ тебя... Въ пылу битвы, въ безуміи опьяненія отъ фалернскаго вина, вѣдь ты былъ пьяница! въ изступленіи битвы и безумія ты испустилъ свой духъ...

— Великій духъ, — перебилъ его кто то.

— Великій... пропитанный фалерномъ, — брезгливо снова уронилъ великанъ.

— Но державный Римъ оцѣнилъ его, — опять перебилъ его этотъ кто-то. — Когда тѣло его было привезено изъ Понта въ Римъ въ мраморной ракѣ, залитой медомъ, чтобы оно не подверглось разложенію, Римъ почтилъ мертваго героя необыкновеннымъ тріумфальнымъ шествіемъ, которое уступало только моему тріумфу за побѣду надъ Митридатомъ, царемъ Понта Евксинскаго и Босфора Киммерійскаго.

Я догадался, что великанъ былъ Митридатъ, а кто то, возражавшій ему, былъ Помпей Великій.

И я не ошибся. Это было его лицо, лицо Помпея. Оно необыкновенно походило на прекрасную мраморную статую, ту историческую статую, къ подножію которой въ римскомъ сенатѣ упалъ Цезарь, пораженный Брутомъ и другими заговорщиками, и которою я неоднократно восхищался въ Римѣ, въ музеѣ Ватикана.

— Да, мой тріумфъ былъ величественнѣе, — съ гордостью повторилъ онъ.

Я невольно залюбовался выраженіемъ мягкости и силы генія на его благородномъ лицѣ.

— Такъ вотъ онъ, передо мной, — подумалъ я, — въ Кисловодскѣ, гдѣ барыни такъ пылятъ шлейфами... Римскія благородныя матроны, конечно, не пылили ни на Форумѣ, ни на «via sacra».

— Что это за мѣстность и какой передъ нами городъ?—

вдругъ спросилъ четвертый, стоявшій рядомъ съ Помпеемъ толстый воинъ, видимо, обрюзгшій и необыкновенно упитанный, на подобіе Фальстафа. — Я вижу тамъ сады и вишневыя деревья, которыя я первый вывезъ изъ Кераэунта въ Неаполь на мою роскошную виллу.

Я догадался, что это былъ обжора Лукуллъ.

— Вывезъ изъ Кераэунта вишни! —презрительно пожалъ плечами богатырь Митридатъ. — Ты ихъ укралъ въ моихъ понтійскихъ владѣніяхъ да еще потомъ хвастался въ Римѣ, будто разбилъ меня недалеко отъ Тиграноцерты, столицы Великой Арменіи.

Лукуллъ схватился было за мечъ, но его удержалъ пятый изъ стоявшихъ передо мной воиновъ.

— Клянусь богомъ войны, я и тебя не пощажу, Маркъ-Лициній-Дивесъ, если ты вступишься за Митридата, вѣчнаго врага Рима, — горячился Лукуллъ, и все жирное тѣло его тряслось подъ латами.

Ясно, что заступившійся за Митридата былъ Крассъ, не мало мѣшковъ золота перебравшій у понтійскаго царя, когда былъ тріумвиромъ.

Лукуллъ продолжалъ негодовать.

— Какъ бы и я не залилъ тебѣ глотку раскаленнымъ золотомъ, какъ это сдѣлали съ тобой парѳяне, — говорилъ онъ, наступая на Красса.

Но Марій удержалъ его за руку.

— Стыдитесь, благородные граждане, — сказалъ онъ, — вступать въ битву на глазахъ у иноземцевъ. Я лучше, благородный Люцій-Лициній, — обратился онъ къ Лукуллу, — повторяю твой вопросъ сему почтенному варвару съ сѣдой бородой «(варваръ» — это я, читатель,—римляне всѣхъ не-римлянъ называли варварами). Скажи, почтенный варваръ, что это за городъ?

— Кисловодскъ, — отвѣчалъ я,—здѣсь цѣлебныя воды нашей гордости, Нарзана.

— Кисловодскъ! Такихъ городовъ при мнѣ не было.

Въ это время изъ парка донеслись до насъ звуки музыки, прелестная арія торреадора изъ «Кармэнъ».

— Что это тамъ за дикая музыка? — спросилъ Марій. — Въ Римѣ была другая музыка.

— Это музыка варваровъ, — убѣжденно проговорилъ Лукуллъ.

— Нѣтъ, благородные римляне, — возразилъ я, заступаясь за оренбуржцевъ, — она не дикая; оренбуржцы играютъ хорошо. Но вашъ слухъ привыкъ къ древней, поистинѣ дикой музыкѣ, какофоніи.

— Можетъ быть, почтенный варваръ и правъ,—согласился Крассъ.

— Вѣчные боги! Боги Понта и Босфора! — вдругъ воскликнулъ Митридатъ, и глаза его заискрились гордой радостью.—Кругомъ я вижу мое царство, вотъ весь хребетъ кавказскихъ горъ...

Мы уже стояли на Елизаветинской горѣ.

— Вонъ и снѣжная вершина царя горъ! О, вѣчные боги! Да, это она!

Митридатъ указалъ на Эльбрусъ.

— О, боги, Понта и Босфора! — восторженно проговорилъ онъ. — Я опять въ своихъ владѣніяхъ!.. А мнѣ казалось, что желѣзный Римъ одолѣлъ всемогущаго Митридата, вепря поптійскихъ лѣсовъ, что Гней Помпей съ своими легіонами взялъ на копье обѣ мои сѣверныя столицы, Пантикапею и Фанагорію, эти перлы Босфора Киммерійскаго, а послѣ него, послѣ Помпея, недостойный сынъ мой, Фарнакъ, эта эхидна, которую я отогрѣлъ у своего сердца, возсталъ на меня, ограбилъ мои несмѣтныя сокровища и, принудивъ меня укрыться въ акрополѣ Фанагоріи, гдѣ, покинутый всѣми, я отравилъ свою дорогую супругу, царицу Дафну, и мою любимицу, мужественнаго вождя амазонокъ Понта, Клеопатру, и, наконецъ, велѣлъ моему вѣрному рабу и оруженосцу заколоть меня, такъ какъ никакой ядъ не дѣйствовалъ на мой, закаленный всѣми ядами, организмъ... О, боги Понта и Босфора! Такъ это былъ только сонъ, страшный сонъ!.. О, неизреченная сладость пробужденія!

Мнѣ стало его жаль. Я молчалъ. Пусть, думаю, хоть мгновеніе одно поживетъ иллюзіями.

Но не молчалъ Помпей.

— Нѣтъ, бывшій царь Понта и Босфора, — тихо, но убѣдительно заговорилъ онъ, — то былъ не сонъ. Вспомни, какъ, послѣ морского боя между моими и твоими флотиліями въ устьяхъ Фазиса, когда греческій огонь твоихъ триремъ сжегъ нѣ-

сколько моихъ кораблей, и, въ ночь послѣ боя, ложно извѣстивъ тебя, что отхожу съ своимъ флотомъ разорять твою понтійскую столицу, богатый Синопъ...

Митридатъ не далъ ему договорить. Грозное чело его нахмурилось.

— О, да, Гней Помпей! — гнѣвно воскликнулъ онъ. — Ты недостойно обманулъ меня тогда и какъ трусъ ускользнулъ отъ моего гнѣва... Да поразятъ тебя за это боги мрачнаго Аида и Тартара!

— Ошибаешься, бывшій царь Понта, — съ улыбкою возразилъ Помпей, — боги державнаго Рима внушили мнѣ, ослѣпивъ твой разумъ, волокомъ переправить мой флотъ отъ устьевъ Фазиса къ устьямъ рѣки Кюръ...

— Теперь эта рѣка называется Курою, — замѣтилъ я.

— Пусть будетъ такъ, благородный варваръ, — согласился Помпей. — Переправивъ свой флотъ, при содѣйствіи моего мудраго навмарха, Сервилія, черезъ весь Кавказъ, къ устьямъ Куры, въ Гирканское море...

— Нынѣ Каспійское, — подсказалъ я.

— Я двинулся Гирканскимъ моремъ къ сѣверу, — продолжалъ Помпей, — и, обогнувъ Кавказскій хребетъ, вотъ эти снѣжныя громады, высадилъ свои легіоны у береговъ дикихъ савроматовъ и безконечными степями достигъ Фанагоріи и взялъ на копье обѣ твои сѣверныя столицы... А потомъ уже Фарнакъ добилъ тебя. Я же, покоривъ Палестину и Іудею, и взявъ на копье Іерусалимъ, съ несмѣтною добычей возвратился въ Римъ, имѣя въ своемъ тріумфальномъ шествіи царей Иверіи и Колхиды, армянскаго царевича Тиграна-Артаксату съ его супругою, бывшею амазонкою изъ твоего Понта, а также царей Іудеи и множество твоихъ амазонокъ. Это было въ консульство великаго оратора, Марка-Туллія Цицерона.

И Помпей, съ гордою улыбкой глядя на Митридата, закончилъ:

— Такъ вѣчные боги не тебѣ возвратили твое царство, а мнѣ — владѣнія вѣчнаго Рима.

— Увы! — сказалъ я. — И ты, безсмертный своей славой Гней Помпей, великій римлянинъ, и ты, гордый Митридатъ Евпаторъ, бывшій царь Понта Евксинскаго и Босфора Киммерійскаго, вы, великаны сумрака древности, оба ошибаетесь. Всѣ

эти земли, которыя созерцаетъ здѣсь вашъ взоръ, всѣ бывшія царства, подчиненныя когда то державному Риму, и Понтъ, и Босфоръ, и обѣ Арменіи, Иверія и Колхида, и весь Кавказъ, и безчисленное множество другихъ бывшихъ царствъ, все это принадлежитъ теперь нашему могущественнѣйшему Царю, Царю Царей, россійскому Императору и Самодержцу Николаю II.

— Какъ, презрѣнный варваръ съ бѣлою бородой Сатира?— гордо, въ одинъ голосъ, воскликнули и Помпей, и Марій, и Лукуллъ, и Крассъ. — Мы не знаемъ Царя Николая. Мало ли подъ властью державнаго Рима царей! И цари Нумидіи, Галліи, Италіи, Иверіи, Колхиды, обѣихъ Арменій, Іудеи, всей Палестины, Аравіи, Понта и Босфора, Пареіи и Пергама, Пафлагоніи и Сиріи, фараоны Египта, все это данники державнаго Рима, который предписываетъ имъ законы съ высоты Капитолія!.. И ты смѣешь, бородатый варваръ!

— Увы и увы! — повторялъ я. — Вспомните вы, и ты, великій Гней Помпей, и ты, благородный Кай Марій, и ты, величественный Люцій-Люцилій Лукуллъ, и ты, достойный Маркъ-Люцилій-Дивесъ Крассъ, вспомните, что я всемогущее Слово, а не варваръ съ бородою Сатира, данною мнѣ свыше силою вызвалъ васъ изъ небытія, тдѣ вы пребывали болѣе двухъ тысячъ лѣтъ въ тлѣніи. За этотъ рядъ вѣковъ судьбы вселенной мѣнялись много разъ, и теперь тѣ, которыхъ вы, въ гордомъ величіи, называли «варварами», всѣ эти скиѳы, савроматы, гипербореи, теперь властители полуміра. Это — русскіе, великій народъ, которому нынѣ подвластны всѣ перечисленныя вами царства со всѣмъ Кавказомъ, этой самой драгоцѣнной жемчужиной въ державномъ вѣнцѣ русскаго Царя.

— Не можетъ быть! — воскликнули разомъ и Марій, и Помпей, и Крассъ, и Лукуллъ.

— Не можетъ быть! Не можетъ быть! — закричалъ и Митридатъ, хватаясь за свой мечъ.

— Такъ я же вамъ докажу, — спокойно сказалъ я.

И въ мгновеніе ока мы очутились на берегу Дона, недалеко отъ впаденія его въ Азовское море.

— Узнаешь эти мѣста, бывшій царь Понта Евксинскаго и Босфора Киммерійскаго? — обратился я къ Митридату.

— Узнаю! — сказалъ онъ. — Рѣка эта — Танаисъ, а

тамъ дальше — Меотійское море, въ которое онъ впадаетъ. Это мои владѣнія... Но я вижу городъ... При мнѣ его не было... Какой громадный городъ!

— Это Ростовъ, — сказалъ я.

— А кто въ немъ архонтомъ? — спросилъ Митридатъ.

— Въ Россіи архонтовъ нѣтъ, а есть губернаторы, полиціймейстеры, городскіе головы. Гражданскимъ архонтомъ Ростова состоитъ теперь Хмѣльницкій, который воспитался на римскомъ правѣ, «jus romanum», — пояснилъ я.

— Jus romanum, — задумчиво проговорилъ Помпей. — такъ оно еще живетъ? А вѣчный Римъ? Неужели онъ столица вашего царя?

— Нѣтъ, — отвѣчалъ я. — Римъ теперь столица только «аппенинскаго сапога» съ длинными, какъ у нашихъ купчиковъ и кавалеристовъ, голенищами.

— Какъ «аппенинскій сапогъ»? — недоумѣвали бывшіе вожди Рима.

— Да, такъ называютъ Италію по фигурѣ Аппенинскаго полуострова, — отвѣтилъ я. — И въ Римѣ, который при императорахъ насчитывалъ болѣе милліона жителей, теперь нѣтъ и полумилліона, тогда какъ въ обѣихъ столицахъ нашего Императора благоденствуетъ населеніе почти въ два съ половиною милліона.

Слова мои, видимо, поразили всѣхъ. Они съ изумленіемъ смотрѣли то на меня, то на Ростовъ, амфитеатромъ вставшій по ту сторону Дона.

— А кому воздвигнуты въ этомъ городѣ храмы, какимъ богамъ: громовержцу Юпитеру, его дочери Артемидѣ-Діанѣ, Аполлону, Марсу, богу войны, или Беллонѣ, богинѣ войны? — спросилъ Помпей.

Я молчалъ.

— Говори-же, варваръ, — настаивалъ онъ. — Кому? Юпитеру Громовержцу?

— Нѣтъ, — отвѣчалъ я,—а Тому, Который не имѣлъ, гдѣ голову преклонить, и Котораго вашъ гражданинъ Понтій Пилатъ, въ царствованіе вашего императора Клавдія Нерона Тиберія, распялъ на крестѣ, какъ разбойника.

— О!—съ гордостью воскликнулъ Помпей.—Я такихъ раз-

бойниковъ десятками тысячъ распиналъ на крестахъ, и имъ никто не сооружалъ храмовъ.

Я уклонился отъ дальнѣйшаго разговора объ этомъ предметѣ, все равно, они не поймутъ.

— Великіе боги!—съ удивленіемъ говорилъ Митридатъ.— Да вѣдь тутъ, гдѣ стоитъ этотъ красивый городъ, обитали только дикіе савроматы и скиѳы въ звѣриныхъ шкурахъ.

— Ну,—невольно засмѣялся я,—и теперь тутъ не мало дикихъ савроматовъ и скиѳовъ, только они ходятъ не въ звѣриныхъ шкурахъ, а въ пиджакахъ, смокингахъ, ульстерахъ, фракахъ и мундирахъ, а савроматки иногда ходятъ и по савроматски, декольтэ и маншъ-куртъ, зато хвостами метутъ улицы.

— Какъ хвостами?—удивился Митридатъ.—Въ мое время у савроматокъ не было хвостовъ.

— О! Ихъ называютъ шлейфами,—поправился я.

Разговоръ переходилъ на щекотливую почву, и я данною мнѣ силою перенесъ моихъ собесѣдниковъ въ Новочеркаскъ.

— Это еще что за городъ? Какой такой тутъ народъ?— спрашивали меня.

— Это столица донскихъ казаковъ,—отвѣчалъ я.

— Что это за казаки? Какой такой народъ?

— Казаки—тотъ же русскій народъ. Казаки — большею частью пограничные стражи неизмѣримаго русскаго царства. всѣ они—всадники, то же что римскіе «equites», и въ сонмѣ безчисленныхъ легіоновъ русскаго Царя стоятъ во главѣ храбрѣйшихъ изъ всѣхъ легіоновъ. Наслѣдникъ русскаго престола— ихъ августѣйшій атаманъ.

— Что такое атаманъ?

— Вождь полководецъ.

Мы остановились передъ памятникомъ графу Платову. Но не успѣли мои собесѣдники спросить, кому поставленъ этотъ памятникъ, какъ къ намъ подошелъ казакъ-городовой.

— Что вы за люди?—спросилъ онъ.—Есть у васъ паспорта?

Мы стояли молча, это была власть.

— Начальство не позволяетъ показываться на улицахъ въ неуказанномъ платьѣ, а они еще безъ штановъ! Что за безпорядокъ!—строго говорилъ городовой. — Я арестую васъ и отведу въ участокъ протрезвить.

— Да это римляне, мой другъ,—хотѣлъ я сказать,—а римляне не носили брюкъ.

Но это было бы безполезно. Я видѣлъ, что дѣло плохо, и всѣ мы данною мнѣ силою обратились въ невидимокъ.

— Вотъ те фунтъ! — разинулъ ротъ городовой. — Али я пьянъ?

Мнѣ вдругъ захотѣлось показать Митридату и бывшимъ вождямъ державнаго Рима всю необъятность нашего царства, и мы понеслись надъ землей.

— Что это тамъ внизу, за желѣзныя полосы, по которымъ двигаются, точно гигантскіе змѣи или черви, какія-то животныя чудовища, извергающія дымъ изъ своихъ пастей?—спросилъ Помпей.

— Это желѣзныя дороги, а чудовища—то вагоны поѣздовъ, которые силой пара передвигаютъ съ неизвѣстною древнимъ скоростью, милліоны пудовъ тяжестей и тысячи людей, точно на крыльяхъ,—отвѣчалъ я, хотя совѣсть подсказывала мнѣ, что живыя эти чудовища не всегда двигаются со скоростью птичьяго полета.

На лицахъ моихъ замогильныхъ гостей выразилось глубочайшее изумленіе.

— Силою пара!.. Это—колдовство!

— Такъ думаютъ и многіе наши мужички и бабы,—сказалъ я.—Но это не колдовство, а завоеваніе науки, побѣды человѣческаго разума.

Но познакомить своихъ замогильныхъ гостей съ сущностью видѣннаго ими я счелъ невозможнымъ, тѣмъ болѣе, что снова послѣдовалъ вопросъ уже со стороны Митридата.

— А что это за нити, словно паутины, протянутыя отъ столбовъ къ другимъ столбамъ?—спросилъ бывшій царь Понта и Босфора.

— Это телеграфъ, такое изобрѣтеніе, съ помощью котораго, силою электричества...

— А что такое электричество?—перебилъ меня Лукуллъ.— Электронъ—слово эллинское, и значитъ—янтарь.

— Да, въ янтарѣ и есть эта сила—электричество... Такъ силою этого электричества, которое разлито въ природѣ, по этимъ натянутымъ проволокамъ наши слова, письма, приказанія

и просьбы передаются въ нѣсколько секундъ за цѣлыя стадіи, а въ нѣсколько часовъ за тысячи и десятки тысячъ стадій.

Изумленіе моихъ замогильныхъ гостей возрастало все болѣе и болѣе.

— Колдовство, колдовство,—бормотали они.

Въ это время мы пролетали уже надъ Волгой...

— Корабли бѣгаютъ безъ парусовъ и безъ вѣтру... И это у варваровъ, у скифовъ!

Подъ нами Уралъ, Уральскій хребетъ.... «Непсходимая» Сибирь...

Мы несемся надъ Манджуріей...

Внизу, на землѣ, подъ нами, копошатся китайцы, работающіе въ поляхъ и на линіи нашей желѣзной дороги, что съ перерывами тянется къ городу Дальнему и къ Портъ-Артуру.

— Что это?—заговорилъ вдругъ Митридатъ въ сильномъ волненіи.—Мы летимъ надъ царствомъ амазонокъ... О, моя Клеопатра, мое дитя!.. Это твои амазонки!

— Какія амазонки?—удивился я.

— Да вонъ, всѣ съ косами, все женщины... Но какія безобразныя амазонки!

— Да это не амазонки, а китайцы, мужчины,—засмѣялся я.

Тамъ и сямъ бродили небольшія шайки «большихъ кулаковъ» и хунхузовъ.

Вдругъ доносится къ намъ съ земли возгласъ:

— Братцы! Станишники! Мотри вонъ... Это летятъ, словно журавли, проклятые хунхузы... Стрѣляй въ аспидовъ, пли!

Раздались выстрѣлы, и мимо насъ прожужжало нѣсколько пуль.

Э! Да тутъ... тово,—сообразилъ я,—казаки генерала Церпицкаго не дремлютъ... Назадъ! Vade retro!

И мы понеслись по направленію къ Петербургу

Необозримая, «непсходимая» Сибирь... Какія величавыя рѣки, озера, лѣса, непроходимыя тайги!

— И это все владѣнія бывшихъ скифовъ, савроматовъ и гипербореевъ?—спросилъ, задыхаясь отъ волненія, Помпей.

— Да, это все Россія...

По лицамъ бывшихъ вождей державнаго Рима, вызванныхъ мною изъ небытія, текли слезы.

— О, бѣдный седьмихолмый Римъ! Нѣкогда сердце и мозгъ,

мечъ вселенной!—со стономъ прошепталъ Помпей.—Для того-ли покоряли міръ наши Сципіоны, Катоны, для того ли безчисленные легіоны нашихъ гоплитовъ, наши закованныя въ желѣзо и мѣдь когорты проливали кровь и подъ знойнымъ солнцемъ Нумидіи, и на степяхъ Паріи, чтобъ все это безпредѣльное досталось скиѳамъ!.. О, безсмертные боги Олимпа! И вы допустили это, допустили позоръ Рима!

Мы неслись надъ Петербургомъ. Нева, запруженная пароходами... Петропавловскій шпицъ... Тамъ—море болото... Тутъ—плохо мощенныя и перемащиваемыя улицы... Неприглядные, безобразные кафтаны извозчиковъ... Грязные гипербореи, мостившіе улицы... Ничего поражающаго величіемъ, красотой, изяществомъ...

Мнѣ стало стыдно за столицу величайшей въ мірѣ державы...

Отъ какого-то загороднаго кафе-шантана доносилось разухабистое пѣніе:

Эй, Настасья, эй, Настасья,
Отворяй-ка ворота!
«Я бы рада отворила—
Буйный вѣтеръ въ лицо бьетъ»...

Визжитъ женскій голосъ:

Глядите тутъ, глядите тамъ,
Нравится ли все это вамъ...

— Шапками закидаемъ! Въ морду ихъ!—ревѣлъ пьяный голосъ.—Сицилисты!

Я, махнувъ безпадежно рукой, повернулъ къ Москвѣ

Подъ нами—Кремль съ его дворцами и соборами... Иванъ Великій... Храмъ Спасителя... Таганка... Сивцевъ Вражекъ... Вшивая Горка... Страстной бульваръ... Бѣдный бронзовый Пушкинъ!.. Бронза готова заплакать, слыша возгласы:

— Жиды одолѣли!.. Окраины заѣдаютъ центръ... Поменьше бы школъ!.. На кой прахъ эти университеты, гимназіи!.. А тамъ—полячишки, чухна, армяшки, хохлы, что не всѣ подохли, татары, грузины, черкешня, все это стоитъ поперекъ дороги русскому человѣку... Караулъ! Ташши, не пущай!..

Я чувствовалъ, какъ краска стыда заливала мнѣ щеки...

Я повернулъ на югъ, не сказалъ даже моимъ замогильнымъ

гостямъ, что мы видѣли обѣ столицы величайшей въ мірѣ державы, и что долетавшіе до насъ голоса—голоса ея патріотовъ...

Подъ нами—Азовское море... Виднѣется Керченскій проливъ... Вправо—голое темя Чатырдага... Ялта... Вдали—синева Чернаго моря...

— О! Мои моря! Мое царство! Мой Босфоръ!—застоналъ вдругъ Митридатъ.—Я не узнаю тебя... Гдѣ моя гордость, Пантикапея, моя Фанагорія?

Мы спустились въ Керчи—Пантикапеѣ на «Митридатову гору»... Только съ этой горой и соединено его имя, имя могучаго врага Рима...

— Вотъ твоя величавая Пантикапея,—сказалъ я Митридату.

— А гдѣ мои дворцы, акрополи, изображенія боговъ, мраморъ ихъ живой?.. Гдѣ моя гордая башня, съ вершины которой я созерцалъ мой величественный флотъ, цѣлый городъ триремъ, «плавающій городъ», какъ назвала его продажная Пиѳія дельфійскаго Оракула?.. О, гнусные жрецы!..

Онъ рыдалъ. Все его гигантское тѣло дрожало отъ рыданій...

— Но отцеубійца Фарнакъ, гнусный сынъ мой, конечно, похоронилъ меня рядомъ съ Дафной и Клеопатрой... Гдѣ наши могилы?—захлебывался онъ рыданіями...—Время и ихъ не пощадило...

Глядя на него, и я плакалъ...

— Нѣтъ,—сказалъ я въ утѣшеніе несчастному, — время пощадило ихъ, но люди не пощадили... Всѣ могилы и гробницы, всѣ усыпальницы Пантикапеи и Фанагоріи разрыты... Все изъ нихъ расхищено для продажи или выбрано для музеевъ... Но твое имя безсмертно, и твое открытіе,—предохранительную прививку ядовъ къ организму,—воскресилъ на благо человѣчеству великій галлъ—Пастеръ... да скиѳъ—нашъ Мечниковъ...

— О!—стоналъ Митридатъ.—Гдѣ мой вѣрный рабъ и оруженосецъ скиѳъ Яръ?.. Приди, мой вѣрный, и вторично порази твоего несчастнаго царя!..

Пораженные его горемъ, и Маріи, и Помпей, и Лукуллъ, и Крассъ молчали.

— Ты, благородный варваръ, все знаешь,—обратился ко мнѣ Марій.—Ты былъ въ нашемъ Римѣ?

— Бывалъ не одинъ разъ.

— Что осталось въ немъ, повѣдай намъ, всезнающій варваръ.

— Отъ времени императоровъ осталось нѣчто: развалины Колизея, термы императора Каракаллы, Тарпейская скала, подъ которой теперь кузница... Въ саду Тарпейской скалы—гуси, можетъ быть, потомки тѣхъ, что спасли Римъ... Влѣво отъ лѣстницы, ведущей къ Капитолію, вотъ отъ скуки волчица, происшедшая, можетъ быть, отъ той волчицы, что вскормила Ромула и Рема.

— А отъ нашихъ временъ что осталось?—спросилъ Помпей.

— Немного... Протертыя вашими ногами и ногами всего Рима камни мостовой Форума, «Forum romanum».

— О, добрый варваръ! И ты цѣловалъ эти священные камни?

— Я... плакалъ надъ Форумомъ.

— Еще что осталось?

— Тибръ, все такой же мутный, и... небо Рима, небо Гракховъ и Помпея...

Но тутъ я проснулся. Было уже за полночь. Передо мною стоялъ съ фонаремъ нашъ садовникъ, Herr Theodor Lippke, а рядомъ съ нимъ—его супруга, gnädige Frau Rosa, и ихъ Tochter, schönss Minnchen.

Дома у насъ спохватились меня и, удивляясь продолжительности моего отсутствія (я позже 8-го часу не возвращаюсь съ прогулокъ), послали разыскивать меня.

— Пожалуйте домой,—сказала Herr Lippke,—мы ужъ опасались за васъ.

И мы спустились въ паркъ. На Царской площадкѣ и всюду по парку, въ тѣни кустовъ и на скамейкахъ, виднѣлись парочки. То налетѣвшіе со всѣхъ концовъ Россіи въ Кисловодскъ «Демоны» соблазняли своихъ «Тамаръ»...

И будешь ты царица міра
Подруга вѣчная моя...

А можетъ быть—«Тамары» соблазняли «Демоновъ»...

Мертвый мирно въ гробѣ спи,
Жизнью пользуйся—живущій.

Съ грустью повторялись въ моей душѣ эти безсмертныя слова, если только я не перевралъ ихъ.

Утромъ я узналъ изъ афишъ, что въ этотъ день нашъ неутомимый Пантелеймонъ-Цѣлитель — цѣлитель скуки «курсовыхъ», почтеннѣйшій В. Л. Форкатти, ставитъ на театрѣ курзала драму Зудермана «Огни Ивановой ночи».

А меня посѣтили въ эту ночь «Видѣнія Ивановой ночи».

КАВКАЗСКАЯ ПЛѢННИЦА.

I. Праздникъ Посейдона.

Аоиняне торжественно и шумно справляютъ праздникъ бога морей, Посейдона.

Весь городъ, все его сангвиническое, жизнерадостное населеніе, точно живыя волны, въ яркое весеннее утро стремится къ берегу бирюзоваго моря, съ ритмической правильностью катившаго къ подножію возвышавшейся у самаго морского берега колоссальной статуи мраморнаго бога прозрачныя воды этой бирюзовой, вольной какъ воздухъ, то ласковой, какъ ласки добраго божества, то бурной и гнѣвной, какъ гнѣвъ самого бога, стихіи.

— О, Посейдонъ! О, метасъ! (великій)—вырывались иногда изъ этой ринувшей къ морю многотысячной толпы то радостные, то молитвенные возгласы.

А этотъ мраморный богъ, величаво стоя на берегу моря, подъ сѣнью колоннъ, весь былъ залитъ яркими лучами южнаго утренняго солнца, которое сверкало и дрожало на золотыхъ зубцахъ эмблемы бога морей, массивнаго трезубца.

Впереди толпы плавно, торжественно выступали жрецы бог морей, наполняя утренній воздухъ куреніями благовоній знойной Аравіи и далекой Индіи. И около статуи Посейдона воздухъ курился благовоннымъ дымомъ, поднимавшимся клубами отъ окружавшихъ изображеніе божества жертвенныхъ триподовъ (треножниковъ).

И море сверкало, отдавая то прозрачною бирюзою, то сапфирами, вѣчно живое, вѣчно движущееся, точно подъ его бирюзово-сапфирными глубинами дышала невидимая гигантская грудь, вздымаемая исполинскими легкими невидимаго подвод-

паго бога, мраморное изображеніе котораго глядѣлось въ его безбрежныя воды.

— Талясса! Талясса мэгалэ! (Море! Море великое!)—неслись къ этому бирюзово-сапфирному морю изъ толпы другіе привѣтственные возгласы.

Море—родная, любимая стихія грековъ.

Между тѣмъ жрецы, подъ звуки флейтъ и цѣвницъ, запѣли торжественный гимнъ той могучей стихіи, къ божеству которой процессія приближалась:

О, ты, могучая,
Непостижимая,
Жизнь дающая,
Вѣчно подвижная,
Въ гнѣвѣ ужасная,
Смертью разящая, —
Въ милости добрая,
Смертнымъ—кормилица!
О, ты, могучая!
Непостижимая!

За жрецами слѣдовали молоденькія аѳинянки, дочери знатнѣйшихъ и богатѣйшихъ гражданъ города Аѳины-Паллады. Дѣвушки, украшенныя розами и бѣлыми лиліями, эмблемами ихъ чистоты и невинности, несли роскошныя гирлянды цвѣтовъ, предназначенныя для украшенія статуи божества. У другихъ въ рукахъ зелепѣли лавровые вѣнки для побѣдителей на предстоявшихъ атлетическихъ состязаніяхъ и воинственныхъ играхъ.

Въ то же время, въ ожиданіи приближенія процессіи, аѳинскіе моряки и прибережные рыболовы, стоя вмѣстѣ съ очередными храмовыми жрецами передъ статуей Посейдона, оглашали воздухъ гимномъ моря:

Владыка бездонныхъ пучинъ,
Надежда и страхъ мореходовъ,
Всесильный и добрый Посейдонъ!
Къ тебѣ мы возносимъ молитвы,
Да правитъ трезубецъ твой мощный
Вѣтровъ благодарныхъ дыханьемъ,
Чтобъ крѣпкій корабль мореходный,
Равно и ладья рыболова
Спокойно пучины морскія
Во славу твою преплывали.
Внемли намъ, великій Посейдонъ!

Звуки этого могучаго гимна, смѣшиваясь съ жалобнымъ крикомъ морскихъ чаекъ, далеко разносились по берегу, представляя что-то какъ бы стихійное и дополняя собою немолчный рокотъ моря.

— О, Посейдонъ! О, мегасъ Посейдонъ!—вторила гимну и рокоту моря толпа своими возгласами.—Хайрей! (радуйся!).

— Талясса! Талясса! Ге мэтэръ пантопъ тонъ потамонъ! (Море! Матерь всѣхъ рѣкъ),—гремѣло по всему берегу, точно залпами выдѣляясь изъ гимна и рокота моря.

Но вотъ шумная процессія остановилась около жертвенниковъ, воздвигнутыхъ передъ статуей чествуемаго бога, гдѣ уже въ массивныхъ металлическихъ и мраморныхъ сосудахъ плескались жертвенныя рыбы, которыя, послѣ того какъ жрецы съ подобающимъ пѣніемъ и молитвами покончили обрядъ куренія божеству благовоніями, и извлекаемы были изъ сосудовъ частью для всесожженія на главныхъ жертвенникахъ божества, а главнымъ образомъ для всенародной гекатомбы-тризны. Какъ на всѣхъ жертвенникахъ около самой статуи Посейдона, такъ и на запылавшихъ по всему берегу безчисленныхъ кострахъ огромными массами жарились всевозможныя, разной величины морскія рыбы, громадные октоподы, крабы и все удобосъѣдобное, что давало море въ пищу человѣку.

Послѣ того какъ жрецы совершили торжественныя возліянія морю и статуѣ божества, по всему берегу началось всенародное пиршество, напоминавшее пиршество побѣдителей-грековъ подъ стѣнами Трои. Нестройный говоръ, веселый смѣхъ и глухой, неопредѣленный гулъ человѣческихъ голосовъ заглушали собою ритмическій неустанный рокотъ морского прибоя.

— Я думаю, весь Олимпъ съ небожителями радуется, видя чествованіе великаго бога,—говорилъ молодой жрецъ, обгладывая спинной хребетъ какой-то огромной рыбы.

— Говори осторожнѣе о небожителяхъ,—строго посмотрѣлъ на молодого жреца старый служитель храма Посейдона, — боги завистливы къ счастью какъ себѣ равныхъ, такъ и смертныхъ... Вспомни матерь Ніобею и печальную участь ея дѣтей.

— Я смиренно преклоняюсь передъ волею боговъ, — оправдывался молодой жрецъ.

— Но они не прощаютъ смертнымъ даже ихъ помышле-

ній,—тихо проговорилъ старый служитель храма Посейдона,— всякій часъ мы должны ждать проявленія ихъ гнѣва.

Какъ бы въ подтвержденіе словъ стараго жреца, неожиданно раздался ударъ грома при совершенно, повидимому, ясномъ небѣ.

— Великій Зевсъ подтвердилъ мои слова! — сурово сказалъ старый жрецъ.

Молодой жрецъ поблѣднѣлъ. Но многіе и изъ пирующихъ вздрогнули и поглядѣли на небо.

— О, Зевсъ, отецъ боговъ! — воскликнули нѣкоторые.

Съ той стороны горизонта, гдѣ долженъ бы былъ находиться Олимпъ, клубясь какъ дымъ, тихо ползло по голубому небу небольшое облачко.

Молодой жрецъ, тотъ, что говорилъ объ Олимпѣ съ его небожителями, испуганно глядѣлъ на небо.

— О, нефелеерэта! («облаконоситель» — Зевсъ), — трепетно прошепталъ онъ.—Я безъ злого умысла, по неразумію.

— Въ какой часъ какое слово скажется, — наставительно замѣтилъ старый жрецъ.—Мойра (судьба) ежеминутно подслушиваетъ каждое слово и подсматриваетъ за каждымъ дѣяніемъ смертныхъ и на крыльяхъ вѣтровъ и въ дыханіяхъ зефира обо всемъ доноситъ на Олимпъ. Но владыка вѣтровъ, великій и милостивый Эолъ, пронесетъ мимо насъ эту посланницу Зевса, громоносную тучку,—молвилъ третій жрецъ, запивая кипрскимъ поджаренныя на вертелѣ нѣжныя щупальца октопода.

— А кто изъ смертныхъ можетъ вѣдать, въ согласіи ли нынѣ находится чествуемое нами теперь божество съ богомъ вѣтровъ, — снова возразилъ старый жрецъ. — Великій Посейдонъ часто грозитъ своимъ трезубцемъ посланникамъ Эола, вѣтрамъ, особенно когда бушуютъ на морѣ Аферъ или Борей.

— Ну, эти боги чаще враждуютъ между собой зимою, чѣмъ весной, — замѣтилъ третій жрецъ, снова осушая кубокъ кипрскаго. — А вонъ нашъ историкъ что-то совсѣмъ не пьетъ,— указалъ онъ на сидѣвшаго за сосѣднимъ столомъ, вмѣстѣ съ другими знатными аѳинянами, уже не молодого, съ симпатичнымъ, задумчивымъ лицомъ грека.

— Геродотъ все еще оплакиваетъ свою жену,—сказалъ старый жрецъ.—Хотя онъ изъѣздилъ весь свѣтъ, все видѣлъ и все изучилъ, знаетъ, гдѣ какія моря, народы, ихъ нравы, гдѣ какія

рѣки текутъ въ моря, но и онъ не видѣлъ ни мрачнаго Стикса, ни мутной Леты, ни холоднаго Флегетона, гдѣ, быть можетъ, бродитъ на берегу тѣнь его жены, скорбя о покинутомъ ею супругѣ и объ осиротѣлой юной дщери.

— Правда,—согласился любитель кипрскаго.—Но въ печали своей онъ могъ бы прибѣгнуть къ утѣшителю всѣхъ скорбей, милостивому богу Діонису-Вакху (Бахусъ).

— Но не всѣ могутъ такъ усердно прибѣгать къ этому богу, какъ ты,—иронически кивнулъ старый жрецъ на амфору съ кипрскимъ.

— Да, великій Діонисъ-Вакхъ ко мнѣ всегда милостивъ,—не понявъ иронiи, отозвался любитель кипрскаго.—Но Геродоту въ утѣшеніе осталась дочь.. я вижу, онъ не насмотрится на нее, точно она сама Афродита.

— Да и Андромеда, повидимому, обожаетъ родителя,—замѣтилъ старый жрецъ, любуясь прелестною дѣвочкой.

Жрецы говорили о знаменитомъ Геродотѣ, «отцѣ исторіи», и объ его юной дочери.

Праздничное пиршество, однако, скоро кончилось, и толпа аѳинянъ двинулась къ тому мѣсту, гдѣ должны были происходить публичныя игры и состязанія.

Атлетическія и гимпастическія упражненія, развивавшія силу и ловкость и способствовавшія вообще усовершенствованію и укрѣпленію тѣла и физической красоты молодого поколѣнія, очень цѣнились въ античномъ мірѣ, который относился къ нимъ какъ къ дѣлу государственной важности, и потому самыя почетныя лица государства и общества являлись судьями этихъ игрищъ и состязаній. Да и народъ, граждане высшаго и средняго сословій и рабы предпочитали эти игры и состязанія всѣмъ другимъ публичнымъ зрѣлищамъ.

Нѣсколько часовъ многотысячная толпа, забывъ даже бога, чествованію котораго она сейчасъ предавалась, находилась въ сильнѣйшемъ возбужденіи, ревниво наблюдая за состязающимися въ бѣгахъ, въ борьбѣ и въ метаніи дисковъ. То и дѣло воздухъ оглашали то восторженные крики одобренія, то ропотъ недовольства.

Во время этихъ состязаній, Геродотъ и его юная дочь возсѣдали на трибунѣ вмѣстѣ съ знатнѣйшими лицами Аѳинъ и властями этого города, и молоденькой Андромедѣ, въ уваженіе къ

заслугамъ ея отца, который за свои публичныя чтенія получилъ первую, почетнѣйшую награду на послѣднихъ олимпійскихъ играхъ, выпала честь раздавать лавровые вѣнки побѣдителямъ на состязаніяхъ.

Дѣвочка была очень польщена выпавшей на ея долю честью и видимо сильно волновалась, постоянно вспыхивая нѣжнымъ румянцемъ, когда, подъ звуки трубъ, побѣдители подходили къ ней, чтобъ изъ ея рукъ быть увѣнчанными побѣдными лаврами. Но особеннымъ румянцемъ окрасились ея нѣжныя щеки, и въ черныхъ глазахъ ея зажегся особенно-теплый огонекъ, когда она дрожащими руками возглагала вѣнокъ на черную курчавую голову молодого атлета изъ знатнаго рода Перикловъ, красавца Никострата.

— Тутъ дѣло не безъ Эроса (Амуръ),—лукаво замѣтилъ молодой Остридій, тихонько толкая своего сосѣда, рыжаго Полихронія.

— Да гдѣ ты видишь Эроса?—спросилъ послѣдній.

— Въ глазахъ у Никострата.

— Правда... Такъ стрѣлы и мечетъ, да прямо въ глаза Андромеды... Еще ослѣпитъ прекрасную дѣву, глаза выколетъ стрѣлами Эрота.

— Нѣтъ, она опустила рѣсницы: ей это шепнула сама Афродита.

— Ну, да и рѣсницы у плутовки, настоящія стрѣлы.

И оба засмѣялись.

По окончаніи игрищъ, молодые борцы, разгоряченные состязаніями, удалились за береговую масличную рощу, чтобъ искупаться въ морѣ, а молодыя дѣвушки, во главѣ съ Андромедой и сопровождаемыя служанками, уединились, на противоположной сторонѣ морского берега, за густыми олеандровыми кустами, чтобы тоже освѣжиться въ морскихъ волнахъ послѣ испытанныхъ волненій.

Въ это время къ продолжавшей возлежать и сидѣть за пиршественными столами аонской знати подошелъ, ведомый курчавымъ загорѣлымъ мальчикомъ, слѣпой рапсодъ съ лирою черезъ плечо.

— Калимэра (день добрый).

— Калимэра, старче!—привѣтствовалъ его Геродотъ.

— Хвала богамъ! Калимэра!—отвѣчалъ слѣпецъ.

— Откуда и куда боги направляютъ стопы твои, странникъ божій?

— Отъ Колофана въ мужественный Лакедемонъ ведутъ меня слѣпыя очи и старческія ноги, какъ водили когда-то божественнаго Гомера, «слѣпца всевидящаго».

— Такъ ты знакомъ съ его пѣснями?

— Ими я и живу, благородный аѳинянинъ... Говоръ твой обличаетъ, что ты не доріецъ и не іонянинъ,—говорилъ слѣпецъ, вслушиваясь въ выговоръ Геродота.

— Да, я больше аѳинянинъ, чѣмъ доріецъ,—отвѣчалъ послѣдній.—Такъ ты, можетъ, знаешь всего старца, «слѣпца всевидящаго», и споешь намъ хоть одну рапсодію во славу данаевъ?

— Что же угодно будетъ благороднымъ сынамъ прекрасной Аттики прослушать? «Мэнинъ аэйде, тэа» («гнѣвъ, богиня, воспой»...)

— «Ахиллеса, Пелеева сына»...—процитировалъ Геродотъ.

— Да... Или: Андра мой эннэпэ, муза, полютропонъ (Муза скажи мнѣ о томъ многоопытномъ мужѣ?.. *).

— Я бы охотно прослушалъ послѣднее... Не знаю, какъ другіе благородные граждане града Аѳины-Паллады?—обвелъ глазами собраніе Геродотъ.

— И мы послѣднее... Послѣднее!—послышались голоса.—Ты же самъ много странствовалъ по свѣту, изучая чужія страны и нравы ихъ обитателей, какъ и безмертный царь Итаки.

Тогда амфитріонъ подалъ слѣпцу кубокъ съ виномъ, говоря:

— Выпей же, старче, этотъ виноградный сокъ во славу великаго Посейдона, нынѣ нами чествуемаго, и на вѣчную память Одиссея, царя Итаки...

— И его безсмертнаго пѣвца,—подсказалъ Геродотъ.

Осушивъ кубокъ, слѣпецъ сѣлъ на землю и настроилъ свою лиру. Затѣмъ говорливыя струны ея тихо зазвучали, и слѣпецъ, возведя незрячіе глаза свои къ голубому небу, какъ бы въ немъ ища вдохновенія, медленно, медленно, какъ-то словно молитвенно запѣлъ старческимъ речитативомъ тягучія строфы безсмертаго гекзаметра:

Андра мой эннэпэ, муза, полютропонъ, хосъ маля полла
Плянхпе...

*) Т. е. изъ «Иліады», или «Одиссеи»?

Скрипучій, но выразительный голосъ его то падалъ до тихаго шопота, то поднимался до какого-то рыданія, до сильныхъ, мужественныхъ возгласовъ, гдѣ того требовали слова и внутреній смыслъ рапсодіи.

Всѣ слушали въ глубокомъ молчаніи, ибо для всѣхъ казались вѣчно новыми, хотя давно знакомыя слова, повѣдывавшія имъ о далекомъ-далекомъ прошломъ, о ихъ предкахъ-герояхъ, о полубогахъ и о самихъ богахъ безсмертныхъ, принимавшихъ непосредственное участіе въ кровавыхъ дѣяніяхъ смертныхъ.

Вдругъ съ того берега моря, гдѣ за олеандровыми кустами уединились для купанья молодыя аѳинскія дѣвушки, послышались отчаянные крики о спасеніи.

Всѣ встрепенулись. Пѣніе слѣпца мгновенно оборвалось. Многіе бросились къ тому мѣсту, откуда неслись отчаянные голоса молодыхъ аѳинянокъ, и въ то же время послышались оттуда возгласы:

— Пираты!. Финикійскіе пираты похитили купающихся!.. О, горе! О, великіе боги!

Геродотъ страшно поблѣднѣлъ.

— Въ погоню! Въ погоню за безбожными хищниками!—со всѣхъ сторонъ послышались крики.

И первымъ бросился къ морю, къ стоявшимъ тамъ лодкамъ и кораблямъ, потрясенный извѣстіемъ Геродотъ.

— Успокойтесь, граждане!—торжественно произнесъ старый жрецъ.—Великій Посейдонъ не дастъ на поруту посвященный ему день... Похищенныя будутъ возвращены.

II. «Въ походъ за пиратами!»

Въ числѣ захваченныхъ пиратами аѳинскихъ дѣвушекъ, большею частью дочерей знатнѣйшихъ гражданъ города, находилась и юная дочь Геродота, прелестная Андромеда.

Пираты воспользовались праздникомъ Посейдона, справедливо разсчитавъ, что всѣ моряки, присутствуя на празднествѣ ихъ патрона, покровителя морей, оставятъ морской берегъ доступнымъ для внезапнаго набѣга.

Пиратамъ помогли и извилины морского берега, съ выступами, густо заросшими лавровыми, рожковыми и олеандровыми деревьями, за которыми лодки пиратовъ не могли бы быть видимы

до самаго ихъ появленія передъ безпечно купавшимися дѣвушками.

Несчастныя аѳинянки, едва успѣвъ выскочить на берегъ и схватить свои одежды, тотчасъ же были перехвачены хищниками, а иныя, не успѣвъ доплыть до берега, выхвачены были изъ воды нагими. Нагою была втащена на пиратскую лодку и юная Андромеда, которая отъ страха и стыда тутъ же лишилась чувствъ. Но ея молоденькая прислужница, скорѣе подружка, которую Геродотъ, странствуя вдоль кавказскихъ береговъ Понта Эвксинскаго, изъ жалости выкупилъ на невольничьемъ рынкѣ въ Пантикапеѣ и подарилъ Андромедѣ, и которая такъ полюбилась послѣдней, что и Геродотъ сталъ относиться къ ней почти какъ къ дочери, эта Тамара (такъ звали дѣвушку), родомъ съ Кавказа, изъ любви къ Андромедѣ великодушно пожертвовала для нея своею относительною свободою. Когда она, вмѣстѣ съ другими прислужницами, оставаясь на берегу около одеждъ Андромеды, увидѣла, что пираты схватили на водѣ дочь ея благодѣтеля, Геродота, она не обратилась въ бѣгство вмѣстѣ съ другими прислужницами и рабынями и добровольно отдалась въ руки хищниковъ, захвативъ съ собою и одежды Андромеды. Въ пиратской лодкѣ уже она привела въ чувство свою госпожу-подружку и, сама извѣдавъ плѣнъ, сколько могла, утѣшала ее въ несчастіи.

Какъ вихремъ нагрянули пираты на аѳинскій берегъ, такъ вихремъ понеслись и обратно съ своею добычей.

Между тѣмъ, всполошенные аѳиняне, собственно моряки, наскоро отчаливъ нѣсколько быстроходныхъ лодокъ, стремительно погнались за пиратами. Но, къ ихъ несчастію, море было спокойно и гладко, какъ зеркало, и не было ни малѣйшаго вѣтерка, который помогъ бы воспользоваться парусами. А пираты, лучшіе финикійскіе моряки, тѣмъ временемъ, пѣня море своими длинными и гибкими пальмовыми веслами, летѣли какъ крылатыя птицы, испуская дикіе, воинственные крики, которые ихъ возбуждали еще болѣе и усиливали энергію.

— О, Андромеда, дитя мое!—въ отчаяніи воскликнулъ Геродотъ, который участвовалъ въ погонѣ за пиратами.—О, Андромеда!—повторилъ онъ, ломая руки, когда лодки пиратовъ окончательно скрылись изъ глазъ за морскимъ горизонтомъ.

— Не предавайся отчаянію, благородный историкъ,—мол-

вилъ рыжій Полихроній, тоже участвовавшій въ погонѣ.—Я увѣренъ, что и къ твоей Андромедѣ, какъ къ дочери Кефея и Кассіопеи, явится новый Персей и спасетъ ее,—добавилъ онъ, мелькомъ взглянувъ на атлетическую фигуру Никострата.

— Но у Медузы была одна голова, и ее легко было Персею отрубить; а у современной Медузы, у неволи, десятки головъ, всѣ невольничьи рынки... А кто знаетъ, на какомъ рынкѣ продадутъ въ неволю мою бѣдную дѣвочку, въ Тирѣ или Сидонѣ, въ Смирнѣ или Діоскурахъ, въ Пантикапеѣ или въ Херсонесѣ дикимъ царямъ тавровъ?—убитымъ голосомъ проговорилъ Геродотъ, все еще не спуская глазъ съ морского горизонта, за которымъ скрылась обожаемая имъ дочь.

Рыжій Полихроній съ умысломъ припомнилъ извѣстный миѳъ объ Андромедѣ и Персеѣ.

Извѣстно, что у эѳіопскаго царя Кефея или, по-римски, Цефея и его жены Кассіопеи была красавица дочка, Андромеда, которую жестокіе боги, по невѣдомымъ для смертныхъ побужденіямъ, осудили на погибель: ее должно было пожрать морское чудовище, Медуза, у которой вмѣсто волосъ на головѣ были ядовитыя, злобно шипѣвшія змѣи. Въ рѣшительную минуту, когда несчастная жертва жестокости боговъ, юная царевна Андромеда, стояла уже на берегу моря, на скалѣ, въ ожиданіи появленія изъ моря ужасной головы чудовища, которое должно было ее пожрать, на берегъ моря прибылъ спаситель Андромеды, миѳическій герой Персей, и едва Медуза вынырнула изъ моря, чтобы схватить Андромеду, какъ Персей моментально схватилъ ее за волосы-змѣи и однимъ ударомъ меча отрубилъ ужасную голову. Андромеда была спасена.

Въ бытность мою въ Палестинѣ я видѣлъ, у самой Яффы, эту скалу Андромеды, выступающую въ вѣчно клокочущее у береговъ бирюзовое море.

Впослѣдствіи астрономы увѣковѣчили всѣ четыре дѣйствующія лица этой миѳической драмы—Андромеду, Персея, Кефея, Кассіопею и голову Медузы, перенеся ихъ на твердь небесную и назвавъ ихъ именами четыре блестящія созвѣздія. Въ темную безоблачную и безлунную ночь можно видѣть эти четыре прекрасныя созвѣздія: Кефея и Кассіопею—по одну сторону таинственнаго млечнаго пути, и Андромеду и Персея съ головою Медузы—по другую.

Во Флоренціи же, на главной площади противъ стариннаго дворца герцоговъ, palazzo vecchio, въ такъ называемыхъ «ложахъ», помѣщается дивная бронзовая группа Персея съ отрубленной головой Медузы, и путешественники всего міра съѣзжаются любоваться этою замѣчательною группой.

— Да,—какъ бы про себя продолжалъ Геродотъ,—у современной Медузы, неволи, такъ много головъ, что съ ними не справиться и самому миѳическому Персею.

— Но клянусь богами и полученнымъ мною сегодня изъ рукъ Андромеды лавровымъ вѣнкомъ,—горячо воскликнулъ Никострать,—мы посѣтимъ всѣ невольничьи рынки, рынки Египта, Финикіи, всего побережья морского, вплоть до Трои и Геллеспонта и всѣ рынки по берегамъ Понта Эвксинскаго, и найдемъ Андромеду и другихъ аѳинскихъ дѣвушекъ, впавшихъ въ неволю! Кто со мною?

— Я,—первымъ отвѣтилъ рыжій Полихроній.

— И я!—горячо присоединился къ нимъ Остриній.

— И мы всѣ!—въ одинъ голосъ воскликнули моряки.

— И я съ вами,—съ дрожью въ голосѣ отозвался Геродотъ.—Одно меня нѣсколько утѣшаетъ въ моемъ страшномъ несчастіи, это то, что и Тамара попала въ руки пиратовъ... А она уже знакома съ обычаями невольничьихъ рынковъ и побережетъ мою бѣдную дѣвочку.

— О, да! Достойная гордость нашей прекрасной Эллады!— почтительно обратился Никострать къ Геродоту.—И замѣтьте,— добавилъ онъ, обводя глазами всѣхъ присутствующихъ,—одна Тамара не покинула своей госпожи...

— Вѣрнѣе, любимой подружки,—поправилъ его Геродотъ.

— Да, правда... А всѣ остальныя прислужницы покинули своихъ госпожъ и разбѣжались.

— Позоръ на ихъ рабскія головы! — воскликнулъ Полихроній.

Грустно, однако, было возвращеніе неудавшейся погони на берегъ. Тамъ ее съ нетерпѣніемъ ожидали, и громкіе вопли матерей похищенныхъ дѣвушекъ еще болѣе огласили воздухъ, когда стало извѣстнымъ, что погоня не настигла пиратовъ.

— О, моя Лилія!—билась головой о холодный мраморъ статуи Посейдона мать прелестной Лиліи, дочери одного изъ Периклидовъ—О! Моя чистая голубка въ когтяхъ у ястребовъ.

— Не дай власти надъ собою отчаянію, благородная Леайна!—утѣшалъ ее Полихроній.—Мы вырвемъ твою голубку изъ когтей ястребовъ, и Немезида обрушится на ихъ безбожныя головы.

— Мы на завтра же снаряжаемъ сильную морскую экспедицію для освобожденія изъ плѣна благородныхъ и прекрасныхъ дѣвъ Эллады,—добавилъ Остріхій.

— Да не взойдетъ болѣе никогда надъ нашими головами свѣтило дня, если мы воротимся въ Аѳины, не возвратя городу его похищенныхъ варварскою рукою дѣтей, украшеніе Аѳинъ!—страстно воскликнулъ Никостратъ, обращаясь къ возбужденной толпѣ.

— Въ походъ! Въ походъ на варваровъ!—раздались клики.

— О, сколько Ніобей оказалось въ одинъ день по волѣ боговъ!—прислушиваясь къ воплямъ матерей, горестно качалъ головою жрецъ.

Въ это время къ взволнованнымъ аоинянамъ подошелъ слѣпой рапсодъ.

— Благородные сыпа Эллады! — обратился онъ къ аоинянамъ, обводя слѣпыми глазами обступившихъ его гражданъ Аоины-Паллады.—Послушайте стараго слѣпца, который много лѣтъ томился въ плѣну у разныхъ варварскихъ народовъ и знакомъ съ обычаями работорговцевъ и рабопокупателей.

— Мы слушаемъ почтеннаго рапсода,—раздались со всѣхъ сторонъ голоса.—Говори!

— Если вы желаете во-время спасти вашихъ плѣнницъ, то поторопитесь, не теряйте времени,—продолжалъ слѣпецъ.

— Мы завтра же, прежде чѣмъ Геліосъ пошлетъ на землю свои стрѣлы, отправляемся въ путь,—сказалъ навмархъ,—у меня корабли въ порядкѣ.

— И мы готовы въ путь,—отозвались голоса съ разныхъ сторонъ.

— Такъ да пошлетъ вамъ могучій Эолъ благопріятные вѣтры, а великій Посейдонъ охраняетъ васъ отъ бурь и не въ мѣру разыгрывающихся тритоновъ,—говорилъ слѣпецъ.—Если вашихъ дочерей похитили финикійскіе пираты...

— Финикійскіе,—подтвердилъ навмархъ,—лодки ихъ—тирскаго и сидонскаго типа, да и вѣтрильца на мачтахъ финикійскія.

— Такъ спѣшите въ Тиръ,—продолжалъ слѣпой рапсодъ,—тамъ невольничій рынокъ и тамъ же—главный поставщикъ рабовъ и въ особенности рабынь, нѣкто Тигранъ изъ Великой Арменіи. Его тамъ всѣ знаютъ. Его отецъ и меня когда-то купилъ у пафлагонскихъ пиратовъ и перепродалъ другому работорговцу, который поставлялъ рабовъ на Кавказъ для колховъ, тѣхъ, что считаютъ себя потомками Прометея отъ одной изъ Океанидъ и чрезвычайно свирѣпы. Они и меня ослѣпили за попытку къ побѣгу.

— Потомство Прометея и Океаниды это миѳъ, лишенный исторической основы,—замѣтилъ Геродотъ.

— Тебѣ лучше это знать, благородный историкъ,—согласился навмархъ.

— Такъ я говорю,—продолжалъ слѣпецъ,—что надо спѣшить въ Тиръ, пока плѣнницы не разобраны работорговцами и не развезены по разнымъ странамъ. Это все вы узнаете у Тиграна, а статься можетъ, что еще и захватите плѣнницъ на самомъ рынкѣ, ибо боги охраняютъ дѣвическую чистоту...

— Не всѣ,—мрачно замѣтилъ отецъ похищенной Лиліи, слыша подавленные стоны Леайны, своей жены.

— Только захватите съ собой больше золота,—продолжалъ рапсодъ, — ибо вамъ будетъ предстоять жестокая борьба съ Тиграномъ... Онъ заломитъ съ васъ страшную цѣну.

— Но мы возьмемъ своихъ дѣвъ силою!—возвысилъ голосъ пылкій Никостратъ.

— Сила вамъ не поможетъ,—возразилъ слѣпецъ,—за пиратовъ встанетъ вся страна... Добытый хищникомъ плѣнъ—то же, что для рыбака пойманная имъ въ морѣ рыба: захочетъ—продастъ, не захочетъ—не продастъ.

— Но мы возьмемъ на копье Тиръ!—крикнулъ Никостратъ.

— Тира вамъ не взять всею Элладою,—спокойно возразилъ рапсодъ.

— Я былъ въ Тирѣ,—тихо, подавленнымъ голосомъ проговорилъ «отецъ исторіи»,—бывшая столица царя Хирама могущественнѣе и неприступнѣе разрушенной нашими предками столицы Пріама... Ее намъ не взять на копье.

— Не взять и при помощи деревяннаго коня, какъ данаи взяли Трою,—замѣтилъ слѣпой рапсодъ.

— Такъ мы возьмемъ ее золотымъ копемъ, не деревяннымъ!—горячо воскликнулъ Никостратъ.

— Золотомъ? Да... Только не самый Тиръ...

— Нѣтъ, мы хотимъ взять только то, что намъ дороже самого Тира...

— О, благородный юноша!—И Геродотъ обнялъ мужественнаго Никострата.

— Я говорилъ, что наша Андромеда дождется своего Персея: вотъ онъ!—указалъ Полихроній Остриxію на Никострата.

— А ты будешь Персеемъ для Лиліи?—шепнулъ Остриxій Полихронію.

— А ты для которой?—улыбнулся послѣдній.

— Не знаю... На которую укажутъ боги.

— Такъ поспѣшимъ въ городъ за золотомъ и оружіемъ,—сказалъ Полихроній.—Наступаетъ ночь.

И вмѣстѣ съ остальными аонидами Полихроній, Остриxій, Никостратъ и Геродотъ покинули морской берегъ, чтобы на другой день чуть свѣтъ отправиться въ путь.

— О, кроткая Силена!—поднялъ Геродотъ взоры къ тихо плывшей по небу полной лунѣ.—Видишь ли ты теперь мою дѣвочку? Что она? Гдѣ? Проливаетъ горькія слезы? О, милостивые боги! За что! За что!

И двѣ горячія слезы выкатились изъ глазъ того, кто оставилъ намъ свою безсмертную «Исторію», свою мысль, свои труды, знанія, то, что не могло умереть вмѣстѣ съ нимъ, противъ чего безсильны и время, и самая смерть...

III. Въ Тирѣ, на невольничьемъ рынкѣ.

«Новые аргонавты», какъ назвалъ навмархъ маленькую флотилію Геродота, хотя и благополучно начали плаваніе, пользуясь попутными вѣтрами, но скоро Эолъ измѣнилъ имъ, и флотилія Геродота долго боролась съ бушевавшимъ моремъ.

«Аргонавтами» назвалъ навмархъ флотилію Геродота потому, что хотя «новые аргонавты» пустились въ путь и не за «золотымъ рупомъ», но за чѣмъ-то болѣе дорогимъ для чести аонидъ, чѣмъ золото.

Вся флотилія состояла изъ трехъ небольшихъ морскихъ судовъ, хорошо оснащенныхъ и снабженныхъ опытными матросами, плававшими уже и въ Египетъ, и въ самыя отдаленныя греческія колоніи, имѣвшія торговыя сношенія со скиѳами и сарматами, въ Пантикапею, Фанагорію и въ Херсонесъ таврическій.

Семь дней боролась маленькая флотилія съ разсвирѣпѣвшимъ Эоломъ и подвластными ему вѣтрами, и только на восьмой день «новые аргонавты» увидѣли бывшую столицу Хирама, величаво глядѣвшую въ море своими, пеласгійской кладки, мрачными стѣнами и башнями съ моломъ, далеко уходившимъ въ море и какъ бы сторожившимъ цѣлый лѣсъ мачтъ всевозможныхъ кораблей.

— Такъ долго немилостивые боги держали насъ въ морѣ, что, быть можетъ, мы уже и не застанемъ въ Тирѣ тѣхъ, которыя отняты у насъ по волѣ злого рока,—задумчиво говорилъ Геродотъ, созерцая приближавшуюся столицу Хирама.

— Зачѣмъ терять надежду?—не совсѣмъ увѣренно проговорилъ Никостратъ.—Быть можетъ, боги хотѣли испытать нашу вѣру въ ихъ всемогущество.

— О! Молодость всегда питается надеждами, — горестно вздохнулъ Геродотъ.—А у старости остается только прошлое, а настоящее безжалостно похищается, какъ похищено мое настоящее—Андромеда, и настоящее тѣхъ, которые теперь, въ Аѳинахъ, оплакиваютъ то, что и я оплакиваю.

— Но если мы ихъ и не застанемъ въ Тирѣ, то, клянусь богами, мы отыщемъ ихъ, хотя бы онѣ заключены были въ лабиринтѣ Минотавра!—воскликнулъ Никостратъ.

— И безъ помощи клубка Аріанды добудемъ ихъ!—такъ же горячо поддержалъ его Полихроній.

— Но насъ, можетъ быть, ожидаетъ еще нѣчто худшее, нѣчто ужаснѣе того, что ихъ уже нѣтъ въ Тирѣ,—сказалъ Геродотъ.

— Что же можетъ быть худшее?—спросилъ Острихій.

— Худшее, ужаснѣйшее... это... если ихъ нѣтъ совсѣмъ!—со стономъ выговорилъ Геродотъ.

— Какъ нѣтъ совсѣмъ?—удивился Никостратъ.

— Ихъ, какъ и насъ, могли постигнуть бури, должны были постигнуть, и если наши прочныя суда съ трудомъ выдержали

семидневный штормъ, то утлыя ладьи пиратовъ могло поглотить безжалостное море.

Эта, высказанная Геродотомъ, мысль вселила тревогу въ душу каждаго... Страшное предположеніе!.. Ужасающая возможность!.. Море, въ самомъ дѣлѣ, бушевало немилосердно въ продолженіе почти семи дней... Что, если пиратовъ захватилъ штормъ, когда море клокотало и ревѣло, какъ стоглавое чудовище, а морскіе валы, казалось, захлестывали низко мчавшіяся по небу облака?.. Какъ изъ этого ада могли выбраться утлыя ладьи пиратовъ, эти орѣховыя скорлупы въ взбѣсившихся пучинахъ морскихъ!..

Скоро обширная бухта Тира какъ бы поглотила въ себѣ маленькую флотилію аѳинянъ, которые, сойдя не беретъ, тотчасъ же стали освѣдомляться, въ какой сторонѣ находится невольничій рынокъ.

— Вамъ, благородные пришельцы, не Тиграна ли изъ Тигранопоцерты нужно видѣть?—спросилъ ихъ благовидной наружности старикъ, къ которому они обратились, повидимому, іудей.

— Да, мы его желаемъ видѣть,—отвѣчалъ Геродотъ.

— Знаю, знаю, благородные эллины, какая нужда привела васъ въ этотъ городъ,—сказалъ старый іудей, грустно качая головой.—По твоему лицу это вижу, доблестный мужъ,—обратилъ онъ взоръ свой къ Геродоту.

— Да, велика моя скорбь,—тихо сказалъ послѣдній.

— Злой это городъ, и злыя дѣла творятся въ немъ... Но накажетъ его за это Іегова: страшную кару понесетъ онъ за невинно-пролитыя слезы,—говорилъ іудей.

Затѣмъ, обратясь лицомъ къ востоку и указывая рукою на какую-то постройку въ видѣ балагана изъ досокъ, задрапированнаго съ фаса разноцвѣтными тканями, пояснилъ:

— Это храмъ Молоха, пожирающаго человѣческія жертвы, и верховный жрецъ храма Молоха, нечестивый Тиграпъ изъ Тигранопоцерты... Спѣшите туда, благородные эллины, если только не поздно.

Это и былъ храмъ, въ которомъ Тиграпъ торговалъ живымъ человѣческимъ товаромъ.

Когда Геродотъ и его спутники подошли къ балагану работорговца, то увидѣли, что цвѣтныя занавѣси его были отдернуты, и тамъ видѣлось возвышеніе въ видѣ театральной

эстрады, на которой сидѣло и стояло нѣсколько отдѣльныхъ человѣческихъ группъ, разныхъ, повидимому, національностей: тутъ были и чернокожіе африканцы, мужчины, женщины и дѣти, и бѣлокожіе скифы, и сыны и дочери Эллады...

Это и былъ товаръ Тиграна, выставленный на продажу. Видѣлись около эстрады и покупатели, и простые зрители.

Аѳиняне подошли къ эстрадѣ. У Геродота, казалось, подкашивались ноги отъ волненія. Никостратъ нервно сжималъ рукоятку меча.

— О, боги! О, всемилостивая Аѳина-Паллада!—послышался вдругъ изъ группы женщинъ не то крикъ радости, не то стонъ отчаянія.

— Клянусь Эребомъ, это голосъ Лиліи!—радостно воскликнулъ Полихроній.—Боги сохранили ее для счастья матери.

То, дѣйствительно, была Лилія, дочь Леайны, изъ рода Перикловъ.

— Андромеда! Дитя мое! Гдѣ ты? Откликнись!—въ страшномъ волненіи воскликнулъ Геродотъ, протягивая къ эстрадѣ руки.

Отвѣта не послѣдовало.

Тогда подошелъ къ нему высокій толстый мужчина съ смуглымъ лицомъ и черными, какими-то ласкающими глазами. На головѣ его было нѣчто въ родѣ повязки изъ дорогой бѣлой финикійской ткани. Въ рукахъ онъ держалъ хлыстъ изъ шкуры бегемота.

— Благороднымъ эллинамъ угодно купить у меня рабовъ и рабынь, или вы прибыли для законнаго выкупа плѣнныхъ?—спросилъ онъ нѣсколько гортаннымъ голосомъ.

— Со мною говоритъ Тигранъ изъ Тиграноцерты?—въ свою очередь, спросилъ Геродотъ.

— Да, я Карапетъ-Тигранъ изъ Тиграноцерты, — былъ отвѣтъ.

— У тебя находятся недавно захваченныя въ плѣнъ пиратами благородныя молодыя аѳинянки?—съ трудомъ проговорилъ Геродотъ.

— Не знаю, пираты они или не пираты, это не мое дѣло; но они, нѣсколько дней тому назадъ, привели ко мнѣ свой товаръ и сказали, что это знатныя аѳинскія дѣвы, и я купилъ ихъ на законномъ основаніи и запись съ нихъ взялъ,—говорилъ Ти

гранъ спокойнымъ, дѣловымъ тономъ.—Но и страшную цѣну они содрали съ меня за свой товаръ.

— Есть въ числѣ купленныхъ тобою плѣнницъ Андромеда, дочь Геродота изъ Аѳинъ?—тревожно спросилъ «отецъ исторіи».

— Я не знаю ихъ именъ, благородный аѳинянинъ: онѣ нѣмы, какъ рыбы,—отвѣчалъ Тиграпъ.—Но онѣ записаны у меня, каждая, по примѣтамъ.

Въ это время расхаживавшій по эстрадѣ надсмотрщикъ, черный, какъ уголь, нубіецъ съ ременнымъ хлыстомъ въ рукѣ подошелъ къ той группѣ женщинъ, откуда раздался голосъ: «О, боги! О, всемилостивая Аѳина-Паллада!» Тамъ, сбившись въ кучу и прижимаясь одна къ другой, сидѣли юныя плѣнницы и въ невыразимомъ радостномъ волненіи смотрѣли на аѳинянъ, но не смѣли ни подняться, ни подойти къ нимъ, потому что были нагія, совсѣмъ нагія, и прикрывались только какою-то яркою пестрою тканью. Нубіецъ, желая показать покупщикамъ товаръ лицомъ, попробовалъ было стащить съ нихъ покровъ; но плѣнницы еще плотнѣе кутались. Раздраженный нубіецъ рванулъ покрывало; но и это не помогло. Тогда онъ окончательно взбѣшенный, уцѣпясь за покрывало, сталъ хлестать несчастныхъ плѣнницъ бичомъ.

Въ это мгновеніе кто-то, словно кошка, вскочилъ на эстраду.

— Га, презрѣнный рабъ!—послышался голосъ Никострата. Это былъ онъ. Нубіецъ сверкая глазами, обернулся къ нему съ поднятымъ бичемъ.

— Умри, презрѣнный эѳіопъ!—какъ-то прошипѣлъ молодой атлетъ-аѳинянинъ и всадилъ свой мечъ по самую рукоятку въ сердце нубійца.

Нубіецъ грохнулся о помостъ словно тяжелое бревно. Все пришло въ волненіе. Послышались крики испуга.

— Что такое? Кто убилъ моего слугу?—крикнулъ Тиграпъ, тщетно стараясь поднять свое тучное тѣло на эстраду.

— Я!—былъ отвѣтъ.—Я наказалъ презрѣннаго раба за благородныхъ дѣвъ аѳинскихъ,—задыхаясь отъ гнѣва, проговорилъ Никострат.

— Ты мнѣ дорого за него заплатишь!—шипѣлъ Тиграпъ, все еще карабкаясь на эстраду.

— Заплачу,—уже спокойно отвѣчалъ Никострать, вытирая окровавленный мечъ объ одежду убитаго имъ нубійца.

— Не лептами мѣди, не драхмами серебра, а сирійскимъ золотомъ,—хрипѣлъ Тигранъ.

— И золотомъ заплачу,—былъ отвѣтъ.

— Не обрѣзаннымъ, не счетомъ, а вѣсомъ.

— И вѣсомъ заплачу.

Тогда Геродотъ подошелъ къ тяжело дышавшему Тиграну и положилъ ему руку на плечо.

— Успокойся... Все будетъ уплачено,—сказалъ онъ.—Мы не постоимъ въ цѣнѣ и за нашихъ плѣнныхъ дѣвъ.

— Я дешево ихъ не уступлю... Меня просто ограбили продавцы ихъ, такую безбожную цѣну слупили, точно бы дѣвушки были дочерьми фараоновъ, царей Египта.

Демонъ наживы всецѣло овладѣлъ душою работорговца, и онъ уже забылъ про убитаго нубійца... Онъ не уйдетъ... Его кровь оцѣнится на вѣсъ золота... Тотъ, горячій эллинъ, обѣщалъ все заплатить...

Геродотъ сразу понялъ эту жадность работорговца.

— Успокойся, говорю тебѣ: мы не будемъ торговаться, мы не купцы, не стяжатели... Мы пришли спасти своихъ дѣтей отъ позорнаго плѣна... Мы все заплатимъ золотомъ,—говорилъ Геродотъ, душу котораго терзала неизвѣстность, тутъ ли его обожаемая Андромеда, не умерла ли она... Она не отзывалась на его голосъ, на его моленія...

Слова Геродота живительнымъ елеемъ влились въ алчную душу Карапета.

— Да, я знаю,—спокойнѣе заговорилъ онъ,—эллины—благородная нація... Эллинъ за деньгами не постоитъ. Это не то, что іудей: іудей—кремень-народъ... Онъ не только варвара обойдетъ, египтянина продастъ и купитъ, но и благороднаго эллина запутаетъ въ свои сѣти...

«Только Карапета не запутаетъ», — подумалъ Геродотъ и заговорилъ о томъ, что наиболѣе терзало его душу.

— Ты сказалъ,—началъ онъ несмѣло, — что тебѣ неизвѣстны имена находящихся у тебя эллинскихъ дѣвъ...

— Да, онѣ упорно молчатъ о своихъ именахъ.

— Но ты сказалъ, что онѣ записаны у тебя по примѣтамъ.

— Да, да... Примѣты я ихъ помню, какъ пастухъ помнитъ примѣты лучшихъ изъ своихъ овецъ и барановъ.

— Такъ у тебя находится прекрасная дѣвочка-аѳинянка съ волосами, какъ червонное золото? Помнишь ее?

— Еще бы не помнить! Это—самая дорогая изъ всего моего товара.

— Съ нею еще подружка, совсѣмъ другого типа: черненькая, родомъ съ Кавказа.

— Да, да, была такая, была...

— Какъ была?

— Была, была, вмѣстѣ съ тою, золотоволосой.

— Ты говоришь, была? А теперь развѣ нѣтъ?

Геродотъ чувствовалъ, какъ замирало въ немъ сердце.

— Нѣтъ ее теперь?—какимъ-то не своимъ голосомъ спросилъ онъ.

— Нѣтъ, нѣтъ...

— А золотоволосой?

— И золотоволосой нѣтъ... Хорошій былъ товаръ...

— Гдѣ же онѣ? Говори!

— Продалъ. Три дня тому назадъ продалъ... Хорошій товаръ!

У Геродота потемнѣло въ глазахъ. Онъ ухватился за эстраду, чтобы не упасть.

Никострат сдѣлалъ шагъ къ работорговцу. Онъ былъ страшенъ. Рука его судорожно схватилась за мечъ.

— Продалъ!—сквозь стиснутые зубы проговорилъ онъ.— О, кляпусь всѣми силами тартара, всѣми фуріями, я уложу твой трупъ рядомъ съ нубійцемъ, если ты не скажешь, кому ихъ продалъ.

Карапетъ съ испугомъ отступилъ назадъ. Онъ понялъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, этотъ одержимый демономъ готовъ и его зарѣзать, какъ нубійца.

— Зачѣмъ мнѣ не сказать, кому я продалъ свой товаръ?— говорилъ онъ, пятясь назадъ.—Я продалъ его законно... Торгъ былъ честный, и запись есть.

— Кому же? Кому?

— Поставщику царей колховъ и иверовъ, на Кавказъ... Въ хорошія руки продалъ, на царскую потребу.

— И ихъ увезли въ Колхиду или въ Иверію?—разбитымъ голосомъ спросилъ Геродотъ.

— Корабль былъ изъ Колхиды,—отвѣчалъ работорговецъ уже смѣлѣе.

— А давно отплылъ корабль?

— Сегодня онъ встрѣтилъ въ морѣ уже четвертую зарю.

— Четвертый день!—упавшимъ голосомъ проговорили разомъ Геродотъ и Никостратъ.—О, пемилостивые боги! — заломилъ руки первый.

— Но онѣ живы... Боги сохранили имъ жизнь, и мы ихъ найдемъ, хоть бы намъ пришлось спуститься въ мрачную область Аида!—мужественно проговорилъ Никостратъ.

— О, благородный юноша, помоги мнѣ найти мою Андромеду, и она будетъ твоя, въ томъ свидѣтели боги!

И, припавъ на грудь Никострата, Геродотъ заплакалъ.

IV. У Артемиды тавро-скиѳовъ.

Плавно разсѣкаютъ морскія волны острые носы двухъ небольшихъ кораблей въ виду всхолмленнаго берега, гдѣ когда-то стояла гордая Троя. Погожій попутный вѣтеръ ровно надуваетъ паруса кораблей, которые держатъ путь на сѣверъ, къ Геллеспонту. По сторонамъ кораблей, какъ бы играя вперегонку, выныряютъ изъ воды рѣзвые дельфины и снова съ плескомъ погружаются въ море. За кораблями съ жалобнымъ крикомъ слѣдуютъ чайки, то опережая ихъ, то отставая.

Это плывутъ на сѣверъ тѣ же «новые аргонавты», но только уже не на трехъ, а на двухъ корабляхъ. Третій, вмѣстѣ съ Полихроніемъ, Лиліей и другими выкупленными изъ плѣна юными аѳинянками, возвратился изъ Тира въ Аѳины. Геродотъ же, вмѣстѣ съ мужественнымъ Никостратомъ и Острихіемъ, на двухъ остальныхъ корабляхъ плывутъ теперь къ берегамъ далекой Колхиды для отысканія Андромеды.

Колхида!. Чѣмъ-то сказочнымъ и героическимъ вѣетъ въ душу молодыхъ аѳинянъ отъ одного этого слова и связанныхъ съ нимъ представленій. Это та Колхида, съ именемъ которой связаны воспоминанія о полумиѳическихъ «аргонавтахъ», о знаменитомъ Язонѣ, о страшной Медеѣ, о «золотомъ рунѣ», о цѣ-

ломъ циклѣ волнующихъ воображеніе событій... И они плывутъ въ эту невѣдомую, сказочную Колхиду за чѣмъ-то болѣе дорогимъ, чѣмъ «золотое руно»...

Но теперь уже не тѣ времена. «Аргонавты» Язона отошли уже въ область миѳовъ. Ни Никострату, ни Остріхію не придется уже видѣть Зевсова орла, летящаго съ Олимпа на Кавказъ, чтобы пожирать печень прикованнаго къ скаламъ Кавказа Прометея. А тѣ «аргонавты» видѣли его. Онъ, громадный, летѣлъ надъ моремъ, и отъ взмаха его гигантскихъ крыльевъ слышался шумъ, подобный шуму бури...

— Знаете ли вы, молодые друзья мои, что это за берегъ, вправо, мимо котораго мы плывемъ теперь?—задумчиво промолвилъ Геродотъ, всматриваясь въ холмистыя очертанія береговой мѣстности.

— Какъ намъ знать, благородный историкъ, когда мы здѣсь въ первый разъ въ жизни, и все здѣсь намъ невѣдомо? — отвѣчалъ Никостратъ.

— Это та мѣстность, на которой совершалось все то великое, о чемъ «слѣпецъ всевидящій» начинаетъ словами:

Гнѣвъ, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына,
Грозный...

— Какъ! «Иліада»! — воскликнули разомъ и Никостратъ, и Остріхій.

— Да, друзья: это троянскій берегъ, — съ грустною улыбкой сказалъ Геродотъ. — Здѣсь стояла когда-то славная, столь героически погибшая Троя... Вонъ и могильный холмъ героя...

— Троя! Священный Иліонъ! — съ какимъ-то благоговѣніемъ воскликнулъ Никостратъ.

— Гекторъ и Андромаха, Пріамъ и Гекуба, Ахиллъ и Патроклъ, Эней и Кассандра! — восторженно вторилъ ему Остріхій, пожирая взоромъ священную для каждаго грека мѣстность.—Здѣсь боги были! Безсмертные принимали участіе въ дѣяніяхъ смертныхъ, и все это здѣсь совершалось!

— А вонъ, на горизонтѣ, въ дымкѣ дали, священная гора Ида, на которой собирались боги, чтобы созерцать битвы смертныхъ и помогать героямъ, — продолжалъ Геродотъ, указывая рукою на заволакиваемый синевою горизонтъ.

— Если бы можно было теперь облобызать эту святую

землю! — съ умиленіемъ воскликнулъ Остріхій. — Пристать бы здѣсь...

— О, нѣтъ, нѣтъ! — торопливо сказалъ Никострать. — Теперь не время... мы должны ловить каждое мгновеніе... Полетъ Хроноса такъ быстръ, а мы не знаемъ, что насъ ждетъ впереди.

— Мужественный Никострать правъ, — подтвердилъ Геродотъ, — каждое мгновеніе теперь Андромеда выплакиваетъ, можетъ быть, свои слезы... Мы не должны увеличивать эти мгновенія: для страдающихъ полетъ Хроноса медленъ, и мгновеніе имъ кажется вѣчностью.

— О, правда! Я не сообразилъ, — пробормоталъ Остріхій. Скоро и троянскій берегъ закутался дымкою дали.

— Что-то теперь въ Аѳинахъ? — прерывая наступившее молчаніе, промолвилъ старый кормчій корабля, опытный въ морскомъ дѣлѣ Асклепій, доходившій когда-то до Меотійскаго моря и до устьевъ Танаиса.

— А что, добрый Асклепій? — спросилъ Геродотъ.

— Да «Нереида» должна теперь уже отдыхать у аѳинскаго берега.

«Нереидой» звали тотъ корабль, на которомъ отплылъ изъ Тира Полихроній съ выкупленными изъ плѣна юными аѳинянками.

— Если такъ, то теперь въ Аѳинахъ общее ликованіе и принесеніе благодарной жертвы богамъ, — сказалъ Геродотъ. — Только у насъ впереди мракъ...

— Боги разсѣютъ его,—увѣренно отозвался Никострать,— и наше ликованіе раздѣлятъ всѣ граждане, глубоко чтущіе великаго историка.

— О, молодость! — грустно покачалъ головою Геродотъ.— У нея и боги безсильны отнять все, у нея всегда останутся неизсякаемыя сокровища — надежды.

Разговоръ опять смолкъ. Корабли продолжали разсѣкать морскія волны.

— Вонъ уже виднѣются губы и уста, которыми Меотида и Понтъ изливаютъ свои воды въ наше родное море, — снова заговорилъ кормчій Асклепій.

— Да, это долженъ быть Геллеспонтъ, — сказалъ Геродотъ, всматриваясь въ очертанія какъ бы сходившихся и сливавшихся въ общій берегъ береговъ Азіи и Европы.

— Геллеспонтъ! — воскликнулъ Никострат радостно. — Значитъ, близко уже и Колхида?

— Какъ близко? — посмотрѣлъ на него Геродотъ.

— Да какъ же Вѣдь здѣсь Фриксъ и Гелла, убѣгая отъ злой мачехи, переплыли узкій протокъ моря на златорунномъ баранѣ, чтобы спастись въ Колхидѣ, — продолжалъ Никострат.

— Здѣсь-то, здѣсь, — согласился Геродотъ, — да только отъ Колхиды отдѣляютъ насъ еще два моря, и одно изъ нихъ— бурный Понтъ Эвксинскій, скорѣе—Аксинскій.

Молодое лицо Никострата омрачилось обманутою надеждой.

— Надо только молить боговъ, чтобы злыя волны негостепріимнаго Понта не занесли насъ къ берегамъ дикихъ и свирѣпыхъ скиѳовъ или сарматовъ, — какъ бы про себя проговорилъ Геродотъ.

— Это будетъ зависѣть отъ воли почного свѣтила, вѣчно непостоянной Силены,—отозвался Асклепій, направляя корабль къ устью Геллеспонта.—Если къ намъ будетъ благосклоненъ великій Эолъ, то я надѣюсь войти въ Понтъ къ слѣдующему пробужденію «розоперстой Геры».

Правда, Эолъ былъ благосклоненъ, но только до пробужденія «розоперстой Геры», утренней зари. Но едва корабли аоинянъ вошли въ Понтъ и направили курсъ на сѣверо-востокъ, къ берегамъ Колхиды, какъ Эолъ направилъ на нихъ всѣхъ своихъ собакъ, вѣтры всѣхъ четырехъ странъ свѣта, и Борея, и Эвра, и Нота, и Афра.

Пять дней и пять ночей корабли Геродота и Асклепія носились по разъяренному морю. Хотя опытные кормчіе, закаленные въ борьбѣ съ капризами морей и много разъ смотрѣвшіе смерти въ глаза, мужественно отбивались отъ свирѣпыхъ псовъ Эола, однако, на корабляхъ уже истощились всѣ запасы прѣсной воды, и аоинянамъ грозила неминучая смерть.

И только на шестой день сжалился надъ ними Эолъ: передъ утромъ шестого дня онъ загналъ своихъ псовъ въ ихъ логовища, и море успокоилось... «Розоперстая Гера», вставъ съ своего ложа, позолотила какіе-то невѣдомые берега и высокія горы, покрытыя, по скатамъ, роскошною зеленью.

— Это берега Таврриды, — сказалъ Асклепій, всматриваясь. — Вонъ тамъ налѣво, у той скалы, долженъ быть храмъ Ифигеніи...

— Ифигеніи! — воскликнулъ ослабѣвшимъ голосомъ Никострать. — Это гдѣ злосчастный Орестъ спасался въ храмѣ сестры отъ Фурій?

— Да, это тотъ храмъ, — отвѣчалъ Геродотъ.

— Но и мы здѣсь спасемся отъ Фурій, палящихъ наши внутренности, отъ Фурій жажды,—весело сказалъ Асклепій,— здѣсь мы запасемся водой.

— И поклонимся могилѣ Ифигеніи, — добавилъ Геродотъ.

— А отсюда до Колхиды далеко? — спросилъ Никострать.

— Ближе, чѣмъ отъ Аѳинъ до Тира, — отвѣчалъ Асклепій.

Ясное, тихое утро, близость спасенія отъ смертельной жажды, отъ которой пылали внутренности и деревянѣлъ языкъ, надежда при благопріятной погодѣ черезъ нѣсколько дней достигнуть Колхиды, все это разомъ воскресило въ душѣ аѳинянъ погасшія было надежды достигнуть того, что было для нихъ теперь цѣлью и смысломъ жизни.

— Я вижу въ этомъ знаменіе боговъ, — сказалъ Асклепій, благоговѣйно протягивая руки по направленію къ приближавшемуся скалистому берегу Колхиды, — вонъ знаменіе боговъ.

— Въ чемъ оно, благородный Асклепій? — спросилъ Геродотъ.

— Смотри туда, и глаза твои скажутъ своему уму то, что боги намъ открываютъ.

— Я вижу, что-то бѣлѣетъ на берегу: не то скалы, не то...

— То колонны и портикъ храма богини-спасительницы, то храмъ Артемиды, хранительницы дѣвства смертныхъ, — сказалъ Асклепій.

— О, всемилостивая Артемида! — воскликнулъ Геродотъ, протягивая руки по направленію къ видпѣвшемуся и все болѣе приближавшемуся храму. — Теперь и я вѣрю, что ты приняла подъ свой покровъ мою цѣломудренную Андромеду.

— И мы должны принести богинѣ жертву бѣлыми голубями, такими же чистыми и невинными, какъ твоя богоравная дочь! — восторженно сказалъ Никострать.

Наконецъ, корабли подошли къ самому берегу и бросили якоря въ небольшой естественной бухтѣ, довольно глубокой даже для большихъ морскихъ кораблей.

Входя въ бухту, корабли аѳинянъ выкинули бѣлые, мирные флаги съ изображеніемъ Паллады на полотнищахъ.

На мраморныхъ ступеняхъ портика храма тотчасъ показалась высокая женщина, вся въ бѣломъ и съ миртовой вѣтвью въ рукѣ. То была жрица Артемиды.

— Мнѣ кажется, что я вижу Ифигенію! — взволнованно прошепталъ Острихій.

— Какъ она прекрасна! — невольно вырвалось у Геродота.

Геродотъ, Никостратъ, Острихій и Асклепій, быстро сойдя на берегъ, почтительно приблизились къ ступенямъ портика, и Геродотъ привѣтствовалъ жрицу, за которой полукругомъ стояли другія служительницы храма Артемиды. Въ свою очередь, матросы, оставаясь пока на своихъ корабляхъ, выразили привѣтствіе жрицѣ поднятіемъ вверхъ своихъ веселъ и троекратнымъ возгласомъ:

— Хайрей! Хайрей! Хайрей! (радуйся!).

Геродотъ въ короткихъ словахъ объяснилъ жрицѣ Артемиды, кто они и какія обстоятельства привели ихъ къ этому священному убѣжищу.

Жрица внимательно выслушала рѣчь Геродота и сказала:

— Я вижу въ этомъ указаніе свыше: великая Артемида приняла дочь твою, Геродотъ, подъ свой божественный покровъ, и она защититъ ея невинность.

Лицо Геродота просвѣтлѣло, а глаза Никострата блеснули гордою радостью.

— Войдите же въ храмъ, благородные странники, и принесите жертву богинѣ.

За храмомъ, по уступамъ спускавшихся къ морю скалъ, устроено было нѣсколько голубятенъ, и служительницы храма, по приказанію жрицы, тотчасъ же принесли къ алтарю Артемиды семь бѣлыхъ голубокъ.

Скоро жертвенный дымъ бѣлыми клубами сталъ возноситься къ голубому небу.

Тогда, откуда не возьмись, появились надъ храмомъ двѣ бѣлыя голубки и, покружившись въ воздухѣ, тихо опустились на плечи жрицы, одна на правое, другая на лѣвое.

— Великая Артемида благосклонно приняла вашу жертву, благородные странники, — провозгласила жрица и, взявъ съ стоявшаго на жертвенникѣ блюда горсть зеренъ пшеницы, дала поклевать ихъ сидѣвшимъ у нея на плечахъ голубкамъ.

— Хвала великой Артемидѣ! — съ чувствомъ произнесъ Геродотъ.

— Хвала! Хвала! Хвала! — повторили Никострат, Остріхій и Асклепій.

Затѣмъ жрица пригласила странниковъ въ ту часть храма, которая отведена была для ея жилья, и велѣла прислужницамъ подать гостямъ вина и плодовъ.

— Вы, благородные аѳиняне, принесшіе великой Артемидѣ вѣсти изъ ея далекой метрополіи, гости богини,—сказала она.— Слѣдуйте за мною.

— Но, благородная и богоподобная служительница божества!—слабымъ голосомъ проговорилъ Геродотъ.—Мы умираемъ отъ жажды... Позволь прежде утолить ее намъ и тѣмъ, которые остаются на нашихъ корабляхъ.

— Я вижу, что вы изнурены и ослабѣли духомъ и тѣломъ,— сказала жрица, — а потому идите, подкрѣпитесь прежде виномъ, а затѣмъ уже вы утолите жажду. Мнѣ не первый разъ приходится принимать въ убѣжищѣ великой Артемиды жаждущихъ и потерпѣвшихъ крушенія, и богиня внушила мнѣ дѣлать то, что я вамъ предлагаю.

Аѳиняне послѣдовали за нею, а прислужницы понесли нѣсколько вмѣстительныхъ амфоръ вина на корабли для матросовъ.

Подкрѣпившись и запасшись водою и провизіей, аѳиняне въ тотъ же день снова пустились въ открытое море, а храму Артемиды оставили богатый вкладъ золотомъ.

V. Андромеда спасена.

На этотъ разъ плаваніе было вполнѣ благопріятно, и черезъ нѣсколько дней на восточной сторонѣ горизонта стали вырисовываться громады уходившихъ въ небо горъ.

— Хвала богамъ и великой Артемидѣ! — воскликнулъ Геродотъ, вглядываясь въ даль, задернутую прозрачною дымкой.— Передъ нами Кавказъ, таинственное обиталище невѣдомыхъ народовъ и мѣсто мученій Прометея.

— Но я вижу только какія-то облачка надъ моремъ, далеко, далеко! — сказалъ Никострат.

— Но то и суть горы Кавказа,—подтвердилъ Асклепій.— Я не первый разъ ихъ вижу въ моихъ плаваніяхъ.

— Онѣ много выше Олимпа, обиталища боговъ, какъ свидѣтельствуетъ Гезіодъ, — замѣтилъ Острихій.

— Да, это правда, — подтвердилъ Асклепій. — Одна гора, двуглавую снѣжную вершину которой видно съ моря, втрое выше Олимпа.

— Кто же на ней обитаетъ? Какіе невѣдомые боги? Не наши? — спросилъ Острихій.

— Вѣроятно, злые духи, — сказалъ Никостратъ, — если на Олимпѣ обитаютъ добрые боги, устрояющіе жизнь смертныхъ, то на той горѣ, должно-быть, живутъ злыя чудовища, вносящія въ міръ разрушеніе.

— Объ этомъ умалчиваетъ теогонія нашихъ мудрецовъ, — замѣтилъ Геродотъ.

— Но, быть можетъ, объ этомъ извѣстно колхамъ или иверамъ? — выразилъ догадку Острихій.

Имя «колховъ» и «иверовъ» навело всѣхъ на мысль объ Андромедѣ... Бѣдная! Въ какихъ страшныхъ мѣстахъ очутилась несчастная дѣвочка!..

А исполинскія горы все ярче и ярче выступали изъ моря. Какія громады! Какая высота! Даже солнце безсильно растопить вѣчные снѣга ихъ вершинъ.

Солнце клонилось уже къ западу, когда глаза аонянъ стали различать на далекомъ берегу какія-то бѣлыя зданія.

— Это эллинская колонія, давно построенная іонійцами при устьѣ золотоноснаго Фазиса, — сказалъ Асклепій.

— Это и есть дверь въ Колхиду, — въ волненіи замѣтилъ Геродотъ. — Отсюда мы должны начать наши поиски бѣдной плѣнницы.

Къ вечеру корабли аонянъ благополучно вошли въ гавань Фазіополиса. Это была греческая колонія, производившая обширную торговлю съ колхами и иверами.

На слѣдующее же утро Геродотъ явился къ архонту этого города и разсказалъ ему о цѣли своего прибытія въ Колхиду.

Архонтъ уже зналъ, что нѣсколько дней назадъ въ Фазіополисъ была привезена плѣнницею изъ Тира дочь знатнаго аонянина, предназначавшаяся для царя Иверіи.

— Такъ это дочь твоя, благородный аонянинъ? — спросилъ архонтъ.

— Дочь, мое единственное сокровище, — отвѣчалъ Геро-

дотъ. — Но съ нею должна была находиться и другая молодая плѣнница, родомъ изъ Иверіи. Была такая?

— Была... Но едва ли она плѣнитъ своею красотою иверскаго владыку. Другое дѣло твоя дочь: золотоволосая женщина, это — невиданное явленіе въ Иверіи.

Когда Геродотъ высказалъ непреодолимое желаніе возвратить изъ плѣна дочь, то архонтъ указалъ ему на трудность и даже положительную невозможность исполнить его желаніе.

— Безгранично честолюбивый Гориманъ, такъ зовутъ царя Иверіи, никогда не согласится добровольно отпустить свою плѣнницу, да еще такую рѣдкую жемчужину.

— Но я дамъ ему выкупъ, чего бы онъ ни потребовалъ, — горячо говорилъ Геродотъ.—Это не я, отецъ дѣвушки, но Аѳины выкупаютъ честь всей страны.

— Гордый варваръ отвергнетъ всякое предложеніе, — рѣшительно сказалъ архонтъ. — Онъ, какъ и его воинственный народъ, готовы будутъ отстаивать свои мнимыя права на Андромеду, таково, помнится, имя твоей дочери? Подобно тому, какъ Троя отстаивала принадлежность ей Елены... Иверы, въ союзѣ съ колхами, могутъ отразить въ своихъ горахъ нашествіе всей Эллады: съ моря они непобѣдимы, а другихъ путей къ нимъ изъ Эллады нѣтъ, развѣ изъ великой Арменіи.

Слова архонта поразили Геродота.

— Ты, благородный іоніецъ, разрушаешь всѣ мои надежды! — горестно воскликнулъ онъ. — А эти надежды, даже увѣренность вселило въ мою душу само божество.

Архонтъ посмотрѣлъ на него вопросительно.

— Божество?.. Для божества все возможно,— сказалъ онъ задумчиво.

— Артемида въ Тавридѣ устами своей жрицы обѣщала мнѣ спасти мою дочь: вотъ источникъ моихъ надеждъ, и онѣ разбиты тобою, благородный іоніецъ, — печально проговорилъ Геродотъ.

— Но я же и возвращу ихъ тебѣ! — съ силою воскликнулъ архонтъ. — Меня осѣнило божество: великая Артемида, обѣщавшая тебѣ спасеніе дочери, сейчасъ подсказала мнѣ планъ этого спасенія, и я его выполню.

— Какъ? — радостно встрепенулся Геродотъ.

— Вспомни Трою и ея плачевную участь, — проговорилъ архонтъ, — тамъ Елена, здѣсь Андромеда.

— Что же общаго между невѣрной мужу Еленой и моей непорочной Андромедой? — подумѣлъ «отецъ исторіи».

— Общаго ничего, — отвѣчалъ архонтъ, — общее только то, что обѣ онѣ женщины... Но черезъ женщинъ боги ослѣпляютъ мужей: они ослѣпили Пріама и Гектора, ослѣпили всѣхъ троянцевъ. Они же ослѣпятъ и иверовъ съ ихъ царемъ.

— Теченіе мыслей твоихъ для меня невразумительно, — проговорилъ Геродотъ.

— Слушай же, благородный иониянинъ, что мнѣ внушило божество, — тихо, почти шопотомъ началъ архонтъ. — Чѣмъ данаи нанесли Троѣ послѣдній ударъ? Какимъ способомъ они очутились въ стѣнахъ города?

— Посредствомъ деревяннаго коня, — отвѣчалъ Геродотъ.

— Такъ: посредствомъ деревяннаго коня на невидимыхъ колесахъ. Мы же войдемъ въ акрополь Горимана, гдѣ, какъ мнѣ извѣстно, временно содержится Андромеда, на видимыхъ деревянныхъ колесахъ.

Геродотъ продолжалъ ничего не понимать.

— Горимана въ настоящее время нѣтъ въ его столицѣ: онъ съ главными своими силами недавно двинулся въ походъ противъ хищныхъ горцевъ, владѣнія которыхъ доходятъ до Гирканскаго моря. Въ столицѣ его, Гори, оставленъ ничтожный гарнизонъ, такъ только, для видимости... Такъ божество внушило мнѣ слѣдующую мысль. Мы ведемъ съ иверами дѣятельную торговлю, доставляя имъ тѣ издѣлія, производству которыхъ варвары еще не научились, а отъ нихъ получаемъ богатыя произведенія ихъ страны. Теперь намъ остается только снарядить караванъ изъ двухколесныхъ колесницъ, на которыхъ перевозятся здѣсь тяжести по горнымъ тропамъ. Колесницы эти высокія, просторныя, а главное покрытыя сверху воловьими шкурами или просмоленными грубыми тканями, для предохраненія товаровъ отъ частыхъ здѣшнихъ дождей. Нашимъ товаромъ въ этихъ крытыхъ колесницахъ будутъ мои воины, охраняющіе городъ отъ нападеній колховъ. Цитадель Гори съ радостью отворитъ ворота свои этому товару: варвары очень любятъ все эллинское, до чего они сами еще не доросли и не додумались... И тогда, въ первую

же ночь, Андромеда будетъ плакать на твоей груди слезами счастья...

— Какъ! — прервалъ архонта Геродотъ. — Ради меня и моей дочери ты, великодушный мужъ, обрекаешь на гибель всю свою колонію, весь Фазіополисъ! Мщенію Горимана не будетъ границъ, ибо, если ты говоришь, что противъ Иверіи безсильна вся Эллада съ колоніями, то что же станется съ Фазіополисомъ, если варвары узнаютъ, что твои воины нанесутъ ихъ царю тяжкое оскорбленіе?

— Они не узнаютъ, — улыбнулся архонтъ.

— Какъ? — недоумѣвалъ Геродотъ.

— Оскорбленіе Гориману нанесутъ не эллины, а его злѣйшіе враги, армяне.

— Развѣ твои воины изъ армянъ? — спросилъ Геродотъ.

— Нѣтъ... Но вспомни, въ каждомъ эллинѣ сидитъ частица души «хитроумнаго» Одиссея... Божество вложило въ мой умъ слѣдующій планъ. Воины мои, которые будутъ укрыты въ колесницахъ съ мнимымъ товаромъ, будутъ одѣты въ одежды армянъ. Въ качествѣ товара, укроешься и ты въ колесницѣ съ своими спутниками. Такъ какъ посредниками въ нашей торговлѣ съ Колхидою и Иверіею всегда были армянскіе купцы, то и мнимые хозяева каравана и его погонщики будутъ переряженные армянами мои же воины. При караванѣ я отправлю также партію осѣдланныхъ лошадей, по числу всего отряда. Лошади колховъ очень цѣнятся иверами, и они покупаютъ ихъ у армянскихъ промышленниковъ очень охотно.

— Для чего же эти лошади? — спросилъ Геродотъ.

— А на нихъ ты, твои спутники и мои воины, мнимые армяне, по совершеніи своего подвига въ столицѣ Горимана, спокойно возвратитесь въ Фазіополь и привезете, на радость всѣмъ эллинамъ, прекрасную Андромеду, которой, видимо, покровительствуютъ безсмертные боги.

— Но какъ великъ будетъ караванъ и сколько воиновъ ты отправишь со мною? — спросилъ Геродотъ.

— Двадцати воиновъ достаточно будетъ, чтобы перевязать стражу въ цитадели Гори. Тамъ теперь стражи, какъ мнѣ извѣстно, всего двѣнадцать человѣкъ, это собственно въ цитадели, гдѣ и помѣщена, до возвращенія Горимана, Андромеда съ прислужницами. Подъ весь караванъ достаточно будетъ десяти ко-

лесницъ, а коней для всѣхъ васъ довольно будетъ двадцати пяти. Но только разсчитай такъ время, чтобы вы прибыли въ Гори къ вечеру. Сколько съ тобою спутниковъ? — вдругъ спросилъ архонтъ.

— Двое: Никостратъ и Острихій мужественные аѳинскіе юноши, — отвѣчалъ Геродотъ.

— Да я пошлю съ тобою двухъ опытныхъ воиновъ, это и будутъ «армянскіе купцы», хорошо объясняющіяся по-иверски. Васъ, какъ почетныхъ гостей, стража приметъ въ самую цитадель, и вы ее, эту стражу, хорошенько напоите на ночь, такъ, чтобы и громы Зевса не могли ее разбудить. Ночью же вы впустите въ цитадель еще нѣсколькихъ моихъ воиновъ, чтобы перевязать стражу, если понадобится. Такъ какъ цитадель стоитъ въ сторонѣ отъ города, то вы, по совершеніи дѣла, выйдете задними воротами цитадели и удалитесь никѣмъ незамѣченные. Это все сдѣлаетъ мой вѣрный Аресъ, главный «армянскій купецъ».

— О, великодушный мужъ! — воскликнулъ Геродотъ. — Боги такъ умудрили тебя, что мнѣ, быть можетъ, удастся спасти дочь, не проливъ ни одной капли крови... Я ненавижу убійство... И чѣмъ я могу вознаградить тебя за твое великодушіе!

— Благодарность такого великаго мужа, какъ историкъ Геродотъ, высшая награда для смертнаго.

Геродотъ порывисто обнялъ великодушнаго архонта.

Ночь. Столица Иверіи, Гори, объята сномъ. Упоенная виномъ съ примѣсью спотворныхъ капель, стража цитадели также погружена въ глубочайшій сонъ.

Не спятъ только Геродотъ, Аресъ и всѣ ихъ товарищи. Еще кто-то не спитъ на выходящемъ въ маленькій цвѣтникъ балконѣ небольшого цитадельнаго домика Горимапа.

— Вотъ уже второй разъ ущербляется скромная Силена, какъ злой рокъ перенесъ меня изъ милыхъ моему сердцу Аѳинъ въ твою суровую родину, — слышится тихій голосъ съ балкона.

— Да, милая Андромеда, и для меня она стала суровою съ того дня, какъ я...

Это говоритъ другой голосъ и разомъ прерываетъ свою рѣчь.

— Съ того дня, какъ ты полюбила Острихія? — подсказываетъ первый голосъ.

— Да, — стыдливо соглашается второй голосъ.

— Что-то теперь въ Аѳинахъ? Что отецъ?

— И Никострать?..

— О, боги, неужели нѣтъ намъ возврата въ милую Элладу?

Голоса умолкаютъ. Слышится только крикъ ночной птицы въ горахъ. Сонный воздухъ чуть слышно колышетъ легкій полетъ летучихъ мышей.

— Видишь, милая Тамара, эти яркія звѣзды, что надъ башней цитадели? — слышится опять первый голосъ. — Можетъ быть, и въ Аѳинахъ теперь «наши» смотрятъ на нихъ.

— Вижу, милая Андромеда, — тихо отвѣчаетъ другой голосъ. — Какія онѣ красивыя!

— Это любимыя созвѣздія моего дорогого отца,—съ тихимъ вздохомъ говоритъ первый голосъ. — Тамъ и мое созвѣздіе — Андромеда.

— Точно Андромеда?

— Да... Это цѣлый мивъ, такой хорошій. У эѳіопскаго царя Кефея и его жены Кассіопеи была дочь Андромеда, которую злые эѳіопскіе боги обрекли на ужасную смерть: ее должно было пожрать морское чудовище, Медуза, съ змѣями на головѣ, вмѣсто волосъ. Уже бѣдную Андромеду отвели на морской берегъ, гдѣ ее должна пожрать Медуза, но явился герой, въ родѣ Геркулеса, по имени Персей, и, отрубивъ голову Медузѣ, спасъ Андромеду... О, еслибъ у меня былъ мой Персей!

— Я здѣсь, моя Андромеда, — вдругъ послышался въ темнотѣ чей-то мужской голосъ, — я твой Персей и пришелъ спасти тебя.

Послышался тихій крикъ, не то крикъ испуга, не то радости.

— И я здѣсь, дорогое дитя мое!

Андромеда узнала голосъ отца.

— О, боги! Не сонъ ли это? — прошептала Андромеда.

— Не сонъ, дитя мое: чистая Артемида привела насъ сюда, чтобы спасти тебя изъ кавказскаго плѣна.

— И я здѣсь, — сказалъ Острихій.

Теперь послышался радостный крикъ Тамары.

— Немедленно готовьтесь къ бѣгству, дѣти, — торопливо проговорилъ Геродотъ. — Надѣньте на себя теплыя одежды: насъ ждутъ холодныя ночи въ пути.

— А наша стража? — робко спросила Андромеда

— Она не проснется до поздняго утра.

— О, боги! О, мой родитель! О, мое счастье! Мои Аѳины!— въ безумной радости лепетала Андромеда.

— А я? — со слезами въ голосѣ проговорила Тамара.

— И ты съ нами... Въ Фазіополѣ я поручу тебя попеченіямъ благороднаго архонта, и онъ поможетъ тебѣ возвратиться на родину, въ родную семью, къ отцу и матери.

Но отъ этихъ словъ Тамара окончательно расплакалась.

— Что съ тобою, милая Тамара? — ласково спросила Андромеда.

— Я съ тобою хочу, — плакала та, — я не хочу на родину.

Андромеда женскимъ чутьемъ угадала, что съ ея подружкой.

Она взглянула на Острихія. Лицо молодого аѳинянина и въ темнотѣ свѣтилось радостью.

— Я такъ люблю, — сквозь слезы проговорила Тамара и не досказала, кого...

— Острихія, — хотѣла ей шепнуть Андромеда.

— Андромеду,—всхлипнула хорошенькая ягуня.

Скоро за цитаделью ночная тишина была нарушена осторожнымъ топотомъ конскихъ копытъ, да слышался однообразный голосъ ночной птицы...

То «кавказская плѣнница», Андромеда, дочь Геродота, уходила изъ плѣна на родину, въ дорогую, поэтическую Элладу..

ВЗДОХЪ МАВРА.

I.

Весной 1883 года, странствуя по Испаніи, по этимъ поэтическимъ реликвіямъ нѣкогда славной и могущественной монархіи, въ обширныхъ владѣніяхъ которой почти всѣхъ частей свѣта «никогда не заходило солнце», я посѣтилъ, конечно, и «городъ фонтановъ».

Такъ называли когда-то, да и теперь продолжаютъ традиціонно именовать Гранаду, бывшую нѣкогда столицу могущественнаго испанскаго халифата.

Пробродивъ весь день по этому поэтическому уголку отечества Васко-де-Гамы и Сервантеса, я къ вечеру возвратился въ свой отель, hôtel Waschington Irwing и, усѣвшись на балконѣ своего номера, окнами смотрѣвшаго на дивные останки, если позволено такъ выразиться, далекаго Востока на крайнемъ Западѣ, на причудливыя своими изломами стѣны Альамбры, отдалъ всего себя, такъ сказать, повторному переживанію испытанныхъ впечатлѣній.

Признаюсь, я тутъ только вполнѣ постигъ всю цѣну тѣхъ ощущеній, которыя, ровно полстолѣтія назадъ, тщетно силился выразить словами Боткинъ Василій.

«Гранада!!» — восторженно восклицаетъ онъ въ своихъ «Письмахъ объ Испаніи».—Еслибъ это слово могло передать вамъ хотя тѣнь ея красоты, еслибъ я могъ перенести васъ въ мою маленькую комнату въ то время, когда закатывается солнце, и косвенные лучи его разливаютъ по долинѣ радужные, переливающіеся тоны, небо и земля сливаются и рдѣютъ, какъ раскаленная лава, облака пылаютъ кровавымъ пламенемъ, Сіерра-Невада съ своими скалами чернаго мрамора, съ своимъ снѣгомъ и зеленой отлогостью, вся облитая заходящимъ солнцемъ, кажется массой,

сложенной изъ драгоцѣнныхъ цвѣтныхъ камней... минута чудесъ! Темная, влажная зелень деревьевъ проникнута золотистыми отливами; нѣтъ захолустья, нѣтъ уголка тѣни, куда не проникла бы яркость этого солнца. Вечерній паръ, разстилающійся по долинѣ, похожъ на пыль, состоящую изъ аметистовъ и рубиновъ, и все прозрачно, все горитъ и сверкаетъ; колокольни деревень, разсѣянныхъ по долинѣ, свѣтятся какъ пурпуровые бенгальскіе огни... Но жаркіе топы начинаютъ блѣднѣть, обозначаются очертанія горныхъ цѣпей, на ихъ синѣющихъ отлогостяхъ уже чуть-чуть отсвѣчивается лиловое мерцаніе: надъ долиной густо поднимается голубой, влажный туманъ, по которому бѣлой матовой полосой отсвѣчивается лупа, выходящая изъ-за Сіерры-Невады. Солнце давно скрылось за горами, Гранада, равнина лежатъ въ сѣромъ сумракѣ, а снѣговой пологъ Сіерры горитъ еще лиловымъ сіяніемъ, и чѣмъ выше, тѣмъ ярче и багровѣе: вотъ, на самой вершинѣ, сверкнуло оно послѣднимъ, алымъ лучемъ... да нѣтъ! Этой красоты нельзя передать, и все, что я здѣсь пишу, есть не болѣе, какъ пустыя фразы; да и возможно ли отчетливо описывать то, чѣмъ душа бываетъ счастлива! Описывать можно только тогда, когда счастіе сдѣлается воспоминаніемъ. Минута блаженства есть минута нѣмая. Представьте же себѣ, что эта минута длится для меня здѣсь вотъ уже три недѣли. Въ головѣ у меня нѣтъ ни мыслей, ни плановъ, ни желаній; словомъ, я не чувствую своей головы; я ни о чемъ, таки совершенно ни о чемъ, не думаю; но еслибъ вы знали, какую полноту чувствую я въ груди, какъ мнѣ хорошо дышать... мнѣ кажется, я растеніе, которое изъ душной, темной комнаты вынесли на солнце; я тихо, медленно вдыхаю въ себя воздухъ, часа по два сижу гдѣ-нибудь надъ ручьемъ и слушаю, какъ онъ журчитъ, или засматриваюсь, какъ струйка фонтана падаетъ въ чашу... Но что, еслибъ вся жизнь прошла въ такомъ счастьѣ.

Надъ Гранадой ночь. Тихо, тихо кругомъ, словно въ городѣ мертвыхъ, спитъ «городъ фонтановъ». Не спятъ только эти фонтаны. Ихъ тихій, немолчный лепетъ говоритъ будто о прошломъ счастьѣ, о невозвратной жизни города халифовъ. Слышны только протяжные, заунывные перекликн ночныхъ птицъ, точно переклики часовыхъ, одной съ темныхъ стѣнъ спящей Альамбры, другой, болѣе слабый откликъ, съ башенъ Хенералифэ, выступающихъ изъ темной, какъ южная ночь, зелени кипарисовъ.

Сдается, что и птицы ночи и фонтаны оплакиваютъ минувшее халифата.

Печальное, но прекрасное наслѣдіе мавровъ! Въ ночномъ лепетѣ фонтановъ слышатся скорбные стоны Авдаллы, изгнаннаго изъ Гранады и оплакивающаго «городъ «фонтановъ».

«Фонтаны Хенералифэ», наполняющіе его рощи и сады, если смѣшаются съ вашими слезами слезы, мной проливаемыя, примите ихъ съ любовью, потому что онѣ самая чистая дань любви: вотъ та дорогая влага, которою увеселяется душа моя.

«Свѣжіе вѣтры, прохлаждающіе то, что раскаляетъ небо, когда долетите вы до Гранады, да сохранитъ и поддержитъ васъ Аллахъ, то передайте Гранадѣ вздохи, которые я посылаю вамъ, чтобы они говорили ей, какъ страдаютъ отсутствующіе» *).

Въ тѣни гигантскаго кипариса Хенералифэ, прислонясь къ его стволу, чуть виднѣется темная фигура, вся закутанная плащемъ. Только и во тьмѣ изъ-подъ капюшона свѣтятся глаза мавра, точно глаза волка.

Слышится легкій, легкій шелестъ, словно шелестъ гранатовыхъ вѣтвей, подъ которыми легкая тѣнь, закутанная чадрою, торопливо пробирается подъ тѣнь гигантскаго кипариса съ темной, неподвижной фигурой въ плащѣ.

Тѣнь ближе и ближе... Шуршитъ песокъ на дорожкѣ... Плащъ подъ кипарисомъ дрогнулъ, и изъ подъ него потянулись впередъ руки... Шопотъ...

— Заира! Свѣтъ очей моихъ!

— Я, мой господинъ, твоя раба.

— Я давно жду дыханія моей груди.

— «Онъ» долго не уходилъ... я трепетала...

И легкая тѣнь исчезла подъ плащемъ мавра.

Слышится только плескъ и лепетъ фонтановъ.

---

*) Испанскій текстъ:
Fuentes de Generalife,
Que regais su prodo y huerta,
Las lagrimas que derramo,
Si entre vosotros se mezclun,
Recibidlas con amor,
Pues son de amor cara prenda!

II

Это были грезы на яву, навѣянныя на мое воображеніе воспоминаніями о прошломъ города фонтановъ, о кровавой драмѣ, разыгравшейся, четыреста лѣтъ назадъ, во дворцѣ послѣдняго владыки Гранады, Абу-Абдилели, по-испански Боабдила, изъ-за прелестной Заиры и самаго мужественнаго изъ Абенсерраховъ, Абу-Авдалли, поэтическій плачъ котораго приведенъ мною выше: «фонтаны Хенералифэ!»...

Въ почномъ воздухѣ медленно прокатился звонъ колокола съ главной башни Альамбры, и грезы о прошломъ отлетѣли вмѣстѣ съ нимъ. Дѣйствительность вступила въ свои права, возвративъ меня на мой балконъ, на которомъ я опять переживалъ впечатлѣнія дня, проведеннаго въ Гранадѣ, повторяя въ умѣ восторженныя признанія автора писемъ объ Испаніи:

Какъ раскаленное до-бѣла желѣзо, горитъ снѣговая вершина Сіерры-Невады на голубомъ небѣ; розовый, волнующійся паръ прозрачной пеленой лежитъ внизу надъ городомъ и зеленою гущей равнины; далѣе, въ свѣтло-голубомъ туманѣ горныя цѣпи. Угловатая вершина Сіерры-Эльвиры, за которую спускается солнце, словно облитая пылающимъ золотомъ, бросаетъ вокругъ себя лиловыя тѣни... Все, небо и земля горятъ и таютъ въ невыразимой лучезарности... Я съ жадностью всматриваюсь на эту долину, на эти чудныя цвѣтами переливающіяся горы, на Альамбру, вдыхаю въ себя прохладу ея садовъ и фонтановъ и думаю, какъ бы сдѣлать, чтобы все это навсегда живо запечатлѣлось въ моей душѣ, чтобы мнѣ всегда можно было помнить объ этомъ раѣ, который, Богъ знаетъ, приведется ли мнѣ еще увидѣть...

...«Да! Ярче, чѣмъ апельсинныя рощи Палермо, чѣмъ берега Неаполя, будутъ жить въ моей душѣ эта равнина Гранады, обставленная горами, эти холмы Альамбры и Хенералифэ, въ густой растительности которыхъ играютъ тоны южной и сѣверной природы, и Сіерра-Невада съ своимъ снѣговымъ пологомъ и радужными переливами отлогостей. А закатъ солнца въ Хенералифэ — какое солнце и какая картина!»

На фонѣ этой же дивной природы и въ рамкахъ этой картины и совершилось то романическое и кровавое происшествіе, о которомъ я намѣренъ разсказать.

III.

Младшая и любимѣйшая жена султана Боабдиля, Ханимъ Заира, въ томной задумчивости сидѣла на одной изъ галлерей Хенералифэ, лѣтняго дворца повелителей мавританской Гранады.

Это было въ концѣ 80-хъ годовъ IV-го столѣтія, когда Христоферъ Колумбъ мучительно вынашивалъ въ своей душѣ великую идею открытія Новаго Свѣта.

Прелестная Заира, не любимая другими султаншами, старшими женами Боабдиля, которыя завидовали ея первенству въ сердцѣ ихъ повелителя, искала часто уединенія, чтобъ предаваться своимъ думамъ и воспоминаніямъ, которыя переносили ее въ счастливое и беззаботное дѣтство. Это дѣтство ея протекло не въ Гранадѣ, не въ стѣнахъ этихъ золоченыхъ тюремъ, Альгамбры и Хенералифэ. Она была родомъ испанка, изъ знаменитой рыцарской фамиліи де-Калатрава, и въ нѣжной юности была похищена маврами и отдана была въ сераль Боабдиля. Христіаское имя ея было донна Инеса.

Теперь, укрываясь за кущами олеандровъ и жасминовъ, которыми осѣнялись изящныя внѣшнія галлереи султанскаго сераля, Заира одиноко любовалась дивною картиною заходящаго солнца, которое спускалось за угловатую вершину Сіерры-Эльвиры, туда, гдѣ была родина маленькой Инесы, о которой она не переставала тосковать, хотя въ послѣднее время тоску ея услаждало нѣчто, чего никто въ мірѣ не зналъ... Это была ея тайна, которою она жила въ мучительно сладкой истомѣ...

Ей казалось теперь, что солнце слишкомъ медленно опускалось за вершину Эльвиры, что день длился безконечно. Заира ждала ночи.

— «Зачѣмъ мнѣ свѣтъ дня, сіяніе солнца, когда только мракъ ночи свѣтитъ душѣ моей!» — говорила она мысленно.

И невольно она вздрогнула. Она такъ страстно звала въ душѣ ночныя тѣни, что ей показалось, что она призывала ихъ громко: такъ силенъ былъ голосъ ея сердца.

Она встала, оглядѣлась кругомъ и медленно прошла въ густую аллею миртъ и жасминовъ, перемежавшихся съ иглообразными киларисами и гранатами. По бѣлому мрамору неглубокаго канала быстро, но безшумно струилась прозрачная, какъ кристаллъ, вода.

Заира сорвала пышный цвѣтокъ граната и вѣточку зеленаго мирта и бросила въ воду, предварительно поцѣловавъ и цвѣтокъ, и вѣтку.

— «Плывите къ нему черезъ весь садъ и городъ и скажите ему»...

Она остановилась. Она боялась даже мысленно сказать то, что пламенѣло въ ея сердцѣ.

Постоявъ надъ струящимся потокомъ, быстро увлекавшимъ ея символическое посланіе, Заира углубилась въ самую густую тѣнистую аллею сада. Здѣсь уже было почти совсѣмъ темно. Южная ночь наступала быстро. Въ просвѣтахъ аллеи, надъ вершинами кипарисовъ, рѣяли летучія мыши.

Подъ густолиственнымъ миртовымъ кустомъ бѣлѣла мраморная скамья. Заира припала около нея на колѣни и горячими губами приложилась къ холодному мрамору.

— Здѣсь онъ показалъ мнѣ рай отверстымъ, — прошептала она, — о, мой Абенсеррахъ!

Стало совсѣмъ темно, и Заира поспѣшила возвратиться во дворецъ, на половину сераля, отведенную лично ей, какъ любимѣйшей ханымъ султана.

Погруженная въ свои мысли, она не замѣтила, какъ какая-то темная тѣнь поспѣшно скрылась за густыми кустами жасминовъ.

IV.

Едва тихій предутренній вѣтерокъ, потянувшій съ ледниковъ Сіерры-Невады, начиналъ колебать вершины кипарисовъ въ саду Хенералифэ, и ночной мракъ продолжалъ окутывать и дворецъ Боабдила и Альамбру, какъ вдоль наружной колоннады сераля вновь неслышно проскользнула легкая тѣнь и, спустясь въ садъ, торопливо пошла кипарисовой аллеей, прямо къ той мраморной скамьѣ, около которой съ вечера останавливалась Заира.

Теперь тамъ, какъ бы слившись съ могучимъ стволомъ кипариса, темнѣла высокая мужская фигура. То былъ мавръ, закутанный въ темный плащъ и капюшонъ.

Увидѣвъ приближавшуюся тѣнь, онъ вздрогнулъ и двинулся впередъ.

— Заира! Солнце дней моихъ!

— О, мой рыцарь! Моя защита!

— Рыцарь, Заира?

— Да, рыцарь.

— А вчера ты назвала меня своимъ господиномъ?

— Я ошиблась, мнѣ опротивѣло это слово: «опъ» меня пріучилъ такъ говорить.

Это были Заира и Абу-Авдалла, мужественнѣйшій и красивѣйшій изъ Абенсерраховъ.

Абенсеррахи были самымъ знатнымъ родомъ Гранады послѣ Боабдиля. Другой не менѣе знатный родъ гранадскихъ вельможъ были Сегріи, враждовавшіе съ Абенсеррахами изъ-за вліянія при дворѣ. Подозрительный Боабдиль, опасаясь вліянія Абенсерраховъ на народъ, не довѣрялъ имъ, тѣмъ болѣе, что Сегріи старались поддерживать въ султанѣ эту подозрительность, намекая на желаніе Абенсерраховъ свергнуть его съ престола. Мало того, Сегріи добиваясь склонить на свою сторону любимѣйшую жену султана, Заиру, подкупили одного изъ евнуховъ, съ тѣмъ, чтобы онъ оказывалъ вліяніе на юную султаншу въ ихъ пользу.

Старанія евнуха въ пользу Сегріевъ привели, однако, къ результатамъ, совершенно не ожиданнымъ, но тѣмъ не менѣе чрезвычайно важнымъ для враговъ рода Абенсерраховъ: на Заиру пала тѣнь подозрѣнія, страшная тѣнь!.. Любимая султанша, за ласки которой Боабдиль готовъ былъ пожертвовать всѣмъ своимъ сералемъ, эта прелестная «ханымъ» подозрѣвалась въ тайныхъ сношеніяхъ съ однимъ изъ Абенсерраховъ. Но подозрѣніе это было такое ужасное, что подкупленный Сегріями евнухъ сталъ трепетать за свою жизнь... А если это правда? Если это страшное подозрѣніе подтвердится?..

А подозрѣніе оказалось справедливымъ, и Заира уже имѣла одно свиданіе съ Абу-Авдаллою. Въ нынѣшнюю ночь было второе.

— Но ты не знаешь, кто я,—прошептала Заира, когда Абу-Авдалла, какъ малаго ребенка, унесъ ее на своей мотучей груди въ самую темную чащу сада и усадилъ въ прохладномъ гротѣ, закутавъ своимъ плащомъ.

— Зачѣмъ мнѣ знать, кто ты, свѣтъ очей моихъ?—нѣжно проговорилъ молодой Абенсеррахъ.—Ты—солнце Гранады, невидимое для человѣческаго ока.

— Я—дочь враговъ твоихъ,—еще тише простонала Заира.

— Тогда я готовъ быть рабомъ моихъ враговъ, чтобы только быть твоимъ господиномъ!!..—страстно продолжалъ Абу.

— Но я испанка... Мой Богъ не твой Богъ.

— Я не отниму у тебя твоего Бога: молись ему... Только будь моею...

Заира вдругъ горько-горько заплакала, прижавшись, совершенно по-дѣтски, къ груди молодого Абенсерраха. Абу-Авдалла весь затрепеталъ отъ счастья и жалости къ этому нѣжному, беззащитному созданію. Его поразили эти внезапныя слезы, это видимое отчаяніе любимаго существа. Вчера, при первомъ свиданіи, она не плакала, когда онъ изливалъ передъ нею свои пламенныя, африканскія чувства, сжимая въ своихъ богатырскихъ объятіяхъ это маленькое, нѣжное, хрупкое тѣльце: что съ нею?

Но когда прошелъ первый порывъ отчаянія, Заира нѣсколько успокоилась.

— Никто, кромѣ моего тирана, никто въ Гранадѣ и во всемъ мірѣ не знаетъ, кто я,—тихо начала она, утирая влажное лицо,—Боабдилъ, подъ страхомъ самой ужасной казни, запретилъ въ сералѣ узнавать, кто я, и мнѣ приказалъ скрывать свое имя и происхожденіе, когда, почти еще ребенкомъ, привезъ меня, похищенную разбойниками у моихъ родителей, въ свой дворецъ, въ Альамбрѣ.

— Кто же были твои родители?..—спросилъ Абу-Авдалла, нѣжно гладя прелестную головку Заиры.—Мнѣ ты можешь сказать: Абенсеррахи не боятся Абу-Абдилелей. Я вырву тебя изъ когтей шакала Гранады.

— Мои родители графы де-Калатрава, знатнѣйшіе испанскіе гранды,—продолжала Заира.

— Знатнѣйшіе и могущественнѣйшіе послѣ Фердинанда!—подсказалъ Абу-Авдалла.—Я знаю, ихъ замокъ стоитъ на сѣверныхъ склонахъ Сіерры-Морены.

— Да,—утвердительно кивнула головкой Заира,—а другой замокъ въ горахъ Морены, на берегу шумнаго Гвадальквивира... Я въ немъ родилась...

И, вспомнивъ свое беззаботное дѣтство и свою далекую родину, она вновь заплакала.

Абу-Авдалла молча прижалъ къ себѣ плачущую, давая ей возможность выплакаться.

Успокоившись, Заира продолжала:

— Однажды, когда я, подъ присмотромъ своей няни дуэньи, не далеко отъ нашего замка, рвала цвѣты на берегу Гвадальквивира, неожиданно напали на насъ мавры изъ Кордовы, схватили и, лишивъ насъ возможности кричать и звать на помощь, увезли въ Кордову. Тамъ увидѣлъ меня находившійся въ Кордовѣ для покупки красивыхъ плѣнницъ въ сераль Боабдиля его старшій евнухъ и купилъ меня. Боабдиль же, увидавъ меня въ Альамбрѣ, куда я привезена была евнухомъ, и узнавъ, кто я, запретилъ говорить объ этомъ кому бы то ни было, чтобъ вѣсть обо мнѣ не дошла до моихъ родителей... И я не Заира, а Инеса,—закончила она.

Абу-Авдалла быстро вскочилъ на ноги и выпрямился во весь свой гигантскій ростъ. Глаза его даже во мракѣ грота сверкали фосфорическимъ огнемъ.

— Такъ я слѣдующей же ночью явлюсь сюда и увезу тебя къ твоимъ родителямъ, сеньорита де-Калатрава!—съ глубокимъ поклономъ сказалъ онъ, почтительно прикладывая руку ко лбу и къ сердцу.—Позволь мнѣ быть твоимъ рыцаремъ!—съ страстнымъ порывомъ прибавилъ благородный мавръ.

Инеса съ испугомъ вскочила.

— Свѣтаетъ!—прошептала она.—Тамъ могутъ проснуться... Уходи, уходи, мой спаситель, мой рыцарь, мой милый! До завтра!

И Инеса скрылась въ чащѣ сада.

V.

Но случилось то, чего не ожидали влюбленные.

Темная тѣнь, которая вечеромъ промелькнула и скрылась за густыми кустами жасмина, и которой Инеса, погруженная въ свои думы, не замѣтила, была ея злѣйшая соперница по гарему Боабдиля Амира, дочь султана Кордовы, была прежде любимѣйшею женой султана Гранады, но съ тѣхъ поръ, какъ въ гаремѣ Боабдиля появилась юная и невинная Инеса, эта послѣдняя вытѣснила Амиру изъ сердца повелителя Гранады и навлекла на себя ненависть гордой мавританки. Въ африкан-

ской крови ея вспыхнула жгучая ревность, и она постоянно искала случая погубить свою соперницу. День и ночь она шпіонила за Инесой, ничего не подозрѣвавшей, хотя и догадавшейся, что весь гаремъ ей завидуетъ за исключительную любовь къ ней Боабдила.

Теперь случай для мести представился гордой мавританкѣ. Амира, какъ кошка, прокралась вечеромъ къ тому кипарису, гдѣ останавливалась Инеса у мраморной скамьи, и подслушала шопоть своей соперницы: «о, мой Абенсеррахъ!»

Хотя самого Абу-Авдаллы Амира не видала, но женскимъ чутьемъ, обостреннымъ еще пламенной ревностью, она угадала, что здѣсь именно, подъ этимъ кипарисомъ, происходило свиданіе влюбленныхъ: недаромъ тихоня и скромница Заира цѣловала холодный мраморъ скамьи и шептала: «о, мой Абенсеррахъ».

Абенсеррахъ! Вотъ съ кѣмъ тихоня измѣняетъ своему повелителю: Абенсеррахъ! Одинъ изъ Абенсерраховъ.

И злобная Амира тотчасъ же донесла объ этомъ Боабдилю. Она сказала даже, «что видѣла Заиру въ объятіяхъ Абенсеррахъ, но котораго изъ нихъ, она не могла разсмотрѣть за темнотою ночи. Она слышала только, какъ измѣнница страстно шептала: «о, мой Абенсеррахъ!»

Боабдиль пришелъ въ бѣшеную ярость отъ того, что ему донесла Амира. Онъ и прежде не довѣрялъ Абенсеррахамъ и боялся ихъ. А теперь!.. Значитъ, Сегріи правы, предупреждая его, что Абенсеррахи мѣтятъ на его престолъ... Мало того! Эти волки забрались въ его святилище, въ гаремъ!.. Они похитили его любимую овечку, а съ нею и его честь, честь повелителя правовѣрныхъ, владыки халифата отъ горъ Морены и Невады до самаго моря!.. Смерть Абенсеррахамъ за позоръ повелителя правовѣрныхъ!

А этотъ испанскій змѣенышъ, до сихъ поръ не допускающій своего властелина раздѣлить съ нею дѣвственное ложе!.. все умоляла повременить, пощадить ея невинность... И онъ щадилъ... онъ ждалъ, пока созрѣетъ окончательно этотъ, слишкомъ нѣжный для него, плодъ... А она! Созрѣла... созрѣла для Абенсерраховъ!..

Но тутъ сомнѣніе закралось въ душу Боабдила, сомнѣніе утѣшительное. Онъ хорошо зналъ женскія интриги и козни своего сераля. Онъ давно видѣлъ, что всѣ его жены завидуютъ

маленькой Заирѣ. Часто ему нашептывали на нее то ту, то другую небылицу, которыя потомъ оказывались чистыми вымыслами или ревнивыми догадками. Особенно же усердно подкапывалась подъ нее гордая и властолюбивая Амира... Не гнусная ли выдумка кроется и теперь въ доносѣ Амиры? Надо лично разслѣдовать дѣло, слишкомъ щекотливое для гордости и чести султана. Заира никогда не лгала, ни одного слова неправды не сказала она даже ребенкомъ и до послѣднихъ дней не запятнала себя ни малѣйшей неправдой. Она слишкомъ благородное и гордое дитя Испаніи.

И Боабдиль, нѣсколько успокоенный, отправился въ свой гинекей.

Войдя въ опочивальню Инесы, онъ засталъ ее на колѣняхъ, молящеюся. При видѣ султана, дѣвушка встала, замѣтно встревоженная, но съ яснымъ, открытымъ, дѣтскимъ взоромъ!

— Заира!—сказалъ Боабдиль, стараясь казаться спокойнымъ и пристально вглядываясь въ прелестное личико и ясные глаза дѣвушки.—Мнѣ донесли, что ты совершила преступленіе противъ своего повелителя, противъ...

Онъ остановился. Инеса спокойно выдержала его пытливый взглядъ.

— Я невинна, господинъ,—тихо отвѣтила она.

— Не запирайся... Тебя видѣли въ объятіяхъ Абенсерраха,—не вытерпѣлъ мавръ.

— Я не запираюсь. Но я невинна.

— Такъ ты сознаешься, что была въ объятіяхъ мужчины?—весь вспыхнувъ и хватаясь за кинжалъ, глухо проговорилъ потомокъ Югурты.

— Сознаюсь... Но я невинна,—былъ вторичный отвѣтъ.

— Невинна! Въ объятіяхъ Абенсерраха!—теребя рукоятку меча, вскрикнулъ левъ Нумидіи.—О, змѣенышъ съ горъ Морены!

— Да, невинна,—стояла на своемъ Инеса,—я видѣлась съ Абенсеррахомъ. Онъ обѣщалъ отвезти дочь графа де-Калатравы къ ея родителямъ... Но я невинна, клянусь моимъ Богомъ...

— Га! Къ родителямъ...

— Да; я незаконно похожусь въ плѣну... Я всегда жаждала

свободы, я постоянно рвалась душой къ милой родинѣ, и мнѣ обѣщали возвратить и свободу, и родину.

Въ юной испанкѣ заговорила гордая, знойная кровь рыцарей де-Калатрава. Она стояла передъ своимъ тюремщикомъ пламенная, негодующая, но еще болѣе прекрасная, какою ее никогда не видѣлъ Боабдиль.

Какъ! Потерять такую красоту, этотъ дивный плодъ, совсѣмъ созрѣвшій! — вихремъ пронеслось въ горячей головѣ мавра, и онъ съ негодованіемъ оттолкнулъ рукоятку меча.

— Обѣщали свободу... родину,—медленно заговорилъ онъ, видимо, смягчаясь.—Зачѣмъ женщинѣ свобода? Ты не простая мавританка или испанка, которая работаетъ въ полѣ и въ саду съ открытымъ лицомъ... Ты драгоцѣнная жемчужина, которую я долженъ беречь, охранять, лелѣять. Чѣмъ ты недовольна въ моемъ дворцѣ? Передъ тобой все преклоняется, даже я, твой повелитель...

— Но я не хочу быть рабой, плѣнницей... Я требую, чтобы меня отпустили домой!

— Съ кѣмъ это? Съ Абенсеррахомъ? — ехидно спросилъ вновь проснувшійся потомокъ царя Нумидіи-Югурты. — Съ Абенсеррахомъ?

— Да, съ Абенсеррахомъ!

— Съ которымъ имению? Его имя?

— Имени его я не скажу! Я не предательница!—гордо отвѣчала дочь Калатравы.

— А! Не скажешь? О, Заира, Заира!

И въ пламенномъ мозгу мавра разомъ, мгновенно, созрѣлъ адскій замыселъ...

VI.

Въ день, назначенный для приведенія въ исполненіе кроваваго замысла, Боабдиль пригласилъ во дворецъ, въ парадную залу Альамбры, всѣхъ Сегрісвъ. Въ то же время, подъ предлогомъ совершенія великаго празднества, онъ назначилъ пріемъ во дворцѣ, для пира, и всѣхъ Абенсерраховъ, но съ такимъ разсчетомъ времени, чтобы каждый изъ нихъ являлся отдѣльно, черезъ нѣсколько минутъ одинъ послѣ другого.

Въ этомъ и состоялъ адскій разсчетъ свирѣпаго мавра...

Тутъ же, въ парадной залѣ, которая съ того кроваваго момента и называется доселѣ «залою Абенсерраховъ», находились и палачи съ тщательно отточенными орудіями своего кроваваго ремесла.

Боабдиль сидѣлъ на возвышеніи, окруженный Сегріями. По сторонамъ зала, между арками, расположились трубачи и литаврщики.

Скоро герольдъ возвѣстилъ о приходѣ старѣйшаго изъ Абенсерраховъ. Онъ долженъ былъ пройти сквозь ряды придворныхъ, которые, пропустивъ его, сомкнулись тѣсною стѣной.

Едва Абенсеррахъ вошелъ и приблизился къ огромной чашѣ, бассейну фонтана, украшавшему залу, какъ Боабдиль громко воскликнулъ:

— Хвала Богу! Смерть измѣнщику! Нѣтъ Бога, кромѣ Бога и Мохамедъ пророкъ его!

Въ этотъ моментъ палачи набросились на вошедшаго, подъ ужасающій ревъ трубъ и литавръ, чтобъ не слышно было извнѣ криковъ жертвы, скрутили ей назадъ руки, и тотчасъ его голова моментально скатилась въ бассейнъ, страшно вращая глазами, а туловище упало у края чаши.

Адская музыка продолжалась, пока герольдъ не выступилъ вторично и возгласилъ о приходѣ слѣдующей жертвы свирѣпаго мавра.

— Хвала Богу! Смерть измѣнщику! Нѣтъ Бога, кромѣ Бога и Мохамедъ пророкъ его!—снова прокричалъ Боабдиль, едва вошла вторая жертва, и за ней сомкнулась живая человѣческая стѣна.

Та же ужасная участь постигла и второго гостя потомка Югурты.

Испанскій лѣтописецъ XVI вѣка, Пересъ де-Ита, въ хроникѣ своей «О междоусобныхъ войнахъ въ Гранадѣ» (Gerras civiles de Granada nor Fines Peres de Hita) говоритъ, что въ этотъ торжественный день обезглавлено было, такимъ образомъ, тридцать шесть Абенсерраховъ, и, конечно, весь родъ ихъ погибъ бы этою ужасною смертью, если бы оруженосецъ послѣдняго («пажъ») случайно не замѣтилъ, что происходило въ залѣ, когда палачи схватили его господина, и не предупредилъ объ этомъ остальныхъ Абенсерраховъ.

При посѣщеніи моемъ, въ 1883 году, Альамбры и бывшаго дворца Боабдиля, я долго оставался въ «залѣ Абенсерраховъ» вмѣстѣ съ сопровождавшими меня милѣйшими гранадскими студентами, съ которыми мнѣ, по незнанію испанскаго языка, пришлось объясняться, за незнаніемъ ими другихъ языковъ, кромѣ испанскаго, на языкѣ Цицерона и Горація, который мы всѣ, конечно, страшно коверкали въ спряженіяхъ и склоненіяхъ, но все же объяснились нахально-бойко.

— Sanguis, domine—показывали они мнѣ на бассейнъ,— Sanguis Abenserragorum, Granadae regum.

И дѣйствительно, я увидѣлъ въ чашѣ фонтана и около нея, на мраморномъ полу, темнокрасноватыя пятна отъ лужъ запекшейся и давно смытой крови, а въ самой чашѣ виденъ такого же цвѣта, какъ бы кровавый отпечатокъ руки, опиравшейся въ предсмертной агоніи въ мраморное дно чаши бассейна.

— Sanguis Abenserragorum, — повторяли мои юные спутники.

И всѣ воды ледниковъ и подземныхъ ключей Сіерры-Невады, и всѣ столѣтія, протекшія съ того преступнаго дня, когда такъ звѣрски были обезглавлены благородные мавры, не смыли этой крови на вѣчный позоръ потомку Югурты.

VII.

Но потомокъ Югурты все же не зналъ, удалось ему или нѣтъ погубить соперника Абенсерраха, похитившаго сердце его красавицы Заиры-Инесы, и виновата она въ супружеской невѣрности, или невинна.

Для этого оставался судъ, «судъ Божій», по обычаямъ того времени.

Посовѣтовавшись съ главнымъ духовнымъ лицомъ и судьею Гранады и съ Сегріями, Боабдиль объявилъ Инесѣ, что она должна избрать четырехъ рыцарей, которые рѣшились бы защищать ея честь, сразившись съ такимъ же числомъ обвинителей, Сегріевъ.

— Въ случаѣ же отказа рыцарей защитить твою честь и невинность, или въ случаѣ ихъ смерти въ бою съ твоими обвинителями, тебя ждетъ ужасная казнь: ты будешь сожжена живою на кострѣ,—пояснилъ безпощадный обвинитель.

Объ этомъ рѣшеніи султана герольды тотчасъ же оповѣстили въ городѣ и во всей странѣ, подвластной халифату Гранады. Назначенъ былъ и день поединка, черезъ недѣлю. Это Сегріи настаивали назначить такой короткій срокъ для поединка, въ тайной надеждѣ, что защитники обвиняемой не успѣютъ прибыть въ Гранаду.

Однако, въ назначенный день, къ главнымъ воротамъ Альгамбры явились четыре вооруженныхъ турка. Лица ихъ закрыты были забралами. Ихъ впустили въ крѣпость.

Къ полудню площадь, назначенная для поединка, стала наполняться знатнѣйшими маврами Гранады. Явились и Сегріи въ полномъ вооруженіи, сопровождаемые своими гордыми родичами. Боабдиль занялъ возвышенное мѣсто, съ котораго могъ видѣть все до мельчайшихъ подробностей.

Гдѣ же была Инеса-Заира, имя которой передавалось шопотомъ изъ устъ въ уста?

Инеса смотрѣла на мѣсто поединка съ бельведера, съ башни сераля. Это была уборная комната султанши, которая и доселѣ называется «уборной королевы» (el tocador de la reyna). Въ мраморномъ полу этой комнаты продѣланы маленькія скважинки, сквозь которыя проходилъ сюда дымъ сожигаемыхъ внизу ароматическихъ куреній.

Изъ окна этого бельведера Инеса могла видѣть все, что происходило внизу.

Когда все было готово къ поединку, и герольды, по мановенію султана, объявили начало боя, обѣ партіи бойцовъ вышли къ серединѣ арены.

Тогда выступилъ впередъ одинъ изъ турокъ.

— Въ защиту чести высокой особы, имя которой извѣстно великому повелителю Гранады, я вызываю на смертный бой храбрѣйшаго изъ обвинителей Сегріевъ!—громкимъ, металлическимъ голосомъ выкрикнулъ онъ и бросилъ на мраморный полъ желѣзную перчатку.

При звукахъ этого голоса, Инеса вся затрепетала. Она узнала голосъ отца.

— О, Боже!—прошептала она, упавъ на колѣни.— Veni, Creator Spiritus!

Бой начался. Это была жестокая схватка. Отважнѣйшій и искуснѣйшій рыцарь Испаніи, побѣждавшій и на всѣхъ тур-

пирахъ, и во всѣхъ стычкахъ съ маврами, Калатрава, никому невѣдомый здѣсь, показался Боабдилю какимъ-то демономъ мстителемъ, и сердце его облегченно забилось, когда противникъ Сегрія, въ нѣсколько бурныхъ налетовъ, сбилъ на мраморную арену мавра, и когда послѣдній приподнялся было на колѣни, дамасскій клинокъ Калатрава моментально снесъ голову мавра, и она стукнулась лбомъ о мраморъ, окрашивая черной кровью покрывавшій арену, песокъ.

— О! Te Deum!—воздѣла руки къ небу Инеса.

Какъ ей хотѣлось заглянуть подъ забрало, чтобы увидѣть дорогое мужественное лицо отца! Но въ этотъ моментъ она услышала съ арены другой, молодой голосъ, какъ звонъ серебра прорѣзавшій воздухъ, и вся кровь ея сердца горячей волной прилила къ ея смуглымъ, нѣжнымъ щечкамъ. То былъ голосъ Абу-Авдаллы.

— Въ защиту чести и невинности высокой особы, чистое лицо которой не достоинъ видѣть гнусный тиранъ Гранады, презрѣнный трусъ Абу-Абдилели, я вызываю на смертный бой разомъ всѣхъ троихъ клеветниковъ, недостойныхъ называться людьми, Сегріевъ!

Такой вызовъ выкрикнула мощная грудь Абу-Авдаллы.

И Боабдиль, и Сегріи, и всѣ вельможи Гранады узнали голосъ Абенсерраха.

— Такъ вотъ кого не выдала Запра, — задрожавъ отъ ярости, подумалъ Боабдиль.—И его голова не слетѣла съ плечъ...

Онъ понялъ, что Абу-Авдалла былъ его счастливымъ соперникомъ. Но когда этотъ послѣдній выкрикнулъ вызовъ разомъ всѣмъ троимъ оставшимся въ живыхъ противникамъ, то два остальные его союзники-рыцари стали протестовать.

— Нѣтъ, нѣтъ!—говорили они.—И мы должны сразиться за честь высокой особы! И мы хотимъ убить хоть по одному клеветнику.

Абу-Авдалла принужденъ былъ уступить. Тогда начался ожесточенный бой. Противники были почти равныхъ силъ. Но передъ ними лежалъ трупъ мужественнѣйшаго изъ ихъ товарищества, и это парализовало ихъ энергію. Все-таки бой шелъ съ одинаковымъ успѣхомъ съ той и съ другой стороны. Удары наносились и отражались поочередно.

Инеса, блѣдная, трепещущая, забывъ отца, не сводила глазъ

съ своего возлюбленнаго. Душа ея рвалась къ Богу; но она не умѣла молиться, потому что вся она вмѣстѣ со взоромъ была тамъ, гдѣ скрещивалось и звенѣло страшное оружіе сражавшихся. Будь она тамъ, на аренѣ, она, казалось, своимъ нѣжнымъ тѣломъ защитила бы того, дорогого ея сердцу великана, который мужественно принималъ на себя тяжкіе удары противника и наносилъ ему тягчайшіе.

Вдругъ она вскрикнула. Противникъ Абу-Авдаллы нанесъ ему такой ударъ, что Абенсеррахъ пошатнулся; но въ тотъ же моментъ кривая сабля его сверкнула въ воздухѣ, и Сегрій, съ разрубленною на-двое головою, опрокинулся на арену навзничь.

— О, Алла!—прошелъ стонъ по рядамъ зрителей.

Побѣждали защитники Инесы. Уже два трупа ихъ противниковъ валялись на аренѣ. Послѣдніе два защищались съ трудомъ, отступая къ тому мѣсту, гдѣ сидѣлъ Боабдиль.

Халифъ Гранады не зналъ, о чемъ просить Аллаха, о побѣдѣ или о пораженіи своихъ.

Въ первомъ случаѣ останется сомнѣніе въ невинности Запры, а ему хотѣлось, чтобъ она была невинна; въ послѣднемъ онъ еще надѣялся заслужить расположеніе упрямицы, которая стала ему еще дороже.

— Amen!—раздался вдругъ голосъ Калатравы.

Послѣдніе два Сегріи упали мертвыми почти у ногъ повелителя Гранады.

— О, Iesus-Maria!—донесся съ бельведера вздохъ облегченія... Мой отецъ! Мой...

При общемъ смятеніи, съ своего мѣста поднимается верховный кади и обводитъ взоромъ собраніе. Все утихаетъ.

— Хвала Богу, — возглашаетъ кади. — Нѣтъ Бога, кромѣ Бога и Мохамедъ пророкъ его. Крѣпость ничто безъ Бога. Вы, смотрящіе на этихъ мертвыхъ,—онъ указалъ рукою на трупы четырехъ Сегріевъ,—знайте, что Богъ караетъ неправду. Великая неправда возведена была сими, здѣсь поверженными, на высокую особу, обитающую въ убѣжищѣ утѣхи нашего повелителя. Такъ вѣдайте, что блистательная ханымъ юная Запра-эль-Нассеръ невинна, какъ голубица, не знавшая пары, и чиста какъ первый дѣвственный снѣгъ на вершинѣ Сіерры-Невады. Хвала Богу!

— Amen! — снова прозвучалъ голосъ изъ-подъ забрала Калатравы.

Женщинѣ и ея красотѣ обязана была Троя своимъ роковымъ, полнымъ трагизма — поэзіи паденіемъ.

Женщинѣ же и ея несчастной долѣ, виною которой была тоже красота, суждено было ускорить и паденіе Гранады, какъ самостоятельнаго государства.

Участь Инесы невольницы подняла на ноги всю Испанію. Королева Изабелла, услышавъ отъ графа де-Калатрава исторію его дочери, съ рѣдкою женской отзывчивостью отнеслась къ судьбѣ дѣвушки. Да и король Фердинандъ кастильскій, мужъ Изабеллы, горячо принялъ къ сердцу дѣло Инесы.

Скоро собрано было сильное войско, которое немедленно и осадило Гранаду.

Осада города поручена была Калатравѣ, и онъ повелъ дѣло съ пламенной энергіей Онъ зналъ, что въ стѣнахъ Альамбры изнываетъ въ неволѣ его любимица Инеса. Абу-Авдалла съ болѣе, быть можетъ, пламенной энергіей помогалъ ему. Онъ помнилъ послѣднее свиданіе съ Инесой-Заирой подъ кипарисомъ Хенералифэ, и душа его рвалась за эти высокія стѣны цитадели. Уроженецъ Гранады, онъ зналъ слабыя стороны этого города, «города фонтановъ». Фонтаны это была жизнь Гранады. Заставить изсякнуть ея фонтаны—вѣрная смерть осажденнаго города. Абу-Авдалла сообщилъ объ этомъ Калатравѣ.

И въ одну ночь Калатрава заставилъ умолкнуть всѣ фонтаны Гранады. Испанское войско съ неимовѣрными усиліями заградило, съ помощью земляныхъ перекоповъ и плотинъ, ходъ воды изъ водоносныхъ нѣдръ въ трубы, питавшія всѣ фонтаны Гранады.

Городъ огласился воплемъ, когда на утро всѣ его фонтаны оказались безмолвными.

Боабдиль увидѣлъ, что дни его владычества и независимости Гранады сочтены. Онъ поспѣшилъ прибѣгнуть къ переговорамъ. Фердинандъ и Изабелла были неумолимы.

— Мавры должны быть совсѣмъ изгнаны изъ Испаніи!— настойчиво отвѣчалъ онъ на всѣ предложенія.

— Инеса должна быть съ почестью возвращена отцу! — безусловно требовала Изабелла.

И послѣдній султанъ Гранады долженъ былъ покориться.

Инеса съ почетной свитой прибыла въ станъ отца. Сцена свиданія съ дочерью была глубоко-трогательна.

Въ сторонѣ стоялъ въ своемъ восточномъ одѣяніи Абу-Авдалла, мужественный, прекрасный въ своемъ молчаніи.

Вырвавшись изъ объятій отца, Инеса подошла къ нему.

— Отецъ! Вотъ мой рыцарь,—вся зардѣвшись, сказала она.

Абу-Авдалла, преклонивъ колѣно, поцѣловалъ ея маленькую ручку.

Мавры оставили Гранаду. Все населеніе халифата, съ пожитками и скотомъ, много дней двигалось къ морю, гдѣ ожидали его корабли, долженствовавшіе перевести всѣхъ до единаго мавровъ въ Африку, въ ихъ родную, знойную Нумидію.

Боабдиль, покидая Гранаду, долго стоялъ на одной изъ окружныхъ горъ, рыдая и простирая руки къ потерянному раю... Гора эта до сихъ поръ называется «Вздохомъ Мавра», «Elspiro de-More». Какое трогательное преданіе!

Абу-Авдалла Абенсеррахъ, принявъ христіанство, получилъ руку прелестной Инесы.

Гранадскіе студенты показывали мнѣ въ Хенералифэ многовѣковой кипарисъ, подъ которымъ было первое и послѣднее свиданіе Абенсерраха съ Инесою де-Калатрава.

ФАРАѢМАНЪ И РАДАМИСТЪ.

I.

Это было очень, очень давно.

Происходило это въ томъ далекомъ сумракѣ минувшихъ вѣковъ, которые рисуются въ нашемъ воображеніи какъ нѣчто сказочное, легендарное, тускло освѣщаемое неугасшими доселѣ свѣточами сказаній глубочайшей древности.

Достаточно пояснить, что происходило все, что я намѣренъ разсказать, еще тогда, когда подъ знойнымъ солнцемъ Палестины небольшая группа галилейскихъ рыбаковъ, во главѣ съ божественнымъ Учителемъ, бродила по Іудеѣ, Самаріи и Галилеѣ, «не имѣя, гдѣ главу приклонить» и совершая дѣянія, доныне непостижимыя высочайшей человѣческой мудрости.

Но мы не остановимся на этомъ...

Изъ сумрака ушедшихъ въ вѣчность тысячелѣтій въ нашемъ воображеніи встаетъ нѣчто другое, болѣе намъ близкое: встаютъ изъ гробовъ мертвецы-гиганты, бывшіе обитатели горныхъ высей и доловъ Кавказа, того Кавказа, надъ которымъ еще такъ недавно раздавались стопы Прометея.

Передъ нами Иверія, тогдашняя Иверія, нынѣшнія Тифлисская и Кутаисская губерніи.

Владыки Иверскаго царства, въ союзѣ съ державнымъ Римомъ, налагали въ то время свою властную руку на всю золотоносную Колхиду и нынѣшнюю Грузію отъ моря Эвксинскаго до моря Гирканскаго, а равно на Великую и Малую Арменію вплоть до предѣловъ могучаго Парѳянскаго царства на югѣ и до царства Понтійскаго—на сѣверѣ, до предѣловъ царствъ, боровшихся съ самимъ Римомъ и его легіонами.

Престолъ Иверіи, по свидѣтельству безсмертнаго Тацита (Taciti «Annales», I, II, 68; VI, 32—36; XI, 89; XII, 44—48,

50; XIII, 6 и 37), занималъ тогда могущественный, но уже престарѣлый Фарасманъ, надъ обѣими же Арменіями царствовалъ братъ его Митридатъ, а потомъ сынъ Фарасмана, Радамистъ, о которомъ Тацитъ говоритъ, что былъ онъ «стройнаго роста, необыкновенной силы, искусный во всѣхъ національныхъ упражненіяхъ и пользовавшійся славою у всѣхъ сосѣднихъ народовъ» (I. XII, 44).

Тихимъ весеннимъ вечеромъ, съ котораго начинается нашъ разсказъ, Фарасманъ и Радамистъ молча ѣхали на взмыленныхъ коняхъ берегомъ Фазиса (Ріонъ), возвращаясь съ охоты въ свою столицу. Въ значительномъ разстояніи отъ нихъ слѣдовала свита, группа всадниковъ, драпированныхъ, словно готовыми бурками, шкурами гигантскихъ медвѣдей и тигровъ, а за ними толпа воиновъ и слугъ, обремененная богатою добычею царской охоты: гигантскими зубрами, медвѣдями, кабанами и дикими козами, а равно фазанами и другою птицею. Арбы, нагруженныя трофеями охоты и съ трудомъ влекомыя усталыми буйволами, неумолчно скрипѣли, оглашая горы и лѣсъ дикою своею музыкой.

Вечернее солнце, склоняясь за горы, бросало отъ нихъ гигантскія тѣни черезъ Фазисъ на скалистыя, покрытыя лѣсомъ выси лѣваго берега рѣки Язона и аргонавтовъ и золотило вершины горныхъ великановъ Колхиды.

Отъ времени до времени Фарасманъ бросалъ украдкою взгляды на красавца и богатыря сына, который ѣхалъ въ глубокой задумчивости. Старый царь, какъ свидѣтельствуетъ Тацитъ, «боялся, при своей дряхлости, этого могущественнаго молодого человѣка, сильнаго народною любовью».

— Я вижу, сынъ мой, что какія-то черныя мысли грызутъ твою душу,—тихо заговорилъ Фарасманъ, подозрительно поглядывая на молодого великана.

Радамистъ круто повернулся на сѣдлѣ и вопросительно глядѣлъ на отца.

— Тебя смущаетъ нелюбовь къ тебѣ мачехи-царицы, моей молодой супруги?—продолжалъ Фарасманъ.

Радамистъ загадочно, незамѣтно для отца, улыбнулся, но ничего не отвѣчалъ.

— Я думаю, сынъ мой, что тутъ замѣшана женская ревность,—продолжалъ свои допытыванія старый царь,—моя царица завидуетъ красотѣ твоей жены, добродѣтельной Зиновіи. Женщины не могутъ простить другой женщинѣ, если она красивѣе ихъ.

— Точно такъ же, отецъ, какъ мужчины не прощаютъ мужчинѣ, болѣе ихъ мужественному, — лукаво улыбнулся Радамистъ.

Фарасманъ подозрительно глянулъ на сына... Ему что-то намекали на этотъ счетъ старые, одряхлѣвшіе царедворцы...

«Вонъ куда клонитъ молокососъ... Отецъ слишкомъ долго бременитъ собою золотой тронъ Иверіи... Такъ я поманю его другимъ трономъ, трономъ Арменіи, трономъ мото брата Митридата... Вѣдь я когда-то посадилъ его на этотъ тронъ, изгнавъ изъ Артаксаты и Тиграноцерты парѳянъ»...

Въ это время слѣдовавшая у его стремени громадная собака залаяла.

— А! Ты на кого, Язонъ?—огляпулся Фарасманъ.—Тамъ нѣтъ враговъ, гдѣ слышенъ топотъ коня царя Иверіи... Цыцъ! Ни съ мѣста!

Впереди, у самаго Фазиса, показалось нѣсколько человѣкъ, не похожихъ на туземцевъ ни по типу, ни по одѣянію.

— Кто это?—спросилъ Фарасманъ.—Мои старые глаза измѣняютъ мнѣ.

— Это другъ императора и нашъ гость-римлянинъ,—отвѣчалъ Радамистъ.—Онъ, вѣроятно, собираетъ неизвѣстныя ему растенія. Съ нимъ его воины.

— А! Благородный Плиній.

То былъ, дѣйствительно, знаменитый натуралистъ античнаго міра, Плиній Старшій, авторъ извѣстной «Historiae naturalis». Снабженный охраннымъ листомъ императора, онъ, въ сопровожденіи небольшого числа тѣлохранителей изъ римскихъ воиновъ, совершалъ въ то время путешествіе по Кавказу съ научными цѣлями и нѣсколько дней проживалъ при дворѣ Фарасмана.

Онъ узналъ царя и привѣтствовалъ его. При приближеніи Плинія и его воиновъ собака было вновь залаяла; но Фарасманъ остановилъ ее и заговорилъ съ римскимъ ученымъ на его родномъ языкѣ, который владѣтельнымъ классамъ Иверіи, вслѣд-

ствіе болѣе чѣмъ пятисотлѣтнихъ сношеній съ Римомъ, былъ достаточно извѣстенъ.

Невиданной величины песъ Фарасмана остановилъ на себѣ вниманіе римскаго натуралиста.

— Я и не подозрѣвалъ, что могутъ существовать на свѣтѣ такія чудовища изъ породы прирученныхъ собакъ, — сказалъ онъ, разсматривая Язона, на котораго царь надѣлъ теперь цѣпь.—Я теперь понимаю, что это вовсе не сказка то, что мнѣ разсказывалъ сынъ нашего географа Страбона о собакахъ иверскаго царя Арада.

— О какихъ собакахъ моего предка?—спросилъ удивленный Фарасманъ.

— Молодой Страбонъ разсказывалъ мнѣ, со словъ своего отца, который вычиталъ это въ какихъ-то фрагментахъ Аристотеля, видѣнныхъ имъ во время путешествія по Элладѣ, что когда Александръ Македонскій, слѣдуя походомъ въ Индію, проходилъ Гирканію, иверскій царь Арадъ подарилъ ему собаку необыкновенной величины. Изумленный чудовищностью этого пса Александръ приказалъ пустить на него громадныхъ и злѣйшихъ медвѣдей. Но песъ даже и не поднялся, а только ворчалъ лежа, и медвѣди не посмѣли его тронуть. Свирѣпые дикіе кабаны тоже не вывели его изъ терпѣнія, и раздосадованный императоръ приказалъ убить этого лѣнивца. Молва объ этомъ дошла до Арада, и онъ послалъ Александру другого пса и велѣлъ сказать, чтобъ не испытывалъ этого четвероногаго геркулеса въ борьбѣ съ такими животными, какъ медвѣди или кабаны, а пустилъ бы его на слона или на льва, и при этомъ говорилъ своимъ посланцамъ, чтобъ они передали царю Македоніи его слова:

«У меня только двѣ такія собаки; а если и вторая будетъ убита, то больше такихъ не окажется».—А вотъ и оказалось это чудовище,—улыбнулся Плиній, указывая на страшнаго Язона.—Кляпусь Юпитеромъ! Онъ страшнѣе адскаго Цербера.

— Ну, и что же, благородный Плиній?—заинтересовался разсказомъ старый царь.—Александръ убилъ и второго пса.

— Нѣтъ, царь. Когда спустили на него огромнаго льва пустыни, иверскій церберъ моментально его задушилъ. Тогда привели громадной величины и страшной силы слона. Тутъ побѣда оказалась не такою легкою, и зрѣлище это необыкновенно радовало завоевателя Персіи. Иверскій церберъ при видѣ достой-

паго соперника страшно ощетинился и съ свирѣпымъ ласмъ сталъ бросаться на слона такъ стремительно и съ такою ловкостью и увертливостью, до такой степени истомилъ его своими нападеніями, заставляя безпрестанно повертываться то въ ту, то въ другую сторону, что гигантъ въ изнеможеніи грохнулся на землю и былъ загрызенъ чудовищною собакою *).

Между тѣмъ воины подвели Плинію копя, и онъ вмѣстѣ со всѣми скоро прибылъ въ столицу Иверіи.

Разговоръ съ Радамистомъ и странное поведеніе сына такъ встревожили Фарасмана, что онъ рѣшилъ на другой же день привести въ исполненіе задуманный имъ планъ.

— Молодость тяготится бездѣйствіемъ, а Радамисту некуда дѣвать своихъ силъ... Надо дать ему работу, да не легкую, по плечу его богатырскимъ силамъ, а то онъ не задумается погубить меня... Старость завидуетъ молодости, какъ менѣе красивая женщина завидуетъ болѣе красивой, на это онъ намекалъ... Да и безпокойные иверцы мои, видимо, начинаютъ все больше и больше льнуть къ нему. Вонъ сегодня чуть не взбѣсились отъ восторга, когда онъ одинъ ринулся на зубра словно богъ войны... Надо, надо дать ему работу... Можетъ, и шею тамъ свернетъ...

Такъ волновался въ эту ночь старый царь, мучимый безсонницей.

Утромъ онъ призвалъ къ себѣ Радамиста.

— Сынъ мой!—сказалъ онъ.—Боги свидѣтели, что я забочусь о твоей славѣ... Я вижу, тебѣ тѣсно въ моей Иверіи... Вчера я заговорилъ съ тобой о нашихъ женахъ: имъ обѣимъ тѣсно въ моемъ дворцѣ... Найди для своей Зиновіи другой дворецъ не въ Иверіи.

— Гдѣ же мнѣ искать его, у сарматовъ, что ли, или у скиѳовъ, за горами, или у геніоховъ?—угрюмо спросилъ Радамистъ.

— Нѣтъ, сынъ мой, поближе... Да и какіе дворцы у скиѳовъ и сарматовъ, войлочные шалаши или пещеры, какъ у албанцевъ, что купаютъ своихъ коней въ Гиркапскомъ морѣ!

— Другихъ дворцовъ я не знаю, отецъ... Развѣ въ Римѣ?.. Плиній говоритъ, что тамъ много дворцовъ, и не чета твоему.

---

*) Разказъ этотъ не измышленъ мною, а записанъ Плиніемъ въ его «Historia naturalis», 1 VIII, 60, 7.

— Нѣтъ, нѣтъ! Ближе... въ Арменіи...

— Но тѣ дворцы заняты твоимъ братомъ, а моимъ дядей Митридатомъ.

— Да... Но ты помнишь, что когда наши сосѣди, что купаютъ своихъ коней въ Гирканскомъ морѣ, албанцы, вторглись въ мою Иверію, и я просилъ помощи у римлянъ, которые держатъ свои гарнизоны въ крѣпостяхъ Арменіи, любезный мой братецъ, а твой дядя, Митридатъ, не пустилъ римлянъ мнѣ на подмогу... А еще я имѣлъ слабость отдать ему въ жены мою дочь, а твою сестру.

— О!—иронически замѣтилъ Радамистъ.—Дядя Митридатъ поступилъ такъ изъ родственнаго расположенія къ тебѣ: онъ не желалъ подвергать опасности свою супругу, а твою дочь и мою сестрицу.

— Какъ такъ?—съ удивленіемъ взглянулъ Фарасманъ на сына.

— А какъ же, отецъ! Если бъ онъ отпустилъ римскіе гарнизоны тебѣ на подмогу противъ царя Албаніи, то въ Арменію могли вторгнуться парѳяне и взять въ плѣнъ мою сестрицу, драгоцѣнную супругу Митридата и твою нѣжно любимую дочь.

— Да!—двусмысленно улыбнулся Фарасманъ.—Но у насъ все-таки есть предлогъ, casus belli, какъ говорятъ римляне, хотя это мы оставимъ въ запасѣ. А прежде надо вспахать поле, и пахаремъ я посылаю тебя, сынъ мой.

— Какимъ пахаремъ?—недоумѣвалъ Радамистъ.

— Ты долженъ вспахать умы вліятельнѣйшихъ армянъ въ нашу пользу... Открыть имъ глаза на тиранства Митридата, на тяжелые поборы... А армяне, ты знаешь, умный народъ: знаютъ, что мягкое золото сильнѣе желѣза, какъ оно ни твердо... Вотъ съ этой стороны вспаши ихъ умы.

— Но какой же предлогъ явиться мнѣ въ Арменію?—спросилъ Радамистъ.

— Предлогъ? А я, а моя жена царица, твоя мачеха... Я старикъ, выжившій изъ ума и рабъ своей жены, а мачеха твоя змѣя, а ты и твоя жена жертвы ея тиранства... Вотъ ты и ѣдешь искать покровительства у добраго дядюшки... А тамъ, паши и сѣй, а ужъ жатву мы соберемъ съ тобою вмѣстѣ.

Кн. 29.

II.

Коварство стараго царя Иверіи принесло кровавые плоды.

Радамистъ, сверхъ мѣры обласканный довѣрчивымъ дядею и своею сестрою, которая когда-то носила его на рукахъ, какъ любимца всей семьи, ужасною смертью заплатилъ имъ за любовь и гостепріимство. Ловкій, вкрадчивый, онъ, дѣйствительно, такъ искусно вспахалъ и засѣялъ измѣною умы всей Арменіи, что она поголовно встала противъ своего царя, Митридата, и, когда Радамистъ явился съ иверскимъ войскомъ во владѣнія Митридата, послѣднему ничего не оставалось болѣе, какъ укрыться со всѣмъ своимъ семействомъ подъ щиты римлянъ. Эти щиты онъ нашелъ на границѣ Иверіи, въ крѣпости Горнеи, что нынѣ Гори.

«Радамистъ,—говоритъ Тацитъ,—внезапно вторгается въ земли Митридата и прогоняетъ его въ крѣпость Горнеи, мѣсто безопасное, гдѣ стоялъ римскій гарнизонъ подъ начальствомъ префекта Целія Полліона и центуріона Касперія. Машины и веденіе осады крѣпостей,—говоритъ далѣе римскій историкъ,—вовсе были неизвѣстны варварамъ, а мы, римляне, превосходно изучили эту часть военнаго искусства, и Радамистъ, послѣ нѣсколькихъ безполезныхъ и неудачныхъ приступовъ, обложилъ городъ. Видя, что силою ничего нельзя взять, онъ подкупилъ корыстолюбиваго префекта, Полліона, хотя Касперій заклиналъ его не губить царя и не отнимать у него преступнымъ и корыстнымъ образомъ Арменіи, дарованной ему римскимъ народомъ. Но Полліонъ все указывалъ на многочисленность непріятелей, а Радамистъ ссылался на повелѣніе отца. Тогда Касперій, по заключеніи перемирія, отправился къ самому Фарасману съ цѣлью убѣдить его прекратить войну и, если это не удастся, дать знать правителю Сиріи, Титу Умидію Квадрату».

Но едва удалился Касперій, какъ коварство и подкупъ сдѣлали свое дѣло.

Въ тотъ же день продажный Полліонъ явился къ Митридату.

— Я къ тебѣ съ добрымъ совѣтомъ, царь,—заговорилъ Полліонъ.—Братья должны жить въ мирѣ между собою, и къ тому же

Фарасманъ—старшій. Вспомни, какія родственныя узы связываютъ васъ: ты женатъ на дочери Фарасмана, ты тесть Радамиста. Хоть иверы теперь и сильнѣе прежняго, но и то не отказываются отъ мира. Вѣроломство же армянъ всѣмъ извѣстно.

— Да, они постыдно мнѣ измѣнили,—съ горечью выговорилъ Митридатъ.—А Радамистъ оказался змѣей, которую я оттрѣлъ у своего сердца. Его такъ ласкала сестра, моя жена... И что жъ!

— Но онъ исполняетъ приказъ отца, — возражалъ Полліонъ.—Онъ клянется богами, что не тронетъ волоса съ твоей головы и всю твою семью встрѣтитъ открытыми объятіями брата и дяди.

— Какъ же я могу вѣрить ему послѣ всего того, что онъ сдѣлалъ со мной?—возражалъ Митридатъ.—Онъ отнялъ у меня государство, а теперь хочетъ отнять и жизнь.

— О, нѣтъ! Клянусь Немезидами!—настаивалъ Полліонъ.—Онъ лишитъ тебя жизни только въ такомъ случаѣ, если ты не согласишься на миръ, и онъ добудетъ городъ копьемъ. А что это не за горами, въ томъ свидѣтели безсмертные боги. Вспомни, что въ крѣпости уже всѣ съѣстные припасы истощены: мы будемъ побѣждены не Радамистомъ, а голодомъ.

Митридатъ не сдавался. Онъ давно понялъ лукаваго римлянина. Полліонъ нанесъ тяжкую обиду царскому дому и царской чести, оскорбивъ одну изъ наложницъ Митридата.

— Я подожду возвращенія Касперія,—продолжалъ не сдаваться послѣдній,—отсюда такъ близко до столицы Фарасмана, что скажетъ онъ.

— Фарасманъ то же скажетъ, что я: положись на слово Радамиста,—не переставалъ твердить Полліонъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! Я подожду отвѣта Фарасмана.

Между тѣмъ старый Фарасманъ опутывалъ своимъ лукавствомъ прибывшаго къ нему Касперія.

— Я дорожу дружбой Рима и завтра же съ тобой пошлю приказъ сыну немедленно снять осаду,—увѣрялъ онъ Касперія.

А вмѣсто этого приказа лукавый старикъ въ ту же ночь тайно отправилъ къ Радамисту бурдюкъ съ золотомъ и приказъ подкупить этимъ золотомъ римскій гарнизонъ и тихонько уговорить солдатъ черезъ Полліона, чтобъ солдаты сами требовали мира, и что, въ противномъ случаѣ, они тотчасъ покинутъ крѣ-

ность. Касперія же старый иверскій Улиссъ задержалъ у себя еще на день подъ благовиднымъ предлогомъ. Предлогомъ этимъ случайно оказался Плиній. Фарасманъ зналъ, что римскій натуралистъ намѣревался послѣ Иверіи совершить ученую экскурсію и въ Арменію, и потому совѣтовалъ ему переговорить объ этомъ съ Касперіемъ, который въ скоромъ времени по дѣламъ службы долженъ былъ отправиться въ Сирію къ правителю этой страны, Титу Умидію Квадрату.

Когда же, спустя день, Касперій и Плиній прибыли къ крѣпости Горней, то увидѣли, что изъ главныхъ воротъ послѣдней выступала огромная толпа армянъ, а впереди ихъ самъ царь Митридатъ съ царицей и со всѣмъ своимъ семействомъ. Передъ крѣпостью же, тыломъ къ рѣкѣ Киръ (нынѣ Кура), а лицомъ къ крѣпости выстроены были иверскія войска во главѣ съ Радамистомъ, гарцовавшимъ, въ боевыхъ доспѣхахъ, на прекрасномъ бѣломъ сирійскомъ жеребцѣ. Тутъ же былъ и префектъ Цезій Полліонъ.

— Что такое здѣсь творится, благородный Цезій?—съ удивленіемъ спросилъ ничего непонимавшій Касперій.

— Это совершается актъ родственнаго примиренія, достойный другъ мой,—отвѣчалъ Полліонъ.—Сейчасъ Митридатъ и Радамистъ должны скрѣпить союзъ своею взаимною кровью.

— Какъ взаимною кровью, другъ Цезій?—удивился Плиній, который еще въ Римѣ былъ знакомъ съ Полліономъ.

— О, благородный любимецъ Минервы!—оживленно говорилъ послѣдній.—У здѣшнихъ варварскихъ царей существуетъ странный обычай. Когда они заключаютъ союзъ, то должны скрѣпить его обоюдною кровью. Для этого они скрещиваютъ правыя руки и взаимно перевязываютъ большіе пальцы такъ туго, чтобы оконечности пальцевъ надулись кровью. Когда же кровь достаточно притечетъ къ оконечностямъ, то на пальцахъ слегка дѣлаютъ уколы, и тогда заключающіе союзъ цари высасываютъ другъ у друга по нѣсколько капель крови и такимъ образомъ дѣлаются кровными родными.

— Да это какіе-то вампиры, клянусь Минервой!—воскликнулъ Плиній.

Между тѣмъ, едва Митридатъ нѣсколько приблизился къ рядамъ иверскаго войска, какъ Радамистъ соскочилъ съ коня и стремительно бросился въ объятія дяди и сестры.

— О, мой царственный дядя!—говорилъ онъ порывисто.— Наконецъ-то я могу обнять тебя какъ отца и тестя! Клянусь богами, напрасно ты не довѣрялъ мнѣ: знай, что ни желѣзо, ни ядъ не коснутся твоего тѣла, то моя клятва!

Потомъ онъ бросился къ сестрѣ, принимая ее въ объятія.

— За ласки—ласки, царица-сестра! Теперь я прижимаю тебя къ моему братскому сердцу, какъ когда-то ты меня, маленькаго, прижимала къ своему.

Въ объятія Радамиста перешли и малолѣтніе сыновья-царевичи.

— Теперь мы отправимся въ священную рощу совершить обрядъ кровнаго союза и принести жертву безсмертнымъ богамъ,—говорилъ онъ, увлекая всѣхъ къ скрытому въ рощѣ языческому капищу-дольмену съ жертвенникомъ.

Тамъ ихъ уже ждалъ жрецъ, маститый старикъ съ бѣлою бородой, одной рукой касаясь головы чернаго жертвеннаго барашка, а въ другой держа кривой жертвенный ножъ. Другой, младшій жрецъ держалъ въ рукахъ струну, сдѣланную изъ кишекъ жертвеннаго барашка предыдущаго закланія.

Когда Митридатъ и Радамистъ приблизились къ жрецамъ, послѣдній, по знаку верховнаго жреца, подошелъ къ нимъ.

— Скрестите ваши царственныя руки въ знакъ союза вашихъ мечей—торжественно провозгласилъ старшій жрецъ.

— Да будутъ перевязаны священною струной ваши пальцы такъ туго, какъ туго связана союзомъ ваша воля,—снова возгласилъ старшій жрецъ.

Младшій исполнилъ тотчасъ же обрядъ перевязки.

— Да появится на пальцахъ ихъ кровь и взаимно чрезъ уста соединится съ кровью ихъ сердецъ,—продолжалъ верховный жрецъ.

Младшій сдѣлалъ священною иглой наколы на пальцахъ Митридата и Радамиста, и они припали губами, Митридатъ къ пальцу Радамиста, а Радамистъ къ пальцу Митридата.

Но въ этотъ моментъ случилось нѣчто неожиданное. Радамистъ, припавъ къ рукѣ Митридата, какъ бы нечаянно споткнулся и, увлекая въ своемъ паденіи послѣдняго, схватилъ его за колѣни и моментально повалилъ на землю. Въ ту же минуту на Митридата набросились армяне съ цѣпями.

— А! Ты держалъ въ цѣпяхъ Арменію, ты сосалъ изъ насъ

кровь, такъ вотъ же тебѣ цѣпи!—кричали они, заковывая своего царя, коварно преданнаго роднымъ племянникомъ.

— Радамистъ! Радамистъ! — въ ужасѣ вскричала жена Митридата, царица.—Что они дѣлаютъ на глазахъ у тебя! О, боги!

— Это воля царя, твоего и моего отца,—мрачно отвѣчалъ Радамистъ.

Къ нему поспѣшилъ Касперій и Плиній, оба взволнованные и недоумѣвающіе.

— Кляпусь подземными богами, это гнусная измѣна!—вскричалъ Касперій.

— Это оскорбленіе державному Риму, божественному императору, сенату и народу римскому!—громко воскликнулъ и Плиній.—Арменія дарована царю Митридату сенатомъ и народомъ римскимъ, senatu populoque romano!

— Вотъ приказъ царя Фарасмана снять осаду крѣпости Горнеи и съ войскомъ немедленно возвратиться въ Иверію,—говорилъ Касперій, показывая приказъ, написанный на навощенной таблеткѣ съ отпечаткомъ на воскѣ перстня Фарасмана, замѣнявшаго ему подлинную подпись царя.

— А вотъ другой приказъ царя Фарасмана: немедленно добыть крѣпость Горнеи,—спокойно сказалъ Рамадистъ, показывая другую таблетку съ вытѣсненною на воскѣ печатью-перстнемъ Фарасмана.—Вы опоздали съ вашею миссіею: я уже исполнилъ приказъ царя.

— Но онъ отмѣнитъ его!—горячо возразилъ Касперій.

— Долженъ отмѣнить, чтобы не навлечь на себя гнѣвъ державнаго Рима, сената и народа римскаго!—возражалъ и Плиній.

— Сейчасъ мы отправимъ гонца къ царю Фарасману,—говорилъ Касперій, отыскивая глазами префекта Полліона.—Гдѣ префектъ?

— Онъ на своемъ посту, въ крѣпости, во главѣ гарнизона,—отвѣчалъ Радамистъ.—Взять подъ стражу преступнаго царя!—сказалъ онъ своимъ.

Съ громкими проклятіями, сопровождая побоями и оскорбленіями, повели Митридата къ крытой арбѣ. Жена и малютки-царевичи шли за нимъ, оглашая воздухъ рыданіями.

Въ тотъ же день гонецъ былъ отправленъ за новыми приказаніями къ Фарасману.

«Властолюбіе въ этомъ человѣкѣ было сильнѣе родственной любви къ брату и дочери. Онъ готовъ былъ на всякое злодѣяніе. Однако жъ, не желая видѣть казни, Фарасманъ приказалъ убить Митридата не при себѣ».

Такъ пишетъ безсмертный Тацитъ въ своихъ «Анналахъ» (I. XII, 47).

Свирѣпый Радамистъ съ изысканной жестокостью исполнилъ безбожный приказъ своего отца.

Подойдя къ арбѣ, въ которую былъ заключенъ прикованный къ ней цѣпями Митридатъ, онъ показалъ низверженному царю смертный приговоръ своего безчеловѣчнаго родителя.

— Но, дядя, я поклялся тебѣ, что ни желѣзо, ни ядъ не коснутся твоего тѣла,—сказалъ онъ,—и я исполню клятву... Расковать бывшаго царя Арменіи,—приказалъ онъ своимъ воинамъ.

Тѣ расковали Митридата и высадили изъ арбы.

Потомъ Радамистъ подошелъ къ другой крытой арбѣ, въ которой заключена была царица.

— Выйди, сестра,—сказалъ онъ,—я соединяю тебя на вѣки съ твоимъ мужемъ. Видишь, онъ ждетъ тебя.

Жена Митридата, оставляя арбу, долго обнимала плачущихъ малютокъ-царевичей, которыхъ съ трудомъ потомъ оторвала отъ себя.

— Приготовьте царю и царицѣ ложе,—сказалъ Радамистъ воинамъ,—и положите ихъ вмѣстѣ, чтобы никакая земная сила не могла ихъ разлучить.

Воины разостлали тутъ же на землѣ шкуры медвѣдей и насильно уложили на нихъ Митридата съ женой. Несчастныя жертвы звѣрскаго властолюбія не оказали ни малѣйшаго сопротивленія: они только видѣли, что ихъ подвергаютъ публичному позору, но, повидимому, не хотятъ казнить, проливать родственную кровь.

— Я не хочу проливать вашу кровь,—какъ бы угадавъ ихъ мысль, сказалъ Радамистъ.—Теперь укройте супруговъ на ихъ ложѣ, защитите отъ нескромныхъ взоровъ,—обратился онъ къ воинамъ.

Воины укрыли несчастныхъ буркою.

— Это мало, накройте еще,—приказалъ Радамистъ.

На несчастныхъ набросили еще одну бурку.

— Еще и еще!—приказывалъ Радамистъ.—Еще, еще, еще!

Воины набросали на несчастныхъ цѣлую гору бурокъ, походныхъ плащей и другого одѣянія столько, что жертвы братской любви въ нѣсколько минутъ безчеловѣчно были задушены.

«Дѣти Митридата, малютки, осмѣлились оплакивать убійство родителей и тутъ же были казнены», — заключаетъ Тацитъ главу 47-ую.

III.

Разсказанное въ предыдущей главѣ происходило съ небольшимъ черезъ десять лѣтъ послѣ того, какъ «галилейскіе рыбаки» лишились своего Божественнаго Учителя, пріявшаго крестную смерть на Голгоѳѣ.

Дошла ли объ этомъ вѣсть изъ далекой Іудеи до безчеловѣчнаго Фарасмана и не менѣе жестокаго сына его, Радамиста, неизвѣстно. Но до нихъ дошла вѣсть, что державный Римъ, въ гнѣвѣ на вѣроломныхъ властителей Иверіи и Арменіи, вызвалъ префекта Целія Полліона и центуріона Касперія съ ихъ отрядомъ изъ крѣпости Горнеи, лишивъ иверовъ и армянъ своего державнаго покровительства.

Плиній правъ былъ, грозя Радамисту гнѣвомъ сената и народа римскаго, и, покинувъ Иверію, направилъ свои ученыя изслѣдованія далѣе на югъ, къ манившему его воображенію Арарату.

Вѣсть о гнѣвѣ Рима на властителей Иверіи и Арменіи не замедлила достигнуть и до парѳянъ. Это было уже въ 52-мъ году нашей эры.

И вотъ парѳянскій царь Вологезъ, сынъ греческой куртизанки, вступившій на престолъ Парѳіи съ согласія своихъ братьевъ, желая предоставить престолъ Арменіи одному изъ своихъ братьевъ, Тиридату, неимѣвшему своего удѣла, собираетъ сильное войско и вторгается въ предѣлы Арменіи, намѣреваясь взять столицу ея, богатую и сильную крѣпость Тигранокерту.

Золотой съ двумя сидѣньями тронъ Арменіи, оставшійся послѣ великаго царя Арменіи, Тиграна, соперника Помпея Великаго и знаменитаго обжоры Лукулла, занимали теперь Радамистъ и его красавица жена, Зиновія.

Вторженіе въ Арменію войскъ Вологеза съ свирѣпыми парѳянами, лучшими въ мірѣ стрѣлками, вызвало возстаніе во всей

страпѣ, и Радамистъ, будучи не въ силахъ съ своимъ иверскимъ войскомъ противостоять парѳянамъ и армянамъ, принужденъ былъ покинуть роскошную Тигранокерту и со стыдомъ и злобой воротиться къ отцу, въ Иверію.

Обѣ столицы Арменіи, Тигранокерта и Артаксата, тотчасъ же отворили ворота Вологезу.

Но недолго наслаждались парѳяне своею безкровною побѣдой. Обитатели знойныхъ степей и равнинъ срединной Азіи на юго-востокъ отъ Гирканскаго моря, они не могли перенести суровой зимы на горныхъ возвышенностяхъ Арменіи: въ войскѣ появились болѣзни, принявшія эпидемическій, заразный характеръ; явилась угрожающая смертность, тѣмъ болѣе, что скоро началъ ощущаться недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ. Зима, особенно жестокая въ этомъ году, грозила всеобщимъ голодомъ, и Вологезъ вынужденъ былъ покинуть Арменію.

Вѣсть объ этомъ скоро дошла до стараго Фарасмана, снова тяготившагося присутствіемъ опаснаго сына. Вѣсть о выступленіи парѳянъ изъ Арменіи тѣмъ скорѣе долетѣла до лукаваго старика, что у него вездѣ были свои лазутчики, о дѣятельности которыхъ не догадывался даже самъ Радамистъ. Лазутчики доносили, что смертность въ парѳянскомъ войскѣ за послѣдніе мѣсяцы была такъ велика, что мертвыхъ не успѣвали хоронить, и трупы несчастныхъ бросались на добычу хищнымъ птицамъ и звѣрямъ, этимъ обычнымъ санитарамъ древности.

— Видишь, сынъ мой, журавли и туси летятъ уже черезъ наши горы съ полудня на полночь, къ сарматамъ, геніохамъ и скиѳамъ, вить себѣ гнѣзда,—говорилъ однажды Фарасманъ, отправляясь съ Радамистомъ на охоту за рѣку Фазисъ.

— Да, вижу, отецъ, скоро весна,—отвѣчалъ, недоумѣвая, царевичъ.

— То-то... А вороны и орлы, слышно, тучами летятъ не на полночь, а на полдень... У нихъ свои разсчеты... Умная птица, умнѣе тебя,—какъ бы про себя замѣтилъ лукавый старикъ.

— Это почему, отецъ?—подозрительно спросилъ Радамистъ.

— Да, видишь ли, журавли и гуси летятъ на полночь гнѣзда себѣ вить, а орлы и вороны летятъ на полдень, въ Арменію кормиться трупами парѳянъ... Тамъ, слышно, всѣ дороги покрыты трупами... А ты у меня орелъ, сынъ мой. На твоемъ мѣстѣ я бы

полетѣлъ на полдень, и гнѣздо опять старое найти въ Тигранокертѣ, и кормиться, конечно, не трупами...

Радамистъ самъ чувствовалъ, что его грызетъ тоска бездѣйствія. Еще больше тяготило его сознаніе зависимости отъ отца, у котораго онъ живетъ какъ бы изъ милости... «На шеѣ у отца! На чужихъ хлѣбахъ!.. Не бывать этому!»...

— Да, ты правъ, отецъ,—сказалъ онъ угрюмо,—пора летѣть на старое гнѣздо царя Тиграна.

— И я то же говорю,—подтвердилъ Фарасманъ.—Степной коршунъ покинулъ гнѣздо, такъ пусть займетъ его горный орелъ, орленокъ Иверіи.

— Рѣшено!—упрямо проговорилъ Радамистъ. — Лечу на гнѣздо и тамъ выведу дѣтей... Возьму съ собой и Зиновію.

Рѣшеніе свое онъ быстро привелъ въ исполненіе. Едва горныя выси Арменіи очистились отъ снѣга, какъ туда нагрянули иверы. Радамистъ, мстя армянамъ за недавнюю ихъ измѣну въ пользу Вологеза, обрушился на нихъ съ необычайною яростью. Воины его не щадили никого. Вся страна отъ Куры до Аракса, всѣ проходы Малаго Кавказа и долина Аракса вплоть до Арарата, все было опустошено въ какой-нибудь мѣсяцъ.

Но армяне единодушно сплотились на югѣ, сосредоточивъ всѣ свои силы въ тылу первопрестольной Тиграноцерты. Они дали время Радамисту занять своимъ войскомъ эту древнюю столицу, уведя предварительно въ горы все ея населеніе со всѣмъ цѣннымъ имуществомъ. Даже скотъ они угнали въ неприступныя мѣста, оставивъ иверское войско безъ продовольствія.

И вотъ, въ первую же ночь по занятіи Радамистомъ Тиграноцерты, надъ побѣдителями разразился ужасающій погромъ.

Среди глубокой ночи страшные вопли разбудили спавшаго рядомъ съ Зиновіею Радамиста. Съ просонокъ онъ ничего не могъ сначала сообразить.

— Бунтъ въ войскѣ!—испуганно прошептала Зиновія.—О, боги!

— Нѣтъ, это нападеніе... Я слышу армянскій говоръ, армянскія проклятія... Они нападаютъ на дворецъ, убиваютъ мою стражу... Скорѣй одѣвайся... надо спасаться,—безсвязно шепталъ Радамистъ, торопливо одѣваясь и надѣвая на себя боевые доспѣхи.

— О, боги!—металась Зиновія.—Они ворвутся сюда.

— Нѣтъ... пока не перерѣжутъ стражу, не ворвутся... Иди сюда, во внутреннiе покои... они выходятъ на террасу въ садъ... Мы тамъ укроемся... Я тебя укрою... а самъ къ нимъ... на мнѣ латы и кольчуга...

— Нѣтъ, нѣтъ... я съ тобой... съ тобой умереть...

Но едва они выбѣжали на террасу, какъ къ нимъ уже спѣшилъ конюшiй съ парою осѣданныхъ коней-скакуновъ, равныхъ которымъ по быстротѣ не было ни въ Иверiи, ни во всей Арменiи...

— Въ городѣ и во дворцѣ рѣзня,—говорилъ конюшiй.—Напали врасплохъ... на спящихъ... спасенiя нѣтъ ни откуда... Спасайся, царь... сюда черезъ садъ... Оттуда выходъ въ полe... прямой путь... ночь... никто не увидитъ... Я сейчасъ за вами...

Медлить и обсуждать положенiе было некогда. Слышно было, что разъяренный непрiятель ворвался уже во дворецъ съ лицевого входа. Отголосками и гуломъ битвы, скорѣе рѣзни, наполненъ былъ воздухъ, и городъ представлялъ сплошную бойню. Но зарева пожара не было видно нигдѣ, армяне щадили свою древнюю столицу, которую не въ состоянiи были добыть ни Помпей, ни Лукуллъ.

Послѣшно посадивъ Зиновiю на коня, самъ Радамистъ вскочилъ на другого, и вскорѣ глухой топотъ копытъ показалъ, что бѣглецы выбрались изъ сада на каменистую дорогу.

«Радамистъ,—говоритъ по этому поводу Тацитъ,—спасся только благодаря быстротѣ своихъ коней, умчавшихъ и его самого, и жену. Будучи беременною, изъ любви къ мужу и изъ страха къ врагамъ, она кое-какъ переносила сначала это бѣгство, но послѣ того быстрая и продолжительная ѣзда и сотрясенiе чрева заставили ее умолять мужа, чтобы онъ спасъ ее отъ позорнаго плѣна честною смертью».

Но когда наступило утро, и Радамистъ сообщилъ, что разстоянiе, пройденное быстроходными скакунами за ночь, значительно удалило отъ нихъ опасность преслѣдованiя, то и рѣшилъ дать и себѣ, и конямъ отдыхъ хотя на часъ или на два. Свернувъ съ дороги въ поросшую лѣсомъ балку съ протекающимъ по ней ручьемъ, онъ укрылся въ просторной пещерѣ и, снявъ съ сѣдла обезсиленную до потери сознанiя Зиновiю, уложилъ ее на плащъ, освѣжилъ пересохшiя уста ея ключевой водой, а конямъ далъ возможность пощипать сочной зеленой травы.

Черезъ часъ Зиновія уже чувствовала себя настолько отдохнувшей, что могла продолжать путь, еслибъ только могла хоть сколько-нибудь подкрѣпиться пищей. Къ счастью, лошади ихъ, щипля траву, спугнули самку фазана, и когда Радамистъ пришелъ на то мѣсто, то увидѣлъ въ травѣ гнѣздо, наполненное фазаньими яйцами. Эта находка такъ обрадовала бѣглецовъ, что они на время забыли о своемъ горестномъ положеніи. Радамистъ при помощи клинка кинжала и кремня вырубилъ огня, развелъ въ пещерѣ изъ сухихъ листьевъ и колючекъ небольшой огонь, въ золѣ котораго и испеклись фазаньи яйца. Вкусная пища и холодная ключевая вода окончательно подкрѣпили и освѣжили ихъ усталыя силы, такъ что они могли продолжать свой путь.

Слѣдующій день засталъ бѣглецовъ уже въ виду Арарата. Но силы окончательно оставили Зиновію, несмотря на все ея мужество и силу духа. Она не могла уже держаться на сѣдлѣ и, припадая къ гривѣ коня, часто принуждала его останавливаться, задерживая около себя Радамиста.

— Не могу, не могу дальше,—почти безсознательно шептала она.—Убей меня, мой господинъ, и спасайся самъ... только бы я не досталась другому.

Тогда Радамистъ взялъ ее къ себѣ на сѣдло и продолжалъ путь. Но движеніе и тряска продолжали мучить несчастную беременную женщину.

— Убей, убей меня,—продолжала умолять она.—Мнѣ легче умереть, чѣмъ живою достаться другому... Ты мой... я твоя раба...

— Потерпи еще немного,—уговаривалъ ее мужъ.—Скоро Араксъ, тамъ освѣжитъ тебя вода, а черезъ день мы будемъ и въ Иверіи... Вотъ и Араксъ...

— Нѣтъ, нѣтъ... на пути еще горы, горы, горы... Убей меня...

Она снова безъ чувствъ упала на гриву коня

«Радамистъ,—читаемъ у Тацита,—поднялъ ее, обнялъ, старался ободрить, то удивляясь силѣ ея духа, то боясь, чтобы она не досталась другому, если онъ ее покинетъ. Наконецъ, въ порывѣ страсти, какъ человѣкъ, привыкшій къ злодѣяніямъ, онъ обнажаетъ мечъ, поражаетъ ее, тащитъ раненую къ берегу Аракса и бросаетъ въ рѣку, чтобы самый трупъ ея никому не достался, а самъ приходитъ въ Иверію, въ отцовское царство («Annales», XII, 51).

IV.

Въ тотъ самый день, когда раненую, въ глубокомъ обморокѣ, Зиновію Радамистъ, считая ее уже умершею, бросилъ въ Араксъ, берегомъ этой рѣки, по ея цвѣтущей долинѣ, тихо двигалась небольшая группа всадниковъ.

— Что за роскошная долина!—говорилъ одинъ изъ всадниковъ, который, рядомъ съ другимъ, ѣхалъ впереди маленькой группы.—Сколько сортовъ одного винограда насчиталъ я, и все это въ дикомъ почти состояніи!

— И неудивительно, господинъ,—говорилъ ѣхавшій съ нимъ рядомъ другой всадникъ, очень смуглый, съ черными блестящими глазами и курчавыми, воронова крыла, волосами.—Араратъ—первоначальная родина винограда.

— Почему родина?—спросилъ первый.—И у васъ, въ цвѣтущей Кампаніи около Неаполя и Помпеи, подъ Везувіемъ, богатые виноградники, но здѣсь они превосходятъ даже наши лучшіе сорта.

— О, господинъ! Это потому, что первую виноградную лозу посадилъ на Араратѣ, у подножія горы, нашъ прародитель и прародитель всѣхъ людей.

— Какой это вашъ прародитель такой?—недовѣрчиво спросилъ первый.

— А какъ же, господинъ! Ной праведный, нашъ и всего міра прародитель.

— Что это за Ной? Я первый разъ слышу о немъ.

— О, господинъ! Когда Богъ Саваоѳъ рѣшилъ покарать людей за грѣхи всемірнымъ потопомъ, то пощадилъ одного праведнаго Ноя съ семействомъ и повелѣлъ ему построить огромный корабль, такой огромный, чтобъ въ немъ могли помѣститься, по паръ и по семи паръ, всѣ животныя, звѣри и птицы. И, когда корабль былъ готовъ, Богъ Саваоѳъ послалъ на землю такой большой дождь, что отъ того дождя сдѣлался всемірный потопъ, и всѣ люди и звѣри потонули. Не потонулъ только корабль съ Ноемъ и все, что въ немъ было, а когда потопъ кончился, то корабль остановился на этомъ самомъ Араратѣ...

— Ну, — перебилъ разсказчика первый всадникъ, — эту басню греки разсказываютъ о Девкаліонѣ... Это все сказки...

— Нѣтъ, господинъ, не сказки! — горячо возразилъ второй.—У насъ это въ библіи записано, а библія—самая первая книга въ мірѣ.

— О! У васъ, іудеевъ, все самое первое въ мірѣ, и сами вы первый народъ въ мірѣ,—иронически замѣтилъ первый.—Такъ что-жъ виноградъ? Природа меня больше интересуетъ, чѣмъ сказка о вашемъ Ноѣ.

— Нѣтъ, господинъ, не сказка!—горячился іудей (это и былъ іудей, служившій въ римскомъ войскѣ).—Такъ когда потопъ совсѣмъ кончился, и земля обсохла, то Ной вышелъ изъ корабля и всѣхъ изъ него звѣрей и птицъ выпустилъ, а потомъ возблагодарилъ Бога Саваоѳа и у подножія Арарата посадилъ первую виноградную лозу. Отъ этой-то лозы и пошелъ виноградъ по всей землѣ, и въ Италію къ вамъ попалъ...

Вдругъ впереди, на берегу Аракса, они замѣтили какихъ-то двухъ оборванцевъ въ овчинныхъ, шерстью наверхъ, плащахъ. Оборванцы эти возились около чего-то лежавшаго на землѣ. Казалось, то была женщина.

Всадники приблизились. На землѣ, дѣйствительно, лежала прекрасная молодая женщина... Вода струилась съ нея. Большіе голубые глаза ея испуганно глядѣли на приблизившихся всадниковъ, какъ бы что-то припоминая.

— О, боги!—не то испуганно, не то радостно прошептала женщина.—Благородный римлянинъ, гость царя Фарасмана, благородный Плиній...

Это и былъ Плиній, совершавшій ученую экскурсію въ долинѣ Аракса.

— Прекрасная Зиновія! Царевна Иверіи!—въ свою очередь воскликнулъ Плиній.—Какой злой фатумъ!..

Но бѣдная женщина не слыхала его: отъ потери крови и волненія она впала въ обморокъ.

Въ числѣ всадниковъ, составлявшихъ экспедиціонный отрядъ Плинія, находился и переводчикъ, съ помощью котораго римскій ученый и поспѣшилъ выяснить себѣ, какимъ образомъ царевна Иверіи, прелестная супруга Радамиста, очутилась умирающею въ виду Арарата, на берегу Аракса.

Оказалось, что тѣ двое, которыхъ Плиній принялъ за неизвѣстныхъ оборванцевъ, были пастухи изъ ближайшихъ армянскихъ селеній, предмѣстій, второй столицы Арменіи, Артаксаты,

лежавшей на мѣстѣ нынѣшней Эривани, недалеко отъ теперешняго Эчміадзина.

Вотъ, что узналъ Плиній отъ этихъ пастуховъ, оказавшихся очень сердобольными и человѣколюбивыми.

— Пасли мы сегодня тутъ своихъ овецъ,—говорилъ одинъ изъ нихъ,—и вдругъ видимъ: оттуда ѣдетъ верхомъ какой-то человѣкъ и держитъ въ поводу другого хорошаго коня. Мы, судя по конямъ и богатымъ доспѣхамъ, приняли его за знатнаго господина. Мы испугались и спрятались за камнями. И вдругъ видимъ, у него на сѣдлѣ эта бѣдная женщина. Тутъ мы сразу догадались, что это разбойникъ и гдѣ-то похитилъ эту женщину. Она лежала на сѣдлѣ какъ мертвая. Вдругъ мы видимъ, онъ вынимаетъ мечъ, приподнимаетъ съ коня эту женщину и бьетъ ее мечомъ прямо въ грудь, а потомъ спимаетъ съ коня, несетъ къ Араксу и бросаетъ тѣло въ воду, а самъ садится на коня и скачетъ вонъ въ тѣ горы, тдѣ лѣсъ, и скрывается изъ виду. Мы тотчасъ прибѣжали сюда и видимъ, что бѣдная женщина зацѣпилась одеждою за острый камень и лежитъ въ водѣ лицомъ кверху и тихо стонетъ. Видимъ, что она еще жива, и осторожно выносимъ ее на берегъ. Смотримъ, грудь у нея въ крови, и рану подъ лѣвой грудью увидѣли. Тутъ мы сейчасъ наложили ей на рану свечій пластырь, что кровь унимаетъ, и, немного погодя, она открыла глаза и прошептала какое-то имя...

— Кажется, Радами, — добавилъ другой пастухъ. — По одеждѣ и по всему мы догадались, что это знатная иностранка, и вотъ видимъ, что ее знаетъ и этотъ знатный римлянинъ.

— Да,—сказалъ переводчикъ,—вы, добрые люди, хорошо поступили. Васъ наградятъ за доброе дѣло.

— О! Мы не для награды это сдѣлали, — возразилъ пастухъ.—Мы не нуждаемся ни въ чемъ: у насъ есть овцы, молоко и сыръ.

— Вы, добрые люди, спасли жизнь иверской царевнѣ Зиновіи, супругѣ царевича Радамиста.

Пока переводчикъ, разговаривая съ пастухами, передавалъ содержаніе ихъ разсказа Плинію, послѣдній старательно и съ отеческой нѣжностью приводилъ въ чувство Зиновію: онъ осторожно смачивалъ водою ея виски и темя, бережно растиралъ пульсъ и артеріи, и, когда она открыла губы, чтобъ тяжело вздохнуть, онъ влилъ ей въ ротъ вина, которое всегда имѣлъ съ

собою во время экскурсій, и съ радостью удостовѣрился, что мечъ злодѣя-мужа не проникъ до внутреннихъ органовъ несчастной женщины, не коснулся ни сердца, ни легкихъ, а скользнулъ только по ребрамъ.

Вино и вода придали силы несчастной, и она пришла въ себя. Первыми ея словами были: «Гдѣ Радамистъ, мой мужъ и господинъ?»

Но Плиній ничего не могъ отвѣтить ей на это. Онъ самъ спросилъ ее:

— Но какимъ образомъ ты, царевна, очутилась здѣсь, раненая, и кто нанесъ тебѣ рану? Какой злодѣй сдѣлалъ это?

Зиновія тихо простонала.

— Мы съ мужемъ бѣжали изъ Тигранокерты отъ армянъ,— съ трудомъ прошептала она.—Мы скакали нѣсколько дней... я изнемогла... я просила смерти, чтобъ не достаться врагамъ... а боялась плѣна у варваровъ... Я лишилась чувствъ... Радамистъ, вѣроятно, изъ состраданія, не хотѣлъ убивать меня... и ранилъ слегка... А какъ очутилась я въ Араксѣ... не помню.

— Онъ самъ тебя, благородная царевна, бросилъ въ Араксъ,—сказалъ переводчикъ.

— Онъ? Не можетъ быть... онъ любилъ меня...

Плиній грустно покачалъ головой. Онъ зналъ хорошо Радамиста, видѣлъ самъ въ Горнеи, какъ онъ поступилъ съ дядей, съ родною сестрой и съ малютками-племянниками: отъ этого злодѣя всего можно было ожидать. Но онъ не сказалъ своихъ мыслей Зиновіи: онъ счелъ болѣе благоразумнымъ лощадить несчастную жертву эгоизма и необузданнаго властолюбія.

Однако, нужно было подумать о дальнѣйшемъ.

Когда вновь предложенное Зиновіи вино значительно оживило и подкрѣпило ея силы, Плиній, при содѣйствіи добродушныхъ пастуховъ, напоилъ ее свѣжимъ козьимъ молокомъ, что еще болѣе оживило ея молодой организмъ и дало возможность надѣяться благополучно доставить несчастную царевну въ Артаксату, отстоявшую отъ Аракса всего въ нѣсколькихъ верстахъ. Для этого, по приказанію Плинія, воины его сплели изъ длинныхъ и прочныхъ виноградныхъ и ивовыхъ лозъ подобіе носилокъ, устлали ихъ походными плащами и, когда Зиновія въ состояніи сама была приподняться, посадили ее въ удобныя носилки, наподобіе глубокихъ креселъ, а потомъ двое изъ нихъ,

сѣвъ на коней, съ помощію товарищей подняли носилки между своихъ коней и тихо двинулись въ путь, прикрѣпивъ оба края носилокъ особыми петлями къ переднимъ и заднимъ лукамъ сѣделъ. Зиновія очутилась какъ бы въ покойной колыбели. Плиній ѣхалъ рядомъ съ нею.

Въ городѣ, по настоянію того же Плинія, имѣвшаго съ собою сильныя рекомендаціи изъ Рима, Зиновіи отвели помѣщеніе во дворцѣ, въ которомъ нашелъ гостепріимный кровъ и знаменитый римскій ученый.

Зиновію пользовалъ лучшій врачъ Артаксаты, и молодая женщина скоро совсѣмъ поправилась, хотя и тосковала по мужѣ, не будучи въ силахъ повѣрить въ его злодѣйство. Врачъ оказался природнымъ грекомъ, а такъ какъ и Зиновія по происхожденію была гречанка, вывезенная молоденькою дѣвочкою изъ города Діоскуріи, на берегу Понта Эвксинскаго, и за красоту взятая ко двору царя Иверіи, то они и вспоминали объ обычаяхъ своей далекой родины, а эти воспоминанія нѣсколько облегчали тоску молодой царевны, еще такъ недавно и такъ ненадолго бывшей царицею обѣихъ Арменій.

Скоро пришла вѣсть, что въ Артаксату, столицу сѣверной Арменіи, идетъ съ войскомъ Тиридатъ, братъ Вологеза, царя парѳянскаго. Это такъ встревожило Зиновію, что она умоляла отправить ее домой, въ Иверію, и только вслѣдствіе горячихъ убѣжденій Плинія она осталась въ Артаксатѣ.

«Тиридатъ,—говоритъ Тацитъ,—принялъ ее вѣжливо и обращался съ нею, какъ съ царицей».

Мы въ Римѣ. Идетъ засѣданіе сената.

Послѣ рѣшенія первыхъ государственныхъ дѣлъ, на трибуну, по знаку старѣйшаго сенатора, всходитъ историкъ и проконсулъ Тацитъ.

— Patres conscripti!—медленно и внятно говоритъ онъ.— Мнѣ предстоитъ доложить вамъ о послѣднихъ событіяхъ въ Иверіи, долго находившейся подъ протекторатомъ державнаго Рима и въ настоящее время лишенной этого протектората. Вамъ хорошо извѣстны обстоятельства, навлекшія на Иверію гнѣвъ державнаго Рима: это — разбойничьи вторженія преступнаго сына Фарасмана, царя Иверіи, Радамиста, въ предѣлы состоя-

щей подъ протекторатомъ державнаго Рима Арменіи. Нынѣ преступленія сына наказаны его достойнымъ родителемъ. Мнѣ пишетъ объ этомъ благородный Плиній, свѣтило науки и гордость Рима. Вотъ его посланіе: Плиній благородному Тациту. Ave! Послѣ многолѣтняго научнаго странствованія по владѣніямъ варваровъ Востока возвращаясь въ Римъ, я вторично посѣтилъ Иверію и ея столичный городъ. Царь этой страны, престарѣлый Фарасманъ, изъ глубокой покорности державному Риму принялъ меня съ великою честью и, снаряжая особое посольство къ божественному императору-августу, проситъ меня заранѣе предувѣдомить державный сенатъ, что онъ испрашиваетъ милость Рима казнію своего преступнаго сына Радамиста, навлекшаго на Иверію гнѣвъ боговъ въ лицѣ божественнаго императора. И Радамистъ былъ обезглавленъ въ моемъ присутствіи и на глазахъ всего народа Иверіи. Объ этомъ-то я и прошу благороднаго Тацита доложить державному сенату и народу римскому. Vale!

Тацитъ поклонился и сошелъ съ трибуны.

По сенату прокатился ропотъ одобренія.

Въ скромномъ разсказѣ этомъ я, быть можетъ, не совсѣмъ деликатно, потревожилъ тѣни нѣкогда бывшихъ владыкъ Иверіи, цѣлыя тысячелѣтія спавшихъ въ своихъ историческихъ могилахъ. Быть можетъ, мнѣ не слѣдовало ихъ тревожить, не слѣдовало напоминать современнымъ потомкамъ далекихъ иверовъ и, быть можетъ, живущимъ понынѣ скромнымъ, по прямой линіи, потомкамъ царей Фарасмана и Радамиста. Статься можетъ, что меня осудитъ читатель-туземецъ за напоминаніе потомкамъ о грустномъ эпизодѣ съ прекрасной Зиновіей на берегахъ Аракса. Я покорюсь этому осужденію, хотя не могу не привести въ свое оправданіе слѣдующее: нынѣшнее время—время раскапыванія могилъ по преимуществу, и потревоженныя тѣни въ правѣ вопіять къ археологіи и исторіи: «Оставьте насъ въ покоѣ!»

Но я не согласенъ съ тѣнями усопшихъ. Раскапываніе могилъ привело къ тому, что около 30-ти лѣтъ назадъ близъ Мцхета откопали камень, надпись на которомъ, греческая, воз-

становлятъ благородную память другого сына царя Иверіи Фарасмана, достойнаго Митридата.

Вотъ эта надпись, высѣченная на камнѣ-памятникѣ въ 75 г., черезъ 16 лѣтъ послѣ казни Радамиста:

«Императоръ цезарь Веспасіанъ, августъ, великій первосвященникъ (т. е. pontifex maximus), облеченный трибунскою властью въ седьмой разъ, тріумфаторъ въ четырнадцатый разъ, консулъ въ шестой разъ и выбранный на седьмой, отецъ отечества, цензоръ, и императоръ Титъ цезарь, сынъ августа, облеченный трибунскою властью въ пятый разъ, цензоръ, и Домиціанъ, цезарь, сынъ августа, консулъ въ третій разъ, выбранный на четвертый,—«царю иверовъ Митридату, царю, Фарасмана и Ямазды сыну, другу цезаря и другу народа римскаго», — выстроили крѣпость».

Другу цезаря и другу народа римскаго... Это ли не слава, это ли не гордость Иверіи?!.. По ней мы и отслужили теперь панихиду...

И кто, послѣ этого, броситъ камнемъ въ тробокопателей, откопавшихъ этотъ камень-памятникъ? И кто горькимъ словомъ укоритъ и насъ, воображеніе коихъ выводитъ изъ сумрака вѣковъ потревоженныя тѣни тѣхъ, отъ которыхъ не осталось, быть можетъ, и праха, какъ и отъ праха великаго Цезаря, помянутаго Гамлетомъ на кладбищѣ:

Да, Цезарь, тотъ, что міръ весь устрашалъ,
Въ негодный прахъ по смерти обратился,
И сила та, что управляла міромъ,
Теперь увы!—замазка лишь для стѣнъ...

Не осталось и праха отъ Фарасмана, Радамиста и Митридата... Остался лишь камень-памятникъ да земля, изъ которой его выкопали.

ИЗЪ ЛѢТНИХЪ СКИТАНІЙ.

I.

Всякій разъ, когда природа начинаетъ обнаруживать первые признаки весны, а проф. Кайгородовъ печатать свои весенніе «бюллетени», въ мою память и въ воображеніе неотступно стучится прелестный стихъ покойнаго Фета, не тотъ всѣмъ извѣстный и почти всѣми осмѣянный «Шепотъ, робкое дыханіе», о которомъ почтенный авторъ «Исторіи новѣйшей русской литературы», А. М. Скабичевскій, откровенно говоритъ, что «и до сихъ поръ, сколько бы вы ни перечитывали этотъ странный наборъ однихъ подлежащихъ безъ сказуемыхъ, у васъ кружится голова отъ обаянія свѣтлой лѣтней ночи и любовнаго свиданія при соловьиныхъ трелях», не этотъ, повторяю, опьяняющій даже почтеннаго критика стихъ, а другой, не менѣе прелестный, съ «подлежащими и сказуемыми» стихъ того же покойнаго поэта:

Снова птицы летятъ издалека
Къ берегамъ расторгающимъ ледъ,
Солнце теплое ходитъ высоко
И душистаго ландыша ждетъ.
Снова въ сердцѣ ничѣмъ не умѣришь
Долантъ восходящую кровь,
И душою подкупленной вѣришь,
Что какъ міръ безконечна любовь...

И вотъ вмѣстѣ съ птицами начинается и перелетъ людей: одни летятъ къ «душистымъ ландышамъ», въ деревни, на дачи, другіе—на теплыя, кислыя, соленыя и иныя воды, для здоровья, надломленнаго за зиму, для рулетки или просто для впечатлѣній, третьи, наконецъ, за кускомъ хлѣба и за своею невѣдомою могилой, какъ «переселенцы».

Къ одной изъ этихъ категорій перелетныхъ людей давно принадлежитъ и пишущій сіе, какъ по темпераменту, такъ и по крови, яко хохолъ, который, чуть начинаетъ пригрѣвать его вешнее солнце, уже мурлычетъ свое «храе, храе, воропае»:—

Прыйшла весна, прыйшла красна,
Изъ стрихъ вода капле,
Молодому козакови мандривочка пахне...

И вотъ я, хоть и не «молодой казакъ», а уже «добиса старенькый», непремѣнно каждую весну куда-нибудь «мандрую», то на Кавказъ и за Кавказъ да на Арарать, то въ Италію и Испанію, то въ Египетъ и Палестину; а нынѣшней весной задумалъ «помандровать» въ Сибирь, прокатиться хоть по началу «великаго сибирскаго пути».

Выѣхалъ я изъ Петербурга 1-го мая, въ прекрасный, рѣдкопрекрасный для непривѣтливаго чухонскаго неба весенній день, когда деревья дружно покрывались первою, яркою и чистою листвою, а «вейки» еще продолжали упрямо таскать по мостовой города свое масло на саняхъ.

Настоящую весну я почувствовалъ только въ Чудовѣ, когда услыхалъ нсистовое карканье грачей. Хотя эти ранніе весенніе гости галдятъ словно мужики на сходкѣ, но безъ галдѣнья грачей и безъ кваканья лягушекъ, по-моему, весна не весна, и никакой соловей не можетъ замѣнить всей прелести лягушачьихъ и грачиныхъ концертовъ.

Утромъ 3-го мая я уже былъ въ Нижнемъ и съ балкона парохода «Кауфманъ» любовался величественною, никогда не надоѣдающею панорамою этого старинпаго русскаго города съ причудливою, ломаною линіею его древнихъ, на русскій счетъ стѣнъ, съ этою почти безбрежною Волгою, при видѣ которой всегда въ душу тѣснится скорбный стихъ поэта:

Волга, Волга! — весной многоводною
Ты не такъ затопляешь поля,
Какъ великою скорбью народною
Переполнена наша земля...

И какъ бы въ подтвержденіе дальнѣйшихъ словъ поэта съ берега доносятся не то знакомые мотивы старой пѣсни, не то стоны...

Выдь на Волгу,—чей стонъ раздается
Надъ великою русской рѣкой?
Этотъ стонъ у насъ пѣсней зовется—
То бурлаки идутъ бичевой...

Это, дѣйствительно, бурлаки тянутъ свою «дубинушку», и хотя теперь гораздо рѣже попадаются на Волгѣ картины Рѣпина, однако, этюды ихъ все еще встрѣчаются и стонъ—пѣсня все еще гудитъ надъ «великою русской рѣкой».

Скоро проревѣли условные свистки, пароходъ дрогнулъ, и замѣпившіе бурлака паръ и колеса начали свою автоматическую «лямку». Нижній, его историческія стѣны, церкви, памятникъ Минина, этого перваго русскаго «гражданина» причудливые изломы береговъ съ рѣпинскими этюдами, все побѣжало вверхъ, постепенно скрываясь изъ глазъ.

И сѣдящу на балконѣ «Кауфмана», мнѣ, яко «блудному сыну исторіи» (какъ справедливо назвалъ меня почтенный портретистъ «Нашихъ знакомыхъ» В. О. Михневичъ), невольно вспоминалась прошедшая исторія этой самой Волги, когда вмѣсто пароходовъ по ней шныряли новгородскіе «ушкуи» съ своими удалыми «ушкуйниками», вродѣ новгородца Прокопа, который, перебравшись изъ Новгорода въ Волгу съ своими молодцами на семидесяти «ушкуяхъ», въ 1375 г. взялъ и разорилъ Кострому... «И шедше ушкуйницы на низъ по Волзѣ,—говоритъ лѣтописецъ,—пограбиша Новгородъ-Нижній, и много всякаго полона взяша, и градъ зажгоша (увы!—этотъ самый Нижній). И поидоша на низъ и повернуша въ Каму и тамъ помедлиша нѣколико време, и потомъ внидоша Камою въ Волгу. И дошедше нанизъ по Волзѣ града Болгаръ, и тамъ полонъ весь крестьянскій попродаша бесерменомъ, или костромскій, или Нижнего-Новагорода, жены и дѣвици (ахъ варвары!—своихъ-то!.. Вотъ времячко!), и сами поидоша въ насадѣхъ по Волзѣ нанизъ къ Сараю, чети крестьянскія грабяще, а бесермены бьюще. И дойдоша на усть Волгы близь моря града нѣкоего Хасторокана (нѣкоего!—это Астрахань-то!) и тамо изби ихъ лестію хозитороканскій князь, именемъ Салчій. И тако вси безъ милости побьени быша, и ни единъ, отъ нихъ не остася, а имѣніе ихъ все взяша бесерменове».. Такъ имъ разбойникамъ и надо!.. Такова-то была когда-то Волга...

А современные бурлаки, паръ и колеса, слуги нашихъ совре-

менныхъ «ушкуйниковъ» пароходовладѣльцевъ, все работаютъ, все работаютъ, и нашъ «ушкуй» «Кауфманъ» все бѣжитъ и бѣжитъ, никого не грабя и не убивая, ни «бесерменъ», ни «крестьянъ», развѣ иногда другъ друга «ушкуй» «ушкуя» пробьетъ и потопитъ непарокомъ, и вотъ нашъ «ушкуй» незамѣтно пробѣжалъ и Подновье, и Безводное, и добѣгаетъ уже до устья знаменитой рѣчки Керженецъ...

Сколько «раскольничьихъ воспоминаній» соединено съ этой рѣчкой, съ ея дремучими борами и скитами! Сколько духовнаго мрака цѣлыя столѣтія укрывали собою эти дремучіе лѣса, сколько неоцѣненнаго исторіею трагизма видѣли эти скиты! И самосожженіе, и самоистязаніе, и изъ-за чего? Изъ-за идеи, не сознанной ни той, ни другой стороной!..

А вотъ уже виднѣются и стѣны древней обители отшельника Макарія Желтоводскаго. Тутъ чувствуется какое-то вѣяніе старины, жалкой русской старины. Это не тысячелѣтняя старина Европы, Азіи и Африки: нѣтъ ни развалинъ грозныхъ замковъ, ни мрачныхъ стѣнъ Альгамбры, ни остововъ Колизея, ни таинственныхъ громадъ пирамидъ... Тутъ была когда-то «макарьевская» нынѣ нижегородская ярмарка. Воображеніе и тутъ работаетъ: чего-чего, какихъ безобразій не видѣли стѣны и башни этой святой обители, только то были старинныя безобразія... А какія изъ нихъ возмутительнѣе, старыя или новыя? А безобразія тѣхъ, рыцарей, королей, инквизиторовъ, Нероновъ и Калигулъ, фараоновъ и ихъ жрецовъ...

Но довольно воспоминаній. Вотъ уже Лысково, нѣкогда владѣніе царевичей грузинскихъ. Каковъ скачокъ! Изъ Грузіи да въ Лысково, отъ Куры на Волгу.

Но вотъ еще болѣе поразительный скачокъ. Значительно ниже Лыскова на лѣвомъ берегу Волги стоитъ село Каменка. Въ церкви этого села вамъ показываютъ колоколъ, на которомъ читается слѣдующая латинская надпись:

Ave, Maria, stella Dei, mater alma atque semper virgo felix coeli porta. Надпись безъ знаковъ препинанія, но что всего удивительнѣе, такъ это дата подписи: 1003 годъ! Откуда такой старинный, даже для Европы, колоколъ съ католическимъ текстомъ могъ попасть въ русскую деревенскую церковь? Вѣдь, онъ былъ отлитъ еще тогда, когда кіевская и иная Русь не имѣла Ярославовой «Русской Правды», когда польскій король Болс-

славъ Храбрый завоевывалъ Чехію и Моравію. Преданіе говоритъ, что колоколъ этотъ пожертвовалъ когда-то очень давно какой-то раскаявшійся разбойникъ. Но гдѣ онъ добылъ его?

Между тѣмъ надвигались тихія весеннія сумерки, которыя обнаруживали, что бѣлыя, скорѣе палевыя петербургскія ночи остались далеко на сѣверѣ. Съ берега неслись, подъ стукъ колесъ парохода, соловьиныя трели. Недоставало только «шопота» и «робкаго дыханія», хотя бывшія на пароходѣ барышни и мечтали объ этомъ, сидя на укромныхъ мѣстечкахъ балкона и задумчиво поглядывая вдаль, которая все болѣе и болѣе заволакивалась дымкою ночи.

— Не вѣрится, что я не въ Петербургѣ,—задумчиво проговорилъ кто-то.

— Такъ мнѣ не вѣрилось, во время дальняго плаванія, что я въ Египтѣ, въ Портъ-Саидѣ, на Цейлонѣ, въ Сингапурѣ,—позѣвывая, замѣтилъ молодой морякъ.—А не пора ли ужинать.

— Счастливецъ, гдѣ былъ!—со вздохомъ прошептала одна барыня.

Утро 4-го мая встрѣтило насъ уже въ Казани. Вдали вырѣзывался на горизонтѣ острый шпицъ башни Суюмбеки. Бѣдная татарская царица, печально кончившая жизнь въ московскомъ полону! Посмотрѣла бы она теперь на потомковъ своихъ подданныхъ, какъ они продаютъ теперь мыло, туфли, халаты... Одно господство осталось за ними, въ ресторанахъ Донона, Кюба, «Медвѣдя»... Sic transit...

II.

Ровно полстолѣтія мнѣ знакома Волга, и я невольно сравниваю, что она была пятьдесятъ лѣтъ назадъ и какою стала теперь. Не тѣ картины, не тотъ характеръ движенія, не та тяга. То, что теперь тянутъ сотни буксирныхъ и товаро-пассажирскихъ пароходовъ, эти милліоны пудовъ груза, все это тогда лежало на хребтѣ бурлака и отчасти его невѣрнаго союзника паруса. Исчезли съ волжской водной поверхности тяжелыя, не поворотливыя «разшивы», которыя тогда казались гигантами. Теперь на Волгѣ другіе гиганты, похожіе на плавучіе острова: это трехъ ярусные «американцы» и нашъ братъ литераторъ (только высшаго, охъ, какого высокаго ранга!)—«Пушкинъ», «Тургеневъ», «Гоголь»,

и «Левъ Толстой», да разные генералы, вродѣ нашего «Кауфмана».

Изъ Казани на нашего генерала прибыло нѣсколько новыхъ пассажировъ, въ томъ числѣ одно помѣщичье, очень милое семейство съ хорошенькими барышнями, присутствіе которыхъ и оживило нашъ плавучій салонъ.

Но я большею частію продолжалъ бродить взадъ и впередъ по просторному балкону плавучаго острова. Какъ ни много на своемъ вѣку я плавалъ по этой самой Волгѣ отъ Твери вплоть до Царицына и какъ, въ сущности, ни однообразны представляемыя ею картины въ сравненіи съ тѣмъ, что даютъ вамъ скитанія по Европѣ для вашихъ путевыхъ впечатлѣній, однако, я не скучаю въ десятый и двадцатый разъ все съ тѣмъ же интересомъ смотрѣть на эти, то повышающіеся, то понижающіеся берега, на эту однообразную ихъ зелень и окраску, на эти ютящіяся то по склонамъ, то въ углубленіяхъ овражковъ селенія съ бѣдными церковками. И все это послѣ восьмимѣсячной зимней петербургской сутолоки такъ освѣжаетъ силы, такъ бодритъ и мысль, и воображеніе!

— А вотъ и устье Камы—говоритъ кто-то, и весь салонъ появляется на балконѣ!

— Гдѣ? Гдѣ? Ничего не видно, все плоско и однообразно.

— Да, плоско и однообразно потому, что тутъ цѣлый океанъ воды,—говоритъ казанскій помѣщикъ,—вы не видите даже того берега: вѣдь, тутъ отъ берега до берега двадцать двѣ версты.

— Не можетъ быть!

— Вѣрно... А видите камскую воду: она мутно-желтая.

Въ самомъ дѣлѣ, страшная масса воды! Но вотъ пройдена и Кама съ ея желтой водой, всѣ опять собрались въ салонѣ. Кто ѣстъ, кто пьетъ, кто болтаетъ.

— Что это у васъ за знаки на рукѣ?—спрашиваетъ ѣдущій изъ Петербурга электро-техникъ, обращаясь къ юному моряку.

— Это татуировка на память объ Японіи,—отвѣчалъ морякъ.

— А вы тамъ были?

— Да, я плавалъ туда въ эскадрѣ Наслѣдника Цесаревича, когда его высочество путешествовалъ на Востокъ.

— Можно посмотрѣть?

— Извольте,—и любезный морякъ, отстегнувъ запонки манжетъ, обнажаетъ руку до локтя.

Всѣ мужчины съ любопытствомъ окружили молодого офицера, всѣ удивлялись тонкости и изяществу татуировки. И было чему удивляться: тѣло молодого моряка было разрисовано положительно художественно. Очень нѣжными красками были изображены на бѣломъ тѣлѣ прелестная бабочка, очень миловидная японская дѣвушка и неизбѣжный китайско-японскій драконъ. Работа тонкая, краски необыкновенно свѣжія. На другой рукѣ то же. Вся грудь юнаго моряка также была, по его словамъ, татуирована; но, въ виду присутствія въ салонѣ барышень, не была обнажена для зрителей.

— И долго работали надъ этой художественной татуировкой?—спросилъ электро-техникъ.

— Часовъ пять—отвѣчалъ любезный морякъ, приводя въ порядокъ свой туалетъ.

— Ну, молодой человѣкъ, теперь, когда женитесь, ужъ не уйти вамъ отъ своей супруги: съ этакими то примѣтами и за моремъ сыщетъ,—выпалилъ вдругъ нѣкій почтенный купчина, находившійся, въ салонѣ и усердно попивавшій пиво.—Шалишь, братъ!

Всѣ невольно, но нѣсколько сдержанно разсмѣялись. Барышни скромно потупились. А купчина торжествующе на всѣхъ посматривалъ! Онъ былъ увѣренъ, что его острота произвела эффектъ.

Миновавъ Спасскій Затонъ съ его пристанью и механическими фабриками, я, какъ «блудный сынъ исторіи», все не сводилъ стеколъ моего полевого бинокля съ луговой стороны Волги: мнѣ хотѣлось и на этотъ разъ взглянуть на печальную историческую реликвію. Тамъ когда-то кипѣла жизнію и цвѣтущей торговлей столица Булгарскаго царства—городъ Булгары. Теперь объ этомъ царствѣ остались только смутныя воспоминанія да нѣсколько страницъ въ разныхъ ученыхъ трудахъ. А когда-то, въ X—XIII вѣкахъ, булгары гремѣли славою по всему Востоку, а юная Русь относилась къ нимъ «съ уваженіемъ и робостью». Теперь на мѣстѣ славнаго города осталось нѣсколько развалинъ. Все остальное уничтожено было злодѣйскою рукою Тамерлана и его хищными ордами. Погибъ тогда и царь Булгаріи, Аббдулахъ-Ханъ, со всѣмъ своимъ семействомъ. Среди му-

сора и обломковъ торчатъ теперь остовы двухъ минаретовъ, Большаго и Малаго, такъ называемая Черная палата. Остовъ одного изъ минаретовъ и мелькнулъ мнѣ въ стекла моего бинокля.

Addio del passato!—вспомнилась мнѣ чудная мелодія невидимой скрипки, подслушанная когда-то въ Сорепто, а потомъ повторенная въ Неаполѣ, на бульварѣ Riviera di Chiaia.

А колеса парохода все стучатъ, однообразныя картины бѣгутъ все на сѣверъ, а тамъ на встрѣчу идутъ сумерки. Полныя сумерки принесли намъ и Симбирскъ, сонный городъ Карамзина, Гончарова, Григоровича, Минаева.

Мы пробѣгаемъ мимо «обрыва», нависшаго надъ Волгой, съ опустѣвшей на немъ барской усадьбой, гдѣ когда-то любили и страдали героини гончаровскаго «обрыва», и гдѣ Маркушка Волоховъ, герой нигилистъ, воровалъ яблоки, а потомъ укрылъ то, что было самаго дорого въ барской усадьбѣ...

Уже глухой ночью мы пробѣгали Жигули, эту «Художественную славу Волги», какъ ихъ называютъ. Одинъ «Путеводитель по Волгѣ» говоритъ, что «на протяженіи всей Волги нѣтъ красивѣе и живописнѣе мѣстности, какъ Жигулевскія горы». Но кто видѣлъ другіе художественные капризы природы, тому Жигули покажутся достаточно жалкими и однообразными. Мало ли этихъ дивныхъ капризовъ геніальнаго художника-природы разсыпано по Альпамъ, Пиринеямъ, по Кавказу и по Крыму! Да и Уралъ, гдѣ мы скоро очутимся, заставитъ не разъ воскликнуть въ изумленіи: что за великій художникъ эта природа...

Утро. Кончаются Жигули.

— Видишь, вонъ Царевъ Курганъ, — говоритъ какая-то чуйка другой,—сказываютъ, что когда Грозный царь проходилъ тутъ съ войскомъ, то спросилъ своихъ генераловъ, сколько у него войска, а генералы и велѣли каждому сыпать на то мѣсто, гдѣ нынѣ Курганъ, по горсти земли, и вышла цѣлая гора.

— Не любо, не слушай, — скептически замѣтила другая чуйка.

Но вотъ и Самара, городъ Португалова. Такъ какъ тамъ приходилось долго ждать сибирскаго поѣзда, а въ городѣ было невозможно душно, то я и поѣхалъ въ Аннаево, гдѣ кумысное заведеніе, чтобы подышать свѣжей вешней зеленью. Со мной вызвался ѣхать одинъ молодой офицеръ. Бродя по лѣсу, гдѣ расположены дачи, мы зашли отдохнуть въ одну бесѣдку. Офицеръ

обратилъ вниманіе на надписи въ бесѣдкѣ, сдѣланныя юными (судя по почерку и орѳографіи) обитателями и обитательницами этихъ дачъ. И я не могъ не записать въ свою книжку нѣкоторыя наивныя признанія милыхъ юнцовъ въ курточкахъ и юницъ въ коротенькихъ платьицахъ.

— «Вчера здѣсь онъ говорилъ мнѣ о своей любви ко мнѣ», — читалъ офицеръ. — Ахъ, плутовка! — пояснилъ онъ.

— А вотъ, горестная эпитафія любви какого-то кадетика (съ буквою я т ь!), — «Чудная Марія (безъ знаковъ препинанія — по кадетски), ты умерла, но твой образъ живетъ въ моей груди». — Бѣдный кадѣтикъ!

— «Я влюблена десять мѣсяцевъ», — вдругъ разсмѣялся офицеръ. — Какова плутовочка! А самой сколько лѣтъ?

Я и это записалъ.

— Но вотъ... Ахъ, милая, милая дѣвочка! — продолжалъ мой Шампольонъ. — Пишетъ: Ангелъ мой (тоже безъ знаковъ препинованія) прощай на 8 лѣтъ и 3 мѣсяца; чудный твой образъ всегда будетъ преслѣдовать мене» (съ буквою е с т ь...). Бѣдная влюбленная дѣвочка! Ясно, что ея молодца-кавалера, какого-нибудь десятилѣтняго Гришу или Волю, увозили въ классическую гимназію, куда-нибудь въ Петербургъ, а неутѣшная барышня въ коротенькомъ платьицѣ грустно высчитываетъ годы и даже мѣсяцы горькой разлуки, если только за это время какой-нибудь сорванецъ-кадетъ съ буквою я т ь не похититъ ея податливаго сердца. Таковы неотразимыя требованія природы...

Однако, пора ѣхать въ Сибирь.

III.

Въ Самарѣ я долженъ былъ разстаться съ Волгой и вступить въ нашу, такъ сказать, «viam Appiam», на рельсы «великаго сибирскаго пути».

Всякій разъ, когда я (да и всѣ, вѣроятно) въ первый разъ ѣду по новому для меня пути, по рельсовому-ли, по морскому-ли, или грунтовому, я стараюсь не пропустить ничего, на чемъ можетъ остановиться взоръ.

— «Вѣдь, этотъ клочекъ своей планеты ты видишь первый разъ въ жизни», — невольно подсказываетъ мысль.

И невольно, съ любопытствомъ смотришь, хотя-бы это была

голая, ровная степь, безъ всякой растительности или замѣтной возвышенности, вродѣ той всхолмленной степи, которою начинается «великій сибирскій путь». Что, къ примѣру, можетъ представлять для глаза открытое море, когда, куда ни глянешь, не видишь ничего, кромѣ неба и безбрежнаго моря, хотя-бы клочекъ земли, хотя бы намекъ! А все не отрываешь глазъ отъ этой равнины. Вотъ хотя-бы когда я переплывалъ Средиземное море къ Египту и къ Сиріи: день, другой не видишь земли... Одурь беретъ... Сначала развлекаютъ взоръ только морскія чайки, что назойливо летятъ за пароходомъ и то жалобно, то задорно кричатъ. Но потомъ въ открытомъ морѣ и чайки пропадаютъ изъ глазъ. Остаются одни дельфины, которые то выскакиваютъ на поверхность моря и съ какимъ-то точно хрюканьемъ кувыркаются въ воду, выказывая свои бурыя спины, то играютъ въ водѣ, словно состязаются въ перегонку съ пароходомъ. А между тѣмъ, все смотришь и смотришь, пока ночь не скроетъ отъ глазъ все своею темною пеленою. А на утро опять вскакиваешь чуть-свѣтъ, хотя заранѣе знаешь, что ничего не увидишь, кромѣ неба и воды, воды безъ конца.

Такъ и здѣсь, въ этой татарско-башкирской всхолмленной степи, развѣ только синеватыя воды рѣчки Кинель, вправо отъ пути, нѣсколько разнообразятъ монотонный, едва замѣтный подъемъ къ далекому уральскому сырту.

А вотъ и станція Кинель, откуда начинается рельсовый путь къ Оренбургу.

Все гладко и однообразно кругомъ, точно на морѣ, и только вмѣсто дельфиновъ начинаютъ изрѣдка попадаться башкирскія рыла, истинно рыла образцовыя. Но вотъ и ночь...

Пришли и стали тѣни ночи...

Хотя почтенный Я. П. Полонскій необыкновенно поэтически изобразилъ всѣ эти «тѣни ночи», но за ними ничего не стало видно, и я, задернувъ занавѣсъ окна, невольно отошелъ «въ область безпечальныхъ созерцаній».

Ночь, башкирская ночь... Ахъ, какъ сей далеко до «украинской ночи»...

Но едва башкирская ночь открыла свои подслѣповатые глаза, какъ я уже созерцалъ ютившіяся по сторонамъ селенія, жалкія-жалкія, съ торчащими тамъ маленькими жалкими мина-

рстиками надъ жалкими-же деревянненькими мечетями... О, Аллахъ! Какъ не красны жилища твоихъ сыновъ... А вотъ и эти сыны: рыла, точно на-заказъ безобразныя. На головахъ мѣховыя шапки, мѣхомъ внизъ, который и торчитъ бахромою на азіятскомъ лбу. Одно такое рыло, въ бѣлой (по принципу, но грязнѣйшей de facto) чалмѣ, подходитъ на одной станціи ко мнѣ. На рукахъ у него что-то живое, копошащееся, завернутое въ тряпки. Я думалъ, ребенокъ.

— Барынъ, рива—обращается ко мнѣ чалма.

— Какая рива?.. — спрашиваю.

— Рива... сомъ рива.

Развертываетъ тряпки, живой большой сомъ.

Проносятся станціи Сарай-гиръ, Абдулино, Талтдыбулакъ, Пріютово, Белебей-Аксаково.

— Аксаково... Родина Аксаковыхъ, — слышу. — Въ залѣ 1-го класса портретъ автора «Семейной хроники».

Выхожу. Въ маленькой зальцѣ, дѣйствительно, на стѣнѣ портретъ Сергѣя Тимофеевича Аксакова.

— Ба! Да это тотъ-же самый башкиръ, который недавно предлагалъ мнѣ живого сома, только благообразнѣе его. У всѣхъ старыхъ башкиръ нѣтъ ни усовъ, ни бороды, а волосы торчатъ только съ подбородка. Такъ и у знаменитаго автора «Семейной хроники» и другихъ, всѣмъ извѣстныхъ произведеній, и только недостаетъ мѣховой шапки мѣхомъ внутрь. Такъ вотъ, откуда аксаковскіе типы!

Подъ портретомъ, за стекломъ, подпись: что здѣсь въ своемъ имѣніи Надеждино-Парашино, жилъ въ 20-хъ годахъ и писалъ свою «Хронику» С. Т. Аксаковъ, и что тутъ-же родились у него Константинъ и Иванъ Аксаковы, нѣкогда столпы подгнившаго въ своемъ основаніи славянофильства...

— Ну,—думаю,—вотъ, на какой почвѣ, на киргизской, выросли и «средостѣніе», и «трезвенное слово, домой-назадъ»...

У вагона обступила меня оборванная дѣтвора.

— Дай-дай! — протягивала ко мнѣ ручонки дѣвочка съ азіятскими глазенками.

— Ты башкирка?

— Баскырка, дай-дай.

— Какъ тебя зовутъ?

— Харыса, дай.

— На, сколько тебѣ лѣтъ, азіятка?
— Не знай.
И улепетываетъ съ подачкой.
— И я баскыръ, — подлетѣлъ ободранецъ, — дай и мнѣ.
— А какъ тебя зовутъ, волченокъ?
— Аминка.
— А сколько тебѣ лѣтъ?
— Вошмой.

Съ такими, вѣроятно, волчатами играли въ дѣтствѣ и будущіе столбы славянофильства.

За родиной Аксаковыхъ мѣстность пошла разнообразнѣе и живописнѣе. Попадались лѣса и мелкіе перелѣски. Возвышенности и взлобья, поднимавшіяся вправо и влѣво, обнаруживали, что сюда уже достигаютъ отроги Гиперборейскихъ горъ. А по сторонамъ продолжаютъ выскакивать и прячутся жалкія селенья съ жалкими минаретиками. Къ поѣзду постоянно высыпаютъ въ своемъ яркомъ тряпьѣ башкирки и башкирята, звеня нагруднымъ набором изъ серебряныхъ и мѣдныхъ монетъ и другихъ украшеній, восходящихъ до временъ Тамерлана.

Ѣхавшій со мною въ одномъ вагонѣ электро-техникъ, командированный изъ Петербурга на уральскіе заводы, постоянно захватывалъ въ свою камеру моментальнаго фотографическаго прибора эти яркія группы степныхъ дикарей.

Но вотъ и Уфа съ своимъ грандіознымъ мостомъ черезъ бурную рѣку, воды которой мчатся изъ-подъ самого гиперборейскаго великана. Но едва поѣздъ оставляетъ за собой станцію Балашово, какъ этотъ гигантъ разомъ встаетъ на пути и своимъ грознымъ видомъ какъ будто говоритъ: «ни пяди дальше!»—

Но увы! Прошли времена гигантовъ. Ихъ отъ вѣка несокрушимую твердь пробиваютъ маленькіе гномы съ кирками, динамитомъ и желѣзными лопатами... Не даромъ сказалъ поэтъ:

И желѣзная лопата
Въ каменную грудь,
Добывая мѣдь и злато,
Врѣжетъ страшный путь...

И она врѣзала его въ грудь исполина... Что за красота, затѣмъ, открывается передъ вами по всему этому пути въ предѣлахъ перегоновъ станцій Миньяръ, Симъ, Кропачево, Усть-Ка-

тавъ! Поѣздъ грохочетъ то подъ нависшими грозными скалами, которыя, кажется, вотъ-вотъ обрушатся на дерзкій поѣздъ, то по гигантскимъ коридорамъ, которые кажутся щелями между каменныхъ реберъ исполина, то по отвѣснымъ берегамъ, словно по карнизамъ, горныхъ, бурливыхъ рѣкъ Сима и Юрезаны, то перелетаетъ черезъ легкіе мосты, скрѣпленія которыхъ издали представляютъ нѣчто вродѣ паутины...

Честь и слава генію и энергіи гномовъ, пробившихъ этотъ каменный путь. И замѣчательно: на всемъ пути ни одного туннеля. Когда вы переѣзжаете черезъ Пиренеи въ Испанію или поѣздъ вашъ мчится Альпами и особенно барьеромъ дивной Ривьеры, берегомъ Средиземнаго моря, начиная отъ Барселоны въ Испаніи вплоть до Пизы или почти до Рима въ Италіи, вы задыхаетесь въ безчисленныхъ туннеляхъ и боитесь открыть окно въ вагонѣ, чтобы не наглотаться угольнаго дыму. Вамъ надоѣдаютъ фонари, почти весь день горящіе въ вагонахъ; вамъ хочется больше свѣту и воздуху. А здѣсь ничего подобнаго. И говорятъ, что этой коридорной системой постройки пути въ горахъ гномы дали казнѣ болѣе 3 милліоновъ экономіи.

Весь этотъ переѣздъ одного только горнаго отрога Урала, въ бассейнѣ рѣкъ Сима и Юрезани, я постоянно перебѣгалъ отъ одного окна къ другому, чтобы не пропустить грозныхъ и причудливыхъ красотъ природы, этихъ кажущихся угрюмыхъ замковъ, бойницъ, торчащихъ къ небу скалъ въ видѣ готическихъ соборовъ; а мой спутникъ, электро-техникъ, все это на-лету схватывалъ въ камеру своего инструмента.

— Безумные, непостижимые капризы природы!—невольно восклицалось; а за одними капризами вставали другіе, еще болѣе непостижимые и безумные.

Скоро ночь поглотила всю эту безумную игру природы.

Я проснулся уже въ Азіи, въ Сибири.

IV.

Главный кряжъ Урала на этотъ разъ остался для меня невидимымъ за наступленіемъ ночи. Я видѣлъ его уже на обратномъ пути изъ Сибири.

Теперь же, выѣхавъ изъ Златоуста, я, при слабомъ мерцаніи чуть-чуть занимавшагося предутрія, смутно видѣлъ туманныя

очертанія горъ и шихановъ, изъ-за которыхъ, точно безумная или потерянная, выглядывала ущерблявшаяся кровавая луна, безумная и потерянная потому, что она заглядывала въ окна моего вагона то справа, то слѣва, то забѣгала впередъ поѣзда, то пряталась за хвостомъ его. Это «великій сибирскій путь» шелъ зигзагами, «петлями», словно гигантская змѣя извиваясь въ междугорьяхъ, то огибая огромныя лѣсныя озера, то сползая въ лѣсистыя впадины и низи. Скоро весь хребетъ остался позади и уходилъ все дальше и дальше, то курясь утреннними туманами, то сверкая въ лучахъ восходящаго солнца обнаженными отъ лѣсу взлобьями и голыми скалами. Впереди же тянулась безконечная, холмистая, то покрытая березнякомъ и ельникомъ, то безлѣсная равнина съ озерами.

На станціи Бишкиль особенно много высыпало откуда-то глазѣющихъ башкирокъ и киргизокъ съ ребятишками. Яркіе костюмы такъ и кричатъ. Между киргизками я замѣтилъ одну необыкновенной красоты въ кокетливо надѣтой на черную головку красной шапочкѣ съ позументами. Мой бинокль заставлялъ всѣхъ прятаться: вотъ-вотъ выстрѣлитъ...

Между бабьемъ киргизъ франтъ, въ калошахъ съ мѣдными на пяткахъ пружинками. Видимо, цивилизованный.

— Откуда ѣдышь?—спрашиваетъ.

— Изъ Петербурга.

— Ой-ой! Оть бѣли царъ?

— Нѣтъ, самъ по себѣ. А ты?

— Я касакъ... Тамъ муй стада, муй лошадь, много лошадь, ой много! Тисучи.

— Ого! Тысячи... Да ты богатѣй.

Поѣздъ тронулся. По всему замѣтно, что ѣдемъ по золоту, серебру и мѣди. Осаживающаяся на подоконникахъ вагоновъ мельчайшая пыль сверкаетъ металлическими блестками. Я собираю ее на бумажку, блеститъ не то серебромъ, не то золотомъ. Входитъ кондукторъ, и также весь блеститъ, обсыпанный этою металлической пылью. Я указываю ему на его плечи, грудь.

— Что это? Серебро, золото?

— По такому групту ѣдемъ: кругомъ пріиски,—отвѣчаетъ.

А вонъ по сторонамъ виднѣются и пріисковыя сооруженія, большія зданія для толченія и промывки золотоноснаго кварца и руды, избушки «старателей», воротныя колеса надъ шахтами,

телѣги съ рудой, кучи отбросовъ, шурфовыя ямы, мужики и бабы съ кирками... Вспоминается Державинъ:

Богатая Сибирь, наклонившись надъ столами,
Разсыпала по нимъ и злато, и сребро...

Не очень-то щедро разсыпаетъ. Надо за этимъ златомъ спускаться въ преисподнюю, въ мрачные, сырые колодцы.

Вправо, огромное озеро, площадью въ нѣсколько квадратныхъ верстъ. Настоящее море, даже съ прибоями. Это «сайма». Имя же ей—Смоленое озеро, илистый грунтъ котораго напоминаетъ смолу. Это цѣлебныя грязи, будущіе, быть можетъ, и весьма вѣроятно сибирскіе курорты.

Но вотъ и Челябинскъ, 2,451 верста отъ Петербурга. Челябинскъ или Челяба, небольшой, довольно глухой сибирскій городокъ, менѣе чѣмъ съ десятитысячнымъ населеніемъ, теперь, съ переводомъ въ него изъ Самары, въ 1893 году, управленія постройки западно-сибирской желѣзной дороги, необыкновенно оживленный. Онъ лежитъ въ небольшой впадинѣ, при рѣкѣ Міасѣ, впадающей въ Исеть, а вмѣстѣ съ нею въ Тиболъ, въ Иртышъ, въ Обь и Ледовитый океанъ. Городъ окруженъ березовымъ лѣсомъ, такъ что даже такъ называемый челябинскій «городской садъ» вовсе не садъ, а просто березовая роща, хотя въ ней торчитъ и подобіе курзала, а кое-гдѣ поставлены и скамейки. Но къ этому публичному гулянью иначе нельзя пройти, какъ мимо мрачнаго острога, обнесеннаго высокимъ частоколомъ, за которымъ постоянно слышится хватающій за сердце лязгъ кандаловъ... Вотъ она—сущая Сибирь.

Но кромѣ острога въ Челябинскѣ имѣются духовное училище, помѣщающееся въ прекрасномъ зданіи, мужское городское училище и женская прогимназія, заведеніе, которое, сколько я могъ познакомиться, благодаря талантливости и педагогическому такту нача. ницы его, Е. В. Юнгмейстеръ, могло бы служить образцомъ для другихъ, даже не сибирскихъ подобнаго ранга заведеній.

Въ Челябинскѣ я пробылъ болѣе двухъ недѣль и не жалѣю, что проѣхалъ лишнихъ около 2.000 верстъ, чтобы только хоть немного познакомиться съ Сибирью. Въ Челябинскѣ же, въ гостепріимномъ и симпатичномъ семействѣ помощника строителя

западной сибирской дороги, В. Н. Жукова, я познакомился съ тѣми неутомимыми «гномами», геніемъ и энергіею которыхъ пробита «каменная грудь» великана, отдѣляющаго Европу отъ Азіи, и которые создали себѣ безсмертный, хотя и «рукотворный» памятникъ, едва ли не столь же прочный, какъ и египетскія пирамиды.

Въ самомъ дѣлѣ, сколько нужно было имѣть въ запасѣ техническихъ знаній и строительной, строго-математической сообразительности, сколько требовалось предварительныхъ, самыхъ точныхъ цифровыхъ выкладокъ при исчисленіи предстоящихъ въ непроходимыхъ дебряхъ работъ и физическаго и умственнаго труда для приведенія этихъ исчисленій въ дѣло, въ жизнь, какимъ лишеніямъ приходилось подвергаться въ горныхъ и болотистыхъ мѣстностяхъ, гдѣ убійственная сырость и невыносимыя страданія отъ насѣкомыхъ, отъ тучъ болотной мошкары, которой не выносилъ даже ни одинъ рабочій, могли лишить энергіи даже каменныхъ людей, сколько, повторяю, нужно было всего этого запаса терпѣнія, настойчивости и прочей дьявольщины, чтобы перескочить въ Азію!

И перескочили!

Для того, чтобы возможно было работать въ убійственныхъ тучахъ мошкары, заказано было для рабочихъ и для наблюдавшихъ за работами «гномовъ» три тысячи сѣтокъ-наличниковъ, и въ этихъ намордникахъ люди должны были работать. Мало того: каждый долженъ былъ носить на себѣ, на спинѣ, жаровню, въ которой постоянно тлѣлъ и дымилъ можжевельникъ для отогнанія дымомъ сибирской мошкары, передъ которой даже «египетская песья муха», по выраженію Гоголя, не болѣе, какъ «мальчишка и щенокъ».

Удалось мнѣ, въ бытность мою въ Челябинскѣ, ознакомиться и съ процессомъ добыванія золота. Это было на пріискѣ Васильевскомъ, разрабатываемомъ челябинскимъ купцомъ М. Н. Крашенинниковымъ. Тутъ только я воочію убѣдился, что добываніе изъ скупыхъ нѣдръ земли драгоцѣннаго металла дѣйствительно каторга. При мнѣ огромными ушатами, при помощи воротовъ, выкачивали воду изъ сорока-аршинной глубины, гдѣ, въ этой глубинѣ, заливаемые подземными ключами, словно заживо погребенные, работали вольные (вольные поневолѣ!) каторжники. Они добывали руду, которую и вытаскивали, тоже

ушатами, изъ ужаснаго колодца. Та же каторжная работа шла и въ сосѣднихъ колодцахъ. Нагруженныя рудою телѣги одна за другою тянулись къ промывочному зданію, которое представляло внутри цѣлый адъ.

Тамъ же, невдалекѣ отъ главныхъ шахтъ, въ сторонкѣ отдѣльные «старатели», снявъ за извѣстную плату клочекъ земли въ какую-нибудь одну или двѣ квадратныя сажени, на свой страхъ копались въ этой проклятой землѣ...

— Авось наткнемся на «жилу», на розсыпь, на самородокъ въ башку величиной.. Бываетъ же кому счастье...

Авось! Мужъ, весь въ землѣ и грязи, копается тамъ въ глубинѣ, накладываетъ проклятую землицу въ кадку, а жена воротомъ втягиваетъ эту кадку вверхъ...

— Накладывай, сынокъ, въ подводу... Авось...

И сынишка трудится до поту, наваливаетъ, старается... Вотъ они «старатели».

Добытую руду везутъ эти «старатели» къ пруду, на плотинѣ котораго устроены жолоба для постояннаго протока воды. Вода течетъ въ ящики, наполненные рудой, которую бабы неустанно переворачиваютъ и расколачиваютъ желѣзными лопатами, а подъ этими ящиками, пониже, маленькіе ящички, куда и проскользаютъ съ водой золотыя крупинки. Да и проскользнутъ ли еще?

А около, словно насѣдка вокругъ цыплятъ, расхаживаетъ мужикъ съ запечатанной жестяной кружкой на пузѣ. Въ эту кружку онъ будетъ собирать золотыя крупинки, что попадутъ въ нижніе ящички. Попадутъ ли только?.. Старайтесь, бабы! Вонъ добываете золото, а лапти на васъ одни лохмотья.

Перейдемъ теперь въ самое промывочное зданіе, въ это чистилище...

V.

Въ промывочномъ зданіи невообразимый грохотъ. Это толчея, на подобіе тѣхъ, которыми на мельницахъ толкутъ просо. Огромные, тяжелые песты-толкуны, приводимые въ движеніе особымъ механизмомъ, толкутъ золотоносную руду, которую потомъ вода уноситъ внизъ по наклоннымъ желобамъ вмѣстѣ съ частицами золота, если таковое есть въ рудѣ. Золото, будучи тяжеловѣснѣе руды, освобожденное отъ нея водою, задержи-

вается, отчасти въ чистомъ видѣ, отчасти же съ камушками кварца, въ золотодержащихъ резервуарахъ, въ которыхъ бабы и мальчишки тормошатъ этотъ кварцъ лопатами. Еще ниже идутъ жолоба, выложенные войлоками. Сюда стекаетъ та вода, которая уноситъ съ собою легчайшія частицы золота, золотую пыль, и эта пыль, въ силу своего удѣльнаго вѣса, цѣпляется за шероховатости войлока и остается на немъ.

Впрочемъ, мнѣ, совсѣмъ незнакомому съ техникой этого дѣла, трудно, даже совершенно невозможно передать все мною видѣнное такъ, чтобы оно было понятно. Я рѣшительно отказываюсь отъ этого.

Скажу только, что грохотъ въ этой промывочной такой адскій, что г. Берестовъ, завѣдующій этимъ адскимъ дѣломъ и любезно все мнѣ показывавшій и объяснявшій, почти совершенно оглохъ.

— Адъ, чистый адъ,—рѣшилъ я, уходя изъ этого частилища.

— Да и подкрѣпиться пора,—согласились со мною г. Берестовъ и г. Шиховъ, также прикосновенный къ этому аду.

Они любезно преподнесли мнѣ тамъ небольшой камень, содержащій золото. Но сколько камень этотъ долженъ пропутешествовать, чтобы попасть мнѣ въ руки! Изъ Челябинска его отправили въ Екатеринбургъ, въ горное управленіе, и уже оттуда онъ прибылъ ко мнѣ въ Кисловодскъ при слѣдующей бумагѣ на оффиціальномъ бланкѣ главнаго начальника уральскихъ горныхъ заводовъ (министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ).

«Свидѣтельство.—Дано челябинскому купцу Михайлу Николаеву Крашенинникову въ томъ, что на арендуемомъ имъ у купца Андрея Шихова Васильевскомъ пріискѣ, находящемся на земляхъ оренбургскаго казачьяго войска, въ числѣ прочаго золота, добытаго съ 9-го марта по 29-е мая 1894 г., полученъ камень съ золотомъ, вѣсомъ «пятьдесятъ семь золотниковъ шестьдесятъ долей» (курсивъ въ бумагѣ), при удѣльномъ вѣсѣ два цѣлыхъ, шестьдесятъ пять сотыхъ (2,65). Камень этотъ, по оплатѣ податью, вслѣдствіе прошенія довѣренной купца Крашенинникова, дворянки Евгеніи Мостовенко, на основаніи 2 примѣч. къ 132 ст. устава о частной золотопромышленности, выдать Крашенинникову для кабинетнаго храненія. Причитающійся гербовый сборъ уплаченъ». Слѣдуютъ подписи.

Камень оцѣненъ въ 12 р. Теперь онъ у меня—«для кабинетнаго храненія!».

Кстати о золотѣ. Кто знаетъ, сколько его хранится тамъ, невѣдомо, подъ землею, которую, во время прогулокъ по окрестностямъ, мы топтали ногами, не подозрѣвая, что ходимъ по золоту, быть можетъ—по милліардамъ!

Однажды мы, небольшой компаніей, катались на лодкѣ по Міасу. Берега этой рѣки довольно обрывистые, и обрывы эти обнаруживаютъ различные пласты, то глиняные, то каменистые. Бывшій съ нами въ лодкѣ В. Ф. Лесгафтъ указалъ на одномъ обрывѣ продолговатое косвенное обнаженіе.

— Это кварцовая жила,—сказалъ онъ,—и очень можетъ быть—золотоносная. А какъ глубоко и широко она идетъ, кто знаетъ. Можетъ быть, тамъ уйма золота.

Но я замѣтилъ, что кварцовое обнаженіе это бѣловатая жила, рѣзко отличающаяся отъ прочаго грунта, выступаетъ изъ-подъ рѣки. Весьма вѣроятно, что самое-то золото и засѣло подъ русломъ рѣки, тамъ весь золотоносный источникъ, а на поверхность земли пробилась и обнажилась при обвалѣ только ничтожная, въ нѣсколько вершковъ толщины, жила. Но, вѣдь, и мой «кабинетный» кварцовый кусочекъ отломанъ, повидимому, отъ жилы не толще двухъ вершковъ, а хотя онъ меньше моего кулака, въ немъ, все-таки, запряталось на 12 р. золота, это больше двухъ полуимперіаловъ чистаго золота.

А вотъ поди, достань эти милліарды изъ-подъ рѣки, подкопайся подъ нее, и зальетъ.

Но, положимъ, золото золотомъ, а Сибирь все же остается «Сибирью», какъ всякій сентябрь все-же «смотритъ сентябремъ». Чтобы ни говорили, а природа тамъ суровая, не ласковая, хотя и красивая, но только холодно-красивая, какъ ни разрисовывай ее почтенный Д. Н. Маминъ-Сибирякъ. И покойный Н. Мих. Ядринцевъ называлъ ее «красавицей».

А ты, красавица моя,
Красой все также дышешь...

Холодная она красавица. Я почти не видѣлъ и не слыхалъ тамъ пѣвчихъ птицъ. Нѣтъ тамъ, гдѣ я былъ, даже всесвѣтнаго соловья, а есть, говорятъ, какой-то «подголовокъ». Въ лѣсу вы не видите даже ни сорочьихъ, ни вороньихъ гнѣздъ. Моихъ любимцевъ, творцовъ весны, болѣе чѣмъ ласточки, галдящихъ

мужиковъ птичьято царства, грачей, я услыхалъ только на кладбищѣ монастырской «заимки», въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Челябинска. Только космополитъ птица или «всептица» (чѣмъ онъ хуже «всечеловѣка» Достоевскаго?) воробей не гнушается страною ссылки и каторги. Этого молодца я видѣлъ и на пирамидѣ Хеопса, и на развалинахъ Іерихона: воробей іерихонецъ!

Зато рыбы тамъ много и превкусная. Особенно очаровалъ меня «карась-идеалистъ»: куда до него даже пресловутой стерляди!

А хваленая сибирская ягода «облѣпиха» (такъ, кажется?) совсѣмъ не вкусна и почти вся состоитъ изъ косточекъ.

Въ Челябинскѣ Сибирь сказывается еще и тѣмъ, что удаляться отъ города для прогулокъ не безопасно отъ хищныхъ башкиръ и бѣглыхъ «варнаковъ». Ночью по городу разъѣзжаютъ конные стражники со свистками.

Теперь, куда ни загляни, вездѣ «переселенцы». Видѣлъ я партіи ихъ и въ Челябѣ: хохлы въ своихъ бараньихъ шапкахъ и «широкихъ, какъ море», шароварахъ, и хохлушки въ коротких «спидныцяхъ» и «корсеткахъ», повязанныя огромными платками. Все это тащится на Амуръ, на Уссури. Подумаешь, что совершается обратное «переселеніе народовъ»: въ концѣ «древней исторіи» они неудержимо двигались на Западъ, а въ концѣ «новой» (нашей—fin de siecle) потянулись на Востокъ, почти не вѣдая, куда, словно саранча.

На Кавказѣ я спросилъ одну партію переселенцевъ:—куда путь держите?

— Къ Сороки-Мышамъ, кормилецъ, гдѣ солнушко сходитъ.

Такъ и понимаютъ: есть гдѣ-то тамъ, гдѣ восходитъ солнце, какія-то «сорокъ мышей», земля такая, солдатики сказывали. Это—Сары-Камышъ, почти у персидской границы.

Пора и мнѣ было двинуться обратно изъ Азіи только не въ Европу, а на «потибельный Кавказъ».

VI.

На обратномъ пути изъ Сибири я проѣзжалъ черезъ Уральскій хребетъ днемъ и потому могъ во-очію убѣдиться, какихъ титаническихъ усилій стоило нашимъ «гномамъ» пробиться сквозь тѣ горы, въ нѣдрахъ которыхъ, по сказанію Меѳодія Патарій-

скаго, заключены ужасные «гоги и магоги», которые, по тому же сказанію, были «человѣцы нечистыя, ядяху скверну всяку, комары и мухи»... Это, вѣроятно, предки тѣхъ самыхъ «комаровъ и мошкары», для спасенія отъ которыхъ «гномамъ» нашимъ приходилось работать въ намордникахъ и съ жаровнями за плечами.

Недалеко отъ станціи Уржумки, противъ Александровской сопки (я не видѣлъ, чтобы она дымилась) по лѣвую руку желѣзнодорожнаго полотна, на возвышеніи, я замѣтилъ бѣлый, пирамидальный каменный столпъ: это граница Азіи.

Поклонившись въ послѣдній разъ Сибири и Рифейскимъ горамъ, простившись съ типичными башкирскими физіономіями и землями, которыя такъ безбожно расхищали наши цивилизованные хищники, я на другой день былъ уже въ Самарѣ, въ виду величавой Волги.

У пароходной пристани меня обступили нищіе самаряне. Но одинъ изъ нихъ былъ, повидимому, культурный оборванецъ, побывавшій въ Питерѣ.

— Господинъ... Питербурхъ... народъ... жизнь,—бормоталъ онъ, развязно протягивая руку.

Я сначала не сообразилъ, что такое «народъ», но потомъ догадался: оборванецъ хотѣлъ поразить меня своей образованностью... Мы-де знаемъ, какъ въ Питерѣ господа хлопочутъ о «народѣ»... Ну, тутъ и «жизнь» подвернулась, тоже ученое слово.

Я подалъ. А противъ меня мелъ, приплясывая, другой «народъ». Махая надъ головой шапкой, онъ притоваривалъ:

Ахъ и што-жъ што кому,
Што любилъ я хуму...

На пароходѣ, въ столовой, какіе-то незнакомые господа разомъ ошарашили меня литературой. Ну, думаю, пропалъ человѣкъ, заговорятъ...

Но такъ какъ я и изъ Питера бѣжалъ отъ этой самой литературы къ моихъ пріятелямъ грачамъ, то успѣлъ улизнуть и отъ этихъ любезныхъ незнакомцевъ. Еще бы! Пока пароходъ запасался нефтью, грачи такъ орали на берегу, что я пришелъ въ умиленіе. Ранней весной грачи лучше всякой Патти. А тутъ еще лягушки «восхваляютъ благость Всесоздателя», какъ говорилъ одинъ нѣмецъ.

Тутъ я благополучно доплылъ и до Саратова.

Саратовъ я знаю ровно полстолѣтія, съ того самаго времени, какъ я тамъ, въ 1844 году, вмѣстѣ съ Пыпинымъ, Захарьинымъ и Ровинскимъ (хотя они и шли классами выше меня) началъ свой гимназическій искусъ.

Въ полстолѣтіе Саратовъ сталъ неузнаваемъ во всѣхъ отношеніяхъ. И не удивительно! Половина столѣтія это уже не малый кусокъ исторіи, хотя бы и г. Иловайскаго Лжедимитрія, какъ его справедливо назвалъ одинъ московскій остроумецъ. Но особенно измѣнились физіономія народа, физіономія «улицы». Прежнимъ народомъ въ городѣ и не пахнетъ. Кучера и горничныя поютъ уже: «Выхожу одинъ я на дорогу»...

Но народное пѣснотворчество это только уму «улицы» постижимо. Молодой парень въ «спинжакѣ» ужъ не поетъ, какъ прежде: «Высоко звѣзда восходила», или «Ой и попила ль моя буйная головушка» и т. д. Нѣтъ, теперь поетъ онъ подъ треньканье гармоники:

Она моя канарейка,
Пришепетыватъ маненько;
Она моя милая—
Три съ полтиной вынула...

Или немножко съ гражданскимъ мотивомъ:

Нашъ Саратовъ стоитъ въ ямѣ,
Освѣщенный фонарями и т. д.

Поются и чувствительныя пѣсни. послѣ знакомства съ острогомъ. Эта, напр.:

Когда я мальчикъ былъ свободный.
Не зналъ ни горя, ни нужды:
Родные всѣ меня любили,
Когда я жилъ въ кругу семьи.
Но баловство меня сгубило,—
Я сбился съ праведной пути:—
Въ одну несчастную влюбился,
И за нее я пострадалъ:
Она клялась, что вѣрно любитъ
Своей измѣнчивой душой,
А я, мальчишка, ей повѣрилъ
Своею глупой головой и т. д.

Ну, и въ результатѣ всего:

Съ московскимъ замкомъ я снознался,—

по-просту, попалъ въ острогъ.

Вообще, искаженіе народнаго пѣснотворчества поразительное, и весьма желательно, чтобъ этнографія не оставила безъ вниманія этотъ новый циклъ русской пѣсни. Будемъ надѣяться, что и для этой пѣсни найдется свой Кирша Даниловъ.

Но что поютъ современныя «барышни» на Волгѣ, это едва ли не пикантнѣе того, что поютъ ихъ «кавалеры» въ «спинжакахъ». Вотъ пѣсня «барышни», оплакивающей смерть своего «кавалера»:

Умеръ, умеръ мой Алешка,
Куплю ему гробъ на ножкахъ
Обобью его батистомъ,
А сама пойду къ артистамъ;—
Ужъ вы дайте чашку чаю—
Я по милому скучаю.

Отвергнутая, повидимому, «барышня» поетъ:

Взгляну-ль, взгляну я на стѣнку,
Вижу милаво патретъ...
Это точно—невозможно,
Безъ милова жить нельзя.
Я страдала, страданула(!!)—
Прямо въ рѣчку прыганула...
Это точно—невозможно,
Безъ милова жить нельзя...

Зато «барышня» безъ предразсудка поетъ:

Я сижу по новой модѣ—
На колѣняхъ у Володѣ...

Такова «новая мода», дальше которой едва ли уже можно итти.

Пробылъ я въ этотъ разъ въ Саратовѣ (подъ Саратовомъ, на дачѣ) до конца іюня. И тамъ теперь, ниже Саратова, верстахъ въ двѣнадцати, идетъ работа «гномовъ». Сооружая уральскую желѣзную дорогу, «гномы» совершаютъ подготовительныя работы для возведенія моста черезъ Волгу, и для этого почти совсѣмъ уничтожили драгоцѣнные слѣды почти миѳическаго города Буртасъ, впослѣдствіи Укека или Увека, первое историческое слово о которомъ принадлежитъ знаменитому средневѣковому путешественнику, венеціанцу Марко Поло. Марко Поло посѣтилъ этотъ городъ въ 1263 году. Впослѣдствіи Укекъ былъ резиденціею татарскихъ хановъ, когда они господствовали надъ

тотдашнею, покоренною ими Русью. Такъ вотъ, гдѣ когда-то была наша столица, гдѣ рѣшались судьбы русскаго народа. А теперь тамъ только одинъ щебень оставался, да и тотъ «гномы» стираютъ съ лица земли. Жалкія же реликвіи этой столицы, монеты, глиняные сосуды, ожерелья, кирпичи, могильныя плиты, скромно ютятся по разнымъ музеямъ.

Теперь бывшая наша столица превратилась въ любимое загородное гулянье саратовцевъ. Туда нѣсколько разъ въ день ходитъ изъ Саратова пароходъ «Переправа», почти всегда переполненный публикою, особенно въ праздничные дни. И я посѣтилъ бывшую столицу хановъ и съ сокрушеніемъ сердца видѣлъ, какъ пьяный саратовецъ неистовствуетъ на развалинахъ Укека, словно «Марій на развалинахъ Карѳагена». Nessun maggior dolore.

VII.

Въ самомъ концѣ іюня я направился изъ Саратова далѣе «внизъ по матушкѣ по Волгѣ» на одномъ изъ «литераторовъ», помнится, на «Тургеневѣ».

Лѣтнія экскурсіи по Волгѣ на огромныхъ пароходахъ, прекрасно, даже роскошно обставленныхъ, вообще очень пріятны. Никакія желѣзныя дороги не могутъ сравниться съ этими передвиженіями на плавучихъ островахъ. Обширныя галлереи-балконы даютъ вамъ возможность гулять, двигаться и дышать чистымъ воздухомъ, сколько душѣ угодно. Отличный буфетъ всегда въ вашемъ распоряженіи, и вы не рискуете, какъ въ буфетахъ желѣзнодорожныхъ станцій, гдѣ надо спѣшить, какъ на пожаръ, ни съѣсть чего-нибудь несвѣжаго, посящаго въ себѣ отраву, ни подавиться, при нервномъ призывѣ звонка «maturate fugam!», этими отравными снѣдями, ни обжечь себѣ языкъ и всю полость рта кипяткомъ-чаемъ. На пароходѣ вы и гость, и хозяинъ. Здѣсь все заказываете спокойно, а тамъ хватаете, что вамъ подсунутъ оголтѣлые Ганимеды.

— Hannibal ad portas!—написано на лицахъ этихъ Ганимедовъ, не дающихъ вамъ сдачи.

На другой день я уже гулялъ въ Камышинѣ на «Тычкѣ». Для камышанъ «Тычокъ» замѣняетъ и «Аркадію», и «Ливадію» и всѣ «Демидровы».

Еще черезъ день я въ Царицынѣ, ожидая поѣзда на Калечъ.

къ Дону, созерцалъ на пристани работу бурлаковъ, русскихъ и татаръ, таскавшихъ ящики съ казанскимъ мыломъ и мессинскими лимонами.

— Ну, а какъ по вашему Богъ?—спрашивалъ нижегородскій Атлантъ, таща на спинѣ сводъ небесный, чуть ли не двадцатипудовый тюкъ сырыхъ кожъ.

— Аллахъ, — отвѣчалъ казанскій Тамерланъ, неся два ящика лимоновъ.

— Стрямъ! Бога Аллахомъ называть, — проворчалъ Атлантъ.—А какъ лимонъ?

— Лимуну,—отвѣчалъ татаринъ.

— Это по-нашему... А мыло?

— Савона.

Бурлакъ только сплюнулъ. Меня заинтересовалъ татаринъ. Оказалось, что онъ грамотный.

— А гдѣ учился?—спрашиваю.

— Въ сельской школѣ, баринъ.

— А что вы учили тамъ?

— Русскій языкъ, «Родное Слово», басни Крылова, Паульсонъ, сказки.

Меня это поразило въ бурлакѣ-татаринѣ. Хорошая школа,—думаю.

— А по татарски учили васъ?—спрашиваю.

— Училъ мулла, только вечеромъ... Коранъ учили.

— А что лучше, «Родное Слово» или Коранъ?

— Коранъ, баринъ,— отвѣчалъ татаринъ-сепаратистъ...

Тутъ же, въ Царицынѣ, на вокзалѣ волго-донской желѣзной дороги я видѣлъ представителей другой народности, хотя и не игравшей въ судьбахъ русской земли такой коронной роли, какъ татары, но все же такой, съ которою когда-то Россіи, особенно восточно-окраинной, приходилось считаться. Это—калмыки. На вокзалѣ, въ ожиданіи какой-то владѣтельной узкоглазой особы, собрались окрестные, изъ своихъ улусовъ и степныхъ ставокъ, калмыцкіе князья и «челюнги», духовныя особы, въ яркихъ пунцовыхъ халатахъ и красныхъ шапочкахъ, обложенныхъ золотымъ шитьемъ. Они усердно пили русскій чай въ прикуску, изъ блюдечекъ, держа эти послѣднія довольно нѣжными, выхоленными пальцами, которые болѣе привыкли обращаться съ нагайками, чѣмъ съ стаканами. Вообще, здѣсь «калмыцкій духъ,

калмыкомъ пахнетъ». Тутъ же вы видите уже и излюбленныхъ ихъ животныхъ верблюдовъ, этихъ необыкновенно-кроткихъ работниковъ, перевозящихъ по городу огромныя тяжести совмѣстно съ рабочими людьми. Чувствуется уже немножко запахъ Востока.

Въ тотъ же день, вечеромъ 2-го іюля, я уже созерцалъ «тихій Донъ» съ палубы донского парохода. Пароходы эти уже не то, что волжскіе: маленькіе тѣсные, не уютные. Однако, и они не лишены удобствъ въ особенности со стороны ублаготворенія плоти: буфеты ихъ и мастера кулинарнаго дѣла не уступаютъ тому, что дастъ путешественнику Волга. Плаваніе же по Дону еще пріятнѣе, чѣмъ по Волгѣ. Здѣсь такіе симпатичные берега, увитые виноградниками, такая роскошная зелень поемныхъ луговъ, такія милыя казачьи хатки. А эти, оживляющіе общую картину, скользящіе по рѣкѣ «каюки», рыбачьи лодки, масса птицы, стаи баклановъ!

Плаваніе на этотъ разъ по Дону было еще тѣмъ пріятнѣе, что пароходъ нашъ почти весь день 3-го іюля оглашала пѣсня, но не та пошлая саратовская пѣсня, которая обличаетъ искаженіе народнаго вкуса до гнусности. Нѣтъ, это была настоящая національная пѣсня, росшая вмѣстѣ съ ростомъ исторіи Дона, правдивое отраженіе его своеобразной физіономіи.

На пристани одной изъ станицъ вступили на нашъ пароходъ небольшая партія молодыхъ казаковъ, отпущенныхъ по домамъ «на побывку». Все это была молодежь, живая, подвижная, жизнерадостная. И вотъ эти-то «станичники» всю дорогу оглашали Донъ пѣніемъ, нерѣдко хватавшимъ за душу. Это не были военныя солдатскія пѣсни, особенно сочиненныя, пошлыя подчасъ до тошноты, визгливыя, крикливыя, съ присвистомъ и истерическими голосовыми выкрутасами, приводящими въ восторженный трепетъ бабьи сердца, чуть не доводящими молодаекъ, особенно полнотѣлыхъ, до кликушества, до любовнаго осатанѣнія. Нѣтъ, молодые казаки пѣли только свои историческія, боевыя пѣсни. Отъ иной пѣсни, отъ ея мелодіи и словъ, можно было разрыдаться: это пѣсни бытовыя, гдѣ слышится плачъ разлуки, прощанье съ родными мѣстами, слезы матерей, сестеръ. Но тутъ же раздавалась задорная пѣсня съ безшабашной удалью, съ колыбели обреченныхъ на боевую жизнь, людей, отцы, дѣды и прадѣды которыхъ всю жизнь провели на сѣдлѣ

въ обществѣ «сабли вѣрной», «пики вострой» и коня-товарища: «душа добрый конь».. И вотъ тутъ-то слышится угроза врагу-бусурману, пашѣ турецкому:

Не видать тебѣ, собакѣ, нашей кременной Москвы...

Не «каменной», а «кременной».

— Ну, и вамъ нравится война?—спрашиваю.

— Война! Да только пошли насъ... На смерть полетимъ!

И это говорится съ восторгомъ, глаза горятъ... Удивительно, непостижимо! Какіе-то загипнотизированные...

— Вотъ изъ такихъ-то куколокъ и выходятъ Ермаки, а потомъ Разины и Пугачевы,—съ улыбкой шепнулъ мнѣ юный студентъ-технологъ, тоже казакъ, ѣхавшій на родину, въ одну изъ низовыхъ станицъ.

— А вы?—невольно улыбнулся я.

— Я что! Школяръ еще. А у насъ ужъ есть Мушкетовы, Красновы.

Мы проплыли устья рѣкъ Донца, Сала, Маныча. Вдали виднѣлся Старочеркаскъ, древняя столица казаковъ.

— Тамъ, въ соборѣ, до сихъ поръ хранятся цѣпи, которыми Стенька Разинъ, послѣ пораженія, былъ прикованъ въ церковномъ притворѣ, чтобы лишить его волшебной силы,—сказалъ студентъ.—Тогда думали, что онъ волшебникъ.

— А какъ же не волшебникъ!—вмѣшался одинъ изъ пѣвцовъ.—Вишь онъ, бывало, сказываютъ, сядетъ на полсть либо на свой чекмень и плыветъ по Дону, али по Волгѣ, вотъ какъ мы это на пароходѣ.

— Поди, разувѣрь ихъ,—покачалъ головой студентъ.—Я самъ, мальчишкой, вѣрилъ чуть ли не до третьяго класса гимназіи.

Въ Ростовѣ я простился съ милымъ Дономъ. Тамъ, по ту сторону этой исторической рѣки, воспѣтой Пушкинымъ, снова начинается Азія, которую я оставилъ за Рифейскими горами. Здѣсь, скорѣе, преддверіе другой Азіи, о которой Пушкинъ въ «Путешествіи въ Эрзерумъ» говоритъ: «Переходъ отъ Европы къ Азіи дѣлается часъ отъ часу чувствительнѣе: лѣса исчезаютъ, холмы сглаживаются, трава густѣетъ и являетъ большую силу растительности; показываются птицы, невѣдомыя въ нашихъ лѣсахъ; орлы сидятъ на кочкахъ, означающихъ большую до-

рогу, какъ будто на стражѣ, и гордо смотрятъ на путешественника. Калмыки располагаются около станціонныхъ хатъ. У кибитокъ ихъ пасутся уродливыя, косматыя козы, знакомыя вамъ по прекраснымъ рисункамъ Орловскаго».

Такъ было въ 1829 году. Теперь не то: вагоны мчатъ васъ по этой степи, вездѣ обработанной, а тогда тутъ двигались почти исключительно войска для покоренія того, чѣмъ мы теперь владѣемъ. А тѣхъ, которые тогда владѣли этой степью и тѣми далекими горами, почти совсѣмъ не видать. Вмѣсто нихъ тянутся партіи рабочихъ-косарей и, конечно, пѣшкомъ, топча своими лаптями по тысячѣ и болѣе верстъ...

— А вѣдь они дѣлали эту дорогу. Они били для нея щебень, насыпали полотно, рубили лѣсъ для шпалъ, обтесывали и укладывали эти шпалы. Они же, тамъ, въ Сибири, вырывали изъ глубины горъ желѣзо для рельсъ, таскали на себѣ эти рельсы, прикрѣпляли ихъ къ шпаламъ... Все, все дѣлали они... Это дѣло ихъ рукъ, ихъ дорога, но не для нихъ... Они плетутся пѣшкомъ...

Такія наивныя мысли лѣзли мнѣ въ голову, когда кто-то воскликнулъ:

— Смотрите! Эльборусъ!

— Гдѣ? Гдѣ? Да это облака.

— Нѣтъ, Эльборусъ!

То былъ, дѣйствительно, Шатъ-Эльборусъ «сѣдовласый Шатъ».

III.

Отъ станціи минеральныхъ водъ проложена теперь «Минераловодская вѣтвь», соединяющая рельсовымъ путемъ Пятигорскъ, Желѣзноводскъ, Ессентуки и Кисловодскъ съ владикавказскою желѣзною дорогой. Вагоны на этой вѣтви особаго устройства: въ нихъ много свѣту, удобныя сидѣнія, а главное большія окна позволяютъ видѣть окрестности, которыя для того, кто ничего, кромѣ равнинъ, не видѣлъ, кажутся очень живописными.

Такими ихъ когда-то находилъ и нашъ великій поэтъ, А. С. Пушкинъ, когда онъ, въ 1820 году, въ первый разъ посѣтилъ эти мѣста. Второй разъ онъ былъ тамъ въ 1829 году, когда ѣхалъ въ Персію, и вотъ что нашелъ въ Пятигорскѣ:

«Здѣсь нашелъ большую перемѣну. Въ мое время (1820 г.)

ванны находились въ лачужкахъ, наскоро построенныхъ. Источники, большей частью въ первобытномъ своемъ видѣ, били, дымились и стекали съ горъ по разнымъ направленіямъ, оставляя по себѣ бѣлые и красноватые слѣды. Мы черпали кишучую воду ковшикомъ изъ коры или дномъ разбитой бутылки. (даже стакановъ не было! вотъ такъ курортъ...) Нынче выстроены великолѣпныя ванны и дома. Бульваръ, обсаженный липками, проведенъ по склону Машука. Вездѣ чистенькія дорожки, зеленыя лавочки, правильные цвѣтники, мостики, павильоны. Ключи обдѣланы, выложены камнемъ; на стѣнахъ ваннъ прибиты предписанія отъ полиціи; вездѣ порядокъ, чистота, красивость»...

Однако, вслѣдъ за этимъ, поэтъ говоритъ: «Признаюсь, кавказскія воды представляютъ нынѣ болѣе удобностей; но мнѣ было жаль крутыхъ каменныхъ тропинокъ, кустарниковъ и неогороженныхъ пропастей, надъ которыми я, бывало, карабкался. Съ грустью оставилъ я воды».

«Suum cuique»—сирѣчь: кому какъ... Мнѣ тоже больше нравятся «каменныя тропинки», «неогороженныя пропасти», по которымъ я также люблю «карабкаться», не взирая на мою старость... А «чистенькія дорожки», «зеленыя лавочки», «цвѣтники», «павильоны», это для любителей и особенно любительницъ... «Suum cuique»...

Однако, я, какъ «блудный сынъ исторіи», опять ударился въ сторону, т. е. въ старину. А между тѣмъ, мнѣ въ очи глядѣла современность, новая жизнь со всѣми ея завоеваніями, а, быть можетъ, и пораженіями. И вокругъ меня, въ вагонѣ, пока я ѣхалъ до Кисловодска, въ самомъ дѣлѣ шли толки, съ одной стороны о «пораженіяхъ», съ другой о «побѣдахъ».

— Говорятъ, Нарзанъ ужъ совсѣмъ не тотъ: нѣтъ той силы, игривости... У насъ все такъ: что есть и хорошаго, такъ испортятъ,—говорилъ какой-то «генералъ сѣдой», обводя всѣхъ строгимъ взоромъ, или, какъ въ «Спорѣ» у Лермонтова, «грозя очами».

— Нѣтъ, генералъ, — мягко замѣтилъ его сосѣдъ по дивану,—къ счастью, Нарзанъ не испорченъ, а еще выигралъ отъ новаго каптажа.

— Но всѣ говорятъ: нѣтъ игры, нѣтъ той силы газовъ.

— И я замѣтилъ,—подтвердилъ молодой человѣкъ въ чичунчѣ.—Прежде онъ бурлилъ, рвался, точно шампанское изъ бутылки, а теперь онъ какъ-то вяло переливается.

— Да, да, точно усталый какой-то, выдохшійся старичокъ,—подхватила барынька изъ-подъ вуалетки, прижимавшей ей верхнюю губу.

На нее посмотрѣлъ «генералъ сѣдой, грозя очами».

— Не удивительно,—снова заговорилъ мягкій господинъ,— Нарзанъ стараго каптажа давалъ въ сутки около восьмидесяти тысячъ, помнится, ведеръ, а теперь что-то около двухсотъ-двадцати тысячъ. Согласитесь, выбрасывать такую массу воды и изъ жерла, можетъ быть, втрое или четверо шире прежняго жерла, тутъ поневолѣ покажешься выдохшимся старичкомъ.

Генералъ и на него посмотрѣлъ подозрительно, «грозя очами»: ужъ не его ли считаютъ выдохшимся старичкомъ?..

— А газъ? А вкусъ? Все не то что было,—не унималась барынька.—Для чего закрыли газовую комнату?

— Я не знаю, для чего закрыли газовую комнату,—отвѣчалъ мягкій господинъ—Но газовъ теперь Нарзанъ отдѣляетъ больше, чѣмъ было прежде. Мнѣ говорили, что прежде въ тысячѣ кубическихъ сантиметровъ воды Нарзана содержалось свободной углекислоты не болѣе тысячи.

— А вкусъ? Вкусъ не тотъ, — не отставала барынька.— Что ни говорите, а выдохся старичекъ.

Генералъ нетерпѣливо повернулся на мѣстѣ. Вѣроятно, онъ чувствовалъ, что самъ онъ за зиму повыдохся, и теперь ѣхалъ обмолаживать себя въ Нарзанѣ по примѣру прежнихъ лѣтъ, а тутъ, на, поди! Самъ Нарзанъ выдохся... Это-ли не обида!

— Ахъ, сударыня, вы говорите о вкусѣ, — продолжалъ возражать мягкій господинъ. — Вкусъ... Вкусовыя ощущенія обманчивы... Вы хорошо на вкусъ ощущаете разницу бѣлаго вина отъ краснаго; а если завязать вамъ глаза, то вы не отличите краснаго отъ бѣлаго.

— Правда, правда! — обрадовался генералъ. — На этомъ вкусѣ краснаго и бѣлаго я когда-то крупное пари проигралъ... А я не хвастаюсь, знаю толкъ въ винахъ.

Генералъ совсѣмъ повеселѣлъ. Вѣроятно, думалъ: авось не обманетъ старый пріятель Нарзанушка... Авось опять генералъ, послѣ Нарзана, гоголемъ воротится въ Питеръ или куда-тамъ, чтобы опять... не ударить въ грязь лицомъ... Авось...

— Теперь принято кричать, что у насъ не такъ, какъ на заграничныхъ водахъ, — продолжалъ мягкій господинъ, обра-

щаясь уже къ генералу. — Я понимаю: иному хочется похвастать, что онъ бывалъ тамъ и тамъ, ну, и фыркаетъ, а другіе съ его словъ фыркаютъ... Правда, намъ еще далеко до Европы во всемъ, не въ однѣхъ водахъ... Тамъ и жизнь дешевле... У насъ здѣсь все дорого, не спорю. А отчего? Оттого, что сезонъ у насъ коротокъ. Тамъ сезонъ длится шесть, семь и восемь мѣсяцевъ, а то и круглый годъ, и затраченный капиталъ даетъ тамъ солидный процентъ. А у насъ сезонъ два или три мѣсяца, а для лица, пріѣхавшаго на воды, и того меньше—мѣсяцъ, много—шесть недѣль. А остальное время все пустуетъ, и отели, и частныя квартиры, и базаръ.

— Правда, правда,—соглашался повеселѣвшій генералъ,—оттого и доктору надо заплатить прилично, и для него сезонъ коротокъ, а онъ ѣхалъ сюда издалека, тратился... А что, какъ этотъ Бертенсонъ?

— Ахъ, генералъ, не разорваться-же ему начетверо! Вѣдь, четыре группы. А на его отвѣтственности и ложки, и плошки... Всякій рветъ его на части... А у него власть, только слава одна, фиктивная: надъ сторожами власть...

— Такъ Нарзанъ вы говорите, того? — спросилъ генералъ, уже не «грозя очами».

— Лучше, чѣмъ былъ, только не скачетъ зайцемъ; а сожми его жерло, какъ сжимаютъ напоръ струи въ фонтанахъ, такъ онъ выброситъ воду выше колокольни.

— Это старикъ-то! — засмѣялся генералъ.—А вѣдь правда: всыпь ружейный зарядъ пороху въ жерло пушки, ничего не выйдетъ, а изъ ствола берданки куда хватитъ!

Поѣздъ подходилъ къ Ессентукамъ. Мягкій господинъ слегка поклонился генералу и вышелъ.

— А вы, сударыня, купались въ этомъ новомъ Нарзанѣ?—обратился генералъ къ барынькѣ.

— Купалась, генералъ.

— Ну, и что-жь? Оживляетъ?

— Очень, очень... Чувствуешь себя такой свѣжей, бодрой.

— Такъ, такъ... Я это самъ всякій разъ испытывалъ... Точно двадцать лѣтъ съ плечъ долой... Чудесный источникъ!

— А все нѣтъ въ немъ прежней красоты.

— Ахъ, сударыня! Вамъ-бы все внѣшность. красота.

— Все-же, генералъ... И воду теперь наливаютъ изъ кранонъ, внизу, а не опускаютъ стаканы прямо въ бьющую струю.

— Да? Я этого не слыхалъ.

— Да это такъ: и ѣдятъ Нарзанъ изъ кранонъ, точно пиво изъ бочки въ Bier Halle, — засмѣялся господинъ въ чичунчѣ.

Генералъ опять посмотрѣлъ на этого господина «грозя очами».

А я себѣ молчу и думаю: вотъ скоро самъ все увижу и узнаю. Но вотъ и Кисловодскъ.

IX.

Я пріѣхалъ въ Кисловодскъ въ самый разгаръ сезона. Курсовики, успѣвшіе подправиться и подвинтиться на предыдущихъ грушахъ, кто понабрался немножко крови въ Желѣзноводскѣ, кто нѣсколько ремонтировалъ свою гниль и немощи въ Пятигорскѣ, кто прочистилъ засорившееся нутро Ессентуками, всѣ эти чаявшіе и чаявшія воды уже смотрятъ веселѣе.

Я пріѣхалъ, слѣдовательно, тогда именно, когда всѣ начинаютъ плескаться въ ваннахъ Нарзана, и пить его, словно гуси, когда барышни и молодящіяся барыни, сопровождаемыя кавалерами, то офицерами съ «роковыми взглядами» и безъ оныхъ, то мѣстными джигитами-лошадниками, извѣся языки и распустивъ шлейфы, рыщутъ парами и кавалькадами къ «замку коварства и любви», къ «Лермонтовой скалѣ», къ «Кольцу-горѣ» или въ «Березовую балку», когда студенты-бѣлоподкладочники, въ кителяхъ и бѣлыхъ фуражкахъ, начинаютъ воображать себя гатчинскими кирасирами, когда подростки-гимназистки и гимназисты купно съ бравыми кадетами неистовствуютъ на гигантскихъ шагахъ, а какіе то отшельники, въ сторонѣ отъ большого свѣта, съ утра до ночи гремятъ кеглями, когда, наконецъ, на «Царской площадкѣ» мученицы кіоска не успѣваютъ наполнять нутры курсовиковъ кумысомъ, простоквашей сывороткой, а влюбленные подростки, извѣдавшіе нѣжное чувство раньше орографіи, изливаютъ оное безграмотно на всѣхъ скамейкахъ и на всѣхъ скалахъ горнаго хребта, настоящій карнавалъ Кисловодска.

Въ первое же утро, 6-го іюля, я поспѣшилъ къ Нарзану. Мо-

гучій, богатырскій источникъ, дѣйствительно. смотрѣлъ «выдохшимся старичкомъ»: онъ не кипѣлъ и не бурлилъ, какъ прежде, не напоминалъ собою исполинской бутылки шампанскаго, а выбрасывалъ широкій столпъ воды какъ-то вяло, лѣниво, словно онъ истомился въ своей тысячелѣтней работѣ и теперь отдыхаетъ. Но я вспомнилъ объясненія «мягкаго господина», въ вагонѣ и готовъ былъ ему вѣрить. Дѣйствительно, резервуаръ источника необыкновенно расширенъ. Зато стѣны резервуара много выиграли своею изящною работою: ихъ бѣлый мраморъ и бронзовыя изящныя скрѣпленія такъ и сверкали своей свѣжестью и безукоризненной чистотой.

— Да, — вспомнилось мнѣ сравненіе генерала съ «грозными очами», — это уже не дуло берданки, а жерло крупповскаго орудія.

— Съузить-бы его, дать больше сопротивленія силѣ напора струи, — какъ-бы отвѣчая на мою мысль, замѣтилъ какой-то инженеръ стоявшему около Нарзана горному студенту, повидимому, южному славянину.

Да, «притиснуть паче, то найвыше скаче», какъ у насъ говорятъ, — улыбнулся студентъ.

Выйдя изъ галлереи Нарзана и миновавъ «музыку» («музыку миновать» можно: вѣдь говорятъ-же: «я былъ на музыкѣ»), я систематически обошелъ весь паркъ: полюбовался неистовствовавшими на гигантскихъ шагахъ юнцами и юницами, враждующими съ буквою я т ь и съ знаками препинанія но не враждующими съ чувствами высшаго порядка; обошелъ всю Царскую площадку, отвѣдавъ простокваши; посидѣлъ противъ метеорологической обсерваторіи, удивляясь мятежнымъ движеніямъ флюгера, который, вопреки всѣмъ требованіямъ метеорологіи, вертѣлся совсѣмъ не туда, куда указывалъ ему вѣтеръ; наконецъ, спустясь внизъ и пройдя доломитное плато, я сѣлъ на скамью «великокняжеской липы», чтобы покурить.

Куда итти? Все это мнѣ давно приглядѣлось. Посѣщая Кисловодскъ вотъ уже десятое лѣто подрядъ, я изучилъ тамъ всякую мелочь не только въ паркѣ, но и во всѣхъ окрестностяхъ.

— Я проводилъ не одну зиму и въ Ачи-Реалэ, въ Сициліи, вблизи Этны, и въ Санъ-Ремо, на Ривьерѣ, и въ Ментонѣ, и, кажется, достаточно познакомился съ европейскими зимними

станціями, stations d'hiver... Не думаю, чтобы Кисловодскъ годился для зимней станціи.

— Я съ вами не согласенъ: здѣсь зимой, именно зимой, не меньше солнечныхъ дней, чѣмъ на Ривьерѣ, хотя-бы въ Каннахъ, гдѣ я тоже проводилъ зиму. И температура здѣсь, зимой, восхитительная: мнѣ докторъ Склотовскій, живущій здѣсь лѣто и зиму уже около четверти столѣтія, говорилъ, что въ ноябрѣ, декабрѣ, январѣ и февралѣ, когда въ Пятигорскѣ бываютъ мятели и морозы, здѣсь они всю зиму обѣдаютъ на воздухѣ, а дочери его катаются верхомъ въ амазонкахъ.

Это говорили, сидя вблизи подъ тѣнью, на маленькой скамейкѣ два господина, уже не молодые: одинъ въ индѣйскомъ шлемѣ (tropical helmet), съ сѣдыми усами, другой—въ широкополой панамѣ, съ рѣдкою бородкою и загорѣлымъ лицомъ.

— Можетъ быть,—сказалъ въ раздумьѣ индѣйскій шлемъ;— но только что-то наши медицинскіе авторитеты никого еще не посылали сюда на зиму.

— Не знаютъ, — отвѣчала панама.

— А какъ здѣсь общество? Порядочное? Я тутъ въ первый разъ.

— Общество тутъ всякое, не то, конечно, что въ Санъ-Ремо или въ Каннахъ. Все больше Армавиры, да Баталпашински, или Тифлисъ, Ростовъ, Черкасскъ; много и изъ-подъ борка и изъ-подъ сосенки... Все больше восточные человѣки, оріенталисты.

— Рыцари шашлыка да зурны? — улыбнулся шлемъ.

— Да, изъ «нахичеванскаго университета».

— Говорятъ, назначеніе сюда Бертенсона вызвало особенно усиленный съѣздъ публики?

— Нѣтъ, не думаю... Бертенсонъ, кажется, отличный человѣкъ, усердный и добросовѣстный коммиссаръ, но, вѣдь, его имя — не имя Боткина или Захарьина: его мало кто знаетъ. А публика повалила сюда ради удешевленнаго тарифа.

— Но какъ много здѣсь хорошенькихъ армянокъ, — замѣтилъ шлемъ.

— Да... Но только въ полудѣтскомъ возрастѣ, — согласилась панама.

— А какіе глазенки!

Такъ какъ начинался разговоръ, повидимому, о матеріяхъ

высшаго порядка, о «глазкахъ и лапкахъ», то я, съ свойственной мнѣ цѣломудренной скромностью, тотчасъ-же и удалился.

Меня серьезно сталъ занимать вопросъ: можетъ-ли, въ самомъ дѣлѣ, Кисловодскъ быть нашей «зимней станціей», station d'hiver? Не могу-ли я, если поживу на свѣтѣ и потеряю возможность, подобно саврасу безъ узды, рыскать по горамъ и пропастямъ земнымъ, взбираться на пирамиды и скакать черезъ кушальскіе костры, не могу-ли я тогда найти въ Кисловодскѣ тихое пристанище, идѣ-же нѣсть ни «товарищескихъ» обѣдовъ, ни обѣдовъ «беллетристовъ», ни разныхъ редакціонныхъ притоновъ, а лишь единый, бодрящій старыхъ генераловъ, обиженный новымъ капитажемъ Нарзанъ,

И вотъ, до чего я додумался. Прежде всего, до статистики, чтобъ ей пусто было, и чтобъ кости ея отца, Кетле, въ землѣ перевернулись!

Оказалось, что для рѣшенія моего вопроса о кисловодской «station d'hiver» прежде всего нужно считать солнечные дни и изъ нихъ выводить статистическіе законы.

Наша главная физическая обсерваторія, иначе — законодательница метеорологіи «солнечными» или «ясными днями» считаетъ тѣ, когда во всѣ три наблюденія неба — въ 7 часовъ утра, въ 1 ч. дня и въ 9 ч. вечера, видимый горизонтъ будетъ облаченъ менѣе 6-ти разъ. Ладно!

Но вдругъ противъ этого деспотизма главной обсерваторіи кисловодскіе статистики-метеорологи бунтуютъ, и я готовъ стать подъ знамя этихъ повстанцевъ.

— Мы — говоритъ кисловодскій бунтарь, докторъ П. С.—скій—подъ яснымъ днемъ разумѣемъ и тотъ день въ Кисловодскѣ, когда зимою, до восхода солнца, небо бываетъ облачно 6 разъ и болѣе, а съ появленіемъ солнца облака, какъ школьники передъ розгой, всѣ улепетываютъ. Мы, — продолжаетъ кисловодскій бунтарь, — считаемъ яснымъ и тотъ день, когда надъ цѣпью горъ бываетъ облачно даже болѣе шести разъ за три измѣренія, о которыхъ говорено выше (7 ч.; 1 ч. и 9 ч.), а въ Кисловодскѣ, на зло метеорологамъ главной обсерваторіи, т. е. въ пику начальству, весь день свѣтитъ солнце.

— Намъ, врачамъ и больнымъ, — въ заключеніе восклицаетъ дерзкій бунтарь, — важно не все небо, а солнце и небо надъ нами.

Это вполнѣ разумное, вдрызгъ разбивающее оффиціальную статистику заключеніе кисловодскаго бунтаря, читатель найдетъ въ 17-мъ № «Сезоннаго Листка» кавказскихъ минеральныхъ водъ за нынѣшній годъ.

Вотъ и выводи тутъ, по статистикѣ (чтобъ ей провалиться!): можетъ быть Кисловодскъ зимнею станціей, или не можетъ? По оффиціальной статистикѣ главной физической обсерваторіи въ Кисловодскѣ, въ январѣ, бываетъ «солнечныхъ дней» только 5, а по бунтарской — 23! Да это почти тотъ-же геніальный счетъ, какой примѣнилъ къ русской статистикѣ тайный совѣтникъ Двуутробкинъ: «за битаго двухъ не битыхъ даютъ». Значитъ, въ Россіи не 130.000,000 населенія, а 260.000,000+x—y+z.

Такова она, паршивая статистика!

И вотъ, благодаря этой сплетницѣ, для меня остается не рѣшеннымъ вопросъ: Кисловодскъ — зимняя станція или нѣтъ? Но я таки добьюсь этого рѣшенія во чтобы то ни стало. Хоть лопни статистика, а рѣшай.

Въ слѣдующей главѣ я заставлю ее лопнуть.

Говоря серьезно (да я, вообще, говорю серьезно, только не хмурю лба, какъ иніи человѣци), возбужденный мною вопросъ имѣетъ общественно-государственное значеніе. Въ самомъ дѣлѣ, надо-же, наконецъ, рѣшить: можетъ-ли Россія имѣть свою «зимнюю станцію» (station d'hiver), подобно тому, какъ имѣетъ ихъ нѣсколько Европа—Ницца, Ментона, Канны, Санъ-Ремо, Гіеръ, Ачи-Реале, а равно и Африка — Каиръ, Алжиръ, Мадера? Рѣшеніе этого вопроса я и отлагаю до слѣдующаго раза.

X.

Быть въ Россіи «зимней станціи» (station d'hiver), или не быть? И не можетъ-ли Кисловодскъ быть этою станціей?

За рѣшеніемъ этого вопроса, прежде всего, надо обратиться къ тому кисловодскому бунтарю, къ доктору П. С—кому, который бросилъ дерзкій вызовъ статистикѣ главной физической обсерваторіи и доказалъ, что она ошибается, какъ сорокъ тысячъ-братьевъ ошибаться не могутъ.

Напомнивъ главной обсерваторіи, что даже по ея счету въ январѣ 1894 г. въ Кисловодскѣ было 88 дней съ яснымъ небомъ, онъ справедливо замѣчаетъ:

— Я думаю, что этотъ фактъ не требуетъ комментаріевъ въ смыслѣ важности его для рѣшенія вопроса о Кисловодскѣ, какъ зимней стоянкѣ; но, — прибавляетъ онъ, — безъ комментаріевъ нельзя объяснить себѣ того, всѣми замѣченнаго факта, что «когда, — по словамъ доктора М. К. Милютина (написавшаго эти слова еще въ 1872 г.), — когда въ Пятигорскѣ и его окрестностяхъ распространяются туманы, и идутъ дожди, въ Кисловодскѣ, благодаря его высокому положенію, бываютъ прекрасные ясные дни».

— Позвольте, г. Милютинъ! — перебиваетъ самъ себя бунтарь статистики и метеорологіи. Однимъ высокимъ положеніемъ еще нельзя доказать законности явленій, о которыхъ идетъ рѣчь. Хотя вы, дорогой коллега, давно покоитесь въ молчаливой могилѣ, но слово ваше живетъ и продается въ книжныхъ магазинахъ въ видѣ «Путеводителя», и потому я обязанъ его оспорить, что и сдѣлаю сейчасъ, но только прежде собью шапку съ другого коллеги, благополучно нынѣ здравствующаго, съ проф. В. С. Богословскаго.

— Посмотримъ — думаю я — какъ онъ собьетъ шапку съ этого великана, который даже І. В. Бертенсону дѣлаетъ дерзости, и буду продолжать свой открытый плагіатъ.

— Вы, г. Богословскій (такъ начинаетъ сбивать съ него бѣлую лѣтнюю фуражку мой бунтарь) — вы пишете въ своей толстой книжищѣ: «Будучи защищенъ боргустанскими высотами, Кисловодскъ недоступенъ дующимъ въ это время съ сѣвера холоднымъ вѣтрамъ. Отъ этого — говорите вы — нерѣдко случается, что зимою, когда въ Пятигорскѣ мятель или туманъ съ гололедицею, въ Кисловодскѣ свѣтитъ солнце и температура на солнцѣ (только-ли на солнцѣ, мой другъ?) показываетъ 20° тепла. Въ ноябрѣ-же мѣяцѣ въ Пятигорскѣ рискованно выходить безъ теплаго пальто, а въ Кисловодскѣ въ это время въ полдень, по увѣренію постоянныхъ жителей (дамъ я вамъ за это «по увѣренію»!), можно оставаться на террасѣ въ одномъ сюртукѣ».

Смотрите! Сейчасъ полетитъ шапка...

— Все это,—иронически язвитъ свою жертву мой бунтарь,— видимо, удивляетъ проф. Богословскаго, хотя на террасѣ обѣдаютъ здѣсь и въ декабрѣ, и въ январѣ, и въ февралѣ; но затѣмъ тутъ по увѣренію постоянныхъ жителей,

которыхъ увѣренію можно не вѣрить (вездѣ курсивъ самого бунтаря), когда по напечатаной въ 1879 году мною таблицѣ видно, что въ январѣ въ Кисловодсткѣ бываетъ 15° Цельсія, т. е. 12° Реомюра, и не на солнцѣ а въ тѣни. Это видно и по теперешнимъ наблюденіямъ. Это-же бываетъ и въ декабрѣ, и въ февралѣ; а въ ноябрѣ прошлаго года 15° Реомюра въ тѣни было цѣлыми недѣлями, а отдѣльные дни температура доходила до 16° Р. въ тѣни, и еще 12-го декабря было 15° Р. въ тѣни. А 14-го декабря, когда пріѣзжала изъ Петербурга ученая коммиссія по поводу каптажа Нарзана, въ 2 часа дня при пасмурномъ небѣ температура въ тѣни была +9° Р!.. и коммиссія надъ колодцемъ Нарзана снялась въ сюртукахъ...

Вотъ въ этотъ-то колодецъ и полетѣла шапка почтеннаго ученаго... Видѣли, господа?

Но это еще не все. Мой милый бунтарь, сбивъ шапку съ своего противника, рѣшился спустить съ своего коллеги еще нѣчто посущественнѣе. Вотъ посмотримъ.

— Чѣмъ-же объяснить то, что въ Кисловодскѣ въ октябрѣ, ноябрѣ, декабрѣ, январѣ и февралѣ, а иногда и въ мартѣ бываетъ солнце, и температура въ тѣни иногда доходитъ до 15° Р., когда въ 10-ти верстахъ отъ него, по дорогѣ къ Ессентукамъ, т. е. и къ Пятигорску, туманъ, мятель, гололедица или слякоть?— такъ начинаетъ г. П. С—кій добивать коллегу. — Исключительно счастливыми особенностями мѣстоположенія Кисловодска, а не одною высотой, а именно тѣмъ, во-первыхъ, что туманы Ессентуковъ и Пятигорска задерживаются боргустанскими возвышенностями, имѣющими уклонъ къ Ессентукамъ, а во-вторыхъ, тѣмъ, что плоскость, идущая отъ Кисловодска къ Эльборусу, поднимаясь на пространствѣ 35-ти верстъ, съ 2,702 ф. до 8,559, т. е. на 5,857 ф., оканчивается у Бермамута, не соединяясь непосредственно съ Эльборусомъ цѣпью горъ, а отдѣлена отъ него глубокими, болѣе 4,000 ф. глубины, ущельями, въ которыхъ задерживаются туманы предгорій, не будучи въ состояніи подняться на высоту Бермамута, 8,559 ф. Вотъ, почему отъ Эльборуса до Махова поста, на 10-й верстѣ къ Ессентукамъ отъ Кисловодска, царство солнца осенью и зимою, а иногда и въ теченіе первой половины весны. Я помню одинъ мартъ почти весь солнечный, такъ что средняя температура его была 4½° вмѣсто

3° въ Пятигорскѣ, и мои дочери ѣздили ежедневно верхомъ въ однѣхъ амазонкахъ!

Но и этого не довольно неумолимому бунтарю. Нанося своему противнику ударъ за ударомъ, онъ подъ конецъ обращается къ нему съ такимъ язвительнымъ вопросомъ:

— Имѣются ли въ Западной Европѣ мѣста съ такимъ щедрымъ солнечнымъ свѣтомъ осенью, зимою и раннею весною, какъ въ Кисловодскѣ?

Но этотъ вопросъ приводитъ въ недоумѣніе самого вопрошающаго.

— Не знаю,—отвѣчаетъ онъ самъ себѣ.

— А я знаю,—отвѣчаю я за г. Богословскаго,—Ачи-Реале, Ментона и т. д.

— Но въ Россіи ихъ, несомнѣнно, нѣтъ,—продолжаетъ г. П. С—скій,—а русскіе Кисловодскомъ почти не пользуются осенью и зимой, хотя со дня напечатанія мною брошюры въ 1879 году прошло уже 15 лѣтъ, и о ней не знаютъ многіе авторы, хотя и цитируютъ ее въ своихъ книгахъ.

— А! Понимаю... Da ist der Hund begraben...

— Проф. Богословскій, цитирующій ее,—продолжаетъ г. П. С—скій, пишетъ въ той же книгѣ: «сухими мѣсяцами считаются іюнь, іюль и т. д.», а по моей брошюрѣ въ іюнѣ, именно, наибольшее число дождливыхъ дней (14) и наибольшее количество осадковъ въ миллиметрахъ (1038)!

Проф. Богословскій, наконецъ, поверженъ въ прахъ, какъ когда-то Ермакъ повергъ во прахъ Мегмета-Кула...

Я зрѣлъ съ нимъ бой Мегмета-Кула,
Сибирскихъ странъ богатыря!
Разсыпавъ стрѣлы всѣ изъ тула
И вящимъ жаромъ возгоря,
Они въ ручной вступили бой,
Грудь съ грудью и рука съ рукой..
Отъ вопля ихъ дубравы воютъ,
Они стопами землю роютъ...
Крутятся—и Ермакъ сломилъ!
«Ты мой теперь!»—онъ возопилъ...

Да не посѣтуетъ на меня почтенный авторъ прекрасной статьи, которую я заимствую изъ «Сезоннаго Листка» почти дословно, докторъ П. С—скій, а равно и проф. В. С. Богословскій, за настоящую мою замѣтку, въ которой я самъ, сознаюсь, трак-

тую о серьезномъ вопросѣ, повидимому, нѣсколько легкомысленно, фельетонно. Но оправданіемъ для меня въ данномъ случаѣ, надѣюсь, можетъ служить то, что вопросъ о «зимней станціи» въ Россіи, какъ я уже сказалъ и съ чѣмъ, полагаю, и всѣ согласятся, имѣетъ общественно-государственное значеніе, а потому я и позволилъ себѣ попытаться перенести его изъ узкой сферы личной полемики въ органѣ («Сезонный Листокъ»), котораго за предѣлами «подкумскаго района» почти никто не читаетъ, да едва ли кто и знаетъ, перенести этотъ вопросъ въ общую, «большую прессу», какъ ее называютъ въ отличіе отъ «малой». Этотъ вопросъ заслуживаетъ того, чтобы его тщательно обсудила не только спеціальная печать, но и общая. Это тѣмъ болѣе своевременно теперь, что, какъ мнѣ сообщаютъ изъ Кисловодска, правительственный коммиссаръ водъ І. В. Бертенсонъ, въ видахъ наибольшаго упорядоченія ихъ и спеціально въ видахъ приданія Кисловодску характера и всѣхъ удобствъ «зимней станціи», созывалъ въ сентябрѣ, для совѣщаній по этому вопросу мѣстныхъ владѣльцевъ дачъ и домовъ, и ими совмѣстно уже нѣчто выработано для представленія куда тамъ слѣдуетъ по лѣстницѣ государственной іерархіи.

Что же касается выводовъ доктора П. С—каго относительно «направленія вѣтровъ» въ Кисловодскѣ, то я совѣтовалъ бы почтенному доктору всѣ по этой статьѣ метеорологіи сдѣланныя наблюденія просто бросить въ печку, когда въ Кисловодскѣ будетъ холодно. И вотъ, почему.

Я каждый день слѣдилъ за кисловодскимъ флюгеромъ, водруженнымъ нынѣ на вышкѣ у Царской площадки (слѣдилъ за нимъ и въ прежніе годы, когда онъ болтался безъ толку въ ямѣ подъ Крестовой горой), и пришелъ къ полному убѣжденію, что этотъ легкомысленный чиновникъ совершенно не исполнялъ возложеннаго на него начальствомъ серьезнаго порученія: то онъ вертѣлся какъ бѣсъ передъ заутреней, когда вѣтеръ дулъ въ одномъ направленіи, то невѣжливо обращался къ начальству, къ вѣтру, хвостомъ, когда долженъ былъ «ѣсть глазами» это начальство, то стоялъ, какъ дуракъ, неподвижно, когда за мною, на горѣ, что надъ Царской площадкой, бушевалъ восточный вѣтеръ. Однимъ словомъ, флюгеръ, т. е. вышка для наблюденій поставлена совсѣмъ не на мѣстѣ.

Такъ вотъ и вѣрьте статистическимъ выводамъ изъ возмутительныхъ дѣйствій этого шустраго, но безтолковаго прохвоста-флюгера. Охъ, ужъ, мнѣ эта болтунья, бабушка-статистика!

Кончая этимъ бѣглые наброски о моихъ лѣтнихъ скитаніяхъ, я въ заключеніе съ увѣренностью могу сказать, что кавказскія минеральныя воды ожидаетъ блестящая будущность, а Кисловодскъ рано или поздно превратится изъ «лѣтней станціи» не только и въ «зимнюю», но и въ станцію круглаго года: чудодѣйственный Нарзанъ, цѣлительный горный воздухъ, прогулки по живописнымъ окрестностямъ, экскурсіи—конныя, экипажныя и пѣшія—къ излюбленнымъ мѣстамъ, освященнымъ милою памятью Лермонтова, вдохнувшимъ въ его душу и въ душу Пушкина столько дивныхъ творческихъ мотивовъ,—все это съ каждымъ годомъ будетъ привлекать грядущія поколѣнія къ этимъ мѣстамъ, гдѣ когда-то восторгомъ и умиленіемъ бились сердца великихъ поэтовъ и гдѣ зажглось земнымъ чувствомъ даже сердце «изгнанника рая», изъ крыльевъ котораго, когда онъ «пролеталъ» надъ Кисловодскомъ, выпало одно перо, коимъ будущій, еще не народившійся великій поэтъ и опишетъ всѣ прелести Кисловодска и его окрестностей. Перо это хранится подъ двѣнадцатью замками въ казенной гостиницѣ Кисловодска.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Кисловодскъ—это рай! 1

Амазонки у Нарзана 27

Въ гостяхъ у абрековъ 39

Замокъ страшныхъ видѣній 61

Видѣнія Ивановой ночи 87

Кавказская плѣнница 101

Вздохъ мавра 134

Фарасманъ и Радамистъ 155

Изъ лѣтнихъ скитаній 179

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ ИСТОРИЧЕСКИХЪ РОМАНОВЪ, ПОВѢСТЕЙ
И РАЗСКАЗОВЪ
ДАНИЛЫ ЛУКИЧА МОРДОВЦЕВА

Кн. 29.
В

ЛЖЕДИМИТРІЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ
ИЗЪ СМУТНАГО ВРЕМЕНИ.

Издательство П. П. Сойкина
Типографія
Петроградъ, Стремянная, 12, собств. д.

ЛЖЕДИМИТРІЙ.

Историческій романъ изъ Смутнаго времени.

I. Гришка Отрепьевъ на Дону.

Тихая, теплая весенняя ночь окутываетъ обрывистый берегъ Дона и далекое, ровное Задонье. Словно безсонныя очи, смотрятъ съ темнаго неба группы созвѣздій: Кассіопея, Возница, съ яркоглазою Капеллою, съ трепетно блестящимъ Альдебараномъ и Плеядами, отражаясь въ темномъ зеркалѣ спящаго «тихаго Дона Ивановича». Спитъ и желтопесчаная отмель-коса, недавно вынырнувшая изъ-подъ вешняго разлива водъ и просохшая подъ жаркими лучами неугомоннаго южнаго солнца.

Тихо, беззвучно кругомъ. Лишь иногда, какъ бы сквозь сонъ, жалобно пропищитъ береговой куличокъ, оберегая какъ зѣницу ока свое песчаное гнѣздышко съ пестрыми крохотными яичками, будущими дѣтками своими, куличатками.

— Славенъ городъ Черкаской! Слушай!—раздается гдѣ-то въ этой сонной тиши звонкій голосъ, невѣдомо кому принадлежащій.

— Славенъ городъ Асавулгородъ!—отвѣчаетъ на этотъ голось другой возгласъ гдѣ-то въ сторонѣ.

— Славенъ городъ Раздоры!—вторитъ третій голосъ.

— Славенъ городъ Рай-Айдаргородъ!—едва слышно доносится откуда-то еще одинъ голосъ.

И снова тихо, сонно... Что это за голоса, въ ночной тиши славящіе Черкаскъ, Асавулъ-городъ, Раздоры, Рай-Айдаръ городъ? И кто оспариваетъ славу этихъ городовъ?

Ночь не отвѣчаетъ... А безсонныя очи-звѣзды мерцаютъ по-

прежнему. Попрежнему куличокъ отъ времени до времени пропискиваетъ спросонья свою маленькую жалобу, онъ и во снѣ, бѣдненькій, видитъ своихъ вороговъ лютыхъ, воронъ да коршуновъ, что ищутъ похитить и расклевать его сокровище, крохотныя яичушки.

Медленно двигаются безсонныя очи-звѣзды по темному небу. Медленно идетъ ночь задумчивая. Медленно катится сонный «тихій Донъ Ивановичъ»...

— Ночь-то какая благодатная, Господи Боже! Очи твои всевидящія, сый Вседержителю, съ умиленіемъ и любовію взираютъ на сіе дѣло рукъ твоихъ, Боже всесильный... Да, давно я такихъ ночей не видывалъ, когда, внимая дыханію Бога въ семъ тихомъ плескапіи воды, въ семъ благомъ вѣяніи духа божія падъ землею, плакать хочется слезою молитвенною.

— Такъ-такъ, чоловиче Божій: се така ничъ, що заразъ дивчина чернобрива згадуеться, якъ ото вона выходить до тебе у вишневый садочокъ, ниженьки свои тоби у шапку ховае, а само, мале, до тебе, козака, тулиться, пригортаеться, мовъ та хмелиночка до явора... такъ-такъ... А хиба у васъ у Москви не таки ночи?

— Нѣтъ, не такія... Холодно тамъ у насъ, хмуро, зябели почныя, нерадостно.

— Такъ-такъ... У Москви, кажуть, и солнце холодне, и небо попуре... А довго-жъ таки, чоловиче божій, ты бувъ у того патріарха, у Іова?

— Долго таки. Возлюбилъ я книжное дѣло паче всего міра, прилѣпилось къ нему сердце мое, аки къ служенію самому Господу. А меня за сіе книгочіе веліе въ чернокнижіи оговорили.

— Ахъ вони гаспидови дити!

Темными пятнами вырисовываются въ темени почи двѣ конныя фигуры. Это они разговариваютъ. Слышится мѣрное тукапье копытъ о сухую землю.

— Ото дурный москаль! Самъ бачъ собѣ наремъ татарина обравъ... Отъ дурный.

— А то дурно отъ дьявола, божіимъ попущеніемъ.

— Та воно не безъ того... Заливъ вамъ чертяка сала за шкуру...

— Богъ милостивъ, раздѣлаемся съ Борисомъ, лишь бы донскіе казаки нашу сторону взяли.

— Возьмуть! Подончики возьмуть... Вони хочъ за чорта такъ встануть, абы москаливъ пошарпати.

— Дай Богъ...

Въ ночномъ воздухѣ опять пропесся окрикъ:

— Славенъ городъ Черкаской! Слушай!

— Славенъ городъ Асавулгородъ!

Всадники остановились какъ вкопанные. Одинъ изъ нихъ перекрестился. Оклики продолжались.

— Та се жъ вони, подончики... тутъ у ихъ, мабуть становище,—шопотомъ замѣчаетъ одинъ всадникъ.

— А какъ они по насъ стрѣлять учнутъ?

— Ни, мы свиту дождемось, та тоди й у становище заявимось. А теперь коней сховаемо тутъ, та сами тихесенько, крадькома, по-пидъ кручею долиземо до становища, то може й пизнаемо, якого се отамана станъ, чи Корелы, чи Нижака, чи може Заруцького... Щось у Корелы съ Заруцькимъ замутилось, то коли-бъ насъ якій бисъ кіями не нагодувавъ.

И они своротили коней въ боярышникъ, колючіе кусты котораго мѣстами устилали холмистое побережье Дона. Немного погодя, они вышли изъ кустовъ и, прикрываемые береговою кручею, стали прокрадываться къ тому мѣсту, откуда доносились оклики часовыхъ.

Снова мертвая тишина. Слышенъ только шопотъ Дона, это вода задѣваетъ прибрежные камни и словно шепчется съ ними. Шопотъ этотъ думы наводитъ и страхъ, это темная, нѣмая вода говоритъ, это ея непонятный лепетъ...

А темныя тѣни невѣдомыхъ путниковъ все двигаются вдоль кручи. Иногда звякнетъ оружіе и замираетъ тутъ же...

Ги-ги-ги-ги! Го-го-го-го! — слышится чей-то крикъ изъ-за Дона, изъ лѣсу.

— Эчъ бисова сова гогоче...

Въ это мгновенье что-то зашуршало впереди, словно шаги чуялись. Путники припали къ кручѣ, ждутъ... Восточная окраина неба начинаетъ свѣтлѣть...

Впереди, у берега, очерчивается фигура женщины, опирающейся на клюку. Она что-то шепчетъ. По всему очертанію фигуры видно, что это старуха.

Она приближается къ самой рѣкѣ, зачерпываетъ въ ладони воды, дуетъ на нее крестообразно и выплескиваетъ въ Донъ. Зачерпываетъ во второй разъ и дѣлаетъ тоже. Въ третій разъ— опять тоже.

— Ухъ-ухъ! Водяной духъ-духъ! Я те спеленала, крестомъ знаменала,—глухо шамкаетъ старуха.

Потомъ, обращаясь на всѣ четыре стороны и какъ бы маня кого-то, она продолжаетъ:

— Бѣсы полуденны, бѣсы полуночны, бѣсы утренни, послушайте слова божія.

Она снимаетъ что-то съ шеи, и, нагнувшись къ водѣ, водитъ по ней тѣмъ, что сняла съ шеи. Путники невольно крестятся

Наконецъ, старуха поднимается и, вытянувъ впередъ руки, тихо, внятно причитаетъ:

— Донъ ты батюшка! Тихій Донъ Ивановичъ! Что течешь ты съ заката солнышка ко полудню, ко полуднему граду Ерусалиму, что бѣгутъ твои воды со горъ горніихъ, со холмовъ холменныхъ, со тѣхъ-ли суходоліевъ, круты бережечки омываючи, древесные и травесные коренья ломаючи... Ухъ-ухъ, водяной духъ-духъ!.. Омой ты, батюшка, омой ты, Донъ Ивановичъ, донское войско хороброе, оторви ты отъ рабовъ божіихъ, казачушекъ, отъ всего войска хоробраго, оторви всяки болѣстихворости отъ головушекъ буйныихъ, отъ очушекъ ясныхъ, отъ плечей могутныхъ, ото всей кровушки казацкіе. Во тебя ли, Донъ Ивановичъ, я, раба божія, святой крестъ мокала, молитвы читала, бѣсовъ изгоняла... Чуръ-чуръ-чуръ, вы, бѣсы-дьяволы лукавые, земляные и водяные, вѣтровые и вихровые, подуманные и погаданные, наслапные и наспанные, съ водою выпитые, съ ѣдою съѣденные! Идите вы, бѣсы, съ тихово Дону, идите въ поле невѣдомо, гдѣ птицы не поютъ и звѣри не воютъ, гдѣ кони не ржутъ, собаки не лаютъ, гдѣ кошка не мяучитъ, пѣтухъ не поетъ, и голосу человѣческаго слыхомъ не слыхано...

Востокъ все болѣе и болѣе брежжется. Предметы становятся явственнѣе. Предразсвѣтный вѣтерокъ шевелитъ сѣдыми космами волосъ, выбившимися изъ-подъ колпака старухи, который ввидѣ чулка свѣсился на сторону.

— Дитятко мое... сыночекъ мой рожоный... не наглядѣлися на тебя глазынки мои старые, не насытилася тобою душа моя материня, дитятко мое, атаманушка... А давно ли, кажись, я

тебя на рученькахъ носила, въ зыбочкѣ качала, пѣсни казацкія надъ тобой пѣвала?.. Опять уходишь ты отъ меня, ведешь свое войско хороброе... О-о-хо-хо! Горюшко мое горючее, житье мое плакучее...

— Се мати Заруцького,—шепчетъ одинъ изъ путниковъ.

— Такъ надо полагать, самъ Заруцкій въ станѣ,—шепчетъ другой.

— Та вже мабуть самъ.

Старуха скрывается за пригоркомъ.

— Отъ баба такъ баба! Усихъ чортивъ перелякала... У матушку й сынокъ вдався.

— А что, молодецъ?

— А то жъ! Такій головосика, що чортови й хвистъ одруба. А изъ себе мовъ дивчина гарный.

— А Корела?

— Овва! Се таке маленьке, пыкате та кирпате, та усе поддряпане й порубане, а якъ на коневи, то й чортови тертого хрищу пиднесе.

— А намъ не лучше ли до коней воротиться?

— Та й вернемось... не забаромъ и весь станъ прокинеться.

И они тихо поползли къ своимъ конямъ. Утро наступало быстро. Стрижи уже вылетали изъ своихъ маленькихъ норъ, чернѣющихъ въ кручѣ, словно пули изъ дулъ, и съ пискомъ спѣшили на работу, ловить мухъ, мошекъ и всякую иную мелюзгу, для которой и крохотный стрижъ представляется страшнымъ чудовищемъ. Вылетало и выползало на работу все живое, летучее, ползучее, красивое и некрасивое... Заговорили кусты, трава, небо, Донъ...

Очерчивалась задонская даль, ровная, мѣстами всхолмленная, окаймленная песчаными буграми. Темная поверхность Дона синѣла все больше и больше. Влѣво выдвигались мѣловыя горы, вскрапленныя темными пятнами, и вершины ихъ уже золотились словно маковки церквей.

Не заставилъ себя ждать и великій художникъ-чародѣй, солнышко: золотая кисть его скользила по вершинамъ горъ, по верхушкамъ деревьевъ, по распущеннымъ крыльямъ мартына бѣлобрюхаго, тоже вылетѣвшаго на работу, и все оживало и преобразовывалось подъ этой магической кистью...

И откуда взялись эти краски, тѣни, красивые изломы линій,

живописныя очертанія? Кто разомъ просыпалъ на землю, на лѣса, на воды эти милліоны звуковъ, эту нестройную, но глубоко чарующую разноголосицу жизни, счастья, страданій?

— Тю-тю, москалю? Отъ удравъ! Ха-ха-ха!

— Ты что смѣешься?

— Та якъ-же-жъ не сміяться? Отъ москаль! Мовъ квочка на яйцяхъ, такъ винъ на коневи сидить.

— Ничего, я не ратный человѣкъ.

— Не ратный! Отъ дурна Москва! Та козаки жъ сміятимуться съ тебе...

— Ничего, сойдетъ.

— Овва! Яки тамъ пичаво? Отъ лубьяный языкъ, пичаво та пичаво! Не диво, що у васъ и царь татарюга.

Это были ночные путники. Первый изъ нихъ красиво, молодцовато сидѣлъ на ворономъ конѣ, поглядывая черезъ плечо на товарища. Высокая мѣховая шапка заломилась на бокъ. Красная верхушка ея горѣла точно макъ. Изъ-подъ шапки, словно грива, свѣшивался чорный чубъ, перекинутый за ухо. Смоляные усы висѣли книзу. Изъ-за цвѣтной, расшитой яркими шнурами накидки торчали громадные пистолеты, длинные ножи. Широкія плечи перекрещивались ремнями, на которыхъ болтался цѣлый арсеналъ всякаго оружія. Длинное ратище у самаго копья перевито красною лентою «изъ дивочои косы—на незабудь». Голубые, широкіе китайчатые шаровары попачканы дегтемъ и прожжены порохомъ... А лицо доброе, открытое, съ веселыми сѣрыми глазами и тонкими какъ шнурокъ бровями... Улыбка дѣтская...

— И таки у васъ вси москали погани та мишкуваті?— добродушно допрашиваетъ онъ товарища.

А товарищъ, дѣйствительно, не особенно ловокъ. Несмотря на богатое польское одѣяніе, онъ смотритъ какимъ-то причетникомъ на конѣ. Длинныя руки и длинныя ноги какъ-то не прилажены. Посадка неуклюжая, вся фигура какая-то сгорбленная. Но лицо умное, задумчивое, сосредоточенное. Черные глаза не скользятъ, не смѣются, какъ глаза перваго всадника, а смотрятъ глубоко. Лицо моложавое, но не въ мѣру серьезное.

— И царевичъ у васъ такій же? Не вміе издить верхи?

— Нѣтъ, царевичъ на конѣ, аки орелъ,—отвѣчаетъ допрашиваемый.

— Ну, якій тамъ орелъ.

Казацкій станъ уже близко. Ржаніе лошадей невообразимое. Слышенъ брязгъ и лязгъ оружія, возгласы, перебранка, смѣхъ. Возы съ поднятыми кверху оглоблями сбиты въ кучу. Тамъ и сямъ торчатъ казацкія пики, воткнутыя въ землю. У однѣхъ древки красныя, у другихъ синія. Однѣ лошади бѣгутъ къ Дону, на водопой, другія скачутъ въ гору. То тамъ, то здѣсь взовьется въ воздухѣ арканъ. Захлестнутый арканомъ дикій конь вскидывается на дыбы и снова падаетъ. Крохотные казачата, босикомъ, безъ шапокъ бѣшено кружатся на неосѣдланныхъ коняхъ. Иной мчится, стоя на спинѣ лошади и дико гикая. Другой скачетъ лежа, головой къ хвосту коня...

— Отъ бисова дитвора, яка-жъ-то прудка!—одобрительно восклицаетъ запорожецъ, одинъ изъ ночныхъ путниковъ.—И не чортовы жъ дити! Отъ дити!

А тамъ сѣдой, какъ лунь, старикъ, на такомъ же сивомъ, какъ самъ, конѣ, бѣшено мчится за черномазымъ, крохотнымъ казаченкомъ, который, гикая и звонко смѣясь, далеко обогналъ старика.

Запорожецъ даже объ полы руками ударился.

— Отъ чортиня! Се бачъ воно свого дидо перегнало, а мабуть, тилько вчора одъ материнои цицьки видняли.

— Не дѣда а прадѣда, поди,—замѣчаетъ неуклюжій товарищъ.

Кое-гдѣ виднѣются женщины съ дѣтьми на рукахъ. Другія крошки цѣпляются за подолы матерей. Это казачки съ своимъ приплодомъ, будущими головорѣзами, пришли провѣдать кто мужа, кто брата, кто батю, кто дѣда. Мѣстами вьется дымокъ, казачки кашу варятъ своимъ соколикамъ ненаглядным.

Чѣмъ ближе, тѣмъ гвалтъ неизобразимѣе. Въ самой гущинѣ снующаго и гудущаго на всѣ лады и на всѣ голоса человѣческіе и нечеловѣческіе табора казацкаго, на высокихъ древкахъ, вѣютъ значки и знамена, то чорный осьмиконечный крестъ на красномъ полотнѣ съ кистями, то бѣлый крестище на черномъ полѣ, то конскіе хвосты, словно змѣи, извиваются надъ всѣмъ этимъ и отдаютъ чѣмъ-то дикимъ, угрожающимъ.

Ночные путники замѣчены. Въ таборѣ какъ бы все притихаетъ. На пикѣ поднимается шапка и снова спускается. Въ свою очередь одинъ изъ ночныхъ путниковъ, одѣтый по запорожски,

выкидываетъ, на концѣ своего длиннаго ратища, бѣлый пукъ ковыль-травы.

Изъ табора выскакиваютъ два верховыхъ казака и несутся къ путникамъ. Одинъ изъ нихъ, старшій, съ посѣдѣлою бородою, осаживаетъ коня на всемъ скаку, бросаетъ въ воздухъ яйцо и стрѣляетъ въ него изъ пистолета. Яйцо разлетается въ дребезги.

— Пугу! Пугу!—глухо стопетъ онъ филиномъ.

— Казакъ съ лугу!—громко отвѣчаетъ запорожецъ.

— Съ чѣмъ?

— Съ листомъ одъ коша. Пугу-пугу!

— Добрѣ. Скатертью дорога къ нашему кругу.

Путники и казаки сблизились. Младшій, длинноусый казакъ съ русою курчавою бородой и курчавою головой съ удивленіемъ смотритъ на путника въ польскомъ одѣяніи. У того тоже на лицѣ изумленіе и радость.

— Юша! Ты ли это?—говоритъ первый взволнованнымъ голосомъ.

— Я, Трепя.

— Какими путями къ намъ на тихій Донъ попалъ?

— Божьимъ изволеніемъ.

— А твоя ряса мнишеская?

— У Господа въ закладѣ.

— Кто жъ ты нынѣ? Польскій панъ?

— Милостію всемогущаго Бога посолъ государя царевича и великаго князя Димитрія Іоанновича всея Русіи.

Трепя даже на сѣдлѣ покачнулся.

— Такъ живъ царевичъ?

— Живъ и здравствуетъ.

— Гдѣ же онъ?

— Въ благополучномъ мѣстѣ.

— Господи! Слухомъ не слыхано, видомъ не видано... Какъ же тобя зовутъ нынѣ, по изочеству величаютъ?

— Былъ я Юшка, Юрій, Богдановъ сынъ, Отрепьевъ, когда съ тобой въ бабки игрывалъ и четью-пѣтью церковному учился... Послѣ сталъ черноризцемъ-мнихомъ, изъ Юшки-Георгія возродился во ангельскій чинъ, въ старца Гришку Отрепьева, а нынѣ паки Юшкою сталъ, посломъ государя царевича къ славному войску донскому.

— Ахъ, Юша, Юша! А мнѣ все думалось, что ты тамъ въ

своемъ Чудовѣ, въ келейкѣ своей, все сидишь надъ Меѳодіемъ Патарійскимъ да надъ Даніиломъ Заточникомъ, сидишь, аки пчела любодѣльна...

Голосъ его дрожалъ слезами. Задумчивые глаза Отрепьева тоже искрились влагою и теплотою.

Старые друзья обнялись.

— Вотъ други-пріятели сыскались,—замѣтилъ старый казакъ

— Гай-гай! Москали якъ раки въ торбѣ, заразъ перешепчутся,—подмигнулъ запорожецъ.

— Съ Богомъ! На майданъ, во казацкій кругъ,—громко сказалъ старшій казакъ.

— Эчъ, цилуються мовъ дивчата, ото вже чудна московская вира...

Скоро всѣ четверо скрылись въ таборной толпѣ.

II. Явленіе Димитрія.

Что за жизнь-раздольице на тихомъ Дону! Что за волюшка-слободушка въ казацкихъ юртахъ, на станичныхъ лугахъ, на донецкихъ степяхъ! Разливался, расплескался Донъ Ивановичъ со полуночной страны, къ полуденной, заливалъ онъ, затоплялъ онъ, Донъ Ивановичъ, круты красны берега и зеленые луга, поразмылъ онъ, поразметывалъ рудожелтые пески. День и ночь идетъ Донъ Ивановичъ, не умается, со станицами видается, со станицами прощается: что привѣтъ тебѣ станица Казанская, что поклонъ тебѣ, станица Хоперская, отъ Хоперской поклонъ Усть-Медвѣдицкой, отъ Медвѣдицкой привѣтъ станицѣ Качалинской, отъ Качалинской Трехъ-Островинской, а отъ той идетъ до Распопинской и поклонъ несетъ Нижнечировской съ Курмояровской, съ Пяти-Избинской, а земной поклонъ всего войска донскаго славному городу Черкаскому!

Не бѣдно живетъ тихій Донъ Ивановичъ. Вдоволь у него и лѣсу дремучаго, и звѣря прыскучаго, и птицы летучія, и рыбы пловучія. Вдоволь у его и травушки-муравушки добрымъ конямъ на потравушку.

Оттого и идутъ на Донъ, какъ пчелы на цвѣтущую липу, и холопъ кабальный, и бояринъ опальный, купецъ протогровавшійся и подъячій проворовавшійся, и попъ царскій, и сынъ

боярскій, всѣхъ принимаетъ тихій Донъ Ивановичъ, всѣхъ принимаетъ, никого не обижаетъ.

Станицы растутъ, какъ цвѣты цвѣтутъ, и тихій Донъ все шумнѣе и шумнѣе становится. Расползается вольная земля все вширь и вдаль; повыростали казацкіе курени по Хопру и по Медвѣдицѣ, по Базулуку, Иловлѣ, по Донцу, по Чирамъ и по Айдаръ-рѣкѣ. На Волгу перекинулась казацкая вольница, а оттуда и въ Сибирь прошла, Сибирь взяла.

— Пріобыкъ и я, Юша, къ вольной волюшкѣ. Здѣсь не то, что въ каменной Москвѣ, рогатины да заставины: здѣсь казацкая душа словно жемчугъ бурмицкой по серебряному блюду перекатывается. А все сердечушко щемитъ по каменной Москвѣ, по родной сторонѣ.

— Что жъ, Треня, теперь мы и побывать можемъ въ матушкѣ Москвѣ.

— Нѣту, Юша, туда мнѣ путь-дороженька заказана, что печатью мертвой припечатана.

— По что? Коли царство россійское добудемъ, такъ и всѣ печати распечатаемъ.

Треня махнулъ рукой. Курчавая голова его повернулась къ сѣверу.

А изъ-за сосѣднято боярышника неслось разудалое пѣніе:

Полюбилъ Дуню поповичъ молодой,
Сулилъ Дунюшкѣ червенецъ золотой:
Червенчику Дунѣ хочется,
А любить кутьи не хочется.
Полюбилъ Дуню гостиный сынъ купецъ,
Посулилъ Дунѣ китаечки конецъ:
Китаечки Дунѣ хочется,
А любить купца не хочется.
Полюбилъ Дуню подпичикъ молодой,
Посулилъ Дунѣ мякины ровой:
Мякинушки ей не хочется,
А любить донца, ухъ, хочется...

— Эхъ, Юша, неладно московское царство скроено, да крѣпко сшито; по живому разорвется, а не распорется. Али мало его порола грозный батюшка царь Иванъ Васильевичъ? Али не сплеча кроили его опричники сыроядцы? А все порядки тѣ же остались. Эти порядки, словно рогатина, поперекъ мнѣ въ горлѣ стали.

— Это, братъ, не надолго: рогатину эту вынуть скоро.

— Кто это у щуки-то зубы выпетъ смѣльчакъ такой.

— Да, тотъ, что послалъ меня.

Треня покачалъ головой. Русыя кудри такъ и заходили ходенемъ.

— Какъ бы во рту у щуки и рука его не осталась, Юша!

— Чья?

— Да того, что въ Краковѣ проявился.

— Нѣтъ, Треня, не таковъ онъ человѣкъ.

— Да ты самъ-отъ раскусилъ его добрѣ?

— Не такой онъ человѣкъ, чтобъ его раскусывать; а вижу я, что самъ-отъ онъ раскуситъ аки гнилой орѣхъ московское царство, попомни меня.

— Какимъ же побытомъ ты на слѣдъ-то его попалъ?

— А вотъ какимъ. Когда ушелъ это я изъ Москвы и сошелъ въ Кіевъ, нашелъ я тамъ не мало московскихъ людей: одни сбѣжали еще за время опричины, другихъ выгнала изъ родной земли годуновщина. Толкался межъ ними и невѣдомой инокъ молодой, именемъ Димитрій. У него на щекѣ бородавка, и оттого всѣ такъ его звали—чернецъ Димитрій съ бородавкой. Держался онъ какъ-то ото всѣхъ поодаль: хорониться не хоронился, а все межъ нимъ и другими словно какая пелена висѣла, и за пеленой той аки-бы еще нѣчто невѣдомое таилося. И на лицѣ его, и на очахъ его пелена сія видѣлась, словно бы въ немъ двѣ души было, и два человѣка въ его тѣлѣ обрѣталося: гляпешь въ очи ему, и видишь, что изъ оныхъ, аки изъ кладезя глубокаго, другой человѣкъ смотритъ, не тотъ, что съ тобою разговариваетъ.

Отрепьевъ остановился и задумался. Курчавая голова Треня тоже задумчиво оперлась на руку...

Меня матушка плясамши родила,
Меня кстили во царевомъ кабакѣ,
А купали во зеленымъ винѣ,
Отецъ крестный—цѣловальникъ молодой,
А мать крестна—винокурова жена,
А попъ-батька—со гудочнаго двора...

Пѣсня переходила въ хоръ, но одинъ женскій голосъ покрывалъ всѣ.

— Ай да Дуня!— донесилось восклицаніе изъ-за кустовъ боярышника.

— Ты смотрѣлъ когда-нибудь въ открытыя мертвыя очи?— продолжалъ Отрепьевъ, какъ бы не слыша пѣнія.

— Какъ?—спросилъ курчавый Треня, не поднимая головы и во что-то вслушиваясь.

— Когда у мертвеца еще не закрыты очи, и онъ смотритъ ими, а заглянешь въ нихъ и видишь бездну какую-то и что въ этой безднѣ, не угадаешь, не прочтешь; а есть что-то... Видалъ?

— Видывалъ.

— Такъ и у него, у этого невѣдомаго Димитрія: есть что-то тамъ въ глубинѣ кладезя очей... И чудомъ нѣкіимъ прозрѣлъ я въ кладезь тотъ, прозрѣлъ не окомъ, но слухомъ моимъ. Единожды молился я во святыхъ пещерахъ кіевскихъ. Тихо было въ пещерахъ и суморочно. Чудилось мнѣ, дыханіе нѣкое ходитъ по аеру, тихое вѣяніе крилъ нѣкіихъ надо мною, и волосы мои аки живы, встаютъ у корней своихъ, и трепетъ нападе на мя. Тѣни ли то угодниковъ божіихъ посѣщаютъ жилище свое земное, крилы ли ангеловъ невидимо сметаютъ, аки сметіе, прахъ столѣтій съ нетлѣнныхъ мощей угодниковъ тѣхъ, не вѣдаю; но ужасъ вѣчности объятъ мя, и я лежалъ поверженный предъ единою ракою священною. И абіе слышу аки въ сонніи тонцѣ гласъ отъ раки преподобнаго Ѳеодосія: Боже всесильный! Молитвами святыхъ угодниковъ, здѣ лежащихъ, молитвами великомученика Димитрія Солунскаго, молитвами ангелъ и архангелъ и всего невидимаго чина небеснаго, возврати мнѣ, Боже, царство мое, царство отцовъ и дѣдовъ моихъ, великое царство Московское, Борисомъ у меня, аки татемъ нощнымъ, похищенное. Возврати мнѣ Господи, скифетро мое, и престолъ мой, и державу мою, и вѣнецъ отцовъ моихъ, и прославлю имя твое святое изъ конца въ конецъ вселенныя, отъ истока водъ до моря и отъ вершинъ горъ высокихъ до пропастей земныхъ, до послѣднихъ морей и океановъ великихъ. Господи! Клянусь тебѣ клятвою великою: я поведу народъ мой путемъ, Сыномъ твоимъ указуемымъ; я отру слезы вдовицы; срачицею моею я прикрою нагое тѣло нищихъ земли моея; отъ стола моего царскаго я напитаю ихъ алчныхъ и неимущихъ; послѣдній укрухъ хлѣба я раздѣлю съ царствомъ моимъ; я положу сердце мое въ руцѣ народа моего добраго; думу мою царскую я солью съ думою народною; изгоню я гнѣвъ и казнь и кровь изъ царства моего; я про-

свѣщу народъ мой свѣтомъ истины. Всемогущій Боже! И се другая клятва моя великая передъ тобою: уврачевавъ раны царства моего, я поведу его, всю страну мою, весь народъ мой возлюбленный, стара и млада, богата и убога, князя и боярина, до послѣдняго смерда и рольника поведу на враговъ твоихъ, на агарянъ невѣрныхъ, и изгоню ихъ и изъ земли твоей въ землю агарянскую, изгоню ихъ и изъ Царяграда и изъ святого Іерусалима. Я возвращу петлѣнный гробъ Сына Твоего, Господа нашего Іисуса Христа, возвращу гробъ сей неоцѣненный цѣною человѣческою, возвращу его церкви твоей святой, православной греческой. Господи! Владыко! Преклони ухо твое къ молепію моему, Боже, Боже!

А за боярышникомъ тянется новая хоровая:

Не спасибо тѣ, игумену тебѣ,
Не спасибо тѣ, безсовѣстному,
Молодешеньку въ монашенки постригъ,
Зеленешеньку посхимилъ меня...

— Ужасомъ повѣяло на меня отъ словъ сихъ,—продолжалъ Отрепьевъ, какъ бы силясь отогнать отъ своего слуха пазойливо пѣніе хоровода.—А голосъ былъ знакомый.

— Чей же это голосъ былъ?

— Его, инока Димитрія съ бородавкой.

— Кто жъ его голосомъ говорилъ-то въ пещерахъ? Кто молился?

— Онъ же, Димитрій съ бородавкой.

— И ты видѣлъ его тамъ?

— Видѣлъ, послѣ.

— А онъ тебя?

— И онъ потомъ замѣтилъ меня и зѣло смущенъ былъ.

— «Ты слышалъ молитву мою?»—говоритъ.—«Слышалъ», говорю.—«Никому же, говоритъ, не повѣждь тайну сію, доидеже Господь не возставитъ меня на царствѣ моемъ».

— Когда же онъ объявился царевичемъ?

— На третій годъ послѣ сего.

— А кому объявился?

— Польскому князю Вишневецкому-Адаму. И объявился случаемъ. Въ Кіевѣ проживалъ онъ у князя Отрожскаго, у воеводы, на княжомъ дворѣ, гдѣ московскихъ людей, а наипаче

иноковъ, принимали съ охотою; но Острожскому онъ не объявился. Изъ Кіева онъ перешелъ въ Гощу, къ панамъ Гойскимъ, и тамо въ ученіе вдалъ себя, и побѣди всѣ книжныя мудрости даже до риторики и философіи.

— Да откуда жъ онъ взялся, когда онъ былъ маленькимъ зарѣзанъ въ Угличѣ?

— Зарѣзанъ не онъ былъ, его подмѣнили на погибель Годунова.

— Какъ же, Юша, такъ, коли Годуновъ тогда еще не царствовалъ?

— Не царствовалъ, такъ дорогу торилъ ко престолу, а на дорогѣ-то царевичъ стоялъ. Ну, на него ножъ и точили.

— Да какъ же подмѣнить-то человѣка, Юша? Это вить не иголка. И игла иглѣ розь. А онъ былъ уже отрокомъ.

— Подмѣнила сама мать царица, да ближніе. Оттого, когда въ Угличѣ случилось то, что якобы царевича зарѣзали, такъ царица-мать, замѣсть того, чтобы убиваться по младенцѣ, накинулась съ полѣномъ на мамку Василису Волохову, дабы убить ее. Мамка-то ближе всѣхъ видала настоящаго царевича и могла показать, что не его зарѣзали. И послѣ, когда уже зарѣзанный отрокъ лежалъ въ церкви, и когда въ церковь привели сына мамки, Осипа Волохова съ Битяговскими, царица закричала: «вотъ убійца царевичевъ!» И его убили. Кто всѣхъ ближе зналъ царевича въ лицо, тѣхъ всѣхъ побили, и некому уже было сказать, подлинной ли царевичъ лежитъ въ церкви.

— Дивно, дивно дѣло сіе!—замѣтилъ Трепя, — точно въ сказкѣ.

— Да, сказка сія ужаса исполнена,—сказалъ Отрепьевъ.

— Ну, такъ какъ же объявился онъ Вишневецкому-то?

— Случаемъ, говорю. Отъ пановъ Гойскихъ перешелъ онъ въ Брагинъ, на службу къ князю Вишневецкому. А я его не покидалъ изъ виду: онъ въ Гощу, и я въ Гощу; онъ въ Брагинъ, и я въ Брагинъ, и все эта пелена таинственная надъ нимъ висѣла, и все изъ глубины очей его глядѣлъ другой человѣкъ, и никто имени того человѣка не вѣдалъ. И приключися ему тамо болѣзнь тяжкая. И призвалъ онъ къ себѣ отца духовнаго для напутствія въ загробную жизнь. И по исповѣди говоритъ оному священнику: «аще Господь пошлетъ мнѣ смерть нынѣ, завѣщаю тебѣ, отче, похоронить меня съ честію, како дѣтей царскихъ

погребаютъ». И вопроси его іерей: «что есть сіе?»—«Не открою ти тайны, отвѣща, дондеже живъ: тако Богу угодно. Егда же умру, возьми писаніе подъ изголовьемъ у меня, и тогда познаешь, кто я». Ужасеся священникъ и повѣда о томъ князю. Князь же вземъ писаніе, прочиталъ въ ономъ, что лежащій предъ нимъ невѣдомый человѣкъ есть сынъ царя московскаго, Ивана Васильевича, Димитрій.

— Те-те-те! Онде вони, бисови москали, шепчутся!—раздался вдругъ голосъ запорожца.

Передъ ними стоялъ знакомый уже намъ казакъ, заломивъ шапку и фертомъ упершись въ боки.

— Якого вы тутъ гаспида шушукаете?

— О царевичѣ Димитріѣ я ему повѣствую,—отвѣчалъ Отрепьевъ.

— Я такъ и знавъ. Отъ народець! Що москали, що ляхи, одна пара чобитъ, да й те стоптаныхъ. Якъ двое зійдуться докупы, такъ заразъ про свое: одни про свою вольность, якъ имъ вольна хлопа бити, а москали—заразъ про царивъ: коли нема въ ихъ царя, то хочь выдумаютъ соби або намалюютъ. Отъ овеча порода! Теперь піймали десь якогось волоцюгу, та й носяться зъ нимъ якъ дурень съ писапою торбою.

Треня засмѣялся.

— Не смѣйся, Тренюшка,—серьезно сказалъ Отрепьевъ,—онъ только шутитъ. Малороссійскіе люди всѣ великіе скомрахи.

— Хто мы, кажешь?—спросилъ запорожецъ.

— Скомрахи, веселый народъ сирѣчь.

— Тимъ мы й весели, що нема надъ нами стели,—гордо отвѣчалъ казакъ.

— Такъ вотъ я говорю,—продолжалъ Отрепьевъ, указывая на запорожца,—онъ только шутитъ; а все запорожское низовое войско ужъ обѣщало стать подъ стягъ царевича Димитрія, и его вотъ прислало со мной и къ войску донскому просить и донцовъ стать заедино.

— Що-жъ! И станемо: и намъ, и подончикамъ все одно: кого ни бить, абы бить, та чужи капшуки трусить, хочъ то московськи, хоть то турецьки, хочъ той лядьски.

А за боярышникомъ кто-то притопывалъ, выгаркивалъ, выговаривалъ:

На Иванушкѣ чапанъ,
Чортъ мочалами тачалъ...

Вечерѣло. Лѣтняя ночь начинала спускаться и надъ Дономъ, и надъ станицей, около которой казаки расположились таборомъ въ ожиданіи похода. Это была Усть-Медвѣдицкая станица. Раскинувшись небольшими куренями по полугорью, она спускалась къ песчаной отмели, на которой казачата каждый день устраивали ристалища, гоняя коней своихъ отцовъ и дѣдовъ на водопой. Лѣвымъ крыломъ станица всходила на обрывистый, каменистый берегъ, такой высокій, что когда казачата сталкивали съ вершины его камень, то, скатываясь и колотясь о другіе камни, онъ увлекалъ за собою массы плитняку, который съ грохотомъ и прыгалъ въ Донъ словно стадо дикихъ козъ. За Дономъ зеленѣлся лѣсъ. Вправо отъ станицы песчаная отмель съуживалась въ узкій рукавъ, называемый Каптюгомъ, по которому весною шумно бурлилъ Донъ, образуя за Каптюгомъ особый, живописный, покрытый серебристыми тополями, островъ.

Эхъ ты, островъ зеленый, островокъ песчаный! Исходили, истоптали тебя казацкія ноженьки, поливали тебя, словно дождичкомъ, дѣвичія слезыньки. Оттого на тебѣ, островокъ песчаный, и травышька муравынька не вырастывала, не всходила, что тебя, островокъ песчаный, горючьми слезами красны дѣвицы кропили. На тебѣ, островокъ зеленый, красны дѣвицы съ казаками соколами совыкались-цѣловались, на тебѣ ли, островокъ зеленый, и навѣки съ ними разставались.

На этомъ Каптюжномъ островѣ, подъ развѣсистымъ тополемъ, сидѣлъ и Треня съ Отрепьевымъ, когда къ нимъ подошелъ запорожецъ.

— Подождемъ, что скажетъ атаманъ Корела. Онъ долженъ скоро подойти съ своимъ войскомъ. А коли и онъ во едину думу съ Заруцкимъ станетъ, такъ тогда и на Москву пойдемъ, Бориса выбивать изъ чужого орлинаго гнѣзда, — говорилъ Треня. — Только все что-то сердечушко вѣры не дастъ.

— Чему?—спросилъ Отрепьевъ.

— Да тому, что моимъ глазынькамъ повидать вновь золотыя маковки, моимъ ноженькамъ ступать по тѣмъ по дороженькамъ, гдѣ мы съ тобой, Юша, малыми ребятками хаживали, бѣды, горюшка не знавывали. Эхъ!

— Та-же-жъ у васъ у Москви, кажуть, погано, холодно,— протестовалъ запорожецъ, который такъ любилъ свое южное солнышко.—Тамъ у васъ, кажуть, и черешня не росте.

— Зато рябинушка кудрявая ростетъ, бѣлая березынька листочками шумитъ, боръ зеленый разговоры говоритъ... Эхъ! Помнишь, Юша, какъ мы за грибами хаживали, бѣлую березыньку заламливали?

— Помню.

— А помнишь, какъ Меѳодія Патарійскаго читывали, какъ онъ о гогахъ и магогахъ повѣствуетъ, что Александръ Македонскій въ горы заклепалъ?

— Какъ не помнить! Еще ты все хотѣлъ Александромъ Македонскимъ быть, дабы Годунова, аки царя персидскаго, въ полонъ взять, да на прекрасной его Ксеніи жениться.

— Эхъ, Ксенюшка, Ксенюшка! Высоко ты, птичка перепелочка, гнѣздо свила! Не залетѣть туда ясну соколу... Вотъ и теперь, какъ вспомню эти косы трубчаты, что трубами по плечамъ лежатъ, эти бровушки союзныя, соболипыя... я вить видалъ ее на переходахъ... какъ вспомню все это, такъ и свѣть Божій не милъ становится.

Онъ тряхнулъ своими русыми кудрями и гордо закинулъ голову.

— Оттого и на Донъ больше ушелъ.

— Се-бъ то одъ дивчины? Отъ соромъ!—вмѣшался запорожецъ.—Та я-бъ іи вкравъ, буть вона хочь царська дочка.

— Да она жъ и есть царская дочь.

— Ну и вкравъ-бы..

— Руки, братъ, коротки

— Овва! У мене руки довги... та отъ якъ будемо у Москви, то я іи, трубокосу, и вкраду-таки... Ось побачете.

— Куда тебѣ, хохолъ эдакой!

— А все жъ таки вкраду.

Отрепьевъ не вмѣшивался въ этотъ споръ. Его другое что-то занимало... «И поведу народъ мой на агаряны, и изгоню ихъ изъ земли твоей въ землю агарянскую, и изъ Царяграда и изъ Іерусалима изгоню ихъ», шепталъ онъ въ задумчивости.

— Ты что, Юша, шепчешь? Али Настеньку Романову вспоминаешь?

Эхъ ты Настенька, Настенька,
Походочка частенька, частенька.

Сильно подѣйствовали эти слова на Отрепьева. Онъ какъ-то растерянно и съ укоромъ посмотрѣлъ на своего кудряваго товарища и провелъ рукою по лбу, какъ бы вспоминая что-то.

— Что, али забылъ Настеньку Романову, грудь высоку, глаза съ поволокой, щочки аленьки, черевички маленьки? Али забылъ ея длинны косыньки плетены, рукава строчены, шейку лебедину, голосъ соловьиный? Забылъ, запамятовалъ, Юша?— приставалъ неугомонный Треня.

Отрепьевъ молчалъ, упорно глядя въ темную даль, все болѣе и болѣе закутываемую дымкою ночи.

— Забылъ Настеньку?

— Се московка така? Хиба жъ у москаливъ гарни дивчата?—подсмѣивался жартливый запорожецъ.

— Почище вашихъ черномазыхъ.

Запорожецъ на это свистнулъ только.

— Ну, такъ что жъ Настенька, походочка частенька? — допытывался Треня.

— Пропала Настенька, всѣ Романовы пропали,—какъ бы нехотя отвѣчалъ Отрепьевъ,—всѣхъ Романовыхъ Годуновъ позасылалъ туда, куда и воронъ костей не запашивалъ. Нѣту ужъ болѣ на Москвѣ лѣповидна мужа Ѳедора Никитича, не видать его шапки горластой, не скрипятъ по Кремлю его сапожки, золоть сафьянъ, не блеститъ на Красной площади его платье золотное... Старцемъ Филаретомъ сталъ Федоръ-отъ Никитичъ, во келейкѣ сидитъ онъ во темной; замѣсть шапки клобукъ иноческій, а золотно платье—черна ряса дерюжная...

— Что ты?

— Истинно говорю. А и семью его, аки волкъ овечекъ, распудилъ Борисъ: Ксенію Ивановну въ Заонежье, на Егорьевъ погость, малыхъ дѣтушекъ—Мишеньку съ сестрицей на Бѣлоозеро. А и богатыря Михайлу Никитича въ Чердынь заточилъ, желѣзами заковалъ. Александра Никитича — къ Бѣлому морюшку самому, Василья Никитича—въ Пелымъ... Нѣту болѣ Романовыхъ, исчезоша аки прахъ, возметаемый вѣтромъ.

— А ихъ Настенька?

— И не спрашивай, не распытывай... Углебоша воды слезы до души моей...

Онъ замолчалъ, подавленный воспоминаніями. Гдѣ-то щелкалъ соловей надъ гнѣздомъ своей возлюбленной, коротая темную лѣтнюю поченьку безъ своей подруженьки, которой теперь ужъ не до любви, не до пѣсенъ, въ гнѣздышкѣ дѣтишки попискиваютъ, такъ надо ихъ вскормить-вспоить, доглядѣть-вырастить, а соловью-мужику до этого и нуждушки мало, только бы пѣньемъ заниматься да молодыхъ соловушекъ подманивать. На Каптюгѣ, межъ водяными порослями, заливались лягушки, празднуя свой лягушачій медовый мѣсяцъ.

— Что-жъ онъ, взбѣсился что ли, Бориска-то?—спросилъ Трепя.

— Да чуетъ волкъ, что по шкуру его скоро придутъ, онъ и лютуетъ... Царевича ищетъ, нюхомъ чуетъ, что не царскую то кровь въ Угличѣ пролили, а царская-то кровушка по бѣлу свѣту бродитъ, спокою волку не даетъ.

— Бѣдная Ксенюшка! Жаль ее, что отъ такого-то батюшки-аспида родилась.

— А яки се Романовы таки? Москали жъ?—любопытствовалъ запорожецъ.

— Родичи старыхъ московскихъ царей... Ну, вотъ тутъ и иди на Бориса, коли у него такая дочушка... Руки не поднимутся,—говорилъ Трепя.

— Тю-тю, дурный! Такъ ты его вбій, а дивчинку озьми собі, коли я ій не озьму,—совѣтовалъ запорожецъ.

Опять всѣ замолчали. Только соловей пощелкивалъ своимъ маленькимъ горлышкомъ, да лягушки радовались, словно бы на долю ихъ выпало великое счастіе... Да оно и правда: счастье невѣдѣнія—великое счастье, хоть и жалко оно для вѣдающихъ...

Тихо. Всѣхъ окутала ночь. Всѣхъ взяла дума раздумчивая... И запорожцу что-то вспомнилось... Маленькія ножки въ казацкой шапкѣ... «Поведу народъ мой на агаряны»..

— Ластушка моя... лебедушка бѣлая... постой

— Охъ, Ванюшка... страшно мнѣ... пусти...

Слышится вблизи гдѣ-то шопотъ: два голоса—мужской и женскій.

— Золотцо мое червоное... жемчужинка моя перекатная... жди меня... дай мнѣ съ Москвы повернуться...

— Охъ, Ваня... Ванюшка... соколикъ...

Треня вздрогнулъ, прислушиваясь къ этому шопоту... Шопотъ смолкъ... Слышны были неясные звуки, словно бы сыпалось просо на просо...

— Это Заруцкій... его голосъ... съ кѣмъ онъ тамъ?..

III. Пророчество стараго Заруцкаго.

На другой день въ Усть-Медвѣдицу пришли вѣсти, что Корела, возвращаясь съ своимъ войскомъ изъ ногайскихъ улусовъ, куда онъ ходилъ для наказанія ногаевъ за нападеніе на Черкаскъ, находится уже въ небольшомъ разстояніи отъ Усть-Медвѣдицы. Слышно было, что Корела идетъ съ большою добычею.

И станица, и таборъ казацкій оживились. На майданѣ, у станичной избы, гдѣ обыкновенно собирается казацкій кругъ, толкались и старые станичники, и походные казаки, и «выростки», и «малолѣтки». Казачки бродили съ грудными дѣтьми на рукахъ и съ цѣлыми стаями другихъ ребятишекъ у подоловъ. На лицахъ ожиданіе и безпокойство: кто-то воротится живъ-здоровъ съ золотой казной, съ добычею? О комъ принесутъ вѣсточку черную, слово мертвое? Дѣвушки убраны, принаряжены: либо милъ сердечный другъ со походнаго сѣделечка глазкомъ накинетъ соколинымъ, либо дѣвичьимъ глазынькамъ по миломъ дружкѣ вѣкъ плакати, что лежитъ милъ сердечный другъ въ землѣ незнаемой, бѣлы рученьки разметаны, русы кудри не расчесаны, ясны глазыньки исклеваны, промежъ ребрушекъ трава мурава растетъ.

Тутъ же бурлитъ и юное поколѣніе будущихъ головорѣзовъ, будущихъ дѣвичьихъ зазнобушекъ. Грѣется на солнышкѣ и ветхая, столѣтняя старость. Концы и начала двухъ столѣтій сошлись на майданѣ посмотрѣть другъ на друга: прошлое столѣтіе едва ползаетъ отъ старости, новое столѣтіе едва ползаетъ отъ младости. Отцы и дѣти—посерединѣ майдана: это дѣятели, это ихъ мѣсто. Дѣды и бабушки съ внучками и правнучками—по краямъ майдана: это дѣятели—или бывшіе, или будущіе.

Ветхій, матерой, столѣтній атаманушка Заруцковъ или попросту дѣдушка Зарука, дѣдъ атаманъ Ивашки Заруцкаго, сидитъ на солнышкѣ, на завалинкѣ станичной избы, и съ любовью смотритъ на молодыхъ казаковъ, шумящихъ на майданѣ, въ томъ числѣ и на своего внучка-атаманушку, на Ивашку За-

руцкова. Всѣ сыновья его полегли въ полѣ, остались только внучки, а любимый внучекъ, молокососъ Иванушка, ужъ и въ атаманье попалъ; изъ молодыхъ да ранній.

Вокругъ дѣдушки Заруки—свой майданъ. Цѣлая орава ребятишекъ окружаетъ дѣдушку и слушаетъ его росказни о старыхъ, допрежнихъ бояхъ, когда они съ Ермакомъ Тимофеевичемъ Сибирушку брали и сибирскаго царя Кучумку громили. Свѣтятся молодостью столѣтнія очи дѣдушки, только голова дрожитъ и рученьки старыя дрожатъ у разсказчика. Да и не диво: эко сколько эта сѣдая голова на своемъ вѣку видовъ видывала отъ Азовушка-града турецкаго до самой Сибирушки! А сколько этой сѣдой головушкой было продумано, прогадано! Не диво, что и стары рученьки дрожатъ; эко сколько этими рученьками помахано, головушекъ вражьихъ покошено, острою пикою сколько реберъ-грудей прободено, ко сырой землѣ тѣлушекъ пригвождено, на тотъ свѣтъ сколько душенекъ отправлено!

— Эхъ, ты, Сибирушка студена, Сибирь матушка! Разнесла ты, Сибирушка казацкую славушку по всей землѣ, во всѣ концы конечные! Разлеглося отъ той казацкой славушки московское царство промежъ четырехъ морей, промежъ Чернаго моря, промежъ Бѣлаго, да еще промежъ Сине-краснаго, разлеглося, разметалося московское государствіе, и нѣту ему удержу-супротивины. Вспучило Москву отъ той славушки казацкой, разнесло московское царствіе отъ Сибирушки, и забыла Москва святу правдушку, надругается она надъ казацкой славушкой, называетъ казаковъ ворами-разбойничками. А мы не воры, не разбойнички, — говоритъ дѣдушка Зарука, сверкая столѣтними очами.

Сверкаютъ и юные глазки его слушателей, огонь въ нихъ дѣдушка забрасываетъ, и искрами брызжетъ огонь этотъ изъ разгорѣвшихся глазъ казачатъ.

— А ты, дѣдушка, разскажи, какъ вы Сибирь брали, сибирскаго царя громили, — звенитъ своимъ металлическимъ голоскомъ шустрый внучекъ Захарушка, младшій братенекъ Ивашки Заруцкова.

— Ахъ ты, востроглазый! Все ему разскажи да разскажи. А который разъ-отъ я тебѣ разсказываю? А, поди сотый?

— Нѣту, дѣдушка родненькій, не въ сотый.

— Дѣдушка! Болѣзненькій, хорошенькій, разскажи,—звенѣли другіе дѣтскіе голоса.

— Ахъ вы, пострѣлята!

— Дѣдушка! Красавецъ!

— Цыцъ, воробьи вы эдакіе! Инъ ужъ такъ и быть, разскажу.

И старикъ снова налаживается на лиризмъ. Бѣлая голова поднимается. Зрачки расширены, глядятъ куда-то вдаль, въ старину, вглубь прошлаго.

— Эхъ, и похожено было, поброжено, Волгой-матушкой поплавано, на Камушкѣ-рѣкѣ погуляно, на Обѣ-рѣкѣ погромлено. Ужъ и громили мы не день, не два, погромили татаровей не двѣ, не три тысячи. Идетъ это станица атаманушки Ермака Тимофеича, идетъ не шарахнется, а Кучюмово-отъ войско, что темный боръ надвигается. Зазвенѣли тетивушки нѣвчія, засвистали стрѣлы каленыя, и бысть бой великій. Гдѣ Ермакъ махнетъ, тамъ и улица, а Кольцо махнетъ, переулочекъ, а Зарука бьетъ, словно пашню жнетъ.

— Это ты, дѣдушка?—не теряется Захарушкѣ.

— Я, соколикъ... Постой, дай припомнить... Сбилъ ты меня, дьяволенокъ...

— Не буду, дѣдушка.

Старикъ опять налаживается на лиризмъ. Казачата замерли на мѣстѣ, глазъ съ него не спускаютъ. А на майданѣ шумные возгласы: «Любо! Любо! Дѣло говоритъ Заруцковъ!» «За царевича Димитрія, атаманы-молодцы, постоимъ! За вѣру!» «Любо! Любо!»

— Ишь Иванушка короводитъ,—улыбается старикъ, — въ меня пошелъ, горяченькій: въ киняткѣ маленькаго купывали, кипятокъ и вышелъ.

— А ты, ну, дѣдушка, разсказывай!

Старикъ задумывается. Беззубый ротъ что-то беззвучно шамкаетъ. Лицо мало-по-малу туманится, и изъ старческой груди вырываются хриплыя плачущія причитанья:

— Эхъ, и высоко звѣзда восходила, выше лѣсу, выше темнова, выше садику зеленова! Эхъ ты, звѣзда наша, казацкая славушка, атаманушка ты нашъ, Ермакъ Тимофеевичъ! Высоко ты, соколъ, залетывалъ, выше курсня Кучюмова, что повыше улуса Алеева... И скатилася наша звѣзда полуночная, скати-

лася наша славушка въ Иртышъ-рѣку глубокую... Не стало у насъ атаманушки, не стало Ермака Тимофеевича, разбрелось наше войско хороброе... Остался одинъ я, сиротинушка...

Старикъ плакалъ тихо-тихо, какъ ребенокъ... Оплакивалась жизнь, оплакивалась молодость, хоронилась пережитая, закатившаяся славушка...

Казачата робко смотрятъ на старика. Иные всхлипываютъ.

— Дѣдушка! Не плачь! Не плачь, родненькій!—молится Захарушка, припадая къ сивой, поникшей головѣ дѣда.

А на майданѣ шумъ, говоръ. Особливо звучитъ здоровый голосъ кудрявого, длинноусаго Трени: «Атаманы-молодцы, помолчите! Гришка Отрепьевъ говоритъ! Григорій Богдановъ сынъ Отрепьевъ отъ московскаго царевича Димитрія рѣчь держитъ! Помолчите, атаманы-молодцы!»—«И буде сподобитъ сто Господь Богъ на прародительскомъ царствѣ сѣсть и скифетро московское воспріять и онъ, царевичъ, васъ, донскихъ казаковъ, не оставитъ, великимъ жалованьемъ пожалуетъ. А буде онъ, царевичъ, то московское скифетро закрѣпитъ за собой и родомъ своимъ сызнова, и дастъ онъ зарокъ великій, со всѣмъ своимъ царствомъ и съ донскими и запорожскими казаками итти на проклятые агаряны, сирѣчь на татарскихъ и ногайскихъ, и нѣмецкихъ, и аглицкихъ, и французскихъ, и турецкихъ людей войною, боемъ великимъ, и изъ Царяграда агарянъ высѣчи и изъ Іерусалима-града высѣчи тако-жъ«, мѣрною рѣчью, нараспѣвъ, нѣсколько надтреснутымъ голосомъ взываетъ Отрепьевъ.

— Любо-ль, атаманы молодцы?—гудитъ молодой баритонъ Ивашки Заруцкаго.

— Любо! Любо!—дрожитъ майданъ.

— Не-любо! Не хотимъ!—отзываются другіе голоса.

— Любо! Любо!—перекрикиваетъ майданъ.

— Почто не-любо?—зычитъ Ивашка Заруцкій.

— Любо! Любо! «Любо! Разнесемъ!» «Долой Бориса!» «За Димитрія постоимъ!» «Любо! Стоимъ!» Голоса стопомъ стонутъ. Майданъ превращается въ одну громадную глотку, разгорается народная буря.

Но въ это время отъ группы дѣтей отдѣляется массивная, хотя согбенная фигура столѣтняго старца Заруки. Опираясь на плечо внучка, онъ входитъ на середину майдана и стучитъ костылемъ о сухую землю.

— Стойте, дѣтушки! Послушайте вы меня, казака стараго, матерого!—заговорилъ онъ, сверкая глазами.

Въ одно мгновеніе майданъ затихаетъ. Всѣ съ изумленіемъ смотрятъ на старика. Онъ стоитъ среди майдана, опираясь дрожащею рукой на курчавую головку Захарушки. Въ этой согбенной фигурѣ, въ этой бѣлой какъ кипень головѣ съ развѣвающимися по вѣтру прядями волосъ, въ этихъ старыхъ, заплаканныхъ глазахъ такъ много величія, что буря мгновенно утихаетъ.

— Послушайте, дѣтушки!—продолжаетъ старикъ дрожащимъ голосомъ.—Повнемлите моему смертному наказу!

Потомъ, протянувъ руку по направленію къ Дону, синяя поверхность котораго виднѣлась за отмелью, старый ермаковецъ начинаетъ медленно причитать словно по писанному:

— Эхъ ты, Донъ-Донина, тихій Допъ Ивановичъ! Повнемли ты моему наказу смертному. Не мало я пожилъ съ тобою, тихой Допушка, не мало и Волгой-рѣкой хаживалъ, и Камой-рѣкой плавывалъ, и въ Сибирушкѣ студеной бывывалъ, не мало пожито, не мало продумано-погадано. Родился ты, Донъ Ивановичъ, въ московской землѣ, и поятъ-кормятъ тебя московскія рѣченьки, и дѣтки твои, донскіе храбрые казаченьки—все тоей же московской земли дѣтушки, инъ и быть тебѣ, тихой Донъ Ивановичъ, со московскою землею заодно!

— Любо! Любо!—гудитъ майданъ.

— Дѣдушка Зарука дѣло говоритъ: заодно съ Москвою!

— Заодно! Заодно!

Старикъ поднялъ клюку, какъ бы требуя снова вниманія. Голоса умолкли.

— Много пожито мною, много думано, дѣтушки!—продолжалъ старикъ, глядя куда-то вдаль, какъ бы заглядывая въ будущее.—И видятъ мои старыя очи то, чего не видятъ ваши молодыя. Жить Москвѣ вѣковѣчно, до скончанія свѣта, а тихому Дону Ивановичу служить своей матушкѣ московской землѣ вѣрой и правдой тако-жъ вѣчно. Таковъ мой наказъ, дѣтушки, и таково мое благословеніе. А будетъ перечить Донъ Москвѣ, инъ не будь надъ нимъ мое благословеніе.

— Аминь! Аминь! Аминь!—громко произнесъ Отрепьевъ.—Пророческое сіе слово, атаманы-молодцы, пророческое: будетъ Донъ заодно, постоитъ съ Москвою, и будетъ чрезъ то Донъ си-

лепъ и славенъ, и какова слава будетъ Москвѣ, такова и Дону и какова честь Дону, такова и Москвѣ.

— Такъ такъ,—подтвердилъ старый Зарука,—таково и мое благословеніе... А теперь прощайте, дѣтушки... Мнѣ съ майдану пора въ могилу...

Дальше онъ не могъ говорить, ему измѣнили силы, ноги, голосъ.

— Ой, батюшки! Дѣдушка падаетъ,—съ испугомъ закричалъ Захарушка, силясь поддержать старика.

Но было уже поздно; дряблое старое тѣло какъ снопъ свалилось на землю, на майданъ, по которому когда-то бодро ступали крѣпкія ноги Заруки.

Старика подняли и повели. Майданъ продолжалъ шумѣть, тысячи глотокъ рычали разомъ:

— Подождемте, братцы, атамана Корелу, да съ нимъ и въ походъ!

Казачата также волновались, общее возбужденіе перешло и на нихъ. Когда дѣдушку Заруку увели въ курень, ребятишки подняли шумъ и визгъ невообразимый.

— Пойдемте въ походъ, атаманы-молодцы!—звонко кричалъ бѣлокурый мальчикъ босикомъ и въ казацкой шапкѣ, гордо изображавшій изъ себя атамана.

— Пойдемте Сибирь брать!—кричали другіе

— Любо! Любо!

— А кого, братцы, въ атаманы хотите?—звенитъ тотъ же бѣлокурый казачонокъ, воображающій себя атаманомъ.

— Лаверку Баловня хотимъ!—раздаются дѣтскія голоса.

— Любо! Лаверку Баловня!

— Не любо! Не хотимъ!—возражаютъ другіе.—Подавайте намъ Захарку Заруцкова!

— Любо! Любо! Захарку Заруцкова волимъ!

Послѣдніе пересилили. Когда Захарушка, проводивъ дѣда, вышелъ изъ куреня вмѣстѣ съ старшимъ братомъ своимъ Иваномъ, толпа ребятишекъ бросилась къ нему и, подавая чекмарь, кричала на разные голоса: «Вотъ тебѣ булава! Вотъ тебѣ атаманская насѣка! Будь нашимъ атаманомъ... Веди насъ въ походъ, Сибирь брать, Орду громить!

Захарушка, радостно, но съ напускною важностью, взялъ поднесенную ему палку, кланялся на всѣ четыре стороны и го-

ворилъ торопливо—Спасибо, атаманы-молодцы, за честь! Я по стою...

— Бери, коли даютъ! Войско даетъ! Любо! Войска слушайся!—волнуются дѣтскіе голоса.

— Ахъ вы, пострѣлята! Мразь эдакая! Клопы, а тоже войскомъ себя называютъ,—смѣется старшій Заруцкій, Иванъ.— Что, на сусликовъ вздумали походомъ итти, стрижиныя гнѣзда разорять?

— Сибирь брать!

— Въ походъ! На-конь, атаманы молодцы, на-конь!

И толпа сорванцовъ, съ гордо поднятыми головами, съ крикомъ, визгомъ и гикомъ, подражая большимъ, оставила майданъ и хлынула изъ станицы на черкаскую дорогу.

Ярко свѣтитъ солнце на оживленныя дѣтскія личики, словно ему самому отрадно смотрѣть на эту молодую беззаботность, на ту беззаботность, которая не имѣетъ за плечами прошлаго, на спину которой не налегла еще тяжесть годовъ, а на памяти, какъ на кладбищѣ, не покоятся еще дорогіе покойники.

Голубая лента Дона, видимая за десятки верстъ, отъ Усть-Хоперской станицы до Усть-Медвѣдицкой, не зарябитъ вѣтромъ, не потухнетъ и не замутится вихрями, какъ и молодая память. Задонская даль такая таинственная, заманчивая, свѣтлая, словно далекія свѣтлыя и заманчивыя загадыванья беззаботной молодости.

Черкаская дорога идетъ по возвышенному сырту, мѣстами всхолмленному и тянувшемуся вдоль нагорнаго берега Дона. Влѣво отъ дороги, проложенной между рощами дикорастущихъ яблонь, грушъ, вишенниковъ, боярышниковъ, шиповниковъ, терновниковъ и всякихъ колючихъ растеній, всхолмленное побережье прорыто глубокими оврагами. И рощи, и прогалины, и холмы, и песчаныя косы Дона полны жизни, которая неумолкаемо сказывается въ птичьемъ говорѣ, пискѣ, трескѣ и тысячеголосомъ щебетаньѣ, въ свистѣ сусликовъ и сурковъ, оберегающихъ свои норки и маленькія трущобинки, въ жужжаньѣ и гудѣньѣ всего летающаго, ползающаго, скачущаго...

Прежде всего буйная ватага казачатъ дѣлаетъ набѣгъ на сусликовъ и тарантуловъ, норки которыхъ нерѣдко чернѣлись рядомъ съ норами сусликовъ.

— На погаевъ ударимъ, атаманы-молодцы!—командуетъ Захарушка Заруцкій.

И юные разбойники, стремглавъ спустившись въ глубокій оврагъ, по которому звенѣлъ ручей холодной родниковой воды, наполнили водою—кто свои сапоги, кто шапки и, взобравшись снова на кручи, выливаютъ воду въ сусликовыя и тарантуловыя норы.

Напуганные водою суслики выскакиваютъ изъ норъ и погибаютъ подъ ударами маленькихъ хищниковъ.

— Бей-руби орду поганую!—кричитъ Лаверка Баловень, розовое личико котораго раскраснѣлось, глаза горятъ, доказывая, что изъ ребенка вырабатывается образцовый хищникъ.

И неповоротливые, мохнатые тарантулы выползаютъ изъ норъ. Казачата дразнятъ ихъ, трогая палками. Отвратительные пауки злятся, поднимаются на мохнатыхъ лапкахъ и погибаютъ, какъ и суслики.

— За мной, охотнички!—трещитъ неугомонный Баловень, и вокругъ него собирается другой отрядъ маленькихъ хищниковъ на птичьи гнѣзда и на стрижовыя норы.

На деревьяхъ, въ кустахъ, въ оврагахъ, вездѣ мелькаютъ казачата: это они достаютъ изъ гнѣздъ птичьи яички и наполняютъ ими свои шапки.

— Эй, атаманы-молодцы, посмотрите!—кричитъ съ высокаго дуба Захарушка Заруцкій.—Я громлю престолъ московскаго царя Бориса Годунова.

Всѣ бросились къ дубу. На вершинѣ его чернѣлось огромное орлиное гнѣздо. Обхвативъ босыми ногами одну изъ сухихъ вѣтвей, поддерживающихъ гнѣздо, и придерживаясь рукою за сукъ, торчавшій выше гнѣзда, смѣльчакъ Захарушка другою рукою вытаскивалъ изъ гнѣзда молодыхъ орлятъ.

— Вотъ вамъ царевичъ Ѳедоръ Годуновъ! Ловите.

И молодой, неоперившійся орленокъ падаетъ на землю и убивается.

— Вотъ вамъ царевна Ксенія Годунова.

И другой орленокъ также падаетъ мертвымъ.

Но въ это время въ воздухѣ что-то зашумѣло. Всѣ оглянулись. Надъ дубомъ, распустивъ саженныя крылья, вился огромный орелъ-беркутъ. Сдѣлавъ взмахъ кверху, онъ молніей прорѣзалъ воздухъ и камнемъ упалъ на гнѣздо. Послышался крикъ,

всѣ вздрогнули, когти орла вцѣпились въ курчавую голову Захарушки и подняли его на воздухъ. Ужасъ оковалъ юныхъ хищниковъ, они такъ и окаменѣли на мѣстѣ... Пропалъ Захарушка!..

Но мягкіе волосы не выдержали тяжести тѣла: оно упало на землю, мертвое, неподвижное...

Орелъ кружилъ высоко въ воздухѣ... Слышенъ былъ только жалобный, не то злобный клекотъ обиженнаго человѣкомъ перната-го хищника-царя... Птица плакалась на человѣка...

Вблизи послышались визгливые звуки пискалокъ, пѣсни, говоръ и лошадиный топотъ. Показались знамена, значки, торчавшія на пикахъ погайскія мертвыя головы. Слышался плачъ полоняночъ...

Это шелъ Корела съ своимъ войскомъ. Хоръ пѣсенниковъ заливался

По рѣчушкѣ, по рѣкѣ
Плыветъ Дуня въ каюкѣ.
Охъ-охъ-охо-хохъ,
Плыветъ Дуня въ каюкѣ!

IV. Димитрій у Мнишка.

Съ береговъ тихаго Дона перенесемся на далекій западъ, за окраины нынѣшней русской земли.

Въ городѣ Самборѣ, нынѣ австрійско-галицкомъ, а нѣкогда польскомъ, въ городѣ «крулевскихъ добръ», у сендомирскаго воеводы Юрія Мнишка, идетъ богатое столованье, роскошный панскій пиръ.

Довольствомъ, избыткомъ и, повидимому, нескончаемымъ, вѣчнымъ счастьемъ надѣлило небо своихъ избранниковъ, родовитыхъ пановъ вольной, могучей, непобѣдимой Польши. Надѣлило щедрое небо довольствомъ и счастьемъ и выродившагося чеха Юрія Мнишка-Мнишечка.

Радостно смотритъ съ неба яркое солнце на это довольство. Богатый замокъ раскинулся широко и привольно. Окружающія его башни, блестя словно серебромъ жестяными крышами, тянутся къ небу, высоко возносятъ панскую славу богатыхъ Мнишковъ. Широкія ворота съ башнями и золоченными маковками распахнули свои широкія панскія объятья для званыхъ и не-

званныхъ гостей: иди, благородное паньство, ѣшь, пей и веселися во славу Мнишковъ и золотой польской вольности. Niech zyje Polska!

Панскій палацъ, костелъ, садъ, обширныя гумна, оборы, шпихлеры, пивоварни, служба для гостей и прислуги, скотни, все дышетъ довольствомъ. Niech zyje zlota wolnosc!

На панскомъ палацѣ высокія вышки съ золоченными маковками. Надъ фронтономъ палаца красуется гордый гербъ Мнишковъ, пучокъ перьевъ. Ни время, ни вѣчность, ни люди, ни боги, ничто не потемитъ этого герба, какъ не потемнитъ ничто блеска Польши, могучей и славной, какъ не потемнитъ ничто вѣчной славы вѣчнаго паньства... Niech zyje panstwo!

А внутри палаца рай, да и только! Затѣйливо разрисованные потолки, узорчатые карнизы, рѣзныя створки дверей, все блеститъ золотомъ, горитъ яркими красками. Стѣны, столы, скамьи, полы, это выставка дорогихъ тканей, ковровъ, шелковъ съ пестрыми, веселящими глазъ и сердце картинами любви, охоты, войны, болтливой миѳологіи и лживой исторіи. На стѣнахъ—картины, портреты королей и предковъ, и все это въ дорогихъ золоченыхъ рамахъ. Лавки и кресла—на золоченыхъ ногахъ, съ золоченными рукоятками и рѣзьбою. Вездѣ золото, золото и золото! Какъ много его выкапывали глупые хлопы изъ земли, какъ много его выплавливалось изъ человѣческихъ слезъ, крови и хлопскаго мяса! О, золотое, невозвратное прошлое!

Пиръ только начинается. Недавно между палацомъ и офицыной привѣтливо прозвучалъ призывной колоколъ, этотъ вѣчевой колоколъ старой Польши. Гости, заранѣе съѣхавшіеся въ Самборъ и въ помѣстительный дворъ воеводы, спѣшатъ въ обширную столовую. О, какъ много этихъ гостей, какъ много этихъ счастливыхъ, обитающихъ въ счастливой Польшѣ, текущей медомъ и млекомъ! А теперь наѣхало ихъ еще больше. Да и какъ не пріѣхать? Говорятъ, что въ домѣ воеводы будутъ показывать нѣкое чудо, cos moskiewskie, съ помощью котораго вольная и счастливая Польша можетъ прибрать къ рукамъ неизмѣримыя царства хлопской, варварской, отатаренной Московщины. О, какъ широко разольется тогда вольность польская! Какъ далеко, неизмѣримо далеко разнесетъ эта дорогая вольность благозвучную, поэтическую рѣчь польскую, этотъ языкъ любви, поэзіи, свободы!

И Боже мой! Сколько же злата, блеска, пурпура, драгоцѣн-

ныхъ камней и каменныхъ сердецъ навезли съ собой и на себѣ эти роскошные гости! Сколько красоты, изящества и пестроты стекается въ помѣстительную столовую, словно въ блестящій цвѣтникъ! Что за прелесть женщины, что за красота мужчины! Сколько обаянія и кокетства въ первыхъ, сколько неотразимаго мужества въ послѣднихъ: закрученные усы такъ и кричатъ о гордости и благородствѣ, блестящіе карабели звенятъ о побѣдахъ и воинской славѣ, большіе буты стучатъ такъ внушительно о свободѣ...

Полъ столовой, въ которую вступали гости, весь усыпанъ пахучими травами и ароматными цвѣтами, это ароматъ вольности и славы. Въ воздухѣ—облака благовонныхъ куреній: это слава и гордость великаго царства возносится къ небесамъ. Въ одномъ углу столовой, за перилами, возвышается пирамида, унизанная сверху донизу золотою и серебряною посудой; въ противоположномъ углу, также за перилами, богатый оркестръ, духовые инструменты котораго горятъ какъ чистое золото. Гости входятъ чинно, по рангамъ, по реестру. Маршалокъ, почтительно стоя у дверей, слѣдитъ за порядкомъ этого вступленія благородныхъ гостей въ святилище пира, наблюдая въ то же время за стаями хлоповъ, облеченныхъ въ гербовыя ливреи и готовыхъ провалиться сквозь землю при всякомъ мановеніи маршальской или панской руки. По мѣрѣ вступленія гостей въ столовую, четыре отлично дрессированныхъ хлопа почтительно подходятъ къ нимъ для совершенія обряда омовенія: одинъ хлопъ держитъ тазъ, другой изъ серебрянаго кувшина льетъ на руки гостю благовонную воду, два послѣдніе подаютъ шитое по краямъ полотенце, которымъ гость и вытираетъ свои благородныя руки.

Хозяинъ, вельможный панъ Мнишекъ, съ изысканною любезностью принимаетъ дорогихъ гостей. Полнотѣлая, коротконогая, невысокорослая, упитанная довольствомъ и сознаніемъ собственнаго достоинства фигура пана воеводы сендомирскаго и скользитъ, и катается по цвѣтному полу обширнаго покоя отъ одного гостя къ другому. Высокій лобъ, утративши не мало волосъ въ теченіе болѣе чѣмъ пятидесятилѣтняго служенія ясновельможному королю Сигизмунду-Августу и безсмертной богинѣ Афродитѣ, небольшая, круглая, какъ и панскій животъ, борода, выдающійся впередъ, какъ у плотоядного звѣря, подбородокъ и голубые, чешскіе, но болѣе чѣмъ у простого чеха плутоватые

глаза, весь этотъ типическій ликъ принимаетъ оттѣнки всевозможныхъ выраженій, смотря по тому, къ кому обращается это слащаво-плутовское лицо: покорно-лисье передъ высшими, изящно-пѣтушиное передъ равными, просто-пѣтушиное передъ низшими и положительно неизобразимое передъ хорошенькими пани и паннами.

Для каждаго изъ гостей у хозяина готово привѣтствіе, вопросъ, шутка, любезный каламбуръ, выразительная улыбка, изящный поклонъ. Хозяину платится тѣмъ же: наклоненіе головъ, шарканье ногъ, бряцанье карабелей и шпоръ, рыцарскія осанки, закручиванье усовъ, въ знакъ удовольствія и чести, стрѣляніе хорошенькими глазками изъ-подъ черныхъ соболиныхъ и русыхъ соколиныхъ бровокъ прелестныхъ пани: присѣданье и показываніе блестящихъ перламутровъ изъ-за розовыхъ губокъ восхитительныхъ паненокъ: голова, кажется, пойдетъ кругомъ отъ всего этого, только не у такого боевого копя гостиной, какъ панъ воевода сендомирскій.

Но вотъ во внутреннихъ покояхъ палаца слышится особенное движеніе, таинственный шумъ, что-то чрезвычайное... Шумъ близится къ пріемному покою... Хлопы суетятся, словно имъ за чулки и за пазухи жару насыпано... Панскіе глаза и глазки разгораются...

«Cos moskiewskie!..»

И въ сопровожденіи ясновельможнаго князя Константина Вишневецкаго входитъ это «нѣчто московское»... Всѣ головы и взоры обращаются въ ту сторону...

Входитъ невысокій, сухощавый съ рыжевато-русыми волосами юноша... Смуглое, некрасивое, кругловатое лицо, изобличающее необычайную, львиную мощь въ скулахъ, ту именно мощь, которая, какъ выразился Гришка Отрепьевъ, въ состояніи раздавить цѣлое московское царство словно гнилой орѣхъ; большой, широкій, съ широкими, энергически очерченными ноздрями носъ, въ свою очередь изобличающій необычайно энергическую работу легкихъ, которымъ нужно слишкомъ много и втягивать, и выдыхать воздуха, чтобы удовлетворить кипучую натуру этого пришельца; голубые глаза, какъ-то, если можно такъ выразиться, постоянно о чемъ-то «своемъ» думающіе и никому этого «своего» не выдающіе, все это невольно и повелительно приковываетъ вниманіе къ этому задумчивому юношѣ... И въ самой бо-

родавкѣ, что сидитъ подъ носомъ, видится что-то необычайное.. Отъ всего этого широкаго, угловатаго черепа отдаетъ упрямою, безумно-самонадѣянною силою. Чувствуется, что и сила эта угловатая, неровная...

А! Такъ вотъ оно то, что можетъ поставить вверхъ дномъ всю необозримую Московщину, залить ее кровью, выпалить пожарами и издыхающую бросить подъ ноги, подъ золотыя подковы свободолюбивой Польши...

Какъ, однако, онъ неловко, несмѣло выступаетъ среди блестящей обстановки воеводскихъ покоевъ. Но это молодой левъ, выступающій изъ клѣтки, не размявшійся, не выправившій стальныхъ мускуловъ, не видящій еще жертвы, на которую онъ броситься...

Хозяинъ представляетъ ему наиболѣе знатныхъ гостей. Пришлецъ привѣтствуетъ ихъ кратко, угловато, но царственно, съ дикимъ, московскимъ царственнымъ величіемъ... Шея его не гнется, а холодные, какъ московскіе льды, глаза, глубоко забираясь въ душу, заставляютъ кланяться ему, робѣть передъ нимъ, когда онъ самъ, кажется, робѣетъ, но только дико, по-львиному...

Да, это онъ... эта угловатая голова необычно сдѣлана, этотъ угловатый черепъ выкованъ по формѣ короны, тутъ должна крѣпко сидѣть корона...

Это—московскій царевичъ Димитрій, сынъ страшнаго покорителя Казани и Астрахани, могучихъ царствъ татарскихъ, царя Ивана Грознаго, чудесно спасшійся отъ ножей убійцъ.

Мнишекъ сажаетъ царевича на почетное мѣсто. По правую сторону его помѣщается князь Вишневецкій, по лѣвую—прелестнѣйшее существо, съ черными, какъ воронова крыло, роскошными волосами, съ черными, какъ вороненая сталь, и подчасъ холодными, какъ эта сталь, подчасъ жаркими, бросающими въ озноб глазами. Это—дочь воеводы, Марина, сестра той, которая сидитъ рядомъ съ княземъ Вишневецкимъ, своимъ мужемъ, сестра хорошенькой Урсулы. Марина старше Урсулы; но младшая сестра опередила старшую замужествомъ, потому... да потому, что Урсула—не Марина. Марина не удовольствовалась бы Вишневецкимъ. Марина не изъ такихъ дѣвушекъ, конечная цѣль стремленій которыхъ замужество: хоть чортъ—да мужъ, хоть скотъ—да супружеское ложе даетъ... Хорошенькая головка Марины не о скотоложствѣ помышляла... Иные образы, иныя видѣ-

нія окутывали ея дѣтство, отрочество, молодость... Идеалы недосягаемые, картины невиданныя носились въ этихъ чудныхъ видѣніяхъ надъ задумчивою головкою дѣвочки...

Словно и теперь на мгновеніе посѣтили ее эти видѣнія... Мысли и взоры ея унеслись куда-то... зрачки ея большихъ прелестныхъ глазъ расширены...

Да, она унеслась далеко, въ дѣтство свое, въ отрочество, въ сферу своихъ видѣній... «Они исполняются», что-то шепчетъ внутри нея: «ухъ, страшно до ужаса стоять на такой высотѣ... на милліонахъ головъ... выше царствъ... и спасти эти милліоны... ухъ, страшно, страшно!»...

Еще маленькими дѣвочками, обѣ сестры, и Урсула, и Марина, были такъ непохожи одна на другую. Нарядненькая, разодѣтая, завитая Урсула охорашивается передъ зеркаломъ, напѣваетъ веселыя пѣсенки, мечтаетъ о томъ, какъ она въ воскресенье, въ костелѣ, поразитъ своего вздыхателя, Дольцю, новымъ пунцовымъ бантомъ въ волосахъ...

— Ахъ, Марыню, посмотри, идетъ ли ко мнѣ этотъ пунцовый бантъ?—лепечетъ маленькая кокетка.

А Марыня не видитъ, не слышитъ... Она стоитъ у окна и смотритъ на развертывающіяся передъ ея глазами живописныя картины береговъ Днѣстра съ грандіозными изломами горнаго кряжа, на величественную панораму Заднѣстровья... Но ни этихъ картинъ, ни этой панорамы не видитъ она... Видитъ она невиданныя страны, невиданныхъ людей... Передъ нею дивныя невѣдомыя царства, невѣдомые народы, невѣдомая природа... Эти невѣдомыя царства она, Марыня, просвѣщаетъ свѣтомъ божественнаго ученія... Она стоитъ на возвышенной равнинѣ подъ жгучимъ солнцемъ, и одинокая пальма, подъ которою она стоитъ, не можетъ даже бросить тѣни, потому что экваторіальное солнце печетъ ее вертикальными лучами... Вокругъ, сколько въ силахъ окинуть глазъ, волнуется море изъ головъ человѣческихъ, это народы, пробужденные ею къ новой жизни... О! Какія массы ихъ! Какъ велико это море людское! И вѣютъ надъ этимъ живымъ моремъ знамена, и на знаменахъ новые кресты, цѣлый лѣсъ, цѣлый боръ знаменъ, преклоняемыхъ передъ нею, Марынею, и она благословляетъ этотъ лѣсъ знаменъ, эти волны народовъ, ею обращенныхъ къ свѣту евангелія, этихъ царей въ

золотыхъ коронахъ и въ барсовыхъ да львиныхъ шкурахъ, съ копьями и стрѣлами... Эти цари, народы, цѣлыя страны невѣдомаго міра пришли поклониться ей, Марынѣ, великому миссіонеру великаго, вѣчнаго Рима, послу намѣстника Христова...

— Марыню! Марыню! Да посмотри же! Ахъ, какая ты дикая!—петербургскій щебечетъ Урсула, рисуясь передъ зеркаломъ.

А дикая Марыня все стоитъ у окна и смотритъ, далеко куда-то смотритъ и что-то далекое видитъ... Видитъ она себя въ вѣчномъ Римѣ, въ Капитоліи, на возвышеніи, рядомъ со святымъ отцемъ... И святой отецъ возвѣщаетъ народу о ней, о Марынѣ, о ея великихъ проповѣдническихъ подвигахъ, о томъ, что она словомъ Божіимъ завоевала церкви новыя невѣдомыя страны, обратила въ христіанство милліоны народовъ невѣрныхъ... И вѣчный Римъ ликуетъ... Гремитъ имя Марыни, новаго апостола невѣдомыхъ странъ, и также передъ нею вѣютъ знамена, и также этотъ лѣсъ знаменъ преклоняется предъ Марынѣй, и стонетъ голосами великій Римъ, прославляя имя Марыни...

— Да у тебя коса распустилась, Марыню, ахъ, ты дикарка!—волнуется Урсулочка.

А дикарка все стоитъ неподвижно, не замѣчая, что ея воронёная сталь-коса дѣйствительно распустилась, тяжелыя пряди свѣсились ниже пояса... Да и какъ этимъ прядямъ не упасть съ головки Марыни? На этой головкѣ, Марыня чувствуетъ, царская корона... Марыня, подобно Іоаннѣ д'Аркъ, ведетъ легіоны для спасенія своей дорогой Польши отъ дикихъ турокъ, отъ схизматиковъ москалей-варваровъ... И вся Польша рукоплещетъ ей, Марынѣ, и татко рукоплещетъ, и Урсула.

— Просимъ! Просимъ!—раздались голоса гостей.

Марыня опомнилась. Она — не Марыня, а уже Марина. Около нея сидитъ московскій царевичъ... Неужели видѣнія дѣтства сбываются?..

— Когда Богъ, съ помощью великодушнаго и во всемъ свѣтѣ гремящаго славою польскаго народа, возстановитъ меня на прародительскомъ престолѣ, я изведу московское царство изъ мрака варварства, я насажу въ моемъ отечествѣ цвѣты просвѣщенія, и великодушная Польша съ ея прекрасными обычаями будетъ служить для меня примѣромъ,—говорилъ съ воодушевленіемъ

этотъ таинственный юноша, котораго называли московскимъ царевичемъ.

— Да здравствуетъ царевичъ Димитрій!—воскликнуло нѣсколько голосовъ.

Марина вздрогнула... Да, это онъ, царевичъ Димитрій, который не смѣетъ поднять на нее глаза. А она видѣла эти глаза, странные, глубокіе, съ какимъ-то двойнымъ свѣтомъ, словно тамъ, въ глубинѣ, виднѣются другіе глаза, и другой обликъ тамъ виднѣется человѣческій...

Безконечный обѣдъ подвигается къ концу. И подстолій, и крайчій, и подчашій, распоряжающіеся стаями слугъ, сбились съ ногъ. Устали и слуги, бѣгая съ блюдами уже третьей и четвертой перемѣны и ставя на столы всевозможныя яства: жаворонки, воробьи, чижи, конопляники, чечетки, кукушки, пѣтушьи гребешки, козьи хвосты, хвосты бобровые, медвѣжьи лапы, все перебывало на столахъ.

А сколько тостовъ! Сколько пролито вина въ разгорячennыя пиромъ и шумною бесѣдою глотки!

А какіе невиданные цукры украшаютъ столы! Цѣлыя горы издѣлій и печеній изъ сахару, люди, города, деревья, животныя... А это что за небывалые цукры? Двуглавые орлы изъ сахару, московскій Кремль съ позолоченными куполами церквей... А это что такое? Сахарный тронъ, на тронѣ, въ странной шапкѣ, въ видѣ короны—юноша... Да это московскій царевичъ... вонъ и бородавка изъ сахару, и сахарная корона—это шапка Мономаха...

И музыка играетъ неустанно... Съ музыкантовъ потъ катится, а духовые инструменты гудутъ и завываютъ...

У Марины голова кружится, какъ ни привыкла она къ подобнымъ пирамъ; но тутъ въ воздухѣ что-то особенное, одуряющее...

— И Киръ царь персидскій, и Ромулъ римскій были пастухами... А какія великія государства заложили... А я—царской крови, я прирожоный державца, — говоритъ кто-то около Марины.

Это онъ говоритъ, онъ съ непонятными глазами...

— Онъ истинный царевичъ!—слышится возгласъ.

Марина опять вздрагиваетъ... Онъ—рядомъ съ нею... а по-

томъ будетъ не рядомъ, высоко на тронѣ... Куда же исчезли видѣнія дѣтства?..

— Москва — народъ грубый, варварскій, папе... А этотъ знаетъ и исторію, и риторику... Онъ долженъ быть царскій сынъ, папе,—долетаетъ до слуха Марины смѣшанный говоръ.

А Урсула щебечетъ съ кѣмъ-то... Ей весело... И татко веселъ... Только Маринѣ не весело, ей что-то страшно... Какъ душно кругомъ!.. Жарко, словно тамъ, подъ экваторіальнымъ солнцемъ, подъ одинокой пальмой...

— Вы достигнете благихъ цѣлей, ваше царское высочество, если отдадите себя могущественному покровительству святаго отца,—ласкающимъ голосомъ говоритъ ксендзъ Помасскій.

— Я буду просить покровительства святого отца,—отвѣчаетъ таинственный юноша.

— Я бы совѣтовалъ вашему высочеству прежде всего написать нунцію Рангони, выяснить ему ваше положеніе, ваши надежды и дальнѣйшія намѣренія,—продолжаетъ ласкающій голосъ отца Помасскаго.

— Я напишу...

— По благословенію его святѣйшества вся Польша пойдетъ за вашимъ высочествомъ...

— Идемъ! Всѣ идемъ!—реветъ собраніе.

Обѣдъ подходитъ къ концу. Говоръ становится смѣшаннымъ, неяснымъ... Дамы удаляются на другую половину...

Выходитъ и Марина. Она шатается.

— Поддержи меня... мнѣ дурно... я упаду,—шепчетъ она сестрѣ.

Испуганная Урсула ведетъ ее въ спальную... «Московія... Сибирь... Азія...»—«Что съ тобой, Марыню? Ты что шепчешь? Ты больна? Езусъ-Марія!»

Дойдя до гипсоваго, обвитаго плющемъ большого распятія, Марина крыжомъ упала передъ нимъ и заплакала...

V. На охотѣ.

Въ Самборѣ шли пиры за пирами. Со всѣхъ сторонъ съѣзжалась шляхта, чтобы посмотрѣть на московское чудо и попировать. Какъ волны отъ брошеннаго въ воду камня, расходи-

лись слухи отъ Самбора, и чѣмъ дальше проникалъ слухъ, тѣмъ фантастичнѣе становился онъ, тѣмъ таинственнѣе и привлекательнѣе дѣлался образъ того, около котораго носились эти облака слуховъ, легендъ, предположеній и загадываній въ далекое будущее...

Когда онъ еще былъ ребенкомъ, то его переводили изъ монастыря въ монастырь, чтобы скрыть отъ Годунова. Всю Московію прошелъ онъ, до Сибири дошелъ; но и тамъ искали его шпіоны Бориса... Онъ ушелъ къ лопарямъ, оттуда на Ледовитый океанъ... Норвежскіе китоловы взяли его на льдинахъ сѣвернаго моря... Изъ Швеціи пробрался онъ къ ливонскимъ рыцарямъ, а оттуда съ рыцаремъ Корелою пошелъ на Донъ... Онъ отлично ѣздитъ на конѣ, превосходно владѣетъ оружіемъ, убиваетъ ласточку налету... Онъ не схизматикъ, а католикъ, принялъ католичество въ самомъ Римѣ... Тамъ его видѣли пилигримы, въ власяницѣ и въ веригахъ. Онъ молился и плакалъ о своей холодной Московіи, которую Богъ покаралъ за схизму, посадилъ на московскій престолъ татарина, казанскаго мурзу... Царевичъ далъ обѣтъ святому отцу вывести изъ Москвовіи проклятую схизму и насадить католичество... Онъ сольетъ всю Московію и Сибирь съ Польшею, какъ слилась съ нею Литва, и тогда Польша раскинется отъ Одера и Вислы до Китая, до Ледовитаго и Тихаго океана... Оттуда польскіе удальцы переплывутъ въ Америку, и золотая польская рѣчь зазвучитъ на развалинахъ Монтесумы, и останутся только два великихъ народа въ мірѣ: поляки и французы...

Послѣ одного изъ самыхъ роскошныхъ пировъ, Мнишекъ, провозгласивъ тостъ за здоровье московскаго царевича и за предстоящую дружескую связь Польши съ Москвою, объявилъ гостямъ, что остальную часть дня они должны посвятить охотѣ и показать дорогому московскому гостю всю прелесть польскаго полеванья.

И мужчины, и дамы приняли это извѣстіе съ восторгомъ. Охота сама по себѣ—наслажденіе для благородныхъ сердецъ, а охота въ присутствіи постороннаго наблюдателя, да притомъ не простого, а птицы самаго высокаго полета—это ужъ актъ національнаго торжества.

Вскорѣ было все готово къ выступленію, и выступленіе началось. Рога трубятъ что-то необычайное, дворовые охотники

давно на своихъ мѣстахъ. Лошади ржутъ отъ нетерпѣнія. Собаки прыгаютъ и визжатъ отъ радости.

А что за прелесть эти паны и панны на красивыхъ выхоленныхъ коняхъ! Все блеститъ золотомъ и серебромъ. Солнце играетъ на гладко полированномъ оружіи, на серебряныхъ уздечкахъ, на рыцарскихъ шпорахъ, на дамскихъ ожерельяхъ, на собачьихъ ошейникахъ...

Тутъ и самъ Мнишекъ во главѣ поѣзда. На сѣдлѣ онъ кажется много выше, величественнѣе. Тутъ и Урсула, и Марина. Послѣдняя смотритъ оживленнѣе: сквозь матовую бѣлизну щекъ просвѣчиваетъ нѣчто вродѣ румянца, такого нѣжнаго, едва уловимаго глазомъ, но тѣмъ еще болѣе чарующаго; глаза ея кажутся еще чернѣе, еще больше.. Да и какъ имъ не быть больше? Они, кажется, начинаютъ прозрѣвать въ ту темную бездну, изъ которой смотрѣли на нее другіе глаза съ непонятною для нея думою... Теперь она, кажется, что-то уловила тамъ, въ безднѣ, что-то блеснуло оттуда, словно изъ другого міра, и освѣщаетъ путь въ этотъ далекій, невѣдомый міръ... Вмѣсто пальмы, тамъ стоитъ одинокая сосна, вмѣсто экваторіальнаго солнца—ледяное море; даже небо какое-то ледяное... Да что за дѣло до этого ледяного моря, когда внутри ея души что-то теплится?..

— Посмотри, Марыню, какъ о н ъ странно сидитъ на конѣ, — шепчетъ шаловливая Урсула, — точно истуканъ на тронѣ...

Марина смотритъ и ничего не видитъ страннаго. О н ъ сидитъ спокойно, ровно, твердо, не вертляво, какъ панъ Стадницкій, не закручиваетъ своихъ усовъ, какъ панъ Тарло, не рисуется, какъ панъ Домарацкій.

— А какой татко смѣшной... Точно самъ панъ круль,— болтаетъ неугомонная Урсула.

Марина смотритъ въ сторону отца и улыбается. Тотъ торжественно шлетъ ей поцѣлуй по воздуху и словно бѣсъ вертится около царевича.

Подъ царевичемъ бѣлый конь выступаетъ грузно, солидно, выгибая свою лебединую шею. Самъ Димитрій смотритъ молодымъ шляхтичемъ, модный портной съ головы до ногъ превратилъ его въ поляка и только маленькой шапочкѣ придалъ что-то неуловимое, что-то такое, что напоминало корону.

— Знаешь, Марина, кого онъ теперь напоминаетъ? — снова болтаетъ Урсула.

— А кого?

— Помнишь московскій гербъ, что намъ татко показывалъ?

— Помню.

— Помнишь, тамъ въ серединѣ герба кто-то скачетъ на бѣломъ конѣ и копьемъ бьетъ въ пасть страшнаго змѣя съ ногами.

— Да, это—отецъ говоритъ—Георгій побѣдоносецъ, онъ поражаетъ дракона, чтобы спасти царскую дочь...

И сказавъ это, Марина покраснѣла. Урсула замѣтила это.

— А! Тихоня!.. Кто эта царская дочь? Ну, говори, кто?— приставала она.

— Не знаю...

— То-то, тихоня, не знаю!.. А знаешь, Марыню, въ Москвѣ на него, вмѣсто хорошенькаго кунтуша, надѣнутъ зипунъ золотой, безъ рукавовъ.

Марина потупилась и ничего не отвѣчала, тѣмъ болѣе, что въ это время къ ней подъѣхала на красивомъ аргамакѣ полненькая блондинка въ лиловомъ баретѣ съ страусовыми перьями. Бѣлокурые волосы, выбиваясь изъ-подъ барета, развивались по вѣтру. Несмотря на свою полноту и, повидимому, не первую молодость, блондинка ловко сидѣла на сѣдлѣ.

— А молодой московскій медвѣдь, кажется, ранилъ, панна Марина?—сказала она, лукаво улыбаясь.—Панна замѣчаетъ это?

— Ахъ, пани Тарлова! Марыня ничего не замѣчаетъ! Она не замѣтила даже за обѣдомъ, какъ московскій медвѣдь чуть цыпленкомъ не подавился, когда она на него взглянула,—заболтала Урсула.

Пани Тарлова расхохоталась. Только Марина ѣхала молча.

— Ахъ, панна Марина! Панна Марина! Не миновать вамъ московской кики и душегрѣи... Видите, какъ медвѣдь косится на васъ?—продолжала пани Тарлова.—Надѣнутъ на васъ московскій сарафанъ и кику.

— Кику, пани? Ахъ, какъ смѣшно? Что это за кика такая, пани?—смѣялась Урсула.

— Кика? Это—пось москевске—мода у нихъ такая... Эдакій баретъ съ рогами...

— Съ рогами? Ахъ, какой ужасъ, пани! Ахъ, Езусъ, Марія!

— Не смѣйтесь, пани, — серьезно прибавила пани Тарлова,—можетъ быть, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ вы сочтете за честь, пани, быть покоевой у московской царицы, у вашей младшей сестры.

— Ахъ, пани, ни за что въ мірѣ!—протестовала Урсула.

— А вообразите, пани, царскую корону на этой черненькой головѣ, а?—настаивала пани Тарлова, указывая на головку Марины въ пунцовомъ баретѣ, изъ-подъ котораго сыпались пряди черной, какъ смоль, косы.

А черная головка Марины думала, настойчиво думала только не о коронѣ. Въ головѣ ея и во всѣхъ нервахъ, словно горячечный бредъ, неумолчно звучали слова, брошенныя ей сегодня въ костелѣ папомъ пробощемъ, отцемъ Помасскимъ, когда она прикладывалась къ иконѣ святой Дѣвы: «Помни, дочь моя, что Богъ избралъ орудіемъ своего благого промысла для спасенія рода человѣческаго Дѣву чистую... Способна ли и достойна ли ты стать орудіемъ Бога для оказанія новаго промысла надъ слѣпотствующею половиною рода человѣческаго?.. Подумай объ этомъ, любимая дочь моя, въ Богѣ... Подумай, перстъ Божій на тебя направляется...»

«Перстъ Божій... Какъ страшенъ этотъ перстъ... Господи! Что жъ это такое?.. Спаси меня, Дѣва святая!.. Я не достойна... Я не вынесу страданій... Охъ, страшно, до ужаса страшно стать надъ этой пропастью... А если эта пропасть меня ждетъ какъ жертвы?.. Но я—малая жертва, я пылинка въ мірѣ... А великія дѣла требуютъ великихъ жертвъ... Мамо! Мамо! Научи меня...»

— О чемъ мечтаетъ черная головка подъ пунцовымъ баретомъ?—вдругъ раздается мужественный голосъ надъ ухомъ Марины.

Дѣвушка вздрогнула. Рядомъ съ нею ѣхалъ панъ Домарацкій, перегнувшись на сѣдлѣ и заглядывая Маринѣ въ лицо.

— Какъ вы прелестны, панна Марина, и въ особенности сегодня,—продолжалъ Домарацкій. — Я не удивляюсь, если князь Корецкій, съ отчаянья, пойдетъ одинъ на медвѣдя и найдетъ смерть въ его объятіяхъ, вмѣсто другихъ объятій, о которыхъ онъ мечталъ...

Марина поблѣднѣла. Она какъ бы вспомнила что-то и, пе-

много помолчавъ, сказала: «Панъ зло шутитъ, я этого не ожидала отъ папа».

Ей стало жаль почему-то молодого Корецкаго. Они были давно дружны, Онъ такъ непохожъ на всѣхъ остальныхъ... И вдругъ въ послѣднее время онъ какъ-то ускользнулъ изъ ея глазъ, изъ ея памяти... Бѣдный Дольцю!.. Марина чувствовала, что она не то жестока, не то несчастна... Ей плакать хотѣлось... А тутъ въ сердцѣ наболѣваетъ что-то острое: «Подумай, дочь моя, перстъ Божій на тебя направляется...» Дольцю! Дольцю!

Въ это время къ ней подъѣхали еще два всадника, и взоры всѣхъ охотниковъ обратились въ ту сторону. Подъѣхавшіе были—самъ Мнишекъ и царевичъ.

— Куда ты вдругъ дѣвала свой румянецъ, цуречка моя?— нѣжно обратился старикъ къ Маринѣ.—А за обѣдомъ была такая розовенькая... Не болитъ головка?

— Нѣтъ, татуню, это волненіе передъ битвой, — отвѣчала дѣвушка, улыбаясь.

— А панна любитъ битву?—спросилъ царевичъ какъ-то загадочно.

— Съ звѣрями, князь? О, нѣтъ, мнѣ жаль бѣдныхъ звѣрей...

— Панна права... Но битва удѣлъ мужчины...

— И женщины,—добавила Марина тоже загадочно.

— О! Она у меня Іоанна д'Аркъ.—весело сказалъ Мнишекъ, взглядывая многознаменательно на царевича.

Марина чувствовала, что она вновь покраснѣетъ... Она чего-то ждала и боялась...

— О! Счастливъ долженъ быть тотъ монархъ, который найдетъ свою Іоанну,—медленно сказалъ Димитрій.

Затрубили рога. Поле охоты и лѣсъ были близко. Поле было ровное, открытое, съ двухъ сторонъ окруженное лѣсомъ, который раскидывался съ одной стороны по полугорью и кое-гдѣ открывалъ небольшія прогалины; съ другой стороны спнѣлся сплошной боръ, упиравшійся въ извилистые берега Днѣстра.

Въ лѣсу тихо. Но это не мертвая тишина: это не сѣверный боръ, угрюмую тишину котораго изрѣдка нарушаетъ трескъ сухихъ вѣтвей, ломающихся подъ тяжелою ступнею медвѣдя-анахорета; южный лѣсъ говорливъ столько же, сколько сѣверный молчаливъ, задумчивъ. Тутъ говоритъ и дикій голубь припутень, и пестрый сорокопудикъ, и задорливый кобчикъ. Особенно па-

стойчиво выговариваетъ что-то голубь-припутень, котораго рѣчь напоминаетъ рѣчь гугняваго ребенка.

Слышны въ лѣсу и человѣческіе голоса, но тихіе, сдержанные. За опушкой лѣса, подъ темнымъ, развѣсистымъ грабомъ сидятъ нѣсколько человѣкъ и изрѣдка перекидываются словами. По костюму видно, что это хлопы, мѣстные крестьяне. Около каждаго лежитъ мѣшокъ, и въ мѣшкѣ иногда движется что-то живое.

— А ты, дядьку Ничипоре, самъ, кажешь, бачивъ его?— говоритъ молодой парень въ бѣлой, шитой заполочью рубахѣ и въ соломенной шляпѣ.

— Та бачивъ, якъ возивъ лисицю на паньскій двиръ,—отвѣчаетъ другой въ тепломъ малахаѣ.

— Его, кажуть, маленькаго хтили заризати паны, такъ царьске тило буцимъ просте зализо не бере.

— Не бере жъ, — поясняетъ третій, въ овчинномъ полушубкѣ,—треба, щобъ те зализо коваль ковавъ у велику пьятницю, коли жиды Христа мучать.

— Отъ диво!—удивляется парень въ соломенной шляпѣ.— Такъ винъ и утикъ?

— И утикъ.

Парень засвисталъ. Ему очень понравилось, какъ «тотъ утикъ».

— Що-жъ винъ теперь на москаля вдаре?

— Вдаре.

— Пропавъ же теперъ москаль! А кажуть люди москалеви добре жити: у ихъ нема панивъ, а шидпанки. У ихъ и хлопивъ нема, кажуть: у Почаивъ приходили москали-богомольци, такъ казали, що нема хлопивъ. Оце поживе чоловикъ у пана лито та зиму, а якъ прійде святый Юрко, такъ той чоловикъ и йде куды схоче.

— Овва! Дурни москали!—замѣтилъ полушубокъ.—А якъ же винъ свою хату покине?

Этотъ вопросъ, повидимому, озадачилъ бесѣдующихъ. Но вопросъ такъ и остался вопросомъ, потому что въ это время изъ-за кустовъ показалась человѣческая фигура въ темно-зеленомъ коротенькомъ казакинѣ со множествомъ ремней, шнурковъ и огромнымъ буйволовымъ рогомъ въ мѣдной оправѣ.

Хлопы встали и сняли шапки, поглядывая то на пришедшаго, то на свои мѣшки.

— А гдѣ жъ Марекъ?—спросилъ пришедшій.

— Марко тамъ, пидъ тройчатымъ грабомъ,—отвѣчалъ малахай.

— У него лисица?

— Лисиця та заиць, пане.

— А у тебя что?

— У мене заиць, пане, та дике козиня, молоде сайгачиня.

— А у тебя?—обратился пришедшій къ парню въ шитой сорочкѣ.

— Зайчикъ.

— Что жъ онъ у тебя не шевелится?

— Спитъ, мабудь, пане.

Остальные переглянулись.

— Что ты врешь, пся кревъ?—И пришедшій потрогалъ мѣшокъ парня.—Ты его задавилъ?

— Ни, пане, се мабудь винъ самъ...

Нагайка пришедшаго свистнула и хлестко пришлась по спинѣ парня. Тотъ не поморщился.

— Чтобъ къ слѣдующей охотѣ поймалъ двухъ зайцевъ и лисицу! Слышишь?

— Чую.

— Чтобъ поймалъ, псяюха!

— Піймаю.

Потомъ, обратясь къ остальнымъ хлопамъ, панскій псарь-дозорца сказалъ: «Какъ услышите два рожка, мой и пана Непомука, заразъ развязывайте мѣшки и пускайте звѣрей».

— Добре, пане, знаемо, якъ робить, щобъ на верби груши були,—отвѣчалъ малахай, лукаво улыбаясь.

— То-то же смотрите, чтобъ передъ московскимъ царевичемъ лицомъ въ грязь не ударить.

— Не вдаримо, пане.

Дозорца скрылся. Хлопецъ въ шитой сорочкѣ, ухватившись за бока, такъ и покатился со смѣху. Онъ и забылъ, что нагайка оставила красную полосу на его широкой спинѣ. Да что спина? Обтерпѣлась...

— Отъ иродова дитина, бисивъ заиць! Не дождавсь московського царевича, взявъ та и здохъ...

И веселый хлопецъ снова заливался, развязывая свой мѣшокъ и вынимая оттуда мертваго зайца.

— Я его продамъ Неномукови...

Засмѣлся и малахай.

— Ты чому, дядьку, сміешься?—спросилъ хлопецъ.

— Та надъ Неномукомъ же, якъ винъ свою пани зайцемъ подарувавъ.

— А якъ дядьку?

— Такъ подарувавъ, що ажъ пальци знати... Приносить винъ до своеи пани зайця. «Де ты, каже пани, его взявъ?» Убивъ, каже, пани. «А якъ?» пытается вона.—Та отъ-якъ, каже, пани ласкава: оце поихавъ я у дозоръ до лису... Отъ и бачу: вискочило двухъ заенцовъ...

Вдругъ раздался протяжный вой сигнальнаго рожка. На этотъ вой отвѣчали съ другой стороны, и въ то же время десятки голосовъ огласили лѣсъ изъ конца въ конецъ: «Ату-ату! Ого-го-го! Ого! Ату-ату!«

Это кричали хлопы, облавой обступившіе лѣсъ по панскому наказу и выгопявшіе звѣря на охотниковъ. Развязали свои мѣшки и тѣ хлопы, что сидѣли въ засадѣ и выпустили своихъ плѣнниковъ. Бѣдные звѣри, долго томившіеся въ мѣшкахъ и снова вспугнутые голосами облавщиковъ, стремглавъ понеслись изъ лѣсу въ открытое поле, на вѣрную смерть.

А на полѣ уже шла отчаянная травля. За каждымъ звѣремъ, выскочившимъ изъ лѣсу, неслись собаки вперемежку съ всадниками. Переливчатый лай собакъ, возгласы охотниковъ и псарей, разноголосое гудѣнье рожковъ и стоны лѣсныхъ облавщиковъ, отъ всего этого и не звѣрь могъ растеряться и броситься въ пасть смерти.

Впереди всѣхъ несется князь Корецкій. Лиса, которую онъ памѣтилъ, вытянувшись въ струнку и ущуливъ подвижныя уши, забираетъ къ Днѣстру, надо ей перерѣзать дорогу, бросить или на собакъ, или на доѣзжачихъ... Старый, толстый Мишкъ силится перегнать поджараго зайца... Панъ Тарло, панъ Домарацкій, панъ Стадницкій, маленькій паничъ Осмольскій, котораго едва видать на сѣдлѣ, князь Вишневецкій, знатная и незнатная шляхта, всѣ за работой...

Одинъ царевичъ стоитъ середи поля въ какомъ-то раздумьи.

И лошадь подъ нимъ стоитъ смирно, поводя ушами... Для нихъ, какъ видно, нѣтъ достойнаго противника звѣря...

А дамы стоятъ въ сторонѣ, на возвышеньи. Все поле передъ ними, словно развернутый листъ бумаги. Тамъ и сямъ двигаются темныя точки, едва замѣтныя, и человѣческія фигуры на коняхъ... Все это какъ-то странно... Что нужно этимъ людямъ? Голодны они что-ли, что такъ отчаянно мчатся за обезумѣвшимъ отъ ужаса звѣремъ? Нѣтъ, не голодны они... И зачѣмъ такъ всегда бываетъ, что сытый преслѣдуетъ голоднаго?

— Что жъ онъ стоитъ статуей?—нетерпѣливо спрашиваетъ пани Тарлова.

— Кто, пани?

— Царевичъ.

— О, пани, онъ ждетъ дракона,—лукаво замѣчаетъ Урсула, взглядывая на Марину.

— Какого дракона, пани?

— Того, котораго Марыня видѣла...

Но вмѣсто дракона изъ лѣсу показывается медвѣдь. Дамы ахаютъ. Медвѣдь, преслѣдуемый криками облавщиковъ и собаками, грузно бѣжитъ черезъ поле... Бросившаяся-было на него собака взвизгиваетъ и, словно скомканная тряпка, отлетаетъ на нѣсколько шаговъ... Медвѣдь идетъ по направленію къ царевичу... Охотники замѣчаютъ это и поднимаютъ крикъ... Мнишекъ, Вишневецкій, панъ Тарло и панъ Домарацкій поворачиваютъ коней и скачутъ къ царевичу...

— Борисъ! Борисъ идетъ на васъ, ваше высочество! — громко кричитъ панъ Домарацкій.

— Спасайтесь, ваше высочество!—отчаянно кричитъ Мнишекъ.—Не подвергайте вашей драгоцѣнной жизни опасности, она нужна милліонамъ вашихъ подданныхъ.

— Ваше Высочество! Идите на Годунова! Ссадите его съ престола!—продолжалъ Домарацкій.

Царевичъ точно опомнился. Поднявшись на сѣдлѣ и одной рукой подобравъ удила, а въ другой держа большой двуствольный пистолетъ, онъ поскакалъ наперерѣзъ медвѣдя... Медвѣдь остановился, какъ бы нюхая землю... Дамы вскрикнули отъ ужаса... Остановился и царевичъ, медвѣдь былъ въ нѣсколькихъ шагахъ...

Раздался выстрѣлъ, пуля царевича угодила въ звѣря... Послѣдовало еще нѣсколько выстрѣловъ со стороны...

Звѣрь зарычалъ отъ боли и, вставъ на заднія ноги, пошелъ, словно старая грузная баба... Онъ шелъ прямо на царевича... Послѣдній, не дожидаясь страшнаго противника, соскочилъ съ коня и, выхвативъ изъ-за пояса блестящую граненую сталь, въ одинъ прыжокъ очутился подъ звѣремъ... Дамы закрыли глаза, Марина въ безмолвномъ ужасѣ протянула впередъ руки, какъ бы хватаясь за воздухъ... Мгновенье, и звѣрь, раскрывши свои мохнатыя объятья, чтобы заключить въ нихъ тщедушнаго противника, такъ и грохнулся наземь съ растопыренными передними лапами, вдавивъ лезвее громаднаго ножа глубоко подъ свою мясистую лопатку, а рукоятку ножа въ землю...

Въ это мгновенье изъ-за пригорка показался всадникъ, скакавшій изъ Самбора. Онъ держалъ въ рукахъ бумагу.

— Грамота, пане воєводо, грамота!—кричалъ онъ.

Пестрая толпа пановъ, окруживъ царевича и медвѣдя, не знала, на кого глядѣть отъ изумленія, на царевича ли, стоявшаго въ задумчивости надъ трупомъ звѣря, на страшный ли трупъ этотъ, или на гонца, привезшаго грамоту... Нашелся лишь панъ Домарацкій.

— Страшный Борисъ у ногъ вашего высочества,—сказалъ онъ торжественно.—Это знаменіе!

VI. Димитрій у короля Сигизмунда.

У воротъ королевскаго дома въ Краковѣ собралась огромная масса народа. Свободная, слоняющаяся безъ всякаго дѣла разношерстная шляхта съ карабелями у бока, съ закрученными до нельзя усами, въ высокихъ, на металлическихъ подковахъ бутахъ, съ звенящими словно сталепрокатный заводъ шпорами, съ заломленными на бекрень ухорскими шапками и щеголеватыми чапечками, съ ухватками, вызывающими на бой всякаго дерзкаго, который рискнулъ бы наступить на шляхетскую мозоль; мастеровые въ разноцвѣтныхъ, изодранныхъ, закопченныхъ дымомъ и лоснящихся отъ сала и дегтя куртках и штанахъ; хлопы въ бѣлыхъ и пестрыхъ свиткахъ и рубахахъ; евреи въ типичныхъ длинополыхъ сюртукахъ и ермолкахъ, съ историческими

пейсами и исторически-сладкими, исторически-умными, исторически-лукавыми и исторически-хищными выраженіями и очертаніями глазъ, посовъ, губъ и подбородковъ, все это словно изъ гигантскаго, опрокинувшагося надъ Краковомъ горшка высыпало на площадь въ самомъ невообразимомъ безпорядкѣ, гудитъ, шумитъ, толкается, ругается...

Но болѣе всего толкотни около приземистаго, коренастаго, съ лицомъ на подобіе закопченнаго сморчка, съ свиными, заплывшими слезою глазками и съ усами, закрученными въ видѣ поросячьяго хвоста, шляхтича, который былъ, казалось, виновникомъ и душою всей этой сумятицы, который, казалось, самъ опрокинулъ на краковскую площадь этотъ чудовищный горшокъ съ народомъ и теперь самъ болтается въ этой народной кашѣ... Это— панъ Непомукъ, тотъ самый, который, въ порывѣ болтливости и хвастовства, угостилъ пани Мнишкову разсказомъ о «двухъ заецахъ», а теперь пріѣхалъ изъ Самбора въ Краковъ, не извѣстно въ качествѣ чего, но только въ свитѣ Мнишковъ и московскаго царевича.

— А цо-жъ, пане, у него есть и войско?—спрашиваетъ оборванный шляхтичъ, у котораго вмѣсто высокихъ бутовъ на ногахъ зіяли дырявые женскіе коты, но зато огромная сабля колотилась о мостовую словно молотъ кузнеца о наковальню.— Есть у него, пане, армія?

— О! Да у него, пане, десять армій, армія казацкая, армія московская—это двѣ, армія запорожская—это три, армія, пане, татарская—это четыре, армія боярская—это пять, армія пане... армія сибирская—это шесть, армія... армія... э! да всѣхъ армій, пане, и не сосчитаешь,—ораторствуетъ панъ Непомукъ, довольный тѣмъ, что его слушаютъ.

— А дукаты у него, пане, есть, пенензы, ясновельможный пане?—робко интересуется сухой, словно сушеный лещь, поджарый, словно голодная собака, и извивающійся, словно угорь на сковородѣ, еврейчикъ.

— Дукаты! Га!.. Да онъ золотыми дукатами можетъ всѣхъ жидовъ засыпать, какъ мышей просомъ,—гордо отвѣчаетъ Непомукъ, искоса поглядывая на еврея.—Онъ мнѣ вчера за то только, что я ему по-рыцарски честь отдалъ, приказалъ отсыпать три корца дукатовъ.

— Ай-вай! Ай-вай! Какой богатый!

— А вы-жъ папс, у его воевода чи-що?—лукаво спрашиваетъ хлопъ въ сѣрой свиткѣ.

— Нѣтъ, я еще не воевода, а какъ мы возьмемъ Москву, такъ онъ обѣщалъ сдѣлать меня воеводою на самой Москвѣ,— продолжалъ беззастѣнчивый панъ Непомукъ.—Вчера онъ это сказалъ мнѣ, когда я стоялъ за его стуломъ у монсиньора Рангони и подавалъ тарелки. А монсиньоръ Рангони и говоритъ ему: «рекомендую вамъ, говоритъ, ваше высочество, пана Непомука: хорошій католикъ и отличный рубака. Онъ, говоритъ, будетъ у васъ бѣдовымъ воеводою на Москвѣ». «О, я давно, говоритъ его высочество, запримѣтилъ этого молодца, и какъ только на себя въ Москвѣ корону надѣну, такъ пану Непомуку тотчасъ же дамъ гетманскую булаву».

— А я, пане гетмане, могу быть у васъ на Москвѣ хорошимъ полковникомъ крулевской стражи,—закручивая усы сказалъ шляхтичъ въ жепскихъ котахъ.—Меня лично зналъ покойный король Баторій (вѣчная ему память) когда мы съ нимъ брали Вѣну. Ужъ и погуляла же тогда вотъ эта добрая сабля по турецкимъ шеямъ! А сколько мы, вельможи, попили венгржина, старей вудки! Эхъ ты, сабля моя вѣрная! Погуляемъ еще мы съ тобой и въ Московщинѣ!

И шляхтичъ въ женскихъ котахъ такъ брязнулъ своею саблей о мостовую, что любознательный поджарый еврей струсилъ и юркнулъ въ толпу.

Въ это время по толпѣ прошелъ говоръ: «ѣдутъ! ѣдутъ!» И всѣ головы обратились въ ту сторону, откуда ожидался пріѣздъ во дворецъ невиданнаго гостя.

Дѣйствительно, въ отдаленіи показались всадники. Это былъ конный отрядъ, сопровождавшій коляску монсиньора Рангони съ московскимъ царевичемъ, а также коляски Мнишковъ, Вишневецкихъ и другихъ пановъ, ѣхавшихъ ко дворцу въ общемъ кортежѣ папскаго нунція.

По мѣрѣ приближенія кортежа головы толпы обпажались. Конники гарцовали молодцовато, напоказъ, съ свойственною военнымъ вообще и польскимъ жолнерамъ въ особенности рисовкой, съ бряцаньемъ сабель, шпоръ и прочихъ металлическихъ принадлежностей воинскаго люда.

Царевичъ сидѣлъ рядомъ съ монсиньоромъ нунціемъ въ богатой колескѣ. На открытыя головы толпы монсиньоръ посылалъ

свое пастырское благословеніе и кланялся. Кланялся и царевичъ, но неувѣренно робко.

— Виватъ! Нѣхъ жіе великій князь московскій!—крикнулъ панъ Непомукъ съ опасностью разорвать свою глотку.

— Нѣхъ жіе! Нѣхъ жіе!—подхватила толпа.

— Нѣхъ жіе панъ пунцій!—кричали другіе.

— Виватъ! Нѣхъ жіе!

Кортежъ въѣхалъ въ ворота замка, охраняемыя часовыми.

— Ахъ, Езусъ-Марія! Какой же онъ молоденькій!—удивлялась старуха съ корзиночкой за плечами.

— А ты думала, такой же сморчокъ, какъ ты, бабуня,—сострилъ мастеровой, лудильщикъ, съ слѣдами полуды на лицѣ.—Ты такъ, бабуня, стара, что тебя и полудить нельзя.

— Да онъ онъ-зе совсѣмъ не страшный,—болталъ курчавый мальчуганъ въ курточкѣ,—а мама говорила, что москали страшные, какъ медвѣди, и маленькихъ дѣтей ѣдятъ.

— Да и съѣли бъ тебя, пархатый жиденокъ, если бы ты чеснокомъ не вопялъ,—обрѣзалъ лудильщикъ.

Жиденокъ скрылся. Непомукъ важно смотрѣлъ на толпу, словно бы онъ самъ былъ царевичъ.

— А панъ не будетъ у его величества короля вмѣстѣ съ царевичемъ?—спросилъ шляхтичъ въ женскихъ котахъ.

— Нѣтъ, пане... Я сегодня не расположенъ, усталъ, хочу отдохнуть, потолкаться здѣсь между паньствомъ,—лѣниво процѣдилъ панъ Непомукъ, съ любопытствомъ посматривая на дворецъ.

А во дворцѣ между тѣмъ шла аудіенція.

Царевичъ вошелъ въ королевскіе покои вмѣстѣ съ нунціемъ Рангони, съ паномъ Мнишкомъ, который ни на минуту не покидалъ его, и съ княземъ Вишневецкимъ. Димитрій шелъ смѣло, почти не глядя по сторонамъ и какъ бы сосредоточившись на одной мысли. Обнаженная голова его казалось еще болѣе угловатою. По мускуламъ лица его видно было, что и плотно сжатыя губы и сильно стиснутыя, нѣсколько звѣриныя, челюсти выражали непреклонную внутреннюю рѣшимость. Глаза, въ которыхъ виднѣлся всегда какой-то двойной блескъ, какъ будто потускнѣли.

Сигизмундъ стоялъ у маленькаго столика, на который и опи-

рался лѣвою рукой. Осанка его была величественная, замѣтно дѣланная, но лицо и глаза смотрѣли привѣтливо. Въ сторонѣ стояли паны въ стройномъ, но тоже дѣланномъ величіи.

Царевичъ вошелъ съ открытою головою. Не снимая шляпы и привѣтствуя вошедшаго только глазами, полными наблюдательности, король протянулъ ему руку. Царевичъ поцѣловалъ эту руку и смѣшался. Что думала эта угловатая упрямая голова, наклоняясь къ рукѣ Сигизмунда III? О! Не нагнулась бы она, еслибъ на ней уже сидѣла тяжелая, но могучая шапка Мономаха... А ее еще приходилось искать...

— Я пришелъ просить покровительства и защиты вашего королевскаго величества—началъ онъ тихо, неровнымъ, нѣсколько хриплымъ голосомъ.—Сынъ московскаго царя и наслѣдникъ московскаго престола, я лишенъ и престола, и моей родины... Я скитаюсь десять лѣтъ, боясь моего собственнаго имени... Я не смѣлъ произнести дорогого каждому человѣку имени даже во снѣ...

Онъ остановился. Хриплыя слова съ трудомъ выходили изъ горла, сдавленнаго волненіемъ.

Король молчалъ. Все молчало кругомъ.

Какъ бы отстраняя отъ себя какой то, ему одному видимый образъ, царевичъ продолжалъ:

— Съ дѣтскихъ лѣтъ, оторванный отъ матери, отъ родныхъ, отъ наслѣдственнаго куска хлѣба, я какъ воръ долженъ былъ прятать себя, свою жизнь... О! Тяжело, ваше величество, не имѣть даже сказать, что ты не мертвецъ, что тебя не убили подосланные твоимъ врагомъ убійцы... Убили, зарѣзали, похоронили меня!.. А я живъ, живъ на мою собственную муку... Тотъ, кто искалъ моей смерти, занимаетъ теперь мой наслѣдственный тронъ, тронъ моего отца, тронъ моихъ предковъ, а я скитаюсь...

Онъ опять остановился, какъ бы подавленный воспоминаньями... Глаза слушателей не отрываются отъ этой угловатой головы, отъ этого задумчиваго, сосредоточеннаго лица... Что то искрится въ глазахъ нѣкоторыхъ изъ присутствующихъ, словно-бы слезы.

А Сигизмундъ упорно молчитъ. Ему нужна полная исповѣдь того, кто стоитъ передъ нимъ.

Какъ бы чувствуя безсиліе своихъ словъ, царевичъ ищетъ извлечь эту силу изъ глубины своего убѣжденія въ правоту сво-

его дѣла, изъ глубины неправды, которая тяготѣетъ надъ нимъ. Голосъ его начинаетъ крѣпнуть, слова бьютъ рѣзче слухъ.

— Ваше королевское величество! Могущественный монархъ! Я не ищу моей личной обиды, я не жалуюсь на Бориса за себя, за меня говоритъ мой народъ, мой вѣрный русскій народъ. Онъ стонетъ подъ немилостивою рукою Годунова: за меня, за мою тѣнь, которая отняла у Бориса сонъ, проливаютъ кровь моего народа... Ищутъ мою тѣнь и мучатъ, пытаютъ, отравляютъ ядомъ, отягощаютъ ссылкой всякаго, кто только произнесетъ имя этой блуждающей тѣни... За меня, за мое имя Борисъ заточилъ всѣхъ Романовыхъ... Мою мать принудили признать трупъ чужого ребенка за трупъ сына... Расточили и сослали весь Угличъ... Ваше величество! Я долженъ вырвать московское государство изъ рукъ похитителя, я долженъ защитить мой народъ отъ притѣснителя... Для меня нѣтъ другой дороги или могила, или тронъ московскій... Но я и умереть не смѣю!

Голосъ его дрогнулъ. Взвизгнула какая-то рѣзкая, рѣжущая по нервамъ нота. Холодное лицо короля какъ бы согрѣлось участіемъ.

—Ваше величество! Московскіе бояре знаютъ о моемъ спасеніи, они тайно доброжелательствуютъ мнѣ, тайно одобряютъ мои намѣренія. Вся московская земля оставитъ похитителя царской власти и станетъ за меня, какъ только увидитъ, что отрасль ихъ законныхъ царей сохранена Богомъ... Мнѣ нужно только нѣсколько войска, чтобы войти съ нимъ въ московскіе предѣлы, и московское царство будетъ мое.

А Сигизмундъ все молчитъ. Страшнымъ становится это молчаніе, тонетъ надежда, обрываются внутри струны, закипаетъ ѣдкое, жгучее отчаянье... Царевичъ невольно закрываетъ глаза рукою... Пропало, все пропало!... Нѣтъ не все... Въ груди еще есть голосъ, чтобы закричать послѣдній разъ... О! Не все пропало! На плечахъ еще сидитъ угловатая голова, а въ ней много и воли, и силы, и добра, и злобы.

— Ваше величество!—звучитъ послѣдняя рѣзкая нота.— Вспомните, что и вы родились узникомъ... Богъ освободилъ васъ и вашихъ родителей и вы даете мудрые законы и счастье своему народу... А я, я родился царемъ, въ порфирѣ пеленался, и изъ порфиры выброшенъ на гноище, прикрытъ рубищемъ... Теперь

Богъ хочетъ, чтобы вы освободили меня отъ изгнанія и возвратили мнѣ похищенный врагами престолъ моего отца...

Все выкрикнуто! Нѣтъ больше голосу. А Сигизмундъ все молчитъ, ужасное молчаніе!.. Только глаза его добры... еще есть свѣточъ въ этой могилѣ.

Паны переглядываются между собой. Въ глазахъ ихъ теплится глубокое сочувствіе къ тому, что они здѣсь видѣли и слышали, у каждаго разбередилось сердце... Ждутъ, что же скажетъ король, всѣмъ стало невыносимо тяжело...

Отъ короля ни слова, ни звука. Молча переглянулся онъ съ нунціемъ, молча далъ знакъ панамъ, чтобъ они всѣ, вмѣстѣ съ царевичемъ, удалились.

Съ поникнутою головой вышелъ царевичъ изъ пріемнаго покоя. Углы губъ конвульсивно дергаются... И у пановъ поникнутыя головы говорятъ о томъ, чему теперь не слѣдовало бы быть...

— Я увѣренъ панове,—прервалъ молчаніе князь Вишневецкій,—я увѣренъ, что король, его милость, узнавъ мнѣніе его святости монсиньора, дастъ его высочеству обнадеживающій отвѣтъ.

— Но какъ, ни словомъ, ни даже звукомъ ничего не обнаружитъ! Такое терпѣніе можетъ быть только у королей!—горячо зазвонилъ своимъ звучнымъ голосомъ, словно саблей, панъ Домарацкій.—Ни да, ни нѣтъ, ни звука!

— У пана слухъ неразвитой,—шутливо заговорилъ Мнишекъ,—панъ при дворѣ не жилъ. А я жилъ при дворѣ; придворная жизнь очень развиваетъ слухъ... Только при дворѣ органъ слуха—не уши, а глаза: при дворѣ глаза и говорятъ, и слушаютъ... Мои придворные глаза что-то хорошее слышали,—заключилъ онъ лукаво.

— Что же, панъ?—спросилъ панъ Домарацкій.

— А то что глаза его величества короля сказали: «да»... А теперь онъ это скажетъ губами...

— Почему же?

— Потому, что губы его величества были заперты римскимъ замкомъ и ключъ находился въ Римѣ, у святого отца... Теперь же, папе, монсиньоръ Рангони привезъ съ собой этотъ ключъ и отпираетъ высочайшія губы короля рѣчи посполитой...

И панъ Мнишекъ многозначительно подмигнулъ, какъ онъ это

дѣлалъ обыкновенно на охотѣ, показывая, что глупый-де заенчекъ попался.

— О! Панъ воевода мудрецъ!—засмѣялся панъ Домарацкій.—А я до сихъ поръ зналъ только, что дамскіе глазки стрѣляютъ...

Всѣ оживились, заговорили. Одинъ паревичъ молчалъ, неподвижно стоя у окна и устремивъ глаза на сѣверъ, можетъ быть, въ далекую Московщину.

Дверь отворилась, и маршалокъ попросилъ царевича и всѣхъ пановъ вновь войти къ королю. Сигизмундъ приблизился къ молодому претенденту на московскій престолъ, положилъ ему на плечо руку и торжественно, какъ бы по заученному, проговорилъ:

— Боже тебя сохрани въ добромъ здоровьѣ, московскій князь Димитрій. Мы признаемъ тебя княземъ. Мы вѣримъ тому, что слышали отъ тебя, вѣримъ письменнымъ доказательствамъ, тобою доставленнымъ, и свидѣтельствамъ другихъ. Вслѣдствіе этого мы назначаемъ тебѣ на твои нужды сорокъ-тысячъ золотыхъ въ годъ. Съ этого времени ты другъ нашъ и находишься подъ нашимъ покровительствомъ. Мы позволяемъ тебѣ имѣть свободное обращеніе съ нашими подданными и пользоваться ихъ помощію и совѣтомъ, насколько ты будешь имѣть въ томъ нужду.

Король замолчалъ и нѣсколько отступилъ назадъ.

Царевичъ наклонилъ голову, показавъ при этомъ Сигизмунду свою широкую, приплюснутую, угловатую, какъ и вся голова, маковку. Когда голова эта подпялась опять прямо и гордо, то по блѣдному лицу скользило что-то неуловимое, не то тѣпь, не то свѣтъ. Одно можно было уловить, это то, что свѣтъ глазъ, до того момента какъ бы нѣсколько потускнѣвшій или слинявшій, снова обострился, снова припялъ ту неуловимую двойную игру и двойную цвѣтность, которая поражала когда-то и Григорія Отрепьева, видѣвшаго въ этой двойной цвѣтности «пелену», закрывавшую «въ кладезѣ души» этого таинственнаго юноши какъ бы «другаго человѣка», поражали и Марину, для которой глаза этого непонятнаго человѣка были такъ же непонятны, какъ и неразгаданный для астрономовъ блескъ Сиріуса.

— Благодарю васъ, ваше величество, и за участіе и за милость,—сказалъ онъ, скользнувъ своими неразгаданными глазами по глазамъ Сигизмунда,—участіе я принимаю, какъ нео-

платный долгъ моего сердца, а милость—какъ временный, обезпечиваемый моею совѣстью и моею царскою гордостью, заемъ... Проценты по немъ я возвращу вашему величеству и рѣчи посполитой съ евангельской точностью...

Теперь голова его уже не клонилась и король долженъ былъ въ свою очередь потупиться. Но онъ не сказалъ больше ни слова, потому что не былъ на то уполномоченъ страной, надъ которою царствовалъ.

Димитрій вышелъ медленно, какъ бы ощупывая почву, по которой ступалъ. Сопровождавшіе его паны хранили молчаніе. Одинъ Мнишекъ юлилъ и разсыпался мелкимъ бѣсомъ.

— Поздравляю ваше высочество съ признаніемъ вашихъ правъ королемъ рѣчи посполитой,—лепеталъ онъ, немножко картавя.—Половина дѣла ужъ сдѣлана: конь осѣданъ, нога въ стремени, остается только сѣсть на сѣдло.

— Ну, ойче, конь то брыкливый,—замѣтилъ Вишневецкій.

Димитрій молчалъ. Его упрямая голова работала, взвѣшивала слова и оттѣнки словъ короля... «Ни слова о прямой поддержкѣ моихъ притязаній... Хочетъ, да не смѣетъ... Колпакъ, надѣтый на чучело въ порфирѣ, за которое должны говорить тысячи голосовъ, а чучело своего голоса не нашло подъ колпакомъ... Расправляйся, значитъ, самъ, а мы твоими руками московскій жаръ загребемъ...О, я то расправлюсь, только вамъ же жару за пазуху паложу»,—шепталъ онъ, неслышно шевеля губами и медленно слѣдуя чрезъ королевскіе апартаменты къ ожидавшей его коляскѣ.

Толпа у дворцовыхъ воротъ была еще больше. Тутъ же, у воротъ, находились два всадника, видъ которыхъ и одѣяніе привлекали неудержимое любопытство всей массы народа, собравшейся на площади. Всадники имѣли на головахъ высокія, стоячія изъ черныхъ барашковъ шапки съ красными верхушками, въ видѣ мѣшковъ, свѣшивавшихся на бокъ. Въ рукахъ у нихъ было по длинному копью. И сами они, и лошади ихъ были обвѣшаны оружіемъ. Тутъ же, около нихъ, стоялъ монахъ и цѣлая толпа какихъ то пришельцевъ съ бородами и въ необычномъ для Кракова одѣяніи. Наконецъ, тутъ же хлопоталъ и папъ Непомукъ, энергически размахивая руками.

Когда коляска съ Димитріемъ и Мнишкомъ выѣхала изъ дворцовыхъ воротъ, изумлявшіе своимъ видомъ краковяпъ всад-

ники наклонили и скрестили свои копья въ знакъ того, что отдаютъ часть сидящему въ коляскѣ. Коляска остановилась. Димитрій гляпулъ на всадниковъ, на монаха, на толпу бородатыхъ людей, и по лицу его пробѣжала молнія, голова поднялась, весь онъ словно выросъ, и словно отъ лица его брызнули искры.

Монахъ низко поклонился ему, они, видимо, узнали другъ друга.

— Здравствуй, Григорій,—сказалъ Димитрій ласково.

— Государю царевичу много лѣтъ здраветвовати,—отвѣчалъ монахъ.

— А вы что за люди?—обратился Димитрій къ всадникамъ.

— Мы атаманы славнаго войска донского, государь царевичъ,—отвѣчали всадники, продолжая держать свои пики крестообразно.

— Кто имяны и за какимъ дѣломъ пришли ко мнѣ?

— Я атаманъ Корела, государь царевичъ,—отвѣчалъ одинъ изъ нихъ.

Это была низенькая, съ пепельными волосами и голубыми глазами, невзрачная фигурка. Все лицо его было въ рубцахъ, шрамы перекрещивались и по щекамъ, и по лбу. Но тѣмъ страшнѣе выглядывало это странное лицо изъ подъ мѣховой высокой шапки и невольно наводило страхъ на толпу. Даже панъ Непомукъ «отличный рубака», по словамъ якобы нунція, и шляхтичъ въ женскихъ котахъ, бравшій якобы Вѣну со Стефаномъ Баторіемъ, и тѣ пятились отъ маленькаго чудовища, ловко сидѣвшаго на борзомъ конѣ...

— Я атаманъ Нѣжакъ,—отвѣчалъ другой, высокій, статный, хотя калмыковатый товарищъ его.

— За какимъ дѣломъ вы пришли съ Дону? — повторилъ Димитрій.

— Челомъ бьемъ тебѣ, государю царевичу, и кланяемся всѣмъ тихимъ Дономъ,—отвѣчалъ Корела.

Точно слезы блеснуло что-то на глазахъ Димитрія, и онъ глубоко-взволнованнымъ голосомъ произнесъ:

— Спасибо вамъ, атаманъ Корела и атаманъ Нѣжакъ... Спасибо вамъ, атаманы-молодцы... Спасибо всему тихому Дону и славному войску донскому... Я не забуду вашей службы, когда стану царемъ на Москвѣ... Ступайте за мною.

Коляска тронулась.

— И насъ, и насъ, государь царевичъ, насъ, московскихъ людей, возьми съ собою!—закричала та часть толпы, которая своими бородами и длинными зипунами привлекала такое вниманіе краковянъ.—Не покидай насъ, батюшка, въ чужой землѣ,—гудѣла толпа.

Димитрій сдѣлалъ знакъ, чтобъ и они слѣдовали за нимъ. Вся площадь заволновалась, полетѣли въ воздухъ шапки, запищали евреи, словно прищемленные поросята; но голоса всѣхъ покрывались ревомъ двухъ глотокъ—пана Непомука и шляхтича въ женскихъ котахъ:

— Нѣхъ жіе! Нѣхъ жіе! Нѣхъ бендзе Езусъ похвалены!

VII. Димитрій и Марина у гнѣзда горлинки.

Раннимъ майскимъ утромъ 1604 года, по глухой части воеводскаго парка въ Самборѣ пробираются двѣ женскія фигуры. По самому цвѣту платьевъ, въ которыя онѣ одѣты, по цвѣту шляпъ, бантиковъ и иныхъ украшеній, можно и издали безошибочно догадаться, что та изъ нихъ, которая повыше—блондинка, а которая немножко поменьше—брюнетка. Тѣнь, падающая отъ деревьевъ, скрываетъ ихъ лица, и только изрѣдка солнечный лучъ скользнетъ, то по голубому банту блондинки, то по бѣлымъ лентамъ брюнетки.

— Ахъ, Сульцю, Сульцю!—говоритъ эта послѣдняя съ топомъ печали въ голосѣ.—Если бы ты знала, какъ я вчера плакала, когда увидала ихъ. Прихожу, а онѣ, бѣдненькія, приняли меня за свою маму, обрадовались, пищатъ, плачутъ отъ радости...

— Плачутъ?.. И ты видѣла ихъ слезки?—насмѣшливо спрашиваетъ блондинка.

— Ахъ, Сульцю, какая ты нехорошая... Развѣ же можно смѣяться надъ такими вещами? У тебя сердца нѣтъ, я тебя и любить послѣ этого не буду,—говоритъ огорченная брюнетка.

И она, отвернувшись, ускорила шаги.

— Нѣтъ, нѣтъ, душечка Масю, я пошутила, вѣдь ты знаешь меня... Ну, прости, разскажи же... Ну, такъ обрадовались, плачутъ?

— Да, да, гадкая Урсулка! Да, плачутъ, злая медвѣдица: вѣдь Урсула значитъ медвѣдица... Плачутъ, дѣйствительно пла-

чуть, только птички плачутъ не по нашему, не грубо, не по человѣчески, у нихъ нѣтъ слезъ; только онѣ плачутъ... Плакали и маленькія горлинки, когда я пришли къ нимъ...

— Ну-ну, Масю, я вѣдь такъ только, нарочно подразнила тебя... Я люблю, когда ты огорчаешься: у тебя такіе хорошіе, добрые глаза дѣлаются, когда ты огорчена бываешь неправдой какой-нибудь... Ну, такъ разсказывай же, Масцю моя.

— То-то же... Ну хорошо, обрадовались они. А мнѣ такъ жаль ихъ стало. Я хотѣла погладить ихъ головки, а они, крошечки, думаютъ, что мама хочетъ ихъ кормить, да своими розовыми ротиками и хватаютъ меня за пальцы... Я и разревѣлась...

— Да гдѣ же ихъ мама?

— Ахъ, все это противный Непомукъ надѣлалъ... Вчера, вѣдь ты знаешь, былъ у папочки званый обѣдъ въ честь этого Димитрія царевича. Въ этотъ день, говорятъ, 15 мая 1591 года, гдѣ-то въ московскомъ городѣ Угличѣ зарѣзали того мальчика, которымъ подмѣнили настоящаго царевича. Такъ папочка и вздумалъ праздновать, конечно, изъ любезности, свойственной всѣмъ полякамъ, вздумалъ праздновать день спасенія царевича.

— Ахъ, татко, татко! Какой онъ у насъ умный и милый!— прервала Урсула.

— Да... Только глупый Непомукъ, думая оказать особую честь царевичу, приказалъ хлопамъ наловить всевозможныхъ птичекъ. Они и наловили ихъ, принесли цѣлые плетеные птичники. А моя покоювка Ляля, убирая мнѣ къ обѣду голову, и говоритъ, что въ поварскую принесли цѣлый птичникъ хорошенькихъ живыхъ птичекъ, и что Непомукъ поймалъ и горлинку, у которой въ паркѣ есть маленькія дѣти, и говоритъ, что и ее хотятъ зарѣзать къ обѣду. Я и побѣжала сама въ поварню. Гляжу, а горлинка ужъ зарѣзана. Жаль мнѣ ее стало, такъ жаль! И такою противною показалась мнѣ вся поварская, съ разложенными на столахъ маленькими трупиками бѣдныхъ птичекъ, что я за обѣдомъ совсѣмъ не дотронулась до жаркого. Ты замѣтила это, Сульцю?

— Какъ же, замѣтила. Да и царевичъ замѣтилъ моему мужу, что панна Марина ничего не кушаетъ.

— Ну, ужъ этотъ царевичъ! Для него вѣдь и птичекъ всѣхъ зарѣзали, противный москаль!

— Да, онъ, Марыню, не виноватъ въ этомъ.

— Конечно, не виноватъ. Виноватъ во всемъ противный жукъ этотъ, Непомукъ... Ну, такъ послѣ обѣда, мы и пошли съ покоювкой къ гнѣзду горлинки, Лялька знала это гнѣздо. Вотъ какъ пришли мы, и стала я ихъ гладить, они и ухватились своими ротиками за мой палецъ, я и разревѣлась, и Ляля плакала со мной.

— Ну, что же вы сдѣлали дальше? Это и меня интересуетъ. Бѣдныя птички!

— Мнѣ Ляля и говоритъ: «я пойду въ палацъ и принесу имъ кушать». Я осталась около нихъ, а она сбѣгала и принесла имъ рисовой кашки. Ахъ, бѣдненькіе! Какъ они жадно кушали. А такъ какъ ужъ ночь была близка, то мнѣ и страшно стало за нихъ: какъ же они безъ мамы ночь проведутъ? Ихъ могла унести хищная птица, сова или ястребъ. Я и говорю покоевой, что надо около нихъ на ночь оставить часового. Ляля обрадовалась этой мысли и сказала, что она позоветъ сюда на ночь Тарасика.

— Какого Тарасика, Масю?

— Такъ, хлопъ какой-то.

— А! Знаю, знаю этого пахолка. Ахъ, какая хитрая Лялька! Я знаю, что она въ него влюблена и вѣроятно имѣла съ нимъ, какъ съ часовымъ, свиданье ночью у гнѣзда этихъ горлинокъ.

Марина покраснѣла.

— Такъ что же?—сказала она. — Если они другъ друга любятъ... Онъ мнѣ показался такимъ добрымъ и красивымъ пахолкомъ.

— Да, онъ красивъ...

— А вотъ и онъ...

Передъ ними, недалеко, у терноваго куста, вдругъ выросла стройная фигура парня въ шитой рубахѣ, того парня, котораго мы уже видѣли въ лѣсу, въ охотничьей засадѣ. У него тогда случилось несчастье: заяцъ, котораго онъ долженъ былъ, по панскому наряду, выпустить изъ мѣшка на охотниковъ, задохся въ этомъ мѣшкѣ, за что молодцу и досталось отъ дозорцы. Только теперь этотъ хлопецъ былъ въ новой небольшой шапочкѣ.

Увидавъ господъ, парень снялъ шапку.

— Ну, что птички?—спросила его Марина.

— Слава Богу, пани ласкава, здоровеньки и веселеньки.

— А ночью спали?

— Спали, пани ласкава.

— А имъ не холодно было?

—Ни, не було, пани ласкава. Я догадавсь та й накрывъ своею шапкою... а шапка въ мене повенька, гарна, батько на ярмарку купивъ.

Марина и Урсула ласково улыбнулись.

— Ахъ, какой ты добрый! Какъ тебя зовутъ?

— Тарасомъ, пани.

И Урсула, и Марина переглянулись.

— Спасибо тебѣ, Тарасъ. Я не забуду твоей службы.

И Марина бросилась къ гнѣзду горлинки, цѣпляясь своими роскошными волосами и платьемъ за иглы терновника. Приблизившись къ гнѣзду, она начала осторожно гладить головки птенцовъ, еще не вполнѣ оперившихся. Тѣ сидѣли смирно, только ежились.

— Что же вы теперь не радуетесь мнѣ, не машете крылышками, не берете меня за палецъ?—говорила она, гладя птичекъ.—Вы, вѣрно, голодны бѣдненькія? Я вамъ кушать принесла.

— Ни, пани ласкава, вони не голодны,—вмѣшался пахолокъ.

— Какъ не голодны? Всю ночь не кушали.

— Ни, пани ласкава, вони сегодни вже снидали.

— Чѣмъ?

— Та ваша же покоева, Ляля, приносила имъ источки, кашки приносила,—сказалъ парень и покраснѣлъ, какъ макъ.

Покраснѣла и Марина. Только Урсула лукаво улыбалась. Парень переминался на мѣстѣ, теребя свою шапку. Марина спохватилась, достала изъ кармана кошелекъ и, выпувъ изъ него золотую монету, подала парню.

— Возьми это, добрый Тарасъ. Я буду помнить тебя. Я попрошу папу устроить твою судьбу, какъ тебѣ хочется. А теперь можешь итти домой.

Парень поклонился, поцѣловалъ протянутыя ему панскія ручки и исчезъ въ кустахъ.

— Какова Лялька! Устроила себѣ тутъ свиданье съ своимъ коханкомъ, вотъ хитрячка. По крайней мѣрѣ нескучно провела ночь,—сказала весело Урсула.

— То-то сегодня она была такая разсѣянная и все цѣловала мнѣ босыя ноги, когда надѣвала чулки,—замѣтила Марина.

— Ноги цѣловала?

— Да, и такъ жарко.

— О! Значитъ, понравилось, испробовала сама и хотѣла испытать это ощущеніе на другихъ.

— Какъ на другихъ, Сульцю?

— Да какъ же? Ночью цѣловалъ ея ноги кохапекъ этотъ, Тарасикъ, такъ она и хотѣла сама узнать вкусъ женскихъ пожекъ...

— Ахъ, ты, насмѣшница,—перебила ее Марина,—только какъ намъ быть съ птичками? Вѣдь нельзя же ихъ такъ оставить сиротами.

— Ну, ты будешь ихъ мама, будешь кормить своей грудью.

— Ахъ, гадкая! Медвѣжонокъ! Да вѣдь не могу же я постоянно быть здѣсь.

— Такъ чего же лучше? Поставь здѣсь Тараса несмѣнимъ часовымъ, пока птички не выростутъ. Вотъ Лялька-то будетъ счастлива! Каждую ночь свиданье...

— Нѣтъ, надо все гнѣздо перенести ближе къ палацу, въ оранжерею. Только какъ это сдѣлать?

— Приказать садовнику, онъ и сдѣлаетъ.

— Да, это хорошо. И надо сейчасъ же сдѣлать, а то я боюсь ихъ оставить, бѣдненькихъ. Жаль, что мы не взяли съ собой Ляли, я бы ее тотчасъ послала отыскать садовника.

— Я его видѣла въ оранжереѣ. Онъ тамъ что-то распоряжается, всѣхъ хлоповъ изъ парка согналъ туда.

— Милая, душа моя! Сулечко!—заговорила Марина умоляющимъ голосомъ. — Сходи въ оранжерею, прикажи садовнику притти сюда съ хлопами. А я посмотрю здѣсь за птепчиками. Теперь ихъ нельзя оставлять однихъ: вонъ постоянно летаетъ тутъ этотъ страшный коршунъ, онъ ихъ сейчасъ унесетъ. Сходи, душечка!

Уруса ушла. Марина, оставшись одна, сначала полюбовалась на птичекъ, которыя, скукожившись въ клубочки, повидимому, дремали; потомъ, сорвавши цвѣтокъ махроваго шиповника, глубоко задумалась о чемъ-то. За минуту лицо ея имѣло совсѣмъ почти дѣтское выраженіе, и говорила она, и высказывалась совсѣмъ, какъ ребенокъ, наивно; теперь же и тѣни, и краски иныя легли на ея лицо, и вся она словно возмужала...

Машинально обрывая цвѣтокъ шиповника, лепестокъ за ле-

пестком, она шептала: «коха—не коха, коха—не коха»... Послѣдній лепестокъ вышелъ «не коха».

Дѣвушка, бросивъ общипанный цвѣтокъ, съ минуту постояла въ раздумьи, а потомъ подошла къ гнѣзду и замѣтила, что птички не спятъ. Она протянула къ нимъ руку. Птенцы снова стали ловить ея палецъ—проголодались уже. Тогда Марина осторожно вынула ихъ изъ гнѣзда, присѣла на траву, положила птичекъ себѣ на колѣни и стала ихъ кормить вареным рисомъ.

Въ это время вблизи послышались чьи-то быстрые шаги. Марина оглянулась, передъ нею стоялъ Димитрій... Онъ казался страшно взволнованнымъ: лицо было блѣдно, глаза горѣли...

Увидавъ дѣвушку, онъ робко остановился.

— Ради Бога, простите меня!—заговорилъ онъ нерѣшительно, запинаясь.—Я, можетъ быть, испугалъ васъ, помѣшалъ вамъ... Простите, я не ожидалъ васъ встрѣтить здѣсь...

— Я также случайно пришла сюда,—немножко взволнованнымъ голосомъ отвѣчала дѣвушка,—я узнала, что эти бѣдныя птички вчера лишились матери, и пришла ихъ покормить... Я распоряжусь, чтобы перенесли ихъ въ безопасное мѣсто.

Она встала и бережно положила птичекъ въ гнѣздо. Потомъ, обернувшись къ Димитрію, она съ испугомъ спросила: «Но что съ вами, князь? Боже мой! У васъ кровь на щекѣ... вы ранены...»

Димитрій еще болѣе растерялся.

— О, ради Бога, простите, простите меня!—говорилъ онъ торопливо.—Это ничего... пустая царапина... я не желалъ этого... не смѣлъ... но меня вызвали на поединокъ... я не могъ не принять вызова... долгъ рыцарской чести... простите!

— Но кто васъ вызывалъ на поединокъ?—спросила дѣвушка испуганно.

— Онъ—князь, князь Корецкій...

Дѣвушка вспыхнула, потомъ тотчасъ же побѣлѣла, какъ полотно.

— И что же, князь?—спросила она чуть слышно.

— Я не хотѣлъ убивать его... Я только сбилъ его съ коня... Но онъ бросился на меня, оцарапалъ шпагой мою щеку... Я долженъ былъ защищаться и ранилъ его.

— Опасно?—еще тише спросила Марина.

— Нѣтъ, пани, я только прокололъ ему руку... Его увели, онъ въ безопасности... Но я хотѣлъ, чтобы это осталось тайной...

Простите же, если это нечаянно обнаружилось передъ вами... Я хотѣлъ пройти паркомъ, чтобы быть незамѣченнымъ.

Къ дѣвушкѣ воротилось ея обычное самообладаніе. Изъ ребенка, какою она казалась за нѣсколько минутъ, когда заботилась о судьбѣ горлинокъ, она вдругъ стала женщиной.

— Вы еще можете пройти незамѣченнымъ,—сказала она спокойно.

Димитрій стоялъ въ нерѣшительности. Онъ казался спокойнѣе, но, повидимому, еще болѣе робѣлъ, чѣмъ за минуту передъ этимъ. Наконецъ, онъ осилилъ себя.

— Панна Марина, — сказалъ онъ тихо, почти шопотомъ, приближаясь къ ней,—моя звѣзда привела меня къ вамъ, отъ васъ зависитъ сдѣлать ее счастливою...

Марина потупилась... видно было, что въ груди у нея не хватаетъ дыханія... Точно она не здѣсь, не у этого гнѣзда горлинки... И одинокую пальму, и горячую голову ея жжетъ экваторіальное солнце... Знамена вѣютъ и преклоняются передъ ней. Снѣжное поле... обледенѣлая сосна... обледенѣлая корона...

Нѣсколькими годами разомъ, кажется, постарѣла дѣвушка...

— Ваше высочество!—отвѣчаетъ она медленно, обдуманно.—Звѣзда ваша слишкомъ высоко взошла. Она не для такой простой дѣвушки, какъ я...

Не такого отвѣта ждалъ бродяга-царевичъ, царевичъ, непомнящій родства... Онъ бросается на колѣни... Не того ожидала и дѣвушка. Она протягиваетъ руки, чтобы поднять царя... Царь на колѣняхъ!.. Но бродяга-царь хватаетъ ея руки и цѣлуетъ... Передъ нею царь на колѣняхъ...

Въ дѣвушкѣ оказывается разомъ великая сила, та сила, которая уносила ее въ невѣдомыя страны, къ невѣдомымъ людямъ, завоевывать невиданныя царства... Новый апостолъ... ликующій Римъ... Іоанна д'Аркъ... спасеніе Польши...

«Дочь моя! Перстъ божій на тебя направляется», звучитъ гдѣ-то въ душѣ, въ мозгу страшное слово...

— Ваше высочество!—говоритъ дѣвушка такъ же медленно, взвѣшивая каждое слово.—Моя рука слаба для вашего дѣла. Вамъ нужны руки, владѣющія оружіемъ, а моя можетъ только возноситься къ небу вмѣстѣ съ молитвами о вашемъ счастіи.

— Но безъ васъ для меня нѣтъ счастья!—безумно говоритъ тотъ, который съ непостижимо дерзкимъ упрямствомъ думаетъ

завоевать великое царство, имѣя въ своемъ прошломъ только посохъ бродяги.

Вотъ что дѣлаетъ съ людьми, съ людьми даже небывалой нравственной силы, простая земная страсть, присущая и человѣку, и звѣрю, генію и отребью человѣчества... Бродягѣ-царю не нужны царства, когда не удовлетворена эта земная страсть...

— Безъ васъ мнѣ не нужны всѣ троны міра!—продолжаетъ говорить безумный.

— Такъ оставьте меня, опомнитесь, перестаньте обо мнѣ думать... Или станьте на челѣ войска, побѣдите вашихъ враговъ, тогда подумайте, какъ побѣдить мое сердце... Только славными подвигами и доблестями вы меня завоюете.

Опять передъ нею носится ледяная корона... Туда, на сѣверъ, на льдины, ведетъ ее перстъ божій... Ей припоминается дѣтство, дѣтскія видѣнія, апостольство... Нѣтъ, только съ ледяною короною на головѣ о н ъ долженъ притти и взять ее на апостольство...

— Но я не завоюю моего царства, когда моимъ оружіемъ, и моимъ щитомъ, и моимъ войскомъ не будетъ надежда: въ ней мои легіоны,—продолжаетъ тотъ свое безуміе.

И странное дѣло! Сошлись дѣти около гнѣзда горлинки, около осиротѣвшихъ, вслѣдствіе человѣческой глупости, холопства и звѣрства, маленькихъ птенцовъ, сошлись дѣти—ему лѣтъ двадцать, ей—семнадцать-восемнадцать, и только бы играть да любиться дѣтямъ; такъ нѣтъ! Хотимъ царства завоевывать, хотимъ искать коронъ. И пайдутъ, и завоюютъ, для дѣтей все возможно. Безъ дѣтскихъ порывовъ молодости, безъ дѣтской вѣры въ свою звѣзду не существовало бы творчества въ мірѣ, не существовалъ бы геній, не существовалъ бы міръ.

Запищали птички въ гнѣздѣ. Дитя-Марина бросилась къ нимъ.

— Панна Марина!—говоритъ снова дитя-царь.—Вы спасете осиротѣлое гнѣздо горлинки... Бѣдная Россія! Она тоже осиротѣлое гнѣздо горлинки. Плачутъ бѣдныя птички, на ихъ гнѣздѣ коршунъ сидитъ. Панна Марина! Дайте мнѣ надежду, и я сгоню коршуна съ осиротѣлаго гнѣзда русскаго.

Марина молчитъ. Она слишкомъ поглощена заботами о сироткахъ, она снова кормитъ прожорливую птичку, а у самой

щеки пунцовыя... руки дрожатъ... кашка не попадаетъ въ ротъ птичекъ...

— Паппа Марина!..

Молчитъ... Она боится, что онъ услышитъ, какъ ее сердце колотится... Срамъ...

Нѣтъ мочи молчать... И ему нѣтъ мочи... Онъ беретъ ее за руку, молчитъ, только рука дрожитъ, голова наклонена къ гнѣзду. Слезы... Онъ беретъ ее за подбородокъ... «О чемъ слезы, панна Марина?» «Птичекъ жаль». Охъ, ужъ эти птички! Слышатся шаги, это идетъ Урсула. Будетъ пока, читатель.

VIII. Запорожцы въ Кіевѣ.

Въ Кіевѣ на праздникъ Спаса-Маковія, у Крещатицкаго спуска, окруженный парубками и дивчатами, старухами, молодицами и дѣтворою, сидитъ кобзарь и тихо перебираетъ пальцами по своей сильно затасканной, но симпатично пѣвучей бандурѣ. Сѣдой чубъ, расчесанный вѣткомъ, съ высокаго лба свѣсился прямо на лицо старика и совсѣмъ закрылъ его слѣпые глаза. Да и зачѣмъ старику глаза, когда онъ весь живетъ прошлымъ, когда передъ его духовными очами стоятъ однѣ пережитыя картины, встаютъ мертвыя лица, которыхъ, все равно, онъ не увидалъ бы, еслибъ и остался зрячимъ? Зачѣмъ глаза старости, все схоронившей и постоянно назадъ оглядывающейся, но не для того, чтобы видѣть, а чтобы вспоминать только, воспроизводить въ представленіи? А вспоминается все лучше съ закрытыми глазами, чѣмъ съ открытыми, а съ слѣпыми глазами вспоминается еще лучше, чѣмъ даже съ закрытыми. Такъ зачѣмъ глаза передъ могилой? Все равно и безъ глазъ добредешь до нея.

Около кобзаря сидитъ черномазенькая, съ кругленькимъ загорѣлымъ личикомъ и съ большими сѣрыми глазками дѣвочка. Кромѣ бѣлой, до-нельзя запачканной арбузнымъ и дынным сокомъ рубашонки и прилипшихъ къ босымъ ногамъ слоевъ уже засохшей грязи, на ней ничего нѣтъ; но зато голова со спутавшимися черными волосами вся утыкана яркими цвѣтами, да на груди болтается большой мѣдный крестъ. Это внучка кобзаря, его мѣхоноша и его глаза. А глаза у нея пребойкіе, такъ что нельзя не удивляться, какъ на это загорѣлое, давно немытое

дівчинко могли попасть такіе чистые, свѣтлые, съ огромными рѣсницами глаза. Все это—капризная природа: она такъ любитъ шутить контрастами.

Всѣ смотрятъ на кобзаря и на дѣвочку-мѣхоношу съ любопытствомъ и жалостью.

— Мати Божа! Таке мале, а вже й лихо знае,—говоритъ, пригорюнившись и вздыхая баба въ полосатой плахтѣ, повязанная большимъ платкомъ въ видѣ чалмы.—И въ мене таке було, та теперь не ма... Дето вона, бидна дитина, мотается?

И баба утерла рукавомъ слезы.

— Дивчинка, бабусю?—съ участіемъ спрашиваетъ стоящая около нея дѣвушка въ красной запаскѣ и съ голубою лентою вокругъ бѣлокурой, гладко причесанной головы.

— Дивчинка—Титянка а дити «Лялькою» звали... Такъ за Лялю и пишла.

— Де-жъ, вона, бабусю?—снова спрашиваетъ дѣвушка въ голубой лентѣ.

— И сами не знаемо... Кажуть, було десь у Самбори, десь дуже далеко, въ покоевыхъ у воеводы, у пана Мнишка... А теперь чи жива, чи вмерла, не знаемо. Се була рокивъ десять назадъ, якъ панны Вишневецьки та Гойськи набирали соби маленькихъ дивчатокъ та хлопчикивъ въ покоювки та въ пахолки, забрали и мою Лялю.

А бандура кобзаря все тренькаетъ что-то заунывное, раздумчивое... Вспоминаетъ старая голова все прошлое, мертвое, сохранившееся только въ звукахъ его бандуры.

Всѣ ждутъ, не споетъ ли онъ какой-нибудь думы, не попачетъ-ли на своей бундурѣ.

Дѣти, сначала робко, а потомъ все смѣлѣе и смѣлѣе подходятъ къ дѣвочкѣ мѣхоношѣ, улыбаются ей, заигрываютъ съ ней, а потомъ и заговариваютъ.

— Якъ тебѣ, дивчинко, зовуть?—спрашиваетъ ее пузатый мальчуганъ, обстриженный такъ кругло и высоко, что свѣтлые, густые волосы его представляютъ подобіе засохшаго подсолнечника безъ сѣмячекъ, опрокинутаго ему на маковку.—Якъ тебе зовуть?

— Палазя,—отвѣчаетъ бойко дѣвочка, сидя на «призьбѣ» и болтая ногами.

— А въ тебѣ мати є?

— Ни, нема.

— А батько?

— И батька не ма. Тато та мама орали въ поли, а ихъ и взяли татары.

— А мій тато двохъ татаръ убивъ, якъ козаки у Крымъ ходили,—хвалится мальчуганъ.

— Мій дѣдушка, якъ у его ще очи були, козакувавъ та у городи у Козлови турка та туркеню заризавъ,—съ своей стороны похваляется дѣвочка.

Дѣдушка-кобзарь слышитъ это, и рука его невольно замираетъ на бандурѣ... Вспоминается-ли ему какъ этою рукою, для которой теперь осталась одна работа—переборъ струнъ говорливыхъ, разрубилъ онъ топоромъ бритый черепъ турка галерника и убилъ «дивку-бранку», у которой находились ключи отъ невольницкой галеры? Или всплыло въ его памяти воспоминаніе, какъ въ молодости онъ бѣжалъ съ товарищемъ изъ Азова, изъ турецкой неволи, и на Савуръ-могилѣ долженъ былъ похоронить своего товарища, истаявшаго въ неволѣ и не вынесшаго долгого пути на родину?

— А вы-бъ, старче Божій, заспивали-бъ намъ де-що,—обращается къ нему статный парубокъ въ смушковой шапкѣ, въ синихъ широкихъ шароварахъ и въ чоботахъ на такихъ высокихъ «закаблукахъ» что между каблукомъ и подошвой свободно могъ пролетѣть воробей.

И парубокъ вложилъ въ руку кобзаря какую-то монету.

— Заспивайте-бо, кобзарю,—повторилъ онъ.

— Та що-жъ вамъ заспивати, люди добри?—спрашиваетъ кобзарь.

— Про невольникивъ, або про Марусю-Богуславку.

— Або про Байду,—поясняетъ другой парубокъ.

— Або про казака Голоту.

— Ни, дидушка, заспивайте про трехъ бративъ, якъ вони изъ города Озова утикали, изъ турецькой неволи,—упрашивали дивчата, которымъ эта дума особенно была по душѣ, какъ самая задушевная.

— Добре. Про трехъ бративъ, такъ про трехъ бративъ,—соглашался кобзарь, который самъ наиболѣе любилъ эту думу, напоминавшую ему его молодость, его молодыя страданія въ не-

волѣ. Ахъ, зачѣмъ не воротится эта неволя, только бы съ молодостью, съ молодыми глазами, съ молодыми горями и молодыми радостями?—думается ему иногда.

И вотъ онъ пастраиваетъ свою бандуру, внимательно прислушиваясь чуткимъ ухомъ къ нестройному говору струнъ, изъ которыхъ онъ долженъ извлечь тѣ плачущія ноты, ту тоскливую мелодію и тѣ дорогіе образы, коими уже столько лѣтъ питается и плачетъ и живетъ этими сладкими слезами прошлаго его старое, но все еще не уснувшее казацкое сердце. Все стройнѣе и стройнѣй страиовится перебойчатый говоръ струнъ, все плавнѣе и плавнѣе дѣлается ихъ треньканье. На минуту онъ останавливается и потомъ нѣсколько хриплымъ, дрожащимъ, но глубоко симпатичнымъ голосомъ начинаетъ протяжный, плачущій речитативъ:

Ой то не пыли пылили,
Не туманы уставали,—
То изъ земли турецкои,
Да изъ виры бусурменськои,
Изъ города изъ Озова, изъ тяжкои неволи
Три братика втикали.
Два кинныхъ, третій пишій пишениця,
Якъ бы той чужій чужениця,
За кинными бижить-пидбигае,
На сыре, кориння, на биле камииня
Нижки свои козацкіи посикае, кровью слиды заливае.
До кинныхъ бративъ добигае,
За стремена хватае,
Словами промовляе:
«Станьте вы, братця! коней попасите, мене подождите,
Съ собою возьмите, до городивъ христіянськихъ хочъ мало пидвезите,
Нехай же я буду знати,
Куды въ городы христіянськи до отця матери дохождати».

Разбитый, надтреснувшій, но горько плачущій голосъ умолкаетъ, одна бандура плачетъ-заливается... И откуда беретъ она столько надрывающаго чувства, хоть такъ просты ея звуки, такъ дѣтски проста мелодія?

Все замерло, слушая этотъ плачъ. Даже дѣти присмирѣли, готовы, кажется, разревѣться...

— Катрую... голубко,—слышится гдѣ-то сдержанный шопотъ.

— Та ну-бо, Максиме, не рушь мене,—слышится протестующій женскій голосъ.

— О, яка-бо ты..

А кобзарь продолжаетъ:

«И ти браты тее зачували,
Словами промовляли:
«Ой братику нашъ меньшій, милый,
Якъ голубонько сивый!
Ой та мы сами не втечемо
И тебе не ввеземо:
Бо изъ города Озова буде погоня вставати,
Тебе пишого на тернахъ та въ байракахъ минати,
А насъ кинныхъ буде доганяти,
Зтриляти-рубати,
Або живыхъ въ полонъ завертати.
А якъ живъ-здоровъ будешъ,
Самъ у землю христіянську увійдешъ».

И опять перерывъ. Голосъ умолкаетъ, духъ захватываетъ у стараго кобзаря; только бандура не умолкаетъ, какъ бы заставляя еще глубже вдуматься, вчувствоваться въ то, что сейчасъ выплакано было голосомъ, словами...

И слушатели напряженно ждутъ, что же дальше будетъ съ этимъ бѣднымъ младшимъ братомъ?.. Бандура не говоритъ, а только подготовляетъ къ чему-то печальному, глубоко-горестному. Не слышно и шопота Максима, и Катруни не слышно, слышится лишь что-то очень горькое въ звукахъ, въ воздухѣ.

«И тее промовляли,
Видтиль побигали,
А меншій братъ, пиша-пишаница.
За кинными братами вганяе,
Кони за стремена хватае,
Словами промовляе,
Стремена слезами обливае:
«Братики мои ридненьки,
Голубоньки сивеньки!
Коли-жъ мене, братця, не хочете ждати,
Хочъ одно-жъ вы милосердіе майте:
Назадъ коней завертайте,
Изъ пиховъ шабли выймайте,
Мини съ пличъ голову здіймайте,
Тило мое порубайте,
Въ чистимъ полю поховайте,
Звиру та птици на поталу не дайте!»

И снова плачетъ одна бандура, и чѣмъ дальше, тѣмъ страстнѣе этотъ плачъ, тѣмъ горестнѣе качается въ тактъ игры сивая голова бандуриста.

— Охъ, матинко!—слышится женскій стонъ.

Дивчата плачутъ, тихо утирая слезы шитыми рукавами, то одинъ, то другой рукавъ поднимется къ молодому лицу и опустится... Не выдержалъ и пузатый мальчуганъ, заревѣлъ.

— Чого ты, Хведирець, плачешь?—спрашиваетъ бѣлокурая дивчина съ голубой лентой на головѣ.

— Жалко...

— Кого жалко?

— Онъ того, дидушку...

А дѣдушка все качается да тренькаетъ... И чортъ его знаетъ, откуда что берется у этого хилаго старикашки, у этой затасканной бандуренки!.. Такъ вотъ и рѣжетъ и тянетъ душу, такъ и поливаетъ слезами, захватываетъ горло невольнымъ стономъ.

— У, и гаспидова-жъ муха! Якъ жалко кусается,—сердито говоритъ статный парубокъ въ смушковой шапкѣ и на высокихъ закаблукахъ, смахивая со щеки предательницу слезу...

Да, муха, она кусается до слезъ... Вонъ и дивчатъ, вѣрно, все мухи кусаютъ: бѣлые рукава все чаще и чаще поднимаются къ заплаканнымъ глазамъ... Молодыя лица туманятся жалостію. Чортовы мухи!..

Нѣтъ, господа Росси, не вызвать вамъ такихъ искреннихъ слезъ изъ души слушателей, какія вызываетъ вотъ этотъ слѣпой, старый, оборванный, безголосый кобзарь Данило Полудидько, у своихъ слушателей... И не понять вамъ разницы между вами и ими, между вашими слезами и ихними...

— Тютю на васъ! Отъ дурни! Уси розхлюпались, плачуть мовъ москаля ховаютъ!—неожиданно раздался веселый голосъ позади всѣхъ.

Очарованіе разомъ исчезаетъ. Бандура умолкаетъ. Всѣ невольно оглядываются.

По серединѣ улицы стоитъ «козакъ», упершись руками въ боки. На немъ высочайшая барашковая шапка, почти въ видѣ конуса, съ малиновымъ верхомъ, свѣсившимся на правое плечо, и едва держащаяся на бритой головѣ. Длинный оселедецъ закинутъ за ухо. Бѣлая, растегнутая у ворота сорочка, вся въ дегтю. Желтые шаровары тоже въ дегтю и въ пыли. Красные «саньянци» въ грязи. Шаблюка волочится по землѣ и при малѣйшемъ движеніи поднимаетъ страшную пыль. Загорѣлое лицо козака черно, какъ голенище: видно, не мало палило его лѣтнее горячее

солнце гдѣ-нибудь въ степяхъ, и не мало «годувались» по камышамъ комары казацкою кровью.

— А ну, кобзарю, утни веселои, такои, щобъ шкварчала,— хрипитъ казакъ.— Козаки низови йдуть Москву плюндровать, москаливь лякать, московськи капшуки трусить та москалеви на шію нового царя садовить.. А нубо, старче, вдарь казацькои.

Фигура стараго кобзаря преобразуется. Сивая голова поднимается выше, молодость, молодая казацкая удаль вспоминается... Степи, байраки, татарва, дивчата, веселая улица...

Бандура начинаетъ вытренькивать что-то говорливое, пересыпчатое, бойкое, и старое горло, и старый языкъ шибко выверты̀ваютъ неподражаемые выкрутасы:

Ой ходила дивчина бережкомъ,
Загоняла селезня батижкомъ:
«Гиля, гиля, селезню, до дому!
Продамъ тебе жидовину рудому».
За три копы селезня продала,
А за копу дударика наняла.
—Заграй мени, дударику, на дуду,
Теперь же я свое горе забуду...

— Добре, добре, диду! — кричитъ козакъ, выплясывая середи улицы, то навприсятки, то семеня ногами и поднимая невообразимую пыль.—Добре! Добре! Що накинь, ще пиддай жару, старче!

И старецъ поддаетъ жару.

— Оттакъ! Оттакъ! Добре! Ще вдарь...

А старый ротъ вмѣстѣ съ бандурой выговариваетъ:

«Коли-бъ тоби горенько та печаль,
То бъ ты выйшовъ на улицю та й кричавъ,
А то-жъ тоби горенька немае:
Ой хто-жъ тоби ци кучери звивае?»

Откуда ни возьмись, еще одинъ козакъ, маленькій, рябой, кирпатенькій, съ шапкою въ половину своего роста и тоже, взявшись въ боки, начинаетъ выплясывать лицомъ къ лицу съ высокимъ товарищемъ и выговаривать:

«Була въ мене дивчина Орися,
Тоби въ мене ци кучери вилися;
Була въ мене дивчина Уляна,
Вона-жъ мени ци кучери звивала;

Була въ мене дивчина Варвара.
Вона-жъ мени ци кучери порвала;
Була въ мене дивчина паскудна,
Вона жъ мени ци кучери паскубла...»

— Тютю, чортовы дити! Якого вы гаспида бисетесь? Хиба не бачете, ось свята Покрова, корогви...

«Чортовы дити», усатые плясуны оглядываются — передъ ними на конѣ батько-отаманъ впереди своего войска. Знамена съ образами на пихъ и крестами... Войско валитъ Крещатикомъ, конные, пѣшіе, босые и обутые, разодѣтые и ободранные. Батько-отаманъ... да это тотъ самый запорожецъ, котораго мы видѣли на Дону съ Отрепьевымъ.

— Оце-жъ и е наше війско,—говорятъ оторопѣлые «чортовы дити»-плясуны,—идемо съ московськимъ царевичемъ. А мы отъ и розтаньцювались тутъ соби на-лихо...

Войско двигалось въ безпорядкѣ. Это была небольшая часть его, исключительно днѣпровскіе казаки, часть того двухтысячнаго отряда казацкаго, который соединился съ Димитріемъ и его польскими отрядами, не доходя Кіева, въ дорогѣ. Этотъ отрядъ шелъ развѣдать о мѣстѣ переправы черезъ Днѣпръ, собрать и приготовить кіевскіе паромы. Батько-отаманъ ѣдетъ впереди своихъ «хлопцивъ»...

Снизу, отъ Днѣпра, скачетъ какой-то всадникъ и машетъ шапкой.

— Зрада! Зрада!—кричитъ онъ, подскакивая къ отряду на взмыленномъ конѣ.

— Якого-жъ чорта ты кричишь? Яка тамъ зрада?—осаживаетъ его батько-отаманъ.

Этимъ развѣдочнымъ отрядомъ или авангардомъ и командовалъ Куцько-атаманъ. Чтобы придать отряду болѣе обаянія, онъ по дорогѣ, въ одномъ селѣ, захватилъ церковныя хоругви, которыя передалъ ему священникъ того села, не хотѣвшій, чтобы его церковь обращали въ уніатскій костелъ.

— Яка зрада?—спрашиваетъ атаманъ вѣстового.

— Ходу не ма черезъ Днипро... Паромы вси пропали.

— Якъ пропали?

— Такъ и пропали... Мени тамъ казавъ одинъ старецъ печерській, що се московська закарючка.

И они оба отъѣхали въ сторону. Толпа, что слушала кобзаря,

глазѣла на отрядъ. Казаки заигрывали съ дивчатами, перекидывались остротами съ парубками, называя ихъ «лежебоками», «винниками», «броварниками», звали съ собой въ казачество. то же говорилъ и кобзарь: «Идить, хлопци, погуляйте въ поли»...

— Яка закарючка, кажешь ты? — спрашиваетъ атаманъ вѣстового.

— А отъ-яка. Сюды изъ Москвы отъ патріарха Іова пріихавъ до воеводы пана Острожьскаго москаль, Ахвонька Пальчикъ зъ грамотою, буцимъ-то царевичъ—не царевичъ, а биглый дяконъ... Такъ панъОстрожскій и поховавъ усп паромы. Черпецъ знае, де вопи.

— Овва! Биглый дяконъ... Мы имъ дамо биглаго дякопа... Гайда до воеводы!

IX. Годуновъ и мать Димитрія.

Со временъ самой опричины никто не запомнитъ, чтобы на Москвѣ стояла такая молчаливая угрюмость, какая окутала этотъ всегда шумный городъ съ лѣта и особенно съ осени 1604 года. Словно моровое повѣтріе согнало всѣхъ съ улицъ и площадей въ дома, словно невидимая черная немочь неслышно ходитъ по базарамъ, стогнамъ и закоулкамъ города и, стуча костлявыми пальцами въ окна, ворота и двери домовъ, лавокъ и амбаровъ, зловѣще проситъ: «отоприте, отоприте», и люди, слыша этотъ зловѣщій стукъ, еще крѣпче запираютъ ворота, двери, ставни... Показывающіеся на улицахъ прохожіе спѣшатъ скорѣе пройти, чтобы не встрѣтиться съ кѣмъ, а встрѣчаясь, спѣшатъ разойтись, не глядя другъ другу въ лицо. Уныло звонятъ церковные колокола къ утренямъ, обѣднямъ, вечернямъ: богомольцы тихо сходятся въ церквахъ, горько плачутъ и молятся и такъ же тихо, безмолвно расходятся по домамъ... Словно зачумленныя бродятъ по городу собаки, поднявъ хвосты, и, не видя обычнаго оживленія на улицахъ, воютъ, наводя тѣмъ еще пущую угрюмость и тоску...

Да и какъ не угрюмиться Москвѣ? Каждый день эту угрюмость увеличиваетъ стукъ топоровъ, который отъ зари до зари раздается то на Красной площади, то на Самотекѣ, то на Болотѣ, то, наконецъ, въ самомъ Кремлѣ, у тайницкаго обрыва, противъ самыхъ оконъ кремлевскаго дворца.

И что за странныя, а для Москвы страшныя постройки мастерятъ новогородскіе да костромскіе плотники? Что это за маленькія рубленыя горенки возводятся на показанныхъ мѣстахъ, горенки безъ окопъ и дверей, какіе-то остовы домиковъ, срубы квадратные, да столбы, заостренные кверху, словно гигантскія иглы? Постучатъ-постучатъ топорами костромскіе плотнички, достроятъ горенку-другую, а на другой день, глядь, вмѣсто горенки одна кучка золы вѣтромъ развѣвается, да изъ-подъ золы иногда косточки обугленныя, крестики, запонки да пуговицы желѣзныя да мѣдныя виднѣются. И вновь стучатъ топоры, и вновь поднимаются надъ испепеленною землею маленькіе срубы-горенки, а рядомъ съ ними иногда торчатъ гигантскія иглы—колья заостренные. И какое это платье, какія полотнища шьются этими иглами великими, какіе охабни да порты да зипуны узорочные расшиваются да изукрашиваются иглами-великанами?

Шьетъ этими иглами Борисъ Годуновъ свою, раздирающуюся по швамъ, царскую порфиру, надѣтую имъ на себя не по праву. Сколачиваетъ онъ топорами костромскихъ плотниковъ, расшатывающійся тронъ свой, на который онъ вступилъ черезъ трупъ младенца невиннаго. Подпираетъ царь Борисъ высокими, заостренными кольями неплотно сидящую на головѣ его тяжелую шапку Мономаха... Охъ, тяжела, тяжела ты, шапка Мономахова! Не въ пору ты, шапка старая, круглой татарской головѣ, потомка татарскаго мурзы—Четя. А въ пору была бы ты, шапка старая, молодой головушкѣ царевича Димитрія, не то зарѣзаннаго, не то безъ вѣсти пропавшаго...

Шьетъ Борисъ свою порфирушку, а порфирушка все не сошьется, а все больше и больше по швамъ распускается. Сколачиваетъ Борисушка тронъ свой царскій, напрокатъ взятой силою, а тронъ все не сколачивается, а что день, что ночь больше и больше по бревнушку расползается. Подпираетъ Борисушка тяжелую шапочку мономашечку на своей буйной головушкѣ, а шапочка-мономашечка съ буйной Борисовой головушки на землю валится....

Охъ, тяжко, тошно Борисушкѣ, не радуютъ палаты бѣлокаменныя, переходы высокіе, столы-скатерти браныя, ширинки шитыя, чаши серебряныя, кубочки золоченные; не радуютъ его яства сахарныя, меды сладкіе, платье узорочное; не веселитъ его очушки свѣтлыя казна царская, дума боярская... Не радуютъ

его дѣтушки малыя, что ни соколъ ясный царевичъ Ѳедюшенька младъ, что ни свѣтъ млада Аксиньюшка царевишна, лицомъ бѣлая и румяная, съ косами трубчатыми, со бровями союзными, со походкою лебединою и со рѣчію соловьиною. Эхъ ты, горе-горевашице, охъ ты, горе горючее, невсыпучее!..

Подойдетъ Борисушка ко косящету ко окошечку своего дворца бѣлокаменнаго, поглядитъ-поглядитъ на своихъ костромскихъ плотниковъ, что строятъ день и ночь срубы-горенки, поглядитъ-посмотритъ, какъ горятъ эти горенки со тѣлами воровъ-измѣнниковъ, какъ корчатся на высокихъ кольяхъ царевичевы сторонички, а все на сердцѣ не легче у Борисушки.

Стукъ-стукъ-стукъ топорики по горенкамъ, екъ-екъ-екъ сердечушко Борисово... Охъ, тяжко! Охъ, тяжка душенька младенца безгрѣшнаго! Охъ, горяча кровушка невинно пролитая! Охъ, тошнымъ-тошно-тошнехонько! Охъ, и смертушка желанная! Охъ, дѣтушки малыя, сироточки, что сыночекъ младъ Ѳедюшенька да млада дочушечка свѣтъ-Аксиньюшка...

Задумалъ Теренька жанитца,
Тетка да Домна бранитца:
Куды тее черти носили?
Мы бъ тея дома жанили—
Или-или-или-или-или—
Мы бъ тяя дома жанили...

— Чу! Кто-то поетъ за окномъ... Господи, Владыко живота моего! Благодарю Тебя, что и одинъ счастливый обрѣтеся въ царствѣ моемъ подданный, что поетъ радостно и счастіе, надо полагать, и покой душевный обрѣтаетъ... А то такъ-то сумарочно глядитъ моя Москва, все царство мое смутилося... Благодарю тебя, Владыко!

Это говоритъ царь Борисъ, подходя къ окну своего дворца и желая взглянуть на счастливца, поющаго въ это тяжкое время. Подходитъ онъ и видитъ, что это поетъ одинъ изъ плотниковъ, строющихъ горенки, рыженькій мужичонко, поетъ, потюкивая топорикомъ и подмигивая лукаво своему товарищу... И легко становится у Бориса на сердцѣ... И видитъ онъ въ то же время, что ко плотникамъ, черезъ площадь, стремительно бѣжитъ перепуганный приставъ, оглядываясь на царскія окошки. И Борисъ нетерпѣливо машетъ рукой приставу, останавливаетъ его усердіе; приставъ догадывается и быстро возвращается ко дворцу...

— Что-жъ Теренька, Теренька? А Теренька и вирямъ попѣ

женится, какъ къ домамъ воротимся,—говоритъ тотъ плотникъ, молодой, плечистый парень съ добродушнымъ лицомъ, къ которому рыжій мужиченко относилъ свою игривую пѣсенку.— Нонѣ у Теренькы завелись денежки.

— Что и говорить, — замѣчаетъ съ своей стороны мужиченко-пѣвунъ,—у царя, Бориса Ѳедорыча, дай Богъ ему здоровье, работка намъ есть... Топорикомъ по бревнышку тю-тюкъ-тюкъ, а денежки въ мошонушку звякъ-звякъ-звякъ.

— То-то и есть... Котору ужъ горенку строимъ?

— А Богъ ихъ вѣдастъ, я ужъ и счетъ потерялъ.

— Да, намъ-то что?—вмѣшался третій плотникъ, угрюмый мужикъ,—а каково боярамъ да дьякамъ, да посадскимъ людямъ въ этихъ горенкахъ грѣться?

— Что-жъ, паря? Не болтай лишняго... Я вотъ смердъ и свое смердье дѣло знаю, а въ царское да въ боярское не суюсь...

— Да намъ что? Намъ наплевать.

— Вѣрно,—одобряетъ угрюмый мужикъ Тереньку.—А то на поди, царевичъ, слышь...

— Ну, и что-жъ? И пущай сго царевичъ, намъ какое дѣло?—благонамѣренничаетъ Теренька.

— Такъ вотъ, поди ты, живъ, говорятъ.

— Пустое!—говоритъ рыжій мужиченко.—Самъ тады въ Угличѣ былъ, полы въ царскихъ хоромахъ перемащивали...

— Ну, что-жъ, и видалъ?—спрашиваетъ Теренька.

— Видалъ... Послѣ полудня эдакъ услыхали мы набатъ, мы въ ту пору полдничали,—квасъ съ лукомъ хлебали... Слышимъ, набатъ у Спаса въ земляномъ городѣ, пометали ложки, бѣгимъ, пожаръ, думаемъ. Анъ, бѣжитъ на колокольну къ царю Костянтину Огурецъ-пономарь, вопитъ въ истошный голосъ: царевича не стало! И ну набатить въ мертвую голову... Мы туда! И притча же, братецъ ты мой, тутъ со мной случилася, ужъ и притча!

— Что, паря?—любопытствовалъ Теренька.

— Бѣгу это я, крещуся со страху, и вдругъ, братецъ ты мой, окаянный гашникъ у меня и порвись отъ патуги-то, портки-то и свались съ меня... Ребятамъ смѣхъ, а мнѣ не до смѣху. Какъ тутъ быть думаю. Да Богъ надоумилъ: размоталъ наволоки отъ лаптя, да и подвязки портки... Ладно, бѣгу, прибѣгаю и вижу, братецъ ты мой: мамка царевичева, Орина Жданова, стоитъ и держитъ на рукахъ мертваго ребенка, кровь эдакъ аленькая изъ

горлышка черезъ ожерелье капъ-капъ-капъ... Таково жалко стало... А царица Марья тутъ же своими царскими рученками Василису Волохову—не то мамка, не то кормилка царевичева—такъ царица ее полѣномъ, полѣномъ... Ну, и подѣломъ, какъ дитю не доглядѣла?

— Вѣстимо, по дѣломъ, — подтверждаетъ угрюмый мужикъ,—царскую-то дитю—это не наше смердье.

— Такъ-такъ, братцы: смердье-то дите и свинья съѣстъ, такъ бѣда не велика.

— Ну, паря,—снова любопытствовалъ Терепька.

— Ну, какъ царица-то сказала, что царевича зарѣзали Волоховъ, братъ мамкинъ, да Качаловъ, да Битяговскіе, мы на нихъ... А Михайло Нагой кричитъ: «бей ихъ, робята, мы съ царицей все на себя беремъ»... Ладно. Битяговскій наутекъ, въ брусяную избу,—еще мы ее, братецъ ты мой, избу-то и рубили, ну, онъ въ избу, и мы въ избу, разнесли избу, разнесли и Битяговскаго. А тутъ Третьяковъ, и его бацъ! уложили... Кинулись въ разрядную избу, руки расходились, уложили Качалова и другого Битяговскаго, Данилку. Еще тамъ кто подвернулся, уложили тоже. Тутъ ужъ, паря, не глядѣли, кого бить, кого не бить: увидалъ боярское платье, и готово. Знатная была работа, скажу вамъ.

— А царевичъ же что?

— Что ему, лежитъ.

— Все у мамки?

— Нѣту. Мы и ее потрепали.

— Убили?

— Не привелъ Богъ. Какъ кинулись это на нее, сбили волосникъ...

— Что ты, паря! Опростоволосили бабу?

— Опростоволосили, такъ косой и засвѣтила.

— Охъ, срамъ какой! Да такого сраму ни одна баба не переживетъ.

— Нѣтъ, пережила эта. Мы-бъ и ее порѣшили, да отцы Ѳидоритъ да Саватій отняли, не трошь, говорятъ, робята, въ храмѣ.

— А рази въ храмѣ ихъ били?

— Да ты слушай! Что пустое мелешь?

— Какъ же, паря!

— Ну, сказано тебѣ по-русски, порѣшили тѣхъ то, что на дворѣ были да въ брусяной, да въ разрядной избѣ...

— А какъ же храмъ-отъ?

— Да ты, чортъ, не перебивай... До храма-то далеко еще.

— Ну?

— Ну, и порѣшили, вспотѣли шибко... Выпили это...

— Выпили?

— А какъ же? Жарко, ну, и дѣло царское, такъ мы ендову и роспили, а тамъ ужъ и въ храмъ... Ну, приходимъ къ Спасу: вотъ это мы, примѣрно, а это царица. Ну, и держитъ она, братецъ ты мой, на рукахъ зарѣзаннаго ребеночка... Таково жалко, таково жалко! Рыженькой такой, худенькой, и въ мертвой ручкѣ, братецъ ты мой, такъ и замерли орѣшки... орѣшками игралъ ребенокъ, какъ его зарѣзали, такъ орѣшки такъ и закочепѣли въ мертвой ручонкѣ, и кровь на нихъ...

— Какъ же теперь люди болтаютъ, что онъ живъ?—спрашиваетъ Терешка.

— Пустое болтаютъ,—осаживаетъ его угрюмый мужикъ.

— Сказываютъ, подмѣнили.

— Какъ подмѣнили?—протестуетъ рыжій разсказчикъ.— Самъ видѣлъ: рыженькой, вотъ, какъ я.

Даже угрюмый мужикъ на это разсмѣялся.

А топоры все тюкъ-да-тюкъ... Подойдетъ Борисъ къ окну, поглядитъ-поглядитъ, и опять скрывается его мрачное лицо.

А тамъ иногда выглянутъ изъ оконъ царскаго дворца молоденькія лица, то строгое, красивое личико Ѳедора царевича, съ книгой въ рукѣ или съ перомъ, то прелестное, молочнаго цвѣта личико Ксеніи царевны, съ убрусомъ въ рукахъ и иголкой, выглянутъ, увидятъ строящіяся горенки и съ испугомъ убѣгаютъ отъ оконъ...

А топоры тюкъ да тюкъ, горенки все выше да выше поднимаются... Надъ Москвой опускается ночь, еще угрюмѣе становится Москва, еще безлюднѣе... Уходятъ и плотники изъ Кремля на ночевку, умолкаютъ ихъ живые голоса, умолкаетъ тюканье топоровъ, развлекавшее Бориса, и мертвенная тишина опускается на Кремль, опускается, какъ туча передъ грозой.

За полночь... Изъ Новодѣвичья монастыря тихо, словно бы украдкой, пробирается къ городу крытая колымага-каптана съ конвоемъ. Кого везутъ въ каптанѣ, не видно... Осторожно постукиваютъ колеса каптаны, а все-таки стукъ этотъ гулко отдается въ ночной тишинѣ. Каптана въѣзжаетъ въ городъ, подъѣзжаетъ къ Кремлю, ее свободно пропускаютъ въ Кремль... Не одинъ

москвичъ проснулся, услыхавъ стукъ колесъ въ необычайный часъ, и съ испугомъ творилъ крестное знаменіе.

Каптана подъѣзжаетъ къ дворцу, останавливается. Изъ каптаны высаживаютъ женщину, всю въ черномъ. Монахиня... Монахиню кто-то проводитъ во дворецъ, во внутреннія покои царя.

Борисъ не спитъ, лѣтъ ему сна, онъ самъ зарѣзалъ свой сонъ, и сонъ-мертвецъ не идетъ къ нему...

Борисъ въ опочивальнѣ. Съ нимъ и царица Марья. Они ждутъ кого-то. Какъ постарѣли они съ тѣхъ поръ, какъ на нихъ въ первый разъ торжественно, передъ народомъ, надѣвали царскія короны! А прошло не болѣе шести лѣтъ.... О, какъ старятъ людей эти короны тяжелыя! На лицо Бориса эти шесть лѣтъ съ короной на головѣ наложили такія страшныя тѣни, провели по лбу, подъ глазами и у угловъ рта такія борозды, какія никакой плугъ, никакая соха прорѣзать не могутъ. А этотъ огонь въ глазахъ, не оживляющій, не согрѣвающій, а испепеляющій человѣка, изсушающій его мозгъ, сердце, кости, мозгъ костей... А эти судорожныя подергиванья лица, всего тѣла, это частое поникновеніе нѣкогда гордой, пенагибающейся головы... О, короны! Сколько же въ васъ тяжести, нечеловѣческой силы, разрушительности...

И царица Марья постарѣла, осунулась... И по ея лицу прошли рѣзцы времени, а въ густыя пряди волосъ сами вплелись серебряныя нити... Сѣдина, сѣдина, сѣдина, и на головѣ, и въ сердцѣ...

Тихо въ Борисовой опочивальнѣ. Тускло горятъ въ высокихъ паникадилахъ, словно въ церкви, восковыя свѣчи... Въ опочивальню кто-то входитъ въ черномъ. Это монахиня, ее то привезли въ каптанѣ изъ Новодѣвичья монастыря. Свѣтъ свѣчей падаетъ на ея блѣдное, старое лицо. Это старица Марѳа, послѣдняя жена Грознаго, мать царевича Димитрія. Старица крестится и молча останавливается у порога опочивальни.

— Подойди сюда, старица Марѳа,—тихо говоритъ Борисъ.

Старица приближается. Борисъ и царица пристально смотрятъ ей въ глаза.

— Говори правду, живъ твой сынъ или нѣтъ?—грознымъ шопотомъ спрашиваетъ Борисъ.

— Я не знаю, царь,—тихо отвѣчаетъ старица.

Борисъ отшатывается отъ нея, точно отъ привидѣнія... Го-

лова его затряслась какъ-то неправильно, словно у какой старухи.

— Не знаешь... т ы не знаешь, живъ ли т в о й сынъ!—не заговорилъ, а засипѣлъ Борисъ.

— Не знаю...

— Т е п е р ь не знаешь! О!

Царица Марья, выхвативъ изъ паникадила горящую свѣчу, съ визгомъ бросается на старицу.

— А! Окаянная! И ты смѣешь говорить: не знаю, коли вѣрно знаешь!

И она хочетъ ткнуть ей въ очи горящей свѣчей, но Борисъ останавливаетъ ее. Разсвирѣпѣвшая царица все-таки швыряетъ свѣчею въ глаза старицы.

— Вотъ тебѣ, окаянная!

Борисъ вновь подходитъ къ старицѣ и вновь смотритъ ей въ глаза.

— Ты же видѣла, что его зарѣзали? — говоритъ онъ съ дрожью въ голосѣ.

— Зарѣзали,видѣла...

— И что-жъ?

— Не знаю, не вѣдаю...

Царица снова порывается къ ней. Борисъ раздѣляетъ ихъ и снова спрашиваетъ.

— Не вѣдаешь!.. Кого-жъ ты держала на рукахъ въ церкви?

— Мертваго младенца.

— Сына?

— Не вѣдаю... Я отъ печали помутилась.

— А! Помутилась! Змѣя подколодная! — не вытерпѣла царица.

— Такъ ты думаешь, что не сына твоего зарѣзали?—болѣе спокойно спросилъ Борисъ.

— Мнѣ говорили, что не его-де.

— А кого же?

— Не вѣдаю.

— А о сынѣ твоемъ, что говорили?

— Что-де его увезли тайно изъ россійской земли безъ моего вѣдома?

— Кто увезъ?

— Не вѣдаю.

— А кто говорилъ?

— Тѣ, что мнѣ говорили, уже померли.

Борисъ стоялъ, не зная, что сказать. Ему становилось страшно этой женщины. Ему чудилось, что за ней стоитъ окровавленный ребенокъ и улыбается, улыбается, насмѣшливо улыбается... Волосы задвигались на головѣ Бориса... Что съ ними? Что они поднимаются? Корону сбросить хотятъ съ головы? Но короны нѣтъ тутъ... Охъ, какая страшная черница... Какъ страшно улыбается ребенокъ... рыженькій... И тотъ былъ рыженькій...

— Пошла вонъ!—говоритъ онъ, опомнившись.

Старица вышла неслышными шагами, какъ тѣнь... А рыженькій ребенокъ все стоитъ... Чуръ-чуръ-чуръ!..

Царица, упавъ на лавку, плакала въ безсильномъ и зломъ отчаяньи... Она рвала на себѣ душегрѣю, рубашку...

А рыженькій ребенокъ все стоитъ... Но онъ уже не улыбается...

X. Пѣсня Ксеніи.

Подъ самымъ Кремлемъ, на Красной площади, вокругъ лобнаго мѣста толпится народъ, посадскіе и гостиные люди, лабазники, суконники и всякаго званія московскіе и подмосковные людишки и холопишки. А на самомъ лобномъ мѣстѣ стоитъ старый подъячій съ чернильницею, мѣдною съ ушками, за поясомъ и съ огромнымъ орлинымъ перомъ за ухомъ и держитъ въ рукахъ какую-то бумагу. По временамъ подъячій читаетъ эту бумагу, нѣсколько въ носъ и нараспѣвъ, а потомъ размахиваетъ руками и громко объясняетъ прочитанное.

— Изъ крамолы, значитъ, врага и поругателя христіанской церкви этого самого Жигимонтишки, короля литовскаго, весь сыръ-боръ загорѣлся,—поясняетъ подъячій.

— Вѣстимо, не отъ христіанина такое непутевое дѣло пошло,—соглашается почтенная сѣдая борода, стоящая ближе другихъ къ лобному мѣсту.

— Что они, кормильцъ баютъ?—спрашиваетъ глуховатый старикъ своего сосѣда, толстаго купчину съ сережкой въ ухѣ.— Кто этотъ Жигимонтишка, не пойму я.

— Нечистый, вотъ кто: церковный ругатель, въ церкви, слышь, матерно ругается,—комментируетъ купчина съ серьгой.

— Ахъ, онъ песъ эдакой!

— И хочетъ-де,—снова разглагольствуетъ подъячій,—разорить въ россійскомъ государствѣ православныя церкви и построить костелы, латинскія капища, люторскія да жидовскія, вотъ что.

— Кто это, родимый? — вновь любопытствуетъ глуховатый старикъ.

— Все онъ же.

— Песъ Жигимонтишка?

— Нѣту, говорятъ тебѣ толкомъ: песъ Жигимонтишка самъ по себѣ, а Гришка Отрепьевъ, розстрига, самъ по себѣ.

— Что-жъ онъ?

— Царевичемъ, слышь, Димитріемъ назвался, чтобы-де за то, что его розстригли, всѣ церкви въ капища повернуть.

— Ахъ, онъ кобылій сынъ!

— А ты слушай, не лайся...

— И онъ не царевичъ Димитрій,—поучалъ подъячій,—а Юшка Богдановъ, по реклу Отрепьевъ, что жилъ у Романовыхъ, да проворовался, мясо ѣлъ...

— Ахъ, онъ окаянный!—ужасается почтенная сѣдая борода.

— Мясо ѣлъ, точно. А опосля постригся и сталъ чернецъ Гришка, и въ Чудовѣ въ діаконахъ былъ и учалъ воровать, впадо въ чернокнижіе и мясо ѣлъ...

— И мясо ѣлъ? Ахъ ты, Владычица! И какъ его земля-то за это держала!—удивляется и ужасается сѣдая борода.

— А какъ ушелъ это онъ въ Литву и сталъ блевать неподобное, якобы онъ царевичъ углицкой, и та блевотина его ни во что: святѣйшему патріарху и всему освященному собору и всему міру вѣстно, что Димитрія царевича не стало вотъ уже четырнадцать годовъ,—продолжалъ ораторствовать подъячій.

— А что у него, у подъячево-то, за ухомъ, родимый? — любопытствовалъ старикъ.

— Перо, аль не видишь?

— Не похоже будто на перо, велико ужъ шибко.

— Да то перо орлипое.

— Ахти, дѣло какое!

— То-то же, орлиное, царское значитъ, отъ самого царя: царь все орлиными перьями пишетъ,—поясняетъ образованный купчина съ серьгой въ ухѣ.—Орлиное, а ты мнилъ простое?

— Диво! Диво! Ишь ты...

— Орлинымъ-то оно крѣпче... Какъ написалъ «быть по сему», такъ ужъ этого топоромъ не вырубишь, потому орелъ царь-птица.

— Господи! Вотъ что значитъ грамота-то.

— И вотъ за это самое святѣйшій патріархъ со всѣмъ священнымъ соборомъ онаго Гришку вора проклялъ, анаѳемѣ предалъ,—снова слышутся слова подъячаго;—и проклятъ всякъ, кто его за царевича почитаетъ.

Многіе въ толпѣ крестятся съ испугомъ. «Святъ-святъ-святъ! Помилуй насъ»... А подъячій, поднявъ кверху бумагу, громко вскрикиваетъ:

— Анаѳема!—гудятъ голоса въ толпѣ... но не всѣ... этого никто не замѣчаетъ...

— Инъ теперь пойду я на Верхъ: къ царевнѣ, что-то она безъ меня, перепелочка, подѣлывала? Разскажу ей, что слышала,—бормочетъ про себя какая-то старушка, пробираясь изъ толпы.

Старушка смотритъ простой бабой-горожанкой, хотя одѣта богато, только скромно. Спасскими воротами она входитъ въ Кремль, крестится подъ воротами и черезъ площадь проходитъ во дворецъ, въ теремъ, на женскую половину. Всѣ встрѣчающіеся съ ней снимаютъ шапки, кланяются и привѣтствуютъ почтительно словами: «Здравствуйте, мамушка»... Это и есть мамушка Ксеніи царевны, ея пѣстунья и первая на Москвѣ сказочница. А когда-то была и пѣвица знатная: какъ запоетъ бывало «славу» и царю, и царскому платью, и царскимъ конямъ, какъ поведетъ своимъ лебединымъ голосомъ подблюдную пѣсню, такъ весь теремъ заслушается... И Оксиньюшку-царевну, золото червонное, плечико точеное, шейку лебедину, голосъ соловьиный, научила она, мамушка, всякія пѣсни пѣть.

Входитъ мамушка въ теремъ царевнинъ и видитъ, что Оксиньюшка-царевна съ четырьмя другими дѣвушками дворскими большую пелену золотомъ и жемчугомъ вышиваютъ. Заняты, значитъ, дѣло хорошее. Только видитъ, мамушка, что у Оксиньюшки-царевны какъ быдто глазки заплаканы.

— Что это матушка-царевна, глазыньки-то у тебя словно бы недавно умывались?—ласково спрашиваетъ она.

Ксенія молчитъ, низко нагибаясь надъ пеленой.

— Что-й-то, дѣвыньки, у васъ тутъ было?—спрашиваетъ мамушка у другихъ дѣвушекъ.

— Плакать изволила царевна. — отвѣчала бойкенькая, большеглазая Наташа Катырева-Ростовская.

— А объ чемъ это плакынькать ты вздумала, золотая моя?—снова допытывается мамушка.

— Такъ, мамушка, скучно мнѣ.

— Нѣту, мамушка, царевнѣ сначалова покойный женишокъ дацкой прынецъ Ягапушка, припомнился, и она изволила заплакать,—защебетала востроносенькая, съ сильно развитыми плечами и бюстомъ Оринушка княжна Телятевская.—Все припомнить изволила, что было на принцѣ Ягапушкѣ, какъ царевна его въ окошечко увидала: и платьице на немъ, атласъ алъ, дѣлано съ капителью по-нѣмецки, и шляпочка пуховая, на ней кружевцо дѣлано, золото да серебро съ капителью, и чулочки шелкъ алъ, и башмачки сафьянъ синь...

Мамушка только качала головой.

— А вы-бъ ее потѣшили, пѣсенки спѣли, — говоритъ мамушка.

— Пѣли, мамушка... такъ царевна сама изволила намъ такую пѣсенку спѣть, что и мы всѣ разревѣлись, — щебетала Оринушка.

— Какая-жъ это такая пѣсенка? Али неслыханная?

— Неслыханная, мамушка, подлинно неслыханная. Про себя изволила царевна пѣть да про растригу, про Гришку Отрепьева.

— Господи! Съ нами крестная сила!.. Вотъ сейчасъ его, окаяннаго, на лобномъ мѣстѣ проклинали.

— Проклинали, мамушка?

— Проклинали.

Дѣвушки кинулись къ ней съ разспросами:—«Да отстаньте вы отъ меня, сороки (отбивалась отъ нихъ мамушка), дайте мнѣ царевну-то допытать».

— Не почто меня пытать, мамушка-голубушка, и сама тебѣ свою пѣсенку спою,—ласково говорила, улыбаясь и цѣлуя старушку, Ксенія.—Сама ты мастерица пѣть и меня научила гласы

воспѣваемые любить. Я вотъ и напѣла себѣ пѣсенку, и спою ее тебѣ.

— А ну-ну, послушаемъ.

И Ксенія, отойдя въ сторону и подперевъ свою бѣлую полную щеку такою же бѣлою, точеною ручкой, тихо, заунывно запѣла:

Ой и сплачетца мала птичка,
Бѣлая перепелка:
Охте мнѣ, молоды, горевати!
Хотятъ сырой дубъ зажигати,
Мое гнѣздышко разорити,
Мои малыя дѣти побити,
Мене, перепелку, поимати...

— Охъ, ужъ и мастерица ты у меня, золотая моя, ужъ и подлинно млада перепелочка,—шептала старушка, съ любовью и со слезами на глазахъ глядя на свою вскормленницу,—охъ ужъ и пѣсенка утробистая, всю утробушку съ душенькой вымучитъ.

— А ты, матушка, послушай, что дальше-то,—не утерпѣла Оринушка, княжна Телятевская.

— Слушаю, слушаю, сорока ты эдакая.

Ксенія, взявъ глубокія грудныя ноты, продолжала:

Охъ и сплачетца на Москвѣ царевна,
Борисова дочь Годунова:
Охте мнѣ, молоды, горевати!
Что ѣдетъ къ Москвѣ измѣнникъ,
Ино Гришка Отрепьевъ рострига,
Что хочетъ меня полонити,
А полонивъ меня, хочетъ постритчи
Чернеческой чинъ наложити...

При пѣніи послѣднихъ стиховъ мамушка встала, съ боязнью и мольбой протянула впередъ руки, да такъ и застыла на мѣстѣ...

— Что ты! Что ты, царевна! Господь съ тобой! Что ты непутящее выдумала! Да не дай Богъ, батюшка-осударь услышитъ, такъ онъ сказнитъ мою сѣдую голову,—шопотомъ говорила старуха, мѣняясь въ лицѣ.

— Да, мамушка, и мы тоже говорили, такъ не слухаетъ царевна,—снова затрещала Оринушка.

— Да ты, мамушка, дослушай до конца,—тихо настаивала Ксенія,—батюшкѣ я не скажу объ этомъ.

— Охъ, Господь съ тобой! Всю душеньку мою вымотала,— бормотала старуха.

— Ну, слушай же, еще меня не постригли,—улыбаясь, говорила Ксенія, перебирая свою трубчатую косу.—Слушай.

Охъ—нно мнѣ постритчися не хочется,
Черпеческаго чину пездержати,
Отворити будетъ темна келья,
На добрыхъ молотцовъ посмотрити.
Инъ—охъ милыи мои переходы,
А кому будетъ по васъ да ходити
Послѣ царскаго нашего житья
И послѣ Бориса Годунова?
Ахъ, и милыи наши теремы,
А кому будетъ въ васъ да сѣдети,
Послѣ царскаго нашего житья
И послѣ Бориса Годунова?

Когда Ксенія кончила и огляпулась па подружекъ, то увидѣла, что двѣ изъ нихъ, и въ томъ числѣ большеглазая Наташенька княжна Катырева-Ростовская, забившись въ уголъ, горько плакали.

— Голубушки мои!—бросились къ нимъ Ксенія.—А вы и вправду подумали, что меня ужъ постригли... Перестаньте плакать... Ну, будетъ, будетъ, пучеглазая моя Натунюшка! Будетъ и тебѣ, чернобровочка моя Парасковьюшка! Не плачьте. Меня еще не постригли, мы еще съ вами на добрыхъ молодцовъ посмотримъ.

И царевна ласкала и цѣловала своихъ подружекъ.

— Охъ ужъ ты мнѣ, егоза!—ворчала мамушка.— Всѣхъ перемутила, и меня, старую, чуть въ слезы не ввела.

— А какъ, мамушка, Ѳедя братецъ за эту пѣсенку на меня взлютовался, такъ святыхъ вонъ понесп: ты, говоритъ обиду чинишь нашему царскому роду...

— И подлинно чинишь. Пронеси только, Господи, все это мимо царя осударя! Охъ, страшно... Помяни, Господи, царя Давыда и всю кротость его,—крестилась мамушка.

— Нѣтъ, мы ужъ съ Ѳедей помирились, и онъ больше на меня за это не сердитуетъ и показывалъ мнѣ свой чертежъ россійскаго государства,—успокаивала всѣхъ Ксенія.

— Какой чертежъ, голубушка царевна?—спросили дѣвушки.

— А на большой бумагѣ, да киноварью съ синимъ кра-

шенъ,—защебетала было востроносенькая Оринушка Телятевская, да и прикусила языкъ, вспыхнула, какъ маковъ цвѣтъ, и закрылась руками.

— А что, стрекоза, развѣ ты видала?—накинулась на нее мамушка.

— Нѣту... онъ... царевичъ... чертежъ этотъ... я нечаянно... и царевичъ нечаянно,—бормотала растерявшаяся дѣвушка.

— То-то у васъ все нечаянно, поди и поцѣловалась нечаянно,—ворчала старушка.

— Нѣту, мы не цѣловались, мамушка.

И Оринушка совсѣмъ присмирѣла. Присмирѣли и другія дѣдѣвушки. Ксенія, глядя на нихъ, только улыбалась.

А царевичъ, на котораго мамушка поклепала, будто онъ цѣловался, нечаянно, съ княжной Телятевской, съ Иришей, сидитъ въ это время въ своей комнатѣ и серьезно занятъ своимъ чертежомъ, надѣлавшимъ во дворцѣ столько шуму, особенно на женской половинѣ, въ теремѣ.

Чертежъ этотъ ничто иное какъ ландкарта, на которой изображено московское царство. Ландкарту эту чертилъ самъ царевичъ, который былъ большой искусникъ и всякой книжной мудрости навыченъ.

Царевичъ Ѳедоръ, юноша лѣтъ шестнадцати, хорошо упитанный, бѣлотѣлый, бѣлолицый и румяный и въ отца черноволосый и черноглазый. Онъ сидитъ надъ своей ландкартой и подрисовываетъ ее то тамъ, то здѣсь. Около него пожилой мужчина въ богатомъ боярскомъ одѣяніи стоитъ въ большомъ недоумѣніи.

— И ты, царевичъ, доподлинно сказываешь, что тутъ вся россійская земля на этой бумагѣ умѣстилася?—спрашиваетъ онъ недовѣрчиво.

— Вся, дядя, доподлинно вся,—отвѣчаетъ Ѳедоръ.

Дядя съ изумленіемъ разводитъ руками.

— Да тутъ и Кремлю-то одному не помѣститься царевичъ, а то на! Вся россійская земля! Да россійскую-то землю въ кои годы объѣдешь.

— А вотъ на чертежѣ-то, дядя, ее всю и видно,—успокаиваетъ его царевичъ.

— Какъ же ты говоришь, всю? А покажи-тка ты мнѣ мою звенигородскую вотчину.

Царевичъ ткнулъ пальцемъ въ одну точечку.

— Вотъ и Звенигородъ.

Дядя нагибается надъ картой и внимательно смотритъ на непонятныя ему точки.

— Гдѣ жъ это, говоришь ты, Звенигородъ?

— Да вотъ этотъ кружочекъ.

— Э! Только-то? Да развѣ это Звенигородъ?

— Звенигородъ, дядя.

— Чудеса! Ну, а гдѣ жъ тутъ моя вотчина съ пустошами?

— Ея тутъ нѣтъ.

— Ну, вотъ и нѣтъ! А ты говоришь, вся россійская земля, анъ не вся!

Царевичъ улыбнулся наивности своего дяди и ничего не сказалъ. Это былъ Иванъ Годуновъ, человѣкъ хотя и не глупый, но совершенно необразованный, и географическія карты были для него «темна вода во облацѣхъ».

Онъ задумался и, глядя на карту, разводилъ руками.

— А мудеръ твой отецъ, осударь-царь Борисъ Ѳедорычъ, ухъ какъ мудеръ!—говорилъ Годуновъ, тыча пальцемъ въ карту,—ишь чему сынка-то научилъ... Мудеръ, мудеръ... И ты въ него, государь племянничекъ, въ батюшку-то пошолъ... Мудеръ, ужъ и такъ-ту мудеръ, что и-и-и!.. Ну, а что это за червячки такіе длинненьки написаны тутъ-во?

— Это рѣки, дядя.

— Рѣки, поди ты! И Москва рѣка есть, и Яуза, и Неглинна?

— Есть и Москва-рѣка. Вотъ она.

— Экой червячекъ махонькой, мизинцемъ закроешь. Ну, а Волга рѣка?

— Вотъ она, до самаго моря дошла.

— Ишь ты какой кнутище, подлинно кнутъ, а Волга значитъ... Ну, а примѣромъ сказать, и городы тутъ есть?

— Есть и города, дядя. Вотъ Москва, вотъ Новгородъ, Тверь, Псковъ, Нижній, Рязань.

Иванъ Годуновъ даже руками объ полы ударился. — И Клинъ, поди, есть?

— Вотъ и Клинъ, дядя.

— Ахъ, ты, Боже мой! Вотъ эта маковая росинка Клинъ?

— Онъ и есть.

— Ай-ай-ай! Подлинно макова росинка... А Москва-матушка?

— Вотъ кружокъ.

— Те-те-те! Кружочекъ махонькой, вижу, вижу! Вотъ и вышло какъ въ пословицѣ: «Москва Клиномъ сошлась»... Что Клинъ, что Москва, макова росинка... Ну, а ежели бы сказать Путивль городъ, этого, поди, нѣтъ?—спросилъ онъ какъ-то нерѣшительно.

— Нѣтъ, дядя, и Путивль есть.

— Ой-ли! Есть?

— Вотъ онъ.

Годуновъ такъ нагнулся, что полкарты прикрылъ своей бородой.

— Путивль... Ахъ, ты, собачій сынъ! Такъ вонъ онъ гдѣ, на поди! Да это до Москвы рукой подать...

Годуновъ, видимо, растерялся... «Ахъ онъ, анаѳема-проклятъ! Ахъ, онъ, сатанинъ хвостъ, Гришка дьяволъ! А! Въ Путивлѣ ужъ,—бормоталъ онъ, глядя на точку, изображавшую Путивль.—«И что жъ это царское войско не беретъ его, анаѳему? А! Куда затесался»...

И царевичъ глядѣлъ смущенно... Ему вспомнилась пѣсня Ксеніи.—Охъ, какая страшная пѣсня! Ножомъ по сердцу рѣжетъ... «Шо охте мнѣ горевати»... И Ириша Телятевская вспомнилась, покраснѣлъ царевичъ... Нагнулась это она надъ чертежомъ, Москву ищетъ, и онъ, Ѳедя царевичъ, ищетъ Москву, и щеки ихъ вмѣстѣ, горитъ щечка у Иришки, и на самой-то Москвѣ и сошлися ихъ губы воедино... нечаянно, непарокомъ... да такъ и остались...

— Осударь царевичъ!—раздался вдругъ голосъ Семена Годунова.—Царь государь указалъ тебѣ явиться на очи... Здравствуй, царевичъ!

Царевичъ молча послѣдовалъ за посланнымъ.

XI. Борисъ у заживо-погребенной.

Время шло, стуча то въ тотъ, то въ другой домъ своею желѣзною клюкою и унося того или другого въ вѣчную могилу. Въ Москву приходили все болѣе и болѣе тревожныя вѣсти, что у того, кто называетъ себя царевичемъ Димитріемъ, сила все ра-

стеть, а Борисова сила, Борисовы рати таютъ какъ воскъ передъ иконою.

Борисъ сидѣлъ одинъ почти постоянно, думая свою страшную думу и не зная, что предпринять... Вспоминались старые грѣхи, вспоминались неправды цѣлой жизни, длинною лентою разстилалась позади кровавая дорога, которая привела его на тронъ... А поворота нѣтъ, и не на кого надѣяться: ни коварство, ни отрава, ни огонь, ни колья, что прежде помогало, теперь не помогаютъ... Къ кому обратиться? Къ Богу? Но какъ понести къ Богу душу, на которой неемываемыя пятна крови; море слезъ невинныхъ утопило эту душу, и не омыться ей въ этомъ морѣ слезномъ, не вынырнуть чистою передъ свѣтлымъ ликомъ Спасителя... Пусть молятся чистыя души, дѣтскія, душенька Ѳедина царевича и голубиная душенька Оксиньюшки царевны... И дѣти ходятъ по московскимъ церквамъ за батюшку просить Бога не карать ни «батюшково согрѣшенье», ни «матушкино немоленье».

А Борисъ все сидитъ взаперти да думаетъ... И надумалъ...

Въ поздній зимній вечеръ изъ Кремля выѣзжаютъ крытыя сани. Кто въ нихъ сидитъ, не видно. Сани ѣдутъ по направленію къ Новодѣвичьему.

Снѣгъ такъ и заметаетъ дорогу, слѣпитъ очи возницѣ и коиямъ. Лѣсъ въ сторонѣ поля точно въ саванъ закутался... Сани, не доѣзжая Новодѣвичьяго, сворачиваютъ вправо, слѣдуютъ мимо стѣнъ къ пруду и останавливаются у какого-то сугроба, изъ котораго торчитъ что-то вродѣ трубы... Изъ саней выходитъ кто-то закутанный шубою и съ надвинутою на глаза высокою шапкою и идетъ къ возвышающемуся сугробу съ подобіемъ трубы. У сугроба ноги его ощупываютъ заметенную снѣгомъ земляную лѣсенку внизъ, и онъ спускается по ступенькамъ въ неглубокое подземелье... Ощупывается маленькая дверка въ концѣ подземелья.

— Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!—глухо произноситъ пришедшій.

— Аминь,—чуть слышно доносится изъ подземелья.

— Миръ ти!

— И духови твоему,—отвѣчаетъ подземелье.

Дверка отворяется, пропуская лучъ свѣта извнутри подземелья на темныя стѣнки входа. Пришедшій нагибается и, сдѣлавъ крестное знаменіе, входитъ въ земляную пещеру.

Ужасны бываютъ измышленія человѣческія! Эта пещера, что представилась глазамъ вошедшаго, страшнѣе всякой берлоги дикаго звѣря, страшнѣе могилы мертвеца. И въ этомъ ужасѣ живетъ человѣкъ своею охотою, и эту ужасную жизнь не согласится измѣнить ни на какую другую, ни на царскія палаты, ни на келью святителя, ни на тронъ царя, ни на престолъ патріарха.

Глазамъ пришедшаго представилось живое существо, но. ужасъ! ужасъ! ужасъ! въ саванѣ, стоящее около своего собственнаго гроба... И гробъ тутъ стоитъ на полу земляики, открытый... Онъ всталъ изъ гроба, чтобы встрѣтить пришедшаго...

Вставшая изъ гроба въ саванѣ была женщина, еще не старая. Вся пещера занимала нѣсколько болѣе квадратной сажени. Стѣны земляныя, выглаженныя руками въ твердомъ, отчасти глинистомъ грунтѣ. Въ переднемъ углу большое стоячее распятіе, а передъ нимъ горящая лампадка. Окопъ нѣтъ. Свѣту неоткуда нельзя пробраться въ эту могилу. Съ одной стороны въ земляной стѣнѣ продолблено нѣчто вродѣ печурки съ отверстіемъ вверхъ, къ трубѣ. На полу печурки зола и уголья. Къ другой сторонѣ стѣны приставлено нѣчто вродѣ земляной низенькой лавочки въ аршинъ ширины и длины. А на серединѣ пещеры, на полу—открытый, простой сосновый гробъ... Вотъ и вся мебель, все украшеніе человѣческаго жилья... Да, въ гробу, въ изголовьи стружки замѣняющія подушку мертвецу; да тутъ же въ гробу у изголовья изъ стружекъ костякъ человѣческаго черепа.

Пришедшій, окинувъ взоромъ всю эту потрясающую обстановку и пересиливая невольный трепетъ, низко поклонился стоявшей передъ нимъ женщинѣ въ саванѣ.

— Благослови меня, матушка,—сказалъ онъ робко.

Женщина въ саванѣ, взглянувъ ему въ очи, отступила и закрыла глаза рукою, какъ бы припоминая что-то давно-давно виданное. Отнявъ руку отъ глазъ и вновь взглянувъ въ лицо пришедшаго, она сказала:

— Подожди благословенія, я не вижу у тебя глазъ...

Пришедшій поклонился, желая скрыть то, чего у него не находила эта страшная женщина.

— У тебя ихъ и прежде не было,—продолжала она,—тебя Богъ кротомъ сотворилъ... Да ужъ опослѣ, когда увидала я, что на тебя вся россійская земля шапку-невидимку надѣла, я думала,

что Господня милость бысть на тебѣ, глаза тебѣ Богъ далъ. А теперь сама вижу, что нѣту глазъ у тебя, кротъ въ чужой шапкѣ...

Пришедшій впалъ еще въ пущее смущеніе.

— Ты шапку укралъ, а у тебя хотятъ перекрасть ее,—продолжала она.—О шапкѣ своей ты пришелъ говорить со мной, а не о душѣ.

— А ты нешто знаешь меня, матушка? — робко спросилъ онъ.

— Допрежде знала, а нонѣ нѣтъ: ты не тотъ, что былъ.

— Кѣмъ же я былъ допрежъ сего, матушка?

— Спачала былъ ужомъ, и я тебя тогда любила.

— За что, матушка святая?—спросилъ тотъ въ недоумѣніи.

— За голову... Ты знаешь, что у ужа на головѣ?

— Не знаю, матушка.

— У ужа на головѣ то, чего у тебя скоро не будетъ.

Тотъ дрожа всѣмъ тѣломъ, сдѣлалъ шагъ назадъ и тихо спросилъ:

— Что жъ это такое, матушка?

— Вѣнецъ!

Пришедшій пошатнулся отъ ужаса... «Охъ!»

— Не падай, — продолжала ужасная женщина, — еще успѣешь упасть... Вѣдаешь ты, за что Богъ возложилъ вѣнецъ на голову ужа?

— Не вѣдаю.

— За доброту и мудрость. Егда бысть всемірный потопъ, и взя Ной въ ковчегъ свой праведный всѣхъ звѣрей земныхъ, взята бысть и мышица малая. Діаволъ, не могій взойти въ ковчегъ, дабы погубити человѣка и все твореніе божіе, вниде въ мышь и въ ея образѣ невидимо взыде въ ковчегъ. И нача та бѣсовская мышь ковчегъ грызти и прогрызе малую дырицу, и потечс вода. И видѣвъ то ужъ мудрый, заткнулъ ту дыру своею главою и тѣмъ спасе ковчегъ отъ потопленія. И за то Господь Богъ вѣнча главу его вѣнцомъ златымъ. И ты былъ ужомъ при царѣ Грозномъ: ты, аки ужъ, спасъ россійскій ковчегъ отъ потопленія... А безумный Иванъ потопилъ бы его... Помнишь, какъ ты игралъ съ нимъ въ шашки въ день его смерти?

Пришедшій съ ужасомъ попятился назадъ.

— Не пяться... Теперь ты болѣ не ужъ... Тогда былъ ужомъ,

когда въ шашки игралъ съ обезумѣвшимъ Иваномъ... Помнишь, какъ ты на него взглянулъ? Помнишь, отчего онъ впаде въ ярость и внезапу умре? Ты видалъ тогда свои глаза? Какіе у тебя они были, у тихонькаго, словно у ягненочка, а убили его...

— Охъ!—застопалъ пришедшій. — Помилуй меня!... Пощади... ты все знаешь...

— Нѣтъ не все,—сказала страшная женщина и, усѣвшись съ ногами въ гробъ и взявъ въ руки черепъ, сказала,—садись и ты вонъ тамъ, это мѣсто чище того, на которомъ сидишь ты въ ворованной шапкѣ.

Пришедшій невольно повиновался и сѣлъ на земляную лавочку.

— Нѣтъ, не все я знаю, не далъ Богъ,—продолжала женщина въ саванѣ,—я вотъ не знаю, чья это была голова, царская или смердья... Этого я не вѣдаю.

И, вглядываясь въ черепъ, тихо, но внятно шептала: «Ужомъ былъ... ковчегъ спасъ... это хорошо... послѣ кошкой сталъ, увидалъ бѣсовску мышь въ ковчегѣ и съѣлъ бѣса съ мышью... Помнишь, какъ ты съѣлъ бѣса съ мышью?»—вдругъ спросила она, обращаясь къ пришедшему.

— Не вѣдаю, матушка святая, прости, ничего не вѣдаю.

— Не вѣдаешь... А мышь-то въ шапкѣ была, только не въ ворованной, а въ своей... И шапочка эта попала потомъ на глупую головушку, и сошла эта глупая головушка въ темную могилушку, а шапочка на колышкѣ осталася... Некому надѣть шапочку... Надо было надѣть ее Уарушкѣ... Ты знавалъ Уарушку?—спросила она, помолчавъ.

— Не знаю, матушка, о какомъ Уарушкѣ молвишь ты,— сказалъ пришедшій, боясь взглянуть въ глаза своей собесѣдницѣ.

— А не знаешь? А глянь мнѣ въ глаза, тогда, можетъ, припамятуешь, что когда у царя Иванъ Васильевича родился послѣдній сынокъ, то нарекли ему имя Уаръ, понеже рожденіе ему бысть девятаго-на-десять дня мѣсяца октемврія, когда празднуется память мученика Уара... Рыженькій Уарушка... А послѣ нарекли его Митей, Димитріемъ... Въ Москвѣ сиверко стало, такъ Митю свезли въ Угличъ, потеплѣе тамъ, да и орѣшки растутъ тамъ... Игралъ Уарушка орѣшками, а послѣ въ тычку игралъ... На Уарушкѣ ожерельице жемчужно... А тамъ, охъ!

кровушка брызнула черезъ ожерельице... И не стало Уарушки... нѣту...

— Нѣту?—радостно, задыхаясь, спросилъ пришедшій

— Нѣту, нѣту, нѣту, да вдругъ есть! Два Уарушки стало...

— Два?

— Два... А угадай, который настоящій? Тотъ ли, что въ Угличѣ лежитъ, тотъ ли, что въ Путивлѣ сидитъ?

— А ты знаешь, который настоящій?

— На, смотри и угадывай, царскій или смердій?

И она подала ему черепъ. Дрожащими руками онъ взялъ холодный костякъ.

— Не угадаю, не отличу,—говорилъ онъ съ трепетомъ, возвращая черепъ.

— А! Не отличишь? А кровь царскую отъ смердьей отличишь?

— Нѣтъ, матушка не отличу.

— А мясо царское отъ смердьяго отличишь?

— Нѣтъ, не отличу.

— То-то же... У путивльскаго Уарушки то же мясцо, что и у углицкаго, а у углицкаго то же, что и у путивльскаго... поди-тко, разбери ихъ.

Пришедшій тяжело вздохнулъ и опустилъ голову.

— А что, тяжела шапка Уарушкина?—спросила отшельница.

Тотъ съ отчаяньемъ покачалъ головой.

— А тепла шапочка?—продолжала ужасная женщина.—Охъ, горяча она, горяча шапочка воровапная! Горитъ она у вора на головѣ, горятъ и сѣдѣютъ безъ времени волосы подъ этой шапочкой... А есть на тебѣ рубашка? — неожиданно спросила она.

Пришедшій не зналъ, что отвѣчать, такъ поразилъ его этотъ вопросъ.

— Есть на тебѣ рубаха, срачица?—повторила женщина.

— Есть...

— Вижу, вижу... И шуба соболья есть, и шапка у тебя горласта... А вѣдаешь ты, у всѣхъ ли въ россійской землѣ рубахи есть, посконныя хоть?

— Не вѣдаю, матушка.

Женщина, приложивъ губы къ той сторонѣ черепа, гдѣ

когда-то на черенѣ этомъ было ухо, шептала: А былъ нѣкій мужъ въ нѣкоемъ царствѣ, силенъ властію и богачествомъ. И божіимъ изволеніемъ, дьявольскимъ же наущеніемъ бысть той мужъ избранъ на царство. И вѣнча его святитель вѣнцомъ царствія земного и помаза его помазаніемъ. И умилися духомъ царь той, и воздѣвъ руки горѣ, возопи къ святителю предъ лицомъ всего народа: «Богъ свидѣтель, отче! Въ царствіи моемъ небудетъ ни нища, ни убога». И взявъ воротъ срачицы своея, рекъ: «и сію послѣднюю раздѣлю со всѣми»...

— Зналъ ты такого царя?—обратилась она къ пришедшему.

— Зналъ,—отвѣчалъ тотъ, едва слышно.

— А гдѣ жъ онъ нынѣ?

— Я здѣсь! — простоналъ пришедшій и упалъ на колѣни передъ распятіемъ. Голова его упала на грудь, волосы свѣсились, все въ немъ выражало глубокое отчаяніе.

Женщина, быстро утеревъ слезу, скатившуюся на ея блѣдную щеку, тихонько перекрестила стоявшаго на колѣняхъ Бориса. Это былъ онъ.—«Господи! Владыко Всесильный! Не вмѣни мнѣ въ судъ мои прегрѣшенія... Не за себя молю тя, Отче, за дѣтей невинныхъ», шепталъ несчастный царь московскій.

Когда онъ всталъ, то увидѣлъ, что и женщина стоитъ въ гробѣ на колѣняхъ и молится.

— Святая! Научи меня, наставн мя, святая!—съ плачемъ умолялъ Борисъ.

— Не грѣши, царь,—не называй меня святою... Святъ-святъ-святъ Господь Саваоѳъ, единъ Онъ святъ,—строго сказала отшельница.

— Прости, блаженная! Научи, наставн мя...

— Царь московскій говоритъ со мною или рабъ божій?—спросила отшельница.

— И царь, и грѣшникъ.

— Царству своему и владычеству ты ищешь помощи, или душѣ своей?

— Не могу я отдѣлить себя отъ царства моего, аки голову отъ туловища.

— Господь отдѣлитъ, — строго сказала отшельница.—Видишь ты мою жизнь?

— Вижу... не житіе, а подвижничество.

— А ищетъ ли твоя душа такого житія?

— Не смѣю, пока я царь, пока царство мое въ опасности обрѣтается... Скажи мнѣ, какъ мнѣ спасти русскую землю?

— Отъ кого?

— Отъ злодѣя, отъ вора, отъ самозванца...

Отшельница покачала головой. «А онъ отъ тебя ее спасти хочетъ»...—сказала она какъ бы про себя.

Потомъ, выйдя изъ гроба и ставъ лицомъ къ лицу съ Борисомъ, спросила:

— Сказывай, какъ передъ Богомъ: ты повелѣлъ убить царевича?

— Ни, Господу всевидящему, ни! Нѣсть на мнѣ грѣха сего.

— Такъ онъ самъ себѣ смерть сотвори, на ножъ палъ, въ тычку играючи, да?

— Ей-ей, Богу попустившу сіе.

— Самъ-то ты видѣлъ его зарѣзана?

— Нѣтъ, таково было донесеніе князя Василія Шуйскаго.

— А нынѣ Шуйскій стоитъ на первомъ донесеніи?

— Стоитъ, пока я стою надъ нимъ; а станетъ другой, онъ другое скажетъ: лукаво сердце Шуйскаго.

— А что коли то не о н ъ былъ зарѣзанъ, а д р у г о й кто?

— То одному Богу вѣдомо да царицѣ-матери,—покорно отвѣчалъ царь.

— А царица-мать жива?

— Жива... На концѣ языка ея сѣде нынѣ гибель и спасеніе русской земли.

— А гдѣ она?

— Здѣсь, въ Новодѣвичьѣ.

— Ты видалъ ее?

— Видѣлъ, на горе мнѣ.

— Что сказываетъ она о сынѣ?

— Сказываетъ: не царевичъ-де зарѣзанъ былъ; царевича-де увезли отъ нея невѣдомо изъ россійской земли за польской рубежъ.

— А Василиса Волохова, мамка царевича, жива?

— Не знаю, матушка.

— А кормилица Орина Жданова?

— Не вѣдаю тако-жъ.

— А останки того, кого ты за царевича почитаешь, въ Угличѣ досель?

— До сегодни въ Угличѣ, матушка.

— Такъ слушай же, царь: пошли мертвеца воевать съ живымъ.

— Какъ, матушка? Не разумѣю я.

— Повели патріарху и всему освященному собору ѣхать въ Угличъ и открыть останки того, кого ты за царевича почитаешь. Коли тѣло его нетлѣннымъ осталось, такъ сіе будетъ указаніемъ Божіимъ, что останки тѣ мощи мученика. И пошли ты святыя мощи на челѣ войска твоего, да защититъ истинный царь московскій землю свою отъ вора. И мощи святыя побѣдятъ рати того, кто похитилъ имя мученика.

Царь видимо колебался. Отшельница проникла въ его душу и сказала:

— А! Ты самъ мощей боишься. И онъ, тотъ, что въ Путивлѣ, мощей же боится.

Борисъ чувствовалъ всю безвыходность своего положенія и молчалъ.

— Вижу, вижу... Передъ тобой и за тобой яма: коли мощи обрѣтены будутъ, скажутъ: Борисъ убилъ царевича. Это одна яма, въ нюже впадеши. Коли обрѣтены будутъ тлѣнные останки, скажутъ: Борисъ промахнулся, мѣтилъ въ царевича, а угодилъ невѣдомо въ кого. Это другая яма!..

— Что жъ я сдѣлаю, Боже!—съ отчаяніемъ воскликнулъ Борисъ, обращаясь къ распятію.

Отшельница, поднявъ глаза къ потолку своей трущобы, торжественно проговорила:

— Нѣтъ тебѣ другого ходу, Борисъ, царь московскій, токмо въ яму, юже ископа десница твоя... И глубока яма сія, охъ, какъ глубока! Не одинъ въ ней сидитъ путивльскій врагъ твой... Горе, великое горе изыдетъ изъ ямы той и на тебя, и на всю россійскую землю... Не станетъ тебя, не станетъ путивльскаго Димитрія, а изъ ямы той страшной изыдутъ друзіи и пріимутъ на себя имя убіеннаго... И будетъ на русской землѣ плачъ и скрежетъ зубовъ... И поплѣнятъ русскую землю языци иноплеменные, и осквернятъ они храмы Божіи, поругаются надъ гробницами нашими, не пощадятъ и праха царей московскихъ... И будутъ невѣрніи изъ сосудовъ священныхъ вино пить, обдерутъ

Кн. 30

ризы святыя съ икопъ угодниковъ божіихъ и самого Господа нашего Іисуса Христа и пречистыя Богоматери... И снимутъ драгіе покровы съ гробовъ царей московскихъ, и одѣнутъ покровами тѣми женъ своихъ и дѣтей пришельцы иноземные... И застучатъ копыта коней ихъ о священную землю кремлевскую, идѣ же ходили смиренныя стопы святителей русской земли... И будетъ ржаніе конское тамо, идѣ же гласи молитвеннїи ко Господу возносилися... И сметіемъ, и каломъ конскимъ покроются стогны московскіе, и Красная площадь, и дворы царей московскихъ... И враны дикіе россійскими тѣлесами питатися имутъ... И мерзость запустѣнія посѣтитъ храмы и домы наши, и святыя обители осквернены будутъ, и черпецы и черницы поруганы даже до послѣдняго поруганія... И не будетъ кому оплакати землю россійскую и сыновъ и дщерей земли нашея...

Борисъ лежалъ передъ распятіемъ, и только плечи его вздрагивали.

— И долго будетъ зіять яма, тобою, о, царю, ископанная... О горе, горе тебѣ, земля россійская! Пріидѐ на тя лихолѣтье великое... Горе! Горе!

XII. Первыя удачи Димитрія.

Что же дѣлалъ тотъ призракъ, который отнялъ и сонъ, и спокойствіе духа, и увѣренность въ свои силы, и даже умъ Бориса, а тебѣ, уже шаталъ его тронъ и отнималъ царство, отрывалъ землю за землей, городъ за городомъ, рать за ратью?

Нѣтъ, это уже былъ не призракъ... Да это былъ и не Гришка Отрепьевъ.

И польскіе жолнеры, и рыцари, видавшіе на своемъ вѣку многое и умѣвшіе отличать всякую птицу по полету, и лихіе донскіе казаки, для которыхъ лошадиная холка—и колыбель, и могила, и усатые запорожцы, умѣвшіе ѣздить на «чортахъ-коняхъ», и московскіе ратные люди, всѣ, глядя на этого круглоголоваго юношу, какъ онъ, почти не слѣзая съ боевого коня, носился передъ своими, сначала скромными, а потомъ выраставшими, какъ лавина, отрядами, начиная отъ Самбора до Кіева, отъ Кіева до Остра, отъ Остра до Моравска, до Чернигова, до Новгородъ-Сѣверска, Путивля, Рыльска, менѣе всего могли ду-

мать, что въ этой обаятельной фигурѣ кроется московскій дьякъ разстрига, Гришка Отрепьевъ, за котораго его выдавалъ обезумѣвшій отъ страху Борисъ. Не разстригинъ видъ, не разстригина осанка, не разстригина рѣчь... Все въ немъ величавое, умѣлое, находчивое, внушительное... Въ немъ — царственная увѣренность, въ немъ все царское, хоть, можетъ быть, да это вѣрно, ни капли, ни атома царской крови Грознаго не текло въ его жилахъ, наполненныхъ вмѣсто крови ртутью... Надо было большое умѣнье, чтобы сочинить такой экземпляръ царевича, какой сочинили невѣдомые мастера, и какого русскимъ мастерамъ сочинить было бы не по силамъ... Мастера, большіе мастера его выработали, выучили, увѣрили, что онъ царевичъ, и посадили на боевого копя, о, очень искусные мастера!

Сильно промахнулся Борисъ, назвавъ его разстригой. Вонъ настоящій разстрига потрухиваетъ на ледащей, на смирной лошаденкѣ рядомъ съ знакомымъ намъ запорожцемъ, Куцькомъ-отаманомъ, который, взявшись за бока, заливается отъ смѣху:

— Го-го-го-го! Га-га-га-га! Отъ бисова гава! И доси не навчивсь на коневи сидити...

— Ворона, ворона и есть, мой Юша книжникъ, — замѣчаетъ и донецъ Треня усатый, пріятель Отрепьева, глядя на своего друга.—А еще Борисъ говоритъ, что ты якобы назвался царевичемъ... Вотъ царевичъ! Да такого царевича и куры московскія заклевали бы... А вонъ того, не бось, не заклюютъ.. Тебѣ дай Меѳодія Патарійскаго въ руки да хронографъ, такъ ты и Іова патріарха заткнешь за поясъ, а на конѣ сидѣть не умѣешь...

Отрепьевъ на это только улыбается задумчивою улыбкою...

— Что, видно, въ головѣ-то Настенька-походочка частенька?—шутитъ Треня.

— А ты постой, вонъ тамъ на возу что-то читаютъ,—говоритъ Отрепьевъ, указывая на толпу мужиковъ, скучившуюся около воза.

На возу стоитъ молодой дьячокъ въ лаптяхъ и громко читаетъ:

«И Богъ милосердый по своему произволенію покрылъ насъ отъ измѣнника Бориса Годунова, хотѣвшаго насъ предать злой смерти, не восхотѣлъ исполнить злокозненнаго его замысла, укрылъ меня, прирожденнаго вашего государя, своею невидимою

рукою и много лѣтъ хранилъ меня въ судьбахъ своихъ. И я, царевичъ Димитрій, теперь приспѣлъ въ мужество и иду съ божіею помощію на прародителей монхъ, на московское государство и на всѣ государства россійскаго царствія. Вспомните наше прирожепіе, православную христіанскую истинную вѣру и крестное цѣлованіе, на чемъ вы цѣловали крестъ отцу нашему, блаженной памяти государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Русіи, и намъ, дѣтямъ его, хотѣть во всемъ добра. Отложитесь нынѣ отъ измѣнника Бориса Годунова къ намъ, государю своему прирожепому, какъ отцу нашему блаженныя памяти государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всея Русіи, а я стану васъ жаловать по своему царскому милосердому обычаю и буду васъ свыше въ чести держать, ибо мы хотимъ учинить все православное христіанство въ тишинѣ и покоѣ и въ благодействепномъ житіи».

— Хотимъ служить и прямить прирожепому государю Митрій Иванычу вся Русіи!—раздаются голоса въ толпѣ.

— Хотимъ прямить!

— Ишь, Юша, какъ ты ловко грамотку-ту эту соскребъ,— говоритъ Трепя Отрепьеву.

— Да не я одинъ писалъ ее,—замѣчаетъ Отрепьевъ,—самъ царевичъ грамотѣ горазд, бойко пишетъ.

Грамотки эти, точно птицы перелетаютъ изъ города въ городъ, изъ села въ село, и все приходитъ въ колебаніе: колеблятся воеводы, дьяки, служилые и ратные люди, гости, торговые, посадскіе и черные людишки, и сила этого летающаго на конѣ, съ золоченымъ древкомъ копья, юноши, ростетъ не по днямъ, а по часамъ.

— Ну, пане,—хвастается панъ Кубло (тотъ, котораго мы видѣли въ Краковѣ въ женскихъ котахъ: теперь онъ одѣтъ колперомъ и нестерпимо ломается, сидя на рыжей кобылѣ, которую ему подарилъ Мнишекъ),—пу, пане, — говоритъ, обращаясь къ пану Непомуку (который тоже на конѣ),—славную штуку сыграла вотъ эта моя сабля: когда мы брали Моравскъ съ паномъ Швайковскимъ и атаманомъ Куцько, такъ московскіе воеводы Лодыгинъ и Безобразовъ не хотѣли намъ покоряться. Ну, я, пане, знаешь, по нашему порыцарски: подношу имъ къ носу эту саблю и говорю: видите, паны воеводы, эту саблю? Этою саблею я вмѣстѣ съ крулемъ Стефаномъ Бато-

ріемъ Вѣну взялъ, такъ ужъ васъ, говорю, мнѣ и брать стыдно... Ну, и не пикнули послѣ этого... Такъ когда я привелъ этихъ воеводъ къ царевичу, онъ и говоритъ: «молодецъ, панъ Кубло! Ты далеко пойдешь. Съ тобой однимъ, говоритъ, можно всю Московщину взять».

— А я, пане,—съ своей стороны похваляется панъ Непомукъ,—тоже не ударилъ въ грязь лицомъ: когда его милость царевичъ посылалъ меня брать Черниговъ, вмѣстѣ съ паномъ Станиславомъ Боршемъ, то сказалъ: «на тебя, говоритъ, панъ Непомукъ, я надѣюсь, какъ на каменную стѣну». Вотъ когда черниговцы заупрямились, воевода панъ Татевъ не хотѣлъ сдаваться, такъ я, пане, подъѣхалъ къ городскому валу, далъ шпоры своей кобылѣ, — огонь, а не лошадь, — да и махнулъ прямо въ городъ. Какъ увидали меня черниговцы, что эдакій чортъ скачетъ на эдакомъ дьяволѣ, такъ тотчасъ же связали воеводу и отдали его мнѣ. Царевичъ и говоритъ мнѣ: «ну, говоритъ, панъ Непомукъ, когда ты мнѣ также и Бориса привезешь, какъ привезъ Татева, такъ я озолочу тебя...

Оба врутъ вперегонку и хотя не вѣрятъ другъ другу ни въ одномъ словѣ, однако, продолжаютъ врать, думая, что тотъ, кто слушаетъ, вѣритъ.

— Я, пане, никогда въ жизни не лгалъ,—говоритъ панъ Кубло,—и я бы давно былъ крулемъ въ Польшѣ, если бъ не моя откровенность: когда послѣ Стефана Баторія меня хотѣли выбрать въ короли, то я прямо сказалъ: «панове рады, говорю, не выбирайте меня, потому что я не люблю политики, люблю на чистоту».

— А мнѣ, пане, его милость царевичъ прямо сегодня сказалъ: «такъ какъ ты, говоритъ, панъ Непомукъ, самый правдивый человѣкъ, какого я только зналъ, то, когда буду московскимъ царемъ, назначу тебя моимъ главнымъ совѣтникомъ, и ты будешь моею правою рукой».

А вонъ и самъ Димитрій на московской землѣ. Не тотъ уже онъ, какимъ казался на польской: что-то особенное прибавилось въ выраженіи его лица, не измѣнившемъ всегда лежавшаго на немъ оттѣнка задумчивости, но какъ-то осложнившимся. Онъ стоитъ на возвышеніи и смотритъ съ своего высокаго бѣлаго коня на проходящее передъ нимъ войско. На немъ богатая соболья ферезея и такая же шапка съ бѣлымъ пером. Рядомъ

съ нимъ стоитъ князь Рубецъ-Мосальскій, бывшій воевода путивльскій, и атаманы донскихъ и запорожскихъ козаковъ, Корела и Куцько. По другую сторону начальники польскихъ отрядовъ—Станиславъ Борша, Дворжицкій и Бялоскурскій. Куцько и Корела недавно подъѣхали къ группѣ Димитрія, пропустивъ впередъ свои отряды. Рубецъ-Мосальскій что-то объясняетъ, указывая рукою на двигающіяся колонны. Когда мимо группы Димитрія двигались нестройные отряды запорожцевъ и польская пѣхота, Дворжицкій, показывая на развѣвающіяся то тамъ, то здѣсь знамена, сказалъ:

— Давно ли ваше высочество вступили на свою землю съ горстью нашихъ смѣльчаковъ, а вонъ ужъ у васъ цѣлая армія, а за вами—города и земли, склонившіе шею передъ вашимъ высочествомъ.

— Этого мало, панъ,—сказалъ отрывисто Димитрій, — у моего царства толста шея.

— А шея-то, осударь царевичъ, головой кончается,—замѣтилъ Рубецъ-Мосальскій,—а голова-то въ Москвѣ кончается, да понѣ что-то голова сама сошла съ плечъ.

— Какъ?—спросилъ Димитрій.

— Да въ нѣтяхъ государь, обрѣтается, а ты ее везешь въ Москву.

Димитрій глядитъ на свое войско и видитъ, и не видитъ его, потому что за нимъ онъ еще видитъ что-то... «Голова въ нѣтяхъ была... да, въ нѣтяхъ... идетъ на Москву... а какъ далеко еще эта Москва, какъ высоко!..» И передъ нимъ проходятъ воспоминанья пережитаго имъ уже на московской землѣ... Какъ мало прошло времени съ того момента, когда копыто его лошади въ первый разъ стукнуло о подмерзшую русскую землю, около Моравска, какъ много пережито!.. Изъ Моравска ведутъ связанныхъ Борисовыхъ воеводъ Бориса Лодыгина и Елизара Безобразова. Безъ шапокъ воеводы. Съ ужасомъ глядятъ на него глаза этихъ воеводъ, смерти ждутъ... И глаза новыхъ подданныхъ обращены на него съ удивленіемъ...

— Жалую васъ моимъ государскимъ жалованьемъ,—говоритъ Димитрій оторопѣвшимъ воеводамъ;—дарую вамъ жизнь, только служите мнѣ вѣрою и правдою.

Воеводы бросаются на землю, къ ногамъ, цѣлуютъ полы его кафтана.

А вотъ ужъ въ Черниговѣ гудутъ колокола. Народъ

цѣлуетъ крестъ новому владыкѣ... И воевода Татевъ цѣлуетъ крестъ... «Буди живъ, осударь царевичъ!» гудутъ голоса вмѣстѣ съ колоколами.

Не сдался только Новгородъ-Сѣверскъ съ своимъ упрямымъ воеводою Басмановымъ...

— А Басмановъ какого роду? — спрашиваетъ Димитрій Рубца-Мосальскаго.

— Изъ татаръ, осударь царевичъ, какъ и Борисъ же,— отвѣчаетъ Рубецъ.

То вдругъ поле и войска и картины битвъ застилаются иного рода картинами. Деревья парка не шелохнутся, только говоръ птицъ неумолчно свидѣтельствуетъ о полнотѣ жизни всего окружающаго. У терноваго куста, на травѣ, чернѣется милая головка. Это Марина, оберегающая дѣтей горлинки... А до орлинаго московскаго гнѣзда еще такъ далеко, такъ высоко!

— «Челомъ бьетъ тебѣ, государь царевичъ, городъ Кромы».

«Челомъ бьетъ тебѣ, государь царевичъ, городъ Бѣлгородъ».

Это все клочки воспоминаній недавно и давно пережитаго. Но теперь предстоитъ большое дѣло. Со всѣхъ сторонъ приходили вѣсти, что приближается огромная Борисова рать: одни языки говорили, что къ Сѣверску князь Мстиславскій ведетъ пятьдесятъ тысячъ московской рати, другіе увѣряли, что сто тысячъ; наконецъ, по словахъ третьихъ, сила эта выростала до двухсотъ тысячъ. А у Димитрія только тысячъ пятнадцать, да еще этотъ татаринъ Басмановъ какъ бѣльмо на глазу.

Димитріево войско все прошло мимо своего молодого вождя, а онъ все еще стоитъ на возвышеніи съ своимъ небольшимъ штабомъ. Тутъ же виднѣется и невзрачная фигура Гришки Отрепьева, на котораго веселый Куцько, веселый и наканунѣ битвы, посматриваетъ иронически.

Перебѣжчики изъ Борисова войска говорили, что завтра, 22 декабря, московскія рати подойдутъ къ Сѣверску. Предстоитъ выдержать упорную битву, пропасть или побѣдить. На военномъ совѣтѣ рѣшено было, не дожидаясь нападенія борисовцевъ, ударить на нихъ и поразить неожиданностью.

Тревожна ночь наканунѣ битвы. Лошади, предчувствуя тяжелую работу, не ржутъ. Въ станѣ тихо. Только около ставки Димитрія двигаются въ темнотѣ какія-то тѣни: это вѣстовщики то приходятъ съ вѣстями, то уходятъ съ полученными приказаніями.

Соснувъ немного, Димитрій еще до разсвѣта велитъ отслужить обѣдню въ своемъ походномъ дворцѣ, который сосѣдніе поселяне наскоро сколотили ему изъ уцѣлѣвшихъ отъ разрушеннаго Басмановымъ посада бревенъ. Службу отправляетъ сѣдой протопопъ черниговскаго собора, слѣдовавшій за Димитріемъ съ походною церковью... Тускло горятъ маленькія восковыя свѣчи, тусклы, задумчивы и лица молящихся...

Впереди, немного вправо, стоитъ Димитрій. Лицо его болѣе, чѣмъ обыкновенно, задумчиво.

Тутъ же виднѣется черномазое, усатое лицо запорожца Кудлка. Онъ внимательно слушаетъ службу и только изрѣдка взглядываетъ то на Димитрія, то на Отрепьева, стоящаго рядомъ съ своимъ другомъ Трепею. Тутъ же торчитъ и бѣлобрысая голова маленькаго, коренастаго Корелы. Рубецъ-Масальскій крестится истово, широко, размашисто.

«На враги же побѣду и одолѣніе подаждь, Господи!» возглашаетъ дьякопъ.

Димитрій вздрагиваетъ... Что-то острое прошло по душѣ его... Быть можетъ завтра, нѣтъ, не завтра, а сегодня, сейчасъ, съ разсвѣтомъ—конечная гибель... Эти смѣлыя головы будутъ валяться на окровавленномъ снѣгу, а эта голова, мечтающая о коронѣ царской... Димитрій опять вздрагиваетъ, сиверко на дворѣ, сиверко на душѣ... О, кто двинулъ тебя на этотъ страшный путь, на эту стезю крови и смерти, бѣдный, непомнящій родства юноша! А возврата уже нѣтъ съ этого пути, или тропъ, или историческая могила и вѣчное имя на страницахъ исторіи...

Разсвѣтаетъ... Къ ставкѣ Димитрія во весь опоръ скачетъ донской казакъ. Это Трепя, успѣвшій уже съ своимъ отрядомъ, съ сотнею удальцевъ, произвести развѣдки. Русыя кудри его и усы заиндевѣли на морозѣ...

— Идутъ борисовцы, государь царевичъ, — торопливо докладываетъ онъ,—въ лаву выстроились.

— Трубить въ трубы!—закричалъ Димитрій, перекрестившись.

Передовые отряды построились и вышли въ поле... Знамена и значки такъ и искрятся въ морозномъ воздухѣ... Стѣною подвигается войско Бориса.

— На герцы, пановс!—кричитъ панъ Боршъ.

— На майданъ, заманивать толстобрюхихъ! — кричитъ Корела къ своимъ донцамъ.

— А ну-те, хлопци, не улицю, за москалями женихаться!— острить Куцько, вызывая въ поле охотниковъ задирать москалей.

И словно стрижи изъ норъ, изъ рядовъ Димитріева войска вылетаютъ удальцы на открытое мѣсто: то полякъ, красиво подбоченясь и покручивая усъ, прогарцуетъ въ виду непріятеля, какъ бы вызывая его на мазура, то донецъ, словно бѣшеный, подскачетъ къ самому носу врага, гаркнетъ что-либо неподобное и шарахнется въ сторону; то запорожецъ, выскочивъ, какъ Пилипъ съ конопель на середину поля и вызвавъ не одну шальную стрѣлу изъ Борисова войска, покажетъ противникамъ дулю и гулко прокричитъ: нате, чортовы дити, ижте оціси!»

Москали съ своей стороны посылаютъ смѣльчакамъ вслѣдъ сильные московскіе трехпредложные глаголы и эпитеты «разпро»... да «разпре..» и такъ далѣе, но въ поле пейдутъ.

Хруститъ по снѣгу и звенитъ оружіемъ польская конная рота... Копья наперевѣсъ и сабли наголо летитъ она прямо на развернутый фронтъ московскаго войска, сшибается съ нимъ, ломитъ его, но, рискуя быть сдавленною какъ въ клещахъ, въ безпорядкѣ отскакиваетъ назадъ...

— Въ дѣло, гусары!—командуетъ Димитрій.

— Бей по лицу крамольниковъ, панове!—съ своей стороны командуетъ воевода, панъ Мнишекъ, выводя въ поле свою роту.

Гусары Дворжицкаго, конныя роты Мнишка и Фредра и отрядъ самаго Димитрія стремительно кидаются на москвичей, на годуновцевъ... Слышится топотъ коней, лязгъ оружія, гулъ рожковъ и трубъ... Завизжали донцы, загикали такъ, что московскіе кони дрогнули и подались назадъ... Корела, Треня и нѣсколько другихъ головорѣзовъ прутъ къ самому главному стягу московскому... Запорожскія шайки смѣшались съ стрѣльцами...

— Матка! На матку, атаманъ!—кричитъ Треня, пробиваясь съ Корелой къ главному московскому стягу.

Корела направо и налѣво колотитъ своею тяжелою, утыканною острыми иглами, булавою. Лошадь его, поминутно становясь на дыбы, ржетъ и съ визгомъ кусаетъ московскихъ коней и ихъ всадниковъ.

— Не бей матки, атаманъ! — кричитъ Треня.—Это самъ князь—Мстиславскій.

Но было уже поздно. Булава звякнула по какому-то блестящему шишаку. Москали крикнули и кинулись къ стягу.

— Мстиславскаго убили!

— Князь воевода упалъ!

— Не давайте ворамъ воеводу!

Эти паническіе крики молніей прорѣзали московскія рати, и рати дрогнули, смѣшались, шарахаясь въ разныя стороны, какъ овцы въ бурю. Димитріевцы налегли еще дружнѣе. Самъ Димитрій, въ жару боевого увлеченья, смѣшался съ рядами москвичей...

— Братцы! Родные! Сдавайтесь мнѣ!—кричитъ онъ хрипло.—Не лейте крови, московскіе люди!

— Царевичъ! Царевичъ!—въ отчаяньи вопитъ Миншекъ, пробираясь въ гущу сѣчи.—Поберегите себя, ваше высочество! Ваша жизнь дорога...

Напрасно... Рѣзня принимала характеръ бойни... Нѣтъ ничего ужаснѣе тѣхъ боень, какія устраивали люди, когда оружіе не было еще доведено до тѣхъ образцовъ совершенства, какія въ настоящее врмя изысканы наукою и военною мудростью для уничтоженія людей съ помощью дальнострѣльной стрѣльбы и другихъ звѣрски-разрушительныхъ средствъ. Вмѣсто неумѣлой пули и плохой пушки тогда пускались въ ходъ желѣзо, сталь, сабля, кинжалъ, копье, дубина, рогатина, кулакъ, человѣческіе зубы, которыми перегрызалось горло у обезоруженнаго, но неубитаго еще врага, и тому подобное холодное оружіе... Началась именно такая бойня на копьяхъ, на ножахъ, на кулакахъ, на зубахъ: свистъ и стукъ дубинокъ о человѣческія черепа, стонъ пробитыхъ острымъ оружіемъ и удушаемыхъ руками, лошадиный храпъ и человѣческое ржанье, буквально ржанье съ визгомъ и гикапьемъ, все это представляло адскую картину голаго убійства...

Вдали отъ этой сѣчи, на возвышеніи, упавъ колѣнами на снѣгъ и на снѣгъ же припавъ горячею головою, Отрепьевъ молится... Подъ горячими слезами снѣгъ таетъ...

Немножко въ сторонѣ, изъ-за покрытаго инеемъ куста, робко глядитъ на битву храбрый панъ Непомукъ... «Езусъ-Марія... Езусъ-Марія», дрожа всѣмъ тѣломъ, шепчетъ онъ.

. . . . . .

Утро послѣ битвы. На серединѣ поля, гдѣ происходила самая густая рѣзня, зіяютъ три глубокія и широкія могилы. Въ эти ямы таскаютъ убитыхъ москвичей. Съ самаго разсвѣта идутъ эти страшныя похороны; хоронятъ всѣ, которые наканунѣ бились,

и все не могутъ кончить этого ужаснаго погребенія. По полю, а особенно по ложбинамъ, кровь замерзла лужами, хоть на конькахъ катайся... Раненые, расползшіеся по сторонамъ, весь снѣгъ искровенили, да такъ и окоченѣли, кто на пригоркѣ, кто подъ кустомъ...

Ямы, наконецъ, наполнены, меньше зіяютъ могильныя пасти. Некого больше таскать...

Изъ церкви выходитъ Димитрій съ своими приближенными и идетъ къ ямѣ. Лицо его грустно. Онъ подходитъ къ каждой ямѣ и, крестясь, бросаетъ горсти земли.

— Сколько Борисовыхъ убіенныхъ насчитали? — обращается онъ къ Мнишку.

— Тысячъ до шести москалей, ваше высочество.

— По двѣ тысячи въ одной могилѣ, Боже правый!

По лицу его текли слезы... Нагнувшись къ трупу стрѣльца, котораго еще гдѣ-то отыскали и несли въ яму, и поцѣловавъ его, Димитрій сказалъ, отирая слезы:

— Прощай, дорогой землякъ... Въ твоемъ лицѣ я цѣлую всѣхъ твоихъ павшихъ товарищей... Я помолюсь за ихъ души въ Москвѣ освященнымъ соборомъ, и Богъ проститъ ихъ.

Потомъ, спѣва перекрестивъ всѣ могилы, онъ велѣлъ зарывать ихъ... Комья мерзлой земли грузно падали на мертвыя тѣла...

— О, Борисъ! Борисъ, душегубецъ великій!—сказалъ онъ, обращаясь на сѣверъ.—Жди меня... Я приду...

XIII. Заговоръ въ Путивлѣ.

Послѣ побѣды надъ московскими ратями подъ Новгородъ-Сѣверскомъ и послѣ неудачной битвы подъ Добрыничами, Димитрій, боясь быть отрѣзаннымъ, отступилъ къ Путивлю. Большая часть польскихъ отрядовъ, а также и самъ Мнишекъ, ссылаясь на необходимость присутствовать на сеймѣ, воротились въ Польшу. Оставили Димитрія и запорожцы въ самую критическую минуту, въ разгарѣ битвы подъ Добрыничами, когда подъ Димитріемъ убили лошадь, и когда, благодаря великодушію Рубца-Мосальскаго, ему удалось спастись на лошади этого князя.

Не покинули Димитрія только донскіе казаки, которые за-

сѣли въ Кромахъ и, благодаря изумительному воинному таланту Корелы, постоянно тревожили и держали около себя словно на привязи всѣ рати Бориса, боявшіяся сдвинуться съ мѣста. Корела же, хорошо зная сердце человѣческое, посовѣтовалъ Димитрію изморить своего противника выжидательнымъ положеніемъ.

— Я знаю, государь царевичъ, людей, бывалъ у нихъ за пазухой,—говорилъ онъ.—Народъ, я тебѣ скажу, царевичъ, это дѣвка. Коли ее самъ парень трогаетъ, она рыло воротитъ, да пожалуй и въ морду дастъ, хоть сама и рада, что ее трогаютъ. А не замай ее парень, уйди, она глаза проглядитъ, выжидаючи озорника. Коли онъ идетъ по улицѣ да глянулъ самъ на окошко, такъ дѣвка готова не то что за печку, а въ печку спрятаться, лишь-бы-де постылый парень не увидалъ. А пройди этотъ постылый вальготно «чортъ-де тебя ломай, красна дѣвка, я другую найду», такъ дѣвка измается, выжидаючи постылаго, да не гокмо въ оконце выглянетъ, а весь плетень исковыряетъ, лишь бы хоть однимъ глазкомъ накинуть на постылаго обидчика. Такъ и народъ, такъ и всѣ рати московскія. Прослышали они, что идешь ты у Бориса костыль отнимать... Ухъ! Тяжекъ для нихъ этотъ костыль, много реберъ переломалъ имъ! А все чужой не трошь ихъ костыля: «нашъ-де, кусай меня собака, да не чужая». Ну, и словно красная дѣвка ощетинились на озорника. А какъ сядешь ты, царевичъ батюшка, въ Путивлѣ, да заживешь тамъ тихонько, такъ дѣвка-то и заходитъ у окошка да подъ плетнемъ: «охъ, что-й-то постылый мой нейдетъ?» А послѣ «охъ, что-й-то соколикъ мой ясный не прилетываетъ? Безъ тебя, мой другъ, постеля холодна»... А Борисъ-то еще больше будетъ серчать да костылемъ стучать: «подайте мнѣ измѣнниковъ! подайте мнѣ всѣхъ, кто прямитъ вору-самозванцу»—прости, осударь, это къ слову пришлось, къ Борисову... Ну, и тошно станетъ московскимъ людямъ съ Борисомъ оставаться... А ты станешь «соколикомъ», милъ сердечнымъ другомъ, и дѣвка-то тебѣ сама на шею кинется: «хорошъ-де, пригожъ, мой сердечный другъ, возьми меня, красну дѣвицу, замужъ за себя»...

И вотъ зажилъ Димитрій въ Путивлѣ. Словно пчелы къ маткѣ потекли къ нему люди изо всей русской земли: кто шелъ изъ любопытства, взглянуть на невиданное чудо да поразсказать своимъ; кто уходилъ къ нему отъ долговъ, отъ правежей,

отъ царскихъ приставовъ, отъ кнута и висѣлицы, отъ горемычной жизни да безхлѣбицы. Всѣхъ принималъ Димитрій и всѣмъ давалъ кормъ и работу...

Царство Бориса видимо расползалось, какъ гноепная въ долгой бучкѣ рубаха...

— А богомолъ-отъ какой, а изъ себя такъ рыженькой, мать моя, да еще и съ бородавочкой, пятнышко родимое,—умилялись бабы, видѣвшія Димитрія въ путивльской церкви.

— О-охъ, касатая, и не говори! Сама своими глазыньками видѣла... Подлинно царское тѣльце, бѣленькое, и веснушечки это, касатая моя, инда я заплакала...

— Гдѣ не заплакать? Вся сердобушка моя изныла, глядючи на него... Ишь лиходѣи, отняли его у матушки родимой...

— Отняли, отняли, касатая... Такъ пришли эти Годуны-псы, да такъ ево, дитю малую, отъ титьки-то и оторвали, а оно ручепками за титьку... А я въ слезы, касатая...

— За титьку?

— Такъ, за самое-то титьку... О-о-охо-хо!

И эти бабьи сплетенія переходили съ базара на базаръ, отъ города до города и пробивали стѣны Борисова царства, замочными скважинами проникали въ крѣпости, въ остроги, во дворцы, и разъѣдали какъ моль царскую порфиру Годунова. И чѣмъ чудовищнѣе были эти бабьи телеграммы, тѣмъ болѣе колыхалась отъ нихъ русская земля.

И Димитрій точно зналъ, чѣмъ выиграть въ глазахъ бабъ, этихъ вѣчныхъ и міровыхъ корреспондентовъ, этихъ вселенскихъ историковъ, публицистовъ и поэтовъ, оглашавшихъ человѣческія дѣянія и глупости въ поученіе всему свѣту, когда еще ни газетъ, ни исторіи не существовало. Онъ приказалъ съ торжествомъ привезти изъ Курска чудотворную икону Божіей Матери и со звономъ колоколовъ, и съ пѣніемъ псалмовъ и кропленіемъ народа святою водою обнести образъ вокругъ города по городской стѣнѣ.

— Сама матушка Богородица пришла къ нему, попъ Опикѣй сказывалъ,—снова плетутъ бабы.

— Ой-ли, мать моя?

— Вотъ тѣ крестъ! Ночью гласъ бысть отъ иконы: «хощу, говоритъ, къ рабу божію Димитрію пойти...»

— Охъ, матыньки!

— И пришла голубушка...

— Матушка! Богородушка!

— Рыженькой-то какой, касатая...

Между тѣмъ мужчины, конечно нѣкоторые, не такъ относились къ «рыженькому»...

Въ Путивлѣ, недалеко отъ дворца Димитрія, стоитъ небольшой деревянный домикъ. Хотя время уже перешло за полночь, однако въ домикѣ этомъ, сквозь щель закрытыхъ ставней, просвѣчиваетъ огонекъ. Кто не спитъ такъ поздно, когда весь городъ давно уснулъ, и только на городской стѣнѣ да на крѣпостномъ валу изрѣдка перекликаются часовые пушкари сонными голосами: «Славенъ городъ Путивль! Слушай!..» «Славенъ городъ Кромы!..» «Славенъ городъ Черниговъ!..»

Въ домикѣ этомъ, въ одной просторной комнатѣ, передній уголъ которой увѣшанъ иконами въ ризахъ, за большимъ столомъ, покрытомъ бѣлою скатертью, сидятъ на широкой лавкѣ трое монаховъ. Одинъ изъ нихъ старый съ выбивающеюся изъ-подъ клобука сѣдою косичкою и постоянно моргающими глазами, а двое молодыхъ, одинъ съ черными кудреватыми волосами и почти безбородый, другой—съ рыжими, широко разметавшимися по плечамъ волосами и такою же рыжею окладистою бородой. Передъ ними на столѣ складной мѣдный крестъ и старое евангеліе въ кожаномъ, засаленномъ и закапанномъ воскомъ переплетѣ и съ мѣдными, грубо выдѣланными застежками.

Противъ нихъ, на деревянномъ, съ высокою прямою спинкою стулѣ сидитъ старый бородатый русакъ, одежда котораго изобличаетъ служилаго человѣка.

Сальная, въ высокомъ мѣдномъ подсвѣчникѣ, свѣча, сильно нагорѣвшая, слабо освѣщаетъ задумчивыя лица собесѣдниковъ.

— И что жъ, отецъ Зосима, ты самъ видѣлъ Гришку? — спрашиваетъ служилый.

— Самъ, Мижита Юрьичъ,—отвѣчаетъ старый монахъ, моргая глазами.

— И спозналъ его подлинно?

— Какъ не подлинно, батюшка Ево самово. бѣса, у Іева патріарха на Москвѣ не единожды видывалъ.

— А тотъ, самъ-отъ?

— Тотъ—особь человѣкъ: образомъ рудъ...

— Да, руденекъ...

— Бѣлолицъ, глазастъ гораздо да и шильный, аки змѣи.

— Знаю, знаю, былъ на очахъ...

— Образина, чу, не наша,—вмѣшался рыжій.

— Литовецъ, поди.

— А може польская опара высоко подымается,—замѣтилъ служилый.—Да, знатко поддѣлали гривну-ту эту на шею царю и великому князю Борису Ѳедорычу всеа Русіи.

— Чево не знатно! И крестъ-отъ истовый умѣетъ слагать, и рѣчью взялъ, и всѣмъ,—вставилъ рыжій.

— Такъ, такъ... Да все ку-быть чуется нѣчто иноземное въ немъ: та же, кажись, гривна, да звонъ не тотъ,—добавилъ старый монахъ.—А Гришка—это онъ самый: Юшка Богдашкинъ.

— Да, Юрка книгочій, знаю... Дока въ письмѣ-то.

— То-то и есть... Не попалъ въ жилу святѣйшій патріархъ Іевъ, не попалъ: въ грамотѣ Гришкой назвалъ пса польскаго, рудожолтаго бѣса... Не попалъ, не попалъ, — повторялъ служилый.

— Не попалъ, такъ мы попадемъ,—отозвался таинственно чорный монахъ,—только бы кадило добыть, а тамъ мы попадемъ съ кадиломъ-то: все его польское гнѣздо, аки комаровъ, выкуримъ роспымъ ладонсмъ изъ Святой Руси.

— Да, да, темьянъ у насъ добрый,—улыбался рыжій.

— Что жъ, зелье какое?—любопытствовалъ служилый

— Зелье... точно...

— А сила въ немъ какая?

— Сила? Да вотъ какая: коли только къ голому тѣлеси приложить его, такъ все тѣло распухнетъ, аки единъ пузырь, а на девятый день смерть приключается.

— А кто же къ нему-то, къ тѣлу приложитъ?

— Да для чево тѣло, а кадило на что?

— Что жъ кадило?

— Покадить нашимъ темьяномъ...

— Ну?

— Ну, и со святыми упокой...

Служилый со страхомъ перекрестился.

— Что жъ это за зелье?—спросилъ онъ.—Откуда оно?

— Съ могилъ... На девяти могилахъ копано, въ девяти водахъ мочено, въ девяти огняхъ сушено, девятью клятвами проклято, оттого на девятый день, чу и смерть приходитъ.

— Какъ же, и патріархъ благословилъ на такое дѣло?

— Благословилъ, чу, и грамоту далъ съ анаоемой ему Гришкѣ.

— Да какъ же Гришкѣ, коли онъ не Гришка?

Монахъ, видимо, былъ озадаченъ этимъ вопросомъ служилаго: анаѳемствовати указано Гришку разстригу, а онъ не Гришка, а польскій бѣсъ. Но онъ скоро нашелся.

— Анаѳема — окомъ божіимъ смотритъ и ухомъ божіимъ слышитъ,—сказалъ онъ,—она найдетъ, кого надобеть найти.

Въ это время за дверями три раза замяукала кошка. Монахи вздрогнули.

— Кого кошка ищетъ?—тихо спросилъ служилый, подходя къ двери.

— Мышку,—былъ отвѣтъ изъ-за двери.

— Какую?

— Рыженькую.

Служилый отперъ дверь. Вошелъ низенькій старичокъ въ лисьей шубѣ и въ бобровой шапкѣ. Снявъ шапку, онъ перекрестился на иконы. Голова пришедшаго блеснула лысиной ото лба.

— Ну, что, Микифоръ Савичъ?—спросилъ служилый.

— Благодареніе Господу, добыли.

Монахи вскочили съ своихъ мѣстъ и перекрестились.

— Покажь, отецъ родной,—заговорилъ служилый.

Лысый полѣзъ за пазуху кафтана и вынулъ оттуда что-то завернутое въ ширинку. Когда онъ развернулъ ширинку, то въ рукахъ у него оказалось кадило церковное. Онъ бережно поставилъ его на столъ.

Кадило было не висячее, не на металлическихъ цѣпочкахъ, а стоячее, со складною ручкою, какія теперь уже вывелись изъ употребленія.

Всѣ стояли молча, и никто не рѣшался заговорить первымъ. Наконецъ, заговорилъ рыжій монахъ.

— Братіе!—сказалъ онъ торжественно.—Дѣло сіе великое и страшное... По указу царя государя и великаго князя Бориса Ѳедоровича всеа Русіи и по благословенію святѣйшаго патріарха Іова посланы мы, смиренные иноки — инокъ Изосима, инокъ Ириархъ и азъ хубый иночишко Потапишко—посланы мы изліяти гнѣвъ Божій на главу окаяннаго чернокнижника и богоотступника, проклятаго папежина польскаго, иже похити имя въ Бозѣ почивающаго царевича Дмитрія Іоановича углицкаго и дерзаетъ на превысочайшій россійскаго царствія престолъ аки песъ смердящій воскочити и на честнѣйшаго царя-государя и

великаго князя Бориса Ѳедоровича всеа Русіи своею гнюсною латинскою блевотиною блевати, яко бы онъ, государь, московское скифетро укралъ. И указано намъ инокамъ смиреннымъ—иноку Изосимѣ да иноку Иринарху да мнѣ, худому и гнюсному иночишкѣ Потапишкѣ—онаго пса латинскаго гнѣвомъ Божіимъ казнити и лютой смерти предати.

— Аминь,—глухо проговорилъ старый инокъ Изосима.

— Аминь,—повторилъ и черный чернецъ Иринархъ.

— Аминь, аминь,—подтвердили и старики не монахи.

— Се крестъ честный и евангеліе Господа нашего Исуса Христа,—продолжалъ рыжій чернецъ, указывая на крестъ и евангеліе;—подобаетъ намъ, братіе, на семъ евангеліе клятися и ротитися, яко да сохранити намъ тайну цареву, и на томъ крестъ цѣловати... Клянестеся ли, братіе, на семъ?

— Клянемся именемъ Бога живаго.

— Ротистеся ли такожде?

— Ротимося Господомъ.

— Цѣлуйте крестъ и евангеліе Господа нашего Исуса Христа.

Въ этотъ моментъ послышался стукъ въ наружную дверь, затѣмъ ударъ, другой, и дверь грохнула въ сѣни. Присутствующіе въ комнатѣ такъ и окаменѣли на мѣстѣ. Рыжій монахъ схватился за голенище сапога и задрожалъ всѣмъ тѣломъ.

Въ одно мгновенье тѣ же удары обрушились и на внутреннюю дверь, въ самую комнату. Дверь не выдержала и соскочила съ петель. Въ дверяхъ показались стрѣльцы и польскіе жолнеры. Въ комнату вошелъ Рубецъ-Мосальскій съ оружемъ въ рукахъ и въ кольчугѣ. Взглянувъ на столъ и увидавъ на немъ кадило, онъ сказалъ, обращаясь къ стрѣльцамъ и указывая на монаховъ и стариковъ:

— Вяжите ихъ! Поличное въ очи глядитъ... Вина ихъ сыскалася допряма...

. . . . . .

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого ночного происшествія нижняя околица Путивля представляла шумное зрѣлище. Туда валилъ народъ со всего города, тащился и старъ и малъ, серьезные мужики и любознательныя бабы. Послѣднія поминутно ахали и безъ-умолку болтали.

— Ахъ, касатая моя, въ сапогѣ, чу, пашли...

— У ево, у Митрей царевича?

— Что ты, дѣвынька! Окстись! У монашки, чу, у рыжаго.

— Ахъ онъ несъ рудой!

— Да на девяти, дѣвынька, могилахъ Борисъ Годунъ копалъ ево, зельс-то, да въ девятехъ, слышь, касатая, водахъ мочилъ ево...

Толпа затерла болтливыхъ бабъ. Рѣчи мужиковъ смѣнили рѣчи бабъ.

— Этой- то порчей зелейной, слышь, робя, они чернецы-то, и хотѣли извести царевича.

— Отъ Бориса, мекаю такъ?

— Отъ Борьки отъ самово. А царевичъ вьюношъ не промахъ, накрылъ аки мышь рѣшетомъ.

— Чернецовъ, мекаю?

— И чернецовъ, и бояръ. Да и говоритъ: «эхъ, гыть, братцы, братцы! Люди вы старые, что я вамъ сдѣлалъ? Я васъ въ ту пору, аки полоняникоъ моихъ, у Рыльска, помиловалъ, не сказнилъ, а опосля того кормилъ поилъ васъ. За что жъ вы, гытъ, лиходѣяли надъ головой моей? Богъ вамъ судья, гытъ, да народъ православный». Это къ боярамъ-то. Да вывелъ ихъ, бояръ, на крылечко, да и говоритъ: «народъ православный! Судите лиходѣевъ моихъ, какъ знаете, а я ихъ прощаю»...

— Ну, и доберъ же онъ, не въ батюшку доберъ!

— Ну, а на міру ихъ присудили сказнить, разстрѣломъ разстрѣлять, аки псовъ бѣшеныхъ.

— А чернодырыхъ?

— За приставы отдалъ. А судіямъ-то и говоритъ: «Братцы! Простите ихъ, рабовъ Божіихъ: они-де не своею волей шли, а по крестному цѣлованью, аки отъ законнаго царя»...

— Доберъ, и какъ доберъ!..

Въ это время на околицѣ показался взводъ стрѣльцовъ и польскихъ жолнеровъ. Впереди шли стрѣльцы, раздвинувшись на двѣ равныя колонки. По серединѣ колонокъ шли два старика въ арестантскихъ чапанахъ и съ открытыми головами. На ногахъ у нихъ звенѣли кандалы, словно у скованныхъ лошадей въ полѣ, а въ рукахъ теплились свѣчи-маленькія, желтыя, восковыя. Свѣчи часто тухли то отъ движенія, то больше оттого, что у осужденныхъ дрожма-дрожали руки. Тогда священникъ

въ черной рясѣ, ѣдшій впереди ихъ съ крестомъ, бралъ у нихъ свѣчки и снова зажигалъ отъ свѣчи, горѣвшей въ фонарѣ на ружьѣ одного стрѣльца.

Шествіе замыкалъ отрядъ жолнеровъ. Шествіе направлялось къ двумъ чернымъ вымазаннымъ сажею столбамъ, стоявшимъ на краю околицы. Около столбовъ чернѣли свѣжія могильныя ямы.

Это вели на казнь тѣхъ стариковъ, которыхъ мы видѣли на ночномъ совѣщаніи надъ крестомъ и евангеліемъ. Они въ числѣ прочихъ служилыхъ людей были приведены къ Димитрію связанными, какъ слуги Годунова, и въ числѣ прочихъ же не только помилованы, но и почтены довѣріемъ Борисова противника. Но они все-таки измѣнили ему, приставъ къ заговору трехъ монаховъ, подосланныхъ къ Путивль Годуновымъ и патріархомъ Іовомъ.

— А по что, мать моя, у нихъ свѣчечки въ рукахъ воскояровы?

— А это, касатая, душеньки ихъ теплются, опрощенья у Господа просятъ.

— Помилуй ихъ, Господи...

— О-охъ, касатая, темно тамъ, въ могилушкѣ сырой, а дороженька на тотъ свѣтъ далекая-далекая, такъ по темной-то по дороженькѣ свѣчечка и будетъ посвѣтывать...

— И-и, какая ты, мать, умная, все знаешь...

— Все, все, касатая, потому Господь снандобилъ, — хвастается баба-лгунья.—А за ними-то, касатая, за колодничками, аньделы ихъ идутъ и горючими слезами по душенькамъ ихнимъ слезно обливаются...

— Идутъ, баишь?

— Идутъ, касатая, сама, своими глазыньками вижу, они маленьки робятки голеньки, безъ штанишекъ, кудреватеньки и съ крылышками...

Баба завралась окончательно и ахнула: къ шествію примкнули, словно выросшія изъ земли, конныя фигуры стрѣлецкаго сотника и польскаго хорунжаго... Шествіе остановилось какъ разъ противъ черныхъ, позорныхъ столбовъ и вырытыхъ подъ ними, черныхъ же словно два старыхъ разинутыхъ рта, ямъ. Священникъ сталъ рядомъ съ осужденными, а противъ нихъ— низенькій подлячій съ большой мѣдной чернильницей за поя-

сомъ, на брюхѣ, и съ гусинымъ, въ видѣ стрѣлы, перомъ за ухомъ. Въ рукахъ у него бумага.

Началось чтеніе приговора. Слышны только отдѣльныя слова, безсвязныя фразы, словно бы это дьячокъ читаетъ ефимоны: «кадило церкорное».. «темьянъ-ладонъ»... «зелье погибольное»... «по дьявольскому наущенію»... «и сыщется про то допряма»... «унзбыти муки вѣчпая»... ино будетъ учпутъ вѣдомствомъ воровать»... «оже будетъ про здоровье государево дурно помыслитъ»... «и того казнить жестокою казпію—руканога отсѣчь»... и такъ далѣе, только и слышно «оже» да «ино будетъ», или отчетливая страшная фраза: «и того казнити смертію, голова отсѣчь»... И опять «еже» да «ино будетъ», и снова заключительная страшная фраза: «и того казнить смертно, огненнымъ боемъ»...

А ворона, сидя на столбѣ и какъ бы прислушиваясь къ тому, что читаютъ, и удивляясь человѣческому искусству выдумывать страшныя, непзглаголанныя муки своимъ братьямъ, зловѣще каркаетъ...

— Не дадутъ, не дадутъ, подлая, тебѣ мяспа человѣчьяго, пшь избаловали человѣчинкой, не каркай, подлая!—говоритъ старый, на деревянной ногѣ, стрѣлецъ и грозитъ воронѣ кулакомъ.

Наконецъ, все прочитано. Выходятъ изъ рядовъ четыре польскихъ жолнера и, взявъ подъ руки осужденныхъ, ведутъ къ столбамъ мимо могильныхъ ямъ...

Тотъ изъ осужденныхъ, низенькій Никифоръ Савичъ, что приносилъ кадило къ монахамъ, проходя мимо ямы, загляпулъ въ пее, загляпулъ въ свою могилу... Да, любопытно, очень любопытно загляпуть туда... Другой, Микита Юрьичъ, только вздрагиваетъ и хватается за жолнеровъ... Голова вѣрпо, кружится, какъ бы раньше не упасть туда...

Къ нимъ подходитъ священникъ съ крестомъ и что-то говоритъ. Осужденные крестятся, и звякаютъ ихъ молящіяся руки, закованныя въ длинные кандалы, звякаютъ кольцами цѣпей, словно чотками монашескими...

— ... «земля есте и въ землю отыдете»,—слышится священническое утѣшепіе.

Да, утѣшительно, очень, очень утѣшительно!

Испуганная ворона, шарахнувшись со столба, пролетаетъ низко-низко, какъ бы желая заглянуть въ очи осужденнымъ.

— Чего не видала, подлая! — снова грозитъ ей безногій стрѣлецъ.—Мою ногу слопала, будетъ съ тебя...

Бабы крестятся и испуганно глядятъ на стрѣльца.

На осужденныхъ надѣваютъ бѣлые мѣшки—саваны и привязываютъ къ столбамъ.

— Выходи повзводно! — раздается команда стрѣлецкаго сотника.

— Пущай паны стрѣляютъ, — слышится протестъ изъ колонны стрѣльцовъ,—намъ по своимъ стрѣлять—рука не подымется.

— Инъ быть такъ,—соглашается сотникъ.

Снова раздается команда. Выходятъ попарно жолнеры и становятся въ двѣ линіи... Наводятся дула ружей на живыя мишени, на бѣлые мѣшки съ завязанными въ нихъ людьми.

— «Разъ... два... три!..» Что-то машетъ не то платкомъ, не то бѣлымъ крыломъ и въ тотъ же моментъ что-то хлопаетъ, точно десятки хлопушекъ по мухамъ... Нѣтъ, это меньше и жальче, чѣмъ мухи...

Бѣлые мѣшки разомъ осѣдаютъ, но не падаютъ... Изъ-подъ грубаго холста брызжетъ что-то красное...

— Охъ, кровушка! Охъ, матушка!..

Ничего не видать за дымомъ... Кто-то подходитъ къ столбамъ, отвязываетъ бѣлые мѣшки, и мѣшки такъ-таки мѣшками и сваливаются въ ямы... За мѣшками въ ямы посыпалась земля... Лопатами и ногами пихаютъ туда землю... Полно, даже съ верхомъ насыпано...

Опять команда, какая-то злая, съ какою-то острою нотою въ голосѣ сотника, не то польскаго хорунжаго... Колонны сомкнулись... Застучалъ барабанъ... Колонны прошли по свѣжимъ могиламъ...

А стрѣлецъ, на деревяшкѣ, ковыляя къ посаду, тянетъ:

Ой и спасибо, ужъ и спасибо тѣ, мому синему кувшину,
Охъ ужъ и розмыкалъ, ухъ и розкострижилъ злу тоску-кручину.

Да, кому синій кувшинъ, кому яма, а кому корона... Ужъ и жизнь же человѣческая!

XIV. Ляпуновъ и офеня.

— Христосъ воскресе, Ипатушка!

— Востину воскресе, боярипъ.

— Похристосуемся же, знакомый.

— Похристосуемся, боярипушка.

Такими привѣтствіями обмѣнялись, при встрѣчѣ, въ станѣ Борисова войска, которое все еще стояло подъ Кромами, осаждая атамана Корелу съ донцами, высокій, видный, среднихъ лѣтъ ратникъ въ богатомъ ополченскомъ одѣяніи и горбатенькій офеня съ коробкою за плечами, можетъ быть оттого и казавшійся горбатымъ, что массивный коробъ, сидѣвшій у него на спинѣ постоянно, заставлялъ думать что этотъ маленькій человѣчекъ такъ и родился съ коробомъ на спинѣ.

Ратникъ сидѣлъ у шатра, на длинномъ, толстомъ обрубкѣ дерева и перебиралъ какія-то бумаги. На бревнѣ же, которое было сверху стесано, стоялъ серебряный кувшинъ, а около него большая серебряная же стопа. И ратникъ, и офеня похристосовались троекратно.

— Какъ живешь-бродишь, «боярышенька золотая?»—спросилъ первый, улыбаясь.—Садись, медку испей.

Офеня низко поклонился. — «Спаси-те Богъ на добромъ словѣ,—отвѣчалъ онъ, въ свою очередь оскабляясь.—«Брожу по святой Руси, аки челнокъ у ткачихи».—Онъ сѣлъ на другой конецъ бревна и спустилъ на землю свой коробъ.

— Спознался меня?

— Какъ не спознать Прокопа Ляпунова свѣтъ рязанскова? Единъ сизъ селезень промежъ сѣрыми утицами, единъ и Прокопъ Ляпуновъ на матушкѣ на святой Руси.

Ляпуновъ весело засмѣялся, тряхнувъ своими русыми кудрями.

— А ты все такой же балагуръ, «боярышенька золотая»? Гдѣ бродилъ съ тоя поры, какъ у меня въ Рязани иконы мѣнялъ? А много послѣ того воды утекло... много... болѣ чѣмъ у Бога положено... окіянъ море воды утекло... много... охъ какъ много, въ пять шесть годовъ (Ляпуновъ задумался)... А теперь къ намъ съ коихъ странъ забрелъ?

— Изъ града Мангазеи, боярипушка.

— О такомъ городѣ я и не слыхивалъ.

— Въ Сибирской землѣ, боярипушка, далѣ чѣмъ градъ Тоболескъ, на полуночну страну.

— А какъ туда попалъ?

— Изъ Архангельсково городу кочемъ...

— Кочемъ, водою? Да что ты меня морочить вздумалъ, «боярышенька золотая»? Видано ли, чтобъ изъ Архангельсково городу въ Сибирь водой пройтить?

— Видано бояринушка. Пятой годъ тому будетъ, какъ я отъ васъ изъ Рязани пошелъ въ Архангельскъ да мимоходомъ забрелъ и въ Соловецкую обитель, къ угодничкамъ Зосимѣ-Саватію, иконы мѣнять. И прилучись въ ту пору въ Архангельскѣ быть колмогорцу Еремкѣ Савину, а съ нимъ мы спознались на Москвѣ у князь Василей Мосальскаво, иконы я князю мѣнялъ тако жъ; и въ тѣ поры царь Борисъ Ѳедорычъ спосылалъ его, князь Василья, въ Мангазею воеводой для поминочной рухляди и ясаку государева. И оный Еремка колмогорецъ, снарядивъ кочи, задумалъ везти судовыя снасти въ Мангазею моремъ. Такъ я съ нимъ-то и проѣхалъ моремъ въ Мангазею изъ Архангельска.

— Какимъ же моремъ-то?

— Студеным, боярипушка... Ужъ и что это за дивы я видѣлъ тамъ дивныя: что плывемъ это мы моремъ-окіаномъ день и ночь, и что день, что ночь, все едино, только ко полудню солнышко по праву руку небомъ идетъ, а ко полуночи, боярипушка, охъ, ужъ и не побѣришь! Всю-то поченьку оно, солнышко красное, по морю по кіяну, аки лебедь, плыветъ, такъ-таки однимъ краешкомъ омокнется въ кіянъ море, да и плыветъ, и плыветъ, красное... И день свѣтло, и ночь свѣтло, инда одурь возьметъ, да такъ и заплачешь, самъ не знай о чемъ... И чудно это таково, и страховито, и божественнымъ аки духомъ пѣкимъ на тебя вѣетъ отъ пучины этой морской: гора это ледяная плыветъ по морю по кіяну, а ни конца-краю ей нѣту-ти, ни до вершинушки ея окомъ не досягнути, не догляпути; и стоитъ это глыба на глыбѣ до самаго небесе, до престолу Божія... А на глыбиныхъ-то этихъ, на горахъ ледяныхъ звѣри морскіе хвостатые да пернатые ходятъ да медвѣди бѣлые... А птицы-то, Господи, сколько, а рыбины всякой и китище это, китъ преогромный плыветъ да воду, аки рѣку къ небу, изрыгаетъ, такъ молитвами чудотворцевъ московскихъ да угодниковъ кіевскихъ только и спасались...

Тамъ-то я, боярипушка, и обѣтъ далъ—въ Кеивъ къ мощамъ угодниковъ печерскихъ сходить.

— Что жъ, и былъ въ Кіевѣ?

— Привелъ Господь, боярипушка. Это ужъ я въ Кеивъ прошелъ изъ Мангазеи грады па Тоболескъ, да на Неромкуръ, а съ Неромкура на Пермь, да по пути-по дорожкѣ завернулъ домой въ Суздаль градъ, да оттоль въ Астрахань, да на Донъ, да ужъ съ Допу-то въ Кіевъ... Тамъ вотъ и ихнево Димитрія рыженькаго видывалъ...

При словѣ «ихнево» онъ указалъ на Кромы: издырявленный и изрытый норами, словно пчелиный сотъ, валъ ихъ видпѣлся изъ палатки Ляпунова, стоявшей на возвышеніи. Ниже и выше и по сторонамъ бѣлѣлись шатры, сѣрѣли нагроможденныя въ безпорядкѣ обозныя телѣги, чернѣли пушки съ зарядными ящиками, бродили, сидѣли, ѣздили, кричали, смѣялись и пѣли ратники московскаго и иныхъ россійскихъ ополченій.

— Кого видѣлъ?—спросилъ съ удивленіемъ Ляпуновъ.

— Да вотъ ихнево, что въ Путивлѣ... Кромчане Димитріемъ царевичемъ его называютъ.

— Какъ! Ты еще въ Кіевѣ его видывалъ?

— Въ Кеивѣ, боярипушка.

— Гришку-то Отрепьева?

— Нѣту, боярипушка. Гришка-то особь статья.

— Такъ кто же?

— А Богъ его вѣдаетъ кто... Онъ—одно слово... Рыженькій.

— Такъ и Гришка, сказываютъ, рыжъ же.

— Руденекъ, точно, боярипушка, рудой, точно, да не онъ.

— Такъ ты и Гришку знавалъ?

— Знавывалъ. И иконы мѣнивали, и медокъ пивывали.

— Гдѣ же?

— Да все въ Кеивѣ, боярипушка. Да и въ Путивлѣ ихъ обоихъ видывалъ.

Ляпуновъ даже вскочилъ, и сѣрые съ огнемъ глаза его расширились.

— Тьфу ты чортовъ сынъ! Да ты меня совсѣмъ съ толку сбилъ. Я ничего не уразумѣлъ изъ того, что ты мелешь.

— Не мелю я, боярипушка: толкомъ докладываю твоей милости.

— Ну, какъ же? То ты въ Кіевѣ, то ты въ Путивлѣ, то Гришка Отрепьевъ, то не Гришка, то того знаетъ, то этого, а кого, самъ бѣсъ тебя не пойметъ... Тьфу ты, дьяволъ, инда сердце ходенемъ ходитъ... Я тебя какъ собаку велю повѣсить. Что ты смущаешь народъ? Подославъ что ли? Такъ на осину тебя и вздерну.

— Дергай, боярищка, да съ коробомъ вмѣстѣ, съ иконами Божьими: пущай Господь Богъ увидитъ правду Прокопа Ляпунова, какова ево правда.

Ляпуновъ взволнованно ходилъ взадъ и впередъ мимо колоды. Нѣсколько ратниковъ и одинъ старый стрѣлецъ направились было къ нему, но онъ нетерпѣливо махнулъ рукой, и тѣ удалились.

— Такъ распутай же этотъ клубокъ, что ты намоталъ: что такое этотъ Гришка, и что этотъ не Гришка. Это, самъ знаешь, не иконы мѣнять: тотъ-де, что съ бородою лѣнообразною и съ плѣшью—Микола-чудотворецъ, а тотъ, что на конѣ—Юрій-де-побѣдоносецъ. Тутъ дѣло земское. Сказывай же,—все еще нетерпѣливо говорилъ Ляпуновъ, размахивая руками.

— И скажу все, боярищка, потерпи, не горячись... Видно, что тебя махонькаго въ горячей водѣ купали.

— Ну, такъ ихъ двое, чу?

— Двое... Слушай... Буду съ начала сказывать, какъ про бѣлаго бычка.

— Какъ ты съ нимъ спознался, съ н и м и, я хочу сказать, съ проклятыми? Гришка—не Гришка, дьяволъ— не дьяволъ, тотъ—не тотъ, одинъ—не одинъ, оба рыженькіе, оба тутъ, мы въ дуракахъ—да эдакъ съ ума сойти можно. Вся Русь съ ума сойдетъ, поневолѣ рехнется... Зарѣзали—не зарѣзали, похоронили, а онъ ходитъ; говорятъ, Гришка ходитъ, нѣтъ не Гришка, а два Гришки, и оба рыженькіе, и тотъ, что зарѣзали, рыженькій... Да эдакъ вся Русь взбѣсится, это чортъ знаетъ, что такое!

Дѣйствительно, положеніе русскихъ людей было ужасное... Кому вѣрить? За кого стоять? Кто лжетъ?

Ляпуновъ, какъ личность глубоко-впечатлительная и натура честная, испытывалъ ужасную нравственную пытку. Его умъ не могъ не чуять какой-то фальши во всемъ, что дѣлалось на Руси при Годуновѣ, онъ и тутъ чуялъ, что-то, но что-то неуловимое, отъ чего между тѣмъ садняло на мозгу, на сердцѣ, чувствовалось, что тутъ что-то не такъ, не то... И вдругъ этотъ горбатый

офеня! Точно искры разсыпалъ въ мракѣ, а мракъ все не выясняется и, напротивъ, еще страшнѣе становится отъ этихъ искорокъ...

— Ну, говори же, а будешь вилять, кишки вымотаю на струны...

Но офеня былъ человѣкъ бывалый и зналъ людей. Онъ и свою силу зналъ, и силу того, что имѣлъ сказать нетерпѣливому рязанцу, и потому, улыбаясь, началъ нараспѣвъ.

— Начинается сказка про бѣлаго бычка... Пришелъ я въ тѣ поры въ Кевъ иконушки мѣнять...

— А въ которымъ году!

— Полтретья года будетъ, а то и три влѣзетъ... Ну, и мѣняю, брожу по дворамъ, по монастырямъ, по черкаскимъ людямъ, а все глазкомъ накидываю, нѣтъ ли гдѣ случаемъ землячка, московской строки... Есть... Набрелъ я такимъ побытомъ и на Гришку, на Григорья Отрепьева...

— Да какъ же это ты набрелъ на него, не пойму я?

— Да зналъ же я его на Москвѣ еще, какъ онъ былъ Юшка, Богдановъ сынъ, Отрепкинъ, маленъ такой шустрый, и у Романовыхъ жилъ... Еще Настеньки Романовой слѣды во садочкѣ на песку искалъ да слѣды эти пѣловалъ... А я Романовымъ въ ту пору иконы жъ мѣнялъ, такъ Юша просилъ меня принести ему икону преподобной мученицы Анастасіи-римлянынн... А послѣ того вотъ, какъ царь Борисъ Ѳедоровичъ всѣхъ Романовыхъ за измѣну ли, за воровство ли какое расточилъ, такъ Юша-то, тоскуючи по Настенькѣ, по Романовой же, отъ свѣту отрекся, въ монастырь ушелъ, и нареченъ былъ въ англѣхъ Григорій, да какъ парень-то пронзительный и всѣ книжныя хитрости произошелъ, такъ святѣйшій патріархъ Іевъ и взялъ его къ себѣ письма ради... Онъ и прилѣпился къ книжному-то дѣлу аки клещъ — до зарѣзу, значитъ, словно въ свою Настеньку... Мѣры человѣкъ не зналъ, зачитываться сталъ... Ну, на него и вышелъ поклепъ; чернокнижникъ-де, предать-де его за книжное любленіе огненной смерти, сжечь въ срубѣ... Не читай-де много, опасно это... Онъ возьми да и яся бѣгу, да въ Кевъ... Тамъ мы съ нимъ и столкнулись и поцѣловались, и поплакали вмѣстѣ объ Настенькѣ... Ухъ и дѣвынька жъ была!.. Такъ вотъ такъ-ту, бояринушка.

Ляпуновъ внимательно слушалъ. Для него все это было ново.

— Ну, какъ же тутъ царевичъ-то?—спросилъ онъ съ недоумѣніемъ.—Кто жъ тутъ еще другой?

— А другой—другой и есть, боярипушка. Юшка же и свелъ меня съ нимъ-то, съ этимъ другимъ...

— Кто жъ онъ такой?

— А и Богъ его вѣдаетъ... рыженькой да и только... съ бородавкой еще... Такъ инокомъ Димитріемъ съ бородавкой и звали...

— Ну, и какъ же? Какой онъ изъ себя? Что говорилъ о себѣ?

— Какъ тебѣ сказать, боярипушка? Рыженькой онъ точно, сухопаръ гораздо, молчаливъ... только,—какъ тебѣ это сказать понятнѣе,—словно бы онъ не тотъ, что есть... Инда страхъ нападалъ, какъ ему въ очи-то посмотришь: нѣтъ, не тотъ, не тотъ, думаешь, это человѣкъ, что глядитъ на тебя; такъ и чудится, что вотъ вотъ изъ-за спины у него выглянетъ кто-то другой... Ну, и моторошно станетъ... А доберъ гораздо и много видалъ на своемъ вѣку, хоша и младъ вьюношъ еще; и какъ видалъ, гдѣ видалъ, этого не говоритъ...

— Какъ же не говоритъ?

— Да такъ, прималкиваетъ... Ты думаешь, вотъ скажетъ; анъ нѣтъ, увернулся, и слѣдъ замело и самъ онъ въ воду капулъ, а самъ тутъ сидитъ, молчитъ... Да единожды разъ чудо таково вышло: увидалъ это онъ у меня образъ преподобнаго князя Александра Невскаго, долго эдакъ смотрѣлъ на него, долго что-то думалъ, да потомъ и шепчетъ: «дѣдушка!» говоритъ: «прародитель мой! помолись за меня»... да и заплакалъ... Диву дался я: не въ себѣ, думаю, человѣкъ; попритчилось, думаю... Да ужъ вотъ нонѣ, когда въ Путивлѣ, въ церкви увидалъ его, аки царевича Димитрія, такъ и вспомнилъ, и раскусилъ «дѣдушку»-то его, не спроста, значитъ, говорилъ.

Видно было что разсказъ офени производилъ на Ляпунова глубокое впечатлѣніе... Въ душѣ его зарождалось что-то новое, тревожное...

— Что жъ послѣ-то было?—спросилъ онъ.

— Послѣ-то? А послѣ я ушелъ въ Саратовъ, а изъ Саратова въ Казань а изъ Казани въ Нижній, а изъ Нижняго въ Москву... А по Москвѣ-то ужъ слухи пѣши ходютъ про царевича... Помѣнялъ я маленько товаромъ-то своимъ, да въ Калугу, а изъ Калуги въ Тулу, а изъ Тулы въ Орелъ, а изъ Орла махнулъ въ

Черниговъ, да на дорогѣ-то ужъ и слышу неподобное: «царевичъ де идетъ». Ну, что жъ, думаю, пущай идетъ, коли Богъ ноги далъ. Брешутъ, думаю, люди. Иду да иду съ коробомъ-то своимъ, посвистываю, да еще грѣшнымъ дѣломъ запѣлъ, сиверко было, такъ я маленько выпилъ, ну, эдакъ-то себѣ и подтягиваю со скуки, въ Казани еще добрѣ поютъ ее шубники:

Что ты, Дуня, пріуныла,
Пригорюнившись у окошка, шельма, сидишь?

— Коли вижу, ѣдетъ что-то навстрѣчу мнѣ... Гляжу, анъ ратные люди идутъ: хоругви это на солнышкѣ блестятъ, аки злато червленое, пѣшіе и конные невѣдомые люди, и казаки, и польскіе и малороссійскіе люди, видимо-невидимо... Я сторонюсь, шапку сымаю, кланяюсь господамъ ратнымъ... Коли вдругъ слышу: «А! Ипатушка богоносецъ!» «Боярышенька золотая!» Это меня за то «боярышенькой золотой» дразнютъ, что ежели я прихожу въ какой домъ иконы мѣнять, то завсегда ищу боярышень, охотнѣе боярышни-то берутъ мой святой товарецъ. «Боярышня, говорю, золотая! Не надо ли Миколу угодничка, али Троеручицу-матушку»...

— Знаю! Знаю!—нетерпѣливо махаетъ Ляпуновъ.—Что жъ дальше-то было?

— Дальше-то? Вотъ что, бояринушка. Слышу это я: «Ипатушка богоносецъ! Боярышенька золотая! Какъ Богъ тебя милуетъ?» Коли глядь, Юша Отрепьевъ! Съ ратными-то людьми ѣдетъ.—Куда, пытаю, Богъ несетъ и зачѣмъ?—«Въ Москву, говоритъ, Ипатушка, бѣлокаменную съ ссударь-царевичемъ Митрей Ивановичемъ».—Какъ?—говорю—«Да такъ—тытъ—боярышенька золотая, привелъ Господь... Вотъ опъ и самъ батюшка подъ стягомъ ѣдетъ».—Глядь, анъ и въ самъ-дѣлѣ ѣдетъ подъ стягомъ, подъ хоругвью, да кто бъ, ты думалъ, бояринушка?

Офоня остановился.

— Эй, ты, тетка!—вдругъ закричалъ онъ на идущую мимо нихъ бабу съ ведрами.—Ходи сюда! Образа у меня всяки есть.. Ужъ таку-то тебѣ, тетя, Богородушку уступлю, любо дорого...

Ляпуновъ даже ногами затопалъ.

— Прочь, баба! Проваливай!—закричалъ опъ.

Баба вскинула на него изумленные глаза и пошла дальше, бормоча: «Ишь сердитый какой... бѣлены объѣлся»...

— Что жъ ты, чортовъ сынъ, молчишь!—накинулся Ляпуновъ на офеню.

— Да ты кричишь, я и молчу,—спокойно отвѣчалъ тотъ.

— Ну, кто жъ подъ стягомъ-то?

— Да все онъ же, рыженькой Димитрій съ бородавкой... Онъ и есть царевичъ.

— Такъ не Гришка Отрепьевъ?

— Нѣтъ, не Гришка... Гришка—это Юшка.

— А тотъ не Гришка?

— Не Гришка стало быть.

— Такъ кто жъ?

— А и Богъ его вѣдаетъ...

Ляпуновъ осмотрѣлся кругомъ. Заглянулъ въ палатку...

— Эй!—закричалъ онъ.—Десятской!

Изъ-за шатра вышелъ рослый ратникъ съ рыжей бородой и крестомъ на шапкѣ, мясникъ мясникомъ.

— Взять вотъ этого да отвести къ князю воеводѣ за приставы,—сказалъ Ляпуновъ, указывая на офеню.—Я и самъ, чу, непомедля приду.

Офеня сидѣлъ на колодѣ спокойно, какъ будто дѣло не его касалось.

—Эй, тетка! Ходь сюда... Неопалимая Купина у насъ есть всякой пожаръ Матушка Неопалимая Купина тушитъ...

Баба прошла мимо, косо взглянувъ на Ляпунова.

— Что жъ ты смѣешься, собачій сынъ?—снова вскинулся этотъ послѣдній на офеню.

— Нѣту, бояринушка, не смѣюсь... И князь-воеводѣ скажу то же, что твоей милости докладывалъ...

Въ это время къ палаткѣ приближался кто-то быстрыми шагами, издали дѣлая знаки руками. Это былъ мужчина среднихъ лѣтъ, плечистый, коренастый, лицомъ напоминавшій Ляпунова. Онъ также одѣтъ былъ ратникомъ. Открытое, загорѣлое лицо его казалось встревоженнымъ.

— Ты что, Захарушка?—спросилъ Ляпуновъ.

— Вѣсти черныя... Новая бѣда стряслась надъ русскою землею...

— Что ты? Какая еще бѣда?

— Царя не стало...

Ляпуновъ перекрестился. И десятскій, и офеня стояли какъ вкопанные.

— Какъ! Что ты говоришь?

— Такъ, Прокушка... Басмановъ самъ вѣсти привезъ... И митрополитъ Исидоръ съ нимъ прибылъ новогородской и весь синклитъ... Ко кресту пригонять ратныхъ людей...

— Когда жъ царя не стало?

— Въ саму недѣлю мироносицъ... Здоровъ былъ, батюшка... Опъ отвелъ Ляпунова въ сторону.

— Дѣло неладно... Сказываютъ, царь самъ на себя руки наложилъ...

— Какъ?

— Зельемъ отравнымъ... Кровью изошелъ...

— Дивны дѣла... дивны дѣла... Да и я тутъ узналъ неисповѣдимое нѣчто... Рука Господня, десница Его тяжкая на Русь налегла... Охъ, быть бѣдѣ, быть бѣдѣ великой... Узналъ я вонъ отъ этого...

— Отъ офени-то?..

Въ это время въ главномъ станѣ послышался вѣстовой барабанный бой и глухой ударъ въ колоколъ походной церкви... Мрачно застоналъ колоколъ... А въ Кромахъ раздался торжественный звонъ...

— Чу!.. Охъ, страшно... Господь идетъ... Пропала матушка Русь... плачь, земля русская...

XV. Присяга царскихъ войскъ Димитрію.

Офеня въ палаткѣ воеводы «большого полка». Палатка напоминаетъ собой обширную киргизскую кибитку или вежу и убрана очень богато, увѣшана коврами, шитыми убрусами, блестящимъ оружіемъ и другими походными принадлежностями. По серединѣ палатки раздвижной столъ на складныхъ ножкахъ, съ разбросанными на немъ свитками, столбцами и отдѣльными листами бумаги. Въ серебряной высокой вазѣ, въ формѣ удлиненной дароносицы, мокнутъ десятки гусиныхъ, лебединыхъ и орлиныхъ перьевъ. Массивная бронзовая, итальянской работы, чернильница изображаетъ свернувшуюся на камнѣ змѣю съ открытою пастью: въ пасти этой находятся чернила для подписанія памятей, отписокъ, приказовъ, наказовъ, наградъ и смертныхъ приговоровъ.

За столомъ на складныхъ сидѣньяхъ сидятъ главные воена-

чальники царскихъ ратей: молодой Басмановъ, прославившійся защитою Новгородъ-Сѣверска отъ Димитрія-невѣдомаго, князь Михайло Катыревъ-Ростовской, воевода въ большомъ полку; князь Голицынъ, Василій Васильевичъ, и князь Михайло Ѳедоровичъ Кашинъ—въ правой рукѣ; бояринъ князь Андрей Адресвичъ Телятевскій да князь Михайло Самсоньевичъ Турениnъ—въ передовомъ полку; Замятня Ивановичъ Сабуровъ да князь Лука Осиповичъ Щербатовъ—въ лѣвой рукѣ: тутъ же и князь Ѳедоръ Ивановичъ Мстиславскій и окольничій Иванъ Ивановичъ Годуновъ, да начальные воеводы рязанскаго ополченія молодые братья Ляпуновы, Прокопій да Захарій.

Татарскій обликъ Басманова съ круглою головою и узкими хитрыми глазами подъ бархатными бровями и открытыя лица обоихъ Ляпуновыхъ особенно выдѣляются изъ сонма воеводъ. Басмановъ смотритъ очень молодымъ человѣкомъ; но только энергическое и серьезное выраженіе лица какъ-то съѣдаетъ его молодость.

Лицо князя Телятевскаго, толстое, красное, несмотря на свою некрасивость, заставляетъ вспомнить хорошенькое личико его дочки Оринушки, любимой подружки царевны Ксеніи, а глаза князя Катырева-Ростовскаго, заплывшіе и потускнѣвшіе, никакъ не могутъ напомнить его бойкенькой, большеглазой «дурашки»-дочушки, княжны Наташеньки, тоже любимицы царевны Ксеніи.

Офеня стоитъ передъ столомъ и спокойно встряхиваетъ своими русыми съ просѣдью волосами, поминутно падающими на лобъ. Всѣхъ этихъ князей-боярушекъ, окольничьихъ-воеводушекъ онъ зналъ и видывалъ, не впервое: у всѣхъ у нихъ во палатушкахъ бывалъ, иконушки княгинюшкамъ ихъ да боярынямъ на золоту казну мѣнивалъ. Не робкаго десятку Ипатушка суздалецъ-иконникъ.

— Такъ ты стоишь на томъ, что онъ не Гришка Отрепьевъ?—говоритъ Басмановъ.

— Отчего не стоять? Стою и стоять буду, какъ на вотъ этой на матушкѣ на сырой землѣ, покуль въ нее, матушку, не зароютъ, желтымъ пескомъ глазыньки не прикроютъ.

— Онъ же и благовѣрнаго князя Александра-Невскаго «дѣдушкой» назвалъ?

— Онъ же, батюшка бояринъ.

— Да, промахнулись, промахнулись святой патріархъ Іевъ

съ покойничкомъ царемъ, не на ту птицу кречета выпустили: по поймать теперево этого кречета-грамоту, по всей матушкѣ Руси летаетъ.

— А что жъ онъ въ Путивлѣ дѣлаетъ?—вновь спрашиваетъ онъ, немного помолчавъ и шепнувъ что-то на ухо князю Катыреву-Ростовскому.

— Царское дѣло дѣлаетъ: ратныхъ людей обряжаетъ, суды судитъ, съ боярами да попами обѣдаетъ, съ папами разговоры говоритъ да измѣнниковъ казнитъ, все царское дѣло дѣлаетъ.

— Почто-жъ ты въ Кромы попалъ?

— А къ атаману Корелѣ, бояринушка.

— Чего ради?

— По знаемости по прежней: я у него на Дону гащивалъ, иконы тожъ ему мѣнивалъ, стряпкѣ его, Дуней зовутъ... И въ Кромахъ мѣнялъ, да на стягъ большой, на платѣ, Ягорья Побѣдоносца имъ написалъ: съ этимъ стягомъ, сказываетъ Корело, и въ Москву войду.

Воеводы переглянулись.

— А сказывай, что ты видѣлъ въ Кромахъ, да говори безъ утайки, какъ на духу,—снова обращается къ нему татарскій обликъ Басманова.

— Чѣмъ мнѣ таить-то, князи-бояра? Мнѣ и Корела-атаманъ, какъ отпущалъ изъ Кромъ, сказалъ: «Болтай, гытъ, Ипатушка, сколько хошь, все изъ-подъ ногтя да со-подъ оплеки выкладывай, коли пытать съ распросу въ московскомъ войскѣ станутъ: я-де не боюсь Москвы... Достань-ка, гытъ, суслика али тарантула въ его норѣ, такъ и меня-де съ моими казаками не достать въ норѣ толстобрюхимъ москалямъ.

Басмановъ лукаво улыбнулся и переглянулся съ Ляпуновыми.

— Правъ, воръ-разбойникъ,—пояснилъ онъ,—всю зиму возжалось съ нимъ войско царское, а и рать наша не махонькая, два-сорока-тысячъ, поди, будетъ, а вотъ не достали его, аспида, въ норѣ тарантуловой.

Князь Катыревъ-Ростовскій поморщился. Другіе воеводы какъ-то досадливо крякнули.

— А поди самъ попробуй, возьми его,—отрывисто сказалъ Катыревъ-Ростовскій Басманову.

— Въ чемъ же его сила?—спросилъ этотъ послѣдній офеню.

— А и бѣсъ его знаетъ, простите, князи-бояра... Вся сила у него, дьявола, въ башкѣ... Ужъ и шельма же всесвѣтная, я

вамъ доложу... Нарылъ это онъ норъ сусликовыхъ подо всѣмъ валомъ и подо всѣмъ, почитай, полемъ, городъ у него, у Ирода, тамъ цѣлый... Какъ кротъ подъ землей ходитъ казакъ-собачій сынъ (офеня увлекался разсказомъ)... Вы думаете, князи-бояра, трудно ему изъ-подъ земли выюркнуть вотъ въ эту самую палатку? Да онъ, шельминъ сынъ, можетъ, слушаетъ теперь, что я вамъ докладываю, вотъ тутъ подъ землей сидитъ...

И офеня стукнулъ ногой въ землю.

— Водилъ онъ, однова, меня въ свои норы-то, со свѣчой ходили... Ужъ онъ кружилъ-кружилъ ужъ онъ вился-вился, и вверхъ-то подымется, и внизъ-ту спустится, и вправо-то пора, и влѣво-то пора, и вверхъ пора, и внизъ пора, ахъ ты, Владычица, да и только!.. И спятъ-то они, собачьи дѣти, въ норахъ, и тепло-то тамъ у нихъ, разбойниковъ, морозъ, значитъ, не доходитъ... И варятъ тамъ, и жарятъ, у васъ же, князи-бояра, скотину воруютъ по ночамъ... И зелено вино у нихъ тамъ, и въ зернь-то они, псьи сыны, играютъ, и съ бабами по норамъ, какъ суслики, короводятся...

— Чево ужъ!—замѣтилъ окольничій Иванъ Годуновъ. — Сами мы не однова отсель видывали, какъ они, поганцы, блудницъ-то этихъ да плясавицъ на поруганіе намъ выпускали на валъ въ чемъ мать родила, а тѣ срамницы неподобное и неудобьсказуемое царскому воинству показывали..

Басмановъ только покачалъ головой. Ляпуновъ вспыхнулъ.

— Да сказываютъ, и шатость въ войскѣ царевомъ не однова замѣчена,—замѣтилъ онъ горячо,—многіе изъ воинскихъ людей норовятъ ему и здѣсь... Письма воровскія изъ стана въ городъ на стрѣлахъ пущаютъ.

— Пущали, это вѣрно,—отвѣчалъ офеня.

— И зелье пищальное передавали казакамъ же,—добавилъ Ляпуновъ.

— И зелье передавали, боярипушка...

Въ это время въ палаткѣ появилось новое лицо. За нимъ еще и еще, все духовныя лица. Это былъ новгородскій митрополитъ Исидоръ, вмѣстѣ съ Басмановымъ присланный для приведенія войска къ присягѣ новому царю, Ѳедору Борисовичу Годунову. И на Исидорѣ, и на его синклитѣ лица не было: волненіе, страхъ, неизвѣстность, все это сказывалось въ испуганныхъ глазахъ, въ безпокойныхъ движеніяхъ...

Воеводы встали съ своихъ мѣстъ и поклонились святителю.

— Что случилось, святой отецъ? — тревожно спросилъ Басмановъ.

— Шатаются рати... шатость велія въ войскѣ, креста не цѣлуютъ,—дрожащимъ голосомъ говорилъ митрополитъ.

— Гдѣ же? Чьи полки, отче?

— Всѣ кричатъ, всѣ мятутся...

— Что-жъ говорятъ они?

— Не хотимъ-де служить Борисову роду, не цѣлуемъ-де креста Годуновымъ... Токмо нѣмцы одни не пошатнулись «хотимъ-де служить и прямить законному наслѣднику». И какъ только капитанъ ихъ, Розенъ, поцѣловалъ крестъ, такъ и всѣ нѣмцы такожъ поцѣловали.

Басмановъ и прочіе воеводы торопливо вышли изъ палатки... Ляпуновы бросились къ своимъ ополченіямъ, къ рязанцамъ. Они застали ихъ въ волненіи. Гулъ въ рядахъ стоялъ невообразимый.

— Братцы! Православные!—громко, высокими грудными нотами началъ Прокопій, и ряды смолкли, надвинувшись ближе къ своему любимому дружинному.—Братцы! Вспомните своихъ женъ и дѣтей Не забывайте, православные, и обо всей русской землѣ. Бѣда виситъ надъ нею вотъ уже десять лѣтъ. И надъ вами эта бѣда, братцы, и надъ вашими семьями. Что вы ни посѣете, это не ваше; что ни сожнете, въ подушное идетъ, а вы голодаете. Искому было пожалѣть васъ, никому не жаль было русской земли. А все оттого, что на Руси правда пропала, нашу правду украли. На Москвѣ царь Борисъ сѣлъ неправдою, и съ того вся бѣда пошла, и съ той поры русская земля оспротѣла. Но Богъ не хотѣлъ нашей гибели: когда Борисъ хотѣлъ сѣсть на Москвѣ, онъ велѣлъ извести законнаго царя-паревича Димитрія. Богъ спасъ царевича. Онъ идетъ добывать Москву, свою отчину и дѣдину, и насъ вмѣстѣ съ нею. Станемъ же, братцы, за правду, за святую Русь да за истиннаго царя-батюшку. Хотите ли, братцы, служить и прямить царевичу Димитрію?

— Хотимъ! Димитрія царевича хотимъ! — заколыхались ряды.

Голоса рязанцевъ увлекли и другихъ. Послышались согласные крики и въ другихъ ополченіяхъ, стоявшихъ подъ Кромами.

— Царевича Димитрія! Ему прямить хотимъ!—волновались тульскіе ратники.

— Ломайте крестъ годуновскій, братцы! — гудутъ каши-

ницы.—Цѣлуемъ крестъ тому, кому Ляпуновъ да рязанцы цѣлуютъ.

Гулъ пересѣлъ къ алексинцамъ. Попятились и всѣ остальные. Вдругъ увидѣли, что стрѣльцы ведутъ какого-то парня, который, повидимому, былъ перехваченъ недалеко отъ стана. «Языка ведутъ! Языка ведутъ!» послышались голоса. Плѣннаго повели прямо къ Басманову, потому, что стрѣльцы, обыскивая его, нашли за онучами письмо, адресованное въ Кромы. Сначала парень показывалъ, что идетъ изъ сосѣдняго села въ Кромы къ своимъ родичамъ; но потомъ сталъ путаться... Басмановъ вышелъ, что тутъ что-то кроется, и велѣлъ созвать немедленно думу воеводскую въ своей палаткѣ. Пришли воеводы, и Басмановъ только при нихъ вскрылъ письмо.

«Мы (громко читалъ Басмановъ), Димитрій Ивановичъ, царь и великій князь всея Русіи, посылаемъ вамъ нашимъ вѣрнымъ кромчанамъ, по вашему челобитью, двѣ тысячи польскихъ ратныхъ людей и восемь тысячъ россійскаго воинства въ подмогу, дабы вамъ, вѣрнымъ кромчанамъ, за насъ, государя вашего, крѣпко стояти и нашу царскую честь оберегати; сами жъ мы, Димитрій Ивановичъ, царь и великій князь всея Русіи, не идемъ къ вамъ того для, что поджидаемъ сорокъ тысячъ польскихъ колперовъ съ воеводою Жолковскимъ, и какъ они къ намъ прибудутъ, то и мы къ вамъ будемъ непомедля. Вы же, призвавъ Бога на помочь, не токмо отгромите воровъ и измѣнниковъ нашего царскаго величества отъ своего богоспасаемаго града Кромъ, но и въ конецъ ихъ посрамите и въ полонъ поимите. И за то мы, Димитрій Ивановичъ, царь и великій князь всея Русіи, будемъ васъ, вѣрныхъ кромчанъ, жаловати нашимъ великимъ царскимъ жалованьемъ, каковаго у васъ и въ мысли не бывало».

Глубокое молчаніе. Воеводы испуганно глядятъ то другъ на друга, то на парня. Парень стоитъ-переминается, теребя въ рукахъ своихъ полстяной шлыкъ. Одна нога, за онучею которой найдено было предательское письмо, разута; онуча и лапоть заткнуты за поясъ.

— Какъ тебя зовутъ?—спросилъ, наконецъ, опомнившись, Басмановъ.

— Меня-то? Кузьмой.

— А чьихъ ты?

— Чьихъ? Гостиной сотни купца Ософина кабальной холопъ.

— А кто далъ тебѣ это письмо?

— На Путивлѣ осударевы бояре: «отнеси-де въ Кромы по крестному цѣлованію тайно». А привезли меня осударевы ратные люди, что идутъ въ Кромы.

— А далеко они?

— Въ одномъ перегонѣ, ваша милость, копей попасаютъ.

Услыхавъ это, Басмановъ тотчасъ же приказываетъ окольничему Ивану Годунову гнать съ передовымъ татарскимъ полкомъ въ разъѣздъ, на переемъ...

— Да чтобы языковъ изловили, а изловивъ, пришли ихъ ко мнѣ безъ мотчанія,—добавилъ онъ, посылая Годунова.

Годуновъ удалился немедленно. Кузьму также приказано было увести за приставы.

Первымъ заговорилъ Ляпуновъ, Прокопій.

— Чего же намъ еще ждать, бояре!—сказалъ онъ.—Видимо, Божья помощь не съ нами, а съ нимъ: не мы ростемъ въ силѣ, а онъ ростетъ, мы же малимся. Чего-жъ еще мѣшкать-то? Али мало крови русской пролито? Али хотимъ мы, чтобъ намъ поляки да латинцы дали царя? А къ тому идетъ.

Бояре молчали. Только изъ стана доносились бурные крики: «Долой татарское отродье! Къ бѣсу свиное ухо!» «Димитрія Ивановича! Царевича Димитрія!» «Долой восводъ! Сами пойдемъ»!..

— Слышите?—пояснилъ Ляпуновъ.—Это Божья воля...

— Божья, Божья, — невольно согласился и Басмановъ, — видимое дѣло, Самъ Богъ ему пособляетъ... Вотъ сколько мы ни боремся съ нимъ, какъ ни бьемся изо всѣхъ силъ, а все ничего не подѣлаемъ: онъ сокрушаетъ нашу силу, и всѣ наши начинанія разрушаетъ и ни во что ставитъ... Видимое дѣло, онъ истинный Димитрій, нашъ законный государь. Коли-бъ онъ былъ простой человѣкъ, воръ Гришка Отрепьевъ, какъ мы досямѣстъ думали, такъ Богъ бы ему не помогалъ. Да и Гришка-то у него палицо.

— Гришка въ Путивлѣ, его тамъ видѣли тѣ, кои его прежде знавывали,—пояснилъ Ляпуновъ.

— Истинно такъ, — продолжалъ Басмановъ. — Да и какъ

простому человѣку на мысль придетъ, чтобы на такое великое дѣло отважиться! Вотъ же сами видимъ, что въ полкахъ у насъ шатость, смятеніе...

А извнѣ снова доносились крики: «На осину борисовцевъ! На осину воеводъ»! «Тула ему отдалась»! «Орелъ крестъ цѣловалъ Димитрію»!..

— Слышите, бояре?—снова говорилъ Басмановъ. — Медвѣдь выходитъ изъ берлоги. Русская земля встаетъ, городъ за городомъ, земля за землею передаются ему. А тутъ литовскій король помочь ему посылаетъ. Не безуменъ же король, видитъ, что истинному царю помогаетъ. И что жъ мы подѣлаемъ? Придутъ польскія рати, учнутъ биться съ нами, а наши не захотятъ... Все россійское царство приложится къ Димитрію, и какъ мы ни бейся, а бѣды не избудемъ, покоримся ему. И тогда мы будемъ у него послѣдними и останемся въ безчестіи, а то и въ жестокой опалѣ и казни. Такъ ужъ, по-моему, бояре, чѣмъ намъ неволею и силкомъ итти къ нему, лучше теперь, пока время, покоримся ему по доброй волѣ и будемъ у него въ чести.

Карьеристъ и практикъ Басмановъ, воспитавшійся въ гнусной школѣ батюшки-опричника, понималъ «честь» по-боярски. Боярамъ это понравилось, и они стали колебаться. Одинъ Ляпуновъ рѣзко замѣтилъ:

— Не въ томъ, бояре, честь, чтобы поближе къ царю сѣсть, а въ томъ, чтобы землю россійскую соблюсти и крови напрасно не проливать...

— «Идутъ! Идутъ!»—послышались голоса въ станѣ. «Полякамъ бижалъ! Царевичамъ посылалъ! Гайда! Видиму-невидиму!»—кричали татары.

Это воротился Годуновъ.—Какъ? Что?

— Идутъ польскія рати! Мои татары видѣли! Видимо-невидимо! — запыхавшись и дрожа, бормоталъ Годуновъ Иванъ, вбѣгая въ палатку. Онъ былъ не изъ храбрыхъ...

. . . . . .

Прошло нѣсколько дней. Московскія рати все еще стоятъ подъ Кромами. Но что это за необыкновенное движеніе и въ московскомъ станѣ, и въ Кромахъ, хотя еще очень рано, около четырехъ часовъ утра? Или назначенъ приступъ, послѣдній штурмъ, чтобы задушить Корелу и его атамановъ-молодцовъ въ тарантуловыхъ норахъ? Майское солнце, только что выглянувъ

изъ-за горизонта, золотомъ брызжетъ и на московскія стяги съ иконами и хоругвями, и на бѣлые, почернѣвшіе отъ времени шатры, и на заржавленные бердыши стрѣльцовъ, и на казацкія пики, торчащія на кромскомъ валу. Тамъ и Корела въ киверѣ на бекрень, и Треня, у котораго и усъ одинъ, и красный верхъ шапки обожжены порохомъ.

Въ московскомъ станѣ всѣ воеводы кучатся у разряднаго шатра. Басмановъ, Годуновъ и князь Телятевскій на коняхъ. Телятевскій машетъ пушкарямъ, которые и двигаютъ съ грохотомъ свои зѣвластыя пушки, иная въ два обхвата объемомъ. Пушки двигаются къ мосту, который перекинули изъ стана на ту сторону рѣчки, отдѣляющей Кромы отъ московскихъ ратей.

Не видать только Прокопа Ляпунова.

Вдругъ, словно черти, посыпались съ валу казаки и съ гикомъ бѣгутъ на мостъ къ московскому обозу. Впереди Корела съ шестоперомъ въ рукѣ, словно Геркулесъ съ дубиной, и съ пистолетомъ въ другой. У Трени на длинномъ древкѣ пики развивается лента алая, «лента алая, ярославская», изъ косы красной дѣвицы...

Застонали Кромы, застоналъ и обозъ московскій...

«Алла! Алла!» — закричали годуновскіе татары, предчувствуя что-то недоброе...

— За рѣку! За рѣку!—стономъ стонутъ московскія рати.

— Боже, сохрани! Боже, пособи Димитрію Иванычу!—вырѣзываются изъ стона отдѣльные возгласы.

— Вяжи ихъ! Вяжи боярь и воеводъ!—трубитъ голосъ Ляпунова, который точно съ неба свалился съ своими рязанцами.

Рязанцы бросаются на воеводъ. Басманова тащутъ съ копя и вяжутъ. Вяжутъ и Годунова, и Голицына, и Салтыкова.

— Присягай Димитрію!—кричатъ рязанцы.

Толпы валятъ къ мосту. Тащутъ къ мосту и связанныхъ воеводъ. На мосту уже стоятъ нѣсколько священниковъ съ крестами въ рукахъ и принимаютъ отъ бѣгущихъ крестное цѣлованье на имя Димитрія. Мостъ трещитъ отъ давки. А Ляпуновъ неумолкаемо звонитъ своимъ здоровымъ горломъ: «За рѣку, братцы, за рѣку! За святую Русь умремъ!»

— Пустите меня, братцы!—молится Басмановъ, обливаясь потомъ.—Я присягаю паревичу Димитрію! У меня его грамота!

Басманова развязываютъ.—«Вотъ грамота царя и великаго князя Димитрія Ивановича всея Русіи!»—кричитъ онъ, пок-

пявъ грамоту высоко надъ головою.—«Измѣнникъ Борисъ хотѣлъ погубить его въ дѣтствѣ, но божій промыслъ спасе его чудомъ своимъ. Онъ идетъ теперь добывать свою отчину и дѣдину. Самъ Богъ ему помогаетъ, и мы стоимъ за него до послѣдней капли крови. За нами, братцы! За рѣку!»

— Многая, многая лѣта!—гудутъ толпы.—Многая лѣта нашему Димитрію Ивановичу!

— Любо! Любо! Ради служить и прямить ему! — стонетъ весь станъ.

Все бросилось на мостъ. Мостъ не выдержалъ московскихъ ратей, затрещалъ и рухнулъ въ воду... Смятеніе неизобразимое... Рѣка запружена народомъ, лошадьми... Но и въ водѣ крики не умолкаютъ: «Многая лѣта! Многая! Прямить ему, прямить!..»

Небольшая кучка осталась въ обозѣ московскомъ, осколки жалкаго величія Годуновыхъ. Тутъ были и нѣмцы, съ капитаномъ Розеномъ во главѣ отряда.

— Гохъ,—кричали нѣмцы, — доннерветтеръ Гришкѣ-вору! Гохъ Борисенъ-киндеръ, гохъ!

— Бейте нѣменкихъ таракановъ!—кричитъ Корела. — Да не саблями бейте, не пулями, а батогами! Бейте, братцы, да приговаривайте: «Вотъ такъ вамъ! Вотъ такъ вамъ, нѣмецкіе тараканы! Не ходите биться противъ русскихъ людей!»

И рязанцы, москвичи да казаки съ хохотомъ кидаются на годуновцевъ, гоняются за ними какъ за телятами и бьютъ кого палкой, кого плетію, кого просто кулакомъ.

— Стойте, братцы, до послѣдняго! — вопятъ послѣдніе годуновцы, князь Телятевскій и князь Катыревъ-Ростовскій, силясь прикрыть пушки.

И какъ имъ не защищать Годуновыхъ и ихъ пушки? Въ пылу схватки и передъ тѣмъ, и передъ другимъ носятся милые обликн ихъ дочушекъ любимыхъ, Орипушки и Наташеньки, которыя тамъ на Москвѣ, въ царскомъ теремѣ, золотомъ и жемчугомъ вышиваютъ большую пелену церковную... Эхъ, бѣдныя дочушки!

— Охъ, Орипушка, свѣтикъ мой! — стонетъ Телятевскій и съ тоской бросаетъ свою артиллерію.

— Охъ, Наташенька, перепелочка!—вздыхаетъ Катыревъ-Ростовскій и скачетъ въ Москву вслѣдъ за Телятевскимъ.

Остается у Годуновыхъ одинъ вѣрный человѣкъ, «дядюшка Иванушка», окольничій Иванъ Годуновъ, котораго такъ зани-

малъ когда-то чертежъ россійскаго государства, нарисованный его племянничкомъ Ѳедюшею, теперь злополучнымъ царемъ московскимъ, чертежъ, надъ которымъ печально слились и щека и губы Ѳедюши-царевича со щечкою и губками аленькими Оринушки Телятевской... Годуновъ связанный лежитъ въ своемъ шатрѣ, а офеня Ипатушка сидитъ надъ нимъ и сгоняетъ съ несчастнаго мухъ... Бѣдные Годуновы! Бѣдная Ксенія трубокосая!

XVI. Грамота Димитрія.

Бѣдные Годуновы Бѣдныя дѣти, на которыхъ за преступленіе родителей народное сердце сорвало историческую обиду!

Не радостно во дворцѣ молодого Годунова-царя. Еще такъ недавно похоронилъ онъ отца, котораго такъ беззавѣтно любило его дѣтское, дѣтски-невинное сердце, и сталъ самъ царемъ... Царь по шестнадцатому году! Какая горькая необходимость! Самая пора бы играть, веселиться юношескимъ сердцемъ и учиться, рисовать чертежъ россійскаго государства да разсматривалъ его вмѣстѣ съ Оринушкой Телятевской, — охъ, Оринушка, — а между тѣмъ надо управлять этимъ россійскимъ государствомъ, этою страшною махиною, которую расшаталъ батюшка. Охъ, да и какъ управлять этою махиною, когда, глядя на ея чертежъ, лежащій на столѣ, и вспоминая Оринушку Телятевскую, онъ видѣлъ, что большая половина этого чертежа... истлѣла, разсыпалась, выцвѣла?.. За что? За чьи грѣхи? «За батюшково ли согрѣшенье, за матушкино ли немоленье?» или за тотъ грѣшный поцѣлуй, который надъ этимъ чертежемъ дала ему Оринушка? Охъ, нѣтъ, нѣтъ! Не за Оринушкинъ поцѣлуй выцвѣла, истлѣла, разсыпалась половина чертежа... Черниговъ, Сѣвскъ, Рыльскъ, Путивль, Кромы, Орелъ, Тула, всѣ эти черныя точки на чертежѣ, изумлявшія «дядюшку Ивапушку», теперь уже не его, сошли съ чертежа, укатились куда-то, укатились къ нему, къ этому невѣдомому, къ этому страшному, вставшему изъ гроба.. И онъ самъ идетъ, все ближе и ближе къ Москвѣ движется этотъ страшный мертвецъ, это «навье» загробное... И Москву о н ъ хочетъ взять, и шапку Мономаха, и тронъ, и скифетро, охъ, да Богъ съ ними! Только о н ъ возьметъ и е е, Оринушку...

А Оринушка плачетъ, охъ, какъ горько плачетъ она, сидючи

въ теремѣ Оксиньюшки царевны... И Наташенька, княжна Катырева-Ростовская, плачетъ; только полныя плечики да груди бѣлыя дѣвическія подъ шитою сорочечкой вздрагиваютъ... И другія подруженьки въ теремѣ царевны плачутъ-разливаются, ужъ такъ-то плачутъ, такъ надрываются, что и сказать нельзя... О чемъ же плачутъ дѣвушки подруженьки? Да какъ не плакать имъ, когда Оксиньюшка царевна, поднеревъ свою полную, бѣлую аки млеко щечку точеною рученькой, постъ таково жалобно:

А сплачетца на Москвѣ царевна,
Борисова дочь Годунова:
Ино, Боже, спасъ милосердой,
За что наше царство загибло,
За батюшково ли согрѣшенье,
За матушкино ли немоленье?
А свѣты вы наши высокіе хоромы,
Кому вами будетъ да владѣти
Послѣ нашего царскаго житья?
А и свѣты браныи убрусы,
Береза ли вами крутити?
А и свѣты золоты ширинки,
Лѣсы ли вами дарити?
А и свѣтъ яхонты серешки,
На сучье ли васъ задѣвати
Послѣ царскаго нашего житья,
Послѣ батюшкова преставленья,
А и свѣта Бориса Годунова?

Плачутъ-надрываются подруженьки, все ниже и ниже склоняя свои головушки надъ работою, пеленою церковною золотною, а жемчужныя слезы на эту пелену золотую только капъ-капъ-капъ... О! Сколько жемчугу бурмицкаго насыпалось изъ дѣвичьихъ глазъ!.. А сколько еще придется жемчугу сыпаться?

А что ѣдетъ къ Москвѣ рострига,
Да хочетъ теремы ломати,
Меня хочетъ царевну поимати,
А на Устюжну на желѣзную отослати,
Меня хочетъ царевну постричи,
А въ рѣшетчатый садъ засадити,
Ино охте мнѣ горевати,
Какъ мнѣ въ темну келью ступати,
У игуменьи благословитца...

Ксенія остановилась... Всѣ дѣвушки, а въ особенности Наташа Катырева-Ростовская и Ориша Телятевская рыдали на-

взрыдъ, громко, неудержимо. Ксенія бросилась къ нимъ и сама разрыдалась...

Въ это время въ теремъ вошла мамушка, да такъ и всплеснула руками... И тамъ-то, въ Кремлѣ и на Красной площади, что-то смутное творится, и тутъ-то, Господи! Такъ ноги и подкосились у старушки...

А въ Кремлѣ и на Красной площади, дѣйствительно, творится что-то смутное, пугающее. Вчера, съ самаго ранняго утра стрѣльцы и другіе ратные люди начали устанавливать пушки по кремлевскимъ стѣнамъ. Работа идетъ какъ-то тихо, вяло, неохотно, все изъ рукъ валится. И народъ со стороны города подойдетъ къ стѣнамъ, посмотритъ-посмотритъ, покачаетъ кто головой или улыбнется какъ-то нехорошо, и отойдетъ.

— На кого, братцы, нарядъ-отъ ставите, пушачки эти?— спроситъ кто-либо у стрѣльцовъ.

— На коровскихъ казаковъ, — неохотно отвѣчаютъ стрѣльцы.

— Аль они въ Кремлѣ-то завелись?—ехидно спрашиваетъ другой.

— А тебѣ какое дѣло? Корела, слышь, атаманъ идетъ на Москву.

— Ну, и ладно, добро пожаловать.

Чуютъ въ Кремлѣ и въ городѣ князи, бояры и житые люди, что у черни что-то недоброе на умѣ.

И сегодня идетъ та же вялая работа. Рано, а ужъ жарко. Да и какъ не быть теплу? Іюнь начинается, первое число. А давно ли хоронили царя Бориса Ѳеодоровича? Не смолкъ еще, кажется, и печальный звонъ колоколовъ, а ужъ... Чу! Что это такое? Гдѣ это опять звонъ, да не такой, не погребальный, а страшный набатный? Это въ Красномъ селѣ звонитъ колоколъ... Что онъ звонитъ, что вызваниваетъ-выговариваетъ? Нѣтъ, не пожаръ, пожару нѣтъ, дыму не видать. Народъ начинаетъ валить на улицы, на площади. А всѣ молчатъ, понурые какіе-то, ни слова не слышно. Да и какъ тутъ говорить? Боязно, страховито... Третьяго дня только казнили двухъ молодцовъ за то, что увидали за Серпуховскими воротами пыль большую и закричали, что кто-то идетъ. И теперь, должно быть, идетъ кто-то!..

Да, точно идетъ. Изъ Краснаго села толпы валятъ, провожаемыя колокольнымъ звономъ. Везутъ кого-то. Толпы все ра-

стутъ и растутъ. Народная лавина двигается живою стѣною къ Кремлю, запружаетъ Красную площадь... Прорывается народъ, раскрывается народная глотка, долго молчавшая:

— Буди здравъ, царь Димитрій Ивановичъ!

Вотъ что рявкнула народная глотка!

И все валятъ, и валятъ толпы на Красную площадь. Все запружено лаптями, сапогами, зипунами, армяками, синими и красными рубахами, отъ Троицы-на-рву, вдоль Кремля отъ Фроловскихъ до Никольскихъ воротъ и вплоть до выходовъ. «Буди здравъ, царь Димитрій Ивановичъ!» гудитъ почти неумолкаемо.

Кого-то взводятъ на Лобное мѣсто. Ихъ двое. Народъ машетъ шапками.

— Кто это, робя, на Лобномъ-отъ?—кряхтитъ, прищемленный въ толпѣ, знакомый ужъ намъ Теренька-плотникъ, парень, все собиравшійся жениться.—Али е п ъ?

— Попалъ въ небо!—огрызается рыжій плотникъ-пѣвунъ.—Е п ъ, чу, рыженькой.

— Кто жъ, паря?

— Гонцы отъ ево.

Изъ Кремля протискиваются, не щадя своего дорогого платья, большіе бояры, думные дьяки, стрѣльцы. Они норовятъ пробраться къ Лобному мѣсту. Они хотятъ говорить что-то...

— Православные! — возвышаетъ голосъ высокій, краснощекій боярипъ.—Это воровскіе посланцы, Гаврилко Пушкинъ да Наумко Плещеевъ... Они воры...

— Молчи, боярипъ! Къ бѣсу! Въ шею его!—заорала толпа.

Бояринъ спустилъ поту.—«Братцы! Православные! Коли они съ челобитной, такъ ведите ихъ въ Кремль, къ царю. Милосердый государь все разберетъ. А вамъ, братцы, не слѣдъ скопомъ собираться»...

— Молчи! Растакъ и переэдакъ!—застонало скопище.—Читай грамоту! Громче вычитывай! Громче, чтобъ до Бога слышно было, Богъ разберетъ. Читай!

Гаврило Пушкинъ, перекрестясь большимъ крестомъ и поклонясь московскимъ церквамъ и народу на всѣ четыре стороны, сталъ читать. Рыкающая тысячами глотокъ толпа словно опѣмѣла и не дышала.

— «Мы, Божіею милостію, царь и великій князь Димитрій Ивановичъ всея Русіи»,—разносилось въ воздухѣ,—«ко всѣмъ нашимъ бояромъ, окольничимъ, стольникомъ, стряпчимъ, жиль-

номъ, приказнымъ, дьякамъ, дворянамъ, дѣтямъ боярскимъ, гостямъ, торговымъ людямъ, къ лутчимъ и середнимъ, и ко всякимъ чернымъ людямъ нашимъ»...

— Слышь, паря, чернымъ людямъ... н а ш и мъ-ста,—шепчетъ радостно Теренька.

— Да ты, чортова перешница, слухай! Что мелешь?

— «Цѣловали есте крестъ блаженныя памяти родителю нашему царю и великому князю Ивану Васильевичу всея Русіи, и намъ, дѣтямъ его, на томъ, чтобы не хотѣть вамъ иного государя на московское государство, кромѣ нашего царскаго роду. И когда судомъ Божіимъ не стало родителя нашего, и сталъ царемъ братъ нашъ, Ѳедоръ Ивановичъ, и тогда измѣнники наши послали насъ въ Угличъ и дѣлали намъ такія тѣсноты, каковыхъ и подданнымъ дѣлать не гоже, и присылывали многожды воровъ, дабы насъ испортить и живота лишить; токмо милосердый Богъ укрылъ насъ отъ злодѣйскихъ умысловъ и сохранилъ въ судьбахъ своихъ до возрастныхъ лѣтъ. А вамъ всѣмъ измѣнники говорили, якобы насъ на государствѣ не стало и якобы похоронили насъ во градѣ Угличѣ, въ соборней церкви Спаса всемилостиваго»...

— Вопа, куда хватили!—снова шепчетъ нетерпѣливый Теренька.—А ты баишь, у тебя тады гашникъ порвался, какъ ево зарѣзали. Анъ сво не зарѣзали.

— Молчи, дурова голова!.. Гашникъ... что гашникъ... Тутъ во какое дѣло, царское. А онъ, гашникъ... Дуракъ, дурррракъ и есть!—совсѣмъ обозлился рыжій плотникъ.

А Пушкинъ все читаетъ. Громче и громче становится его голосъ, болѣе и болѣе грозныя слова несутся съ Лобнаго мѣста, слова объ измѣнникѣ Борисѣ, о Марьѣ Борисовой, женѣ Годуновой, о томъ, какъ они русскую землю не жалѣли, какъ царское и народное достояніе разоряли, и православныхъ христіанъ безъ вины побивали, бояръ, воеводъ и всѣхъ родовитыхъ людей поносили и безчестили, дворянъ и боярскихъ дѣтей разоряли, ссылками и нестерпимыми муками мучили, гостей и торговыхъ людей на пошлинахъ тяжко тѣснили.

— «А мы, христіанскій государь, жалѣючи васъ, пишемъ вамъ, дабы вы, памятуя крестное цѣлованье царю и великому князю Ивану Васильевичу всея Русіи и намъ, дѣтямъ его, добили намъ челомъ и прислали бы къ намъ, нашему царскому величеству, митрополита и архіепископовъ, и бояръ, и окольн-

ничихъ, и дворянъ большихъ, и дьяковъ думныхъ, и дѣтей боярскихъ, и гостей, и лучшихъ людей. И мы васъ пожалуемъ: боярамъ учинимъ честь и повышеніе и пожалуемъ прежними ихъ вотчинами, да и еще сдѣлаемъ прибавку и будемъ держать въ чести. А дворянъ и приказныхъ людей станемъ держать въ нашей царской милости. А гостямъ и торговымъ людямъ дадимъ льготы и облегченіе въ пошлинахъ и податяхъ, и все православное христіанство учинимъ въ покоѣ, тишинѣ и благоденственномъ житіи. А буде не добьете нынѣ челомъ намъ, нашему царскому величеству, и не пошлете милости просить, ино дадите отвѣтъ въ день суда праведнаго, и не избыти вамъ грозной десницы Господа и нашей царской руки».

Внушительно и страшно выкрикнулись послѣднія слова: «не избыти грозной десницы Господа и нашей царской руки». Страшное зрѣлище представляла и народная масса, которой предстояло рѣшить государственный вопросъ роковой важности. Тысячи глотокъ страстно, звонко и хрипло вопили: «Буди здравъ, царь Димитрій Ивановичъ!» И кидали вверхъ шапки, шляпы, ширинки. Но и въ другихъ тысячахъ, во взорахъ выражалось тревожное, острое опасеніе: а если и это обманъ? Куда жъ уйдешь отъ него?

— «Буди здравъ! Буди здравъ!» «Многая лѣта!» «Буди здравъ!»

— Шуйскаго! Шуйскаго давай!—раздался чей-то здоровый басъ.

— Ладно, Шуйскаго! Шуйскаго!—подхватила громада.— Онъ розыскъ чинилъ въ Угличѣ... Онъ знаетъ, кого въ Угличѣ похоронили. Шуйскаго, братцы, тащите!

Этого голоса нельзя не послушаться. Привели Шуйскаго. Поставили на Лобное мѣсто. Какъ ни хитры были лисьи глаза у Шуйскаго, но и въ нихъ играло что-то особенное, невиданное прежде на лицѣ осторожнаго, вѣчно ощупывавшаго глазами почву, боярина, что-то такое неуловимое, какъ сокращеніе мускуловъ змѣи при движеніи. И борода, и волосы его, русые, но сильно убѣленные временемъ и думами, гладко причесанные для того, чтобы и по волосамъ, по ихъ свободному расположенію на головѣ никто не могъ догадаться, что думаетъ и замышляетъ эта змѣиная головка; и тщательно подобранные углы губъ, всегда оставлявшихъ за зубами что-то недосказанное, умышленно припрятанное въ запасъ; и лобные навѣсы надъ вѣчно неоткровен-

пыми глазами, свѣсившіеся, кажется, еще ниже, чтобы поболѣе оттѣнить эти, даже на молитвѣ передъ одинокою иконою лукавящіе глаза, все говорило, что онъ вновь готовится слукавить, да слукавить такъ ядовито, чтобъ и убить своихъ враговъ, столкнуть ихъ трупы съ своей дороги, и убить потомъ того, въ чью пользу онъ теперь слукавитъ, и затѣмъ увернуться отъ всего такъ ловко, чтобы впослѣдствіи, въ теченіе цѣлыхъ столѣтій, исторія становилась втупикъ надъ вопросомъ: когда же онъ не лукавилъ, тогда ли, когда говорилъ правду, или тогда, когда лгалъ, и не была ли его ложь правдой, и правда ложью?

Нѣсколько минутъ онъ стоялъ молча, какъ бы силясь преодолѣть волненіе, которое могло быть у него и искусственное: если этого волненія не было, то надо его было сочинить, представить.

— Говори!—закричало нѣсколько нетерпѣливыхъ голосовъ.

Шуйскій показалъ видъ, что не рѣшается говорить, а между тѣмъ онъ именно и хотѣлъ говорить, чтобъ утопить Годуновыхъ, затѣмъ, чтобы послѣ, когда всплывутъ ихъ трупы на поверхность теченія историческихъ событій, на трупахъ этихъ доплыть до престола, когда того, въ пользу котораго онъ сейчасъ намѣренъ слукавить, онъ же столкнетъ въ воду и утопитъ.

— Говори!—повторились возгласы.

— Борисъ велѣлъ убить Димитрія царевича: токмо царевича спасли, а вомѣсто ево погребенъ поповъ сынъ,—отвѣчалъ онъ послѣ вторичнаго возгласа.

Слѣдовательно, теперь онъ говорилъ совершенно противоположное тому, что сказалъ этому самому Борису, возвратившись изъ Углича, куда Борисъ посылалъ его производить розыскъ, когда получена была вѣсть, что царевича Димитрія не стало. Тогда онъ сказалъ: «царевичъ со сверстниками-жильцами тѣшился, игралъ пожомъ въ тычку и зарѣзался въ припадкѣ чернаго недуга».

— Похоронили попова сына, слышь ты, дядя!—ехидно обратился Теренька къ рыжему плотнику.

Тотъ молчалъ, видимо, сконфуженный.

— А ты еще сказывалъ, гашникъ у тебя тады съ испугу порвался. Вотъ тѣ и гашникъ. Эхъ, ты! Гашникъ!

Рыжій плотникъ только махнулъ рукой. Толпа заревѣла звѣремъ, плотина прорвалась.

— Долой Годуновыхъ! Всѣхъ ихъ друзей и сторонниковъ искоренить! Бейте, рубите ихъ! Не станемъ жалѣть ихъ, коли Борисъ не жалѣлъ законнаго наслѣдника и хотѣлъ его извести въ дѣтскихъ лѣтѣхъ. Господь намъ теперь свѣтъ показалъ, мы доселево во тьмѣ сидѣли. Засвѣтила намъ теперь звѣзда ясная утренняя, нашъ Димитрій Ивановичъ! Буди здравъ, Димитрій Ивановичъ.

— Братцы! Православный народъ! Милосердые христіане! Послушайте! — неожиданно раздался чей-то голосъ съ Лобнаго мѣста.

Всѣ невольно оглянулись, какъ бы смутились. На Лобномъ мѣстѣ стоялъ офеня, суздалецъ Ипатушка-иконникъ, котораго знала вся Москва и на иконы котораго молилась болѣе четверти вѣка.

— Братцы!—говорилъ иконникъ трогательно.—Послушайте вы меня, православные христіане (онъ низко кланялся на всѣ четыре стороны),—не убивайте вы ихъ, не проливайте кровушки христіанской.— Они робятки еще; они вамъ зла не дѣлали. Не трошьте младу Оксиньюшку, богоискательна она, иконушки у меня брала да сама-жъ, матушка, иконами да милостынею нищую братью надѣляла. Не трошьте и Ѳедюшку: онъ дите доброе. Возьмите у него скипетро царское, а сво не изводите, не берите грѣхъ на душу. Я отъ царевича пришелъ, онъ не ищетъ ихъ смертушки: онъ только скипетро батюшкино ищетъ. Помилуйте ихъ, православные!

— Ладно! — заревѣла толпа. — Иконникъ правъ! Рукъ, робята, кровью не марай, а скипетро возьмемъ!

И толпа хлынула въ Кремль. Видпѣлись только всколоченныя головы да бороды, да тамъ и сямъ подымались къ небу кулаки съ возгласами: «Скипетро, скипетро! Скипетро, робята, не трошь, не ломай, а все остальное разноси по рукамъ!»

— Что-жъ это за скипетро, дядя?—въ недоумѣніи спрашиваетъ Теренька все того же рыжаго плотника.

— То-то, дядя! А лаяться-лаешься, собачій сынъ,—отвѣчаетъ рыжій.

— Я, дядя, не лаюсь... Что мнѣ!

— А гашникъ? Не лаешься!

— Что гашникъ! Вотъ скипетро-то я не знаю.

— А перо такое царское.

Красная площадь и въ особенности пространство между Лобнымъ мѣстомъ, Троицею-на-рву и Спасскими воротами представляли неописанное зрѣлище: передніе толпы, тѣснимыя задними, не выдерживая напора, падаютъ, ругаются, на нихъ спотыкаются и падаютъ другіе; все, что въ боярскомъ платьѣ, старается улизнуть, а улизнуть некуда, кругомъ живыя стѣны колышутся; ущемленныя бабы вопятъ въ истошный голосъ. Испуганная птица: вороны, галки, голуби, воробьи, стрижи, облѣпившіе кремлевскія стѣны, все это взвилось надъ бѣшеной толпой и мечется изъ стороны въ сторону.

— Валяй, робята, разнесемъ!

— Рукъ не марай!

— Скипетро не трошь!

Эти голоса уже слышались въ Кремлѣ. Гигантскій хвостъ толпы еще колыхался у Спасскихъ воротъ. У Спасскихъ же воротъ неизвѣстно какимъ чудомъ уцѣлѣвшій слѣпой нищій съ чашечкой сидитъ и слезно причитаетъ:

— Охъ, кровушка, кровушка! Ой, и течи-течи кровушкѣ, во мать сыру-землюшку, течи-течи кровушки семь лѣтъ и семь мѣсяцевъ... Охъ, и солнышко красное! Сушить тебѣ, солнышко, сушить землю кровную, на семь пядей смочену кровью христіанскою, сушить ровно семь годовъ да еще семь мѣсяцевъ... Охъ, и Русь ты матушка, ты земля несчастная, земля горемычная, лихомъ изнасѣянная, политая кровушкой, что на тебѣ выростетъ? Охъ, кровушка-кровушка! Охъ, горюшко-горюшко! Охъ, слезыньки-слезыньки! Течи вамъ на сыру землю семь лѣтъ и семь мѣсяцевъ.

XVII. Гибель Годуновыхъ. Нѣмецкій погромъ.

Въ то время, когда посланецъ Димитрія, Гаврило Пушкинъ, читалъ народу привезенную имъ грамоту, и когда народъ на этой грамотѣ положилъ уже свою страшную резолюцію «разнести Годуновыхъ», юный царь Ѳедя Годуновъ, еще не развѣнчанный былъ одинъ въ своихъ покояхъ и, несмотря на горе послѣднихъ дней, на грозившій ему страшный призракъ, подъ вѣяніе золотыхъ грезъ своей молодости вспоминалъ, какъ недавно, на Духовъ день, во время его царскаго выхода Ирина Телятевская вмѣстѣ съ прочими цѣловала его царскую руку и цѣловала жарче,

чѣмъ всѣ думные бояре, окольничіе, стольники, дьяки и весь царскій чинъ, и какъ ему тогда стыдно стало, и какъ ему самому хотѣлось расцѣловать ее, да нельзя—онъ царь и великій князь всея Русіи. Зловѣщій говоръ толпы не достигалъ его покоевъ.

Вдругъ кто-то входитъ. Господи! Сама Ириша!.. Молодая кровь такъ и прилила вся къ сердцу, духъ захватило.

Дѣвушка бросается на колѣни и хватаетъ руки Ѳедора, хватаетъ судорожно, безмолвно!

— Оринушка! Свѣтикъ мой!—обхватывая бѣлокурую головку, нагибается къ ней юноша-царь.—Что съ тобой?

— Царь-государь! Солнышко незакатное!—безумно лепечетъ дѣвушка.

Онъ приподнимаетъ ее къ себѣ, снова обхватываетъ ея голову, и губы ихъ сливаются.

— Ѳедя!.. Царь.. Соколикъ... Охъ! Солнышко мое... Уйди... Схоронись... Богъ ты мой...

— Свѣтъ очей моихъ! Ориша!

— Охъ, бѣги, бѣги! Убьютъ тебя!.. Тамъ на Красной площади... Мнѣ сѣпная дѣвушка сказывала. На тебя, царя моего, идутъ... Охъ, смерть моя, хоронись... царь, Федя мой...

Федоръ самъ началъ различать словно далекіе раскаты грома... Онъ опомнился... Крѣпко обнявъ дѣвушку, которая его крестила и цѣловала въ глаза, онъ вышелъ... Онъ направился въ Грановитую палату: онъ все еще не думалъ, что дѣло такъ далеко зашло.

Вскорѣ онъ увидалъ, что народная волна направляется прямо ко дворцу... Надо принять мѣры, а никого нѣтъ, всѣ бояре исчезли. Приходится самому раздѣлываться, вѣдаться съ народомъ. Онъ помнитъ, что онъ царь, надо царемъ, въ царскомъ величіи предстать предъ народомъ. Онъ облачается въ царственное одѣяніе... вѣнецъ... порфира... скипетро... А народъ уже тѣснится къ воротамъ, стрѣлецкая стража не выдерживаетъ натиска и отступаетъ... Волна вливается во дворъ, подступаетъ къ Красному крыльцу, заливаетъ ступени, клокочетъ уже близко, въ переходахъ и, наконецъ, врывается въ Грановитую палату...

Молодой царь, блѣдный, какъ полотно, въ полномъ облаченіи, словно златокованная икона, сидитъ на престолѣ... Молодое личико въ массивномъ, блистающемъ камнями вѣнцѣ кажется совсѣмъ дѣтскимъ.

По обѣимъ сторонамъ престола, съ иконами въ рукахъ, стоятъ мать и сестра Ксенія: объ эту святыню должна разбиться народная ярость...

Нѣтъ не разбилась! Бѣдныя дѣти!

— А, Ѳедька, воровской сынъ! Отдай царское скифетро!— раздались голоса.

— Долой съ чужого мѣста!

И толпа съ угрожающими жестами подступила къ престолу. Съ визгомъ, какъ укушенная собака, мать-царица, съ иконою впереди себя, ринулась на толпу, силясь заслонить собою сына. Нѣсколько здоровыхъ рукъ словно клещами сжали ея слабыя женскія руки, и икона съ грохотомъ упала на полъ.

— Ой, братцы! Образъ подыми бережно.

— Долой съ чужого воза!

— Скифетро отдай!

Бѣднаго юношу-царя сволокли съ престола. Ксенія, стоя въ сторонѣ съ образомъ, плакала, дрожа всѣмъ тѣломъ. Ее никто не тронулъ...

Мать-царица, освободившись отъ живыхъ клещей и видя, что сына ея ведутъ, снова бросилась на толпу, и снова была оттолкнута... Въ ослѣпленіи ужаса она срываетъ съ шеи драгоцѣнное ожерелье и отчаянно вопитъ: «Возьмите это! Охъ, берите все, только не убивайте его! Батюшки! Свѣты мои!»

— Не бойся, не убьемъ, рукъ не станемъ марать,—огрызнулся кто-то въ толпѣ.

— Не душегубь, ребята!—раздается еще чей-то голосъ.

— Сказано, не будемъ.

И царя, и царицу-мать, и Ксенію вывели изъ Грановитой палаты. Офеня съ трудомъ протискался до Ксеніи и все шепталъ тѣмъ, которые вели ее: «Полегше, робятушки, Бога-для! Не трошьте ее, не зашибите дитю неповинную... Полегше, голубчики, помягче, Христа-ради!»

Толпа разсѣялась по дворцу. Въ одной комнатѣ наткнулись на двухъ прежнихъ посланцевъ Димитрія: на нихъ были слѣды пытокъ и истязаній; тѣло ихъ было изсѣчено, изожжено. Отъ этого зрѣлища народъ окончательно озвѣрѣлъ, но все-таки не пролилъ ни одной капли крови...

— А! Вотъ они что дѣлаютъ, Годуновы-то! Людей пекутъ! Вотъ какое ихъ царство! И намъ бы то же досталось...

— Разноси, робятушки, все по рукамъ, ломай до чиста... Все это нечистое, Годуновы осквернили...

— Валяй, братцы! Не жалѣй! Новому царю все новое сдѣлаемъ...

И началось разрушеніе... Дворецъ опустошили, все, что можно было изломать, уничтожить, разбить, разнести—изломали, уничтожили, разбили, разнесли...

XVIII. Въѣздъ Димитрія въ Москву

Двадцатаго іюня 1605 года вся Москва собралась встрѣчать своего чудомъ спасеннаго и словно бы изъ могилы вышедшаго царя. Какой яркій день, какое жаркое солнце, какъ жарко горятъ золотыя маковки московскихъ церквей, какъ весело смотрятъ всегда хмурыя кремлевскія стѣны, унизанныя народомъ, словно пестрыми гирляндами цвѣтовъ Всюду, куда ни обращается взоръ, живое колыхающееся море головъ человѣческихъ, мало думающихъ, но жадныхъ ко всякаго рода зрѣлищамъ. Колышется море этихъ головъ и по улицамъ, и по площадямъ, колышутся живыя изгороди изъ головъ на стѣнахъ, на заборахъ, въ окнахъ, на крышахъ домовъ, даже по карнизамъ и у самыхъ куполовъ церквей. А возвышенный берегъ Москвы, что къ Серпуховскимъ воротамъ, словно вымощенъ живымъ булыжникомъ, московскими головами...

Скоро, скоро покажется невиданный, негаданный царь... Москва всѣ глаза проглядѣла, выжидая его съ самаго ранняго утра и готовая ждать до глубокой ночи...

Тутъ всѣ наши знакомые, толкаются въ живой толчеѣ: и офеня Ипатушка, суздальскій иконникъ, и толстый купчина съ сережкой въ ухѣ, толковавшій своему сосѣду, глуховатому старику, когда читали на Лобномъ мѣстѣ анаѳему Гришкѣ Отрепьеву, что орлиное перо—царское перо; и Терешка съ рыжимъ плотникомъ, разсказывавшимъ о событіи въ Угличѣ и нынѣ посрамленнымъ; и сажонныя плечи изъ Охотнаго ряду; и ражій дѣтина изъ Обжорнаго ряда, котораго такъ запимало скипетро.

Офеня, котораго неустанныя ноги успѣли за это время сносить въ Тулу вслѣдъ за выборными отъ Москвы—княземъ Ива-

помъ Михайловичемъ Воротынскимъ и княземъ Телятевскимъ, отцомъ Оринушки, возившими къ Димитрію повинную грамоту отъ всѣхъ московскихъ людей, офеня теперь былъ центромъ, около котораго тѣснились любопытствующіе москвичи въ ожиданіи царя.

— Такъ ты ево, Ипатушка, чу, и въ Тулѣ видалъ?—любопытствуетъ купецъ съ серьгой.

— Видалъ, кормилецъ. Бояръ это онъ на глаза къ себѣ пущалъ, что съ Москвы пріѣхали челомъ бить да повинную принести, Воротынскій князь да Телятевской, да Мстиславской, да Шуйскіе... Такъ маленько онъ ихъ ошпарилъ.

— Что ты? Какъ ошпарилъ?

— Да во-какъ. Въ ту пору съ Дону пришелъ атаманъ Смага съ казаками, такъ онъ Смагу-то этого да Корелу атамана, что въ Кромахъ сидѣлъ, допрежъ бояръ къ рукѣ своей допустилъ... А и такъ себѣ, непутящій и народъ, казачьи атаманы-то эти: ни князи они, ни бояра; а вонъ боярамъ-то носъ утерли.

— Ишь ты, вавилонія какая! Почто, значитъ, Борискѣ служили...

— Вѣрно, вавилонія. Такъ князи-то словно раки печеные стояли... А и самъ-то онъ, царевичъ, гораздо доберъ. Сказывалъ мнѣ Григорій Отрепьевъ...

— Это Гришка-то рострига?

— Онъ самый. При емъ онъ состоитъ, аки дьякъ, не то жилецъ. Такъ сказывалъ: привезли это къ ему съ Москвы грамотку отъ покойничка, отъ Ѳедора Борисыча, когда онъ еще царемъ былъ. Пишетъ это онъ: благовѣрный-де государь Димитрій Ивапычъ всея Русіи. Прости-де меня, окаяннаго. Не я-де причинепъ въ кровопролитьи россійскомъ, а блаженныя памяти родитель мой, Борисъ Ѳедорычъ: онъ-де на тебя зло мыслилъ, а не я. Я-де уступаю тебѣ честь и мѣсто, ты-де законный царь. А я-де пью чашу смерти, зелье отравное. Богъ-де да благословитъ тебя на царство... Такъ челъ это онъ, царевичъ, грамотку-то эту, а слезы у него въ три ручья такъ и льютъ, такъ и льютъ, что зачѣмъ-де Ѳедоръ Борисычъ живота лишилъ себя, смертное зелье принялъ...

— Что ты, дѣдушка!—вмѣшались сажонныя плечи.—Ѳедоръ-отъ не пилъ смертнаго зелья, а его удавили.

— Помилуй Богъ!

— Вѣрно, дѣдушка. Мнѣ это дѣло свѣдомо, самъ стрѣлецъ Якунько сказывалъ. Дѣло было такъ: приходимъ-де мы, сказываетъ Якунько,—я да еще двое стрѣльцовъ, Осипко да Ортемко, да дворяне Михайло Молчановъ да Шерефединовъ,—приходимъ-де, гытъ, къ нимъ, Годуновымъ, въ палаты... Старуха-то царица Годуниха и ну-де вопить въ истошный голосъ. Плачетъ-де и дѣвка, дочка Оксинья. А и красавица-де, говоритъ, писаная: кровь съ молокомъ да еще и съ сахаромъ. Жалко, гытъ, стало ее, дрожитъ вся сердешная. Мы ее, гытъ, тихохонько на руки, да словно перышко снесли въ другой покой и отдали мамушкѣ, береги-де голубку чистую. А сами къ нимъ, къ старухѣ да къ сыну. Развели и ихъ. Старухѣ-то петлю на шею, такъ только-де захрипѣла: «Ѳедюшка»-де да «Оксиньюшка», на томъ и отошла... Мы, гытъ, къ ему, къ молодому. А онъ, гытъ, дѣтина дебелый, сбитень такой, кулачистый гораздо, да, гытъ, въ зубы! Осипко-то и свались. Ортемка къ ему, онъ и Ортемку въ салазки: и Ортемка тычкомъ. Такъ я, гытъ, попесьи, какъ псы медвѣдя берутъ: я ево, гытъ, за тайный удъ, да и ну давить. Онъ и посинѣлъ. Тутъ Осипко-то очунялъ маленько, да дубиной ево въ темя, такъ и захрипѣлъ боровомъ, вытянулся. Мы, гытъ, па ево петлю, и довавилопили раба божія. Такъ-ту, дѣдушка, дѣло было. Годуниху съ сыномъ удавили.

— Мати Божая! Владычица! Господи долготерпѣливый! Что твои люди-то дѣлаютъ?—ужаснулся офеня, всплеснувъ руками.—Такъ ихъ удавили, баишь?

— Удавили, дѣдушка.

Офеня заплакалъ. Мелкія, частыя слезы такъ и потекли по его посѣдѣлой бородѣ. «Господи, помилуй! Господи, помилуй!—шепталъ онъ, утирая слезы.—Охъ, Оксиньюшка, горькая сироточка! Охъ, дите безталанное, горемычное!»

— Гдѣ-жъ она понѣ, голубушка?—спросилъ онъ, немного помолчавъ.

— Одни сказываютъ, якобы въ Дѣвичьемъ, другіе—кабы у Мосальскаго, у Рубца князя,—отвѣчалъ купчина съ серьгой, и потомъ прибавилъ,—вотъ ты, Ипатушка другъ, плачешь объ ей, объ сироткѣ Годуновой. Жалостно, что говорить! А я вотъ другъ, рыдалъ, аки баба кликуша, когда святѣйшій патріархъ Іевъ съ нами прощался. Ужъ и плакалъ же я, скажу тебѣ, боро-

вомъ, кажись, ревѣлъ. Да и вся-то церковь плакала, что Боже мой! Ручьемъ лилась... Какъ узналъ это онъ, святитель, что царь Димитрій Ивановичъ всея Русіи подлинно живъ, и что онъ, святитель-то, облыжно его, государя, Гришкой растригой облаялъ, воромъ поносилъ, да анаѳематствовалъ надъ ево головушкой, такъ и говоритъ: «не быть мнѣ болѣе святителемъ, распанагѣюсь-де я самъ, своими-де святительскими рученьками сыму съ себя панагѣю божью». Ну, другъ, и вошелъ это онъ во храмъ, аки подобаетъ патріарху, облачили ево, чу, во святительскія ризы, аки архіерея... Ладно. Стоимъ мы, смотримъ, что дальше будетъ? А онъ, другъ ты мой, возьми да и сыми съ себя панагѣю-то. Мы такъ и ахнули! Снямши-то ее, другъ мой, онъ и кладетъ ее передъ образомъ Владимірской Божьей Матери, да, эдакъ ручки-то вздѣмши горѣ, и говоритъ: «О, всепѣтая, говоритъ, Мати! О, всемилостивѣйшая пречистая Богородица! Эта, говоритъ, панагѣя и святительскій-де санъ возложены на мя недостойнаго въ твоемъ храмѣ, у твово-де честного чудотворнаго образа. Возьми же-де ее сама теперь, Матушка, панагѣюто свою: нонѣ де идетъ на твою православную вѣру вѣра еретича»... И какъ стали это съ ево, другъ мой, послѣ панагѣюшкито сымать ризы архіерейски, какъ стали разоблачать сердешнаго, такъ вся церковь въ слезы, а бабы, ну, тѣ вить водяництѣе насъ, такъ тѣ въ истошный голосъ, руки и ноги въ ево цѣлуютъ да воемъ воютъ... Ужъ и поплакали-же мы, и Боже мой! Откуду только и слеза бралась!

— Купчина правду говоритъ, это точно, что всѣ плакали, инда меня слеза прошибла, словно бы кто рогатиной подъ микитки сунулъ,—выступилъ снова ораторъ изъ Охотнаго ряда, съ саженными плечами, тотъ, что особенно интересовался «скифстромъ» и судьбой Годуновыхъ и разсказывалъ, какъ стрѣльцы Якунько да Осипко да Ортемко покончили съ ними.—А ты, дядя, слухай, что опосля было (обращался онъ къ офенѣ). Все это не къ добру... Какъ выставили, чу, тѣлеса покойничковъ, Годуновихи старой да сынка ейнаго, чтобъ народъ-отъ посмотрѣлъ, такъ я и видалъ ихъ тогда... Страшно таково было глядѣть на нихъ, не видалъ я допрежъ того удавленниковъ. А тамъ возьми да самого-то Бориса вынули изъ могилы, изъ Архангельскаго-то собора: негоже-де самоубійцу лежать съ благовѣрными царями. Ну, вынули. Какъ везли-то его гробъ къ Варсонофью.

за Неглинную, такъ все время, сказываютъ, на гробѣ-то воронъ сидѣлъ и каркалъ. Стопютъ ево съ гроба-то, а онъ опять сядетъ, да крыльями машетъ, да каръ-каръ-каръ! Таково страшно... Не даромъ народъ толкуетъ...

— Что толкуютъ?—съ испугомъ спросилъ купчина.

— Да что живъ онъ...

— Кто, родимый?

— Да онъ, Борисъ... Вомѣсто себя, сказываютъ, онъ велѣлъ похоронить идола, истуканъ такой, весь въ ево, какъ двѣ капли воды... Нѣмцы ему такой дѣлали...

— А гдѣ же онъ самъ?

— Знамо, хоронится... Вонъ воронъ-то и каркалъ.

— Что воронъ! Воронъ, знамо, птица,—возражаетъ скептикъ изъ Обжорнаго ряда.

— Птица! Птица птицѣ розь... Вонъ и курица птица,— горячился ораторъ изъ Охотнаго ряда.

— Апъ курица не птица!—сострилъ Обжорный рядъ.

Всѣ разсмѣялись. Посрамленный Охотный рядъ вспылилъ.

— Не птица, дурова ты голова! А коли ежели курица пѣтухомъ поетъ?—началъ онъ философствовать.

— Что же что поетъ? Знамо, сдуру, какъ баба.

— Апъ не сдуру, а къ худу, чу.

— Сказывай! У насъ, въ Обжорномъ, такихъ куръ ѣдятъ.

— Каковы куры...

— Что куры...

— А вотъ что куры!

И Охотный рядъ, чувствуя, что полемическая почва уходитъ изъ-подъ его ногъ, что словъ и логики больше не хватаетъ, и что ни куры, ни вороны, ни всякая другая птица его не поддержатъ въ философскомъ спорѣ, вспомнилъ, что у него есть сильнѣйшій аргументъ—кулакъ въ пудовую гирю вѣсомъ, и влѣпилъ этимъ аргументомъ въ рыло Обжорному ряду.

— Вотъ что куры!

— А вотъ тѣ воронъ!—отвѣчалъ тѣмъ же Обжорный рядъ.

И ряды вцѣпились другъ другу въ волосы, благо у каждаго на головѣ былъ ихъ цѣлый боръ дремучій. Насилу водой розняли горячихъ философовъ... «Ишь, куры!..»

— «То-то воронъ!»—бормотали они, встряхиваясь.

— А какъ пришли это къ ему нѣмцы въ Коломенское, встрѣчать,—снова завладѣлъ общимъ вниманіемъ офеня.

— Каки нѣмцы?—приводя въ порядокъ свой дремучій боръ, спросилъ Охотный рядъ.

— А здѣшни, что у Бориса-то служили.

— Это послѣ-то нашей трепки, какъ мы у галландца Гнюса тѣшились...

— Ну?—перебилъ его купчина съ серьгой.

— Ну, такъ вотъ и пришли нѣмцы съ повинной,—продолжалъ офеня.—Прости насъ, говорятъ, царь и великій князь Димитрій Ивановичъ всея Русіи, не прогнѣвайся, что мы Борису Годунову служили и супротивъ-де тебя шли. Мы-де шли по закону, по крестному цѣлованью. А какъ понѣ-де Годуновыхъ не стало, такъ мы тебѣ крестъ цѣлуемъ, ради-де служить и прямить тебѣ.

— То-то... крестъ... это послѣ того, значитъ, какъ мы нѣмца Гнюса въ медовой бочкѣ кстили,—объяснялъ Охотный рядъ.

— А ты помолчи, парень,—останавливалъ его купчина.

— А ты что?

— Да что? Ты-то что къ ему въ ротъ съ ногами лѣзешь?

Въ толпѣ послышался смѣхъ. Но Охотный рядъ не осмѣлился бить купчину, а только огрызнулся.—«Ноги въ ротъ, ишь выдумалъ, бѣсъ... Точно у меня не языкъ, а ноги... ишь, чортъ старый...»

— Ну, и пришли нѣмцы, говоришь? Служить-де и прямить хотимъ?—наводилъ купчина офеню на прерванный разсказъ о нѣмцахъ.

— Точно, служить, чу, и прямить хотимъ. А онъ имъ и говоритъ: «Добре, говоритъ, нѣмцы! Вы вѣрно служили Борису и подъ Кромами не сдались, ушли къ Борису. А теперь-де Бориса нѣтъ, и вы пришли ко мнѣ съ повинной, и за то-де я васъ жалую». Да опосля того и пытаетъ у старшаго нѣмца: «кто-де у васъ держалъ стягъ подъ Добрыничами» Я-де, говоритъ, царь-осударь, держалъ стягъ подъ Добрыничами»—это нѣмчинъ-то отвѣчаетъ, да и вышелъ изъ ряду. А Димитрій Ивановичъ всея Русіи положилъ эдакъ ему руку на голову да и говоритъ: «памятенъ-де мнѣ твой стягъ, нѣмецъ. Вы, нѣмцы, мало-мало тогда не имали меня, да мой конь унесъ. А досталось бѣдному коню, говоритъ, онъ-де и нонѣ боленъ. А что, говоритъ, нѣмцы, вы тогда

убили бы меня, коли бы пымали?» «Это точно что убили бы», говорятъ. А онъ-то смѣется: «У Бога, говоритъ, въ книгѣ не то обо мнѣ написано»...

— А что же тамъ написано? — полюбопытствовалъ Охотный рядъ.

— А то, что ты дурень,—отвѣчаетъ Обжорный рядъ.

Трахъ-тарарахъ! Въ зубы! По-московски, и пошла писать...

— Ѣдетъ! Ѣдетъ!—прошелъ могучій говоръ по толпѣ, и голпа колыхнулась, какъ море, толкнувшись о гранитную гору.

Задвигалось, ходенемъ заходило живое море головъ человѣческихъ, московскихъ головъ, хоть и расходиться было негдѣ: упади съ неба яблоко, такъ бы и осталось на головахъ или на плечахъ, какъ вонъ тотъ малецъ въ красной рубашенкѣ и съ курчавой, льняной головенкой, пробирающійся по плечамъ толпы къ гиганту тятькѣ, къ саженнымъ плечамъ изъ Охотнаго ряда... «Тятька... тятька!» лепечетъ ребенокъ, которому хотя всего два года, но размѣрами онъ уже напоминаетъ гиганта тятьку и приводитъ въ изумленіе всю Москву: у какой-де такой бабищи московки могъ найтись такой животище, чтобы выносить въ немъ и родить такого теленка.—«Тятька-тятька!»—«Иди, иди!—у! подлецъ!» отвѣчаетъ нѣжный родитель.

Заколыхались человѣческими головами и кремлевскія стѣны, и ограды церковныя, и заборы, и крыши, и карнизы съ куполами на церквахъ, заколыхались, заходили, словно бы они могли сами ходить и колыхаться... «Ишь, заколыхалось все... земля ходитъ, братцы, стѣны у Кремля ворохаются... ишь, сила какая!» удивляется кто-то.

Словно хвостатое и крылатое чудовище двигается по Зарѣчью, отливая на солнцѣ всѣми цвѣтами и красками, какія только есть на землѣ. Впереди идутъ польскія роты. На оружіи и латахъ и шлемахъ бѣшено играетъ солнце, московское солнце, словно удивляясь своему собственному блеску. Да и вычищено же это польское оружіе, эти латы, вѣдь впереди сколько ему предстояло работы, этому оружію, сколько оно должно было изъ зубриться, кровью позапачкаться, слезами проржавѣть! Чисто оно теперь, не работало еще. И колючія копья блестятъ, остріями обращенныя къ небу, послѣ они обратятся къ землѣ, къ людямъ, въ груди и сердца московскія. Польскіе трубачи и барабанщики бьютъ палками въ барабаны и въ трубы трубятъ такъ радостно,

возбудительно, что и рубить и любить хочется... Тутъ панъ Борша съ молодецки закрученными усами, тутъ и панъ Неборскій въ блестящихъ «вѣлькихъ бутахъ», шитыхъ въ самомъ Краковѣ, тутъ и панъ Бялоскурскій, съ дорогою карабелею при боку, сколько изящества и граціи среди московской мѣшковатости, въ виду московскаго зипуна и кики! А какая рыцарская величавость у папа Непомука, разсказывавшаго о двухъ заецахъ! Сколько благородной гордости въ осанкѣ папа Кубло, котораго мы видѣли въ Краковѣ въ женскихъ котахъ! Охъ, ты, милая, показная Польша!.. А вонъ за польскими ротами мѣшковато, грузно, аляповато, но стойко колотятъ московскую землю огромными сапожищами угрюмые московскіе стрѣльцы въ длинополыхъ, словно дьячковскія полукафтанья, но красныхъ зипунахъ. Широкія бороды, широкія плечи, широкіе затылки, нескладно скроены, да крѣпко сшиты: такъ и видно, что топоромъ, а не рѣзцомъ работала надъ ними матушка природа, и только подъ топоромъ эти воловьи шеи и подадутся... За стрѣльцами медленно двигаются царскія каптаны-колымаги, везомыя каждая шестернею отборныхъ коней, воспитанныхъ на царскихъ «кобыличьихъ конюшняхъ»: это не кареты, а какіе-то ковчеги, изукрашенные золотомъ, изнавѣшенные золотыми покровами. Отъ Рюрика всѣ князья и цари россійскіе могли бы помѣститься въ этихъ ковчегахъ... А сколько дворянъ на коняхъ, боярскихъ дѣтей, блистающихъ своими азіятскаго пошиба и цвѣта кафтанами съ шитымъ золотомъ ожерельями, на которыхъ словно на ризѣ Иверской Богоматери золото, камни и жемчугъ очи слѣпятъ, нервы раздражаютъ... А эта московская музыка—накры и бубны: захлебываются и гудутъ и визжатъ до того неистово-торжественно, что не у московскаго человѣка, а у нѣмца, особенно галанскаго, голова закружиться можетъ... А за музыкантами опять московскіе воинскіе люди, тѣ исторически безсмертные воинскіе люди, которыхъ сама же Россія трепетала: «какъ бы-де воинскіе люди не пришли и дурна какого не учинили»... И они приходили, и всегда чинили дурно... А за воинскими людьми развѣваются въ воздухѣ церковныя хоругви, на шитьѣ и украшеніи которыхъ сосредоточено было столько хорошенькихъ глазокъ, столько благочестивыхъ помысловъ и воздыханій. А вслѣдъ за хоругвями и подъ ихъ сѣнію, аки подъ крилами ангеловъ, шествуетъ освященный соборъ, іереи, протоіереи, ар-

хіереи, архіепископы, митрополиты и весь святительскій сонмъ, блистающій лѣпотою брадъ честныхъ, нестригомыхъ, убѣленныхъ сѣдиною и черныхъ, русыхъ и рыжихъ и рудожелтыхъ, сіяющій златомъ и каменіемъ ризъ своихъ, аки красотою душевною и тѣлесною. Святые отцы шествуютъ съ священными иконами или евангеліями въ рукахъ и съ сердцами горѣ возносящимися. А по-конецъ всего сонма шествуютъ богатыя иконы Спасителя, Богородицы и московскихъ чудотворцевъ, усыпанныя крупнымъ, словно слезы людскія, жемчугомъ и окованныя золотомъ и унизанныя каменіемъ многоцѣннымъ, его же цѣну ты вѣси, Господи. За иконами шествуетъ, какъ нѣчто живое и видящее, святительскій посохъ, жезлъ Аарона, несомый посошниками: онъ шествуетъ отдѣльно отъ святителя, какъ ангелъ, ведшій іудеевъ въ землю обѣтованную... За посохомъ—самъ святитель, первопрестольникъ церквей всея Руссіи...

— Вотъ онъ! Вотъ онъ, кормилецъ-поилецъ нашъ батюшка! О—го—го!—О!—О!—застонало море головъ человѣческихъ, простопала Москва горластая, плечистая, голосистая.

Это она увидала спасеннаго, нежданнаго, негаданнаго, точно свыше посланнаго царя.

— Ой, матушки! Ой, голубушки! Охъ! Молодешенекъ-то какой! Соколикъ! Ой, матыньки! Ой!—завыли бабы въ голосъ, въпричитанье.—Солнышко ты наше ясное! Звѣзда незакатная! О-о-о!

А онъ—на такомъ конѣ, какого еще не видывала русская земля... Раздобылъ гдѣ-то, выкопалъ изъ подъ земли дядя народный, Богданъ Бѣльскій... Ужъ и конь же! Ушьми ткани прядетъ, ногами разговоры говоритъ, глазами кавыль траву сушитъ, ржетъ до неба, ужъ и конь невиданный, ужъ и сбруя на немъ, и самъ чортъ не разберетъ, какъ она изукрашена, чѣмъ она изнавѣшена... На самомъ на царѣ—золотный кафтанъ: ожерелье на немъ—въ тысячи, а всему кафтану и цѣны нѣтъ...

— Вотъ онъ, батюшка голубчикъ! Во-на! Ахъ ты, солнце праведное, взошло ты, ясное, надъ россійскою землею... Свѣти ты надъ нами отнынѣ и довѣку!

А онъ ѣдетъ да на обѣ стороны клапяется, а Москва такъ и стонетъ, такъ и надрывается...

А тутъ вокругъ него, словно боръ золотой съ серебромъ,

бояре, князи, окольничіе: бородами помаваютъ, золотымъ платьемъ глаза слѣпятъ, грузнымъ тѣломъ копей томятъ...

А это что за черти косматые-волохатые, какихъ Москва еще не видывала? Косматыя шапки на нихъ съ головъ валятся, верхи на шапкахъ по плечамъ треплются, макомъ цвѣтутъ... Ужъ и Господи! Что у нихъ за посадка молодецкая, что у нихъ за усищи богатырскіе, что подъ ними за кони дьявольскіе! Это любимцы царевы, баловни его, казаки донскіе, запорожскіе, волжскіе и яицкіе... Со всей земли какъ пчелы слетѣлись удальцы невиданные... Впереди Корела со Смагою, загорѣлые, запыленные, словно въ аду побывали. Подальше Куцько въ широчайшихъ штанищахъ, съ чубомъ въ дѣвичью косу, съ усами полъаршинными: глядя на него, московскія бабы сквозь землю проваливаются, груди надрываютъ, ахаютъ... А онъ только усомъ помаргиваетъ, веселыми глазами помигиваетъ... Тутъ же и курчавый Треня: онъ и не чувствуетъ, какъ крупныя слезы черезъ усы на шитое сѣдло капаютъ, на московскую землю скатываются...

Димитрій поднялъ голову, передъ нимъ словно выросъ Кремль во всемъ его своеобразномъ величіи. Вздрогнулъ невольно приплецъ, снялъ шапку, и дрожащія губы его проговорили, какъ-то выкрикнули:

— Господи Боже! Благодарю Тебя! Ты сохранилъ мнѣ жизнь и сподобилъ узрѣти градъ отцовъ моихъ и мой народъ возлюбленный!

И у него, какъ у Трени курчаваго, по щекамъ текли слезы умиленія.

И Москва не выдержала, зарыдала! Зарыдало море людское... О! Бѣдные люди!

А колокола-то ревутъ-стопутъ, Господи! Да отъ такого рева оглохнуть можно, съ ума сойти слабонервному...

Димитрій на Красной площади, у Лобнаго мѣста, съ котораго еще такъ недавно оглашали всенародно его проклятіе... «Анаѳема! Анаѳема! Анаѳема!» А теперь людское море стонетъ: «Многая лѣта! Многая!» Бѣдные, глупые люди!

Димитрій въ Кремлѣ, въ Архангельскомъ соборѣ у гробовъ своихъ прародителей, великихъ князей и царей московскихъ... Онъ припадаетъ къ гробу Грознаго... Трепетъ охватываетъ всѣхъ при одномъ воспоминаніи сухощавой, изможженной стра-

стями фигуры, съ лицомъ безумно-бѣшенаго, въ костюмѣ юродиваго...

— Батюшка! Батюшка! Ты покинулъ меня на изгнаніе и гоненіе... но ты же и спасъ меня твоими отеческими молитвами...

И слезы его льются на гробъ Грознаго... Какъ не пошевельнулись кости этого страшнаго царя, когда на его гробъ капали слезы, можетъ быть, какого-нибудь проходимца, сочиненнаго Богданомъ Бѣльскимъ и вымуштрованнаго іезуитами? Нѣтъ, не пошевельнулись...

А Богданъ Бѣльскій стоитъ блѣдный, растерянный, съ безумно обращенными на гробъ Грознаго глазами... Ухъ-ухъ! Что это!.. Ему кажется, что гробъ Грознаго шевелится... шевелится... земля ходитъ...

Бѣльскій ухватился за что-то руками и въ ужасѣ закрылъ глаза... «Святъ-святъ-святъ, Господь Саваоѳъ!»

XIX. Заговоръ Шуйскаго.

Но не вся Москва ликовала, встрѣчая новоявленнаго царя. Не ликовала Ксенія Годунова, томясь въ своемъ мрачномъ одиночествѣ и силясь отогнать отъ себя свѣтлыя воспоминанія дѣтства, которыя вызывали теперь въ ней ѣдкія страданія, и милые образы своего отрочества, когда передъ ея стыдливыми дѣвическими глазами явился дацкой прынецъ Ягапушка, платьице на немъ атласъ алъ, шляпочка пуховая съ кружевцомъ, чулочки шолкъ алъ, башмачки сафьянъ синь... А эти страшные образы послѣднихъ дней, образы, которые она вызвать не смѣетъ въ своей памяти, потому что образы эти—посиневшій трупъ дорогого отца, удавленная мать, обезображенное смертью лицо брата любимаго.. Это—и прошедшее, и настоящее. А что въ будущемъ? Боже мой! Лучше и не заглядывать въ эту мрачную бездну.

Не ликуетъ и Орипушка Телятевская... Молніей пробѣжало по ея молодому небу, по дунѣ ея молодое счастье и этой же молніей расщепило ея надежды, ея сердце, всю ея душу. Все сожгла эта молнія: и ея счастье, Ѳедю царевича, и ихъ первый поцѣлуй, и тотъ чертежъ россійскаго государства, надъ которымъ они «печаянно» поцѣловались въ первый разъ... Нѣтъ,

правда, чертежъ этотъ не сожгла молшія: онъ и до сихъ поръ хранится въ публичной библіотекѣ, здѣсь, въ Петербургѣ; но Оринушкѣ легче ли было оттого, что черезъ двѣсти-триста лѣтъ ученые будутъ разсматривать чертежъ Ѳеди царевича, какъ рѣдкость?

Не ликуютъ... да, много, много такихъ, которымъ не до ликованья. Вѣдь несчастная земля такъ устроена, что какъ не свѣти на нее яркое солнце, все же оно будетъ освѣщать только часть земной поверхности, и чѣмъ ярче освѣщается та часть земли, которая обращена къ солнцу, тѣмъ мрачнѣе тѣнь на противоположной сторонѣ...

Когда Димитрій въѣхалъ въ Москву, одинъ человѣкъ особенно сильно почувствовалъ, что онъ очутился въ тѣни. Это былъ Шуйскій, князь Василій. Чего же ему не доставало? Одного не доставало—счастья. Этотъ вельможа, у котораго всего было вдоволь, и могущества, и богатства, и славы, и родни, и друзей, искреннихъ и не искреннихъ, этотъ счастливецъ не былъ счастливъ. На что ему было все то, чѣмъ онъ обладалъ, когда онъ *не любилъ*! Проживъ болѣе пятидесяти лѣтъ, Шуйскій не зналъ, что такое любовь... Такъ, не пришлось, не выдалось это шальное, слѣпое счастіе, а жизнь-то уплыла... Холодно стало, любить некого, когда во время не любилось, а теперь и дѣтей нѣтъ, которыхъ люди обыкновенно начинаютъ любить насчетъ своего личнаго счастія уже тогда, когда собственное счастье уже немножко молью тронуто, когда въ сердцѣ заводится червоточина, а на памяти образуется нѣчто въ родѣ маленькаго, а иногда и большого кладбища съ дорогими покойниками... Такія кладбища съ свѣжими могилами оказались въ памяти и въ сердцѣ Ксеніи Годуновой и Оринушки Телятевской: у той—Ягапушка прынецъ дацкой въ платьицѣ атласъ алъ, а рядомъ съ нимъ батюшка и матушка да братецъ родимый; у этой—Ѳедя царевичъ да чертежъ!.. А у Шуйскаго—ничего: ни кладбища этого, ни дѣтей, ни любви...

Сидитъ Шуйскій въ своихъ роскошно, по-старинному, немножко поазіатски, во вкусѣ золотоордынскомъ убранныхъ палатахъ, и не весело ему. Тихо въ палатахъ, беззвучно, безжизненно, только съ улицы доносятся отзвуки жизни, ночные возгласы ликующей Москвы, веселые, а иногда и бранные пьяные крики, да иногда прорѣзываетъ ночной воздухъ одинъ ненавист-

ный звукъ, въ которомъ слышится ненавистное для слуха Шуйскаго имя «Димитрій! Димитрій!»

Шуйскій закрываетъ глаза, и чѣмъ плотнѣе онъ закрываетъ ихъ, тѣмъ назойливѣе лѣзутъ въ очи и развертываются досадливыя картины всей его, досадливо, неудачливо сложившейся и прожитой жизни. Вся эта жизнь, вся эта безконечная лента пути, разстилающаяся позади его, всѣ эти образы прошлаго, ѣдкіе, рѣжущіе, и ни одного свѣтлаго, теплаго, все это одна нескончаемая вереница неудавшихся стремленій жгучаго сердца и жгучаго мозга. Вездѣ удача, вездѣ успѣхъ, вездѣ бѣшеное счастье, и въ суммѣ жизни громадная неудача, страшная пустота и отсутствіе любви, отсутствіе чувства удовлетворенности, примиренія.

«Димитрій! Димитрій!» доносятся дикіе возгласы. И чему радуются люди? Гдѣ источникъ этого довольства, слабоумія? Слабоуміе же, оно только и бываетъ счастливо.

И передъ Шуйскимъ развертывается пестрый коверъ его дѣтства, роскошное цвѣтущее поле, и вездѣ въ этихъ цвѣтахъ скрытые шипы, острыя колючки... А гдѣ же счастье? Нѣтъ его! Умъ не можетъ быть счастливъ, умъ, это горе, злосчастіе, это мука, вѣчная пытка... Безуміе, слабоуміе, вотъ гдѣ счастье...

Молодость, дѣтство, невѣдѣніе, и тамъ не было счастья!.. Кудреватый, бѣлокурый, малокровный княжичъ Васюта Шуйскій смотритъ пелюдимомъ... Онъ умепъ...

— Уменъ пострѣленокъ княжичъ мой Васюта, шустеръ дьяволенокъ, не по лѣтамъ, да собой-то пеказистъ,—слышится голосъ отца, князя Ивана Шуйскаго, и слова эти на всю жизнь западаютъ въ гордую душеньку княжича Васюты... А мать еще нѣжнѣе ласкаетъ его бѣлокурую головку и глядитъ въ его умные голубые глазки: «Дурпушечка мой, умница мой! Васюточка княжичъ...» И слова матери колючкой впиваются въ гордое сердчишко недотроги-княжича.

«Пеказистъ...» Но онъ видитъ, что казистые глупѣе его, и все же завидуютъ имъ, все же они становятся ему поперекъ дороги, и враждебное чувство питается въ немъ больше чѣмъ доброе, холодное заглушаетъ теплое...

Съ невидимой раной, нанесенной ему отцомъ, княжичъ Васюта и въ жизнь вступилъ. Сталъ онъ и близкимъ, и окольничимъ, а изъ раны все сочится кровь, все гдѣ-то саднитъ го-

речью... И княжичъ Васюта становится все скрытнѣе и скрытнѣе, все глубже прячетъ онъ отъ людей свое сердце, свои умные голубые глаза, свои молодыя, гордыя думы...

А тутъ и непобѣдимыя потребности молодости вступаютъ въ свои права. Голубые глаза становятся еще умнѣе, еще блестящѣе, они украдкой заглядываются на миловидное личико, полуприкрытое фатой... И личико украдкой, потупясь, бросаетъ искорками въ голубые умные глаза... И казистые перебиваютъ дорогу, перебиваютъ эти искорки, перебиваютъ женскіе взгляды, и онъ, умный, остается въ сторонѣ съ своимъ умомъ... «Проклятый умъ! Проклятыя лица!..» Нѣтъ, не проклятыя.... Вонъ какое личико у Машеньки, у дочушки Малюты-Скуратова... И личико это обращено на казистаго, на ловкаго, на красиваго Бориску Годунова, на эту татарскую образину... И молодой княжичъ Васюта Шуйскій начинаетъ ненавидѣть молодого татарина Бориску Годунова... А Машенька Малюты-Скуратова все незамѣчаетъ неказистаго, хотя и умнаго Васюту Шуйскаго.. Но вотъ Машенька и подъ вѣнцомъ, Машенька жена проклятаго татарюги Борискн. И казистый Бориска въ чести и силѣ у Грознаго. Борискина сестра за сыномъ Грознаго, въ родство вошли съ царями. А неказистый Васюта Шуйскій въ сторонѣ, въ тѣни...

Не стало Грознаго. На тронѣ слабоумный Ѳедоръ, и казистый Бориска ужъ у трона, сторожевой собакой стоитъ, псомъ смердящимъ ластъ... «Царевича не стало!» «Царевича зарѣзали!» А! Утопить бы въ его крови татарюгу Бориску, чтобъ и Машка Малютиха, змѣя подколодная, захлебнулась кровью... О! Утонетъ Бориска. утонетъ! Захлебнется Машка! Нѣтъ, не утонулъ онъ, не захлебнулась она... Не стало и слабоумнаго Ѳедора, и Бориска на престолѣ, сторожевой песъ вскочилъ на высочайшій тронъ россійскаго царствія, а рядомъ съ нимъ Машка Скуратиха, змѣя подколодная, и все она не замѣчаетъ неказистаго, умнаго, дѣлового князя Василія Ивановича Шуйскаго, у котораго ужъ и кудри серебрятся отъ многоумія, а все нѣтъ счастья... Но что это? Изъ крови царевича выходитъ звѣрь дивій... Да, вышелъ, бродитъ по Кіеву, рычитъ въ Польшѣ, идетъ на русскую землю... О! Онъ пожретъ Бориску и Машку... И онъ пожралъ ихъ... Онъ, звѣрь дивій, въ видѣ царевича на престолѣ... «Убью звѣря и изъ его шкуры сошью себѣ царскую порфиру...

Авось въ порфирѣ буду счастливъ, авось въ вѣнцѣ царскомъ полюбятъ меня неказистаго»..

Вотъ о чемъ думаетъ Шуйскій, сидя въ своихъ богатыхъ палатахъ въ первую ночь пріѣзда Димитрія въ Москву. У него ничего въ жизни не оставалось, ни любви, ни воспоминаній, ни дѣтей, а только 53 года на плечахъ да сѣдая умная голова и жажда, жгучая жажда жизни!

Въ сосѣдней комнатѣ послышались шаги. Шуйскій встрепенулся. Вошелъ мужчина лѣтъ пятидесяти, богато одѣтый, въ золотномъ кафтанѣ съ житымъ жемчугами ожерельемъ. Онъ былъ, какъ и Шуйскій, бѣлокуръ, но полнѣе его и съ лицомъ, хотя напоминавшимъ Шуйскаго, но болѣе открытымъ.

— А, это ты, Митя?—сказалъ Шуйскій, какъ бы ожидая чего то.—Съ тобой никого нѣту?

— Есть, братецъ,—отвѣчалъ пришедшій—Ѳедора Конева привелъ.

— Ладно, спасибо. Гдѣ онъ?

— А въ томъ покоѣ, въ голубомъ.

— Веди его сюда.

Пришедшій—это былъ братъ Василія Шуйскаго, Димитрій Ивановичъ Шуйскій, ввелъ купчину съ серьгой въ ухѣ, того купчину, котораго мы уже видѣли у Лобнаго мѣста во время оглашенія анаѳемы Гришкѣ Отрепьеву, а потомъ съ офеней вмѣстѣ, когда они ожидали въѣзда въ Москву Димитрія.

— Здорово, Ѳедоръ,—сказалъ Шуйскій ласково.

— Здравствуй батюшка князь Василій Ивапычъ.

— Садись, потолкуемъ.

Купчина, входя къ Шуйскому, глянулъ въ передній уголъ и, увидавъ тамъ у богатой иконы горящую лампаду, перекрестился истово, тряхнувъ сѣдоватыми кудрями. Теперь, снова тряхнувъ головой, онъ расправилъ полы однорядки и сѣлъ на скамью, покрытую ковромъ.

— Видалъ новаго царя?—спросилъ Шуйскій, уславъ свои умные глаза куда-то въ другое мѣсто.

— Видалъ, батюшка, князь, сподобился.

— Слава Богу, слава Богу, сподобились мы опять прирожоного царя найти. Авось наша вѣра православная окрѣпнетъ, а то шатать ею что-то учали.

— Дай-то Богъ.

— Дай Богъ, дай Богъ... Ну, а какъ онъ, царь-то нашъ по-

вый, истово ли крестится?—спросилъ Шуйскій, снова командировавъ свои умные глаза зачѣмъ-то къ образамъ.—Я, признаться, въ хлопотахъ-то и не успѣлъ замѣтить... Не отучился ли онъ, чего Боже храни, тамъ, въ литовской землѣ?

Купчина не сразу отвѣчалъ. Онъ припоминалъ что-то.

— Какъ тебѣ сказать, батюшка князь, мудреное это, великое это дѣло перстное сложеніе... На перстномъ-то сложеніи, на перстѣ единомъ, я такъ мекаю, весь міръ стоитъ.

— Истинно такъ, истинно, на перстѣ единомъ,—поддакивалъ Шуйскій.

— Я такъ мекаю, батюшка князь,—продолжалъ купчина, видимо любившій резонерствовать,—я такъ мекаю: коли на перстѣ міръ стоитъ, вотъ примѣромъ такъ (и онъ поставилъ прямо свой толстый, какъ огурецъ, большой палецъ правой руки), и коли ты перстъ-отъ этотъ повернешь не такъ, какъ указано, не истово повернешь, ну, и міръ опрокинется, аки ендова... Такъ я говорю, батюшка-князь?

— Такъ, такъ... Такое умное слово хоть бы святителю, такъ въ пору,—льстилъ Шуйскій.

— Ну, теперича примѣромъ онъ царь, я такъ мекаю,—разглагольствовалъ купчина,—у ево, у царя примѣромъ, на перстѣ ендова... А ендова-то, батюшка-князь, кто?—вдругъ озадачилъ купчина Шуйскаго.

Но Шуйскаго не легко было озадачить. Онъ только спряталъ свои смѣющіеся глаза гдѣ-то подъ лавкой, и отвѣчалъ,—ендова, знамо міръ... Ты жъ самъ сказалъ...

— Такъ, батюшка князь. Ендова это россейская земля. Оборони онъ, царь-ту, перстъ-отъ свой книзу, что станетъ съ ендовой?

— Вѣстимо что, опрокинется.

— Опрокинется, батюшка князь, опрокинется, прольется!

Купчина даже привскочилъ. Шуйскій изобразилъ ужасъ на лицѣ...

— И все это отъ единаго перста, отъ перстнаго сложенія неистоваго,—продолжалъ купчина, радуясь, что пугаетъ Шуйскаго своимъ краснорѣчіемъ.—Не даромъ сказано, перстъ Божій.

— Вѣрно, вѣрно. Ну, а какъ же ты замѣтилъ, новый нашъ царь истово крестится?—сворачивалъ Шуйскій на суть дѣла.

— Охъ, батюшка-князь! Страшно и молвить... Волосы у меня

дыбомъ встали, какъ увидѣлъ я, что хоть онъ и истово слагаетъ персты, да все мизинецъ-то у него не такъ смотритъ, не истово... Инда въ озноб'ъ меня бросило, какъ увидалъ я это. Мизинецъ, мизинецъ не такъ... Такъ вотъ и думаю: охъ, батюшки, опрокинется ендова, пропадетъ земля россейская...

— Какъ же ты, Ѳедоръ, думаешь?

— Да думаю, батюшка-князь, что онъ не истинный царевичъ Димитрій... Не такъ слагаетъ персты, не нажить бы намъ съ нимъ бѣды.

— И я такъ думаю,—загадочно сказалъ Шуйскій.—Обошелъ онъ насъ всѣхъ обманомъ, и горе московскому государству!

— Охъ, Господи! Что жъ съ нами будетъ?

— Не вѣдаю... Богу единому вѣдомо.

Шуйскій по обыкновенію не досказывалъ своей мысли: онъ всегда только закидывалъ удочку, и когда рыба клевала, онъ тогда и дергалъ удочку, и рыба не срывалась. Купчина окончательно опѣшилъ и только бормоталъ: «перстъ, мизинецъ, ендова, россійское государство... Самъ же сочинилъ ужасы, и самъ ихъ пугался.

— Нѣмцы, поди, и Гостиный дворъ у насъ отберутъ?—тутъ же наталкивался онъ на практическіе вопросы.

— Да,—утверждалъ его въ этой мысли лукавый собесѣдникъ.—Онъ ужъ и понѣ съ иноземцами печки-лавочки: безъ нихъ за столомъ и ложки не возьметъ... Когда онъ взошелъ въ Архангельскій соборъ, туда жъ за нимъ вошли и псы бритые, попы латинскіе... Соборъ, значитъ, ужъ осквернепъ....

— Охъ, Господи! Да что жъ это такое?

— А за псами бритыми вошли и нѣмцы въ храмъ божій, и поляки, и литва, и угры... Святыни наши поруганы... А дальше еще того хуже будетъ: онъ разоритъ церкви православныя и во мѣсто ихъ поставитъ латинскіе костелы и ропаты, и будутъ у насъ попы бритые,—продолжалъ Шуйскій все въ томъ же духѣ, видя, какое впечатлѣніе производятъ его слова.—Одного наипаче боюсь я...

— Чего, батюшка-князь?—съ испугомъ спросилъ купчина.

— Вотъ чего, Ѳедоръ. Слушай. Коли онъ проклятъ соборомъ, и анаѳема съ него не спята, да коли такой проклятой человѣкъ запялъ мѣсто помазанника, такъ анаѳема-то переходитъ съ него на всю россійскую землю... Вотъ что страшно.

Купчина испуганно перекрестился. Ему чудилось, что ана-

осма въ видѣ какого-то чудовища уже подходитъ къ нему, беретъ его за плечи, шепчетъ ему въ уши, «я анаѳема, я за тобой пришла, за дѣтьми твоими, за твоими товарами, за твоею казною, за душою твоею»...

— Помилуй Господи!—крестится онъ. — Научи же насъ, князь-батюшка, что намъ дѣлать? Какъ избыть бѣды, гнѣва Божія? Я на все пойду... Всю Москву подниму на ноги... Москва знаетъ Ѳедора Конева: онъ крестится всегда истово, строилъ храмы божіи, нищимъ не отказывалъ... Ѳедора Конева Москва послушаетъ.

— Коли такъ, Ѳедоръ, то Богъ пособитъ тебѣ въ твоемъ великомъ дѣлѣ для спасенія святой православной вѣры. Только подобаетъ дѣло сіе творити съ великою тайною, дабы не провѣдалъ о томъ врагъ земли русской. И надо сіе дѣло совершать непомедля, а то я боюсь, какъ бы дьяволъ не осилилъ насъ...

— А что, батюшка-князь! Говори, не таи.

— Надо бы все покончить до вѣнчанія его на царство.

— Надо, надо... Ахъ ты, Господи! Вотъ не чаяли бѣды... Завтра же поговорю съ добрыми людьми, и мы тебѣ, батюшка князь, доложимся.

— Хорошо. Можетъ, съ божьею помощью наше дѣло и выгоритъ...

. . . . . .

Нѣтъ, не выгорѣло!

Прошло всего только четыре дня послѣ этого ночного совѣщанія у Шуйскаго. Утро 25-го іюня. Красная площадь запружена народомъ. Вотъ послалъ Богъ Москвѣ зрѣлище за зрѣлищемъ! Не успѣли встрѣтить диковиннаго царя, какъ опять есть на что поглазѣть. На площади стоитъ новенькая, съ иголочки, плаха, «плаха бѣлодубовая», высокая, красивая и прочная... Далеко можно на этой кобылкѣ уѣхать, такъ далеко, что и вымолвить страшно. Шутка ли, на тотъ свѣтъ можно доскакать на этой кобылкѣ ровно во мгновеніе ока. Свиснулъ на кобылку, свиснулъ топоръ палача, и человѣкъ на томъ свѣтѣ, а на этомъ остается только голова да туловище: голова сама по себѣ, а туловище само по себѣ.

Кто жъ это собрался скакать на тотъ свѣтъ? Кому надоѣло жить на этомъ? Княжичу Васютѣ Шуйскому опостылѣла жизнь, не онъ ли это собрался уѣзжать?

Да, онъ... «Идетъ! Идетъ!» прошелъ говоръ по толпѣ, такой же говоръ, какъ тотъ, который прошелъ по морю головъ человѣческихъ пять дней тому назадъ, когда въ Москву въѣзжалъ таинственный Димитрій; только тогда слышалось «ѣдетъ! ѣдетъ!» а теперь: «идетъ! идетъ»!

И дѣйствительно, идетъ князь Василій Ивановичъ Шуйскій, бывшій бѣлокуренькій Васюта княжичъ, Васюта недотрога... А теперь скоро топоръ дотронется до этой гордой шеи... Но это не тотъ уже осторожный, уклончивый Шуйскій съ лукавыми глазами.. Этотъ идетъ прямо, гордо, словно царь. И глаза у него не тѣ: эти смотрятъ прямо, открыто, стойко и безстрашно, и въ лицо глазѣющей толпы, и въ лико смерти. Его сопровождаетъ Басмановъ не глядя своими татарскими глазами на толпу.

А плаха такъ и блеститъ на солнцѣ. И еще что-то тамъ блеститъ... Шуйскій глянулъ на это нѣчто блестящее, это былъ громадный топоръ, воткнутый въ плаху... «Престолъ», мелькнуло въ умѣ Шуйскаго.

Стрѣлицы плотно сомкнулись, оцѣпивъ Шуйскаго, палача и исполнителей приговора.

— «Сей великій бояринъ,—читаетъ знакомый уже намъ дьякъ съ орлинымъ перомъ за ухомъ,—князь Василій Ивановичъ Шуйскій измѣняетъ мнѣ, великому государю царю и великому князю Димитрію Ивановичу всеа Русіи, разсѣваетъ про меня недобрыя рѣчи, остужаетъ меня со всѣми вами, съ бояры и князи и дворяны и дѣти боярскіе и гостьми и со всѣми людьми великаго россійскаго государства, называя меня не Димитріемъ, а Гришкою Отрепьевымъ. И за то онъ, князь Василій, довелся смертной казни»...

Тихо, мертво въ толпѣ. Только женскія груди тяжело дышатъ, вздыхаютъ.

Шуйскій самъ подходитъ къ плахѣ, не спуская глазъ съ топора, такъ много въ немъ обаятельнаго! Потомъ крестится, кланяется на всѣ четыре стороны, на Кремль и на Замоскворѣчье, и громко возглашаетъ:

— Простите, православные! Умираю за вѣру и за правду.

Женщины давно простили. Мужчины не всѣ.

Шуйскій еще ближе подходитъ къ плахѣ, и разомъ вспоминается ему Машенька Скуратова... «Неказистый да умный... умный да неказистый»...

Подходитъ палачъ и срываетъ съ плечъ его дорогой каф-

тань. Хочетъ снять и рубашку, чтобы толпа увидала голое княжое тѣло, не такое вѣдь оно какъ смердье... Да и какъ не снять рубаху? Воротъ у нея такой богатый, весь въ жемчугъ залитъ, пѣлую пригоршню жемчугу можно содрать съ ворота. Но Шуйскій не даетъ рубахи палачу.

— Не трошь ее... Въ ней я хочу Богу душу отдать...

— Ничего, боярин, душа безъ портовъ ходитъ.

Вдругъ кто-то скачетъ изъ Спасскихъ воротъ изъ Кремля.

— Вѣстовой! Вѣстовой!—проносится говоръ, то говоръ радости съ одной стороны, то говоръ разочарованія съ другой... Какъ же? Обидно, не видать зрѣлища, какъ голова скатится на помостъ, очень обидно!

— Милость, милость прислалъ великій государь!—кричитъ вѣстовой.

Толпа заколыхалась. Палачъ съ сожалѣньемъ посмотрѣлъ на дорогую рубаху прощеннаго князя. Рука Шуйскаго машинально поднялась къ головѣ, какъ бы ощупывая, тутъ ли она. «Тутъ... на плечахъ... безъ шапки... будетъ и въ золотой шапкѣ съ крестомъ», пробормоталъ онъ. А потомъ, обратясь къ палачу, сказалъ: «Такъ душа безъ портовъ ходитъ? Приходи же ко мнѣ, добрый человѣкъ, я отдамъ тебѣ эту рубаху».

XX. Заглазное обрученіе Димитрія съ Мариною.

Мы снова на югѣ, въ Польшѣ, въ Краковѣ. Надоѣла эта Москва съ ея казнями, удавленіями, плахами, палачами. Хочется отдохнуть, освѣжиться отъ этихъ тяжелыхъ историческихъ воспоминаній и картинъ, томящихъ душу, и перенестись въ область иныхъ воспоминаній, подышать другимъ историческимъ воздухомъ, не пропитаннымъ смрадомъ разлагающейся крови и историческихъ труповъ, которые приходится романисту выкапывать изъ могилъ и снова бросать въ могилы... Довольно труповъ! Воскресимъ ихъ въ нашей памяти живыми, съ живою, горячею кровью въ жилахъ и въ сердцѣ... Посмотримъ на нихъ, забудемся вмѣстѣ съ ними, забудемъ, что и мы, вспоминающіе о нихъ, также перейдемъ въ область труповъ, только объ насъ никто и не вспомнитъ... Вспомнимъ же хоть мы о нихъ.

Въ Краковѣ, въ пышномъ палацѣ Фирлея готовится торжественный обрядъ обрученія царя и великаго князя Димитрія Ивановича всея Русіи съ Мариною Мнишекъ, дочерью сендо-

мирскаго воеводы Юрія. Не забылъ Димитрій, бѣдный проходимецъ, невѣдомый калика перехожій, а нынѣ царь московскій, не забылъ гнѣзда горлинки съ осиротѣлыми птенцами, которыхъ Марина кормила рисовой кашкой. Не забыла и Марина ни этого гнѣзда съ птичками, ни не разгаданныхъ глазъ проходимца, который теперь высоко, очень высоко свилъ свое орлиное гнѣздо и хочетъ взять въ это гнѣздо ее, Марину, чистую горлинку, можетъ быть, затѣмъ, чтобы расклевать ея сердце, а пухъ пустить по снѣжному полю московскому... А грезы дѣтства? А корона на черной головкѣ? А невѣдомые народы и цари, преклоняющіеся предъ этой черной головкой и благословляющіе ее?.. Холодно, холодно на душѣ при одномъ воспоминаніи о Москвѣ...

Въ обручальномъ покоѣ палаца Фирлея на королевскомъ мѣстѣ, сидитъ король Сигизмундъ въ своей парадной шапкѣ. Такъ принято, и шапка на головѣ, и королевская надутость на лицѣ, и не человѣческая, королевская поза... Около него королевичъ Владиславъ, еще не успѣвшій утратить человѣческій образъ, и сестра короля, тоже мѣтившая замужъ за московскаго проходимца.

Нѣсколько въ сторонѣ стоитъ кардиналъ Бернардъ Мацѣевскій, а съ нимъ два прелата въ богатѣйшемъ церковномъ облаченіи. За нимъ толпа другихъ церковниковъ въ блестящихъ мишурнымъ золотомъ и серебромъ стихаряхъ. Свѣтло, парадно, торжественно! Внушительныя минуты, внушительное ожиданіе: эти минуты, можетъ быть, сдѣлаютъ то, что все московское царство съ его богатствами и неисчислимыми табунами москалей схизматиковъ можно будетъ къ рукамъ прибрать во славу католической церкви, золотой вольности польской. Такая мысль написана на этихъ лицахъ, свѣтится въ очахъ...

Вдругъ въ дверяхъ показалась московская фигура. Кто это? Да это тотъ подъячій, который, еще при Борисѣ, оглашалъ съ Лобнаго мѣста анаѳему Гришкѣ Отрепьеву, который потомъ читалъ смертный приговоръ Шуйскому, подъячій или дьякъ съ орлинымъ перомъ за ухомъ: это знаменитый дьякъ Аѳонасій Власьевъ, дѣлецъ стараго закала, вродѣ дьяка Алмаза Иванова, который могъ какое угодно дѣло запутать такъ, что его на семи вселенскихъ соборахъ не распутать, и всякую дьявольскую путаницу распутать, одинъ изъ тѣхъ дьяковъ-дипломатовъ, политическое московское упрямство которыхъ пушкой прошибить нельзя было. Объ этомъ дьякѣ Власьевѣ разсказывали слѣдую-

щее. Еще при Грозномъ, Власьеву, бывшему тогда не въ важныхъ придворныхъ должностяхъ, выпало на долю одно изъ самыхъ щекотливыхъ тогда дипломатическихъ порученій встрѣтить какого-то иноземнаго посла. Тутъ вся трудность дипломатіи заключалась въ томъ, чтобъ своимъ поведеніемъ не умалить величія своего царя. Для этого, когда встрѣчаютъ посла хоть бы зимой, въ пути, въ саняхъ, то достоинство государей требовало, чтобъ и пріѣзжій посолъ, и встрѣчающій его бояринъ или дьякъ вышли изъ саней и ступили ногами на землю оба въ одинъ и тотъ же моментъ, ни тотъ ни секундой не раньше, ни этотъ ни секундой не позже. Кто раньше касался земли, тотъ унижалъ величіе своего государя, кто позже, тотъ возвышалъ. Хитрый Васька прибѣгнулъ къ такой геніальной дипломатической увертк: когда онъ съѣхался съ иноземнымъ посломъ, съ какимъ-то «честнѣйшаго чину рычардомъ подвязочнымъ», то есть «рыцаремъ», «рычардомъ» или кавалеромъ ордена подвязки, и когда и этого «рычарда», и продувного Власьева холопи высаживали подъ руки изъ саней въ одинъ и тотъ же моментъ, то «рычардъ» успѣлъ ногами коснуться земли, а бестія Власьевъ на секунду поджалъ ноги и подрыгалъ ими въ воздухѣ, желая показать чужому послу, что дипломатическое поле битвы осталось за нимъ, и онъ возвысилъ честь своего государя и народа. Вотъ Биконсфильдъ!.. Этотъ дипломатическій coup d'état очень понравился Грозному, и Власьевъ пошелъ въ гору.

Такъ вотъ этотъ-то Власьевъ вступилъ теперь въ обручальную палату въ сопровожденіи пановъ, воеводы серадзкаго Александра Конецпольскаго и каштеляна гнѣзненскаго пана Пржіемскаго. Онъ представлялъ изъ себя и посла, и особу царя Димитрія, какъ жениха Марины. За нимъ холопи несли шолковый коверъ, подстилку подъ ноги жениху и невѣстѣ.

Власьевъ, видя, что король сидитъ въ шапкѣ и важно надувшись, самъ надулся еще пуще, такъ что его московское пузо выпятилось еще больше, чѣмъ королевское, и, такимъ образомъ, возвысивъ величіе своего царя превыше величія королишки Жигимонтишки, произнесъ словно протодьяконъ съ амвона:

— «Божіею милостію, мы, великій государь, цесарь и великій князь Димитрій Ивановичъ, всеа Русіи самодержецъ, били челомъ и просили благословенія у матери нашей великой государыни, чтобъ она дозволила намъ, великому государю, соединиться законнымъ бракомъ, ради потомства нашего цесарскаго

рода, и пожелали мы, великій государь, взять себѣ супругою, великою государынею въ нашихъ православныхъ государствахъ, дочь сендомирскаго воеводы Юрія Мнишка, для того какъ мы находились въ вашихъ государствахъ, и панъ воевода сендомирскій нашему цесарскому величеству оказалъ великія услуги и усердіе и намъ, великому государю, служилъ. И ты бы, король Жигимонтъ братъ нашъ и сосѣдъ и пріятель, поволилъ бы сендомирскому воеводѣ и его дочери ѣхать къ нашему цесарскому величеству, и для братской любви самъ бы ты, король Жигимонтъ, былъ у нашего цесарскаго величества въ московскомъ государствѣ».

Высокомѣрная рѣчь Власьева видимо не понравилась королю; но дѣлать было нечего, пришлось уступить московскому медвѣдю. Да и панна королевна надула губки: ей бы такъ самой хотѣлось быть на мѣстѣ этой дѣвчонки Марыски, которая только тѣмъ и взяла, что у нея кокетливая рожица да хорошенькіе глазки... Вотъ невидали! У панны королевны видъ величественнѣе, а какая ножка! Въ ея башмачокъ входитъ только полъ-бокала венгржина, а онъ предпочелъ эту дѣвчонку, неотесаный москаль галганъ.

Въ тотъ же моментъ въ дверяхъ показалась «эта дѣвчонка»... Точно птица бѣлая, именно бѣлою, чистою горлинкою вступала она въ это сановитое и родовитое собраніе, такая нѣжная, маленькая, прелестная и съ движеніями невиннаго ребенка, съ глазами потупленными, съ наклоненною головкою... Власьевъ такъ и ахнулъ и прикипѣлъ на мѣстѣ... Это входилъ бѣсъ, восхитительнѣйшій бѣсенокъ, которому можно прозакладывать жизнь, царства цѣлыя, душу свою... Да, это птица бѣлая, въ бѣломъ алтабасовомъ платьѣ, обрызганномъ жемчугами и брильянтами На восхитительной головкѣ—неоцѣнимая коронка, а отъ нея нити золотыя, жемчужныя и брильянтовыя скатываются на волосы, черные какъ воронова крыло и, смѣшиваются съ прядями распущенной, роскошной косы, которую даже трудно было поддерживать, какъ казалось, такой изящной головкѣ и такой нѣжной шейкѣ... Панна королевна поблѣднѣла даже, духъ у нея захватило при видѣ этой прелестнѣйшей птички, никогда она не казалось такъ хороша, какъ въ этотъ роковой моментъ.

Дѣвчонка взглянула на Власьева, такъ и осыпала старика рублями и жаромъ! Нѣтъ, это не бѣсъ, это ангелъ чистый, это дитя непорочное. Рядомъ съ нею стала панна королевна, это

гусыня рядомъ съ чистой голубицей. Король сталъ рядомъ съ кардиналомъ, и оба дулись, вздулся снова и Власьевъ ради чести великаго государя всея Русіи. Паны, составлявшіе ассистенцію, помѣстились по бокамъ. Тутъ же былъ и отецъ Марины: на полномъ лоснящемся лицѣ его всѣми литерами было написано: какова моя цурка! вѣдь только у такого отца, какъ я, и можетъ быть такая восхитительная дочушка.

Какъ бы отвѣчая на эту мысль, Власьевъ обратился къ нему съ краткой рѣчью и просилъ благословить дочь въ супруги великому государю московскому. Воевода нѣжно благословилъ сьою цуречку, у которой отъ волненія задрожали губки какъ у ребенка, собирающагося плакать... «Татуню», прошептала она тоскливо, какъ бы предчувствуя, что ее ожидаетъ въ снѣжной сторонѣ. Къ счастью, ничего не предчувствовала бѣдная дѣвочка. Только маленькій алтарный служитель, хорошенькій мальчикъ въ длинныхъ рязочкахъ, дергая за полу своего учителя, пана пробоща, шепталъ испуганно:

— Ахъ, панъ пробощъ, это не панна Марина.

— А кто же, негодяе хлопчишко?

— То святая Цецилія... У нея лучи вокругъ головки...

Панъ пробощъ ущипнулъ его за ухо и ничего не сказалъ. Мальчикъ былъ правъ, головка Марины, дѣйствительно, искрилась лучами отъ брильянтовъ, и панъ пробощъ въ глубинѣ души чувствовалъ, что самъ онъ усерднѣе бы молился на эту Цецилію, чѣмъ на нарисованную.

Послѣ Власьева говорилъ панъ канцлеръ, Левъ Сапѣга, Цицеронъ своего вѣка и своего народа. Послѣ него панъ Липскій, воевода ленчинскій. За нимъ—кардиналъ.

— Царь Димитрій, — говорилъ онъ съ закидываньемъ въ Москву іезуитской удочки,—царь Димитрій, признательный за благодѣянія, оказанныя ему въ Польшѣ королемъ и панією, обращается нынѣ къ его милости королю съ своими честными пожеланіями и намѣреніями, и черезъ тебя, посла своего, просить руки вольной шляхтянки, дочери сенатора знатнаго происхожденія...

Кардиналъ при этомъ украдкой взглянулъ на панну королевну, которая сдержала невольный вздохъ и потупилась.

— Хотя выборъ царя,—продолжалъ ловкій іезуитъ—и желалъ бы, можетъ быть, направиться въ болѣе высокія сферы...

Панъ воевода сендомирскій при этихъ словахъ такъ звяк-

пулъ своей карабелей и такъ «закренцилъ вонца», что кардиналъ поперхнулся, а панна королева вспыхнула... Марина стояла блѣдная...

— Ахъ, панъ пробощъ, какая она хорошень... топакъ святая,—снова прошепталъ мальчикъ.

— Молчи, паскуденокъ, я самъ вижу! (И снова щипокъ за ухо).

— Но царь желаетъ показать свою благодарность пану воеводѣ и расположеніе къ польской націи,—наладился кардиналъ.—Въ нашемъ королевствѣ люди вольные. Не новость панамъ, князьямъ, королямъ, монархамъ, а равно и королямъ польскимъ искать себѣ женъ въ домахъ вольныхъ шляхетскихъ. Теперь такое благословеніе осѣнило Димитрія, великаго князя всей Русіи...

— Царя и великаго князя, — неожиданно поправилъ его Власьевъ, такъ что кардиналъ снова поперхнулся.

— И васъ—продолжалъ кардиналъ—подданныхъ его царскаго величества, ибо онъ заключаетъ союзъ съ королемъ государемъ нашимъ и дружбу съ королевствомъ нашимъ и вольными чинами.

— Veni Creator!—торжественно запѣли церковный гимнъ, и всѣ стали на колѣни, кромѣ Власьева и панны королевны.

«Veni Creator» зазвучало въ сердцѣ Марины, и двѣ крупныя жемчужины выкатились изъ ея глазъ.

— Ахъ, панъ пробощъ!.. Она плачетъ...

И мальчикъ самъ заплакалъ, хотя уже и не получилъ щипка за свой возгласъ.

При пѣніи гимна кардиналъ приблизился къ Маринѣ... «Veni Creator... Veni Creator», колотилось у него въ ушахъ и сердцѣ... Да пришелъ онъ... пришелъ... охъ: страшно»...

— Слыши, дщи, и виждь, и приклони ухо твое и забуди домъ отца твоего,—торжественно говоритъ кардиналъ.

— «Охъ, слышу и вижу я»,—шепчетъ Марина не устами, а сердцемъ,—«вижу... но не забуду домъ татки моего, никогда не забуду мое золотое дѣтство... Тато, тато. Урсулечка моя... Дольцю бѣдненькій».

Дольцю»... Это онъ стоитъ въ отдаленіи, блѣдный, блѣдный! Это князь Корецкій, другъ ея дѣтства, который мечталъ вмѣстѣ съ маленькой Марыней открыть новую Америку и посадить свою

Марыню на американскій престолъ... Но увы, Америки новой не нашлось... «Бѣдный, бѣдный Дольцю!»

Потомъ кардиналъ, слѣдуя обряду обрученія, обратился къ Власьеву и спросилъ:

— Не давалъ ли царь обѣщанія другой невѣстѣ прежде?

— Я почемъ знаю! Онъ мнѣ этого не говорилъ,—обрубилъ простодушный москаль.

Всѣ разсмѣялись. Даже Марина улыбнулась и взглянула на чудака: чудакъ опять почувствовалъ, что изъ глазъ панночки посыпались рубли... «Охъ, рублемъ подарила... тысячу рублей», думалось старому дипломату.

— Ахъ, панъ пробощъ, она улыбнулась,—прошепталъ мальчикъ въ бѣленькой ризѣ и опять получилъ щипокъ.

Паны ассистенты объяснили русскому медвѣдю, что панъ кардиналъ спрашиваетъ по формѣ, по обряду, не обѣщалъ ли царь кому другому.

— Коли бъ кому обѣщалъ, такъ бы меня сюда не слалъ!— отрѣзалъ медвѣдь и опять всѣхъ развеселилъ своимъ простодушіемъ.

Тогда кардиналъ, обращаясь къ нему сказалъ: «Говори за мною, посолъ!»—и началъ говорить по латыни.

Власьевъ повторялъ за нимъ, и съ такою удивительною правильностью, съ такимъ знаніемъ латинскаго языка, что паны рты разинули отъ изумленія.

— А! Пшекленты москаль! Только притворяется простачкомъ, а языкъ Гораціуша прекрасно знаетъ, — шептали они, поглядывая на продувного москаля.

А москаль, показавъ, что онъ отлично знаетъ латинскій языкъ, остановилъ кардинала и сказалъ:

— Панне Маринѣ имѣю говорить я, а не ваша милость.

Потомъ чистымъ латинскимъ языкомъ проговорилъ Маринѣ обѣщаніе отъ имени царя.

Затѣмъ кардиналъ потребовалъ обыкновеннаго обмѣна колецъ. Власьевъ, вынувъ изъ коробочки перстень съ огромнѣйшимъ алмазомъ, величиною въ крупную вишню, подалъ кардиналу. Алмазъ молніей блеснулъ въ очи пановъ. У панны королевны даже рѣсницы дрогнули при видѣ такого чудовища, а маленькій церковникъ только могъ пропищать: «Ахъ, панъ пробощъ! Глазамъ больно»...

Кардиналъ надѣлъ чудовище перстень на пальчикъ Марины.

— Ахъ, панъ пробощъ, какой пальчикъ!

Когда кардиналъ, снявъ съ пальчика Марины ея перстенекъ, хотѣлъ было надѣть его на толстый, обрубковатый палецъ Власьева, этотъ послѣдній съ ужасомъ отдернулъ свою руку, словно отъ раскаленнаго желѣза. Этимъ продувной москаль хотѣлъ тонко дать замѣтить панамъ, что его царь—такое высочайшее лицо, что до перстня его невѣсты онъ не смѣетъ дотронуться голой рукой, а не то что позволить надѣть его на свою грубую, холопскую лапищу. Напротивъ, онъ взялъ перстень Марины черезъ платокъ, какъ что-то ядовитое для него, жгучее, и бережно спряталъ въ дорогую коробочку. Точно также Власьевъ протестовалъ, когда кардиналъ хотѣлъ, въ силу обряда, связывать руку Марины съ рукою посла: онъ потребовалъ, чтобы ему подали особый платокъ, и только тогда, когда плотно обмоталъ имъ свою руку, осмѣлился слегка дотронуться до руки царской невѣсты... Да и что это была за ручка! Власьеву казалось, что она тотчасъ же, словно сахарная, растаетъ въ его горячей и потной ручищѣ.

Обрядъ обрученія кончился, и собраніе двинулось въ столовую залу къ обѣду. За московскимъ посломъ сорокъ царскихъ слугъ-дворянъ несли чуть ли не сорокъ сороковъ подарковъ отъ царя невѣстѣ и ея отцу. Что за подарки! Какое богатство золота и драгоцѣнностей! И все это ради вонъ того милаго, грустнаго личика дѣвушки, которую, видимо, тяготила эта показная обрядность и которой сердце, какъ неосторожно тронутая стрѣлка компаса, трепетно билось между нордомъ и зюдомъ, не зная, на чемъ остановиться... Но сѣверъ, суровый, непривѣтливый, тянулъ могучѣе юга, мягкаго, податливаго... Паны и панн ахаютъ надъ подарками, а она глянетъ на какую-нибудь рѣдкость, чудовищную драгоцѣнность, для нея предназначенную, глянетъ мелькомъ, зарумянится, потупитъ глаза и перенесетъ ихъ то на своего татка, то на Урсулу то на Власьева, котораго отъ этихъ добрыхъ, дѣтскихъ взглядовъ постоянно въ жаръ бросало... «Ужъ и буркалы жъ какія! Не даромъ завоевали московское царство буркалы эти дѣвичьи»...

Пріемъ подарковъ кончился. Собраніе—за обѣденными столами. На первомъ мѣстѣ король: вправо отъ него Марина; влѣво панна королевна и королевичъ Владиславъ. Напротивъ кардиналъ и папскій нунцій.

Власьевъ рядомъ съ Мариной. Но какого стоило труда по-

садить его рядомъ! Онъ шелъ къ своему почетному мѣсту словно на висѣлицу. Онъ упирался какъ волъ...

— Не пристало холопу сидѣть рядомъ съ царской невѣстой,—твердилъ онъ.

Но его усадили-таки. И зато какой трепетъ изображалъ онъ на своемъ плутоватомъ лицѣ, показывая, что боится, какъ бы ненарокомъ не прикоснуться свосю холопскою одеждою къ одеждѣ будущей царицы. Въ продолженіе безконечнаго обѣда онъ не прикоснулся ни къ одному блюду.

— Что значитъ, что господинъ посолъ ничего не кушаетъ?— спросилъ король чрезъ пана Войну.

— Не годится холопу ѣсть съ государями,—отвѣчалъ лукавый старикъ.

И Марина во весь обѣдъ ничего не кушала... Великая миссія ея уже начиналась: она уже страдала, не испробовавъ счастья. Она прощалась съ дѣтствомъ своимъ. Она становилась въ фокусѣ великаго, народнаго, государственнаго дѣла, и не могла не видѣть, что на нее уже обращены взоры половины вселенной. Охъ, страшно у горна кузницы, въ которой куется счастье и несчастье милліоновъ человѣческихъ жизней!.. «Мамо! мамо!» молится она своимъ дѣтскимъ сердцемъ къ матери; но матери нѣтъ у нея, она давно въ могилѣ.

А тутъ еще приходится танцовать послѣ обѣда съ королемъ, съ королевичемъ. Пиръ небывалый! Историческій полякъ собрался историческаго москаля «ошукаць»... И «ошукалъ» бы, если бы не...

Эхъ, Польша, старая Польша! Какъ хорошо жилось въ тебѣ, какъ весело проходился жизненный путь подъ звуки мазура, подъ звяканье бокаловъ стараго вепгржина! Но прошло это время, какъ все проходитъ на этомъ свѣтѣ...

— Марина,—говоритъ старый воевода, взявъ свою милую цуречку за руки,—иди сюда, пади къ погамъ его величества короля, государя нашего милостиваго, твоего благодѣтеля, и благодари его за великія благодѣянія.

Гордый король встаетъ при этихъ словахъ. Эта дѣвчонка, стоящая передъ нимъ съ смущенною потупленною головкой, въ нѣсколько минутъ выросла, доросла до царскаго величія.

Но дѣвочка все еще чувствуетъ себя дѣвченкой и падаетъ на колѣни, словно бы это была классная комната, а король—

пани Тарлова, ея бабушка и учительница, а дѣвчонка не приготовила урока.

Король, наклонившись, поднялъ съ полу дѣвочку, и снявъ передъ ней шапку, чего не дѣлалъ даже передъ царскимъ посломъ, сказалъ торжественно:

— Поздравляю тебя, Марина. То, чего ты удостоилась, дано тебѣ Богомъ для того, чтобы ты своего супруга, чудесно тебѣ отъ Бога дарованнаго, приводила къ сосѣдской любви и постоянной дружбѣ съ нами для блага нашего королевства, ибо если тамошніе люди прежде сохраняли согласіе и сосѣдственное дружество съ коронными землями, то тѣмъ болѣе теперь долженъ укрѣпиться союзъ пріязни и добраго сосѣдства. Не забывай, что ты воспитана въ королевствѣ польскомъ; здѣсь получила ты отъ Бога свое настоящее достоинство; здѣсь твои милые родители, твои кровные и друзья; сохраняй же миръ между обоими государствами и веди своего супруга къ тому, чтобъ онъ дружелюбіемъ и взаимнымъ доброжелательствомъ вознаградилъ отечество твоего родителя за то расположеніе, какое испытывалъ здѣсь. Слушайся приказаній и наставленій своихъ родителей, уважай ихъ, помни о Богѣ, живи въ страхѣ божіемъ, и будетъ божіе благословеніе надъ тобою и надъ твоимъ потомствомъ, если Богъ тебѣ даруетъ его, чего мы тебѣ желаемъ. Люби польскіе обычаи и старайся о сохраненіи дружелюбія и пріязни съ народомъ польскимъ.

Король перекрестилъ трепещущую дѣвочку, которая снова, точно ребенокъ, упала къ ногамъ Сигизмунда. Она рыдала, захлебываясь слезами.

Даже суровый Власьевъ не выдержалъ, у него на глазахъ показались слезы.

— «Ишь бѣднаго ребенка раскивиличи... Статочное ли дѣло говорить экому младенцу про великія государскія дѣла... Еще занеможетъ бѣдное дите, а съ меня взыщется»,—бормоталъ онъ себѣ подъ носъ.

XXI. Димитрій у Ксеніи и Ксенія у Димитрія.

Да, удивительная, непостижимая личность этотъ царь-бродяга, царь-проходимецъ, царь «непомнящій родства»!.. При всей своей кипучей дѣятельности, которой хватило бы на десять

человѣкъ, при всемъ разнообразіи развлеченій и удовольствій, на которыя также хватало и силъ, и времени у этого изумительнаго человѣка, у этого «бѣса», какимъ онъ послѣ показался москвичамъ, удовольствій, которымъ онъ, какъ и работамъ государственнымъ, отдавался со всѣмъ пыломъ молодости и со всею страстностью своей огненной, если можно такъ выразиться, тропической, африканской натуры, хотя его рыжеватость отрицала, кажется, въ его крови всякій намекъ на африканизмъ происхожденія, при всемъ этомъ непостижимое существо, носившее имя Димитрія, сильно скучало по своей возлюбленной, по Маринушкѣ Мнишковой. Это была первая любовь, первая любовь демона.

А между тѣмъ и послѣ обрученія Марина не ѣхала къ своему коронованному жениху-проходимцу. Старый Мнишекъ отчасти потому медлилъ пріѣздомъ въ Москву, что выжидалъ, насколько крѣпко усядется на тронѣ удивительный женишокъ его красавицы Марыни, а отчасти для того, чтобы побольше выдоить у него денегъ. А онъ доилъ его безсовѣстно! Онъ обиралъ и Власьева, который сыпалъ батюшкѣ своей будущей царицы золото просто лопатами словно просо; онъ обиралъ и московскихъ купцовъ, заѣзжавшихъ въ Польшу, набирая у нихъ всякихъ дорогихъ товаровъ на сотни тысячъ, и въ то же время жаловался будущему зятьку-царю, что онъ разорился на пиры для своей Марыни, для поддержанія гонору тестя, царя московскаго.

Съ другой стороны, хитрый воевода, желая еще дольше подоить московскую коровенку, послалъ Димитрію такую шпильку, которая попала въ самое сердце тому, кому предназначалась. Мнишекъ сообщилъ Димитрію въ одномъ письмѣ, что до него дошли невѣроятные слухи о томъ, якобы дочь Бориса Годунова, красавица Ксенія, «слишкомъ близка къ нему»... Старая лиса, спеціально поставлявшая своему королю любовницъ, вродѣ Барбары Гижанки, ходокъ насчетъ женскаго естества и профессоръ амурныхъ дѣлъ, Мнишекъ хорошо зналъ, съ этой спеціальной стороны, сердце человѣческое, не зная его совершенно съ другой, и ударомъ по столу заставилъ ножницы отозваться...

Дѣйствительно, старый воевода былъ правъ: между Димитріемъ и Ксеніею, какъ въ то время выражались русскіе люди, «доброе совершилось».. Какъ оно «совершилось», сами Димитрій и Ксенія не могли бы сказать; но оно совершилось...

Въ первые дни по вступленіи на престолъ, Димитрій, посѣщая московскіе соборы и монастыри, отправился молиться и въ Новодѣвичій. Послѣ службы онъ спросилъ настоятельницу, въ церкви ли находится Ксенія.

— Она моя племянница,—сказалъ онъ.—Хотя отецъ ея, Борисъ, и учинился измѣнникомъ мнѣ, великому государю, и за то погибе лютою смертію, токмо дочь его въ томъ неповинна... Я хочу видѣть царевну Аксинью. Здѣсь она?

— Нѣтъ, царь-государь,—отвѣчала игуменья, низко кланяясь.

— Какъ нѣтъ? Мнѣ доложили, якобы она въ Новодѣвичьемъ.

— Точно, государь, она въ нашей обители, но въ храмѣ ея попѣ не было.

— Чего для?

— Немощствуетъ она, великій государь.

Дѣйствительно, Ксеніи на этотъ разъ не было въ церкви. Узнавъ, что въ монастырь ожидаютъ царя, она сказалась больной и осталась въ своей кельѣ.

— Я хочу видѣть ее,—сказалъ Димитрій.—У нея никого не осталось кромѣ меня, она сиротка.

Игуменья тотчасъ же послала сказать Ксеніи, что къ ней идетъ царь... Вышедъ изъ церкви, Димитрій прямо направился въ келью сиротки, къ которой провела его сама настоятельница.

Онъ вошелъ въ келью одинъ, потому что никто не осмѣлился слѣдовать за нимъ безъ особаго приказанія. Первое, что онъ увидѣлъ, это мѣдное распятіе на черномъ аналоѣ и стоящую передъ нимъ на колѣняхъ женщину, всю въ черномъ. Видна была только часть бѣлой молочнаго цвѣта шеи и большущая черная коса, двумя трубами ниспадавшая до земли... Димитрію почему-то почудилось, что онъ видитъ затылокъ Марины, наклонившейся надъ гнѣздомъ горлинки...

Услышавъ шаги, Ксенія быстро поднялась съ колѣнъ и обернулась... Передъ глазами Димитрія на мгновеніе блеснуло что-то бѣлое, необычайное бѣлое и нѣжное, сверкнули какія-то искры, и странно! Темныя искры, словно изъ темнаго огня... и тотчасъ все исчезло... Дѣвушка упала ницъ передъ царемъ, передъ страшнымъ мстителемъ, отнявшимъ у нея отца, мать, брата, счастье...

— Здравствуй, царевна-племянница! — сказалъ Димитрій ласково.—Я пришелъ повидать тебя.

Голова дѣвушки лежала на полу и тихо билась о камень...

— Встань, царевна.

Въ отвѣтъ ни звука, только плечи вздрагиваютъ... Димитрій нагибается и осторожно беретъ дѣвушку за плечи...

— Встань, бѣдная сиротка... Встань, Аксиньюшка,—говоритъ онъ еще ласковѣе.—Я не царь тебѣ, я дядя твой.

Отъ полу поднялось скорбное, заплаканное лицо дѣвушки. Она стояла на колѣняхъ, сжавъ руки какъ передъ образомъ. Современный хронографъ, описывая необыкновенную красоту Ксеніи, прибавляетъ, что она особенно блистала этою ангельскою красотою, когда плакала... Димитрія поразила эта красота... Странно! Ему опять почудилось, что передъ нимъ Марина, но только больше теплоты и дѣтскости видѣлось на этомъ прекрасномъ, полномъ личикѣ, въ этихъ большихъ, робкихъ, младенчески чистыхъ глазахъ...

— Господь съ тобой!—сказалъ онъ какимъ-то упавшимъ голосомъ.—Прости меня... не отъ меня твое горе...

Онъ растерялся первый разъ въ жизни: въ голосѣ его звучала искренность и, трудно повѣрить! робость, робость въ человѣкѣ, который изъ-подъ забора шагнулъ на престолъ, съ одною клюкою калики перехожаго покорилъ царство!

— Аксиньюшка! Видитъ Богъ, я не хотѣлъ... То божій судъ... Его воля... Встань, родная!

Онъ нѣжно поднялъ ее съ колѣнъ. Она робко глянула ему въ глаза своими большими дѣтскими глазами и снова заплакала...

— Государь... прости меня... я, я...—И она закрыла лицо руками.

Димитрій чувствовалъ, что и у него слезы подступаютъ къ горлу.

— Нѣтъ, ты меня прости, голубушка, родная моя, Аксиньюшка...

И, нѣжно обхвативъ ея голову руками, онъ цѣловалъ ее въ темя, приговаривая: «Дитятко горькое, сиротинушка, дитя божье, одинокое... Нѣтъ, ты не будешь одна, я еще остался у тебя, у горькой, я дядя твой»...

Ксенія почувствовала, какъ на темя ея капаютъ теплыя

слезы... Это его слезы!.. Она снова опустилась на полъ и, поймавъ его руки, припала къ нимъ горячими губами... «Нѣтъ, это не разстрига... это дядя Митя... подлинно онъ», шепталось въ ея добромъ, растопленномъ слезами и лаской молодомъ сердцѣ... А онъ снова поднялъ ее, перекрестилъ какъ ребенка, еще перекрестилъ, и еще, и тихо поцѣловалъ въ лобъ.

— Государь, дядюшка... прости меня... я не знала...—И она опять цѣловала его руки.

— Сядь, родная, успокойся, поговоримъ съ тобой.

И онъ усадилъ ее на широкую лавку, покрытую чернымъ сукномъ, а самъ сѣлъ на деревянномъ, рѣзаномъ изъ цѣльнаго дуба сидѣньѣ, у стола, на которомъ лежала раскрытая, писанная уставомъ книга, а около нея полуисписанная тетрадка. Тутъ же стояла и большая, потемнѣвшая отъ времени мѣдная чернильница, на ручкахъ которой были такія же мѣдныя головки съ крылышками.

Димитрій обратилъ вниманіе на тетрадку.

— Это ты пишешь?—спросилъ онъ, разсматривая писанье.

— Я, государь,—отвѣчала дѣвушка, зарумянившись слегка.

— Какая-жъ ты искусница книжная... Уставомъ пишешь... А это противень?—спросилъ онъ, указавъ на раскрытую книгу.

— Противень, государь.

— И какая у тебя заставка вышла важная... Вязь зѣло мудренаго узору... И киноварь знатная,—говорилъ онъ, любуясь писаньемъ дѣвушки.—Кому это?

— Матушкѣ игуменьѣ, государь.

Димитрій ласково посмотрѣлъ въ добрые глаза дѣвушки и задумался. Ему видимо хотѣлось спросить ее о чемъ-то, но слово не шло изъ горла, тяжелое слово...

— Ты давно здѣсь, другъ мой Аксиньюшка?—нерѣшительно спросилъ онъ, разсматривая тетрадку.

— Со Предтечина дня, государь...

Нѣтъ, не шло изъ горла то слово... тяжелое слово...

— Тебѣ не слѣдъ здѣсь жить, Аксиньюшка... Ты не черница... Не радостна жизнь черницкая.

Ксенія молчала. Какая же у нея могла быть другая жизнь? Что у нея осталось? Дорогія могилы, но и онѣ заброшены, поруганы... Могила и ее ждетъ, могильная келья монастырская... И въ сердцѣ ея невольно запыла ея же собственная пѣсня:

Ино мнѣ постриччися не хочется;
Черпеческаго чина не сдержати,
Отворити будетъ темна келья,
На добрыхъ молодцовъ посмотрити...

— Я тебя возьму отсюда во дворъ... твой теремъ тебѣ и остался, въ немъ и будешь жить,—снова сказалъ Димитрій.

— Спасибо, государь... я не знаю... мнѣ...

— Что, мой другъ? Ты будешь не одна, всѣ твои подружки будутъ съ тобою. Мнѣ сказывали, у тебя въ приближеніи были Арина, князя Телятевскаго дочка, да Наталья Ростовская княжна Катырева, ихъ и возьми къ себѣ въ сѣнныя.

Ксенія вспомнила свой теремъ, своихъ подружекъ, и горькая пѣсня снова заныла въ сердцѣ:

Ино охте мнѣ молоды горевати,
Какъ мнѣ въ темну келью ступати...

Слезы опять брызнули изъ добрыхъ глазъ, бѣлая грудь ходенемъ заходила...

— Да Господь же съ тобой, родимушка моя! Почто убиваешься?.. По матушкѣ, по батюшкѣ? Охъ, бѣдная сиротинушка... Да не сироточка ты, я у тебя остался, лѣвынька милая...

И онъ тихо гладилъ ей голову, какъ маленькому ребенку, и, пригнувъ къ себѣ на грудь, нѣжно шепталъ: «Господь надъ тобой... Господь надъ тобой... Я тебя такъ не оставлю, дитятко горькое»...

А она, безсознательно отдавшись этимъ ласкамъ, смутно ощущала внутри себя что-то могучее, протестующее, и въ то же время всѣмъ тѣломъ чувствовала такую слабость, такую истому, что точно тѣло это все размякло, осунулось, и вся она какъ-то навалилась на Димитрія. Она испытывала какое-то смѣшанное ощущеніе: то ей чувствовалось, что это она на груди у матери, у брата Ѳеди, то нѣтъ, что-то не то, что-то болѣе томительное и ослабляющее... Не то сонъ клонитъ, голова сама валится съ плечъ, кружится... сердце не то остановилось, не то замерло, захлебнулось... это отъ слабости, отъ головокруженія... «Дядюшка... дядя»... шепчутъ губы.

— Родная моя, голубушка...

— Слава государю нашему Дмитрей Иванычу, слава!

— Матушкѣ его благовѣрной государынѣ царицѣ слава!

Димитрій опомнился... Это москвичи и подмосковники, узнавъ, что царь въ Новодѣвичьемъ, пришли поглазѣть на него и покричать. Къ тому же былъ праздникъ, такъ народу собралось видимо-невидимо... Очнулась и Ксенія: она освободилась изъ объятій своего новоявленнаго дядюшки и вся зардѣлась...

— Такъ я отдамъ приказъ, Аксиньюшка, чтобы тебѣ твой теремъ приготовили,—сказалъ онъ, оправившись отъ волненія.

— Спасибо, государь... Только мнѣ негоже въ міръ итти, не пристало.

— Для чего не пристало?

— Я сирота, государь, безродная.

— Не безродная ты, Аксиньюшка: мой родъ твой родъ.

— Митрей Иванычу слава!—ревѣли голоса.—Многая лѣта государю батюшкѣ!

Димитрій долженъ былъ выйти.

— Прощай, Аксиньюшка,—сказалъ онъ ласково и, положивъ обѣ руки на полныя, круглыя плечи дѣвушки, поцѣловалъ ее въ лобъ и перекрестилъ.—Будь здрава и помолись обо мнѣ... Готовься въ теремъ свой.

И онъ вышелъ... Ксенія едва могла прійти въ себя, такъ все это нечаянно случилось, что она даже не могла понять, что жъ это такое было... Она ожидала чего-то страшнаго чего-то такого, что вызывало въ ней ужасъ смерти и самыя мрачныя воспоминанія. Она и пришла въ ужасъ, когда вошло къ ней это ожидаемое, что-то такое, чего она не могла себѣ представить. И вдругъ, словно заколдованная голосомъ чудовища, она забыла все, растерялась... Это было не то, чего она ожидала, и это срѣзало всю ея молодую волю, которая налажена была на протестъ, на борьбу, на ненависть... Случилось совсѣмъ не то: этотъ ласковый голосъ, эти добрые, участные глаза, эти слезы, ласки, все это потянуло къ себѣ одинокую, истосковавшуюся дѣвушку, для которой міръ сталъ пустыней... Это точно Ѳедя приходилъ, такъ не страшно съ нимъ, онъ родной... то несчастье, страшное несчастье, отъ Бога, отъ его святой воли, а этотъ, что приходилъ, ни при чемъ тутъ—онъ добрый, онъ плакалъ...

А подъ окнами, въ оградѣ монастыря и за оградой, гулъ стоитъ... Это «ему» кричатъ, «его» славятъ... И Ксеніи вспоминается ея прошлое... «Такъ и батюшку славили, и Ѳедю, и меня»...

Она упала на колѣни и стала молиться...

. . . . . .

Прошло нѣсколько недѣль. Ксенія опять въ Кремлѣ, въ своемъ теремѣ... Это тотъ же теремъ, тѣ же стѣны, тѣ же переходы, но не то кругомъ, что было еще такъ недавно: эти «браные убрусы», эти «золоты ширинки», эти «яхонты сережки», о которыхъ она плакалась въ своей пѣснѣ, это все есть, но это не то... Не такъ стало и во дворѣ, въ царскихъ теремахъ, какъ было при батюшкѣ... Когда-то и при батюшкѣ было шумно, весело, но это было давно, когда она была еще маленькою царевною. А въ послѣднее время и при батюшкѣ, и при Ѳедѣ тихо, суморочно, печально было... А тамъ... О! Не дай Богъ и вспомнить!.. А теперь не то: все новыя лица кругомъ, эти казаки, литовцы, польскіе паны... и рѣчь-то не русская, незнакомая слышится... И шумно какъ, музыка разная, веселости всякія... И на Москвѣ шумно, то скоморохи по городу кричатъ, то домры и накры гудутъ, волынки воютъ, дѣйства всякія на улицахъ... Ахъ, еслибъ такъ при батюшкѣ съ матушкой было да при Ѳедѣ... А тогда и Ганушка, прыпецъ дацкой, живъ еще былъ, платьицо атласъ алъ, башмачки сафьянъ синь... Что это, лицо Ганушки совсѣмъ запамятовалось? Какое оно было? Только и помнится, что бѣленькое, да чулочки шолкъ алъ...

Она была одна въ своемъ теремѣ. Вечерѣло. И Оринушка Телятевская, и Наташа Ростовская пошли ко всенощной. Завтра, 24 іюля, память Борису, отцу Ксеніи, такъ и Оринушка и Наташа пошли помолиться, а завтра чтобъ панихиду отслужить по покойномъ Борисѣ. Самой-то Ксеніи горько и обидно выходить изъ терема и показываться въ церкви съ того дня, какъ народъ выволокъ ихъ всѣхъ, Годуновыхъ, изъ дворца и надругался надъ ними...

Душно. Она сняла съ себя лишнее одѣяніе и осталась въ одной кружевной сорочкѣ и бѣломъ шелковомъ сарафанѣ... Нѣтъ, все еще душно, головѣ жарко, это отъ косы—тяжела ужъ она невмочь, а особливо когда туго заплетена... Ксенія и косу расплела, такъ и укрылась вся косою словно буркою черною... Только и бѣлѣется низъ сарафана да часть сорочки на груди...

Она задумалась. Вспомнилось, какъ торжественно праздновались бывало именины ея батюшки царя... Она положила го-

лову на руки, припала къ окну, къ окопницѣ, да такъ и осталась...

Она не слыхала, какъ кто-то, тихо ступая по коврамъ, вошелъ къ ней и остановился. Это былъ царь. Догадавшись, что Ксенія опять плачетъ, онъ осторожно положилъ сй руку на голову... Дѣвушка встрепенулась...

— Ахъ, это ты, государь.

Она растерялась отъ неожиданности и смутилась, что ее застали не въ порядкѣ, съ распущенной косой...

— Ты опять въ слезахъ,—сказалъ Димитрій съ нѣжнымъ укоромъ.

— Прости, государь дядюшка... я... я вспомнила...

— Что ты вспомнила, Аксиньюшка?

— Охъ, прости, государь... Я батюшку вспомнила...

— Что жъ милая? Родителей и Богъ велитъ помнить и молиться о нихъ.

— Я молилась... Завтра батюшкова память, государь.

— А что завтра, другъ мой?

— Память святыхъ страстотерпцевъ россійскихъ князей Бориса и Глѣба, государь.

— Что-жъ ты одна? Гдѣ твои дѣвушки?

— У всенощного бдѣнія, государь.

— А ты для чего не пошла?

— Я... я боюсь, государь... Насъ тогда... изъ терема... ругались надъ нами...

Она не могла говорить дальше, слезы задушили ее, и она зарыдала... Димитрій бросился къ ней, схватилъ ее за руки, обнялъ и крѣпко притиснулъ къ себѣ, цѣлуя ея волосы, плечи, руки и безсвязно повторяя: «Полно... полно, мое солнышко... забудь старое... милая моя, родимая моя! Полно же надрываться... Аксиньюшка! Золото мое червонное... да полно же, свѣтикъ мой»...

И онъ цѣловалъ ее, припавъ на колѣни и путаясь головой въ ея волосахъ, снова вставалъ, цѣловалъ ея шею, глаза... А она точно обомлѣла... Она забыла все, что около нея, гдѣ она, что съ ней дѣлается... И руки упали, и голова валится съ плечъ, и сердце замерло... Ей казалось, какъ будто она сама вся умираетъ въ сладкихъ судорогахъ... Охъ, еслибъ умереть такъ... Что это? Она никогда этого не испытывала... Она не чувство-

вала, какъ заслонка ея сорочки выскочила изъ ворота и упала на полъ, какъ сорочка спустилась съ плечъ, съ груди, и какъ онъ припалъ горячимъ лицомъ къ ея жаркимъ, упругимъ сосцамъ...

— Милая, радость моя...

— Охъ... государь мой... дядюшка... дядя...

И руки ея сами собой распахнулись широко, широко... Она потянулась впередъ и, обхвативъ его голову, такъ и замерла... «Дядя... Митя... голубчикъ»...

Димитрій высвободился изъ ея объятій, блѣдный, дрожащій, растерянно обвелъ компату глазами и, схвативъ дѣвушку въ охапку, словно маленькаго ребенка, несмотря на массивность и полноту ея тѣла, прижалъ къ себѣ и, шатаясь, понесъ ее, самъ не зная куда... Ксенія тихо простонала и обвилась руками вокругъ его шеи...

— А мыши-то идутъ за гробомъ да горько-прегорько плачутъ...

А мышь татарская Оринка
Дудитъ на волынкѣ
А мышь изъ Рязани,
Въ синемъ сарафанѣ,
Идучи горько плачетъ,
А сама въ присядку пляшетъ...

Это бормотала дурка Анисьюшка, дворская потѣшница, которая была ко всѣмъ вхожа. Войдя въ рукодѣльную Ксеніи и не найдя въ ней никого, дурка, она была карлица, затопала по ковру маленькими ножками и снова забормотала: «Ахъ она стрекоза-егоза, дѣвка чернавка, на смѣхъ мнѣ сказала, что Оксиньюшка въ терему... Анъ ее нѣтути... Погоди ты у меня, коза, походитъ по тебѣ лоза»...

И она вышла на переходы, бормоча:

У дурки Онисьи
Шуба лисья,
Душегрѣя плисья...

XXII. Игра въ снѣжки. Горе «свистуну».

— Ужъ больно доберъ нашъ царь-отъ,—говорилъ Корела атаманъ, слѣдуя съ своимъ товарищемъ, атаманомъ Смагою, и съ донскими казаками за городъ, гдѣ Димитрій велѣлъ устроить

снѣжную и ледяную крѣпость, которую, ради упражненія людей въ воинскомъ дѣлѣ, нужно было брать штурмомъ.

— Чего не доберъ!—отвѣчалъ Смага, коренастый брюнетъ съ волосами вкружало и съ южнымъ типомъ лица.—А поди себѣ на бѣду.

— Да какъ не на бѣду! Уйму не знаютъ эти польскіе стрижи, всѣхъ задираютъ, никого знать не хотятъ, по церквамъ съ собаками ходятъ...

— Э! Се що!—вмѣшался Куцько запорожецъ, отрывая ледяныя сосульки съ своихъ черныхъ усищъ...—А ото у недилю, такъ вони на улици московокъ ловили та женихались зъ ними... Такъ просто оце за цицьку або тамъ за що друге ухопитъ московку, та й каже: «мы вамъ, ка, царя дали, такъ вы насъ, ка, вважайте, давайте все, що у васъ е»... А московки у слезы... Гай-гай! Пиднесутъ имъ скоро москали тертаго хрину.

— Да и поднесутъ,—замѣтилъ Корела.—Онамедни какой-то панишка Липскій наплевалъ въ бороду торговому человѣку Коневу и вылаялъ его матерно. Такъ московскіе люди зѣло зартачившись, сцапали этого панишку да и повели по улицамъ, а одинъ парень идетъ за имъ, да по московскому-то звычаю-обычаю кнутомъ его, да кнутомъ и подгоняетъ: «но-но, говоритъ, польская лошадка! не брыкайся»... Да какъ прогоняли этого панишку мимо посольскаго двора, и выскочи оттуда польскіе жолнеры съ саблями, ну, и пошелъ разговоръ: у москалей-то только кулаки да рукавицы, а у жолнеровъ-то—матки шаблюки... Ну, москалей-то и поцарапали, а которыхъ и совсѣмъ порѣшили: «Медвѣдей-де на рогатину да шкуру долой. Мы-ста и всю Москву, растакъ да переэдакъ, вверхъ тормашки поставимъ да и всѣхъ-де москалювъ пржеклентыхъ изведемъ начистоту»... Довели это до царя. Царь и говоритъ жолнерамъ: «Выдайте, говоритъ, паны, тѣхъ, которы моихъ москалей изобидѣли, а не выдадите, говоритъ, добромъ, такъ велю подвезти пушку да васъ всѣхъ отъ мала до велика, и съ гнѣздомъ-то вашимъ, испепелю». А поляки, знамо, посы задираютъ, вопсы закручиваютъ: «Такъ-то-де ты, царь, платишь намъ за нашу службу? Мы-де за тебя панскую кровь проливали. Ты-де насъ пушкой не запугаешь: пущай-де насъ побьютъ, а только-де помни, царь, что у насъ есть король и братья въ Польшѣ... Узнаютъ, такъ не похвалютъ тебя, а мы-де умремъ всѣ храбро... И что-жъ бы вы

думали? Еще онъ же и похвалилъ ихъ за храбрость: «молодцы-де, говоритъ, люблю!» А все-таки велѣлъ выдать зачинщиковъ да и посадилъ ихъ въ башню на корточки на цѣлыя сутки, такъ на корточкахъ и высидѣли, потому ежели который повернулся бы, такъ прямо бы на острые шпигорья и напоролся... Ну, а московскіе люди, знамо, сердятся за это на царя: выдалъ-де насъ всѣхъ ляхамъ и съ головою.

— О! Ляхъ се така птиця, що заразъ очи выдовба, тильки ій палець дай,—пояснилъ Куцько.—Пидведутъ вони царя.

— Да онъ самъ идетъ къ бѣдѣ,—прибавилъ Корела.—Ну Богъ его знаетъ, что за человѣкъ! Ничего и никого не боится. Теперь простилъ вотъ этихъ Шуйскихъ, что ему яму копали. У! Это такая семейка, эти Шуйскіе, такое зелье, а особливо старый Васька землепроходъ: и продастъ, и купитъ, и все въ барышахъ останется... Наварятъ они ему каши...

— Да и Годуновыхъ простилъ,—прибавилъ Смага.

— Годуновы что! Этотъ Ванька Годуновъ дуракъ дуракомъ, хоть онъ его и сдѣлалъ сибирскимъ воеводой.

— Гай-гай! Тутъ не безъ чего, тутъ дивчиною пахне,—лукаво замѣтилъ запорожецъ, у котораго всегда на умѣ было что-нибудь скоромное.

— Какою дивчиною?—спросилъ Корела.

— А Годунивна-жъ...

— Это Ксенія-то?

— Та вона-жъ... Дуже, кажуть, медомъ пахне, такъ москали и лизуть до неи... Онъ и Тренька Вашъ: съ самого Дону до неи прилитувъ, щобъ хочъ окомъ однимъ на те трубокосе диво подивиться.

— Такъ что жъ царь-то?

— Э! Що? И винъ, мабудь, живый чоловикъ, меду хоче.

— Мало у него!

— Овва! Якій медъ...

Въ это время впереди ихъ, на пригоркѣ, ясно обозначилось какое-то бѣлое чудовищное зданіе. Это была построенная по приказанію Димитрія потѣшная крѣпость: стѣны ея и бойницы сложены были изъ ледяныхъ глыбъ, и все остальное было изо льду и снѣгу, политаго водой и замороженнаго въ льдины. Зрѣлище было поразительное. Вся ледяная громадина сверкала брильянтами. Солнце, переломляясь въ ледяныхъ глы-

бахъ и отражаясь отъ снѣжныхъ, замороженныхъ крѣпостныхъ валовъ, блистало всѣми радужными цвѣтами. Въ амбразурахъ крѣпости поставлены были какія-то чудища, которыя изображали собою татарскую силу, этихъ чудовищъ Димитрій собирался громить, какъ опъ намѣренъ былъ разгромить и крымскую орду.

Надъ крѣпостью развѣвалось знамя: на бѣломъ полотнѣ красовался громадный красный полумѣсяцъ, а подъ нимъ поверженный и сломанный крестъ.

Московскія войска видиѣлись на стѣнахъ крѣпости и за валами. Они изображали собой татаръ, и они же должны были защищать крѣпость отъ царя, который командовалъ нѣмецкими ротами, польскими жолнерами, а равно донскими и запорожскими казаками. Крѣпостью же и ея войсками командовалъ князь Мстиславскій.

Москва, жадная до зрѣлищъ, привалила на это позорище. Тутъ толкались и галдѣли уже знакомыя намъ лица, и изъ Охотнаго ряда великанъ, и дѣтина изъ Обжорнаго ряду, и Теренька, все еще собирающійся жениться, и рыжій плотникъ пѣвунъ, и офеня...

— А что, Теренька, ужъ, вѣрно, твою свадьбу будемъ справлять разомъ?—задиралъ рыжій плотникъ.

— Съ кѣмъ разомъ-то?

— А съ царемъ... Онъ, чу, женится на полькѣ, такъ и тебѣ польку изъ Литвы привезутъ...

— А тебѣ, должно, съ Литвы гашникъ привезутъ... Ишь у тебя въ Угличѣ-то лопнулъ, какъ царевича зарѣзали,—отрызнулся Теренька.

— А ты мотри-мотри!—показывалъ дѣтина изъ Обжорнаго ряду на чудовищъ, поставленныхъ въ амбразурахъ.—Вотъ дива! Что оно такое есть?

— А бѣсы... Али ты не видишь, съ хвостами... ишь хвостищи-то какіе!

— Съ нами крестная сила! — ахаетъ баба съ горячими аладьями.

Въ это время показался царь. Онъ ѣхалъ на бѣломъ конѣ, въ сопровожденіи Басманова и другихъ начальниковъ.

— Буди здравъ! Слава!—закричали русскіе.

— Гохъ! Гохъ! Гроссеръ кейзеръ!—вопили нѣмцы.

— Нѣхъ жіе! Нѣхъ жіе!—вторили поляки.

— Ишь залаяли по-собачьи, вертоусы проклятые! — вставилъ свое слово Охотный рядъ.—Зудятъ у меня на васъ руки, погодите!

— Что-жъ, братцы, это нашихъ собираются бить?—любопытствовалъ Обжорный рядъ.

— Да вѣстимо насъ, дураковъ... Кто жъ насъ не бьетъ?—съ досадой проговорила однорядка.

— Попробуй!

А дѣло похоже было на то, что собирались бить русскихъ: такъ выходило по планамъ осады.

Царь повелъ свои отряды на приступъ. Битва должна была произойти на снѣжкахъ, по московскому обычаю. По первому сигналу на осажденныхъ посыпались тучи снѣжныхъ комьевъ. Но ужъ для кого снѣгъ оставляетъ родную стихію, какъ не для русскаго человѣка? На этотъ разъ осаждаемые отвѣтили такими снѣжными митральезами, что осаждающіе попятились назадъ. Многіе нѣмцы попадали. У иныхъ, и у нѣмцевъ, и у поляковъ, носы оказались разбитыми... Въ толпѣ послышался взрывъ хохота.

— Что взяли, вертоусы?—самодовольно замѣтилъ Охотный рядъ.

— Такъ ихъ, поджарыхъ!—подтвердилъ и Обжорный рядъ.

Басмановъ поскакалъ въ крѣпость для какихъ-то переговоровъ: онъ повезъ отъ царя приказаніе не очень упорно защищаться, чтобъ не вышло въ самомъ дѣлѣ драки. Мстиславскій долженъ былъ повиноваться и укротить воинственный пылъ стрѣльцовъ и другихъ ратныхъ людей.

Снова приступъ, снова тучи комьевъ... Осажденные подались... по приказу...

— Братцы! Нашихъ бьютъ!—завопилъ Охотный рядъ.

— Не давай, робята, нашихъ въ обиду!—оретъ Обжорный рядъ.

— Валяй ихъ, вертоусовъ латинскихъ!

— Нѣмцы, я видѣла, со снѣгомъ кампи метали,—вмѣшалась баба.

— Бей ихъ, гусынинныхъ дѣтей!—раздаются крики.

И многимъ гусынинымъ сынамъ досталось-таки отъ московскихъ снѣжковъ.

Какъ бы то ни было, крѣпость была взята нѣмцами, поляками и казаками. Такъ было угодно царю. Онъ поступилъ тутъ безтактно, не желая никого обидѣть и, напротивъ, желая сблизить русскій народъ съ иностранцами, онъ всѣ силы употреблялъ, чтобъ выставить напоказъ всѣ лучшія стороны послѣднихъ: но русскіе были обижены этой безтактностью юнаго пылкаго монарха, какъ онъ невольно обижалъ ихъ и въ другихъ случаяхъ: что для него казалось глупостью, предразсудкомъ, закоснѣлостью, то именно и было дорого москвичамъ...

Шуйскій все это видѣлъ и все взвѣшивалъ на своихъ аптекарскихъ вѣсахъ:.. Молодой, увлекающійся царь простилъ его, воротилъ изъ Вятки, куда онъ отвезенъ былъ прямо отъ плахи, съ Красной площади, и гдѣ пробылъ всего до октября; мало того, вѣруя въ честность и искренность людей, качества, которыми, къ удивленію, надѣлила природа этого неразгаданнаго человѣка необыкновенно щедро, качества истинно рыцарскія, положительно поражающія въ этомъ таинственномъ, точно съ неба свалившемся существѣ, вѣруя исключительно въ добрыя начала и великодушно прощая злыя, Димитрій возвратилъ Шуйскому все свое довѣріе.

И вотъ сидитъ этотъ убѣленный коварствомъ Васюта въ своихъ богатыхъ палатахъ, вечеромъ, послѣ взятія Димитріемъ ледяной крѣпости, и обводитъ своими лукавыми глазами собравшихся у него гостей. Тутъ и братцы его, Димитрій и Иванъ Шуйскіе, слабые копіи своего братца Васюты. Тутъ и Голицынъ князь Василій Васильевичъ, и Михайло Игнатьевичъ Татищевъ, и князь Куракинъ, и Гермогенъ казанскій. Тутъ и нѣкоторые изъ стрѣлецкихъ головъ, сотниковъ и пятидесятниковъ. Торчитъ и почтенная борода купчины Конева съ серьгой въ ухѣ.

— Что, Гриша, у тебя фонарь-отъ подъ глазомъ? Али не свѣтло нонѣ стало въ Москвѣ, что московскіе люди съ фонарями подъ глазами стали ходить?—ехидно обращается Васюта, къ сотнику стрѣлецкому, дворянину Григорію Валуеву.—Ишь фонарище какой...

— Да это литва проклятая,—нехотя отвѣчаетъ Валуевъ.

— Какъ литва, Гриша?—допытывается Васюта съ умысломъ, хотя знаетъ, въ чемъ дѣло.—Ноли ты напоролся на польскіе вопсы, ишь они у нихъ, словно поросячьи хвосты, винтомъ закручены.

— Это попѣ, какъ потѣшную крѣпость царь бралъ, такъ одинъ литовецъ угодилъ мнѣ камнемъ замѣсть снѣгу.

— И ты ему вонсы его не выдралъ?

— Царь не велѣлъ...

Такими и подобными шпильками Шуйскій подготовлялъ то, что ему нужно было.

— А ты, Ѳедоръ, почто бороду не сбрилъ послѣ польской харкотины?—шпигустъ онъ Конева.

— За что брить святой волосъ?—пробурчалъ Коневъ.

— А коли его опоганили?

— Ну, послѣ освятили...

— Какъ освятили?

— Знамо какъ, водой святой... Вить коли кошку дохлую али собаку вкинутъ въ колодецъ да тѣмъ его опоганятъ, такъ послѣ, вынявши падаль, снова крестятъ и святятъ колодецъ... Такъ и бороду мнѣ отецъ Терентій освятилъ и окропилъ.

— Такъ-то такъ,—продолжалъ Шуйскій.—А вотъ коли въ русскую землю, въ Москву матушку, въ сей кладезь православія, набросали падали, кошекъ да псовъ дохлыхъ, папежской да люторской ереси, такъ отъ этой падали ужъ не откропиться намъ, не очистишь землю россійскую... А кто причиной?

— Царь?—угрюмо отвѣчалъ Гермогенъ казанскій.

— Истинно глаголешь, отецъ святой,—поддакивалъ Васюта.—Да, отцы и братія,—наводилъ онъ на свое,—попуталъ насъ нечистый за грѣхи наши. Мы вонъ думали, что спасемся отъ Бориса, коли признаемъ царевичемъ розстригу. Онъ-де все жъ нашъ православной, знаетъ истовый крестъ и не дастъ въ обиду правой вѣры и обычаевъ нашихъ. Анъ мы и обманулись, обошелъ насъ еретикъ. Какой онъ царь? Какое въ немъ достоинство, коли онъ съ шутами-скоморохами да сопѣльщиками тѣшится, самъ аки Иродіада плясавица пляшетъ и хари надѣваетъ? Это не царь, а скоморохъ!

— Ужъ что и говорить, коли хари надѣваетъ,—спова вставилъ богословское замѣчаніе купчина.—За это на томъ свѣтѣ черти надѣнутъ на него огненную желѣзную харю...

— Жупеломъ его ерихонскимъ!—не утерпѣлъ и пятидесятникъ стрѣлецкій.

— Жупеломъ, точно жупеломъ,—подтвердилъ Шуйскій, подлаживаясь подъ стрѣльцовъ.—Онъ не русскій царь, а польскій:

больше любитъ иноземцевъ, чѣмъ русскихъ, о церкви божіей не радѣетъ, позволяетъ еретикамъ некрещеннымъ съ собаками въ церковь ходить, не соблюдаетъ постовъ, ходитъ въ иноземномъ платьѣ, обижаетъ духовный чинъ, посягаетъ, аки тать, на достояніе святыхъ монастырей... Вонъ арбатскихъ поповъ выгналъ на улицу, какъ непотребныхъ какихъ, а домы ихъ нѣмцамъ отдалъ. Чѣмъ эта нечисть лучше іереевъ божіихъ? А ему нелюбы они, потому водится съ латинами проклятами да съ люторами нехристями, пьетъ-ѣстъ съ ними изъ одной чашки, какъ песъ со свиніей, да еще теперево и женится на нечести, на еретичкѣ, на литовской дѣвкѣ Маришкѣ. Али это не безчестье всѣмъ нашихъ московскимъ дѣвицамъ? Али бы у насъ ему не нашлось изъ честнаго боярскаго дома невѣсты и породистѣе, и тѣломъ дебелѣе, и станомъ потолще, и лицомъ краше этой польской выхухоли? А что будетъ, какъ онъ женится на ней, на еретичкѣ! Польскій король Жигимонтишка станетъ помыкать нами аки своими холопями: мы попадемъ въ неволю къ литвѣ, а вонъ она, проклятая, какъ вонсы закренцила, какими велькими бутами по нашей землѣ стучитъ, «наша-де будетъ!» Теперь онъ хочетъ, въ угоду Жигимонту, воевать со свейскою землею, послалъ ужъ въ Новгородъ мосты мостить, да онъ же и крымскихъ татаръ задираетъ и съ турками воевать хочетъ. Такъ онъ насъ въ конецъ разоритъ. Наша кровь будетъ литься, наша казна ухнетъ, а ему что! Это не его, а наше. Доселѣ онъ въ Кіевѣ милостыней жилъ, подъ заборами спалъ, такъ ему не въ диковинку будетъ и всю Русь спустить. Это проходимецъ, бродяга непомнящій родства, овца безъ стада! А онъ у насъ царь! Срамъ, срамъ, срамъ! Мы скоро станемъ притчею во языцѣхъ... Царя изъ-подъ забора взяли! Да пусть и это не бѣда: изъ Руси матушки хоть жилы вымотай, а она все будетъ жить, двужильная... А вотъ вѣра-то святая погибнетъ, церкви въ костелы да въ капища перевернутся, вмѣсто іереевъ въ храмахъ латинскія собаки будутъ выть да скоморохи на сопѣляхъ да на гудкахъ играть станутъ... Вотъ оно, гдѣ горе-то великое. Оле, оле, окаяннымъ намъ!

Гермогенъ вскочилъ и застучилъ своимъ посохомъ такъ сильно, что Шуйскій струсилъ: ему почудилось, что это всталъ изъ гроба Грозный и застучалъ своимъ желѣзнымъ посохомъ... «Васютка Шуенинъ! Въ синодикъ хочешь!»

— Такъ прикажи, князь, мы изъ него самого битокъ сдѣласмъ,—лаконично заявляетъ Валуевъ съ фонаремъ подъ глазомъ.

— И этотъ самый битокъ собакамъ кинемъ,—добавляетъ голова стрѣлецкій.

— Ну, московскія православныя собаки сретичьяго-то мяса и ѣсть не станутъ,—поясняетъ купчина.

— Нѣтъ, отцы и братія, это дѣло надо сдѣлать подумавши и Богу помолившись,—снова начинаетъ Шуйскій.—Мы маленько посбождемъ, пускай колосъ созрѣетъ на нашей нивѣ, а мы тѣмъ временемъ серпы-то наточимъ да освятимъ ихъ, тогда и жать пойдемъ... Вотъ пущай пріѣдетъ его невѣста-еретичка да со всѣмъ своимъ выхухолевымъ гнѣздомъ, да батюшкой да съ матушкой, да со сродничками-то, пущай они привезутъ съ собой все злато и серебро и узорочье всякое, что имъ нашъ-отъ вѣнчанный бродяга надарилъ, да пущай запой свадебный сдѣлаютъ, да звоны всякіе по Москвѣ распустятъ, да вонсы задерутъ кверху, такъ тогда мы всю эту польскую выхухоль и накроемъ, да и шкурку съ нея сдеремъ: ихъ-то порѣшимъ, и казнѣ-то нашей будетъ прибыльнѣе... Вотъ какъ надо дѣлать, на чистоту!

— Ладно обождемъ,—соглашается стрѣлецкій голова.

— Эхъ, жаль! Руки-то зѣло чешутся на этого польскаго свистуна,—протестуетъ Валуевъ.

А «свистунъ», ничего не подозрѣвая, въ этотъ самый вечеръ о немъ же хлопочетъ, о Шуйскомъ. Узнавъ отъ него, что онъ потому не женился до пятидесяти четырехъ лѣтъ своей жизни, что дѣвушка, которую онъ любилъ, вышла замужъ за другого, за Бориса именно, а теперь-де за него, за стараго, никто не пойдетъ, энтузіастъ-свистунъ провѣдалъ, что у князя Буйносова-Ростовскаго есть хорошенькая дочка княжна Марьюшка, пріятельница Ксеніи, и тотчасъ же приступилъ къ сватовству.

— Такъ пойдешь за него, княжна Марьюшка?—допытываетъ ее добродушный царь свистунъ.—Князь Василій Шуйскій хорошій человѣкъ... Пойдешь, черноглазая вострука?

— Пойду, государь, коли батюшка съ матушкой благословятъ, да ты укажешь,—отвѣчаетъ, краснѣя какъ макъ, черноглазенькая и курносенькая Машенька Буйносова.

— Я не указываю, а совѣтую... Онъ хорошій человѣкъ...

А этотъ хорошій человѣкъ ножъ точитъ, да чтобы повострѣй былъ... Эхъ, горемычный царь-бродяга!..

XXIII. Телѣга съ стрѣлецкимъ мясомъ.

Надъ Москвою виситъ снѣжное, темное, мятельное, вѣтрами позѣвывающее ночное небо. Снѣгомъ посыпаетъ это хмурое небо и дома, и церкви, и площади, и улицы съ переулочками. Спитъ Москва; только изрѣдка, словно изъ боязни, потявкаетъ гдѣ-нибудь добросовѣстный песъ часовой и снова замолчитъ. Скоро уснулъ и позѣвывающій вѣтеръ, которому, казалось, скучно было дуть на сонный городъ, и онъ самъ прикурнулъ. Уснули и часовые, что оберегали дворецъ кремлевскій и тоскливо посматривали на окна терема, въ которыхъ еще блестѣлъ огонекъ.

Это теремъ Ксеніи. Тамъ не спятъ. Молоденькія, свѣженькія личики дѣвушекъ наклонены надъ ветхой харатьей-рукописью, пожелтѣвшей отъ времени, какъ желтѣетъ лицо старости. Какой контрастъ смерти и жизни! Эта ветхая харатья, на которой полууставомъ начертаны безсмертныя слова человѣка давно умершаго, и эти свѣжія, полныя жизни личики, которыя въ мертвой харатьѣ искали утѣшенія, отвѣта на ихъ вопросы жизни и смерти.

— Какъ же, голубушка царевна, ты сама прежде сего сказывала, что Даніилъ Заточникъ не похваляетъ монашеской жизни, а теперь что же?—слышится мелодичный голосъ княжны Буйносовой.

Ксенія молча перелистываетъ рукопись «Слово Даніила Заточника».

— Прочти то мѣсто, царевна, гдѣ онъ говоритъ о мертвецѣ на свиніи, о бѣсѣ на бабѣ,—слышится другой голосокъ, Орипушки Телятевской.

— Вотъ то мѣсто,—отвѣчаетъ Ксенія, останавливаясь на одной страницѣ,—«Или речеши, княже, постризися въ черницы? Не видалъ есми мертвеца на свиніяхъ ѣздячи, ни чорта на бабѣ, ни ѣдалъ есмь отъ ивія смоквы. Луче ми есть тако скончати животъ свой, нежели, воспріимши ангельскій образъ, Богу солгати. Лжи бо, рече, мірови, а не Богу: Богу нельзя лгати, ни великимъ играти. Мнози бо, отшедше міра сего, паки возвращаются, аки пси на свои блевотины, на мірское гоненіе, на

играніе бѣсомъ: бѣси бо ими играють, яко обѣшенными птицами. Мнози бо обходятъ села и домы сильныхъ міра сего, яко пси ласкосердіи: идѣ же обраци и пирове, ту черницы и черницы»...

— Такъ какъ же, голубушка царевна, ты пойдешь въ монастырь?—настаиваетъ княжна Буйносова.

— Да я не буду такою черницею, чтобы мною бѣсы играли, яко обѣшенною птицею,—грустно отвѣчаетъ Ксенія.—Я не возвращусь въ міръ, не солгу Богови...

— Какъ же ты сама-то пѣвала, голубушка:

Ино мнѣ постритчися не хочется,
Черпеческаго чину не здержати.
Отворити будетъ темна келья,
На добрыхъ молодцовъ посмотрити...

Ксенія молчитъ. Только листокъ «Слова» дрожитъ въ ея рукѣ... Буйносова не выдерживаетъ и обнимаетъ ее молча... Какое-то новое горе постигло эти молодыя существа, вѣроятно новое горе...

— И я за тобой постригусь, царевна, чего мнѣ ждать?— говоритъ княжна Телятевская въ грустномъ раздумьи.

Такой молодой, прекрасной, чего ждать? Да вѣдь и у нея есть прошлое съ его могильнымъ крестомъ... Ѳедя царевичъ... первый поцѣлуй надъ чертежомъ россійскаго государства...

— Такъ и я за тобой,—говоритъ и Наташа Катырева-Ростовская.

— И я,—шепчетъ и Марьюшка, княжна Буйносова-Ростовская, невѣста страшнаго Шуйскаго.

— Тебѣ нельзя, ты помолвлена,—возражаетъ Наташа.

Ксенія ихъ не слушаетъ... Она прислушивается къ чему-то другому, ей одной слышимому... Съ самыхъ страстотерпцевъ Бориса и Глѣба стали замѣчать, что съ Ксеніей что-то сдѣлалось, съ самаго кануна этого дня. Когда ея теремныя подружки Наташа, Оринушка и Марьюшка воротились отъ всенощной, они нашли ее какой-то задумчивою, какою-то необычною... Она цѣловала всѣхъ какъ-то особенно горячо и стыдливо, а потомъ плакала, а потомъ опять обнимала и цѣловала... Всѣ дни послѣ этого она какъ-то расцвѣла вся, что-то новое прибавилося въ ея красотѣ, въ движеніяхъ и особенно въ глазахъ: по временамъ по-

дружки ея видѣли въ этихъ глазахъ что-то новое, имъ незнакомое... Часто она молилась съ какою-то страстностью, плакала... А съ зимы, особенно съ рождественскихъ праздниковъ, стала она что-то задумываться, спадать съ лица... Подружки уже было думали, что она сглажена недобрымъ глазомъ, испорчена... А тамъ стала она поговаривать о монастырѣ, о смерти... Во снѣ иногда она, слышали дѣвушки, шептала, вся разметавшись: «дядя... Митя... голубчикъ мой...» А иногда тоскливо повторяла: «Ѣдетъ она... ѣдетъ еретичка... приворожила Митю... съѣстъ она его»...

Слова эти такъ и остались тайною Ксеніи и «дяди Мити»...

Спитъ Москва. Спятъ часовые. Не спятъ только дѣвушки въ теремѣ... Но вонъ еще кто-то не спитъ. По заднему дворцовому двору, вдоль ограды, тихо пробираются двѣ тѣни. Видно, что ночные посѣтители направляются къ терему, руководимые мерцающимъ въ окнахъ огонькомъ.

— Эчъ, не сплять ще дивчата, — шепчетъ высокая тѣнь своему товарищу, низенькой тѣни.

— Да не спятъ же, такъ и дурка Онисья сказывала.

— А воно жъ, Иродово цуциня старе, не зраде?

— Кто?

— Та дурка же, не обманé?

— Нѣтъ, что ты! Не впервой.

— То-то. А ще Тренька казавъ, що не вкраду трубокосу Оксану.

— Почто не выкрасть? За деньги и у чорта хвостъ украду...

— Та ты, бисивъ москаль, не кричи... Сторожа почуе.

— Не почуютъ, дурка ихъ до пьяна напоила.

— Отъ Иродове цуциня! Яке разумне.

— Только одно опаско...

— Що опаско?

— Да наши слѣды на снѣгу отыщутъ.

— Тютю, дурный! А я же тоби нови чоботы давъ... Хиба ты не бачивъ, що пидошвы ихъ задомъ напередъ пидбити: закаблуками, бачъ, идемо впередъ, а носки назадъ... Се мени Харько Цуцикъ таки пошивъ, отъ чоботы!

Они приблизились къ самому терему. Огибая уголъ терема, низенькая тѣнь замяукала кошкой и вдругъ попятилась назадъ...

Изъ-за угла выступило нѣсколько фигуръ человѣческихъ съ завязанными лицами...

— Кто тутъ?

Нѣтъ отвѣта... Вновь-пришедшіе нападаютъ на двухъ первыхъ... Слышится звяканье оружія... Кто-то вскрикиваетъ... Въ теремѣ движенье... огни... кто-то бѣжитъ по переходамъ...

Пафъ! Пафъ! Раздаются выстрѣлы со стороны часовыхъ. Поднимается шумъ, стукъ оружія, во дворцѣ просыпаются.

Ночныя тѣни и фигуры съ завязанными лицами исчезаютъ въ разныя мѣста, какъ привидѣнія... Слышенъ только говоръ дворцовой стражи, команда, крикъ, вопросы, отвѣты... Кого-то ищутъ, кого-то спрашиваютъ, кого-то ловятъ...

— Пымали хоть одного?

— Нѣтъ, проклятые, ушли... Это были бѣсы, а не люди...

Когда, при помощи фонарей, разсмотрѣли слѣды на снѣгу, то къ удивленію нашли, что два слѣда вели не то къ терему, не то отъ терема, и что особенно дивно было, такъ это то, что слѣды эти были какіе-то бѣсовскіе: видно, что слѣдъ къ терему велъ, судя по положенію ступней, а между тѣмъ, гдѣ должны были быть каблуки сапогъ, тамъ носки, а пятки впереди...

— Вѣстимо бѣсы,—порѣшилъ одинъ стрѣлецъ.

— Что ты! У нихъ, у бѣсовъ-то, курины ноги и куриный слѣдъ,—возражалъ другой.

— А ты видалъ нешто?

— Видалъ... Было дѣло...

— Ишь ты! И въ церкви черти съ копытцами писаны... У нихъ, значитъ, всякія ноги бываютъ... Это и былъ бѣсъ...

— Да, може бѣсъ Фармагей,—сказалъ Басмановъ, поглядывая на теремъ и что-то обдумывая.

Басмановъ, начавшій розыскъ, сразу увидѣлъ, что тутъ затѣвалось что-то двойное: одно, менѣе серьезное, съ участіемъ бѣса Фармагея, охотника до дѣвокъ и до женскаго естества, а другое—очень серьезное, мѣтившее на государственный переворотъ.

Оказалось, что заговоръ былъ на жизнь царя. Быть исполнителемъ замысла взялся Шерефединовъ, мастеръ своего дѣла, тотъ самый, который вмѣстѣ съ Молчановымъ и тремя стрѣльцами свелъ съ трона въ могилу молодого царя Годунова съ ма-

терью. Но тутъ дѣло не выгорѣло: заговорщики, пробравшись во дворецъ, столкнулись тамъ съ другими молодцами, которые охотились на менѣе крупнаго звѣря, на дѣвическую красоту... Запорожецъ Куцько еще на Дону забралъ себѣ въ упрямую хохлатую голову «або не бути, або трубокосу Оксану царевну добути»... Это былъ своего рода Гамлетъ, Гамлетъ-Куцько, который задался своимъ «быть или не быть» «або не бути, або дивчину добути»... Сговорившись съ однимъ московскимъ пройдохой, съ Васькой Мышинымъ Царемъ, отчаянная башка котораго способна была на все, Куцько задался безумнымъ планомъ: украсть Ксенію «або соби, або Треньци», котораго онъ очень полюбилъ... Но и это дѣло не выгорѣло...

— А, бисовы царевны! Легше кавуни на чужимъ баштани удень красти, нижъ оцихъ царевенъ у ночи,—жаловался онъ своему другу Треньци.

Шефединова искали, но онъ словно въ воду канулъ. Дурка Онисья даже увѣряла княженъ-боярышенъ, что его черти съ квасомъ съѣли...

— Была я въ ту пору, дѣвыньки-княжонушки, на переходахъ, не спалось мнѣ, старой крысѣ,—разсказывала она на другой день въ теремѣ Ксеніи.—Вотъ и смотрю я, дурка Онисья, душегрѣя плисья, на дворъ, смотрю и считаю я снѣжинки, что съ божьяго-то соболья рукава на землю сыплются... Считаю я, старая крыса, съ маковки лиса, и насчитала я, дѣвыньки-княжонушки, до тьма-темъ и до ворона я, дурка, насчитала... Коли и вижу идутъ два бѣса: головы рогаты, морды косматы, бороды козлины, буркалы совины, оба хвостаты, а руки когтяты... А ноги у нихъ, дѣвыньки-княжонушки, курины, да только въ сапогахъ, и ноги-то по-куриному пятками впередъ, а колѣнками назадъ, и назадъ-же сгибаются, аки у зайца... Я такъ и ахнула, старая дурка! Да коли гляжу, идутъ по двору, съ другого конца, аки человѣцы, токмо лицъ не видать... Идутъ къ царской палатѣ... А бѣсы-то какъ побѣгутъ за ними, да двухъ и схватили, и унесли... Одинъ-то и былъ, дѣвушки-княжонушки, Ондрейко Шелефединовъ, новокщенъ изъ татаръ... Его-то бѣсы съ квасомъ и съѣли, пока пѣтухи не запѣли...

По розыску Басманова открылось, что между стрѣльцами начался уже ропотъ, что были крикуны, которые называли царя

Разстригой. Семерыхъ такихъ крикуновъ взяли за приставы, и они повинились.

Это было ударомъ для Димитрія: великое зданіе, которое онъ созидалъ, съ самаго основанія начинала уже подтачивать червоточина... Вообще ему становилось подчасъ невыносимо тяжело. Но онъ продолжалъ оставаться неизмѣннымъ, онъ не ожесточался, а становился еще великодушнѣе: онъ думалъ побѣдить невѣдѣніе и просвѣтить человѣческую слѣпоту силою своего духа и тѣмъ свѣточемъ истиннаго счастья, которое онъ надѣялся дать своему народу... Удивительный мечтатель!.. Въ то же время его сокрушала перемѣна въ Ксеніи, ея тайная грусть, что-то тоскливое и тревожное въ ея еще недавно свѣтлыхъ, дѣтскихъ глазахъ... А она ему стала дорога, еще дороже послѣ рокового намека стараго Мнишка, что дѣвушка эта «слишкомъ близка къ нему»...

— Что же, государь, укажешь учинить виновнымъ, какую казнь?—спрашивалъ Басмановъ насчетъ семерыхъ уличенныхъ въ измѣнѣ стрѣльцовъ.

— Не знаю, Петръ,—отвѣчалъ Димитрій грустно, глядя на обручальное кольцо Марины, которое Власьевъ недавно прислалъ къ нему.—Хоть бы строку одну, хоть бы одно слово написала... гордая, проклятая полячка!—невольно сорвалось у него съ языка.

Басмановъ не зналъ, что ему дѣлать. Онъ видѣлъ, что царь груститъ: а развлечь его не умѣлъ...

— Укажешь, государь, имъ головы отрубить, или въ срубѣ сжечь, или, вырѣзавъ языки, колесовать, и тѣла ихъ на колеса положить? А можетъ повѣсить? Разстрѣлять? Въ землю зарыть живыми?—допытывался Басмановъ, желая развлечь молодого царя прелестями разныхъ казней.—А може собаками затравить, аки волковъ въ овчарнѣ?

— Не знаю, Петръ,—все тѣмъ же усталымъ голосомъ отвѣчалъ странный юноша.

— Что скажетъ о томъ твое государево сердце, царь, то и повели...

— Сердце... да, сердце... У царя не должно быть сердца!—какъ-то страстно сказалъ странный юноша.

— Истинно, государь... Писаніе глаголетъ: сердце царево въ рукѣ божіей,—извернулся Басмановъ.

— Нѣтъ, Петръ... У меня бы не должно быть со всѣмъ сердца. Сердце мое, это великое зло для страны и народа моего. Доброе сердце будетъ миловать и награждать не по дѣламъ и не по заслугамъ. Злое сердце—карать и мучить народъ безъ вины... Я жалѣю о родителѣ моемъ, блаженной памяти царѣ и великомъ князѣ Иванѣ Васильевичѣ всеа Русіи... у коего было сердце... У меня вмѣсто сердца должно бы быть всевѣдѣніе: только тогда я былъ бы истинный царь. А всевѣдѣніе—токмо у Бога.

Басмановъ поразили эти слова. Онъ не нашелся, что отвѣчать: онъ видѣлъ что-то необычайное.

— Я—не Богъ. Я никогда не буду судить моихъ поддапныхъ: пусть они сами себя судятъ... Отдай виновныхъ на судъ ихъ товарищей, созови стрѣльцовъ, и я къ нимъ выду,—сказалъ повелительно непостижимый юноша.

Басмановъ, низко поклонившись, вышелъ. Непостижимый юноша остался одинъ въ грустномъ раздумьи.

Онъ сильно топнулъ ногой и всталъ. Глаза его упали на теремъ Ксеніи... «Бѣдная, бѣдная... И ее велятъ мнѣ удалить... Велятъ! Мнѣ!.. О, шляхтичъ, попрошайка!.. Продалъ дочь, да еще и торгуется... Бѣдная Ксенія!.. Она сама хочетъ въ монастырь, она не та, что была, бѣдная! Она узнала объ этой шляхтянкѣ... Что же мнѣ дѣлать! И ту, проклятую, я люблю или ненавижу? Да, ненавижу, ненавижу! И для того хочу взглянуть въ ея змѣиныя очи. Бѣдная Ксенюшка, она не такая, голубица кроткая, плачущая»...

Вошелъ Басмановъ. Димитрій молча взглянулъ на него.

— Стрѣльцы тебя ждутъ на дворѣ, государь, — сказалъ Басмановъ.

Димитрій вышелъ на крыльцо, гдѣ уже находились Нагіе, Мстиславскій, поляки и нѣмцы алебардщики. Стрѣльцы безъ шапокъ и безоружные наполняли весь дворъ.

Увидавъ царя, стрѣльцы повалились на землю, головами кто прямо въ снѣгъ, кто на камень... Димитрій грустно посмотрѣлъ на эту новую мостовую изъ спинъ, головъ, черныхъ, и рыжихъ, и сѣдыхъ, изъ затылковъ и сапогъ... Мостовая усиленно дышала, боясь шевельнуться... Одного слова вонъ того рыженькаго паренька достаточно было, чтобы вся эта живая мостовая превра-

тилась въ безобразные трупы, чтобы кровью и мозгомъ головъ залитъ былъ весь дворъ съ его снѣгомъ и кампями... Не шевелятся широкія спины стрѣлецкія, не ворохнутся головы, припавшія къ землѣ, только дыханіе ихъ становится слышнѣе...

Но рыженькій паренекъ не сказалъ этого страшнаго слова...

— Умны!—сказалъ онъ съ улыбкой сожалѣнія.—Встаньте!

Стрѣльцы встали, такіе понурые, растрепанные, со свисшими на глаза волосами, не смѣя тряхнуть головами, по русской привычкѣ, чтобы эти всклокоченные волосы привести въ порядокъ... Ухъ, крикнетъ, крикнетъ рыженькій паренекъ...

Но рыженькій паренекъ не крикнулъ. Напротивъ, съ грустью и дрожью въ голосѣ, онъ сказалъ:

— Мнѣ жаль васъ, стрѣльцы. Жаль мнѣ, прискорбно, что грубы вы, аки невѣгласи, и нѣтъ въ васъ любви... Доколѣ вы будете заводить смуты и которы, доколѣ не престанете дѣлать лихо и бѣды землѣ своей? Она и безъ того лихолѣтствуетъ, что же! Хотите вы довести ее до конечнаго разодранія, аки ризу ветхую? Помяните измѣнниковъ Годуновыхъ, вспомните, какъ извели они изморомъ опальнымъ, ссылками и лютыми казнями знатные роды въ землѣ нашей и неправедно, аки воры похитили престолъ царскій. Какую кару земля понесла! Мало она стонала! Не всѣ слезы выплакала! Чтобы отереть слезы русскаго народа, меня сохранилъ Богъ, для васъ же, онъ избавилъ меня отъ смертоносныхъ казней, а вы же, несчастные, ищете погубить меня, спрашиваю я васъ? Вы говорите, я не истинный Димитрій... Такъ обличите меня, и тогда вы вольны лишить меня жизни... Мать моя и эти бояре свидѣтели, они знаютъ, кто я.

Онъ указалъ на Нагихъ, на Мстиславскаго, на Шуйскаго... Невинные глаза послѣдняго говорили: «Я чистъ, какъ младенецъ... Я самъ похоронилъ въ Угличѣ вмѣсто тебя поповича»...

Многіе изъ стрѣльцовъ плакали... Эти грубые пальцы словно обрубки, эти кулаки, словно гири, поднимались къ глазамъ и утирали слезы, можетъ быть, въ первый разъ въ жизни... Ухъ, легче голову съ плечъ, чѣмъ плакать стрѣльцу! Ишь, проклятыя слезы...

А рыженькій паренекъ продолжалъ:

— Ахъ, стрѣльцы, стрѣльцы! И какъ могло учиниться такое великое дѣло, чтобы кто ни на есть, не будучи истиннымъ царемъ, обовладѣлъ таковымъ могущественнымъ государствомъ

безъ воли народа? Самъ Богъ не допустилъ бы до этого. Я жизнь свою поставлялъ въ опасность не для корысти ради, не ради высокости своей, а чтобы избавить народъ мой любезный, упавшій въ нищету и неволю отъ руки измѣнниковъ... Перстъ божій призвалъ меня къ сему великому дѣланію. Его всемогущая десница помогла мнѣ овладѣть тѣмъ, что мнѣ принадлежитъ по праву моему, по роду отцовъ моихъ. Я васъ спрашиваю: по что вы умышляете на меня? Говорите прямо! Говорите мнѣ безо всякаго страху: за что вы меня не любите? Что я вамъ сдѣлалъ?

Глубокая, горькая искренность звучала въ голосѣ... Стрѣльцы рыдали, какъ дѣти: грубыя, жесткія, бородатыя, суровыя, но горько плачущія лица представляли умилительную картину.. Одного Шуйскаго злоба заставила побѣлѣть и позеленѣть.

Плачущіе бородачи снова повалились на землю... «Царь государь, смилуйся!» вопили они: «Мы ничего не вѣдаемъ... Покажи намъ тѣхъ, что насъ передъ тобой оговариваютъ!»...

— Покажи имъ,—обратился онъ къ Басманову.

По знаку Басманова, алебардщики вывели семерыхъ стрѣльцовъ, повинившихся въ измѣнѣ.

— Вотъ они, смотрите! — сказалъ Димитрій! — Они повинились въ винѣ и показываютъ, что вы всѣ зло мыслите на вашего государя.

Сказавъ это, онъ быстро ушелъ во дворецъ, бормоча въ волненіи: «Я не могу... у меня сердце есть... мнѣ жаль ихъ»...

За минуту плакавшіе стрѣльцы заревѣли, какъ звѣри, и кинулись на виновныхъ, кто съ крикомъ, кто съ воплемъ, кто съ визгомъ какимъ-то собачьимъ:

— Га, идолы! Вы остужаете насъ съ царемъ-батюшкой!

— Крамольники проклятые! Насъ топите!

Дворъ превратился въ кучу тѣлъ, метавшихся и напиравшихъ на одно мѣсто, взлѣзавшихъ другъ на друга... Виднѣлись только поднимаемые и опускаемые кулаки и глухіе удары... Били не оружіемъ, а просто руками, отрывая отъ несчастныхъ руки, ноги, головы и разрывая потомъ эти части руками и зубами... Изъ головъ выдавливали мозгъ каблуками, выматывали кишки и таскали по снѣгу, выковыривали глаза пальцами и глазныя яблоки разбивали объ ограду... Ярость была такъ велика, что стрѣлецъ Якупка, задушившій молодого Годунова, откусилъ у одного виновнаго ухо, когда голова была уже оторвана отъ

плечъ, и жевалъ это ухо, словно пельмень, рыча при этомъ: «А! Еще хруститъ проклятое... хрящъ... хрящъ»... На землѣ валялись куски мяса... Звѣри! Нѣтъ, хуже звѣрей, изобрѣтательнѣе ихъ, художественнѣе въ жестокости...

Черезъ нѣсколько минутъ изъ Кремля вывезли телѣгу, наполненную кусками стрѣлецкаго мяса.

На красной площади телѣгу обступила толпа плачущихъ и рвущихъ на себѣ волосы стрѣльчихъ, стрѣлецкихъ дѣтей и родственниковъ растерзанныхъ. А Якунька стрѣлецъ, сидя на облучкѣ телѣги, покрикиваетъ:

— Эй, тетки-молодки, бѣлыя лебедки! Идите, своихъ муженьковъ ищите, алы уста, брови соколины своихъ сударковъ распознавайте, слезами поливайте, а не найдете и такъ домой пойдете... Но-но-но! Пошевеливай...

XXIV. Тѣнь Грознаго надъ Москвой

Третьяго мая 1606 года, надъ Москою, на ясномъ голубомъ небѣ, остановилось и тихо колебалось небольшое, продолговатое, бѣлое облачко, не болѣе, какъ въ ростъ человѣка, да и своими очертаніями походило оно на человѣческую фигуру. Длинное, въ видѣ монашеской рясы, одѣяніе на длинномъ, тощемъ корпусѣ. Лицо у облачка поразительно похоже на сухощавое лицо человѣческое, съ сухимъ орлинымъ носомъ въ профиль, съ небольшою, словно выщипанною козлиною бородкою, на остромъ, выдавшемся впередъ подбородкѣ. Глубокія впадины для глазъ подъ нависшими, сдвинутыми бровями. На головѣ монашеская скуфейка, изъ-подъ которой выбиваются небольшія пряди жидкихъ волосъ. Въ рукѣ длинный заостренный посохъ.

Поражающее облачко!.. Шуйскій, случайно увидѣвъ его, остолбенѣлъ... То была на небѣ тѣнь Грознаго... Шуйскому чудилось даже, что тѣнь стучитъ по небу желѣзнымъ посохомъ и хрипитъ пропавшимъ отъ злобы голосомъ: «А! Васютка Шуенишъ! Въ синодикъ захотѣлъ!..»

Это была дѣйствительно тѣнь Грознаго... Вотъ уже двадцать третій годъ со дня смерти страшнаго царя тоскующая тѣнь его не знаетъ покоя. Тысячи, десятки, сотни тысячъ замученныхъ имъ, утопленныхъ, удушенныхъ, зарѣзанныхъ, повѣшенныхъ, сожженныхъ въ срубахъ, обезглавленныхъ, застрѣлен-

ныхъ, затравленныхъ собаками и медвѣдями, уморенныхъ голодомъ, замороженныхъ, отравленныхъ, напоенныхъ до смерти растопленныхъ оловомъ и иными безчисленными муками замученныхъ, попавшихъ и непопавшихъ въ его ужасный синодикъ, «ихъ же число и имена единъ Ты, Господи, вѣси», какъ онъ самъ же выразился въ этомъ историческомъ синодикѣ, всѣ эти жертвы его страстей и невѣдѣнія вотъ уже двадцать третій годъ не даютъ успокоенія сухимъ костямъ умершаго царя... И бродитъ его тѣнь по свѣту, кается, молится, плачетъ; босыми ногами исходила эта тѣнь царя, въ образѣ нищаго, весь шаръ земной, и въ особенности терлись, превратившіяся въ камень, крѣпости адамантовой подошвы Грознаго о землю святого града Іерусалима и всей Сиріи, Палестины и Іудеи; исходили эти адамантовыя подошвы всѣ тѣ пути и стези, по которымъ ходили босыя ноги Спасителя и Его учениковъ; исходили они и Аравію, взбирались на горы Хоривъ и Синай; исходили и землю египетскую, и Ѳиваиду, Киликію и Каппадокію, Мидію и Пафлагонію, и Месопотамію, и Грецію, и Македонію, и Италію, всѣ мѣста, грады и вѣси, по которымъ ходили ноги апостоловъ... Но въ Москву до сихъ поръ, со дня смерти, тѣнь Грознаго не рѣшалась явиться, чувствуя на себѣ неизглаголанную тяжесть грѣховъ и не смѣя взглянуть на родныя, дорогія мѣста, всѣ избрызганныя человѣческою кровью.

Неодолимая сила привела теперь эту тѣнь сюда, на русскую землю, и поставила надъ Москвою.

И видится Грозному Москва въ необычайномъ оживленіи... Та же да не та же она... Новые дворцы въ Кремлѣ, невиданные, а многихъ палатъ и слѣду не осталось... И лица все незнакомыя. Охъ, лучше бы въ могилу, да могила не принимаетъ....

И видятся Грозному необычайные шатры, разбитые подъ Москвою, на широкомъ лугу у Вязьмы, невиданные шатры, цѣлый Кремль изъ шатровъ, блистающихъ неизмечтанною красотою и пестротою. И высится надъ всѣми шатрами одинъ громадный и роскошный шатеръ, словно бы бѣлый лебедь промежь сѣренькими утятками, и обхватываютъ его, словно красныя дѣвицы и добрые молодцы, играющіе въ «заплетися, плетень, заплетися», другіе меньшіе шатры съ полотняною стѣною и полотняными на ней башнями.

Что-жъ это за шатры и для кого они? И что это за сотни и

тысячи народу, конные и пѣшіе, снующіе у шатровъ? И все это не русскіе люди, въ не русскомъ одѣяніи, съ не русскими обликами, и рѣчь слышится нерусская... А какой таборъ богатыхъ повозокъ, кибитокъ и роскошныхъ, разрисованныхъ яркими красками и украшенныхъ золотомъ и серебромъ колясокъ и каретъ, и все невиданнаго, не русскаго заморскаго дѣла и заморскаго виду! И валитъ къ тому необычному табору толпами изъ Москвы и окрестностей ея московскій народъ. И вокругъ табора стоятъ тысячи конниковъ въ богатыхъ кафтанахъ и съ блестящимъ оружіемъ. А музыка-то заливается, Господи! И бубны, и сурьмы, и домры, и накры, и литавры, и барабаны—тысячи голодныхъ волковъ, стаи собакъ и стада кошекъ не въ состояніи были бы заглушить этого рева, лая, воя и мяуканья, издаваемаго сурьмами, домрами, и накрами, имъ же нѣсть числа...

И мятется тѣнь Грознаго въ облачкѣ, на синевѣ московскаго неба; трепещетъ облачко словно бы живое...

И хлынули изъ Москвы вереницы всадниковъ, бояре и думные дворяне въ золотномъ платьѣ, обрызганномъ жемчугами и яхонтами, съ дорогими перевязями, на дорогихъ коняхъ въ дорогой сбруѣ, а за ними толпы холопей, изнаряженныхъ, изукрашенныхъ... И ѣдетъ еще невиданная на семъ свѣтѣ, уму непостижимая по великолѣпію царская каптана, запряженная десятью царскими аргамаками, бѣлые въ яблокахъ, лучшіе аргамаки, выхоленные на царскихъ кобыличьихъ конюшняхъ... И за каптаною ведутъ коня невиданнаго, золото на чепракѣ, золото на уздѣ, золото на нагрудникѣ, золото на наколѣнкахъ, золото стремена...

— «Куда везутъ мое добро? Кому ведутъ моихъ коней? Кому несутъ мое золото мои холопишки?» Мятется тѣнь Грознаго на синевѣ безоблачнаго неба московскаго.

«А! Ѳедька Мстиславской! Ѳедюшка-ротозѣй, холопишко!» узнаетъ тѣнь Грознаго своего бывшаго холопа, Мстиславскаго. «Это ты, воръ, тащишь мое добро»...

И облачко трепещетъ, такъ бы, кажется, и распалось дождемъ на измѣнниковъ.

Ѳедька Мстиславскій, сойдя съ коня и отдавъ его подъ уздцы холопу, почтительно входитъ въ самый большой шатеръ. За нимъ всѣ бояре и думные дворяне. Кто-жъ такой тамъ въ шатрѣ? Не царь ли? О, вѣстимо, царь... «Да кто теперь царь

на Москвѣ послѣ меня, Божіею милостью государя и великаго князя Ивана Васильевича всеа Русіи отъ востока и запада, сѣвера и юга? Кто-жъ другой, вѣстимо Ѳедька убогій, сынъ мой. А може Уарушка ужъ, Митя маленькой? Какой махонькой онъ былъ, какъ я въ Бозѣ почилъ... въ Бозѣ... охъ, тяжко это почиванье въ Бозѣ по грѣхомъ нашимъ»...

Кто же это выходитъ изъ шатра? Жена лѣпообразна... вся въ златѣ и каменьяхъ блистающихъ... въ бѣлыхъ ризахъ, аки одѣяніе ангела... черноволоса, черноглаза, бѣлолица... Точно моя Василиса Мелентьева, что зарѣзалъ я... Охъ, много я перерѣзалъ... Нѣтъ, это не Василисушка... Словно бы моя Марьюшка Темгрюковна... А словно бы и моя Машка Долгорукая, что утоплена мною... Кто-жъ это такая сія Лѣповида?..

И выходятъ изъ шатра большого и изъ шатровъ малыхъ другія жены, богато одѣтыя, и мужіе, златомъ и сребромъ окованы. О, какъ много народу, какъ много блеску! И Ѳедька Мстиславской выходитъ безъ шапки, и бояре, и думные дворяне безъ шапокъ, всѣ безъ шапокъ... «Словно бы это я самъ, царь Иванъ Васильевичъ, выходилъ... Ишь ты, какая Лѣповида, какъ важно глядитъ и никому не кланяется... фу ты, ну ты...»

И выходитъ изъ шатра ляхъ толстый, много ляховъ выходитъ. «Зачѣмъ ляхи въ моей землѣ? Вотъ я васъ, проклятые! Андрюшку Курбскаго схоронили отъ меня... я васъ всѣхъ клюкой желѣзной, идолы!»

И тѣнь Грознаго мечется въ облакѣ бѣломъ, дрожитъ, а на землю спуститься не можетъ, чтобы посохомъ всѣхъ, посохомъ!

Къ толстому ляху подводятъ богатырскаго коня, въ невиданной сбруѣ, и чепракъ, и весь наборъ горятъ червоннымъ золотомъ, каменьями и серебромъ подъ чернетью.

Ѳедька Мстиславской сажаетъ Лѣповиду и другую жену, изукрашенну, въ золотую каптану, везомую десятью лошадьми, бѣлыя въ яблокахъ. Что за кони! Что за каптана! А сколько сотъ другихъ каптанъ и колясокъ!

Поѣздъ двинулся къ Земляному городу... По обѣимъ сторонамъ пути стоятъ стрѣльцы пѣшіе, дьяволы усатые и бородатые, въ красныхъ сукошныхъ кафтанахъ, словно въ стихаряхъ, съ бѣлыми перевязями на груди, и держа длинныя ружья съ красными ложами... Словно макъ краснѣются кафтаны стрѣлецкіе... Дальше стоятъ, какъ статуи на копяхъ, конные стрѣльцы и дѣти

боярскіе, по одну сторону съ луками и стрѣлами, по другой—съ ружьями, и все это горитъ краснымъ цвѣтомъ и блеститъ сталью граненою, инда старымъ глазамъ Грознаго больно... «Мои стрѣльцы подлецы! Кому это служатъ они нонѣ?.. А дальше не мои ужъ, это польскіе гусары... У! Проклятые полячишки! Схоронили моего измѣнника Андрюшку Курбскаго... «Гусары на коняхъ съ пиками въ рукахъ, древка пикъ красныя, а около самыхъ копейныхъ лезвій бѣлыя перевязи вѣткомъ колышутся. А музыка-то музыка гремитъ и верещитъ! Трубятъ трубы на всѣ голоса, бьютъ литавры, словно бы хотѣли разрушить стѣны Іерихона... Но это не Іерихонъ, а Москва бѣлокаменная...

Невиданный поѣздъ вступаетъ въ Земляной городъ, Никитскими воротами вступаетъ въ Бѣлый, а тамъ въ Китай-городъ и черезъ Красную площадь въ Кремль.

Волшебный видъ! Тѣнь Грознаго такъ и замерла въ высотѣ, взирая на эту картину. Ему вспомнилось его собственное вшествіе въ Москву послѣ взятія Казани... «О, Господи! Какъ это давно было и какъ хорошо было тогда, Боже всесильный»...

Впередъ идутъ думные дворяне и дѣти боярскіе, и впереди всѣхъ Аѳанасій Власьевъ, великій дьякъ, да князь Василій Рубецъ-Мосальскій, да Михаило Нагой... Всѣхъ ихъ узналъ Грозный... «А! Офонько Власьевъ, продувная выжига, что ради моей царской чести ногами по аеру дрегалъ... И Васька Рубецъ тутъ, и Мишутка Нагой, сродничекъ моей восьмой жены законной Марьюшки Нагой... Охъ, лѣпа она была нагая, голенькая... Гдѣ-то она, Марьюшка, мотается теперь безъ меня?»..

За дѣтьми боярскими идутъ пѣшіе польскіе гайдуки, числомъ триста, съ ружьями за плечами и шаблюками при бокѣ. Голубые жупаны на нихъ словно цвѣтъ цикорія съ васильками въ полѣ, а серебряныя нашивки и бѣлыя перья на шапкахъ-магиркахъ словно снѣгъ съ кавыль-травою по васильковъ перекатываются... Идутъ они, въ барабаны бьютъ, на трубахъ выигрываютъ... Дальше ѣдутъ польскіе гусары, по десяти человѣкъ въ рядъ, на статныхъ венгерскихъ коняхъ... Что за дьяволы крылатые! За спинами у гусаръ крылья развѣваются, словно у птицъ, въ рукахъ у нихъ золоченые щиты съ драконами и поднятыя вверхъ копья съ бѣлыми и красными значками, точно змѣи, значки эти вьются въ воздухѣ и пугаютъ московскихъ голубей и галокъ...

— Батюшки-свѣты! — взвизгиваетъ баба въ толпѣ зрителей.—Да это бѣсы...

— Что ты, окаянная, орешь! Али у тебя повылазило?—осаживаетъ ее дѣтина изъ Обжорнаго.—Эти съ усами.

— А крылья-то у нихъ не видишь, несъ?

А за этими бѣсами съ усами и крыльями ведутъ подъ уздцы двѣнадцать породистыхъ коней, да такихъ коней, что ногами разговоры говорятъ, гривы бѣлыя, что дѣвичья коса...

А за этими двѣнадцатью конями паны ѣдутъ, князь Вишневецкій, панъ Тарло, панъ Стадницкій Марцинъ, панъ Стадницкій Андреашъ, панъ Стадницкій Матіашъ, панъ Любомирскій, панъ Немоевскій, паны Лавринны и другіе. Ужъ и что это за паны вельможные! Ужъ и что у нихъ за посадка молодецкая, ужъ и что у нихъ за вонсы закрепцоные, ужъ и что на нихъ за кунтуши за диковинные, что за кони подъ ними дивные? А около каждаго цѣлое стадо панковъ, полупанковъ, шляхетской ассистенціи, да все какъ одѣто, какъ изукрашено, какъ дорогимъ оружіемъ изнавѣшено! Эхъ, ты, Польша, Польша старая, вольная! Умѣла ты пожить, умѣла себя показать, да такъ казовымъ концомъ и въ могилу сошла...

А за этими панами и полупанками ѣдетъ самъ толстый ляхъ, панъ Мнишекъ, одинъ-одинешенекъ, словно вожакъ лебедь впереди стада лебединаго, позади стада сѣро-утинаго. Подъ паномъ Мнишкомъ конь, глядя на котораго, Грозный свою клюку желѣзную грызетъ со злобы-зависти. На папѣ Мнишкѣ малиновый кунтушъ, опушенный чернымъ соболемъ, которому и цѣны нѣтъ, а на шапкѣ перо птицы невиданной, птицы сиринъ, коей гласъ вельми силенъ, а хвостъ зѣло дивенъ. Шпоры и стремена у пана Мнишка золотыя съ бирюзою, хоть на шею царской дочери такъ впору.

А за паномъ Мнишкомъ идетъ муринъ, черный арапинъ въ турецкомъ одѣяніи...

— Батюшки-свѣты!—снова взвизгиваетъ баба.—Да это-жъ и есть тотъ еоіопляпинъ черный, что у Ипатушки иконника на страшномъ Судѣ самое царицу Апаоему, блудницу вавилонскую, за косы тащитъ.

— Врешь, царицу Каіафу, Пилатову жену-самарянку, — снова осаживаетъ бабу дѣтина изъ Обжорнаго.

А ужъ за чернымъ арапиномъ ѣдетъ въ дивной каптанѣ сама

царевна-несмѣяна, Лѣповида черноглазая, панна Марина. Батюшки-свѣты, что за каптана у нея! Вся красная, съ серебряными накладками, а колеса позолочены, видно всю жизнь этой каптанѣ съ Лѣповидою черноглазою суждено катиться по золоту. И внутри каптана обита краснымъ бархатомъ. Охъ, сколько красной кровушки прольется изъ-за той черноглазой, что сидитъ въ каптанѣ, на подушкахъ, по краямъ крупнымъ жемчугомъ унизанныхъ, въ бѣломъ атласномъ платьѣ, вся залитая, точно слезами крупными, драгоцѣнными каменьями и жемчугами. А противъ нея Урсула.

— Охъ, Марыню, царица! У меня голова кружится отъ всего, что я вижу,—тихо говоритъ Урсула.—Это какое-то сказочное, волшебное царство, а ты его царица. У тебя, Масю, не кружится голова отъ всего этого?

— Нѣтъ, не кружится,—отвѣчаетъ задумчиво Марина.

— О чемъ ты, Масю, думаешь? О женихѣ?

— Нѣтъ, о томъ гнѣздѣ горлинки, гдѣ...

Она не договорила... Она вздрогнула, и глаза ея какъ-то страшно расширились, она не сводила ихъ съ одного предмета... за окномъ каптаны...

У самой каптаны идутъ шесть холоповъ въ зеленыхъ кабатахъ и штанахъ и въ красныхъ внакидку плащахъ, а за ними, по обѣимъ же сторонамъ каптаны, московскіе нѣмцы алебардщики и московскіе стрѣльцы...

Маринѣ кажется, что изъ-за стрѣльцовъ глядитъ на нее знакомое лицо съ глубокими, неразгаданными глазами, то лицо, которое она видѣла, ровно годъ назадъ, въ Самборѣ, въ родномъ паркѣ, у гнѣзда горлинки... Да, это-то лицо, тѣ непостижимые глаза... но, Боже! Какъ измѣнилось это лицо: оно стало еще неразгаданнѣе, еще непостижимѣе... Марина не выдерживаетъ взгляда этихъ, какихъ-то нечеловѣческихъ, неизъяснимыхъ глазъ, и потупляетъ очи свои. Она чувствуетъ, что теперь и у нея начинаетъ кружиться голова... все кружится: люди, небо, весь міръ кружится...

Когда она снова подняла глаза, то лицо исчезло... торчатъ только бородатыя и усатыя головы стрѣльцовъ.

За каптаною Марины слѣдуетъ другая каптана, та, въ которой она выѣхала изъ своего родного, далекаго Самбора. Эту карету-каптану везутъ восемь лошадей бѣлой масти, бѣлой, какъ

дѣвическая совѣсть самой Марины. Эта карета снаружи обита малиновымъ бархатомъ, а внутри краснымъ златоглавомъ. Возницы тоже во всемъ красномъ, да и сбруя на лошадяхъ вся изъ краснаго бархата... Красное, вездѣ красное, какъ эмблема крови, и крупный жемчугъ, какъ напоминаніе крупныхъ слезъ... Но эта карета пустая: птичка, что въ ней сидѣла, выпорхнула въ другое гнѣздышко.

— Батюшки-свѣты! Какая она худенькая, худехонька да тонехонька, словно бѣлая березынька,—не вытерпливаетъ баба-визгунья.

— Тонехонька... не всѣмъ же быть бочками беременными, какъ ты,—снова осаживаетъ визгушу дѣтина изъ Обжорнаго.— Ишь, на пузѣ хоть горохъ молоти, кобыла жеребая!

— Молчи ты, охальникъ! Огурешна плѣснеть, кобылья ладонница, чортова перешница...

А поѣздъ все двигается... За красною каретою слѣдуетъ бѣлая съ серебромъ, а на возницахъ черные бархатные жупаны съ красными атласными ферезями внакидку: изъ кареты выглядываютъ пани Тарлова, княгиня Коширская, пани Гербутова и пани Казановская... А тамъ еще кареты и еще коляски, и все это бархатъ да золото, пурпуръ да атласъ да каменья, смѣсь крови и слезъ.

А народъ-то за ними валитъ, Господи! И конца краю ему нѣтъ и, кажется, не будетъ, какъ не будетъ конца торжеству Польши, которая, казалось, прибирала къ своимъ рукамъ Москву, богатую, но дикую, варварскую, чтобъ дать и ей свою волю, счастье, просвѣщеніе... Предвкушаетъ это великое торжество Польша, чувствуетъ роковой поворотъ историческаго колеса, и народнымъ гимномъ, подъ громы литавровъ и бубенъ, кричитъ до самаго неба:

W kazdym czasie,
Tak w szczensciu, jako i w nieszczensciu.

И содрогается на синевѣ неба тѣнь Грознаго отъ этого торжественнаго гимна... «О, кто же она, эта царица новая? Полячка! Еретичка! А кто же царь на моей Москвѣ? Гдѣ Оедька, гдѣ Митька царевичи? Али и ихъ ужъ нѣтъ? Али Андрюшка Курбскій сидитъ на моемъ престолѣ, держитъ мое скипетро, носитъ барму и шапку Мономахову на своей холопской головѣ? О!

Бѣсы, аспиды, василиски! Я васъ! Я опять приду къ вамъ, стерегитесь, стерегитесь, черви пресыкающіеся!»..

А звонъ-то колокольный! А крики народные! Осатанѣла Москва отъ безумія...

Поѣздъ останавливается въ Кремлѣ, у Вознесенскаго монастыря. И бѣлое, трепетное облачко виситъ надъ самымъ монастыремъ.

— Охъ, Господи! Что это такое? Владычица!—съ испугомъ говоритъ офеня иконникъ, поглядывая на небо и крестясь испуганно.

— Что ты? Чего испужался? — спрашиваетъ его Коневъ, стоя съ нимъ рядомъ въ толпѣ.

— Знаменіе Божіе, охъ, святители!

— Да гдѣ ты знаменье-то видишь?

— А вонъ на небѣ... во облацѣ... видишь?

— Вижу... Что-жъ тамъ?

— Да обликъ-то чей? Аль не видишь? Не познаешь?

— Не вижу облика... облачко махонькое...

— Охъ, не облачко... самъ царь покойникъ, грозенъ батюшка Иванъ Васильевичъ.

Коневъ всматривается. «А и впрямь онъ, родной... Ну, живехонекъ»... шепчетъ онъ съ испугомъ.

— Онъ, онъ, истинно онъ... это его душенька съ неба сошла поближе, поглядѣть на сынка-то, на молодого царя, на Митрей Иваныча, и благословить его.

— Полно, такъ ли?—недовѣрчиво замѣчаетъ Коневъ.

— Почто не такъ? Знамо, сынокъ-отъ посягаетъ въ бракъ, ну, батюшка-то родимый и хочетъ благословить.

— А клюки ноли не видишь? У его вонъ въ рукѣ-то клюка желѣзна, посохъ... А это не къ добру...

— Сохрани Богъ... отврати...

Марина выходитъ изъ каптаны, поддерживаемая отцомъ и Мстиславскимъ. Урсулу поддерживаетъ дьякъ Власьевъ... Марина всходитъ на ступеньки крыльца подъ звонъ всѣхъ московскихъ колоколовъ, окна монастырскія дрожатъ отъ этого звону, воздухъ содрагается, птицы мечутся въ испугѣ...

Изъ монастыря выходитъ мать-царица Марія, нынѣ старица

Марѳа, чтобъ принять свою дорогую невѣстушку... Что написано на лицѣ у старицы Марѳы, этого никто не прочитаетъ...

Бѣлое облачко такъ и затрепетало... «Охъ, это Марьюшка моя, царица Марья... Охъ, да какая же она стала старая, скверная... грибъ грибомъ... мухоморъ эдакой... Господи! А я-то какой... и костей поди не осталось во гробу... одна тлѣнь, мерзость запустѣнія да затхлость могильная... О, гдѣ же мое царское величіе, моя красота, младость моя?.. Отдайте мнѣ жизнью мою, пусть я буду смердомъ послѣднимъ, только бы жить, жить, жить!

И облачко распалось... Москвичи съ удивленіемъ посмотрѣли на небо, солнце горитъ, на небѣ ни облачка, а какъ будто дождикъ брызнулъ. Власьевъ схватился за лысину. Что за диво! Откуда это дождь, вотъ чудо невиданное»...

— Пропало облачко,—говоритъ офеня крестясь.

— Пропало, исчезе яко дымъ,—вторитъ Коневъ.

— Не дымъ, а слезою сошло на землю, на Русь святую...

— Къ худу, охъ, къ худу знаменіе сіе.

XXV. Смерть въ очи глянула.

Какъ ни было воображеніе Марины настроено на что-то необычайное, фантастическое, но то, что она видѣла въ теченіе послѣднихъ дней, особенно со вступленія въ Москву, этотъ какой-то сказочный міръ, эти богатства, какія-то подавляющія, гнетущія, все это въ какихъ-то невиданныхъ формахъ и въ размѣрахъ, какихъ представить себѣ нельзя было, эта поражающая громадность всего, начиная отъ колокола, который реветъ гдѣ-то надъ ея ухомъ и пугаетъ ее, и кончая золотой солонницей, величиною въ ведро, которую поднесли ей на хлѣбѣ, величиною съ колесо, эти стѣны, эти люди, это море головъ, колыхавшихся вокругъ нея, все это скомкало въ ни во что ея прежнія представленія, захлестнуло ее какимъ-то могучимъ валомъ и унесло въ невѣдомое море, разбило, утопило, разбросавъ въ стороны, какъ щепки, ея мысли, ея чувства... А о н ъ не потерялся въ этомъ омутѣ, о н ъ взялъ въ свои руки все, все это страшное царство, этихъ страшныхъ людей, и ее самое взялъ, ея душу, ея волю...

Но... и Марина почувствовала словно кусокъ льду у сердца... Онъ не только взялъ ее, Марину, но и т у... т у, невѣдомую ей, но

ненавистную... эту татарку... дочь этого царя татарина, царя-узурпатора, эту противную дочь Бориса... Онъ къ ней прикасался, къ этой татаркѣ, ее ласкалъ... Ксенія, какое холопское имя...

— Ахъ, Марыня, какъ долго онъ не является къ своей невѣстѣ съ утреннею визитою,—говоритъ Урсула на другой день утромъ, послѣ въѣзда Марины въ Москву.

Марина и ея свита почевали въ Вознесенскомъ монастырѣ, въ особо отведенныхъ имъ и богато убранныхъ покояхъ, рядомъ съ покоями царицы-матери.

— Панна цезарина и не ожидаетъ такъ рано его величество,—отвѣчаетъ за Марину пани Тарлова, старосцина сохачевская, догадывающаяся, что невѣстѣ что-то не по себѣ.—Панъ воевода говоритъ, что царь собирается принимать великихъ пословъ рѣчи посполитой и потому занятъ теперь государственными дѣлами.

— А все же! — возражаетъ нетерпѣливая Урсула. — Мы только вчера пріѣхали, а ужъ онъ забываетъ насъ.

— Онъ не въ Самборѣ, моя милая,—старается остановить болтунью пани Тарлова. Она видѣла, что разговоръ этотъ производитъ непріятное впечатлѣніе на Марину.—Отъ его воли зависитъ жизнь милліоновъ: онъ все самъ долженъ рѣшать въ такомъ громадномъ царствѣ.

Въ это время доложили, что отъ царя присланъ великій канцлеръ, дьякъ Аѳанасій Ивановичъ Власьевъ, видѣть ея высочество, панну цезарину, и узнать о ея здоровьѣ. Искры брызнули изъ глазъ Марины, и она потупилась.

Власьевъ вошелъ, низко поклонился Маринѣ и сказалъ:

— Наияснѣйшая и великая государыня цесаревна и великая княгиня Марина Юрьевна всеа Русіи! Наияснѣйшій и непобѣдимый самодержецъ великій государь Димитрій Ивановичъ, Божіею милостью цесарь и великій князь всеа Русіи указалъ спросить тебя о здоровьѣ и способно ли тебѣ будетъ принять великаго государя на пару словъ?

— Милостію Божіею я здорова и буду рада видѣть государя,—коротко отвѣчала Марина, скрывая блескъ глазъ.

Власьевъ вышелъ... Урсула не вытерпѣла и захлопала отъ радости въ ладоши, а пани Тарлова только покачала головою.—

«Мы должны оставить панну цезаревну», сказала она: «мы не смѣемъ здѣсь быть».

— Вотъ еще!—возражала Урсула.—Хоть бы въ щелочку посмотрѣть, какъ онъ будетъ объясняться въ любви... Ахъ, какъ смѣшно должно быть: въ коронѣ и на колѣняхъ!

Онѣ вышли. Марина осталась одна и нервно мяла въ рукахъ батистовый платокъ съ гербомъ Мнишковъ... Царь не заставилъ себя ждать. Онъ вошелъ быстро и на мгновенье остановился. Какъ ни коротко было это мгновенье, но Марина успѣла скользнуть своими глазами по его глазамъ, которые напомнили ей не тѣ глаза, что она видѣла когда-то у гнѣзда горлинки, а тѣ, что смотрѣли на нее вчера изъ-за головъ алебардщиковъ и стрѣльцовъ. Ее поразилъ и костюмъ царя: красный бархатный опашень, усаженный жемчугомъ и опушенный соболемъ; изъ-подъ опашня видѣнъ былъ край бархатнаго кафтана, тоже залитаго жемчугомъ, съ двуглавами орлами и коронами; въ рукѣ шапка съ перомъ и блестящей запоной; красные бархатные же сапоги звякаютъ золотыми подковками... Не онъ... не тотъ... хоть все онъ же, тотъ же...

— Панна Марина-цезарина! Я исполнилъ свое обѣщаніе, данное паннѣ у гнѣзда горлинки,—быстро проговорилъ онъ, подходя къ дѣвушкѣ.—Я добылъ престолъ моихъ предковъ моимъ мужествомъ... За панной цезариной очередь исполнить свое слово.

— И я свое исполнила, государь: я отдала вамъ свою руку,—отвѣчала Марина, не глядя на него.

Что-то такое звучало въ ея голосѣ, какъ будто что-то рѣжущее, холодное, и Димитрій невольно отшатнулся. Широкія ноздри его расширись, какъ бы силясь забрать въ грудь больше воздуха.

— Но, панна Марина, я имѣю, кажется, право надѣяться на большее?—сказалъ онъ сдержанно.

— На что же, государь?—былъ отвѣтъ.

— На сердце панны Марины.

— Руку мою, ваше величество, вы завоевали мужествомъ... Недостаточно одного мужества, чтобы побѣдить сердце женщины...

Словно гальваническій токъ прошелъ по тѣлу Димитрія. Перо

на шапкѣ, которую онъ держалъ лѣвою рукою, задрожало, токъ черезъ сердце прошелъ къ оконечностямъ...

— Что же для этого нужно, панна Марина?—спросилъ онъ еще болѣе сдержанно, еще тише.

— Сердце... такое же вѣрное, какъ то, которое ваше величество желали бы побѣдить.

— Такое сердце и бьется въ моей груди, панна цезарина.

— Сердце женщины, ваше величество, прозорливѣе ума и сердца мужчины и царя...

Она говорила все это ровно, словно отчеканивая каждое свое серебряное слово. Это была уже не дѣвочка, не та, что кормила горлинокъ рисовой кашкой... Это былъ какой-то мраморъ, отъ него и вѣяло холодомъ...

— Панна цезарина! Что съ вами? Я не понимаю васъ,— быстро заговорилъ Димитрій, стараясь взять дѣвушку за руку, которую она отвела въ сторону.

— Ваше величество! Можно управлять цѣлыми царствами, когда подданные вѣрны своему государю, но не такъ легко управлять сердцемъ женщины: тамъ подданные должны быть вѣрны государю, здѣсь государь долженъ быть вѣренъ (это слово Марина подчеркнула голосомъ) тому, кого онъ желаетъ имѣть своимъ подданнымъ, сердцу женщины и ей самой...

Димитрій догадался. Ему чувствовалось, что онъ краснѣетъ, краснѣетъ въ первый разъ въ жизни... «Ксенія... бѣдная... что-то она?»

— Панна Марина! На всѣ мои письма вы не удостоили меня ни однимъ словомъ отвѣта. Я тосковалъ по васъ... я гонца за гонцомъ гналъ съ письмами къ вамъ, для васъ я забывалъ управленіе моимъ государствомъ... а вы не вспомнили обо мнѣ ни разу...

— Вы этого не можете знать, ваше величество. Если бы я не помнила васъ, я не была бы здѣсь.

— Марина! Звѣзда моя!—заговорилъ онъ страстно.

— Ваше величество говорили мнѣ это и въ Самборѣ, въ паркѣ...

— Я повторяю.

— Ничто въ жизни не повторяется.

— Мраморъ, гранитъ, пень какой-то, а не дѣвушка! Нѣтъ, это укушеная женщина, укушеная за сердце...

— Марина! Царица моя! И это—первое свиданье послѣ цѣлаго года разлуки!.. Я не узнаю васъ!

— З а б ы л и... отвыкли.

Димитрій не выдержалъ. Онъ упалъ на колѣни такъ, что звякнули золотыя подковки. Шапка съ перомъ отлетѣла въ сторону.

— Марина! Жизнь моя! Сердце мое! Царство мое!—И онъ схватилъ ее за край платья, припалъ къ нему губами.—Ты моя! Я умру здѣсь...

— Встаньте, Димитрій, я еще не царица, — говорила дѣвушка нѣсколько уже ласковѣе, поднимая его.—Короноваиной головѣ неприлично быть у ногъ простой дѣвушки.

Онъ хотѣлъ обнять ее, она отстранилась.

— О, гордая полячка! Ты не хочешь дать мнѣ поцѣлуя...

— Царь можетъ получить его только отъ царицы... Не забывайте, что я должна быть «женою Цезаря!»

Димитрій былъ окончательно ошеломленъ: Марина взяла его руку и поцѣловала!

— А теперь до свиданья, ваше величество. Я иду къ тому, кто выше васъ, кто далъ вамъ корону: я иду молитися ему о вашемъ здоровьѣ.

И она вышла.

. . . . . .

Заряженнымъ сидитъ Димитрій на тронѣ въ золотой палатѣ послѣ перваго свиданья съ Мариной... «А! Гордые полячишки! Я осажу васъ... я собью съ васъ гоноръ... вы у меня и е е подстроили, такъ я покажу вамъ себя!»

Обаятеленъ видъ неразгаданнаго проходимца на тронѣ... Тронъ, весь изъ чеканеннаго серебра, точно окладъ на гигантскомъ образѣ, такъ и отливаетъ блестящимъ инеемъ. Надъ тропомъ балдахинъ изъ четырехъ громадныхъ щитовъ, такихъ же блестящихъ, расположенныхъ въ видѣ креста. На щитахъ золотой шаръ, а на немъ двуглавый орелъ, золотыми когтями впившійся въ этотъ золотой арбузъ-державу и разинувшій два золотыхъ рта съ золотыми языками и съ золотыми коронами на обѣихъ головахъ, такъ, кажется, и готовъ броситься на враговъ русской земли, заклевать ихъ золотыми клювами, разстерзать золотыми когтями... Надъ спинкой трона икона Богородицы въ кованномъ золотомъ окладѣ, испещренномъ дорогими камнями.

Балдахинъ поддерживается колоннами, какъ сѣнь надъ церковнымъ алтаремъ, а отъ щитовъ спадаютъ внизъ змѣи-пити изъ жемчуга и драгоцѣнныхъ камней, и все это массивно, тяжело, величественно: виднѣются алмазы въ грецкій орѣхъ! У колоннъ два гигантскихъ, серебряныхъ, до половины вызолоченныхъ льва, они держатъ золоченые на серебряныхъ ногахъ подсвѣчники, а на подсвѣчникахъ грифы: одинъ держитъ кубокъ, другой мечъ. Миръ и война, жизнь и смерть, пиръ и разрушеніе.

По сторонамъ трона стоятъ четверо рындъ, неподвижны, какъ мраморныя статуи, и только молодыя, почти дѣтскія лица, и живые глаза изобличаютъ, что это живые люди, царскіе тѣлохранители: рынды въ высокихъ мѣховыхъ шапкахъ, въ длинныхъ бѣлыхъ одеждахъ и бѣлыхъ сапогахъ, со стальными блестящими бердышами въ рукахъ. Плечи и груди ихъ крестообразно обвиваются золотыми цѣпями.

По лѣвую сторону царя стоитъ великій мечникъ, юный князь Михайло Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій. На немъ кафтанъ темнокаштановаго цвѣта съ золотыми цвѣтами, подбитый золотомъ. Въ обѣихъ рукахъ обнаженный царскій мечъ съ богатѣйшею рукоятью, на которой блеститъ золотой крестъ. Крестъ и ножъ, какъ это совмѣстимо!.. Но такъ должно быть... Тутъ же стоитъ молодой стряпчій, Власьевъ, сынъ великаго дипломата, дрегавшаго по аеру ногами ради его, государевой, чести и славы. Власьевъ держитъ царскій платокъ, ради его, государевой, нужды...

Самъ царь одѣтъ въ бѣлыя ризы, сверху донизу залитыя жемчугами и чудовищными камнями. На шеѣ отложное ожерелье, унизанное алмазами и рубинами, такъ и ломитъ, кажется, молодую, здоровую шею проходимца. На груди у проходимца, большой яхонтовый крестъ на кованой золотой цѣпи. Въ правой рукѣ проходимца скипетръ «скифетро» дрожитъ оно немножко, заряженъ проходимецъ... На круглой головѣ проходимца плотно сидитъ массивный царскій вѣнецъ... О, проходимецъ! Проходимецъ! Какая мать тебя выродила, на чьихъ грудяхъ вспоилось такое удивительное дѣтище?.. Молодое лицо подергивается. Глаза немножко стоячіе,словно бы остеклѣли... Настоящая икона въ ризѣ, а не человѣкъ... Нѣтъ, не икона: словно бы отъ нетерпѣнія онъ поперемѣнно беретъ въ правую, бѣлую съ веснушками руку то «скифетро», то государственное «яблоко» съ крестомъ,

державу... Цѣлое царство въ рукѣ, и онъ, подержавъ его, нетерпѣливо передаетъ въ руки Шуйскому, страшному Шуйскому, Василью, который стоитъ, аки агнецъ кроткій. Это не тотъ Димитрій, что сейчасъ только ползалъ у ногъ дѣвушки... О, дѣвичьи ноги! Чья голова не склонялась передъ вами?

Въ правую сторону отъ Димитрія сидитъ освященный соборъ весь: патріархъ Игнатій, посаженный этимъ мальчишкой на патріаршій престолъ вмѣсто старика Іова, возсѣдаетъ на чернобархатномъ тронѣ, и самъ въ чернобархатной рясѣ, по разрѣзу и по подолу усыпанной въ добрую ладонь шириною жемчугами бурмицкими и камнями самоцвѣтными, какъ огонь горятъ они на черномъ бархатѣ. Въ правой рукѣ святителя посохъ высокій съ золотыми зміями на верхушкѣ и съ крестомъ. Передъ нимъ рясофорецъ держитъ массивное серебряное блюдо, а на блюдѣ золотой крестъ съ мощами и камнями и серебряный сосудъ съ святою водою и кропиломъ въ золотой рукояткѣ... Дальше святые отца: епископы, архіепископы, митрополиты... Сколько золота на ризахъ, сколько серебра въ бородахъ, сколько кротости и благочестія на лицахъ, сколько лукавства въ сердцахъ!.. А тамъ снова золото и серебро, да сѣдыя бороды, да лукавыя головы, бояре, окольничьи да думные дворяне.

Въ золотую палату, въ это сонмище бояръ входятъ польскіе послы. Ихъ вводитъ окольничій Григорій Микулинъ, русая борода, рысьи глаза, медовыя уста... Послы низко кланяются.

— Его королевскаго польскаго величества великіе послы панъ Александръ Корвинъ-Гонсѣвскій челомъ бьютъ великому государю Димитрію Ивановичу, цесарю, великому князю всея Русіи и всѣхъ татарскихъ царствъ и иныхъ подчиненныхъ московскому царству государствъ государю, царю и обладателю,— возглашаетъ Микулинъ, медовыя уста.

Димитрій не шелохнется, только глаза изобличаютъ, что это не икона въ окладѣ... Впередъ выступаетъ Олесницкій.

— Его королевское величество, государь мой и повелитель, Сигизмундъ, Божіею милостью король польскій и иныхъ, посылаетъ поздравленіе, изъявляетъ братскую любовь и желаетъ всякаго счастія великому князю московскому...

«Великому князю... только!» Молнія пробѣгаетъ по стоячимъ глазамъ проходимца, онъ приподнимается на тронѣ, вскидываетъ нетерпѣливо вверхъ глазами, и Шуйскій снимаетъ съ его головы

корону... Старый Шуйскій знаетъ, что это значитъ: обожженный царь хочетъ самъ говорить, вступить въ преніе съ послами, осадить ихъ, а въ коронѣ ему говорить нельзя...

Пока Олесницкій говорилъ дальше, Димитрій лихорадочно брался то за державу-яблоко, то за скипетръ, такъ что Шуйскій не успѣвалъ подавать ему и то и другое... «А, обожгли, обожгли молодца», злорадно думала старая лиса съ лицомъ агнца пасхальнаго.

Олесницкій кончилъ и подалъ старику Власьеву грамоту... О! Не провести этого продувного старика: онъ видитъ подпись на грамотѣ «описка въ титулѣ... не весь титулъ»... Подходитъ къ царю и показываетъ эту надпись царю, не распечатывая пакета. Снова молнія въ глазахъ проходимца. Онъ отворачивается отъ грамоты, и Власьевъ уже знаетъ, что ему дѣлать.

— Николай и Александръ, послы отъ его величества Жигимонта короля польскаго и великаго князя литовскаго къ его величеству непобѣдимому самодержцу!—громко, отчетливо возглашаетъ онъ.—Вы вручили намъ грамоту, на которой нѣтъ цесарскаго величества... Эта грамота писана отъ его величества короля Жигимонта къ какому-то князю всея Русіи. Его величество есть цесарь на своихъ государствахъ, и вы везите эту грамоту назадъ и отдайте его величеству королю Жигимонту обратно.

«Яблоко» и «скифетро» такъ и ходятъ то къ проходимцу, то къ Шуйскому... быть бурѣ!

— Я принимаю съ должнымъ почтеніемъ грамоту въ томъ видѣ, въ какомъ далъ ее въ руки Аѳанасья Ивановича, и возвращу ее королю, которымъ ваше величество пренебрегаете, отказываясь принять его грамоту, — гордо отвѣчалъ Олесницкій.—Это первый случай во всемъ христіанскомъ мірѣ, чтобъ монархъ не оказалъ справедливаго уваженія королевскому титулу, признаваемому много столѣтій всѣми государствами свѣта, и не принялъ королевской грамоты. Ваше господарское величество не воздаете должнаго его величеству королю и рѣчи посполитой, сидя на томъ престолѣ, на которомъ вы посажены, при дивномъ содѣйствіи Божіемъ, милостію польскаго короля и помощью польскаго народа. Ваше господарское величество слишкомъ скоро забыли эти благодѣянія и оскорбляете не только его королевское величество, всю рѣчь посполитую и насъ, пословъ его величества, но и тѣхъ честныхъ поляковъ, которые стоятъ

предъ лицомъ вашего величества, и все отечество наше. Мы не станемъ далѣе излагать цѣли нашего посольства и просимъ приказать проводить насъ къ нашему помѣщенію.

Яхонтовый крестъ на груди царя усиленно поднимался и опускался. Грудь дышала тяжело, воздуху не хватало... обида... не полный титулъ... попрекъ... А давно ли подъ заборами ходилъ?.. О! Это такъ скоро забывается...

Нѣтъ, не вытерпѣлъ! Заговорила живая икона.

— Неприлично монархамъ, сидя на тронѣ, вступать въ разговоры съ послами,—заговорила икона на тронѣ.—Но насъ приводитъ къ тому уменьшеніе титуловъ нашихъ со стороны польскаго короля... Объявляю и повторяю: мы не князь, не господарь, не царь! Мы—императоръ и цесарь на своихъ пространныхъ государствахъ! Мы приняли этотъ титулъ отъ самаго Бога и пользуемся имъ не на словахъ, какъ нѣкоторые дѣлаютъ (о! поляки поняли, куда послалъ ударъ), а на самомъ дѣлѣ... Ни ассирійскіе, ни мидійскіе монархи, ни римскіе цезари не имѣли болѣе справедливаго права на свой титулъ, какъ мы. Не только мы не были княземъ, либо господаремъ, но, по милости Божіей, имѣемъ подъ собою, у стремени нашего, служащихъ намъ князей, господарей и даже царей. Нѣтъ намъ равнаго въ краяхъ полуночныхъ. Здѣсь нами повелѣваетъ одинъ Богъ. И мы сами такъ себя именуемъ, и всѣ монархи, и императоры писали къ намъ съ такимъ титуломъ, только его величество, король Жигимонтъ, умаляетъ нашу честь. Мы не потерпимъ этого! Свидѣтельствуемся Богомъ, что не отъ насъ, а отъ вины польскаго короля можетъ возникнуть вражда и кровопролитіе между нами. Помните это!

Послы отстаиваютъ своего короля, говорятъ, что причиной кровопролитья будетъ не онъ. Димитрій ссылается на титулы прежнихъ царей московскихъ, видитъ оскорбленіе себѣ въ уменьшеніи титула. «Нѣтъ моего полнаго титула на грамотѣ, не возьму ее!»

Послы хотятъ откланиваться. Димитрій опять не выдерживаетъ, онъ еще не разрядился.

— Панъ староста малогосскій!—возвышаетъ онъ голосъ.—Я помню доброжелательство ваше ко мнѣ въ земляхъ его королевскаго величества, государя вашего. Вы оказывали расположеніе ко мнѣ... Потому не какъ послу а какъ пашему пріятелю

я желаю оказать вамъ честь въ моемъ государствѣ: подойдите къ рукѣ моей не какъ посолъ!

И онъ протягиваетъ свою царственную руку. Олесницкій отказывается подойти «не какъ посолъ».

— Подойдите, панъ малогосскій!—возвышается голосъ съ трона.

— Я не могу этого сдѣлать,—отвѣчаетъ упрямый ляхъ.

«Га! И здѣсь упрямство!.. И здѣсь проклятая польская гордость, какъ и т а м ъ»...

— Подойдите какъ посолъ!—кричатъ съ трона, такъ что вся зала вздрагиваетъ, и святые отцы въ душѣ крестятся, и даже Шуйскому показалось, что онъ слышитъ голосъ Грознаго: «Васютка! Въ синодикъ!»

— Подойдите!

— Подойду, если ваше господарское величество возьмете грамоту его величества короля,—невозмутимо отвѣчаетъ Олесницкій.

— Возьму!

Послы подходятъ къ рукѣ проходимца и цѣлуютъ ее. Рука холодна какъ у мертвеца... Точно въ самомъ дѣлѣ это тотъ, зарѣзанный...

— «А, проклятое племя!.. И все ради ея... Погодите, погодите, я ссажу вашего Жигимонтишку, вѣшалку королевскаго сана... Я не буду вѣшалкой, я приберу васъ къ рукамъ, табунное королевство...»

— Возьми грамоту, Аѳонасій!

Власьевъ взялъ грамоту и сталъ бережно распечатывать ее дрожащими руками... Да и какъ не дрожать рукамъ стараго дипломата, когда первый разъ принимается грамота съ неполнымъ титуломъ, а этого не бывало, какъ и земля стоитъ...

— Вѣнецъ, князь Василій!

Шуйскій надѣлъ вѣнецъ и пристально всматривался въ молодое лицо царя, въ глубинѣ своей лукавой души думая: «А что коли вомѣсто сего младого лица подъ сею шапочкою будетъ лицо старое... мое лицо?..» И онъ вздрогнулъ: смерть стала за плечами...—въ очи гляпула...

XXVI. Свадьба—похороны.

— На кой имъ песъ, этимъ нехристямъ, скифетро-то наше понадобилось, дядя? Ну, инъ свое бы сдѣлали, али бы тамъ купили у кого...

— Купили! Ишь ты ловкой какой! Да гдѣ ты его купишь.. Ишь выдумалъ что, купили! Али бо сдѣлали!

Такъ разсуждаетъ Охотный рядъ съ Обжорнымъ, кучами толкаясь въ Кремлѣ около царскихъ теремовъ въ день коронованія Марины и въ день свадьбы ея съ Димитріемъ, 8-го мая, черезъ пять дней по въѣздѣ Марины въ Москву.

А въ теремахъ кипятъ приготовленія къ царской свадьбѣ. Назначаютъ дружекъ, свахъ, тысяцкаго. Готовятъ короваи.

Маринѣ готовъ богатый русскій сарафанъ подъ вѣнецъ, сарафанъ рѣдкостнаго вишневаго бархату, до того залитой жемчугами бурмицкими и скатными да камнями самоцвѣтными, что трудно даже различить цвѣтъ матеріи... И откуда бралось это богатство, какъ хватало золота и драгоцѣнностей, откуда шли не пригоршнями, а четвериками да ковшами жемчуга да камни на эту роскошь? Откуда? А блаженной памяти царь Иванъ Васильевичъ всея Русіи накопилъ: всѣ тѣ душеньки бояръ богатыхъ, князей, окольничьихъ, что записаны были у него въ синодикѣ для поминовенія, и ихъ же имена и число ты единъ, Господи, вѣси, всѣ эти казненныя душеньки уходили на тотъ свѣтъ, оставляя свои богатые животы на царя, все шло на его казну... Вотъ откуда набралось это дикое, поражающее богатство...

Ведутъ Марину изъ ея покоевъ въ столовую избу. Невѣста покрыта фатою, а изъ-подъ фаты горятъ два черныхъ глаза, словно тѣ камни, что въ золотой, въ видѣ коропки, повязкѣ на черной головкѣ... Одной этой повязкѣ цѣны нѣтъ... Черныя косы переплетены жемчугами, словно горохъ жемчугъ! Изъ-подъ сарафана выглядываютъ крошки-ножки: онѣ тоже всѣ въ жемчугѣ... Ведутъ ее боярыни, Мстиславская княгиня и княгиня Шуйская, жена Димитрія Шуйскаго.

Что написано на лицѣ у Марины, трудно прочитать... черпила еще не вышли... послѣ выйдутъ...

«Дольцю... Дольцю»... шепчетъ ея сердце, глаза котораго отвернулись назадъ, въ прошедшее... А сама она глядитъ впе-

редъ, и идутъ послушныя головѣ, а не сердцу ноги, идутъ впередъ... При входѣ въ столовую избу протопопъ Терентій, большой риторъ и видный попина, благословляетъ ее крестомъ... На столѣ коровай и сыръ... «Это я, мое тѣло, мое сердце... Дольцю, Дольцю»...

Входитъ и онъ, не Дольця, а самъ, страшный, обаятельный Димитрій, который вырвалъ у Дольци чужое сердце и заковалъ въ золотую корону... На немъ тѣ же богатыя царскія ризы, на головѣ вѣнецъ, по бокамъ скипетръ и держава, золотой арбузъ съ крестомъ... Холодомъ вѣетъ на Марину отъ этого величія, дрожь пробѣгаетъ по тѣлу, по волосамъ, по сердцу, но что-то неудержимо тянетъ ее впередъ, впредъ, въ этотъ холодный омутъ величія... Какъ оно обаятельно!

Ихъ опять обручаютъ. Они мѣняются кольцами какъ тамъ, въ Краковѣ, съ Власьевымъ; но не тѣ ощущенья теперь: не на пальцъ падѣлось кольцо, а словно на сердце, и кольцо холодное, какъ холоденъ блескъ короны и державы... Они глянули другъ другу глаза въ глаза, ни тѣ, ни другіе глаза не потупились, только ему показалось, что изъ-за ея глазъ, изъ глубины зрачковъ, выглянула... Ксенія!.. Мимо, мимо, доброе, плачущее лицо...

Ихъ ведутъ въ граповитую палату... И Мнишекъ идетъ, стараясь уловить взглядъ дочери... «Что съ татуней?.. Онъ блѣденъ»... А у татуни конь упалъ, когда въѣзжалъ во дворецъ, тотъ дивный конь, что вчера царь подарилъ... Дурной знакъ...

Онъ на тронѣ... вѣнецъ... скипетръ, яблоко державное... А это кто съ обнаженнымъ мечемъ передъ нимъ? А эти юноши въ бѣломъ во всемъ и съ бердышами? Точно ангелы... Блескъ, блескъ, блескъ... У Марины голова кружится... Нѣтъ, это сердце дрожитъ, а голова бодро сидитъ на точеныхъ плечахъ, на лебединой шеѣ...

Онъ на тронѣ, а она стоитъ... поддаппая она... «Я шляхтянка... Дольцю! Дольцю»!

Къ ней подходитъ бояринъ, сѣдой, почтенный, а лицо моложавое, а глаза «Боже! Езусъ-Марія: глаза того волка, что у татки на цѣпи былъ»... Это Шуйскій, его глаза... Шуйскій говоритъ:

— Наияснѣйшая и великая государыня цесаревна и великая княгиня Марина Юрьевна всеа Русіи! Божьимъ праведнымъ судомъ, за изволеніемъ наияснѣйшаго и непобѣдимаго са-

модержца, великаго государя Димитрія Ивановича, Божіею милостію цесаря и великаго князя всеа Русіи и многихъ государствъ государя и обладателя, его цасарское величество изволилъ васъ, наияснѣйшую великую государыню, взяти себѣ, въ цесаревну, а намъ, холопемъ его государевымъ, въ великую государыню. И какъ божіею милостію ваше цесарское обрученіе совершилось нынѣ, и вамъ бы, наияснѣйшей и великой государынѣ нашей, по Божіей милости и изволенію великаго государя нашего, его цесарскаго величества, вступити на свой цесарскій маестатъ и быти съ нимъ, великимъ государемъ, на своихъ преславныхъ государствахъ.

«Волкъ... волкъ... волчьи глаза... а лицо такое доброе, мягкое»...

И протопопъ Терентій опять благословляетъ ее крестомъ... Вотъ и татко тутъ, и княгиня Мстиславская, берутъ они ее подъ руки и взводятъ на тронное мѣсто... У татки руки дрожатъ... Ухъ, какъ она высоко сидитъ!

Слышатся шаги, много шаговъ, шорохъ платьевъ, бряцанье оружія, шпоръ... Входятъ панъ Олесницкій, панъ Гонсѣвскій, панъ Тарло, панъ Стадницкій, Сульця, бабуня Тарлова, пани Стадницка, пани Гербуртова, паны и пани, пани и паны все свои, вся Польша сошлась взглянуть, какъ ихъ Марыня сидитъ на московскемъ тронѣ, въ московскемъ сарафанѣ... Легче стало на душѣ у Марини при видѣ своей Польши, а то все какія-то иконы въ ризахъ около нея стояли, мертвецы какіе-то бородатые да съ волчьими глазами... Нѣтъ только Дольци... Гдѣ-то онъ теперь? Думаетъ ли о своей маленькой Марынюшкѣ?..

Входитъ Михайло Нагой, тотъ Нагой, что въ Угличѣ, когда зарѣзали Димитрія царевича, кричалъ къ народу, указывая на Битяговскаго: «Вотъ лиходѣй царевичевъ, православные! Убейте Битяговскаго»...

Теперь Нагой принесъ знаки царскаго достоинства, корону и діадему, а также крестъ. Кому онъ принесъ ихъ? Своему племяннику? Но вѣдь онъ самъ хоронилъ его въ Угличѣ... Дивны дѣла, дивны дѣла твои Господи!

Царь беретъ и цѣлуетъ корону, діадему, крестъ. Цѣлуетъ ихъ и Марина... Какое холодное золото!

Сходятъ съ трона и рука объ руку выходятъ изъ дворца: его ведетъ подъ правую руку татуня, ее подъ лѣвую—княгиня Мстиславская. Впереди идетъ протопопъ Терентій и кропитъ путь

святою водой. По сторонамъ рынды въ бѣлыхъ кафтанахъ, въ высокихъ шапкахъ и съ серебряными бердышами на плечахъ... Все идетъ въ Успенскій соборъ между шпалерами стрѣльцовъ и алебардщиковъ... Тутъ же несутъ скипетръ и державное яблоко...

А народу-то, народу, кажется, Кремль весь провалится подъ топотомъ ногъ человѣческихъ, стѣны и храмы распадутся отъ звона колокольнаго, отъ сдержаннаго рокота нѣсколькихъ сотъ тысячъ народныхъ глотокъ...

— Вонъ она, матыньки! Царская невѣста... Охъ, въ сарафанчикѣ, касатая!

— Цыпочка-то какая, матушка Богородушка! Ужъ и цыпочка, ахъ, святители!

— А скифетро-то, скифетро, паря! Вонъ оно! Вонъ оно, ахъ ты, Господи!

— Гдѣ скифетро-то? Покажь, покажь, ради Христа!

— Да вонъ оно, чортъ! Вонъ на шапкѣ-то ишь перо какое! Ай-ай-ай! Ужъ и скифетро!

— Ишь ты, и вся не хитра, перина-то эта, а вонъ на ней, на перинѣ-то на этой, весь свѣтъ держится...

— Ай, батюшки! И литва-то въ церковь идетъ... Ай, грѣхъ какой!

— Что ты врешь?

— Вотъ тѣ крестъ чесной, такъ таки и вошли своими погаными погами...

— Ай-ай-ай! Ну и пропало же наше скифетро, братцы, плакало... пропало...

А съ обоихъ клиросовъ при вступленіи въ соборъ жениха и невѣсты гремятъ и заливаются сотни голосовъ: «Многая лѣта! Многая лѣта! Многая лѣта!»... Да, многая... отъ 8-го мая до 17-го...

«Многая лѣта, многая,—мысленно повторяетъ Шуйскій,—«до седьмогонадесять маія... память преподобнаго Стефана, архіепископа царетрадскаго... охъ, какъ много еще ждать... девять денъ, больше двухсотъ часовъ, болѣе десяти тысячъ минутъ! О, и не сочтешь... милліоны біеній сердца... и съ каждымъ біеніемъ его волосъ сѣдѣетъ, а у меня ужъ и сѣдѣть-то нечему... Дождусь ли?.. Многая, многая лѣта... Пятьдесятъ четвертый годъ оно бьется какъ голубь... Избилось все, истрепалось, ничего и никого не любитъ... Вотъ онъ, однѣхъ подошовъ не износилъ, а

дошелъ до престола, а я бы и желѣзныя, адамантовыя, кажись, подошвы протеръ, а все не добрелъ»...

Марина чувствуетъ, что ее увлекаютъ какія-то волны: эти громовые возгласы: «многая лѣта», этотъ цѣлый лѣсъ зажженныхъ свѣчей у образовъ и во всѣхъ напикадилахъ, эти блестящія ризы всего церковнаго клира и всего освященнаго собора, церемонія цѣлованія образовъ и мощей, все это какъ будто отняло у дѣвушки послѣднюю волю, и она машинально ходила отъ образа къ образу, отъ мощей къ мощамъ, поддерживаемая отцомъ и княгинею Мстиславскою...

Ей бросается въ глаза тронъ, два, три трона... Подходитъ патріархъ и, взявъ царя и ее за руки, взводитъ куда-то высоко, на чертожное мѣсто, черезъ двѣнадцать ступенекъ, къ этимъ самымъ тронамъ...

Одинъ тронъ стоитъ посерединѣ возвышенія, онъ весь золотой, усыпанный каменьями, шестью стами алмазами, шестью стами рубинами, шестью стами сапфирами, шестью стами бирюзовыми камнями. По сторонамъ два меньшихъ трона: одинъ для Марины, другой для патріарха, весь черный...

Царя сажаютъ на большой тронъ, Марину на малый, патріархъ занимаетъ черный тронъ...

Къ патріарху подносятъ крестъ, потомъ бармы и діадему, потомъ корону. Патріархъ даетъ все это цѣловать Маринѣ, возлагаетъ на нее руку, творитъ молитвы и коронуетъ ее...

Марыня коронована!

Она опомнилась, когда почувствовала что-то холодное на лбу, это былъ золотой ободъ короны!.. Такъ вотъ оно короноваиіе!.. Какъ легко, кажется, сдѣлаться коронованною особою... И изъ-за того только, чтобы чувствовать у себя на лбу холодъ золотого ободка, проливается столько крови...

А Шуйскій смиренно стоитъ у подножія чертожнаго мѣста и чувствуетъ, что гвоздемъ сверлитъ у него подъ черепомъ неотвязчивая мысль: «Двѣнадцать ступенекъ всего, а какъ высоко!.. А если изъ-подъ того вѣнца будетъ смотрѣть сюда другое лицо?.. Золото на сѣдыхъ волосахъ... а это молодое лицо въ гробу»...

— Князь Василій, поправь ноги мнѣ и царицѣ,—тихо говоритъ царь.

Шуйскій вздрагиваетъ... Потомъ быстро поднимается къ тронамъ и переставляетъ ноги сначала у Димитрія, потомъ у Ма-

рины... «Ужъ и ножки же... на чемъ только она ходитъ?.. Словно у малаго ребенка»...

— Ахъ, Езусь-Марія!—ужасается Урсула.—Срамъ какой, старикъ за ноги беретъ...

— Конечно, папи, пріятнѣе, еслибъ молодой взялъ,—снова вмѣшивается панъ Стадницкій.

Пани Тарлова грозитъ ему пальцемъ...

Марина, замѣтивъ перешептываніе и догадываясь, что это на ея счетъ, стыдливо опускаетъ глаза...

А служба идетъ своимъ чередомъ...

Послѣ херувимской, патріархъ возлагаетъ на Марину Мономахову цѣпь.

Начинается обрядъ вѣнчанія...

Чѣмъ-то необычайнымъ отдаетъ отъ всего этого для непривычныхъ глазъ, а для Марины это имѣетъ еще и роковой смыслъ: совершается побѣда, выигранная цѣною всей жизни...

Но это только личная побѣда. А отъ нея весь Западъ ждетъ міровой побѣды, побѣды Запада надъ Востокомъ...

Въ ея сердцѣ и въ мозгу словно паросли изъ живого мяса слова самого святого отца папы:

«Мы оросили тебя своими благословеніями, какъ новую лозу, посаженную въ виноградникѣ Господнемъ... Да будешь дщерь Богомъ благословенная, да родятся отъ тебя сыны благословенные, каковыхъ надѣется, каковыхъ желаетъ святая мать наша, церковь, каковыхъ обѣщаетъ благочестіе родительское»... Страшныя, огненныя слова, великое заклятіе...

А тамъ слухъ поражаютъ громовые возгласы: «Исаія, ликуй!..» Какое трепожное, острое ликованіе сердца и нервовъ, до боли, до боязни острое... Нѣтъ, это не ликованіе, а трепетъ...

«А зачѣмъ онъ велѣлъ этому старику съ волчьими глазами переставить мнѣ ноги?..»

— Гляди-тко, гляди-тко, отецъ Мардарій, литва-то сидитъ въ храмѣ, вонъ на полу усѣлись, окаянные,—шепчетъ одинъ монахъ другому на клиросѣ.

— Ай, грѣхъ какой! Да это хуже, нежели бы пса въ церковь пустить.

— Что песъ! Песъ звѣрина несмысленная, а это скверпѣе, чѣмъ бабу къ алтарю подпустить: опоганили совсѣмъ домъ-отъ божій, нехристи.

— И чего царь-отъ смотритъ?

— И не говори! Князь Василій Иванычъ только головой помаваетъ...

И онъ помавалъ... Ему это было па-руку: царская-де роденька храмы оскверняетъ, какой же онъ царь?

Вѣнчаніе кончилось. Царь и царица выходятъ изъ собора. Колокола задыхаются отъ звону.

На паперти князь Мстиславскій осыпаетъ золотыми монетами новобрачныхъ вмѣсто хмѣлю, пусть-де весь жизненный путь вашъ будетъ усыпанъ золотомъ... А дьякъ Власьевъ да дьякъ Сутуповъ бросаютъ золото въ народъ... Куда дѣвалось и скипетро, не до него теперь! Куда упадетъ горсть монетъ, тамъ сотни головъ стукаются одна о другую, и тысячи рукъ вцѣпляются въ волосы счастливцевъ, на которыхъ угодилъ этотъ золотой дождь...

Когда толпа отхлынула отъ собора вслѣдъ за новобрачными, отецъ Мардарій, вышедъ изъ собора и увидавъ, что вся площадь устлана волосами изъ головъ и бородъ православныхъ, даже руками развелъ.

— Сигнѣй, а Сигнѣй! Посмотри-кось!—звалъ онъ сторожа соборнаго Евстигнѣя.—Волосъ-то что надрали православные.

— Что говорить, отецъ Мардарій, много волосъ: и черные и рыжіе, и всяки... вся площадь волосата стала.

— Что же ты съ ними дѣлать будешь?

— Не впервой народъ-отъ скубется: вотъ когда блаженной памяти царь Иванъ Васильевичъ бралъ себѣ въ супруги царицу Мароу Васильевну Собакину, такъ волосъ хрестьянскихъ было поболѣ надрано.

— Еще болѣе? Что ты!

— Болѣе не въ примѣръ... Та свадьба, правду сказать, православнѣе была...

— Православнѣе... И я такъ мекаю.

— Много православнѣе... Тогда мы съ женой волосъ-то хрестьянскихъ намели здѣсь на полтретья перины, а нонѣ и на двѣ перины, люди, не будетъ... Нѣтъ; мало волосъ, совсѣмъ не по православному... народъ мельчать сталъ шибко... Ну, и литва тутъ, народъ-отъ при ней менѣ веселится и волосъ менѣ, скубетъ,

— Не къ добру это, Сигнѣй.

— Гдѣ ужъ къ добру...

— Это не свадьба, а похороны...

Въ это время отъ толпы отдѣлились Теренька плотникъ, которому никакъ не удавалось жениться, и другой плотникъ, рыжій пѣвунъ. У Тереньки половина волосъ на головѣ была выдрана на свалкѣ.

— Ну, Тереня, волосъ-отъ у тебя что надергали, полъ головы очистили,—говоритъ рыжій, поглядывая на голову Тереньки.

— Что волосы! Волосы выростутъ... А вотъ у меня, братъ, золота гривенка въ карманѣ, это почище волосъ.

— Ой-ли? Врешь?

— Не вру! Вотъ она, съ двухголовой птичугой, братъ.

— Ай-ай-ай! И впрямь съ птицей, ишь птичута какая! Двѣ головы.

— Двѣ, братъ, двужильная: въ двѣ цѣпы.

— А царапнуть бы, Терепюшка, во царевомъ кабакѣ за царево здравіе.

— Можно... Вотъ такъ царь!

— Ужъ и подлинно царь, знатный.

— А то на, въ Угличѣ, слышь, зарѣзали... Нѣтъ, шалишь, не таковской онъ... Даромъ только гашникъ у тебя, братъ, пропалъ...—Рыжій только махнулъ рукой.

XXVII. Надъ Москвой тучи собираются.

Брачное торжество Димитрія и Марины было началомъ цѣлаго ряда небывалыхъ въ Москвѣ пиршествъ, продолжавшихся вплоть до послѣдняго кроваваго пира, который прямо съ брачнаго ложа свелъ этого неразгаданнаго сфинкса-человѣка въ могилу... нѣтъ! не въ могилу даже... Человѣкъ этотъ не имѣлъ и могилы, и исторія одинаково затруднилась бы отвѣчать на вопросъ «гдѣ могила этого сфинкса?» какъ и на вопросъ: «гдѣ была колыбель этого удивительнаго феномена?» Въ четвергъ было вѣнчаніе, а въ пятницу съ утра же гремѣлъ Кремль отъ трубныхъ звуковъ, отъ колокольнаго звону, отъ неистоваго битья въ бубны и накры и отъ неумолкаемой пушечной пальбы.

— Ужъ я такъ жарилъ во всѣ колокола, что отъ звону-то этого всѣ голубиные выводки на колокольнѣ поколѣли,—говорилъ отцу Мардарію сторожъ Ситнѣй, слѣзая съ колокольни.

Обѣдъ былъ въ грановитой палатѣ, а вечеромъ танцы въ новомъ дворцѣ царицы.

— Ужъ и плясавица же наша новая царица, такая плясавица, что и Продіаду плясавицу за поясъ заткнетъ,—говорила дворскимъ бабамъ и дѣвкамъ дурка Онисья, душегрѣя плисья.

— И сама таки, мать моя, плясала?—ужасаются дворскія бабы и дѣвки.

— Сама, сама, да еще эдакъ плечиками поводитъ, очами намизаетъ, хребтомъ вихляетъ, а они, нехристи-то, ляхи, на нее аки жеребцы взираютъ.

Въ субботу опять содомъ въ Кремлѣ, и опять пиръ и танцы. Въ воскресенье—тоже. Въ понедѣльникъ... ну, въ понедѣльникъ случилось ужъ нѣчто необыкновенное.

У Успенскаго собора, тамъ гдѣ недавно площадь была усѣяна клочками волосъ изъ головъ и бородъ москвичей, снова толпится разношерстный людъ. Тутъ же не вдалекѣ, на устроенной изъ дерева эстрадѣ, тридцать четыре трубача трубятъ въ трубы, а другіе тридцать четыре музыканта, все изъ поляковъ, бьютъ въ бубны и другіе звонкіе инструменты. Подобная музыка въ то время—дѣло неслыханное: искони вѣковъ всѣ свои радости Москва выражала колокольнымъ звономъ: чѣмъ большая радость, тѣмъ большее число голубиныхъ выводковъ поморитъ Москва своимъ звономъ. А тутъ о, ужасъ! вмѣсто колоколовъ музыка: да это только въ аду бѣсы на сопѣляхъ играютъ...

Но тутъ же въ толпѣ толкаются какія-то бѣлыя фигуры въ бѣлыхъ колпакахъ... Одинъ толстякъ въ бѣломъ особенно жестикулируетъ.

— Спаряжалъ я всякія яства и блаженныя памяти для царя Иванъ Васильевича съ его супругою Василисою Мелентьевною и съ Марьею Ѳеодоровною, готовилъ я яствія всякія и царю Ѳедору Иванычу съ супругою, и царямъ Годуновымъ, а такой жверны, какъ нонѣ, готовить не приходилось, Богъ помиловалъ,—ораторствовалъ онъ, размахивая руками...

— Да что же стряпать-то нонѣ тебѣ пришлось, дядя?—любопытствовалъ знакомый намъ дѣтина изъ Обжорнаго ряда, котораго все, что касалось ѣды, особенно занимало какъ спеціалиста.—Али конину?

— Хуже, православные,—отвѣчалъ толстякъ, выражая на своемъ жирномъ лицѣ омерзѣніе и ужасъ.

— Что жъ хуже конины-то? Ее татары жрутъ только.

— Хуже конины, православные,—твердитъ толстякъ.

— Такъ, може, кошекъ али собакъ?

— Хуже того, православные, и не угадаете.

Православные дѣйствительно растерялись. Что жъ можетъ быть хуже кошки? Кто ее ѣстъ?

— Телятину!—сказалъ толстякъ трагически.

Всѣ остолбенѣли. Царь ѣстъ телятину! Царь велитъ для своего царскаго стола готовить телятину! Да этого не бывало, какъ и Москва стоитъ... Телятина самимъ Богомъ запрещена!

— Іоаннъ Богусловъ говоритъ: аще, говоритъ...—философствовалъ немножко выпившій стомаха ради, отецъ Мардарій, впадая въ тонъ Горбунова.

— Батюшки свѣты! Грѣхъ-отъ какой!—ахаетъ баба.

— Аще, говоритъ, телятина...

— Вотъ тѣ и скифетро, паря!..

Волненіе въ толпѣ необычайное. Сообщенныя царскими поварами вѣсти о телятинѣ смутили москвичей больше, чѣмъ еслибъ имъ объявили, что царь приказалъ десятаго изъ всѣхъ обывателей московскаго царства повѣсить: на то онъ царь, и въ жизни и смерти своихъ холопей онъ воленъ... Но ѣсть телятину, это—это такой ужасъ, отъ котораго у Москвы волосъ дыбомъ становился... Ужъ коли сказано «аще», ну, и дѣлу конецъ, тутъ ложись да и умирай!

— А все это ляхи надѣлали,—поясняетъ сторожъ Сигнѣй,— они царя въ соблазнъ вводятъ. Вотъ когда онъ вѣнчался, такъ я своими ушами слышалъ, какъ у казанской Богородицы, въ правомъ придѣлѣ, свѣчи оправлялъ, слышалъ, православные, какъ дьякъ Аѳонасій Ивановичъ Власьевъ говорилъ ляхамъ, что въ соборѣ-то при вѣнчаньи были: «царь-де осударь указалъ мнѣ объявить вамъ, паны, что, по нашему-де закону, въ храмѣ божьемъ ни сидѣть, ни разговаривать негодится». Такъ они, проклятые, не послушались указу царскаго: кои изъ нихъ садились на полъ подъ иконами, чтобъ царю только не видно было, а кои такъ спинищами своими погаными къ святымъ икопамъ прислонялись, и какъ ихъ, нехристей, Богъ за это громомъ не погромилъ!

— Царь что! Знамо, младъ въюношъ, отвыкъ отъ своихъ-то обычаевъ на чужой сторонѣ, а дома-то пріобыкнетъ, а вотъ уже сами поляки, псы смердящіе, такъ ихъ и роснымъ ладономъ не выкуришь,—соглашались другіе слушатели.

— Мы ихъ выкуримъ вотъ чѣмъ!—показывалъ Охотный рядъ свой кулачище, величиною въ доброе копыто ломового жеребца.

— Мы имъ покажемъ Кузькину мать!—добавлялъ съ своей стороны Обжорный рядъ.

Какъ бы то ни было, въ народѣ уже бродило неудовольствіе на поляковъ, но Димитрій не могъ замѣтить этого. Онъ не замѣчалъ, что и его тронъ начинаетъ пошатываться именно со дня роковой свадьбы. Онъ слишкомъ вѣрилъ въ свое могущество, въ обаяніе своего имени и въ преданность народа. Да другого ничего онъ и думать не могъ: онъ дѣйствительно показалъ себя великодушнымъ государемъ; онъ простилъ всѣхъ своихъ прежнихъ враговъ: онъ былъ милостивъ необыкновенно, по его повелѣнію не было пролито ни одной капли крови его подданныхъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ былъ признанъ царемъ. Между тѣмъ самъ онъ только и думалъ о величіи Россіи: онъ за сто лѣтъ до Петра уже задумалъ прорубить окошко въ Европу завоеваніемъ Нарвы. Съ весной, послѣ свадьбы, онъ думалъ итти добывать южныя моря, и уже отправилъ артиллерію въ Елецъ, чтобы оттуда спустить ее по Дону. Мы скажемъ глубокую историческую истину, утверждая, что Петръ черезъ сто лѣтъ явился только исполнителемъ намѣреній этого непостижимаго юноши, и Петръ достигалъ жестокостью и излишнимъ разореніемъ своихъ подданныхъ того, чего Димитрій хотѣлъ достигнуть мягкими мѣрами и не разоряя страны. Этотъ юноша положительно задумалъ пересадить европейское образованіе на русскую почву, и онъ бы сдѣлалъ это, еслибъ довѣрчивый великанъ не былъ погубленъ, благодаря своему великодушію, ничтожнымъ пигмеемъ Шуйскимъ, у котораго и было только одно качество — коварство раба...

Были и около Димитрія люди, которые понимали это и предупреждали его; но онъ постоянно отвѣчалъ имъ: «Не бойтесь, я не Борисъ»... Это были — Григорій Отрепьевъ и его другъ Треня кудрявый, его совоспитанникъ, а нынѣ вольный донской казакъ. Отрепьевъ одинъ изъ образованнѣйшихъ москвичей того времени, глубоко зналъ душу Москвы. Принадлежа къ тѣмъ москвичамъ, надо признаться, очень рѣдкимъ экземплярамъ, какъ дьякъ Власьевъ, которые уже вкусили и еллинской и латинской мудрости, Отрепьевъ не могъ дышать въ затхлой атмосферѣ старины и черезъ это долженъ былъ показаться чернокнижникомъ,

магомъ, еретикомъ и совсѣмъ проститься съ Москвою, сдѣлаться эмигрантомъ, подобно Курбскому. Явленіе необыкновеннаго юноши подъ именемъ Димитрія и отожествленіе этого имени съ его собственнымъ именемъ, съ именемъ Григорія Отрепьева заставили этого послѣдняго снова воротиться въ Москву. Воротившись, какъ и Треня, онъ увидѣлъ, что Москва все та же, и что Димитрію не легко будетъ повернуть ея воловью шею такъ, чтобъ она глядѣла на Западъ, къ солнцу знанія, а не рылась какъ свинья подъ дубомъ, добывая только жолуди, когда тамъ, на Западѣ, можно было добыть и апельсины. Отрепьевъ вспомнилъ, что едва Димитрій начиналъ оглядываться на Западъ, какъ на него уже начали набрасывать тѣнь подозрѣнія, и жолуди выступали на сцену: онъ нарушаетъ старину, топчетъ-де наши жолуди вѣковѣчные и хочетъ-де кормить насъ проклятыми апельсинами да телятиной. Отрепьевъ не разъ намекалъ объ этомъ Димитрію, но тотъ, въ упоеніи первыхъ дней любви, ласково отвѣчалъ ему:

— Не бойся, Григорій, я не Борисъ... Ты человѣкъ книжный, много знаешь, много думаешь, даже больше чѣмъ слѣдуетъ, и оттого горчичное зерно тебѣ кажется арбузомъ... Знай свои книги, а кормило правленія оставь мнѣ, мой корабль пойдетъ шибко...

И онъ бы, безъ сомнѣнія, пошелъ, еслибъ на кораблѣ не было мышей, которыя и прогрызли его дно...

Вотъ почему торжество молодого царя не радовало Отрепьева... Въ то время, когда передъ дворцомъ гремѣли бубны и литавры, а царскіе повара разсказывали ужасы о телятинѣ, Отрепьевъ и его другъ Треня сидѣли въ кельѣ Чудова монастыря и грустно о чемъ-то разговаривали.

— Такъ какъ же ты, Юша, мыслишь, опять кинуть Москву?

— Такъ намыслилъ, Тренюшка другъ: итти за море, потолкаться по чужимъ землямъ, поглядѣть, что тамъ дѣлается.

— Ну, и въ какія же страны ты намыслилъ, Юша?

— Сказывалъ мнѣ французенинъ Яковъ Маргаритовъ, дружинникъ царевъ, что можно-де по сухопутью дойти до французскаго до стольнаго града, Паризіемъ именуется, а въ томъ-де градѣ дива неисповѣдимыя. А изъ Паризія-де града по сухопутью жъ итти черезъ горы великія въ шпанскую землю, а лежитъ та шпанская земля отъ французской на полдень, и въ той шпанской землѣ градъ Мадридъ дивный и монастырей много.

Да изъ францовской же земли проходъ есть и до Рима града, въ коемъ въ оно время, какъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ по землѣ ходилъ, Августъ Кесарь царствова и мощи апостола Петра обрѣтаются. Да изъ францовской же земли недалече дойти и до галанской земли, идѣже астрадамовскія сукна дѣлаютъ. А изъ галанской- де земли моремъ недалече добѣжать и до аглицкой земли, а кораблемъ можно дойти и до индѣйскія земли, и до Аравіи, и до Ерусалима, и за океанъ въ землю американскую... И, Господи! Чего-чего нѣтъ подъ солнцемъ, и все сіе возможно человѣку узрити... Вотъ хоть бы, другъ Трепя, американская земля, вѣдаешь, гдѣ она обрѣтается?

— А гдѣ, Юша? Въ томъ «Космографіонѣ», что мы съ тобой когда-то въ этой келейкѣ читывали, сказано, якобы американская земля лежитъ отъ аглицкой и отъ францовской и отъ шпанской земель къ западу, за великимъ окіаномъ, а гдѣ, не вѣдаю.

— Вотъ гдѣ она, Трепюшка.

— Какъ, Юша?—съ удивленіемъ спросилъ Трепя.

— Такъ, подъ симъ поломъ.

— Что ты, Юша, шутишь?

— Не шучу я, другъ мой. Земля, вѣдомо тебѣ изъ «Космографіона», кругла, аки яблоко... Такъ вотъ на сей странѣ яблока обитаемъ мы, аки мухи ползаемъ по яблоку, а на той странѣ яблока—американскіе люди: и выходитъ, что ихъ подошвы супротивъ нашихъ подошовъ... Вотъ куда душа меня тянетъ, Трепюшка другъ.

— А Настеньку Романову вытравилъ изъ души?—немного помолчавъ, спросилъ Трепя.

— Ее не вытравить мнѣ и могилою... Съ собою унесу ея обличье кроткое, въ сопіяхъ буду видѣть ее, я не суженый для сей птички райской: я воронъ, и самъ занесу мои кости за тридевять земель... А ты что мыслишь съ собой дѣлать?

— Думаю взглянуть еще разъ на Ксенію, а тамъ опять понесу мою буйную голову на тихій Донъ... Изъ монастырской кельи, все едино, что изъ темной могилы, ей ужъ нѣту другого выходу, какъ къ Богу на небо... Ипатушка иконникъ сказывалъ мнѣ, что видѣлъ ее на Бѣлѣ-озерѣ, во инокиняхъ; изъ Оксиньи она стала старицею Ольгою... Пытала, сказываетъ Ипатъ, про Москву, про царя, про насъ, и плакала, говоритъ... Эхъ, хоть

однимъ глазкомъ взглянуть бы на нее, да тогда и опять на Донъ...

— Брось ты эту думу, Треня.

— Какъ бросить-то? Это не скорлупа орѣхова.

— Пойдемъ со мной, по сказкѣ французина Якова Маргаритова: размычемъ наше горе по свѣту.

— Нѣтъ, Юша, не пойду я, не то я задумалъ.

— А что?

— Большое дѣло задумалъ я, Юша... Не даромъ мы съ тобой книгу «Космографіонъ» читывали... Видишь, Юша, тебѣ тѣсно и душно на Москвѣ, и мнѣ тѣсно въ ней стало. Зачѣмъ я шелъ сюда съ Дону, того не нашелъ, и Москва мнѣ опостылѣла: тоска такая, что хоть руки на себя наложить, такъ впору. И замыслилъ я такое дѣло: есть у насъ на Дону старый козакъ. Верзигой зовутъ, и былъ онъ въ неволѣ у бусурманъ. Взяли его въ подъѣздѣ погайскіе тотаровья годовъ двадцать тому назадъ, и продали его въ кизылбашскую землю, а изъ кизылбашской земли торговые люди выторговали его и увели за рѣку Тигръ и Евфратъ, гдѣ былъ рай земной. А изъ-за Тигровой рѣки увели его торговые люди въ индійскую землю за Гангову рѣку. И жилъ онъ въ индійской землѣ лѣтъ съ десять, а то и болѣ. А водятся въ индійской землѣ слоны да пардусы, а живутъ индійскіе люди не подобнымъ образомъ, и на слонахъ, аки на волахъ, ѣздятъ стоячи на слонахъ шатры, и въ тѣхъ шатрахъ ѣздятъ. И золота въ индійской землѣ видимо-невидимо, и овощь всякій и звѣрь пушной. А царь въ индійскомъ царствѣ не одинъ, а все царики, и у цариковъ промежъ себя частое розратье бываетъ, и на слонахъ бои бываютъ. А индійское царство супротивъ сибирскаго царства богаче и люднѣе не въ примѣръ... Такъ вотъ и думаю я, Юша: коли Ермакъ Тимоосевичъ съ товарищи сибирское царство разгромилъ и подъ Москву подклонилъ, такъ для чего не разгромлю я съ войскомъ донскимъ царство индійское? А Верзига тотъ сказывалъ, что въ индійское царство пройти можно тою дорогою, коею онъ изъ индійскаго царства вышелъ изъ полону: сперва итти на Волгу, а съ Волги на Яикъ, а съ Яика на Сыръ да на Аму-рѣку, а съ Сыръ да съ Аму-рѣки степью на верблюдахъ да на коняхъ степью, а тамъ горами, а за горами и индійское царство живетъ.

Отрепьевъ грустно слушалъ смѣлую фантазію своего друга и тихо качалъ головой.

— Что, Юша, качаешь головой? Не вѣришь?

— Вѣрить-то вѣрю, да не сбыточное это дѣло, чтобъ до индійской земли дойтить.

— По что не сбыточное? Али мы не читывали съ тобой, какъ Александръ царь македонскій въ оную индійскую землю прошелъ?

— Ты опять, Треня, за Александра Македонскаго.

— Что-жъ! И онъ былъ человѣкъ... А какъ покорно индійское царство, такъ тогда не стыдно будетъ и царскую дочь за себя взять... Тогда и возьму я изъ монастыря Ксенію Борисовну, и будетъ она у меня индійскою царицею, какъ Марина Юрьевна стала царицею московскою и всея Русіи... Вотъ тогда и приходи къ намъ въ гости...

Отрепьевъ продолжалъ качать головой, съ грустной улыбкой глядя на своего друга.

— Эхъ, Треня, Треня! Ты остался все тѣмъ же, какимъ былъ: аки соколъ рѣешь думами по поднебесью, и легче тебѣ оттого. Когда-то ты загадывалъ гробъ Господень достать, какъ раньше того искалъ жаръ-птицу да царевну Несмѣяну.

— Что жъ, Юша, царевну-то я нашелъ: чѣмъ Оксинья Борисовна не Несмѣяна царевна?

— Да ты-то, Треня, не царевичъ...

— Не царевичъ, а буду индійскимъ царемъ!

Отрепьевъ всталъ и, положивъ руки на курчавую голову друга, тихо проговорилъ:

— Да ниспошлетъ Господь Богъ свою благодать на эту хорошую голову! Думай, Треня, объ индійскомъ царствѣ, ищи его, и ты обрящешь царствіе божіе, душу свою соблюдешь въ чистотѣ и въ вѣрѣ... Никогда въ жизни не ищи малаго, а ищи великаго, и найдешь великое...

— Буду искать, и Богъ мнѣ поможетъ найти, — сказалъ Треня глубоко растроганный.—И ударю я тогда челомъ всѣмъ индійскимъ царствомъ царю московскому Димитрію Ивановичу всея Русіи.

Хотя мечтатели и сознавали смутно, что около Димитрія творится что-то нехладное, однако они и не подозрѣвали той глубины пропасти, которую успѣла тайно выкопать подъ ихъ юнымъ царемъ лопата лукаваго Шуйскаго, а лопата эта подъ корень копала дерево, которое, казалось, пускало глубокіе корни въ московскую почву.

Въ этотъ самый вечеръ, когда Треня мечталъ объ индійскомъ царствѣ и объ индійской царицѣ Ксеніи, а Отрепьевъ, по сказкѣ француза Якова Маргаритова, мечталъ пройти на нижнюю половину земли, за великій океанъ, и когда Димитрій пировалъ въ покояхъ царицы въ обстановкѣ, перенесшей поляковъ во дворецъ ихъ короля (такъ все устроено было «по-польску»), въ эти самые часы вотъ что творилось въ богатыхъ палатахъ Шуйскаго, именно со вторника на середу.

Въ уединенномъ покоѣ, скорѣе похожемъ на образную чѣмъ на жилую комнату, происходитъ тайное совѣщаніе соумышленниковъ Шуйскаго. Тутъ—высшіе бояре московскаго царства: старѣйшій всѣхъ родомъ, но не заслугами, недалекій князь Мстиславскій, постоянно повторявшій послѣднія слова Шуйскаго, Шуйскій съ братьями Димитріемъ и Иваномъ, князь Василій Голицынъ съ братьями; тутъ виднѣется и грубое, дубоватое лицо Михайлы Татищева, и орлиный носъ Григорія Валуева, и плѣшивая голова дьяка Тимоѳея Осипова, великаго постника и святоши, который даже сахаръ считалъ скоромнымъ на томъ основаніи, что его будто бы пропускаютъ для очистки чрезъ жженыя кости, и который разъ каялся попу въ томъ, что въ постъ оскоромился, по забывчивости взявъ въ ротъ зубочистку изъ гусинаго пера (тутъ онъ находилъ двойной грѣхъ: перо гусиное скоромно само по себѣ, ибо гусь—скоромное, а зубочистка скоромна потому еще, что онъ на сырной недѣлѣ, послѣ рыбнаго кушанья, ковырялъ этой зубочистой въ зубахъ); тутъ же серебрится и сѣдая борода купчины Конева съ серьгой въ ухѣ; тутъ и нѣкоторые изъ стрѣлецкихъ головъ, которыхъ Димитрій отправлялъ въ Елецъ для предстоящаго похода Дономъ на Азовъ, сотники и пятидесятники... Всѣ слушаютъ Шуйскаго, который говоритъ медленно, но съ необыкновеннымъ для него воодушевленіемъ, а Мстиславскій какъ сорока повторяетъ его послѣднія слова.

— Припомните, князи, бояре, думные, гостиные и ратные люди лучшіе! Еще въ прошломъ году я говорилъ, что царствуетъ у насъ не сынъ царя Ивана Васильевича, и за то мало головы не потерялъ... Тогда Москва меня не поддержала...

— Москва не поддержала, это точно, — повторялъ послѣднюю фразу Мстиславскій.

— Что жъ! Пущай бы онъ былъ не настоящій царевичъ да человѣкъ хорошій, а то видите сами, что это за человѣкъ, до

чего онъ доходитъ... Женился на полькѣ и возложилъ на нее вѣнецъ. Некрещеную дѣвку ввелъ въ церковь и причастилъ! Роздалъ казну русскую польскимъ людямъ, отдастъ имъ и насъ въ неволю!

— Отдастъ, отдастъ въ неволю,—глупо повторяетъ Мстиславскій.

— Ужъ и теперево поляки дѣлаютъ съ нами, что хотятъ, грабятъ насъ, ругаются надъ нами, насилуютъ женщинъ, оскверняютъ святыни... Теперь собираются за городъ съ оружіемъ ради якобы воинской потѣхи, а доподлинно затѣмъ, чтобъ насъ всѣхъ, лучшихъ людей, извести и забрать Москву въ свои руки... А тамъ придетъ изъ Польши большая рать, и тогда поработятъ всю русскую землю, искоренятъ нашу вѣру, разорятъ церкви божіи...

— Разорятъ, это точно, что разорятъ,—повторяетъ Мстиславскій.

— Князи и бояре и всѣ лучшіе люди! Помните мое слово: буде мы не срубимъ сіе пагубное древо въ лѣторасли, то оно выростетъ до небесъ, и подъ нимъ московское государство погибнетъ до конца! Погибнетъ, и наши малыя дѣтки, подымаючи ручки въ колыбелькахъ своихъ къ небу, будутъ плакать съ воплемъ великимъ и жаловаться Отцу небесному на отцовъ своихъ земныхъ за то, что они въ пору не отвратили бѣды неминучей. Возьмемъ же топоръ и срубимъ древо погибельное: либо намъ погубить злодѣя съ польскими людьми, либо самимъ загинути. Пока ихъ немного, а насъ много, и они пьянствуютъ, ничего не подозрѣвая, теперь мы должны собраться и въ одну ночь вырубить ихъ... Готовьте топоры! Точите топоры, братцы!

— Точите, точите, братцы,—повторяетъ Мстиславскій.

— Они наточены, наточены остро, на шеи еретицкія!—отзывается все собраніе.—Веди насъ, князь Василій Ивановичъ!

— Ради вѣры православной я принимаю начальство,—говоритъ лисица, превращающаяся въ волка. — Идите и подбирайте людей... Ночью съ пятка на субботу, чтобы были помѣчены крестомъ дома, гдѣ живутъ поляки... Рано утромъ въ субботу, когда затоворитъ набатный колоколъ, пускай всѣ бѣгутъ и кричатъ, якобы поляки хотятъ убить царя и думныхъ людей, и Москву взять въ свою волю... Пускай кричатъ такъ по всѣмъ улицамъ... Когда народъ бросится на поляковъ, мы тѣмъ временемъ, якобы спасаючи царя, бросимся въ Кремль и... покончимъ

съ еретикомъ... Если наше дѣло пропадетъ, пропадемъ и мы, то купимъ себѣ вѣнецъ непобѣдимый и жизнь вѣчную, а не пропадемъ, такъ вѣра православная будетъ спасена на вѣки!

— Аминь!—мрачно произнесъ Гермогенъ, митрополитъ казанскій.

— Благослови, владыко, на святое дѣло, — сказалъ Шуйскій.

Всѣ встали и наклонили головы. Гермогенъ взялъ со стола крестъ и, трижды осѣнивъ имъ наклоненныя головы заговорщиковъ, передалъ этотъ крестъ Шуйскому, говоря: «Буди благословенъ путь вашъ! Идите на дѣло святое за симъ крестомъ, Христосъ будетъ впереди васъ. Аминь»...

XXVIII. «Спи, спи, русская земля!»

Прошелъ еще день. Поляки ликовали. Съ великою торжественностью и великою пышностью справили они въ четвергъ «боске цяло». Имъ казалось, что вольная, счастливая, блестящая Польша переселилась въ хмурую, холодную, хлопскую Московію и согрѣла ее своею вольностію, освѣтила своимъ блескомъ, оживила мелодіею польской рѣчи, польской пѣсни...

Ксендзъ Помасскій былъ такъ величественъ во время богослуженія, особенно, когда, благословляя царицу Марину, на головѣ которой горѣла брилліантовая коронка, онъ говорилъ:

— Благословенная изъ благословенныхъ дщерей святой матери нашей, церкви апостольской, великая царица московская! Надъ коронованною главою твоею блестятъ лучи славы безсмертной, это святая непорочная Дѣва Марія осѣняетъ своею божественною дланью. Она черезъ божественнаго Сына своего возвела родъ человѣческій отъ смерти къ жизни, вывела изъ геенны огненной: ты выводишь народъ московскій изъ мрака невѣдѣнія, варварства и рабства къ свѣту истинной вѣры и просвѣщенія... И будетъ имя твое славно и честно изъ вѣка въ вѣкъ: оно станетъ на ряду съ именами первыхъ апостоловъ, и цари земные придутъ и поклонятся тебѣ... О, Самборъ! Ты будешь новымъ Назаретомъ...

Паны и пани таютъ отъ удовольствія... Сама Марина глубоко взволнована.

— Ахъ, Марыницю, вотъ смѣшно будетъ, когда въ косцелѣ поставятъ твой образъ, и панъ пробощъ заставитъ молиться

тебѣ,—шепчетъ ей Урсула, когда ксендзъ кончилъ свою рѣчь.— Я тебѣ никогда не буду молиться, Марынцю, свента Марынця! Какъ смѣшно...

— Перестань, Сульцю, ты все съ своими глупостями,—отвѣчаетъ Марина, отворачиваясь.

— А я, ваше величество, буду молиться вамъ усерднѣе, чѣмъ всѣмъ другимъ святымъ,—шепчетъ пажъ Марины, юный паничъ Осмольскій.

Марина грозитъ ему вѣеромъ, а юноша краснѣетъ какъ вареный ракъ. Онъ давно питаетъ тайную страсть къ своей хорошенькой повелительницѣ и еще въ Самборѣ вытравилъ у себя на тѣлѣ, подъ лѣвымъ сосцомъ, букву М.

На улицахъ Москвы и въ Кремлѣ также ликуетъ вольная, беззаботная Польша. То и дѣло слышатся выстрѣлы, это холостыя салютаціи къ празднику, и какъ ни невинны эти забавы беззаботныхъ паповъ и ихъ гульливыхъ гайдуковъ, однако, подозрительныхъ москалей это тревожитъ и раздражаетъ.

— И какого бѣса они все стрѣляютъ, нехристи? Только дѣтей пужаютъ,—ворчитъ гигантъ изъ Охотнаго ряду, косо поглядывая на скачущихъ то тамъ, то здѣсь польскихъ жолнеровъ.

— Да вонъ тамъ за городомъ опять крѣпость потѣшную ставятъ, отнимать будутъ у насъ,—отвѣчаетъ дѣтина изъ Обжорнаго ряда.

— Держи карманъ! Дадимъ мы имъ!

— Вонъ и пушки повезли...

— То-то! Пущай везутъ на свою голову... А вонъ, сказывалъ Коневъ, царь-пушка не пошла...

— Какъ не пошла?

— Да такъ, уперлась, голубушка, да и ни съ мѣста.

— А они нѣшто и не хотѣли взять?

— Какъ же... Да она у насъ, матушка, не дура.

— А вотъ дядя Сигнѣй—звонарь, что на успенской колокольнѣ звонитъ, про чудо сказывалъ.

— Ой ли? Какое чудо?

— А во какое, братъ: на Миколу стали звонить къ утренѣ въ царь-колоколъ, а онъ не звонитъ..

— Что ты? Какъ не звонитъ?

— Такъ и не звонитъ, нѣмой сталъ, аки бы человѣкъ: и языкъ есть, да не звонитъ, и на поди!

— Что жъ это съ нимъ сталось?

— А осерчалъ на нехристей... Какъ онъ осерчалъ-то да пересталъ звонить, такъ Сигнѣй-то звонарь мало съ ума не сошелъ со страху... Бѣжитъ къ попу Терентію, да въ поги: «Батюшка! говоритъ: пропала-де моя головушка! Царь-колоколъ кто-то расшибъ».—Какъ расшибъ?—пытаетъ попъ Терентій.—«Да такъ—не звонитъ, а и трещины не видать».—Пошли они къ ему, къ царю-то колоколу съ попомъ Терентіемъ, глядятъ со всѣхъ сторонъ, цѣлехонекъ. Раскачали языкъ, ударили, не звонитъ: словно въ перину кулакомъ бьетъ языкъ-отъ... А попъ-отъ Терентій, дока онъ, знаетъ свое дѣло, покачалъ эдакъ головой да и говоритъ: «Это де знаменіе—чудо... Колоколъ-отъ не разшибенъ, а онъ-де онѣмѣлъ, осерчалъ на нехристей... Да къ патріарху слышь: такъ и такъ, царь де-колоколъ нашъ сталъ отъ серцовъ... Такъ ужъ самъ-отъ патріархъ насилу отчиталъ его да водой откропилъ отъ нѣмоты...

— Ну и зазвонилъ?

— Зазвонилъ.

— Ахъ, они проклятые!.. Ишь усищи, словно кнуты подвитые...

Это замѣчаніе относилось къ знакомымъ намъ краковскимъ панамъ, къ пану Непомуку и къ пану Кубло, которые важно проходили въ это время по Красной площади, непстово звякая саблями и гордо поглядывая по сторонамъ. Имъ казалось, что вся Москва, разинувъ ротъ, любуется ими. Да и какъ не любоваться, пане, этакими молодцами? Одѣты они богато: на панѣ Непомукѣ голубой кунтушъ съ зелеными шароварами и красная магирка, на панѣ Кубло—красный кунтушъ съ желтыми канареечнаго цвѣта шароварами и синяя магирка; на погахъ у перваго сафьяновые сапожки, у пана Кубло—«вельки буты» вмѣсто женскимъ стоптанныхъ котовъ!

— О, пане! Столько у меня дѣла, столько, что хоть въ петлю полѣзай, а сдѣлай!—хвастается панъ Непомукъ.—Теперь ея милость царица москевска, найяснѣйшая пани моя Марина, задумала маскарадъ на воскресенье: «и то, панъ Непомукъ, сдѣлай, и то прикажи, и это достань»... просто бѣда! А его милость царь, помня нашу старую дружбу въ Самборѣ, говоритъ: «панъ Непомукъ, дружище, у меня князь Василій Шуйскій старъ

становится, такъ я буду тебя просить занять его мѣсто въ боярской думѣ»... Ну, вотъ тутъ и разрывайся панъ Непомукъ!

— О, пане!—вретъ въ свою очередь панъ Кубло.—А мнѣ его милость царь говоритъ сегодня: «Пане Кубло, говоритъ, на тебя вся моя надежда! Я посылаю Басманова съ войскомъ противъ татаръ, будь ему отцомъ и благодѣтелемъ: поѣзжай съ нимъ, и какъ ты, говоритъ, Вѣну браль съ Стефаномъ Баторіемъ, такъ помоги мнѣ взять Цареградъ»... Ну, какъ тутъ отказаться, пане?

— А я такъ вотъ что, пане, отрѣзалъ его милости царю: «Ваше величество! говорю, хоть князь Шуйскій и недалекій старичокъ, порядочная-таки, говорю, ваше величество, съ позволенія сказать, тряпка, да все же онъ родовитый москаль... Такъ какъ бы намъ, говорю, ваше величество, не обидѣть Москву? «О, панъ Непомукъ, дружище! говоритъ: мы съ тобой вдвоемъ управимся со всею Москвой»...

— А я, пане, вотъ что сказалъ его милости царю: «Ваше величество, говорю (такъ-таки прямо и бухнулъ), я, признаться, люблю хорошенькихъ кобѣтъ, и московскія пани меня, говорю, на рукахъ носятъ, такъ мнѣ, говорю, ваше величество, не хотѣлось бы разставаться съ хорошенькими московками, а панъ Басмановъ, говорю, и одинъ справится съ этою сволочью турками». А онъ грозитъ мнѣ пальцемъ и говоритъ: «У, плутишка Іосифъ прекрасный! Такъ я за то женю тебя на царевнѣ Ксеніи Годуновой»... Ну, пане, я такъ и растаялъ...

— Еще бы, пане...

— Да мнѣ что, пане! Противъ меня, пане, ни одна московка не устоитъ, такъ на шею сами и бросаются...

Въ это самое время черезъ площадь проѣзжала каптана, по обыкновенію завѣшанная цвѣтною матеріею...

— Подайте Христа ради, поминаючи родителевъ своихъ,— проскрипѣлъ голосъ нищаго, сидѣвшаго у дороги.

Занавѣсъ каптаны отдернулась, и оттуда выглянуло хорошенькое женское личико, полное и румяное. Такая же полная бѣлая рука бросила нищему мѣдную монету... «За здравіе царевны Ксеніи», послышалось изъ каптаны.

Увидѣвъ хорошенькое личико, панъ Кубло пріосанился: руки, ноги, голова, усы, вся фигура его и движенія напоминали кобеля, рисующагося передъ своими дамами; не доставало только

хвоста бубликомъ, но у пана Кубло хвостъ замѣняла сабля, торчавшая сзади и бившая его по ногамъ...

Когда женское личико вновь выглянуло изъ каптаны, чтобы бросить монету другому нищему, панъ Кубло подскочилъ козелкомъ къ самой каптанѣ и послалъ воздушный поцѣлуй неизвѣстной красавицѣ... Это увидѣлъ великанъ изъ Охотнаго ряду.

— Ахъ ты, гусынинъ сынъ! Нехристь эдакая! Вотъ я тебя!— закричалъ онъ, показывая кулакъ.

— Лови его, проклятаго кулика!—крикнулъ дѣтина изъ Обжорнаго ряду.

Панъ Кубло и панъ Непомукъ, забывъ свою храбрость и величіе, кинулись улепетывать.

— Ату ихъ! Ату ихъ, гусынныхъ дѣтей!

— Держи ихъ, трясогузовъ проклятыхъ!

Герои улепетывали такъ быстро, что ихъ бы и конемъ не догнать, и скоро юркнули въ посольскій дворъ.—Я, пане, не хотѣлъ рукъ марать съ этими грубыми галганами,—говорилъ, тяжело дыша, панъ Кубло,—у него, пане, одинъ грязный кулакъ, а у меня, пане, рыцарская сабля, стыдно бы было убивать эту бѣшенную собаку.

— А я, пане, потому ушелъ,—оправдывался, въ свою очередь, панъ Непомукъ,—что мнѣ его милость царь сказалъ: «береги свою жизнь, панъ Непомукъ, она нужна для счастья всей русской земли»... Вотъ тутъ и вертись!

А между тѣмъ Димитрій не замѣчалъ, а если и замѣчалъ, то не обращалъ вниманія на вспышки, на глухіе подземные удары, которые обнаруживали присутствіе подземнаго огня, готоваго пожрать нарождающееся царственное величіе необыкновеннаго юноши съ его грандіозными планами, съ его дерзкою рѣшимостью изумить весь міръ, прогремѣть до послѣднихъ предѣловъ земли. Упоенье любовью и личнымъ счастьемъ не отвлекало его отъ кипучей государственной дѣятельности, и Басмановъ, Власьевъ, Сутуповъ, Рубецъ-Масальскій и князь Телятевскій постоянно призываемы были для представленія докладовъ, для подачи къ подписанію указовъ, грамотъ, законовъ и для выслушиванія разныхъ именныхъ повелѣній...

— Какъ ты много работаешь, милый,—говорила ему Ма-

рина утромъ въ пятницу, когда онъ пришелъ къ ней послѣ утреннихъ занятій.—Ты похудѣлъ даже.

— Это ничего, сердце мое коханое, я похудѣлъ отъ счастья,—отвѣчалъ онъ задумчиво.—Мы теперь не въ Самборѣ, не въ наркѣ у гнѣзда горлинки... помнишь?

— Помню, милый... Думала ли я тогда, что такъ выйдетъ?

— Да... А какъ дрожали твои руки, сердце мое, когда ты тѣхъ птичекъ кормила рисовой кашкой... Но ты не видѣла, какъ мое сердце дрожало.

— Я слышала его, когда ты тамъ наклонился ко мнѣ... А знаешь, когда это было, милый?

— Какъ когда?

— Сегодня ровно два года... Это было 16 мая, на другой день послѣ того, какъ татко праздновалъ день твоего спасенья въ Угличѣ, и какъ тогда противный панъ Непомукъ велѣлъ зарѣзать къ столу бѣдную горлинку...

Димитрій задумался, не то онъ вспомнилъ о неразгаданномъ своемъ прошломъ, не то слова Марины разбередили въ немъ другія воспоминанія...

— Два года... ровно два года... пятнадцатое—шестнадцатое мая... А сколько пройдено въ эти два года!.. До трона дошли,—говорилъ онъ какъ бы самъ съ собой.—До трона... а какъ не высоко до трона... Сердце мое! Радость моя! Такъ надо праздновать этотъ день, первыя имянины нашей любви...

— Да... Еще когда пришла Ляля потомъ...

— Кто это такая Ляля, сердце мое?

— Ляля, покоювка моя, дѣвочка, что влюблена была въ пахолка Тараска... Какъ увидала она меня послѣ твоего ухода изъ парка, такъ и руками всплеснула. «Ахъ, панночко! говоритъ: яки у васъ очи велики стали, ще бильши и кращи якъ були... Таки очи якъ у Богородици, що зъ Рима привезли—Мадонною зовуть»...

— Ахъ, ты, моя Мадонна! Ляля правду сказала въ невинности сердца, ты Мадонна... Отпразднуемъ же сегодни имянины нашей любви, а завтра за дѣло.

— За какое дѣло, милый? Точно ты мало дѣлаешь?

— О! У меня много дѣла впереди, сердце мое, много, такъ много, что во всю жизнь не передѣлаешь... Теперь ужъ готовятся рати и стягиваются къ Ельцу. Когда прибудетъ весь на-

рядъ и обозы съ кормомъ и припасами, тогда я самъ вмѣстѣ съ тобою, сердце мое, поведу мои рати къ Азову... Возьму Азовъ, это у меня будетъ первая дверь въ море... Черезъ эту дверь я выведу мои рати въ море, да въ союзѣ съ королемъ Жигимонтомъ да съ королемъ Генрихомъ четвертымъ французскимъ (къ нему я посылаю посломъ, сердце мое, Якова Маржерета) да съ цесаремъ римскимъ ударю на Царьградъ и изгоню турокъ изъ Европы, освобожу святую Софію, Гробъ Господень...

— Ахъ, милый мой! Великій мой! Какой ты великій!—обнимала его восторженная Марина, мечты дѣтства которой, казалось, уже сбывались, и она подносила ключи отъ Гроба Господня святому отцу, папѣ...

Но послѣдней мечты она не довѣрила своему Димитрію.

— Мой великій! Мой славный!—шептала она.

— Мое величіе и моя слава впереди, сердце мое... Потомъ я хочу воротить русской землѣ то, что принадлежало моимъ прародителямъ, Рюрику, Синеусу, Трувору, князьямъ кіевскимъ, галицкимъ, полоцкимъ... Все это должно быть моимъ, отъ сѣверныхъ морей до южныхъ... Я хочу, чтобъ мои корабли ходили вокругъ свѣта... Потомъ я намѣренъ заложить въ Москвѣ университетъ...

— Такой какъ въ Гейдельбергѣ, милый, куда уѣхалъ...

Она не договорила и покраснѣла... Димитрій замѣтилъ это...

— Кто уѣхалъ въ Гейдельбергъ, сердце мое? — спросилъ онъ.

— Мой знакомый... знакомый татки... Урсулочки... (Она видимо смѣшалась).

— Да кто же, кто, другъ мой?

— Онъ... ты дрался съ нимъ... ранилъ его...

— А! Князь Корецкій, что вздыхалъ по тебѣ.

Тѣнь пробѣжала по лицу Димитрія... Но онъ въ то же время почему-то вспомнилъ Ксенію... вечеръ 23-го іюля... «Митя... дядя... мой!» отозвалось у него въ сердцѣ, и онъ молча обнялъ Марину, не смѣя взглянуть ей въ глаза.

— А помнишь, душа моя, нашу охоту въ Самборѣ?—сказалъ онъ, стараясь скрыть свое смущеніе.

— Когда ты ходилъ на медвѣдя Годунова? Помню, еще бы не помнить этого дня!

— А что? Испугалась развѣ?

— Да, милый, охъ, какъ было страшно!.. Но главное не то, не это я помню...

— Что же это такое другое, сердце мое?

— А то, что тогда въ первый разъ я почувствовала, что люблю тебя... За тебя-то я и испугалась, милый.

Въ это время вошелъ старый Мнишекъ. Онъ былъ встревоженъ. Димитрій замѣтилъ даже, что у него дрожала рука, когда, въ знакъ благословенія, онъ положилъ ее на голову дочери.

— Что скажетъ панъ отецъ?—спросилъ царь.

— Сынъ мой! Тебѣ угрожаетъ опасность... Сегодня пришли ко мнѣ жолнеры и говорятъ, что вся Москва поднимается на поляковъ... Заговоръ несомнѣнно существуетъ...

Царь хладнокровно замѣтилъ:—Удивляюсь, какъ ваша милость дозволяете жолнерамъ приносить всякія сплетни.

— Ваше величество,—отвѣчалъ воевода,—осторожность никогда не заставитъ пожалѣть о себѣ, и потому будьте осторожны!

— Ради Бога, панъ отецъ, не говорите мнѣ объ этомъ больше... Иначе намъ это будетъ очень непріятно... Мы знаемъ, какъ управлять государствомъ... Нѣтъ никого, кто бы могъ что-нибудь сказать противъ насъ, мы никого не казнили, никого не наказали, ни одна слеза не упала еще изъ глазъ моихъ подданныхъ мнѣ на совѣсть... Но еслибъ мы увидѣли что-нибудь дурное, въ нашей волѣ лишить жизни виновнаго...

Онъ говорилъ медленно, строго, царственно... Живые глаза его сдѣлались какими-то стоячими, глубокими, безцвѣтными... Потомъ онъ прибавилъ:

— Хорошо. Для вашего успокоенія я прикажу стрѣльцамъ ходить съ оружіемъ по тѣмъ улицамъ, гдѣ поляки стоятъ...

Вошелъ Басмановъ. Лицо Димитрія прояснилось.

— Что, мой вѣрный?—спросилъ онъ ласково.

— Не безопасно въ городѣ, царь осударь,—тихо отвѣчалъ Басмановъ.

Димитрій нетерпѣливо махнулъ рукой... Марина подошла и ласково положила ему руку на плечо... «Выслушай его», шепнула она, глядя ему въ глаза.

— Ну?—обратился онъ къ Басманову.

— Которые, царь осударь, шесть человѣкъ были взяты почью на твоемъ дворѣ... воры... злодѣи твои...

— Вѣдь трехъ положили на мѣстѣ?

— Точно, царь осударь... А которые трое остались, и тѣ пытаны накрѣпко, и съ пытки ничего не сказали, да такъ въ распросѣ и подохли...

Димитрій задумался... Марина съ мольбою глядѣла ему въ очи, они опять были бездонные, безцвѣтные...

— Хорошо,—сказалъ онъ мрачно,—завтра мы сдѣлаемъ розыскъ... Дознаемся, кто противъ насъ мыслитъ зло... А понѣ я хочу быть добрымъ... ради моей царицы. Спасибо, мой вѣрный другъ!

Басмановъ низко поклонился и вышелъ.

Прошелъ и этотъ день, первыя имянины первой любви загадочнаго человѣка...

Вечеромъ въ новомъ дворцѣ были танцы... Гремѣла музыка, звенѣли шпоры пановъ, шуршали, раздражая мужскіе нервы, шелковыя платья хорошенькихъ пани... Носились, словно херувимчики, миловидные пахолята въ цвѣтныхъ изящныхъ костюмчикахъ, прислуживая Маринѣ и другимъ дамамъ... Пажъ Осмольскій, стоя за стуломъ царицы, тайкомъ цѣловалъ ея роскошную распущенную по плечамъ и перевитую золотыми битями и жемчугомъ косу... Счастье, счастье, безъ конца счастье!..

Теперь все утихло... Гости разошлись... Въ дворцовыхъ сѣняхъ остались только пахолята и нѣсколько музыкантовъ, и всѣ спятъ, разметавшись, гдѣ попало...

Не спитъ одинъ Димитрій на своемъ роскошномъ ложѣ рядомъ съ Мариной... Онъ слышитъ ея ровное, тихое какъ у ребенка дыханіе, чувствуетъ теплоту ея разметавшагося на подушкахъ молодого тѣла... Почему-то въ эту ночь передъ нимъ проходитъ вся его жизнь, полная глубокаго драматизма, поразительныхъ воспоминаній...

Угличъ... не то онъ самъ помнитъ себя въ Угличѣ, не то ему кто-то разсказывалъ объ этомъ... А кто? Гдѣ? Когда?.. Темно, темно, тамъ, въ далекомъ дѣтствѣ—пропасть какая-то глубокая—ничего не видать.

А тамъ монастыри какіе-то... черныя рясы... книги пожелтѣлыя и воскомъ закапанныя... старцы ветхіе, и царевичъ... Да, это въ крови сидѣло, подъ черной рясой и скуфьей колотилось

царское сердце, текла царская кровь, колотился подъ черепомъ этотъ мозгъ безпокойный, царскій...

«И отчего Богданъ Бѣльскій никогда мнѣ прямо въ глаза не смотритъ, когда я разспрашиваю его о своемъ дѣтствѣ?.. А кто этотъ княжичъ Козловскій, о которомъ онъ разъ проговорился?.. Кто онъ, гдѣ пропалъ?..»

Днѣпръ широкій, Кіевъ, пещеры, мощи угодниковъ, Гоща, Брагинъ, Самборъ, Краковъ, Путивль, Москва... Экая лента какая передъ глазами!.. И все чужіе люди назади... Хоть бы одинъ другъ дѣтства... Одна Марина, а отъ дѣтства никого...

Какъ тихо кругомъ... какъ тихо въ Москвѣ...

«Эхъ, Москва, Москва! Эхъ, Русь моя дорогая! Возвеличу я тебя, просвѣщу свѣтомъ ученія, раздвину тебя отъ моря до моря, и будешь ты богатая и могучая, будешь ты царицею царицъ»...

— Охъ, милый!.. Гдѣ ты?—съ испугомъ шепчетъ Марина.

— Что ты, сердце мое?

— Ахъ, какъ страшно... Дай взглянуть на тебя...

И Марина обвилась вокругъ его шеи, глядѣла ему въ очи, на дворѣ свѣтало уже...

— Да, это ты, мой милый, мой царь... а я видѣла во снѣ не тебя, не здѣсь, другого, и онъ говоритъ, что онъ—ты... Какъ страшно...

— Ну, спи же, спи, дорогая моя.

Марина опять уснула... А онъ опять остался съ своими думами...

«Да, я чужой имъ всѣмъ... И мать моя какая-то чужая мнѣ... Ахъ, дѣтство! Дѣтство мое! Да что мнѣ на него оглядываться? Впереди еще цѣлая жизнь, цѣлый океанъ жизни... Какъ тихо въ Москвѣ, вся уснула... Одинъ царь ея не спитъ... Спи, спи, Москва! Спи, русская земля великая! Скоро я разбужу васъ»...

Что это?.. Издали, откуда-то изъ города, прокатился по небу набатный звонъ... Что это такое!

Мы знаемъ, что это такое... Это Шуйскій выступаетъ на сцену...

XXIX. Русская земля проснулась.

Москва взялась за ножъ да за рогатину... Въ пятницу уже на глазахъ этой Москвы поляки видѣли что-то зловѣщее... Паны и гайдуки бросались по лавкамъ и пороховымъ складамъ покупать порохъ, на случай самозащиты, но вездѣ натыкались на эти зловѣщіе глаза и слышали въ отвѣтъ:

— Нѣтъ у насъ зелья...

— Есть зелье, да не про васъ, а на васъ, на ваши песьи головы...

По змѣиному шипу Шуйскаго часть войска, что готовилась итти въ Елецъ, не шла, а окружила Москву змѣинымъ кольцомъ, чтобъ не выпустить того, кого обрекли на смерть...

— И сорока будетъ летѣть изъ Москвы, и сороку бей,— шепнулъ Шуйскій стрѣлецкому головѣ, участвовавшему въ заговорѣ,—то може не сорока, а онъ, бѣсъ еретикъ...

Въ роковую ночь, послѣ послѣдняго пира, когда поляки и москвичи спали, и когда Димитрій, лежа рядомъ съ Мариной, мысленно переживалъ всю свою загадочную жизнь и заглядывалъ въ темное будущее, не спали змѣиные глаза Шуйскаго, отдававшаго разныя приказанія, да нѣкоторыя изъ его сподручниковъ тихо прокрадывались по спящимъ улицамъ Москвы и отмѣчали черными крестами дома, въ которыхъ жили поляки...

— Да почернѣе, братцы, мажьте, не жалѣйте сажи, чтобы видно было, гдѣ краснепькаго подпустить... киновари этой латынской, еретической.

— Подпустимъ, подпустимъ киновари, батюшка князь, у насъ богомазы на этотъ счетъ есть знатные...

— А вы, братцы, расправляйте рѣзвы поженьки да какъ учуете колоколъ полошной, это заговоритъ святой Илья пророкъ на Ильинкѣ, такъ и пойте по улицѣ въ истошный голосъ: «Литва царя хочетъ убить! Литва Москву беретъ!..» Да крестьто имъ и укажьте, нашимъ-то православнымъ: гдѣ крестъ, тамъ литва...

Полошной, набатный колоколъ на Ильинкѣ ударилъ въ тотъ самый моментъ, когда дискъ солнца только что коснулся горизонта, и первый солнечный лучъ брызнулъ на колокольню и, скользнувъ по роковому колоколу, освѣтилъ и озолотилъ рыжую бороду звонаря...

На этотъ ударъ отвѣтили сосѣднія церкви, въ самомъ звонѣ слышалась тревога, испугъ, какой-то странный металлическій призывный крикъ и стонъ и вопль... Нѣтъ ничего страшнѣй набатнаго звона многихъ церквей. Теперь этотъ звонъ вывелся; но кто слышалъ пожарный набатъ, тотъ знаетъ, что колокольный крикъ—самый страшный крикъ, доводящій до ужаса, обезумливающій людей... Это крикъ стихійнаго отчаянія...

Скоро закричали всѣ церкви московскія съ ихъ тысячами колоколовъ, дрогнули всѣ колокольни, и словно вся Москва, и дома, и улицы, и стѣны Кремля, и площади, все задрожало... Ужасъ, неизобразимый ужасъ!..

Москва, какъ ошалѣлая, металась по улицамъ, по площадямъ, искала крестовъ, и уже кое-гдѣ трещали и ломились ворота, звенѣли окна, падали ставни... Ближайшіе валили въ Китай-городъ, къ Кремлю... Всполошенная птица, какъ и люди, металась изъ стороны въ сторону, кричала, каркала, боясь сѣсть на крыши, на заборы, на церкви, все кричало и стонало...

А Шуйскій уже на Красной площади, на конѣ... Только что выглянувшее солнце золотитъ его серебряную бороду, искрится на сѣдыхъ волосахъ, на крестѣ, который онъ держитъ въ одной рукѣ, а въ другой—голый, сверкающій какимъ-то холоднымъ свѣтомъ мечъ... Онъ, на конѣ, такой бодрый, величественный... Куда дѣвались его лисьи прячущіеся глаза? Они смотрятъ открыто, строго, зло, не боясь свѣта солнца... Да и чего имъ теперь бояться? Кого? Прежде Шуйскій боялся царей и лукавилъ передъ ними, пряча свои лукавые глаза: лукавилъ передъ Грознымъ, лукавилъ передъ убогимъ Ѳедей царемъ, лукавилъ передъ Борисомъ Годуновымъ, лукавилъ передъ Ѳедей Годуновымъ, лукавилъ до сегодня и передъ этимъ, что тамъ, въ Кремлѣ, спитъ можетъ быть, лукавилъ и обманывалъ.

Тутъ же, около Шуйскаго, на площади, Голицыны, Татищевъ, тоже на коняхъ, въ боевомъ видѣ... Тутъ же и толпа пѣшихъ, большею частью тѣхъ, лица которыхъ видѣлись на послѣднемъ вечернемъ собраніи у Шуйскаго—Григорій Валуевъ, Тимофей Осиповъ и другіе... Это они, только тѣ, да не тѣ лица: что-то особенное на нихъ написано... И блестятъ на солнцѣ ножи, топоры, стволы ружей, острія копій, рогатинъ...

А колокола захлебываются, гудятъ и ревутъ... Ревутъ и народъ, заполняя своими тѣлами Красную площадь...

— Кого бьютъ! За кого стоять?

— Царя бьютъ...

— Царя! О! О!—стонетъ площадь.—Кто бьетъ?

— Литва!

— О! Литву, литву бить! Литву топить!

И обезумѣвшая отъ колокольнаго звона и отъ собственныхъ криковъ городская толпа ринулась въ разныя стороны искать поляковъ... Биться, драться—магическія слова для людей!..

— Кресты, братцы! Кресты ищи! Помни кресты!

И толпа отхлынула въ городъ искать крестовъ... Тогда Шуйскій съ кучею заговорщиковъ двинулся въ Кремль, ему не литва нужна была, а голова рыжая...

А рыжая голова не спала... точно она предчувствовала, что ей ужъ больше не придется вспоминать свою жизнь, и вспоминала въ послѣдній разъ.

Услыхавъ набатный звонъ, Димитрій тихонько всталъ съ постели, боясь разбудить Марину, наскоро одѣлся и быстро направился на свою половину дворца... «Колоколъ зоветъ меня къ дѣятельности, къ царственному дѣлу... Довольно пировъ, довольно веселья... Мой медовый мѣсяцъ пусть кончится недѣлей, довольно... Теперь же за дѣло, и земля повернется на оси, когда я, вознесши мое царство превыше всѣхъ царствъ земныхъ, толкну ее ногою какъ мячикъ игральный», шепталъ онъ, входя въ сѣни... Въ дверяхъ онъ столкнулся съ Димитріемъ Шуйскимъ.

— Что это за звонъ?

— Пожаръ въ городѣ, царь осударь.

— Такъ я сейчасъ ѣду.

И онъ воротился къ Маринѣ, чтобъ взглянуть на нее, на сонную, и успокоить, если она проснется...

Но звонъ становился ужасенъ. Словно волна, онъ близился къ Кремлю, заливалъ уже Кремль, гудѣлъ надъ самымъ ухомъ... Это дядя Сигнѣй усердствовалъ въ Успенскомъ... На дворѣ голоса, угрожающіе крики... «А! Рабы лѣнивые!.. Это вы о бичѣ соскучились... Я былъ слишкомъ добръ для васъ... Такъ я буду для васъ Ровоамомъ: отецъ мой билъ васъ жезломъ, а я буду бить скорпіями, вы сами этого хотите»...

А вотъ и Басмановъ, тревожный, испуганный.

— Что тамъ? Поди, узнай!

Басмановъ отворяетъ окно на дворъ... на дворѣ уже сверкаютъ сѣкиры, ножи, торчатъ рогатины...

— Что за тревога? Что вамъ надобно, эй!—кричитъ Басмановъ стальнымъ голосомъ.

— А отдай намъ своего царя вора! Отдай, тогда поговоришь съ нами!—отвѣчаетъ толпа.

— Подавай его сюда! Вали сюда!

Басмановъ бѣжитъ къ Димитрію... «Загула струна, загула и лопнетъ... Лопнула!»—заколотилось у него въ груди.

— Ахти мнѣ, государь! Самъ виноватъ! Не вѣрилъ своимъ вѣрнымъ слугамъ... Бояре и народъ идутъ на тебя,—говорилъ онъ, наскоро опоясывая саблю.

«А! Холопье сѣмя!.. А если я въ самомъ дѣлѣ не тотъ?»—мелькнуло у него въ умѣ... «Нѣтъ! Нѣтъ!»

Въ дверяхъ толпились нѣмцы алебардщики, они защищали входъ.

— Запирайте двери, мои вѣрные алебардщики!.. Если я голыми руками взялъ цѣлое царство московское, то съ вашей помощью я удержу эту ошатѣлую клячу... О! Горе измѣнникамъ!..

Но ошатѣлая кляча была сильнѣе, чѣмъ онъ думалъ. Еще съ вечера Шуйскій именемъ царя приказалъ дворцовой стражѣ, алебардщикамъ и стрѣльцамъ, разойтись по домамъ, такъ что изъ всего караула, состоявшаго изъ ста человѣкъ однихъ алебардщиковъ, осталось на стражѣ человѣкъ до тридцати. Съ Шуйскимъ же явилось ко дворцу болѣе двухсотъ заговорщиковъ.

Мастерски задумалъ Шуйскій свой роковой ходъ, мастерски и дѣлалъ его, ступалъ увѣренно, разсчитанно: семь разъ примѣривался, чтобы одинъ разъ отрѣзать ненавистную ему рыжую голову...

Когда его молодцы приблизились ко дворцу, онъ слѣзъ съ коня, набожно взошелъ на ступени Успенскаго собора и набожно поцѣловалъ соборныя двери.

— Кончайте скорѣе съ воромъ, съ Гришкою Отрепьевымъ!—сказалъ онъ, указывая на дворецъ крестомъ, тѣмъ, что далъ ему Гермогенъ казанскій.—Кончайте! Коли не убьете его, онъ намъ всѣмъ головы сниметъ.

Толпа ломилась бѣшено, дико. Алебардщики не выдержали и подались назадъ... Раздались выстрѣлы...

— Государь, спасайся!—кричитъ вѣрный Басмановъ.—Я умру за тебя!

Но упрямая рыжая голова еще вѣрила въ себя... Безстрашно, съ закушенными отъ злости губами, Димитрій выступаетъ впередъ и громко требуетъ своего меча...

— Подайте мнѣ мой мечъ!

Но гдѣ царскій мечъ? Куда дѣвался мечникъ?... Нѣтъ его... Вѣдь онъ тоже—Шуйскій-Скопинъ, и лукавой крови и въ него попала капля... Нѣту великаго мечника князя Михайлы Васильевича Скопина-Шуйскаго, и нѣтъ налицо царскаго меча...

Царь выхватилъ алебарду у Вильгельма Шварцгофа и, показавшись въ наружныхъ дверяхъ, закричалъ къ толпѣ рѣзко

— Я вамъ не Борисъ!

Толпа прикипѣла на мѣстѣ... Да это царскій голосъ, страшный, какъ погребальный звонъ, рѣзкій, какъ свистъ сѣкиры палача... Ни съ мѣста, замерли, закоченѣли, на звѣрей напалъ страхъ...

Изъ толпы порсвистала пуля, грянуло... Но толпа ни съ мѣста... страшно... это царь... надо падать ницъ...

Но Басмановъ испортилъ все дѣло... Онъ вздумалъ защищать того, чей голосъ заставлялъ звѣрей трепетать... Онъ бросился впередъ, заслонилъ собою того, кто ужасъ наводилъ на толпу.

— Братцы,—говорилъ онъ,—бояре и думные люди! Побойтесь Бога, не дѣлайте зла царю вашему, усмирите народъ, не безславьте себя!

Дуракъ! Погубилъ все дѣло... Татищевъ сразу понялъ это и, сказавъ крѣпкое слово, такое крѣпкое, какое въ состояніи выговорить только ротъ русскаго человѣка, ударилъ Басманова ножомъ прямо въ сердце... Басмановъ, какъ снопъ, съ хрипомъ скатился съ лѣстницы...

Кровь пролита, крѣпкое слово сказано, и звѣри опомнились... Крѣпкое слово для рускаго человѣка—это нѣчто всесильное, непобѣдимое, нерушимое, сильнѣе и нерушимѣе благословенія родительскаго...

Послѣ крѣпкаго слова Татищева для толпы уже не было царя, не было страха... Толпа зарычала. Раздались выстрѣлы, крики, полилось рѣкой крѣпкое русское слово, полилось, и нѣту удержу ярости русскаго человѣка...

Царь отступилъ, передъ нимъ уже были не люди, не подданные... Алебардщики заперли двери, но не надолго, трескъ и грохотъ падающихъ половинокъ показалъ, что все разрушается легче, чѣмъ сочидается...

Димитрій дальше отступилъ... О! Давно ли онъ только наступалъ, но не отступалъ? А теперь приходилось отступать... Куда? Съ трона? Въ могилу?..

Дрожитъ отъ ударовъ и слѣдующая дверь... это тронъ дрожитъ... порфира спадаетъ съ плечъ, корона валится съ головы... держава, скипетръ, все вываливается... разступается земля... шатается міръ...

О! А давно ли онъ этой землѣ, всему шару земному хотѣлъ пинка дать, на оси перевернуть?..

Димитрій схватился за голову, рветъ рыжіе волосы... за что?.. О! Онъ знаетъ за что... за вѣру въ людей!.. Онъ имъ вѣрилъ, имъ... О! Да скорѣе звѣрямъ можно вѣрить, чѣмъ имъ... Рви же, бѣдный, рви до послѣдняго свои рыжіе волосы!..

А звонъ, Господи! А крики! Да это небо взбѣсилось, земля обезумѣла, мѣдь на колокольняхъ взбѣсилась и звонитъ, звонитъ!

А Марина... Боже мой! Да къ ней пройти нельзя... началась разлука... ухнулъ медовый мѣсяцъ, недѣля одна... Все ухнуло... Гдѣ-жъ Марина?.. Вонъ ея окно... Въ окно крикнуть?

— Здрада! Здрада! Сердце мое! Здрада!

Точно и голосъ-то не его... Да не его, не своимъ голосомъ кричитъ иногда человѣкъ, истинно не своимъ... У него взяли и царство его, и его Марину, и его голосъ!

Нѣту спасенья... Бѣжать?.. О, позоръ! Позоръ бѣжать царю, ему, что вселенной пинка давалъ... Бѣжать!.. Но и бѣжать-то ужъ некуда... А надо бѣжать... Какая-то страшная невѣдомая сила ему пинка дала... Подзатыльникъ землѣ... подзатыльникъ московскому царству, и ему, царю подзатыльникъ... Онъ начинаетъ съ ума сходить...

Нѣтъ еще, не сошелъ... Вонъ окно, вонъ спасенье... на эти лѣса, что поставлены для иллюминаціи... иллюминація б у д е т ъ въ воскресенье, это завтра б у д е т ъ...

Онъ прыгнулъ на лѣса, какъ собака прыгаетъ изъ окна, прыгнулъ, споткнулся на лѣсахъ и полетѣлъ на землю... съ вы-

соты тридцати футовъ... «О, зачѣмъ я не жуликъ не воръ, а царь, я-бъ не споткнулся»...

Въ этотъ же моментъ, когда онъ пожалѣлъ о томъ, что онъ не жуликъ и не умѣетъ изъ оконъ прыгать, онъ потерялъ сознаніе... Москва, тронъ, царство, Марина, свѣтъ божій, все исчезло, и самъ онъ исчезъ...

. . . . . .

— Милый! Милый! Гдѣ ты?—спрашивала Марина, проснувшись и не видя около себя мужа.

Никто не отвѣчалъ. Слышался только набатный звонъ. Марина вскочила съ постели и подошла къ окну, въ городѣ слышался страшный шумъ, заглушаемый ревомъ колоколовъ.

— Пани охмистрина! Пани охмистрина!

Но ревъ колоколовъ заглушалъ даже ея собственный голосъ, пани охмистрина не откликалась... Напротивъ, слышались голоса извнѣ... грозные возгласы... «О Езусъ-Марія!..» молніей прорѣзала ее страшная догадка... «Такъ скоро!..»

Марина наскоро надѣла туфли, первую попавшуюся юбку, и въ одной сорочкѣ, въ той, въ которой спала съ Димитріемъ, простоволосая, бросилась въ нижніе покои, подъ своды, никого не встрѣчая на пути... Слышны уже были крики и выстрѣлы въ самомъ дворцѣ... Страшно, о! какъ страшно!.. «Гдѣ онъ? Что съ нимъ?.. Татко»...

Она бросилась опять наверхъ... Слышитъ стукъ оружія, человѣческихъ ногъ... Валитъ какая-то толпа, страшныя лица, страшные возгласы...

— Ищи еретика!

— Давай его сюда, вора!

Марина прижалась... «Его ищутъ... онъ еще живъ... Боже!..» Толпа, не замѣтивъ своей царицы, сталкиваетъ ее съ лѣстницы... Бѣдная!.. Она закрыла лицо руками и тихо заплакала, прижавшись въ уголокъ...

Вдругъ кто-то схватилъ ее за руки... «Ваше величество!» Это былъ ея пажъ, юный Осмольскій, который искалъ ее...

— Ваше величество! Здрада! Спасайтесь!

— А мой царь? Мой мужъ?

Осмольскій махнулъ рукой... «Спасайтесь! Умоляю васъ!» И онъ силой увлекъ ее во внутренніе покои, прикрывая своимъ плащемъ ея голыя плечи и грудь... А давно ли онъ стоялъ тре-

нетно за ея стуломъ и украдкой цѣловалъ ея роскошные волосы?.. Теперь они безъ жемчуга и золота, разметались по бѣлой сорочкѣ и по голой спинѣ...

— О, Боже! Царица! Гдѣ вы были? Я искала васъ!—вскричала гофмейстерина.

Комната, куда Осмольскій ввелъ Марину, была наполнена придворными дамами... Картина была неуспокоительная, на лицахъ у всѣхъ былъ ужасъ... Та въ отчаяніи ломала руки; другая молилась, распростершись на полу... Между ними былъ одинъ только мужчина, и тотъ почти мальчикъ, вѣрный пажъ царицы, Осмольскій... Слыша приближеніе враговъ, онъ заперъ двери и съ саблею наголо оберегалъ ихъ...

— По моему трупу злодѣи пройдутъ до моей царицы!—говорилъ бѣдный юноша, сверкая глазами.

Дверь гряхнула... Грянули ружейные выстрѣлы, и трупъ былъ готовъ: какъ подкошенная травка, упалъ честный юноша на полъ, раскинувъ руки и глазами ища свою царицу... Если кто вѣрно и искренно любилъ ее, такъ это онъ, этотъ честный мальчикъ...

— О, варвары!—хрипѣлъ онъ, истекая кровью и силясь взмахнуть саблею.

Его изрубили въ куски какъ капусту...

— А! Змѣенышъ литовскій! Сѣки змѣеныша мельче, оживетъ!—кричала рыжая борода и бритая голова только что вырвавшагося изъ тюрьмы колодника.

И мелко-мелко изсѣкли тѣло бѣднаго мальчика... Женщины, какъ ягнята среди волковъ, сбились въ кучу, и ни слова, ни крика, только дрожатъ... Въ сторонѣ отъ этой трепетной кучки пани Хмѣлевская, тоже пораженная пулею, истекаетъ кровью... Только руки вздрагиваютъ, да старое лицо подергивается смертными судорогами...

Въ этотъ моментъ, снизу, со двора, послышались крики:

— Нашли, нашли еретика!

Всѣ поняли, кого нашли... Марина даже не вскрикнула, она только сжала свои челюсти такъ, что онѣ хрустнули... «Прощай, мой милый... прощай, мой царь»... И она вспомнила свой самборскій паркъ, гнѣздо горлинки... О! Зачѣмъ было все то, что было?..

XXX. Вѣрная собака надъ трупомъ Димитрія. Москва стрѣляетъ пепломъ отъ сожженнаго царя.

Какъ жалобно гдѣ-то воетъ собака... Ноетъ, плачетъ, буквально плачетъ бѣдный песъ, словно Богу на людей жалуется, оплакивая кого-то... Кого онъ оплакиваетъ?

— О, armer Hund!—бормочетъ сердобольный нѣмецъ, алебардщикъ Вильгельмъ Фирстенбергъ, которому, несмотря на совершающіеся кругомъ ужасы, стало жаль бѣдной собаки.—Вѣрно недаромъ воетъ.

Подходитъ и между лѣсами, подъ окнами дворца, видитъ распростертаго на землѣ, кого же? Царя! Царя, котораго онъ еще недавно защищалъ отъ разъяренныхъ звѣрей, но не могъ защитить... О, бѣдный царь!

Такъ это надъ нимъ, надъ царемъ, раздается собачій плачъ!.. Никого не нашлось, кромѣ собаки, кто бы его оплакалъ... и она плачетъ... Это его собака, она, голодная деревенская собака, какъ-то пристала къ нему на охотѣ, подъ Москвою, и съ тѣхъ поръ не оставляла его... Да, это она оплакиваетъ московскаго царя, такого же, какъ и сама она, приблуду... То начнетъ лизать ему руки, лицо, то опять ударится въ слезы, воетъ, воетъ, такъ что сердце надрывается...

Заплакалъ и добрый нѣмецъ, честный слуга своего господина... Собака плачетъ!.. А люди... о, порожденіе скорпіевъ! Люди или пресмыкаются, ползаютъ въ ногахъ, или топчатъ ногами...

Добрый нѣмецъ бережно приподнялъ несчастнаго царя... Онъ живъ еще, онъ дышетъ...

— Господи, да никакъ это царь батюшка?

— Онъ и есть! Ахти, родимые! Что съ нимъ? Убитъ?

Это стрѣльцы увидали своего царя и бросились къ нему...

— Онъ упалъ, знать, сердешный, расшибся... Ахти, горе какое!

— На вѣтеръ его, братцы, на вѣтеръ, онъ маленько оклемастъ...

Подняли на руки. Несчастный только стопалъ въ безпамятствѣ. Нѣмецъ алебардщикъ далъ ему понюхать спирту, потеръ виски... Мало-по-малу онъ началъ приходить въ себя, осматриваться... Его положили на плащъ...

— Гдѣ я? Что со мной?

Собака съ радостнымъ визгомъ лизала ему руки, заглядывала въ глаза... Онъ узналъ собаку...

— Приблуда... собака моя вѣрная... цабинька добрая...

Наконецъ, онъ узналъ алебардщика, стрѣльцовъ... Вспомнилъ, все вспомнилъ разомъ! Да и нельзя было не вспомнить, крики, звяканье оружія, выстрѣлы, бѣготня, все говорило само за себя... Стрѣльцы жалостно смотрѣли на своего злополучнаго царя. Онъ жалобно стоналъ...

— Охъ... спасибо, мои вѣрные... Что царица?

— Не вѣдаемъ, царь осударь: мы только что пришли къ тебѣ, услыхали сполохъ и пришли.

Изъ окопъ дворца кто-то крикнулъ: «Вонъ онъ, еретикъ!»

Димитрій услыхалъ этотъ крикъ и затрепеталъ всѣмъ тѣломъ.

— Братцы! Охъ, обороните вы меня отъ злодѣевъ, отъ Шуйскихъ, обороните, Господа ради, милые мои, православные!.. Ведите меня къ міру, на площадь, передъ Кремль... Братцы вы мои! Милые! Я вознесу васъ выше всѣхъ, озолочу васъ... боярскихъ женъ и дочерей отдамъ вамъ въ неволю, все добро ихъ ваше будетъ... Несите меня...

Въ это время послышались яростные крики заговорщиковъ: «Вонъ онъ! Вонъ онъ!»

— Нашли еретика!

— Давай его сюда!

Заговорщики наступали. Стрѣльцы, сомкнувшись въ строй, прикрыли своего царя.—«Стой! Ни съ мѣста!» Заговорщики не слушались... Стрѣльцы дали залпъ по дворянамъ, нѣкоторыхъ положили на мѣстѣ... Заговорщики дрогнули, попятились назадъ... «Тутъ, братцы, бьютъ, стрѣльцы»...

— Заряжай!—командуютъ стрѣльцы.—Стрѣляй ихъ, лизоблюдовъ!

Лизоблюды окончательно смѣшались... Но въ это время показался самъ Шуйскій, верхомъ на конѣ и съ крестомъ. Приблуда, увидавъ его, бѣшено зарычала, бросилась тигромъ и вцѣпилась въ морду коня... Конь одыбился и чуть не сбилъ Шуйскаго съ сѣдла. Собака кинулась на самого Шуйскаго, такъ что онъ насилу увернулся отъ ея зубовъ...

— Цыцъ, проклятый песъ!.. Стойте! Стойте!—кричалъ Шуйскій пересохшимъ горломъ.—Куда бѣжите! Отъ него не спря-

четесь, онъ не таковскій, чтобъ забылъ обиду... Это це простой воръ, это змій свирѣпый! Душите его, пока онъ въ ямѣ, а выползетъ, то и намъ горе, и женамъ нашимъ, и дѣтямъ...

Заговорщики воротились. Стрѣльцы опять приложились къ ружьямъ... Критическая минута! Вся Россія на волоскѣ, на волоскѣ нѣсколько столѣтій, цѣлая будущая исторія страны, на одномъ тонкомъ волоскѣ: уцѣлѣетъ или не уцѣлѣетъ этотъ неразгаданный «змій», задумавшій такъ много, или вмѣсто него надъ русскою землею очутится властителемъ амфибія, врагъ телятины?.. Выдержитъ ли волосокъ?..

Нѣтъ, не выдержалъ! Слишкомъ велика тяжесть, которая висѣла на немъ: шутка ли, вся старая Русь на одномъ волоскѣ, Русь великопостная, Русь сугубой аллилуіи и двуперстнаго сложенія, Русь поповская и монашеская, Русь скоромной гусиной зубочистки, Русь мухи, попавшей въ дароносицу и не обсосанной, Русь, боящаяся телятины...

Лопнулъ волосокъ!.. Кто-то геніальный закричалъ въ толпѣ заговорщиковъ:

— Коли такъ, такъ идемъ, братцы, въ стрѣлецкую слободу, побьемъ ихъ сукъ-стрѣльчихъ со щенятами-стрѣльчатами... Пущай они берегутъ вора, обманщика, злодѣя! Идемъ!

— Дѣло! Идемъ! Идемъ!

Стрѣльцы не выдержали... Сами бы они готовы были умереть, вынести великія муки, но дѣтки ихъ, жены... нѣтъ, это было выше ихъ силъ... Для дѣтей и женъ они отступились отъ царя...

Опять осталась около него одна Приблуда: ни у него, ни у нея никого не было на свѣтѣ...

Подошли заговорщики вмѣстѣ съ боярами и думными людьми. По лицамъ ихъ видѣлъ несчастный, что его ожидало...

— Батюшка!—вскричалъ онъ, поднимая руки къ небу.— Батюшка мой! Отецъ! Царь Иванъ Васильевичъ!.. Погляди на меня, на своего сына... Погляди, что со мной дѣлаютъ! Батюшка! Родитель мой! Защити меня...

— Какой онъ тебѣ батюшка, еретикъ окаянный!—закричалъ Григорій Валуевъ.—Песъ твой батюшка, сука твоя матушка...

Приблуда кинулась на оскорбителя и чуть не схватила его за горло.

— Цыцъ, дьяволъ! Цыцъ! Вотъ отецъ твой, окаяннос отродье!—И онъ ножемъ отсѣкъ ухо у собаки.

Димитрія подняли и потащили во дворецъ, въ новый «парадизъ» его. Самъ онъ не могъ итти: когда сорвался съ лѣсовъ, то вывихнулъ себѣ ногу, зашибъ голову, расшибъ грудь...Онъ былъ несказанно жалокъ... Рыжая, угловатая, такъ крѣпко сидѣвшая на плечахъ голова, еще недавно украшенная короной, дрожала. Лицо подергивало. Глаза искали своихъ въ толпѣ; но никого не находили... Только голубые, добрые глаза нѣмца Фирстенберга глядѣли участно, грустно... Вонъ трупъ Басманова, распростертый на землѣ: открытые глаза, остеклѣвшіе давно, глядятъ на небо, на солнце... Нѣтъ, и тамъ, въ небѣ, нѣтъ ни жалости, ни правды...

— Ихъ-то за что! Бѣдные мои!—невольно простоналъ злополучный царь, увидавъ въ сѣняхъ своего дворца обезображенные трупы музыкантовъ и пахолятъ.

Да, и этихъ не пощадили... Еще бы! Они—скоморохи, бѣсовскимъ гудѣньемъ занимались; а музыка отъ бѣса... И гудцы ихъ, и сопѣли, и бубны, и накры, и домры, все разбито, растрощено вдребезги, все это сатанинское...

А пахолята... совсѣмъ дѣти, съ дѣтскими личиками, но эти личики уже мертвы... Эти змѣеныши литовскіе...

Парадизъ весь окровавленъ, загрязненъ, все въ немъ разбито, растащено...

Бѣдные алебардщики... они обезоружены... они не смѣютъ поднять глазъ на своего царя... Только добрый Фирстенбергъ проскользнулъ вслѣдъ за думными людьми, и, видя, что царю опять становится дурно, что его поразила эта картина разрушенія, сердобольный нѣмецъ хотѣлъ снова дать страдальцу понюхать спирту... Несчастный! Не успѣлъ онъ поднести роковой пузырекъ къ страдальцу, какъ надъ головой его свистнула алебарда, и сердобольный нѣмецъ съ разсѣченнымъ надвое черепомъ упалъ мертвымъ...

— Собакѣ собачья и смерть!.. Эти собаки-иноземцы и теперь не оставляютъ своего воровского государя! Надо всѣхъ ихъ побить!

— За что ихъ бить? Не они причинны, а вотъ онъ... Онъ всему злу корень...

— А! Еретикъ окаянный!—кричатъ московскіе люди.—Что! Удалось тебѣ судить насъ въ субботу!

— А! Ты Сѣверщину хотѣлъ отдать Польшѣ!

— Ты латынскихъ поповъ привелъ!

— А зачѣмъ ты взялъ нечестивую польку въ жены и некрещеную въ церковь пустилъ?

— Казну нашу московскую въ Польшу вывозилъ!

И при этомъ одинъ бьетъ его по головѣ, приговаривая «вотъ тебѣ вѣнецъ!» Другой тычетъ пальцемъ въ глаза, поясняя: «у, буркалы воровскія!» Третій щелкаетъ его по носу, прибавляя «вотъ тебѣ трынка! вотъ тебѣ хлюстъ!» Четвертый дергаетъ за ухо... Несчастный молчитъ: унизительно было бы передъ такимъ народомъ даже стонать... и онъ не стонетъ, онъ не хочетъ даже видѣть этихъ звѣрей... Онъ закрылъ глаза, онъ переживалъ то, что долженъ былъ переживать нѣкогда его предмѣстникъ, юный Годуновъ...

— А отгадай, еретикъ, въ которую щеку я тебя ударю?—говоритъ свирѣпый Валуевъ и бьетъ его въ обѣ щеки.

Срываютъ съ него кафтанъ и надѣваютъ снятую съ одного каторжника, дырявую гуньку кабацкую, а на каторжника надѣваютъ царскій кафтанъ...

— Смотрите, братцы, каковъ царь-осударь, всеа Русіи самодержецъ! Вотъ такъ царь!—кричатъ изверги.

— О! Да у меня такіе цари на конюшнѣ есть,—издѣвается бояринъ, о которомъ Димитрій какъ-то неосторожно выразился, что его лошадь умнѣе своего сѣдока... Бояринъ этотъ былъ Мстиславскій.

Наконецъ, начинается формальный допросъ. Григорій Валуевъ подходитъ, снова бьетъ несчастнаго въ щеку и спрашиваетъ:

— Говори, бл...ъ сынъ, кто ты таковъ? Кто твой отецъ? Какъ тебя зовутъ? Откуда ты?

— Вы знаете,—тихо отвѣчаетъ страдалецъ,—я царь вашъ и великій князь Димитрій, сынъ царя Ивана Васильевича... Вы меня признали и вѣнчали на царство... Коли и теперь еще не вѣрите, спросите у моей матери, она въ монастырѣ... Спросите ее, правду ли я говорю... А то вынесите меня на Лобное мѣсто и дайте говорить...

Гдѣ ужъ тутъ говорить! Не этого хотятъ его враги... Еслибъ тутъ былъ народъ, онъ разорвалъ бы бояръ; но бояре знали народъ, они натравили его на поляковъ...

— Несите меня къ матери, къ народу...

— Сейчасъ я былъ у царицы Маѳы,—кричитъ князь Иванъ Голицынъ во всеуслышаніе,—она говоритъ, что это не ея сынъ... Она-де признала его поневолѣ, страшась смертнаго убійства, а нонѣ отрекается отъ него!

Эти слова передаются на дворъ, въ толпу... Вѣдь судъ идетъ якобы всенародный...

На дворѣ и Шуйскій Василій. Онъ все попрежнему на конѣ, съ крестомъ и мечомъ. Какъ ни много у него лукавства и силы воли, но его бьетъ лихорадка: «змій» еще не задушенъ, можетъ выползти изъ ямы, и тогда горе, горе Шуйскому! Да и народъ, это морскія волны въ моментъ захлестнутъ и разобьютъ все, на что бы ихъ ни направили...

— Мать вона, слышь, отрекается отъ него,—говоритъ онъ толпѣ.—Да и какъ не отречься? Царевича-то я самъ видѣлъ въ гробу въ Угличѣ... Кончать бы съ этимъ зміемъ...

— Винится ли злодѣй?—кричитъ толпа.

— Винится!

— Бей! Руби его!—ревутъ на дворѣ.

— Что долго толковать съ еретикомъ!—рѣшаетъ Валуевъ.—Вотъ я благословлю этого польскаго свистуна!

И выстрѣломъ изъ ружья разомъ убиваетъ несчастнаго...

Но людямъ мало простого, хотя бы самаго безчеловѣчнаго убійства! Надо насладиться еще своимъ позоромъ, надо надругаться надъ трупомъ, вотъ гдѣ наслажденіе человѣка, неизвѣстное звѣрю. Что жъ, что трупъ не чувствуетъ? Все-таки надо бить его, терзать; повторять свое наслажденіе, предаваться иллюзіи убійства.

И вотъ москвичи повторяютъ наслажденіе убійства надъ трупомъ убитаго ими невѣдомаго человѣка: кто даетъ мертвецу пощечины, кто деретъ за волосы, кто топчетъ ногами... Не домучили, перемучить надо: и его рѣжутъ ножами, бьютъ дубьемъ...

— А ну, братцы, кто разомъ два ребра перешибетъ кулакомъ?—кричитъ Валуевъ.

— Я три сразу перешибывалъ,—отвѣчаетъ рыжій арестантъ съ стриженою головою.

И начинается турниръ кулачный надъ трупомъ, московскій турниръ: кто сразу больше перешибетъ реберъ... Не долго били...

— Нечего бить, братцы, всѣ перешиблены, каша одна...

И къ ногамъ обезображеннаго трупа привязываютъ веревку...

мало того: надо москвичамъ показать себя еще отвратительнѣе, такъ отвратительно, какъ только можетъ быть отвратительна изобрѣтательность человѣческой глупости и жестокости... Трупъ влекутъ по лѣстницѣ... Колотится рыжая, раздробленная голова объ дворцовыя ступеньки, объ тѣ ступеньки, по которымъ ноги этой рыжей, раздробленной головы еще такъ недавно взбирались на тронъ... Колотится рыжая голова, а москвичи приговариваютъ:

— Но-но, литовская лошадка! Вези еретицкую душу къ сатанѣ въ адъ...

Тащутъ его черезъ весь Кремль къ Красной площади... Шуйскій, увидѣвъ трупъ, невольно вздрогнулъ отъ ужаса: «Да это не онъ, не его тащутъ... не его убили... Онъ опять придетъ...» Смертная блѣдность покрыла лицо зачинщика всего этого дѣла, и крестъ задрожалъ въ его рукѣ... «Охъ, это не онъ, не онъ!.. Онъ змій... онъ въ Угличѣ изъ гроба выползъ, онъ опять выползетъ...»

Даже собака Приблуда не узнала его!.. И только когда обнюхала оставленный имъ на землѣ кровавый слѣдъ, опять страшно завыла...

Трупъ тащутъ мимо воскресенскаго монастыря, гдѣ жила царица Марѳа.

— Показать его царицѣ!—кричитъ кто-то.

— Вызвать царицу!

Останавливаются... Царица выходитъ... При видѣ того, что лежало на землѣ, старуха въ ужасѣ закрываетъ глаза...

— Говори, царица Марѳа, твой ли это сынъ? — кричатъ убійцы.

Старуха открываетъ глаза, съ содраганіемъ смотритъ на кучу безобразнаго мяса и говоритъ загадочно:

— Это не мой... Было бы меня спрашивать, когда онъ живъ былъ... А теперь, какъ вы его убили, онъ уже не мой!

Шуйскій, услыхавъ это, взглянулъ на царицу такими добрыми глазами, что бѣлый голубь, котораго старуха прикормила къ себѣ, и онъ всякій разъ садился ей на плечо, какъ она показывалась на дворѣ, и который сѣлъ и теперь ей на плечо въ ожиданіи корма, даже глупый голубь понялъ всю ехидность глазъ Шуйскаго и съ испугу улетѣлъ на колокольню.

Но слово сказано, воротить нельзя...

Обезображенный трупъ волокутъ далѣе, и на пути измышляютъ невозможныя, самыя дикія надругательства. Болѣе всего

усердствуютъ Охотный и Обжорный ряды. Они идутъ впереди этой возмутительной процессіи и несутъ, одинъ воткнутую на палку гнилую тыкву, другой трубочистную метлу на шестѣ, третій дохлую кошку, насаженную на рогатину...

— Что это, братцы, на рогатинѣ? Ноли кошка?

— Нѣту, это стягъ еретичій, хоругва литовская.

— А метла для чего?

— Это, братецъ ты мой, скифетро еретичье...

— Подлинно, подлинно,—поясняетъ Коневъ,—его еретичьи законы этимъ самымъ скифетромъ въ трубѣ писаны.

— А тыква, братцы, зачѣмъ?

— Аль ты не видишь? Это, значитъ, держава еретичья, яблоко державное.

И въ довершеніе надругательства москвичи колотятъ въ разбитые чугуны. «Колокольный звонъ, братецъ ты мой! Знатный звонъ»!.. Тѣшится дикій народъ, тѣшится боярская, торговая и холопья Москва, не умѣя измыслить ничего лучше этого...

Другая толпа тащитъ за ноги же трупъ Басманова, менѣе обезображенный... Бѣшеная оргія съ этой дикой процессіей останавливается на Красной площади.

Трупъ царя кладутъ на маленькій столикъ, на которомъ обыкновенно мясники рѣзали печенку для кошекъ Охотнаго ряду. Столъ былъ длиною не болѣе аршина, и потому царевы ноги свѣсились съ него...

— По одежкѣ протягивай ножки!—острятъ Обжорный рядъ.

Подъ ноги царя кладутъ трупъ Басманова.

— Ты любилъ его живого, пилъ и гулялъ съ нимъ вмѣстѣ, не разставайся съ нимъ и послѣ смерти,—поясняютъ москвичи.

— Православные! Православные! — кричитъ Григорій Валуевъ, верхомъ скачущій изъ Кремля.—Еретичьяго бога нашелъ: вотъ онъ, его богъ!

— Покажъ! Покажъ!

Валуевъ показываетъ маску, найденную въ покояхъ Марины, которая къ завтрашнему дню готовила маскарадъ.

— Вотъ смотрите! Это у него такой богъ, а святые образа лежали подъ лавкой!

И маску кладутъ трупу на грудь... Достаютъ какую-то дудку послѣ убитаго музыканта и всаживаютъ въ ротъ мертвому царю.

— Подуди-ко, подуди! Ты любилъ музыку, подуди-ко намъ! Допрежъ сего мы тебя тѣшили, теперь ты насъ потѣшь!

На грудь царя кладутъ мѣдную копѣйку.

— Это ему плата, какъ скоморохамъ даютъ...

Къ трупу валитъ еще новая, опьянѣвшая толпа... Это тѣ, которые «работали» въ городѣ, били, рѣзали и грабили поляковъ... Покончивъ «работу» и накатившись въ польскихъ погребахъ «венгржину» и «старей вудки», москвичи идутъ тѣшиться къ трупу Димитрія, и тѣшатся: бьютъ мертвеца...

— И моя-де денежка не щербата.

— А вотъ и я! Знай Кузьму-Свиной Овинъ!

— А вотъ и я руку приложилъ! Помни Тереньку плотника! А я еще спорилъ съ дядей изъ-за гашника... А дядя-то правъ! Точно царевичъ въ Угличѣ зарѣзанъ...

Тѣшилась Москва весь день... Ночью, мертвецки пьяная, уснула мертвымъ сномъ...

Пуста Красная площадь, ни души, ни звука, точно вся Москва вымерла...

Около трупа неразгаданнаго историческаго сфинкса оставалось ночью одно только живое существо, собака Приблуда... Какъ жалобно воетъ бѣдный песъ!

Прошло нѣсколько дней. Москва маленько отдохнула послѣ своей «работы», проспалась послѣ кроваваго пира. Теперь она готовитъ что-то новенькое. За Серпуховскими воротами, на Котлахъ, разложенъ огромный костеръ. Около него москвичи толпятся словно около водосвятія. Какъ ни жарокъ майскій день, но москвичи все больше, и больше, и больше разжигаютъ костеръ. Кто несетъ охапку дровъ, кто бревно, кто доску, кто старую рогожу, и все валятъ въ огненную кучу... «Чтобы жарче, братцы, было»... Для чего? Зачѣмъ этотъ костеръ?

— И кинулись мы, братецъ ты мой, на домъ-атъ самово воеводы, на Мнишковъ домъ, этой самой Маришки еретички отца,—разглагольствовалъ, поглядывая на огонь костра, стрѣлецъ Якунька, тотъ самый, что съ Молчановымъ да Шереметиновымъ, да съ стрѣльцами Осипкомъ и Ортемкою удушили молодого Годунова царя съ матерью.—И шарахнули мы съ молодцами на этотъ самый на домъ на Мнишкинъ. Наперли это на ворота, понатужились, ухнули дубинушку, трахъ! Высадили ворота въ

чистую... А тамъ у него, у дьявола, все скоморохи, музыканты да пѣсельники бѣсовскіе, мы и ну ихъ трощить, въ лоскъ вытрощили, весь дворъ тѣлесами ихъ погаными умостили... Ладно! И на душѣ-то весело, малина да и только! Катай ихъ, гусьиныхъ сыновъ! Ну и катали же, я тебѣ скажу, страхъ!.. А самъ-отъ Мишкинъ воевода заперся въ каменныхъ палатахъ, что за каменной стѣной стоятъ. Мы и ну лупить въ стѣны, а которые изъ молодцовъ и черезъ стѣну перебираться стали, по плечамъ... Ну, думаемъ, знатной ухи наваримъ... Коли глядь, бояре ѣдутъ... «Стойте, говорятъ, православные! Нечего-де ихъ бить: мы-де ихъ еретицкаго царя ужъ сверзли, придушили аки пса»... Ладно, придушили, такъ придушили... Мы дальше... Такъ-ту до самой ночи и работали...

— Ужъ и страхи же, мать моя были, какъ его-то, еретика, покончили,—говорила тутъ же у костра баба другой бабѣ, повидимому, деревенской.—Какъ оставили его, мать моя, ночью на Красной площади, такъ всее-то ноченьку бѣсы вокругъ него короводились: то псомъ воютъ, то въ бубны бьютъ, въ сопѣли играютъ...

— А мнѣ, родимушка, дядя Сигнѣй-звонарь сказывалъ,—повѣствовала другая баба,—всее ноченьку около него, еретика, огоньки бѣгали...

— Ой ли? Свѣчечки должно?

— Нѣту, родимушка: языцы огненны, бѣсы, значитъ... У бѣса-то вить языкъ огненный.

— Охъ, Господи! А голубки-то надъ его могилой слетались, сказываютъ...

— Каки голубки?

— Бѣленьки, мать моя... Сидятъ на могилѣ, да и только.

— Да то не голубки, касатушка.

— А кто жъ?

— Бѣсики махоньки.

— Охъ, Владычица! Страсти какія!

— Везутъ! Везутъ!—прошелъ говоръ по толпѣ.

Это везутъ вырытый изъ могилы трупъ неразгаданнаго человѣка... Всѣ отъ него отказались, и земля отказалась: земля не принимаетъ его трупа... И для земли онъ неразгаданное нѣчто, какъ былъ неразгаданнымъ для людей... Надо сжечь его, огонь все принимаетъ...

Привезли останки трупа... Въ рогожѣ онъ... Изъ-подъ рогожи выскользнула бѣлая рука, бѣлая какъ мраморъ... Часть рыжихъ волосъ виднѣется изъ-подъ рогожки...

Бросили въ костеръ несчастный трупъ.. Не горитъ, только темный дымный столбъ поднимается къ небу... И огонь не беретъ его... Ужасъ нападаетъ на толпу... Господи! Кто же онъ? Святой мученикъ или самъ сатана?.. Сатана,—рѣшила Москва, такъ и царь рѣшилъ, новый царь, Василій Шуйскій...

Вынимаютъ трупъ изъ костра баграми, не сгорѣлъ, обуглился только... рубятъ трупъ на мелкія части... «Руби мельче!» настаиваетъ обезумѣвшая толпа... Изрубили мелко, мелко... Швыряютъ куски въ костеръ, ждутъ, шипитъ человѣческое мясо, шкварчитъ словно на сковородѣ...

Все сгорѣло. Потухъ костеръ. Осталась одна зола. Пушкари собираютъ эту золу и всыпаютъ въ заряженную пушку...

— Поверни пушку жерломъ въ ту сторону, откуда пришелъ онъ,—командуетъ пушкарскій десятникъ.

Поворачиваютъ. Напряженно ждетъ Москва.

— Пали!

Вмѣстѣ съ дымомъ вылетаетъ изъ жерла пушки пепелъ и вмѣстѣ съ дымомъ исчезаетъ...

— Погибе память его съ шумомъ, исчезе аки дымъ,—говоритъ Коневъ, осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ.

— Этотъ дымъ всей россійской землѣ глаза выѣстъ,—глухо произнесъ кто-то въ толпѣ, и толпа вздрагиваетъ.

Откуда ни возьмись, выбѣгаетъ собака, это Приблуда, и обнюхивая воздухъ и землю, начинаетъ жалобно выть...

— Къ худу, къ худу, къ худу,—слышится говоръ въ толпѣ. А худо тутъ же, въ глаза глядитъ русской землѣ..

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Стр.
I.	Гришка Отрепьевъ на Дону	1
II.	Явленіе Димитрія	9
III.	Пророчество стараго Заруцкаго	20
IV.	Димитрій у Мнишка	28
V.	На охотѣ	36
VI.	Димитрій у короля Сигизмунда	46
VII.	Димитрій и Марина у гнѣзда горлинки	56
VIII.	Запорожцы въ Кіевѣ	64
IX.	Годуновъ и мать Димитрія	72
X.	Пѣсня Ксеніи	80
XI.	Борисъ у заживо-погребенной	88
XII.	Первыя удачи Димитрія	97
XIII.	Заговоръ въ Путивлѣ	106
XIV.	Ляпуновъ и Офеня	117
XV.	Присяга царскихъ войскъ Димитрію	125
XVI.	Грамота Димитрія	135
XVII.	Гибель Годуновыхъ. Нѣмецкій погромъ	143
XVIII.	Въѣздъ Димитрія въ Москву	146
XIX.	Заговоръ Шуйскаго	156
XX.	Заглазное обрученіе Димитрія съ Мариною	165
XXI.	Димитрій у Ксеніи и Ксенія у Димитрія	174
XXII.	Игра въ снѣжки. Горе «свистуну»	183
XXIII.	Телѣга со стрѣлецкимъ мясомъ	192
XXIV.	Тѣнь Грознаго надъ Москвой	201
XXV.	Смерть въ очи глянула	210
XXVI.	Свадьба — похороны	220
XXVII.	Надъ Москвой тучи собираются	227
XXVIII.	«Спи, спи, русская земля!»	237
XXIX.	Русская земля проснулась	247
XXX.	Вѣрная собака надъ трупомъ Димитрія. Москва стрѣляетъ пепломъ сожженнаго царя	255

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ ИСТОРИЧЕСКИХЪ РОМАНОВЪ, ПОВѢСТЕЙ
И РАЗСКАЗОВЪ
ДАНИЛЫ ЛУКИЧА МОРДОВЦЕВА

Кн. 31.

ПОСЛѢДНІЕ ДНИ ІЕРУСАЛИМА

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ.

Издательство П. П. Сойкина
Типографія
Петроградъ, Стремянная, 12, собств. д.

Кн. 31.

ПОСЛѢДНІЕ ДНИ ІЕРУСАЛИМА

Историческая повѣсть.

ГЛАВА I.

Послѣдніе, роковые дни призрачной государственной независимости судорожно переживала Іудея въ то время, когда пресыщенный самовластіемъ и злодѣяніями Неронъ совершалъ свое артистическое путешествіе по Элладѣ въ качествѣ публичнаго арфиста, пѣвца, декламатора, пожиная незаслуженные лавры, подносимые ему трепетавшими не отъ восторговъ, а отъ ужаса зрителями. Болѣе 1,800 лавровыхъ вѣнковъ украшали его тріумфальное шествіе по Элладѣ во главѣ высшихъ сановниковъ державнаго Рима и многочисленной свиты, когда до него дошли тревожныя вѣсти изъ Іудеи: строптивые потомки патріарховъ и пророковъ рѣшились свергнуть съ себя постыдное ярмо этого державнаго языческаго Рима. Намѣстникъ Сиріи, запрудившій главные города Іудеи римскими гарнизонами, Цестій Галлъ, разбитый подъ стѣнами Іерусалима воинами священнаго города, постыдно бѣжалъ съ остатками своихъ легіоновъ. И это въ то время, когда державному актеру-арфисту рукоплескалъ весь міръ и раболѣпно воскурялись фиміамы подневольной лести потомками Сократа, Платона и Аристотеля, потомками Софокла, Эсхила и Еврипида, Перикла и Аспазіи, Демосѳена и Аристофана, наконецъ, потомками побѣдителей на Олимпійскихъ играхъ!.. И это іудеи! Эта маленькая ехидна среди покорныхъ Риму народовъ, ехидна, дерзающая язвить державную пяту

льва, царя вселенной! Горсть змѣенышей, высокомѣрно величающая себя «избраннымъ народомъ», «народомъ Божіимъ!..» Громы Юпитера!..

Пораженный въ самое сердце этими тревожными вѣстями изъ страны народа-ехидны, который, казалось, дерзновенно осмѣлился сорвать лавры съ его увѣнчанной міровою славою головы, Неронъ старался, однако, подавить закипавшій въ гордой душѣ гнѣвъ, чтобы внутренняя тревога не отразилась на надменномъ лицѣ властелина вселенной, и съ холоднымъ презрѣніемъ сказалъ окружавшимъ его приближеннымъ:

— Во всемъ происшедшемъ въ Іудеѣ виновата больше небрежность полководца, чѣмъ храбрость враговъ... Римъ не увидитъ опозорившаго себя Цестія, лучше бы ему не родиться!.. Парки! Гдѣ ваши ножницы?

Онъ говорилъ высокомѣрно, но мозгъ его сверлилъ вопросъ: «Кого жъ я пошлю на мѣсто Цестія? Кто мнѣ раздавитъ народъ-ехидну?»

Онъ обвелъ взоромъ окружавшихъ его. Всѣ, подавленные извѣстіемъ молчали. Взоръ Нерона остановился на угрюмомъ лицѣ Веспасіана, голова котораго, сильно тронутая сѣдиной, крѣпко сидѣла на воловьей шеѣ. «Его бы послать, этого вепря, упившагося кровью варваровъ и бриттовъ»,—подумалъ императоръ.—«Его пятой задавить ехидну»...

Но онъ тотчасъ же опомнился... «Вепрь откормленный!»—негодовалъ онъ въ душѣ.—«Заснуть въ то время, когда онъ слушалъ величайшаго изъ артистовъ!»

Неронъ не могъ забыть того, что однажды, когда онъ выступилъ передъ избранною римскою знатью въ роли артиста, тучный Веспасіанъ, усыпленный бездарной игрой и декламаціей императора, вдругъ захрапѣлъ на все собраніе!

— Заснуть и храпѣть передъ ликомъ Аполлона!

Неронъ снова обвелъ пытливымъ взоромъ окружавшихъ.

— Некого больше... Пошлю вепря... Подъ свистъ іудейскихъ пращей и копій онъ не уснетъ.

Веспасіанъ, казалось, отгадалъ мысли императора и положилъ руку на рукоятку меча. То же сдѣлалъ и стоявшій около него юноша. То былъ его сынъ—Титъ, на загорѣломъ молодомъ лицѣ котораго лежала тѣнь грусти.

— Покоритель Британіи! — вдругъ обратился Неронъ къ

Веспасіану.—Въ память заслугъ твоихъ отцу моему, божественному Клавдію-Августу императору, я вручаю тебѣ начальство надъ моими легіонами въ Сиріи и въ соединенной Іудеѣ съ Самаріею и Галилеею. Иди и раздави ехидну, подползающую къ моему подножію. Но помни, что іудеи это выродокъ въ семьѣ народовъ всего міра: они не простодушные варвары непроходимыхъ лѣсовъ и болотъ Германіи, которыхъ усмирилъ ты легіонами моего божественнаго родителя; іудеи не галлы, которые когда-то бросали въ лицо побѣжденному Риму «vae victis» *), и которымъ Римъ возвратилъ этотъ кичливый крикъ на ихъ побѣдную голову; іудеи не угрюмые бритты, которыхъ клевать легіоннымъ орламъ моего божественнаго родителя ты, ты повелѣлъ; іудеи не хмурые иберы Испаніи, идущіе въ битву подобно ихъ быкамъ, разъяреннымъ видомъ пурпура. Нѣтъ, не забывай, покоритель Британіи, что іудеи единственный на землѣ народъ, котораго доселѣ ни приручить, ни покорить не могли сильнѣйшіе народы міра, ни владыки Египта, ни владыки Ассиріи и Вавилоніи. Этотъ народъ-ехидна не признаетъ ни нашихъ, ни иныхъ боговъ, не повиновался никогда ни одному изъ властителей земли, считая своимъ непосредственнымъ властелиномъ какого-то невѣдомаго Бога Іегову, которому даже Великій Александръ, сынъ Филиппа и Юпитера, смиренно приносилъ жертвы въ его храмѣ. Помни это, покоритель Британіи, и докажи этому выроду изъ всѣхъ народовъ, что богъ Рима сильнѣе его невѣдомаго Бога и что нѣтъ и не было на землѣ другого народа, который не былъ бы задавленъ мощью народа, посылающаго своихъ орловъ, легіонныхъ орловъ Рима, во всѣ концы вселенной. Римъ своею пятой попираетъ головы всѣхъ рожденныхъ на землѣ, пусть же эта пята наступитъ и на дерзкую голову іудея!

Неронъ любилъ говорить публично, потому что считалъ себя великимъ ораторомъ и великимъ артистомъ, хотя, въ сущности, былъ просто риторъ и артистъ ограниченной посредственности.

Тревожныя вѣсти изъ Іудеи застали императора въ Ахаіѣ, въ городѣ Ѳивахъ, въ тотъ моментъ, когда Неронъ намѣревался отплыть въ Эгейское море на богато украшенной триремѣ **), окруженной цѣлою флотиліею военныхъ судовъ.

*) Горе—побѣжденнымъ!

**) Галера съ тремя рядами гребцовъ съ каждой стороны.

— Помни же, покоритель Британіи,—заключилъ онъ свою рѣчь, уже вступая на триремy и обращаясь къ сопровождавшему его съ прочими сановниками Веспасіану,—что тебѣ придется имѣть дѣло съ народомъ поразительной духовной стойкости и силы. Но на духовную силу есть другая сила—желѣзо, изъ котораго выкованы мечи Рима, и это желѣзо должно подклонить гордую голову іудея подъ мою желѣзную пяту.

Но если-бы Неронъ при послѣдней угрозѣ обратилъ самоувѣренный взоръ нѣсколько въ сторону, то на лицахъ двухъ стоявшихъ на берегу незнакомцевъ, и въ особенности въ ихъ глазахъ, онъ уловилъ бы нѣчто, но что, онъ не могъ бы разгадать.

— Желѣзо,—тихо сказалъ одинъ изъ нихъ, старикъ съ посохомъ и котомкой за плечами,—кто прибѣгаетъ къ желѣзу, отъ желѣза погибнетъ.

— Пхе!—презрительно кинулъ другой незнакомецъ, среднихъ лѣтъ мужчина, съ рыжею курчавою бородой.—Ты все бредишь непротивленіемъ злу насиліемъ... А зачѣмъ у тебя посохъ? Отъ собакъ?

— Знаю, знаю твою мудрость... Только духовную силу, кротость и смиреніе, не побѣдить мечомъ,—тихо, но увѣренно проговорилъ первый.

— А я тебѣ повторяю, старый младенецъ, что и духовную силу и физическую, желѣзо и мечъ, побѣдитъ золото... Я увѣренъ,—говорилъ второй,—что сегодня же Веспасіанъ обратится ко мнѣ за золотомъ: ему нечѣмъ платить легіонамъ, которые онъ долженъ вести противъ іудеевъ.

— И ты дашь это золото противъ своихъ соотечественниковъ?

— Дамъ непремѣнно.

— На гибель Іудеи?

— Нѣтъ, на гибель тѣмъ, которые надѣятся только на желѣзо... Чѣмъ больше они будутъ служить желѣзному богу, тѣмъ скорѣе овладѣетъ міромъ богъ золотой.

На триремѣ завыла мѣдная труба. Веспасіанъ и Титъ, и другіе, провожавшіе императора, поспѣшили сойти на берегъ.

Труба завыла во второй разъ. Три ряда длинныхъ, выкрашенныхъ бѣлою краскою веселъ взвились въ воздухѣ, подобно бѣлымъ крыльямъ гигантской морской птицы.

Третій вой трубы, и весла плавно опустились и вспѣнили бирюзовую поверхность моря. Трирема плавно двинулась, дѣлая полуоборотъ. Словно истуканъ подъ золоченымъ балдахиномъ, стоялъ на возвышеніи триремы Неронъ и съ презрѣніемъ державнаго паяца смотрѣлъ на удалявшіеся берега Эллады, гдѣ продолжалъ толпиться народъ, провожавшій изумленнымъ взоромъ властелина міра, еще недавно пожинавшаго лавры клоуна.

Скоро попутный вѣтеръ надулъ пурпурные паруса императорской триремы, и она все болѣе и болѣе удалялась и какъ бы тонула въ дымчатой дали безоблачнаго неба Эллады.

Веспасіанъ въ послѣдній разъ взглянулъ на застилаемые дымкою пурпурные паруса и загадочно улыбнулся.

— Боги посылаютъ намъ испытаніе,—тихо сказалъ онъ, обращаясь къ сыну.—Іудея не Британія, и побѣдить іудеевъ это все равно, что побѣдить приливы океана... Я знаю этотъ непостижимый народъ, онъ не побѣдимъ.

— Но онъ такъ малочисленъ, отецъ, какъ же ему устоять противъ легіоновъ державы съ двухсотъ-милліоннымъ населеніемъ!—горячо возразилъ Титъ, машинально ударяя ладонью по рукояткѣ меча.

— О, Титъ! Іудеевъ можно истребить, но не побѣдить,— съ силою сказалъ Веспасіанъ,—духъ іудея, воля, вѣра въ духовное первенство на землѣ несокрушимы. Императоръ правъ былъ, говоря, что ни побѣдить, ни приручить іудеевъ не могли ни фараоны Египта, ни владыки Ассиріи и Вавилоніи.

— Но мы должны усмирить ихъ, отецъ, такова воля императора.

— Да, усмирить, но это не значитъ побѣдить.

— А вонъ, отецъ, къ стыду Рима, Цестій Галлъ не могъ ихъ даже усмирить,—замѣтилъ Титъ.

— Да... Но я стороной узналъ, что Цестій задерживалъ слѣдовавшее легіонамъ жалованье.

— Это позоръ! — съ горячностью воскликнулъ Титъ. — Ты, отецъ, долженъ вознаградить за это легіоны.

— Конечно... Мнѣ извѣстно также, что находящійся въ Египтѣ XV-й легіонъ давно не получалъ жалованья. А этотъ легіонъ мнѣ необходимъ, я покорялъ съ нимъ Британію... Я пошлю тебя начальникомъ этого легіона: память отца перенесется любовью на сына.

— Благодарю, отецъ,—съ чувствомъ сказалъ Титъ.—Но золото, невыплаченное воинамъ легіона, можетъ замѣнить ихъ любовь къ отцу холодностью къ сыну.

— Понимаю... Но вонъ, я вижу, тамъ стоитъ самое золото,—улыбнулся Веспасіанъ, и указалъ глазами на двухъ незнакомцевъ: на старика съ котомкой и посохомъ и на рыжую бороду.

— Привѣтъ славному покорителю Британіи,—почтительно проговорила рыжая борода, приближаясь къ Веспасіану.—Да готовитъ свои лавры Беллона на голову усмирителя строптивыхъ іудеевъ.

— Въ томъ числѣ и Варнавы бенъ-Іошуа?—улыбнулся Веспасіанъ.

— Благодарный Веспасіанъ знаетъ, что Варнава бенъ-Іошуа не бунтовщикъ: я былъ всегда слугой Рима,—отвѣчала рыжая борода.

— Не ты, а твое золото слуга Рима,—съ улыбкой замѣтилъ Веспасіанъ.—А, и новый Діогенъ тутъ,—продолжалъ онъ, замѣтивъ старика съ котомкой и посохомъ.

Тотъ молча поклонился.

— А твое золото перестало служить Риму, почтенный Салафіилъ,—сказалъ Веспасіанъ, отвѣчая на поклонъ.—Гдѣ оно?

— Пропито нищими,—лукаво кивнулъ головою на старика Варнава.—А теперь самъ нищій.

— Не нищій я, а богаче тебя,—спокойно возразилъ старикъ, котораго назвали Салафіиломъ.

— Старый безумецъ!—засмѣялся Варнава.—Говоритъ, что каждый талантъ, розданный имъ нищимъ, превратился «тамъ», а гдѣ «тамъ», онъ самъ не знаетъ, въ семь талантовъ... Мало того, старый чудакъ утверждаетъ, что если у тебя попросятъ тунику, отдай и палліумъ (рубаху), а ударятъ тебя въ лѣвую щеку, подставь и правую.

— Слышалъ я эти бредни,—брезгливо замѣтилъ Веспасіанъ.—Теперь ваши соотечественники ударили Римъ, въ лицѣ Цестія Галла, въ лѣвую щеку, Римъ долженъ подставить имъ и правую, въ моемъ лицѣ.

— О! Не бывать этому!—пылко воскликнулъ Титъ.

— Ты куда же это теперь, Салафіилъ?—спросилъ Веспасіанъ

— Въ Іудею, къ своимъ.

— Бунтовать своихъ—улыбнулся покоритель Британіи.

— Нѣтъ, благородный Веспасіанъ, усмирять: пусть воздадутъ кесарю кесарево.

— Отвѣтъ... достойный римлянина. Жаль мнѣ твоихъ заблужденій, благородный Салафіилъ,—задумчиво проговорилъ Веспасіанъ.—Твое золото когда-то помогло мнѣ завоевать Британію. Гдѣ оно теперь?

— Теперь мое золото завоевало царство болѣе могучее, чѣмъ Римъ и болѣе вѣчное, чѣмъ онъ,—загадочно отвѣчалъ старикъ.

— Безумецъ! Безумныя слова!—пожалъ плечами Веспасіанъ.—Иди же усмиряй своихъ іудеевъ, а вслѣдъ за тобой приду и я: посмотримъ, кто скорѣй усмиритъ ихъ, твой ли посохъ или мой мечъ... А ты, Варнава бенъ-Іоашуа, слѣдуй за мной: у насъ съ тобой будетъ дѣло.

— Я зналъ это,—отвѣчалъ тотъ.

Веспасіанъ, Титъ и Варнава бенъ-Іошуа пошли далѣе, а за ними послѣдовала и стоявшая въ нѣкоторомъ отдаленіи свита римскаго полководца.

ГЛАВА II.

Тихая, ясная ночь стояла надъ Галилеей. Полная луна обливала своимъ серебристымъ свѣтомъ грозный римскій лагерь, на нѣсколько квадратныхъ верстъ раскинувшійся у сѣрыхъ, мрачныхъ стѣнъ Іотапаты, галилейской твердыни, въ которой засѣли іудеи подъ предводительствомъ своего военачальника, Іосифа Флавія, знаменитаго автора «Іудейской войны» и «Іудейскихъ древностей».

Дивная, божественная ночь Іудеи! Казалось, невидимый, непостижимый творецъ этой ночи и всего сущаго, грозный и благій Іегова, въ эти тревожные дни, переживаемые избраннымъ имъ народомъ, посылалъ своему народу эти дивныя ночи, какъ покровъ свой, какъ успокоеніе отъ бранныхъ тревогъ, отъ всего ужаснаго, что творилось въ это роковое время во всей обреченной гибели Іудеѣ... Божественная ночь!

Отъ крѣпостныхъ стѣнъ Іотапаты, отъ ея башенъ и бойницъ черныя тѣни тянутся по направленію къ римскому лагерю. Что-

то зловѣщее чудится въ мертвой тишинѣ уснувшей крѣпости. Могильный мракъ напоминаютъ эти тѣни, легшія между обреченной гибели крѣпостью и многочисленнымъ, грознымъ непріятелемъ, ее обложившимъ.

Облиты серебристымъ свѣтомъ полной луны и безчисленныя палатки римскаго лагеря. Чѣмъ-то въ родѣ фантастическаго храма кажется высокій шатеръ Веспасіана, занимающій самую середину лагеря. Тѣнь отъ него ложится на сосѣднюю палатку Тита, въ которой тускло мерцаетъ огонекъ. Тутъ же бѣлѣютъ верхи палатокъ Агриппы II, недостойнаго царя Іудеи, давно отдавшаго себя въ рабство Риму, Антіоха, царя гористой Коммагены, и Малха, царя Каменистой Аравіи или Петры. Кое-гдѣ, у окоповъ и у воротъ лагеря сверкнетъ свѣтъ луны на остріѣ копья часового, и снова погаснетъ, какъ потухшая искра. Въ горахъ, обступившихъ Іотапату съ востока и сѣвера, зловѣще перекликаются ночныя птицы...

Тихо двигаются по стѣнамъ уснувшей крѣпости тѣни часовыхъ іудеевъ... Что-то ожидаетъ завтра обреченную гибели крѣпость?.. Не устоять ей противъ безсчисленныхъ ратей врага... Сколько хватитъ глазъ въ эту лунную ночь, далеко-далеко бѣлѣютъ его палатки...

Кто-то выходитъ тамъ изъ палатки Тита... это онъ самъ юный сынъ военачальника, предводитель приведеннаго имъ изъ Египта XV-го легіона. Молодому полководцу не спится... Да и какъ двадцатипятилѣтнему юношѣ, пылкому римлянину, спать въ эту дивную весеннюю ночь Іудеи, когда само солнце Іудеи заглянуло въ его пламенное сердце!

Вереника, іудейская царевна, сестра царя Агриппы, сказала ему сегодня:

— Сотри съ лица земли мятежную Іотапату и возврати намъ съ братомъ престолъ непокорнаго Іерусалима и я буду твоей женой...

Титъ завернулся въ плащъ и прислонился къ рычагу стоявшей на валу баллисты *), глядя на высившуюся впереди вражескую крѣпость.

Охваченный неиспытываемымъ досель чувствомъ, которое, какъ пожаръ, вспыхнулъ въ немъ, онъ невольно перенесся въ

*) Метательный снарядъ.

свое прошлое... Съ самой ранней юности, слѣдуя за легіонами отца въ его безпрерывныхъ походахъ то по Ѳракіи, то по туманной Британіи и знойной Африкѣ, онъ не испытывалъ ничего, что онъ теперь чувствуетъ. Еще такъ недавно, въ Ахайѣ, въ Ѳивахъ послѣ рѣчи императора, когда отецъ отправлялъ его въ Египетъ принять начальство надъ XV-мъ легіономъ, Титъ чувствовалъ въ своей душѣ одного бога, бога войны... Этотъ бурный переѣздъ изъ Эллады въ Африку, когда безпощадный трезубецъ Нептуна вздымалъ до облаковъ и пѣнилъ бѣшеное море; эти знойныя пустыни Идумеи, черезъ которыя онъ слѣдовалъ съ своимъ легіономъ въ Птолемаиду, гдѣ его ожидалъ отецъ съ своими легіонами, все это только радовало его мужественную душу ожиданіемъ будущихъ подвиговъ.

И вдругъ, въ Птолемаидѣ, эта іудейка, прибывшая туда съ братомъ, съ царемъ Іудеи, Агриппою, который привелъ въ Птолемаиду вспомогательное войско для Веспасіана...

— Кто здѣсь?—послышался за спиной окликъ часового.

Титъ обернулся и свѣтъ луны упалъ на его лицо. Часовой узналъ молодого полководца и преклонилъ копье.

— Ночной пароль?—спросилъ Титъ, желая испытать часового.

— Вереника,—чуть слышно шепнулъ послѣдній.

Титъ вздрогнулъ. Онъ вспомнилъ, что Веспасіанъ на нынѣшнюю ночь почему-то избралъ паролемъ имя іудейской царевны.

Титъ отправился дальше вдоль окоповъ, повѣряя часовыхъ, лишь бы отогнать неотвязчивыя мысли...

Нѣтъ ничего удивительнаго, что Вереника такъ всесильно завладѣла всѣми помыслами и волею молодого римлянина. Красота этой іудейки была поразительна. Въ крови и наружности ея соединились дивная помѣсь библейской іудейки съ кровью и типомъ идумеянки: по крови матери она происходила отъ Маккавеевъ, а по крови отца прямо отъ Ирода, того Ирода, имя котораго и дѣянія долго гремѣли по всей землѣ, отъ Іордана, отъ Тигра и Евфрата въ Азіи до дальнихъ водопадовъ Нила, до зеленыхъ водъ Тамезы, въ туманной Британіи, до свѣтлыхъ струй Секваны (Сена) въ Галліи и до мутныхъ водъ Бэтиса (Гвадалквивиръ) въ Испаніи.

Въ это время Вереника покоилась на своемъ ложѣ въ палаткѣ и вела разговоръ съ братомъ.

— Ты замѣтилъ, что сегодня вечеромъ Веспасіанъ далъ мое имя паролемъ на эту ночь?—спросила Вереника.

— Да, замѣтилъ,—хмурясь отвѣчалъ Агриппа.

— Это все для тебя, мой царь,—загадочно пояснила царевна.

— Что для меня? — недовольнымъ тономъ спросилъ Агриппа.

— Да, это очень важно для военачальниковъ, которыхъ долженъ возвратить тебѣ потерянный тронъ Іудеи.

— Онъ мною не потерянъ! — высокомѣрно возразилъ Агриппа.

— Что же, ты возишь его съ собою на сѣдлѣ твоего коня, на которомъ ты, какъ военноплѣнный, трясешься у стремени Веспасіана и Тита?—задорно кинула Вереника.

— Но я царь Іудеи,—настаивалъ Агриппа.

— Мѣсто царя Іудеи въ Іерусалимѣ... А тебя «рыжій» и въ Іотапату не впускаетъ, какъ провинившагося школьника,— не унималась Вереника.

— «Рыжій»! Это Іосифъ Флавій?

— Да... Онъ теперь на самомъ дѣлѣ царь Іудеи... Онъ избранъ въ защитники твоего народа... твоего!.. Какою злою ироніей звучитъ это слово!

Агриппа вскочилъ и со злобою на лицѣ зашагалъ по палаткѣ.

— Ты меня не слушалъ,—продолжала Вереника,—когда я тебѣ еще при Цестѣ Галлѣ говорила, когда онъ изъ Антіохіи двигался съ XII-мъ легіономъ въ Іудею, уклоняться всѣми способами отъ помощи Цестію. Одного легіона недостаточно для усмиренія возстанія въ Іерусалимѣ.

— Но къ нему тогда присоединился съ своимъ войскомъ и Антіохъ, царь Коммагены,—возразилъ Агриппа.

— Что же, и этого было мало... Я была права: Цестія разбили твои подданные, подданные, противъ которыхъ ты шелъ въ хвостѣ Цестія... У него теперь три полныхъ легіона, V-й, X-й и XV-й, что у Тита,—продолжала Вереника.—Не забудь, въ Птолемаидѣ къ этимъ тремъ легіонамъ присоединилось еще восемнадцать когортъ, да пять когортъ съ сильнымъ коннымъ отрядомъ

прибыли изъ Кесаріи и, кромѣ того, еще пять когортъ сирійскихъ всадниковъ. Теперь сочти наши силы...

— Наши!—презрительно пожалъ плечами Агриппа.

— Да, наши!—гордо отвѣчала дѣвушка.—Наши, пока левъ смотритъ въ мои глаза и облизывается, а его сынокъ отъ моего ласковаго взора превращается въ моего раба... Да, такъ сосчитаемъ наши силы, именно наши!

— Ну, «твои», пусть!—махнулъ рукою царь безъ царства.

— Три легіона это 30,000—считала энергичная правнучка Ирода, — десять когортъ, по тысячѣ каждая, 10.000; тринадцать когортъ по 600, это 7,800; десять отрядовъ конницы по 120 это 1,200; отряды Антіоха, Соема и твои по двѣ тысячи пѣшихъ и по тысячѣ конныхъ, 4,500, да аравитянъ Малха тысяча всадниковъ и пять тысячъ пѣхоты, 6,000... Теперь считай...

— Давно сосчитаны...

— То-то! Больше 60,000 смертей мы несемъ съ собою...

— Смертей!.. Кому?

— Твоимъ врагамъ... Да прикинь сюда громадные обозы съ служителями-воинами... Этого «рыжій» не ожидалъ... Онъ думалъ, что когда Іерусалимъ изберетъ его главою іудейскаго народа, то я буду его женой... Онъ намекалъ мнѣ объ этомъ...

— Это Іосифъ Флавій!—грозно подошелъ къ сестрѣ пораженный неожиданностью Агриппа.—И ты не говорила мнѣ объ этомъ!

— Я щадила тебя, потому что люблю моего милаго, нѣжнаго брата... А «рыжій» тогда былъ сильнѣе тебя... Онъ погубилъ бы тебя, чтобы достигнуть своей цѣли. Впрочемъ, его бы постигла участь Олоферна...

То, что Агриппа узналъ отъ сестры, повергло въ ярость этого безвольнаго и безсильнаго потомка Ирода. Во время смутъ въ Іерусалимѣ еще при Цестіѣ, онъ слѣпо вѣрилъ Іосифу, одному изъ самыхъ способныхъ среди евреевъ и совѣтывавшему ему ладить съ римлянами, какъ ладилъ Иродъ, умнѣйшій и энергичнѣйшій изъ всѣхъ царей Іудеи послѣ первыхъ Маккавеевъ. При Иродѣ могущество и силу Іудеи испытывали на себѣ всѣ сосѣднія царства...

— Иди по стопамъ Ирода,—часто говорилъ Іосифъ Агриппѣ.

И вдругъ этотъ лукавый совѣтникъ самъ возсталъ на римлянъ. Мало того, онъ подкапывался тайно подъ тронъ Агриппы...

А его замыслы противъ Вереники, его гнусныя интриги... Отнять у него любимую сестру! Обѣщать ей свой преступный бракъ и тронъ!

Агриппа глянулъ на сестру. Она лежала съ закрытыми глазами.

— Я спать хочу, уходи,—прошептала она.—Я хочу уснуть до приступа...

— А развѣ приступъ назначенъ на утро?—встрепенулся Агриппа.

— А ты и этого не знаешь?.. О, царь!..

Агриппа, еще разъ взглянувъ на сестру, торопливо вышелъ изъ ея палатки.

ГЛАВА III.

Въ одной изъ сосѣднихъ палатокъ тоже свѣтился огонекъ. Это была палатка богатаго римскаго ростовщика, Варнавы бенъ-Іошуа, котораго мы уже видѣли въ Ѳивахъ въ день отплытія оттуда Нерона. Варнава былъ поставщикомъ золота и продовольствія для римскаго войска. Агенты его и комиссіонеры сновали по всей Іудеѣ, Самаріи и Галилеѣ и лучше шпіоновъ Веспасіана знали, что творится въ возставшей противъ римлянъ странѣ.

У него въ палаткѣ находился и знакомый уже намъ старикъ Салафіилъ, тоже бывшій богатый ростовщикъ, въ послѣдніе годы раздавшій свое имѣніе бѣднымъ и теперь самъ сдѣлавшійся нищимъ!

— Да, губятъ, сами себя губятъ ослѣпленные іудеи,—говорилъ онъ какъ бы самъ съ собою, качая головой.—А все по невѣдѣнію: вздумали сопротивляться злу насиліемъ.

— А! Ты опять свое, непротивленіе!—небрежно махнулъ рукою Варнава.—Ты лучше разскажи, что дѣлается въ Іерусалимѣ и другихъ городахъ.

Салафіилъ только что воротился изъ Іерусалима.

— Не собираются итти на выручку Іотапаты?—продолжалъ Варнава.

— Пока еще нѣтъ,—отвѣчалъ Салафіилъ.—Вся Іудея обезумѣла. Горе народу Израилеву! Пришли его послѣдніе дни. Не спасетъ своего города Іегова,—говорилъ старикъ въ раздумьѣ.

— Да это и отецъ мой говорилъ раньше, когда еще при

Иродѣ и Цезарѣ переселялся изъ Іудеи въ Римъ,—сказалъ Варнава.—Въ какомъ же положеніи ты оставилъ Іерусалимъ? На что тамъ надѣются?

— На что можетъ надѣяться отчаяніе? На отчаяніе же! На что надѣется безуміе?.. Его надежда—смерть!.. Умереть лишь бы не покориться... О, дѣти, дѣти!—съ силою заговорилъ Салафіилъ.—Когда разбитъ былъ Цестій, и римляне были изгнаны изъ Іерусалима, всѣ предались безумному ликованію... По всей Іудеѣ, Самаріи, Галилеѣ и Идумеѣ пронесся воинскій кличъ: Къ оружію! Къ оружію! За насъ силы небесныя!

— Ну, это союзники сомнительные... Надо бы ихъ было прежде спросить,—саркастически замѣтилъ бенъ-Іошуа.—Ну?

— Ну, тотчасъ же назначено было всенародное собраніе въ храмѣ Соломона... Это мнѣ передавалъ уже Элеазаръ, сынъ Симона зелота... Тотчасъ же единогласно избраны были вождями народа Іосифъ, сынъ Геріона, и первосвященникъ Ананъ... Имъ вручили неограниченную власть надъ городомъ и уполномочили немедленно возобновить разрушенныя части городскихъ стѣнъ...

— Что стѣны!—покачалъ головою Варнава.—У Веспасіана припасены такіе тараны, которые не только стѣны, но и скалы разбиваютъ.

Онъ замолчалъ, видя, что Салафіилъ собирается говорить дальше.

— Тогда же избрали полководцевъ и для другихъ частей Іудеи и Идумеи,—продолжалъ послѣдній,—въ Іерихонъ—первосвященника Іосифа, сына Симона, въ Перею—Манассію, въ Идумею—первосвященника Іисуса сына Сапфія, и Элеазара сына первосвященника Ананія, сюда, ты знаешь, назначили Іосифа, котораго римляне зовутъ Флавіемъ за его рыжіе волосы...

— Этотъ рыжій—ловкій малый,—улыбнулся Варнава;—и купитъ, и продастъ... Онъ у меня бывалъ въ Римѣ... Я его съ Тацитомъ познакомилъ, и съ Плиніемъ... Очаровалъ обоихъ.

— Знаю... Онъ и у меня бывалъ... Я тогда еще былъ безумцемъ, богачемъ.

— Не теперь ли ты сталъ имъ?—улыбнулся Варнава.

— Пожалуй... Я говорю объ Іосифѣ... Онъ тогда и императрицу очаровалъ...

— Что говорить! Эта рыжая голова цѣннѣе для Веспасіана самой Іотапаты... Видишь, какъ онъ укрѣпилъ это орлиное

гнѣздо... Ну, а Іерусалимскія стѣны приведены въ порядокъ?— спросилъ Варнава.

— Да, первосвященникъ Ананъ хорошо укрѣпилъ ихъ...

— А войска много у нихъ?

— Все населеніе вооружается... Въ Іерусалимѣ день и ночь слышенъ стукъ молотовъ о наковальни... Въ домахъ, на улицахъ, на дворѣ храма, вездѣ куютъ стрѣлы, копья, панцыри и другіе доспѣхи. Молодежь въ ослѣпленіи кричитъ: отцы наши отбились отъ плѣненія египетскаго и отъ плѣненія вавилонскаго, за нами очередь отбиться отъ римскаго рабства.

— Охъ!—покачалъ головою Варнава,—не было еще народа на землѣ, который отбился бы отъ римлянъ.

— И я это говорилъ на стогнахъ Іерусалима, такъ меня хотѣли побить каменьями. Только первосвященникъ и защитилъ меня... Хочу попытать того же и здѣсь въ Іотапатѣ...

— Какъ въ Іотапатѣ?

— Думаю пробраться въ крѣпость и уговорить Іосифа.

— Нѣтъ, здѣсь другое дѣло... Іерусалимъ не видалъ еще этихъ грозныхъ силъ, а тутъ онѣ на лицо... Изъ Іотапаты видны эти страшныя приготовленія, и Веспасіанъ не чета Цестію... А что Агриппа-царь?

— Царь своей палатки, не больше.

— Говорятъ, имъ правитъ сестра, да?

— О! Вереника не только имъ правитъ, но командуетъ и Веспасіаномъ, и Титомъ.

Въ это время у входа въ палатку послышались чьи-то торопливые шаги, и изъ-за приподнятаго полога показалась голова центуріона.

— Добраго вечера благородному Варнавѣ,— сказалъ вошедшій.

За нимъ показались еще два воина.

— Здравствуйте... Вѣрно богиня Силена не даетъ спать храбрымъ,—улыбнулся бенъ-Іошуа.

— Не Силена, а Беллона, безпокойная,—торопливо отвѣчалъ центуріонъ.

— Въ чемъ дѣло, благородный Авлъ?

— На утро первый приступъ къ Іотапатѣ...

— Какъ! Осада? Рѣшено?

— Рѣшено, и отданъ приказъ по войскамъ... Я съ моей ко-

гортой долженъ выступить въ первой линіи... не знаю, что предопредѣлено мнѣ рокомъ, но, быть можетъ, мои Парки точатъ ножницы на нить моей жизни,—спокойно говорилъ центуріонъ.—А тебѣ извѣстно, что у меня въ Римѣ осталась жена и дѣти.

— Я знаю почтенную Клелію,—сказалъ бенъ-Іошуа,—почтенная матрона.

— Такъ вотъ, если боги пошлютъ мнѣ смерть въ бою,—продолжалъ центуріонъ,—я и долженъ позаботиться о семействѣ. Все, что я пріобрѣлъ на войнѣ, я вручу теперь тебѣ для передачи моему семейству въ случаѣ моей смерти... Вотъ мои свидѣтели,—онъ указалъ на вошедшихъ съ нимъ воиновъ.—Документъ писать теперь некогда, я долженъ еще кой-чѣмъ распорядиться по моей центуріи... Такъ принимаешь къ исполненію мое словесное завѣщаніе?

— Охотно принимаю, благородный Авлъ.

Центуріонъ вынулъ изъ-подъ плаща кожаный мѣшочекъ и подалъ Варнавѣ.

— Сосчитай при свидѣтеляхъ и запиши въ свои долговыя записи,—сказалъ онъ.

Бенъ-Іошуа, развязавъ мѣшочекъ, высыпалъ золото на маленькій столикъ.

— А, все золотые динаріи-авреи,—замѣтилъ онъ, перебирая монеты.

— Съ серебромъ въ походахъ не удобно...

— А!—Вотъ и она тутъ имѣется, да вмѣстѣ съ Антоніемъ?

— Кто?—спросилъ центуріонъ.

— Вотъ Клеопатра... ея авреи, съ ея изображеніемъ.

— Это я получилъ въ Египтѣ, когда нашъ легіонъ стоялъ въ Александріи,—пояснилъ центуріонъ.

— Рѣдкая монета, — говорилъ Варнава, разсматривая золото Клеопатры.—А чеканъ не римскій, а греческій: Василиса Клеопатра. А на оборотѣ Антоній дуумвиръ... Какой позоръ для Рима!

— У золота нѣтъ отечества,—замѣтилъ Салафіилъ.

— И меня оно не обижаетъ,—сказалъ центуріонъ.

Наконецъ, золото было пересчитано, снова уложено въ мѣшочекъ и запечатано. Центуріонъ со свидѣтелями удалился.

— Такъ на утро приступъ, — заторопился бенъ-Іошуа. —

Надо сейчасъ же дать знать въ Іотапату,—проговорилъ онъ потомъ.

— Какъ!—удивился Салафіилъ.—Ты помогаешь своимъ золотомъ врагамъ Іудеи, а являешься какъ бы союзникомъ іудеевъ.

— Молчи: я самъ іудей, какъ и ты...

Проговоривъ это на ухо Салафіилу, Варнава торопливо вышелъ изъ палатки, оставивъ своего гостя въ недоумѣніи.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ вернулся.

— Мой вѣстникъ сейчасъ отправился въ Іотапату, — попрежнему тихо сказалъ онъ.

— А какъ онъ проберется мимо римской стражи?—спросилъ Салафіилъ.

— Такихъ вѣстниковъ никто не задерживаетъ, а скорѣе прогоняетъ ихъ,—загадочно отвѣчалъ бенъ-Іошуа.

— Я тебя не понимаю,—пожалъ плечами его собесѣдникъ.

— Мой вѣстникъ—собака...

— Еще меньше понимаю...

Въ это время, дѣйствительно, изъ-за тѣни одной лагерной башни показалась огромная собака и торопливо, какъ бы прихрамывая, побѣжала вверхъ, къ крѣпостнымъ стѣнамъ. Скоро тѣнь отъ башни скрыла эту странную собаку.

ГЛАВА IV.

Ночная тьма еще боролась съ чуть-чуть сѣрѣющимъ утромъ, и римскій лагерь еще не просыпался, когда часовые его замѣтили, что массивныя желѣзныя ворота медленно растворились, и изъ нихъ, словно вода, прорвавшая плотину, безшумно хлынули толпы вооруженныхъ іудеевъ и какъ бы по волшебному мановенію сомкнулись въ стройные ряды впереди стѣнъ Іотапаты, лицомъ къ грозному римскому лагерю. Казалось, что іудеи сейчасъ ринутся на многочисленнаго, окопавшагося высокими валами врага.

Тамъ началось движеніе. Завывали сигнальныя трубы. Словно изъ земли выростали массы воиновъ, сверкая въ пробуждающемся утрѣ, то мѣдью шлемовъ и латъ, то сталью копій и дротиковъ. Нестройныя массы быстро превращались въ стройныя, тѣсно сомкнутыя колонны, плечо къ плечу, щитъ къ щиту и съ центуріонами во главѣ выступали полукругомъ съ небольшими промежутками между когортами.

Скоро сопровождаемый трубачами и какъ бы осѣняемый легіоннымъ орломъ, показался Титъ на конѣ, весь залитый въ мѣдь и мѣдную чешую отъ темени до золоченыхъ стремянъ. Увидѣвъ юнаго вождя, когорты огласили утренній воздухъ воинскими кликами.

Титъ глянулъ на главную, наблюдательную башню лагеря. Тамъ стоялъ его отецъ съ военачальниками другихъ частей войскъ. Титъ что-то сказалъ громадному воину изъ скиоовъ, державшему легіоннаго орла, и скиоъ наклонилъ эту святыню войска въ сторону Веспасіана. Послѣдній махнулъ рукой по направленію къ крѣпости.

Титъ въ сопровожденіи скиоа съ орломъ и трубача поскакалъ вдоль рядовъ легіона. Вдругъ взоръ его упалъ на другую башню, и щеки молодого вождя вспыхнули. Тамъ стояла Вереника рядомъ съ братомъ.

Вереника сдѣлала привѣтственный жестъ юному вождю и сказала Агриппѣ:

— Въ войскѣ Веспасіана есть измѣнники.

— Почему ты такъ думаешь?—спросилъ Агриппа.

— Въ Іотапату кто-то подалъ вѣсть, что сегодня будетъ приступъ... Іудеи раньше римлянъ выступили въ битву.

— Кто же могъ узнать вчерашнее рѣшеніе Веспасіана?

— Не знаю... Но измѣнникъ кто-нибудь изъ приближенныхъ.

Трубачъ Тита, по знаку вождя, затрубилъ наступленіе. Ему отвѣчали трубы другихъ когортъ.

— Римляне!—звонко воскликнулъ Титъ.—Вы видите передъ собою толпы бунтующихъ рабовъ Рима. Они не признаютъ нашихъ боговъ и съ дерзостью ослѣпленныхъ трусовъ выступаютъ противъ легіонныхъ орловъ, побѣдоносно облетѣвшимъ весь міръ отъ Тигра до Евфрата, до крайнихъ предѣловъ туманной Британіи и отъ береговъ Борисоена и Истры до столбовъ Геркулеса и пламенной Нумидіи. Впереди, сыны Рима, побѣдители всего міра!

— Съ нами Марсъ и Беллона!—прозвучалъ голосъ центуріона Авла.—Смерть рабамъ!

И онъ ринулся впередъ въ головѣ своей когорты, которая бодро поднималась въ гору, гдѣ у стѣнъ крѣпости, расположи-

лись іудеи, стойко выжидая врага. Другія когорты также двигались вверхъ живыми стѣнами.

Титъ, гарцуя впереди когортъ и воодушевляя ихъ личною отвагой, поднялъ взоръ на стѣну крѣпости. Тамъ стоялъ Іосифъ Флавій, окруженный знатнѣйшими и старѣйшими іотапатцами. Титъ узналъ его. Еще мальчикомъ онъ видѣлъ въ Римѣ этого іудея въ обществѣ Тацита и Плинія. Ему благоволила императрица Поппея. И вдругъ, этотъ обласканный Римомъ іудей осмѣливается укусить державную руку, приласкавшую его!

— Впередъ, побѣдители міра!—еще громче зазвучалъ голосъ молодого вождя, и самъ онъ понесся впереди всѣхъ.

А іудеи все не двигались. Они выжидали приближенія врага, чтобъ разомъ опрокинуться на него, когда онъ утомится подъемомъ на крутизну.

— Моя собака сдѣлала свое дѣло,—говорилъ между тѣмъ Варнава бенъ-Іошуа, стоя на валу римскаго лагеря рядомъ съ Салафіиломъ и наблюдая за движеніемъ когортъ на крутизну.— Іотапатцы раньше римлянъ выступили изъ крѣпости. Это хорошій признакъ, левъ и тигръ не такъ опасны, когда охотникъ увидѣлъ ихъ раньше, чѣмъ они охотника.

— Не понимаю я твоей собаки,—замѣтилъ Салафіилъ.— Развѣ она у тебя ученая и говорить умѣетъ?

— Ученая, и говоритъ по-іудейски, по-гречески и по-римски,—засмѣялся бенъ-Іошуа.

— Битва начинается!.. О, безумные люди, извлекающіе мечъ изъ ноженъ!—какъ бы простоналъ Салафіилъ.

Битва, дѣйствительно, началась. Конь Тита врѣзался въ ряды іудеевъ, разорвавъ первую линію.

— Титъ, Титъ!—прошептала, сильно поблѣднѣвъ, Веренпка.

Агриппа подозрительно глянулъ на нее.

— Ты за него боишься?—съ злою ироніей спросилъ онъ.

— Не за него, а за тебя, безумецъ,—былъ отвѣтъ.

— Какъ за меня! Ты смѣешься?

— Безумецъ!.. Твоя сестра боится за твой тронъ, Іудея, а они на остріѣ меча Тита.

Опасенія Веренпки были напрасны. Не успѣла она опомниться отъ внезапнаго испуга, какъ увидѣла, что Титъ и его конь моментально ограждены были щитами воиновъ, стѣною обступившихъ своего юнаго вождя, сразу оцѣнивъ его безвѣт-

ную, слѣпую храбрость. Въ него градомъ посыпались изъ рядовъ іотапатцевъ пращные камни и свинцовыя яйца, но они тотчасъ же отскакивали отъ оцѣпившихъ его щитовъ, перехватывавшихъ въ воздухѣ и пращные камни и копья.

Рукопашный бой закипѣлъ по всей линіи. Римляне, вооруженные значительно тяжелѣе іудеевъ, были менѣе подвижны, чѣмъ ихъ противники, которые налетали на врага съ необыкновенною стремительностью, съ быстротою молніи наносили удары и съ неимовѣрною ловкостью уклонялись отъ ударовъ отвѣтныхъ. Вообще со стороны іудеевъ оказана была храбрость изумительная. Воздухъ, казалось, дрожалъ отъ грохота пращныхъ камней и свинцовыхъ метательныхъ яицъ о щиты римлянъ, отъ воинскихъ кликовъ той и другой стороны и отъ криковъ и стоновъ раненыхъ и умирающихъ.

Уже не одинъ часъ длился ожесточенный бой, но римляне ни на пядь не подались впередъ, ни на пядь не потѣснили врага къ стѣнамъ крѣпости. Напротивъ, почва, казалось, уходила изъ-подъ ногъ непобѣдимыхъ когортъ и точно сама крутизна навалялась на нихъ и толкала внизъ.

— Неужели и Тита ждетъ участь Цестія?—глухо шептала Береника.

Нѣтъ, шлемъ и панцырь Тита сверкали впереди, а когорты, казалось, изнемогали.

Веспасіанъ видѣлъ это съ высоты наблюдательной башни и понялъ, что онъ имѣетъ дѣло не съ парѳянами, не съ нумидійцами или косматыми германцами.

— Это потревоженное гнѣздо шершней,—бормоталъ онъ про себя, видя отчаянныя усилія Тита.—Надо помочь мальчику, а иначе его принесутъ ко мнѣ на щитѣ... Онъ не отступитъ.

Веспасіанъ далъ знакъ окружившимъ его военачальникамъ и быстро спустился съ башни. Лагерь огласился ревомъ трубъ. Всѣ наличныя силы римскаго войска, оставшіяся въ лагерѣ, пришли въ движеніе.

Массы войскъ, словно вода въ прорванную напоромъ плотину, всѣми воротами хлынули изъ обширнаго лагеря. Стрѣлки, пращники, метальщики копій, конница и пѣхота съ самимъ Веспасіаномъ и свитой во главѣ, все двинулось на крутизну. Въ воздухѣ двигался лѣсъ копій.

— Доняли старика іотапатцы,—улыбнулся лукавый Варнава бенъ-Іошуа.—Это не дикіе бритты, не бородатые скиѳы.

— Что-то теперь скажетъ «рыжій»?—зло замѣтила Вереника.—Скоро ли раздѣлитъ со мною тронъ Іудеи.

Тотъ, кого она называла «рыжимъ», продолжая наблюдать за ходомъ битвы съ крѣпостной стѣны, понялъ, что приближается роковая развязка, и, сойдя со стѣны, приказалъ трубить сборъ всего гарнизона.

— Сыны Галилеи и Іудеи и всей Обѣтованной Вседержителемъ Іеговою нашимъ предкамъ земли! — обратился Іосифъ Флавій къ воинамъ.—Помните, что избранный Іеговою народъ непобѣдимъ. Передъ его народомъ и вождями этого народа разступились бездны морскія, спасая этотъ народъ и поглощая его гонителей. Безлюдныя и безплодныя пустыни питали народъ Божій манною небесною. Знойныя скалы въ безводныхъ дебряхъ источали воду подъ ударомъ жезла вождя избраннаго народа. Сами птицы небесныя велѣніемъ Іеговы слетались въ снѣдь избранному народу, когда онъ нуждался въ питаніи. Рѣка Іорданъ потекла вспять, чтобъ пропустить народъ Божій въ Обѣтованную землю и стѣны Іерихона пали не отъ стѣнобитныхъ орудій, не отъ таранова, а единственно отъ звуковъ трубныхъ. Вспомните, что по мановенію вождя избраннаго народа солнце остановилось въ своемъ теченіи, остановилось на тверди единственный разъ съ того момента, когда оно въ первый разъ брошено было въ небесное пространство десницею Творца Вседержителя, при созданіи Имъ видимой нами вселенной!.. Оно остановилось, чтобы дать время избранному народу побѣдить враговъ его и враговъ Іеговы.

— Свять, свять, свять Господь Саваоѳъ! — воскликнули воины съ страстнымъ энтузіазмомъ.

— Свять, свять, свять Господь Саваоѳъ! — съ воплемъ мольбы повторили женщины іотапатскія и дѣти, толпившіяся позади воиновъ—мужей, отцовъ и сыновей ихъ, готовыхъ къ битвѣ.

Іосифъ поднялъ руки къ небу.

— О, Адонай—съ моленіемъ воскликнулъ онъ.—Пошли еще разъ побѣду народу твоему и пораженіе врагамъ его, не признающихъ Тебя и поклоняющимся истуканамъ изъ мрамора и мѣди!.. За мною, іудеи, сыны избраннаго народа!

И онъ во главѣ всего гарнизона выступилъ изъ крѣпости.

Изумительно было воодушевленіе іудеевъ. Три полныхъ римскихъ легіона, двадцать три отдѣльныхъ когорты, пять отрядовъ сирійскій конницы и сильный вспомогательный корпусъ царей Антіоха, Агриппы, Соэма и аравитянина Малха, все это ринулось на сомкнутыя колонны іудеевъ, и при каждомъ столкновеніи послѣдніе отбрасывали ожесточеннаго врага, давившаго своею численностью, но уступавшаго изумительному мужеству и стойкости потомковъ Самсона. Казалось, что имъ въ самомъ дѣлѣ помогали невидимые воины Іеговы, имя Котораго постоянно возглашалось при всякомъ натискѣ римлянъ и ихъ союзниковъ.

Близилась уже ночь, а битва все кипѣла.

— О, позоръ!—металась на башнѣ Вереника, словно бѣсноватая.—Римляне отступаютъ.

— Они не отступаютъ... Ихъ гонитъ сумракъ ночи,—съ досадой замѣтилъ Агриппа.

— Сумракъ ночи! Да! Онъ союзникъ позора... Сумракъ скроетъ краску позора на щекахъ Тита,—внѣ себя говорила Вереника.

— Но свѣтъ дня явится союзникомъ побѣды.

— Побѣды!.. Ужъ не ты ли поведешь къ побѣдамъ твое, какъ милостыню нищему, собранное войско?

— Нѣтъ, поведетъ т в о й Титъ,—злобно проворчалъ Агриппа.

— М о й! Да онъ будетъ м о и м ъ, когда Іерусалимъ сдѣлается м о и м ъ,—страстно прошептала послѣдняя царевна и царица Іудеи.

ГЛАВА V.

Снова наступила дивная ночь, освѣщаемая полной луной.

Титъ, какъ и прошлую ночь, стоялъ на валу и смотрѣлъ на Іотапату. Теперь, послѣ отбитаго приступа, цѣль всей жизни молодого ѣождя, казалось, сосредоточилась на этой страшной твердынѣ, стѣнами своими и башнями вѣнчавшей неприступныя скалы... Онъ чувствовалъ, что краска стыда заливаетъ его щеки, чуть-чуть опущенныя пробивающимися вѣстниками возмужалости.

Возмужалости!.. Сегодня, послѣ цѣлаго дня битвы, когда онъ сходилъ съ своего взмыленнаго боевого коня, Вереника съ бра

томъ проходила мимо, и Титъ замѣтилъ, что въ ея чудныхъ глазахъ блеснуло что-то въ родѣ насмѣшки или презрѣнія.

— Съ чѣмъ поздравить новаго военачальника?—кинула она мимоходомъ.

«Поздравить!.. О, таргаръ!.. Юпитеръ! Гдѣ твои громы!»

«Завтра надо нанести имъ рѣшительный ударъ»...

Онъ сталъ ходить вдоль вала, иногда останавливаясь и вглядываясь въ причудливыя очертанія скалъ, на которыхъ такъ гордо и вызывающе высились стѣны и башни Іотапаты. Свѣтъ луны придавалъ что-то фантастическое тому, что передъ нимъ стояло въ дерзкой недоступности. Эти черныя тѣни, лежащія въ пропастяхъ, ниспадавшихъ съ горъ, эти блики свѣта на зубцахъ скалъ,—все это казалось какимъ-то видѣніемъ...

Вонъ двигающаяся тѣнь... Это что-то движется отъ стѣнъ крѣпости... Человѣкъ или призракъ?.. Нѣтъ, не человѣкъ, а какое-то большое животное...

Волкъ или шакалъ?.. Животное скрылось въ углубленіи, прорѣзанномъ горными потоками зимнихъ ливней Галилеи...

О, Силена! Спѣши скорѣе къ своему ложу... Гелиссъ! Явись скорѣе, лучезарный!.. Я жажду дня, свѣта и битвы! О, Береника.. «Съ чѣмъ поздравить цезаря-военачальника!..» Завтра же увидишь съ чѣмъ...

Но вотъ настало и это «завтра».

Римскій лагерь едва только началъ приходить въ движеніе, какъ изъ Іотапаты уже выступили вооруженныя массы іудеевъ и двинулись прямо на лагерь. Отбитый наканунѣ приступъ врага воодушевилъ ихъ, и они изъ защищавшихся превратились въ нападающихъ.

— Подумаешь, въ нѣдрахъ этихъ скалъ скрываются легіоны мятежниковъ,—удивился Веспасіанъ, увидѣвъ ежеминутно возраставшія массы іудеевъ.

Титу подвели коня. Какъ и наканунѣ вечеромъ, онъ увидѣлъ Беренику, которая, казалось, слѣдила за нимъ. Она стояла у своей палатки, находившейся въ центрѣ лагеря, недалеко отъ палатокъ Веспасіана и Тита и указала рукою на крѣпость, откуда толпами стремились іудеи.

— Они же первыми нападаютъ,—сказала она брату, но такъ, что слова ея могъ услышать и Титъ.—Ужъ не сбывается ли предсказаніе?

— Какое предсказаніе?—спросилъ Агриппа.

— А что «первые будутъ послѣдними, а послѣдніе первыми»... Доселѣ римляне были первыми въ мірѣ...

— И первыми останутся! — вскричалъ Титъ, приказывая трубить нападеніе.

Когорты одна за другою стремительно покидали лагерь, чтобы встрѣтить наступающаго непріятеля.

Скоро завязалась битва, еще болѣе ожесточенная, чѣмъ наканунѣ. Казалось, не римляне шли на Іотапату, а Іотапата штурмовала римскій лагерь. Іудейскіе пращники, необыкновенно искусные въ метаніи изъ своихъ кожаныхъ пращей свинцовыхъ яицъ и камней, поражали римскихъ воиновъ въ такомъ разстояніи, куда не могли достигать метательныя копья римлянъ, пускаемыя отъ руки, на разстояніи, доступномъ только тяжелымъ копьямъ катапультъ, стрѣлометныхъ орудій; но ими римляне дѣйствовать не могли, потому что въ то время, когда когорты плотными рядами двигались на врага для рукопашнаго боя, стрѣлы катапультъ могли одинаково поражать, вмѣстѣ съ іудеями, и своихъ воиновъ.

Іуден видимо тѣснили римлянъ.

— Когда съ крутой горы падаетъ малый камень, то онъ на пути сбиваетъ большіе, а затѣмъ и громадные,—какъ бы про себя замѣтилъ горбоносый Малхъ, предводитель аравійской конницы, наблюдая битву.

— Ты это о чемъ, царь пустыни?—спросилъ его Антіохъ царь Коммагены, рядомъ съ нимъ слѣдившій за битвою.

— Это я о томъ, царь горныхъ высей Коммагены, что когда мы, сыны Петры каменистой, бывало, дѣтьми, играя въ пустынѣ, сбивали съ горы небольшіе камни, то они, стремясь внизъ, увлекали за собой цѣлыя массы камней,—объяснялъ Малхъ.—Такъ теперь и іуден: они—малые камни, но они падаютъ съ горы на большіе камни, на римлянъ, и сбиваютъ ихъ... Римлянамъ, тяжело вооруженнымъ, трудно подниматься къ врагу, нападающему съ горы.

— А видишь, въ щитъ Тита уже вонзились двѣ іудейскія стрѣлы, и онъ не можетъ ихъ стряхнуть.

— Да это стрѣлы съ зубчатымъ наконечникомъ... Я ихъ знаю.

— Еще стрѣла!.. И еще!

— О, Титъ, доблестный юноша!—одобрилъ горбоносый царь пустыни.—А не будь этихъ проклятыхъ горъ и пропастей, я бы вмигъ смялъ этихъ дерзкихъ іотапатцевъ своей конницей.

Къ нимъ подошли Агриппа и Вереника.

— Три копья въ щитѣ Тита, ахъ! Четвертое!—съ испугомъ воскликнула послѣдняя.

— То не копья, царевна, а стрѣлы,—почтительно замѣтилъ Антіохъ.

— Все равно, царь!

— Онъ бросилъ его во враговъ!.. Хвала тебѣ, Титъ!—радостно воскликнулъ Малхъ.

— Но онъ незащищенъ теперь!—волновалась Вереника.

— Его прикрываютъ щиты охраны... А вонъ подали ему другой щитъ.

Были минуты, когда, казалось, іудеи готовы уже были пробиться сквозь ряды римлянъ, теперь смѣшавшіеся, къ самому лагерю; но тотчасъ же свѣжія когорты оттѣснили ихъ и гнали почти до самыхъ стѣнъ Іотапаты. Тогда со стѣнъ крѣпости раздавались страшные вопли. То были вопли женщинъ и дѣтей Іотапаты, съ ужасомъ и молитвами слѣдившихъ за страшною битвой. То и дѣло воздухъ оглашали мольбы іудеекъ: «О, Іегова! О, Адонаи!»

Вопли эти придавали мужество іудеямъ, хотя это было мужество отчаянія, и они съ удвоенною силою опрокидывались на тѣснившаго ихъ, вдвое болѣе многочисленнаго врага, и въ свою очередь тѣснили его. Такимъ образомъ пространство менѣе чѣмъ въ полетъ стрѣлы, раздѣлявшее обѣ боровшіяся стороны, не разъ бралось съ бою то римлянами, то іудеями, и снова оставалось спорнымъ.

Веспасіанъ видѣлъ это, личнымъ примѣромъ возбуждая соревнованіе и мужество когортъ, но въ то же время сознавалъ, что, не пустивъ въ дѣло могучія орудія осады, катапульты и баллисты, а ограничиваясь только рукопашнымъ боемъ, ему не одолѣть неутомимыхъ легкихъ какъ серны іудеевъ и не добыть неприступной Іотапаты.

— И второй день битвы клонился къ концу, а римляне ни на пядь не подвинулись впередъ,—говорилъ Агриппа, искоса поглядывая на сестру.—Видно, у Тита хвастливыя обѣщанія съ

исполненіями находятся въ такой же враждѣ, какъ между огнемъ и водой.

— Не меньшая, чѣмъ между тобою и твоимъ царствомъ,— съ досадой сказала Береника.

Между тѣмъ въ душѣ она негодовала на римлянъ.

Если они не могутъ взять Іотапаты, то какъ же они заставятъ Іерусалимъ покориться мнѣ?—думала она, замѣчая, какъ къ ночи все болѣе слабѣла битва среди нападавшихъ и отражавшихъ нападеніе. Должно быть, тѣ Самсоны міра, какими были Помпей и Цезарь, унесли съ собою въ могилу доблести Рима, а въ рыжемъ возродился юный Давидъ, пращею поражающей великана Голіаѳа...

Къ нимъ подошелъ съ привѣтомъ Варнава бенъ-Іошуа.

— Сегодня римляне привели меня въ негодованіе,—сказалъ онъ, смотря на возвращавшіяся въ лагерь, подъ покровомъ сумерекъ, когорты.

— Да, они выказали себя и вчера, и сегодня не доблестнѣе іудейскаго стада,—замѣтила и Береника, ища глазами Тита.

— О, я не въ томъ смыслѣ, царевна,—возразилъ Варнава

— Въ какомъ же?

— Царевна знаетъ, что я—ростовщикъ; сегодня я надѣялся получить съ Іуден свой долгъ съ процентами,—отвѣчалъ бенъ-Іошуа, взглянувъ на Агриппу.

— Какимъ образомъ?

— А развѣ царевна не замѣтила утромъ, что Іуден вышли изъ Іотапаты, чтобъ привѣтствовать своего царя; но римляне не допустили ихъ даже до лагеря, и мои бѣдные таланты все еще плачутъ.

Агриппа понялъ грубый намекъ и злобно взглянулъ на ростовщика. Дѣло въ томъ, что Агриппа занялъ у Варнавы крупную сумму подъ залогъ доходовъ съ Іуден на опредѣленный срокъ. Но когда срокъ этотъ прошелъ, и бенъ-Іошуа напомнилъ о платежѣ, Агриппа гордо отвѣчалъ ему, что царь Іуден не нуждается въ напоминаніи, и что подданые его сами повергнутъ къ ногамъ своего царя «презрѣнное золото, занятое у отступника Іуден».

Бенъ-Іошуа, родившійся въ Римѣ, считался «римскимъ гражданиномъ»—civis romanus, и потому Агриппа назвалъ его «отступникомъ»

— Civis romanus sum! — надменно отвѣчалъ ему тогда бенъ-Іошуа.—А гражданинъ Рима, каждый, носитъ въ складкахъ своей тоги корону любой страны, не исключая и Іудеи.

Этихъ обоюдныхъ оскорбленій не могли съ тѣхъ поръ забыть ни богачъ Варнава бенъ-Іошуа, ни лишенный власти послѣдній царь Іудеи.

ГЛАВА VI.

Кромѣ значительнаго числа павшихъ съ той и другой стороны и массы раненыхъ іудеевъ и римлянъ, послѣдніе могли похвалиться хотя тѣмъ, что имъ удалось захватить въ плѣнъ одного іудейскаго воина, только одного!.. Это невѣроятно, но это историческая истина... Въ жаркомъ бою послѣдняго дня не мало храбрыхъ іудеевъ видѣли себя отрѣзанными многочисленнымъ врагомъ и неизбѣжно должны были попасть въ плѣнъ. Но ни одинъ изъ нихъ не сдался, они тотчасъ же бросались на свои мечи и мужественно умирали... Лучше смерть, чѣмъ плѣнъ и рабство!..

Но одинъ изъ окруженныхъ римлянами іудейскихъ воиновъ не могъ найти геройскую смерть на остріѣ своего меча: онъ такъ сильно ударилъ этимъ мечомъ закованнаго въ броню центуріона Авла, что мечъ, словно сухая тростинка, переломился у самой рукоятки, и солдаты Авла буквально насѣли на беззащитнаго героя.

Утромъ Веспасіанъ потребовалъ его къ себѣ, надѣясь хотя что-нибудь узнать о положеніи осажденной крѣпости и о силахъ, которыми располагаетъ предводитель возстанія.

Плѣнника привели въ палатку полководца. Это былъ невысокаго роста пожилой іудей, съ сильною просѣдью въ черныхъ волосахъ. Онъ глянулъ въ лицо Веспасіана смѣло, но отнюдь не вызывающе. Онъ смотрѣлъ, какъ человѣкъ заранѣе покончившій всѣ счеты съ жизнью. Что-то мягкое, благородное замѣчалось въ его лицѣ съ рѣзкими морщинами на лбу и у угловъ губъ и кроткое выраженіе въ глазахъ.

— Ты кто?—спросилъ его Веспасіанъ.

— Ты самъ видишь, что я былъ іудей, а теперь я никто,— тихо отвѣчалъ плѣнникъ, выраженіемъ лица давая понять: «Къ чему этотъ допросъ? Того, что тебѣ хочется узнать, все равно я не скажу».

— Это не отвѣтъ,—спокойно замѣтилъ Веспасіанъ.

— Что же могъ отвѣчать Одиссей циклопу Полифему, какъ не то, что я отвѣчалъ тебѣ?—какъ бы съ горечью возразилъ плѣнникъ.

— Я вижу, съ тобой можно говорить,—сказалъ онъ, продолжая глядѣть на кроткіе глаза.—Только не играй словами, подобно царю Итаки. Я не дикій циклопъ. Я гражданинъ державнаго Рима и восначальникъ римскаго императора. Онъ прислалъ меня сюда съ его непобѣдимыми легіонами возстановить миръ въ Іудеѣ, миръ, нарушенный тѣми изъ вашихъ соотечественниковъ, которые хотятъ создать свое личное благосостояніе на угнетеніи темнаго народа. Они лицемѣрно говорятъ іудеямъ: римляне хотятъ сдѣлать васъ своими рабами, римляне посягаютъ на религію отцовъ нашихъ... И народъ, ослѣпленный ихъ словами, а еще болѣе своимъ невѣжествомъ, вѣритъ имъ и идетъ къ неизбѣжной гибели... Я пришелъ спасти этотъ жалкій народъ...

Веспасіанъ остановился. Плѣнникъ упорно молчалъ. Но грустные глаза, казалось, говорили: «напрасныя слова! напрасное лицемѣріе!..»

— По твоему лицу я вижу, что рѣчь моя не убѣждаетъ тебя,—продолжалъ Веспасіанъ.—Да, на твоемъ мѣстѣ, пожалуй, и я не повѣрилъ бы искренности врага; хорошо, не вѣрь мнѣ! такъ повелѣваетъ тебѣ разсудокъ. Положимъ, что слова мои, сейчасъ произнесенныя «я пришелъ спасти жалкій іудейскій народъ» пустыя, не искреннія слова. Моими устами говоритъ римлянинъ, міровой, ненасытный завоеватель. Положимъ, что это такъ, да, именно такъ: мы только завоевываемъ, покоряемъ. Это—миссія Рима. Мы покорили Карѳаганъ, Сиракузы, Нумидію, Эпиръ, Грецію, Арменію, Парѳію, царство Понтійское, Сирію. Желѣзному мечу Рима покорны теперь Германія, Галлія, Иберія, Британія, весь Египетъ, Аравія и, не скрою, Іудея. Весь міръ покорится Риму, это предопредѣлено вѣчными богами. Риму должны покориться и невѣдомыя доселѣ страны до послѣднихъ предѣловъ земли. Это законъ, законъ жизни. Риму дано главенство въ мірѣ. Одна Іудея хочетъ поставить себя внѣ этого непреложнаго закона, и тѣмъ окончательно губитъ себя.

Плѣнникъ продолжалъ молчать; но въ этомъ молчаніи сказывался непреклонный протестъ.

— Вижу, что рѣчь моя и теперь не убѣждаетъ тебя,—продолжалъ Веспасіанъ, уже волнуясь.—Такъ я скажу тебѣ прямо:

если Іудея добровольно не покорится Риму, онъ зальетъ ее потоками крови, сотретъ съ лица земли ея города, превратитъ въ пустыни ея поля, превратитъ всю Іудею въ ничто, и все-таки то пространство земли, которое принадлежало и принадлежитъ Іудеѣ, пространство безъ населенія, безъ признаковъ жизни, все же оно будетъ принадлежать Риму. Этого ли хотятъ іудеи? Да? Этого? Такъ я сотру съ лица земли самое племя іудейское!

— Никогда, никогда, никогда!—какъ бы увлекаемый вдохновеніемъ, воскликнулъ плѣнникъ.—Да! Римъ можетъ залить потоками крови всю Іудею, стереть съ лица земли всѣ ея города и селенія, превратить въ пустыни ея плодоносныя земли, и пустое пространство, гдѣ была когда-то Іудея, въ знакъ міровой печали, посыпать пепломъ отчаянія, но духа іудейскаго Римъ не покоритъ... Нѣтъ, никогда! Погибнетъ Римъ подъ напоромъ такихъ же разбойниковъ, какъ онъ самъ, превратятся въ развалины его цвѣтущіе города, мраморные и бронзовые истуканы его, именуемые богами, будутъ разбиты, и первые изъ нихъ, мраморные, пойдутъ на изготовленіе извести или на щебень для дорогъ, а бронзовые боги перельются на лохани для помой варваровъ, пойдутъ на сбрую ихъ коней, а іудеи вѣчно останутся іудеями и духъ ихъ, духовная мощь іудеевъ будетъ господствовать на землѣ... У іудеевъ не будетъ отечества, но вся вселенная превратится въ ихъ отечество! У іудеевъ не будетъ ихъ дивнаго храма; но это небо, на которомъ Іегова утвердилъ престолъ свой, будетъ ихъ храмомъ!.. Знай это, Веспасіанъ, жалкій сынъ жалкаго народа!

Веспасіанъ вскочилъ, какъ ужаленный, и схватился за мечъ. Жилы надулись на его воловьей шеѣ и жирное лицо побагровѣло.

— Постой!—твердо сказалъ плѣнникъ.—Еще успѣешь зарѣзать меня... Я не хотѣлъ оскорбить тебя, и твой народъ... Тебѣ, вѣроятно, сколько-нибудь свѣдома исторія земли, на которой возникли, процвѣтали и исчезали съ ея лица могучія царства... Давно ли возникло ваше царство, вашъ Римъ? Какихъ-нибудь восемь столѣтій назадъ. А іудеи уже владѣли Египтомъ и Палестиною, когда еще только воздвигались первыя пирамиды... Гдѣ Ниневія, гдѣ Вавилонъ, гдѣ царство фараоновъ? А они владѣли міромъ, какъ теперь кажется Риму, что онъ имъ владѣетъ... Гдѣ Троя, гдѣ Тиръ, Сидонъ? Гдѣ царство Александра-македонянина? А его рука простиралась далѣе руки

Рима... Всѣ эти владыки міра погибли, но погубить іудеевъ имъ не удалось... Не удастся это и Риму... Кто посягаетъ на другихъ, тотъ самъ и погибнетъ... И я предрекаю гибель Риму и позорную память въ исторіи мира!

— Остановись, дерзкій!—сдавленнымъ голосомъ пригрозилъ Веспасіанъ.—Кто ты, наконецъ, изрыгающій хулу державному Риму?

— Теперь я «никто», но я былъ тотъ, который въ Римѣ когда-то указалъ фигляру Нерону, этому гнусному матереубійцѣ, этому братоубійцѣ, женоубійцѣ, величающему себя вашимъ богомъ, о какая, гнусность! когда онъ въ роли актера и пѣвца выступилъ передъ своими царедворцами, въ томъ числѣ и передъ тобой, и когда ты, пресыщенный устрицами и мясомъ муренъ, которыхъ передъ тѣмъ кормили въ Баіяхъ тѣлами плѣнныхъ іудеевъ-рабовъ, когда ты, опьяненный фалернскимъ виномъ, уснулъ и захрапѣлъ подъ декламацію и пѣніе Нерона, я указалъ этому шуту въ лаврахъ на твою смѣшную фигуру... Я — Костобаръ, одинъ изъ рода Костобаровъ, послѣдняя отрасль Маккавеевъ, я твой личный врагъ по Риму, гдѣ ваши раболѣпствующіе риторы учили меня своему продажному краснорѣчію, стараясь приготовить изъ меня предателя Іудеи...

Веспасіанъ задыхался. Онъ метался по своей обширной палаткѣ, какъ бы потерявъ даръ слова.

— На крестъ! На крестъ!—могъ онъ только проговорить, и хлопнулъ въ ладоши.

На этотъ знакъ явилась стража.

— Отдать его трибунамъ!.. Нѣтъ, ликторамъ!.. А потомъ на крестъ!—задыхаясь, указалъ Веспасіанъ на Костобара.

Въ тотъ же день плотники XV-го легіона вытесали громадный крестъ изъ тяжелаго ливанскаго кедра. Казнь чрезъ распятіе на крестѣ считалась самою позорною казнью, казнью рабовъ.

Костобаръ, раздѣтый догола и опоясанный у чреслъ краснымъ лоскутомъ, самъ вынесъ свой крестъ изъ лагеря, и въ сопровожденіи трибуновъ и центуріоновъ съ ликторами и воинами, понесъ его къ тому мѣсту, гдѣ землекопы рыли яму для водруженія креста. Мѣсто это было выбрано противъ лицевой стѣны Іотапаты такъ, чтобы со стѣнъ крѣпости видѣнъ былъ весь ходъ и всѣ подробности ужасной казни.

Увидѣвъ процессію съ ведомымъ на распятіе Костобаромъ, іотапатцы, которые въ этотъ день почему-то не дѣлали вылазки изъ крѣпости, толпами устремились на городскія стѣны, громкими возгласами выражая негодованіе и народную скорбь. Всѣ знали, что это ведутъ на казнь Костобара, знатнѣйшаго изъ іудеевъ и одного изъ мужественнѣйшихъ воиновъ и патріотовъ.

Яма была уже вырыта, когда процессія приблизилась къ мѣсту казни.

Костобаръ сбросилъ на землю крестъ и, взглянувъ на крѣпостныя стѣны, усѣянныя іудеями обоихъ половъ и всѣхъ возрастовъ, послалъ рукой привѣтствіе. Оттуда послышался бурный рокотъ голосовъ и благословляющихъ, и негодующихъ. Это неслись со стѣны благословенія на голову мученика и проклятія на голову мучителей. Взрывъ ужаса и негодованія потрясъ воздухъ, когда увидѣли, что Костобаръ самъ легъ на дерево своихъ мукъ и смерти, раскинувъ руки накрестъ.

Его окружили полукругомъ трибуны, центуріоны и ликторы, но такъ, чтобы со стѣнъ крѣпости видно было все, что будутъ совершать съ мученикомъ, и чтобы іудеи видѣли даже лицо страдальца. Глаза его не отрывались отъ крѣпости. Онъ могъ видѣть, что многіе плакали, другіе, особенно женщины, простирали руки къ нему и къ небу. Плакалъ и Іосифъ Флавій...

Вдругъ онъ сдѣлалъ энергическое движеніе...

— За мной, іудеи!—послышался со стѣны его голосъ.—Спасемъ нашего Костобара, нашу гордость!

Но въ этотъ моментъ послышался въ воздухѣ свистъ отъ множества летящихъ на крѣпость стрѣлъ и копій и глухой шумъ отъ прорѣзывавшихъ воздухъ громадныхъ камней. Это Веспасіанъ, озлобленный упорствомъ іотапатцевъ и въ особенности обидными для него рѣчами Костобара, приказалъ засыпать стѣны Іотапаты съ толпившимися на нихъ іудеями градомъ камней изъ баллистъ и дождемъ стрѣлъ и копій изъ катапультъ.

Стѣны Іотапаты огласились криками ужаса и воплями раненыхъ женщинъ и дѣтей. Все устремилось со стѣнъ подъ прикрытія...

Второй дождь стрѣлъ и копій уже никого не засталъ на стѣнахъ. Слышались только возгласы злорадства и смѣхъ римскихъ солдатъ, стоявшихъ на валахъ лагеря и наблюдавшихъ съ праздничнымъ любопытствомъ за тѣмъ, какъ готовилась казнь Костобара,

неподвижно лежавшаго на крестѣ съ распростертыми вдоль его крыльевъ руками.

Тогда подошелъ къ нему одинъ воинъ, держа въ рукахъ молотокъ и гвоздь. Нагнувшись, онъ приставилъ остріе гвоздя къ ладони правой руки мученика и ударилъ молоткомъ по головкѣ гвоздя. Пальцы распинаемаго конвульсивно пригнулись къ гвоздю, но ни одинъ стонъ не выдалъ мученій героя. Молотокъ билъ все сильнѣе и сильнѣе по гвоздю, и послѣдній все глубже входилъ въ живое тѣло и въ дерево креста...

Одна рука пригвождена... Мучитель медленно обходитъ крестъ на другую сторону, подходитъ къ лѣвой рукѣ, нагибается, поглядывая съ усмѣшкой на ликторовъ... Но рука распинаемаго вдругъ поднимается и даетъ пощечину смѣющемуся палачу...

— Это я не тебѣ, рабу, а Нерону и Веспасіану! Передай имъ!— говоритъ Костобаръ и попрежнему протягиваетъ лѣвую руку вдоль лѣваго крыла креста...

Среди трибуновъ и центуріоновъ движеніе и испугъ...

Одинъ ликторъ торопливо выхватываетъ топоръ изъ пучка прутьевъ, изъ «fasces», и заноситъ его надъ головою Костобара... Ближайшій трибунъ удерживаетъ ликтора...

Онъ недостоинъ топора... Ему достаточно прутьевъ...

Другой ликторъ выхватываетъ изъ своего пучка нѣсколько березовыхъ прутьевъ и бьетъ ими по голому животу Костобара...

Между тѣмъ палачъ пригвоздилъ къ кресту и другую руку распинаемаго. Затѣмъ подходитъ къ ногамъ мученика и сгибаетъ у колѣна правую ногу для того, чтобы ступня ея, подошва, прилегла къ кресту...

Кровь уже окрасила оба крыла крестнаго дерева...

Снова стучитъ молотокъ... Плотно приколочена къ дереву и нога... То же палачъ дѣлаетъ и съ лѣвой ногой... Гвозди вбиты...

Крестъ съ распятымъ на немъ Костобаромъ съ трудомъ поднимаютъ четыре воина, а двое другихъ направляютъ пятку громаднаго креста въ вырытую въ землѣ лунку.

Крестъ водруженъ... Костобаръ не сводитъ глазъ съ Іотапаты.

Вдругъ на стѣнѣ ея показываются нѣсколько іудеевъ... Одинъ быстро натягиваетъ тетиву лука, и стрѣла, со свистомъ сорвавшись съ тетивы, вонзилась въ лѣвую грудь Костобара...

— Хвала стрѣлку!—воскликнулъ онъ радостно.—Ты облегчишь мнѣ переходъ на лоно Авраама...

Вслѣдъ затѣмъ засвистало еще нѣсколько стрѣлъ, но онѣ безполезно ударились или въ папцыри трибуновъ, или въ щиты ихъ...

— О, Адонаи! Въ руки Твои предаю духъ мой и судьбу Іудеи!—въ послѣдній разъ простоналъ Костобаръ и испустилъ духъ.

ГЛАВА VII.

Вечеромъ Вереника вошла въ палатку брата. Агриппа только что воротился отъ Веспасіана, который рѣшилъ, наконецъ, во что бы то ни стало сломить непокорство іудеевъ и сравнять съ землей Іотапату, и если это не смиритъ строптивыхъ—то и самый Іерусалимъ.

— Нѣтъ имъ болѣе пощады!—закончилъ онъ. — Того требуютъ проснувшіяся во мнѣ Немезиды... Ихъ разбудилъ Костобаръ.

— Что было у Веспасіана?—спросила Вереника, замѣтивъ тревогу на лицѣ брата.

— Онъ порѣшилъ похоронить Іудею, — отвѣчалъ Агриппа мрачно.—Пришелъ конецъ нашему царству... Мы скоро останемся съ тобой бездомными скитальцами.

— Я могла объ этомъ догадаться по сегодняшнимъ его дѣйствіямъ,—съ тревогой заговорила Вереника.—Какое страшное разрушеніе могутъ нанести нашимъ городамъ эти ужасныя баллисты и катапульты... Что станется съ стѣнами Іерусалима, съ храмомъ Соломона и Зоровавеля! Что станется съ нашими дворцами, когда онъ станетъ обрушивать на нихъ изъ своихъ чудовищныхъ баллистъ ужасающей величины камни!.. Что будетъ тогда съ нами!

Агриппа безпомощно опустилъ руки.

— Я хочу рѣшиться на послѣднее средство!—суровымъ голосомъ произнесла Вереника, и прекрасные глаза ея засверкали.—Іудея имѣла женщинъ, на которыхъ снисходила сила свыше... Я умоляю эту силу снизойти на меня ради избраннаго Богомъ и нынѣ ослѣпленнаго народа... Я хочу говорить съ нимъ... Помнишь, что говорилъ ты въ Іерусалимѣ къ всенародному собранію въ первое возмущеніе іудеевъ противъ жестокаго Флора? Рѣчь твоя поразила тогда народъ, и волны мятежа, какъ морскія волны послѣ грозы, улеглись, хотя, къ сожалѣнію, ненадолго... Но

тогда іудеи незнакомы еще были съ разрушительными дѣйствіями адскихъ баллистъ и катапультъ... Сегодня Веспасіанъ рѣшилъ познакомить ихъ съ ними... Ты помнишь эту рѣчь, Агриппа?

— Помню... То была твоя рѣчь, ты говорила ее для меня и заставила выучить, и только уста мои и голосъ мой, вдохновленные тобою, произнесли эту сильную, цицероновскую рѣчь,—въ смущеніи отвѣчалъ Агриппа.

— Я рѣшилась завтра же, я сама, понимаешь? Завтра же обратиться съ подобною рѣчью къ іотапатцамъ, ко всѣмъ іудеямъ, къ воинамъ и женщинамъ, особенно къ женщинамъ, передъ стѣнами крѣпости, въ виду римскихъ легіоновъ!—страстно заговорила Вереника.—Я сама явлюсь къ іотапатцамъ, я вызову непокорныхъ, ихъ и дѣтей, за ворота крѣпости и поражу ихъ ужасами, которые ожидаютъ Іудею... Я приду къ нимъ одна, безъ тебя, какъ беззащитная женщина, и скажу имъ все... Я ужасъ вселю въ сердца іудейскихъ женщинъ, и онѣ рыданіями своими вымолятъ у мужей, у братьевъ, у отцовъ покорность Риму и спасеніе Іудеи, Іотапаты, Іерусалима и храма Соломонова... Я теперь же пойду сообщить объ этомъ Веспасіану.

Агриппа зналъ, какая мощная энергія таплась въ душѣ его сестры, несмотря на ея чарующую женственность, и согласился съ ея рѣшеніемъ. Вереника не первый уже разъ проявляла великое умѣнье бороться съ обстоятельствами и руководить ими, какъ она руководила и имъ самимъ, когда была еще молодой дѣвушкой. Умъ, далеко не дюжинный, и дипломатическую изворотливость она, видимо, унаслѣдовала отъ своего царственнаго прадѣда, отъ Ирода, котораго исторія короновала эпитетомъ Великаго, хотя величіе его проявлялось наиболѣе въ злодѣяніяхъ рядомъ съ истиннымъ величіемъ, оцѣненнымъ въ свое время такими умами, какъ Цезарь, Брутъ, Кассій и Октавіанъ-Августъ. Агриппа чувствовалъ себя совершенно безпомощнымъ на іерусалимскомъ престолѣ, когда юная Вереника, его любимица и совѣтникъ, вышла замужъ за Ирода, царя Халкиды. Агриппа ожилъ, когда Иродъ умеръ, и Вереника, вдова, возвратилась въ его дворецъ. Но потомъ онъ опять очутился безпомощнымъ, когда красавица сестра, плѣнивъ сердце Полемона, царя Киликіи, заставила его изъ страстной любви къ ней принять іудейство

и снова вышла замужъ за этого киликійскаго Аполлона. Затѣмъ, когда Вереника увидѣла въ этомъ Аполлонѣ грубаго сатира и, бросивъ его, воротилась въ Іерусалимъ, Агриппа вторично воскресъ духомъ и уже не разставался съ красавицей сестрой и лучшимъ своимъ совѣтникомъ.

Веспасіана поразило предложеніе Вереники итти брать непокорную крѣпость силою своего слова и «красоты», какъ онъ подумалъ про себя, любуясь воодушевленіемъ прелестной іудейки. Но онъ далъ свое согласіе.

— Видъ казни Костобара и пробное дѣйствіе сегодня баллистъ и катапультъ сильно поднимутъ красоту этой змѣйки въ глазахъ бунтовщиковъ,—улыбнулся онъ, когда Вереника оставила его палатку.

На другой день, дѣйствительно, состоялось то, что рѣшилась предпринять Вереника. По приказанію Веспасіана, одинъ изъ его трибуновъ, пригласивъ, при посредствѣ трубача, Іосифа Флавія на городскую стѣну, сообщилъ ему о намѣреніи іудейской царевны и царицы Вереники обратиться съ миролюбивымъ словомъ къ находившимся въ Іотапатѣ іудеямъ и ихъ женамъ и дѣтямъ, и просилъ оповѣстить о томъ въ крѣпости всѣмъ въ ней находящимся ея единовѣрцамъ, съ тѣмъ, чтобы они вышли къ ней или за ворота крѣпости, или на крѣпостныя стѣны, поясняя, что римляне не будутъ сопровождать сестру іудейскаго царя, а если недалеко отъ нея будутъ находиться начальники легіоновъ, трибуны и нѣкоторые изъ центуріоновъ, чтобы слышать ея миролюбивое обращеніе къ іудейскому народу, то они всѣ явятся туда безъ оружія. При этомъ трибунъ, посредствомъ связанныхъ одинъ съ другимъ копій, длина коихъ достигала до зубцовъ крѣпостной стѣны, подалъ Іосифу собственноручное письмо Вереники съ просьбою принять ея предложеніе.

Іосифъ Флавій тотчасъ же прочелъ ея письмо. Обращеніе къ нему Вереники, которой красота и обаяніе давно плѣнили его сердце, втайнѣ обожавшее ее, что знала только Вереника и, отчасти, Агриппа, заставило его немедленно дать согласіе на то, о чемъ просила его любимая женщина.

Онъ тотчасъ же спустился въ крѣпость, и скоро ворота ея растворились. Іотапатцы стали выходить оттуда массами и располагаться недалеко отъ входа, а на стѣны крѣпости высыпало

все населеніе Іотапаты, старцы, неспособные уже носить оружіе, женщины и дѣти.

Въ то же время изъ римскаго лагеря вышла Вереника въ траурномъ одѣяніи. За нею, на значительномъ разстояніи, слѣдовали безоружные вожди римлянъ. Титъ—начальникъ XV легіона, Тиверій, отецъ будущаго императора—начальникъ X-го легіона, Секстій-Цереалъ—начальникъ V-го легіона, военные трибуны Домицій-Сабинъ, Плацидъ, центуріоны Авлъ, Георгій, Туба, Рапидъ и др.

Вереника подошла почти къ самымъ рядамъ толпившихся іудеевъ. Лицо ея казалось воодушевленнымъ, но только блѣдность ея матовыхъ щекъ выдавала внутреннее волненіе мужественной женщины.

Римскіе военачальники остановились значительно дальше.

— Миръ вамъ, іудейскіе мужи, жены и дѣти!—начала Вереника слегка дрожащимъ голосомъ.—Вы знаете меня. Я такая же дочь Іудеи, какъ и вы, стоящія тамъ (она подняла глаза на стѣну крѣпости, гдѣ находились женщины). Я родилась и выросла среди васъ. Моя вѣра—ваша вѣра, вѣра отцовъ нашихъ. Вашъ Богъ—мой Богъ, Богъ Авраама, Исаака и Іакова. Я пришла къ вамъ со словами мира и любви, выслушайте меня... Что привело васъ сюда? Что заставило васъ поднять оружіе противъ римлянъ, противъ императора? Обиды, притѣсненія, жестокости, безчеловѣчіе Флора? Но Флора уже нѣтъ. Флоръ наказанъ за свои преступленія, вы отомщены волею августѣйшаго императора, вашего повелителя. Но вамъ этого недостаточно. Освободившись отъ тиранніи Флора, вы хотите теперь освободиться и отъ римскаго владычества вообще, свергнуть съ себя иго рабства. О, іудеи! Теперь, увы, уже поздно: свободы вамъ не вернуть! Прежде нужно было бороться, чтобъ не потерять ее, ибо рабство горькая участь людей. Но тогда вы не боролись, тогда, когда Помпей въ первый разъ вступилъ въ Іудею съ своими легіонами. Я разумѣю не васъ собственно, а всю Іудею, нашихъ предковъ и ихъ царей. Они далеко превосходили насъ и богатствомъ, и численностью, и мужествомъ, и все-таки не могли устоять противъ ничтожныхъ силъ римлянъ. Что же теперь, взгляните!—и она указала рукою на римскій лагерь.—Это капля въ морѣ въ сравненіи съ тѣмъ, что могутъ двинуть противъ васъ римляне! Бороться съ побѣдителями міра безуміе! болѣе чѣмъ безуміе, ро-

лотъ противъ непреложной воли Іеговы!.. Да, да! Не ропщите, выслушайте меня!

Вероника подняла руки какъ на молитву.

— О, Адонаи! Вразуми ослѣпленныхъ! Слушайте, о, іудеи!.. Вспомните участь Эллады. Непобѣдимые никѣмъ аѳиняне, тѣ аѳиняне, которые за свободу всей Эллады сами предали огню свою столицу съ ея дворцами и храмами, которые могущественнѣйшаго изъ царей міра, высокомѣрнаго владыку всего Востока, царя Ксеркса, ѣхавшаго по-суху въ корабляхъ и пѣшими стопами, по палубамъ своихъ кораблей, перешагавшаго моря,—ибо море не могло вмѣстить на своихъ водахъ его флоты, а вся Европа была слишкомъ тѣсна для его войскъ,—этого Ксеркса аѳиняне разгромили у ничтожнаго островка Саламина, сломили величайшую державу міра, а самого державца, Ксеркса, какъ бѣглеца, спасавшагося въ челнокѣ, преслѣдовали словно затравленнаго волка, эти непобѣдимые дотолѣ аѳиняне, теперь подданные и рабы римлянъ, и славная столица ихъ, стоявшая во главѣ могучей Эллады, управляется теперь мановеніемъ руки цезарей. Лакедемоняне, имѣвшіе свои Ѳермопилы и горсть героевъ, остановившихъ тамъ милліонную армію того же Ксеркса, и лакедемоняне управляются теперь желѣзною волею Рима. Македоняне, которые все еще бредятъ своимъ Александромъ, творцомъ всемірной державы, и тѣ помирились съ превратностями судьбы и покорно исполняютъ велѣнія тѣхъ, которыхъ та же превратная судьба вознесла надъ всѣми народами міра... И другія безчисленныя народности, воодушевленныя еще большимъ, чѣмъ вы, іудеи, влеченіемъ къ свободѣ, смиряются предъ римскими орлами. Одни только вы считаете позоромъ быть подвластными тому, къ чьимъ ногамъ повергнъ весь міръ.

— Но,—взглянула она въ лицо Іосифа и другихъ воиновъ, а потомъ поднявъ взоръ и руки къ стѣнамъ, наверху которыхъ стояли женщины Іотапаты,—какое войско, какое оружіе вселяетъ въ васъ увѣренность, съ какою вы, дѣти вселенной, поднялись на великана этой вселенной? Гдѣ вашъ флотъ, который долженъ занять римскія моря и океанъ Запада? Гдѣ ваши сокровища, которыми вы засыпали бы сокровища Рима? Не думаете ли вы, что подымаете оружіе противъ какихъ-нибудь египтянъ или арабовъ? Развѣ вы не знаете, что такое римская имперія? Или вы не имѣете мѣрила для собственной своей сла-

бости и ничтожества? Вы—капля передъ грознымъ океаномъ!.. Развѣ вы не бывали уже не разъ побѣжденными вашими сосѣдями? Сосѣдями! Ничтожество имъ имя! А мощь римлянъ—на всей обитаемой землѣ непобѣдима. Но имъ и этого мало, ихъ жажда завоеваній толкаетъ дальше, и орлы ихъ летятъ все дальше и дальше! Весь Евфратъ на востокѣ, Дунай на сѣверѣ, на югѣ Ливія, которую они пролетѣли до необитаемыхъ пустынь, на западѣ Гадесъ до конца вселенной, до Finis Terrae, все это не удовлетворило ихъ алчности. Они отыскали по той сторонѣ бурнаго океана новый свѣтъ, новые міры, и перенесли свое страшное, непобѣдимое оружіе къ дотолѣ никому невѣдомымъ британцамъ... Это Веспасіанъ проникъ туда съ своими орлами, Веспасіанъ, котораго полетъ хочетъ остановить жалкая Іотапата!

— О, іудеи!—страстно воскликнула Вероника.—Вы же что такое? Вы богаче галловъ, храбрѣе германцевъ, умнѣе эллиновъ и многочисленнѣе всѣхъ народовъ на землѣ? О, бѣдные, бѣдные мои! Что внушаетъ вамъ увѣренность, безуміе возстать противъ римлянъ? Вы говорите, что рабское иго невыносимо. Насколько же невыносимѣе оно должно быть для эллиновъ, слывущихъ за самую благородную, самую просвѣщенную націю подъ солнцемъ и населяющихъ такую великую страну Элладу! Однако же, они сгибаются предъ шестью прутьями ликторовъ! А македоняне, которые имѣютъ больше правъ стремиться къ независимости, чѣмъ вы, и они склоняютъ гордыя головы передъ этими прутьями съ воткнутымъ между нихъ топоромъ!.. А всѣ пятьсотъ азіатскихъ городовъ съ столицами нѣкогда могущественныхъ царствъ, не покоряются ли они даже безъ гарнизоновъ, одному властелину и ликторскимъ прутьямъ съ карающимъ топоромъ Рима!.. А геніохи, а колхидяне, народы полуострова Таврида, обитатели Босфора киммерійскаго, всѣ племена на Понтѣ и у Меотійскаго моря, всѣ эти безчисленныя племена скиѳовъ и сарматовъ обуздываются всего только тремя тысячами тяжело вооруженныхъ гоплитовъ, а сорокъ военныхъ кораблей удерживаютъ миръ на бурномъ, прежде непроѣздномъ, морѣ... И все это у ногъ Рима... А Виѳинія, Каппадокія, Памфилія, Ликія, Киликія, все это повержено къ стопамъ вскормленниковъ волчицы и все это несетъ имъ дань... А оракійцы! Ихъ страна такъ обширна, что требуетъ пяти дней проѣзда въ

ширину и семь въ длину, она страшно дика и защищена горами и морозами, страшилищемъ для непріятеля,—и эта страна повинуется гарнизону изъ 2000 римлянъ!.. А ты, моя бѣдная, маленькая Іудея!.. О, Адонаи! Просвѣти.ея очи!

— Я не все еще сказала, о, мой бѣдный народъ!—воскликнула она съ плачемъ.—О, не все, не все!.. А иллирійцы, владѣнія которыхъ простираются до Далмаціи и Дуная, не покоряются ли они двумъ легіонамъ, которые еще помогаютъ имъ отражать нападенія свирѣпыхъ даковъ? Дальше — далматы, такъ часто пытавшіеся сбросить съ себя иго рабства и послѣ каждой неудачи собиравшіе новыя силы для отпаденія, какъ спокойно они теперь живутъ подъ охраной одного легіона!.. О, легіоны Рима! И передъ Іотапатой теперь стоятъ они же, непобѣдимые, желѣзные!

Вероника огляпулась назадъ, на римскій лагерь, гдѣ засѣли три изъ этихъ страшныхъ, желѣзныхъ легіоновъ. Глаза ея встрѣтились съ глазами Тита, стоявшаго впереди другихъ римскихъ военачальниковъ рядомъ съ Тиверіемъ, который зналъ поіудейски и передавалъ Титу сильнѣйшія мѣста изъ рѣчи Вероники. Въ глазахъ Тита вспыхнуло нѣчто большее, чѣмъ восторгъ.

А Вероника продолжала:

— Если есть нація, которая въ дѣйствительности могла бы бороться съ Римомъ, такъ это именно галлы, которые когда-то вторглись въ самый Римъ и въ лицо этому городу крикнули: «горе побѣжденнымъ!» Галлы, которыхъ неприступность ограждаетъ сама природа на востокѣ Альпами, на сѣверѣ Рейномъ, на югѣ Пиринейскими горами и океаномъ на западѣ. Но, несмотря на то, что они окружены такими крѣпостями, считаютъ въ странѣ своей болѣе трехсотъ народностей, владѣютъ внутри своей страны всѣми источниками благосостоянія и своими продуктами наводняютъ почти весь міръ, тѣмъ не менѣе они мирятся съ положеніемъ данниковъ Рима, которому они предоставляютъ распоряжаться неизсякаемыми богатствами своей страны. И это они терпятъ не изъ трусости или по врожденному имъ рабскому чувству, вѣдь они восемнадцать лѣтъ вели войну за свою независимость, а потому, что рядомъ съ могуществомъ Рима ихъ страшитъ и его счастье, да! Счастье, которому онъ обязанъ столько же, сколько и своему оружію. И вотъ ихъ дер-

жать въ повиновеніи только 1,200 римскихъ воиновъ въ то время, когда у нихъ однихъ городовъ почти больше, чѣмъ эта горсть римлянъ!.. И это не все!.. Иберійцамъ въ ихъ войнѣ за свободу не помогло ни золото, добываемое изъ родной почвы, ни страшная отдаленность отъ римлянъ какъ на сушѣ, такъ и на морѣ, ни воинственныя племена лузитанъ и кантабровъ, ни близкій Океанъ съ его бурнымъ прибрежнымъ теченіемъ, страшнымъ даже для коренныхъ жителей. Неся свое оружіе черезъ Геркулесовы столбы и прокладывая себѣ дорогу черезъ облака по вершинамъ Пиринеевъ, римляне покорили и этихъ иберійцевъ съ лузитанами и контабрами, и гарнизона изъ одного легіона достаточно для этихъ отдаленныхъ и труднопоборимыхъ народностей!.. Кто изъ васъ не слыхалъ о многочисленной націи германцевъ?.. Ихъ тѣлесную силу и гигантскій ростъ вы уже часто имѣли случай наблюдать, такъ какъ римляне повсюду имѣютъ плѣнниковъ изъ этой націи. Они заселяютъ огромныя, съ непроходимыми лѣсами и болотами, страны... Выше ихъ роста ихъ гордость! Они обладаютъ презирающимъ смерть мужествомъ, а правомъ своимъ они свирѣпѣе самыхъ дикихъ звѣрей. И нынѣ, однако, Рейнъ составляетъ предѣлъ ихъ наступленій; покоренные восемью легіонами римлянъ, ихъ плѣнники обращены въ рабство, а народныя массы ищутъ спасенія въ бѣгствѣ... О, еслибъ вы видѣли стѣны столицы бриттовъ, вы, возлагающіе надежды на жалкія стѣны Іотапаты и Іерусалима! Они защищены Океаномъ и владѣютъ обитаемымъ ими островомъ, который втрое обширнѣе и многолюднѣе Іудеи... Но этотъ самый Веспасіанъ приплылъ къ нимъ съ своими легіонами и покорилъ ихъ, и только четыре легіона держатъ въ повиновеніи этотъ громадный островъ многочисленныхъ бриттовъ... Нужны ли еще примѣры, когда пароляне, это сильнѣйшее воинственное племя, покорители столь многихъ народовъ, обладающіе такими огромными силами, когда и они посылаютъ римлянамъ заложниковъ, и въ Италіи, и въ Римѣ, мы видимъ, какъ знать Востока, желая показаться миролюбивой, исполняетъ рабскую службу. Въ то время, когда почти всѣ народы подъ солнцемъ преклоняются предъ оружіемъ римлянъ, вы одни хотите вести войну, не подумавъ объ участи карѳагенянъ, которые могли хвалиться своимъ великимъ Ганнибаломъ и благороднымъ своимъ проис-

хожденіемъ отъ финикіянъ и которые, однако, пали подъ ударами Сципіона. Ни карѳагеняне, производившіе свое происхожденіе отъ лакедемонянъ, ни мармариды, племя которыхъ углубляется въ безводныя пустыни Африки, ни сиртяне, ни самоны и мавритяне, одно имя которыхъ возбуждаетъ ужасъ, ни многочисленный народъ нумидійскій, не могли противостоять храбрости римлянъ. И всю третью часть свѣта, Африку, народности которой не легко даже исчислить, Африку, окруженную Атлантическимъ океаномъ и Геркулесовыми столбами, доставляющую пріютъ неисчислимымъ эоіопамъ до Краснаго моря, всю третью часть свѣта подчинили себѣ римляне.

Вереника остановилась. Она видѣла, какими потрясающими ударами падали ея слова на головы слушателей.

— О, іудеи!—воскликнула она, сама изнемогая подъ тяжестью сказаннаго.—Васъ такъ мало въ сравненіи со всѣмъ міромъ. Гдѣ же вы найдете союзниковъ для борьбы съ римлянами? Развѣ въ необитаемой части земли? Вѣдь на обитаемой землѣ все принадлежитъ Риму.

— А Богъ! Богъ Авраама, Исаака и Іакова!—раздался старческій голосъ со стѣны.

— Богъ!—съ горечью выкрикнула Вереника,—Богъ! Но и Онъ на сторонѣ римлянъ, ибо безъ Его воли не мыслимо же воздвигнуть такое государство. Подумайте, какъ трудно будетъ вамъ соблюдать обряды религіи, вѣчно стоя на стражѣ!.. Если вы захотите строго блюсти запреты субботы, чтобъ не навлечь на себя гнѣвъ Іеговы, то васъ одолѣютъ въ эти именно дни. А если вы, защищаясь и по субботамъ, станете нарушать этимъ завѣты Іеговы, то изъ-за чего же вамъ воевать? Вѣдь это же единственная цѣль вашего рвенія—спасти неприкосновенность и святость завѣтовъ отцовъ вашихъ. Но какъ же осмѣлитесь вы взывать къ помощи Іеговы, если вы преднамѣренно будете грѣшить противъ Него?.. Войну начинаютъ обыкновенно въ надеждѣ или на божество, или на человѣческую помощь, на свои силы; но когда воюющіе лишены помощи божества, какъ лишены ея вы, іудеи, и когда воюющіе малочисленны и безсильны, какъ вы же, бѣдные іудеи, тогда горька и участь, неизбѣжна злая гибель... Такъ несите же ваши мечи вонъ туда,—она указала руками на стѣны крѣпости,—на вашихъ женъ и

дѣтей, чтобъ не быть имъ уведеннымъ въ рабство, когда вы всѣ ляжете трупами!

Раздирающіе душу вопли огласили стѣны крѣпости!..

ГЛАВА VIII.

Никто, безъ сомнѣнія, не станетъ отрицать, что нѣтъ и не было въ мірѣ народа, даже изъ величайшихъ, владѣвшихъ всею вселенною, который бы могъ предъявить, во всемірной исторіи, столько поразительныхъ доказательствъ несокрушимой стойкости и мощнаго величія своего духа, какъ народъ іудейскій. И Вероника, сама іудейка, должна была знать духъ своего народа. Но она не знала его, а если и знала его, то Римъ вытравилъ въ душѣ ея это знаніе. Римъ, когда она побыла въ немъ и видѣла его внѣшній блескъ, его храмы, его дворцы и цирки, ослѣпилъ ее своимъ мнимымъ величіемъ, которое и исчезло, «подобно праху, возметанному вѣтромъ», отъ одного дуновенія народовъ, имъ же когда-то порабощенныхъ.

— О, царица! Духъ Цицерона долженъ мятежно теперь волноваться у мрачныхъ береговъ Стикса и Ахерона!—воскликнулъ Титъ, глубоко склоняясь передъ Вероникой, когда она, безнадежно опустивъ свою прелестную головку, мрачно проходила мимо Тита по окончаніи своей рѣчи къ іудеямъ,—твое краснорѣчіе затмило его славу.

— Нѣтъ, сынъ Веспасіана, все потеряно,—глухо проговорила Вероника,—все потеряно для Іудеи... Я не убѣдила ихъ ни въ чемъ...

«Прощай, Іудея! Прощай мое царство!»—беззвучно шептали ея губы, когда она блѣдная, съ мрачно блуждающими глазами, окруженная восхищенными ею вождями римскаго народа, возвращалась въ лагерь изъ подъ стѣнъ Іотапаты:—«Іудеи не внемлютъ голосу своей царицы... Берегись же, жалкая Іотапата»!..

Іотапата не могла, конечно, устоять противъ римскихъ легіоновъ и союзниковъ Рима, какъ не устояла противъ нихъ вся Іудея съ Іерусалимомъ. Іосифъ Флавій лучше другихъ понималъ это. Какъ человѣкъ съ широкимъ образованіемъ, съ глубокимъ государственнымъ умомъ, обстоятельно, съ проницательностью историка, изучившій и вполнѣ постигшій, на осно-

ваніи судебъ другихъ народовъ и государствъ, что силы Рима достигли своего апогея и онъ не успокоится, пока окончательно не покоритъ подъ власть свою строптивую Іудею, какъ онъ покорилъ Элладу, Германію, Галлію, Испанію, Египетъ и Британію, Іосифъ Флавій хорошо понималъ тщетность борьбы съ Римомъ; но облеченный высокимъ довѣріемъ всего іудейскаго народа, онъ долженъ былъ приложить весь свой умъ и государственную, равно и воинскую опытность къ тому, чтобъ бороться съ могущественнымъ врагомъ до послѣднихъ силъ, до послѣдняго издыханія несокрушимаго духомъ народа. И онъ избралъ для послѣдней борьбы съ великаномъ-народомъ самую неприступную твердыню всей Іудеи, Іотапату въ Галилеѣ.

«Іотапата—говоритъ самъ Іосифъ Флавій въ «Іудейской войнѣ»—почти вся расположена на отвѣсной скалѣ; со всѣхъ ея сторонъ ниспадаютъ столь глубокія пропасти, что, когда всматриваешься въ эти бездны, глазъ отъ утомленія не проникаетъ до самой глубины; только съ сѣверной стороны, гдѣ городъ спускается по склону горы, онъ бываетъ доступенъ; но и эту часть Іосифъ окружилъ укрѣпленіями для того, чтобы возвышающійся надъ нею горный хребетъ не могъ быть занятъ непріятелемъ. Прикрытый съ всѣхъ сторонъ другими горами, городъ оставался совершенно невидимымъ до тѣхъ поръ, пока не приходили въ непосредственную близость его. Такъ была укрѣплена и Іотапата».

Веспасіанъ самъ это видѣлъ, неоднократно, вмѣстѣ съ Титомъ и двумя другими начальниками легіоновъ, дѣлая развѣдки вокругъ стѣнъ города.

Когда Вереника, видимо избѣгая встрѣтиться съ Веспасіаномъ послѣ своей блестящей, но не поборовшей стойкости іудеевъ рѣчи и стыдясь своей неудачи, прошла прямо въ свою палатку, чтобъ, по-женски, хорошенько выплакаться, Веспасіанъ, встрѣтивъ сына, необыкновенно возбужденнаго, спросилъ съ иропіей:

— Ну что, Титъ, чѣмъ окончился походъ іудейской Клеопатры противъ Іотапаты? Отъ ея прекраснаго голоса не пали стѣны крѣпости, какъ нѣкогда, по іудейскимъ баснямъ, стѣны Іерихона сами собой пали къ ногамъ іудеевъ отъ одного трубнаго гласа?

— Меня, дѣйствительно, удивляетъ, отецъ, какъ могли не

рухнуть каменныя твердыни Іотапаты передъ такою потрясающею рѣчью іудейской царицы, когда каменныя твердыни, каменныя головы нашихъ сенаторовъ пали ницъ передъ цицероновыми «Quousgue tandem» (доколѣ наконецъ?),—горячо, но, почтительно отвѣчалъ Титъ.

— А развѣ ты понялъ ея рѣчь, мой сынъ? Развѣ она говорила языкомъ Цицерона противъ Катилины?—продолжалъ старикъ.

— Нѣтъ, отецъ, Вереника говорила не языкомъ римлянъ, а языкомъ іудеевъ, но около меня стоялъ благородный Траянъ, которому также не чуждъ языкъ Іудеи, какъ и языкъ Испаніи, его родины, и онъ каждое слово, каждую фразу Вереники, къ тому же говорившей очень медленно, тотчасъ переводилъ мнѣ поримски,—съ прежней почтительностью отвѣчалъ Титъ.

— А! Что-жъ она говорила?—серьезно спросилъ Веспасіанъ.

— Рѣчь Вереники, отецъ, это дивное похвальное слово могуществу Рима!—восторженно проговорилъ воинъ-юноша.—Рѣчь ея слѣдовало бы вырѣзать на мѣдныхъ скрижаляхъ Капитолія и выставить на Forum Romanum (римская площадь): въ ней—вся блестящая, облитая пурпуромъ крови, исторія великаго Рима.

— О, мой мальчикъ, Римъ не нуждается въ похвалахъ даже такой женщины,—холодно сказалъ Веспасіанъ.—Однако же, я вижу, рѣчь ея не произвела на іудеевъ такого вліянія, какъ Нептуново «Quos ego»! (я васъ!) на бушующіе вѣтры, и намъ надо серьезно заняться осадой этой строптивой крѣпостцы... Я сегодня же созову для этого военный совѣтъ.

Совѣтъ былъ, дѣйствительно, созванъ. На совѣщаніе въ обширную ставку Веспасіана были приглашены: царь іудейскій Агриппа II съ сестрою Вереникой, бывшею царицею сначала Халкиды, а потомъ Киликіи; Антіохъ, царь Коммагены, аравитянинъ Малхъ, царь Петры и начальники легіоновъ Рима, Тиверій Траянъ, Секстій Цереалъ и Титъ, какъ младшій изъ восначальниковъ.

Прежде чѣмъ открыть совѣщаніе, Веспасіанъ обратился особо къ Траяну.

— Скажи, благородный Тиверій, какого ты мнѣнія о сегод-

пышной рѣчи нашей прекрасной союзницы?—спросилъ онъ.—Говори откровенно.

Береника въ это время разговаривала съ Титомъ въ другомъ концѣ палатки.

— По моему, благородный Флавій, она, судя по оставшимся въ Египтѣ изображеніямъ Клеопатры, очень напоминаетъ эту нильскую ехидну, только несравненно красивѣе ея; но я не думаю, чтобы благородный и мужественный Титъ Флавій очутился когда-либо въ унизительной роли Антонія... О, никогда!.. Что же касается рѣчи, которую сегодня Береника произнесла передъ іудеями, то это удивительная по своей политической мудрости и поразительная по силѣ рѣчь!.. Береника—рѣдкое явленіе между женщинами. Только іудеи, этотъ неразгаданный народъ среди всѣхъ народовъ вселенной, этотъ народъ-сфинксъ, могъ дать міру такую женщину... И неудивительно: я достаточно изучилъ исторію этого народа, его богатѣйшую въ мірѣ поэзію, которая въ то же время есть ихъ религіозная сокровищница, и могу утверждать смѣло, что нѣтъ другого такого даровитаго въ мірѣ народа, какъ іудеи...

— Даже мы, римляне и эллины, по твоему, другъ Тиверій, ниже іудеевъ?—иронически спросилъ Веспасіанъ.

— Да, благородный Флавій!—горячо отвѣчалъ Траянъ.—Мы, римляне, выше всѣхъ народовъ своимъ военнымъ геніемъ, мы—любимые дѣти Марса и Беллоны; но духовно іудеи выше всѣхъ народовъ, изумительный народъ.

Веспасіанъ въ своей солдатской самоувѣренности только пожалъ презрительно плечами, его образованіе и государственный умъ не шли дальше казармы и конюшни, да построенія легіоновъ. Для него это была высшая государственная мудрость.

— Однако, пора приступить къ совѣщанію,—сказалъ онъ, усаживаясь за походный столъ въ серединѣ роскошной палатки.

Всѣ остальные члены совѣта также усѣлись. Береника сѣла между Веспасіаномъ, который знакомъ указалъ ей мѣсто, и своимъ братомъ.

— Прекрасная царица, говорятъ, превзошла сегодня краснорѣчіемъ нашего великаго Цицерона,—сказалъ онъ любезно.

— Но мой языкъ оказался столь же безсильнымъ, какъ и мертвый языкъ великаго Цицерона подъ острыми булавками Фульвіи,—отвѣчала Береника, нѣсколько вспыхнувъ.

— Титъ, сынъ мой и начальникъ XV-го легіона, ты, какъ младшій въ совѣтѣ, долженъ первымъ высказать твое мнѣніе: что намъ слѣдуетъ предпринять послѣ двухъ неудачныхъ попытокъ, овладѣть Іотапатой?—спросилъ Веспасіанъ спокойнымъ, оффиціальнымъ топомъ.

Юноша сначала покраснѣлъ-было, но скоро оправился.

— Я полагаю, отецъ мой и вождь легіоновъ августѣйшаго императора, что намъ слѣдуетъ и здѣсь прибѣгнуть къ тому способу, который ты употребилъ противъ непокорныхъ бриттовъ,—заговорилъ Титъ нѣсколько взволнованнымъ голосомъ и остановился подъ пристальнымъ взоромъ Вереники.

— То есть къ какому же именно способу?—одобрительно спросилъ Веспасіанъ.

Титъ взглянулъ черезъ приподнятый пологъ палатки на виднѣвшіяся вдали стѣны Іотапаты, бросавшія черную тѣнь отъ спускавшагося за ними къ горизонту солнца и указалъ на нихъ рукою.

— Мы должны бороться съ Іотапатой тѣмъ же, чѣмъ она съ нами борется,—продолжалъ Титъ, воодушевляясь.

— Similia similibus (подобное подобнымъ), такъ?—улыбнулся Веспасіанъ.

— Да... Противъ ихъ стѣнъ мы должны построить свою стѣну; воздвигнуть валъ, равный по высотѣ стѣнамъ Іотапаты,—продолжалъ юный вождь.

Лицо Веспасіана все болѣе и болѣе прояснялось.

— Хорошо сказано,—одобрительно кивнулъ онъ головой.— А ты думаешь, что осажденные будутъ сидѣть сложа руки и не будутъ поражать стрѣлами и пращами тѣхъ, которые будутъ воздвигать валъ?

— Но и здѣсь мы прибѣгнемъ къ твоему же способу, отецъ,—все болѣе и болѣе воодушевляясь, продолжалъ Титъ.— Когда ты бралъ приступомъ, въ Британіи, на берегу Тамезы, крѣпость Лондиніумъ и воздвигалъ для этого валъ, то чтобы защитить рабочихъ воиновъ со стѣнъ, ты велѣлъ передъ валомъ водрузить въ землю высокіе столбы и натянуть на нихъ плетеныя изъ ивняка и верболоза защиты.

Веспасіанъ весело разсмѣялся и съ любовью посмотрѣлъ на сына.

— Вижу, мой юный воинъ, что ты не даромъ совсѣмъ еще

мальчикомъ всюду слѣдовалъ за моими легіонами,—сказалъ онъ,—сверкая заплывшими жиромъ хитрыми глазками.—Походы тебя кой-чему научили.. Я радъ... Ты все сказалъ?

— Все отецъ.

— А твое мнѣніе, благородный Тиверій?—обратился Веспасіанъ къ Траяну.

— Я вполнѣ присоединяюсь къ мнѣнію твоего мужественнаго сына,—отвѣчалъ послѣдній.

— А твое, достойный Секстій Цереалъ?

— Твой благородный сынъ предрѣшилъ и мое мнѣніе,—былъ короткій отвѣтъ.

— Ты, властелинъ каменистой пустыни, что скажешь?—обратился Веспасіанъ къ Малху, царю Петры.

— Мои кони крѣпостей не берутъ, — отрѣзалъ аравитянинъ—за то въ полѣ мы и наши кони потягаемся и съ вѣтромъ, и съ дьяволомъ.

— Люблю за отвѣтъ,—весело разсмѣялся Веспасіанъ.—А что скажетъ царь Іудеи и его сестра, прекрасная царица?

— Что постановило мудрое большинство, къ тому и мы присоединяемся,—отвѣчала за брата Вереника.—Не такъ ли, царь Іудеи?

Агриппа въ знакъ согласія наклонилъ голову.

«Скоро пожалѣете, іудеи, что не вняли моему голосу, но будетъ уже поздно»—подумала Вереника не безъ злорадства, не будучи въ состояніи помириться съ своей неудачей подъ стѣнами Іотапаты.

ГЛАВА IX.

Въ то время, когда въ ставкѣ Веспасіана происходилъ военный совѣтъ, въ Іотапатѣ, когда Іосифъ Флавій въ уединеніи обдумывалъ дальнѣйшіе способы защиты города, ему доложили, что его спрашиваетъ какой-то старикъ іудей, прибывшій изъ Іерусалима отъ первосвященника Анана. Іосифъ велѣлъ позвать старика.

— Миръ тебѣ Іосифъ, сынъ Матоія!—сказалъ пришедшій.

Іосифъ всталъ. Наружность старика и въ особенности выраженіе его лица, несмотря на нищенскую одежду, внушали невольное почтеніе.

— Ты не узнаешь меня, сынъ Матоія?—съ кроткой улыбкой спросилъ старикъ.

— Мнѣ лицо твое знакомо, почтенный старецъ... Я гдѣ-то тебя видѣлъ, но не припомню, — недоумѣвалъ защитникъ Іотопаты.

— Въ Римѣ въ моемъ бывшемъ дворцѣ, что противъ термъ Агриппы,—загадочно отвѣчалъ нищій.

«Дворецъ... у нищаго... и на такомъ мѣстѣ»,—мелькнуло въ головѣ Іосифа.

— Салафіилъ, благородный Салафіилъ! — вдругъ воскликнулъ онъ въ сильномъ волненіи.—Ты—въ Галилеѣ! И въ такомъ видѣ!

Но потомъ, вспомнивъ, что о старикѣ доложили ему, что онъ явился изъ Іерусалима отъ первосвященника Анана и, слѣдовательно, тайно отъ римлянъ долженъ былъ пробиться въ Іотапату, а потому и переодѣлся въ нищенское платье, Іосифъ почтительно просилъ его садиться и сообщить о цѣли своего прибытія въ осажденный городъ.

— Я недавно прибылъ въ Обѣтованную землю изъ Рима по внушенію Господа Бога,—сказалъ Салафіилъ. — Я масличная вѣтвь, хотя я и недостоинъ этого, но Господь въ благости своей избралъ меня своимъ орудіемъ для спасенія народа Божія... Господь меня, недостойнаго, оторвалъ отъ древа вѣчности, какъ масличную вѣтвь отъ міровой маслины, и бросилъ эту вѣтвь въ Обѣтованную землю залогомъ мира и спасенія. Но народъ Божій меня не принялъ и голоса моего не послушалъ.

— Онъ не всегда внималъ и голосу пророковъ—нерѣшительно замѣтилъ Іосифъ Флавій, поражаясь чѣмъ-то страннымъ и непонятнымъ въ таинственныхъ словахъ Салафіила.

— Я былъ въ Іерусалимѣ, и Іерусалимъ не принялъ протянутой ему масличной вѣтви: онъ не только отвергъ меня за то, что я проповѣдывалъ миръ,—продолжалъ старикъ,—мало того, ослѣпленные своимъ безуміемъ іудеи хотѣли даже побить меня камнями.

— Это же они дѣлали и съ пророками: каменіемъ побивали и вервіемъ претирали,—снова замѣтилъ Іосифъ.

— А послѣ каялись и плакали, гробы имъ поминальные созидали, когда убѣждались, что слова пророковъ не мимо шли, да было поздно,—горячо продолжалъ Салафіилъ.—Такъ и теперь,

я не отъ себя говорю, а именемъ Господа Бога, Который сказалъ: кто обнажаетъ мечъ отъ меча погибнетъ.

Слова Салафіила поразили Іосифа Флавія, онъ ни отъ кого ничего подобнаго не слыхалъ.

— Но не мы первые обнажили мечъ, а римляне, — возразилъ онъ.

— И римляне же и погибнутъ отъ меча,—спокойно отвѣчалъ Салафіилъ.

— Но только не отъ нашего меча, не отъ меча іудеевъ,— грустно промолвилъ Іосифъ, впередъ зная, что имъ не устоять противъ римлянъ.

— Да, не отъ меча іудеевъ, ты справедливо сказалъ, Іосифъ, но мечъ этотъ направитъ на римлянъ слово Іудея.

— Кто же этотъ Іудей?—спросилъ Іосифъ.

— Его ужъ нѣтъ, но слово Его осталось,—загадочно отвѣчалъ Салафіилъ.

Слова послѣдняго все болѣе и болѣе смущали Іосифа... Не повредился ли разсудокъ у старика, золото котораго еще недавно управляло Римомъ и всею могущественною имперіею: не дай Салафіилъ денегъ, и Риму нечѣмъ было бы платить своимъ легіонамъ въ Галліи, Испаніи, Британіи, Ѳракіи, Македоніи, Греціи, и здѣсь, въ Сиріи, въ Іудеѣ и въ Египтѣ... Какой это «Іудей, Котораго уже нѣтъ, но слово Котораго осталось, и оно сильнѣе всѣхъ мечей міра»?.. Пожелай теперь Салафіилъ спасти народъ Божій, отстоять отъ римлянъ Іудею, и его золото подняло бы на Римъ всю Азію, Скиѳію, Сарматію, всѣ порабощенные имъ народы; а старикъ говоритъ о какомъ-то «словѣ», которое погубитъ Римъ... Что за таинственность, загадочность, недосказанность?.. «Слово» сильнѣе мечей... Да, «слово» Моисея двинуло вспять морскія волны и осушило пучины моря... «Слово» Іисуса Навина остановило ходъ солнца... Но теперь нѣтъ такого смертнаго, котораго «слово» остановило бы римлянъ, это бурное море, нахлынувшее на Іудею.

— Но,—какъ бы очнулся Іосифъ,—ты, благородный Салафіилъ, сказалъ, что пришелъ ко мнѣ отъ первосвященника Анана? Что поручилъ сказать мнѣ этотъ свѣтильникъ храма Соломонова?

— Онъ поручилъ сказать тебѣ, что и онъ такой же безумецъ, какъ ты...

Іосифъ Флавій невольно поднялся... Ясно, что старикъ не въ своемъ умѣ.

— Кто же не безумецъ?—съ улыбкой спросилъ Іосифъ.

— Тотъ, Который съ масличною вѣтвью послалъ меня въ Іудею,—отвѣчалъ увѣренно странный старикъ.

Іосифъ невольно задумался. Онъ сознавалъ въ душѣ, что въ словахъ безумнаго старика много правды. Іосифъ самъ былъ убѣжденъ, что борьба съ Римомъ—безуміе. Іудея должна пасть... Но она не приметъ масличной вѣтви.

— Ты правъ, благородный Салафіилъ, мы безумны, — со вздохомъ согласился Іосифъ.

— Это же сегодня говорила вамъ и Вереника, но вы не послушали ея, хоть она и старалась, какъ говорятъ римляне, pro domo sua (для себя самой), а все же была права,—сказалъ Салафіилъ съ горечью въ голосѣ.

— Такъ ты слышалъ ея рѣчь?—удивился Іосифъ.

— Она такъ громко говорила, что ее долженъ слышать и Іерусалимъ.

— Безумцы, безумцы,—повторялъ про себя Іосифъ,—и я безумецъ, и первосвященникъ Ананъ безумецъ, и вся Іудея, и Самарія, и Галилея безумны... Но я и первосвященникъ Ананъ безумцы по повелѣнію всего іудейскаго народа. Мы говорили этому безумному народу, что бороться съ Римомъ безуміе. Но насъ не послушали, какъ не послушали и тебя. На насъ возложили власть, и мы должны воевать... Намъ поставили на видъ законъ: «зубъ за зубъ, око за око»...

— Безумный законъ!—горестно махнулъ рукою Салафіилъ.

— Но другого намъ не оставилъ великій, боговдохновенный законодатель,—возразилъ Іосифъ.

— Онъ оставилъ, однако, скрижали, на которыхъ нѣтъ ни «ока», ни «зуба», а есть только «не убей».

— Но когда насъ хотятъ убивать?

— Не убьютъ, если вы не будете сопротивляться.

— Но намъ говорятъ іудеи: римляне лишили насъ свободы.

— Да, лишили, лишили за то, что іудеи строптивы и не хотятъ признать надъ собою власти сильнаго.

— Сильнаго!.. Но если сильный бьетъ ихъ?

— Безъ вины и сильный не станетъ бить... Но если онъ

бьетъ безъ вины, то и онъ, значитъ, безумецъ... Теперь разсуди, сынъ мой: тебя бьетъ безумецъ, который сильнѣе тебя; если ты станешь защищаться, то возбудишь его гнѣвъ, и онъ снова станетъ бить тебя, у него есть для этого поводъ, вызовъ съ твоей стороны; а если онъ станетъ безъ вины бить тебя и ты не будешь защищаться, то у него уже не будетъ повода снова бить тебя... Безумецъ сильный—это Римъ; защищающійся слабый—это Іудея... По моему толкованію, Римъ безъ вины побьетъ Іудею разъ, два, три и т. д., если она не защищается, а если будетъ защищаться, то онъ побьетъ ее два, четыре, шесть разъ и т. д., все больше и больше... А «слово» того Іудея, Котораго уже нѣтъ, говоритъ: «ударятъ тебя въ лѣвую щеку, подставь правую»...

— О!—улыбнулся Іосифъ.—Я слышалъ это отъ какихъ-то юродивыхъ, которые велятъ даже отдавать палліумъ, когда у нихъ попросятъ только хитонъ.

— Я изъ числа этихъ юродивыхъ, — тихо сказалъ Салафиилъ.

— Да, на словахъ,—засмѣялся Іосифъ,—но ты не только не отдалъ Риму ни хитона, ни палліума, но не отдалъ ему ни своего роскошнаго дворца, ни тѣхъ безчисленныхъ мѣшковъ золота, которымъ ты, въ сущности, правишь Римомъ, ссужая его золотомъ за огромные проценты.

На это Салафиилъ только улыбнулся.

Іосифъ Флавій, видимо, боролся съ какою-то мыслью. Онъ, поглядывая на старика, хотѣлъ что-то сказать и не рѣшался. Наконецъ, онъ побѣдилъ себя.

— Благородный Салафиилъ! — нерѣшительно заговорилъ онъ. — Ты сказалъ, что «слово» какого-то Іудея побѣдитъ Римъ...

— Да, я сказалъ,—былъ отвѣтъ.

— Но ты же сказалъ, что этого Іудея уже нѣтъ.

— Его нѣтъ, но «слово» Его осталось.

— И оно побѣдитъ Римъ?

— Побѣдитъ.

— Когда же это будетъ?

— Когда придетъ время.

— Но время не ждетъ.

Іосифъ Флавій подошелъ къ Салафиилу и рѣшительно, смѣло

взглянулъ ему въ глаза, желая удостовѣриться, безуменъ этотъ всемогущій старикъ, или только напустилъ на себя юродство.

— Благородный, всемогущій Салафіилъ, богатство и сила Рима!—быстро заговорилъ онъ.—Ты сказалъ, что посланъ Господомъ Богомъ, какъ масличная вѣтвь, чтобы спасти народъ Божій отъ римлянъ... Того Іудея, «слово» Котораго должно погубить Римъ и спасти Іудею,—уже нѣтъ... Твоего «слова» іудеи не послушали, и ты не спасешь ихъ... Но ты могъ бы спасти, если бы захотѣлъ.

— Какимъ это образомъ?—спросилъ старикъ.

— Перестань содержать твоимъ золотомъ легіоны Рима.

— Но ихъ теперь содержитъ не мое золото, а золото Варнавы бенъ-Іошуа, который и сейчасъ въ лагерѣ Веспасіана.

Іосифъ Флавій порывисто отступилъ, точно его ударили, и въ отчаяніи схватился за голову.

— О, іудеи, іудеи! — воскликнулъ онъ. — Одинъ изъ васъ своимъ золотомъ готовитъ вамъ гибель... О, Іегова, Адонаи Господь!

— Нѣтъ, Іосифъ, сынъ мой,—возразилъ Салафіилъ,—бенъ-Іошуа говоритъ, что онъ своимъ золотомъ ведетъ Римъ къ погибели, потому что Римъ надѣется только на желѣзо, на свои мечи, а не на золото... Чѣмъ больше, говоритъ онъ, Римъ будетъ поклоняться желѣзному богу, тѣмъ скорѣе овладѣетъ міромъ ботъ золотой.

Эти слова нѣсколько успокоили Іосифа. Онъ снова подошелъ къ старику.

— Благородный Салафіилъ!—началъ Іосифъ.—Ты сказалъ, что посланъ спасти Іудею масличною вѣтвью. Но она оказалась безсильной... Спаси же народъ Божій твоимъ золотомъ.

— Какъ же это, сынъ мой?

— Подними на римлянъ всю Азію: Сирію, Келесирію, Киликію, Колхиду, Арменію, Скиѳію, Сарматію, Германію, Британію, Галлію, Испанію, всю Африку... твоего золота достанетъ на все это... Тогда мы завоюемъ Римъ твоимъ золотомъ.

— У меня уже больше нѣтъ золота,—тихо отвѣчалъ Салафіилъ.—Видишь, я нищій.

— Куда же дѣвалось твое золото?—съ ужасомъ спросилъ Іосифъ.

— Роздалъ его до послѣдняго сребреника и завоевалъ себѣ

царство могущественнѣе Рима и всѣхъ его провинцій,—радостно отвѣчалъ странный старикъ.

Теперь ужъ Іосифъ Флавій не сомнѣвался, что передъ нимъ безумный...

ГЛАВА X.

На другой день послѣ неудачной попытки Веспасіанъ склонить осажденныхъ къ добровольной сдачѣ, Веспасіанъ отдалъ по войску приказъ возводить противъ сѣверной стороны крѣпостныхъ стѣнъ Іотапаты высокій валъ, чтобы поставить и осаждающихъ, и осажденныхъ, защищенныхъ высокою стѣной, въ одинаковыя условія. Для этого все свое войско Веспасіанъ раздѣлилъ на три части: одна часть должна была вырубать бревна въ горныхъ лѣсахъ, окружавшихъ Іотапату, и вмѣстѣ съ камнемъ подвозить къ крѣпости; другая часть изъ вырубленныхъ въ лѣсахъ гигантскихъ брусьевъ уставлять, прочно врывая въ землю, рядъ высокихъ столбовъ и натягивать надъ столбами сплетенные изъ ивняка и верболоза щиты для защиты работающихъ подъ этимъ прикрытіемъ солдатъ отъ стрѣлъ и пращей осажденныхъ; третья часть войска должна была раскапывать ближайшіе холмы и свозить въ тачкахъ землю для насыпки вала.

Работа закипѣла. Съ утра до ночи осажденные слышали безпрестанный стукъ топоровъ въ горахъ, визжанье пилы, грохотъ падающихъ кедровъ и пальмъ, оживленные возгласы работавшихъ римскихъ воиновъ. Первая постановка столбовъ унесла не мало жертвъ со стороны римлянъ: осажденные съ высокихъ стѣнъ осыпали ихъ градомъ пращныхъ камней и дождемъ стрѣлъ. Другіе же іотапатцы, дѣлая нечаянныя, почти сжечасныя вылазки изъ крѣпости, нападали на работавшихъ воиновъ и безжалостно умерщвляли ихъ.

Но валъ съ каждымъ часомъ выросталъ все выше и выше подъ защитою плетневыхъ прикрытій. Тогда іотапатцы обрушивали со стѣнъ громадные обломки скалъ на защитительныя кровли и страшно гредили работавшимъ.

Однажды, осматривая вмѣстѣ съ Титомъ осадныя работы своего войска, Веспасіанъ подозвалъ къ себѣ Секстія Церсала, начальника V-го легіона.

— Пошли, Секстій другъ, трибуна Доминція-Сабина узнать, прибылъ ли къ войску «Перунъ», — сказалъ онъ Церсалу. —

Пора пустить въ ходъ метательныя машины противъ этихъ дерзкихъ шершней, которые съ своихъ стѣнъ безнаказанно калѣчатъ моихъ храбрыхъ воиновъ.

«Перуномъ» римскіе воины назвали одну баллисту, величайшую во всемъ войскѣ, и такой тяжести, что для перевозки ея на громадныхъ колесахъ безъ спицъ требовалось впрягать въ ярма 300 воловъ. Это метательное чудовище могло бросать въ непріятеля и въ осажденныя крѣпости громаднѣйшіе камни и другія разрушительныя тяжести на разстояніи 150 — 200 саженъ, и при этомъ шумъ отъ летающихъ каменныхъ глыбъ и грохотъ отъ ихъ паденія подобенъ былъ грому.

— Это богъ Перунъ!—съ изумленіемъ и ужасомъ воскликнули бывшіе въ войскѣ Веспасіана нѣсколько воиновъ изъ плѣнныхъ скиѳовъ или сарматовъ, увидавъ въ первый разъ дѣйствіе этого метательнаго чудовища.

Съ тѣхъ поръ страшную баллисту и назвали «Перуномъ».

Скоро возвратившійся трибунъ доложилъ, что «Перунъ», вслѣдствіе затруднительности передвиженія въ гористой мѣстности Галилеи, запоздалъ прибытіемъ, но теперь онъ уже подвезенъ къ самому лагерю.

— Такъ теперь же разставить на должномъ разстояніи всѣ катапульты и баллисты вмѣстѣ съ «Перуномъ», и начать дѣйствовать по этому осиному гнѣзду,—распорядился Веспасіанъ.

Всѣхъ катапультъ и баллистъ въ распоряженіи Веспасіана было до 160. Катапульты принадлежали къ стрѣлометнымъ орудіямъ (catapultae). Онѣ бросали разомъ множество стрѣлъ, словно картечь, горизонтально. Стрѣлы имѣли различную длину, смотря по катапультѣ, отъ 27 до 54 дюймовъ, и вѣсили каждая отъ ½ до 4 фунтовъ. Полетъ этихъ стрѣлъ, пущенныхъ катапультою, достигалъ полутораста саженъ и болѣе. Сила полета и удара была такъ велика, что тяжелыя стрѣлы пронизывали самые прочные щиты и пробивали панцыри. Но разрушительное дѣйствіе баллистъ (ballistae) было еще сильнѣе. Баллисты по своей разрушительности представляли нѣчто подобное современнымъ осаднымъ орудіямъ, да и метали онѣ въ крѣпости и въ сомкнутые ряды непріятеля не горизонтально, какъ катапульты, а подъ угломъ 45 градусовъ подобно нашимъ мортирамъ.

Скоро метательныя машины были разставлены. Гигантскій «Перунъ» возвышался въ центрѣ.

— Кромѣ камней велѣть приготовить и доставить на катапульты пылающія головни,—распоряжался Веспасіанъ, разъѣзжая отъ катапультъ къ катапультамъ и баллистамъ на своемъ походномъ конѣ.

Зачадили въ воздухѣ облитыя дегтемъ пылающія головни.

— О, какія сердисвѣщія возжены богу войны кровожадному Арею!—не то горестно, не то насмѣшливо воскликнулъ Варнава бенъ-Іошуа, стоя на высокомъ валу лагеря рядомъ съ Салафіилъмъ, ночью вновь возвратившимся въ римскій лагерь Іотапаты, и смотря на приготовленія къ страшному штурму.

— Горе тебѣ, Іотапата, горе тебѣ, послѣднее убѣжище безумцевъ!—тихо проговорилъ Салафіилъ, и на глазахъ его показались слезы.

На томъ же валу, въ сторонѣ, стояли Вереника и Агриппа, тоже наблюдая за мерцавшими на катапультахъ огненными языками.

— Не послушались моей рѣчи, теперь послушайте, что вамъ будетъ говорить разсвирѣпѣвшій римскій вепрь,—сердито проговорила Вереника, грозя пальцемъ по направленію къ Іотапатѣ

— Такъ имъ и надо,—ворчливо согласился Агриппа.—Послѣ кроваваго урока Іотапатѣ, я надѣюсь, Іерусалимъ одумается.

Въ это время мимо вала, на которомъ стояли Агриппа и Вереника, проскакалъ Титъ. Онъ махнулъ щитомъ ѣхавшему ему на встрѣчу Тиверію Траяну и громко кричалъ:

— Вели, благородный Траянъ, вызвать къ катапультамъ и баллистамъ аравійскихъ стрѣлковъ Малха. Они должны дѣйствовать одновременно съ метательными орудіями. Такова воля полководца.

Траянъ поворотилъ коня и поскакалъ къ позиціи, занимаемой союзниками изъ Каменистой Аравіи.

Скоро глазамъ Вереники и Агриппы, а равно взорамъ Варнавы бенъ-Іошуа и Салафіила представилось адское зрѣлище: воздухъ омрачили тысячи летящихъ и свистящихъ стрѣлъ и грохочущихъ камней, между которыми, точно огненныя змѣи, бороздили воздухъ пылающія и дымящіяся головни.

Но вслѣдъ за тѣмъ къ голубому небу поднялись какія-то темныя массы и, описавъ въ воздухѣ дугу, съ грохотомъ обрушились на стѣны крѣпости.

— «Перунъ»! «Перунъ»! — послышались радостные возгласы римлянъ.

— Одна башня рухнула!.. Ай да «Перунъ»!

— Ха-ха-ха!—доносился откуда-то злородный хохотъ.—Со стѣнъ всѣхъ этихъ шершней точно языкомъ слизало... Ха-ха-ха!

Дѣйствительно, стрѣлы и огненныя головни катапультъ, а равно камни баллистъ и стрѣлы стрѣлковъ Каменистой Аравіи точно смели со стѣнъ смѣлыхъ защитниковъ Іотапаты. Многіе изъ нихъ пали со стѣнъ за-мертво, одни внутрь крѣпости, а иные наружу, гдѣ и были тотчасъ же добиты и заколоты разсвирѣпѣвшими римлянами, мстившими за смерть товарищей.

— А!—злорадно говорила Вереника, продолжая съ высоты вала наблюдать всѣ ужасы штурма.—Это вамъ не Цестій Галлъ, котораго вы, какъ ошпареннаго кипяткомъ пса, отогнали отъ Іерусалима!.. Не послушались моего слова...

— Да, калабрійскій вепрь погромче твоего говоритъ,—поддразнивалъ сестру Агриппа.—Только, вѣрно, панцырному молокососу и понравилась твоя цицероновская рѣчь.

— Какъ-то понравилась бы твоя рѣчь, rex nihilis (царь надъ тѣмъ, чего нѣтъ), — презрительно пожала плечами Вереника.

Грохотъ осады не умолкалъ. Ошеломленные первыми залпами, видя въ мучительныхъ корчахъ упавшихъ со стѣнъ ихъ защитниковъ, осажденные смутились было; но скоро мужество воротилось къ нимъ, когда Іосифъ сказалъ имъ:

— Вы разили враговъ со стѣнъ въ головы, теперь разите ихъ въ сердце и ненасытную утробу: кромѣ пращей и стрѣлъ, у насъ есть мечи и быстрыя ноги для ежечасныхъ вылазокъ.

— Есть у насъ и дерево сухое, и пакля, и сѣра, внесемъ и мы огонь въ ихъ сооруженія, — сказалъ «іудейскій Голіаѳъ», какъ прозвали его разбитые гоплиты Цестія Галла,—іудей по имени Элеазаръ, сынъ Самая, родомъ изъ Саавы.

— Правъ Элеазаръ-галилеянинъ!.. Мечи и огонь!

Элеазаръ-галилеянинъ былъ великанъ ростомъ и славился необычайной силой. Онъ кулакомъ въ голову сваливалъ съ ногъ быка, а охотясь однажды около Геннисаретскаго озера, задушилъ огромнаго льва руками.

— И я съ Элеазаромъ за мечи и огонь!—воскликнулъ другой отважный галилеянинъ, приземистый силачъ Нетиръ изъ

Румы, всадившій двѣ стрѣлы въ щитъ Тита во время первой попытки римлянъ взять Іотапату.

— И я съ тобою, братъ! Насъ одни сосцы вскормили, насъ и смерть не должна разлучать! — вторилъ Нстиру братъ его Филиппъ.

— До смерти еще далеко... За мной, галилеяне!—воскликнулъ Элеазаръ, около котораго уже образовалась толпа.

Ворота крѣпости незамѣтно раскрылись, три партіи, одна за другой, подъ грохотъ и свистъ катапультъ и баллистъ, подъ громъ падающихъ камней, прокатились вдоль стѣнъ и ринулись на римлянъ, работавшихъ подъ прикрытіемъ ивовыхъ кровлей. Застигнутые врасплохъ, поражаемые мечами, римляне падали, а тѣ, которыхъ не успѣли поразить мечи, бѣжали...

Пакля, сѣра и другіе горючіе матеріалы сдѣлали свое дѣло: въ трехъ мѣстахъ ярко пылали ивовыя кровли римскихъ сооруженій.

— Какъ! Неужели римляне своими горящими головнями изъ катапультъ зажгли труды рукъ своихъ?—удивился Агриппа.

— Нѣтъ, головни ихъ и стрѣлы попадаютъ въ самую Іотапату,—возразила Береника.—Развѣ ты не видишь?

— Да, но отчего же горятъ ивовые щиты?

— Ихъ подожгли снизу осажденные.

Между тѣмъ Элеазаръ, Нстиръ и Филиппъ, нанеся значительный уронъ римлянамъ и ихъ сооруженіямъ, скоро воротились съ своими отрядами въ крѣпость.

— Какъ весело смотрѣть на эти игры дѣтей, — говорилъ бенъ-Іошуа, наблюдая все это съ своего возвышенія.

— Что же веселаго находитъ Варнава въ этой бойнѣ людей?—удивился Салафіилъ.

— Ахъ, раби Салафіилъ, какой ты младенецъ!—небрежно отвѣчалъ бенъ-Іошуа.—А еще недавно держалъ Римъ въ своихъ золотыхъ тенетахъ... Дѣти тѣшатся, а ко мнѣ же придутъ попросить золотой кашки... А кашка любитъ приправу, маслечко... pro cento (процентъ), мнѣ на молочко...

ГЛАВА XI.

Какъ ни отчаянно сопротивлялись іудеи возведенію римлянами осаднаго вала, который сравнялся бы высотою со стѣнами

крѣпости, однако, многочисленность войска Веспасіана парализовала ихъ удивительное мужество.

Видя невозможность дѣйствовать катапультами и баллистами противъ ежечасныхъ вылазокъ осажденныхъ, мѣшавшихъ осаднымъ работамъ и поджигавшихъ деревянные устои вала и его новыя прикрытія, Веспасіанъ разставилъ арабскихъ стрѣлковъ такъ, что они могли перекрестно обстрѣливать малѣйшую попытку іотапатцевъ къ вылазкамъ.

Осадный валъ, такимъ образомъ, выросталъ съ каждымъ днемъ и уже почти достигалъ высоты крѣпостныхъ зубцовъ. Іотапатцы, видя это, стали падать духомъ. Тогда Іосифъ-Флавій созвалъ къ себѣ старѣйшинъ города и самыхъ мужественныхъ изъ воиновъ, какъ-то: великана Элеазара и богатырей братьевъ Нетира и Филиппа.

— Много ли у насъ въ Іотапатѣ быковъ, почтенные мужи?—обратился Іосифъ къ собранію.

— Мясного продовольствія въ городѣ хватитъ надолго: у насъ цѣлое стадо въ загонѣ,—отвѣчалъ старѣйшина города.

— А я заблаговременно заготовилъ достаточно корму для городского стада,—сказалъ, съ своей стороны, помощникъ старѣйшины.

— Это утѣшительно слышать, — одобрилъ Іосифъ. — А на дровяныхъ складахъ достаточно строевого лѣсу?

— Однихъ кедровыхъ брусьевъ до сотни и болѣе. Кедры ливанскіе срублены еще при Иродѣ... Этотъ царь, разорившій Іудею на свои дворцы, ипподромы и идольскіе храмы, задумалъ было построить для себя дворецъ и въ Іотапатѣ, но черви помѣшали ему, съѣли заживо.

— Такъ для дворца, вѣроятно, и камни были заготовлены?—освѣдомился Іосифъ.

— Великое множество, все тесаные.

Іосифъ облегченно вздохнулъ. — Такъ мы еще подержимся,—какъ бы про себя сказалъ онъ.

— Вы сами видите, почтенные мужи, — продолжалъ Іосифъ,—что непріятель поднялъ свой валъ уже почти до высоты стѣнныхъ зубцовъ. Наши стѣны скоро перестанутъ служить намъ прикрытіемъ, надо ихъ поднять на нѣсколько саженъ, чтобы взоры врага не проникали за стѣны крѣпости.

— Но какъ ихъ поднять, благородный Іосифъ?—возразилъ

старѣйшина.—Едва ли наши мастера въ состояніи будутъ возводить стѣну подъ дождемъ стрѣлъ.

— Въ этой бѣдѣ намъ придутъ на помощь наши кроткіе волы,—улыбнулся Іосифъ.

— Какимъ образомъ?—удивились всѣ, бывшіе на совѣтѣ.

— А вотъ какъ. Нынѣшней же ночью призовите къ общей работѣ всѣхъ мужей Іотапаты. Подъ покровомъ ночи, теперь же, хвала Іеговѣ, ночи темныя, безлунныя, мы водрузимъ въ тишинѣ кедровые брусья на стѣну противъ римскаго вала... Всей Іотапатой мы можемъ это исполнить до полуночи, а то хоть бы и за полночь... Одновременно съ этимъ мы убьемъ необходимое число воловъ, снимемъ съ нихъ свѣжія шкуры и сдѣлаемъ изъ нихъ крышу надъ водруженными на стѣнѣ кедровыми брусьями, подобно тому, какъ римляне устроили надъ своимъ валомъ ивовыя плетеныя кровли, которыя и защищали ихъ рабочихъ. Только кожаныя кровли будутъ неуязвимы даже для огня, чего нельзя сказать объ ивовыхъ крозлихъ.

— Да, мы не мало ихъ жгли, пока въ дѣло не были пущены врагами проклятые арабскіе стрѣлки, — вставилъ богатырь Элеазаръ.

— Такъ наши кровли, повторяю, будутъ неуязвимы для огня,—продолжалъ Іосифъ,—потому что мы натянемъ ихъ на столбы шерстью внизъ, и мокрыми шкурами наверхъ: мокрота будетъ мѣшать пылающимъ головнямъ римлянъ зажигать наше кожаное прикрытіе, да и камни и стрѣлы ихъ баллистъ и катапультъ будутъ соскальзывать съ мокрыхъ шкуръ, не причиняя намъ вреда.

Все собраніе пришло въ восторгъ отъ этого остроумнаго плана.

— Хвала Іосифу, доблестному вождю Галилеи!—воскликнули старѣйшины.

— Ахъ, еслибъ у меня была такая же сильная голова, какъ у Іосифа! — наивно проговорилъ богатырь Элеазаръ. — Ахъ, еслибъ такая сильная, какъ мои руки, ноги и плечи, многое я бы тогда сдѣлалъ!

— Не печалься, мужественный Элеазаръ, твои желѣзные мускулы стоятъ любой головы,—улыбнулся Іосифъ.—Такъ за дѣло, почтенные мужи: теперь же примемся сносить брусья и камни къ стѣнамъ и готовить цементъ для скрѣпленія плитъ.

Воловъ же надо убить къ ночи, чтобъ шкуры были повлажнѣе, а мясо воловъ посолимъ въ прокъ для продовольствія города и гарнизона.

Указанныя Іосифомъ-Флавіемъ работы начались тотчасъ же. Все закипѣло въ стѣнахъ Іотапаты. Работающимъ спѣшили на помощь, чѣмъ могли, даже женщины и дѣти.

Къ вечеру весь матеріалъ для возвышенія стѣнъ былъ уже на мѣстѣ: кедровые брусья, каменныя плиты, цементъ, веревки, канаты и цѣпи для прикрѣпленія брусьевъ къ стѣннымъ зубьямъ, все было готово.

Но едва ночная тьма окутала крѣпостныя стѣны, какъ надъ ними стали возвышаться столбъ за столбомъ, и задолго до полуночи на нихъ уже были натянуты съ помощью лѣстницъ влажныя воловьи шкуры и скрѣплены ремнями.

— Самъ Господь Іегова невидимо помогаетъ народу своему, — умиленно шепталъ старѣйшина города, раби Самуилъ, проходя между столбами по стѣнѣ, словно бы подъ сводами крытой галлереи.

Тотчасъ же, въ темнотѣ, началась энергичная кладка стѣны. Темнота не мѣшала работѣ. Привыкшіе съ дѣтства къ темнымъ ночамъ своей родины, іудеи умѣли отлично разбираться во мракѣ, и чего не различали, то достаточно дополнялось осязаніемъ. Огромныя тесаныя плиты быстро поднимались на стѣну посредствомъ блоковъ и искусно прилаживались посредствомъ клѣпкаго, скоро окрѣпавшаго цемента.

Къ утру дополнительный ярусъ стѣны уже значительно поднялся, и римскіе часовые, съ разсвѣтомъ, увидавъ что-то необычайное на стѣнахъ Іотапаты, пришли въ немалое изумленіе. Вѣсть о необычайномъ явленіи на стѣнѣ осажденной крѣпости быстро разнеслась по лагерю между воинами. Особенно поражали ихъ свѣтлые навѣсы изъ воловьей шкуры, блестѣвшіе подъ лучами восходящаго солнца.

— Что это за явленіе?—удивлялся центуріонъ Авлъ.—Что еще придумали эти неугомонные шершни?

— Должно быть, отъ загара завѣсились,—смѣялся другой центуріонъ, Туба.

— А я знаю, что это, друзья,—подмигивалъ его пріятель, центуріонъ Рапидъ.—Я не первый годъ воюю съ этими субботниками. Это у нихъ, надо полагать, праздникъ кущей.

— Какія эти кущи?—спросилъ Туба.

— Просто шатры. Эти іудеи такъ привержены къ своей старинѣ, что все стараются дѣлать такъ, какъ дѣлали ихъ предки. Вотъ и эти кущи: давно, очень давно когда-то эти іудеи жили въ Египтѣ. Ну, понятно, въ чужой землѣ не такъ-то сладко жить, а особенно, когда египтяне терпѣть ихъ не могли. Вотъ іудеи и задумали перебраться изъ Египта сюда, да заблудились въ пустынѣ и блуждали тамъ сорокъ лѣтъ.

— Ну, братъ, это сказки,—перебилъ Рапида Авлъ,—сорокъ лѣтъ блуждать въ пустынѣ! Что жъ они, слѣпые, что ли?

— Такъ они сами разсказываютъ, — оправдывался Рапидъ.—Вотъ въ этой-то пустынѣ они и жили въ кущахъ, въ шатрахъ, да и теперь въ извѣстные дни въ году, въ воспоминаніе этого, они не живутъ въ домахъ, а разбиваютъ у себя на дворахъ шатры и живутъ въ нихъ нѣсколько дней.

— Странный народъ!—покачалъ головою Туба.

— Вотъ я и смѣюсь,—заключилъ Рапидъ,—что это они раскинули на стѣнѣ свои кущи и будутъ тамъ ѣсть свои опрѣсноки.

— Охъ, какъ бы намъ отъ этихъ кущей и опрѣсноковъ не пришлось солоно,—справедливо разсудилъ центуріонъ Авлъ.

Дѣйствительно, когда доложили Веспасіану о необычайномъ явленіи на стѣнахъ Іотапаты и онъ, вмѣстѣ съ Титомъ, Траяномъ и Секстіемъ - Цереаломъ, поднялся на наблюдательную башню, то сначала не могъ сообразить, что тамъ произошло, и только когда замѣтилъ новый надстрой надъ старой стѣной, понялъ въ чемъ дѣло.

— Да это они, клянусь Марсомъ, возвышаютъ крѣпостную стѣну!—раздражительно проговорилъ онъ.

— Удивительно!—замѣтилъ Титъ.—Какъ они въ одну ночь успѣли такъ много сдѣлать.

— Ехидна-народъ!.. Правду сказалъ божественный Неронъ, ехидна, ехидна,—качалъ головою Веспасіанъ.

— Но что это у нихъ за навѣсы надъ стѣной?—недоумѣвалъ Траянъ.

— Это подражаніе намъ, защита работы отъ нашихъ стрѣлъ,—сказалъ Секстій Цереалъ.

— Но изъ чего она?—недоумѣвалъ и Веспасіанъ.

— Да это воловьи шкуры, отецъ!—воскликнулъ Титъ, моло-

дые глаза котораго зоркостью достигали дальше баллистъ и катапультъ.—И я вижу, они продолжаютъ возводить стѣну.

— Ахъ, ехидна, ехидна-народъ! — продолжалъ покоритель Британіи повторять слова Нерона.—Но и на ехидну имѣются нильскіе ибисы... Я выпущу на нихъ моихъ длинноклювыхъ и длинноногихъ ибисовъ.

Взошли на башню Агриппа и Вереника. Послѣдняя не менѣе другихъ поражена была новымъ явленіемъ.

— Твои соотечественники, прекрасная царица, хотятъ удивить меня, травленнаго волка,—сказалъ Веспастіанъ, любезно привѣтствуя красавицу. — Но я умѣю ломать хребты строптивымъ.

— Но что это они навѣсили на стѣнѣ?—спросила Вереника.

— Это чадры, которыми закрываются отъ посторонихъ взоровъ и отъ солнца восточныя женщины,—пошутилъ старый любезникъ.—Но я надѣюсь скоро сорвать покрывала съ іотапатскихъ красавицъ.

Вереника взглянула на Тита глазами пиѳіи... Что хотѣла она сказать этими глазами?.. Юный римлянинъ заволновался.

— Отецъ! Прикажи пустить въ дѣйствіе твоихъ ибисовъ,— быстро заговорилъ юноша.—Дозволь мнѣ отдать твой приказъ трибунамъ.

— Иди, мой мальчикъ, распорядись, — согласился Веспасіанъ.

«Мальчикъ! И это при Вереникѣ!»—вспыхнулъ онъ и глянулъ на красавицу-царицу. Та, какъ ему показалось, нѣжно улыбнулась. Кровь ударила въ голову юношѣ, и онъ съ бьющимся отъ восторга сердцемъ поспѣшилъ отдать приказаніе отца, мысленно повторяя: — «Афродита нисходитъ къ смертному... Богиня улыбнулась Арею... О, богиня моя!»

Скоро пришли въ дѣйствіе и катапульты. Дождь стрѣлъ вперемежку съ пылающими головнями зашумѣлъ въ воздухѣ. Но...

— Громы Юпитера!.. Стрѣлы скользятъ по шкурамъ, какъ иглы по гладкому стеклу!—со злобой проговорилъ Веспасіанъ.

— И головни только дымятъ и тухнутъ,—замѣтилъ Траянъ.

— Что жъ это за волшебство!—волновалась Вереника.

— Это просто воловьи шкуры, — пояснилъ Агриппа, — онѣ влажны и скользки... Проклятый Іосифъ! Это все его выдумки.

— Да, все это рыжій демонъ,—согласилась и Вероника.

Было несомнѣнно, что катапульты не причиняли никакого вреда работавшихъ на стѣнѣ іотапатцамъ. Видно было, какъ они, словно муравьи, копошились подъ своими кожаными навѣсами и громоздили камни на камни, оглашая иногда воздухъ пѣніемъ священныхъ гимновъ.

Веспасіанъ багровѣлъ отъ злобы. Онъ велѣлъ позвать къ себѣ немедленно Варнаву бенъ-Іошуа.

Денежный царь явился съ притворнымъ смиреніемъ и огорченіемъ на лукавомъ лицѣ.

— Что прикажетъ непобѣдимый вождь легіоновъ божественнаго императора?—почтительно спросилъ онъ.

— Кто завѣдуетъ у тебя, раби Варнава, продовольствіемъ моего войска?—спросилъ Веспасіанъ.

— Я лично за всѣмъ наблюдаю, карающій мечъ моего императора и владыки міра,—цвѣтисто отвѣтилъ денежный царь.

— Но ты неотлучно въ лагерѣ.

— Я твой казнодаръ и неупустительно выплачиваю жалованье твоимъ легіонамъ.

— А пищевое довольствіе? Оно, я полагаю, не хранится у тебя въ лагерѣ въ кожаныхъ мѣшкахъ. Надо знать, вполнѣ ли обезпечены мои легіоны.

— Мои агенты еженедѣльно доносятъ мнѣ о состояніи запасовъ хлѣба и прочаго довольствія, имѣющихся въ складахъ всей Галилеи и Самаріи,—отвѣчалъ смѣло казнодаръ и хлѣбодаръ Веспасіана.

— И надолго ихъ хватитъ?—спросилъ послѣдній.

— На все время усмиренія строптивыхъ іудеевъ.

— Но это неопредѣленно... Время усмиренія Іудеи довольно растяжимо, можетъ затянуться. Видишь?—указалъ Веспасіанъ на безуспѣшное дѣйствіе катапультъ.

— Это очень прискорбно... Но Марсъ и Беллона твои патроны,—уклонился денежный царь.

— Говори опредѣленнѣе, надолго хватитъ продовольствія?—настаивалъ опытный и осторожный полководецъ.

— Навсегда, вождь державнаго Рима!—гордо отвѣчалъ финансовый воротила этого Рима, радуясь въ душѣ, что чѣмъ дольше продлится война, тѣмъ больше молочка надоитъ онъ изъ міродержавной коровы—Рима, молочка, въ видѣ очень солиднаго

«pro cento ad pro cento in perpetuum» (процентъ къ проценту въ безконечности).—Объѣдятъ твои легіоны Галилею, Самарію, Іудею и Сирію, я сожну всю пшеницу и дурру фараоновъ и брошу къ твоимъ побѣднымъ ногамъ.

Веспасіанъ гордо поднялъ свою круглую голову на воловьей шеѣ.

— Такъ я заморю Іотапату голодомъ!—ударилъ онъ себя въ грудь мясистымъ кулакомъ.—Я истомлю ее жаждой!.. До періода осеннихъ и зимнихъ дождей еще далеко... Шершни Іотапаты до того времени выпьютъ послѣднія капли воды изъ своихъ цистернъ... Пусть они утоляютъ свою жажду слезами своихъ женъ и дѣтей! Я покажу имъ, что значитъ бороться съ державнымъ Римомъ!—гремѣлъ разсвирѣпѣвшій вождь легіоновъ этого Рима.

Онъ былъ страшенъ. Но мстительная Вереника не отрывала отъ него восхищенныхъ глазъ. Прежній калабрійскій вепрь казался ей теперь прекраснымъ богомъ войны.

— Я слышу въ твоемъ голосѣ громы Юпитера! — восторженно заговорила мстительная іудейка. — Бросай же свои громы!.. Пусть дерзкіе сыны Іудеи пьютъ слезы своихъ женъ и дѣтей!

Веспасіанъ махнулъ стоявшему внизу трибуну Домицію Сабину, прислушивавшемуся къ громовымъ рѣчамъ разсвирѣпѣвшаго вождя.

— Прекратить безполезное дѣйствіе катапультъ! — крикнулъ Веспасіанъ. — Скоро вся Іудея заплачетъ кровавыми слезами!

ГЛАВА XII.

Веспасіанъ исполнилъ свою жестокую угрозу. Онъ прекратилъ безполезную и дорого стоившую ему осаду крѣпости, защищаемой съ невиданнымъ имъ дотолѣ ожесточеніемъ. Онъ вѣрно разсчиталъ въ своемъ холодномъ умѣ, для котораго достиженіе намѣченной цѣли тѣмъ было заманчивѣе, чѣмъ черезъ большее число труповъ и черезъ большее пролитіе крови онъ достигалъ этой цѣли. Закалившій въ кровавой практикѣ свое и безъ того жестокое сердце, онъ сказалъ своему сыну, горѣвшему молодымъ нетерпѣніемъ отличиться передъ Вереникой.

— Будь мужемъ, мой жадный до славы мальчикъ... Слава—

женщина: она такъ же капризна, какъ и всякая красавица, благосклонности которой добиваются не въ мѣру настойчиво и не всегда во-время. Слава не уйдетъ отъ тебя, и Іотапата сплететъ сама лавровый вѣнокъ на твою юную главу... Такъ знай же, питомецъ моего меча, что насъ ожидаетъ одно изъ двухъ: или осажденные, истребивъ всѣ необходимѣйшіе жизненные припасы, сами попросятъ о пощадѣ, или же, если эти злые шершни будутъ упорствовать въ своемъ безуміи, то они неизбѣжно перемрутъ отъ голода. Это такъ же вѣрно, какъ паденіе на землю брошеннаго къ небу камня. Наконецъ, ты, мой юный мечъ, можешь легко побѣдить ихъ, когда они до того будутъ обезсилены голодомъ, что не въ состояніи окажутся держать оружіе.

Титъ долженъ былъ покориться волѣ отца.

И вотъ потянулись мучительные дни для осажденныхъ, тѣмъ болѣе страшные, что впереди они уже видѣли смерть отъ недостатка воды въ городѣ. Время стояло знойное. Лѣтнее солнце, накалявшее скалы, стѣны крѣпости и самую землю, по которой ходили іотапатцы, возбуждало въ людяхъ неутолимую жажду, а запасъ воды составляла одна единственная цистерна. Іосифъ, въ ожиданіи дождей, которые могло наслать въ это время года на знойную Галилею только чудо при вѣчно безоблачномъ небѣ, приказалъ выдавать жителямъ въ опредѣленномъ ограниченномъ размѣрѣ.

Это ограниченное расходованіе воды,—говоритъ Іосифъ-Флавій, — казалось іотапатцамъ болѣе тягостнымъ, чѣмъ дѣйствительный ея недостатокъ, ибо, не имѣя возможности пить въ свое удовольствіе, іотапатцы еще больше чувствовали жажду и алкали воды, точно уже изнемогали отъ недостатка питья.

И вотъ они цѣлыми толпами сходились въ цистернѣ, ожидая выдачи воды и, получивъ ее, жадно пили, пили даже больше, чѣмъ могли бы, если бы воды было въ изобиліи.

Дальнозоркій Титъ, наблюдая каждый день съ высокой башни за всѣмъ, что происходило въ стѣнахъ осажденной крѣпости, замѣтилъ, что іотапатцы каждодневно толпились около одного обширнаго квадратнаго каменнаго сооруженія, и догадался, что это главная городская цистерна, куда въ дождливое время года съ окрестныхъ горъ и ложбинъ стекалась дождевая вода по проложеннымъ подъ землею трубамъ.

— Я сдѣлалъ открытіе,—сказалъ онъ однажды Веспасіану.

— Какое, мой мальчикъ?.. Ужъ не средство ли взять Іотапату голыми руками?—улыбнулся благосклонно «мечъ Рима».

— Именно это, отецъ. Пойдемъ на наблюдательную башню, и я покажу тебѣ нѣчто интересное, что порадуетъ тебя,—весело проговорилъ юноша.

Они поднялись на башню.

— Видишь тамъ, на площади, посреди крѣпости, толпится народъ?—спросилъ Титъ, показывая рукой.

— Да, что-то вижу... точно муравьи копошатся, — отвѣчалъ Веспасіанъ, силясь разсмотрѣть то, на что ему указывалъ сынъ.

— А я вижу даже, что они пьютъ воду изъ водоносовъ прямо.

— И пьютъ, навѣрное, жадно?—засмѣялся Веспасіанъ.

— Должно быть, жадно, потому что долго не отнимаютъ губъ отъ водоносовъ.

— И не напиваются до-сыта, — еще злораднѣе засмѣялся «мечъ Рима».—Я это предвидѣлъ... А нельзя ли пролить воду изъ ихъ водоносовъ?

— Какъ пролить, отецъ?

— А нашими катапультами, мѣткими стрѣлами... Вотъ что, мой мальчикъ, прикажи трибунамъ направить катапульты на этихъ пьющихъ муравьевъ.

Титъ исполнилъ приказаніе отца, и скоро въ Іотапату въ то самое мѣсто, гдѣ производилась раздача воды, полетѣли массы стрѣлъ. Съ наблюдательной башни видно было, какъ заметались около цистерны бѣдные жители города, осужденнаго на гибель, и бросились спасаться, оставивъ около цистерны не мало убитыхъ и раненыхъ...

Какъ и предсказалъ злобный демонъ, «воду пролили изъ водоносовъ», а ея и безъ того было мало...

Опять потянулись мучительные для осажденныхъ дни. Воду стали уже выдавать по ночамъ, чтобъ не привлекать на несчастныхъ, жаждущихъ пить убійственныхъ стрѣлъ катапультъ, выдавали еще болѣе ничтожными порціями... А злобный демонъ Іуден молчалъ и ждалъ...

Тогда Іосифъ вновь собралъ собраніе старѣйшинъ.

— Мужи совѣта и мужи геройской отваги, достойные потомки доблестныхъ Маккавеевъ по духу!—началъ онъ, обводя собраніе глазами, полными слезъ. — Неужели я долженъ сказать, что Всеблагій отвратилъ лицо Свое отъ Своего народа? Нѣтъ! Завѣтъ Его съ Іаковымъ въ Вефилѣ непреложенъ. Но Онъ посылаетъ намъ испытаніе и насъ, галилеянъ, приноситъ въ жертву за всю Іудею. Онъ послалъ на насъ демона, мрачнаго ангела смерти въ лицѣ Веспасіана. Демонъ безсознательно исполняетъ велѣніе Іеговы; онъ не отступитъ отъ нашихъ стѣнъ и не попытается взять насъ силою, онъ задумалъ взять насъ мертвыми... Что же предпочтительнѣе: умереть подобно псамъ, отъ голода и жажды, или, подобно героямъ, умереть въ честномъ бою, съ оружіемъ въ рукахъ, во славу избраннаго народа?

— Въ бою! На трупахъ враговъ!—воскликнулъ богатырь Элеазаръ, поднимаясь и хватаясь за мечъ.

— Съ оружіемъ въ рукахъ! На трупѣ самого демона и его сына!—въ одинъ голосъ крикнули братья Нетиръ и Филиппъ.

— Но онъ не принимаетъ боя; онъ ждетъ нашей смерти, смерти голодныхъ псовъ,—возразилъ Іосифъ.—Какъ же намъ быть? Скажите, посовѣтуйте, мужи совѣта.

Всѣ молчали, подавленные словами Іосифа.

— Я знаю одно средство, чѣмъ вызвать его на бой,—продолжалъ послѣдній.

— Чѣмъ? Говори, Іосифъ!—разомъ вскрикнули Элеазаръ, Нетиръ и Филиппъ.

— Онъ, этотъ демонъ, знаетъ, что у насъ мало воды, и что мы помремъ не отъ голода, а отъ жажды, и онъ ждетъ этихъ дней,—продолжалъ Іосифъ.—Обманемъ же его, доведемъ до бѣшенства, и онъ, какъ кабанъ Антиливана, бросится на рогатину пароянина...

— Но какъ?—допрашивалъ Элеазаръ и богатыри братья изъ Румы.

— Велимъ многимъ изъ нашихъ гражданъ погрузить въ воды цистерны ихъ одежды и развѣсить по стѣннымъ брустверамъ такъ, чтобы вода текла по наружной стѣнѣ въ виду самого демона и его адскихъ легіоновъ... Тогда онъ скажетъ: у нихъ излишекъ воды; они моютъ въ ней свои одежды и развѣшиваютъ ихъ для просушки на солнцѣ у насъ на глазахъ...

Намъ нечего ждать ихъ смерти, они не сдадутся... И тогда разъяренный кабанъ полѣзетъ на рогатину пареянина.

Мгновенно собраніе оживилось.

— О, Іосифъ! Слава твоей мудрости, вождь Галилея!

Въ ту же ночь, къ восходу солнца, предложеніе Іосифа-Флавія было приведено въ исполненіе. Первыми замѣтили это стоявшіе на стражѣ римскіе часовые и центуріоны Авлъ и Туба.

— Это еще что за выходка?—удивился первый.—Какія-то мокрыя одежды развѣсили.

— Это іотапатскія прачки полѣнились выжать мокрое бѣлье и развѣсили его по стѣнамъ, чтобы высушило солнце,—смѣялся Туба.

— Нѣтъ, это какая-нибудь хитрость или насмѣшка надъ нами, клянусь Беллоной,—ворчалъ Авлъ.—Вѣдь говорили, что у нихъ воды нѣтъ, что они скоро подохнутъ, какъ мухи осенью, а они вонъ поливаютъ водой стѣны крѣпости.

— Это затѣмъ, чтобы стѣны не потрескались отъ зноя, чтобы мы треснули со злости,—не унимался Туба.

— Тебѣ все смѣшно, а мнѣ досадно... Осада затянется до безконечности,—негодовалъ Авлъ.—Проклятый народъ! Хуже бриттовъ и нумидянъ.

— А тебѣ бы въ Римъ сейчасъ, домой.

— Хорошо тебѣ, холостому буйволу, а у меня дѣти.

Весь римскій лагерь былъ озадаченъ новой «выходкой» іудеевъ... Именно «выходка»... Къ чему она?.. Ясно, что тутъ какая-то цѣль...

Вероника, войдя въ палатку брата, нервно затворила, отрывая Агриппу отъ чтенія «Золотого Осла» Апулея.

— Новый Моисей!.. «Рыжій» превратился въ Моисея,—волновалась красавица.

— Что такое? Какой новый Моисей? — не понималъ Агриппа.

— Поди, посмотри... «Рыжій» жезломъ извлекаетъ воду изъ скалъ... А еще увѣряли, что они скоро подохнутъ отъ безводья... Самъ Веспасіанъ это говорилъ... Пойдемъ...

И Вероника повлекла брата на наблюдательную башню. Тамъ уже находились Веспасіанъ, Титъ, Траянъ и Секстій Цереалъ. Всѣ недоумѣвали, глядя на «выходку» іотапатцевъ.

— Стиксъ и Тартаръ!—бѣсновался Веспасіанъ съ лицомъ,

налитымъ кровью.—Они дразнятъ меня водой, какъ испанскаго быка пурпуромъ... У насъ воды изобиліе, знайте, римляне! Вотъ, что они хотятъ этимъ сказать...

— Ясно, что Іосифъ-Флавій издѣвается надъ покорителемъ Британіи,—ехидно замѣтила Вереника

— Издѣвается... смѣется!.. Такъ у меня тартаръ засмѣется, а Стиксъ я весь переполню іудейской кровью... Пусть весло Харона вязнетъ въ черной крови іудеевъ!—еще сильнѣе бѣсновался Веспасіанъ.—Немезиды, Немезиды, гдѣ ваши боги!

ГЛАВА XIII.

Утромъ слѣдующаго дня Вереника и Агриппа, а также Титъ съ двумя другими начальниками легіоновъ, выйдя изъ ставки Веспасіана, гдѣ только что кончился военный совѣтъ, поражены были новымъ, невиданнымъ зрѣлищемъ. Отрядъ римскихъ воиновъ сопровождалъ въ лагерь какую-то странную группу не то людей, не то животныхъ. Ясно было, что эти странныя существа двигались на двухъ ногахъ, но головы ихъ, казалось, были звѣриныя, да и плечи и спины ихъ, а равно бока покрыты были шерстью.

— Это еще что такое? Какіе-то двуногіе звѣри,—съ недоумѣніемъ обратилась Вереника къ Титу.

— Это іудейскіе фавны пришли привѣтствовать царицу Іудеи,—улыбнулся Титъ.—Вонъ нѣкоторые изъ нихъ даже съ небольшими рогами.

Дѣйствительно, въ группѣ странныхъ существъ виднѣлись нѣкоторые съ рогатыми головами, другіе съ головами собакъ или волковъ.

Скоро эта странная группа, сопровождаемая воинами, приблизилась къ ставкѣ Веспасіана, который, будучи привлеченъ словами своего сына, самъ вышелъ изъ палатки. Къ нему приблизился трибунъ Домицій Сабинъ, конвоировавшій группу полулюдей, полузвѣрей.

— Это что за карнавалъ?—спросилъ Веспасіанъ, догадываясь, въ чемъ дѣло.

— Іотапатскіе поставщики продовольствія, благородный вождь Рима,—отвѣчалъ трибунъ.—Ночные караулы наши въ послѣднее время стали замѣчать, что изъ осажденнаго города по

ночамъ выбѣгали иногда собаки или телята и исчезали въ неприступномъ ущельѣ, которое тянется въ западную долину, покрытую лѣсомъ. Мнѣ показалось это подозрительнымъ, и я усилилъ въ томъ мѣстѣ караулы. Сегодня ночью и открылась тайна. Эти прикрытые шкурами іудеи были захвачены моими стражниками, когда мнимые псы и телята, нагруженные съѣстными припасами и полными кожаными водоносами, возвращались со своею добычей въ крѣпость.

— Искусно придумано,—замѣтилъ Веспасіанъ.

— Іосифъ-Флавій подражаетъ Овидію: онъ сочинилъ свои «Метаморфозы»,—съ своей стороны, замѣтила Вереника.

Захваченные іотапатцы стояли въ мрачномъ молчаніи, но тѣмъ смѣшнѣе былъ видъ этихъ несчастныхъ, которыхъ, по всей вѣроятности, ожидала смерть.

— Ихъ слѣдуетъ допросить о положеніи осажденнаго города,—сказалъ Титу отецъ.

— Несомнѣнно, что осажденные нуждаются въ продовольствіи и водѣ. Уведите ихъ для допроса,—сказалъ Веспасіанъ трибунамъ.

Веспасіанъ понялъ, что осажденный городъ долго не продержится.

Это понимали и осажденные и тѣмъ съ большимъ отчаяніемъ дѣлали каждодневныя вылазки.

Когда въ городѣ узнали, что вышедшіе ночью за продовольствіемъ и водой, прикрытые шкурами іотапатцы были захвачены римлянами, всѣ увидѣли, что для Іотапаты насталъ послѣдній часъ. Оставалось умереть, лишь бы не попасть въ руки враговъ. Пусть погибнутъ въ бою воины, смертью враговъ впередъ мстя за немилуемую смерть и рабство дѣтей, женъ и матерей!

— Въ бой, въ бой, воины Сіона!—говорилъ Іосифъ, ставъ передъ отборнѣйшими бойцами Іотапаты,—на спасеніе нѣтъ больше надежды!.. Іегова призываетъ насъ на лоно Авраама, такова Его неисповѣдимая воля... Цѣною нашей жизни мы купимъ добрую славу, и имя іудеевъ, отстаивающихъ свою свободу, пронесется по лицу земли: пусть знаютъ всѣ народы вселенной, что одни іудеи, избранный народъ Божій, не хотѣли быть рабами Рима и умерли свободными сынами своей жизни... Въ бой, въ смертельный бой, воины Сіона!

— Сто смертей за смерть одного іудея!—воскликнулъ богатырь Элеазаръ, сынъ Семая, выступая изъ рядовъ и потрясая въ воздухѣ огромнымъ мечомъ.

— Смерть, смерть!—подхватили братья Нетиръ и Филиппъ изъ Румы.

Крѣпостныя ворота тотчасъ раскрылись, и «воины Сіона» хлынули на врага бурнымъ потокомъ. Римскіе аванпосты были немедленно смяты или обратились въ бѣгство. Іудеи въ стремительномъ натискѣ достигли до самаго лагеря осаждающихъ, разрушили кровли, прикрывавшія строителей шанцевъ и, подобно демонамъ, съ пылающими головнями въ рукахъ, уничтожали огнемъ осадныя сооруженія римлянъ.

— Это уже не вы, непобѣдимые сыны Марса, осаждаете крѣпость сыновъ Ревекки, а сыны Рахили осаждаютъ питомцевъ волчицы Рима!—злорадно замѣтила Веренпка Титу при видѣ горящихъ шанцевъ.

У влюбленнаго юноши щеки вспыхнули краскою стыда; но онъ смолчалъ.

— Выведите въ бой арабскихъ стрѣлковъ и сирійскихъ пращниковъ съ ихъ свинцовыми яйцами!—крикнулъ онъ трибуну Плацидуу.—Передай этотъ приказъ Веспасіана Малху аравитянину и Сосму.

— Aries, aries! (Барана, барана), — пронесся радостный гулъ между воинами, оттѣсненными іудеями за разрушенные шанцы.

Это они увидѣли, что вправо отъ нападавшихъ на шанцы отрядовъ іотапатцевъ, на ближайшемъ къ крѣпостной стѣнѣ валу, сооруженномъ римлянами, воины X-го легіона, подъ руководствомъ Траяна, устанавливали гигантское стѣнобитное орудіе, «барана» (aries). Это былъ таранъ съ огромной желѣзной головою, въ формѣ бараньей головы. «Это,—говоритъ Іосифъ Флавій,—чудовищная балка, похожая на корабельную мачту и снабженная крѣпкимъ желѣзнымъ наконечникомъ на подобіе бараньей головы, отъ которой она и получила свое названіе: посерединѣ она на толстыхъ канатахъ подвѣшивается къ другой, поперечной балкѣ, покоющейся обоими своими концами на крѣпкихъ столбахъ. Потянутый многочисленными воинами назадъ и брошенный соединенными силами впередъ, тарапъ этотъ своей желѣзной головой потрясаетъ стѣну. Нѣтъ той крѣпости,

нѣтъ той стѣны, которая была бы настолько сильна, чтобы противостоять повтореннымъ ударамъ «барана», если она и выдержитъ первые его толчки.

— Aries!.. Aries maximus! (Барана, самаго большого барана).—Продолжали раздаваться радостные голоса въ рядахъ римскихъ солдатъ.

— Да «баранъ» здѣсь дѣйствительнѣе «Перуна», котораго громы и молніи безсильны въ борьбѣ съ каменными твердынями,—замѣтила Вереника, съ своей стороны обративъ вниманіе на установку на валу Траяномъ чудовищнаго тарана.

Въ то же время, чтобы іудейскіе стрѣлки, выстроившіеся на стѣнѣ крѣпости, не мѣшали своими стрѣлами и камнями пращей устанавливать стѣнобитное чудовище, ближе къ стѣнамъ придвинуты были всѣ катапульты и баллисты съ «Перуномъ» во главѣ и стали обсыпать стѣны съ ихъ защитниками градомъ камней, стрѣлъ и пылающихъ головней.

— О, какіе адскіе громы!—радостно шептала Вереника.—Пошли на нихъ свои стрѣлы, всемогущій Юпитеръ!

— Это на кого, царица Іудеи?—улыбнулся, двусмысленно глядя на Веренику, откуда-то взявшійся Варнава бенъ-Іошуа.—На іудеевъ?.. Юпитера на Іегову?

— Да, іудей Варнава бенъ-Іошуа, гражданинъ Рима,—смѣло отвѣчала Вереника.—Не твое ли золото въ союзѣ съ Юпитеромъ побиваетъ Іегову?

— Оно же выщипываетъ крылья и хвостъ у орла Юпитерова,—цинически огрызнулся бенъ-Іошуа, не забывшій нанесеннаго ему Агриппою оскорбленія.—Не забудь, прекрасная царица, что изъ моего же золота выкованы царскіе вѣнцы обоихъ бывшихъ твоихъ супруговъ, Ирода, царя Халкиды, и Полемона, царя Киликіи, а также твои и брата твоего вѣнцы, уже свалившіеся съ вашихъ головъ.

Вереника злобно сверкнула глазами.

— Подожди, рабъ, скоро наступитъ время, когда я твоимъ же расплавленнымъ золотомъ залью твою кощунствующую глотку, подобно тому, какъ парѳяне залили золотомъ глотку Красса.

Тѣмъ временемъ чудовищный «баранъ» былъ установленъ, а надъ нимъ водружена была заранѣе приготовленная кровля, сплетенная изъ ивовой лозы и обтянутая сверху кожами.

— Testudo arietaria!.. Testudo arietaria!.. «Баранная черепаха»,—радовались солдаты.—Теперь намъ ничего не сдѣлаютъ іудейскіе шершни!

Вскорѣ раздался страшный ударъ тарана. Стѣна Іотапаты разомъ дрогнула, и изъ-за нея послышались душу раздирающіе вопли женщинъ и дѣтей.

— Habet! Habet!.. Угодилъ! Угодилъ!—закричали римляне, какъ они привыкли кричать въ циркахъ, когда одинъ гладіаторъ удачно поражалъ другого.—Habet!.. Jupiter! Habet! (Угодилъ Юпитеръ, угодилъ).

— Да, угодилъ,—злорадно улыбнулась Вероника, слыша эти возгласы римлянъ.—Юпитеръ угодилъ Іеговѣ прямо въ сердце—кощунственно говорила іудейка, воспитанная въ языческомъ Римѣ и заразившаяся его вѣрованіями.

Но осажденные предвидѣли эти роковые удары страшнаго тарана и заранѣе приготовили ему противодѣйствіе. Мгновенно за первымъ ударомъ на стѣнѣ показались защитники Іотапаты и стали опускать огромные мѣшки, набитые мякиной, чтобы мягкостью мѣшковъ ослаблять силу ударовъ тарана и измѣнить ихъ направленіе.

— I!—i!—i!—протяжно затянули, словно наши бурлаки «дубинушку», римскіе солдаты, отводя назадъ стержень тарана, чтобъ еще сильнѣе повторить ударъ.—I!—i!—i! *),—продолжали тянуть солдаты.

Таранъ снова брошенъ. Снова чудовище ударилось, но уже не объ стѣну, а объ мѣшки, и ударъ оказался глухимъ и слабымъ.

— Fulgur et tonitru—молнія и громъ!—послышалось въ рядахъ воиновъ, направлявшихъ на стѣну удары тарана.—Проклятые шершни выставили нашему «барану» мѣшки, должно быть, съ сѣномъ... Хотятъ задобрить «барана»...

Вероника видѣла и слышала все это, и ея холодное сердце все болѣе и болѣе распалялось противъ находчивости соотечественниковъ.

Но и Веспасіана, всю жизнь проведшаго въ войнахъ, опытъ научилъ находчивости. Онъ предугадалъ уловку осажденныхъ и заранѣе приготовилъ свои приспособленія.

---

*) Повелительное наклоненіе отъ глагола «eo»—иду: иди, пошелъ.

— Пошли жнецовъ съ серпами, пусть жнутъ созрѣвшія нивы,—сказалъ онъ Титу, рядомъ съ нимъ наблюдавшему за дѣйствіями тарана.

То были настоящіе «серпы». Они придѣланы были къ длиннымъ шестамъ и моментально отрѣзывали мѣшки, которые и падали со стѣны.

Удары тарана возобновились съ удвоенной силой.

Тогда осажденные прибѣгли къ новой, еще болѣе отчаянной вылазкѣ. Они ринулись на римлянъ тремя отдѣльными партіями. Казалось, что на осаждающихъ стремительно неслись пылающіе лѣса. Дѣйствительно, въ рукахъ каждаго изъ ринувшихся на римскіе шанцы и другія сооруженія іотапатцевъ пылали огромные пучки сухого хвороста, облитаго смолой, асфальтомъ и растопленною сѣрой. Ничего подобнаго римляне не видѣли и, убѣгая отъ несущихся на нихъ горящихъ лѣсовъ, бросали на произволъ судьбы свои катапульты, баллисты, шанцы и даже всесокрушающаго «барана»...

— О, Іегова!—въ ужасѣ вскричала Вереника, видя впереди огненное море, готовое затопить ее со всѣми легіонами.— Я прогнѣвила тебя своимъ кощунствомъ!.. Сжалься!.. Помилуй рабу твою!.. О, Адонаи Господь!

Все вдругъ запылало, всѣ осадныя сооруженія римлянъ. Пламя бурно клокотало, распространяя въ воздухѣ ужасающее удушье, и порывы южнаго вѣтра гнали его прямо на римскій лагерь.

Встревоженный Веспасіанъ, чтобы ободрить поддавшееся паникѣ войско, самъ вылетѣлъ на своемъ боевомъ конѣ и приказалъ усиленно дѣйствовать тараномъ, чтобъ скорѣй проломить стѣну и штурмомъ взять это ужасное гнѣздо обезумѣвшихъ шершней.

— Aries!.. Aries!..—пронесся по разстроеннымъ рядамъ легіоновъ ободряющій крикъ.—Самъ вождь впереди, непобѣдимый Веспасіанъ! Aries! Aries!

И «aries», «баранъ» снова началъ дѣйствовать съ ужасающей силой. Стѣна дрожала какъ живая, подаваясь подъ ударами чудовища.

— I!—i!—i!—вопили работающіе у тарана.

— Habet!.. Habet!—неслось по легіонамъ.

Вдругъ на шатающейся стѣнѣ показалась чья-то колоссаль-

пая фигура. Въ рукахъ у нея былъ камень необычайной величины.

Вереника узнала этого колосса, какъ ни далеко находился наблюдательный постъ, подъ прикрытіемъ «Перуна». Она узнала Элеазара, сына Самая, галилеянина, потому что, когда обращалась къ осажденнымъ съ своею рѣчью, богатырь этотъ, цѣлою головою и плечами превышавшій всѣхъ іудеевъ, стоялъ впереди, рядомъ съ Іосифомъ Флавіемъ.

— І!—і!—і!—снова вопили работающіе около этого чудовищнаго орудія.

Послѣдовалъ страшный ударъ въ стѣну, которая готова была рухнуть. Но въ этотъ моментъ Элеазаръ съ такою ужасающей силой поразилъ своимъ камнемъ голову тарана, что она отвалилась. Среди римлянъ послышался крикъ изумленія и ужаса.

— Это самъ Арей Марсъ!.. Это не человѣкъ!.. Исчадіе тартара.

— О, Іегова!.. О, Юпитеръ!—застопала Вереника, потерянная, бѣдная, не зная, какому богу молиться.

Но поразившій всѣхъ своею нечеловѣческою силой великанъ не остановился на томъ, что отбилъ голову страшнаго тарана. Вслѣдъ за своимъ камнемъ онъ самъ спрыгнулъ со стѣны, охватилъ отбитую имъ голову и понесъ на стѣну. Но въ это мгновеніе въ него разомъ вонзились пять арабскихъ стрѣлъ, и гигантъ свалился со стѣны со своей добычей.

Веспасіанъ, казалось, забылъ всякую осторожность и, давъ шпоры коню, понесся къ мѣсту паденія галилеянина-богатыря, показывая щитомъ на полуразрушенную стѣну...

— За мной побѣдители вселенной!

Не успѣлъ онъ проговорить это, какъ стрѣла Петира изъ Румы вонзилась въ его ногу у колѣннаго сгиба, а стрѣла Филиппа, брата Петира, застряла въ щитѣ Веспасіана... Моментально тѣлохранители прикрыли своими щитами вождя и его коня, образовавъ изъ щитовъ «малую черепаху» (testudo); но тутъ же замѣтили, что Веспасіанъ раненъ, и оцѣпенѣли отъ ужаса...

— О, силы тартара!... Вождь раненъ!.. Раненъ непобѣдимый Веспасіанъ!..

Эта страшная вѣсть молніей разнеслась по всѣмъ легіо-

намъ, и войско, забывъ осаду, все столпилось въ ужасѣ вокругъ своего вождя.

— Этого еще не доставало!—ломала руки Вероника.

— Это мститъ намъ Іегова за твое кощунство,—мрачно проговорилъ Агриппа.—Развѣ ты забыла, что онъ сказалъ устами пророка: «Мнѣ отмщеніе, я воздамъ»... Юпитеръ не помогъ...

ГЛАВА XIV.

Рана Веспасіана была, однако, не опасна; но она привела римлянъ въ неописуемую ярость, каждый изъ нихъ теперь,—говоритъ историкъ этой войны,—какъ мститель полководца, хотѣлъ быть первымъ въ бою, и, воодушевляя другъ друга боевыми кликами, они всѣ вмѣстѣ съ неукротимою яростью ринулись противъ стѣны.

Наступила ночь. Это была ужасная ночь!

Стѣна была уже полуразрушена. Въ ней зіяли пробоины. Но она вся пылала огнями, озаряя стоявшихъ на ней защитниковъ погибавшей крѣпости. Да, это была страшная ночь для іудеевъ.!

Освѣщаемые горѣвшими въ ихъ собственныхъ рукахъ просмоленными головнями, они,—говоритъ очевидецъ, историкъ и боецъ,—ночью, какъ и при дневномъ свѣтѣ, служили вѣрной цѣлью для враговъ, между тѣмъ какъ сами не могли избѣгать стрѣлъ отъ катапультъ, оставшихся для нихъ невидимыми, за непроницаемою темнотою ночи и за дальностью разстоянія. Дѣйствіе баллистъ, катапультъ и «скорпіоновъ» («scorpio»—стрѣлометы, формою напоминавшіе скорпіоновъ) сразу губило массами. Тяжесть извергнутыхъ баллистами цѣлыми грудами камней была такъ велика, что срывала брустверы со стѣны и разбивала углы башенъ. Нѣтъ такого густо сплоченнаго отряда, который не былъ бы разбитъ и уничтоженъ до послѣдняго воина силой и массивностью камней, изрыгаемыхъ баллистами. О мощи этихъ боевыхъ орудій можно судить по нѣкоторымъ случаямъ, свидѣтельницей которыхъ была эта страшная ночь. Одному изъ іудеевъ, стоявшему на стѣнѣ, камнемъ сорвало голову, и отдѣленный отъ тѣла черепъ былъ отброшенъ на разстояніе трехъ стадій отъ туловища. Беременная женщина, случайно вышедшая изъ дому, была застигнута камнемъ, который

вырвалъ у пея дитя изъ утробы и отбросилъ его на полстадіи. Такъ велика была сила баллистъ. Еще ужаснѣе были грохотъ орудій, свистъ и гулъ стрѣлъ. Безпрестанно раздавалось сотрясеніе земли отъ падавшихъ на нее со стѣны труповъ, и внутри города подымался каждый разъ душу раздирающій крикъ женщинъ, съ которымъ смѣшивались доносившіеся извнѣ стоны умирающихъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ кипѣла битва, вся стѣна текла кровью, и на нее можно было взбираться по однимъ только человѣческимъ трупамъ. Общій гулъ еще усиливался и дѣлался болѣе ужаснымъ отъ эхо, раздававшагося въ окрестныхъ горахъ, и все, что только можетъ быть страшнымъ для зрѣнія и слуха, совершилось въ ту ночь.

Такова была эта ужасная ночь, завершившая пораненіе Веспасіана!

Всю эту ночь, перенесенный вмѣстѣ съ ложемъ на наблюдательную башню, онъ съ перевязанной ногой зорко слѣдилъ за ходомъ страшной бойни. Всю ночь отъ него не отходила Вереника, подавая раненому льву успокоительное питье.

— Это за твою рану легіоны твои приносятъ человѣческую гекатомбу,—говорила она, радостно улыбаясь и поправляя подушки изголовья Веспасіана.

Только къ утру онъ забылся на короткое время тихимъ, здоровымъ сномъ, и когда Агриппа тихонько пробрался на башню, то увидѣлъ, что и сестра его, свернувшись клубочкомъ на «бизелліумѣ» и подложивъ подъ правую щеку обѣ ладони, также тихо спала.

Сонъ подкрѣпилъ Веспасіана, и онъ, чтобы еще болѣе ободрить рвавшіеся въ бой легіоны, показывалъ видъ, что не чувствуетъ никакой боли отъ раны, и, принеся жертву богамъ, отдалъ приказъ къ штурму осужденной на гибель крѣпости. Свои легіоны онъ самъ повелъ на приступъ.

Чтобы прогнать осажденныхъ съ обвалившихся частей стѣны, Веспасіанъ, — говоритъ Іосифъ Флавій, — приказалъ отважнѣйшимъ изъ своихъ всадниковъ спѣшиться и, вооруженными съ ногъ до головы, съ простертыми впередъ копьями, построиться въ три линіи противъ обвалившейся стѣны, чтобы первыми вторгнуться въ крѣпость, когда будутъ установлены подъемные мосты. Во вторую линію Веспасіанъ поставилъ отборную часть пѣхоты, тяжело вооруженныхъ «гоплитовъ». Осталь-

ную конницу онъ разставилъ вдоль стѣнъ, по всей горѣ, кругомъ Іотапаты, съ тѣмъ чтобы при штурмѣ крѣпости никто не могъ тайно бѣжать изъ нея. Въ тылу этихъ линій расположился самъ Веспасіанъ со стрѣлками и пращниками. На уцѣлѣвшія стѣны въ моментъ штурма должны были пойти остальныя части войска съ осадными лѣстницами.

Обреченный гибели городъ, такимъ образомъ, очутился какъ въ кольцахъ удава, голова котораго и страшная пасть приходилась какъ разъ противъ разрушенной части стѣны, которую іудеи должны были отстаивать съ мужествомъ отчаянія, умереть въ самой пасти удава.

И вотъ наступилъ роковой моментъ, быть или не быть Іудеѣ!

Тогда,—говоритъ Іосифъ Флавій,—когда іотапатскія женщины и дѣти увидѣли, что городъ обтянутъ тройнымъ поясомъ, кольцами удава, когда потомъ замѣтили, что враги стоятъ уже у стѣнныхъ пробоинъ,—что возвышающіяся надъ городомъ горы засверкали блескомъ оружія и шлемовъ, а стрѣлы арабскихъ стрѣлковъ готовы каждую минуту сорваться съ натянутыхъ луковъ, тогда онѣ подняли ужасающій вопль, напоминавшій послѣдній надгробный плачъ надъ павшимъ городомъ.

И вотъ по сигналу завыли трубы всѣхъ легіоновъ, войско испустило потрясающій боевой кличъ, и со всѣхъ сторонъ разомъ раздался залпъ орудій, такъ что отъ летящихъ камней и стрѣлъ помрачилось небо. Въ то же время были подняты на стѣну подъемные штурмовые мосты...

— О, смотри, смотри, что дѣлаютъ іудеи!—испуганно воскликнула Вероника, хватая за руку Агриппу и потрясая ее какъ безумная.—Имъ опять помогаетъ Іегова!.. О, Адонаи Господь!

Дѣйствительно, едва только штурмовые мосты были подняты на стѣну, какъ іудеи по нимъ же ринулись на римлянъ, и прежде чѣмъ послѣдніе вступили ногою на свои мосты, какъ моментально были опрокинуты и смяты бѣшенымъ натискомъ іудеевъ.

— Testudines! Testudines! «Черепахи!» «Черепахи!»—раздался повелительный голосъ Веспасіана.

— Testudines! Testudines!—вторили голосу вождя трибуны и центуріоны.

И «черепахи», тигантскія «черепахи», моментально образо-

вались изъ сомкнутыхъ вплотную щитовъ воиновъ, образовавъ изъ нихъ надъ головами непроницаемую для оружія крышу въ видѣ верхняго покрова черепахи.

И страшныя «черепахи», неуязвимыя никакимъ оружіемъ, медленно, но неудержимо, стали подаваться вверхъ по штурмовымъ мостамъ.

— Гибель Іотапаты неизбѣжна! — облегченно вздохнула Вероника.—Теперь и Іегова не спасетъ своихъ іудеевъ.

Но съ высоты своего наблюдательнаго поста она не могла слышать голосъ, который въ тотъ моментъ раздался въ стѣнахъ Іотапаты.

— Масло, масло, воины Іеговы! — прозвучалъ голосъ Флавія.

И на гигантскія «черепахи» моментально полились со стѣны цѣлые потоки кипящаго масла... Подъ черепахами раздались крики испуга и боли...

Потоки кипящаго масла навели паническій страхъ на воиновъ, укрывшихся подъ «черепахами». Подъ ужасными мученіями,—говоритъ очевидецъ,—они съ воплями падали со стѣны и съ мостовъ. Масло и подъ вооруженіемъ и подъ латами протекало по всему тѣлу отъ головы до пятокъ и обжигало кожу, какъ пламя. Закованные въ панцыри, римляне никакъ не могли освободиться отъ жгучаго масла и, прыгая и корчась отъ нестерпимой боли, падали съ мостовъ... «Черепахи» разстроились...

Первый штурмъ не удался. Но Веспасіанъ не унывалъ. Зато Вероника совсѣмъ потеряла голову.

— Молись Іеговѣ, молись, братъ мой!—воздѣвала она руки къ небу.—О, Адонаи Господь!.. Прости кощунство рабѣ твоей!.. Прости, помилуй!

Веспасіанъ приказалъ бить отступленіе первой линіи.

— Не море же у нихъ масла,—сказалъ онъ Титу, не отступавшему отъ отца ни на шагъ изъ опасенія за его безопасность.—Это они вылили на моихъ «черепахъ» послѣднее свое пропитаніе: больше у нихъ ничего не осталось.

Приказавъ отступать всѣмъ пострадавшимъ отъ кипящаго масла, Веспасіанъ велѣлъ образовать новыя «черепахи» тѣмъ, которые не были на первомъ приступѣ. Старый воинъ безошибочно разсчиталъ, что у осажденныхъ все масло уже было вылито. Такъ оно оказалось и на самомъ дѣлѣ.

Но іудеи въ своемъ безвыходномъ положеніи проявили изумительную изобрѣтательность. Они поспѣшили наварить огромные котлы «греческой сочевицы» или «верблюжьей травы», которая, содержа въ своихъ сѣменахъ маслянистость, обладаетъ необыкновенной скользкостью. И этой-то травой осажденные посыпали штурмовые мосты: въ соединеніи съ прежде вылитымъ на «черепахъ» и обрызгавшимъ мосты кипяченымъ масломъ эта трава дѣлала невозможнымъ восхожденіе на стѣну штурмующихъ воиновъ.

По сигналу боевыхъ трубъ вновь сомкнутыя «черепахи» стройно двинулись на мосты. Но едва только ноги воиновъ касались досокъ, увлажненныхъ масломъ и посыпанныхъ чечевицею, какъ тотчасъ же скользили внизъ, и «черепахи» распадались.

— О, фуріи и змѣи Медузы!.. Васъ зову на помощь Рима!— злобно прошепталъ Веспасіанъ.—Это не народъ, это демоны!

Гордость покорителя Британіи не могла не возмутиться при видѣ того, что совершилось у него на глазахъ съ его непобѣдимыми легіонами. Разъяренные до послѣдней крайности, они неудержимо рвались впередъ и падали, давили другъ друга.

Ни тѣ,—говоритъ очевидецъ,—которые отступили назадъ, ни тѣ, которые стремились впередъ, не могли удержаться на ногахъ, но одни, отброшенные назадъ съ мостовъ, были растаптываемы, а другіе массами падали внизъ на валъ и здѣсь были поражаемы стрѣлами іудеевъ и умирали и корчились въ судорогахъ, проклиная небо и землю, и звали на помощь смерть...

Вероника, блѣдная, трепещущая, стояла на возвышеніи, словно мраморное изваяніе, съ поднятыми къ небу руками... Она молилась отвергнутому ею Богу Авраама, Исаака и Іакова...

Наступала ночь, Веспасіанъ приказалъ прекратить битву.

ГЛАВА XV.

Полтора мѣсяца продолжалась осада Іотапаты. Но вотъ наступилъ роковой сорокъ седьмой день. Въ ставку Веспасіана неожиданно явился Салафіилъ въ своемъ нищенскомъ одѣяніи.

— Миръ тебѣ, карающій мечъ Господень! — сказалъ онъ, опершись на посохъ.

— А, благородный Салафіилъ, Діогенъ строптивой Іудеи!—

сказалъ Веспасіанъ.—Да привѣтствуютъ мои пенаты твой приходъ! Садись,—я радъ тебя видѣть. Что скажешь, мудрый Діогенъ?

— Отъ себя я ничего не скажу тебѣ, Веспасіанъ,—отвѣчалъ пришедшій.—А скажу отъ Пославшаго меня.

— Отъ пославшаго? А кто послалъ тебя ко мнѣ?

— Тотъ, Котораго міръ не можетъ вмѣстить.

— О! Это что-то очень большое, больше Рима. Кто же Онъ?

— Тотъ, отъ Котораго все есть, что есть, и безъ Котораго ничего не было бы, что есть.

— Ну, почтенный Салафіилъ,—улыбнулся Веспасіанъ,—я не риторъ и не мудрый Эдипъ: не умѣю разгадывать загадокъ и расплетать словесныя хитросплетенія... Говори проще, что велѣлъ сказать мнѣ Тотъ, Который больше Рима?

— Онъ велѣлъ сказать: вложи твой мечъ въ ножны...

— О!—иронически перебилъ старика Веспасіанъ.—Ты когда-то не то говорилъ, когда съ помощью твоего золота я завоевывалъ Британію. Ахъ, Салафіилъ, твое золото было счастливѣе золота Варнавы бенъ-Іошуа... Твоимъ золотомъ я быстро покорилъ всю Британію, а съ золотомъ Варнавы я вотъ уже сорокъ седьмой день бьюсь около ничтожной Іотапаты.

— Я сейчасъ оттуда.

— Изъ Іотапаты?

— Да... Повторяю: Веспасіанъ, вложи мечъ твой въ ножны твои... Слишкомъ много уже пролито крови, и кровь эта вопіетъ къ небу...

— Я что-то не слышу ея воплей,—саркастически выронилъ Веспасіанъ.

— Не кощунствуй, язычникъ!—строго замѣтилъ Салафіилъ.

— Хорошо, мудрый Діогенъ,—серьезно заговорилъ Веспасіанъ. — Но ты что-то хотѣлъ сказать мнѣ объ Іотапатѣ, я слушаю.

— Такъ слушай же: я пришелъ научить тебя, какъ взять Іотапату.

— Ты, іудей?—удивился Веспасіанъ.

— Да... мнѣ тяжело смотрѣть на братоубійственную войну... Помни, что всѣ люди братья... И римляне, и іудеи—братья... Первые нападаютъ, послѣдніе защищаются. Это въ порядкѣ вещей. Но іудеи не такой народъ, какъ прочіе, которыхъ покорилъ

Римъ. Іудеи не покорятся, они будутъ защищаться до послѣдняго издыханія, до пролитія послѣдней капли крови. А сколько римской крови прольютъ они! Объ этомъ ты можешь судить по тому, сколько въ эти сорокъ шесть дней пало твоихъ воиновъ. Такъ вотъ, мечъ Рима, я и подскажу тебѣ, какимъ образомъ съ наименьшимъ пролитіемъ крови ты можешь взять Іотапату.

— И это говоритъ іудей? — недовѣрчиво спросилъ Веспасіанъ.

— Да, іудей и галилеянинъ, но больше—человѣкъ... Такъ знай же, мечъ Рима, осажденные такъ истощены неустанными битвами днемъ, что каждую ночь они всѣ покоятся мертвымъ сномъ... Къ утру засыпаютъ на своихъ мѣстахъ даже часовые. Я въ этомъ убѣдился личнымъ опытомъ, когда былъ въ Іотапатѣ. Не далѣе какъ нынѣшнею ночью я это видѣлъ, когда свободно уходилъ изъ крѣпости мимо мертвымъ сномъ спавшихъ часовыхъ: кто спалъ, опершись на копье, кто прислонившись къ стѣнѣ, а иные лежа, съ щитами вмѣсто изголовья.

Веспасіанъ внимательно слушалъ. Серьезный, спокойный тонъ Салафіила внушалъ довѣріе. Но осторожность для полководца первое условіе, conditio sine qua non... А въ душѣ каждаго іудея тайна, мракъ... Oceano nox! (въ океанѣ ночь).

— А ты видѣлъ, какая участь постигла Костобара?—пытливо посмотрѣлъ Веспасіанъ въ глаза Салафіилу.

— Видѣлъ,—былъ отвѣтъ,—смерть на крестѣ, самая почетная, самая желательная смерть всякаго, кто «по Немъ идетъ»...

— По комъ?—не понялъ Веспасіанъ.

— По Томъ, Который умеръ на крестѣ.

— Это Костобаръ?

— Нѣтъ... это Тотъ, Котораго міръ не можетъ вмѣстить.

— Ну, ты опять за твои бредни,—пожалъ плечами еВспасіанъ.—Повторяю, я не Эдипъ и не отгадчикъ всякихъ бредней.

Салафіилъ всталъ, намѣреваясь уйти.

— Что я сказалъ, сказалъ,—и съ этими словами онъ вышелъ.

Веспасіанъ задумался... Надо провѣрить слова этого страннаго маніака... Впрочемъ, и здравый разсудокъ подсказываетъ, что старикъ не далеко отъ истины, если не сама истина...

Меньше крови, и тутъ онъ правъ... Въ головахъ маніака и поврежденныхъ разсудкомъ скрываются иногда глубокія мысли, какъ въ золотоносномъ камнѣ золотыя вкрапленны... Дѣйствительно, предутренній сонъ самый крѣпкій, какъ будто бы Морфей въ эти именно часы особенно неохотно выпускаетъ изъ своихъ объятій смертнаго... Да и пора покончить съ этой Іотапатой, а то какъ бы державный фигляръ не подумалъ, что я и передъ Іотапатой уснулъ, какъ тогда въ Римѣ, въ тотъ злополучный вечеръ, когда Неронъ кривлялся передъ нами, точно наемный флейтистъ на площади передъ продавцами красивыхъ невольницъ и попугаевъ... Послать бы его сюда... А то на ложѣ легко править міромъ, имѣя сторожемъ и тюремщикомъ Тигелина, а придворнымъ врачемъ Локусту.

У палатки отдернулся входный пологъ, и тамъ показалась Вереника.

— Можно войти?—спросила она.

— Богинѣ всегда и вездѣ можно,—весело отвѣчалъ Веспасіанъ, поднявшись навстрѣчу Вереникѣ. — Прекрасной Гигіѣ всюду открыты двери, а у Веспасіана и подавно, потому что прекрасная Гигія своимъ присутствіемъ врачевала мою рану.

— Какая Гигія?—недоумѣвала Вереника.—Я такого имени не ношу.

— Богиня Гигія, дочь бога Эскулапа... Она ходила за мной во время моей болѣзни.

— А! Такъ я и Гигія... А мнѣ хотѣлось бы быть Кассандрой, которой предсказала гибель Трои.

— Для чего?

— Чтобъ предсказать скорѣйшую гибель Іотапаты.

— А!—поморщился Веспасіанъ.

— Сегодня прибылъ изъ Рима одинъ мой родственникъ, который тамъ учился римской и эллинской мудрости, и привезъ мнѣ письмо отъ божественной Поппеи, супруги августѣйшаго императора,—серьезно продолжала Вереника.

— Что жъ она пишетъ?

— Она намекаетъ, что ея августѣйшій супругъ начинаетъ дуться на полководца, который будто бы не можетъ справиться съ такой ничтожной крѣпостцей, какъ Іотапата.

Полныя щеки Веспасіана покрылись багровыми пятнами. Но онъ гордо выпрямился, задѣтый за живое. Опираясь на свои

легіоны, онъ могъ не бояться Нерона. Пожелай онъ только, и преданное ему войско тотчасъ же внесло бы его съ торжествомъ въ Римъ на своихъ щитахъ. Но письмо Поппеи, ея намекъ задѣли въ немъ гордость полководца, прославившаго римское оружіе.

— Я надѣюсь сегодня же ночью справиться съ этой «ничтожной крѣпостцей», какъ называютъ въ Римѣ Іотапату,— гордо сказалъ онъ.—Я кое-что узналъ сегодня отъ этого маніака, что сейчасъ былъ у меня.

— Это отъ Салафіила?

— Да... Онъ только сегодня ночью воротился изъ Іотапаты.

— Онъ опасный маніакъ,—замѣтила Вереника.—Онъ принадлежитъ, кажется, къ той темной сектѣ, которая отрицаетъ собственность. Эти изувѣры говорятъ, что богатство богатыхъ украдено у бѣдныхъ: мы, по ихъ словамъ, оказываемся ворами... Секта ихъ ведетъ свое начало отъ одного нищаго Галилеянина, Который вообразилъ, что Онъ царь іудейскій. Я была маленькой и видѣла, какъ этого Галилеянина вели на казнь, на Голгоѳу, что подъ Іерусалимомъ.

— Да, объ этомъ и я что-то слышалъ, — сказалъ Веспасіанъ.—Въ Римѣ послѣдователей этой секты теперь очень много.

Вошелъ Титъ. Присутствіе въ палаткѣ отца Вереники смутило его.

— Сегодня ночью я непремѣнно рѣшилъ разрушить, сравнять съ землей это надоѣвшее мнѣ гнѣздо шершней,—сказалъ Веспасіанъ, махнувъ рукой по направленію къ Іотапатѣ.—Я уже получилъ на этотъ счетъ нѣкоторыя свѣдѣнія. Ежедневныя вылазки осажденныхъ и наши штурмы такъ ихъ утомляютъ за день, что по ночамъ всѣ они спятъ какъ убитые, не исключая и часовыхъ, которые тоже къ утру засыпаютъ на своемъ посту. Поэтому я поручаю тебѣ, сынъ мой, и трибуну Домицію-Сабину съ лучшими воинами изъ V-го и X-го легіоновъ, сегодня ночью, самымъ раннимъ утромъ, когда еще мракъ окутываетъ землю, осторожно пробраться въ крѣпость, безшумно вырѣзать всѣхъ спящихъ воиновъ часовыхъ, а вслѣдъ за вами Секстій Цереалъ и трибунъ Плацидъ введутъ въ городъ и остальныя части легіоновъ. Пусть всѣ готовятся къ неизбѣжному взятію города. Но только строжайше предупредить всѣхъ трибуновъ и центуріоновъ, чтобы вѣсть о моихъ распоряженіяхъ никоимъ образомъ

не достигла слуха осажденныхъ. Отвѣтственность за это я возлагаю на трибуновъ и центуріоновъ. Горе тому, кто не оправдаетъ моего довѣрія!

Все было исполнено такъ, какъ приказалъ Веспасіанъ.

Часовые пали подъ мечами римлянъ, не успѣвъ даже проснуться.

«Крѣпость была занята, — говоритъ послѣдній ея защитникъ,—врагъ стоялъ посреди города, и уже настало утро, а осажденные все еще ничего не подозрѣвали... Густой туманъ, спустившійся надъ городомъ какъ разъ въ это утро, помрачилъ глаза тѣхъ, которые просыпались для того, чтобы увидѣть свое несчастье и уже подъ смертельными ударами непріятельскаго меча убѣдиться въ дѣйствительномъ покореніи города. Римляне, помня свои страданія во время осады, не знали теперь ни жалости, ни пощады: они убивали народъ, оттѣсняя его къ крутой крѣпости внизъ. Неблагопріятныя условія мѣстности отняли у тѣхъ, которые были еще способны къ бою, всякую возможность самообороны: стиснутые въ узкихъ улицахъ, скользя на отлогихъ мѣстахъ, они были задавлены бросившимися на нихъ съ крѣпости воинами. Это побуждало многихъ, даже самыхъ мужественныхъ іудеевъ, на самоумерщвленіе. Не будучи въ состояніи убить хотя бы одного римлянина, они, чтобы не быть убитыми непріятелемъ, собирались на краю города и сами себя закалывали».

Всего погибло тутъ сорокъ тысячъ іудеевъ.

Время шло. Одни ужасныя событія всемірной исторіи смѣнялись другими, еще болѣе ужасными.

Вскорѣ послѣ паденія Іотапаты не стало Нерона. Онъ покончилъ самоубійствомъ, какъ жертва міровой Немезиды.

Скоро погибъ и его преемникъ Гальба, публично зарѣзанный на форумѣ своей столицы.

Его преемникъ, Оттонъ, самъ себя зарѣзалъ, зная, что и его не пощадитъ праведная Немезида.

Преемникъ Оттона, обжора Вителлій, растерзанъ чернью въ своей столицѣ.

Войска провозгласили императоромъ Веспасіана.

Отправляясь въ Римъ, отецъ приказалъ сыну добивать Іудею, и Титъ добилъ ее.

ГЛАВА XVI.

Медленно склонялось къ закату августовское солнце Палестины, обливая багровымъ свѣтомъ страшную картину обложенія Іерусалима римскими легіонами: блестящіе мѣдные шлемы на головахъ воиновъ, чешуйчатые панцырные доспѣхи ихъ, цѣлые лѣса копій и чудовищныя камнеметательныя и копьеметательныя машины съ желѣзными массивными цѣпями и рычагами, огромные стѣнобитные тараны съ гигантскими желѣзными хоботами, передвижныя башни, валы и окопы.

Тѣмъ же багровымъ свѣтомъ облита была ужасающая картина цѣлаго лѣса крестовъ, на которыхъ корчились въ предсмертныхъ мукахъ и умирали, оглашая воздухъ нечеловѣческими криками, сотни и тысячи распятыхъ жертвъ губительной осады.

То всемогущій цезарь Титъ, сынъ римскаго императора Веспасіана, осаждалъ священный городъ Богомъ избраннаго и Богомъ же отвергнутаго народа.

А по ту сторону Кедронскаго потока, выше Геосиманскаго сада, на склонѣ Елеонской горы, багровый закатъ освѣщалъ безпорядочныя группы іудеевъ, бѣжавшихъ изъ несчастнаго города и отдававшихся на милость неумолимаго къ однимъ и великодушнаго къ другимъ всемогущаго цезаря, этого бога легіоновъ.

Тутъ были женщины и дѣти, возмужалые и старцы, истомленные голодомъ долговременной осады. Глубокое уныніе и ужасъ были написаны на всѣхъ лицахъ. Женщины и дѣти по временамъ тихо, безнадежно плакали или громко рыдали.

— О! Я зналъ это, я ждалъ этого; я не хотѣлъ умирать, не дождавшись отмщенія за Него,—угрюмо проворчалъ старикъ, закутанный въ ветхія широкія одежды, съ капюшономъ на сѣдой головѣ.—Онъ это предрекъ тогда же.

— Кто онъ?—спросилъ его ближайшій сосѣдъ, тоже дряхлый старикъ съ слѣдами давно зажившихъ язвъ на лицѣ.

— Кто? А Тотъ, Которому я далъ заушеніе, — отвѣчалъ

угрюмый старикъ.—Послѣ того прошло уже тридцать семь лѣтъ, и я все ждалъ... И вотъ Его слово сбывается...

Всѣ съ любопытствомъ обратили взоры на говорившаго.

— О, какъ я помню Его глаза!—продолжалъ какъ бы про себя старикъ.—Когда Его привели на дворъ къ первосвященнику Аннѣ, я былъ тутъ же... Я находился съ прочими, когда Его ночью взяли въ Геѳсиманскомъ саду и привели къ Аннѣ... Сталъ Его Анна спрашивать о Его ученіи. А Онъ отвѣчаетъ ему: «Я не обинуюся говорилъ къ народу; Я всегда поучалъ его на сонмищахъ и въ храмѣ, гдѣ всегда собираются іудеи, и тайно не говорилъ ничего... Что жъ ты, говоритъ, Меня спрашиваешь? Спроси тѣхъ, которые слушали Меня, что я говорилъ имъ: они знаютъ, что Я говорилъ»...

— О, Неисповѣдимый!—со стономъ отчаянія прервалъ себя говорившій.—И я, я, проклятый, я ударилъ Его въ щеку!.. Такъ-то Ты, говорю, отвѣчаешь первосвященнику!.. О, Всемилосердный!.. А Онъ такъ кротко, съ такою грустью въ дивныхъ глазахъ посмотрѣлъ на меня и говоритъ: «Если Я что злое говорилъ, свидѣтельствуй о злѣ; если же доброе, то за что ты Меня бьешь?»

Всѣ съ глубокимъ волненіемъ слушали говорившаго. Казалось, они забыли все; они не видѣли и не слышали, что совершалось тамъ, внизу, не видѣли ни грозныхъ волнъ легіоновъ, обложившихъ городъ, ни сверканія въ лучахъ вечерняго зарева лѣса копій и римскихъ легіонныхъ орловъ, не видѣли страшныхъ крестовъ съ распятыми на нихъ, не слышали ихъ ужасающихъ воплей и стоновъ.

— На-утро я увидѣлъ Его падающимъ подъ тяжестію креста,—продолжалъ старикъ.—О, Всеблагій!

Послышался глухой стонъ... Многіе вздрогнули... Это застоналъ старикъ съ зажившими язвами на лицѣ...

— О!—глухо воскликнулъ онъ.—Это я вытесалъ для Него такой тяжелый крестъ!.. О, будь проклято желѣзо, которое тесало его... И не усохли преступныя руки, державшія топоръ...

— И я тогда видѣла Его, какъ Онъ упалъ подъ своимъ тяжелымъ крестомъ,—отозвалась пожилая женщина изъ той же группы.—О, какъ я плакала тогда, какъ мы всѣ плакали!.. Я тогда была дѣвочкой... Еще наканунѣ утромъ Онъ приласкалъ меня... Мы, іерусалимскія дѣти, играли утромъ у Овчихъ во-

ротъ, а Онъ шелъ съ Елеонской горы со своими учениками... Мы узнали Его, потому что прежде видѣли... Онъ такъ былъ добръ ко всѣмъ, особенно къ дѣтямъ... Мы и обступили Его. Намъ хотѣлось быть къ Нему ближе, хоть прикоснуться къ краю Его одежды, какъ дѣлали это большіе... А ученики стали отстранять насъ... Онъ тогда поглядѣлъ на насъ своимъ кроткимъ, божественнымъ взоромъ и говоритъ: «Не отгоняйте отъ Меня дѣтей»... Я тогда смѣлѣе подошла къ Нему, и другія дѣвочки, и мальчики тоже... А Онъ положилъ свою руку на мою голову, а другую руку на голову мальчика и говоритъ: «Не возбраняйте дѣтямъ приходить ко Мнѣ, ихъ есть царство небесное»... О, Владыка неба и земли! Что я тогда почувствовала, когда рука Его погладила мою головку! Что-то божественно-сладостное разлилось по всему моему тѣлу; я вся затрепетала отъ счастья...

Она закрыла лицо руками, вспоминая то, что было почти за сорокъ лѣтъ до этого. Всѣ ждали въ нѣмомъ молчаніи... Только слышались стоны и вопли, доносившіеся отъ Кедронскаго потока и изъ Іосафатовой долины, отъ распятыхъ тамъ...

— И вотъ на другое утро я увидѣла Его, какъ Онъ упалъ подъ Своимъ крестомъ,—продолжала женщина.—Я почти не узнала Его: на лицѣ и на лбу Его видна была засохшая кровь, волосы спутаны... Но глаза—все тѣ же дивные, божественно-кроткіе глаза... О, какъ мы, дѣти и всѣ женщины плакали, глядя на Него!.. А Онъ посмотрѣлъ на насъ, и говоритъ: «Дочери Іерусалима! Не плачьте обо Мнѣ, а о себѣ плачьте... Скоро наступятъ дни, когда вы скажете: блаженны неплодныя и утробы, которыя не рождали, и сосцы, которые не кормили... Тогда начнутъ говорить горамъ, упадите на насъ, и холмамъ покройте насъ!»

И женщина зарыдала, обхвативъ голову руками.

— Да, теперь настали эти дни, которые Онъ предрекъ тогда,—сказалъ первый старикъ. — Это отмщеніе за муки и смерть Его на крестѣ,—показалъ онъ лѣвою рукою на Іерусалимъ,—горы не падаютъ на него, холмы не укрываютъ его... А я за заушеніе Его на другой же день учинилъ себѣ отмщеніе; я плюнулъ нечистивому Аннѣ въ лицо, а самъ, убѣжавъ въ Іерихонъ, упросилъ своего отца отрубить мнѣ преступную руку... Вотъ она!..—И онъ вынулъ изъ-подъ складокъ одежды правую руку: она отрублена была по кисть...—Вотъ она!

Второй старикъ, что съ бывшими язвами на лицѣ, продолжалъ качать сѣдою головой въ глубокой тоскѣ.

— Такъ ты, дѣдушка, дѣлалъ для Него крестъ?—робко спросила его дѣвочка лѣтъ пяти, повидимому дочь пожилой женщины.

— Я, голубка,—уныло отвѣчалъ старикъ.—Только не для Него я тесалъ этотъ крестъ, а для разбойника Вараввы... Я былъ плотникомъ на дворѣ преторіи и думалъ, что готовлю крестъ для Вараввы; для этого я и выбралъ въ дровяномъ складѣ самое тяжелое, сырое дерево... Около сорока лѣтъ назадъ я былъ прокаженнымъ отъ рожденія,—продолжалъ старикъ, обращаясь уже ко всѣмъ.—Мы, прокаженные, прятались въ пещерахъ, какъ дикіе звѣри... Прохожіе изъ жалости бросали намъ издали, чтобы не заразиться, по куску хлѣба, какъ собакамъ... Ужасна была жизнь наша!... И вотъ однажды мы видимъ, идетъ Онъ мимо нашихъ пещеръ... Мы выползли на дорогу. Насъ было человѣкъ десять прокаженныхъ. Стали мы издали и жалостно, съ рыданіями, воскликнули: «Помилуй насъ, равви, помилуй насъ»!.. Онъ посмотрѣлъ на насъ Своими кроткими глазами, и говоритъ: «Идите, покажитесь священникамъ»... Мы пошли, и, о, Предвѣчный!.. моментально стала спадать съ насъ ужасная шелуха проказы, язвы затягивались, все тѣло очищалось и обновлялось... И я исцѣлился... Вотъ только немножко знаковъ осталось на лицѣ, а я совсѣмъ здоровъ... И это сдѣлалъ Онъ однимъ словомъ Своимъ... И все же я вытесалъ для Него ужасный крестъ. О, Предвѣчный!

— Зачѣмъ же, дѣдушка?—снова спросила дѣвочка.

— А такъ, голубка,—со вздохомъ отвѣчалъ старикъ.—Послѣ исцѣленія я воротился въ Іерихонъ, гдѣ у меня были родные... Однажды, передъ праздникомъ Пасхи, сестра моя, которую я очень любилъ, вмѣстѣ съ знакомыми отправилась въ Іерусалимъ для принесенія жертвы Богу въ Его храмѣ. На пути, не далеко отъ пещеръ Адомима, на нихъ напали разбойники вмѣстѣ съ главаремъ своимъ, Вараввою, и не только ограбили ихъ жертвенные динаріи, но нѣкоторыхъ изъ нихъ и убили. Убита была и сестра моя... Впослѣдствіи, однако, разбойниковъ удалось переловить. Схваченъ былъ и Варавва... Я въ то время находился уже въ Іерусалимѣ и служилъ плотникомъ въ преторіи... Вотъ тогда-то и прошла въ городѣ вѣсть, что передъ Пасхой будутъ

распинать троихъ разбойниковъ и въ томъ числѣ Варавву... Намъ, плотникамъ, велѣно было вытесать три креста... Тутъ-то я и взялся сдѣлать крестъ для Вараввы, и для этого выбралъ самое тяжелое дерево... О, Предвѣчный!

Старикъ замолчалъ. Начинало темнѣть. Отъ Кедронскаго потока и изъ глубины Іосафатовой долины продолжали доноситься стоны и вопли распятыхъ. Въ станѣ осаждающихъ зажигались огоньки; то тамъ, то здѣсь металлическій крикъ военной трубы прорѣзывалъ вечерній воздухъ; по временамъ ржали лошади... Но всѣ эти вечерніе звуки покрывались ужасающими стонами распятыхъ и послѣдними воплями испускающихъ духъ страдальцевъ... Въ воздухѣ рѣяли летучія мыши, потревоженныя въ своихъ расщелинахъ въ стѣнахъ осажденнаго города.

Въ группѣ сидящихъ на склонѣ Елеонской горы слышны были подавленные стоны и тихій плачъ.

— О, Предвѣчный!.. И я же увидѣлъ Его подъ этимъ крестомъ.

— Какъ, дѣдушка?—продолжала любопытствовать дѣвочка.

— А такъ, голубка... Вмѣсто трехъ разбойниковъ привели къ Пилату, судить, кого же? Его! Его, который исцѣлилъ меня и другихъ прокаженныхъ... Это устроили безбожные первосвященникъ Анна и Каіафа, изъ зависти къ Нему, по злобѣ... И Его осудили на смерть, и Онъ распятъ былъ на томъ крестѣ, который я вытесалъ для Вараввы...

— А Варавва что жъ, дѣдушка?—допытывалась дѣвочка.

— Да я же тебѣ разсказывала, дочка, что Варавву отпустили Пасхи ради,—вмѣшалась мать дѣвочки.—Распяли вмѣсто Вараввы Того, Чья божественная рука покоилась когда-то на моей дѣтской головкѣ... И вотъ изъ-за этого пропадаетъ теперь святой городъ нашъ и храмъ Соломона... О, Непостижимый!..

ГЛАВА XVII.

Іерусалимъ, дѣйствительно, погибалъ. Войско Тита послѣ отчаянныхъ, невѣроятныхъ сопротивленій со стороны осажденныхъ успѣло уже разрушить двѣ внѣшнія стѣны, окружавшія городъ и, послѣ кровопролитныхъ схватокъ, подступить къ самому храму, къ его притворамъ и укрѣпленнымъ башнямъ, гдѣ

засѣли отчаяннѣйшіе изъ защитниковъ города, воины первосвященниковъ-главарей, Іоанна и Симона.

Осаждаемый все лѣто Іерусалимъ погибалъ уже отъ голода. За стѣны города выброшено уже было болѣе 600,000 труповъ, погибшихъ голодною смертью... Шестьсотъ тысячъ труповъ, ужасающая цифра!

О другихъ ужасахъ, ниспосланныхъ Провидѣніемъ на обреченный на конечную гибель городъ, говоритъ, между прочимъ, Іосифъ Флавій, самовидецъ всѣхъ этихъ ужасовъ, раньше этого, какъ мы видѣли, предводительствовавшій іудеями, сражавшимися противъ римлянъ, а потомъ, видя, что гибель Іудеи неизбѣжна, покорившійся непобѣдимому Титу, лишь бы смягчить его гнѣвъ противъ непокорныхъ соотечественниковъ.

Къ концу осады, говоритъ этотъ самовидецъ, Титъ, окруживъ городъ осадными валами, отрядилъ часть своей конницы для поисковъ и поимки тѣхъ іудеевъ, которые, не вынося мученій голода, съ отчаяніемъ спускались со стѣны въ сосѣднія овраги, чтобы раздобыть хоть травы для питанія или умереть!.. И вотъ такихъ-то несчастныхъ ежедневно ловили воины и приводили къ Титу по пятисотъ человѣкъ, и тотчасъ всѣхъ ихъ распинали въ виду стѣнъ Іерусалима!

Титъ хотя и сожалѣлъ этихъ несчастныхъ, которыхъ ежедневно было проводимо до пятисотъ человѣкъ, а иногда и больше, но, съ другой стороны, онъ считалъ опаснымъ отпускать на свободу людей, взятыхъ въ плѣнъ силой, а если бы онъ хотѣлъ ихъ охранять, то такая масса охраняемыхъ скоро могла бы превратиться въ стражу для своей стражи. Главной же причиной, побуждавшей Тита къ такому образу дѣйствій, была надежда, что видъ казненныхъ склонитъ іудеевъ къ уступчивости, изъ опасенія, что, въ случаѣ дальнѣйшаго сопротивленія, ихъ всѣхъ постигнетъ такая же участь. Солдаты въ своемъ ожесточеніи и ненависти пригвождали плѣнныхъ, для насмѣшки, въ самыхъ различныхъ направленіяхъ и разнообразныхъ позахъ, поперекъ крестовъ, внизъ головами, распятаго на распятомъ. Число распятыхъ до того возрастало, что не хватало мѣста для крестовъ и не доставало крестовъ для тѣлъ, всѣ лѣса вокругъ Іерусалима, уцѣлѣвшіе отъ порубокъ для осадныхъ приспособленій, были вырублены для крестовъ.

Надо замѣтить, что распятіе для іудеевъ было самою позорною казнью, позорнѣе повѣшенія и побіенія камнями.

А вотъ потрясающія картины голода, рисуемыя тѣмъ же самовидцемъ.

Въ городѣ, между тѣмъ, говоритъ онъ, голодъ похищалъ неисчислимыя жертвы и причинялъ невыразимыя бѣдствія. Въ отдѣльныхъ домахъ, гдѣ только появлялась тѣнь пищи, гдѣ отыскивался какой-либо отбросокъ хлѣба, горсть немолотаго зерна, все, что можно схватить зубами и жевать, тотчасъ завязывалась смертельная борьба между своими; лучшіе друзья вступали между собою въ драку, дѣти отнимали у родителей и другъ у друга, родители у дѣтей тѣ жалкія средства, которыя могли хоть на одинъ часъ продлить ихъ мучительное существованіе. Даже умирающихъ не щадили и изъ горла силой выхватывали подобіе чего-либо съѣдобнаго, кусокъ кожи отъ подошвы сандалій, ремень, подвязывающій ихъ... А тутъ въ дома врывались обезумѣвшіе отъ голода свои же воины-іудеи: какъ разбойники, обыскивали они даже такихъ, которые лежали уже при послѣднемъ издыханіи, чтобъ убѣдиться, не притворяется ли кто-нибудь изъ нихъ умирающимъ, а все-таки скрываетъ за пазухой что-либо съѣдобное. Съ широко разинутыми ртами, распухшіе отъ голода, они, какъ бѣшеныя собаки, рыскали повсюду вламывались, какъ опьяненные или бѣсноватые, въ первыя встрѣчныя двери, съ отчаянія врывались въ одинъ и тотъ же домъ по два, по три раза въ одинъ часъ. Нужда заставляла несчастныхъ все хватать зубами... Даже предметы, негодные для самой нечистоплотной и неразумной твари, они собирали и не гнушались поѣдать. Они поѣдали свои кожаные пояса, обувь, срывали съ своихъ щитовъ кожу и пожирали ее. Другіе жевали остатки уцѣлѣвшаго сѣна...

. . . . . ,

. . . . . ,

. . . . . ,

ГЛАВА XVIII.

Божественно-дивная ночь стояла надъ Іерусалимомъ, надъ этимъ обреченнымъ на погибель священнымъ городомъ нашей планеты. Костры, тлѣвшіе въ римскомъ станѣ, давно потухли. Огоньки, кое-гдѣ мигавшіе въ окнахъ несчастнаго города, также

одинъ за другимъ погасли. Только высоко-высоко на темной тверди небесной безмолвно теплились вѣчные огни, съ начала мірозданія проливавшіе свой таинственный, неразгаданный людьми свѣтъ на бѣдную землю. Созвѣздіе Оріона съ Тремя Царями на его поясѣ и Сиріусъ съ его непостижимымъ искристымъ свѣтомъ, казалось, въ послѣдній разъ скорбно смотрѣли на обреченный гибели храмъ царя Соломона... Съ самаго начала мірозданія они также безмолвно и безучастно смотрѣли на этотъ дивный уголокъ вселенной. Они видѣли, какъ возникалъ этотъ святой городъ. Они видѣли, какъ Авраамъ пасъ тутъ свои стада... Они слышали вопли Агари въ пустынѣ заіорданской... Они видѣли, какъ праведный Лотъ убѣгалъ отъ обреченныхъ гибели Содома и Гоморра, и какъ огненное пламя пожирало эти несчастные города, страшнымъ наслѣдіемъ коихъ осталось Мертвое съ свинцовой водой море...

Протекали вѣка, тысячелѣтія, «яко день единъ».

Вѣчные огни неба, въ такую же божественно-дивную ночь, изливаютъ свой таинственный свѣтъ на одинокую фигуру глубоко-скорбнаго Человѣка «въ пустынѣ»...

Проходитъ еще нѣсколько лѣтъ, очень, очень немного!.. Надъ Іерусалимомъ, послѣ бурнаго, страшнаго по своимъ послѣдствіямъ дня, стоитъ такая же божественно-дивная ночь... Теперь вѣчные огни неба льютъ свой таинственный свѣтъ на небольшую, голую, точно голый лобъ, гору, на «лобную» гору и на три водруженные на ней креста... Но тѣлъ, распятыхъ на крестахъ, уже не видятъ вѣчные огни неба...

Теперь Іерусалимъ осажденъ Титомъ... Божественно-дивная ночь!.. Но и ночь эта не заглушаетъ стоновъ, доносящихся отъ лѣса крестовъ съ распятыми...

Утомленныя ужасами дня, группы іудеевъ на склонѣ Елеонской горы давно погружены въ сонъ... Не знаетъ сна только ветхая старость...

— И я видѣла, и я знала Его,—слышится во мракѣ тихій старческій голосъ женщины...—Я была тогда молода, красива...

— Гдѣ жъ ты Его видѣла?—спросилъ другой женскій старческій голосъ.

— Въ Самаріи, у колодца Сихарь... Однажды пришла я къ этому колодцу за водой, и вижу, сидитъ у колодца на камнѣ человѣкъ какой-то, съ виду прохожій... Усталъ, вижу, и сѣлъ отдо-

нуть... Подхожу я съ своимъ водоносомъ и черпаломъ, а Онъ и говоритъ: «дай мнѣ пить!» А я вижу по одѣянью и по всему, что Онъ не самарянинъ, а іудей, и говорю: какъ же Ты, говорю, Іудей, просишь пить у жены-самарянки?.. Вѣдь іудеи, говорю, не прикасаются къ самарянамъ. А Онъ мнѣ на это: если бы ты, говоритъ, знала, «Кто проситъ у тебя пить, ты бы сама, говоритъ, попросила у Него, и Онъ далъ бы тебѣ живой воды». А я Ему на это: господинъ, говорю, у Тебя нѣтъ почерпала, а колодецъ глубокъ: откуда жъ говорю, у Тебя живая вода? А изъ этого, говорю, колодца и отецъ нашъ Іаковъ пилъ, и дѣти его, и скотъ. А Онъ на это: «Кто, говоритъ, пьетъ эту воду, тотъ опять захочетъ пить, а кто, говоритъ напьется воды, которую Я дамъ, вовѣки пить не захочетъ». А я, глупая, и говорю Ему: дай мнѣ такой воды, чтобъ мнѣ не ходить больше сюда. А Онъ на это: «Пригласи, говоритъ, мужа своего и приходите сюда». А я тогда была грѣшница великая, и говорю: у меня нѣтъ мужа. А Онъ: «хорошо, говоритъ, ты сказала, что у тебя нѣтъ мужа: пять, говоритъ, у тебя мужей было, да и тотъ, что съ тобой теперь живетъ, не мужъ тебѣ», говоритъ... И стыдно, такъ стыдно, и страшно стало отъ Его словъ...

— О, Іегова! О, Адонаи Господь!—послышался въ темнотѣ испуганный голосъ.—Храмъ въ огнѣ! Храмъ горитъ!

Этотъ отчаянный возгласъ разбудилъ спящихъ. Всѣ вскочили на ноги и въ смятеніи и ужасѣ смотрѣли на вспыхнувшее въ одномъ изъ притворовъ храма пламя. Послышались вопли женщинъ и дѣтей.

— Это горитъ у серебряныхъ воротъ... горитъ притворъ,— успокаивалъ чей-то голосъ.

— О, Адонаи! О, Іегова!

— Но пламя не тронетъ внутренности храма... Стѣны его не поддадутся огню, онѣ вѣчны.

Изъ города доносился гулъ голосовъ и трескъ пожара.

Горѣли массивныя ворота храма, окованныя серебромъ. Серебро быстро расплавилось и дало доступъ пламени, которое и охватило весь притворъ. Тогда римляне подожгли и другіе притворы, которые, въ видѣ крытыхъ галлерей, вели къ различнымъ воротамъ исполинскаго храма, блиставшаго золотомъ и серебромъ, храма, подобнаго которому по богатству и величію не было

во всемъ мірѣ, ни въ Римѣ, владѣвшемъ всѣмъ этимъ міромъ, ни въ стовратныхъ Ѳивахъ.

И вотъ, забушевало пламя вокругъ этого дивнаго святилища.

— О, море огня! Море огня!.. О, Предвѣчный!—въ ужасѣ стоналъ, поднимая къ небу руки, тотъ, который когда-то былъ прокаженнымъ.

— Это Онъ посылаетъ и мнѣ, и имъ за заушенія, за оплеванія, за терновый вѣнецъ, за Голгоѳу, за крестъ!—въ какомъ-то восторженномъ экстазѣ восклицалъ тотъ, который когда-то былъ слугою у первосвященника Анны.—Мнѣ отмщеніе, и Я воздамъ!.. Это сказалъ самъ Іегова, и теперь Онъ мститъ за Голгоѳу, за крестъ!

— За крестъ!—со стономъ повторилъ бывшій прокаженный,—а мои преступныя руки дѣлали этотъ крестъ... О, Предвѣчный!

Тита встревожило это пламенное море, охватившее дивный храмъ. Онъ не хотѣлъ его гибели, этого украшенія вселенной, этого памятника величія человѣческаго духа. Онъ тотчасъ же приказалъ тушить пожаръ и очистить храмовой дворъ для свободнаго доступа легіонамъ, и на утро созвалъ военный совѣтъ изъ всѣхъ предводителей римскаго войска.

Въ совѣтъ явились: Тиверій Александръ, командующій всею арміею, Секстъ Цереалъ, начальникъ 5-го легіона, Ларцій Лепидъ, начальникъ 10-го, Титъ Фритій, 15-го Фронтонъ Этерій, префектъ обоихъ легіоновъ, прибывшихъ изъ Египта, Маркъ Антоній Юліанъ, правитель Іудеи, и военные трибуны.

Титъ открылъ совѣщаніе краткой рѣчью и вопросомъ: какъ поступить съ храмомъ?

Первымъ высказался Ларцій Лепидъ. Рѣчь его была коротка, какъ его короткій широкій мечъ, по которому онъ съ силой ударилъ своею загрубѣлою въ битвахъ и бросаніи копій ладонью.

— До тѣхъ поръ, цезарь, пока храмъ, этотъ сборный пунктъ всѣхъ іудеевъ, будетъ стоять, іудеи никогда не перестанутъ замышлять о мятежахъ,—сказалъ онъ, обводя собраніе вызывающимъ взоромъ.

Титъ молчалъ. Какъ предсѣдатель совѣта, онъ уклонился насиловать его рѣшеніе.

За Ларціемъ Лепидомъ говорилъ Маркъ Антоній Юліанъ.

— Цезарь!—сказалъ онъ мягко.—Продолжи іудеямъ по-

слѣдшее условіе. Если они очистятъ храмъ, гдѣ теперь засѣли какъ въ крѣпости, и если никто изъ нихъ не подниметъ меча для его обороны, тогда онъ долженъ быть пощаженъ. Но если они съ высоты храма будутъ сопротивляться, то его слѣдуетъ сжечь, ибо тогда онъ перестанетъ быть храмомъ, а будетъ только крѣпостью, и отвѣтственность за разрушеніе святыни падетъ тогда не на римлянъ, а на тѣхъ, которые принудятъ насъ къ этому.

Титъ, взглянувъ на другихъ присутствующихъ, какъ бы ожидая ихъ слова, снова перевелъ свой взоръ на Марка Антонія Юліана.

— Нѣтъ!—рѣшительно возразилъ цезарь.—Если евреи будутъ даже сопротивляться съ высоты храма, то и тогда не слѣдуетъ вымещать злобу противъ людей на безжизненныхъ предметахъ и ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ жечь такое величественное зданіе; разрушеніе его будетъ потерей для римлянъ, равно какъ и наоборотъ: если храмъ уцѣлѣетъ, то онъ будетъ служить украшеніемъ имперіи.

Мнѣніе Тита поддержали Тиверій Александръ, Секстъ Цереалъ и Фронтонъ Этерній, и оно было окончательно принято.

«Но храмъ давно уже былъ обреченъ Богомъ огню!»—воскликаетъ историкъ паденія Іудеи и храма Соломона. . . . . .

Съ нашей, съ земной, съ человѣческой точки зрѣнія роковое событіе, стершее съ лица земли царство іудейское, его священную столицу и дивный храмъ Соломона, объясняется безуміемъ ослѣпленныхъ людей... Отчаяніе ослѣпило іудеевъ, и они сами, преждевременно, погребли въ могилѣ и свое царство, и свое будущее... Вотъ какъ было дѣло:

Титъ приказалъ тушить пожаръ съ пылавшихъ, внѣшнихъ притворовъ храма. Огонь не касался самаго храма, хотя пламя безсильно лизало его несокрушимыя стѣны, сложенныя изъ гранитныхъ глыбъ непостижимыхъ человѣческому уму размѣровъ; каждая глыба была 5½ саж. длины, 2½ ширины и 1 саж. толщины!.. Какой огонь можетъ осилить такія чудовища! Какое пламя можетъ испепелить хотя бы каменныя ребра пирамиды Хеопса, хотя она сложена изъ значительно меньшихъ глыбъ.

Нѣтъ! Ослѣпленіе іудеевъ погубило ихъ. Когда, по приказанію Тита, римляне тушили пылавшіе притворы храма,

ослѣпленные іудеи ринулись на нихъ изъ этого самаго храма, который могъ вмѣщать въ себѣ многія тысячи. Завязался бой на храмовомъ дворѣ. Озлобленіе было общее... Но мѣра терпѣнія римскихъ солдатъ истощилась.

— Какъ! Мы спасаемъ ихъ храмъ, а они насъ убиваютъ!— воскликнулъ одинъ изъ нихъ.—О, боги! О, Юпитеръ! Пошли на нихъ свои огненныя стрѣлы!

— Я за Юпитера!—захохоталъ товарищъ перваго, схвативъ пылавшую головню.—Нагнись!

Тотъ нагнулся, подставивъ товарищу свою спину и плечи.

Свершилось!.. Пылающая головня, словно молнія Юпитера, полетѣла черезъ «золотое окно» въ храмъ!..

«Когда пламя вспыхнуло въ самомъ храмѣ,—говоритъ очевидецъ,—іудеи подняли вопль, достойный такого рокового момента!..»

И Елеонская гора огласилась рыданіями. Предсмертные, нечеловѣческіе вопли потрясали и углубленія Кедронскаго потока, и Іосафатову долину, съ высоты крестовъ, гдѣ еще корчилось въ мукахъ нѣсколько сотъ и тысячъ не умершихъ распятыхъ...

Гонецъ доложилъ о случившемся Титу, пишетъ очевидецъ этихъ ужасовъ. Титъ вскочилъ съ ложа въ своемъ шатрѣ, гдѣ онъ только что расположился отдохнуть послѣ боя на храмовомъ дворѣ, и въ томъ видѣ, въ какомъ находился, почти безъ доспѣховъ, бросился къ храму, чтобъ прекратить пожаръ. За нимъ послѣдовали всѣ полководцы, а за ними, какъ волны морскія, ринулись и переполошенные роковою вѣстью легіоны. Волны эти затопили собою и храмовыя площади, и пылавшіе притворы: гулъ, топотъ ногъ, бряцаніе оружія, возгласы, проклятія, стопы, ужасающія минуты!.. Голосъ цезаря, его приказанія, его проклятія ослушникамъ тонутъ въ этомъ хаосѣ звуковъ, въ этихъ громахъ человѣческихъ голосовъ, то озлобленныхъ, то отчаянныхъ... И кто же могъ остановить теперь бурный натискъ легіоновъ!.. Задніе ряды тѣснили переднихъ, гнали ихъ въ пламя притворовъ, топтали ногами упавшихъ въ этомъ живомъ потокѣ... Потокъ достигалъ гигантскаго жертвенника, гдѣ совершались всесожженія... Увы! Вокругъ священнаго возвышенія уже громоздились кучи убитыхъ и задавленныхъ, а по ступенямъ его струились потоки крови и скатывались тѣла убитыхъ наверху...

Титъ въ сопровожденіи военачальниковъ вступилъ во Святыя-святыхъ. Все, что онъ увидѣлъ тамъ, превзошло самыя смѣлыя его ожиданія: глазамъ его представилось міровое чудо, вмѣстилище, достойное обитанія въ немъ верховнаго божества, Іеговы, непостижимаго въ своемъ величіи и безконечнаго въ пространствѣ и времени!

И это міровое чудо поглотилъ огонь навсегда и безслѣдно... «Какъ ни печальна, какъ ни прискорбна гибель творенія, удивительнѣйшаго изъ всѣхъ вѣдомыхъ міру твореній и по объему, и по великолѣпію, и по роскошной отдѣлкѣ отдѣльныхъ частей, творенія, славившагося къ тому же еще своею святостью, съ покорностью судьбѣ говоритъ очевидецъ этого мірового событія,—однако, утѣшеніемъ должна служить мысль о неизбѣжности рока для всего живущаго, для всѣхъ твореній рукъ человѣческихъ и для всѣхъ мѣстъ земли»!..

Этотъ дивный, погибающій теперь въ порывахъ пламени храмъ Соломона украшалъ собою нашу землю тысячу сто тридцать лѣтъ, семь мѣсяцевъ и пятнадцать дней.

ГЛАВА XIX.

Для того, чтобы дать хотя приблизительное понятіе о величіи и богатствѣ храма, въ которомъ, за нѣсколько лѣтъ до его истребленія, часто раздавалось слово Божественнаго Учителя, воспользуемся описаніемъ его, сдѣланнымъ тѣмъ же очевидцемъ-іудеемъ.

Храмъ былъ построенъ на хребтѣ сильно укрѣпленнаго холма Моріа. Въ началѣ вершины его едва хватало для самого храма и алтаря, такъ какъ холмъ со всѣхъ сторонъ былъ покатъ и обрывистъ. Но послѣ того какъ царь Соломонъ, первый основатель храма, укрѣпилъ стѣной восточную часть холма, на земляной насыпи была возведена еще колоннада; на другихъ же сторонахъ храмъ стоялъ еще открытымъ. Въ послѣдующіе затѣмъ вѣка народъ все больше расширялъ, путемъ постоянныхъ насыпей, поверхность холма. Тогда разломали и сѣверную стѣну и прирѣзали еще столько мѣста, сколько впослѣдствіи занималъ весь объемъ храма. Послѣ того какъ іудеи укрѣпили

холмъ отъ самой его подошвы тройной террасообразной стѣной и окончили превзошедшее всякія ожиданія сооруженіе, на что были употреблены долгіе вѣка и всѣ священныя сокровища, стекавшіяся со всего міра, они застроили верхнее пространство и нижнее храмовое мѣсто. Самая низкая часть храма покоилась на фундаментѣ въ 300 локтей (почти въ 43 сажени!), а мѣстами и больше. Употребленныя для фундамента плиты были величиной въ 40 локтей. Изобиліе денежныхъ средствъ и рвеніе народа неимовѣрно ускоряли ходъ работъ, и благодаря этой неослабной настойчивости, въ теченіе вѣковъ было возведено сооруженіе, которое, раньше, не надѣялись даже когда-либо кончить.

Достойными такого основанія казались и воздвигнутыя на немъ величавыя зданія. Кругомъ—галлереи, и всѣ двойныя. Колонны въ 25 локтей вышины, на коихъ онѣ покоились, высѣчены были, каждая, изъ цѣльныхъ монолитовъ ослѣпительнаго бѣлаго мрамора. Потолки галлерей изъ кедроваго дерева—кедровъ ливанскихъ. Высокая цѣнность этихъ матеріаловъ, красивая отдѣлка и гармоничное сочетаніе всего представляли величественное зрѣлище, хотя ни кисть художника, ни рѣзецъ ваятеля не украшали зданія снаружи. Ширина каждой галлереи или притвора достигала 30 локтей. Не покрытая дворовая площадь была вымощена разноцвѣтной мозаикой. Между первымъ и вторымъ освященнымъ мѣстомъ тянулась каменная, очень изящно отдѣланная ограда, вышиною въ 3 локтя, и на ней въ одинаковыхъ промежуткахъ возвышались колонны, на которыхъ на греческомъ и римскомъ языкахъ былъ начертанъ законъ очищенія, гласившій, что иноплеменникъ не долженъ вступать въ святилище, ибо это второе освященное мѣсто и было именно «святилище». Къ нему вели отъ перваго мѣста 14 ступеней. Святилище представляло собою четырехугольникъ, обнесенный особой стѣной. Наверху лѣстница оканчивалась площадкой, имѣвшей до стѣны святилища 10 локтей. Отсюда другія лѣстницы, въ 5 ступеней каждая, вели къ вратамъ, которыхъ на сѣверѣ и на югѣ было 8, а на востокѣ двое.

Врата эти представляли внушительный видъ своимъ поражающимъ богатствомъ; сверху до низу, равно по косякамъ и притолокамъ, обитыя кованымъ золотомъ и серебромъ, а нѣкоторыя даже коринѳской мѣдью (сплавъ золота, серебра и мѣди), которая цѣнилась дороже чистаго золота, эти исполинскія

врата внушали вступавшимъ въ нихъ благоговѣйный трепетъ. За вратами, по обѣимъ сторонамъ каждыхъ изъ нихъ, высились башни, каждая по 30 локтей квадратной ширины и болѣе 40 локтей высоты. Каждую изъ этихъ башенъ поддерживали мраморныя колонны по 12 локтей въ объемѣ!

Вездѣ, во всемъ, исполинскіе размѣры!..

Внутри храма—золото, золото безъ конца!

Внутреннее святилище храма распадалось на два отдѣленія; но открытымъ оставалось только послѣднее! Надъ гигантскими вратами, ведущими въ закрытое отдѣленіе, извивались такія же гигантскія золотыя виноградныя лозы, отъ которыхъ свѣшивались золотыя же кисти винограда въ ростъ человѣческій!.. Это ли не подавляющее величіе!.. Мало было для гордаго, «избраннаго народа» и этого величія! Самыя врата этого таинственнаго отдѣленія изъ чистаго золота имѣли 50 локтей въ высоту и 16 ширины!.. Надъ ними свѣшивалась до полу такая же исполинская завѣса, вышитая изъ голубого гіацинта, изъ виссона, шарлаха и пурпура. Эта завѣса служила символомъ вселенной и ея стихій и элементовъ: шарлахъ — огонь, виссонъ — земля, гіацинтъ—воздухъ, пурпуръ—море... Шитье на завѣсѣ изображало всю твердь небесную съ ея великими и малыми свѣтилами...

И эта-то «завѣса церковная», въ тотъ моментъ когда Іисусъ на крестѣ, «возопивъ гласомъ великимъ, испусти духъ, раздрася на двое съ вышняго края до нижняго»!..

Подъ эту исполинскую завѣсу входили служители Бога золотыми вратами во внутреннее отдѣленіе святилища, имѣвшее 60 локтей вышины, 60 длины и 20 локтей ширины. Въ свою очередь, по длинѣ, оно раздѣлялось на два отдѣленія. Первое изъ нихъ заключало три достопримѣчательныхъ, всемірно-извѣстныхъ произведеній искусства: свѣтильникъ чистаго золота, столъ и жертвенникъ для куреній. Свѣтильникъ или седмисвѣщіе развѣтвлялся на семь лампадъ, обозначавшихъ семь извѣстныхъ древнему міру планетъ. Столъ съ двѣнадцатью на немъ хлѣбами—зодіакъ и годъ. Курильница, наполненная тринадцати родовъ курильными веществами, взятыми изъ моря, съ обитаемой земли и необитаемыхъ пустынь, указала на то, что все исходитъ отъ Бога и Богу же принадлежитъ, восходя къ Нему въ дыму куреній.

Самая внутренняя часть святилища, имѣвшая по 20 локтей

*

въ вышину, длину и ширину, также отдѣлена была завѣсой. Въ ней собственно ничего не находилось, а прежде стоялъ «кивотъ завѣта» или «ковчегъ», исчезнувшій невѣдомо какъ и невѣдомо когда... Оставалась одна «скинія»: она, говоритъ Іосифъ Флавій, оставалась запретной, неприкосновенной и для всѣхъ незримой». Это и было Святая-Святыхъ.

Титъ, однако, во время пожара успѣлъ проникнуть во Святая-Святыхъ, но скоро оттуда «выскочилъ», какъ говоритъ тотъ же очевидецъ, описавшій погибель Іерусалима и дивнаго его храма.

«Внѣшній видъ храма, говоритъ онъ далѣе, представлялъ все, что только могло восхищать глазъ и душу. Покрытый со всѣхъ сторонъ тяжелыми золотыми листами, онъ горѣлъ на утреннемъ солнцѣ яркимъ огненнымъ сіяніемъ, ослѣпительнымъ для глазъ подобно солнечнымъ лучамъ. Чужимъ, иногороднимъ, прибывавшимъ на поклоненіе въ Іерусалимъ, онъ издали казался покрытымъ снѣгомъ, ибо тамъ, гдѣ онъ не былъ окованъ золотомъ, онъ былъ ослѣпительно бѣлъ.

И все это величіе и красота погибли, золото и серебро растопились, превратившись въ безформенные комья, которые и растащили римскіе солдаты... Золота въ продажѣ оказалось такъ много, что въ Сиріи оно тотчасъ же упало въ цѣнѣ на половину!..

ГЛАВА XX.

Высоко стоитъ солнце надъ Іерусалимомъ, обливая знойнымъ полудневнымъ свѣтомъ Елеонскую гору и Голгоѳу. На мѣстѣ священнаго города ужасающія груды развалинъ... Ни души человѣческой среди этихъ мрачныхъ руинъ... Все живое или побито, или погорѣло въ пламени пожара, а оставшееся въ живыхъ все уведено въ плѣнъ или продано въ рабство.

Среди этихъ ужасающихъ развалинъ рыщутъ стаи шакаловъ, пожирающихъ разлагающіеся, непохороненные трупы іудеевъ. Изъ-за Іордана и Мертваго моря, изъ пламенной Петры и Аравіи, съ іудейскихъ горъ и пустынь тучами налетѣли на покинутый городъ орлы, вороны и другія хищныя птицы, которыя, сидя на кучахъ труповъ или усѣвшись на крестахъ съ оставленными на нихъ распятыми, съ громкимъ карканьемъ и клекотомъ,

кровавыми клювами отдираютъ присохшее къ костямъ мертвецовъ мясо... Побѣдный, богатый пиръ смерти!..

Я сказалъ, ни души человѣческой... Нѣтъ! Приглядитесь, и вы увидите на вершинѣ Голгоѳы, у самаго «Лобнаго мѣста», печальную фигуру человѣка, котораго обнаженная сѣдая голова густо посыпана пепломъ отъ сгорѣвшаго храма... Онъ медленно качается изъ стороны въ сторону, точно отъ нестерпимой зубной боли... Прислушайтесь, онъ что-то съ тихимъ плачемъ выговариваетъ... Да, это онъ изъ «Плача» Іереміи — онъ плачетъ вмѣстѣ съ пророкомъ...

— О!—тихо шепчетъ онъ.—Какъ одиноко поверженъ городъ, кипѣвшій людьми!.. Сильный во языцѣхъ, нынѣ сталъ онъ сирою вдовицею... Владѣвшій странами самъ подъ игомъ развалинъ... Плачетъ плачетъ онъ день и ночь, и слезы его на ланитахъ его... Пути сіонскіе рыдаютъ, ибо нѣтъ по нимъ ходящихъ въ праздникъ. Врата его разорены, жрецы въ плѣненіи, уведены его дѣвицы красота Сіона... Вы всѣ, текущіе мимо, обратитесь и воскликните: ахъ! Если ли другая печаль сильнѣе моей печали!.. Отвратилъ отъ него лице свое Господь, покрылся тучею, да не дойдетъ до Него молитва его; отринулъ жертвенникъ, потрясъ святыню, разсыпалъ въ прахъ стѣны Іерусалима».

Послышался стонъ... Это стоналъ сидящій на Голгоѳѣ... Хищныя птицы продолжали шумно каркать, дѣля добычу.

— О!—простоналъ сидѣвшій на Голгоѳѣ.—Восплещутъ о тебѣ руками, свистомъ глумленія посвищутъ о тебѣ всѣ мимоидущіе; и покиваютъ главами о тебѣ падшій Іерусалимъ! Они спросятъ это ли тотъ городъ, вѣнецъ славы, веселіе всей земли»?..

Это сидѣлъ на Голгоѳѣ и оплакивалъ погибель Іерусалима бывшій слуга первосвященника Анны, тотъ, что несъ Христу заушеніе, а потомъ, мучимый раскаяніемъ, отрубилъ преступную руку, которая поднялась на Спасителя.

А шакалы, орлы и вороны продолжали свой пиръ смерти.

Перенесемся же отъ этого скорбнаго мѣста въ ликующій Римъ.

Да, Римъ ликуетъ... Самый гордый и несокрушимый въ мірѣ народъ сокрушенъ, подавленъ разсѣянъ по землѣ въ рабствѣ и оковахъ.

Ликующій Римъ встрѣчаетъ побѣдоноснаго Тита съ его же-

лѣзными легіонами и золотыми легіонными орлами, облетѣвшими на своихъ древкахъ весь вѣдомый тогда міръ.

На тріумфальной колесницѣ въѣзжаетъ Титъ по «священному пути» на вѣковѣчный «форумъ романумъ». За колесницей его бѣжитъ народный «клеветникъ», по изстари-заведенному обычаю порицающій тріумфатора; но надъ «клеветникомъ», конечно, смѣется ликующій народъ... Слышатся привѣтственные клики, возгласы восторга.

За тріумфальною колесницей слѣдуетъ другая. На ней высится, сверкая на солнцѣ своимъ золотомъ, исполинское седьмисвѣщіе, взятое изъ святилища храма Соломонова, и другія священныя сокровища храма спасенныя отъ пламени.

За колесницами вели плѣнныхъ іудеевъ, главарей возстанія и другихъ знатныхъ людей, взятыхъ съ оружіемъ въ рукахъ. Всѣ были въ оковахъ; на главаряхъ же сверкали и на рукахъ и на ногахъ массивныя золотыя цѣпи, выкованныя изъ расплавленнаго пожаромъ золота храмовыхъ сокровищъ.

Общее вниманіе привлекала также замѣчательно красивая, хотя далеко не молодая женщина уже лѣтъ за сорокъ, которая вела за руку ослѣпительной красоты дѣвочку, лѣтъ четырехъ—пяти, съ распущенною роскошною косою, цвѣта червоннаго золота.

— Маленькая Венера!.. Маленькая Венера!.. Афродита!— слышались въ толпѣ возгласы восторга и удивленія.

Прекрасная женщина, которая вела за руку ослѣпительной красоты дѣвочку, была та іудейка, которая въ вечеръ, предшествовавшій послѣднему штурму Іерусалимскаго храма, находилась въ группѣ другихъ іудеевъ и іудеекъ, вышедшихъ изъ Іерусалима и расположившихся на склонѣ Елеонской горы, и которая разсказывала, что когда она была маленькою дѣвочкою и въ числѣ прочихъ іерусалимскихъ дѣтей хотѣла приблизиться къ Спасителю, а ученики Его отгоняли ихъ—то Спаситель сказалъ: «не отгоняйте отъ меня дѣтей»... и положилъ Свою руку на ея головку. Прелестная же дѣвочка была ея дочь.

Теперь и мать, и ребенокъ обвинялись въ страшномъ государственномъ преступленіи и осуждены были военнымъ совѣтомъ всей арміи Тита на растерзаніе львами въ великомъ циркѣ Рима.

Преступленіе было такого рода. Когда Іерусалимъ палъ и

дымился въ развалинахъ, женщина эта, по имени Саломея, желая пробраться въ Виѳанію, гдѣ у нея была родня, изъ семейства Лазаря, бывшаго друга Спасителя, пошла съ дѣвочкою къ начальнику когорты, завѣдывавшему стражей, чтобъ попросить у него пропускъ. Случайно, палатка этого начальника разбита была на Голгоѳѣ, у «Лобнаго мѣста». Подходя къ палаткѣ, Саломея съ ужасомъ увидѣла, что римскій легіонный орелъ, государственное знамя Рима, былъ святотатственно водруженъ, при входѣ въ палатку, въ ту священную лунку, въ которую тридцать семь лѣтъ предъ этимъ, былъ водруженъ крестъ, принявшій на себя распятаго Спасителя, и которую вѣрующіе оберегали какъ святыню, а сама Саломея ежегодно въ дни страстей Христовыхъ и воскресенія, вливала въ нее благовонное муро *). Увидѣвъ поруганіе святыни, Саломея схватила легіоннаго орла, наплевала на него, бросила на землю и стала топтать ногами. Маріамъ, ея дѣвочка, подражая матери, тоже топтала орла своими ножками... Солдаты увидѣли это оскорбленіе императорскаго знамени, схватили Саломею и вмѣстѣ съ Маріамъ отвели къ Титу, который, по требованію всѣхъ легіоновъ, и велѣлъ судить преступницъ полевымъ судомъ. Несчастныхъ присудили къ смертной казни чрезъ растерзаніе львами на аренѣ въ Римѣ.

— Маленькая Афродита!.. Народившаяся Венера,—слышалось въ восторженной толпѣ.

Наконецъ, наступилъ день гладіаторскихъ состязаній и звѣриной травли, травли людей звѣрями.

Весь Римъ, казалось, наполнилъ собою Великій Циркъ, который могъ вмѣщать въ себѣ до полумилліона зрителей. Ничто такъ не привлекало жестокихъ, бездушныхъ римлянъ, какъ кровавыя зрѣлища. Нынѣшній же день представлялъ особый интересъ для кровожадныхъ латинянъ смертельный бой гладіаторовъ съ двумя силачами іудеями, приведенными легіонами Тита изъ только что павшаго Іерусалима, и отданіе на растерзаніе нумидійскому льву красивой іудейской женщины съ прелестною ма-

*) Теперь вершина Голгоѳы съ отверстіемъ (лункой) отъ креста находится въ храмѣ, и я, въ 1881 году, во время посѣщенія Іерусалима видѣлъ эту лунку, обложенную по краямъ позолоченнымъ окладомъ.

люткою. Іудейскіе богатыри были: Іуда, сынъ Мертона, и Симонъ, сынъ Іаира, отъ могучей руки которыхъ пало въ бою не мало римскихъ воиновъ при штурмахъ Іерусалима.

Ложи и галлереи амфитеатра наполнены сверху донизу. Лучшія мѣста, ближе къ аренѣ, заняты сенаторами, начальниками легіоновъ, знатнѣйшими всадниками и другими представителями правящаго державнаго Рима. Слѣдующіе ярусы биткомъ набиты были римскими гражданами, воинами. Верхніе ряды, какъ исполинскіе цвѣтники, пестрѣли женщинами отъ знатныхъ матронъ съ золотомъ украшеній до простыхъ, жадныхъ до кровавыхъ зрѣлищъ, римлянокъ.

Изъ обширной императорской ложи лѣниво глядѣло бритое, заплывшее жиромъ лицо самого Веспасіана. Рядомъ съ нимъ помѣщался его сынъ Титъ, массивная голова котораго твердо держалась на воловьей шеѣ. По лѣнивому мановенію руки императора, амфитеатръ огласили звуки трубъ.

На арену выходили бойцы, которыхъ на этотъ разъ, вслѣдствіе нерасположенія Веспасіана къ продолжительному состязанію, было немного—всего двѣ пары: гладіаторъ германецъ, который долженъ былъ вступить въ единоборство съ іудеемъ Іудою, сыномъ Мертона и гладіаторъ скиѳъ съ іудеемъ Симономъ, сыномъ Іаира.

Подъ звуки трубъ они выступали медленно, мѣрными шагами. Тѣла ихъ были совершенно обнажены, и только льняные пояса прикрывали ихъ чресла. Въ рукахъ у германца были сѣть и громадный трезубецъ, точно отъ самого Нептуна. У Іуды былъ только короткій мечъ. Два другіе бойца вооружены были щитами и мечами.

Поровнявшись съ императорской ложей, борцы остановились. Трубы замолчали.

— Ave, imperator! Morituri te salutant! (т. е. да здравствуетъ императоръ! Тебя привѣтствуютъ идущіе на смерть!)— воскликнули оба гладіатора, припадая на колѣни.

Іудеи даже не повернули своихъ лицъ къ императорской ложѣ. Они только подняли руки къ небу.

— О, Адонаи, Господь!—воскликнули они разомъ.—Богъ Авраама, Исаака и Іакова!.. О, Іерусалимъ!

Потомъ всѣ четверо стали медленно обходить арену, чтобъ

зрители могли лучше разсмотрѣть ихъ, ихъ сложеніе, крѣпость мускуловъ, ловкость, чтобы знать, за кого держать пари.

— О, Юпитеръ! Какъ прекрасенъ скиѳъ!—послышался возгласъ съ женскаго яруса.

Ему отвѣчали смѣхомъ мужчины. Скиѳъ, дѣйствительно, былъ геркулесовскаго сложенія, но строенъ и пропорціоналенъ во всѣхъ членахъ. Германецъ былъ необыкновенно массивенъ, съ широкими плечами и бедрами, съ волосатой грудью и рыжею бородой. Рядомъ съ нимъ Іуда казался несоразмѣрно малымъ; но каждое движеніе обличало въ немъ стальные мускулы и граціозную подвижность кошки.

— Африканская пантера,—тихо сказалъ отцу Титъ, видавшій эту пантеру въ бояхъ съ его воинами.

Симонъ былъ почти одного роста со скиѳомъ, своимъ противникомъ, но тоньше его и подвижнѣе.

Когда арена была обойдена борцами, распорядитель зрѣлищъ подалъ знакъ первой парѣ. Заиграли трубы. Весь амфитеатръ замеръ въ ожиданіи первой крови. Борцы второй пары отошли къ парапету и стали неподвижно противъ императорской ложи.

Іуда и скиѳъ, которымъ предстояло начинать, разошлись на извѣстное разстояніе и стали зорко наблюдать другъ за другомъ. Скиѳъ, съ дѣтства привыкшій на родныхъ степяхъ Таиаиса (Дона) ловко захлестывать арканомъ дикихъ коней въ вольныхъ табунахъ, такъ подобралъ теперь свою сѣть, что она представляла собой петлю аркана. Немного погодя, Іуда сдѣлалъ движеніе въ обходъ гладіатора. Тотъ не спускалъ съ него глазъ, тихо шевеля трезубцемъ и какъ бы не обращая вниманія на свою губительную сѣть.

Вдругъ сѣть мелькнула въ воздухѣ. Не обладай Іуда легкостью пантеры, сѣть захлестнула бы его голову и шею. Но онъ прянулъ въ сторону и сталъ кружиться около своего противника со скоростью волчка. Массивный гладіаторъ едва успѣвалъ поворачиваться.

— У скиѳа закружится голова,—наивно воскликнула молоденькая весталка, сидѣвшая съ прочими въ почетномъ отдѣленіи служительницъ непорочной богини Весты.

Титъ улыбнулся, услыхавъ знакомый голосъ юной весталки. Онъ зналъ ее, и еще не далѣе какъ вчера она пристыдила его

передъ народомъ на Форумѣ. Извѣстно, что весталки такъ почитались въ Римѣ, что когда вели на казнь прѣступника, и онъ на пути встрѣчалъ весталку, то эта хранительница огня богини Весты тотчасъ, словно верховная власть, освобождала осужденнаго. А наканунѣ Титъ, проходя съ ликторами по Форуму, натолкнулся на толпу римлянъ, которые вели какого-то старика-іудея, схваченнаго на Форумѣ, въ тотъ моментъ, когда онъ посохомъ своимъ столкнулъ съ пьедестала статую Венеры и разбилъ ее вдребезги. Титъ тотчасъ же приказалъ ликтору отрубить ему голову. Но едва послѣдній занесъ свой топоръ надъ преступникомъ, какъ изъ толпы раздался юный повелительный голосъ: «Цезарь! Остановись! Ликторъ! Вложи топоръ на мѣсто!..» Толпа почтительно разступилась: то было юная весталка, а старикъ-іудей, совершившій преступленіе противъ римскаго божества, былъ знакомый намъ прокаженный, нѣкогда исцѣленный Христомъ, а теперь явившійся въ Римъ, чтобъ, подобно апостолу Петру, получить мученическій вѣнецъ... Его Титъ тотчасъ же освободилъ.

Но у скиѳа не закружилась голова, какъ боялась юная весталка. Напротивъ, улучивъ удобный моментъ, онъ такъ ловко метнулъ свою убійственную сѣть, что она моментально захлестнула голову и лѣвую руку Іуды, и трезубецъ скиѳа всѣми тремя зубьями коснулся обнаженной груди іудея, хотя былъ искусно отбитъ его мечомъ, но тутъ же мгновенно вонзился въ лѣвое бедро Іуды... Брызнула кровь...

— Habet! т. е. попалъ! Поразилъ!—послышались радостные крики безжалостной толпы.

— Non habet,—спокойно отвѣчалъ Іуда, и его мечъ вонзился въ сердце скиѳа.

Великанъ грохнулся навзничь, какъ подрубленный дубъ... Іуда, далеко отбросивъ въ сторону окровавленный мечъ, поднялъ руки къ небу.

— О, Іегова!—воскликнулъ онъ. — Прости мнѣ убійство скиѳа!.. Онъ непричастенъ гибели Іерусалима.

Въ разныхъ мѣстахъ послышались рукоплескапія.

— Какого Геркулеса повалилъ!—сказалъ кто-то.

— Давидъ Голіаѳа!—было на это отвѣтомъ.

Іуда глянулъ по направленію этого голоса, и среди римлянъ

узналъ типичныя черты единовѣрца, которыхъ въ то время уже было много въ Римѣ.

Служители цирка между тѣмъ, уносили безжизненное тѣло скиеа въ «споліаріумъ» (мертвецкая). Іуду также увели.

Теперь наступила очередь Симона и германца. Взвыли трубы, это былъ призывъ гладіаторовъ къ бою.

Борцы выступили. Германецъ считался однимъ изъ лучшихъ гладіаторовъ, съ дѣтства обучавшійся въ императорской гладіаторской школѣ. Онъ прямо пошелъ на своего противника. Мечи обоихъ сверкнули, но, скользнувъ по подставленнымъ щитамъ, взвизгнули точно отъ боли. Оба противника искусно отражали удары...

Вдругъ германецъ отбросилъ свой щитъ.

— Уловка Спартака!—улыбнулся Титъ.—Іудей погибъ..

Поднявъ высоко мечъ, германецъ прямо пошелъ, ничѣмъ неприкрытый, на закрытаго щитомъ Симона. Послѣдній, предвидя ударъ, прикрылъ щитомъ грудь и животъ...

Вдругъ показалось, что германецъ споткнулся, припалъ на колѣно... Но въ тотъ же моментъ мечъ его очутился подъ щитомъ противнича...

Амфитеатръ потрясли рукоплесканія... Стонъ криковъ!

— Habet! Habet!

— Non habet!—успѣлъ выговорить Симонъ и, перегнувшись черезъ голову врага, всадилъ въ него мечъ...

Оба были мертвы. Ихъ унесли...

Снова взвыли трубы.

— Ввести женщину съ дѣвочкой,—распорядился «эдиторъ».

Титъ что-то тихо сказалъ отцу.

— Зачѣмъ же ты допустилъ это?—спросилъ императоръ.

— Всѣ легіоны требовали этого... оскорбленіе римскаго орла...

На арену медленно выступило что-то вродѣ привидѣнія, все въ бѣломъ... Это была Саломея, которая вела за руку ослѣпительно прекрасную дѣвочку... Вся голенькая, съ распущенными волосами червоннаго золота. Ропотъ удивленія и восторга волнами перекатился по амфитеатру...

— Это... это маленькое божество...

— Сейчасъ прибѣжитъ большая, большая добрая кошка, которая унесетъ насъ къ твоему отцу и къ тому доброму Іисусу, о

которомъ я тебѣ такъ много разсказывала и Котораго святую руку я и теперь чувствую на своей головѣ,—говорила, между тѣмъ, Саломея, проводя къ серединѣ арены свою дѣвочку, которая съ любопытствомъ и дѣтской наивностью посматривала по сторонамъ.

— Ave imperator! Morituгae te salutant! [1])—возгласилъ «эдиторъ», когда Саломея и Маріамъ поравнялись съ императорской ложей.

— Вонъ видишь, дитя мое, Божье оконце?—показала Саломея на солнце. — Оттуда теперь смотритъ на насъ добрый Іисусъ, Сынъ Божій, и твой покойный отецъ... Видишь, дитя мое, у насъ злые римляне отняли нашъ Іерусалимъ, и Онъ зоветъ насъ къ Себѣ...

— Какая красота! Какое божество!—слышались голоса.

— Дай вырасти такому змѣенышу всѣ мужья и юноши сойдутъ по ней съ ума,—раздался визгливый женскій голосъ.

Вдругъ послышались раскаты грома... Всѣ вздрогнули... Вздрогнула и Саломея съ Маріамъ и поблѣднѣла... Это было рыканіе льва...

— Слышишь, дитя, это добрая большая кошка радуется, что сейчасъ понесетъ насъ на небо къ твоему отцу, въ небесный Іерусалимъ, — говорила Саломея, указывая на выскочившее изъ своей темницы желѣзной клѣтки съ косматою гривой чудовище.

Страшный узникъ, дѣйствительно, радовался, увидавъ свѣтъ, солнце, свободу. Долго просидѣвъ въ мрачной тюрьмѣ безъ возможности движенія, потерявъ всякую надежду видѣть свѣтъ, небо, солнце, онъ теперь, вырвавшись изъ своей могилы, просто обезумѣлъ отъ неожиданности. Онъ видѣлъ теперь такое же синее небо, и такое же горячее, яркое солнце, какое онъ зналъ и любилъ въ своей далекой, знойной родной Нумидіи, и ему, плохому мыслителю, показалось, что онъ уже у себя въ Африкѣ, среди пустынь и пальмъ Нумидіи... Вотъ скоро увидитъ свою львицу, дѣтенышей... И, поднявъ могучую голову съ страшной мордой прямо къ солнцу, онъ посылалъ теперь къ нему такіе громы рыканій, такой привѣтственный гимнъ, что стѣны амфитеатра дрожали. Потомъ, налюбовавшись на свое

*) Да здравствуетъ императоръ! Готовыя умереть привѣтствуютъ тебя.

солнце, онъ могучими прыжками гигантской кошки сталъ метаться по аренѣ, чтобъ насладиться свободою движеній, прелестью свободнаго бѣга, упругостью стальныхъ мускуловъ своихъ могучихъ ногъ...

— Видишь, дитя мое, какъ играетъ добрая большая кошка,—говорила между тѣмъ, Саломея, съ трепетомъ гладя головку дѣвочки.

А левъ опять уставился на солнце, онъ не могъ на него налюбоваться, такъ давно не видалъ онъ солнца своей Нумидіи, и снова изъ могучей глотки его неслись къ небу громы.

Затѣмъ сдѣлавъ еще нѣсколько гигантскихъ прыжковъ, чудовище пустыни вдругъ остановилось. Левъ только теперь замѣтилъ на аренѣ Саломею и Маріамъ и съ удивленіемъ уставился на нихъ.

Весь амфитеатръ съ трепетомъ ждалъ, что будетъ дальше..

— Ахъ, зачѣмъ ты осудилъ ребенка?—со старческой жалостью тихо проговорилъ Веспасіанъ.

— Легіоны требовали ее именно... она топтала твоего орла...

Левъ, между тѣмъ, совершенно какъ кошка, припалъ къ землѣ, и, не сводя удивленныхъ глазъ съ непонятнаго ему явленія, билъ метлой хвоста по аренѣ, разметывая во всѣ стороны песокъ...

— Иди, мое дитя, къ доброй кошкѣ,—поблѣднѣвшими губами прошептала Саломея.

— А добрая кошечка не царапается, мама?—спросила дѣвочка.

— Нѣтъ, моя крошка...

Дѣвочка двинулась впередъ... Вотъ, вотъ бросится чудовище и растерзаетъ ребенка, колотилось у всѣхъ въ сердцѣ.

Но чудовище не бросилось... И вотъ разгадка: передъ травлею людей звѣрями, четвероногихъ гладіаторовъ обыкновенно нѣсколько дней морили голодомъ, и потому, при выходѣ на арену, они жадно бросались на добычу. А у этого льва надсмотрщикомъ оказался тайный христіанинъ, и вотъ онъ, узнавъ, что его узникомъ будутъ травить христіанскую женщину съ дѣвочкой, все время тихонько, по ночамъ, закармливалъ льва до отвалу...

Звѣрь былъ сытъ по горло, и ему хотѣлось только веселиться, играть на свободѣ... Онъ никого не видѣлъ, кромѣ бѣ-

ленькаго, голенькаго существа, которое само шло къ нему... Играетъ со мною, подумалъ сытый звѣрь, и подобно кошкѣ сталъ ползкомъ двигаться назадъ... Вотъ-вотъ, сейчасъ ужасный прыжокъ... Но нѣтъ прыжка.

— Видишь, добрая кошечка играетъ,—шепчетъ Саломея.

И левъ, какъ бы понявъ ея слова, вновь начинаетъ прыгать изъ стороны въ сторону, точно въ самомъ дѣлѣ заигрывалъ съ дѣвочкой.

Потомъ онъ снова прилегъ и совершенно по-кошачьи сталъ ползти на брюхѣ прямо къ дѣвочкѣ...

— О, Всеблагій! Пріими съ миромъ ея чистую душу,—подняла къ небу глаза Саломея, а потомъ въ ужасѣ закрыла ихъ, чтобы не видѣть...

Левъ у самыхъ ногъ дѣвочки... Та стоитъ, какъ заколдованная...

Что это?.. Неслыханное чудо!.. Левъ лижетъ маленькія ножки!..

Весь амфитеатръ задрожалъ отъ восторженныхъ кликовъ и рукоплесканій...

Левъ, оглушенный этимъ громомъ, вскочивъ, глянулъ на скамьи и галлереи, наполненныя народомъ, котораго онъ прежде, казалось, не замѣтилъ,—и стремительными прыжками бросился въ свою тюрьму...

— Увести ихъ!—вдругъ раздался повелительный голосъ императора.—Боги пощадили ребенка, а мы для него оставляемъ его мать... Съ насъ довольно разрушеннаго Іерусалима..

А Вереника? Она сопровождала Тита во время его кровавыхъ походовъ по землѣ избраннаго народа и съ высоты Голгоѳы смотрѣла, какъ пылалъ дивный храмъ Соломона.

Она надѣялась укрѣпить бракъ съ Титомъ; но онъ, какъ только вступилъ на престолъ, удалилъ ее противъ своей воли.

Послѣднее свиданіе ихъ происходило въ самый день восшествія Тита на престолъ.

— Ты пришелъ проститься со мной навсегда?—сказала ему Вереника, когда онъ вошелъ къ ней въ пурпурѣ императора.

— Да, ты угадала,—мрачно отвѣчалъ онъ.

— Тебя посѣтило въ эту ночь страшное видѣніе,—утвердительно сказала Вероника.

— Почему ты знаешь?—удивился Титъ.

— Оно и меня посѣтило.

— Эта страшная картина опустошенной Іудеи?

— Да... наши тѣни вмѣстѣ носились надъ нею... А слова, тѣ громовыя слова, которыя исходили изъ нѣдръ земли?

— И ты ихъ слышала?—съ ужасомъ спросилъ Титъ.

— Слышала...

— И т о ужасное должно постигнуть вселенную за то, что мы съ тобою совершили тамъ надъ неповиннымъ народомъ?

— Постигнетъ...

— И іудеи будутъ?...

— Ты самъ слышалъ т ѣ с л о в а... .

Титъ съ ужасомъ отшатнулся...

— Да будетъ проклято все содѣянное нами!

И онъ безпомощно закрылъ лицо руками.

КОНЕЦЪ

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ ИСТОРИЧЕСКИХЪ РОМАНОВЪ, ПОВѢСТЕЙ
И РАЗСКАЗОВЪ
ДАНИЛЫ ЛУКИЧА МОРДОВЦЕВА

Кн. 32.

ІОСИФЪ ВЪ СТРАНѢ ФАРАОНА

(ЛЮБИМЕЦЪ)

ПОВѢСТЬ ИЗЪ ДРЕВНЕ-ЕГИПЕТСКОЙ ЖИЗНИ.

Издательство П. П. Сойкина
Типографія
Петроградъ, Стремянная, 12, собств. д.

Кн. 32

Іосифъ въ странѣ фараона.

(Любимецъ).

Повѣсть изъ древне-египетской жизни.

ГЛАВА I.

По пустынному пути, шедшему отъ Финикіи, Ханаана, Идумеи и Мадіама къ Мемфису, столицѣ фараоновъ, медленно двигался караванъ верблюдовъ. Печальна и непривѣтлива была пустыня, отдѣлявшая могущественную и богатую страну Нила отъ народовъ Востока, но такъ обаятельны были величіе царства фараоновъ и сокровища, стекавшіяся въ страну пирамидъ и сфинксовъ со всего тогдашняго міра, что ни ужасы песковъ пустыни, ни раскаленное дыханіе хамсина, ни хищные звѣри, залегавшіе на всѣхъ путяхъ, не могли остановить движенія народовъ Азіи и Африки къ тогдашнему центру вселенной, къ странѣ Озириса и Аммона-Ра, къ счастливой долинѣ, на тучныхъ пажитяхъ которой паслись священные Аписы.

Много уже разъ всходило на востокѣ солнце пустыни и утопало въ пескахъ таинственнаго запада, пока караванъ верблюдовъ двигался отъ Мадіама, изъ-за Мертваго моря, къ долинѣ Нижняго Египта. Тюки, обременявшіе горбатыя спины верблюдовъ, были полны благоуханій священной страны Пунтъ (впослѣдствіи Аравія), лежавшей за знойнымъ моремъ Сохетъ — Чермное море; тюки были полны, по словамъ книги Бытія, «ѳіміама, ритины, тука мастистаго, изъ древа текущаго, и стакти». Однообразно и какъ-то угрюмо позвякивали глухою дробью металлическіе кружки, подвязанные къ змѣинымъ шеямъ верблюдовъ, около которыхъ молча шли ихъ провожатые съ бронзовыми лицами измаильтяне, вооруженные длинными тонкими копьями, съ такимъ же бронзовымъ тѣломъ, едва прикрытымъ по бедрамъ лоскутами темной грубой ткани.

Впереди каравана, на спинѣ вожатаго верблюда, на устроенномъ въ видѣ легкаго шатра сидѣньѣ, возсѣдали двое измаильтянъ, одинъ старикъ съ лицомъ засохшаго финика и съ рѣдкой сѣдою бородкой, другой молодой человѣкъ, прикрытый шкурою пантеры, съ золотыми запястьями на бронзоваго цвѣта рукахъ. Рядомъ съ верблюдомъ шелъ юноша лѣтъ семнадцати, едва прикрытый у пояса кускомъ шерстяной ткани. Необыкновенно красивое и нѣжное лицо его рѣзко отличалось отъ грубаго жестковатаго типа измаильтянъ, а въ черныхъ, грустныхъ глазахъ отражались кротость и глубокая дума.

— О, великій Баалъ! Что это?—какъ бы съ испугомъ и изумленіемъ воскликнулъ молодой измаильтянинъ въ шкурѣ пантеры.

— Это и есть Мемфи, столица фараоновъ, господинъ,—отвѣчалъ старый измаильтянинъ.

— О, это что-то страшное! Тутъ не люди живутъ, а боги.

Дѣйствительно, для дикаря-бедуина, не видѣвшаго ничего кромѣ пустыни родного Мадіама, его выжженныхъ солнцемъ скалъ и добрей и не знавшаго другого типа жилья кромѣ шатровъ, видъ Мемфиса долженъ былъ произвести потрясающее впечатлѣніе. Только что поднявшееся изъ-за оголенныхъ высотъ Мокаттама солнце прямо ударяло на необозримое поле пирамидъ, безъ конца высившихся одна за другою и уходившихъ въ мрачную даль Сахары, отражаясь въ то же время на цѣломъ лѣсѣ обелисковъ, гордо возносившихъ къ голубому небу свои стройныя, гигантскія иглы. А лѣвѣе подавляющая масса исполинскихъ храмовъ и дворцовъ, стройные ряды колоннъ, безконечныя аллеи чудовищъ-сфинксовъ, все это было выше и страшнѣе самаго необузданнаго воображенія.

Что-то вродѣ ужаса выразилось въ лицѣ красиваго юноши, шедшаго около вожатаго верблюда.

— О, Богъ Аѣраама, Исаака и Іакова!—съ трепетомъ прошепталъ онъ, глядя на развертывавшуюся передъ нимъ поразительную своимъ величіемъ панораму широко раскрытыми, испуганными глазами.—О, мой Ханаанъ! Отецъ мой! Братья мои! Что вы со мной сдѣлали!

Скоро изъ-за рощи гигантскихъ пальмъ, отягощенныхъ огромными гроздьями финиковъ, точно гирляндами, блеснула полоса Нила, надъ которымъ подымался паръ, быстро таявшій подъ утренними, но уже горячими лучами солнца. На поверх-

пости великой рѣки стояли неподвижно или безпорядочно двигались безчисленныя лодки, суда всѣхъ видовъ и величинъ, виднѣлись плоты, нагруженные каменными глыбами для нескончаемой постройки новыхъ пирамидъ, обелисковъ, храмовъ, сфинксовъ и саркофаговъ. Отъ вѣчнаго города фараоновъ доносился нестройный гулъ, напоминавшій ревъ Нила у великихъ пороговъ этой неразгаданной рѣки.

— Что же это за шатры такіе огромные, каменные, Бенъ-Гури?—спросилъ стараго измаильтянина молодой, растерянно глядя на громады храмовъ Мемфиса и на поразившія его пирамиды.

— Каменные шатры, господинъ, это гробницы фараоновъ,—отвѣчалъ Бенъ-Гури.—Вотъ та, самая ближняя изъ самыхъ большихъ, это гробница фараона Хуфу (Хеопса). Онъ царствовалъ очень давно, почти за двѣ тысячи лѣтъ до нынѣшняго фараона.

— А какъ нынѣшняго зовутъ?

— Апопи или Апепи. Я видѣлъ, какъ этотъ фараонъ, по смерти фараона Апахнана, вѣнчался на царство. О, великій Баалъ! Какая это была церемонія, въ которой участвовалъ самъ Аписъ съ золотыми рогами!

— Быкъ?—съ недовѣріемъ спросилъ младшій измаильтянинъ.

— Да, быкъ, божество, господинъ. А слѣдующая большая гробница та принадлежитъ фараону Хафра.

— Удивительно, мой добрый Бенъ-Гури,—сказалъ молодой измаильтянинъ, котораго звали Баалъ-Мохаръ,—я вижу, что гробницы фараоновъ выше ихъ дворцовъ. Развѣ мертвымъ нужно больше почести, чѣмъ живымъ?

— Да, мой господинъ, по понятіямъ египтянъ, тотъ, кто отошелъ въ страну Озириса, то есть умеръ, тотъ долженъ жить вѣчно, а вѣкъ живущаго кратокъ: много сто лѣтъ. Оттого они и гробницы ставятъ себѣ такія прочныя и воздвигаютъ ихъ еще при жизни.

— А что означаютъ эти высокіе столпы?—спросилъ Баалъ-Мохаръ, указывая на обелиски.

— Это выраженіе помысловъ фараоновъ, которые стремятся къ небу, къ богу Аммону-Ра.

Слыша это, юноша, шедшій возлѣ верблюда, вспомнилъ, какъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, отецъ возилъ его въ то

мѣсто, гдѣ погребена его мать. Надъ нею тоже поставленъ столпъ, но небольшой, куда до этихъ столповъ фараоновъ! Вспомнилъ онъ, какъ плакалъ отецъ надъ могилой его матери, и онъ, юноша, плакалъ, хотя никогда не зналъ своей матери: она умерла, когда онъ былъ совсѣмъ маленькій. Теперь ему больше не видать ни престарѣлаго отца, ни могилы матери.

— О, братья мои! Что вы со мной сдѣлали!—снова простоналъ онъ, стараясь сдержать слезы.—Какая вина моя предъ вами? Развѣ та пестрая одежда, которую сдѣлалъ для меня отецъ? Но теперь что на мнѣ?—И онъ съ горестью глянулъ на грубые лохмотья, которыми прикрыты были его бедра.—Да, они называли меня «сновидцемъ» и злобно издѣвались надо мной. А развѣ человѣкъ повиненъ въ снахъ своихъ?

И юноша вспомнилъ эти несчастные сны свои. Раскаленное солнце Ханаана высоко стоитъ надъ равниною Сихема, и знойный вѣтерокъ, доносимый отъ пустыни Мадіама, чуть шевелитъ спѣлые, полные колосья пшеницы, сверкающей золотомъ. Онъ, юноша, и всѣ его одиннадцать братьевъ вяжутъ тяжелые снопы сжатой пшеницы. Вдругъ его снопъ, словно живой, становится посреди поля, а другіе одиннадцать сноповъ его братьевъ обступаютъ его снопъ и кланяются ему. Когда онъ разсказалъ этотъ сонъ братьямъ своимъ, они съ насмѣшкой и злобой сказали ему: «ужели ты думаешь царствовать надъ нами?»

Вспомнилъ онъ и другой злосчастный сонъ. Видится ему не то день, не то ночь, а скорѣе ночь при солнцѣ: и солнце, и мѣсяцъ, и звѣзды на небѣ. И видитъ онъ, что солнце, мѣсяцъ и одиннадцать звѣздъ какъ бы отдѣляются отъ свода небеснаго и кланяются ему. Разсказалъ и этотъ сонъ юноша отцу и братьямъ. Отецъ на это замѣтилъ: «что означаетъ сонъ, который ты видѣлъ? Неужели настанетъ время, когда я и мать моя и всѣ братья твои придемъ и поклонимся тебѣ до земли?»

— Поклонятся мнѣ до земли!—прошепталъ юноша, судорожно сжимая руки.—Мнѣ, рабу измаильтянъ, котораго какъ овцу ведутъ на продажу въ этотъ страшный городъ! О, Боже Авраама, Исаака и Іакова!

А страшный городъ и необозримое поле пирамидъ становится все яснѣе и яснѣе предъ изумленнымъ взоромъ.

— Я долго жилъ, въ молодости, въ этой странѣ чудесъ и теперь охотно каждый годъ привожу сюда караваны съ благовоніями священной земли Пунтъ,—говорилъ между тѣмъ ста-

рый Бенъ-Гури своему молодому спутнику, когда караванъ съ высоты Мокаттама сталъ спускаться къ Нилу.—Видишь тамъ, западнѣе города, ближе къ царскимъ гробницамъ, огромную площадь воды.

— Да, точно море: это все Нилъ?

— Нѣтъ, это озеро Мери вырытое руками человѣческими. Оно вырыто нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ по повелѣнію фараона Аменемхата третьяго. Надо тебѣ сказать, мой добрый господинъ, что все богатство, все благосостояніе и силы страны фараоновъ проистекаютъ отъ чудесъ этой великой рѣки, которую ты видишь передъ собою: если въ половодье воды Нила поднимаются высоко и орошаютъ собою землю, предназначенную для посѣвовъ, то жители страны получаютъ обильный урожай, такой урожай, о какомъ мы, сыны пустыни, и понятія не имѣемъ. Если же въ иные годы, по неисповѣдимому велѣнію небесъ, Нилъ мало разливается и не орошаетъ полей, то страну постигаетъ неминуемый голодъ, особенно если засуха продолжается два—три года, а иногда, что также случалось, цѣлые семь лѣтъ. Но опытъ и боги умудряютъ людей, а тѣмъ болѣе служителей божества. Такими близкими къ божеству людьми слывутъ въ странѣ фараоновъ старѣйшіе волхвы, служители боговъ Аммона-Ра, Озириса, Изиды, Гора и иныхъ божествъ. Имъ-то боги и внушили благую мысль, а волхвы, въ свою очередь, внушили ее фараону Аменемхату. И тогда повелѣлъ фараонъ построить укрѣпленіе на берегу Нила, въ верхней его части, у самыхъ границъ Египта со страною Кушъ, гдѣ обитаютъ и курчавоголовые люди, и при этомъ укрѣпленіи на скалахъ, выступающихъ въ рѣку, начертить водомѣръ, ряды линій, которыми и должна была каждый день обозначаться высота ежедневнаго поднятія воды Нила во дни его водополья. Наблюденіе за этимъ водомѣромъ возложено было на особаго довѣреннаго старѣйшину, а въ помощь ему приданы были писцы и служители, исполнявшіе по очереди обязанности водомѣрныхъ гонцовъ-вѣстовщиковъ: по мѣрѣ поднятія воды въ Нилѣ до извѣстной мѣры, они посылались гонцами во всѣ города, лежащіе по берегамъ великой рѣки вплоть до столицы фараоновъ и даже до моря, Великихъ Соленыхъ Водъ, Татъ-Уръ, и извѣщали о степени поднятія воды у водомѣровъ для принятія соотвѣтственныхъ мѣръ. Вмѣстѣ съ тѣмъ фараонъ Аменемхатъ повелѣлъ согнать со всей земли тысячи землекоповъ, которые подъ

руководствомъ опытныхъ старѣйшинъ-строителей и должны были вырыть это самое великое озеро Мери, которое ты видишь. Сначала озеро не имѣло въ себѣ воды, что и понятно, ибо иначе его невозможно было бы рыть. Но когда безводное озеро было вырыто, тогда отъ него прокопанъ былъ каналъ до самаго Нила, и этотъ каналъ у самой рѣки запирался, и теперь запирается, воротами, подъемными, на цѣпяхъ, съ каменными устоями по бокамъ. И вотъ когда вода въ Нилѣ поднимется до высоты вороть, то ихъ съ помощью цѣпей тоже поднимаютъ, и вода изъ рѣки по каналу стремится въ озеро и наполняетъ его. И тогда, въ который годъ воды въ Нилѣ достаточно, чтобы напоить собою всѣ пажити, озеро Мери, наполненное раньше водой, остается запертымъ, а когда разливъ Нила малъ и воды не достаточно для орошенія полей, тогда ворота канала открываются, и вода изъ озера стремится въ Нилъ и наполняетъ всѣ поля земли фараоновъ.

— Да, видно, что боги умудрили фараона Аменемхата на такое великое дѣло,—произнесъ младшій измаильтянинъ Баалъ-Мохаръ.

— А все волхвы,—добавилъ старый Бенъ-Гури.—Съ моимъ прежнимъ господиномъ египтянином я когда-то поднимался вверхъ по Нилу до самаго водомѣра и самъ читалъ на скалахъ надписи. Помню одну, вырѣзанную въ скалѣ довольно высоко, на которой я прочелъ: «высота Нила въ четырнадцатый годъ царствованія его святѣйшества царя Аменемхата третьяго — вѣчно живущаго».

— Вѣчно живущаго?—улыбнулся Баалъ-Мохаръ.

— Да, въ гробницѣ, въ видѣ муміи.

Караванъ приблизился къ самому берегу Нила. Среди неописуемаго гула и гама, стоявшаго надъ великой рѣкой, отчетливо выдѣлялось заунывное, монотонное пѣніе, прерываемое чѣмъ-то похожимъ на могучій стонъ. Это пѣли невольники, завалившіе на плоты огромныя глыбы гранита для постройки пирамиды царствующему фараону Апепи. Невольники пѣли:

Слава тебѣ, фараону Апепи, сыну Аммона-Ра...

Здѣсь слѣдовалъ протяжный глухой стонъ

Слава тебѣ, солнцу не заходящему день и ночь.

Послѣ каждаго стиха стонъ, и новыя усилія двигать глыбу гранита.

Стоны эти ужасомъ отзывались въ сердцѣ юноши, котораго измаильтяне вели на продажу въ рабство.

ГЛАВА II.

Но вотъ мы видимъ юношу раба въ совершенно другой обстановкѣ, въ домѣ египетскаго сановника Путифара

Путифаръ или, по библійски, Пентефрій былъ приближеннымъ лицомъ фараона Апепи и носилъ придворное званіе «сариса» или, по-библейски, «архимагира».

Богатый домъ Путифара находился въ западной части Мемфиса и лицевою стороной обращенъ былъ къ пирамидамъ, возвышавшимся на отлогости Ливійскаго хребта, пологими уступами спускавшагося къ долинѣ Нила. Домъ со всѣхъ сторонъ окруженъ былъ массивными гранитными колоннами, перистили которыхъ изображались громадными лопастями распустившагося цвѣтка лотоса.

Съ лицевой стороны колонны эти опирались въ два грандіозныхъ пилона, въ просвѣтъ между которыми видны были на горизонтѣ величественные массивы пирамидъ Хуфу, Хафра и Менкара. Отъ пилоновъ шла аллея сфинксовъ, оканчивавшаяся у громаднаго бассейна, обложеннаго краснымъ порфиромъ, а затѣмъ шли ряды низкихъ каменныхъ зданій, предназначавшихся для служителей и рабовъ Путифоара, для жизненныхъ припасовъ его двора и для домашнихъ животныхъ.

Солнце, склоняясь къ западу, стояло уже надъ великими пирамидами, когда изъ одного зданія, расположеннаго по ту сторону бассейна и аллеи сфинксовъ, вышли два египтянина. Въ лицѣ того, который шелъ впереди, одѣтый въ богатый плащъ изъ бѣлаго финикійскаго виссона, можно было сразу узнать бывшаго юношу-раба, хотя онъ значительно возмужалъ и нѣсколько потерялъ тотъ загаръ знойныхъ равнинъ Ханаана, который смягчился въ болѣе умѣренномъ климатѣ долины Нила.

За нимъ шелъ старый египтянинъ, держа на рукахъ молоденькаго бѣлаго козленка.

Приблизившись къ бассейну, Іосифъ, это былъ онъ, сынъ Іакова, проданный братьями, остановился. Слѣдовавшій за нимъ съ козленкомъ старый египтянинъ тоже остановился и издалъ протяжный звукъ, похожій на крикъ осла. Въ этотъ моментъ вода въ бассейнѣ заволновалась, и на поверхности его показа-

лась безобразная голова крокодила. Страшное чудовище быстро подплыло къ высокому каменному парапету бассейна и раскрыло безобразную пасть, простиравшуюся до самыхъ ушей. Въ этой пасти торчали страшные зубы, точно заостренныя пилы. Маленькіе глаза чудовища плотоядно сверкали.

— Великій Себекъ-Ра! Сарисъ его святѣйшества, фараона Апепи, Путіфаръ, приноситъ тебѣ жертву; прими ее и охраняй домъ Путіфара!—проговорилъ египтянинъ и бросилъ козленка въ пасть чудовища.

Горькая улыбка скользнула по лицу Іосифа. Крокодилъ жадно схватилъ свою жертву и мгновенно скрылся подъ водою.

Отпустивъ знакомъ стараго египтянина, Іосифъ пошелъ вдоль аллеи сфинксовъ, къ пилонамъ, ведшимъ въ главное зданіе. Онъ шелъ тихо, задумчиво, какъ бы прислушиваясь къ нестройному шуму, стоявшему въ воздухѣ надъ многолюдной столицей фараоновъ. Но мысли его были далеко: онѣ витали надъ далекими холмами и долинами его родного Ханаана, гдѣ разбиты темные шатры племени Авраама, Исаака и Іакова, отца его,—гдѣ когда-то бѣгалъ онъ своими маленькими ножками за стадами старшихъ братьевъ своихъ, гдѣ плакалъ онъ надъ могильнымъ столпомъ рано погибшей матери своей, Рахили, гдѣ старикъ отецъ его, Іаковъ, разсказывалъ ему о чудесномъ видѣніи въ Веѳилѣ, гдѣ старая рабыня матери его, Ѳимна, много лѣтъ пробывшая въ рабствѣ въ Египтѣ, разсказывала ему, маленькому Іосифу, о чудесахъ этой страны фараоновъ... И вотъ онъ самъ теперь въ этой самой странѣ фараоновъ, странѣ чудесъ и ужасовъ, въ странѣ господства крокодиловъ и Аписовъ, въ странѣ пирамидъ и сфинксовъ; но мысли его все витаютъ надъ бѣднымъ, жалкимъ Ханааномъ.

Пройдя аллею сфинксовъ и поднявшись на ступени между пилонами, Іосифъ остановился и въ раздумьи оглянулся назадъ. Передъ глазами его, вдали, высились темные массивы великихъ пирамидъ. Надъ ближайшею и высочайшею изъ нихъ горѣло знойное солнце и, казалось, готово было коснуться острокопечной вершины этой таинственной, тысячелѣтней могилы царственнаго Хуфу. Іосифъ глубоко вздохнулъ.

— Аммонъ-Ра... Горусъ въ сіяніи,—презрительно прошептали губы его.

И ему опять вспомнились мирныя картины его родины: склоняющееся къ закату солнца Ханаана, рабыни съ водоносами на

головахъ, отправляющіяся къ источнику, стада овецъ, возвращающіяся съ поля.

Пройдя пилоны, онъ вступилъ во внутренніе покои. Это была квадратная зала, поддерживаемая колоннами съ листьями лотосовъ и пальмъ. Надъ архитравомъ было изображеніе солнца съ крыльями орла. Подъ нимъ выступающая изъ гранита статуя фараона съ вѣнцомъ на головѣ.

— «Я, фараонъ Апепи, любимый сынъ бога Горуса въ сіяніи, всесильный владыка Египта отъ великихъ пороговъ до Великой Зеленой Воды, могущественнѣйшій всѣхъ царей въ мірѣ отъ Финикіи до страны презрѣнныхъ Либу. Я не оставлю въ покоѣ моихъ враговъ, но сожгу ихъ лучами моего отца, Горуса въ сіяніи», — грустно качая головой, читалъ Іосифъ, горделивую подпись на подножіи статуи фараона. — О, мой Богъ! Богъ Авраама, Исаака и Іакова! Доколѣ будешь терпѣть Ты эти беззаконія?—невольно шептали его губы.

Рядомъ со статуей фараона высилась еще болѣе массивная. Это было изображеніе бога Себекъ-Ра съ головою крокодила. «И это богъ!» невольно содрогнулся Іосифъ.

Онъ съ презрѣніемъ отвернулся отъ чудовища, вспомнивъ, какъ живой его первообразъ сейчасъ пожралъ маленькаго козлика, и прошелъ между колоннами направо.

Передъ нимъ, за пунцовой занавѣсою, открылась другая, меньшая комната. По серединѣ ея стояла статуя богини Гаторъ, олицетвореніе чувственной любви. Богиня изображена была голою съ изысканно заплетенными косами. Передъ богиней на треножникѣ курился ѳиміамъ.

Близъ стѣны, подъ богатымъ балдахиномъ, стояло ложе, покрытое великолѣпною шкурою пантеры, а полъ около ложа застланъ былъ шкурою огромнаго ливійскаго льва. На ложѣ полулежала среднихъ лѣтъ женщина, едва прикрытая тонкими тканями. Руки, плечи и часть бюста ея были обнажены. На рукахъ и шеѣ сверкали золотыя украшенія.

Это была жена Путіфара, Снатъ Гаторъ. Маленькій не высокій лобъ подъ черными какъ смоль волосами, изящно изогнутыя линіи тонкихъ бровей, миндалевидные, съ длиннымъ разрѣзомъ, томные глаза сфинкса, смуглыя, слегка зарумяненныя щеки и нѣжно очерченныя розовыя губы, все было чувственно красиво въ этой женщинѣ.

У изголовья ея стоялъ маленькій нубіецъ съ опахаломъ изъ страусовыхъ перьевъ.

— А, это ты, Іосифъ,—томно сказала Снатъ-Гаторъ, бросая нѣжный взглядъ на пришедшаго.—Да благословятъ боги твой приходъ.

— Привѣтъ мой госпожѣ и повелительницѣ, — проговорилъ Іосифъ, потупляя глаза подъ взоромъ красивой женщины.

— Принесена ли жертва богу Себекъ-Ра, покровителю Мемфиса и нашего дома?—спросила Снатъ-Гаторъ.

— Объ этомъ я и пришелъ доложить твоей ясности,—отвѣчалъ Іосифъ, не поднимая глазъ.

— А какія вѣсти отъ моего супруга и повелителя?—снова спросила жена Путифара.

— Его ясность, мой господинъ и повелитель, приказалъ сказать черезъ гонца, что они съ его святѣйшествомъ фараономъ, находясь на охотѣ въ Долинѣ Газелей, выслѣдили двухъ огромныхъ львовъ пустыни и, вѣроятно, останутся на охотѣ еще нѣсколько дней,—доложилъ Іосифъ.

При этомъ извѣстіи глаза Снатъ-Гаторъ невольно выдали внутреннюю радость.

— А!—протянула она и присѣла на своемъ ложѣ, оправляя волосы и ожерелье.

Противъ нея, въ оконномъ просвѣтѣ, виднѣлись на горизонтѣ пирамиды Хеопса и Хефрена, за которыя уже опустился дискъ солнца.

— Свѣтоносный Горусъ скоро оставитъ небесный сводъ бога Аммона-Ра и пошлетъ на землю тѣни ночи,—сказала Снатъ-Гаторъ, глядя на далекія пирамиды;—вотъ уже и гробницы фараоновъ Хуфу и Хафра, да веселятся они въ обители всемогущаго Озириса! бросаютъ сюда свои тѣни, и въ воздухѣ становится прохладнѣе. Теперь мнѣ не нужно тихое дыханіе твоего опахала, мой маленькій вѣтерокъ,—обратилась она къ юному нубійцу;—оставь свое опахало и пойди отдохни или поиграй.

Юный нубіецъ не заставилъ свою госпожу повторять приказаніе: онъ тотчасъ припалъ колѣнками къ шкурѣ льва, поцѣловавъ край туники Снатъ-Гаторъ за пунцовой занавѣсою.

— Мнѣ что-то сегодня нездоровится, мой добрый Іосифъ,—сказала жена Путифара, когда скрылся ея маленькій черный рабъ.—Можетъ быть, я не умѣла умолить богиню Гаторъ.—И она глянула на ея статую.—Я буду рада, если добрый Іосифъ

посидить около меня и развлечетъ мои смутныя думы,—сказала она, поправляя складки туники.

— Я готовъ служить госпожѣ и повелительницѣ раба своего,—скромно отвѣчалъ Іосифъ.

— Ты не рабъ мой, а сарисъ—правитель дома господина моего, — сказала Снатъ-Гаторъ, указывая на сидѣнье около своего ложа, родъ кресла изъ краснаго дерева съ рѣзными изображеніями ибисовъ.—Мой мужъ и господинъ облекъ тебя такимъ довѣріемъ, какимъ не пользовался никто въ его домѣ. Тебѣ послушны всѣ рабы дома Путиэара, въ твоемъ вѣдѣніи всѣ богатства и запасы дома, золото и мѣдь, зеленые и синіе драгоцѣнные камни кладовыхъ, всѣ запасы благовоній священной земли Пунтъ; тебѣ ввѣрена постройка вѣчнаго жилища Путиэара въ прекрасной странѣ Запада, въ царствѣ великаго Озириса; ты—правая рука Путиэара и намѣстникъ его... И, при всемъ томъ, я замѣчаю, Іосифъ, что на твоемъ прекрасномъ лицѣ всегда лежитъ тѣнь грусти. Скажи, добрый Іосифъ, чего не достаетъ тебѣ? Открой мнѣ свое сердце, какъ родной сестрѣ, какъ другу, и я, можетъ быть, сумѣю влить бальзамъ утѣшенія въ твое сердце. Откройся мнѣ, Іосифъ, и я буду молить небо, великаго Аммона и солнце, свѣтоноснаго Горуса, чтобъ они дали покой и радость душѣ твоей.

— О, добрая госпожа! — тихо вздохнулъ Іосифъ. — Твое небо—не мое небо, твои боги—не мои боги, твое солнце—не солнце Ханаана.

— Но, Іосифъ, и небо Египта такое же голубое, какъ и небо Ханаана, и боги Египта добрые боги, а солнце долины Нила благотворнѣе солнца Ханаана.

Іосифъ молчалъ. На кроткихъ, задумчивыхъ глазахъ его навернулись слезы.

— Скажи же, повѣдай мнѣ, Іосифъ, что еще гложетъ твое сердце?—со слезами въ голосѣ спрашивала Снатъ-Гаторъ.

— О, госпожа! Не спрашивай меня объ этомъ: слишкомъ глубока рана моего сердца, чтобы я могъ открыть ее тебѣ,—отвѣчалъ Іосифъ, низко опуская свою курчавую, красивую голову.

Отвѣтъ этотъ смутилъ жену Путиэара: какъ женщина, она подумала, что ханаанскій плѣнникъ тоскуетъ по другой женщинѣ, и ревность шевельнулась въ ея сердцѣ.

— О, мой Іосифъ!—страстно заговорила она.—Я залѣчу въ твоемъ сердцѣ эту рану, и всемогущая Гаторъ поможетъ мнѣ въ

этомъ... Откройся мнѣ, кто та женщина, которая нанесла тебѣ эту рану?

— Не женщина, а мои родные братья, — тихо отвѣчалъ Іосифъ и закрылъ лицо руками.

Снатъ-Гаторъ вздохнула свободнѣе... «Не женщина. О, великая матерь, рождающая солнце».—И она съ благоговѣніемъ и мольбою взглянула на статую богини Гаторъ.

— Братья!—почти радостно воскликнула она.—Что же они сдѣлали съ тобой?

— Они продали меня въ рабство,—послѣдовалъ чуть слышный отвѣтъ.

— Родные братья! За что же?

— Они не взлюбили меня за то, что я былъ любимцемъ нашего отца, за то, что онъ любилъ мою мать больше всѣхъ другихъ своихъ женъ и наложницъ, за то, что онъ одѣвалъ меня въ пестрыя одежды, наконецъ, за мои сны!—со страстной горечью проговорилъ Іосифъ.

— За сны? — удивилась жена Путіфара. — Какіе же это сны?

— Мнѣ тяжело ихъ разсказывать,—отвѣчалъ Іосифъ.

— Но сны, это таинственные глаголы божества, которые, однако, не всякій смертный въ состояніи разумѣть,—сказала Снатъ-Гаторъ.—Только служители божества разумѣютъ эти глаголы. Что же было въ твоихъ снахъ такое, что могло возбудить гнѣвъ въ сердцахъ твоихъ братьевъ?

— Имъ показалось въ моихъ снахъ пророчество, что я буду царствовать надъ всѣми моими старшими братьями и ихъ родомъ. И они продали меня измаильтянамъ тайно отъ отца... О, какъ я помню этотъ несчастный день моей жизни, — говорилъ Іосифъ, какъ бы позабывъ, что онъ не одинъ.—Братья пасли тогда стада въ Сихемѣ. Разъ утромъ отецъ говоритъ мнѣ: въ Сихемѣ ли теперь братья твои, сынъ мой? Поди и посмотри, здоровы ли они и здоровы ли овцы? И я пошелъ отъ долины Хеврона къ Сихему, но въ пути заблудился. Тогда встрѣчается мнѣ одинъ человѣкъ и спрашиваетъ: кого ты ищешь? Я говорю: ищу братьевъ моихъ; скажи мнѣ, гдѣ они пасутъ? Онъ и говоритъ: они ушли отсюда; я слышалъ, какъ они говорили между собой: пойдемъ въ Доѳаимъ. Я и пошелъ туда и нашелъ ихъ въ Доѳаимѣ. Подхожу къ нимъ, и слышу издали: «Вонъ идетъ нашъ сновидецъ, говорятъ: убьемъ его и бросимъ въ ровъ, а отцу ска-

жемъ: лютый звѣрь съѣлъ его; тогда посмотримъ, что значатъ его сны». Услышавъ это, братъ Рувимъ и говоритъ: «я не дамъ его убить; не будемъ, говоритъ, проливать кровь брата, а лучше бросимъ его здѣсь, въ пустынѣ, въ одинъ изъ рвовъ; не наложимъ на него, говоритъ, рукъ своихъ». Онъ, кажется, желалъ спасти меня, чтобы возвратить къ отцу. Все это я слышалъ, и все же пришелъ къ нимъ. Тогда они сняли съ меня мои пестрыя одежды и бросили въ ровъ, въ которомъ, однако, не было воды, а сами сѣли обѣдать. Вдругъ я слышу:—«Вонъ, говорятъ, караванъ идетъ, измаильтяне отъ Галаада; верблюды ихъ везутъ въ Египетъ вьюки, полные оміама, ритины и стакти». Тогда братъ Іуда и говоритъ братьямъ: «Какая будетъ намъ польза, если мы убьемъ брата своего и скроемъ кровь его? Пойдемте лучше,— говоритъ,—продадимъ его измаильтянамъ: руки наши, говоритъ, не будутъ въ его крови: — онъ братъ нашъ и наша плоть».— Братья согласились на это, вытащили меня изъ рва и продали измаильтянамъ... И вотъ я здѣсь...

Онъ говорилъ это тихо, какъ бы про себя, печально склонивъ голову. Слезы медленно катились по его щекамъ и падали на виссонъ его плаща. Онъ не видалъ, какъ Снатъ-Гаторъ тихонько поднялась съ ложа и приблизилась къ нему; погруженный въ свои воспоминанія, онъ не замѣтилъ, какъ она нагнулась надъ нимъ, и только тогда онъ опомнился, когда почувствовалъ, какъ чьи-то горячія руки обхватили его низко опущенную голову, и женскій голосъ шепталъ надъ нимъ:

— О, мой бѣдный, мой бѣдный! Иди ко мнѣ, я утѣшу тебя, я осушу твои слезы моими поцѣлуями.

Іосифъ вздрогнулъ и быстро поднялся.

— О, госпожа! Зачѣмъ это? — прошепталъ онъ, блѣдный отъ волненія.—Я долженъ уйти... я еще не всѣмъ распорядился по дому... Прости меня!

И онъ быстро скрылся за пунцовой занавѣсою, отдѣлявшей покои Снатъ-Гаторъ отъ главнаго покоя, посвященнаго богу Себекъ-Ра.

Жена Путифара съ пылающими щеками упала на свое ложе.

— О, великая Гаторъ!—шептала она.—Зажги его сердце, какъ ты зажгла мое... Ты видишь мои муки... Три раза напоялъ Нилъ своими животворными водами священную страну моихъ предковъ, съ тѣхъ поръ какъ этого раба изъ Ханаана ввели въ домъ моего повелителя, три раза совершилъ Горусъ свое годич-

ное шествіе надъ царствомъ фараоновъ, три года не даетъ мнѣ сна образъ этого Іосифа, и вотъ сегодня... я надѣялась, что растопила его сердце... онъ все мнѣ сказалъ... онъ плакалъ какъ женщина... я обнимала его голову... И вдругъ! О, великая Гаторъ!

ГЛАВА III.

Прошло еще не мало лѣтъ, и мы снова видимъ Іосифа въ иной обстановкѣ.

Онъ уже не при дворѣ могущественнаго Путіфара, а въ государственной тюрьмѣ фараоновъ. Около десяти лѣтъ находится онъ въ заключеніи. Годы много измѣнили его. Прекрасный, кроткій юноша превратился въ зрѣлаго мужа, но глубокая, грустная дума и теперь свѣтилась въ его задумчивыхъ глазахъ.

Однако, онъ уже не простой узникъ въ тюрьмѣ фараоновъ. Что-то было въ его поведеніи, въ его кроткомъ взорѣ, въ его словахъ и поступкахъ такое, что внушило къ нему во всѣхъ глубочайшее довѣріе и уваженіе. Въ своихъ ссорахъ и недоразумѣніяхъ всѣ узники тюрьмы шли къ нему, какъ къ своему судьѣ; несчастные, впадавшіе въ отчаяніе и жаждавшіе смерти, находили въ немъ утѣшеніе и поддержку; больные и обиженные находили въ немъ защитника и заступника предъ строгимъ «емхетъ», довѣреннымъ лицомъ фараона и главнымъ начальникомъ государственной тюрьмы.

И «емхетъ» замѣтилъ Іосифа. Мало того, онъ настолько оцѣнилъ высокія качества этого скромнаго ханаанянина, что приблизилъ его къ себѣ и вручилъ ему ближайшее завѣдываніе государственною тюрьмой. Зная жену Путіфара, «емхетъ» подозрѣвалъ, что въ скандальной исторіи Снатъ-Гаторъ виноватъ не Іосифъ, а сама прекрасная Снатъ, хотя самъ Іосифъ насчетъ этой исторіи хранилъ глубокое молчаніе.

Какъ бы то ни было, но черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ заключенія Іосифа въ государственную тюрьму онъ является въ ней вторымъ послѣ «емхета» лицомъ, по управленію этимъ карательнымъ учрежденіемъ фараоновъ. Съ этой поры онъ всего себя посвятилъ облегченію горькой участи заключенныхъ. Собственно центральная тюрьма фараоновъ, находящаяся на Мемфисѣ, служила, главнымъ образомъ, для временнаго заключенія преступниковъ: это былъ центральный этапъ, откуда осу-

жденные отправлялись на каторгу или въ пещеры горнаго хребта Тароау, выше Мокаттамы, гдѣ выламывался бѣлый известнякъ для возведенія царскихъ пирамидъ и особыхъ гробницъ, и для изваянія статуй и саркофаговъ, или же въ каменоломни Красной горы, въ Верхній Египетъ для ломки краснаго гранита и твердаго порфира, которыми облицовались наружныя грани пирамидъ. При высылкѣ партій на каторгу, Іосифъ прилагалъ особое стараніе, чтобы въ каменоломни не были отправляемы слабые, больные и старики. Ко всѣмъ этимъ несчастнымъ онъ относился съ отеческою любовью: онъ отводилъ имъ болѣе удобныя помѣщенія, старался объ улучшеніи ихъ пищи и облегченіи отъ обязательныхъ изнурительныхъ работъ.

Въ числѣ послѣднихъ, особеннымъ вниманіемъ Іосифа пользовался одинъ необыкновенный древній старикъ, доставленный въ государственную тюрьму изъ Ѳивъ въ самыхъ тяжкихъ оковахъ. Извѣстно было только, что онъ былъ долгое время, чуть ли не полстолѣтія, верховнымъ жрецомъ храма богини Мутъ, «священной матери боговъ и супруги бога Пта», «верховнаго отца боговъ» въ Ѳивахъ. За какое преступленіе онъ былъ лишенъ высокаго сана и заключенъ въ государственную тюрьму, никто не зналъ, ни Іосифъ, ни даже самъ «емхетъ». Таинственный арестантъ былъ присланъ въ Мемфисъ при указѣ верховнаго тайнаго совѣта жрецовъ съ поясненіемъ, что онъ присужденъ къ пожизненному заключенію «за тяжкое, непередаваемое человѣческимъ языкомъ, преступленіе».

Это былъ нѣкогда высокій, но теперь согбенный старикъ, съ бѣлыми, какъ снѣгъ, волосами и такой же бородой, но съ необыкновенно яснымъ для его лѣтъ взоромъ. Въ первый же день по прибытіи въ тюрьму, Іосифъ приказалъ расковать старика и потомъ собственноручно наложилъ смягчающіе пластыри на раны, натертыя на рукахъ, на ногахъ и на шеѣ несчастнаго арестанта желѣзными оковами. Онъ же велѣлъ давать старику лучшую пищу и устроить ему покойное лежаніе изъ мягкихъ шкуръ газелей, и каждое утро навѣщалъ его, заботливо справляясь о его здоровьѣ.

— Сынъ мой,—сказалъ онъ однажды Іосифу, когда этотъ послѣдній зашелъ къ нему послѣ обхода всѣхъ камеръ заключенныхъ,—твое лицо и твои поступки изобличаютъ въ тебѣ присутствіе божества, не того божества, которому поклоняются египтяне въ символахъ и ихъ изображеніяхъ, но того, таинствен-

ными и непостижимыми велѣніями котораго вѣчно текутъ къ великому морю эти живыя воды Нила, того, которое низвергаетъ на землю громы и молніи, напояетъ водою небесныя пространства, которое живетъ въ каждомъ стеблѣ и цвѣткѣ лотоса, велѣніями котораго движутся на насъ пески Сахары и живетъ каждая песчинка пустыни, но лицо твое и твои глаза изобличаютъ также, что ты носишь печаль и горесть въ сердцѣ твоемъ. Я полюбилъ тебя, какъ сына, да и родной сынъ не могъ бы, кажется, заботиться обо мнѣ такъ, какъ заботишься ты. Я старъ: вотъ уже скоро будетъ полстолѣтія, какъ глаза мои созерцаютъ небесныя свѣтила и ихъ вѣчное движеніе; сотни разъ я наблюдалъ годичные розливы Нила; я много думалъ; многое въ этомъ видимомъ мірѣ я понимаю такъ, какъ бы это были исписанные листы папируса, на которыхъ перстъ божества начерталъ свои предопредѣленія. Я давно пережилъ годы, переживаемые тобою, сынъ мой, и мое сердце также знало печали и горести; но время унесло ихъ, какъ вѣтеръ уноситъ засохшіе листья тамаринда, и я теперь ожидаю поглощенія непостижимымъ божествомъ моего бреннаго и временнаго существа.

Старикъ помолчалъ. Іосифъ, слушая его, казалось, весь поглощенъ былъ созерцаніемъ тихо струившагося за группами пальмъ Нила и отраженіемъ на сѣрыхъ ребрахъ Мокаттама склонявшагося къ западу солнца.

— Я говорю это къ тому, сынъ мой,—продолжалъ старикъ, глядя куда-то въ пространство,—что, отходя въ невѣдомую область небытія, а, можетъ быть, и возрожденія къ иной жизни, я бы хотѣлъ сдѣлать для тебя тягость земной жизни возможно легче и удобоносимѣе. Что тяготитъ твою душу, сынъ мой?—спросилъ онъ вдругъ, взглянувъ прямо въ задумчивые глаза Іосифа.

— Многое, отецъ мой,—тихо отвѣчалъ Іосифъ.—Я называю тебя отцомъ потому, что тотъ, кого я прежде называлъ этимъ дорогимъ именемъ, часто говорилъ мнѣ: чти сѣдины старца и преклонися предъ лицомъ его, какъ предъ лицомъ отца.

— Гдѣ же отецъ твой?—спросилъ старый жрецъ.

— Я давно потерялъ его и не знаю, живъ ли онъ или давно умеръ. Я иноплеменникъ въ землѣ египетской, и ваши боги не мои боги,—грустно отвѣчалъ Іосифъ.

— Не говори этого, сынъ мой,—кротко сказалъ жрецъ.—

Я знаю, ты ханаанеянинъ. Я кое-что знаю и о Богѣ Ханаана. Я скажу тебѣ болѣе: твой Богъ, мой Богъ.

Слова египетскаго жреца поразили Іосифа. Какъ! Служитель богини Мутъ, поклонникъ Озириса и Изиды, признающій въ простомъ быкѣ Бога, приносящій жертвы крокодилу, и онъ смѣетъ говорить о Богѣ Авраама!

— Нѣтъ, старикъ, ты не знаешь моего Бога!—горячо воскликнулъ онъ.

Жрецъ кротко улыбнулся и положилъ руку на плечо Іосифа.

— Слушай, сынъ мой, я многое разскажу тебѣ, и ты узнаешь, кто я и кто Богъ мой,—сказалъ онъ послѣ непродолжительнаго молчанія. — Да, я египтянинъ, не ханаанеянинъ. Верховный жрецъ Аммона-Ра произвелъ меня на свѣтъ на берегахъ этого Нила; воды Нила вспоили меня; солнце Египта вливало огонь вмѣстѣ съ кровью въ юное тѣло мое; съ дѣтства я слышалъ коварный плачъ крокодиловъ, внимая ему, какъ голосу божества; съ дѣтства я трепетно преклонялся предъ алтаремъ Аписа, въ мычаніи котораго я слышалъ что-то непостижимое, приводившее меня въ содроганіе. Я росъ и мужалъ при храмѣ Аммона-Ра въ Ѳивахъ. Всѣ знанія, вся мудрость жрецовъ, всѣ таинства природы, которыя она открывала ихъ упорной наблюдательности въ теченіе тысячелѣтій, когда на престолѣ Египта одинъ фараонъ смѣнялъ другого, отходившаго въ таинственную область Озириса, когда одна ихъ династія уступала мѣсто другой, все, что накопилось въ сокровищницѣ знаній жрецовъ, въ сокровищницѣ, недоступной вѣдѣнію простыхъ смертныхъ, все это было впитано моимъ пытливымъ умомъ, подобно тому, какъ губка впитываетъ въ себя воду. Я позналъ законы движенія соковъ въ растеніяхъ; я изучилъ ихъ живительную и мертвящую силу; я извлекалъ изъ нихъ цѣлебную влагу и страшные, губительные яды. Я изучилъ строеніе тѣла человѣческаго, начиная костями и кончая невидимыми нитями, по которымъ струится жизнь человѣка и его ощущенія. Я постигъ тайны человѣческаго сердца и его движенія и постигъ тайны жизни, хранимыя подъ черепомъ. Законы движенія небесныхъ свѣтилъ я измѣрялъ болѣе точно, чѣмъ писцы и землемѣры при храмѣ Аммона измѣряли принадлежавшія ему нивы, засѣянныя пшеницею и дуррою.

Старый жрецъ закрылъ рукою глаза, какъ бы припоминая что-то, Іосифъ выжидательно смотрѣлъ на него.

— Да,—какъ бы опомнился старикъ,—и всѣ мои знанія были ничто передъ непостижимымъ божествомъ. Когда мнѣ исполнилось тридцать лѣтъ,—продолжалъ онъ,—совѣтъ жрецовъ города Оивъ опредѣлилъ меня на должность смотрителя нильскаго водомѣра, что находится выше Великихъ Пороговъ, близъ границъ земли Кушъ, гдѣ сохранились записи о разлитіяхъ и высотѣ водъ Нила за нѣсколько тысячелѣтій, начиная отъ фараоновъ Мена и Тота. Записи эти состояли изъ массы папирусныхъ свитковъ, испещренныхъ годами, мѣсяцами, днями, съ точнымъ показаніемъ, по днямъ, подъема и паденія водъ. Люди вѣрятъ, сынъ мой, что Нилъ—непостижимое божество, которое, по неисповѣдимому хотѣнію своему, изливаетъ свои воды неравномѣрно:—иногда изливаетъ на страну свои благодѣянія и даетъ ей плодородіе, а иногда наказуетъ ее своимъ гнѣвомъ—отсутствіемъ водъ, и тогда голодъ и гибель смертныхъ неизбѣжны, несмотря на всѣ мольбы и заклинанія жрецовъ, несмотря даже на приносимыя разгнѣванному божеству жертвы въ видѣ невинныхъ отроковицъ... Бѣдныя дѣти!

Жрецъ остановился, глядя, какъ тѣни отъ пальмъ, постепенно удлиняясь, все ближе и ближе тянулись къ Нилу.

— Божество! — съ жестомъ презрѣнія продолжалъ старикъ. — Все непостижимое въ природѣ намъ кажется божествомъ: и солнце, склоняющееся къ горизонту за гробницей Хуфу, и зной южнаго вѣтра, и огонь молніи, и грохотъ грозы, и самый этотъ Нилъ. Но я старался постигнуть непостижимое, и Нилъ пересталъ для меня казаться божествомъ, а только однимъ изъ проявленій божества, какъ и это небо голубое, какъ и цвѣтокъ лотоса, какъ и ароматъ ѳиміама, какъ и самая жизнь наша, все это проявленіе божества. И я постигъ тайны разлива Нила. По цѣлымъ годамъ изучая на папирусахъ тысячелѣтнія записи разлива его водъ и ихъ оскудѣніе, я подмѣтилъ, наконецъ, въ нихъ весьма сложную, едва уловимую для ума повторяемость. И въ этой повторяемости, какъ я убѣдился, господствуетъ надъ всѣмъ число семь: семь лѣтъ обильнаго разлива и семь лѣтъ оскудѣнія, семь мѣсяцевъ роста и созрѣванія разныхъ злаковъ, семь дней сокрытія луны тѣнью земли...

— Тѣнью земли!—удивился Іосифъ.—Какъ же земля можетъ бросать тѣнь на небо?

— Да, сынъ мой, когда земля находится между солнцемъ и лупой, тогда она и бросаетъ тѣнь на луну. Посмотри на эти

пальмы: онѣ стоятъ между Нилomъ и склоняющимся къ гробницѣ Хуфу солнцемъ, и потому бросаютъ тѣнь къ Нилу. Взгляни, сынъ мой, на громады гробницъ Хуфу и Хафра (и старикъ указалъ на пирамиды Хеопса и Хефрена): солнце за ними,—и онѣ бросаютъ тѣни свои на спину сфинкса великаго Хормахху... Повторяю, сынъ мой, я постигъ, на основаніи изученія тысячелѣтнихъ записей, тайны разлива и оскудѣнія водъ Нила. Какъ жрецы наши, на основаніи изученія законовъ движенія луны и солнца, узнаютъ за много лѣтъ день и часъ ихъ затменія, такъ я за много лѣтъ впередъ могу предсказать годы разлива и оскудѣнія водъ Нила. Я и предсказывалъ это, когда былъ смотрителемъ нильскаго водомѣра. Мои предсказанія, дошедшія до ушей фараона, скоро возвели меня на степень могущества и славы: я былъ назначенъ верховнымъ жрецомъ Аммона-Ра на мѣсто умершаго отца моего. Но, постигнувъ тайны Нила, сынъ мой, я захотѣлъ постигнуть и прочія непостижимыя для другихъ тайны природы. Цѣлые десятки лѣтъ, годъ за годомъ, день за днемъ, я открывалъ завѣсу за завѣсой этихъ тайнъ, и глазамъ моимъ открылось божество, о! только частица божества, сынъ мой! И я уразумѣлъ все ничтожество боговъ Египта, всю слѣпоту жрецовъ и ихъ ложь... О, непостижимое, безначальное, безконечное! Какъ назову я тебя!—Старый жрецъ какъ бы въ ужасѣ закрылъ лицо руками.

Іосифъ слушалъ его, взволнованный, блѣдный. Когда старикъ отнялъ руки отъ лица, оно орошено было слезами. Іосифъ взялъ его за руку съ нѣжностью сына.

— Мнѣ кажется, что я слышу голосъ отца моего,—тихо сказалъ онъ.

— А гдѣ твой отецъ?—спросилъ старикъ, какъ бы приходя въ себя.

— Я оставилъ его въ Ханаанѣ, когда меня продали въ рабство,—отвѣчалъ Іосифъ.

— А кто продалъ тебя?

— Братья, родные братья отъ другихъ матерей

— Братья? А за что?

— За то, что я видѣлъ сны, которые истолкованы были братьями такъ, что я будто бы буду владыкой надъ ними, и они поклонятся мнѣ, младшему брату.

Въ это время на террасѣ показался одинъ изъ тюремныхъ служителей и, подойдя къ Іосифу, доложилъ, что приведены,

подъ сильною стражею, двое изъ первыхъ сановниковъ фараона.

— Двое изъ «семеръ-уатъ» фараона? — съ удивленіемъ спросилъ Іосифъ.

— «Семеръ-уатъ», господинъ,—почтительно отвѣчалъ смотритель.

— А кто они?

— Именъ ихъ не знаю, господинъ.

— Ближе къ пасти крокодила, ближе къ смерти, — какъ бы про себя проговорилъ старый жрецъ, провожая глазами уходившаго съ террасы Іосифа.

ГЛАВА IV.

Раннимъ утромъ одного изъ слѣдующихъ дней, когда солнце еще не успѣло выкатиться изъ-за высотъ Мокаттама, на тюремной террасѣ, обращенной къ Нилу, сидѣли Іосифъ и бывшій верховный жрецъ богини Мутъ, теперь узникъ фараона, старый Тутмесъ.

— Да, сынъ мой,—говорилъ послѣдній,—воля человѣческая это или мягкая глина, изъ которой формуются плиѳы на гробницы, или несокрушимый адамантъ, который рѣжетъ самые твердые камни земли и который уничтожается только огнемъ. Надо только умѣть управлять и своею, и чужою волей, своею и чужою мыслью, и умѣть передавать ихъ другому лицу, даже совокупности многихъ лицъ. Вотъ послушай. Къ намъ доносится изъ-за Нила стукъ молотовъ и рѣзцовъ въ каменоломняхъ Мокаттама. Какъ, какою силою передается нашему слуху этотъ отдаленный стукъ? Ты недоумѣваешь? Кто, невидимый и неосязаемый, переноситъ этотъ стукъ черезъ воду, черезъ воздушное пространство? На какихъ невидимыхъ крыльяхъ онъ перелетаетъ, словно живое существо, черезъ Нилъ и, словно невидимая птица, влетаетъ въ наши уши? Это одна изъ тайнъ природы, изъ тайнъ божества. Я говорю тебѣ—и ты слышишь мой голосъ, мою рѣчь и воспринимаешь мои слова. Какъ? Чѣмъ? Это ли не тайна? Ты видишь вонъ эти пальмы, отягченныя гроздіями созрѣвающихъ финиковъ, эти струящіяся воды Нила, неудержимо стремящіяся къ великому Зеленому морю, это солнце, поднимающееся надъ горами Мокаттама. Ты это видишь и знаешь, знаешь не потому, что предметы эти приходятъ къ

намъ и говорятъ—пальмы: «мы стоимъ здѣсь, отягченныя гроздіями созрѣвающихъ плодовъ», воды Нила—«мы стремимся къ великому Зеленому морю», солнце—«я освѣщаю васъ и все видимое и невидимое вами пространство земли, столицу фараоновъ, ихъ гробницы, храмы, сыпучіе пески безбрежной пустыни». Нѣтъ, они не приходятъ къ намъ и не говорятъ этого, но мы это знаемъ, потому что видимъ, а иное можемъ и осязать, осязать пальмы, воды Нила, горы Мокаттама, хотя не можемъ осязать солнца. Какою же непостижимою силою всѣ эти предметы съ ихъ мѣстъ переносятся въ наши глаза, въ наше сознаніе? Спроси ихъ, они не отвѣтятъ, какъ не отвѣтитъ на твой вопросъ стукъ молотовъ и рѣзцовъ въ каменоломняхъ Мокаттама. И это одна изъ тайнъ природы, тайна божества. Но еще болѣе глубокія тайны заключены въ нашемъ личномъ существованіи, въ нашемъ бытіи. Кто заставляетъ наши легкія сжиматься и разжиматься, чтобы дышать? Кто посылаетъ изъ нашего сердца кровь по всѣмъ кровеноснымъ каналамъ нашего тѣла и потомъ вновь собираетъ ее въ сердцѣ, словно воды Нила въ великомъ Зеленомъ морѣ? Гдѣ скрыты тѣ пружины, и какія онѣ, которыя заставляютъ насъ думать, чувствовать, желать, любить и ненавидѣть?

Старый жрецъ помолчалъ, повидимому, приготовляясь сказать что-то еще болѣе непостижимое. Іосифъ сидѣлъ, погруженный въ думы.

— Да,—продолжалъ старикъ самъ съ собою, — слышать, видѣть, думать, чувствовать, дышать, хотѣть, все это великія тайны божества... Думать, чувствовать, хотѣть... Я говорилъ о волѣ человѣческой, мягкой, какъ сырая глина, и твердой, какъ адамантъ. Но воля, сынъ мой, неразлучна съ мыслью. Много лѣтъ я думалъ надъ этимъ, совершая безсмысленные жреческіе обряды и въ храмѣ Аммона-Ра, и въ храмѣ Мутъ въ качествѣ верховнаго жреца. Я думалъ такъ: звукъ, будь это голосъ человѣческій, стукъ молота о камни, шумъ пильскаго водопада, плачъ крокодила, шелестъ камышей на берегу Нила, крикъ птицы, даже во мракѣ ночи, клекотъ орла въ невидимыхъ глазу высотахъ неба, рыканье льва въ пустынѣ, или громъ въ небесныхъ пространствахъ, каждый такой звукъ доходитъ до насъ и поражаетъ нашъ слухъ и наше сознаніе: мы его воспринимаемъ, слышимъ. Съ другой стороны я думалъ: отдаленные отъ насъ предметы, освѣщенные свѣтомъ солнца или даже свѣтомъ

огня, поражаютъ наше зрѣніе и наше сознаніе, мы ихъ видимъ, мы съ ними сообщаемся черезъ разстояніе. А наша мысль, наша воля, наше хотѣніе? Когда я думаю, я какъ бы создаю несуществующее, создаю даже самые звуки: умомъ, мыслью я слышу голосъ человѣческій, хотя мнѣ никто не говоритъ, слышу стукъ молота о камни Мокаттама, слышу клекотъ невидимаго орла, рыканіе льва Сахары, шелестъ нильскихъ камышей, удары грома, плачъ крокодила. Когда я думаю, я вижу невидимые предметы, создаю несуществующее или переставшее существовать: мыслью моею я вижу давно умершихъ и похороненныхъ въ своихъ гробницахъ фараоновъ, вижу моего покойнаго отца въ жреческомъ одѣяніи, мумію моей матери въ фамильномъ склепѣ, вижу всѣхъ мертвыхъ Анисовъ, которыхъ мнѣ довелось на своемъ вѣку хоронить въ подземномъ царствѣ Озириса, вижу даже твой Ханаанъ, котораго я никогда не видалъ, вижу, наконецъ, твоего отца и братьевъ, которые продали тебя...

— И я ихъ вижу,—со слезами въ голосѣ тихо проговорилъ Іосифъ,—и во снѣ ихъ часто вижу.

— Такова, мой сынъ, сынъ Ханаана, сила мысли,—продолжалъ жрецъ,—она подобіе божества; подобно божеству, она создаетъ, творитъ, она повелѣваетъ умершимъ вставать изъ гробовъ и приходить къ намъ; она велитъ нильскимъ камышамъ шумѣть, и камыши шумятъ; она велитъ плакать невидимому крокодилу; по ея велѣнію въ пустынѣ раздается рыканіе льва; она вызываетъ громы и молніи. Она всемогуща: она пробѣгаетъ во мгновеніе ока неизмѣримыя пространства, достигаетъ солнца, видитъ невидимое и слышитъ то, что не издаетъ звука. Подумай, сынъ мой; если стукъ неопредѣленаго предмета, молота въ каменоломняхъ, заставляетъ насъ слушать себя; если эта пальма заставляетъ насъ видѣть себя, то какъ же, послѣ этого, всемогущая и творческая мысль наша, наша воля не могутъ заставить другихъ слушать себя? Могутъ и могутъ! Тебѣ я хочу передать мои знанія и тайны разлива и оскудѣнія водъ Нила, и будешь ты господиномъ земли фараоновъ, и фараоны вознесутъ тебя до высоты своего трона. Ты заслужилъ это: на тебѣ покоится рука божества, потому... потому, что ты добръ, смиренъ и кротокъ, потому что правда руководитъ мыслію твоею и твоими дѣлами.

Іосифъ, казалось, былъ совершенно подавленъ всѣмъ, что

онъ слышалъ. Бывшій верховный жрецъ Египта, нравственную силу котораго испытывали на себѣ сами царственные фараоны, передъ нимъ, рабомъ изъ ничтожнаго Ханаана, ниспровергаетъ въ прахъ мнимыхъ боговъ своей страны, боговъ, передъ которыми трепещутъ сами владыки страны Нила; великій старецъ разоблачаетъ передъ нимъ, рабомъ изъ Ханаана, такія сокровенныя тайны природы и такіе тайники человѣческаго бытія, которые трепетомъ наполняютъ его душу. И этотъ великій, казалось бы, всемогущій старецъ, жалкій узникъ тюрьмы фараоновъ; еще недавно онъ былъ окованъ цѣпями, которыя до кости разъѣдали его старческое тѣло... Что же это? Неужели и это сонъ, видѣніе, посланное на него великимъ старцемъ? И этотъ узникъ обѣщаетъ ему, рабу изъ Ханаана, владычество надъ страною фараоновъ!...

— Но, отецъ мой,—съ тревогой проговорилъ Іосифъ,—какъ же ты сталъ узникомъ, какъ могъ ты допустить, чтобы люди, которые должны трепетать передъ тобою, осмѣлились наложить на тебя тяжкія оковы и ввергнуть тебя въ заключеніе? И за что?

— За что, ты спрашиваешь, сынъ мой? За то, что я отринулъ боговъ египетскихъ, разоблачилъ ихъ ничтожество и посрамилъ жрецовъ ихъ, изобличилъ передъ народомъ Ѳивъ ихъ ложь. А что для меня оковы и заточеніе! Я уже давно отжилъ тѣломъ. Уже давно тѣло это ждетъ болѣе тѣснаго и вѣчнаго заточенія въ нѣдрахъ земли, изъ элементовъ которой взяты и эти кости, и это высохшее на нихъ мясо, и эти побѣлѣвшіе на мнѣ волосы. Что мнѣ цѣпи! Онѣ не мѣшали мнѣ думать и думать; онѣ не мѣшали мнѣ созерцать свѣтъ солнца, слышать говоръ нильскихъ камышей; онѣ не мѣшали мнѣ глядѣть въ мое прошлое и вспоминать: это все, что остается для такой старости, какъ моя. Если бы я еще и желалъ чего, то это возможности движенія, только движенія! Я бы желалъ бродить изъ конца въ конецъ видимаго міра и наблюдать, какъ живутъ и движутся пески пустыни, какъ плещется великое Зеленое море; я бы желалъ видѣть то таинственное лоно, гдѣ зарождается Нилъ,—гдѣ та огненная печь, тотъ великій горнъ, изъ котораго дышетъ на насъ знойный хамсинъ... Но годы отняли у меня эту силу, такъ что мнѣ оковы!.. А у тебя, сынъ мой, впереди цѣлая жизнь, и пусть тебѣ послужатъ мои силы и мои знанія.

— Но, отецъ мой добрый!—грустно возразилъ Іосифъ.—На

что мнѣ твои силы, твои знанія? На что мнѣ величіе власти, владычество надъ Египтомъ, когда я иноплеменникъ, здѣсь, когда нѣтъ со мной моего отца Іакова, моихъ братьевъ, всего рода моего?

— Не скорби, сынъ мой,—продолжалъ старый жрецъ,—то, что я дамъ тебѣ, возвратитъ и отца твоего Іакова, и братьевъ твоихъ, и весь родъ твой.

— Но какъ это можетъ статься, отецъ мой?

— Станется могуществомъ знаній, которыя я передамъ тебѣ, силою твоей воли, а главное познаніемъ тайнъ Нила.

— А развѣ эти тайны неизвѣстны другимъ жрецамъ, которые осудили тебя?

— Нѣтъ. Я изучилъ эти тайны по тысячелѣтнимъ записямъ, которыхъ нѣтъ болѣе.

— Гдѣ же онѣ?

— Тѣ многочисленные свитки папирусовъ, на которыхъ онѣ были записаны, во время нашествія на Египетъ черныхъ обитателей земли Кушъ, сторѣли вмѣстѣ съ храмомъ при нильскомъ водомѣрѣ, гдѣ свитки эти хранились со временъ фараоновъ Мена и Тота. Ихъ сберегла только моя память, мое многолѣтнее изученіе ихъ, когда я былъ смотрителемъ нильскаго водомѣра, сооруженнаго на мѣстѣ обветшалаго при фараонѣ Аменемхатѣ двѣнадцатой династіи царей Египта послѣ династіи Мена и Тота.

— А давно царствовалъ фараонъ Менъ?—спросилъ Іосифъ.

— А вотъ сосчитай этотъ рядъ годовъ и династій, пока мнѣ не измѣнила память: первая династія, Мена, царствовала 267 лѣтъ, при восьми фараонахъ; вторая династія, Буцау, 167 лѣтъ, при пяти фараонахъ; третья династія, Цацаи, 233 года, при семи фараонахъ; четвертая династія, Хуфу, того самаго, чью величественную гробницу ты видишь вонъ тамъ въ городѣ мертвыхъ, эта династія царствовала 167 лѣтъ, при пяти фараонахъ, соорудившихъ себѣ величайшія изъ всѣхъ гробницы; пятая династія, Ускафа, царствовала 266 лѣтъ, при восьми фараонахъ; шестая династія, Ускари, ровно 200 лѣтъ; седьмая, Нутеркары, и послѣдующія династіи до двѣнадцатой занимали престолы Египта 634 года, при девятнадцати фараонахъ; двѣнадцатая династія, Аменемхата, царствовала 233 года, при семи фараонахъ; да прибавь еще 500 лѣтъ на остальныя четыре династіи до послѣдняго, нынѣ царствующаго фараона Апепи, и

выйдетъ 2660 лѣтъ. И въ теченіе всего этого ряда вѣковъ и тысячелѣтій дѣлались записи разливовъ Нила и его оскудѣній, и я изучилъ ихъ, вырвавъ тайну у Нила. И эту тайну передамъ тебѣ, сынъ мой, пока я живъ, и пока жива во мнѣ мысль и память моя.

Іосифа поразила эта неслыханная память въ такомъ старцѣ.

— Отецъ мой,—робко заговорилъ онъ,—ты говоришь, что эти записи велись въ теченіе 2660 лѣтъ, и это дѣлалось во всѣ дни года?

— Во всѣ, сынъ мой, и при томъ три раза въ день: утромъ, при восходѣ солнца, или, какъ принято говорить у жрецовъ, когда богъ Горусъ показывалъ смертнымъ свое лицо, потомъ въ полдень, когда Горусъ въ полномъ сіяніи, и вечеромъ, когда Горусъ скрывался на ночь за песками пустыни.

— Но вѣдь это должно быть поражающее число записей?

— Да, ихъ я насчиталъ 2.882,700 записей.

— И ты ихъ всѣ помнишь?

— Нѣтъ, на основаніи ихъ я вывелъ общіе законы для разливовъ Нила, и законы эти неизмѣнны, такъ же неизмѣнны, какъ неизмѣнны законы движенія небесныхъ свѣтилъ. Надо только посредствомъ наблюденій и изученій уловить эти законы, и тогда у Нила будетъ похищена его тайна. И я ее похитилъ, хотя не скоро, уже на склонѣ дней моей многолѣтней жизни. Знай же, сынъ мой, голодъ никогда не посѣтитъ страну фараоновъ, если только правители ея будутъ знать причины разливовъ Нила и оскудѣнія его водъ; тогда въ ожиданіи неизбѣжнаго въ извѣстные годы неурожая, они сдѣлаютъ достаточные запасы хлѣба въ годы урожайные. Только при мудрыхъ правителяхъ страны фараоновъ страну эту не постигнетъ голодъ; если же судьбы Египта будутъ находиться въ рукахъ недостойныхъ жрецовъ и недобросовѣстныхъ и невѣжественныхъ слугъ фараоновъ «сарисовъ». то голодъ страны Нила неизбѣженъ.

ГЛАВА V.

Болѣе года прожилъ еще старый жрецъ Тутмесъ въ мемфисской тюрьмѣ, сохранивъ ясность ума и свою удивительную память. За это время онъ успѣлъ передать Іосифу всѣ свои знанія тайнъ природы.

Но однажды, зайдя утромъ къ нему въ камеру, Іосифъ на-

шелъ только холодный трупъ мудреца. Такъ какъ онъ верховнымъ совѣтомъ жрецовъ былъ осужденъ за оскорбленіе боговъ страны, то тѣло его не было предано обычному погребенію въ городѣ мертвыхъ, а было сожжено чрезъ палоли, и пепелъ отъ костра былъ разсѣянъ среди песковъ пустыни.

Послѣ его смерти Іосифъ почувствовалъ себя вторично осиротѣлымъ. Но это продолжалось недолго, и обстоятельства скоро вызвали его на обширную государственную дѣятельность.

Выше мы упомянули, что, во время первой бесѣды Іосифа съ жрецомъ Тутмесомъ о тайнахъ природы, въ тюрьму приведены были для заключенія двое изъ первыхъ сановниковъ фараона, съ высокими титулами «семеръ-уатъ». Сановники эти были Ціамунъ и Хорхебъ. Первый изъ нихъ, по словамъ книги Бытія, назывался «старѣйшина винарскъ», а второй «старѣйшина житарскъ». Первый, Ціамунъ, состоялъ при фараонѣ въ званіи царскаго виночерпія и завѣдывалъ областью придворнаго управленія Хорхебъ же былъ государственнымъ казнохранителемъ, въ вѣдѣніи котораго находились всѣ продовольственныя богатства фараоновъ, скоплявшіяся путемъ собиранія со всей страны податей натурою, преимущественно хлѣбомъ.

Оба эти сановника арестованы были по доносу придворнаго писца и заключены въ государственную тюрьму до окончанія производившагося надъ ними слѣдствія.

Іосифъ, какъ довѣренное лицо «емхета», главнаго начальника всѣхъ тюремъ Египта, находясь постоянно въ общеніи съ заключенными мемфисской тюрьмы и, въ силу своей наблюдательности, изучая характеръ того или другого изъ арестантовъ, необыкновенно правильно угадалъ душевныя качества какъ Ціамуна, такъ и Хорхеба. Замѣчательнымъ знаніемъ человѣческаго сердца, знаніемъ, которому научили его многолѣтняя жизнь раба и врожденная наблюдательность, онъ угадалъ, что Ціамунъ не былъ способенъ ни на преступленія, ни даже на простое коварство, а тѣмъ менѣе способенъ онъ былъ употребить во зло оказанное ему высокое довѣріе. Честность и прямота этого бывшаго любимца фараона такъ и свѣтились въ его добродушныхъ, кроткихъ глазахъ, точно глаза молодого Аписа, котораго недавно вводили въ храмъ жрецы на мѣсто умершаго и съ божескими почестями похороненнаго стараго рогатаго бога. Въ этомъ убѣжденіи укрѣпляли Іосифа какъ отзывы о Ціамунѣ самого «емхета», утверждавшаго,

что сердце бывшаго виночерпія фараона такъ же чисто, какъ и «ликъ Горуса въ сіяніи», такъ и свѣдѣнія, частнымъ путемъ доходившія до него отъ лицъ, производившихъ слѣдствіе по дѣлу Ціамуна и Хорхеба. Напротивъ этотъ послѣдній не внушалъ Іосифу подобнаго довѣрія.

— У этого—сердце крокодила и алчность гіены,—сказалъ о немъ и старый жрецъ Тутмесъ, когда узналъ о заключеніи въ тюрьму Хорхеба.

Скоро внутреннее убѣжденіе Іосифа оправдалось самими фактами. По слѣдствію оказалось, что Ціамунъ былъ оклеветанъ напрасно, по недоразумѣнію; всѣ же обвиненія, взведенныя на голову Хорхеба, вполнѣ подтвердились, и слѣдствіе раскрыло множество другихъ вопіющихъ злоупотребленій по завѣдыванію имъ богатствами фараоновъ. Эти свѣдѣнія довѣрилъ Іосифу самъ «емхетъ», узнавшій ихъ отъ главнаго слѣдователя.

На докладѣ слѣдственной коммиссіи «его святѣйшество владыка верхней и нижней страны, фараонъ Апепи, сынъ Аммона-Ра», собственноручно начерталъ слѣдующую резолюцію: «вѣрный рабъ мой, семеръ-уатъ Ціамунъ, да предстанетъ престолу моему съ высокимъ титуломъ «сэта» (блестящій, свѣтлѣйшій), и отъ невѣрнаго пса Хорхеба да будетъ отнята преступная голова, а недостойное тѣло его вывѣсить птицамъ на съѣденіе». Іосифъ узналъ объ этой резолюціи, до времени хранившейся втайнѣ отъ «емхета».

Іосифъ вспомнилъ разсказъ отца своего, слышанный имъ въ дѣтствѣ.

— Вышелъ я однажды изъ Безръ-мави, чтобъ итти въ Харранъ,—говорилъ Іаковъ,—пришелъ въ одно мѣсто и остался тамъ ночевать, потому что зашло солнце. Я взялъ одинъ изъ бывшихъ на томъ мѣстѣ камней и положилъ себѣ въ головы, и легъ на томъ мѣстѣ. И вижу во снѣ: вотъ лѣстница стоитъ на землѣ, а верхъ ея касается небесъ, и вижу: ангелы Божіи восходятъ и исходятъ по ней. И вижу, Іегова стоитъ на ней и говоритъ: Я Іегова, Богъ Авраама, отца твоего, и Богъ Исаака. Не бойся. Землю, на которой ты лежишь, Я дамъ тебѣ и потомству твоему. И будетъ потомство твое какъ прахъ земной, и распространится къ западу, и къ востоку, и сѣверу, и къ полудню, и благословятся въ тебѣ и сѣмени твоемъ всѣ племена земныя *

*) Кн. Бытія, XXVIII, 10—18.

— Этотъ сонъ моего отца отъ самого Іеговы,—думалъ и говорилъ себѣ Іосифъ.—А развѣ мои сны не отъ Него же? Я сынъ моего отца, я его сѣмя, и во мнѣ благословятся всѣ племена земныя... О, Богъ мой, Богъ Авраама, Исаака и Іакова! Я вѣрю, я чувствую, что и во мнѣ есть частица божества: это говорилъ и мой старый учитель, мой благодѣтель Тутмесъ... А по вычисленіямъ Тутмеса и по моимъ соображеніямъ, голодъ долженъ посѣтить страну фараоновъ черезъ девять лѣтъ. Еще есть время предупредить объ этомъ фараона. Но какъ? Онъ не знаетъ меня. Я рабъ, я узникъ, заключенный въ тюрьму довѣрчивымъ Путіфаромъ за то, что жена, его Снатъ-Гаторъ... бѣдная!.. Мнѣ жаль ее... за то, что я не хотѣлъ обмануть своего добраго господина, не могъ снизойти къ ея похоти, къ ея страданіямъ за свой стыдъ... Да, она должна была страдать, и въ своемъ безумномъ ослѣпленіи погубила меня... Но какъ фараонъ узнаетъ обо мнѣ? Богъ Авраама, Исаака и Іакова, помоги мнѣ!

Онъ долго молился, поверженный на землю, и благая мысль ссѣпила его.

— Это Богъ внушилъ мнѣ ее, — говорилъ онъ, вставая съ молитвы.—Сейчасъ пойду къ нимъ.

Онъ направился къ той камерѣ, въ которой заключены были сановники Ціамунъ и Хорхебъ. Отъ тяжелыхъ цѣпей, которыми окованы были ихъ ноги, руки и шеи, они очень страдали.

— Миръ вамъ,—сказалъ Іосифъ, входя къ нимъ.

— Боги да наградятъ твою доброту, сынъ Ханаана,—слабо проговорилъ Ціамунъ.

— Мы совсѣмъ не знаемъ сна,—звеня желѣзомъ, отозвался Хорхебъ;—цѣпи мѣшаютъ намъ спать.

— Успокойтесь, я облегчу ваши страданія—сказалъ Іосифъ и имѣвшимся при немъ ключемъ разомкнулъ на нихъ оковы.—Теперь вы можете лежать болѣе удобно, и сонъ скоро сойдетъ на ваши очи.

Сонъ обоихъ былъ такъ крѣпокъ, что они проспали всю ночь, и когда Іосифъ навѣстилъ ихъ утромъ, они только что проснулись.

— Миръ вамъ! — снова привѣтствовалъ ихъ Іосифъ. — Облегчилъ ли сонъ ваши страданія?

— О! Боги да пошлютъ тебѣ счастье, добрый сынъ Ханаана!—радостно проговорили оба заключенные.

— Я давно такъ сладко не спалъ,—добавилъ Ціамунъ,—и никогда болѣе радостныя сновидѣнія не посѣщали моего пурпуроваго ложа во дворцѣ фараоновъ, какія боги павѣяли на меня въ эту ночь въ моемъ тяжкомъ заключеніи.

— Что же ты видѣлъ во снѣ, несчастный, бывшій «семеръ-уатъ» его святѣйшества, фараона Апепи?—спросилъ Іосифъ.

— Видѣлъ я садъ, и въ саду томъ три виноградныя лозы,—отвѣчалъ Ціамунъ,—и выросли на этихъ лозахъ зрѣлыя виноградныя грозди. И вижу, въ рукѣ у меня чаша фараонова, а я беру тѣ зрѣлыя кисти винограда и выжимаю изъ нихъ сокъ въ чашу и подаю ее фараону, моему господину.

Послѣ нѣкотораго молчанія Іосифъ сказалъ:

— Я такъ понимаю твой сонъ, внушенный тебѣ Богомъ, благородный «семеръ-уатъ» его святѣйшества фараона: три лозы виноградныя—это три дня. Черезъ три дня фараонъ будетъ праздновать свое рожденіе и тогда вспомнитъ о тебѣ, о твоей вѣрной службѣ, о твоемъ санѣ, и снова призоветъ тебя къ себѣ, снова возвратитъ тебѣ высокій санъ випочерпія, и ты снова будешь служить на пирахъ его. Но помни: когда возвратятся тебѣ всѣ милости фараона, то въ счастьѣ твоемъ напомни обо мнѣ фараону, чтобы онъ освободилъ меня отъ заточенія, потому что я неправдою похищенъ былъ изъ земли ханаанской, и хотя никому не сдѣлалъ зла, однако, меня, по злобѣ другихъ, ввергли въ заточеніе.

Ціамунъ, блѣдный отъ волненія, поднялъ руки къ небу.

— О, свѣтоносный, всевидящій Горусъ! — восторженно молился онъ, обращая взоры къ солнцу, глядѣвшему въ оконце тюрьмы.—Ты видѣлъ что сердце мое, какъ и руки мои чисты передъ фараономъ; я не запятналъ памяти моихъ предковъ.

Тогда къ Іосифу обратился Хорхебъ.

— И я видѣлъ сонъ, мужъ отъ Ханаана,—сказалъ онъ.—Надѣюсь, и ко мнѣ боги будутъ милостивы.

— Что же видѣлъ ты?—спросилъ Іосифъ.

— Снилось мнѣ, что держу я на головѣ своей три кошницы хлѣбовъ и яствъ; въ верхней кошницѣ—яства всѣхъ родовъ, потребляемыя фараономъ, и тѣ яства поѣдаютъ птицы небесныя... Скажи же, мужъ отъ Ханаана, что означаетъ мой сонъ.

Іосифъ долго не отвѣчалъ. Тяжело ему было сказать истину человѣку, осужденному на жестокую казнь. Хорхебъ тревожно ждалъ, пытливо глядя въ лицо Іосифу.

— Что же молчишь ты, мужъ Ханаана?—дрожащимъ голосомъ спросилъ онъ.

— Я молчу потому, что то, о чемъ я долженъ повѣдать тебѣ, лучше бы было неизвѣстно тебѣ,—тихо отвѣчалъ Іосифъ.

— Почему же? Развѣ мой сонъ не такой же, какъ сонъ Ціамуна? И развѣ я не такъ же вѣрно служилъ своему господину, какъ и онъ?

— Не знаю: я не судья вамъ.

— Но ты своими словами возвеселилъ сердце Ціамуна

— Твое же сердце мнѣ не суждено возвеселить,—уклончиво сказалъ Іосифъ.

— Говори же: мое сердце готово выслушать все,—настаивалъ Хорхебъ, злобно сверкая глазами.

— Знай же, бывшій «семеръ-уатъ» фараона,—отвѣчалъ, наконецъ, Іосифъ;—три кошницы на головѣ твоей—это три дня; черезъ три дня голова твоя будетъ отрублена, а тѣло твое будетъ повѣшено на деревѣ и птицы небесныя исклюютъ его.

Дѣйствительно, черезъ три дня резолюція фараона была приведена въ исполненіе.

Въ недалекомъ будущемъ Іосифъ уже видѣлъ отца своего и братьевъ, и весь родъ свой въ странѣ фарооновъ. Видѣлъ онъ и свою старую няню Ѳамну, которая много разсказывала ему о чудесахъ земли египетской, которая научила его и языку фарооновъ, помогшему ему такъ скоро освоиться съ жизнью въ странѣ его рабства.

Но тутъ же память ему подсказала тотъ печальный и горестный день его жизни, когда онъ братьями своими былъ проданъ въ неволю... Глубокій ровъ, изъ котораго онъ въ послѣдній разъ глядѣлъ на небо Ханаана, синѣвшее темною синевой въ отверстіе рва... Вотъ подходитъ братъ Рувимъ и вытаскиваетъ его изъ рва... «Не бойся, я не обагрю рукъ кровью брата своего»... Караванъ верблюдовъ... Безконечная пустыня,.. Вдали группы пальмъ... Мутныя воды Нила... Невиданный городъ, которому конца нѣтъ... Это столица фарооновъ... И холмы, холмы невиданные холмы... То гробницы фарооновъ...

ГЛАВА VI.

Въ мемфисскомъ дворцѣ фараоновъ необыкновенное оживленіе. По обѣимъ сторонамъ широкой аллеи сфинксовъ, въ перспективѣ которой, закрывая собою горизонтъ, виднѣются гигантскіе массивы великихъ и малыхъ пирамидъ, снуютъ толпы рабовъ изъ всѣхъ извѣстныхъ тогдашнему міру народностей, черные, какъ уголь, обитатели земли Кушъ, смуглобронзовые «шазу» изъ священной страны Пунтъ, рабы изъ Финикіи, Ассиріи и Вавилона, суетясь около коней и колесницъ своихъ господъ, «мацаи»—полицейскіе, охраняющіе древками длинныхъ копій аллею сфинксовъ отъ напирающей на нее толпы египтянъ, сбѣжавшихся ко дворцу въ ожиданіи какого-то неизвѣстнаго зрѣлища, все это показывало, что въ самомъ дворцѣ за массивными колоннадами и высокими пилонами, въ «палатѣ крокодиловъ», гдѣ находился тронъ фараоновъ, происходило что-то необычайное.

Дѣйствительно, въ «палатѣ крокодиловъ» происходило великое совѣщаніе фараона Апепи со всѣми мудрецами земли египетской по случаю необыкновеннаго событія.

Противъ главнаго входа въ «палату крокодиловъ», нѣсколько отступя отъ задней стѣны, на возвышеніи въ семь ступеней виднѣется золотой, испещренный драгоцѣнными камнями тронъ фараона, съ возсѣдающимъ на немъ владыкою верхняго и нижняго Египта. Фараонъ Апепи, преемникъ фараона Апахнана семнадцатой династіи царей египетскихъ, въ виду важности совѣщанія, украшенъ всѣми знаками царскаго величія. Надъ бронзовымъ лицомъ его, словно лицомъ молчаливаго сфинкса, горитъ въ огняхъ полуденнаго солнца двойной вѣнецъ Египта, отбрасывая отъ вкрапленныхъ въ него самоцвѣтныхъ камней цѣлые снопы лучей всѣхъ цвѣтовъ радуги. Задумчивые глаза фараона ни на кого не смотрятъ. Ихъ, казалось, приковалъ къ себѣ видъ великихъ пирамидъ, силуэты которыхъ выступаютъ на горизонтѣ въ широкомъ просвѣтѣ пилоновъ дворца. По обѣимъ сторонамъ трона возвышаются массивныя изображенія правосудія и истины, осѣняя голову фараона своими крыльями. За тропомъ, на задней стѣнѣ, изображенія крокодиловъ верхняго и нижняго Египта, какъ бы оберегающихъ покой владыки страны Нила. Нѣсколько впереди трона, почти у ногъ фараона, стоятъ—у одной сфинксъ, эмблема мудрости, у другой—левъ, эмблема му-

жества. Двѣнадцать «эрисовъ» или военачальниковъ, головы которыхъ украшены страусовыми перьями, стоя по бокамъ трона, медленно, въ тактъ, машутъ опахалами надъ головою своего владыки. Впереди «эрисовъ», тоже по бокамъ трона, стоятъ хорошенькіе, смуглолицые мальчики, дѣти изъ жреческой касты, держа въ своихъ маленькихъ ручкахъ кто золотой скипетръ фараона, кто его лукъ, кто копье, боевой серпъ и другіе знаки царскаго достоинства. На ступеняхъ, ведущихъ къ трону, какъ бы у ногъ отца, возсѣдаютъ три маленькихъ царевича съ «локонами юности» на щекахъ, а четвертый царевичъ, старшій сынъ фараона Апепи, сожигаетъ передъ царственнымъ отцомъ благоуханія священной земли Пунтъ.

Далѣе, вдоль боковыхъ стѣнъ «палаты крокодиловъ» размѣстились всѣ сановники двора фараона, всѣ верховные жрецы и мудрецы земли египетской съ громкими титулами: «ерпа»—наслѣдственно-великіе, «ха» — князя, «сетъ» — свѣтлѣйшіе, «семеръ-уатъ»—довѣренные, «муръ»—предстоящіе, «сехатъ»—просвѣтители, «емхетъ»—состоящіе при особѣ фараона, «хиръ-сешта»—«учители таинственныхъ наукъ», учители тайнъ неба», «учители тайнъ земли», учители тайнъ бездны», «учители таинственныхъ словъ», учители тайнъ священнаго языка», весь цвѣтъ знатности и мудрости египетской. Все это стояло неподвижно, словно истуканы, съ опущенными долу глазами, которые не могли быть подняты до высоты трона, пока царственный сфинксъ молчалъ.

Но вотъ сфинксъ пошевелился на тронѣ и поднялъ правую руку. Глаза всего сонма присутствующихъ обратились къ трону.

Уста царственнаго сфинкса, наконецъ, открылись.

— Я—Озимандій,—заговорилъ онъ глухо, — царь царей, владыка верхней и нижней земли, гроза вселенной, я, великій фараонъ Апепи, сынъ Аммона-Ра, отца моего, обращаю къ вамъ слово свое. Внемлите глаголу фараона, всѣ высокіе мужи земли египетской!

Словно вздохъ исполина пронесся по всему собранію, это вздохнули предстоящіе, ожидая чего-то великаго и страшнаго.

— Мнѣ было два видѣнія, — продолжалъ фараонъ, вдыхая въ себя тонкій ароматъ куренія.—Спалъ я на ложѣ своемъ и видѣлъ сонъ. Стою я при берегѣ Нила и вижу: выходятъ изъ воды семь коровъ, видомъ добрыя и тучныя, и стали пастись по

берегу. Тогда вышли изъ рѣки еще семь коровъ, худыя видомъ и тощія тѣломъ и тоже стали пастись по берегу вмѣстѣ съ тучными коровами. И вдругъ вижу: худыя видомъ и тощія тѣломъ коровы поглотили семь коровъ добрыхъ видомъ и тучныхъ тѣломъ, словно бы ихъ и не было, исчезли въ утробахъ тощихъ. И я проснулся.

Фараонъ умолкъ, и все молчало. Слышно было только тяжелое дыханіе присутствующихъ да съ карниза пилоновъ слабо доносилось воркованье голубя. На лицахъ предстоящихъ замѣтно было глубокое смущеніе: всѣ старались, повидимому, вникнуть въ смыслъ сновидѣнія фараона, обводившаго глазами сфинкса все собраніе.

Наконецъ, онъ продолжалъ, вперивъ взоры въ силуэты далекихъ пирамидъ.

— Я уснулъ снова на ложѣ своемъ и видѣлъ второй сонъ. Вижу, изъ одного стебля выходитъ семь колосьевъ, которые тучные наливные. Затѣмъ вижу другіе семь колосьевъ, которые выросли послѣ первыхъ, и такіе тощіе, источенные вѣтромъ. И вдругъ эти тощіе и источенные вѣтромъ колосья пожрали другіе колосья, полные, наливные... И я проснулся, и смутилась душа моя отъ этихъ сновидѣній. И вотъ я призвалъ васъ, мудрѣйшіе мужи земли египетской и снотолкователи, и спрашиваю васъ: разсудите, что означаютъ сны эти?

Онъ умолкъ и съ силуэтовъ далекихъ пирамидъ перенесъ взоръ свой на лица стоявшихъ въ глубокомъ молчаніи жрецовъ. Лица эти выражали нѣчто болѣе, чѣмъ смущеніе.

Фараонъ ждалъ. Но ожиданіе, повидимому, не входило въ его привычки: терпѣніе не было его добродѣтелью. По бронзовому лицу его стали пробѣгать едва замѣтныя судороги. Въ глазахъ показались зловѣщіе огоньки, и между дугообразными бровями легла складка недовольства.

— Я жду,—глухо проговорилъ онъ.

Присутствующими, видимо, овладѣвалъ страхъ. Жрецы тяжело вздыхали, переминались на мѣстѣ, переглядывались. У нѣкоторыхъ беззвучно шевелились губы.

— Семь коровъ тучныхъ... семь коровъ тощихъ... семь колосьевъ полныхъ... семь тощихъ,—растерянно шепталъ дряхлый жрецъ богини Мутъ въ Оивахъ,—пожрали... колосья пожрали... коровы пожрали...

— Ну!—почти беззвучно произнесъ фараонъ, слыша бормотанье дряхлаго жреца.

— Святѣйшество... царь царей... старый Тутмесъ... онъ... онъ...

— Что старый Тутмесъ?—спросилъ фараонъ, надѣясь, что это имя разъяснитъ что-либо

— Тутмесъ... онъ... онъ... истолковалъ бы сонъ... опъ... провидецъ,—бормоталъ старикъ.

— Гдѣ же онъ?—снова спросилъ фараонъ.

Нужно было видѣть смущеніе и ужасъ, отразившіеся на лицахъ нѣкоторыхъ жрецовъ при имени Тутмеса. Это были именно тѣ члены верховнаго совѣта, которые осудили стараго Тутмеса, учителя Іосифа, а потомъ велѣли сжечь его тѣло, а пепелъ костра разсѣять по пескамъ пустыни.

— Гдѣ же Тутмесъ?—настойчиво повторилъ фараонъ.—Я не слыхалъ о его смерти.

— Святѣйшество... онъ не умеръ, — бормоталъ дряхлый жрецъ.

— Что же онъ не здѣсь?—допрашивалъ фараонъ.

— Его нѣтъ на землѣ... великій Озирисъ взялъ его къ себѣ.

— Какъ? Какъ взялъ Озирисъ, если Тутмесъ не умеръ?

— Живымъ взялъ... исчезъ Тутмесъ...

Въ это время изъ среды сановниковъ выступилъ знакомый уже намъ, бывшій «семеръ-уатъ» Ціамунъ, а нынѣ «сетъ» великаго фараона, Ціамунъ, котораго мы видѣли въ мемфисской тюрьмѣ вмѣстѣ съ Хорхебомъ, и, упавъ на колѣни, воскликнулъ:

— О, великій Озимандій, царь царей, свѣтоносный Горусъ въ сіяніи! Прости раба твоего, который дерзаетъ указать тебѣ на человѣка, могущаго истолковать сны твои.

— Такъ это ты, мой вѣрный Ціамунъ, моя чаша веселія?—благосклонно спросилъ фараонъ.—Ты можешь истолковать мнѣ сны мои, которыхъ не въ силахъ истолковать всѣ мудрецы Египта.

— Не я, о, великій Озимандій, царь царей! Но я знаю такого человѣка.

— Кто же онъ и гдѣ находится?

— Это нѣкій ханаанянинъ, мужъ великихъ добродѣтелей... Когда рабъ твой Ціамунъ былъ ввергнутъ въ темницу вмѣстѣ съ рабомъ твоимъ невѣрнымъ Хорхебомъ, и въ темницѣ той посѣтили насъ сновидѣнія, то человѣкъ тотъ ханаанянинъ истолко-

вáлъ намъ сны наши такъ, что мцѣ, рабу твоему, быть снова предъ свѣтлыми очами твоими и подносить къ устамъ твоимъ чашу веселія, ему же, Хорхебу, погибнуть отъ меча казни, а тѣлу его быть исклеванну птицами небесными, что и совершилось по словамъ того ханапеянина.

— Какъ же зовутъ того ханапеянина?—спросилъ фараонъ.

— Имя его Іосифъ, великій Озимандій,—отвѣчалъ Ціамунъ.

— А гдѣ онъ теперь?

— Въ темницѣ, великій Озимандій.

— За какія вины?

— Того я не знаю, великій Озимандій.

— Такъ поставить его сейчасъ предо мною и предъ сонмомъ мужей моихъ,—приказалъ фараонъ.

Іосифъ въ это время стоялъ на молитвѣ въ своей темницѣ и горячо молился. Онъ слышалъ, что во дворцѣ фараона происходитъ великое совѣщаніе всѣхъ мудрецовъ земли египетской, но по какому поводу, онъ не зналъ.

Въ это время вошелъ къ нему Ціамунъ въ сопровожденіи рабовъ и придворнаго цирюльника. Рабы внесли новое одѣяніе для Іосифа.

— Миръ тебѣ, мужъ отъ Ханаана! — привѣтствовалъ его Ціамунъ.

— И тебѣ миръ, «сетъ» великаго фараона! — отвѣчалъ Іосифъ.

— Я не забылъ своего обѣщанія,—сказалъ Ціамунъ,— когда ты истолковалъ мнѣ сонъ мой, я сказалъ тебѣ, что въ счастьѣ своемъ я вспомню о тебѣ; и я вспомнилъ... Теперь облекайся въ новыя ризы и предстань предъ лицо великаго фараона.

— Зачѣмъ великій фараонъ требуетъ къ себѣ послѣдняго раба египетскаго?—спросилъ Іосифъ.

— Фараонъ видѣлъ дивные сны, и нѣтъ мудреца во всей землѣ египетской, кто бы истолковалъ сны фараона,—отвѣчалъ Ціамунъ.

Іосифъ болѣе не спрашивалъ. Онъ такъ былъ увѣренъ въ благоволеніи къ нему Бога Израилева, не къ нему собственно, жалкому рабу и узнику Путіфара, а къ сѣмени Іакова, что только мысленно благодарилъ и преклонялся предъ милостію Того, Который въ Виѳилѣ сказалъ его отцу: «Я—Іегова»

Между тѣмъ къ нему приступилъ цирюльникъ и сталъ стричь его длинныя, вьющіяся кудри, которыми когда-то втайнѣ любо-

валась прекрасная Снатъ-Гаторъ, влюбчивая жена Путиѳара, а въ послѣдній день его пребыванія въ домѣ этого вельможи, въ опочивальнѣ красавицы, тихонько, украдкой цѣловала ихъ, обхвативъ своими руками горячую голову глубоко задумавшагося молодого ханапеянина...

Потомъ рабы надѣли на него новое одѣяніе, въ которомъ онъ могъ предстать предъ очи фараона въ блестящемъ его собраніи, и они вмѣстѣ съ Ціамуномъ вышли на тюремный дворъ, гдѣ ихъ ожидала богатая придворная колесница.

Слѣдуя ко дворцу и подъѣзжая къ аллеѣ сфинксовъ, гдѣ сновали толпы мемфитянъ, начиная отъ продавщицъ сушеныхъ фиников и луку и маленькихъ дѣвочекъ съ кувшинами на головахъ, продававшихъ нильскую воду, и кончая женами и дочерьми сановниковъ, возсѣдавшихъ на колесницахъ и носилкахъ, влекомыхъ черными курчавыми рабами—они встрѣтились съ богатыми, обитыми багрянымъ виссономъ носилками, въ глубинѣ которыхъ полулежала красивая египтянка, лѣниво обмахиваясь опахаломъ изъ страусовыхъ перьевъ и золота.

— А, прекрасная Снатъ-Гаторъ, жемчужина Египта!—привѣтствовалъ ее Ціамунъ, прикладывая руку къ сердцу.

Снатъ-Гаторъ быстро взглянула на Ціамуна, потомъ на Іосифа. Глаза ихъ встрѣтились. Красавица узнала Іосифа, и краска залила ея щеки... Она поспѣшила закрыться опахаломъ...

— Жена Путиѳара, бывшаго твоего господина, — сказалъ Ціамунъ, глядя на удаляющіяся носилки.—За что онъ наказалъ тебя тяжкимъ заточеніемъ?—спросилъ онъ.

— Я былъ нерадивымъ рабомъ, — уклончиво отвѣчалъ Іосифъ, не желая открывать проступка бѣдной женщины, скромность которой онъ щадилъ, принявъ на себя незаслуженный позоръ и наказаніе.

— А вотъ маленькая плутовка Асенеѳа, дочь Петефрія, жреца храма Пира-Хормаху, въ городѣ Ану (Геліополисъ),— весело воскликнулъ Ціамунъ.—Что за прелесть дѣвочка! Настоящая змѣйка Уреусъ!

И онъ указалъ на быстро мчавшуюся вдоль аллеи сфинксовъ маленькую колесницу, запряженную парою бѣлыхъ коней, которыми смѣло правила прелестная смугленькая дѣвочка лѣтъ четырнадцати, стоя рядомъ съ высокимъ серьезнымъ юношей.

— Ахъ, разбойница!—Ціамунъ послалъ ей воздушный поцѣлуй, на который прелестная смугляпка отвѣчала веселымъ смѣхомъ. — Сама правитъ такими дикими конями, не дастъ брату.

Прелестная дѣвочка глянула на Іосифа своими большими, удивленными глазами, и улыбка моментально сбѣжала съ ея оживленнаго личика. Іосифу показалось, что изъ этихъ большихъ глазъ глянуло на него солнце Ханаана. Сердце его затрепетало: ничего подобнаго этой дивной, чистой красотѣ онъ не видѣлъ въ своей жизни.

— Асенеѳа... О, пощади меня, Богъ мой, Богъ Авраама Исаака и Іакова!—шепталъ онъ.—Асенеѳа...

ГЛАВА VII.

Когда Ціамунъ и Іосифъ вступили въ «палату крокодиловъ», взоры всего собранія обратились на никому невѣдомаго ханаанянина. Всѣ были поражены его видомъ, его молодостью. Каждый изъ присутствовавшихъ ожидалъ, что предъ сонмомъ сановниковъ и убѣленныхъ сѣдинами мудрецовъ земли египетской предстанетъ такой же убѣленный сѣдинами ветхій старецъ, какимъ былъ всѣмъ памятный мудрецъ и провидецъ Тутмесъ, при жизни перешедшій въ таинственную область Озириса; всѣ думали, что къ трону грознаго владыки Египта явится какой-нибудь маститый кудесникъ изъ Ханаана, дерзнувшій истолковать непостижимую для всѣхъ мудрецовъ волю всемогущихъ боговъ страны фараоновъ. И вдругъ, они увидѣли передъ собой молодого человѣка, едва достигнувшаго тридцатилѣтняго возраста, съ выраженіемъ кротости на красивомъ лицѣ и въ глазахъ, полныхъ какой-то затаенной думы и грусти.

Іосифъ, достигнувъ середины «палаты крокодиловъ», смиренно преклонилъ передъ тропомъ фараона колѣни и голову. Повелитель Египта глядѣлъ на него съ неменьшимъ, какъ и все собраніе, изумленіемъ.

— Ты кто?—прозвучалъ голосъ съ высоты трона.

— Я рабъ и рабъ раба твоего,—отвѣчалъ Іосифъ,—я узникъ рабовъ твоихъ, великій фараонъ.

— Ты иноплеменникъ?

— Иноплеменникъ изъ Ханаана, великій фараонъ.

— А какъ ты попалъ въ мою землю, въ землю отцовъ моихъ?

— Я, будучи отрокомъ еще, проданъ былъ въ рабство въ землю египетскую, великій фараонъ, такова была воля моего Бога.

— А кто Богъ твой?—спросилъ фараонъ.

— Богъ мой творецъ земли, и неба, и всей вселенной, Богъ отцовъ моихъ, великій фараонъ.

Этихъ свѣдѣній было достаточно для владыки Египта. Его больше занимали таинственные сны, передъ истолкованіемъ которыхъ оказался безсильнымъ весь сонмъ мудрецовъ его земли. Онъ немного помолчалъ.

— Мнѣ сказали,—прервалъ онъ молчаніе, и слова его торжественно звучали въ обширной палатѣ,—мнѣ повѣдали, что боги дали тебѣ даръ истолкованія сновъ. Уразумѣешь ли ты языкъ боговъ, возвѣстившихъ мнѣ волю свою въ сновидѣніяхъ?

— Если Богу отцовъ моихъ угодно будетъ, я истолкую твои сны, великій фараонъ,—отвѣчалъ Іосифъ.

— Внемли же. Однажды [illegible] я на ложѣ своемъ, и вижу, будто я стою на берегу Нила, [illegible] изъ рѣки выходятъ семь коровъ, добрыя видомъ и тучныя тѣломъ, и стали пастись на берегу. Но вслѣдъ за ними вышли изъ рѣки еще семь коровъ, злыя и недобрыя видомъ и тощія тѣломъ, такія тощія, какихъ я никогда не видалъ во всей землѣ египетской. И вдругъ эти злыя и худыя пожрали всѣхъ тучныхъ и добрыхъ, которыя исчезли въ утробахъ тощихъ, и послѣднія остались все такими же тощими и злыми, какими были и прежде.

— Боже великій, Богъ отцовъ моихъ!—не слышно шепталъ въ это время Іосифъ.—Это Твое внушеніе, Твоя воля...

Фараонъ помолчалъ, задумчиво глядя на наклоненную голову хананеянина.

— Я проснулся на ложѣ своемъ,—продолжалъ онъ,—а потомъ снова уснулъ и снова видѣлъ другой сонъ. Стою я опять будто бы на берегу Нила, и вижу стебель пшеничный, одинъ стебель, и изъ него выходятъ семь колосьевъ, полные такіе, наливные. Но вслѣдъ за ними вышли еще семь колосьевъ тощіе и вѣтромъ источенные, и эти послѣдніе пожрали семь колосьевъ добрыхъ и тучныхъ... Разсказалъ я эти сны всѣмъ мудрецамъ земли египетской, и никто не могъ истолковать мнѣ ихъ.

Сказавъ это, фараонъ перенесъ свой стальной взоръ на стоявшихъ въ безмолвіи жрецовъ, и въ этомъ взорѣ они прочли безмолвный укоръ.

— Сны твои, великій фараонъ,—медленно началъ Іосифъ,—это одинъ сонъ: въ немъ знаменіе Божіе фараону, владыкѣ земли египетской. Семь коровъ тучныхъ—это семь лѣтъ, и семь коровъ тощихъ тоже семь лѣтъ; и семь колосьевъ полныхъ—и это семь лѣтъ, и семь колосьевъ тощихъ—тоже семь лѣтъ. Все это одинъ сонъ, одно знаменіе тебѣ, великій фараонъ, отъ Бога. Скоро наступать для Египта семь лѣтъ, полныхъ обилія плодовъ земныхъ, а за ними настанутъ семь лѣтъ голода: и забудутъ тогда египтяне годы обилія и сытости, и голодъ погубитъ всю землю, потому что великъ будетъ голодъ. А что сонъ этотъ привидѣлся тебѣ, великій фараонъ, два раза, это показываетъ, что непреложна будетъ воля Божія, и ускоритъ Богъ сотворить волю свою. А потому теперь же найди человѣка мудраго и поставь его надъ всею землею египетскою, и пусть изберутся по всей землѣ мѣстоначальники, которые собирали бы пятую часть отъ всѣхъ плодовъ земли египетской въ теченіе семи урожайныхъ лѣтъ, и пусть соберутъ они всѣ роды продовольствія этихъ урожайныхъ лѣтъ въ твои житницы, и пусть запасы эти хранятся по городамъ. И тогда, когда настанетъ голодъ, то въ теченіе семи голодныхъ лѣтъ будетъ чѣмъ питаться землѣ египетской, и не погибнетъ она отъ голода.

Мертвая тишина царила въ собраніи, пока говорилъ Іосифъ, этотъ никому невѣдомый хананеянинъ, рабъ Путіфара, извлеченный прямо изъ тюрьмы. Всѣ напряженно вслушивались въ его слова, когда онъ медленно, ровнымъ голосомъ и, повидимому, глубоко убѣжденнымъ голосомъ истолковывалъ сны фараона. Но когда онъ сталъ говорить о необходимыхъ мѣрахъ для избавленія Египта отъ неминуемаго голода, когда указалъ на необходимость назначенія верховнаго распорядителя для приведенія необходимыхъ мѣръ къ исполненію, собраніе, точно подъ электрическимъ токомъ, заволновалось: сановники вопросительно и вызывающе смотрѣли на жрецовъ, жрецы—на сановниковъ.

— Это Тутмесъ, — шевелилъ безкровными губами дряхлый верховный жрецъ богини Мутъ въ Ѳивахъ,—въ него перешла душа Тутмеса... Это онъ, онъ все зналъ, все предвидѣлъ...

Путіоаръ, нѣкогда купившій Іосифа, а потомъ заключившій его въ темницу по ложному обвиненію своей легкомысленной жены, находился въ собраніи, среди сановниковъ фараона, когда въ «палату крокодиловъ» вступилъ его бывшій невольникъ въ сопровожденіи такого высокопоставленнаго лица, какъ «сетъ» Ціамунъ. Путіоаръ тотчасъ же узналъ оскорбителя своей прелестной Снатъ-Гаторъ, и на лицѣ его выразились разомъ и неудовольствіе, и тревога. «Зачѣмъ ввели сюда этого наглеца?» подумалъ онъ. Ему показалось, что при входѣ Іосифа всѣ взглянули въ сторону мужа оскорбленной красавицы. Неужели всѣмъ извѣстно непріятное приключеніе съ его женой? Но, увидѣвъ скромное и полное смиреннаго достоинства лицо Іосифа и его грустные глаза, Путіоаръ никакъ не могъ примирить въ умѣ своемъ противорѣчивыхъ сомнѣній насчетъ этого страннаго хананеянина. Вступивъ въ его домъ простымъ рабомъ, онъ скоро завоевалъ глубокое и неограниченное довѣріе этого гордаго сановника своею скромностью и благородствомъ поступковъ, такъ что Путіоаръ отдалъ въ распоряженіе этого кроткаго и умнаго невольника весь свой домъ, всѣ его богатства и всѣхъ рабовъ своихъ. И вдругъ, такой дерзкій поступокъ! Открытое насиліе надъ его скромной и цѣломудренной Снатъ-Гаторъ! Хотя весь Мемфисъ зналъ о легкомысленномъ поведеніи молоденькой жены Путіоара, однако, довѣрчивый мужъ свято вѣрилъ тому, что его Снатъ, равная богинѣ Гаторъ по красотѣ, любитъ только его одного, не смотря на подавляющую разницу ихъ лѣтъ, и ни на кого не промѣняетъ своего «дѣдушку», какъ она называла его въ своихъ игривыхъ ласкахъ.

Но когда Іосифъ скромно, но съ увѣренностью верховнаго жреца, съ глубокою искренностью въ его мелодичномъ голосѣ сталъ истолковывать фараону его сны, Путіоаръ не зналъ, что и подумать, и имъ овладѣло смущеніе...

«Что же съ нимъ сталось тогда?—думалъ онъ теперь.—Что подвинуло его на такую неслыханную дерзость! Можетъ быть, онъ слишкомъ много выпилъ пальмоваго вина? Былъ не въ своемъ умѣ? Но онъ ничего не сказалъ въ свое оправданіе, когда я его допрашивалъ, и только твердилъ покорнымъ голосомъ: «такъ Богу угодно... Его непостижимая воля»...

По мѣрѣ того, какъ говорилъ Іосифъ, лицо фараона, прежде неподвижное и холодное, какъ гранитное лицо сфинкса, прояснялось все болѣе и болѣе. Это всѣ замѣтили, и жрецы, видимо, съ

тайной завистью начали смотрѣть на этого иноплеменника, на этого еще неокрашеннаго бѣлизною мудрости молокососа, раба изъ рабовъ, заставившаго краснѣть мудрыя головы, убѣленныя сѣдиною на службѣ всесильнымъ богамъ земли египетской.

— Душа Тутмеса... душа храпителя тайнъ Нила, — беззвучно бормоталъ между тѣмъ дряхлый жрецъ богини Мутъ, качая трясущеюся отъ старости головой.—Такъ угодно великому Озирису... душу Тутмеса вселилъ въ этого юношу иноплеменника...

Когда Іосифъ кончилъ, фараонъ гордо выпрямился на своемъ тронѣ.

— Я, Озимандій, царь царей, — заговорилъ онъ торжественно,—я, фараонъ Анепи, сынъ великаго Аммона-Ра, обращаю къ вамъ мое слово, мудрецы земли египетской: укажите мнѣ другого человѣка, который, подобно этому иноплеменнику, имѣлъ бы въ себѣ духа Божія.

Всѣ молчали въ глубокомъ смущеніи.

«И это онъ, бывшій мой рабъ, мучительно думалъ Путифаръ, неужели моя Снатъ, моя Гаторъ?.. Отчего же онъ молчалъ?.. Столько лѣтъ заточенія, и хоть бы слово оправданія!»

И сомнѣніе стало закрадываться въ душу довѣрчиваго мужа... «Неужели Снатъ-Гаторъ оклеветала его? Но за что?.. А зачѣмъ же онъ оставилъ въ ея рукахъ свое верхнее одѣяніе? Значитъ, онъ былъ такъ близко къ ней, что она могла касаться руками его одежды... А если вина на ея сторонѣ? Если она... не можетъ быть!.. Но отчего же не можетъ? Она молода, онъ тоже... Но онъ былъ слишкомъ честенъ, слишкомъ вѣренъ мнѣ во всемъ... Но отчего онъ молчалъ, не оправдывался?»

— Укажите же мнѣ другого человѣка въ моемъ царствѣ, который бы имѣлъ въ себѣ духа Божія!—снова возвысилъ голосъ фараонъ.

— Въ немъ духъ Божій, въ немъ,—выступая нетвердою походкой изъ рядовъ жрецовъ и подходя къ Іосифу, говорилъ точно во снѣ дряхлый жрецъ богини Мутъ,—въ немъ божество... въ немъ душа Тутмеса... Его устами говоритъ Изида...

Слова стараго жреца поразили фараона. Онъ давно привыкъ дорожить мнѣніемъ Аммонъ-эмъ-Гапи, бывшаго прежде верховнымъ жрецомъ при храмѣ Аписа-Гапи, въ Мемфисѣ, а теперь— верховнаго жреца богини Мутъ, въ Ѳивахъ, хотя въ послѣднее

время, отъ дряхлости, старикъ сталъ заговариваться, но и эти заговариванья, невнятныя бормотанья верховнаго жреца, истолковывались, какъ вдохновенія свыше, какъ глаголы божества. Фараону Апепи давно было извѣстно имя жреца Тутмеса, о которомъ говорили, что онъ похитилъ у Нила, какъ у живого существа, тайну его разливовъ, и въ отмщеніе за это Нилъ, будто бы, похитилъ самого жреца и на своихъ водахъ отправилъ его въ царство Озириса, попросту, на тотъ свѣтъ, хотя, какъ мы видѣли выше, верховный совѣтъ жрецовъ обвинилъ его въ безбожіи и заключилъ въ центральную государственную тюрьму, гдѣ съ нимъ и познакомился Іосифъ, и отъ него узналъ тайны разливовъ Нила. Поэтому имя Тутмеса, произнесенное жрецомъ Аммономъ-эмъ-Гапи, не могло не подѣйствовать на фараона.

— Такъ душа Тутмеса въ этомъ иноплеменникѣ?—спросилъ онъ жреца, стоящаго около колѣнопреклоненнаго Іосифа.

— Въ немъ, солнце Египта... въ немъ... я ее вижу... чувствую ее,—бормоталъ старикъ, забывшій уже о томъ, что и онъ вмѣстѣ съ прочими жрецами присуждалъ Тутмеса къ вѣчному заточенію.

— Да будетъ такъ! — провозгласилъ торжественно фараонъ.—Встань, Іосифъ, и приблизися къ трону моему.

Іосифъ повиновался и подошелъ къ ступенямъ, которыя вели къ трону. Юные царевичи, сидѣвшіе на ступеняхъ, раздвинулись, съ удивленіемъ глядя своими черными глазенками на иноземца.

— Вижу, что боги открыли тебѣ тайны свои,—продолжалъ фараонъ,—нѣтъ человѣка мудрѣе тебя во всемъ Египтѣ. Пребывай же ты отнынѣ во дворцѣ моемъ, и пусть словесамъ устъ твоихъ повинуются всѣ люди мои: однимъ только престоломъ моимъ я буду выше тебя... Поднимись же до высоты престола моего.

Іосифъ поднялся по ступенькамъ къ самому трону. Онъ чувствовалъ надъ головой легкія вѣянія отъ опахалъ, которыми освѣжали надъ трономъ фараона его двѣнадцать «эрисовъ» знойный воздухъ, напитанный куреніями, которыя возжигалъ передъ трономъ старшій сынъ фараона съ «локономъ юности» на смуглой щекѣ. Іосифу казалось, что золотой сфинксъ у подножія владыки Египта осмысленно глядѣлъ на него своими рубиновыми глазами.

Фараонъ снялъ съ своей руки перстень.

— Протяни ко мнѣ руку твою,—сказалъ онъ Іосифу.

Ропотъ удивленія прошелъ по собранію. Всѣ глаза жадно устремились къ высотѣ трона: ничего подобнаго не видѣлъ Египетъ! Фараонъ снимаетъ съ своей руки перстень! Да это все равно, что снять съ своей головы вѣнецъ и возложить его, на кого же! На иноплеменника!

Іосифъ исполнилъ приказаніе фараона, протянулъ руку.

— Поставлю тебя нынѣ надъ всею землею египетскою!— торжественно произнесъ фараонъ, надѣвая перстень на указательный палецъ правой руки Іосифа. — Смотрите, избранные люди земли моей! Повинуйтесь его слову, какъ бы это было мое слово.

Все собраніе преклонилось.

— Теперь облачите его въ багряницу и поставьте предо мною!—обратился фараонъ къ своимъ сановникамъ.

Изъ ихъ рядовъ отдѣлились двое изъ царедворцевъ, которые завѣдывали гардеробомъ фараона и облачали его въ торжественныхъ случаяхъ. Они приблизились къ Іосифу и почтительно взяли его подъ руки, чтобъ свести со ступенекъ, и затѣмъ увели за колонны съ занавѣсью изъ пурпуроваго виссона.

Черезъ нѣсколько минутъ Іосифъ воротился въ «палату крокодиловъ» въ багряницѣ.

Глаза Путіоара, казалось, не могли оторваться отъ него. Въ новомъ, въ царскомъ одѣяніи красота Іосифа выказалась вполнѣ: при всей внѣшней скромности въ ней было что-то обаятельное.

«О, Снатъ-Гаторъ, теперь я понимаю тебя,—съ ревнивымъ подозрѣніемъ прошепталъ мужъ красавицы,—что бы ты сказала теперь, увидавъ его въ пурпурѣ?»

— Подойди снова ко мнѣ, Іосифъ, въ багряницѣ!—сказалъ фараонъ.—Поднимись до высоты плеча моего.

Іосифъ снова взошелъ на ступени трона. Фараонъ отстегнулъ массивное золотое ожерелье, блиставшее на его груди, и надѣлъ его на Іосифа.

— Пусть эта золотая цѣпь будетъ знакомъ твоего первенства въ землѣ египетской,—продолжалъ фараонъ,—ты возсядешь на мою вторую колесницу, и пусть глашатый идетъ впереди твоей колесницы и возглашаетъ волю мою, волю фараона: я, Озимандій, царь царей, фараонъ Апепи, сынъ Аммона-Ра, по-

ставилъ слугу своего Іосифа надъ всею землею египетскою, и пусть никто въ ней безъ тебя не воздвигнетъ руки своей. Имя же тебѣ да будетъ: «адонъ-псомоомфанихъ!»

ГЛАВА VIII.

Облеченный высокимъ саномъ и неограниченною властью, Іосифъ первымъ дѣломъ рѣшилъ посѣтить всѣ города и главныя селенія Египта, чтобы сдѣлать соотвѣтственныя распоряженія о приведеніи въ должный видъ всѣхъ каналовъ, которыми орошалась долина Нила, плотинъ, которыми ограждались воды великой рѣки во время ея разливовъ, и о построеніи будущихъ государственныхъ житницъ, куда долженъ былъ поступать на храненіе хлѣбъ предстоящаго урожая семи обильныхъ лѣтъ.

Онъ выѣхалъ изъ Мемфиса, окруженный многочисленною свитой сановниковъ, которыхъ онъ долженъ былъ поставить въ качествѣ государственныхъ пріемщиковъ хлѣба и его хранителей, во всѣхъ главныхъ городахъ страны Нила. Съ нимъ были и техники-строители, и писцы, и «мацаи» для посылокъ съ его распоряженіями и предписаніями.

Прежде всего Іосифъ направилъ свой путь къ сѣверу, по двумъ главнымъ рукавамъ Дельты, называвшимся «двумя ногами Озириса», въ мѣстность Египта, наиболѣе плодородную, всю изрѣзанную каналами.

Переѣзжая на кораблѣ «Изида» черезъ Нилъ, на правый его берегъ, онъ невольно вспомнилъ, какъ много лѣтъ тому назадъ, онъ, горькій юноша, ведомый въ рабство, впервые увидѣлъ эту великую рѣку и былъ пораженъ стономъ, стоявшимъ надъ этою рѣкой. И теперь до слуха его доносился этотъ стонъ. Это пѣли смуглолицые и совсѣмъ черные невольники, погружая на плоты громадныя плиты гранита, предназначавшіяся для облицовки строившейся тогда пирамиды фараона Апепи, задолго до его смерти. До Іосифа доносились слова стонущей мелодіи невольниковъ.

Слава тебѣ, фараону Апепи, сыну Аммона-Ра...
Слава тебѣ, солнцу незаходящему день и ночь.

Болью отозвалось въ сердцѣ Іосифа это стонущее пѣніе. Онъ вспомнилъ начало своей неволи, свои чувства, волновав-

шія его тогда. И у этихъ несчастныхъ есть гдѣ-то своя родина, свои отцы, матери, братья, сестры...

Когда корабль присталъ къ берегу, и Іосифъ сошелъ по сходнямъ на землю, онъ подозвалъ къ себѣ одного изъ «мацай».

— Поди и скажи невольникамъ,—онъ указалъ на группу рабовъ, грузившихъ на плоты глыбы гранита,—что я, адонъ-исомоомфанихъ земли египетской, именемъ великаго фараона освобождаю ихъ отъ работы до слѣдующаго утра, до восхода дневного свѣтила. А вотъ имъ серебро для покупки праздничныхъ яствъ и питія: пусть помянутъ здоровье великаго фараона, да царствуетъ онъ вѣчно!

И онъ положилъ на ладонь черномазаго мацаи нѣсколько слитковъ серебра. Нѣкоторые изъ свиты Іосифа выразили удивленіе къ его великодушію.

— Правда и милость укрѣпляютъ царства и престолы царей,—замѣтилъ на это Іосифъ.

Колесница и лошади уже ждали Іосифа и его свиту, и они отправились въ путь.

Первый городъ, который лежалъ имъ на пути, былъ Ану,—или, по греческому тексту, Геліополисъ. Уже издали виднѣлась вершина гигантскаго обелиска, украшавшаго площадь этого города.

— Чей это столпъ, какого фараона? — спросилъ Іосифъ, указывая на обелискъ.

— Столпъ фараона Усуртасена I-го, да живетъ въ селеніяхъ Озириса вѣчно!—отвѣчалъ одинъ изъ свиты.

— А давно онъ царствовалъ?—любопытствовалъ Іосифъ.

— Онъ — фараонъ двѣнадцатой династіи, свѣтлѣйшій адонъ,—отвѣчалъ другой изъ свиты Іосифа,—этотъ молитвенный столпъ фараона Усуртасена I-го уже болѣе семисотъ разъ видѣлъ разлитіе Нила.

Тайное желаніе влекло Іосифа видѣть прежде всего городъ Ану-Геліополисъ. Онъ зналъ, что верховнымъ жрецомъ при храмѣ Пи-Ра («домъ Солнца») въ этомъ городѣ состоялъ Петефрія, отецъ прелестной Асенсоы (А-Снатъ), которую онъ видѣлъ въ день своего торжества и которой смуглое личико и свѣтлые, удивленные глаза преслѣдовали его днемъ и ночью. Притомъ же, фараонъ Апепи, отпуская Іосифа отъ своего двора для обозрѣнія Египта, говорилъ ему о необходимости женитьбы.

— Не годится мужчинѣ въ тридцать лѣтъ быть безъ жены,—

сказалъ фараонъ,—избери себѣ красивѣйшую и добрѣйшую изъ дочерей земли египетской, и я отдамъ ее тебѣ въ жены.

Городъ Ану-Геліополисъ былъ очень не далеко отъ Мемфиса, и потому черезъ нѣсколько часовъ Іосифъ уже вступалъ въ него съ своею многочисленною свитой. Впереди его колесницы шель глашатый съ длиннымъ жезломъ, увѣнчаннымъ изображеніемъ царскаго Уреуса.

— Шествіе великаго адона-псомеомфаниха земли египетской!—возглашалъ онъ.—Въ его лицѣ почтите царя царей, фараона Апепи!

За колесницей Іосифа слѣдовали колесницы его свиты и конные мацаи. Всѣ улицы города были запружены народомъ: каждому хотѣлось видѣть «правую руку фараона, его глаза и уши», тѣмъ болѣе, что о чудесномъ возвышеніи его до высоты престола быстро разнеслась молва по всему Египту.

— Фараонъ считаетъ его отцомъ своимъ,—слышалось въ толпѣ.

—Такого молодого, и считаетъ отцомъ!

— Да, за то воды Нила ему повинуются, и въ Египтѣ никогда не будетъ голода.

На площади храма Солнца толпа была еще многочисленнѣе, такъ что впереди глашатаго ѣхали конные мацаи и копьями расчищали путь.

Вдругъ сквозь раздвинувшуюся толпу открылась длинная аллея сфинксовъ, которые, словно часовые, безмолвно глядѣли вдаль своими гранитными очами. Вдоль аллеи показалась процессія жрецовъ съ богомъ Мневисомъ впереди.

Богъ Мневисъ былъ покровителемъ города Ану-Геліополиса и его области: это тотъ же священный быкъ Гапи-Аписъ, съ именемъ Мневиса. Ему принадлежалъ и храмъ Пи-Ра съ обширною колоннадою и грандіозными пилонами изъ краснаго порфира.

Священный быкъ, черный, съ бѣлыми символическими подпалинами, шелъ, окруженный жрецами. Это было прекрасно упитанное животное, съ гладкой лоснящейся шерстью и большими добродушными глазами. Впереди шелъ въ полномъ облаченіи верховный жрецъ Петефрія и на золотомъ блюдѣ возжигалъ благовонія земли Пунтъ. Но въ самой головѣ процессіи шла юная жрица, совсѣмъ молоденькая дѣвушка, почти дѣвочка, черные роскошные волосы которой были украшены цвѣткомъ лотоса. На

голыхъ рукахъ ея были золотыя кольца и оплечья. Въ рукахъ юная жрица держала въ правой рукѣ золотой серпъ, а лѣвою прижимала къ груди большой снопъ зеленой, только что налившейся пшеницы съ тяжелыми сочными колосьями.

Четвероногій богъ, видимо, сердился. Онъ нетерпѣливо моталъ головой и билъ себя хвостомъ по бокамъ. Его возмущали возжигаемые у него подъ самымъ носомъ куренія. Какъ онъ ненавидѣлъ запахъ этого ладона! А между тѣмъ, долженъ былъ покоряться, нюхать этотъ противный дымъ! Онъ хорошо зналъ, что его не даромъ морили противные жрецы цѣлый день: со вчерашняго дня ему не давали ни мягкаго душистаго сѣна, ни пшеничныхъ колосьевъ для того только, чтобы сегодня онъ покорно шелъ въ этой глупой процессіи за снопомъ великолѣпной пшеницы, который несла вонъ та дѣвочка съ серпомъ. Онъ горькимъ опытомъ жизни убѣдился, что противные и злые жрецы морятъ его для того, чтобы заставить сначала глотать этотъ гадкій дымъ, а потомъ уже дадутъ ему цѣлый снопъ великолѣпной пшеницы... Ахъ, какъ онъ ненавидѣлъ этихъ жрецовъ и боялся ихъ! И какъ онъ завидовалъ простымъ быкамъ, которые пахали землю или вертѣли колеса для выкачиванія воды изъ Нила на поливку полей, и потомъ свободно паслись на травѣ. А онъ, богъ, долженъ стоять въ противномъ храмѣ за пурпурными занавѣсями и нюхать противный дымъ кадильницъ. Какъ счастливы эти простые смертные быки, коровы и телята! А особенно телята! А его, египетскаго бога, и теленкомъ морили, сколько онъ запомнитъ: то у него шерсть выдергивали на лбу, то жгли кожу какими-то снадобьями, то натирали ѣдкими мазями и не пускали рѣзвиться съ другими телятами... Ахъ, какъ противно быть богомъ!

Такъ думалъ священный бычокъ, шествуя въ торжественной процессіи, предшествуемый этимъ противнымъ старикомъ Петефріемъ, который чадилъ своими благовоніями на всю площадь, совалъ ему въ самую морду кадильницей съ дымомъ... Но впереди шла та хорошенькая дѣвочка съ серпомъ въ рукахъ и со снопомъ великолѣпной пшеницы. Ахъ, скоро ли дадутъ ему этотъ снопъ!.. И Мневисъ-Аписъ жадными глазами поглядывалъ сквозь дымъ куреній на шедшую впереди дѣвочку со снопомъ священной пшеницы.

А между тѣмъ народъ, завидя издали этого четвероногаго бога, въ молитвенномъ экстазѣ падали на колѣни, протягивалъ руки къ божеству и оглашалъ воздухъ кликами:

— О, великій Мневисъ! Покровитель полей и стадъ нашихъ.

— О, источникъ жизни! Вложи въ каждый колосъ нашей пшеницы столько зеренъ, сколько волосъ въ твоемъ священномъ хвостѣ!

Въ то же время жрецы, окружавшіе быка и великолѣпными опахалами изъ страусовыхъ и павлиньихъ перьевъ, отгонявшіе отъ него мухъ и оводовъ, оглашали воздухъ священными гимнами.

Іосифъ, глядя издали, съ высоты своей царской колесницы на эту процессію, съ трудомъ скрывалъ улыбку презрѣнія, которая по временамъ змѣилась въ его взорѣ, на губахъ. Онъ отъ Тутмеса еще узналъ всѣ таинственныя продѣлки жрецовъ, какими они допекали своихъ рогатыхъ боговъ, чтобъ сдѣлать ихъ послушными своей волѣ. Онъ видѣлъ впереди и по бокамъ своего шествія колѣнопреклоненную толпу; матери поднимали на головы малютокъ, чтобъ показать имъ бога и «правую руку фараона»...

А процессія съ быкомъ все приближалась. Іосифъ сошелъ съ колесницы. Къ нему приближалась дѣвочка съ огромнымъ снопомъ пшеницы.

Іосифъ невольно вздрогнулъ. Казалось, что въ лицо ему опять гляпуло солнце Ханаана... Но мгновенно онъ опомнился: это изъ-за снопа пшеницы выглянуло на него прелестное личико Асенеоы!.. Это она, она жрица священнаго быка!..

Асенеоа вспыхнула и остановилась. Снопъ задрожалъ въ ея рукахъ: она встрѣтила устремленные на нее глаза Іосифа и готова была упасть. Но на выручку ей подоспѣлъ ея отецъ, верховный жрецъ.

— Великій адонъ фараона, царя царей! — торжественно провозгласилъ жрецъ.—Принеси жертву богу и покровителю города, въ который ты вступаешь ногами твоими.

Сказавъ это, онъ отступилъ въ сторону, давая дорогу священному быку, который съ радостнымъ мычаніемъ протягивалъ морду къ снопу, жадно вбирая въ себя широкими ноздрями воздухъ, нѣсколько очистившійся отъ дыма куреній.

— Служительница великаго бога!—обратился потомъ жрецъ къ Асенеоѣ.—Подай серпъ адону фараона.

Дрожащею рукою дѣвушка протянула серпъ. Іосифъ бережно взялъ его, причемъ рука его коснулась похолодѣвшей отъ волненія маленькой ручки Асенеоы, и онъ почувствовалъ такой сла-

достный трепетъ во всемъ тѣлѣ, какого не испытывалъ даже тогда, когда фараонъ надѣвалъ ему на палецъ свой царскій перстень.

— Срѣжь горсть священныхъ колосьевъ и подай ихъ богу,— смутно услыхалъ онъ голосъ жреца.

Но проголодавшійся богъ, не въ силахъ будучи дольше ждать, самъ было протянулъ морду къ снопу; но жрецъ быстро сунулъ ему въ носъ кадильницу съ дымомъ, и бѣдный бычекъ сердито замоталъ головой, а потомъ нагнулъ ее, чтобъ бодаться, но въ этотъ моментъ Іосифъ, замѣтивъ, что можетъ произойти публичный скандалъ, если богъ станетъ бодаться, какъ бы не признавая Іосифа достойнымъ священной миссіи, торопливо срѣзалъ горсть колосьевъ пшеницы и сунулъ ихъ въ морду разгнѣванному богу, который тотчасъ же умилостивился и сталъ жадно жевать сочную пшеницу.

— Богъ принялъ жертву! Богъ принялъ колосья! Богъ жуетъ!—послышались радостные возгласы въ толпѣ.

— Богъ призналъ адона великаго фараона, хоть онъ и иновѣрецъ,—перешептывались между собою жрецы,—въ немъ есть нѣчто отъ сѣмени бога Хормаху и Изиды.

Но проголодавшійся богъ, не успѣвъ прожевать данныхъ ему Іосифомъ колосьевъ, жадно потянулся мордой къ самому снопу, который продолжала держать Асенеоа, и чуть не повалилъ взволнованную и оторопѣвшую дѣвушку.

— Ай-ай-ай!—испуганно вскрикнула она, отступая.

Іосифъ хотѣлъ было уже схватить жаднаго бога за рога, не подозрѣвая, какой страшной опасности могъ самъ подвергнуться отъ фанатической толпы, которая приняла бы его неосторожный поступокъ за оскорбленіе божества; но въ этотъ моментъ находчивый верховный жрецъ сунулъ къ самой мордѣ священнаго животнаго жертвенное блюдо съ дымящейся куреніемъ кадильницей, и быкъ тотчасъ же попятился назадъ, сердито замотавъ головой и намѣреваясь, повидимому, бодаться.

— Богъ гнѣвается! Богъ бодается!—послышался испуганный шопотъ въ толпѣ.

— Онъ требуетъ еще жертвы,—пояснилъ жрецъ.

И Іосифъ, не желая оскорблять вѣрованій невѣжественнаго народа, снова срѣзалъ со снопа нѣсколько колосьевъ и подалъ ихъ проголодавшемуся богу.

Жрецы снова запѣли гимнъ, и процессія двинулась обратно къ храму. Асенеѳа снова пошла впереди со снопомъ пшеницы и съ серпомъ, возвращеннымъ ей Іосифомъ, за ней верховный жрецъ съ куреніями, а потомъ и самъ быкъ, повидимому, съ радостью возвращавшійся въ свой величественный храмъ съ пилонами и каріатидами въ видѣ гигантскихъ женщинъ съ бычачьими головами, гдѣ его ожидало излюбленное стойло за пурпуровою занавѣсью, наполненное любимымъ имъ кормомъ, сочными листьями молодого маиса.

Толпа хлынула за процессіей, оглушая воздухъ радостными криками.

— Богъ былъ милостивъ! Добрый Мневисъ пошлетъ нашимъ полямъ хорошій урожай!

Верховный жрецъ, зная, что Іосифъ, какъ иновѣрецъ, не войдетъ въ храмъ Аписа-Мневиса, не доходя до пилоновъ храма, передалъ кадильницу другому жрецу и пригласилъ Іосифа и его свиту въ свой домъ, который составлялъ одно изъ крыльевъ храма, окруженное колоннадою и осѣняемое густолиственными сикоморами. Но гулъ толпы долго еще слышался на площади, особенно около грандіознаго обелиска фараона Усуртасена.

ГЛАВА IX.

— Ахъ, глупая дѣвочка! О чемъ же ты плачешь?—говорила мать Асенеѳы, гладя курчавую головку своей дочери, которая плакала, уткнувшись личикомъ въ колѣни матери.—Ну, скажи, о чемъ?

— Я не знаю, мама,—отвѣчала дѣвочка, всхлипывая.

— Какъ не знаешь! Вотъ глупая! Развѣ ты его не любишь?

— Не знаю... Я тебя люблю...

— Вотъ новость! А его не любишь?

— Отца люблю... брата люблю...

— А его?

— Не знаю, мамочка!

— Какъ же ты согласилась быть его женой? Вѣдь ты сама согласилась?

— Сама... Я каждую ночь видѣла его во снѣ съ того самаго дня, какъ отецъ разсказалъ намъ о снахъ фараона и какъ онъ... Іосифъ, истолковывалъ ихъ, и какъ фараонъ надѣлъ на него золо-

тую цѣпь... Я видѣла во снѣ, что онъ меня ловитъ... и на рукахъ носитъ... и...

— Ну, и что «и»?—улыбнулась старая египтянка.

— И цѣлуетъ.

И Асенеоа разрыдалась еще больше.

— Ахъ, дурочка моя! — силилась приподнять ея головку жена Петефріи.—И тебѣ не правилось, что онъ тебя цѣлуетъ?

— Не знаю, мамочка.

— Ахъ! Опять «не знаю»! А тоже называется «женой»... Какая ты жена! Ты дѣвчонка, и больше ничего. Значитъ, ты его не любишь... Такъ онъ тебѣ и не будетъ мужемъ...

— Ахъ, нѣтъ, мамочка! — встрепенулась дочь Петефрія, бросаясь матери на шею.

— О-о!—протянула мать Асенеоы, лукаво улыбаясь.—Понимаю... О чемъ же ты ревешь?

— Зачѣмъ онъ уѣхалъ! Зачѣмъ такъ скоро!

— Э! Вотъ оно что,—покачала головой жена Петефрія.—Ему, милая, нельзя было не ѣхать: онъ долженъ осмотрѣть весь Египетъ... Онъ замѣняетъ фараона... Онъ долженъ распорядиться, чтобъ не было въ Египтѣ голода. А потомъ воротится и возьметъ тебя уже совсѣмъ въ свой домъ, ко дворцу фараона... Я только удивляюсь, какъ такой мудрецъ могъ полюбить такую дурочку,—съ любовью гладила мать головку своей дочери, — ахъ, ты, мой маленькій адонъ, мой глупенькій псомоомфанихъ земли египетской!

Іосифъ, дѣйствительно, выѣхалъ сегодня изъ Геліополиса для дальнѣйшаго обозрѣнія Египта. Въ городѣ бога Аписа-Мневиса онъ пробылъ нѣсколько дней и сдѣлалъ всѣ распоряженія относительно приготовленія и приспособленія житницъ къ предстоявшимъ ссыпкамъ государственнаго продовольствія въ продолженіе ожидаемыхъ семи лѣтъ обильнаго урожая въ странѣ. За эти дни и дѣла его сердца увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Пораженный красотою и дѣтскою невинностью Асенеоы и еще чѣмъ-то, что онъ считалъ внушеніемъ Бога отцовъ своихъ, Іосифъ постоянно думалъ о завладѣвшей его душою чудной дѣвочкѣ, изучалъ ея милый характеръ, слѣдилъ за каждымъ ея словомъ, за каждою набѣгавшею на ея личико мыслью, за каждымъ ея движеніемъ, и все болѣе убѣждался, что это его судьба, что въ ней указаніе свыше и что на этой юной головкѣ покоится благо-

словеніе Исговы, обѣщавшаго въ Веѳилѣ отцу его, Іакову, и сѣмени его свое божественное покровительство. Не могъ не замѣтить онъ также, къ великому своему счастью, что и дѣвочка полюбила его, что съ каждымъ днемъ въ ея невинныхъ глазкахъ невольно раскрывалось все ея чистое сердце, и сердце это, онъ это видѣлъ и чувствовалъ, все отдавалось ему: дѣвочка была слишкомъ невинна, чтобъ умѣть скрывать то, что говорило ей маленькое ея сердчишко, беззавѣтно отдавшееся впервые охватившему ее чувству. Ея робкая стыдливость еще болѣе укрѣпляла въ немъ вѣру, что Асенеѳа, хотя она и невинная и невольная жрица Аписа-Мневиса, послана ему Богомъ отцовъ его въ тотъ именно день, когда этотъ грозный и милостивый Богъ Ханаана прославилъ себя въ немъ, въ твореніи своемъ.

Отецъ и мать Асенеѳы, узнавъ о чувствахъ Іосифа относительно ихъ дочери, были осчастливлены перспективою имѣть своимъ зятемъ всемогущаго любимца фараона.

— Но полюбитъ ли меня ваша малютка?—спросилъ Іосифъ.

— Не только полюбитъ, но она теперь уже любитъ тебя, благородный адонь, — сказала жена Петефрія, — я, какъ мать, давно знаю сердце своей дочери и вижу въ душѣ ея все, какъ въ зеркалѣ. Правда, она еще ребенокъ и не испытала чувства женщины, пока не увидала тебя, Іосифъ, сынъ Іакова; но теперь она тебя любитъ. Я невольно подслушала лепетъ ея дѣвическаго сердца. Ты знаешь, благородный ханаеянинъ, что у насъ, у египтянъ, кошки—священныя животныя, потому что онѣ оберегаютъ хлѣбное зерно отъ расхищенія мышами. Въ храмѣ нашего бога Мневиса обитаетъ семейство священныхъ кошекъ, и я случайно подслушала вчера, какъ моя дѣвочка, лаская самаго любимаго своего котенка, называла его Іосифомъ, цѣловала его и говорила: «о, мой Іосифъ! Какъ я люблю тебя, а того Іосифа, большого, люблю еще больше, и если онъ уѣдетъ отъ насъ, то я съ печали по немъ сойду въ мрачную область Озириса».

Услышавъ это, Іосифъ тотчасъ же отправилъ гонца въ Мемфисъ, къ фараону, прося согласія владыки Египта на бракъ съ юною египтянкою. Фараонъ Апепи не только изъявилъ свое полное согласіе, но прислалъ еще юной невѣстѣ своего любимца дорогіе подарки: драгоцѣнную золотую цѣпь съ изумрудными священными жуками на шею, дорогіе браслеты съ алмазами дальняго Востока, головной золотой обручъ, усыпанный крупными

зернами жемчуга и бирюзы и золотыя запястья съ рубиновыми пчелами.

Когда родители объявили Асенеоѣ о рѣшеніи ея участи, она отъ неожиданности или чего другого, такъ было расплакалась, что они подумали, не ошиблись ли въ чувствахъ своей балованной дѣвочки; но мать скоро нашлась.

— А кто вчера обѣщалъ сойти съ горя въ область Озириса, если онъ уѣдетъ?—лукаво спросила она.

Тогда ошеломленная открытіемъ своей тайны плутовка бросилась цѣловать мать, и только все шептала: «мамочка, не говори ему! Мамочка, не говори ему!»

Іосифъ, между тѣмъ, оставивъ Геліополисъ и свою юную жену въ немъ, прослѣдовалъ къ городу Пи-Хапи, тоже съ храмомъ Аписа, лежащему у берега Нила, и, сдѣлавъ въ немъ соотвѣтственныя распоряженія, снова вступилъ съ своею блестящею свитой на корабль «Изида» и поплылъ внизъ по Нилу, правымъ его рукавомъ или «правою ногою Озириса», для обозрѣнія не только всей египетской Дельты, но и области Гесемъ, самой плодородной части Египта, по отношенію къ которой онъ лелѣялъ уже въ душѣ тайныя намѣренія... Но объ этомъ въ свое время и на своемъ мѣстѣ...

Обозрѣніе всей Дельты и Гесема заняло нѣсколько мѣсяцевъ.

Іосифъ, родившись въ Ханаанѣ, среди горъ и долинъ этой маловодной, почти пустынной страны, никогда еще не видалъ моря. Правда, одно время стада его отца паслись восточнѣе Хеврона, и онъ, еще маленькимъ мальчикомъ, бѣгалъ иногда по холмамъ, окружающимъ берега Мертваго моря; но его мрачный и унылый видъ, его пустынныя окрестности, свинцовый цвѣтъ его воды, его угнетающія мертвенность и угрюмая неподвижность производили на юнаго Іосифа удручающее впечатлѣніе. Но, выплывъ на своей «Изидѣ» въ открытое море изъ устья Нила, онъ былъ пораженъ необъятнымъ пространствомъ раскинувшихся передъ его изумленными глазами бирюзовыхъ и зеленыхъ водъ Средиземнаго моря.

— О, Уатъ-Уръ («великія зеленыя воды»)! Божественный Уатъ-Уръ!—восклицали нѣкоторые изъ его свиты, тоже никогда не видавшіе моря, при видѣ безбрежнаго воднаго горизонта и набѣгавшихъ на берегъ пѣнистыхъ волнъ грозной стихіи.

Іосифъ долго стоялъ въ нѣмомъ созерцаніи величавой кар-

типы, потрясенный сознаніемъ своего ничтожества передъ тою невѣдомою Силою, которая создала все это, которая держитъ въ своей длани океаны, такія водныя пространства, передъ которыми умъ цѣпенѣетъ! Ничего подобнаго онъ представить себѣ не могъ... Что же тамъ, дальше, за этими водами? Да и есть ли конецъ имъ? Что держитъ ихъ тамъ, гдѣ онѣ сливаются съ небомъ, и какъ не прольются онѣ тамъ въ невѣдомую бездну.

Въ этотъ самый моментъ багровый дискъ солнца какъ разъ опускался въ море... Вотъ онъ тонетъ, тонетъ, тонетъ... Солнце погружается въ страшную таинственную бездну... Утонуло, утонуло, бросивъ къ небу послѣдній снопъ лучей.

Благоговѣйный ужасъ оковалъ душу Іосифа... Онъ даже въ умѣ не смѣлъ теперь произнести имя Того, Который все это создалъ и всѣмъ этимъ правитъ... А прежде, не вѣдая этого Его величія, онъ, ничтожный, дерзалъ обращаться къ Нему...

И какъ жалки, какъ ничтожны и презрѣнны показались ему теперь всѣ боги Египта! Боги! Жалкіе каменные и золотые истуканы, быки, крокодилы, кошки, змѣи! И это боги!

— Горусъ утонулъ! Свѣтоносный Горусъ утонулъ!—послышались испуганные возгласы изъ его свиты.

— Но онъ завтра утромъ вынырнетъ изъ моря Сукотъ (Красное море),—успокаивалъ испуганныхъ голосъ жреца, находившагося въ свитѣ.

— Какъ же онъ, подъ землей пройдетъ?—спросилъ кто-то.

— Да, онъ пройдетъ царствомъ Озириса, освѣтитъ всѣ души отошедшихъ въ область Озириса, въ прекрасную страну Запада, и завтра, обновленный, выйдетъ изъ моря Сукотъ въ образѣ свѣтоноснаго Ра,—отвѣчалъ жрецъ.

Всѣ остались довольны такимъ объясненіемъ; только Іосифъ горько улыбнулся. На небѣ, одна за другой, загорались звѣзды.

На утро «Изида» съ попутнымъ восточнымъ вѣтромъ поплыла вдоль берега Дельты къ устью западнаго рукава Нила или къ «лѣвой ногѣ Озириса». Къ полудню вѣтеръ сталъ крѣпчать. По морю стали ходить сердитыя волны съ бѣлыми гривами. Вчера прекрасное и величественное, море теперь стало страшнымъ: кругомъ ревѣли волны словно львы пустыни. Огромный корабль несло по гребнямъ водяныхъ горъ, словно жалкую орѣховую скорлупу. Снасти выли и трещали, и только опытныя руки кормчаго, стараго финикіянина, врожденнаго моряка, да усилія матросовъ, изъ плѣнныхъ же финикіянъ, спасли «Изиду» отъ вѣрной ги-

бели и ввели въ безопасную бухту, въ «ступню лѣвой ноги Озириса».

Въ этой страшной бурѣ, въ завываніи вѣтра, въ грохотѣ волнъ Іосифъ слышалъ гнѣвный голосъ Того, Кого онъ не смѣлъ называть...

«Неужели это за Асенеоу?—съ ужасомъ думалъ онъ.—Неужели это кара за то, что я соединился съ язычницей?»

Но корабль благополучно вошелъ въ бухту, и Іосифъ со слезами благодарилъ Того, чье имя онъ не смѣлъ произнести... Только теперь онъ понялъ Его непостижимое величіе и Его великую, какъ это море, благость.

Восемь мѣсяцевъ употребилъ Іосифъ на обозрѣніе области Гесемъ и всего Нижняго Египта и на выполненіе всѣхъ сложныхъ задачъ, сопряженныхъ съ его высокою и отвѣтственною миссіею. Возвращаясь вверхъ по Нилу къ Мемфису, чтобъ лично доложить фараону о томъ, что имъ сдѣлано, Іосифъ, конечно, не могъ не заѣхать въ Геліополисъ для свиданія съ своей молоденькой женой, которая страстно ожидала его. Но когда онъ, окруженный уже значительно порѣдѣвшею свитой, большую часть которой онъ оставилъ въ многихъ городахъ Дельты въ качествѣ своихъ довѣренныхъ лицъ, въѣзжалъ въ Геліополь, и когда для встрѣчи его опять выступила процессія жрецовъ съ Аписомъ-Мневисомъ во главѣ, его удивило, что впереди процессіи онъ уже не видѣлъ прелестной Асенеоы съ золотымъ серпомъ и снопомъ пшеницы, а вмѣсто нея выступала съ этими аттрибутами божества другая юная жрица... Онъ, впрочемъ, тотчасъ же догадался, что Асенеоа, какъ замужняя женщина, уже не могла выступать въ процессіи въ качествѣ весталки-дѣвственницы, и потому ее замѣняла другая юная дѣвственница. На этотъ разъ, священный быкъ велъ себя какъ-то странно:—не смотря на то, что его и теперь, въ ожиданіи процессіи, порядочно проморили голодомъ, онъ шелъ какъ бы неохотно, часто останавливался и смотрѣлъ по сторонамъ своими добрыми какъ будто недоумѣвающими глазами, точно ища кого-то. Это замѣтили въ толпѣ.

— Что это сдѣлалось съ великимъ богомъ?—слышались недоумѣвающіе голоса,—онъ идетъ неохотно.

— Онъ какъ будто ищетъ кого... Это къ добру ли? Не готовится ли нашему городу какого несчастія?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ одинъ изъ жрецовъ,—великій богъ не

видитъ своей любимицы, Асенеѳы, дочери святого Петефрія, къ которой онъ такъ привыкъ; а Асенсоѣ, какъ не дѣвственницѣ, теперь уже нельзя быть носительницей священныхъ серпа и снопа.

Это объясненіе нѣсколько успокоило толпу. Но когда Іосифъ сошелъ съ своей царственной колесницы и сталъ подходить къ процессіи, Аписъ замѣтилъ его и, повидимому, узналъ: не смотря на усердное подкуриваніе его великимъ жрецомъ, быкъ быстро пошелъ впередъ, рогами отстранилъ отъ себя Петефрія съ кадильницей, торопливо прошелъ мимо юной жрицы съ серпомъ и снопомъ и остановился передъ Іосифомъ, ласково, но какъ бы вопрошающе глядя на него недоумѣвающими глазами.

Іосифъ сталъ гладить добродушнаго рогатаго бога. Толпа радостно заволновалась.

— Богъ дастъ гладить себя!—послышались голоса.—Богъ любитъ адона Іосифа! Слава великому богу Мневису! Слава адону Іосифу! Слава мужу Асенеѳы!

— Онъ соскучился объ Асенсоѣ, — шепнулъ Петефрій Іосифу,—онъ думаетъ, что она съ тобой. Съ тѣхъ поръ какъ Асенеѳа твоя жена, богъ не видѣлъ ее и скучалъ по ней, а она по нашимъ законамъ, уже не могла служить ему, кормить и гладить его.

Когда же Іосифъ, принявъ отъ новой жрицы серпъ, отрѣзалъ имъ отъ снопа пучекъ колосьевъ и подалъ ихъ Апису, проголодавшійся быкъ охотно и даже жадно сталъ жевать вкусный кормъ.

ГЛАВА X.

Іосифъ недолго оставался въ Геліополисѣ. Онъ долженъ былъ спѣшить въ столицу для доклада фараону о результатахъ своей поѣздки въ область Гессемъ и въ Нижній Египтъ, и потому, дня черезъ три, простившись съ своей молоденькой женой, уже переставшей стыдиться своего «уродства» и заливавшейся горькими слезами, онъ, скрѣпя сердце, долженъ былъ спѣшить въ Мемфисъ съ смутной тревогой за благополучный исходъ родовъ жены-полуребенка.

Фараонъ принялъ своего любимца необыкновенно милостиво, выслушалъ его докладъ, потому что всѣ мысли повелителя Египта были въ это время сосредоточены на предстоявшей ему охотѣ на появившагося около Мериdова озера гигантскаго

гиппопотама, и даже, чтобы доказать Іосифу свое особое благоволеніе, пригласилъ и его на охоту, однако, Іосифъ, не любившій этихъ кровавыхъ удовольствій и считавшій ихъ приличнымъ однимъ людоѣдамъ, отклонилъ отъ себя эту высокую честь, сославшись на то, что долженъ немедленно ѣхать въ Верхній Египетъ для обозрѣнія всей долины Нила и для необходимыхъ передѣлокъ въ самомъ «ниломѣрѣ».

Дѣйствительно, въ тотъ же день Іосифъ отплылъ на югъ все на томъ же кораблѣ «Изида», по прежнему окруженный огромною свитою. Какъ и въ Нижнемъ Египтѣ, его вездѣ встрѣчали съ царскими почестями. Процессія жрецовъ съ мѣстными божествами во главѣ выходила въ каждомъ городѣ привѣтствовать его. Въ каждой области или «хесепъ» онъ осматривалъ гидравлическія сооруженія, каналы, плотины, шлюзы, съ помощью своихъ техниковъ назначалъ мѣста для новыхъ оросительныхъ каналовъ и запрудъ, закладывалъ новыя зданія для житницъ или приказывалъ ремонтировать старыя; находившіеся при немъ землемѣры и писцы, вооруженные тростниковыми перьями и свитками папирусовъ, вписывали въ послѣдніе количество орошаемыхъ полей, размѣры собираемаго съ нихъ хлѣба и овощей, количество скота и т. д. Все государственное хозяйство получало такимъ образомъ полный инвентарь.

Наконецъ, экспедиція Іосифа вступила въ самый южный «хесепъ» страны фараоновъ, въ «хесенъ» Та-хонтъ, въ предѣлахъ нынѣшній Нубій, гдѣ находились Великіе Водопады Нила и знаменитый «ниломѣръ», устроенный еще при фараонѣ первой династіи и обновленный при фараонѣ династіи двѣнадцатой, Аменемхатѣ.

Не доѣзжая водопадовъ, экспедиція должна была остановиться, потому что далѣе «Изида» слѣдовать не могла, и дальнѣйшій путь нужно было совершать на ослахъ, ведомыхъ черными, какъ уголь, туземцами. Это были совершенно нагіе люди съ волосами на подобіе шерсти и съ кинжалами и дротиками. Кругомъ разстилалась мертвая пустыня съ обнаженными изъподъ ярко-желтаго песка огромными плитняками. По всему пути, вправо и влѣво, бѣлѣли на ослѣпительномъ солнцѣ кости людей и животныхъ, погибшихъ отъ зноя или растерзанныхъ львами пустыни. Солнце стояло прямо надъ головами, совершенно не бросая тѣни, и жгло невыносимо. Издали доносился глухой ревъ пороговъ.

И здѣсь, какъ въ виду безграничности водъ моря, душу Іосифа охватилъ ужасъ передъ величіемъ невѣдомаго Бога. Что передъ нимъ всѣ боги Египта!

Вдали виднѣлись чорныя скалы, изъ-за которыхъ сверкали воды таинственнаго Нила. Мѣстность становилась все печальнѣе и мрачнѣе. Среди гула пороговъ слышался жалобный клекотъ орловъ пустыни.

— О, священная рѣка!—воскликнулъ кто-то изъ свиты.— Говорятъ, что воды его низвергаются прямо съ неба.

При этомъ восклицаніи Іосифъ вспомнилъ слова своего стараго учителя Тутмеса, низверженнаго верховнаго жреца богини Мутъ.

— Я прослѣдовалъ вдоль этой непостижимой рѣки, вверхъ, на тысячи верстъ,—говорилъ онъ однажды,—и глаза мои устали отъ видѣнія дивныхъ мѣстъ и предметовъ, духъ мой изнемогъ отъ воспринятія всего видѣннаго, и я все-таки не достигъ истока Нила!

По мѣрѣ дальнѣйшаго движенія каравана Іосифа, грохотъ падающихъ водъ становился все могущественнѣе и заглушалъ и говоръ людей, и клекотъ орловъ. Пѣнистыя массы воды, съ стремительной быстротой низвергаясь съ отвѣсныхъ стремнинъ въ пропасть, съ ревомъ разбивались о подводныя камни, прыгали, какъ оживотворенныя, крутились коловоротами, какъ бы спѣшась кого-то догнать или съ ужасомъ отъ кого убѣгая. Надъ пучиной поднимались облака водяной пыли, и въ нихъ иногда переливались и исчезали всѣ цвѣта радуги. Чорные проводники что-то кричали, размахивая руками, но ничего не было слышно.

— Асенеѳа, жена моя!—шепталъ про себя Іосифъ. — Ты просила, чтобы я взялъ тебя съ собой; но, бѣдное дитя, ты бы не вынесла ни этого пути, ни этихъ ужасовъ.

Онъ вспомнилъ, что Асенеѳа давно уже должна была родить.

— Но кого?—спрашивалъ онъ себя.—Сына или дочь? Я вѣрю Богу отцовъ моихъ, что Онъ пошлетъ мнѣ сына.

Іосифа озабочивало то обстоятельство, что гонцы, которыхъ онъ отправилъ изъ Ѳивъ съ нѣкоторыми донесеніями къ фараону и съ письмомъ къ Асенеѳѣ, до сихъ поръ не возвращались. Благополучно ли были роды его молодой жены? Здорова ли она?

Съ этими мыслями онъ миновалъ водопады Нила, глубоко потрясенный всѣмъ видѣннымъ. Думалъ ли онъ когда-то, созерцая горы и долины Ханаана, что судьба готовитъ ему то, что уже

совершилось въ его жизни? Могъ ли онъ ожидать, что волею неисповѣдимаго Бога онъ поставленъ будетъ лицомъ къ лицу со всѣми видѣнными имъ чудесами, съ этими поразительными явленіями природы?

— А вотъ и Семне,—услышалъ онъ голосъ изъ свиты,—хвала Аммону-Ра! Конецъ нашимъ странствіямъ.

— Хвала свѣтоносному Горусу! Хвала матери Гаторъ! Хвала великой Мутъ, матери боговъ!—подхватили другіе голоса.

Караванъ Іосифа подъѣзжалъ къ крѣпости Семне, стоявшей на берегу Нила и оберегавшей отъ чернокожихъ обитателей земли Кушъ какъ южныя границы Египта, такъ и устроенный здѣсь «пиломѣръ» фараона Аменемхата III, «пиломѣръ», погибшія записи котораго помогли когда-то жрецу Тутмесу похитить у Нила тайну его разливовъ.

Въ Семне уже знали о приближеніи къ крѣпости перваго сановника и намѣстника фараона, и потому навстрѣчу Іосифу вышелъ жрецъ, предшествуемый двумя молодыми страусами. Птицы выступали мирно, словно солдаты, высоко поднявъ свои головы на длинныхъ шеяхъ.

— Птицы нильскаго подводнаго бога Сеть привѣтствуютъ великаго адона фараоновъ!—проговорилъ жрецъ, подавая Іосифу золотые ключи на блюдѣ изъ слоновой кости и звеня «систромъ».

То были ключи отъ крѣпости. Едва жрецъ проговорилъ свое привѣтствіе, какъ страусы издали какой-то пронзительный крикъ, и изъ воды Нила, на берегу котораго все это происходило, показалась чудовищная голова громаднаго крокодила. Чудовище, сверкнувъ своими отвратительными маленькими глазками, выползло на берегъ и медленно приближалось къ тому мѣсту, гдѣ стояли Іосифъ и жрецъ съ страусами.

— Нильскій подводный богъ Сеть вышелъ изъ своего подводнаго храма, чтобъ привѣтствовать счастливое прибытіе къ предѣламъ земли фараоновъ великаго адона,—сказалъ жрецъ, потрясая въ воздухѣ «систромъ».

Въ это мгновеніе крокодилъ, раскрывъ свою чудовищную пасть, схватилъ одного изъ страусовъ и, неуклюже перебирая своими безобразными ящеричными лапами, бросился съ своей добычей обратно къ Нилу, подобно черной чешуйчатой колодѣ, бултыхнулся въ него и исчезъ въ мутныхъ струяхъ его.

— Великій нильскій Сеть принялъ жертву благороднаго адона,—воскликнулъ жрецъ, потрясая въ воздухѣ металличе-

скимъ систромъ,—подводный богъ благосклоненъ къ правой рукѣ его святѣйшества фараона.

Не слушая болтовню жреца, Іосифъ обратилъ вниманіе на отвѣсную, отполированную скалу, выходившую прямо изъ Нила, на которой начертаны были линіи высоты водъ во время разливовъ и года высочайшаго подъема нильскихъ водъ. Нѣсколько въ сторонѣ, на той же полированной скалѣ Іосифъ прочелъ слѣдующее начертаніе:

О, великая, священная, непостижимая рѣка! Кто извѣдаетъ твои тайны? Кто достигнетъ той таинственной утробы, изъ которой изливаются твои воды? Гдѣ она? гдѣ ея неистощимые отъ созданія земли запасы? Въ нѣдрахъ ли земли таятся твои неизсякаемыя сокровища, въ вѣчныхъ ли снѣгахъ невѣдомыхъ міру горъ, въ бродящихъ ли по лицу небесъ громовыхъ тучахъ? Фараоны всѣхъ династій, побѣдители вселенной, великіе мудрецы земли египетской, жрецы всѣхъ боговъ Египта вопрошали тебя о томъ же, и ты оставался нѣмъ къ ихъ просьбамъ и заклинаніямъ. Владыки Египта силою надѣялись похитить тайну твоего истока—твоего рожденія, чтобъ завѣщать ее будущимъ поколѣніямъ; но неумолимая природа ревниво берегла свою тайну. Фараонъ Аменемхатъ Ш, второй отецъ этого «Ниломѣра», хотѣлъ завистливымъ окомъ заглянуть въ нѣдра твоего рожденія, но посланные имъ въ глубь Эѳіопіи жрецы и воины частію погибли въ пути подъ знойнымъ поясомъ неба, частью обезумѣли отъ видѣнныхъ ими ужасовъ. Величайшій изъ фараоновъ, фараонъ Хуфу (Хеопсъ), великую гробницу котораго допынѣ всѣ смертные созерцаютъ около Мемфиса, въ «городѣ мертвыхъ». Хуфу, колесницу котораго везли на себѣ цари этого міра, этотъ левъ вселенной едва не погибъ подъ пламеннымъ небомъ земли Кушъ, не постигнувъ таинственнаго лона водъ твоихъ, а воины его, терзаемые голодомъ, пожрали другъ друга, оставивъ на пути свои бѣлыя кости. И я въ безумной дерзости искалъ твоего лона, лона твоей матери, о непостижимый Нилъ! И я измѣрилъ безконечную даль твою, неизмѣримыя пространства, протекаемыя тобою отъ вѣка до вѣка; но, страшась обезумѣть отъ видѣнныхъ мною на пути твоемъ ужасовъ, и я, посрамленный тобою, возвратился, не постигнувъ твоего начала. Но за то я отомстилъ тебѣ другою местью, гордый своей тайною Нилъ! Я похитилъ у тебя тайну разлитія и оскудѣнія водъ твоихъ, и отнынѣ жрецы Египта не будутъ уже приносить тебѣ человѣческихъ

жертвъ, какъ ненасытному божеству. Для меня ты пересталъ быть богомъ».

Надпись эта поразила Іосифа. Онъ понялъ, что никто кромѣ Тутмеса не могъ начертать ее.

— Чье это начертаніе?—спросилъ онъ жреца.

— Это начертаніе одного безумца, котораго боги за дерзость превратили въ песокъ пустыни,—отвѣчалъ жрецъ.—Начертаніе же это оставлено здѣсь въ назиданіе и страхъ будущимъ поколѣніямъ.

Іосифъ съ грустью взглянулъ снова на начертаніе своего бывшаго учителя и благодѣтеля. Вотъ все, что осталось послѣ него!.. Обширныя знанія тайнъ природы, великій умъ, непостижимая сила внушеній воли, все погибло, все превращено въ пепелъ вмѣстѣ съ его тѣломъ и смѣшалось съ песками пустыни... И остались только эти слова его, частица его души, рѣзцомъ прикованная къ граниту. А его самого нѣтъ! точно его и не было. Слова, начертанія, рѣзы на камнѣ пережили его самого, твореніе пережило творца... Мысль пережила того, что ее выразилъ, у кого она слетѣла съ вѣщихъ устъ и прильнула къ этому мертвому граниту...

Да, не весь онъ погибъ, не весь исчезъ съ своимъ пепломъ: частицу своихъ богатыхъ знаній, часть своей души, своей воли, онъ передалъ ему, Іосифу, бѣдному рабу изъ Ханаана, и этотъ бѣдный рабъ изъ Ханаана, проданный братьями за двадцать «златницъ», теперь онъ владыка всей земли фараоновъ, великій «адонъ» всемогущій «псомѳомфанихъ» Верхняго и Нижняго Египта, отъ Великихъ Водопадовъ вплоть до «великихъ зеленыхъ водъ» Уатъ-Уръ.

Въ стоявшей по близости свитѣ Іосифа произошло движеніе.

— Гонцы изъ Мемфиса... Послы отъ фараона,—послышались голоса.

Іосифъ невольно встрепенулся. Къ крѣпостнымъ воротамъ Семне приближались прибывшіе изъ Мемфиса гонцы.

«Есть ли гонецъ отъ Асенеѳы? дрогнуло сердце Іосифа.

Есть! Черезъ нѣсколько минутъ Іосифъ отошелъ въ сторону отъ свиты, держа въ рукѣ небольшой свитокъ папируса. Развернувъ и пробѣжавъ его, онъ поднялъ глаза къ небу.

— О, Богъ мой! Богъ отцовъ моихъ! Богъ Авраама, Исаака и Іакова Да будетъ благословенно имя твое! Сына котораго Ты далъ мнѣ, я назову Манассіею, ибо въ этомъ сынѣ Ты сподо-

билъ меня забыть всѣ несчастья мои и отца моего!—тихо шепталъ онъ, глядя въ небо.

ГЛАВА XI.

Прошло десять лѣтъ. Первыя семь лѣтъ изъ этихъ десяти были самыми урожайными, какія только могли запомнить старожилы Египта. Въ эти семь лѣтъ, вслѣдствіе распоряженія Іосифа, всѣ государственныя житницы земли фараоновъ были наполнены запасами хлѣба до-верху: «и собра Іосифъ пшеницу яко песокъ морскій—говоритъ Книга Бытія—многу зѣло, дондеже не можаху исчести: безъ числа бо бяше».

Послѣ урожайныхъ семи лѣтъ съ Нилomъ совершилось что-то необычайное: разливы водъ его разомъ прекратились, и страна фараоновъ осталась безъ орошенія. Все, что было посѣяно въ первый годъ, было выжжено знойнымъ солнцемъ и постоянно дувшими съ юга пламенными вѣтрами «хамсипомъ», и ни одно зерно не взошло. Посѣвы слѣдующаго года также истребила засуха.

Для Египта насталъ голодъ... «И возопи народъ къ фараону о хлѣбахъ». Тогда фараонъ приказалъ Іосифу открыть государственныя житницы и продавать народу хлѣбъ по уменьшеннымъ цѣнамъ.

Іосифъ занималъ въ это время съ своимъ семействомъ правую половину мемфисскаго дворца фараоновъ. У него уже было отъ Асенеѳы два сына, Манассія и Ефраимъ, изъ которыхъ старшему было десять лѣтъ, а младшему девять.

Эти хорошенькіе смуглые и черноглазые мальчики, окруженные сверстниками изъ дѣтей другихъ царедворцевъ, играютъ на дворѣ дома Іосифова «въ голодъ». Манассія изображаетъ изъ себя фараона Апепи, а Ефраимъ его адона и исомѳомфаниха, Іосифа. Другіе мальчики играютъ роль «голодающихъ египтянъ».

Манассія съ комической важностью возсѣдаетъ на тронѣ, на спинѣ ближайшаго къ колоннадѣ дворца сфинкса. На курчавой головкѣ его красуется вѣнецъ Верхняго и Нижняго Египта изъ свертка папирусной бумаги. Въ правой рукѣ скипетръ изъ стебля лотоса съ цвѣткомъ. Ефраимъ стоитъ около него въ почтительной позѣ царедворца. У колонны робко жмутся маленькіе

просители съ мѣшечками въ рукахъ и съ плутовскими улыбками на смуглыхъ личикахъ.

— Я, Озимандій, царь царей, великій фараонъ Апепи, сынъ Аммона-Ра!—важно возглашаетъ Манассія.—Я повелѣваю тебѣ, Іосифъ, псомѳомфанихъ земли египетской, отпустить изъ моихъ житницъ хлѣба голоднымъ рабамъ моимъ.

Ефраимъ почтительно поклонился и обратился къ стоявшимъ у колоннъ мальчикамъ.

— Подойди сюда тотъ, кто ближе стоитъ,—сказалъ онъ ближайшему.

Мальчикъ показывая видъ, что очень боится фараона и его псомѳомфаниха, что руки и ноги его дрожатъ отъ страха, подошелъ.

— Ты изъ какой области земли фараоновъ?—спросилъ его Ефраимъ.

— Изъ земли Гесемъ, господинъ,—отвѣчалъ мальчикъ, стараясь не фыркнуть въ лицо фараону и его псомѳомфаниху.

— Такъ и у васъ голодъ?

— Голодъ, господинъ: и жена, и дѣти мои давно не ѣли ничего.

— А деньги есть на что купить хлѣба?

— Есть, господинъ: вотъ деньги.—И шалунъ положилъ на ладонь Ефраима глиняный черепокъ.

— Вотъ пшеница, бери въ свою суму,—сказалъ послѣдній, указывая на кучу песку, что была приготовлена для посыпки дорожекъ въ саду.

Мальчикъ насыпалъ въ сумочку песку, перекинулъ сумочку на спину и, дѣлая видъ, что гнется подъ тяжестью мѣшка, удалился за колонну.

— Подходи слѣдующій!—командовалъ Ефраимъ.

Тогда приблизился другой мальчикъ. Смуглыя щечки его такъ и надувались отъ смѣху; но онъ сдерживался.

— Ты изъ какой области?—спросилъ его Ефраимъ.

— Изъ... изъ... изъ... Ану-Геліополиса...—И плутишка, зажимая руками носъ, не удержался и фыркнулъ.

— А!—грозно проговорилъ Манассія—.Я, Озимандій, царь царей, повелѣваю этого негоднаго раба взять въ темницу! Заковать его въ желѣзо!

Ефраимъ схватилъ было провинившагося шалуна, но тотъ

не давался: въ борьбѣ оба мальчика разгорячились и видимо сердились, стараясь одолѣть одинъ другого.

— Ничтожный рабъ, повинуйся! — вскричалъ Манассія, вскакивая съ своего трона.—Я повелѣваю!

— Да онъ щиплется,—защищался виновный.

— Молчать, рабъ! — прикрикнулъ на него Манассія. — Я тебя!

— Я не рабъ!—въ свою очередь, вспылилъ мальчикъ.—Я сынъ благороднаго Путіоара, архимагира фараонова! Ты самъ рабъ! Твой отецъ Іосифъ рабъ! Его мой отецъ купилъ на рынкѣ какъ барана, а потомъ за воровство посадилъ въ темницу.

Глаза Манассіи сверкнули гнѣвомъ. Съ поднятыми кулаками, забывъ свой санъ, санъ фараона, онъ бросился на обидчика; но тотъ, отчаяннымъ усиліемъ поваливъ на землю Ефраима, бросился бѣжать со двора. Манассія за нимъ

— Жидъ!.. Жидъ!.. Жиденокъ!—кричалъ убѣгавшій сынъ Путіоара и Снатъ-Гаторъ, которая когда-то хотѣла обольстить Іосифа.—Жидъ!.. Жиденокъ!.. Презрѣнный халапеяшинъ!

Манассія и Ефраимъ погнались за нимъ; но напрасно: обидчикъ успѣлъ выбѣжать за пилоны дворца. Весь красный отъ обиды и гнѣва, Манассія выскочилъ тоже за пилоны и остановился: обидчикъ юркнулъ въ толпу, скучившуюся у воротъ двора его Іосифова.

Это была страшная толпа, состоявшая человѣкъ изъ десяти. Около каждаго былъ оселъ, навьюченный мѣшками, повидимому, до половины или совсѣмъ пустыми. Такихъ людей ни Манассія, ни Ефраимъ никогда не видали. Это не были египтяне: и одѣяніе ихъ, и наружность, и незнакомая рѣчь, которою они робко перекидывались между собою, все изобличало въ нихъ иноземцевъ и, вѣроятно, пришедшихъ издалека, такъ запылены были ихъ лица и одежды. У каждаго изъ нихъ было по длинному посоху съ какими-то крючками наверху.

Манассія и Ефраимъ, забывъ о своемъ обидчикѣ, съ любопытствомъ смотрѣли на незнакомцевъ. Они, повидимому, о чемъ-то просили привратника дома Іосифова.

— Что это за люди?—тихонько спросилъ Манассія у привратника.

— За хлѣбомъ пришли издалека, господинъ,—отвѣчалъ послѣдній.

— Откуда? Изъ какой земли?—спросилъ Ефраимъ.

— Изъ Ханаана, господинъ, — отвѣчалъ привратникъ,— хананеяне.

Манассія вспомнилъ, что его Усурта, маленькій сынъ Путифара, дерзко обозвалъ тоже «хананеянином». Что же это такое Ханаанъ, хананеяне, эти слова онъ иногда слышалъ отъ отца. Зачѣмъ же его Усурта назвалъ хананеянином? Развѣ онъ такой же запыленный и загорѣлый, какъ эти пришельцы? Кто же они?

За разъясненіемъ своихъ недоумѣній мальчикъ побѣжалъ къ матери. Асенеоа находилась въ это время въ небольшомъ саду, примыкавшемъ къ половинѣ дворца, выходившей къ Нилу. Она въ сопровожденіи двухъ рабынь возвращалась съ купанья, устроеннаго въ небольшомъ, обтянутомъ бѣлою тканью бассейнѣ. Это была уже не четырнадцатилѣтняя дѣвочка, какою ее въ первый разъ увидѣлъ Іосифъ двѣнадцать лѣтъ назадъ, а красавица-египтянка въ полномъ расцвѣтѣ своемъ, съ томными, продолговатыми глазами сфинкса, съ граціозными движеніями тигренка.

Увидѣвъ своихъ мальчиковъ, она улыбнулась, замѣчая, что Ефраимъ все больше и больше становится похожимъ на отца своимъ кроткимъ личикомъ и мягкостью взора, тогда какъ во взорѣ Манассіи подчасъ сверкали молніи.

— Мама! Что такое значитъ хананеянинъ?—спросилъ послѣдній съ особеннымъ блескомъ въ глазахъ.

— Хананеянинъ, мой мальчикъ?—улыбнулась Асенеоа.— Это житель Ханаана.

— А хананеяне хорошіе?—продолжался допросъ.

— Твой отецъ хананеянинъ, — отвѣчала Асенеоа. — А почему ты это спросилъ?

— Тамъ у воротъ хананеяне,—сказалъ Ефраимъ.—Только они не похожи на отца.

— Какіе хананеяне, дѣти? Гдѣ вы ихъ видѣли?

Это спрашивалъ самъ Іосифъ, показавшійся наверху бокового пилона, съ котораго открывался видъ на весь Мемфисъ и на пирамиды.

— У воротъ стоятъ. Такіе пыльные,—отвѣчалъ Манассія,— съ длинными посохами.

— Такіе странные, не похожи на египтянъ, — пояснилъ Ефраимъ.

— Ихъ всѣхъ десять,—добавилъ Манассія.

Еслѝъ Асенеоа и ея дѣти могли внимательнѣе вглядѣться въ лицо Іосифа, то они увидѣли бы, что онъ поблѣднѣлъ и съ выраженіемъ не то боли, не то испуга на лицѣ схватился за сердце, и мгновенно скрылся за уступомъ пилона.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ явился уже на дворѣ, глубоко взволнованный. Торопливо войдя въ пріемный покой своего дворца, онъ приказалъ рабамъ надѣть на него багряницу и принести золотую цѣпь.

Облаченный въ багряницу, онъ вышелъ на платформу, съ которой ступени вели во внутренній дворъ съ колоннами и сфинксами. Въ просвѣтѣ изъ-за внѣшнихъ пилоновъ видѣлась группа хананеянъ, о которыхъ ему сказали дѣти, и которыхъ онъ самъ сейчасъ хорошо разсмотрѣлъ изъ амбразуры одного пилона, незамѣченный ими. Остановившись на верхней ступени дворцовой платформы, онъ обратился къ одному изъ окружавшихъ его на почтительномъ разстояніи, дворцовому служителю.

— Привести сюда тѣхъ иноземцевъ, что стоятъ за пилонами у воротъ дворца.

Служитель съ низкимъ поклономъ поспѣшилъ исполнить приказаніе великаго адона.

Скоро показались и невѣдомые пришельцы. Они робко, съ глубокимъ смущеніемъ двигались вслѣдъ за дворцовымъ служителемъ. Эта грандіозность дворца фараоновъ, эти гранитныя колонны по сторонамъ, эти темноликіе, молчаливые сфинксы, и впереди величественная фигура въ багряницѣ, все это глубоко поражало пришельцевъ.

Не доходя нѣсколькихъ шаговъ до ступеней, на верху которыхъ стоялъ Іосифъ, они всѣ упали ницъ. Словно молнія радости и торжества, смѣшанныхъ съ горечью и болью, пробѣжала по лицу Іосифа.

— Встаньте!—суровымъ голосомъ приказалъ онъ.

Пришельцы робко поднялись, оставаясь на колѣняхъ. Іосифъ узналъ ихъ. Онъ узналъ своихъ братьевъ, когда они еще стояли у воротъ. Но они не узнали своего брата въ багряницѣ, брата, великаго адона земли фараоновъ, псомоомфаниха всего Египта, брата, котораго они когда-то продали!

При видѣ братьевъ, поклонившихся ему до земли онъ вспомнилъ свой сонъ: всѣ десять сноповъ братьевъ его кланяются

его сыну. Въ умѣ его мгновенно пронеслись его далекое дѣтство, горы и долины Ханаана, дорогое лицо престарѣлаго отца, могила матери... Слезы подступили ему къ горлу... Но онъ долженъ пересилить себя...

— Кто вы и откуда?—спросилъ онъ попрежнему сурово.

— Изъ земли ханаанской мы, великій господинъ,—отвѣчалъ старшій изъ нихъ,—пришли купить хлѣба... Голодъ у насъ въ Ханаанѣ.

— Нѣтъ, вы соглядатаи, — сказалъ имъ Іосифъ, — вы пришли, чтобъ видѣть пути въ землѣ нашей.

Суровыя слова Іосифа и подозрѣніе его поразили пришельцевъ.

— Нѣтъ, великій господинъ,—отвѣчалъ старшій изъ нихъ,—мы, рабы твои, пришли только купить хлѣба... Всѣ мы сыновья одного человѣка... Мы, рабы твои, мирные люди, не соглядатаи.

— Не вѣрю вамъ!—продолжалъ Іосифъ, возвышая голосъ, хотя сердце его сжималось жалостью, при видѣ униженія старшихъ братьевъ своихъ, при видѣ ихъ запыленныхъ и усталыхъ лицъ; ему хотѣлось броситься къ нимъ на шею и выплакать на груди ихъ всѣ слезы, не выплаканныя за годы отчужденія отъ родины, отъ родныхъ ласкъ, отъ родной рѣчи. Но онъ снова пересилилъ свою слабость.

— Не вѣрю вамъ!—повторилъ онъ,—вы пришли соглядатайствовать пути земли нашей.

«Нашей!..» Развѣ это «его» земля? Развѣ она не тамъ, откуда пришли эти жалкіе, униженные братья его, валяющіеся передъ нимъ на раскаленныхъ солнцемъ плитахъ двора его? Но такъ угодно Богу...

И въ то же время онъ думалъ съ тоскою: «какъ постарѣли они! Какъ измѣнились ихъ лица! Сколько сѣдины серебрится въ согбенныхъ отъ униженія головахъ старшихъ братьевъ!.. Онъ вспомнилъ слова брата Іуды, когда сидѣлъ тамъ, во рву, ожидая смерти: «зачѣмъ убивать его? Лучше продадимъ его измаильтянамъ»...

Что-то вродѣ слезы блеснуло теперь въ глазахъ этого посѣдѣвшаго Іуды.

— О, великій господинъ земли египетской!—съ страстной мольбой воскликнулъ онъ.—Насъ всѣхъ рабовъ твоихъ, двѣнадцать братьевъ въ землѣ ханаанской... Меньшій изъ насъ остался съ отцомъ...

— А гдѣ же двѣнадцатый?—съ дрожью въ голосѣ спросилъ Іосифъ.

— Двѣнадцатаго совсѣмъ нѣтъ, господинъ,—смущенно отвѣчалъ Іуда.

Жалость все больше и больше грызла сердце Іосифа... «Что-жъ они ничего не сказали о «двѣнадцатомъ»? Гдѣ онъ? Жалѣютъ ли они о немъ?— вспоминаетъ ли о немъ отецъ?»

Іосифъ ждетъ. Онъ ждетъ, не скажутъ ли они чего о «двѣнадцатомъ»? Или имъ совѣсть воспрещаетъ это?

— Теперь я совершенно убѣждаюсь, что вы соглядатаи,— говоритъ онъ съ суровой рѣшимостью.—Клянусь фараономъ! Да здравствуетъ онъ вѣчно, вы не выйдете отсюда, пока вашъ меньшій братъ не придетъ сюда. Пошлите одного изъ васъ въ Ханаанъ, пусть онъ приведетъ вашего брата. Васъ же я задержу здѣсь, пока не подтвердятся ваши слова, правду ли вы говорите или нѣтъ. Если нѣтъ, то, клянусь вамъ фараономъ! Вы соглядатаи.

Пришельцы, пораженные словами Іосифа, молчали. Они не смѣли даже переглядываться. Они боялись, что суровый господинъ приметъ это за нѣмой уговоръ. Всѣ ждали, что скажетъ Іуда, который первый заговорилъ съ Іосифомъ. Но и Іуда молчалъ, не зная, что сказать, какія привести доказательства своей правоты.

Іосифъ взглянулъ на Рувима, стоявшаго рядомъ съ Іудою. И этого сѣдина преобразила въ старца. Запекшіяся отъ зноя губы его что-то беззвучно шептали, и загорѣлыя руки судорожно сжимали пастушескій посохъ, столь знакомый Іосифу съ дѣтства. Іосифъ и его слова припомнилъ. Когда, посланный отцомъ въ Дофаимъ провѣдать: здоровы ли братья и овцы, онъ услыхалъ, подходя къ нимъ, какъ они говорили: «вотъ идетъ нашъ сновидецъ, убьемъ его и бросимъ тѣло его въ ровъ, а отцу скажемъ, что его растерзали звѣри, что тогда станется съ его снами?» то тогда же онъ услыхалъ слова Рувима: «зачѣмъ проливать кровь брата?» И этотъ Рувимъ стоялъ теперь передъ нимъ приниженный, убитый... И всѣ эти десять головъ, посеребренныя сѣдинами, стояли передъ нимъ въ глубокомъ уничиженіи!

Іосифъ все ждалъ, что скажутъ они о «двѣнадцатомъ».

Молчатъ. Слышно только ихъ тяжелое дыханіе.

О, какъ бы онъ хотѣлъ, чтобы изъ-за этихъ десяти поник-

шихъ головъ глянуло на него милое, дѣтское личико Веніамина! Какъ онъ любилъ его дѣтскій лепетъ, его порывистыя ласки! Онъ вспомнилъ, какъ они съ Веніаминомъ, играя на берегу Мертваго моря, бросали прибрежные камушки на его мертвую, словно застывшій свинецъ, поверхность. Ему страстно захотѣлось видѣть товарища своихъ дѣтскихъ игръ. И онъ принялъ суровое рѣшеніе.

— Взять ихъ и заключить подъ стражу! — сказалъ онъ окружающимъ.

И сверкая золотою цѣпью и пурпуромъ одежды, Іосифъ молча удалился во внутренніе покои дворца фараоновъ

ГЛАВА XII.

На третій день Іосифъ приказалъ привести къ себѣ братьевъ. Печальный видъ ихъ, душевныя муки, отражавшіяся на ихъ пуренныхъ лицахъ, мысль объ отцѣ, можетъ быть, голодномъ, тщетно ждавшемъ возвращенія сыновей съ хлѣбомъ, все прошлое жизни его и вотъ этихъ жалкихъ пришельцевъ, очутившихся среди незнакомой имъ обстановки, среди чуждаго народа вся горечь старой обиды, горечь, осадокъ которой весь вытѣснилъ изъ души умиленіемъ и сознаніемъ, что все это миновало, превративъ горе въ радость, все это вызывало изъ души его невыплаканныя рыданія, слезами подступало къ горлу, тумапило глаза, хотѣвшіе плакать и плакать!

Но онъ и теперь задавилъ все это въ себѣ.

— Я снова говорю вамъ то, что сказалъ прежде,—проговорилъ онъ сдавленнымъ отъ волненія голосомъ,—если исполните то, что я повелѣваю вамъ, я оставлю вамъ жизнь. Если вы пришли сюда съ добрыми намѣреніями, то обѣщайте мнѣ привести съ собою младшаго брата вашего. Я велю отпустить вамъ теперь же пшеницы, и въ залогъ вѣрности вашей, оставлю здѣсь одного изъ васъ; исполните мою волю—будете живы, не исполните—умрете всѣ.

Выслушавъ этотъ приговоръ, они растерянно смотрѣли другъ на друга и заговорили тихо и робко, по-еврейски, на языкѣ Ханаана, вполнѣ убѣжденные, что грозный владыка земли фараоновъ, прирожденный египтянинъ, какимъ они считали Іосифа, не понимаетъ ихъ.

— Ей, грѣшны мы передъ братомъ нашимъ Іосифомъ... Его скорбь не тронула насъ тогда, въ Дофаимѣ, когда мы хотѣли убить его... Слезы его не тронули насъ... И вотъ теперь за него постигло насъ наказаніе.

Такъ говорили между собой братья, подавленные отчаяніемъ.

— А не я ли говорилъ вамъ: не трогайте, не обижайте дѣтище отца нашего! — съ тихимъ упрекомъ проговорилъ Рувимъ.—Но вы не послушали меня, и вотъ теперь на насъ взыщется кровь его.

Долѣе не могло вынести сердце Іосифа, когда онъ услыхалъ родной языкъ, эту милую рѣчь далекаго, золотого дѣтства, рѣчь, которую онъ уже почти началъ забывать, эти звуки Ханаана, эту мелодію водъ Іордана, все, что осталось въ душѣ его самаго свѣтлаго, какъ бы навѣки въ ней похороненнаго.

Онъ порывисто воротился во внутренніе покои дворца и, закрывъ лицо ладонями, горько заплакалъ. Но это была не горечь отчаянія, а скорѣе сладость умиленія, сладость слезъ, невыплаканныхъ съ той минуты, какъ отъ него скрылось небо Ханаана.

Въ этомъ состояніи застала его Асенеѳа. Прекрасные глаза ея выразили испугъ и смятеніе.

— Что съ тобою, господинъ мой и супругъ мой? — тихо спросила она, съ нѣжною лаской положивъ руку на его плечо.

Іосифъ не отвѣчалъ, и слезы изъ глазъ его потекли еще обильнѣе, просачиваясь между пальцами, на одномъ изъ которыхъ сверкалъ дорогой перстень фараона.

— Боги! Богъ Авраама, Исаака и Іакова! Какое горе посѣтило насъ?—поднявъ руки къ небу съ горестью воскликнула египтянка.

Потомъ она обвила одною рукой шею Іосифа, а другою силилась отнять руки мужа отъ его заплаканнаго лица.

— Господинъ мой и повелитель!—страстно шептала она.—Скажи же мнѣ, рабынѣ твоей, что съ тобой!

Іосифъ, послѣ перваго взрыва слезъ, успѣлъ нѣсколько успокоиться, и лицо его понемногу прояснилось.

— Не спрашивай меня теперь, другъ мой,—ласково сказалъ онъ, вытирая слезы и нѣжно гладя хорошенькую головку Асенеѳы.

— Но ты плачешь, мой Іосифъ,—ласкалась она, — твои слезы. слезы мужчины.

— Эти слезы скоро превратятся въ радость, — отвѣтилъ Іосифъ,—только теперь не спрашивай меня объ этомъ... Не пришло еще время...

— Но ты не будешь больше плакать?

— Не буду.

— Если-бъ ты зналъ, какъ страшно видѣть слезы мужчины! Я никогда не видѣла, чтобъ ты плакалъ, да будетъ благословенъ Богъ отцовъ твоихъ! Вотъ только сегодня...

— Ничего, ничего, моя добрая... Но мнѣ надо итти туда, меня ждутъ...

И Іосифъ снова вышелъ къ братьямъ, съ тревогой ожидавшимъ его на дворѣ. Асенеѳа тихонько послѣдовала за мужемъ. Съ свойственнымъ женщинамъ дѣтскимъ любопытствомъ, обусловливаемымъ въ нихъ большею впечатлительностью нервовъ и большею отзывчивостью къ побужденіямъ сердца, хорошенькая египтянка сразу задалась рѣшимостью, во что бы то ни стало, выслѣдить причину непостижимыхъ для нея слезъ мужа. Какая-нибудь необычайная, очень сильная причина заставила плакать такого сдержаннаго, спокойнаго мужчину. И притомъ эта тайна, которую онъ хранитъ отъ нея, отъ своей жены... «Слезы превратятся въ радость»... Но зачѣмъ же слезы? И зачѣмъ эта тайна?.. Неужели причиной слезъ эти загорѣлые, запыленные пришельцы, эти пастухи, что стоятъ на дворѣ? Не даромъ онъ былъ такъ строгъ съ ними, хоть они и единоплеменники его, хананеяне. Развѣ они принесли ему какую-нибудь дурную вѣсть съ его родины? Или они виновны въ его горѣ? Но какое горе у него? Отчего во всю жизнь онъ не открылъ ей, своей женѣ, этого горя? Развѣ то, что онъ былъ рабомъ этого падутаго Путиѳара и его противной жены, этой кривляки Снать-Гаторъ? Но зачѣмъ онъ именно теперь плакалъ?

Да, тутъ виноваты эти загорѣлые хананеяне, рѣшила Асенеѳа, и тихонько стала наблюдать изъ-за одной колонны за ними и за своимъ мужемъ.

Между тѣмъ, Іосифъ, выйдя къ братьямъ, чтобы скрыть свое волненіе, нѣсколько помолчалъ, глядя на нихъ. Онъ искалъ глазами Симеона, который тамъ, въ Доѳаимѣ, посовѣтовалъ братьямъ убить его.

— Мужи ханаанскіе! — промолвилъ, наконецъ, Іосифъ.— Что я сказалъ, рѣшено! Сейчасъ велю отпустить вамъ пшеницы

полные мѣшки, отправляйтесь въ Ханаанъ къ отцу вашему, а одного изъ васъ я оставлю заложникомъ.

Потомъ, обратясь къ стоявшей въ сторонѣ дворцовой стражѣ, сказалъ:

— Возьмите того изъ нихъ, который стоитъ четвертымъ слѣва, и закуйте его въ желѣзо.

Четвертымъ слѣва стоялъ Симеонъ. Онъ вздрогнулъ и попятился было назадъ, когда къ нему подошли стражи, но Іуда остановилъ его.

— Такъ Богу угодно, братъ нашъ,—сказалъ онъ,—претерпи за всѣхъ насъ и за отца нашего Іакова... Всеблагій видитъ сердца наши и правоту нашу, и Онъ освободитъ тебя.

— Жди насъ вмѣстѣ съ братомъ Веніаминомъ, — сказалъ Рувимъ, обнимая плачущаго Симеона, уводимаго стражемъ.

Всѣ братья поспѣшили обнять его.

— Поклонитесь отъ меня отцу моему и отцу вашему,—рыдая, проговорилъ Симеонъ,—облобызайте за меня землю Ханаана, по которой когда-то ходили ноги мои... Скажите горамъ и холмамъ моей родины, что я вѣчно буду оплакивать ихъ.

Его увели. Іосифъ проводилъ его глазами, полными слезъ, и потомъ обратился къ остальнымъ братьямъ, изъ которыхъ многіе плакали, глядя въ слѣдъ уводимому Симеону.

— Я отпускаю васъ въ землю ханаанскую,—сказалъ онъ.— Мѣшки же ваши сейчасъ будутъ наполнены пшеницей.

Ему такъ хотѣлось крикнуть въ послѣдній разъ:—«поклонитесь отцу отъ давно оплакиваемаго имъ сына, Іосифа!» Но онъ сдержалъ этотъ крикъ и медленно направился во внутреніе покои дворца. На пути онъ встрѣтилъ Асенеѳу. Въ глазахъ ея свѣтилось что-то загадочное. Скрытно наблюдая за послѣднимъ объясненіемъ Іосифа съ братьями и пытливо вглядываясь въ лицо послѣднихъ, она поражена была сходствомъ ихъ съ ея мужемъ. «Не братья ли они ему?» мелькнуло у нея въ умѣ. «Тогда зачѣмъ же онъ такъ сурово обошелся съ ними? За что сажалъ ихъ въ темницу? Зачѣмъ теперь велѣлъ заковать этого одного? А его слезы? А его таинственный намекъ на то, что эти слезы превратятся въ радость?.. А сходство ихъ необыкновенное! Но, быть можетъ, всѣ ханаанеяне похожи другъ на другу, какъ черные обитатели земли Кушъ?»

Встрѣтивъ мужа, Асенеоа ласково положила ему на плечи свои маленькія ручки и пытливо поглядѣла въ глаза.

— У тебя и теперь слезы на глазахъ, господинъ мой, — нѣжно сказала она.—За что ты велѣлъ связать одного изъ ханаанеянъ?

— Не спрашивай меня объ этомъ, другъ мой,—отвѣчалъ Іосифъ.—Истину сказать тебѣ не пришло время; а сказать неправду, я не могу.

Въ это время прибѣжали Манассія и Ефраимъ. Лицо перваго мальчика казалось необыкновенно серьезнымъ.

— Отецъ!.. — обратился онъ къ Іосифу. — Что значитъ слово «жиденокъ»?.. Хорошее оно или нехорошее?

— Оно такое же, какъ и слово «египтянинъ»,—отвѣчалъ Іосифъ, погладивъ голову мальчика.—А зачѣмъ ты это спрашиваешь?

— Меня назвалъ «жиденкомъ» Усурта, сынъ Путіфара.

По лицу Іосифа прошла тѣнь, но онъ молчалъ

— Усурта бранилъ меня,—продолжалъ мальчикъ, — и назвалъ «жиденкомъ», а про тебя сказалъ, что ты былъ рабомъ его отца, что онъ купилъ тебя на рынкѣ, какъ овцу, а потомъ за воровство посадилъ тебя въ темницу.

— Какъ! Онъ смѣлъ это сказать!—всплеснула руками Асенеѳа, и щеки ее покрылись краской негодованія.—Друга и отца фараона, великаго адона, псомѳомфаниха земли египетской назвать воромъ! О, боги! Да его мало отдать на съѣденіе крокодиламъ! Залить растопленной мѣдью его глотку! Засыпать песками пустыни!

Въ ней заговорила африканская кровь, пламенная, какъ африканское солнце, какъ дыханіе хамсина.

— Успокойся, другъ мой, — сказалъ медленно и тихо Іосифъ,—развѣ можно обращать слова ребенка въ слова оскорбленія? Дѣти повздорили, вотъ и все.

— Но Усурта, значитъ, слышалъ отъ старшихъ оскорбительныя для тебя слова,—волновалась Асенеѳа.

— Да, отъ старшихъ: мы все заимствуемъ у старшихъ, и хорошее, и дурное; но я увѣренъ, что Усурта слышалъ дурныя слова не отъ отца, а отъ матери.

— Такъ накажи ее!—настаивала оскорбленная египтянка.

— Другъ мой!—сказалъ многознаменательно Іосифъ. — Я пощадилъ эту жалкую женщину, когда былъ ея рабомъ; такъ ужели теперь, когда я могу уничтожить и ее, и ея мужа, я упи-

жусь до мщенія? Помни, другъ мой: чѣмъ выше поставленъ человѣкъ, тѣмъ онъ долженъ быть великодушнѣе; оскорбленіе обидно только для слабаго, беззащитнаго... Если я, будучи ея рабомъ, этой жалкой женщины, если я тогда пощадилъ ей жизнь, спасъ отъ неминуемой смерти...

— Ты пощадилъ жизнь этой Снатъ-Гаторъ!—въ изумленіи остановилась Асенеѳа.—Пощадилъ жизнь, будучи ея рабомъ?

— Да, пощадилъ, другъ мой.

— Но какъ?—все въ большее и большее изумленіе приходила Асенеѳа.—Ты мнѣ этого никогда не говорилъ.

— И не скажу... Человѣкъ, выдавшій тайну другого, даже злѣйшаго врага своего (а Снатъ-Гаторъ была злѣйшимъ врагомъ моимъ), такой человѣкъ не достоинъ названія человѣка,—съ глубокимъ убѣжденіемъ говорилъ Іосифъ. — Довѣренная тайна должна быть священна.

— Такъ она, эта противная Снатъ-Готаръ, довѣрила тебѣ свою тайну?—съ внезапно проснувшейся ревностью спросила Асенеѳа, мгновенно блѣднѣя.

— Да... довѣрила... невольно... въ порывѣ,—уклончиво отвѣчалъ Іосифъ

— Какую же? Какую тайну можно довѣрить рабу?—продолжала спрашивать ревнивая египтянка, открывшая сегодня за мужемъ уже вторую тайну.

— Она не довѣрила ее, а противъ своей воли вопреки своему разсудку... обнаружила,—нехотя отвѣчалъ Іосифъ.

— И ты мнѣ ее не скажешь?—настаивала Асенеѳа.

— Прошу тебя, другъ мой, не спрашивай: чего ты хочешь, недостойно тебя; уважить твою просьбу было бы недостойно меня,—съ твердостью проговорилъ Іосифъ.

Замѣтивъ потомъ, что Манассія глядитъ на него вопросительно, онъ погладилъ кудрявую головку мальчика и сказалъ:—иди, играй себѣ, мой мальчикъ.

— Но я не буду больше играть съ Усуртой,—сказалъ Манассія.

— Отчего же? Играй и съ нимъ.

— Нѣтъ, я его побью и скажу ему, что «жиденокъ» и «египтяпинъ» одно и то же, а мать его жалкая женщина,—рѣшилъ мальчикъ.

— Нѣтъ, мой Манассія, ты не говори этого,—остановилъ было его отецъ.

— да вѣдь ты самъ сказалъ что Снатъ-Гаторъ—жалкая женщина, и что всегда надо говорить правду,—оправдывался Манассія.

— Да, я это говорилъ,—согласился Іосифъ;—но я же говорилъ, что не надо никого обижать.

— А развѣ говорить правду, значитъ обижать?—допрашивалъ упрямый ребенокъ.

— Да, когда правды не хотятъ знать.

— Такъ Усурта и его мать не хотятъ знать правды?

Въ это время у входа показался старый египтянинъ со свертокъ папируса въ одной рукѣ и съ ключами въ другой. Это былъ смотритель дворца Іосифова и хранитель его житницъ.

— Ты что, добрый Рамесъ?—спросилъ Іосифъ.

— Господинъ приказалъ отпустить пшеницы ханаанеянамъ; всѣхъ десять ословъ повелитъ господинъ навьючить пшеницею, или только девять, а десятаго оставить?—спросилъ пришедшій.

— Вели навьючить всѣхъ ословъ,—отвѣчалъ Іосифъ. — Я иду сейчасъ съ тобой.

И Іосифъ оставилъ Асенеѳу съ дѣтьми. Пройдя въ сосѣдній покой, онъ остановилъ своего стараго домоправителя, положивъ ему руку на плечо.

— Слушай, мой добрый Рамесъ, — таинственно сказалъ Іосифъ.—Я хочу испытать ханаанеянъ, соглядатаи они, или нѣтъ: для этого я и приказалъ задержать одного изъ нихъ. Теперь сдѣлай вотъ что для обнаруженія ихъ намѣреній: отпусти имъ пшеницу полностью, наполни всѣ ихъ мѣшки, да сверхъ того, тайно отъ нихъ самихъ, чтобы никто не видалъ, поверхъ пшеницы положи въ каждый ихъ мѣшокъ то серебро, которое они заплатятъ тебѣ за пшеницу.

Рамесъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на своего господина.

— О, великій адонъ, псомѳомфанихъ земли египетской! — почтительно проговорилъ онъ.—Я живу восемьдесятъ лѣтъ; восемьдесятъ разъ воды Нила орошали землю съ тѣхъ поръ, какъ мои старыя, прежде молодыя ноги ходили по ней; уже четыре раза я со слезами провожалъ великаго бога Аписа на покой, въ прекрасную страну Запада, въ вѣчное его гробничное мѣсто, и дышу теперь при четвертомъ великомъ богѣ Аписѣ, а первый разъ слышу, что соглядатаевъ даромъ награждаютъ пшеницею, да еще и серебро тихонько въ мѣшки прячутъ.

— Такъ мой добрый Рамесъ, — сказалъ съ улыбкою Іосифъ,—я вѣрю твоей опытности и твоей мудрости. Я прожилъ вдвое меньше твоего:—сорокъ первый разъ солнце вступаетъ на высшую свою ступень на сводѣ небесномъ съ тѣхъ поръ, какъ я его вижу надъ землею; я гожусь тебѣ не только въ сыновья, но и во внуки, все это правда. Но сегодня мой сынъ, десятилѣтній отрокъ Манассія, вопросами своими далъ мнѣ такой урокъ, какого я не получалъ и отъ столѣтнихъ старцевъ... Сдѣлай же то, мой добрый Рамесъ, что повелѣваетъ мнѣ мое сердце. Придетъ пора, все узнаешь.

— Да будетъ воля господина,—покорно отвѣчалъ старикъ.

ГЛАВА XIII.

Вдали, на горизонтѣ, чуть замѣтная показалась группа пальмъ. Тонкіе, стройные стволы ихъ на этомъ разстояніи напоминали собою тонкіе и стройные стебли пшеницы, отягченные зонтикообразными колосьями. Африканское солнце, за день нанакалившее песокъ пустыни, склонялось къ горизонту.

По этой пустынѣ медленно двигался небольшой каравапъ. Онъ направлялся къ востоку, къ той группѣ пальмъ, которая едва виднѣлась на самомъ горизонтѣ. Караванъ состоялъ изъ десяти вьючныхъ ословъ. Переметныя сумы, очень внушительныхъ размѣровъ, грузно свѣшивались по бокамъ усталыхъ животныхъ и почти касались земли. Тѣни отъ каравана и отъ сопровождавшихъ его девяти путниковъ удлинялись все болѣе и болѣе.

— Я все не могу понять, зачѣмъ ему нужно видѣть нашего брата Веніамина,—говорилъ одинъ изъ путниковъ, какъ бы разсуждая самъ съ собою.

— Можетъ быть, онъ хочетъ сдѣлать изъ него евнуха для двора фараона,—сказалъ другой путникъ.

— А развѣ для него мало египтянъ?

— Да, но они предпочитаютъ иноземцевъ: у нихъ есть евнухи и изъ измаильтянъ, и изъ халдеевъ, а всего больше изъ чернокожихъ кушъ.

— Только едва ли отецъ отпуститъ отъ себя Веніамина.

— Да, онъ все еще помнитъ Іосифа.

— Правда, это былъ его любимецъ отъ Рахили... Живъ-ли

онъ, или уже давно его нѣтъ на свѣтѣ?.. Вотъ тебѣ и сны его: наши снопы кланяются его снопу.

— Да, и солнце, и мѣсяцъ, и звѣзды ему же кланялись... И сны, видно, Богъ насылаетъ иногда на пагубу.

Такъ бесѣдовали между собою братья Іосифовы, возвращаясь изъ Египта съ пшеницею.

— Бѣдный Симеонъ! Что-то онъ теперь?

— Да, если мы не воротимся въ Египетъ съ Веніаминомъ, то Симеону предстоитъ вѣчное заточеніе, а, быть можетъ, и смерть.

— Но Веніамина отецъ никогда не отпуститъ.

Группа пальмъ вырисовывалась на горизонтѣ все отчетливѣе и отчетливѣе. Каждый стволъ исполинскаго дерева казался точно вырѣзаннымъ въ синевѣ далекаго неба. Песокъ пустыни окрашивался розоватымъ налетомъ и отдѣльные песчинки горѣли, какъ едва замѣтная алмазная пыль.

— Вотъ уже и орлы пустыни летятъ на ночлегъ, на западъ, какъ бы догоняя уходящее солнце,—сказалъ Іуда, слѣдя за плавными взмахами крыльевъ громадныхъ птицъ, жалобный клекотъ которыхъ далеко разносился по пустынѣ.

— Это они летятъ съ мѣсть добычи изъ Ханаана,—замѣтилъ Рувимъ,—не посѣтила ли наши стада моровая язва?

— Нѣтъ, Богъ пощадитъ достояніе наше и отцовъ нашихъ.

Скоро караванъ приблизился къ небольшому оазису, на которомъ вокругъ маленькаго степного озерца виднѣлась скудная колючая зелень и высились къ небу гигантскія пальмы. При видѣ воды, истомленные зноемъ и длиннымъ переходомъ ослы издавали радостные крики. Они знали, что здѣсь ихъ ожидаютъ отдыхъ и водопой.

Караванъ остановился.

— Возблагодаримъ же Іегову за благополучіе истекшаго дня,—сказалъ Іуда, воздѣвая руки къ небу.

Всѣ братья послѣдовали его примѣру. Окончивъ молитву, они тотчасъ же стали развьючивать ословъ, чтобы облегчить ихъ и дать имъ корму.

— Что я вижу!—вдругъ послышался голосъ Завулона, развязывавшаго одинъ изъ мѣшковъ.—Серебро мое, которое я съ рукъ на руки передалъ домоправителю адона и псомѳомфанніха

земли египетской въ уплату за пшеницу, оно очутилось опять въ моемъ мѣшкѣ.

— Что ты говоришь!..—воскликнулъ Данъ, развьючивавшій тутъ же своего осла.—Покажи!

— Вотъ, узелъ съ серебромъ, смотри: это мое серебро.

— Но ты, можетъ быть, по разсѣянности, не отдалъ его?

— Отдалъ, хорошо помню... Что это? Да тутъ положены и хлѣбы, и финики, и вяленая рыба.

— И у меня узелъ съ моимъ серебромъ!—закричалъ Гадъ

— И у меня серебро цѣло! И у меня хлѣбы и рыба!—говорилъ Нефѳалимъ.

Возгласы изумленія и испуга слышались со всѣхъ сторонъ. «Что же это? Не египетскія ли это волхованія?» «Не подброшено ли это со злымъ умысломъ?» «Не воротиться ли намъ въ Египетъ?» «Не возвратить ли серебро? А то не нажить бы бѣды...»

Тогда подошелъ Рувимъ, старѣйшій изъ братьевъ. Лицо его было задумчиво, но не выражало испуга.

— Не тревожьтесь, братья,—сказалъ онъ,—это не волхованія египетскія... Въ этомъ я не подозрѣваю злого умысла, зло не такую личину принимаетъ на себя... Намъ отпущена пшеница полными мѣшками и намъ же возвращено наше серебро. Мало того: намъ положено на дорогу продовольствія... Только родная мать способна на это. Я подозрѣваю, что въ домѣ фараона и его псомѳомфаниха есть кто-либо, тайно отъ всѣхъ благодѣющій намъ. Вспомните, что въ первый же день псомѳомфанихъ сурово принялъ насъ: онъ грозилъ намъ смертью. Онъ требовалъ, чтобъ мы привели ему младшаго брата своего, Веніамина. Для чего онъ ему понадобился, то вѣдомо одному Іегова. Потомъ онъ заключилъ насъ всѣхъ въ темницу. А уже на третій день оказался милостивѣе, вызвалъ насъ изъ темницы и говоритъ: «Я боюсь Бога»... Что ему стоило вновь заключить насъ въ темницу всѣхъ, не дать намъ пшеницы и отправить за Веніаминомъ кого-либо одного изъ насъ. Онъ могъ сказать намъ: «вы соглядатаи, я не вѣрю вамъ и до тѣхъ поръ не увѣрюсь въ васъ и не дамъ вамъ пшеницы, пока одинъ изъ васъ не приведетъ ко мнѣ младшаго брата вашего; а вы сидите въ заключеніи». Но онъ велѣлъ отпустить намъ пшеницы и заложникомъ оставилъ у себя одного только Симеона, брата нашего.

Ясно, что во всемъ этомъ видѣнъ перстъ Іеговы: по волѣ Іеговы кто-либо смягчилъ сердце псомѳомфаниха; но кто онъ, мы не знаемъ. Онъ же, этотъ невѣдомый доброжелатель нашъ, можетъ быть, самъ домоправитель псомѳомфаниха, тотъ старичекъ Рамесъ, и вложилъ тайно въ наши мѣшки наше серебро и еще на дорогу снабдилъ насъ провизіей... Возблагодаримъ же благость Іеговы Бога отцовъ нашихъ, Бога Авраама, Исаака и Іакова.

Всѣ братья снова воздѣли руки къ небу.

Послѣ молитвы ослы были развьючены; каждому изъ нихъ заданъ былъ кормъ, и братья сѣли трапезовать. Солнце только что опустилось за песчаные холмы пустыни; съ сѣвера, со стороны невидимаго моря повѣяло прохладой, и пустыня огласилась голосами цикадъ, которыхъ дневной зной заставлялъ доселѣ безмолствовать. На небѣ зажигались рѣдкія звѣзды, и хотя надъ всей пустыней нависли тѣни наступавшей ночи, но все еще было довольно свѣтло.

— Да, видимо, Богъ отцовъ нашихъ хранилъ насъ въ землѣ египетской и послалъ намъ свою милость,—сказалъ Іуда.—Посмотрите, какіе прекрасные, вкусные хлѣба послала намъ невидимая рука Его, точно бы хлѣба эти были со стола фараона и его псомѳомфаниха.

— А финики какіе сочные и сладкіе!—говорилъ въ свою очередь Завулонъ.—Такихъ нѣтъ и въ долинѣ Іерихона.

— Да, Богъ отцовъ нашихъ невидимо сопутствуетъ намъ,—говорилъ Рувимъ, разсматривая вынутую изъ своего мѣшка жирную копченую рыбу.—Вотъ и рыба, такихъ я не видывалъ: такихъ нѣтъ и въ морѣ Геннисаретскомъ. А я люблю рыбку: въ старости я особенно полюбилъ ее, такъ что не промѣняю на самаго жирнаго барашка.

— Вотъ и отецъ нашъ, Іаковъ, тоже говоритъ,—замѣтилъ Нафѳалимъ,—рыба—пища старости, не разъ говорилъ онъ, какъ и вино—молоко старцевъ.

За трапезой братья и не замѣтили, какъ надъ пустыней распростерлась ночь. На небѣ высыпали миріады звѣздъ, яркость которыхъ на далекомъ югѣ изумительна. Особенно сверкали нѣкоторыя изъ нихъ, то отдѣльно, то цѣлыми группами, которыя такъ хорошо были знакомы ханаанеянамъ, кочевымъ пастухамъ. По положенію звѣздъ они узнавали время—полночь, близость

утра; звѣзды руководили ими, когда они со своими стадами переходили отъ сѣверныхъ предѣловъ Ханаана до самой Идумеи.

Пустыня какъ-то торжественно, внушительно молчала. Это царственное молчаніе не нарушали голоса цикадъ, сливавшіеся въ какую-то чарующую, хотя унылую мелодію пустыни. Иногда слышалось отдаленное рыканіе льва, направлявшагося къ водопою. Но наши путники хорошо знали природу и привычки царя пустыни: изъ колючихъ кактусовъ и сухихъ листьевъ отъ пальмъ они разложили яркій костеръ и были вполнѣ убѣждены, что страшный звѣрь никогда не пойдетъ на огонь.

— Какъ прекрасны эти очи ангеловъ!—говорилъ Рувимъ, послѣ трапезы отходя отъ костра и поднимая руки къ небу на молитву.

И нѣтъ имъ числа,—говорилъ Іуда, глядя на звѣздное небо,—они видятъ каждое движеніе наше, каждый шагъ.

— Да, а мы забыли это, когда хотѣли убить брата своего Іосифа,—задумчиво проговорилъ Рувимъ,—очи ангеловъ, можетъ быть, и теперь смотрятъ на него.

— А можетъ быть, на его сухія кости, которыя гдѣ-нибудь въ пустынѣ теперь бѣлѣются,—грустно проговорилъ Рувимъ.

Кончивъ трапезу, братья улеглись спать, подложивъ подъ головы мѣшки съ пшеницей. Но спали не всѣ: по-двое изъ нихъ, соблюдая очередь, должны были стеречь спящихъ братьевъ и свой маленькій таборъ.

Утреннее солнце застало ихъ уже далеко отъ группы пальмъ, гдѣ они имѣли первый ночлегъ, а черезъ нѣсколько дней странники наши издали увидѣли группу черныхъ шатровъ, жилища ихъ отца Іакова, своихъ женъ, дѣтей, рабовъ и рабынь.

Замѣтивъ приближеніе каравана, собаки, сторожившія стада Іакова и его многочисленнаго семейства, подняли-было невообразимый лай, но скоро лай этотъ превратился въ радостный визгъ, въ веселые прыжки, когда собаки узнали своихъ господъ.

Навстрѣчу караванѣ поспѣшно вышелъ Веніаминъ и бросился обнимать братьевъ.

— Благодареніе Богу отцовъ нашихъ, что вы воротились въ полномъ здоровьи,—говорилъ онъ,—а мы уже боялись, не случилось ли съ вами чего. Отецъ ждалъ васъ три дня тому назадъ: онъ знаетъ время пути до Египта; онъ узналъ это отъ измаильтянъ, которые часто ходятъ съ своими караванами въ

Мицраимъ, въ страну фараоновъ, куда они возятъ на продажу оиміамъ, ритину и стакти... Но гдѣ же братъ Симеонъ —удивился онъ.—Я его не вижу. Здоровъ ли онъ?

— Братъ твой Симеонъ былъ здоровъ, когда мы отъѣзжали изъ земли египетской,—сказалъ Рувимъ.—А гдѣ онъ и что съ нимъ, я сейчасъ объясню отцу нашему Іакову. Какъ Богъ хранитъ его здоровье?

— Отецъ нашъ Іаковъ, благодареніе Богу, здоровъ,—отвѣчалъ Веніаминъ.—А вотъ и самъ онъ.

Въ это время отъ большого чернаго шатра, окруженнаго другими шатрами, двигалась навстрѣчу пришельцамъ величественная фигура старца. Бѣлая раздвоенная борода его волнистыми прядями ниспадала ниже пояса. Красивая голова, прикрытая тканью, спускавшеюся на широкія плечи, и крупныя черты смуглаго лица съ рѣзко очерченными морщинами, казалось, изваяны были изъ темнаго мрамора. Въ рукахъ его былъ длинный посохъ. Со всѣхъ сторонъ къ нему бѣжали смуглыя дѣти, курчавые головки которыхъ освѣщало утреннее солнце, оживляя эту умилительную группу старца съ его позднѣйшимъ поколѣніемъ.

— Дѣдъ идетъ! Дѣдъ идетъ!—радостно кричали дѣти. — [illegible] да благословитъ его шествіе и продлитъ дни жизни его.

Юныя подбѣгали къ нему, и старикъ возлагалъ свою морщинистую руку на ихъ курчавыя головки въ знакъ благословенія. Изъ шатровъ выбѣгали женщины и съ умиленіемъ смотрѣли на трогательную картину патріарха и окружавшихъ его малютокъ.

Когда Іаковъ приблизился къ группѣ пришельцевъ, всѣ почтительно наклонили головы.

— Богъ Авраама и Исаака да благословитъ пришествіе ваше, дѣти мои!—сказалъ старикъ.—Всѣ ли здоровы?

— Богъ и твоя молитва сохранили насъ и благополучно возвратили къ дому нашему,—отвѣчалъ Рувимъ.—Мѣшки же наши полны пшеницы.

— Благодареніе Іеговѣ, явившемуся мнѣ въ Веѳилѣ!.. — торжественно сказалъ Іаковъ, поднимая руки къ небу.—А что же я не вижу сына моего Симеона?—спросилъ онъ, зорко оглядывая всю группу.

— Отверзи слухъ твой, отецъ нашъ, и послушай, что по-

вѣдаетъ тебѣ сынъ твой, первенецъ, — медленно проговорилъ Рувимъ.—Когда мы прибыли въ землю египетскую и явились къ адону земли той, къ псомѳомфаниху фараонову, то онъ принялъ насъ сурово, говоря, что мы соглядатаи, и повелѣлъ ввергнуть насъ въ темницу. На третій день повелѣлъ онъ намъ предстать предъ нимъ, и мы сказали ему: мы мирные люди, не соглядатаи; всѣхъ насъ двѣнадцать братьевъ, всѣ мы сыновья отца нашего: одного изъ насъ уже нѣтъ въ живыхъ, а младшій остался съ отцомъ нашимъ въ землѣ ханаанской. А господинъ земли египетской и говоритъ намъ: тогда я повѣрю, что вы мирные люди, если вы одного брата оставите здѣсь у меня, а съ купленною у меня пшеницею возвратитесь въ землю свою и приведете ко мнѣ младшаго брата вашего. Тогда, говоритъ, я увѣрюсь, что вы не соглядатаи, а мирные люди, и тогда я отдамъ вамъ брата вашего и позволю вамъ покупать пшеницу въ землѣ моей. И взялъ онъ отъ насъ брата Симеона и заключилъ его въ темницу, мѣшки же наши велѣлъ наполнить пшеницею. Отдавъ за пшеницу серебро наше, мы возвращались изъ земли египетской, но когда на первомъ ночлегѣ мы развязали мѣшки наши, то въ каждомъ изъ нихъ нашли по узлу серебра нашего. Вотъ оно.

И Рувимъ, развязавъ кожаный мѣхъ, показалъ отцу серебро, которое взято было на покупку пшеницы. То же сдѣлали и другіе братья. Іаковъ узналъ свое серебро.

Лицо старика омрачилось боязнью и скорбью.

– Вы лишили меня сына,—горько проговорилъ онъ,—нѣтъ у меня больше Іосифа, нѣтъ и Симеона; а теперь хотите лишить меня и Веніамина... Это ли не напасть на меня!

Тогда выступилъ впередъ Рувимъ и, увидя ласкающихся къ нему дѣтей, сыновей своихъ, съ нѣжностью положилъ руки на курчавыя головки мальчиковъ и поднялъ глаза къ небу.

— Отецъ!—торжественно сказалъ онъ.—Убей вотъ этихъ двухъ малютокъ, сыновей моихъ, если не возвращу тебѣ Веніамина! Отдай мнѣ его на руки, и я приведу его къ тебѣ обратно.

— Нѣтъ!—съ силою воскликнулъ старикъ.—Не пойдетъ сынъ мой съ вами! Не осталось у меня брата его, Іосифа: остался вотъ этотъ одинъ (и онъ съ нѣжностью глянулъ на красавца Веніамина): случись ему какое зло въ дорогѣ, если вы возьмете его отъ меня, то этимъ сведете старость мою съ печалію во адъ...

ГЛАВА XIV.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Запасы привезенной сыновьями Іакова изъ Египта пшеницы все болѣе и болѣе истощались. Съ каждымъ днемъ стали уменьшаться порціи муки, отпускавшейся на семью каждаго изъ братьевъ. Съ каждымъ днемъ уменьшались и порціи хлѣба, выдаваемаго отцами и матерями своимъ дѣтямъ. Старшіе уже давно отказывались отъ хлѣба и питались бараниной, молокомъ и творогомъ отъ овецъ. Но дѣти просили хлѣба: мясная и молочная пища опротивѣла имъ безъ хлѣба, и дѣти видимо скучали и худѣли. Не слышно было въ поляхъ и среди шатровъ ихъ шумныхъ игръ, веселаго крика. Кругомъ господствовало уныніе. Мужчины ходили хмурые, женщины втихомолку плакали, глядя на исхудалыя личики дѣтей, на ихъ невеселые глазки. Іаковъ рѣдко выходилъ изъ своего шатра а если и выходилъ на утреннія и вечернія молитвы, то душевныя муки его еще болѣе увеличивались.

— Дѣдушка! Добрый дѣдушка! Дай намъ хлѣба, мы голодны!—вездѣ и всюду сопровождали его жалобные голоса дѣтей, его внуковъ и правнуковъ.

Женщины, дочери и жены его сыновей, глядѣли на него съ нѣмой мольбой.

Долѣе нельзя было выносить этого мучительнаго состоянія, и Іаковъ призвалъ къ себѣ всѣхъ сыновей своихъ.

— Дѣти мои!—печально заговорилъ старикъ. — Сами видите, что одолѣлъ насъ голодъ. Подите снова и купите хоть немного пшеницы.

Всѣ стояли молча, опустивъ головы. Унынie написано было на всѣхъ лицахъ. Тогда выступилъ впередъ Іуда и поклонился отцу до земли.

— Отецъ нашъ!—со слезами въ голосѣ заговорилъ онъ.— мы уже сказали тебѣ, что адонъ фараона, всемогущихъ земли египетской, клятвою свидѣтельствовалъ намъ, говоря: не увидите лица моего, если братъ вашъ младшій не придетъ съ вами. Если ты пошлешь съ нами Веніамина, то мы пойдемъ и купимъ пшеницы; если же не пошлешь съ нами брата нашего, мы не пойдемъ. Повторяю, онъ, адонъ фараона, клятвою поклялся намъ,

что мы не увидимъ лица его, если не приведемъ съ собою младшаго брата.

— О!—воскликнулъ горестно Іаковъ.—Что вы дѣлаете со мною! Зачѣмъ вы сказали мужу тому, что у васъ еще есть братъ!

— Какъ же мы могли не сказать ему, когда онъ непремѣнно требовалъ, чтобы мы объявили все, изъ какого мы рода, и кто отецъ нашъ, и живъ ли онъ, и есть ли еще у насъ одинъ братъ. И мы отвѣчали ему на всѣ его вопросы. Развѣ же мы знали, что онъ велитъ намъ привести съ собою Веніамина! Такъ отпусти его съ нами, Богъ дастъ, всѣ мы живы будемъ и возвратимся къ тебѣ. Веніамина я возьму, съ меня ты взыщешь потомъ: если я не приведу его назадъ и не поставлю предъ тобою, грѣхъ мой и вина моя предъ тобою будутъ до конца дней моихъ. Если бы ты раньше согласился на это и не медлилъ съ твоимъ рѣшеніемъ, то мы успѣли бы дважды возвратиться изъ Египта.

Іуда говорилъ это съ такою страстностью и съ такою горечью во взорѣ, обращенномъ къ отцу, что Іаковъ не въ силахъ былъ долѣе сопротивлялся, тѣмъ болѣе, что до слуха его долетали жалобные голоса дѣтей.

— Дѣдушка! Милый дѣдушка! Дай намъ хлѣба! Мы голодны!

Имъ вторили и матери тихимъ плачемъ, котораго не могъ не слышать патріархъ всего этого взрослаго и подрастающаго поколѣнія. Онъ съ покорностью возвелъ глаза къ небу.

— Да будетъ воля Твоя, Господь и Богъ мой!—сказалъ онъ растроганнымъ голосомъ и, обращаясь къ сыновьямъ, добавилъ:—Возьмите отъ плодовъ земныхъ, ритину, медъ, ѳиміамъ, стакти, терпентинъ и орѣхи и отвезите въ даръ повелителю земли египетской; да возьмите серебра вдвое, чѣмъ брали прежде, и возвратите ему серебро, найденное вами въ мѣшкахъ вашихъ, все отдайте ему, чтобы не вышло какого сомнѣнья... Возьмите и Веніамина съ собою...

Шопотъ одобренія и радости послышался среди женщинъ...

— Да благословитъ Богъ старца, отца нашего,—слышались сдержанныя восклицанія, — сына своего любимаго отпускаетъ отъ себя.

— Идите же, дѣти мои,—продолжалъ старикъ,—Богъ мой дастъ вамъ благодать предъ господиномъ тѣмъ, и онъ отпуститъ брата вашего Симеона и Веніамина отпуститъ... А теперь я

остаюсь совершенно бездѣтенъ... обезчадѣлъ, совсѣмъ обезчадѣлъ!..

И старикъ закрылъ лицо руками. Веніаминъ бросился къ нему и сталъ цѣловать ему руки. Женщины плакали.

. . . . . .

Опять та же пустыня. Ночь. Поразительная ночь! Полный, какой-то холодный мѣсяцъ заливаетъ своимъ зеленоватымъ свѣтомъ безконечную равнину, которая теперь кажется снѣжнымъ полемъ—цѣлымъ океаномъ снѣга. Торжественное величіе этой снѣжной пустыни усугубляется подавляющей тишиной, мертвая тишина! Даже цикады, испуганныя величіемъ ночи, молчатъ.

Только песокъ тихо хруститъ подъ ритмъ шаговъ вьючныхъ животныхъ и людей небольшого каравана, медленно двигающагося отъ Ханаана къ Египту. Черныя, словно ножомъ отрѣзанныя отъ бѣлой поверхности пустыни тѣни кажутся живыми; силуэты людей, это силуэты исполиновъ; тѣни отъ животныхъ также гигантскія. Разстилающіяся впереди пространства кажутся безконечными; по сторонамъ и позади даль необъятная... Поразительная ночь!

Глаза Веніамина, слѣдующаго за ритмованнымъ шагомъ своего осла, широко раскрыты отъ изумленія и ужаса передъ величіемъ пустыни въ эту изумительную лунную ночь... Такъ вотъ она, пустыня Идумеи и земли фараоновъ!.. А что же дальше, тамъ, за этимъ океаномъ пустыни?..

— Надо пользоваться такою ночью: къ утру мы будемъ уже далеко,—тихо проговорилъ Рувимъ, вглядываясь въ безконечную равнину пустыни.—Богъ помогаетъ намъ.

— Да, итти не жарко, и шагъ ословъ свободнѣе,—согласился Іуда.

— Да и поспѣшать надо, чтобы скорѣе воротиться въ Ханаанъ, тамъ ждутъ насъ голодныя дѣти,—промолвилъ Завулонъ.

— И братъ Симеонъ, вѣроятно, ждетъ въ своемъ заточеніи,—добавилъ Нефоалимъ.

— Къ полудню завтра мы, можетъ быть, увидимъ Нилъ и Мемфисъ, и гробницы фараоновъ,—сказалъ, въ свою очередь, Гадъ.

Веніамина пугала эта близость чего-то невѣдомаго, какъ пугала и эта пустыня. Онъ такъ много слышалъ отъ братьевъ о чудесахъ страны фараоновъ, о гробницахъ царей, равныхъ горамъ

по величинѣ и высотѣ, о дворцахъ фараоновъ, о величественныхъ храмахъ боговъ земли египетской, о какихъ-то каменныхъ чудовищахъ: о львахъ съ головами женщинъ, о людяхъ съ головами птицъ и быковъ, о какомъ-то богѣ Аписѣ и крокодилахъ.. О, скорѣе бы назадъ, въ родной, милый Ханаанъ.

Но вотъ и онъ въ странѣ чудесъ и ужасовъ. Передъ нимъ— громада невиданныхъ зданій. Это дворецъ фараона съ восточнаго фаса. Къ нему ведетъ аллея чудовищъ изъ гранита, львы съ женскими головами: это аллеи сфинксовъ. Въ концѣ ея гигантскіе гранитные пилоны и цѣлый лѣсъ колоннъ; а еще дальше, у самаго горизонта, четырехгранныя порфировыя горы, это гробницы фараоновъ, пирамиды.

Маленькій караванъ хананеянъ съ боязнью двигается аллеею сфинксовъ. Испуганный, съ расширенными зрачками Веніаминъ жмется къ послѣднему изъ братьевъ, къ Дану.

— Это все ихъ боги?—шепчетъ Веніаминъ, указывая на сфинксы.

— Боги,—отвѣчалъ Данъ,—у нихъ боги—идолы.

— Они живые? Они видятъ насъ? Не пожрутъ насъ?

Караванъ приближался уже къ пилонамъ дворца, гдѣ стояла стража. Еслибъ Веніаминъ поднялъ глаза къ амбразурѣ одного изъ пилоновъ, то глаза его встрѣтились бы съ другими глазами, которые глядѣли на него съ страстнымъ любопытствомъ.

То были глаза Асенеоы. По нѣкоторымъ признакамъ она догадалась, что мужъ ея ожидаетъ новаго прибытія тѣхъ хананеянъ, изъ которыхъ одного онъ держитъ въ заключеніи, и которые, она была въ этомъ убѣждена, были причиною тѣхъ непонятныхъ для нея слезъ Іосифа. Какая-то глубокая тайна была во всемъ этомъ. Но Асенеоа все еще не могла постичь ее. Она замѣтила только, что, по отбытіи этихъ иноплеменниковъ изъ Мемфиса, Іосифъ все чаще и чаще сталъ задумываться. Иногда онъ видимо тосковалъ. Что онъ ждалъ кого-то, это было несомнѣнно, и ожиданіе это было нетерпѣливое, тревожное. Кромѣ того, она замѣтила, что Іосифъ часто сталъ навѣщать тюрьму, гдѣ сидѣлъ одинъ изъ хананеянъ, и часто говорилъ о немъ со старымъ Рамесомъ въ томъ смыслѣ, чтобы объ этомъ хананеянинѣ заботились въ тюрьмѣ и не отягчали его работами при тесаніи заключенными гранита на облицовку пирамидъ и на построеніе храмовъ богамъ. Эта тайна не давала ей спать. Она даже, эта тайна, стала для нея важнѣе другой, той, которая связана

была съ именемъ жены Путифара, Снатъ-Гаторъ. Здѣсь, правда, говорила женская ревность, но только къ прошлому ея мужа. Неужели у него было что-нибудь съ этой противной Снатъ, которая по наружности далеко не напоминала Гаторъ, богиню любви?

Но хананеяне! Это было ея самое больное мѣсто.

И вдругъ она вновь видитъ этихъ хананеянъ. Они съ такою робостью приближаются къ дворцу, съ такихъ страхомъ озираются на сфинксовъ. И между ними еще одинъ, этотъ молоденькій.

Асенеѳа даже вздрогнула! Да это «онъ», живой «онъ»! Такимъ она видѣла «его» лѣтъ двѣнадцать тому назадъ, когда «онъ» проѣзжалъ во дворецъ фараона вмѣстѣ съ Ціамуномъ... Этотъ двѣ капли воды «онъ», прежній молодой Іосифъ. Такъ неужели это братъ его? А если... а если сынъ!

И огонь, и холодъ прошли по тѣлу Асенеѳы... Если это сынъ его!.. Значитъ, онъ...

Вся блѣдная, прижавъ руками сильно бьющееся сердце, она пошла въ рабочій покой Іосифа, гдѣ онъ просматривалъ донесенія своихъ агентовъ о состояніи хлѣбныхъ запасовъ въ разныхъ областяхъ Египта. Передъ нимъ лежалъ цѣлый ворохъ папирусовъ и полосъ исписанной кожи.

— Онъ пришелъ!—сказала Асенеѳа, кладя холодную руку на плечо мужа.

— Кто онъ?—удивился Іосифъ.

— Тотъ, кого ты ждалъ изъ Ханаана.

Лицо Іосифа выразило и изумленіе, и радость; но онъ скоро овладѣлъ собой.

— Почему ты знаешь, что я жду кого-то изъ Ханаана?—спросилъ онъ, стараясь казаться спокойнымъ.

— Кто любитъ, тотъ знаетъ душу и мысли того, кого любитъ,—отвѣчала Асенеѳа.

Іосифъ хотѣлъ поцѣловать ее, но она уклонилась отъ поцѣлуя и тотчасъ же удалилась, еще болѣе укрѣпленная въ своемъ мучительномъ, ревнивомъ подозрѣніи.

Вошелъ старый Рамесъ.

— Господинъ!—сказалъ онъ, перебирая въ рукахъ связку ключей.—Пришли вновь тѣ девять хананеянъ, и съ ними десятый, молодой, который...

Старый домоправитель Іосифа остановился на полуфразѣ; онъ чуть-чуть не сказалъ: «какъ двѣ капли воды похожій на господина адона псомѳомфаниха».

Іосифъ все понялъ. Пройдя внутренними переходами къ амбразурѣ пилона, выходившей отверстіемъ къ восточной аллеѣ сфинксовъ, онъ неожиданно засталъ тамъ Асснеѳу. Ревнивая египтянка видимо подглядывала. Пойманная на мѣстѣ, она вспыхнула и гордо удалилась.

Глянувъ въ отверстіе амбразуры, Іосифъ увидѣлъ своихъ братьевъ. Они униженно кланялись привратнику, что-то объясняя ему. Въ глазахъ Іосифа блеснула не то радостная, не то скорбная слеза... Онъ узналъ Веніамина!.. Какъ онъ возмужалъ! Какими испуганными глазами онъ смотрѣлъ на его дворецъ, на дворецъ Іосифа!.. Гдѣ теперь эти жалкіе, черные шатры его отца, въ которыхъ онъ родился и выросъ!.. Іосифу такъ хотѣлось плакать... слезы подступали къ горлу...

— Послушай, мой вѣрный Рамесъ,—сказалъ онъ, пересиливая свое волненіе,—введи этихъ мужей въ домъ мой... Вели заколоть отъ скота... пусть приготовятъ обильную трапезу къ полудню для мужей ханаанскихъ и для меня, и для всего дома моего... Я самъ буду обѣдать съ ними.

Рамесъ удалился съ поклономъ и вышелъ за входные пилоны, гдѣ дожидались братья Іосифовы.

— Мужи ханаанскіе,—сказалъ онъ, подходя къ нимъ,—войдите въ домъ адона, господина моего, псомѳомфаниха земли египетской. Слѣдуйте за мною, а ословъ вашихъ оставьте на попеченіе стражи, и добро ваше оставьте здѣсь.

Какъ осужденные на смерть, послѣдовали братья Іосифа за Рамесомъ. Они были убѣждены, что ихъ ведутъ въ рабство или на вѣчное заточеніе.

— Насъ оклеветали предъ господиномъ этого дома,—проговорилъ Рувимъ на родномъ языкѣ, чтобъ его не понялъ Рамесъ;—кто-то на зло намъ всунулъ въ наши мѣшки узлы съ серебромъ нашимъ, когда мы возвращались отсюда прошлый разъ, и теперь берутъ насъ въ рабство, и добро наше отберутъ у насъ.

— Конечно, за смерть брата нашего Іосифа Богъ посылаетъ намъ гибель, пропали мы!—съ глухимъ вздохомъ прошепталъ Іуда, вступая подъ тѣнь колоннады дворца.

Съ робкимъ поклономъ онъ подошелъ къ Рамесу

— Добрый господинъ! — сказалъ онъ со слезами на глазахъ.—Ты помнишь, какъ мы въ тотъ разъ покупали у господина твоего пшеницу. Тебѣ на руки мы отдали серебро наше, плату за пшеницу... И что же! Когда мы въ тотъ день, вечеромъ, остановились на ночлегъ и развязали мѣшки, мы, къ ужасу своему, нашли тамъ свое серебро, которое тебѣ отдали за пшеницу. Добрый господинъ, возьми теперь назадъ это серебро, полностью, по вѣсу, и другое серебро, которое мы принесли съ собою, чтобы вновь купить пшеницы. А кто положилъ намъ въ мѣшки то серебро, мы не знаемъ.

— Миръ вамъ! — ласково сказалъ старый Рамесъ. — Не бойтесь! Богъ вашъ и Богъ отцовъ вашихъ вложилъ то сокровище въ мѣшки ваши... Я же тогда взялъ отъ васъ серебро за пшеницу полностью, и вы ничего не должны господину моему.

На лицахъ пришельцевъ отразились разомъ и изумленіе, и радость, и недовѣріе, и снова испугъ!.. Что жъ это? Смѣются надъ ними, или это правда?.. Не сонъ ли это?..

— Братья мои! Рувимъ! Іуда! Нефоалимъ! Родные мои! Я снова съ вами!

Это голосъ Симеона... Это онъ самъ, да! Это Симеонъ!.. Онъ бросается братьямъ въ объятія, плачетъ, и всѣ плачутъ вмѣстѣ съ нимъ... И старый Рамесъ тихонько утираетъ слезы на морщинистомъ лицѣ...

Тутъ же стоитъ стража, сопровождавшая Симеона отъ мѣста заключенія, и рабы, ожидающіе приказаній Рамеса.

— Принесите сосуды и воду для омовенія ногъ пришельцамъ,—говоритъ Рамесъ рабамъ,—они почетные гости господина нашего, псоиомфаниха земли египетской, и трапезуютъ сегодня вмѣстѣ съ нимъ; да развьючьте ословъ ихъ и задайте имъ корму, а вьюки пришельцевъ внесите сюда, подъ тѣнь колонны.

Въ дверяхъ внутренняго покоя стоитъ Асенеѳа, держа за руку Манассію и Ефраима и съ изумленіемъ смотритъ на непонятную для нея сцену.

— Мама! Кто же они такіе?—шепчетъ Манассія.

ГЛАВА XV.

Въ мемфисскомъ дворцѣ фараоновъ, на половинѣ Іосифа, въ «палатѣ Горуса», собралось нѣсколько сановниковъ Мемфиса, которыхъ псомоомфанихъ пригласилъ къ себѣ на обѣдъ. Уходя утромъ, послѣ того, какъ братья были введены старымъ Рамесомъ во дворецъ, онъ приказалъ своему домоправителю немедленно разослать рабовъ съ приглашеніями къ обѣду знатнѣйшихъ сановниковъ, сказавъ, что ровно въ полдень, по окончаніи доклада у фараона, онъ явится къ своимъ гостямъ.

Въ числѣ приглашенныхъ были виночерпій фараона Апепи, уже знакомый намъ Ціамунъ, бывшій въ одно время съ Іосифомъ въ заключеніи, начальникъ государственной тюрьмы «емхедъ» Сутехмесъ, покровительствовавшій Іосифу во время его тюремной невзгоды, архимагиръ Путіоаръ, бывшій господинъ Іосифа и мужъ коварной Снатъ-Гаторъ, виновницы заключенія Іосифа, Петефрій, жрецъ Геліополя и отецъ Асенеѳы, случайно находившійся въ Мемфисѣ, и нѣсколько другихъ знатныхъ египтянъ и жрецовъ.

Въ ожиданіи хозяина, Асенеѳа принимала гостей въ «палатѣ Горуса», украшенной гигантскою статуей этого бога и статуями фараоновъ родственной Апепи династіи. Стѣны палаты были расписаны іероглифами и картинами сценъ изъ военныхъ и охотничьихъ подвиговъ предковъ фараона Апепи и его самого. Особенно эффектна была сцена, изображавшая торжество Апепи надъ «презрѣнными царями» земли Кушъ, Ѳіопіи. Главный царь лежитъ распростертый на землѣ, съ связанными руками, а правая нога Апепи попираетъ грудь поверженнаго врага. Другіе цари стоятъ съ веревками на шеѣ.

По серединѣ палаты разставлены были столы, накрытые изящными узорными циновками изъ нильскаго тростника и уставленные серебряными блюдами по числу гостей. Небольшой отдѣльный столъ находился какъ бы во главѣ двухъ большихъ столовъ: это былъ столъ самого Іосифа, его жены и дѣтей. Вдоль столовъ стояли стулья съ высокими прямыми спинками, рѣзные, изъ чернаго и краснаго дерева.

Асенеѳа разговаривала съ отцомъ и съ Сутехмесомъ, когда въ палату вошелъ Путіоаръ. Это былъ тучный старикъ, совершенно лысый. При видѣ его безобразнаго лица съ оттопырен-

ными ушами, Асенеѳа тотчасъ же вспомнила его жену, у которой была какая-то тайна съ Іосифомъ, тайна, не дававшая покою Асенеѳѣ.

— Привѣтъ свѣтлѣйшей супругѣ мудрѣйшаго изъ мудрыхъ!—сказалъ Путиѳаръ, кланяясь хозяйкѣ.—Гдѣ же свѣтило Египта?

Не успѣлъ онъ этого сказать, какъ со двора, отдѣлявшаго дворецъ Іосифа отъ дворца фараона, донеслись привѣтственные возгласы:

— Великій псомѳомфанихъ возвращается отъ его святѣйшества фараона,—сказалъ отецъ Асенеѳы.

Это, дѣйствительно, возвращался Іосифъ, но онъ не прямо прошелъ въ «палату Горуса», а прослѣдовалъ въ лѣвый пріемный покой съ колоннами, гдѣ дожидались его братья. Передъ ними на длинномъ столѣ разложены были привезенные ими для Іосифа дары, ѳиміамъ, ритина, стакти, терпентинъ и орѣхи, все, чѣмъ богатъ былъ Ханаанъ.

Іосифъ былъ въ багряницѣ и со всѣми знаками своего высокаго достоинства. На лицѣ его выражалась радость.

Едва онъ вошелъ, какъ всѣ братья его упали на колѣни и поклонились до земли.

— Встаньте!—сказалъ Іосифъ, видя у ногъ своихъ сѣдыя и черныя головы, которыя ему такъ страстно хотѣлось обнять.

Братья повиновались, но заговорить никто не рѣшался: такъ они были поражены неожиданною перемѣною въ обращеніи съ ними и объявленіемъ стараго Рамеса, что они будутъ обѣдать вмѣстѣ съ псомѳомфанихомъ земли египетской. Веніаминъ не смѣлъ даже поднять на него глазъ.

— Здоровы ли вы?—спросилъ Іосифъ.

Всѣ молча поклонились.

— Здоровъ ли отецъ вашъ, старецъ, о которомъ вы говорили? Живъ ли онъ?—продолжалъ Іосифъ.

— Рабъ твой, отецъ нашъ, здравствуетъ — отвѣчалъ Рувимъ.

— Благословенъ человѣкъ этотъ Богу,—съ чувствомъ сказалъ Іосифъ.

Братья снова поклонились ему до земли. Когда они поднялись, онъ посмотрѣлъ съ любовью въ смущенное лицо Веніамина.

Оно было такъ прекрасно, такъ напоминало ихъ общую мать, Рахиль.

— Такъ это братъ вашъ юнѣйшій, котораго вы обѣщали привести ко мнѣ?—спросилъ онъ.

— Онъ, великій господинъ,—отвѣчалъ Рувимъ.

Іосифъ сдѣлалъ было шагъ впередъ; но остановился. Ему такъ хотѣлось броситься на шею товарищу дѣтскихъ игръ своихъ и плакать, плакать! Но онъ и теперь побѣдилъ себя.

— Богъ да помилуетъ тебя, чадо!—только и могъ проговорить онъ.

Но здѣсь силы измѣнили ему. Изъ глубины души поднимались слезы и подступали къ горлу. Онъ чувствовалъ, что сейчасъ разрыдается. Вѣдь столько лѣтъ копились въ душѣ эти рыданія! Чего не пережилъ онъ за эти годы!.. Предательство братьевъ, вотъ этихъ самыхъ, которыхъ онъ такъ любилъ... Эти безконечныя пустыни Идумеи и Мицраима, которыя онъ, въ рабскомъ униженіи, измѣрилъ своими босыми, почти дѣтскими ногами... Это новое предательство женщины, которую онъ спасъ отъ паденія и позора... И позоръ обрушился на его же голову!.. А тамъ тюрьма. Эта свѣтлая личность стараго страдальца, вызвавшаго его къ новой жизни. И это величіе, это преклоненіе предъ нимъ всего царства фараоновъ... Это «отецъ фараона»! Онъ—бывшій рабъ!..

Онъ не помнилъ, какъ очутился въ своей роскошной ложницѣ. Уткнувшись въ подушки, онъ рыдалъ, рыдалъ, какъ женщина, какъ ребенокъ!

Опомнившись немного, онъ торопливо умылъ лицо, чтобы скрыть слѣды слезъ, и, вооружившись всею силою своею могучей, закаленной жизнью воли, снова вышелъ къ братьямъ такой же величественный и спокойный, какимъ казался прежде.

Отведя въ сторону Рамеса, онъ тихонько отдалъ ему какія-то приказанія.

— Слѣдуйте за мною, мужи ханаанскіе! — торжественно сказалъ онъ братьямъ.

Они робко послѣдовали за нимъ. Ихъ рѣшительно подавляло все, что они теперь видѣли: невиданное величіе дворца, громадность колоннадъ, среди которыхъ они проходили, блескъ и роскошь украшеній, статуи боговъ и фараоновъ, толпы рабовъ, почтительно слѣдовавшихъ за ними, и въ довершеніе всего эта

величественная «палата Горуса», въ которую они вступили и въ которой увидѣли собраніе сановниковъ земли фараоновъ. Всё это казалось имъ сномъ, «египетскимъ волхвованіемъ»... Они, жалкіе пастухи Ханаана, и вдругъ во дворцѣ фараоновъ! Они, загорѣлые въ пути, запыленные—почетные гости псомѳомфаниха земли египетской.

— Миръ вамъ! — сказалъ Іосифъ, привѣтствуя своихъ гостей. Потомъ, обратясь лицомъ къ остановившимся за нимъ братьямъ, добавилъ:—Это сыновья патріарха и владыки земли ханаанской, Іакова: они вмѣстѣ съ вами раздѣлятъ трапезу моего дома. Займите же всѣ мѣста свои за столомъ трапезы моей.

Гости стали усаживаться сообразно своему общественному положенію. Египтяне сѣли за однимъ столомъ, а братьевъ Іосифовыхъ старый Рамесъ усадилъ за другимъ, лицомъ къ лицу съ египтянами. Іосифъ же съ женою и дѣтьми занялъ особый столъ.

За столомъ каждаго изъ гостей какъ египтянъ, такъ и братьевъ Іосифа помѣстились маленькіе, черные, какъ смоль, рабы изъ плѣнныхъ дѣтей земли Кушъ, юные, курчавые эѳіопики съ опахалами изъ страусовыхъ перьевъ. Они въ тактъ махали въ воздухѣ опахалами, отгоняя отъ трапезующихъ и отъ ихъ блюдъ мухъ и навѣвая на ихъ головы прохладу. За Іосифомъ и его семьей стояло двѣнадцать рабовъ съ опахалами. Другіе рабы по мановеніямъ и указаніямъ Рамеса разносили кушанья. На одномъ громадномъ блюдѣ лежалъ съ подогнутыми ногами баранъ, рога котораго были позолочены; на другомъ молодой бычокъ, голова котораго украшена была гирляндою изъ цвѣтовъ лотоса и резеды; на третьемъ пирамида Хеопса и обелискъ Усуртасена, искусно сдѣланныхъ изъ разваренныхъ на меду зеренъ «дурасафи»; наконецъ, на четвертомъ великій сфинксъ Хормаху, слѣпленный изъ зеренъ «дура-шами» и маку. Впереди этихъ блюдъ шелъ старый Рамесъ и огромною пальмовою вилкою и такою же ложкою накладывалъ куски лакомыхъ яствъ на блюда, сначала самому Іосифу и его семейству, а потомъ и всѣмъ гостямъ, причемъ Веніамину наложилъ больше всего впятеро «пятерицею», какъ сказано въ книгѣ Бытія: этимъ Веніамину оказывалась особая милость хозяина, возбудившая удивленіе во всѣхъ гостяхъ, не исключая и самой хозяйки, Асенеѳы, которой догадки и подозрѣнія росли все болѣе и болѣе.

Это его сынъ,—рѣшила она въ душѣ и покорилась своей участи въ силу того обычая, что имѣть дѣтей отъ рабынь считалось дѣломъ вполнѣ естественнымъ.

Какъ самъ Іосифъ, такъ и его высокіе гости кушали безъ ножей и вилокъ, а просто брали куски пятернею и отлично справлялись съ ними при помощи пальцевъ и зубовъ.

Затѣмъ внесено было вино, и Рамесъ сначала наполнилъ великолѣпную серебряную чашу съ драгоцѣнными каменьями, стоявшую передъ Іосифомъ, и подалъ ее хозяину, а когда послѣдній, а потомъ его жена и дѣти отпили изъ чаши, сталъ подносить ее гостямъ, по порядку старшинства, начиная отъ жреца Петефрія, отца Асенеѳы, и Ціамупа, и кончая Веніаминомъ. Въ продолженіе трапезы чаша обошла пирующихъ много разъ, но къ концу обѣда не была возвращена на прежнее мѣсто, на столъ Іосифа, а поставлена была передъ Веніаминомъ.

Рамесъ такъ усердно угощалъ хананейскихъ гостей Іосифа, что они на другой день, уже оставивъ за собой Мемфисъ, вполнѣ пришли въ себя отъ праздничнаго угара.

— И что съ нимъ сдѣлалось?—говорилъ Рувимъ, вспоминая необыкновенную привѣтливость Іосифа.—Принялъ и угостилъ насъ, точно царей.

— Да,—согласился Симеонъ,—все это за то, что вы привели съ собой Веніамина, онъ увѣровалъ, что мы не соглядаи.

— Это правда,—согласился и Іуда.—Но одного я не пойму: что ему дался Веніаминъ? Вѣдь ему оказана была такая честь, какой онъ не оказываетъ и тѣмъ египтянамъ знатнымъ.

— Да, точно,—отозвался Веніаминъ, который теперь былъ въ восторгѣ отъ египтянъ и отъ всего египетскаго,—передо мной наложили такія горы всякихъ яствъ, что на недѣлю бы хватило, такъ что я долженъ былъ дѣлиться ими съ Даномъ и съ Завулономъ.

— Да, я немало пользовался отъ твоей части,—добавилъ Нефоалимъ.

Ихъ мысли и разговоры были теперь полны всѣмъ видѣннымъ. Прежде ихъ поражали только величіе и красота храмовъ и дворцовъ, невиданныя аллеи сфинксовъ, высота обелисковъ, подавляющая громадностью пирамидъ; но теперь они увидали и внутреннюю роскошь жизни египтянъ, блескъ убранства покоевъ, эти толпы всевозможныхъ рабовъ, рабынь, воиновъ.

— А эти каменные истуканы, что глядѣли на насъ своими немигающими глазами!

— Я боялся,—наивно замѣтилъ Веніаминъ,—что и они сядутъ съ нами за столъ.

— Да это идолы, не люди,—возразилъ Данъ.

— Что-жъ! А силою волхвованія... Отъ египтянъ все станется.

Мемфисъ и Нилъ все далѣе и далѣе оставались за нашими путниками. Они въ послѣдній разъ оглянулись на городъ, въ которомъ пришлось имъ испытать столько волненій и страданій, а подъ конецъ пережить такое торжество. Нилъ уже скрылся за холмами Мокаттама. Видны были только группы пальмъ, вершины гордыхъ обелисковъ, да въ далекой синевѣ запада силуэты пирамидъ, словно стражи, охраняющіе столицу фараоновъ и гробы съ нетлѣнными муміями отъ сыпучихъ песковъ великой западной пустыни.

— Прощай, страшный городъ! Прощай, страна чудесъ и ужасовъ, — тихо промолвилъ Рувимъ, — дай Богъ, чтобы намъ больше не видать тебя.

Въ это время со стороны Нила и Мемфиса показалось нѣсколько колесницъ, запряженныхъ парами коней. Колесницы, видимо, настигали нашихъ путниковъ. Когда приблизилась первая изъ нихъ, то путники, къ немалому изумленію, увидѣли въ ней стараго домоправителя Іосифова, Рамеса, который утромъ такъ ласково отпускалъ ихъ съ полнымъ грузомъ пшеницы и съ обильнымъ продовольствіемъ для далекаго пути. За первой колесницей слѣдовали другія, на которыхъ находились египетскіе воины.

— Стойте, мужи хананейскіе! — сказалъ Рамесъ, останавливая свою колесницу.

Другія колесницы съ вооруженными воинами окружили караванъ хананеянъ. Послѣдніе остановились, не зная, чего отъ нихъ хотятъ, и подозрѣвая что-то недоброе... «Отъ египтянъ все станется», разомъ припомнились имъ слова одного изъ братьевъ, только что сейчасъ сказанныя. Рамесъ, сойдя съ колесницы, подошелъ къ Рувиму. Доброе старческое лицо его казалось суровымъ.

— Такъ-то вы воздаете зломъ за добро,—сказалъ онъ.— Зачѣмъ вы украли драгоцѣнную чашу господина моего, изъ ко-

торой вы вчера пили за трапезою? Изъ этой чаши всегда пьетъ господинъ мой. Не хорошо вы поступили.

Какъ громъ, поразили эти слова несчастныхъ путниковъ. Только сейчасъ они съ облегченіемъ вздохнули, думая, что навсегда избавились отъ ужасовъ Египта, и вдругъ, такое страшное обвиненіе! Воровство! Воровство тамъ, гдѣ ихъ принимали и угощали, какъ царей! Немного придя въ себя, Рувимъ заговорилъ взволнованнымъ отъ обиды и огорченія голосомъ: они, дѣти Іакова, воры! Они, у которыхъ есть свои богатства, свое серебро, свои стада!..

— Боже!—воскликнулъ онъ.—Мы ли слышимъ отъ господина такія слова! Не мы ли, рабы твои, господинъ, возвратили изъ самаго Ханаана серебро, которое нашли въ своихъ мѣшкахъ? Какъ же подозрѣвать послѣ этого, что мы украли теперь у твоего господина серебро тамъ или золото! Обыщи насъ теперь, рабовъ твоихъ, и если у кого найдешь эту чашу, пусть онъ умретъ, а мы всѣ будемъ твоими рабами.

— Пусть будетъ такъ,—сказалъ Рамесъ,—у кого найдется чаша, тотъ будетъ моимъ рабомъ, остальные же будутъ свободны.

Тогда братья начали сбрасывать мѣшки на землю и развязывать ихъ. Рамесъ сталъ осматривать мѣшки, начавъ съ мѣшка Рувима, потомъ Симеона. Во всѣхъ десяти мѣшкахъ чаши не оказалось. Всѣ вздохнули свободнѣе. Но еще оставался мѣшокъ Веніамина. Рамесъ раскрылъ его... Въ глазахъ у всѣхъ сверкнули какіе-то огни, синіе, зеленые, красные... То были драгоцѣнные камни и алмазы, которыми усыпана была чаша Іосифова... Чаша оказалась въ мѣшкѣ Веніамина.

Можно себѣ представить ужасъ и отчаяніе братьевъ при этомъ несчастномъ открытіи. Невольно глаза всѣхъ обратились на Веніамина. Пораженный болѣе всѣхъ, онъ онѣмѣлъ; только въ глазахъ его выражался ужасъ.

— И это ты! Ты!—всплеснулъ руками Рувимъ.—Ты гордость отца нашего!

Веніаминъ молчалъ. Губы и челюсти его свела конвульсія.

— Говори же, несчастный! Ты укралъ? — съ отчаяніемъ злобы приступилъ къ нему Іуда.

Веніаминъ продолжалъ молчать, конвульсивно шевеля посинѣвшими губами. Этого было достаточно.

— О!—простоналъ Іуда и съ яростью сталъ рвать на себѣ одежду въ клочки; братья послѣдовали его примѣру...

Это была картина такого глубокаго, такого страстнаго отчаянія, что не только у Рамеса, но и у многихъ воиновъ навернулись на глазахъ слезы. Несчастные метались по землѣ, поднимали руки къ небу, рвали на себѣ волосы.

Истерзанные, обезумѣвшіе отъ горя, они снова воротились въ Мемфисъ.

XVI.

Несчастные снова во дворцѣ фараоновъ, въ той «палатѣ Горуса», въ которой еще вчера ихъ принимали съ царскими почестями. Но теперь отъ всего этого величія вѣяло на нихъ ужасомъ смерти, мало того, ужасомъ позора. Какъ страшно смотрѣли на нихъ эти каменные истуканы, эти безжалостные боги Египта! Отъ этихъ расписныхъ стѣнъ, отъ этихъ гигантскихъ колоннъ, отовсюду что-то кричало объ ихъ позорѣ... Позоръ! Позоръ! Позоръ хуже смерти...

Входитъ Іосифъ, окруженный, какъ и вчера, толпою рабовъ. Но на лицѣ его опытный глазъ могъ бы прочесть глубокое страданіе. Только несчастные братья не смѣли уже поднять на него глазъ. Они лежали ницъ, распростертые на гранитныхъ плитахъ.

— Что вы сдѣлали! — прозвучалъ надъ ними голосъ. — Развѣ вы не знаете, что я волхвователь, и нѣтъ другого такого волхвователя на землѣ, какъ я.

Отвѣтомъ на эти слова—молчаніе и тихіе стоны.

— Отвѣчайте!—снова прозвучалъ голосъ, точно это былъ ударъ бича по спинамъ лежавшихъ на полу.

Іуда вздрогнулъ отъ этого удара словомъ и приподнялся отъ полу.

— Что можемъ отвѣчать мы! Чѣмъ оправдаемся? — тихо проговорилъ онъ съ покорностью отчаянія.—Богъ наказалъ насъ, и вотъ мы всѣ рабы твои, и мы, и тотъ, у кого нашлась чаша.

— Нѣтъ!—сказалъ Іосифъ.—Этого не должно быть. Тотъ, у кого нашлась чаша, тотъ останется рабомъ у меня; вы же въ цѣлости возвращайтесь къ отцу своему.

Іуда вскочилъ на ноги: онъ все забылъ, забылъ, что передъ нимъ повелитель всей страны, псомѳомфанихъ страшной земли египетской, онъ помнилъ только отца... Что съ нимъ будетъ.

Онъ сдѣлалъ шагъ впередъ къ этому жестокому псомоомфаниху.

— Великій господинъ!—съ страстностью отчаянія заговорилъ онъ.—Молю тебя, позволь рабу твоему сказать слово предъ тобою, не прогнѣвайся на раба твоего, ты, второй по фараонѣ! Великій господинъ! Ты спрашивалъ тогда насъ, рабовъ твоихъ: есть ли у насъ отецъ или братъ? И мы сказали: есть у насъ отецъ, старецъ, и отрокъ на старость ему, младшій, а другой, старшій, умеръ; этотъ одинъ остался у матери, и отецъ возлюбилъ его больше всѣхъ. Ты же сказалъ тогда намъ, рабамъ своимъ: приведите же ко мнѣ этого младшаго, я хочу видѣть его. А мы отвѣчали тебѣ, великому господину: не можетъ юноша оставить отца своего; а если оставитъ, то старикъ умретъ. Ты же опять сказалъ намъ, рабамъ своимъ: если не придетъ съ вами младшій братъ вашъ, то не увидите лица моего. Когда же мы пришли къ рабу твоему, отцу нашему, и передали ему слова твои, господина нашего, то отецъ сказалъ намъ: идите снова въ Египетъ и опять купите пшеницы. Мы же отвѣчали ему: мы не можемъ итти; но если пойдетъ съ нами младшій братъ, то и мы пойдемъ, ибо не посмѣемъ предстать предъ лицо господина своего безъ брата. Тогда сказалъ намъ рабъ твой, отецъ нашъ: вы знаете, что двоихъ родила мнѣ жена моя, и одинъ изъ нихъ ушелъ отъ меня, а вы сказали мнѣ, что онъ съѣденъ звѣремъ, и я донынѣ не вижу его; если же возьмете отъ меня и этого, и случится съ нимъ въ дорогѣ несчастіе, то этимъ вы сведете старость мою съ печалію во адъ. И вотъ теперь, если мы возвратимся къ рабу твоему и отцу нашему, и не будетъ съ нами брата нашего меньшого, душа же отца связана съ душою этого меньшого, и отецъ увидитъ, что его нѣтъ съ нами, то умретъ, и сведемъ мы, рабы твои, старость раба твоего, отца нашего, съ печалію во адъ. Я же, рабъ твой, взялъ отъ отца отрока этого (Іуда при этомъ указалъ на Веніамина, распростертаго ницъ передъ Іосифомъ вмѣстѣ съ прочими братьями), и сказалъ ему: если не приведу его назадъ и не поставлю предъ тобою, то буду грѣшенъ къ отцу моему по вся дни. Великій господинъ! Возьми меня себѣ въ рабы вмѣсто этого отрока, а онъ пусть возвращается къ отцу съ остальными братьями. Сжалься, великій господинъ! Развѣ я могу возвратиться безъ него къ отцу! Развѣ я въ силахъ буду видѣть его страданія..

Во все продолженіе этого страстнаго лепета, прерываемаго слезами самаго Іуды и глухимъ стономъ десяти другихъ, поверженныхъ ницъ, жалкихъ оборванцевъ, въ клочьяхъ и лохмотьяхъ растерзанной одежды, Іосифъ видимо страдалъ. Часто лицо его подергивалось судоротами, и онъ такъ сжималъ въ складкахъ багряницы свои руки, что слышался даже хрустъ его пальцевъ, а отъ тяжелаго дыханія, порывистаго и судорожнаго, золотая цѣпь его трепетала на груди.

Его вдругъ поразила жгучая мысль, словно острая физическая боль, мысль, отсутствіе которой до настоящаго момента теперь показалось ему преступнымъ. Какъ! Да развѣ это не преступленіе, не жестокое издѣвательство сильнаго надъ слабыми и беззащитными, все то, что онъ все это время продѣлывалъ надъ братьями, правда, безжалостно когда-то поступившими съ нимъ, глубоко виновными передъ нимъ въ прошломъ?.. Развѣ же это не издѣвательство подкинуть имъ свою чашу, и потомъ, неповинныхъ въ этомъ преступленіи, терзать ихъ позоромъ, клеймить клеветой передъ всѣмъ своимъ дворомъ, передъ этою толпою рабовъ, заставлять ихъ униженно ползать у его ногъ? Да; но они виноваты передъ нимъ, они безжалостно продали его когда-то, его, беззащитнаго юношу, и вотъ онъ теперь мститъ имъ. Но эта месть, достойна ли она его высокаго положенія? Не достойна! Не достойна! Онъ можетъ раздавить ихъ, уничтожить... и онъ издѣвается надъ ними!.. А чѣмъ виноватъ этотъ бѣдный юноша, его любимый братъ Веніаминъ, принявшій на свою невинную голову весь позоръ клеветы и обвиненія и теперь валяющійся передъ нимъ въ прахѣ, презираемый этою толпою рабовъ. Какъ же онъ долженъ страдать, этотъ бѣдный юноша! А отецъ, тамъ, гдѣ-то въ Ханаанѣ, трепещущій за своего послѣдняго любимца? Чѣмъ отецъ виноватъ! Къ чему эта безцѣльная жестокость, этотъ постыдный порывъ низкой души!

Іосифъ затрепеталъ всѣмъ тѣломъ. Безмолвно повелительнымъ мановеніемъ руки онъ выслалъ всѣхъ изъ «палаты Горуса», и своихъ приближенныхъ, и рабовъ.

И вдругъ, въ этой обширной царственной палатѣ раздается плачъ, плачъ громкій, раздирающій плачъ, какъ можетъ плакать только женщина.

Въ ужасѣ приподнялись братья... Это рыдалъ Іосифъ!.. Рыданія его разносились по всему дворцу; ихъ слышали всѣ, находившіеся внѣ «палаты Горуса» приближенные, рабы; ихъ слы-

шала стража, стоявшая за внѣшними пилонами дворца... Рыданія эти доносились до слуха фараона....

Что это? Кто такъ рыдаетъ? Это рыдаетъ Іосифъ, великій псомѳомфанихъ земли египетской; это его голосъ... Но безъ его приказа никто не смѣетъ войти къ нему... Трепещущая Асенеоа замерла на мѣстѣ въ просвѣтѣ дверей слѣдующаго покоя... Что съ нимъ?..

— Я Іосифъ!..—съ усиленымъ рыданіемъ, сдавленнымъ голосомъ проговорилъ онъ, протягивая впередъ руки:—Я Іосифъ!

Какъ пораженные молніей, стояли братья... Они ничего не понимали... Они съ боязнью смотрѣли на этого плачущаго владыку Египта.

— Я Іосифъ!.. — съ плачемъ повторялъ онъ.—Скажите, живъ ли отецъ мой?

Братья попрежнему молчали.

— О!—судорожно сжималъ руки Іосифъ.—Я братъ вашъ, котораго вы продали въ Египетъ... Приблизьтесь ко мнѣ. Не бойтесь и не скорбите, что продали меня... Богъ предназначилъ меня для спасенія вашего. Вотъ уже другой годъ на землѣ голодъ и еще продлится пять лѣтъ, не будетъ ни сѣянія, ни жатвы... И вотъ Богъ послалъ меня спасти васъ отъ голода. Не вы послали меня сюда, но Богъ... Онъ же сдѣлалъ изъ меня какъ бы отца фараону, поставилъ меня господиномъ надъ всѣмъ домомъ его и княземъ надъ всею землею египетской... Спѣшите же теперь къ отцу моему и скажите ему: вотъ что говоритъ сынъ твой Іосифъ поставилъ меня Богъ господиномъ надъ всею землею египетской; приходи ко мнѣ, не медли, и поселись въ аравійской части земли египетской, въ Гесемѣ, и будешь близъ меня, и ты, и сыны твои, и сыны сыновъ твоихъ, и овцы твои, и волы твои, и все, что есть у тебя; и я прокормлю тебя, ибо еще пять лѣтъ будетъ голодъ на землѣ, и не погибнешь ни ты, ни дѣти твои, ни всѣ, кто съ тобою...

Говоря это, онъ подошелъ къ братьямъ, которые попрежнему стояли въ глубокомъ изумленіи. Этотъ яркій цвѣтъ багряницы, это золотое ожерелье на шеѣ, этотъ недавно еще властный, теперь плачущій и ласковый голосъ страшнаго псомѳомфаниха всей земли, все это подавляло ихъ, все это казалось сномъ послѣ того, что сейчасъ только происходило.

— Посмотрите на меня,—говорилъ между тѣмъ Іосифъ,—

развѣ глаза ваши не узнаютъ меня? А я давно васъ узналъ, еще тогда, когда вы въ первый разъ приходили въ Египетъ... Идите же къ отцу, возвѣстите ему всю мою славу въ Египтѣ и скажите ему обо всемъ, что вы видите. Спѣшите же, приведите ко мнѣ отца моего... А я...

Дальше онъ не могъ говорить... Онъ обхватилъ руками шею Веніамина, плакалъ и плакалъ!.. Веніаминъ плакалъ вмѣстѣ съ нимъ, застывъ въ его объятіяхъ. Потомъ онъ бросился обнимать другихъ братьевъ. Слезы лились ручьями...

Асенеѳа поняла все...

Давно Мемфисъ не видѣлъ такого торжественнаго шествія, какое отправлялось отъ дворца фараоновъ въ третій день мѣсяца мехира, на 31-мъ году царствованія фараона Апепи.

Вся восточная аллея сфинксовъ, идущая отъ восточныхъ пилоновъ дворца почти до самаго Нила, была запружена блестящими колесницами, около которыхъ суетились толпы рабовъ, оглашая воздухъ на всевозможныхъ языкахъ, извѣстныхъ тогда Египту народностей. Полуголые скороходы расхаживали въ толпѣ, размахивая длинными камышевыми жезлами, знаками ихъ должности. Возничіе, стоя на колесницахъ, сдерживали лошадей, нетерпѣливо ожидавшихъ похода и безпокойно бившихся на мѣстѣ отъ укуса мухъ и оводовъ, несмотря на размахиванье надъ ними опахалъ и на волосяныя бахромы, покрывавшія ихъ грудь и ноги. Многочисленные мацаи съ трудомъ сдерживали толпы египтянъ, напиравшихъ на аллею сфинксовъ.

Въ это время изъ дворца показалось шествіе. Среди пилоновъ, окруженный рабами, показался Іосифъ въ багряницѣ и со всѣми знаками своего высокаго званія. Рабы вѣяли надъ нимъ опахалами. За нимъ, окруженная рабынями, вмѣстѣ съ дѣтьми выступала Асенеѳа, держа одного мальчика правою, другого—лѣвою рукою. И надъ этой группой въ воздухѣ вѣяли опахала.

За Іосифомъ, его женой и дѣтьми слѣдовали царедворцы, Ціамунъ, Сутехмесъ, Путіфаръ и множество другихъ.

— Да здравствуетъ адонъ Іосифъ, псомѳомфанихъ земли египетской, отецъ его святѣйшества фараона и кормилецъ его народа!—послышались громовые возгласы, едва толпа увидѣла своего любимца и спасителя.

Іосифъ первый вступилъ въ царственную колесницу, запря-

женную парою превосходныхъ бѣлыхъ коней, увѣшанныхъ шелковыми бахромами и серебряными бубенчиками. За нимъ вступили въ свои колесницы Асенеѳа съ Манассіею и Ефраимомъ, а за ними и всѣ сановники, каждый въ свою колесницу. Около каждой колесницы находились свои скороходы.

Роскошныя колесницы, дорогое убранство коней, вѣявшія въ воздухѣ опахала, сверкавшее вездѣ золото, блескъ драгоцѣнныхъ камней въ уборѣ Асенеѳы, все это ослѣпляло толпу своимъ великолѣпіемъ.

— Да здравствуетъ адонъ! Да здравствуетъ псомѳомфанихъ великій, кормилецъ Египта! — дрожалъ воздухъ отъ взрывовъ народнаго восторга.

Шествіе двинулось къ Нилу. Это Іосифъ ѣхалъ встрѣчать своего отца Іакова и своихъ братьевъ со всѣмъ племенемъ Израиля.

— Мы скоро увидимъ дѣдушку! — радостно болтали Манассія и Ефраимъ.

Скоро торжественное шествіе, сопровождаемое толпами египтянъ, переѣхало на плавучихъ платформахъ черезъ Нилъ, на томъ берегу котораго шла вѣчная работа, нагрузка на плоты гранитныхъ плитъ, предназначавшихся для возведенія въ Мемфисѣ и въ «городѣ мертвыхъ» храмовъ, пирамидъ и обелисковъ. Черные арабы, производившіе погрузку камня, тянули со стономъ свою нескончаемую пѣсню:

Слава тебѣ, фараону Апепи, сыну Аммона-Ра!
Слава тебѣ, солнцу, незаходящему день и ночь!
Слава адону Іосифу, кормильцу земли и фараоновъ!

Іосифъ, услыхавъ заунывное пѣніе черныхъ невольниковъ, остановился и велѣлъ позвать къ себѣ начальника мацаевъ.

— Поди и объяви невольникамъ,—сказалъ онъ главѣ мемфисской полиціи,—что адонъ Іосифъ освобождаетъ ихъ отъ работы на три дня. Скажи имъ, чтобъ они шли къ моему двору, и пусть мой домоправитель Рамесъ заколетъ для нихъ достаточно отъ стадъ дома моего и угоститъ ихъ обильною трапезою и виномъ, во здравіе моего отца, великаго старца Іакова.

Шествіе двинулось дальше при радостныхъ возгласахъ осчастливленныхъ невольниковъ и продолжало походъ по пути, ведущему въ Идумею и Ханаанъ. Стукъ колесницъ по камени-

стымъ возвышенностямъ Мокаттама, ржаніе коней, звонъ бубенчиковъ, щелканье въ воздухѣ бичей возницъ все это далеко разносилось по пути торжественнаго шествія. Но едва Нилъ, Мемфисъ и его храмы и дворцы скрылись за холмами Мокаттама и виднѣлись еще на западномъ горизонтѣ синеватыя массы великихъ пирамидъ Хеопса-Хуфу и Хефрена-Хафра, какъ впереди показался караванъ верблюдовъ. Завидѣвъ его нѣсколько скороходовъ, размахивая въ воздухѣ своими тростниковыми жезлами, бросились впередъ, чтобы удалить съ пути шествія торжественнаго кортежа встрѣчный караванъ невѣдомыхъ измаильтянъ.

Караванъ отошелъ въ сторону и остановился. Вожаки его также почтительно выстроились каждый около своего верблюда. Съ передоваго изъ нихъ сошелъ на землю, повидимому, начальникъ каравана, красивый среднихъ лѣтъ мужчина съ пантеровой богатой шкурой на плечахъ и съ золотыми кольцами и запястьями на рукахъ. Копье его и щитъ сверкали золотой отдѣлкой.

Когда колесница Іосифа поравнялась съ этимъ представительнымъ измаильтяниномъ, и глаза Іосифа и измаильтянина встрѣтились, Іосифъ вздрогнулъ.

— Останови коней,—тихо сказалъ онъ своему возницѣ.

Колесница Іосифа остановилась. Пріостановилось и все шествіе.

— Миръ тебѣ, благородный Баалъ-Мохаръ!—проговорилъ Іосифъ измаильтянину.

Тотъ, видимо пораженный словами знатнаго египтянина, котораго онъ принялъ за самого фараона, молчалъ, почтительно приложивъ руку къ сердцу и припавъ на одно колѣно.

— Подойди ко мнѣ, благородный Баалъ-Мохаръ!—снова проговорилъ Іосифъ.—Не бойся, подходи.

Измаильтянинъ нерѣшительно приблизился къ колесницѣ Іосифа.

— Не узнаешь меня, благородный Баалъ-Мохаръ?—ласково спросилъ послѣдній.

— Прости меня, великій фараонъ,—робко отвѣчалъ измаильтянинъ, снова припадая на одно колѣно,—глаза мои въ первый разъ видятъ пресвѣтлое солнце Египта, сына Аммона-Ра.

— Я не фараонъ,—улыбнулся Іосифъ.—А не припомнишь ли ты, благородный Баалъ-Мохаръ какъ ровно двадцать пять

лѣтъ тому назадъ, проходя со своимъ караваномъ изъ своей земли въ землю египетскую, ты и твой старый караванo-вожатый Бенъ-Гури, въ предѣлахъ Ханаана, въ поляхъ Дооаима, купили у ханаейскихъ пастуховъ отрока Іосифа и, отведя его въ землю египетскую, продали евнуху фараонову, архимагиру Путиоару? Не припомнишь?

— Помню, великій господинъ,—отвѣчалъ измаильтянинъ.

— Я—тотъ бывшій отрокъ Іосифъ проданный вами Путиоару,—сказалъ Іосифъ.

Изумленіе и испугъ выразились въ бронзовомъ лицѣ измаильтянина. Онъ робко поднялъ глаза, и глаза его встрѣтились съ глазами Іосифа. Онъ узналъ эти глаза, ясные, какъ у младенца, и неотразимые, какъ у льва: такихъ удивительныхъ глазъ онъ не видалъ ни въ одной изъ странъ, по которымъ онъ скитался со своими караванами, ни въ Финикіи, ни въ Ханаанѣ, ни въ Идумеѣ и Мадіамѣ, ни во всей землѣ египетской... Это его глаза—глаза того отрока, котораго они когда-то купили за двадцать злотницъ въ Дооаимѣ и потомъ продали въ Египтѣ.

— О, Баалъ! О, боги Мадіама!—И измаильтянинъ упалъ ницъ передъ колесницей Іосифа.

— Встань, благородный Баалъ-Мохаръ!—сказалъ послѣдній.—Твоей вины нѣтъ передо мною... Судьбою моею руководила десница Предвѣчнаго, Бога отцовъ моихъ, для спасенія народа израильскаго. Встань и иди путемъ своимъ.

Измаильтянинъ всталъ на ноги и перенесъ свой изумленный взоръ на сопровождавшее Іосифа величественное шествіе царскаго поѣзда... И это тотъ кроткій отрокъ, которому онъ изъ милости позволялъ иногда, въ продолженіе утомительнаго пути въ пустынѣ, садиться для отдохновенія на одного изъ верблюдовъ своего каравана! Это онъ, у котораго ноги покрыты были ранами отъ знойныхъ, раскаленныхъ песковъ Идумеи.

— О, боги Мадіама!—снова вырвалось у него.

— Ты и теперь везешь въ Египетъ на продажу оиміамъ, ритину и стакти?—спросилъ Іосифъ.

— Да, великій господинъ: это богатства Мадіама, земли моей.

— Такъ свези ихъ въ Мемфисъ, ко двору его святѣйшества, фараона, и вели домоправителю мосму Рамесу принять твой товаръ по цѣнѣ его стоимости... Богъ да благословитъ всѣ

пути твои,—сказалъ Іосифъ и подалъ знакъ шествію двинуться далѣе.

Баалъ-Мохаръ долго смотрѣлъ во слѣдъ этому невидимому шествію...

— Страна чудесъ! Страна чудесъ!—тихо повторялъ онъ, какъ очарованный, пока шествіе не скрылось изъ виду.

Шествіе Іосифа направлялось далѣе на востокъ.

— А я думалъ, что это дѣдушка,—сказалъ юный Ефраимъ, оглядываясь на исчезавшій за горизонтомъ караванъ измаильтянъ.

— Что ты! Какой дѣдушка!—снисходительно пожалъ плечами Манассія.—Поѣдетъ дѣдушка на верблюдѣ!

— А на чемъ же?—спросилъ Ефраимъ.

— Развѣ ты не слыхалъ, что фараонъ приказалъ выслать за дѣдушкой и за всѣми его сыновьями, и за внуками и правнуками лучшія колесницы изъ своего дома, и лучшихъ коней, и лучшихъ возницъ,—отвѣчалъ Манассія.—Нашъ дѣдушка въ своей землѣ такой же царь, какъ и фараонъ. Поѣдетъ онъ на верблюдѣ!

Скоро на восточномъ горизонтѣ стали обозначаться какія-то тѣни. Сначала очертанія были не ясны, но мало-по-малу изъ неопредѣленной массы стали вырисовываться группы колесницъ и лошадей.

Далѣе обозначались группы вьючнаго скота, стада овецъ и рогатаго скота.

Іосифъ весь превратился въ зрѣніе; но навертывавшіяся на глаза слезы мѣшали ему хорошо видѣть.

Однако, передовая колесница встрѣчнаго шествія вырисовывалась все отчетливѣе и отчетливѣе. Несомнѣнно, это было то, что ожидалось съ такимъ жгучимъ нетерпѣніемъ. Скороходы бросились было впередъ, но Іосифъ остановилъ ихъ.

— Тотъ, кто слѣдуетъ навстрѣчу намъ, для меня равенъ фараону, и не ему поступиться передо мною путемъ,—сказалъ онъ окружающимъ.

Скоро на передней колесницѣ встрѣчнаго шествія явственно обозначилась величественная фигура старца. Бѣлая, какъ снѣгъ, борода двумя волнистыми каскадами спускалась ниже пояса...

— Смотрите, дѣти, вонъ дѣдушка,—тихо сказала Асенеѳа.

— А развѣ онъ богъ?—спросилъ наивный Ефраимъ.

— Какъ богъ? Почему?—удивилась Асенеѳа.

— Онъ не похожъ на человѣка, онъ больше.

— Онъ, должно быть, прямо съ неба,—замѣтилъ Манассія.

— Какъ съ неба?—спросилъ Ефраимъ.

— А какъ же! Развѣ ты не помнишь? Отецъ говорилъ намъ, что дѣдушка боролся съ самимъ Богомъ цѣлую ночь, и только къ утру Богъ поборолъ дѣдушку, вывихнулъ ему ногу, и съ тѣхъ поръ дѣдушка хромаетъ, помнишь?—сказалъ Манассія.

— Помню, помню! Значитъ, дѣдушка сильнѣе всѣхъ египетскихъ боговъ, и Пта, и Аммона-Ра, и Горуса, и Аписа? — говорилъ Ефраимъ.

— Полно вамъ, дѣти,—остановила ихъ Асенеѳа. — Вотъ отецъ встаетъ съ колесницы.

Дѣйствительно, колесница Іосифа остановилась. Остановилось и все шествіе. Іосифъ быстро вышелъ изъ своей колесницы и поспѣшилъ навстрѣчу къ отцу, котораго Рувимъ и Симеонъ тоже высаживали изъ колесницы.

Величественный старецъ, прихрамывая на одну ногу, приближался къ сыну, котораго давно оплакивалъ, считая погибшимъ, и котораго теперь видѣлъ во всемъ блескѣ земного величія. Величавое лицо старика дышало умиленіемъ и счастьемъ... Онъ глянулъ на сына, на его царственную багряницу, и возвелъ глаза къ небу... «О, Адонай Господь!..»

Іосифъ бросился ему на шею «и плакася плачемъ великимъ», какъ говоритъ «Книга Бытія».

PG
3467
M8
1914
kn.28-32

Mordovtsev, Daniil Lukich
Polnoe sobranie istoricheskikh romanov

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY